

Innokentii, Mitropolit Moskovskii i Kolomenskii, po ego ...

Ivan Barsukov

ИННОКЕНТІЙ

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ

ПО ЕГО СОЧИНЕНІЯМЪ, ПИСЬМАМЪ И РАЗСКАЗАМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Ѿ Гда исправлѧ́ютсѧ стопы̀ мꙋ́жꙋ:
сме́ртный же ка́кѡ оуразꙋмѣ́етъ
пꙋтѝ своѧ̀;

При́тч. Солом. к҃: кд҃.

Ивана Барсукова.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи.
1883.

ИННОКЕНТІЙ

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ

ПО ЕГО СОЧИНЕНІЯМЪ, ПИСЬМАМЪ И РАЗСКАЗАМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Ѿ Гд҃а исправлѧ́ютсѧ стопы̀ мꙋ́жꙋ: смє́ртный же ка́кѡ оуразꙋмѣ́етъ пꙋти̑ своѧ̑;

Притч. Солом. к҃, кд҃.

Ивана Барсукова.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи.
1883.

ИННОКЕНТІЙ

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ

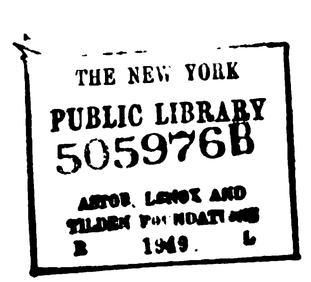
ПО ЕГО СОЧИНЕНІЯМЪ, ПИСЬМАМЪ И РАЗСКАЗАМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Ѿ Гд҃а исправлѧ́ютсѧ стопы̀ мꙋ́жꙋ: смє́ртный же ка́кѡ оуразꙋмѣ́етъ пꙋти̑ своѧ̀;

Прит. Солом. к҃: кд҃.

Ивана Барсукова.

МОСКВА.
Въ Сvнодальной Типографіи.
1883.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Московская Духовная Академія. 5 мая 1883 года.

Цензоръ протоіерей Михаилъ Боголюбскій.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

БОРИСУ СЕРГѢЕВИЧУ

ШЕРЕМЕТЕВУ,

ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ О ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИННОКЕНТІИ,

посвящаетъ трудъ свой

Иванъ Барсуковъ.

Фот. Гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Иннокентій М. Московскій

[illegible]

«Ученикъ отдаленнѣйшаго времени, отдаленнѣйшаго края и еще болѣе въ отдаленной странѣ проведшій болѣе половины своей жизни», Высокопреосвященный Иннокентій въ сонмѣ нашихъ православныхъ Архіереевъ, древнихъ и новыхъ, величественно обрисовывается отличительными, ему только свойственными, самобытными чертами. Выросшій и подвизавшійся до семидесяти лѣтъ среди природы безъискуственной, простой и среди такихъ-же простыхъ дѣтей природы, онъ и самъ былъ простъ и доступенъ, ласковъ и привѣтливъ, прямъ и безпристрастенъ, не любилъ ни въ чемъ искуственной нарядности, не любилъ выставлять на показъ ни свои знанія, ни заслуги, а всегда держалъ себя просто и смиренно. Сильный природный умъ свой онъ обогатилъ такими обширными и многосторонними познаніями, какими немногіе обладали. Сердце его было чуждо зависти и лукавства, честолюбія и самомнѣнія, жадности

къ богатству и роскоши. Съ самаго младенчества поставленный въ борьбу съ суровой природой и людьми, съ нуждами и лишеніями, онъ пріучилъ себя къ терпѣнію и труду, къ мужеству и стойкости, къ самообладанію и находчивости, къ воздержанію и довольству малымъ, къ безпрекословной покорности святой волѣ Божіей во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

По природѣ хорошо сложенный, высокій и статный, онъ былъ тѣломъ и духомъ могучъ и крѣпокъ. Онъ бодро устоялъ противъ всѣхъ тяжкихъ невзгодъ житейскихъ и дожилъ до глубокой старости, не видя болѣзненной дряхлости, до послѣднихъ минутъ сохранивъ ясность ума и благодушіе. Такою примѣрною простотою, воздержаніемъ и кротостію, терпѣніемъ и твердостію, здравымъ умомъ и многоопытностію, своей покорностію промышляющему о всѣхъ насъ Богу, Преосвященный Иннокентій былъ достойнымъ преемникомъ Московскихъ молитвенниковъ и святителей.

Имя его сдѣлалось славнымъ и почтеннымъ какъ у насъ, такъ и въ чужихъ краяхъ. Не только всякій Русскій, ревнующій о чести и славѣ своего отечества, но и всякій образованный человѣкъ, Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ, Американецъ, кто только уважаетъ науку и человѣчество, почтительно преклоняется предъ величавою личностію нашего Камчатскаго и Алеутскаго апостола.

Вотъ уже четыре года, какъ въ Бозѣ почилъ этотъ подвижникъ Вѣры Христовой, и намъ кажется, что приспѣло время сдѣлать обозрѣніе его жизни и трудовъ. Мы, насколько могли и умѣли, собрали разбросанныя о немъ свѣдѣнія въ одну книгу, которая да облегчитъ трудъ будущаго біографа.

Благодѣтельному содѣйствію Преосвященнаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода Константина Петровича Побѣдоносцева я обязанъ, что многолѣтній трудъ мой увидѣлъ свѣтъ Божій.

Считаю также долгомъ принести мою глубочайшую благодарность Преосвященному Алексію, епископу Дмитровскому, отцу намѣстнику Свято-Троицкія Сергіевой Лавры архимандриту Леониду, Е. И. Веніаминовой и ея дѣтямъ, баронессѣ Е. С. Делеръ (рожденной Шереметевой), З. С. Свербеевой (рожденной княжнѣ Трубецкой), князю П. П. Вяземскому и Н. П. Барсукову за сообщеніе мнѣ драгоцѣнныхъ матеріаловъ.

Благоговѣніе и любовь къ памяти святителя воодушевляли меня въ трудѣ моемъ. Сознавая недостатки представляемой на судъ соотечественниковъ книги моей, повторю слова Епифанія Премудраго, древняго жизнеописателя св. Стефана Пермскаго: «Азъ, худый, недостойный, убогій..... желаніемъ обдержимъ есмь и любовію подвизаемъ,

хотѣлъ быхъ написати.... на воспоминаніе, купно же и памяти ради, отъ добраго и чюднаго житія святителя нашего... Сія же убо снискахъ, и здѣ и ондѣ собравъ, предположихъ яже о житіи его ова слухомъ услышахъ, ова же отъ ученикъ его увѣдахъ....есть же и другое, яко и своима очима видѣхъ, иное же и съ самѣмъ бесѣдовахъ многажды, и отъ того навыкъ, и прочая елико вопрошахъ отъ старыхъ мужъ, якоже рече Святое Писаніе: «Попроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ». Но молю вы, боголюбци, дадите ми простыню, молитуйте о мнѣ: азъ бо есмь умомъ грубъ, и словомъ невѣжа, худъ имѣя разумъ. Не бывавшю ми во Афинѣхъ отъ юности, и не поучихся у философовъ ни ихъ плетенія риторьска, ни вѣтискихъ глаголъ, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не стяжахъ... и испроста— отъинудь весь недоумѣнія наполнихся».

Иванъ Барсуковъ.

14 Августа 1883 года.
Москва.

I

«Ѿ Го́спода сто́пы человѣ́ку исправля́ютсѧ».
(Ѱал. л҃ѕ, к҃г).

26 августа 1797 года, въ селѣ Ангинскомъ, Иркутской епархіи, у пономаря церкви св. Иліи Пророка, Евсевія Попова родился сынъ Іоаннъ. Воспріемникомъ его былъ крестьянинъ Савва Чувашевъ, а воспріемницею жена казака Тюрюкова, Устинья Яковлева. Четырехъ лѣтъ на пятомъ, мальчикъ учился уже грамотѣ у больнаго отца своего, который въ августѣ 1803 года, какъ значится въ метрической книгѣ, «исповѣдавъ своя согрѣшенія, и Св. Таинъ пріобщенъ, и елеемъ освященъ, помре 40 лѣтъ».

Мать, съ четырьмя дѣтьми, осталась въ безпомощномъ положеніи. Дядя сиротъ, діаконъ Димитрій Поповъ, чтобы помочь осиротѣвшей, бѣдствующей семьѣ, взялъ мальчика Ивана къ себѣ и продолжалъ учить его грамотѣ по часослову и псалтири, уча и письму. Мальчикъ учился такъ успѣшно, что онъ еще семилѣтнимъ ребенкомъ читалъ въ своей церкви, въ праздникъ Рождества Христова, за литургіею, Апостолъ, и своимъ толковымъ чтеніемъ доставлялъ утѣшеніе прихожанамъ церкви св. Иліи пророка; но невзрачно было одѣяніе чтеца:— крестьянскій зипунъ и чарки. Мать, ободренная успѣхами сына, пыталась опредѣлить бойкаго грамотѣя, еще до поступленія его въ семинарію, на мѣсто отца пономаремъ, чтобы имѣть въ немъ подпору себѣ и остальнымъ дѣтямъ; но попытки остались напрасны. Въ 1806

году, девятилѣтній Иванъ Поповъ былъ привезенъ въ г. Иркутскъ и опредѣленъ въ тамошнюю семинарію, на тогдашнее убогое казенное содержаніе. Къ счастію, дядя его, діаконъ, у котораго онъ воспитывался въ селѣ,—по вдовствѣ, жилъ тоже въ Иркутскѣ, въ архіерейскомъ домѣ, въ званіи крестоваго іеромонаха Давида. Онъ и здѣсь не оставлялъ сироту-племянника своего любовію и заботливостію. Между прочимъ, какъ часовой мастеръ и механикъ-самоучка, Давидъ возбудилъ и въ племянникѣ любовь къ механическимъ издѣліямъ. Года черезъ два или три послѣ этого опредѣленія, мать повторила попытку сдѣлать сына своего, семинариста Ивана Попова, пономаремъ на отцовское мѣсто, но опять напрасно. «И это», какъ говаривалъ Иванъ Поповъ много лѣтъ спустя, будучи уже знаменитымъ іерархомъ,—«конечно, потому, что мнѣ суждено служить не на мѣстѣ моей родины, а въ Америкѣ».

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о городѣ Иркутскѣ и о тогдашнемъ состояніи Иркутской семинаріи, чтобы читатели могли видѣть ту обстановку, въ которой воспитывался юноша Поповъ.

Иркутскъ, самый красивый городъ во всей Сибири, расположенъ на правомъ берегу величественной рѣки Ангары, которая такъ быстра, что жестокіе морозы, свойственные тамошнему климату, покрываютъ ее исковерканнымъ льдомъ не ранѣе января мѣсяца; а бываютъ годы, что во всю зиму переправляются черезъ Ангару на плашкоутахъ. Улицы Иркутска чисты и правильны. Мѣстность ровная, сухая и плодородная. По развитію частной заводской и фабричной промышленности, онъ занимаетъ первое мѣсто въ Сибири. На лѣвомъ берегу Ангары, въ пяти верстахъ отъ Иркутска, на замѣтномъ возвышеніи,—какъ бы смотритъ на городъ,—красуется Вознесенскій монастырь съ своими золотыми крестами и главами. Въ немъ открыто почиваетъ, въ нетлѣніи, благоухая, прославленный чудотвореніями, Святитель Иннокентій, въ великолѣпной серебряной ракѣ.

Открытіе мощей св. Иннокентія совершилось въ царствованіе Императора Павла. Сенаторы Ржевскій и Левашовъ, ревизовавшіе Иркутскую губернію, донесли государю о нетлѣнныхъ мощахъ и чудесахъ Святителя. Въ 1800 году, Св. Сунодомъ предписано было духовнымъ лицамъ повѣрить на мѣстѣ донесеніе сенаторовъ. Строгое слѣдствіе вполнѣ оправдало всѣ извѣстія ихъ. Затѣмъ предписано (въ

1804 г.) праздновать во всей Россіи память Святителя Иннокентія 26 ноября *(Источ. Русск. Агіограф. Н. Барсукова, стр. 223).*

Вѣра Сибиряковъ въ чудотворную силу Святителя такъ велика, что они убѣждены,—если при проѣздѣ мимо монастыря не отслужить молебна преподобному чудотворцу, то на пути непремѣнно случится какое нибудь несчастіе.

Иркутская же Духовная семинарія, гдѣ воспитывался Иванъ Поповъ, возникла изъ Славяно-Русской школы, основанной въ 1728 году въ Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ св. Иннокентіемъ, первымъ Иркутскимъ епископомъ, при бывшей тамъ Монгольской школѣ. Преемникъ св. Иннокентія І-го, епископъ Иннокентій II Неруновичъ, продолжалъ усовершенствованіе этой школы на основаніи, положенномъ угодникомъ Божіимъ. Этотъ трудолюбивѣйшій и ревностнѣйшій архипастырь много сдѣлалъ для процвѣтанія школы. Такъ напримѣръ, избѣгая городской суеты, онъ и самъ поселился въ Жилкинской заимкѣ, недалеко отъ монастыря, и туда перевелъ училище. Въ домѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ помѣщалась школа, онъ устроилъ храмъ во имя св. Іустина Философа, чтобы самымъ названіемъ храма показать, что учащіеся должны искать истинной премудрости, которая только лишь отъ Бога. Въ этой школѣ, кромѣ Монгольскаго и Русскаго, преподавался и Латинскій языкъ. Учениковъ въ школѣ было до 60-ти, и уже тогда она носила названіе семинаріи. Со смертію Преосвященнаго, Латинскій языкъ въ школѣ отмѣненъ, и при его преемникѣ, епископѣ Софроніѣ, не возобновленъ; а поддерживалась только, заведенная св. Иннокентіемъ, Руско-Славянская школа, будучи переведена изъ Жилкинской заимки въ Архіерейскій домъ. Съ увеличеніемъ же народонаселенія и умноженіемъ церквей, этой школы недостаточно было для приготовленія образованныхъ священно-и церковнослужителей для здѣшней епархіи. Необходимо было завести семинарію, по образцу Тобольской и другихъ епархій. Устроеніе таковой досталось преемнику благочестиваго святителя Софронія, Михаилу І-му Митковичу. Въ 1779 г. полученъ былъ указъ Св. Сгнода объ открытіи въ Иркутскѣ семинаріи и ассигнованіи на ея содержаніе 2000 р. Нашли удобнымъ построить семинарію въ Иркутскѣ, на восточной сторонѣ отъ ограды Архіерейскаго дома. Стройка семинарскаго корпуса шла такъ успѣшно, что въ мартѣ 1780 года, семинарія была уже открыта; въ нее были переведены ученики изъ

Русско-Славянской школы, и тогда же началось преподаваніе Латинскаго языка самимъ Преосвященнымъ. Въ то же время, отъ Св. Сунода было предписано заботиться и о преподаваніи Греческаго языка *(Иркутск. Епарх. Вѣд. № 23, 1873 г. и, № 42, 43. 1879 г.).*

До 1800 года, особыхъ ректоровъ не было, а непосредственно управляли семинаріею сами преосвященные, сперва Михаилъ Митневичъ, а послѣ его смерти—Веніаминъ, при которомъ, впослѣдствіи, стали уже назначаться особые ректоры.

Классовъ въ семинаріи было восемь; учебники были слѣдующіе: Богословіе преподавалось по учебнику Сильвестра, ректора Казанской Академіи, составленному по системѣ Ѳеофана Прокоповича; Философія—по учебнику Баумейстера, послѣдователя философіи Вольфа; Риторика—по Бургію, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ статей изъ Лежая и русскихъ примѣровъ изъ Ломоносова. Вмѣсто нынѣшнихъ экзаменовъ, тогда въ семинаріяхъ были въ обычаѣ ежемѣсячныя, такъ называемыя, собранія. Собиралось училищное начальство: ученики всѣхъ классовъ фары, информаторіи, грамматики, синтаксиса, поэзіи, риторики, философіи и богословія, дрожали отъ страха, потому что у порога съ пучкомъ лозъ стоялъ larva (харя, личина),—такъ называли ученики одного жестокаго и вмѣстѣ безобразнаго экзекутора съ кухни. Предметомъ испытаній были и успѣхи, и поведеніе. Строже всего взыскивали за опозданіе къ праздничнымъ богослуженіямъ, даже къ утренямъ въ 4 часа по полуночи, отъ хожденія къ которымъ въ каѳедральный соборъ не избавлялись ученики и въ 40° мороза, хотя бы кто изъ нихъ жилъ и у Іерусалимской горы. Иногда за малоуспѣшность прощали, въ надеждѣ исправленія, но никогда—за неблагочинное стояніе въ церкви. За этимъ строго блюли сеніоры (старшіе). Пища въ семинаріи была крайне скудная. Воспоминая свою школьную жизнь, Иванъ Поповъ говаривалъ впослѣдствіи: «учился я хорошо, но чистаго ржанаго хлѣба (безъ мякины), до выхода изъ семинаріи, не пробовалъ». Также неудовлетворительно шло и образованіе. Классы помѣщались въ тѣхъ же комнатахъ, въ которыхъ жили, ѣли и спали воспитанники. До преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, не было въ Иркутской семинаріи даже порядочнаго распредѣленія оканчивающихъ курсъ ученія. Епархія же крайне нуждалась въ священно-и церковнослужителяхъ. Пользуясь этимъ, одни шли

въ дьячки и пономари къ сельскимъ церквамъ, на свободу; другіе занимали причетническія мѣста въ самомъ городѣ, съ условіемъ доучиться, а третьи, въ продолженіе ученія, даже вступали въ браки и получали въ городѣ діаконскія и священническія мѣста, подъ тѣмъ же условіемъ—слушать въ семинаріи уроки до окончанія курса. И не въ диковину тогда было видѣть въ Богословскомъ классѣ учениковъ въ рясѣ. Тогдашніе семинаристы не прочь были выпить и табачку понюхать; только о табакокуреніи не было еще помина.

Въ этой-то семинаріи пришлось прожить мальчику-сиротѣ Ивану Попову слишкомъ 11 лѣтъ; и здѣсь-то раннее сиротство и отсутствіе семейной обстановки отразились на его характерѣ. Въ семинаріи онъ былъ крайне необщителенъ съ своими товарищами и не только не раздѣлялъ ихъ игръ, но и мало вступалъ съ ними въ разговоръ. За свою отчужденность, онъ долго подвергался насмѣшкамъ и оскорбленіямъ своихъ товарищей, пока, своими дарованіями и дѣятельностію, не привлекъ ихъ къ себѣ. Рослый, полный, молчаливый, строго задумчивый, въ толстой казенной рубашкѣ, безъ галстука и жилета, часто даже съ открытою широкою грудью, въ неподпоясанномъ казенномъ халатѣ, Иванъ Поповъ рѣзко выдѣлялся отъ своихъ сверстниковъ и невольно обращалъ на себя особое вниманіе *(Ирк. Епар. Вѣд. 1879 г. № 23)*. При томъ онъ и учился отлично. Послѣ каждаго обычнаго ежемѣсячнаго собранія, или, выражаясь нынѣшнимъ, языкомъ, Училищнаго Совѣта, у него всегда стояла отмѣтка: eleganter, egregie, eximie (т. е. прекрасно, превосходно, отлично).

Въ 1814 году, между временемъ кончины епископа Веніамина и назначеніемъ новаго епископа, прибылъ въ Иркутскую семинарію новый ректоръ изъ Москвы, архимандритъ Павелъ Некрасовъ (на мѣсто Аполлюса), человѣкъ умный и образованный и чрезвычайно обходительный. Тогдашній Иркутскій губернаторъ, Николай Ивановичъ Трескинъ, не замедлилъ познакомиться съ пріѣзжимъ, и скоро сталъ съ нимъ на дружескую ногу. Между разговорами о состояніи Иркутской семинаріи, ректоръ высказалъ губернатору, что на содержаніе ея получается самая ничтожная сумма, да и тою распорядиться некому, потому что нѣтъ толковитаго эконома. «Если угодно, сказалъ губернаторъ, то я дамъ въ распоряженіе ваше молодаго, дѣятельнаго, смѣтливаго казака, Полуэктова, который, надѣюсь, управитъ семинарскою эконо-

міею къ удовольствію вашему и воспитанниковъ».—Ректоръ охотно принялъ такое предложеніе, и въ семинаріи появился человѣкъ по распорядительно-хозяйственной части, въ казачьемъ мундирѣ. Въ помощь ему и для письмоводства приданъ былъ одинъ изъ лучшихъ и благонравныхъ учениковъ семинаріи: это былъ опять тотъ-же Иванъ Поповъ—Ангинскій. И тотчасъ почувствовали воспитанники благотворное вліяніе новыхъ хозяевъ не на одну матеріальную, но и на нравственную сторону *(Домашн. Бесѣда 1876 г., стат. П. Громова).*

Прибавка къ Попову «Ангинскій», отъ мѣста родины, сдѣлана въ отличіе отъ другихъ Ивановъ Поповыхъ, скопившихся въ семинаріи, которыхъ въ свою очередь различали также прибавленіемъ къ родовымъ фамиліямъ еще прозвищъ, отъ ихъ родинъ: такъ напр. Ангинскаго, Тункинскаго, Тайтурскаго и проч.,—кто откуда прибылъ. Новый же ректоръ Павелъ, чтобы еще болѣе устранить сбивчивость въ училищныхъ спискахъ отъ подобной соименности и софамильности, а частію за признаніемъ нѣкоторыхъ прозваній неблагозвучными, напр: Рассохинъ, Чирцевъ, Плясхинъ,—счелъ нужнымъ перемѣнить фамиліи почти всѣмъ ученикамъ, показавъ въ этой перемѣнѣ замѣчательную свою находчивость. Въ основу новаго нареченія были приняты: благообразіе, отъ котораго получили прозваніе Благовидовы, Малинины, даже Архангельскіе; осанка и стройность,—отсюда Лавровы; по душевнымъ качествамъ названы были Тихомировы, Миротворцевы. Одинъ изъ учениковъ, къ несчастію, любилъ выпить, да не прочь былъ и отъ лакомства. Ему дана фамилія Дулькамарова (dulcis-amarus сладко-горькій), а ранѣе писался онъ Иванъ Поповъ Тункинскій.

Но не тотъ разсчетъ палъ на долю Ивана Попова—Ангинскаго. Величественная наружность въ то время скончавшагося (8 іюля 1814 г.) епископа Иркутскаго Веніамина, его просвѣщенный умъ, величавость и важность въ пріемахъ, были въ свѣжей памяти Иркутска, о чемъ не могъ не наслышаться новый ректоръ. И не нашелъ онъ въ семинаріи воспитанника, въ фамиліи котораго можно было бы прилично сохранить имя покойнаго преосвященнаго, кромѣ Ивана Попова—Ангинскаго. Сей послѣдній отнынѣ сталъ Иванъ Веніаминовъ.

Иванъ Веніаминовъ былъ очень дѣятельнымъ юношею: онъ часа не

могъ просидѣть праздно, постепенно выработывая изъ себя усидчиваго труженика, относящагося ко всякому дѣлу настойчиво, съ разсудительностію, съ точностію и тщательностію исполненія, чему конечно онъ былъ обязанъ первоначальному своему воспитанію, подъ руководствомъ своего дяди-механика, что и отразилось въ это время на воспріимчивой натурѣ его, также страстью къ механическимъ занятіямъ. Такъ напримѣръ, когда преосвященный Михаилъ II задумалъ устроить на колокольнѣ городскіе часы, былъ приглашенъ часовой мастеръ изъ поселенцевъ, именемъ Климъ, которому дано было помѣщеніе въ каменной палатѣ, у воротъ архіерейскаго дома. Владыка сталъ замѣчать, что Клима часто посѣщаетъ одинъ изъ семинаристовъ, и поставилъ это на видъ семинарскому начальству, подозрѣвая въ посѣтителѣ лѣнтяя, уклоняющагося отъ ученія. По справкѣ же оказалось, что это былъ Иванъ Веніаминовъ, одинъ изъ лучшихъ и прилежныхъ учениковъ. Преосвященный не препятствовалъ ему посѣщать Клима; Климъ же былъ очень доволенъ имѣть у себя подъ рукою даровитаго помощника и давалъ ему выпиливать шестерни и колеса,—что знакомило его съ часовымъ мастерствомъ и удовлетворяло его любознательность, такъ что впослѣдствіи эти занятія принесли ему много пользы, какъ въ семинарской жизни, такъ особливо по выходѣ изъ семинаріи, въ житейскомъ быту *(Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 23)*.

Время между классами и посѣщеніемъ Клима, Веніаминовъ пополнялъ чтеніемъ книгъ, что также было однимъ изъ любимѣйшихъ его занятій, и читалъ онъ очень много. Семинарская библіотека въ то время только-что обогатилась книгами покойнаго преосвященнаго Веніамина. И вотъ, въ библіотекѣ, ему случайно попадается многотомное сочиненіе, подъ названіемъ: «Тайны (открытыя) древнихъ магиковъ и чародѣевъ, или волшебныя силы натуры, въ пользу и увеселеніе употребленныя. Соч. Берлинскимъ профессоромъ г. Галле, перев. съ нѣмецкаго Василія Левшина; 9 ч. съ фигур. М. 1798—1804 г. въ 8°». Веніаминовъ съ жадностію вычитываетъ все въ книгѣ: и о фокусахъ Пинетти, и о способѣ узнавать, посредствомъ опущеннаго на волоскѣ въ стаканъ кольца, который часъ, и пр. и пр. Подобное чтеніе возбудило въ немъ еще болѣе страсть къ механическимъ занятіямъ и кончилось тѣмъ, что въ одной изъ жилыхъ комнатъ семинаріи, за печкою, появились водяные

часы. Станокъ и колеса сдѣланы были имъ посредствомъ ножа и шила, выброшенныхъ изъ кухни, циферблятъ изъ четвертки бумаги, стрѣлка изъ лучинки; за неимѣніемъ лучшей посудины, вода налита была въ берестяный буракъ и капала на привѣшенную подъ дномъ бурака жестяную дощечку, производя нѣчто похожее на стукъ маятника; черезъ каждый часъ ударялъ колокольчикъ по одному разу, что чрезвычайно занимало его товарищей, такъ какъ многимъ въ то время въ Иркутскѣ не доводилось видѣть никакихъ часовъ, по рѣдкости ихъ. Затѣмъ вторымъ изобрѣтеніемъ Ивана Веніаминова были карманные солнечные часы, которые, по простотѣ устройства, появились у многихъ его товарищей, уже болѣе не дерзавшихъ насмѣхаться надъ нимъ, а незамѣтно пріучавшихся уважать и любить его (*Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 23*).

Въ 1817 году, І. Веніаминовъ, по допущенному, какъ уже сказано, обычаю, ранѣе чѣмъ за годъ до окончанія курса, вступилъ въ бракъ съ дѣвицею, священническою дочерью, Екатериною Ивановною, и въ томъ же 1817 году, 13 мая, былъ посвященъ въ діаконы Градо-Иркутской Благовѣщенской церкви и все-таки продолжалъ учиться, и учился, по прежнему, хорошо. Эта женитьба измѣнила предполагаемый дальнѣйшій ходъ событій его жизни. По его отличнѣйшимъ успѣхамъ и поведенію, онъ былъ бы посланъ въ Академію, еслибы онъ не былъ женатъ въ то время, когда годъ спустя за женитьбой, въ іюнѣ 1818 г., пришло распоряженіе прислать изъ Иркутской семинаріи, въ Московскую Духовную Академію, двухъ учениковъ. «Ректоръ», какъ разсказывалъ много лѣтъ спустя самъ І. Веніаминовъ, «имѣлъ меня въ виду на «этотъ случай, какъ онъ это высказалъ мнѣ послѣ. А почему онъ не «остановилъ моей женитьбы, то причиною этого былъ весьма рѣдкій и «даже необыкновенный случай, а именно: рѣка Ангара, отдѣляющая «семинарію отъ монастыря (гдѣ жилъ нашъ ректоръ, и оттуда онъ во «всѣ учебные дни пріѣзжалъ въ семинарію на цѣлый день), въ тотъ «годъ (1817), при вскрытіи своемъ, на многіе дни прекратила всякое «сообщеніе монастыря съ городомъ. Ледъ на ней сначала прошелъ было «почти совсѣмъ, а потомъ опять остановился на нѣсколько дней «и такъ плотно, что извѣстный тогда въ Иркутскѣ монастырскій по- «слушникъ Иванушка перешелъ чрезъ него съ одного берега на другой. «А въ это время мнѣ пришла мысль жениться, и я успѣлъ подать

«просьбу, безъ позволенія отца ректора, получить видъ на женитьбу и даже начать сватовство. Не будь этого случая,—тогда, конечно, «ректоръ не позволилъ бы подавать мнѣ просьбы о женитьбѣ. И тогда мнѣ пришлось бы ѣхать въ Академію, а не въ Америку». Слѣдовательно, I. Веніаминовъ, какъ женатый человѣкъ и притомъ діаконъ, не могъ быть посланъ въ Академію. Вмѣсто же Академіи, по окончаніи курса однимъ изъ первыхъ студентовъ, онъ, по преобразованіи семинаріи, въ томъ же 1818 г., былъ опредѣленъ учителемъ I-го класса приходскаго училища.

И такъ мы видимъ, что Іоаннъ Евсеевичъ Веніаминовъ, изъ всей своей школьной жизни, при ея грубой и крайне скудной обстановкѣ, вышелъ чистъ отъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ пороковъ бурсы и вынесъ изумительно крѣпкое здоровье и, какъ первый лучшій студентъ, наибольше припасъ себѣ научныхъ знаній, какъ будто предчувствуя, что ему впослѣдствіи понадобится большой запасъ силъ тѣлесныхъ и духовныхъ, какъ для борьбы со стихіями, такъ еще болѣе для успѣшнаго исполненія предлежавшаго ему призванія. Въ санѣ діакона, Іоанну Веніаминову пришлось прослужить, не смотря на его первое студенчество, 4 года, за неимѣніемъ свободнаго священническаго мѣста при Благовѣщенской церкви, и уже только 18 мая 1821 года, онъ былъ рукоположенъ во священника, на мѣсто умершаго при сей церкви священника.

Градо—Иркутская Благовѣщенская церковь, гдѣ служилъ отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, построена въ 1785 году, усердіемъ купца Ивана Баушева и другихъ доброхотныхъ дателей; зданіемъ каменная, одноэтажная. Престоловъ въ ней четыре: въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, трехъ вселенскихъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и св. Великомучeницъ Екатерины и Варвары. Есть еще придѣлъ, подъ колокольнею, преподобнымъ Сергію Радонежскому, Макарію Унженскому и Макарію Калязинскому. Священниковъ при этой церкви было два. *(Ирк. Епарх. Вѣд. 1882 г. № 31).*

Въ этой церкви отецъ Іоаннъ Веніаминовъ прослужилъ, въ санѣ священника, только два года, но и въ это краткое свое священническое служеніе успѣлъ онъ заслужить любовь и уваженіе, какъ пастырь добрый. «Благовѣщенскій священникъ, отецъ Іоаннъ Веніаминовъ»,—какъ пишетъ объ немъ его современникъ, соотечественникъ и соученикъ, про-

тоіерей П. В. Громовъ *(Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 23)*,—«за свой умъ, за нравственную жизнь, за послушаніе, за особенную чинность въ отправленіи Богослуженія и въ особенности за небывалое въ Иркутскѣ пастырское дѣло, какое явилъ въ своемъ приходѣ молодой священникъ (а именно: онъ учредилъ собираться дѣтямъ обоего пола, предъ воскресными литургіями, въ церковь, и преподавалъ имъ тамъ христіанскіе уроки), снискалъ себѣ тѣмъ всеобщее уваженіе не только прихожанъ, но и всего города». За его же благоговѣйное служеніе въ церкви, образованные и простолюдины предпочитали бывать для молитвы въ Благовѣщенской церкви; а лица, готовящіяся къ священническому сану, для будущаго своего служенія, брали себѣ за образецъ это торжественно-благоговѣйное служеніе его.

Дѣланіе же часовъ, вполнѣ усвоенное имъ, и производство музыкальныхъ органчиковъ съ духовными гимнами, обезпечивали его матеріальное положеніе.

Но отцу Іоанну Веніаминову Промыслъ Божій готовилъ другую ниву для воздѣлыванія. Въ началѣ 1823 года, преосвященный Михаилъ II получилъ указъ Св. Сѵнода, чтобъ въ колоніи Россійско-Американской Компаніи, на островъ Уналашку, послать священника; но никто и помыслить не могъ о поѣздкѣ туда, потому что въ тѣ времена Америка и Камчатка страшно пугали деспотизмомъ правителей. Поэтому, изъ всѣхъ призываемыхъ Преосвященнымъ къ отправленію въ Уналашку, охотника не нашлось. Тогда Преосвященный, намѣтивъ четырехъ діаконовъ, предложилъ имъ подчиниться призванію по жребію. Согласились. Въ присутствіи консисторіи, съ торжественною обстановкою, стали читать первую главу изъ Дѣяній Апостольскихъ, и послѣ словъ: «и даша жребіа има, и паде жребій на Матѳіа, и причтенъ бысть ко единонадесяти апостоломъ» (Гл. 1. 26), жребій былъ брошенъ и за тѣмъ, предъ крестомъ и Евангеліемъ, былъ вынутъ. Оказалось, что жребій палъ на соборнаго діакона Малинина. «Лучше пойду въ солдаты, чѣмъ поѣду въ Америку»! сказалъ онъ владыкѣ.

Такимъ образомъ, было много званныхъ, но не оказалось ни одного избраннаго въ невѣдомыя страны, на трудное служеніе просвѣщенію христіанствомъ полудикихъ народовъ.

Вотъ въ какихъ трудныхъ обстоятельствахъ былъ Преосвященный и положительно недоумѣвалъ, какъ исполнить сѵнодальный указъ; нель-

зя же было послать кого нибудь насильно.—Вдругъ, неожиданно, предстаетъ предъ Преосвященнымъ Благовѣщенскій священникъ, отецъ Іоаннъ Веніаминовъ и объявляетъ желаніе отправиться на Уналашку. Дорожа такимъ образцовымъ священникомъ для Иркутска, Преосвященный крайне былъ изумленъ его желаніемъ и спросилъ о побужденіяхъ. Іоаннъ Веніаминовъ, какъ пишетъ прот. Громовъ *(Церк. Еп. Вѣд. 1879 г. № 23)*, отвѣчалъ, что «встрѣтился съ однимъ выходцемъ изъ Америки и отъ него наслушался о глубокой преданности Алеутовъ православной вѣрѣ и церкви, о ихъ простосердечіи, беззлобіи, прямодушіи— и возгорѣлось у меня желаніе послужить среди такихъ чадъ Царствія Божія; а съ тѣмъ вмѣстѣ и посмотрѣть новую часть свѣта». Не безъ долгаго колебанія, владыка согласился и благословилъ самоотверженную рѣшимость многосемейнаго отца Іоанна Веніаминова, такъ какъ кромѣ жены и сына, у него была еще старушка мать и родной его братъ, которые всѣ должны были слѣдовать съ нимъ въ невѣдомый путь.

Получивши благословеніе отъ Преосвященнаго на сей невѣдомый путь, отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, по возвращеніи домой, прежде чѣмъ объявить семьѣ о своей рѣшимости ѣхать въ Америку, взялъ на руки, попавшаго ему на глаза, годоваго своего сына Иннокентія и, поцѣловавъ его, сказалъ ему: Кеня, Кеня! гдѣ ноги твои ходить будутъ? . . . Тутъ семья догадалась о его намѣреніи; бросилась къ нему со слезами и съ воплями стала просить, чтобы онъ измѣнилъ свое намѣреніе; но ничто не помогло: онъ твердо стоялъ на своемъ, т. е. непремѣнно ѣхать [1]).

Собственный же разсказъ отца Іоанна Веніаминова о семъ важномъ событіи изъ его жизни, приведенный въ надгробномъ словѣ преосвященнаго Амвросія епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго [2]), слѣдующій: «Слыхалъ я», говорилъ отецъ І. Веніаминовъ, «о миссіонерахъ, о дальнихъ ихъ путешествіяхъ для просвѣщенія язычниковъ, но никогда на это дѣло не обращалъ особеннаго вниманія. Но вотъ получаю я вмѣстѣ съ другими отъ епархіальнаго начальства письменное приглашеніе на миссіонерское служеніе на Алеутскіе острова. Только прочиталъ я его,— какъ будто бы что поворотилось въ моей груди, и я тутъ же объяв-

---

[1]) Записано со словъ Екатерины Ивановны Петелиной, дочери почившаго митрополита Иннокентія.

[2]) Нынѣ епископа Харьковскаго.

ляю своимъ домашнимъ: я ѣду!—Ни слезы родныхъ, ни совѣты знакомыхъ—ни описанія трудностей дальняго пути и ожидающихъ меня лишеній, ничто не доходило до моего сердца; какъ будто огонь горѣлъ въ моей душѣ, и я легко разстался съ родиной, и не чувствовалъ трудностей утомительнѣйшаго путешествія».

Еще болѣе подробный разсказъ о семъ событіи былъ напечатанъ *(въ Дух. Бесѣдѣ 1863 г.)* самимъ отцомъ Веніаминовымъ, много лѣтъ спустя, уже въ санѣ архіепископа,—который мы и помѣщаемъ здѣсь, въ извлеченіи: «Виднѣе всего», пишетъ отецъ Веніаминовъ, «оказалась воля Божія о мнѣ, при перемѣщеніи моемъ изъ Иркутска въ Уналашку, т. е. въ Америку. Въ печати было высказано, что къ переѣзду въ Америку расположилъ меня своими разсказами одинъ выходецъ съ Алеутскихъ острововъ; и точно, тотъ выходецъ (изъ Уналашки) былъ видимою причиною того, что я уѣхалъ въ Америку. Но не разсказы его мнѣ лично плѣнили меня. Это было иначе,—или, пожалуй, такъ, да не такъ. Выходецъ этотъ (нѣкто Иванъ Крюковъ, жившій съ Алеутами 40 лѣтъ), по пріѣздѣ своемъ въ Иркутскъ, остановился въ нашемъ приходѣ, гдѣ и проживалъ съ ноября почти до половины февраля. Я былъ духовнымъ отцомъ его и всего его семейства, и потому былъ съ нимъ довольно коротко знакомъ. И точно, чего-чего не разсказывалъ онъ мнѣ и объ Америкѣ вообще, и объ Алеутахъ въ особенности, и чѣмъ-чѣмъ онъ не убѣждалъ меня ѣхать въ Уналашку,—но я былъ глухъ ко всѣмъ его разсказамъ, и никакія убѣжденія его меня не трогали. Да и въ самомъ дѣлѣ, могъ ли я, или былъ ли мнѣ какой разсчетъ, судя по человѣчески, ѣхать Богъ знаетъ, куда,—когда я былъ въ одномъ изъ лучшихъ приходовъ въ городѣ, въ почетѣ и даже любви у своихъ прихожанъ, въ виду и на счету у своего начальства, имѣлъ уже собственный свой домъ, получалъ доходу болѣе, чѣмъ тотъ окладъ, который назначался въ Уналашкѣ?

«И потому, когда, по распоряженію покойнаго преосвященнаго Михаила, были спрошены всѣ священнослужители по всей епархіи: не пожелаетъ ли кто ѣхать въ Уналашку, и если не пожелаетъ, то почему именно?—въ числѣ прочихъ подписался и я, что не желаю занять мѣсто, по причинѣ отдаленности. И это написалъ я со всею искренностію, имѣя въ виду, что ежели наши вдовы, живя и за десять верстъ отъ начальства, остаются безъ всего (тогда не было еще попечитель-

ства), то что же будетъ за десять тысячъ верстъ! такъ я думалъ, такъ и говорилъ другимъ—своимъ собратіямъ.

«Но когда этотъ же выходецъ,—уже простившійся со мною совсѣмъ и, на прощаніи, еще убѣждавшій меня ѣхать въ Уналашку (это я живо помню),—въ тотъ же самый день, при прощаніи своемъ съ Преосвященнымъ (у котораго мнѣ случилось быть въ то время,—и даже въ гостинной, что было со мною въ первый разъ), сталъ разсказывать объ усердіи Алеутовъ къ молитвѣ и слушанію слова Божія (что, безъ сомнѣнія, я слышалъ отъ него и прежде и, можетъ быть, не однажды)—то, (да будетъ благословенно имя Господне!) я вдругъ и, можно сказать, весь загорѣлся желаніемъ ѣхать къ такимъ людямъ. Живо помню и теперь, какъ я мучился нетерпѣніемъ, ожидая минуты объявить мое желаніе Преосвященному,—и онъ, точно, удивился этому, но сказалъ только: «посмотримъ».

«Могу-ли же послѣ этого я, говоря по всей справедливости, вмѣнять себѣ въ заслугу, или считать за какой нибудь подвигъ то, что я поѣхалъ въ Америку?...

«Послѣ объявленія мною желанія моего преосвященному, вскорѣ послѣдовала отъ него резолюція такого содержанія: «многіе изъ священнослужителей отказались отъ служенія въ столь важной и подобно—апостольской миссіи, по причинамъ совершенно неуважительнымъ; и потому Консисторія имѣетъ дать жребій.... (такимъ-то) діаконамъ (четыремъ), и тотъ, кому падетъ жребій, долженъ отправиться непремѣнно». Насталъ и день жребодаянія, о чемъ мнѣ сказалъ предварительно самъ преосвященный, приглашая меня къ этому. Но меня не зовутъ.... Это меня крайне огорчило, даже заставило отчаяваться.

«Но не кому иному, а мнѣ Господь судилъ отправиться тогда въ Америку. Тотъ, кому палъ жребій (бывшій мой товарищъ по семинаріи и короткій пріятель), отказался, представляя разныя причины:— и священныя обязанности къ престарѣлымъ родителямъ, и прочее, а главное нездоровье жены своей, которая, надобно сказать, пережила его, и едва ли не жива даже и теперь; а онъ померъ еще въ 1839 году въ Красноярскѣ—солдатомъ, горько раскаяваясь въ своемъ упрямствѣ.»

И такъ, мы видимъ, что отцу Веніаминову, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія, какъ бы суждено было быть на далекомъ и су-

ровомъ востокѣ нашемъ, въ странѣ дебрей и тундръ, новымъ свѣтиломъ вѣры Христовой,—просвѣщать, буквально, дѣтей природы, незнакомыхъ даже съ зачатками гражданственности, стоящихъ на первыхъ ступеняхъ дикости; и такихъ-то молодому миссіонеру надлежало руководить къ христіански-нравственному преуспѣянію, да и вообще къ просвѣщенію человѣческому! «Пусть мой примѣръ», говоритъ самъ отецъ Веніаминовъ, «будетъ новымъ доказательствомъ той истины, что отъ Господа исправляются человѣку пути его, и что всѣ мы, служители Церкви Его, ничто иное, какъ орудіе въ рукахъ Его. Ему угодно было назначить мнѣ поприще служенія въ Америкѣ,—и это исполнилось, не смотря даже на противленіе воли моей». За такой, по истинѣ, подвигъ, отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, 25 февраля 1823 года, награжденъ былъ набедренникомъ, или, какъ прибавлено было въ его формулярѣ, «за послушное и охотное согласіе его отправиться въ столь отдаленную и важную миссію.»

7 мая 1823 года, отецъ Іоаннъ Веніаминовъ долженъ былъ выѣхать изъ Иркутска. Въ 12 часовъ дня онъ былъ уже въ дорожномъ платьѣ, приспособленномъ къ верховой ѣздѣ, въ черныхъ бархатныхъ шароварахъ, какъ пишетъ прот. П. Громовъ *(Ирк. Еп. Вѣд. 1879 г. № 23)* и въ таковомъ же казакинѣ,—и это было послѣднее свиданіе Иркутцевъ съ глубокочтимымъ священникомъ своимъ, отцомъ Іоанномъ Евсеевичемъ Веніаминовымъ. Много лѣтъ спустя, Иркутцы встрѣчали его, но уже не какъ простаго священника, а какъ уже прославившагося миссіонера.

Путь, совершаемый отцомъ Іоанномъ Веніаминовымъ, былъ чрезвычайно труденъ. Изъ Иркутска онъ, со всей семьей своей, отправился въ с. Ангинское, на свою родину, въ телѣгахъ,—гдѣ, отслуживши напутственный молебенъ въ церкви св. Иліи Пророка и приложившись мѣстной иконѣ, выѣхалъ оттуда 9 мая, и ѣхалъ до Якутска на пàвозкѣ (въ родѣ баржи) по рѣкѣ Ленѣ.

Лена—одна изъ большихъ рѣкъ въ Россіи. Берега ея, какъ говоритъ г. Марковъ *(Русск. на Восточн. Океанѣ. М. 1849)*, болѣе низменны и ровны, теченіе тихое и спокойное, такъ что, во время плаванія по ней, тѣло какъ будто погружается въ сонъ и чувствуетъ какую-то особенную склонность къ бездѣйствію; по пути не встрѣчается ни крутыхъ поворотовъ, ни пороговъ,—только лишь, время отъ времени, представ-

ляются взорамъ гигантскіе утесы; и они, какъ бы въ грозномъ безмолвіи, смотрятся въ зеркало спокойныхъ водъ.... Вокругъ все дико, пустынно, самобытно.... Ни звука, ни слѣда человѣческаго. Самая главная промышленность береговыхъ жителей Лены состоитъ въ звѣриной ловлѣ, особливо бѣлокъ. По обѣимъ сторонамъ Лены ростутъ въ изобиліи кедровыя деревья. Изъ Якутска до Охотска, отецъ Веніаминовъ съ семьей ѣхалъ верхомъ на лошадяхъ болѣе 1000 верстъ. Тутъ дорога совершенно измѣняетъ свой видъ: то приходилось ему ѣхать извилистыми тропинками, пролегающими сквозь густой лѣсъ, проросшій кустарникомъ, или чрезъ болото, въ которомъ лошадь вязнетъ по брюхо; то взбираться на длинный косогоръ, или на крутую каменистую гору и пролагать путь по снѣжной вершинѣ; то спускаться прямо въ рѣку; то подыматься на распавшуюся скалу, гдѣ съ осторожностью пробирается по острому камешнику безподковный конь.... Нѐ дай Богъ, говоритъ г. Марковъ, быть застигнуту на дорогѣ продолжительными дождями: въ это время, болота дѣлаются непроходимыми, рѣки разливаются. Наконецъ, на разстояніи 10 верстъ отъ Охотска, начинаетъ слышаться по лѣсу глухой ревъ волны, ударяющейся объ высокія морскія скалы и разсыпающейся дробью по̀ отлогой лайдѣ Охотскаго порта, и чувствуется дыханіе свѣжаго морскаго воздуха. Вдали начинаютъ виднѣться мачты стоящихъ на рѣкѣ Охотѣ казенныхъ судовъ, затѣмъ уже и самый Охотскъ. Изъ Охотска до Ситхи, а потомъ до Уналашки, путь отца Веніаминова былъ совершенъ на суднѣ Россійско-Американской Компаніи, по волнамъ Охотскаго моря и Восточнаго океана.

II

«Островъ Уналашка», пишетъ отецъ Веніаминовъ, «по алеутски называемый ӑванъ ала́хсха, или на́ванъ ала́хсха, т. е. вотъ это ала́хсха,—по величинѣ своей, есть второй изъ острововъ Алеутскаго архипелага; длина Уналашки простирается до 150, ширина болѣе 50 верстъ. Въ отношеніи горъ, Уналашка раздѣляется на двѣ неровныя половины: всю восточную половину занимаютъ высокія горы и хребты, лежащіе, по большой части, вдоль острова, и тѣсно соединенные между собою. Горы, лежащія на западной половинѣ, ниже и положе восточныхъ, самая же оконечность Уналашки совершенно плоская и ровная.

«Изъ всѣхъ горъ Уналашки, примѣчательнѣйшая Макушинская. Высота ея, по измѣренію Ө. П. Литке, 5,475 фут. англійскихъ, къ берегу и почти во всѣ стороны поката и вверху образована чашею, изъ которой идетъ вѣчный дымъ; подлѣ жерла, къ SW, находятся два гребнистые пика, одинъ другаго выше. Не помнятъ, чтобы она когда нибудь выбрасывала пламень; но иногда производила подземный громъ, что было въ августѣ 1818 г.; она тогда такъ сильно гремѣла, что отъ гула чувствуемо было легкое трясеніе земли, и живущимъ въ Уналашкѣ казалось, что обваливался близлежащій островъ Амахнакъ. На эту гору прежде ходили за сѣрою, которую собирали кругомъ жерла. Ходить же на нее можно въ августѣ или сентябрѣ, т. е. когда бываетъ менѣе снѣгу. Рѣчекъ, ручьевъ и озеръ на островѣ множество; нѣкоторыя рѣчки, изливаясь въ море съ высокихъ мѣстъ, составляютъ красивые водопады. Озера встрѣчаются и на горахъ, иногія

изъ нихъ очень глубоки. При трехъ озерахъ открыты цѣнныя минеральныя богатства. По разсказамъ Алеутовъ, на восточномъ, утесистомъ берегу острова, среди озера, расположеннаго между горами, подлѣ Макушинскаго залива, находится лучшій янтарь, а въ озерѣ живутъ нерпы; на берегахъ другаго озера, расположеннаго на горѣ, подлѣ того же залива, встрѣчается мѣдь, а по берегу озера, близъ Капитанскаго залива, бѣлый, двойной, какъ бы сросшійся жемчугъ. Заливовъ и бухтъ со всѣхъ сторонъ тоже много.

«Климатъ въ Уналашкѣ отличается частыми и быстрыми переходами температуры; здѣсь царствуетъ вѣчная осень, съ вѣтрами и туманами. Во все мое пребываніе здѣсь», пишетъ І. Веніаминовъ, «не было ни одного дня, въ который бы съ утра до вечера было совершенное безвѣтріе. Лѣтомъ рѣдко бываетъ жарко;—а зимою морозы доходятъ до такой степени, что иногда обмерзали птицы. Ясныхъ дней очень мало: совершенно безоблачныхъ дней бываетъ отъ 4 до 12 въ цѣлый годъ. Ясныхъ отъ 30 до 60. И вообще, солнце видимо въ годъ только отъ 100 до 160 дней. Растенія на Уналашкѣ находятся вездѣ, кромѣ вершинъ горъ и крутыхъ утесовъ. На восточной сторонѣ острова растетъ тальникъ, самый лучшій. Но огородныхъ овощей и кореньевъ, напр. сараны, макарши и чигитки, и также ягодъ, очень немного.

«Изъ домашнихъ животныхъ, здѣсь водятся коровы и свиньи, но коровъ мало—почти на перечетъ, и всѣ принадлежали Россійско-Американской Компаніи; а у частныхъ лицъ, кромѣ священника, ни у кого не было: такъ какъ содержаніе ихъ очень затруднительно и дорого, ибо сѣна надобно приготовлять не менѣе, какъ на 6 мѣсяцевъ. Свиньи же были разведены по многимъ селеніямъ Уналашки; но впослѣдствіи, онѣ почти повсюду истреблены, по безпокойности сего животнаго, часто разрывающаго землянки жителей. Изъ птицъ здѣсь водились куры и утки. Куры имѣются у многихъ Русскихъ и Алеутовъ; но очень по малому количеству. Замѣчательно, что здѣшнія куры очень хорошо умѣютъ летать, такъ что объ нихъ нельзя уже сказать, какъ добавляетъ отецъ Веніаминовъ съ своимъ обычнымъ юморомъ, «что курица не птица.» Изъ пушныхъ животныхъ, доставляющихъ выгоду, есть лисицы, которыхъ промышляютъ около 500,—изъ нихъ до 100 черно-бурыхъ, 250 сиводушекъ и около 150 красныхъ. Изъ земноводныхъ:

нерпы, бобры, сивучи и др. Вообще же, произведенія и выгоды Уналашки очень небогаты, и главнѣйшія изъ нихъ состоятъ изъ царства животныхъ, и, слѣдовательно, онѣ не постоянны и не совсѣмъ вѣрны.

«До прибытія Русскихъ, на Уналашкѣ было 24 селенія, очень многолюдныхъ; но съ прибытіемъ Русскихъ, число островитянъ стало уменьшаться. Причины уменьшенія, по мнѣнію Алеутовъ, были слѣдующія: междоусобія, Русскіе и повѣтрія. Бывшія междоусобія до прибытія Русскихъ подъ конецъ такъ были жестоки, что за жизнь одного истребляли цѣлое селеніе; но самое большое уменьшеніе народонаселенія Алеуты приписываютъ Русскимъ—отъ ихъ насилій и притѣсненій въ промыслахъ, и особенно одному изъ промышленниковъ, Соловью или Соловьеву (въ 1763 г.). Онъ и его клевреты, въ теченіи двухъ лѣтъ, многихъ лишили жизни; а многіе разбѣжались отъ страху, и наконецъ голодъ, повѣтрія и любострастная болѣзнь также очень много уменьшили народонаселеніе».

Ко времени прибытія отца Веніаминова на Уналашку, было только 10 селеній, и жителей въ нихъ: Алеутовъ, Креоловъ и Русскихъ считалось 470 душъ.

Также считаемъ небезъинтереснымъ сообщить здѣсь, хотя вкратцѣ, нѣкоторыя топографическія свѣдѣнія о прочихъ мѣстахъ, составляющихъ весь приходъ отца Веніаминова, которыя предстояло ему посѣщать не одинъ разъ.

Начнемъ съ острововъ Лисьихъ, получившихъ свое названіе отъ множества лисицъ, на нихъ находившихся. Открытіе острововъ Лисьихъ было сдѣлано промышленникомъ Глотовымъ, который въ 1759 г., на суднѣ купца Никифорова, достигъ острова Умнака. Острова Лисьи гористы и почти совершенно безлѣсны. При подошвахъ горъ и на равнинахъ, растутъ кустарниками низкій тальникъ и ольховникъ. Нижняя половина горъ сихъ острововъ имѣетъ еще кое-какую растительность, но верхняя часть ихъ совершенно обнажена или покрыта мхомъ, а иногда ползучими растеніями. Изъ ягодъ, водятся здѣсь: малина, черника, голубика, шикша, клюква и проч. Грибы растутъ разныхъ родовъ. Трава на низкихъ мѣстахъ весьма густа и высока, но вкусъ ея, вѣроятно отъ морскихъ испареній и недостатка свѣта, водянистъ и не питателенъ. Климатъ на островахъ Лисьихъ вообще измѣнчивый и зависитъ большею частію отъ вѣтровъ; но болѣе сухой, чѣмъ на дру-

гихъ Алеутскихъ островахъ. Ясныхъ дней выдается въ продолженіи года мало. Морозы начинаются въ октябрѣ и даже въ сентябрѣ, и съ этого же времени выпадаютъ, по временамъ, снѣга, которые лежатъ здѣсь иногда до іюня и даже до іюля. На Лисьихъ островахъ промышляютъ лисицъ, морскихъ бобровъ, выдръ и сивучей.

Къ сѣверу отъ Алеутскихъ острововъ, противъ группы острововъ Лисьихъ, лежатъ острова Прибылова, названные такимъ образомъ въ память открывшаго ихъ въ 1786 году, извѣстнаго колоніальнаго мореплавателя, штурмана Прибылова. Собственно острововъ два: св. Павла и св. Георгія; значительнѣйшій изъ нихъ—св. Павла, имѣющій въ окружности около 90 верстъ. Восточная и сѣверная стороны его низменны и берега отлоги и песчаны, а западная гориста и берега утесисты. Главнѣйшія возвышенности покрываютъ средину острова. Вершины ихъ обвалились; почва земли на низкихъ мѣстахъ песчаная, на возвышенностяхъ же глинистая, съ частію красной, желѣзной охры, а на остальномъ пространствѣ плотная, ноздреватая лава разнаго вида, между которой, встрѣчается иногда и пемза. Вообще, большихъ рѣкъ нѣтъ, а съ горъ текутъ мелкіе ручьи и изъ озера небольшая рѣчка. Островъ св. Георгія лежитъ къ югу отъ острова св. Павла. Величиною значительно менѣе; въ длину простирается только около 10, и въ ширину $3^1/_2$ мили. Островъ утесистъ со всѣхъ сторонъ, исключая весьма немногихъ мѣстъ, гдѣ показываются песчаныя и каменистыя осыпи. Независимо отъ суроваго климата острововъ, степень холода и тепла зависитъ здѣсь, какъ и на Лисьихъ островахъ, преимущественно отъ вѣтровъ. При сѣверныхъ вѣтрахъ приносятся къ островамъ льды и стужа бываетъ очень велика; при южныхъ и восточныхъ, идетъ обыкновенно дождь, и стоятъ туманы. Съ мая до августа стоятъ туманы, до такой степени иногда непроницаемые, что на нѣсколько сажень невозможно различить ничего. Ясныхъ дней здѣсь бываетъ мало и солнце показывается весьма рѣдко,—однимъ словомъ, большую часть года преобладаетъ или холодная, или сырая погода. На островахъ растетъ только мелкій тальникъ, но густая трава въ долинахъ и во впадинахъ горъ выходитъ весьма быстро. Изъ травъ находятся: полынь, пырей и тысячелиственникъ. Изъ ягодъ водится: шикша, морошка, но не всегда въ изобиліи. Главнѣйшее богатство острововъ Прибылова, въ промысловомъ отношеніи, заключается въ морскихъ котахъ и сивучахъ. Коты, преимуще-

ственно, водятся на островѣ св. Павла. Киты подходятъ иногда къ здѣшнимъ мѣстамъ, но на берегъ выкидываетъ ихъ довольно рѣдко. Морской рыбы, палтусины и трески, водится довольно. Красной рыбы здѣсь никогда не бываетъ. Изъ черепокожныхъ, употребляются, преимущественно въ пищу, живущими на островахъ Алеутами круглые раки, называемые морскими пауками, и морскія рѣпки. Изъ морскихъ птицъ водится преимущественно ара и много другихъ родовъ. Ара находится въ особенномъ изобиліи на островѣ св. Георгія и большею частію на восточномъ мысу. Судно, приближаясь къ берегу во время тумана, можетъ судить о близости земли по большему или меньшему количеству сихъ птицъ. Мясо аръ употребляется Алеутами въ пищу съ большою охотою.

Кромѣ описанныхъ острововъ, къ Уналашкинскому отдѣлу или приходу причислялись еще слѣдующіе острова: 1) Борька или Спиркинъ, лежащій на южной сторонѣ Уналашки, подлѣ Боброва залива. Островъ этотъ столь же гористъ и высокъ, какъ и Уналашка. Главное продовольствіе жителей сего острова составляетъ морская рыба и ракушки. На этомъ островѣ находится зеленый камень, въ родѣ обсидіана, и желѣзнякъ или черная блестящая краска, сиданакъ, которую Алеуты употребляютъ для украшенія камлей и проч. 2) На востокъ отъ этого острова лежитъ Угалганъ. Онъ достопримѣчателенъ, во первыхъ, тѣмъ, что Алеуты, избѣгая мести Русскихъ, думали отсидѣться на немъ, но вмѣсто того, всѣ до одного погибли отъ руки Соловья и во вторыхъ, что между имъ и оконечностію Борьки, прошли капитанъ Кукъ и Ѳ. П. Литке. 3) Островъ Амахнакъ лежитъ на срединѣ Капитанскаго залива и, положеніемъ своимъ, составляетъ отличную гавань. 4) Островъ Укнадакъ, лежащій на западной сторонѣ Амахнака, изобилующій дикою рожью и весною премножествомъ разныхъ цвѣтковъ и наконецъ, 5) Островъ Акунъ, лежащій подлѣ Акутана, вообще гористъ, хотя горы на немъ невысоки, особливо находящіяся на южной сторонѣ; одна изъ горъ, острая и отъ всѣхъ отдѣльная, всегда дымится, но дымъ ея почти никогда не бываетъ замѣтенъ; на вершинѣ ея собираютъ горячую сѣру. Берега Акуна, по большей части, утесисты и круты. Три главные мыса дѣлаютъ этотъ островъ почти правильнымъ треугольникомъ; южный мысъ замѣчателенъ тѣмъ, что при немъ находится съ одной стороны множество

подводниковъ, а съ другой—каменныхъ столбовъ, издали кажущихся зданіями. Одинъ изъ нихъ похожъ на колоссальнаго человѣка, одѣтаго въ парку, съ шапкою на головѣ. Озеръ на семъ островѣ много. Рѣчекъ пять. Лисицъ здѣсь промышлялось отъ 80 до 120, въ числѣ коихъ половина черныхъ и чернобурыхъ лучшей доброты. *(Зап. объ остр. Уналашк. отд. ч. I).*

Въ такой-то пустынной Уналашкѣ, мрачной и холодной, въ убогой землянкѣ, безъ матеріальныхъ средствъ, поселился съ семьей своею отецъ Веніаминовъ. Но не смотря на все это, отецъ Веніаминовъ, сильный вѣрою въ Промыслъ Божій и одаренный крѣпкою волею, дальновиднымъ умомъ, необыкновенною находчивостію и всегдашнею готовностію къ самоотверженію, не упадалъ мощнымъ своимъ духомъ.

Вотъ свидѣтельство отца Іоанна Веніаминова о первоначальномъ водвореніи Христіанской вѣры на берегахъ Америки. «Зная, какъ пріятно для истиннаго христіанина», пишетъ онъ, «слышать о распространеніи христіанства между людьми, еще неозаренными свѣтомъ Евангелія, я рѣшился изложить собранныя мною свѣдѣнія о распространеніи и утвержденіи вѣры Христовой въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ нашего отечества, гдѣ, изволеніемъ Божіимъ, довелось мнѣ провести много лѣтъ.

Христіанская вѣра перешла на берега Америки вмѣстѣ съ первыми пришельцами Русскими, поселившимися въ тѣхъ мѣстахъ. Капитанъ Берингъ, во время втораго путешествія своего (на пути изъ Камчатки на востокъ) открывшій Алеутскіе острова, первый показалъ Русскимъ путь въ Америку, вывезъ оттуда нѣсколько дорогихъ мѣховъ и возбудилъ дѣятельность и отвагу Сибиряковъ къ новымъ и дотолѣ неизвѣстнымъ для нихъ предпріятіямъ. Желаніе получить огромныя выгоды заставило многихъ изъ Россіянъ пуститься въ неизвѣстные края и предпринимать путешествія трудныя и въ то же время сопряженныя съ неимовѣрными усиліями и опасностями; но нѣкоторые изъ первыхъ начальниковъ, предводившихъ искателей богатства и занимавшихъ новыя и дотолѣ неизвѣстныя мѣста въ Америкѣ, полагая основаніе новой промышленности для Русскихъ и своему благосостоянію, съ тѣмъ вмѣстѣ уже положили основаніе и Христіанству между дикарями, у коихъ они поселялись; такъ напримѣръ, казакъ Андреянъ Толстыхъ, около 1743 года открывшій острова, извѣстные подъ име-

немъ Андреяновскихъ, вѣроятно, первый началъ крестить тамошнихъ жителей. Мѣщанинъ Иванъ Глотовъ, открывшій острова, извѣстные подъ именемъ Лисьихъ, въ 1759 году, первый окрестилъ малолѣтнаго сына одного изъ родовыхъ начальниковъ Лисьевскихъ Алеутовъ, котораго онъ вывезъ съ собою въ Камчатку, гдѣ этотъ первенецъ Уналашкинской церкви прожилъ нѣсколько лѣтъ и, выучившись Русскому языку и грамотѣ, возвратился на свою родину съ властію главнаго тоена (начальника), данною ему отъ управлявшаго Камчаткою, и очень много, примѣромъ своимъ, содѣйствовалъ распространенію Христіанства. Но на Кадьякѣ Христіанская вѣра явилась уже во время пребыванія тамъ г. Шелехова, основателя нынѣшней Американской Компаніи и перваго ктитора Американскихъ церквей. Подробности дальнѣйшаго распространенія Христіанства совсѣмъ неизвѣстны, кромѣ того, что умноженіе числа приходившихъ на Алеутскіе острова судовъ, уменьшая и раздѣляя взаимныя выгоды, съ тѣмъ вмѣстѣ раздѣляло и самыхъ Алеутовъ, уменьшенныхъ уже болѣе чѣмъ на половину «усмиреніемъ», и слѣдовательно, уменьшило число промышленниковъ. Это заставило нѣкоторыхъ изъ Русскихъ принять другія мѣры къ умноженію числа промышленниковъ и работниковъ для себя, а именно— убѣждать Алеутовъ къ принятію св. крещенія и тѣмъ пріобрѣтать себѣ болѣе приверженцовъ; ибо окрещенные Алеуты, уважая воспріемниковъ своихъ, какъ отцовъ, служили имъ исключительно и усердно, и никто другой изъ Русскихъ не могъ приманить къ себѣ чужихъ крестниковъ.

И такъ, желаніе Русскихъ пріобрѣсти себѣ большія выгоды послужило средствомъ къ распространенію начала Христіанства между Алеутами и облегчило дѣло для послѣдующихъ миссіонеровъ.

Шелиховъ, въ числѣ многихъ своихъ плановъ и намѣреній, въ разсужденіи пользы Американскаго края, имѣлъ въ виду преимущественно распространять христіанство и устроивать церкви. Для того онъ, по возвращеніи своемъ изъ Кадьяка въ 1787 году, прежде всего представилъ объ этомъ правительству и просилъ назначить духовную миссію, которую онъ, съ товарищемъ своимъ Голиковымъ, какъ доставить, такъ и содержать тамъ, принималъ на свое иждивеніе. И въ слѣдствіе ходатайства его, по Высочайшему повелѣнію, составлена была въ С.-Петербургѣ миссія изъ восьми духовныхъ монашескихъ особъ,

подъ начальствомъ архимандрита Іоасафа, для проповѣди слова Божія народамъ, пріобрѣтаемымъ подъ Россійскую державу. Бывъ снабжена весьма достаточно всѣмъ, какъ со стороны Шелехова и Голикова, такъ и другихъ доброхотныхъ дателей, миссія отправилась изъ С.-Петербурга въ 1793 году и въ слѣдующемъ, осенью, прибывъ въ Кадьякъ, тотчасъ приступила къ своему дѣлу. Іеромонахи Макарій и Ювеналій, въ ту же осень, въ два мѣсяца, объѣхали весь островъ Кадьякъ и окрестили всѣхъ жителей. На слѣдующій годъ, т. е. 1795, іеромонахъ Макарій отправленъ былъ въ Уналашкинскій отдѣлъ, гдѣ онъ, начиная отъ острововъ Шумагинскихъ до острововъ Четырехсопочныхъ, окрестилъ всѣхъ Алеутовъ, небывшихъ до него крещенными, и въ слѣдующемъ году выбылъ въ Иркутскъ. Въ томъ же 1795 году, іеромонахъ Ювеналій отправился изъ Кадьяка въ Нученъ, гдѣ, окрестивъ болѣе 700 душъ Чугачъ, перешелъ въ Кенайскій заливъ и окрестилъ всѣхъ тамошнихъ жителей; а на слѣдующій (1796) годъ, онъ перешелъ на Аляску, къ озеру Илямнѣ или Шелехову, гдѣ и кончилъ свое равноапостольское служеніе вмѣстѣ съ своею жизнію, послуживъ Церкви болѣе всѣхъ своихъ собратій. Его убили дикіе жители. Причиною смерти его, сказываютъ, было сколько то, что онъ съ перваго раза велѣлъ дикимъ, принимающимъ св. Крещеніе, оставлять многоженство, столько же и то, что тамошніе тоены и почетные люди, по убѣжденію о. Ювеналія, отдали ему дѣтей своихъ для обученія въ Кадьякѣ; но когда о. Ювеналій отправился отъ нихъ, то дикіе раскаялись въ свемъ поступкѣ и тотчасъ пустились въ погоню за нимъ и, догнавъ, напали на него. Говорятъ, что о. Ювеналій, при нападеніи на него дикихъ, совсѣмъ не думалъ защищаться, ни бѣжать, что могъ бы сдѣлать съ успѣхомъ, особливо имѣя при себѣ огнестрѣльное оружіе; но онъ, безъ всякаго сопротивленія, сдался имъ въ руки, и только просилъ пощады его спутникамъ, что и было исполнено. Спустя много времени, сами Американцы разсказывали, что о. Ювеналій, будучи уже убитъ, всталъ и шелъ за своими убійцами, говоря имъ что-то. Дикіе, считая его живымъ, опять напали на него и били; но лишь только отошли отъ него, онъ опять всталъ и пошелъ за ними; и это повторялось нѣсколько разъ; наконецъ дикіе, чтобы совсѣмъ отдѣлаться отъ него, искрошили его въ куски. Тогда только умолкъ ревностный проповѣдникъ и, можно сказать, мученикъ слова Божія,

ю не умолкла сила его слова: на томъ мѣстѣ, гдѣ были останки проповѣдника, тотчасъ, сказываютъ, явился дымный столбъ, простиравшійся къ небу.

Прочіе члены миссіи его во все время оставались на мѣстѣ, и дѣйствія ихъ ограничивались обыкновеннымъ служеніемъ въ церкви, а въ нѣкоторое время обученіемъ дѣтей въ школѣ. Монахъ Германъ, почти съ самаго начала своего прибытія и до самой кончины, жилъ на отдѣльномъ островѣ Еловомъ, занимаясь молитвою и хозяйствомъ; съ нѣкоторыхъ лѣтъ, и особенно, въ послѣднее время, у него воспитывалось нѣсколько мальчиковъ и дѣвушекъ, сиротъ Алеутскихъ, обучаясь грамотѣ, начаткамъ христіанства и рукодѣлью; и это маленькое заведеніе его было въ весьма хорошемъ состояніи, особливо со времени посѣщенія его барономъ Врангелемъ, бывшимъ начальникомъ колоній. Отецъ Германъ хотя и не былъ священникомъ, но не лишалъ христіанскихъ совѣтовъ и наставленій тѣхъ Алеутовъ, кои были близки къ нему и спрашивали его. «Послѣднее», пишетъ отецъ Веніаминовъ, «я самъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ Алеутовъ, отъ него научившихся». Со смертію отца Германа (1837 г.), кончилась и Кадьякская миссія. Къ дѣйствіямъ оной надобно отнести и то, что бывшій въ Кадьякѣ въ 1805 и 1806 годахъ іеромонахъ Гедеонъ, оставшійся здѣсь съ корабля Невы и потомъ выбывшій въ С.-Петербургъ чрезъ Охотскъ, будучи уполномоченъ отъ Св. Сѵнода, перевелъ на Кадьякскій языкъ молитву Господню, которую, въ его время и нѣсколько спустя послѣ него, пѣли въ церкви и учили въ школѣ, но потомъ оставили и совсѣмъ затеряли. Усердіе Шелехова къ распространенію слова Божія между Американцами не ограничилось только тѣмъ, чтобы имѣть тамъ миссію: онъ представилъ объ открытіи епархіи въ Америкѣ, подъ управленіемъ особаго архіерея, пребываніе коего назначалось въ Кадьякѣ, гдѣ онъ полагалъ жителей до 50 тысячъ. Въ уваженіе его представленія и такого числа жителей, рѣшено было открыть епархію въ Америкѣ, и вслѣдствіе сего, архимандритъ Кадьякской миссіи, Іосифъ, вызванъ былъ въ Иркутскъ и, въ мартѣ 1799 года, посвященъ въ архіерея Иркутскимъ преосвященнымъ Веніаминомъ; но новопоставленный преосвященный Кадьякскій (Камчатскій) и Американскій, возвращаясь на Кадьякъ на кораблѣ «Фениксъ», принадлежавшемъ Американской компаніи, въ томъ же 1799 году потонулъ въ морѣ, со всею свитою и богатою ризницею.

Судя по вещамъ, которыя принадлежали миссіи и, выбрасываемыя моремъ, были находимы по берегамъ Аляксы, надобно полагать, что судно «Фениксъ» погибло недалеко отъ береговъ Кадьяка и Уналашки. Вскорѣ послѣ сего горестнаго происшествія, скончался и самъ Шелеховъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились всякія предпріятія, касательно открытія Американской епархіи и распространенія и утвержденія слова Божія, посредствомъ священниковъ. И потому, съ того времени, какъ іеромонахи Макарій и Ювеналій окрестили Алеутовъ, Кадьякцевъ и другихъ дикарей, состояніе Американской церкви было, такъ сказать, неподвижно до 1816 года, и во всей Америкѣ находился одинъ толко священникъ, въ Кадьякѣ іеромонахъ Аѳанасій, который, исправляя требы и служеніе только въ главномъ селеніи Кадьяка, почти никуда не странствовалъ для назиданія крещеныхъ дикарей. Преемникъ Шелехова, Барановъ; послѣ многихъ и большихъ усилій, утвердясь въ Ситхѣ, перенесъ съ собою и Христіанство на дальнѣйшіе берега Америки; но члены Христіанской церкви были только или Русскіе, или Алеуты, съ Кадьяка и Уналашки; объ обращеніи же туземцевъ въ Христіанство и думать было невозможно: потому что тамошній народъ Колоши смотрѣли на Русскихъ какъ на страшныхъ враговъ своихъ и только выискивали время, когда бы можно было или изгнать, или опять истребить (какъ это удалось имъ прежде); но, при дѣятельномъ и бодромъ правленіи Баранова, намѣреніе ихъ осталось безъ всякаго успѣха, и новая колонія болѣе и болѣе укрѣплялась и умножалась пріѣзжавшими изъ Россіи на службу Компаніи, и съ тѣмъ вмѣстѣ умножилось и число Христіанъ; но они не имѣли утѣшенія видѣть совершеніе Богослуженія священнослужителемъ. Тогда Барановъ сталъ просить о священникѣ для Ситхи, и въ 1816 году былъ посланъ туда, по распоряженію Св. Сунода, священникъ Алексѣй Соколовъ». *(Состояніе Православной церкви въ Россійской Америкѣ).*

Вмѣстѣ съ симъ священникомъ, былъ присланъ отъ главнаго правленія Россійско-Американской компаніи богато украшенный образъ покровителя колоній, св. Архистратига Михаила, и, по прибытіи священника, немедленно была устроена временная церковь. Иконостасъ собранъ былъ изъ образовъ, выкинутыхъ на берегъ съ корабля «Нева», при его крушеніи; «и между ними», какъ писалъ Барановъ, «красовался образъ св. Михаила». Церковные сосуды сдѣланы были мѣстными

мастеровыми изъ Испанскаго серебра; одежды на престолъ и для священническаго облаченія сшиты были изъ китайскихъ матерій (*Истор. обозр. образов. Р. Америки. П. Тихменева, ч. I, стр.* 228).

«Всѣ Россійскія владѣнія въ Америкѣ», пишетъ отецъ Веніаминовъ (*Зап. объ остров. Уналашк. Отд. ч. I, стр. VIII—IX*) «раздѣлялись въ то время на пять главныхъ частей или отдѣловъ: Ситхинскій, Кадьякскій, Уналашкинскій, Атхинскій и Сѣверный. Къ Ситхинскому отдѣлу причислялись всѣ мѣста, лежащія къ востоку отъ горы св. Иліи; къ Кадьяку—отъ горы св. Иліи до половины полуострова Аляксы; къ Уналашкинскому и Атхинскому принадлежали всѣ острова, отдѣляющіе Берингово море отъ Тихаго океана, отъ Азіи до Америки, и часть самаго материка, прилежащаго къ нимъ. Къ Сѣверному же отдѣлу, который былъ самый обширный и наименѣе извѣстный, можно отнести всѣ берега Берингова и Сѣвернаго морей и всѣ мѣста, находящіяся внутри материка Америки.

«Россійская Америка находилась тогда въ вѣдѣніи Россійско-Американской компаніи и состояла подъ главнымъ управленіемъ начальника колоній, избираемаго компаніею изъ флотскихъ офицеровъ и утверждаемаго правительствомъ. Въ каждомъ отдѣлѣ, кромѣ послѣдняго, компанія имѣла свои конторы, состоящія подъ управленіемъ правителя конторы, изъ коихъ каждый, кромѣ перваго, былъ вмѣстѣ и начальникъ своего отдѣла. Всѣ меньшіе отдѣлы и мѣстечки, состоявшіе подъ начальствомъ управляющаго или байдарщика, причислялись къ которому нибудь изъ главныхъ отдѣловъ».

По возобновленіи; въ 1821 г., Высочайше дарованныхъ Россійско-Американской компаніи привилегій и правилъ, было постановлено ей въ обязанность имѣть достаточное число священнослужителей въ колоніяхъ, вслѣдствіе чего, правленіе компаніи начало объ этомъ ходатайствовать и посему изъ Иркутска отправлено было въ колоніи нѣсколько священниковъ, а именно: въ 1823 году, въ Уналашку Іоаннъ Веніаминовъ; въ 1824 г., въ Кадьякъ—Фрументій Мордовскій, вмѣсто іеромонаха Аѳонасія, и въ 1825 году, въ Атху—Іаковъ Нецвѣтовъ. Послѣ того, было предположено правленіемъ открыть церковь и въ Курильскомъ отдѣлѣ; но, по малочисленности тамошнихъ природныхъ жителей (ихъ только было 99 душъ, а съ Русскими и Алеутами 212), отдѣлъ этотъ причисленъ былъ къ Атхинской церкви, и тамошній свя-

щенникъ обязанъ былъ посѣщать ихъ каждые два года. Такимъ образомъ, духовная дѣятельность въ колоніяхъ раздѣлялась между четырьмя лицами. Въ вѣдѣніе Новоархангельскаго священнослужителя, съ храмомъ во имя Архистратига Михаила, устроеннымъ въ 1816 году, находились: селеніе Россъ въ Калифорніи и два редута, Старинскій и Озерскій. Кадьякскій приходъ, съ храмомъ Воскресенія Христова, устроеннымъ 1795 года, заключалъ всѣ поселенія въ Кенайскомъ заливѣ и Нученѣ и редутъ Александровскій въ Нушегакѣ; къ Атхинской же церкви, построенной въ 1827 году, во имя святителя Николая, принадлежали жители островоыъ Андреановскихъ, Крысьихъ, Ближнихъ, Командорскихъ и Курильскихъ. И наконецъ, подъ вѣдомствомъ Уналашкинскаго священника, отца Іоанна Веніаминова, находились собственно острова Лисьи и Прибылова, а также Михайловскій редутъ на Сѣверѣ. Церковь же въ этомъ отдѣлѣ была выстроена самимъ отцомъ Веніаминовымъ. *(Истор. обозр. образ. Р. Америк. комп. П. Тихменева, стр. 295—296).* Всѣ вышесказанныя церкви состояли подъ вѣдѣніемъ Иркутскаго епархіальнаго начальства, и каждый священникъ, не завися одинъ отъ другаго, давалъ отчеты прямо отъ своего лица. Первоприбывшіе священники были снабжены отъ Иркутскаго преосвященнаго особыми миссіонерскими инструкціями для своего руководства. Срокъ пребыванія священниковъ на мѣстахъ былъ пятилѣтній, общій для всѣхъ Камчатскихъ священниковъ и всѣхъ чиновниковъ Камчатскихъ и Американскихъ. Содержаніе священно-и церковнослужителей, т. е. помѣщеніе и жалованье имъ, производилось отъ Американской компаніи. Церковнослужители же избирались изъ тамошнихъ уроженцевъ; содержаніе получали наравнѣ съ прочими служителями Компаніи. Отправленіе священниковъ въ колоніи и обратно производилось также на счетъ Компаніи.

Каждый священникъ, особенно послѣднихъ трехъ церквей, т. е. Кадьякской, Уналашкинской и Атхинской, непремѣнно, каждое лѣто, долженъ объѣздить свой приходъ, для посѣщенія жителей отдаленныхъ отъ церкви мѣстъ; все необходимое для таковыхъ путешествій, какъ-то: байдарки съ гребцами, палатки и проч., получались также отъ Американской Компаніи. Также всѣ церкви строились на иждивеніе Американской Компаніи, а равно и всѣ важныя поправки ихъ состояли

на попеченіи оной (*Состоян. Православн. ц. въ Р. Америкѣ, соч. I. Веніаминова. Спб. 1849*).

О свойствахъ самаго населенія Уналашкинскаго отдѣла приводимъ слѣдующія свѣдѣнія: Паства Уналашкинской церкви была слабо подготовлена и укрѣплена въ христіанствѣ, такъ какъ она, до прибытія къ ней отца Іоанна Евсеевича Веніаминова, т. е. съ 1795 по 1824 годъ, оставалась безъ священника; живущіе въ Уналашкѣ только на короткое время видѣли священниковъ, бывшихъ здѣсь случайно; но эти священники, не имѣя походныхъ церквей, не могли совершать всѣхъ таинствъ, «да и самый креститель Алеутовъ, Макарій», говоритъ отецъ I. Веніаминовъ, «неизвѣстно почему, не имѣлъ походной церкви, т. е. св. антиминса. Алеуты хотя охотно и скоро приняли христіанскую вѣру и молились Богу, какъ были научены; но надобно сказать по истинѣ, что они, до времени постояннаго у нихъ пребыванія священника, вѣровали и молились точно невѣдомому Богу: потому что отецъ Макарій, сколько за краткостію времени, столько и за неимѣніемъ хорошихъ толмачей, не могъ передать имъ истинъ христіанскихъ, кромѣ общихъ понятій о Богѣ, Его всемогуществѣ, благости и проч.; при всемъ томъ, Алеуты остались христіанами, или, по крайней мѣрѣ, они, тотчасъ по крещеніи, не только совершенно оставили шаманство и уничтожили всѣ личины и маски, употреблявшіяся на игрищахъ и шаманствахъ, но даже и самыя пѣсни, которыя хотя сколько нибудь могли напоминать имъ прежнюю вѣру, такъ что, по прибытіи моемъ къ нимъ, я, какъ ни старался (изъ собственнаго моего любопытства), но не могъ найти ничего такого. И даже изъ самыхъ суевѣрій ихъ, которыхъ чуждъ бываетъ только человѣкъ, имѣющій живую Евангельскую вѣру, весьма многія совсѣмъ оставлены, а многія потеряли силу».

Такой успѣхъ христіанства отецъ Веніаминовъ объясняетъ мирнымъ, уступчивымъ, податливымъ характеромъ Алеутовъ. «Поэтому-то», продолжаетъ онъ, «отецъ Макарій, какъ и всѣ наши православные проповѣдники, не съ мечемъ и огнемъ предлагалъ имъ новую вѣру, которая воспрещала имъ обычныя наслажденія ихъ, т. е. многоженство и невоздержаніе, но несмотря на то, Алеуты приняли ее охотно и скоро; доказательствомъ этому можетъ быть то, что Макарій пробылъ въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ только одинъ годъ и, путешествуя по отда-

леннымъ островамъ и переѣзжая съ мѣста на мѣсто, не имѣлъ при себѣ ни стражи, ни тѣлохранителей, кромѣ одного Русскаго, для прислуги; тѣ же самые Алеуты, которыхъ онъ крестилъ или долженъ былъ крестить, перевозили его, питали и берегли, и притомъ безъ всякаго возмездія или платы. Такихъ примѣровъ немного. Можно бы возразить, что Алеуты скоро приняли вѣру изъ боязни Русскихъ, и что имъ принятіемъ крещенія давалась льгота отъ платежа ясака; и дѣйствительно, таковыя причины довольно способны побудить дикарей, подвергшихся власти сильныхъ пришельцевъ, принять новую вѣру, и тѣмъ болѣе, что льготою ясака, они избавлялись отъ всякаго вліянія сборщиковъ онаго, которые для дикихъ страшнѣе самаго ясака, и что прежняя вѣра ихъ уже не удовлетворяла ихъ внутренней потребности души: но эти средства только могутъ заставить принять новую вѣру, а не могутъ быть побужденіемъ къ тому, чтобы сдѣлаться ревностнымъ и вѣрнымъ исполнителемъ правилъ новой вѣры. Алеуты же остались примѣрно набожны и понынѣ. Если ближе разсмотрѣть и самыя причины, кои будто бы могли принудить Алеутовъ принять христіанство, то съ перваго взгляда окажется, что онѣ мнимыя: ибо Русскіе, при всемъ своемъ (прежде), можетъ быть, слишкомъ неумѣренномъ обращеніи съ Алеутами, никогда и не думали принуждать ихъ къ тому; а платежъ ясака былъ очень незначителенъ, и они платили его когда и чѣмъ хотѣли, и притомъ льгота отъ платежа ясака имъ давалась только на три года. И такъ, причину скораго и истиннаго обращенія Алеутовъ въ христіанство надобно искать въ ихъ характерѣ и расположеніи души.»

Не таковы, какъ Алеуты, были сосѣди ихъ Колоши. Колоши, при появленіи къ нимъ отца Іоанна Веніаминова, сравнительно, были менѣе просвѣщены истинами религіи, противъ туземцовъ другихъ мѣстъ этого края, и требовали особеннаго вниманія и попеченія со стороны духовенства. Бытъ ихъ, обычаи, нравы, недовѣріе къ Русскимъ и наконецъ вѣроломство, обнаруживавшееся во многихъ случаяхъ—заставляли принимать всевозможныя предосторожности въ дѣлѣ ихъ обращенія.

При такомъ-то небогатомъ и неустроенномъ наслѣдствѣ пришлось отцу Веніаминову продолжать воздѣлываніе еще полудикой и обильной плевелами нивы Божіей!

III

Наше сказаніе о великомъ и многотрудномъ апостольскомъ служеніи отца Іоанна Веніаминова умѣстно начать слѣдующими словами Апостола Павла, которыми можетъ такъ прекрасно характеризоваться миссіонерская дѣятельность нашего проповѣдника Слова Божія на далекомъ и суровомъ востокѣ:

«Въ путныхъ шествіихъ множицею: бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи. Въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ. Кромѣ внѣшнихъ, нападеніе еже по вся дни, и попеченіе всѣхъ церквей». (2 Кор. XI: 26, 27, 28).

Отецъ Іоаннъ Евсеевичъ Веніаминовъ прибылъ въ Уналашку, 29 іюля 1824 года, первымъ приходскимъ священникомъ, и 1-го августа имъ была отправлена въ деревянной часовнѣ первая литургія, съ благодарственнымъ молебномъ о благополучномъ своемъ прибытіи. Въ воспоминаніе сего, въ этотъ день установленъ былъ имъ крестный ходъ вокругъ селенія. И первымъ дѣломъ его было построеніе перваго храма Божія на островѣ Уналашкѣ, чтобы въ немъ могли туземцы собираться къ слушанію слова Божія, къ христіанскому просвѣщенію проповѣдью и крещеніемъ и, наконецъ, на общую молитву. Вторымъ дѣломъ его было тщательное изученіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій острови-

тинъ Алеутскаго отдѣла, для того, чтобы истины вѣры Христовой передавать Алеутамъ родными ихъ звуками. А звуки эти, по своей трудности горловаго произношенія, доступны только слишкомъ тонкому слуху и напряженному вниманію, потому что слишкомъ мало схожи съ звуками языковъ стараго свѣта. Но онъ скоро поборолъ эти трудности; такъ же скоро преодолѣлъ и затрудненія въ постройкѣ церкви, по недостатку и матеріаловъ, и рабочихъ. Благодаря основательному ознакомленію своему, еще на школьной скамьѣ, съ техникой и механикой, онъ предварительно пріучалъ Алеутовъ къ плотничному, столярному и отчасти слесарному и кузнечному производству, а также и къ выдѣлкѣ кирпича и каменной кладкѣ: и тогда, когда они уже были достаточно подготовлены къ подобнымъ работамъ, онъ приступилъ съ ними, 1 іюля 1825 года, къ стройкѣ церкви, повсюду руководствуя работами лично. Кромѣ того, нѣкоторыя части этой постройки онъ произвелъ собственноручно, а именно: престолъ, иконостасъ и позолоту его. Такимъ способомъ постройки, отецъ Веніаминовъ сдѣлалъ сбереженіе до семнадцати тысячъ рублей.—29 іюня 1826 года, церковь эта была отстроена и освящена имъ во имя Вознесенія Господня. И такъ, отецъ Веніаминовъ былъ и первымъ создателемъ церкви на островѣ Уналашкѣ. Затѣмъ, когда уже отецъ Веніаминовъ достаточно ознакомился съ мѣстными нарѣчіями своихъ пасомыхъ и, кромѣ того, съ ихъ бытомъ, обычаями, преданіями, и подготовилъ себя отчетливымъ знаніемъ ихъ; онъ, съ полной энергіей и съ сердечнымъ расположеніемъ, принялся за дѣло служенія своего. Облекшись въ прочную броню терпѣнія, труда, знанія и вѣры, какъ настоящій добрый ратователь вѣры Христовой, старался обратить своихъ излюбленныхъ Алеутовъ—этихъ, какъмы уже сказали, по истинѣ, дѣтей природы—къ свѣту Христову.

Строя внѣшнюю церковь, отецъ Веніаминовъ, въ то же время, неусыпно созидалъ и внутренній храмъ своихъ пасомыхъ. Неразъ, въ свободное время отъ разъѣздовъ, можно было встрѣтить отца Веніаминова въ церкви Вознесенія Господня, но чаще подъ открытомъ небомъ, бесѣдующаго съ собравшимися крещенными и некрещенными инородцами о христіанской вѣрѣ, или испытывающаго дѣтей въ знаніи молитвъ; при чемъ, внушалъ родителямъ заботиться о христіанскомъ воспитаніи ихъ. Чрезъ эти-то бесѣды отецъ Веніаминовъ узнавалъ о религіозно-нравственномъ состояніи

народа, о недостаткахъ нравственныхъ и, наконецъ, о исполненіи или неисполненіи ими христіанскихъ обязанностей. Говорилъ имъ поученія, приспособительныя къ духовнымъ ихъ нуждамъ; объяснялъ значеніе праздниковъ, исповѣди и св. причащенія, о посѣщеніи храма Божія и проч. Такъ напр., бесѣдою своею въ 1827 году, въ день Рождества Спасителя нашего Господа Іисуса Христа и избавленія Россіи отъ нашествія Галловъ, на текстъ: «И пришедше въ храмину, видѣша Отроча съ Маріею Матерію Его, и падше поклонишася Ему, и отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары, злато, и ливанъ, и смирну» (Матѳ. 2, 11.), отецъ Веніаминовъ объяснилъ имъ значеніе праздника и заключилъ свою бесѣду молитвеннымъ возваніемъ: «Іисусе Христе, Боже и Спаситель нашъ! Ты, который для того родился въ сей день, чтобы спасти насъ! Молимъ Тя мы, недостойніи овцы Твои, да святится имя Твое! Согрѣй охладѣвшія сердца наши къ прославленію достопоклоняемаго имени Твоего, научи и вразуми насъ кланятися не тѣломъ токмо, но духомъ и истиною Тебѣ, и Безначальному Отцу Твоему, со Единосущнымъ и Животворящимъ Духомъ, до конца дней нашихъ, и всегда, нынѣ и присно и во вѣки. Аминь». Это произнесъ онъ съ такимъ чувствомъ и одушевленіемъ, что произвелъ необычайное дѣйствіе на сердца юныхъ чадъ Церкви. Такое же дѣйствіе произвело его слово въ недѣлю Сыропустную и день Святителя Иннокентія, 9 февраля 1828 года, сказанное при весьма многочисленномъ стеченіи народа и съ такимъ же чувствомъ и смиреніемъ, что почти всѣ слушатели тронуты были до слезъ. Во вступленіи онъ объяснялъ имъ значеніе поста и выводилъ разницу между нынѣшними и первыми христіанами. «Прежніе христіане», говорилъ отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, «съ радостію и веселіемъ ожидали и встрѣчали св. постъ, поелику они знали силу и пользу поста, и понимали для чего онъ установленъ,—и знали не умомъ, или не по слуху только, но самымъ опытомъ. Нынѣшніе же многіе христіане съ прискорбіемъ видятъ наступающій постъ: поелику они не видятъ и не знаютъ, и не хотятъ знать и видѣть, силы и пользы поста». Затѣмъ проповѣдникъ предлагаетъ слѣдующій вопросъ: «Для чего установленъ постъ, и какъ мы должны исполнять обязанности, имъ на насъ возлагаемыя»? И, отвѣтивъ на этотъ вопросъ, заключаетъ свое слово такъ: «Наша Греко-Россійская Церковь имѣетъ обыкновеніе сегодня прощаться другъ

съ другомъ, поелику настаетъ время, въ которое должно просить прощенія у Отца Небеснаго. Сіе святое и похвальное обыкновеніе нынѣ или не наблюдается, или наблюдается несправедливо. Во исполненіе сего святаго обыкновенія, я, недостойный пастырь вашъ, прошу у васъ прощенія, братія моя, во всемъ, что я согрѣшилъ предъ вами, или словомъ, или дѣломъ, или житіемъ; благодатію Своею, Богъ да проститъ и помилуетъ всѣхъ насъ. Совѣтую и вамъ, братія, исполнить и исполнять сіе обыкновеніе. И прощать и просить прощенія истинно и право, а не наружно и ложно. А паче св. Церковь, Мать ваша, совѣтуетъ и проситъ насъ—и должность христіанства повелѣваетъ намъ—соблюдать сей св. постъ,—и, не смотря ни на какіе резоны и отговорки, какъ въ сію Четыредесятницу очистить, такъ и въ прочіе очищать совѣсть нашу, отъ мертвыхъ дѣлъ, истиннымъ покаяніемъ.—И тако, чистою душою и чистымъ сердцемъ, срѣтимъ свѣтлый праздникъ Воскресенія».

Для изученія нарѣчій и просвѣщенія островитянъ, отецъ Веніаминовъ не останавливался ни предъ какими препятствіями. Онъ усердно посѣщалъ острова описаннаго нами его прихода, который состоялъ тогда изъ 254 Русскихъ и Креоловъ и 1,497 Алеутовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Лисьевскихъ. Посвящая такимъ путешествіямъ значительную долю года, онъ подвергалъ себя опасности и разнымъ лишеніямъ, переплывая отъ острова къ острову по волнамъ океанскимъ, на утломъ челнокѣ, просто въ душегубкахъ—байдаркахъ, устроенныхъ то изъ кожъ морскихъ звѣрей, то изъ выдолбленой колоды, до того узкихъ, что ноги можно держать только протянутыми и плотно одна къ другой прижатыми, какъ у спеленатаго. Безстрашіе его въ этихъ плаваніяхъ, по разсказамъ его современниковъ, было изумительно. Изъ множества сихъ плаваній по океану, мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на плаваніе его, въ 1828 году, на трехлючной байдаркѣ, на островъ Акунъ, одинъ изъ главныхъ острововъ Креницына, лежащихъ отъ Уналашки къ сѣверовостоку до Унимака. О семъ плаваніи отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, много лѣтъ спустя, самъ разсказывалъ своимъ роднымъ и нѣкоторымъ лицамъ, близко стоявшимъ къ нему, слѣдующее: «Проживши на островѣ Уналашкѣ почти 4 года, я, въ Великій постъ, отправился въ первый разъ на островъ Акунъ къ Алеутамъ, чтобы приготовить ихъ къ говѣнію. Подъѣзжая къ острову, я увидѣлъ, что они всѣ стояли на берегу наряженными, какъ бы въ торжественный

праздникъ, и когда я вышелъ на берегъ, то они всѣ радостно бросились ко мнѣ и были чрезвычайно со мною ласковы и предупредительны. Я спросилъ ихъ: почему они такіе наряженные?—Они отвѣчали: «Потому что мы знали, что ты выѣхалъ и сегодня долженъ быть у насъ; то мы на радостяхъ и вышли на берегъ, чтобы встрѣтить тебя».—Кто же вамъ сказалъ, что я буду у васъ сегодня и почему вы меня узнали, что я именно отецъ Іоаннъ?—«Нашъ шаманъ, старикъ Иванъ Смиренниковъ, сказалъ намъ: ждите, къ вамъ сегодня пріѣдетъ священникъ; онъ уже выѣхалъ и будетъ учить васъ молиться Богу; и описалъ намъ твою наружность такъ, какъ теперь видимъ тебя».—Могу ли я этого вашего старика-шамана видѣть?—«Отчего же, можешь; но теперь его здѣсь нѣтъ, и когда онъ пріѣдетъ, то мы скажемъ ему; да онъ и самъ безъ насъ придетъ къ тебѣ». Это обстоятельство хотя чрезвычайно меня и удивило, но я все это оставилъ безъ вниманія и сталъ готовить ихъ къ говѣнію, предварительно объяснивъ имъ значеніе поста и проч.; какъ явился ко мнѣ этотъ старикъ-шаманъ и изъявилъ желаніе говѣть и ходилъ очень аккуратно, и я все таки не обращалъ на него особеннаго вниманія и, во время исповѣди, упустилъ даже спросить его: почему Алеуты называютъ его шаманомъ?—и сдѣлать ему по этому поводу нѣкоторое наставленіе. Пріобщивши его Св. Таинъ, я отпустилъ его...—И чтоже? къ моему удивленію, онъ, послѣ причастія, отправился къ своему тоёну и высказалъ ему свое неудовольствіе на меня, а именно за то, что я не спросилъ его на исповѣди, почему его Алеуты называютъ шаманомъ, такъ какъ ему крайне непріятно носить такое названіе отъ своихъ собратій, и что онъ вовсе не шаманъ. Тоёнъ, конечно, передалъ мнѣ неудовольствіе старика Смиренникова, и я тотчасъ же послалъ за нимъ, для объясненія; и когда посланные отправились, то Смиренниковъ попался имъ на встрѣчу съ слѣдующими словами: «я знаю, что меня зоветъ священникъ отецъ Іоаннъ, и я иду къ нему». Я сталъ подробно разспрашивать о его неудовольствіи ко мнѣ, о его жизни,—и на вопросъ мой, грамотенъ ли онъ? онъ отвѣтилъ, что хотя и неграмотенъ, но Евангеліе и молитвы знаетъ. Тогда спросилъ его объясненія, почему онъ знаетъ меня, что даже описалъ своимъ собратьямъ мою наружность, и откуда узналъ, что я въ извѣстный день долженъ явиться къ вамъ и что буду учить васъ молиться?—Старикъ отвѣчалъ, что ему все это сказа-

ли двое его товарищей. Кто же эти двое твои товарищи? спросилъ я его. «Бѣлые люди», отвѣтилъ старикъ;— «они, кромѣ того, сказали мнѣ, что ты, въ недалекомъ будущемъ, отправишь свою семью берегомъ, а самъ поѣдешь водою къ великому человѣку и будешь говорить съ нимъ».—Гдѣ же эти твои товарищи, бѣлые люди, и что это за люди и какой же они наружности? спросилъ я его. «Они живутъ недалеко здѣсь въ горахъ и приходятъ ко мнѣ каждый день»;—и старикъ представилъ ихъ мнѣ такъ, какъ изображаютъ св. Архангела Гавріила, т. е. въ бѣлыхъ одеждахъ и переноясанныхъ розовою лентою чрезъ плечо.—Когда же явились къ тебѣ эти бѣлые люди въ первый разъ?— «Они явились вскорѣ, какъ окрестилъ насъ іеромонахъ Макарій». Послѣ сего разговора, я спросилъ Смиренникова: а могу ли я ихъ видѣть? «Я спрошу ихъ», отвѣтилъ старикъ и ушелъ отъ меня. Я же отправился на нѣкоторое время на ближайшіе острова, для проповѣдыванія слова Божія, и, по возвращеніи своемъ, увидавъ Смиренникова, спросилъ его: что же, ты спрашивалъ этихъ бѣлыхъ людей, могу ли я ихъ видѣть, и желаютъ ли они принять меня?— «Спрашивалъ, отвѣчалъ старикъ; они хотя и изъявили желаніе видѣть и принять тебя, но при этомъ они сказали: зачѣмъ ему видѣть насъ, когда онъ самъ учитъ васъ тому, чему мы учимъ.?—Такъ пойдемъ, я тебя приведу къ нимъ».

«Тогда что-то необъяснимое произошло во мнѣ», говорилъ отецъ Іоаннъ Веніаминовъ:— «какой-то страхъ напалъ на меня и полное смиреніе. Что ежели въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, увижу ихъ, этихъ ангеловъ, и они подтвердятъ сказанное старикомъ? и какъ же я пойду къ нимъ? вѣдь я же человѣкъ грѣшный, слѣдовательно и недостойный говорить съ ними, и это было бы съ моей стороны гордостью и самонадѣянностью, если бы я рѣшился идти къ нимъ; и наконецъ, свиданіемъ моимъ съ ангелами, я, можетъ быть, превознесся бы своею вѣрою или возмечталъ бы много о себѣ... И я, какъ недостойный, рѣшился не ходить къ нимъ,—сдѣлавъ предварительно, по этому случаю, приличное наставленіе какъ старику Смиренникову, такъ и его собратамъ Алеутамъ, и чтобы они болѣе не называли Смиренникова шаманомъ».

Этому событію отецъ Іоаннъ Веніаминовъ такъ много придавалъ значенія, что по возвращеніи въ Уналашку, въ донесеніи, отъ 1-го мая 1828 года, къ архіепископу Иркутскому Михаилу II о своемъ плаваніи на островъ Акунъ, особенно подробно описываетъ его. «Отъ

природы и отъ воспитанія моего», пишетъ онъ, «я, будучи весьма далекъ всякаго суевѣрія, а паче—вымысла ложныхъ чудесъ, и впрочемъ не желая таить отъ вашего высокопреосвященства, яко милостиваго архипастыря моего, ничего, даже самыхъ слабостей моихъ,—къ свѣдѣнію вашего преосвященства, честь имѣю донести о слѣдующемъ случаѣ, не такъ какъ невозможномъ,—ибо сила благодати Божіей не оскудѣла и не оскудѣетъ,—но въ нынѣшнія времена рѣдчайшемъ или, по крайней мѣрѣ, неслыханномъ. Въ бытность мою, сего 1828 года въ апрѣлѣ, на островѣ Акунѣ и прилежащихъ ему трехъ островахъ, узналъ я, чрезъ толмача Ивана Панькова, что житель острова Акуна, селенія Рѣчешнаго, лежащаго на сѣверо-восточной сторонѣ онаго, въ разстояніи отъ главнаго селенія въ верстахъ 10-ти, тоенъ Иванъ Смиренниковъ, старикъ лѣтъ болѣе 60, отъ всѣхъ здѣшнихъ и многихъ другихъ жителей почитается шаманомъ, или по крайней мѣрѣ не простымъ, потому: 1-е. Артельновскаго селенія тоёна, Θедора Жарова, жена, 1825 года въ октябрѣ, попала на клѣпцу (ловушку, дѣлаемую для промысла лисицъ) ногою, такъ что не было средствъ излечить ее и она уже была при смерти, поелику ударъ былъ въ колѣнную чашку, всѣми тремя желѣзными зубцами, длиною до 2-хъ вершковъ. Родственники ея тайно попросили означеннаго старика Смиренникова о исцѣленіи ея и онъ, подумавши, сказалъ, что утромъ будетъ здорова: и дѣйствиствительно, къ удивленію всѣхъ, она поутру встала и пошла, не чувствуя никакой боли и даже понынѣ. 2-е. Зимою того же 1825 г., жители здѣшніе имѣли величайшую нужду въ пищѣ, и нѣкоторые изъ нихъ попросили старика Смиренникова, чтобъ онъ далъ кита (это ихъ слова), и онъ обѣщался попросить; и спустя весьма немного времени, сказываетъ всѣмъ жителямъ, чтобъ они всѣ пошли въ означенное имъ мѣсто за китомъ: и дѣйствительно, пришедши, нашли цѣлаго свѣжаго кита, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сказывалъ. 3-е. Въ прошедшую осень, я намѣренъ былъ побывать па Акунѣ, но бывшія здѣсь изъ Россіи казенныя суда помѣшали, и тогда, когда меня всѣ ожидали, потому наипаче, что поѣхали за мною съ Акуна. Онъ же смѣло утверждалъ, что я не буду осенью, а буду на весну. И дѣйствительно, вѣтры удержали меня, и время сдѣлалось уже позднее, а потому я оставилъ намѣреніе свое до весны. Есть и еще таковые случаи, доказывающіе его необыкновенное вѣдѣніе и силу, но я умал-

чиваю объ оныхъ. Таковыя повѣствованія, утверждаемыя достовѣрными свидѣтелями, убѣдили меня лично спросить старика Смиренникова: почему онъ узнаетъ будущее и чѣмъ излечаетъ?—Онъ, поблагодаривъ меня за то, что я хочу спросить его о семъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее. Вскорѣ по крещеніи его іеромонахомъ Макаріемъ, явился ему прежде одинъ, а потомъ и два духа, невидимые никѣмъ другимъ, въ образѣ человѣковъ, бѣлыхъ лицемъ, въ одѣяніяхъ бѣлыхъ и, по описанію его, подобныхъ стихарямъ, обложенныхъ розовыми лентами, и сказали ему, что они посланы отъ Бога наставлять, научать и хранить его. И въ продолженіи почти 30 лѣтъ, они, почти каждодневно, являлись ему днемъ, или въ вечеру, но не ночью, и являясь, 1-е, наставляли и научали его всей христіанской Богословіи и таинствамъ вѣры; я не нахожу за нужное здѣсь говорить, потому что оно есть ученіе вѣры христіанской. 2-е, подавали ему самому и, по прошенію его, другимъ, впрочемъ весьма рѣдко, помощь въ болѣзняхъ и крайнемъ недостаткѣ нищи. Но въ разсужденіи помощи другимъ, они всегда отзывались на прошеніе его тѣмъ, что мы спросимъ у Бога, и если благоволитъ Онъ, то исполнимъ. 3-е, иногда сказывали ему происходящее въ другихъ мѣстахъ и, весьма рѣдко, будущее: но всегда съ тѣмъ, если то угодно Богу открыть, и увѣряли, что они не своею силою все то дѣлаютъ, но силою Бога Всемогущаго. И хотя ихъ ученіе есть ученіе Православной церкви; но я, зная, что и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ, усомнился, не хитрая ли и тончайшая это сѣть искони лукаваго? и спросилъ его: какъ они учатъ молиться, себѣ или Богу, и какъ жить съ другими? Онъ отвѣчалъ, что они учатъ молиться не себѣ, но Творцу всяческихъ, и молиться духомъ и сердцемъ, и иногда молились съ нимъ весьма долго; и учатъ исполнять, словомъ, всѣ чистыя христіанскія добродѣтели (кои онъ подробно мнѣ разсказалъ), а болѣе всего совѣтуютъ наблюдать вѣрность и чистоту, какъ въ супружествѣ, такъ и внѣ супружества (и это, можетъ быть, потому что здѣшніе жители болѣе всего склонны къ сему); сверхъ того, учили его и другимъ внѣшнимъ добродѣтелямъ и обрядамъ, какъ-то: какъ изображать крестъ на тѣлѣ, не начинать никакого дѣла не благословясь, не ѣсть рано поутру, не жить вмѣстѣ многимъ семействамъ, не ѣсть вскорѣ убитой рыбы и звѣря еще теплаго; а нѣкоторыхъ птицъ и животно-растеній морскихъ совсѣмъ не употреблять въ пищу и проч.

Послѣ сего спросилъ я его: являлись ли ему они нынѣ, послѣ исповѣди и причастія, и велѣли ли слушать меня?—Онъ отвѣчалъ что являлись, какъ послѣ исповѣди, такъ и послѣ причастія, и говорили, чтобъ онъ никому не сказывалъ исповѣданныхъ грѣховъ своихъ и чтобъ, послѣ причастія вскорѣ, не ѣлъ жирнаго, и чтобъ слушалъ ученія моего, но не слушалъ промышленныхъ, т. е. Русскихъ, здѣсь живущихъ; и даже сегодня на пути явились ему и сказали, для чего я зову его, и чтобъ онъ все разсказалъ и ничего бъ не боялся, потому что ему ничего худаго не будетъ. Потомъ я спросилъ его: когда они являются ему, что онъ чувствуетъ, радость или печаль?—Онъ сказалъ, что въ то только время, когда онъ, сдѣлавши что нибудь худое и увидя ихъ, чувствуетъ угрызеніе совѣсти своей, а въ другое время не чувствуетъ никакого страха; и поелику его многіе почитаютъ за шамана, то онъ, не желая таковымъ быть почитаемъ, неоднократно говорилъ имъ, чтобъ они отошли отъ него и не являлись ему; они отвѣчали, что они не дьяволы и имъ не велѣно оставлять его, и на вопросъ его: почему они не являются другимъ? они говорили ему, что имъ такъ велѣно. Можно подумать, что онъ, услышавши отъ меня, или научившись отъ кого либо другаго, разсказывалъ мнѣ ученіе христіанское, и только для прикрасы, или изъ тщеславія, выдумалъ явленіе ему духовъ—нѣстуновъ. Но въ опровержение сего скажу я, сверхъ того, что всѣ чистые Алеуты почти совершенно чужды гордости, тщеславія и пустосвятства. 1-е. Поучая ихъ, я, за кратностію времени, а паче дабы не обременить ихъ памяти, всегда опускалъ въ Исторіи твореніе и паденіе Ангеловъ, о древѣ познанія добра и зла, о первомъ человѣкоубійцѣ, о Ноѣ, Аврраамѣ, Предтечѣ и иногда о Благовѣщеніи и Рождествѣ Іисуса Христа. Но онъ все сіе разсказалъ мнѣ подробно; во время же поученія моего, онъ изъ первыхъ подтверждалъ слова мои, и тономъ человѣка, свѣдущаго Св. Писаніе. 2-е. Алеуты всѣ, здѣсь живущіе, кромѣ толмача Панькова и еще весьма немногихъ, хотя до прибытія моего вѣрили и молились Богу, но едва ли знали, кому вѣрили и молились. Поелику отецъ Макарій, предмѣстникъ мой, іеромонахъ Кадьякской миссіи, 1794 и 1795 года крестившій всѣхъ здѣшнихъ Алеутовъ, весьма мало поучалъ ихъ, за неимѣніемъ даже посредственнаго толмача,—такъ какъ весьма недавно начали появляться хорошіе толмачи, и Паньковъ едва ли не первый изъ

лучшихъ и разумныхъ. Но Паньковъ, опасаясь не впасть въ заблужденіе и имѣя твердую вѣру во единаго Бога, никогда не входилъ со старикомъ симъ въ таковые разговоры, и сильно возставалъ и упрекалъ другихъ, спрашивающихъ и просящихъ Смиренникова. Это засвидѣтельствовали Алеуты. А потому ни отъ кого отъ человѣкъ, ни посредственно, ни непосредственно, не могъ онъ слышать сихъ исторій. 3-е. Самъ же онъ, будучи безграмотенъ и нисколько не зная Русскаго языка, не могъ ни читать, ни слышать отъ другихъ; и 4-е. Наконецъ, дабы удостовѣриться, точно ли являются ему пѣстуны его, я спросилъ его: могу ли я видѣть ихъ и говорить съ ними? онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, а спроситъ у нихъ; и дѣйствительно, чрезъ часъ приходитъ и говоритъ, что они сказали на то: «и что онъ хочетъ еще знать отъ насъ? Ужели онъ еще почитаетъ насъ дьяволами? Хорошо, пусть видитъ и говоритъ съ нами, если хочетъ;» и еще сказали нѣчто въ одобреніе мое; но я, дабы не сочтено было за тщеславіе со стороны моей, умолчу о семъ. Но я отъ собесѣдованія съ ними отказался. Можно сказать мнѣ: почему я не увидѣлъ ихъ, для удостовѣренія въ ихъ явленіи?—Но я скажу на это, что я недоумѣвалъ, можно ли и нужно ли мнѣ видѣть ихъ лично. Я думалъ такъ: что̀ мнѣ нужды видѣть ихъ, если ученіе ихъ есть ученіе христіанское? развѣ для того, чтобъ изъ любопытства только узнать, кто они, и чтобъ не быть наказаннымъ за таковой поступокъ мо̀й; и что надобно испросить благословенія и наставленія его преосвященства, а паче—чтобъ увидя ихъ, какимъ нибудь образомъ и когда нибудь, не впасть въ какое нибудь заблужденіе или недоумѣніе и проч.,—вотъ причины, по коимъ я отказался видѣть ихъ лично. И такъ, все вышесказанное имъ и клятвою подтвержденное, а мною хотя и не вездѣ точными его словами, но безъ прибавленія и утайки изложенное, и также свобода, безбоязненность и нѣкоторое его удовольствіе въ разсказѣ его, а паче незазорное житіе его, убѣдили меня думать и даже увѣриться, что являющіеся сему старику духи (если только являются) не суть діаволы, потому что хотя діаволъ и можетъ иногда преображаться въ ангела свѣтла, но никогда для наставленія и назиданія и спасенія, а всегда для погибели человѣка. Но поелику не можетъ древо зло плоды добры творити: они должны быть служебніи дуси, посылаемые для хотящихъ наслѣдовати спасеніе.

А потому, чтобъ нѣкоторымъ образомъ не ослабить вѣры и надежды на Единаго Всевышняго и Всевѣдущаго, я, до разрѣшенія вашего преосвященства, осмѣлился дать ему слѣдующее наставленіе: Вижу я, что являющіеся тебѣ духи не діаволы, а потому слушай ихъ ученія и наставленія, если только оно не будетъ противно тому, чему я училъ васъ, въ общемъ собраніи. Но другимъ, спрашивающимъ тебя о будущемъ и просящимъ помощи твоей, сказывай, чтобъ они сами просили Бога, какъ общаго всѣхъ Отца. Лечить тебѣ не возбраняю, но только съ тѣмъ: кого намѣренъ излечить, сказывай, что не своею ты силою лечишь, но Божіею, и совѣтуй прилежнѣе молиться и благодарить Его Единаго; не запрещаю также и учить, но не болѣе какъ только давать наставленія малолѣтнымъ. О будущемъ же никому и даже мнѣ самому не говорить ни слова. Прочимъ же Алеутамъ, бывшимъ тогда, сказалъ и велѣлъ сказывать, чтобъ никто не называлъ его шаманомъ, но и не спрашивалъ и не просилъ бы его ни о чемъ, кромѣ единаго Бога.

Преосвященнѣйшій Владыко, милостивый архипастырь! изложивъ все вышеописанное и представляя вашему высокопреосвященству, покорнѣйше прошу благоволить дать мнѣ Ваше милостивое архипастырское наставленіе и разрѣшеніе: справедливо-ли я поступилъ въ семъ случаѣ, и могу-ли я и нужно-ли, если только живъ будетъ сей старикъ, видѣть мнѣ и говорить съ духами, ему являющимися, и если можно, то съ какою предосторожностію.

Донося о семъ вашему преосвященству, я почелъ за нужное и приказалъ толмачу Ивану Панькову, переводившему слова мои и означеннаго старика, для удостовѣренія въ истинѣ повѣствованія моего и для подтвержденія вѣрности его перевода, здѣсь подписаться своеручно и хранить сіе до времени за тайну».

На это донесеніе, высокопреосвященный Михаилъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, отъ 5 мая 1830 года, изъ Иркутска: «Всѣ бумаги, отъ разныхъ чиселъ іюня 1828 года, вами ко мнѣ присланныя и мною 9-го сентября 1829 года полученныя, приведены въ исполненіе, согласно желанію и намѣреніямъ вашимъ. Остается мнѣ отвѣтствовать на одну только изъ нихъ, а именно, касательно описаннаго вами весьма обстоятельно происшествія, на островѣ Акунѣ, съ Алеутскимъ тоеномъ Иваномъ Смиренниковымъ. Подлинно, происшествіе это рѣдчайшее и въ наши вре-

мена неслыханное. Посему-то имѣлъ я нужду сообщить оное хотя не всѣмъ моимъ знакомымъ, но многимъ отличнымъ по уму и сердцу мужамъ, въ коихъ возбуждена чрезъ то особенная ревность услышать современемъ объясненіе во всемъ томъ, что ни есть темнаго и непонятнаго какъ въ семъ, такъ и въ другихъ подобнаго роду повѣствованіяхъ, и что можетъ въ продолженіе сего и будущаго года случиться еще необыкновеннаго съ вашимъ Смиренниковымъ. Такъ, благодаря васъ за сію рѣдкость и откровенность, благодарю и за благоразумный совѣтъ и весьма приличное наставленіе, данные вами какъ Смиренникову, такъ и собратіямъ его Алеутамъ, чтобы перваго не называли напрасно они шаманомъ, а сей шаманъ чтобы не хотѣлъ искать и желать славы чудотворца. Нелицемѣрно скажу вамъ въ глаза и заочно, что вы, не давъ мѣста любопытству превознестися надъ своею вѣрою, блаженнѣе всѣхъ тѣхъ, кои вѣруемыя вещи, подобно св. Апостолу Ѳомѣ, подвергаютъ осязанію. Но какъ невѣріе Ѳомино въ нашихъ церковныхъ пѣсняхъ названо добрымъ: то и я желалъ бы, и многіе другіе пожелаютъ со мною, чтобы вы, въ большее прославленіе благочестивыя нашея вѣры, рѣшились, если еще живъ будетъ старикъ Смиренниковъ, видѣться и говорить съ духами, ему являющимися. Большей предосторожности къ сему не требуется, кромѣ чистой вѣры вашей и сердечной молитвы: помните только при семъ свиданіи и въ продолженіи онаго молитву Господню, которую и повторите вмѣстѣ съ духами. Разговоръ же вашъ съ ними можетъ быть не иной, какъ о судьбѣ новообращенныхъ Алеутовъ, вашихъ прихожанъ, коимъ какого вы желаете добра, просите ихъ испросить онаго у Бога. Sat sapienti. Что Богъ, по дару Христа Своего, дастъ вамъ узнать, о томъ сообщите мнѣ на письмѣ въ удобное время, или на словахъ, при будущемъ пріятномъ свиданіи. Призывая на васъ благословеніе Божіе, имѣю пребыть вамъ, дондеже есмь, всеблагожелательнымъ слугою, Михаилъ, архіепископъ Иркутскій».

Отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, не ограничиваясь распространеніемъ благотворнаго своего вліянія на возлюбленныхъ Алеутовъ, предпринимаетъ, въ 1829 году, плаваніе къ сѣверу, на материкъ Америки—въ Нушегакъ, вовсе не входящій въ его отдѣлъ или приходъ, и начинаетъ тамъ проповѣдывать о Христѣ людямъ, прежде неслыхавшимъ о Немъ.

«Пребывая у народа», пишетъ отецъ Веніаминовъ, «извѣстнаго подъ

именемъ Лисьевскихъ Алеутовъ, и странствуя по ихъ селеніямъ, разбросаннымъ болѣе нежели на тысячу верстъ, я имѣлъ случай быть и у другаго народа, подобнаго Алеутамъ своею кротостію и добротою и готоваго принимать христіанство, или, сказать лучше, который самъ съ искренностію ищетъ и домогается Евангельскаго просвѣщенія, прося и принимая крещеніе безъ всякихъ видовъ, но у котораго заря истиннаго свѣта начала показываться только съ 1829 года, и у котораго еще нѣтъ благовѣстника, поставленнаго церковію. Народъ сей обитаетъ въ сѣверо-западной Америкѣ, на берегахъ Берингова моря и рѣкъ, впадающихъ въ него, и многочисленностію своею превосходитъ число всѣхъ прочихъ, подвластныхъ Россіи, Американцевъ. Здѣсь надобно сказать, что съ перваго прибытія моего въ Америку во мнѣ родилась мысль сдѣлать опытъ въ сѣяніи Слова Божія и на Сѣверѣ,—по крайней мѣрѣ, для того, чтобы узнать почву тамошнюю,—и потому я просилъ на то позволенія у Иркутскаго преосвященнаго и получилъ оное. Въ 1829 году случилось мнѣ первому быть въ Нушегакѣ (Колмаковскомъ заселеніи), для посѣщенія живущихъ тамъ христіанъ; и въ то время я тамъ нашелъ четырнадцать человѣкъ дикарей, пріѣхавшихъ изъ различныхъ селеній съ своими товарами. Потому я, не надѣясь видѣть болѣе дикарей, рѣшился предложить мое слово тѣмъ, кому случилось быть тогда въ Нушегакѣ, показавъ имъ наше служеніе; и Господу угодно было моею, по истинѣ, скудною проповѣдію обратить къ Нему тринадцать человѣкъ, которыхъ я, по приличномъ испытаніи и увѣщаніи, и окрестилъ,—и рѣка Нушегакъ была тогда для нихъ Іорданомъ. По крещеніи ихъ, вмѣсто рубашекъ или бѣлой одежды, надѣлъ я на нихъ тѣ же самыя одежды, въ которыхъ они явились ко мнѣ, и сверху ихъ обыкновенные, небольшіе, мѣдные крестики. Это я сдѣлалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы рубашки, которыя хотѣли имъ дать воспріемники, не были для прочихъ дикихъ приманкою къ принятію крещенія, и можетъ быть, такому же ухищренію, какое дѣлали нѣкогда Чукчи, которымъ обыкновенно по крещеніи давалось нѣсколько подарковъ, для нихъ очень цѣнныхъ, и они, окрестившись и получивъ положенные имъ подарки отъ одного священника, на будущій годъ приходили къ другому, или, спустя нѣсколько времени, опять приходили къ тому же. Рубашки же для здѣшнихъ дикарей есть вещь весьма цѣнная и важная.

Отправляясь изъ Нушегака, я далъ позволеніе управляющему редутомъ Колмакову крестить тѣхъ изъ дикарей, которые сами будутъ просить о томъ, но также отнюдь безъ всякихъ подарковъ.»

О вторичномъ путешествіи своемъ въ Нушегакъ отецъ Іоаннъ Веніаминовъ разсказываетъ слѣдующее: «Я нашелъ тамошнюю церковь умножившеюся еще 70 членами изъ дикарей разныхъ селеній, которыхъ крестилъ Колмаковъ по просьбѣ ихъ; и я тѣхъ изъ нихъ, которые случились на лице, поучилъ, мѵропомазалъ и пріобщилъ св. Таинъ, чему былъ свидѣтелемъ нынѣшній контръ-адмиралъ баронъ Врангель (бывшій тогда начальникомъ колоніи), который въ то же время далъ приказаніе достроить часовню для умножающихся христіанъ, что и было исполнено. Нѣкоторые изъ первенцевъ здѣшней церкви, т. е. крещенныхъ мною въ 1829 г., едва услышавши о прибытіи моемъ, тотчасъ явились ко мнѣ и порадовали меня своими успѣхами на первомъ пути къ христіанству; нѣкоторые привезли съ собою и семейства свои, для того чтобы крестить, и я исполнилъ ихъ желаніе. И такъ собственно Нушегакская, или лучше сказать, Сѣверная въ Америкѣ церковь (не считая Русскихъ и Креоловъ), получившая начало образованія своего въ 1829 году, состоитъ изъ 220 человѣкъ. Надежда церкви здѣшней, или иначе, надежда къ распространенію христіанства въ здѣшнемъ краѣ, очень велика и, можно сказать, очень вѣрна: только стоитъ начать—и церковь здѣшняя умножится до нѣсколькихъ тысячъ, и въ теченіе очень немногихъ лѣтъ.

Доказательствомъ тому можетъ служить то, что 1) дикари здѣшніе, не смотря на то, что крестившіеся ихъ собратія не получаютъ никакихъ подарковъ и даже не пользуются никакими отличіями, заманчивыми для нихъ, очень охотно принимаютъ св. крещеніе, такъ что не мы ихъ вызываемъ и просимъ, а они сами вызываются и просятъ, чтобы ихъ крестили: и потому дѣло проповѣдниковъ здѣсь будетъ состоять не въ томъ, чтобы убѣждать и увѣщевать, но только научать и утверждать Таинствами. 2) Народъ здѣшній вообще миролюбивъ, добросердеченъ, кротокъ и характеромъ своимъ очень похожъ на Алеутовъ, и потому навѣрное они также скоро, охотно и усердно примутъ христіанство. Доказательствомъ первыхъ качествъ ихъ могутъ служить находящіяся между ними такъназываемыя одиночки, т. е. мѣста, гдѣ одинъ, или не болѣе двухъ Русскихъ, живутъ среди тысячъ

ихъ, имѣя при себѣ товары для торговли съ ними, и живутъ совершенно покойно и безопасно; и другое доказательство тому есть—то, что въ послѣднее время, одни путешественники наши, знакомясь со внутренностію Америки, вопреки совѣту туземцевъ, зашли въ такое мѣсто, гдѣ не могли сыскать себѣ пищи, и какъ ни хотѣлось имъ проникнуть далѣе, но принуждены были воротиться; и въ такомъ положеніи достигли они перваго селенія, что отъ голода едва были живы: и дикари, вмѣсто того, чтобы убить ихъ, какъ слабѣйшихъ, или дорогою цѣною продавать имъ свои запасы, приняли ихъ какъ родные, ходили за ними, берегли ихъ съ попечительностію, достойною сердца образованныхъ людей; особенно заботились о нихъ старушки. И потому проповѣдники, которые явятся здѣсь, хотя и встрѣтятъ физическія трудности,—и трудности по истинѣ немалыя, ибо имъ надобно будетъ путешествовать и пѣшкомъ, и на байдаркахъ, и на собакахъ, зимою по снѣгамъ, а лѣтомъ по болотамъ, и терпѣть зимою морозы, а лѣтомъ жары и проч.,—но ихъ должно утѣшать то, что труды ихъ не будутъ напрасны (во всѣхъ отношеніяхъ), и со стороны дикарей они не встрѣтятъ не только непріязненныхъ дѣйствій, но даже никакихъ непріятностей отъ нихъ нельзя ожидать,—разумѣется, если проповѣдники будутъ дѣйствовать въ духѣ апостольскомъ. И такъ, здѣсь особенно жатва многа и поле добро зѣло, только нѣтъ дѣлателей; остается намъ желать и молить Господина жатвы, да изведетъ дѣлателей на жатву Свою и послетъ дѣлатели въ виноградъ Свой».

Всѣ эти путешествія по островамъ очень много способствовали отцу Веніаминову какъ въ изученіи мѣстныхъ языковъ, такъ и относительно наблюдательности къ окружающей его природѣ. Имѣя при себѣ записную книжку, онъ аккуратно, ежедневно, не смотря ни на какія препятствія,—а ихъ было очень достаточно,—вносилъ туда для памяти, въ возможной подробности, всѣ собранныя имъ свѣдѣнія и, по возвращеніи изъ путешествій, разбиралъ и пріобщалъ ихъ къ своимъ ученымъ изслѣдованіямъ. И такъ, по возвращеніи изъ Нушегана въ Уналашку, плоды восторженнаго стремленія отца Веніаминова къ просвѣщенію страны дикарей увѣнчались полнымъ успѣхомъ: это—появленіемъ первыхъ переводовъ его на Алеутско-Лисьевскій языкъ, а именно: Катехизиса и Евангелія отъ Матѳея. Эти переводы отца Веніами-

нова принесли Алеутамъ много радости, въ томъ отношеніи, что они уже могли наконецъ молиться Богу и знать Его ученіе на родномъ своемъ нарѣчіи. «Другая заслуга отца Веніаминова», пишетъ г. Воейковъ, «состояла въ томъ, что до 1828 года, т. е. до перваго перевода Катихизиса, Русскіе не имѣли даже понятія объ Алеутскомъ языкѣ. Съ появленіемъ же отца Веніаминова въ Америкѣ, въ качествѣ миссіонера, Русская литература получила Алеутскій букварь, съ полнымъ переводомъ важнѣйшихъ молитвъ. Вотъ почему отецъ Веніаминовъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ прочихъ миссіонеровъ, подвизавшихся въ Сибири, распространяя сѣмена вѣры и цивилизаціи именно знаніемъ природнаго, туземнаго языка просвѣщаемыхъ дикарей, глубокимъ ознакомленіемъ съ ихъ бытомъ, обычаями, нравами и преданіями,—однимъ словомъ, той безпредѣльною любовію и ревностію къ своему назначенію и призванію, которыя составляютъ душу миссіонерства». *(Москов. Унив. Извѣст. № 5, 1868 г.)*.

Итакъ, отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, живя на островѣ Уналашкѣ и исполняя долгъ пастыря добраго въ паствѣ своей, въ то же время старался продолжать быть полезнымъ не только одному ученому, но и промышленному міру. Такъ напр., въ ученомъ отношеніи, онъ уже до такой степени пріобрѣлъ знаніе въ туземныхъ языкахъ, что составилъ грамматику Алеутско-Лисьевскаго языка. О составленіи этой грамматики отецъ Веніаминовъ, съ свойственною ему скромностію, вотъ что пишетъ: «Составить граммматику такого языка, каковъ Алеутско-Лисьевскій, я считалъ почти безполезнымъ трудомъ, потому что она не нужна ни для Алеутовъ, которые и безъ грамматики могутъ сообщать другъ другу свои мысли,—и которые, навѣрное, не въ долгомъ времени, совсѣмъ оставятъ языкъ свой,—ни для иностранцевъ. Но, видя съ какимъ рвеніемъ, съ какой неутомимостью, многіе ученые стараются собирать всякаго рода свѣдѣнія, и какъ для нихъ любопытна даже малѣйшая въ такомъ родѣ находка, я рѣшился составить если не полную грамматику, то по крайней мѣрѣ изложить нѣсколько правилъ грамматики Алеутскаго языка, въ томъ предположеніи, что онѣ будутъ пригодны кому-нибудь для нѣкотораго соображенія о происхожденіи сего языка и для историческихъ догадокъ». И такъ, отецъ Веніаминовъ держался совершенно научной цѣли, и дѣйствительно, въ своихъ соображеніяхъ онъ даетъ мѣсто чисто научнымъ предположеніямъ. «Не можетъ быть»,

пишетъ онъ далѣе, «чтобы Алеутскій языкъ или нынѣ, или когда-нибудь не имѣлъ сроднаго себѣ языка и такого, который бы не былъ съ нимъ сходенъ въ названіяхъ, или по крайней мѣрѣ, не показывалъ слѣдовъ его происхожденія; но до сихъ поръ еще неизвѣстно навѣрное, отъ какого древняго языка происходитъ сей языкъ, совершенно отличный отъ живущихъ подлѣ народовъ. Но этого нельзя рѣшить по недостатку и даже, можно сказать, за неимѣніемъ свѣдѣній объ Алеутскомъ языкѣ. Всѣ наши свѣдѣнія объ немъ ограничиваются только краткими словарями».

«Не заслуживаетъ-ли отецъ Веніаминовъ», говоритъ г. Воейковъ, «полнѣйшей признательности за то, что онъ посмотрѣлъ на изученіе Американскихъ языковъ именно съ подобной точки зрѣнія? Грамматика, составленная отцомъ Веніаминовымъ, даетъ понятіе о самомъ богатствѣ и самой конструкціи языка. Къ ней приложенъ переводъ Алеутскихъ пѣсенъ, сдѣланный Ситхинскимъ толмачемъ, Семеномъ Паньковымъ, и дающій понятіе о скудной поэзіи этихъ дикарей. Этотъ трудъ отца Веніаминова по Алеутскому языку открылъ ученымъ новое поле для изслѣдыванія языковъ. Такъ, знаменитый знатокъ Китайскаго языка—Шоттъ, воспользовавшись грамматикой отца Веніаминова, сталъ съ помощью ея сравнивать Лисьевскій (Алеутскій) языкъ съ Азіатскими и достигъ, благодаря ей, желаемаго успѣха». *(Моск. Унив. Изв. № 5, 1868 г.)*.

Кромѣ грамматики, отецъ Веніаминовъ написалъ поученіе на Алеутскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Указаніе пути въ Царствіе Небесное». О сей книжкѣ мы сообщимъ впослѣдствіи.

Затѣмъ, неутомимый миссіонеръ изучалъ, въ продолженіи десяти лѣтъ, климатъ, населеніе, произведенія Уналашкинскаго отдѣла и изъ своихъ научныхъ наблюденій составилъ до высшей степени интересныя и подробныя Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, съ которыми мы уже отчасти познакомили читателей, дѣлая изъ нихъ извлеченія въ предыдущихъ главахъ. О достоинствѣ же сихъ Записокъ будутъ приведены нами отзывы многихъ ученыхъ русскихъ и особенно иностранныхъ.

Въ промышленномъ же отношеніи, отецъ Веніаминовъ также оказалъ великую услугу. Изучивъ тщательно фауну островов Восточнаго океана и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подробно ознакомившись съ образомъ жизни цѣн-

ныхъ звѣрей и способами охоты за ними, онъ, на основаніи такого-то основательнаго изслѣдованія, предложилъ главному правленію Россійско-Американской Компаніи наиболѣе разумные способы охоты за звѣрями, и такими указаніями не только предотвратилъ замѣтно возрастающее годъ отъ году уменьшеніе количества звѣрей, особенно морскихъ котиковъ, но и помогъ быстрому размноженію послѣднихъ, что сохранило и умножило на нѣсколько сотъ тысячъ доходы Компаніи, отъ промысловъ за морскими звѣрями, какъ единогласно утверждаютъ ближайшіе его современники. Одинъ изъ сихъ современниковъ, адмиралъ В. С. Завойко [1]), бывшій въ то время начальникомъ Охотской факторіи Россійско-Американской Компаніи и лично знавшій отца Веніаминова, о наблюденіи его надъ котиками сообщаетъ въ письмѣ своемъ *(15 янв. 1881 года къ Е. И. Веніаминовой)* слѣдующее: «отецъ Веніаминовъ, какъ человѣкъ съ острымъ разумомъ и быстрымъ практическимъ соображеніемъ, и какъ наблюдатель окружающей его природы, ясными своими выводами изъ своихъ наблюденій надъ жизнію земноводныхъ животныхъ, морскихъ котиковъ, доставилъ Компаніи на нѣсколько сотъ тысячъ пользы; и нынѣ, казна ежегодно получаетъ громадный доходъ, а ежели будутъ строго держаться правилъ, выведенныхъ отцомъ Веніаминовымъ, то доходъ казны долженъ увеличиваться и достигнуть милліона». Другой современникъ, креолъ А. Ф. Кашеваровъ, въ статьѣ своей *(Морск. Сбор. 1862 г. № 4)* пишетъ: «отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, часто посѣщая, для исправленія церковныхъ требъ, острова Прибылова, какъ принадлежавшіе къ приходу Уналашкинской церкви, проживалъ тамъ по нѣскольку дней и, слѣдовательно, могъ самъ дѣлать наблюденія надъ котиками; составилъ интереснѣйшую таблицу вѣроятной возможности размноженія котиковъ, если промышленники, при ежегодномъ промыслѣ этого звѣря, будутъ ограничиваться показанными въ таблицѣ его количествами, постепенно возможнаго увеличенія добычи звѣря, отъ опредѣленнаго имъ минимума, въ теченіи даннаго въ таблицѣ той періода времени до размноженія звѣря». И заключаетъ статью свою такъ: «блистательный успѣхъ оправдалъ глубокое соображеніе высокопочтеннаго автора таблицы».

На островѣ Уналашкѣ, отецъ Веніаминовъ проживалъ съ семьею своей

---

[1]) Нынѣ еще здравствующій.

сначала въ землянкѣ, а потомъ уже въ деревянномъ, скромномъ домикѣ, построенномъ собственными его руками, и его же руками была сдѣлана вся домашняя утварь и даже были сооружены имъ стѣнные часы,—однимъ словомъ, практическій его умъ дѣлалъ его способнымъ ко всякаго рода занятіямъ: онъ по нуждѣ и плотникъ, механикъ и часовщикъ, а иногда и дѣлатель сѣтей.... Такимъ образомъ отецъ Веніаминовъ,посреди апостольскаго своего подвига, достойно подражалъ первымъ рыбарямъ, уловившимъ въ свои мрежи вселенную. Вечера отецъ Веніаминовъ преимущественно посвящалъ своимъ механическимъ занятіямъ, т. е. дѣланію органовъ, или всецѣло отдавался своимъ дѣтямъ, къ которымъ онъ былъ очень нѣженъ; и не только къ своимъ, но и къ посторонним былъ тѣмъ же. Такъ что его всегда можно было встрѣтить окруженнаго своими и чужими дѣтьми и разсказывающаго имъ изъ Священной Исторіи или изъ Евангелія, своимъ простымъ, яснымъ и доступнымъ языкомъ, или играющаго съ ними въ мячъ; и для этого онъ надѣвалъ на себя сюртукъ. Гулялъ съ ними по горамъ, заставляя ихъ собирать разные камушки и, какъ самъ любитель и наблюдатель природы, разсказывалъ имъ изъ области естествознанія. Онъ положительно не могъ переносить, если дѣти его сидѣли праздными, и какъ только лишь это замѣтитъ, то тотчасъ придумывалъ разныя занятія: такъ напр., когда у нихъ уже накопилось порядочное количество камушковъ, собранныхъ съ прогулокъ по горамъ, онъ заставлялъ ихъ этими камушками мостить указанную тропинку отъ своего дома до церкви, и для успѣшности, задавалъ имъ уроки. И кто выполнялъ заданное, того непремѣнно поощрялъ или чѣмъ либо награждалъ; такимъ образомъ, отъ его дома до церкви была проложена красивая мозаичная тропинка, выложенная изъ разныхъ камушковъ его дѣтьми. Когда же онъ дѣлалъ органъ, то непремѣнно каждому дастъ что либо дѣлать: кто подавалъ шпильки, кто молоточекъ, кто стругалъ палочки, кто склеивалъ трубочки,—однимъ словомъ, дѣти его всегда были заняты. Домикъ отца Веніаминова стоялъ на берегу небольшой рѣчки Уналашки, надъ которой онъ дѣлалъ наблюденія, т. е. слѣдилъ надъ убылью и прибылью воды; для этого онъ на противоположномъ берегу выкопалъ [глубокую яму и опустилъ въ оную срубъ, какой употребляется для колодезя, только гораздо уже въ размѣрѣ; затѣмъ въ срубъ была опущена на веревочкѣ трубочка, раздѣленная

на футы. Аккуратно каждое утро и вечеръ, ходилъ онъ самъ провѣрять, посредствомъ опущенной трубочки, прибыль или убыль воды, или посылалъ дѣтей, и при этомъ онъ дѣлалъ такъ: соберетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ (а ихъ было тогда пятеро) и скажетъ имъ: «ну, дѣти, кто первый скажетъ мнѣ, сколько футовъ прибыло воды?» и тогда всѣ, разомъ, бросались на противоположный берегъ, въ перегонку, босикомъ, такъ какъ рѣка была очень мелка, и тотъ счастливецъ, кому первому удастся извѣстить его, получалъ особую награду, состоящую преимущественно изъ мѣстныхъ ягодъ, до которыхъ дѣти были большiе охотники. Наблюденiя надъ водою шли у него безостановочно и даже не прекращались во время его частыхъ отлучекъ на острова, потому что дѣти обязаны были ежедневно слѣдить и записывать въ особую тетрадку о повышенiи и пониженiи воды, а онъ, по возвращенiи, всегда провѣрялъ эту тетрадку. Кромѣ этихъ занятiй, отецъ Венiаминовъ съ своими дѣтьми отливалъ, ради экономiи, собственноручно восковыя свѣчи для своей церкви [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что во все десятилѣтнее пребыванiе отца Iоанна Венiаминова на островѣ Уналашкѣ, съ нимъ жилъ, въ качествѣ псаломщика и ближайшаго помощника во всѣхъ работахъ, родной его братъ, Стефанъ Венiаминовъ. О семъ достойномъ помощникѣ и ученикѣ его мы будемъ говорить особо.

Въ заключенiе десятилѣтней миссiонерской, ревностной дѣятельности отца Iоанна Венiаминова, на островѣ Уналашкѣ, мы должны сказать, что эта просвѣщенная и неутомимая личность рѣзко выступала изъ среды православныхъ благовѣстниковъ въ томъ краѣ, способствуя къ распространенiю Евангельскаго ученiя и началъ духовно-нравственнаго просвѣщенiя даже между туземцами, невходившими въ его отдѣлъ или приходъ, какъ напр. жители Нушегана, сердца которыхъ оставались долгое время чуждыми воспринятiя слова истины и христiанской любви къ ближнему. Слѣдовательно, всѣ дѣла отца I. Венiаминова въ землѣ, отдаленной и извѣстной только по темнымъ и нерѣдко противорѣчащимъ слухамъ, или въ странѣ, гдѣ не забывалась грустная пословица, убивающая духъ народа: «до Бога высоко, до царя далеко!...» говорятъ сами за себя. Всякiй, конечно, согласится,

[1]) Сообщено Е. И. Петелиной, дочерью митрополита Московск. Иннокентiя.

что здѣсь не какая-либо выгода, а единственно самопожертвованіе на пользу общую, могло внушить смѣлому странствователю мысль жить въ такой странѣ и придать ему силы къ перенесенію всѣхъ трудностей, опасностей и лишеній, которыя надлежало ему испытать при неуклонномъ стремленіи къ достиженію предназначенной имъ цѣли.

И такъ, послѣ первой миссіи, отправленной въ Америку, отецъ I. Веніаминовъ докрестилъ всѣхъ островитянъ и устроилъ для нихъ, кромѣ сказанной нами церкви, часовню, или особенный домъ молитвенный, на подобіе церкви. Часовня эта была выстроена, на иждивеніе Россійско-Американской Компаніи, въ отдаленномъ отъ церкви селеніи Умнакѣ. Все это зданіе, довольно большое, выстроено изъ выкиднаго лѣсу и самими Алеутами, уже научившимися отъ отца I. Веніаминова плотничьему искусству.—Но отецъ I. Ваніаминовъ далеко не довольствовался одною этою часовнею: онъ находилъ полезнымъ устроить побольше подобныхъ часовенъ, такъ какъ разстояніе между селеніями было до 70 верстъ и болѣе; и не отъ каждаго селенія къ ближайшему селенію можно было пройдти пѣшкомъ; а большею частію, сообщеніе между ними бываетъ не иначе, какъ на байдаркахъ. Желаніе же отца I. Веніаминова имѣть больше часовенъ въ своемъ приходѣ не могло исполниться, за неимѣніемъ средствъ. Затѣмъ отцомъ I. Веніаминовымъ было открыто училище для мальчиковъ, которыхъ онъ не только обучалъ лично, но и всѣ учебники для нихъ были составлены имъ самимъ. Вышепоименованные труды и подвиги отца Іоанна Евсеевича Веніаминова въ Уналашкинскомъ приходѣ, въ продолженіи десяти лѣтъ, не могли не обратить на него вниманія главнаго правленія Россійско-Американской Компаніи и, по представленію барона Врангеля, отецъ I. Веніаминовъ былъ награжденъ наперснымъ крестомъ,—такимъ знакомъ отличія, какой тогда, во всей Иркутской епархіи, имѣлъ одинъ лишь протоіерей Иркутскаго каѳедральнаго собора. Въ видѣ повышенія, отецъ Веніаминовъ былъ переведенъ съ острова Уналашки на островъ Ситху, въ Новоархангельскій портъ, гдѣ его христіанскому рвенію предстояло поприще гораздо обширнѣе того, на которомъ онъ дѣйствовалъ дотолѣ.

IV

Прежде чѣмъ начать наше описаніе дѣятельности отца I. Веніаминова на островѣ Ситхѣ, считаемъ умѣстнымъ подробнѣе познакомить читателей съ Алеутами, съ которыми отецъ I. Веніаминовъ прожилъ десять лѣтъ и которыхъ такъ сердечно любилъ онъ, за ихъ простосердечіе и усердіе къ слышанію Слова Божія; и Алеуты, въ свою очередь, также, какъ мы увидимъ, не менѣе любили своего пастыря и искренно были ему преданы, за его добродушіе и ласковое обращеніе съ ними.

Для ознакомленія съ нравственными качествами Алеутовъ въ религіозномъ отношеніи и ихъ характеромъ, мы приводимъ здѣсь важнѣйшія извлеченія изъ тѣхъ же занимательныхъ записокъ отца I. Веніаминова, о которыхъ мы упоминали выше. *(Зап. объ остр. Уналашк. Отд. ч. II.)*

«Прошу снисхожденія», пишетъ отецъ I. Веніаминовъ, «если въ отношеніи къ здѣшней Церкви стану, можетъ быть. говорить пространно: отъ избытка сердца, признаюсь, я никогда не забуду ея добрыхъ чадъ.

Изъ всѣхъ добрыхъ качествъ Алеутовъ, ничто столько не радовало и не услаждало моего сердца, какъ ихъ усердіе, или правильнѣе сказать, жажда къ слышанію Слова Божія, такъ что скорѣе утомится самый неутомимый проповѣдникъ, чѣмъ ослабнетъ ихъ вниманіе и усердіе къ услышанію Слова. Пояснимъ это примѣрами: по пріѣздѣ моемъ въ какое-либо селеніе, всѣ и каждый, совершенно оставляя всѣ свои дѣла и занятія, какъ бы онѣ ни были важны въ отношеніи къ нимъ, по первому моему призыву, тотчасъ собирались слушать мои поученія, и всѣ и каждый, съ удивительнымъ вниманіемъ, слушали ихъ, не раз-

влекаясь, не сводя глазъ и даже, можно сказать, самыя нѣжныя матери въ это время дѣлались какъ бы безчувственны къ плачу дѣтей своихъ, которыхъ и не приводили съ собою, если дѣти не въ состояніи понимать. И признаюсь откровенно, что при таковыхъ-то бесѣдахъ, я дѣятельно узналъ утѣшенія христіанской вѣры, эти сладостныя и невыразимыя прикосновенія благодати,—и потому я обязанъ Алеутамъ благодарностію болѣе, чѣмъ они мнѣ за мои труды.

Прежде чѣмъ появилось у нихъ что-нибудь писанное и печатанное на ихъ языкѣ, мнѣ случалось видѣть, какъ иногда кто нибудь изъ Алеутовъ, совершенно не зная по-русски ни слова, почти цѣлый день сидитъ и читаетъ Псалтирь славянскую или Четь-Минею. А когда они увидѣли книжки на своемъ языкѣ, т. е. Катихизисъ, переведенный мною и напечатанный первымъ изданіемъ, то даже старики начали учиться грамотѣ для того, чтобы читать по своему (и потому теперь умѣющихъ изъ нихъ читать болѣе чѣмъ шестая часть).

Имѣя такое усердіе къ слышанію Слова Божія, они также усердны и къ проповѣдникамъ онаго (но усердіе ихъ не обнаруживается вещественными даяніями, потому что они никому не могутъ передавать пушныхъ товаровъ, кромѣ Компаніи, которая имъ платитъ извѣстную цѣну). По крайней мѣрѣ, я это могу сказать по себѣ. Посѣщеніе мое и пріѣздъ мой въ селеніе бывалъ истиннымъ праздникомъ для Алеутовъ—Пасхою, потому что только въ это время они могли послушать Слова и пріобщиться св. Таинъ; куда бы я ни пріѣхалъ и въ какое время дня или ночи, но лишь только разносилась вѣсть, что пріѣхалъ отецъ (Адакъ), тотчасъ всѣ и каждый, кто только можетъ ходить, выходили ко мнѣ на встрѣчу къ самой пристани (т. е. на берегъ моря, гдѣ обыкновенно пристаютъ байдарки); всѣ и каждый привѣтствовали меня съ истиннымъ радушіемъ и видимымъ удовольствіемъ, написаннымъ на лицахъ ихъ; даже нерѣдко больныхъ приносили ко мнѣ для того, чтобы видѣться со мною и принять благословеніе. Обязанности свои въ отношеніи къ церкви Алеуты исполняютъ примѣрно: соблюдать посты перемѣною одной пищи на другую они не могутъ, потому что пища ихъ зависитъ отъ моря и почти всегда одинакова; и они, надѣясь на него, запасовъ дѣлаютъ очень немного: а потому, когда они хотятъ поститься, т. е. во время говѣнія или въ послѣдніе дни Страстной седмицы, то постятся въ полномъ зна-

ченія сего слова. Говѣютъ всегда и всѣ, такъ что во все время пребыванія моего у нихъ, почти не было ни одного изъ нихъ такого, который бы не былъ у исповѣди и Св. Причастія за лѣностію и нерачeніемъ; и все это они дѣлаютъ совершенно безъ всякаго наряда и принужденія. Во время говѣнія, не ищутъ случая, или начать ходить въ церковь около среды, или приходить въ церковь не къ началу службы; но всегда начинаютъ какъ можно ранѣе (т. е. съ субботы), и лишь только въ колоколъ—они тотчасъ уже всѣ въ церкви. Въ церкви и на молитвѣ, они стоятъ удивительно твердо. Во все время продолженія службы, хотя бы то было и четыре часа, какъ напримѣръ въ первые дни на Страстной недѣлѣ, всякій изъ нихъ, и даже самыя дѣти, стоятъ, не переступая съ ноги на ногу, такъ что, по выходѣ ихъ изъ церкви, можно даже перечесть, сколько ихъ было, смотря на ихъ мѣста, гдѣ они стояли. Во время служенія и чтенія, которое изъ нихъ очень немногіе понимаютъ, они ни по какимъ причинамъ не оглянутся ни назадъ, ни на стороны, и всегда смотрятъ или на образъ, или къ небу, или на иконы. Такое твердое стояніе въ церкви тѣмъ болѣе стоитъ похвалы, что они, многое перенимая отъ Русскихъ и худаго и добраго, отнюдь не хотятъ перенять отъ нихъ этой иногда слишкомъ неумѣренной движимости. Не скажу очень многіе, но нѣкоторые изъ Алеутовъ молятся и умѣютъ молиться; я разумѣю не то, что они умѣютъ дѣлать крестное знаменіе и кланяться, и говорить какую-нибудь молитву: нѣтъ! нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ молиться отъ души и не выказывая себя при людяхъ или въ церкви, но часто вшедъ въ клѣть свою и затворивъ двери. Это я особенно замѣтилъ въ церкви, гдѣ, какъ сказано, молящійся внутренно отнюдь не съ тѣмъ молится, чтобы на него смотрѣли, потому что на него никто и не взглянетъ. Но были изъ нихъ и такіе, которые молились тайно и не въ назначенное время; такъ напримѣръ нѣкто Нилъ Захаровъ, уже умершій (живыхъ нельзя представлять въ примѣръ), который почти всегда былъ часовымъ, и отправляя должность свою, онъ почти каждую ночь, когда все затихнетъ, молился у церкви; и это онъ дѣлалъ такъ скрытно, что обычай его только предъ смертію открылся, и то нечаяннымъ образомъ. Я увѣренъ, что есть и другіе подобные ему молитвенники. Приношенія или приклады въ церковь они дѣлаютъ очень охотно:

конечно, не всегда по чистому побужденію сердца, и принося Богу лепту, желаютъ за нее получить и временное, и вѣчное благополучіе; но въ нихъ, какъ еще въ новыхъ христіанахъ, это очень извинительно, и по крайней мѣрѣ хорошо и то, что они приносятъ. и приносятъ охотно, и почти десятину своего дохода.

Во все время пребыванія моего въ Уналашкѣ и даже понынѣ, не было не только никакого убійства или драки, но даже и значительной ссоры: это я говорю безъ всякаго увеличенія; даже дѣти ихъ очень рѣдко ссорятся между собою. Вообще Алеутъ, будучи обиженъ кѣмъ-нибудь, никогда не даетъ воли своему языку, а тѣмъ болѣе рукамъ; но обыкновенно все его мщеніе и даже иногда и оправданіе состоитъ въ совершенномъ молчаніи, которое иногда продолжается нѣсколько сутокъ, но никогда не продолжается далѣе говѣнья. А между тѣмъ это молчаніе обидимаго бываетъ обидчику жесточе самаго наказанія или самоуправства. Такъ, между ними нѣтъ ни воровъ, ни обманщиковъ. Воровство у нихъ еще и въ прежнемъ быту, по ихъ вѣрѣ, считалось постыднымъ. Ежели же нѣтъ между ними ни убійства, ни драки, ни ссоры, ни воровства: то имъ не нужно ни суда, ни расправы,—слѣдственно и судей.

Еще до прибытія къ нимъ Русскихъ, у Алеутовъ было въ обычаѣ дѣлиться между собою въ случаѣ голода, который ихъ посѣщалъ и посѣщаетъ даже понынѣ, почти каждою весною. Ближайшею причиною голода бываютъ обыкновенно свѣжіе вѣтры и, по недостатку солнечнаго свѣта и за неимѣніемъ лѣса, невозможность имѣть большіе запасы сухой рыбы. Послѣ трехъ-или четырехдневнаго совершеннаго голода, если кому-нибудь удастся выѣхать въ море и промыслить что-нибудь, то онъ обыкновенно, по пріѣздѣ своемъ, раздаетъ всѣмъ нуждающимся (а ненуждающіеся никогда не будутъ просить), и себѣ оставляетъ иногда не болѣе того, сколько нужно накормить свое семейство; а нерѣдко случалось, что онъ и изъ той самой части, которую оставилъ себѣ, дѣлится съ другимъ, кто явится нуждающійся. Точно также поступитъ и другой въ свое время, и все это дѣлается безъ всякихъ разсчетовъ и требованія благодарности. Добродѣтель это, или обычай? пусть и обычай, но нельзя не почитать его какъ въ исполняющихъ, такъ и въ учредившихъ такое святое обыкновеніе. Наконецъ скажемъ, что Алеуты терпѣливы, даже до безчувствія. Кажется, невозможно придумать такой трудности, которой бы не пере-

несъ Алеутъ, или такой горести, которая бы заставила его роптать. Въ случаѣ голода, для него ничего не значитъ три, четыре дня пробыть съ одною только водою. Въ болѣзненномъ состояніи, не услышите отъ него ни стона, ни крика, при самой жестокой боли. [1]) Такъ напр., очень часто случается, почти каждый годъ, отъ 2 до 5 человѣкъ попадаютъ на клѣпцу (ловушку для лисицъ). Алеутъ, попавшій на такую ужасную ловушку, спокойно и съ возможнымъ хладнокровіемъ, даетъ сдѣлать операцію, т. е. вынуть желѣзные зубки изъ своей ноги. Надобно замѣтить, что почти никогда нельзя вынуть ихъ тѣмъ же путемъ: но должно расколоть палку, въ которой утверждены зубки, и потомъ продѣть ихъ сквозь кость ноги. Или, что также нерѣдко случается, по невозможности имѣть помощь отъ другаго, несчастный самъ дѣлаетъ всю эту операцію и съ твердостію выдерживаетъ потомъ трехдневную, строжайшую діэту, т. е. буквально не пьетъ и не ѣстъ ни капли, что̀ считается необходимостію въ такомъ случаѣ.

Въ тяжкихъ работахъ, какъ-то: при большихъ переѣздахъ на морѣ, или переходахъ на сушѣ, Алеутъ дѣйствуетъ хотя небыстро и даже мѣшковато, но цѣлый день, или сказать лучше, до тѣхъ поръ, пока не выбьется изъ силъ—и, разумѣется, безъ всякаго ропота, хотя бы это было не по его волѣ. Онъ не поропщетъ даже и тогда, если, послѣ самыхъ тяжкихъ трудовъ, долженъ будетъ ночевать въ мокретѣ, голодный и безъ пріюта. Я, путешествуя съ ними изъ края въ край, имѣлъ много случаевъ видѣть въ подобныхъ обстоятельствахъ ихъ спокойное, кроткое и безропотное терпѣніе. Я здѣсь приведу два примѣра тому. Въ одно время, весною, ѣдучи въ западный край моей парохіи, я былъ задержанъ вѣтрами на пустомъ мѣстѣ и такъ долго, что бывшіе со мною Алеуты, послѣдніе два дня, совершенно ничего не могли достать себѣ для пищи. По этому случаю, я принужденъ былъ рѣшиться идти пѣшкомъ въ ближайшее селеніе, до котораго, по малой мѣрѣ, было не менѣе 25 верстъ: къ тому же, я долженъ былъ взять всѣ вещи, нужныя для отправленія моей должности, которыя составляли нѣсколько пудовъ, не менѣе пуда на каждаго человѣка. Въ этотъ-то день я, въ первый разъ, увидѣлъ и узналъ, какъ велико терпѣніе Алеутовъ. Дороги совсѣмъ не было: крутыя горы по-

---

[1]) Состояніе прав. Ц. въ Р. А. соч. Веніаминова. Спб. 1840 г.

крыты были полузамерзшимъ снѣгомъ, по которому не было видно ни малѣйшаго слѣда; при томъ же вдругъ сдѣлался противный вѣтеръ, со снѣгомъ и съ столь сильными шквалами, что почти останавливалъ человѣка. Тягость на плечахъ, тощій желудокъ и цѣлый день такого труднаго пути: вотъ обстоятельства, въ какихъ находились тогда Алеуты. Но не смотря на то, они такъ были спокойны, бодры и даже веселы, что эти трудности для нихъ какъ будто ничего не значили,—тогда какъ для меня и двухъ бывшихъ со мною Русскихъ, разумѣется сытыхъ и необремененныхъ, онѣ едва были выносимы. Въ другое время, мы, ѣдучи въ байдаркахъ, въ половинѣ нашего пути, встрѣчены были противнымъ вѣтромъ (легкимъ) и сильнымъ дождемъ. Не находя удобнымъ пристать у ближайшаго берега, мы должны были ѣхать до лучшей извѣстной пристани, и поэтому переѣздъ нашъ продолжался сряду $14^1/_2$ часовъ. Одинъ изъ бывшихъ со мною Алеутовъ не имѣлъ съ собою совершенно ничего, кромѣ изношенной парки и такой же камлейки. Неожиданный нами дождь промочилъ его до костей; но не смотря на то, по прибытіи нашемъ на мѣсто, онъ, такъ какъ и всѣ прочіе, спокойно занялся устройствомъ палатки, собираніемъ дровъ и проч., нисколько не заботясь о самомъ себѣ. Когда, по окончаніи дѣла, всѣ усѣлись подлѣ огня, онъ былъ веселъ и шутилъ съ своими товарищами, слегка выжимая бывшую на немъ парку, мокрую какъ лужа, и такъ беззаботно, какъ будто занимался дѣломъ, совсѣмъ до него некасающимся. Если бы ему товарищи не дали другой парки, то онъ также безропотно и спокойно легъ и ночевалъ бы въ своей мокрой. Вотъ какъ терпѣливъ Алеутъ! и не удивительно: потому что онъ родится и выростаетъ въ холодной юртѣ, и въ дѣтствѣ своемъ почти всегда бываетъ полунагой и полусытый. При недостаткѣ пищи,—почти всегда неизбѣжномъ,—мать его утѣшаетъ только тѣмъ, что вотъ скоро обсохнетъ лайда, или скоро перестанетъ вѣтеръ, и онъ, хочетъ или не хочетъ, но долженъ этого дожидаться; а между тѣмъ, время отъ времени, примѣромъ другихъ и привычкою, научается быть терпѣливымъ и нечувствительнымъ къ страданіямъ, сперва тѣлеснымъ, а потомъ и душевнымъ. И хотя терпѣливость ихъ», продолжаетъ отецъ Веніаминовъ, «не есть христіанская добродѣтель, потому что они родятся терпѣливыми; но она очень важна для утвержденія въ нихъ христіанскихъ добродѣ-

телей. Терпѣливость ихъ и обычай помогать другъ другу въ нуждѣ суть такія превосходныя качества, при которыхъ очень легко и прочно можно утвердить въ нихъ истинное христіанство. Матеріалы превосходны, лишь бы только были руки и средства.

Алеуты въ исполненіи своихъ желаній и обѣщаній тверды до невозможности, или, сказать лучше, упрямы, въ полномъ значеніи этого слова. Эта сильная черта ихъ характера бываетъ причиною и добрыхъ, и худыхъ поступковъ, напримѣръ: если Алеутъ, по убѣжденію кого нибудь, или по собственному своему произволенію, захочетъ исполнить какое либо дѣло, разумѣется, не противозаконное, то, какъ бы оно ни было трудно, лишь бы только было возможно, онъ непремѣнно исполнитъ его, въ самой строгой точности, даже не смотря на то, что это явно будетъ стоить ему здоровья, и что отъ того не получитъ онъ ни малѣйшей прибыли и выгоды. Но за то, если онъ заупрямится,—то, кажется, никакія ласки и обѣщанія и никакія выгоды не въ состояніи принудить его перемѣнить свое намѣреніе. Конечно, угрозы и страхъ наказаній, которыхъ онъ боится ужасно, и даже выговоры, всегда могутъ имѣть свое дѣйствіе надъ нимъ и принудить исполнить то, что требуется; но исполненіе это будетъ самое неусердное, и точно, что называется, съ рукъ да съ ногъ. Эта черта видна даже въ дѣтяхъ

Алеутъ очень умѣетъ чувствовать печаль и радость; но очень равнодушно встрѣчаетъ и переноситъ ихъ. Всякая горесть или потеря кого либо изъ близкихъ сердцу его тронетъ, даже поразитъ, но никогда не приведетъ въ отчаяніе. А плакать, стонать, или рыдать—это неслыханное дѣло, даже между женщинами и дѣтьми. Алеутъ умѣетъ цѣнить всякое благодѣяніе, ему оказанное, и даже различить существенное, прочное, отъ блестящаго; но никогда не обрадуется чрезмѣрно и ни отъ чего не придетъ въ восхищеніе. Правда, на лицѣ его видно бываетъ удовольствіе, но всегда спокойное и умѣренное. Даже дитя, послѣ долгаго поста, не схватитъ любимаго куска съ жадностію и не покажетъ на лицѣ радости, свойственной его возрасту. Все это слѣдствіе главной черты ихъ—терпѣливости.

Алеутъ очень неприхотливъ и совершенно равнодушенъ къ стяжанію, не говорю уже богатства, но даже излишнихъ вещей. Спросите его: доволенъ—ли онъ и хочетъ ли быть богаче? онъ вамъ ска-

жетъ то и другое; т. е., нельзя сказать, чтобы Алеутъ совершенно не имѣлъ никакого желанія улучшить свое состояніе, это не свойственно человѣку; но это ихъ желаніе, въ сравненіи съ другими образованными народами. чрезвычайно умѣренно, слабо и, можно сказать, ничтожно.

Если Алеутъ равнодушенъ къ стяжанію имѣнія, то натурально, что для него чужда зависть, и особенно, та злая зависть, которая ненавидитъ отличныхъ,—она совсѣмъ не можетъ имѣть мѣста въ его сердцѣ. Это они доказываютъ своими поступками, и особенно на промыслѣ бобровъ, который для Алеута составляетъ болѣе охоту, чѣмъ выгоду; онъ очень доволенъ и тѣмъ, если удается ему попасть стрѣлою уже въ подстрѣленнаго бобра, и со всѣмъ усердіемъ готовъ гоняться за бобромъ хотя цѣлый день, не смотря на то, что онъ уже знаетъ, что изъ этого бобра не достанется ему ничего. Упромысливщій нѣсколько бобровъ охотно отдаетъ ихъ или тому, кто ничего не добылъ, или какому нибудь больному старику, или родственнику.

Въ Алеутахъ, при всемъ ихъ хладнокровіи и равнодушіи, видна любовь къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, и даже нерѣдко въ такой степени, какая свойственна только нѣжнымъ сердцамъ; но нѣжности и ласканій не увидите никогда. Такъ, отецъ и мать, во время голода заботятся единственно о дѣтяхъ своихъ; нерѣдко случалось видѣть, что малютки сыты и довольны тогда, какъ родители ихъ отощали отъ голода. Самый лакомый кусочекъ и самое лучшее платье родители берегутъ для дѣтей своихъ; и все, что только могутъ сдѣлать для нихъ—они дѣлаютъ, напр. въ бобровыхъ и другихъ промыслахъ, при большихъ переѣздахъ, старикъ-отецъ, или дѣдъ, садится въ одну байдарку съ малолѣтнимъ сыномъ, или внукомъ своимъ, и не щадитъ послѣднихъ силъ своихъ для того, чтобы сберечь его здоровье и предохранить отъ надсады. Большимъ и лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить прежній ихъ обычай (впрочемъ, не общій), съ печали по любимомъ сынѣ своемъ, или племянникѣ, лишать себя жизни. Напр. если сынъ, или племянникъ, упалъ съ утеса, то и отецъ, или дядя, также кидался съ утесу; если тотъ утонулъ, то и они бросались въ море, и проч. Но если онъ былъ убитъ кѣмъ нибудь, то они старались отмстить.

Равнымъ образомъ и дѣти, если не всѣ, то многіе, умѣютъ быть

благодарными и почитать своихъ не только родителей, но и дядей, дѣдовъ и крестныхъ отцовъ. Никогда не слыхано такого примѣра между Алеутами, чтобы дѣти явно оскорбили своихъ родителей; но напротивъ того, очень часто они не дорожатъ собственными выгодами для того, чтобы увидѣть родителей и спокоить ихъ на старости. Это особенно доказываютъ многіе изъ живущихъ на островахъ Прибылова. Былъ примѣръ, что двое изъ хорошихъ и умныхъ Алеутовъ были въ С-Петербургѣ и имѣли случай даже тамъ остаться; но не смотря, что имъ, такъ сказать, сыпались деньги за ихъ байдарочную ѣзду, и что водки и табаку уже не нужно выпрашивать было и за деньги,—они все это оставили для того, чтобы видѣть и спокоить своихъ престарѣлыхъ матерей, и оба исполнили это. Одинъ изъ нихъ (Овсянниковъ), очень полюбившій Россію, съ 1820 года по нынѣ (1834), самымъ нѣжнымъ, примѣрнымъ образомъ, достойнымъ образованнѣйшаго сердца, заботится о своей дряхлой матери, доставляя ей все возможное спокойствіе (другой же товарищъ его померъ). Такой примѣръ отнюдь не рѣдокъ между Алеутами; но я объ немъ упоминаю особенно потому, что самъ, нѣсколько разъ, проживая у него во время моихъ путешествій, съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣлъ эти простыя, неподдѣльныя и чистыя заботы отъ пятидесятилѣтняго сына и его жены,—и съ какимъ терпѣніемъ, съ какою беропотностію они, не имѣя у себя никакой прислуги, переносили непріятности, неизбѣжныя при дряхлости и слѣпотѣ ихъ матери!

Доказательствомъ любви дѣтей къ родителямъ можетъ служить также и то, что многіе любимую жену свою (и только любимую) называютъ матерью (ананъ), а жены—мужа своего сыномъ или отцемъ. Они первое дитя свое всегда называютъ отцемъ или матерью (смотря по полу), и не по чему другому, какъ только изъ любви къ своимъ родителямъ.

Алеуты трусливы и боязливы. Скажите ему, что начальникъ сердитъ на него,—и онъ, хотя бы ни въ чемъ не былъ виноватъ, оробѣетъ и сдѣлается унылымъ и скучнымъ: боится наказаній, которыхъ и въ дѣтствѣ онъ не видывалъ. Напротивъ, при опасности на морѣ, какъ бы она ни была велика и неожиданна, Алеутъ не потеряется и не оробѣетъ, и до тѣхъ поръ будетъ противоборствовать со всею отважностію, осторожностію и искусствомъ, пока поз-

волятъ его тѣлесныя силы. Напримѣръ, Алеутъ, одинъ въ свой байдаркѣ, безбоязненно выѣзжаетъ въ стадо китовъ, или сивучей, которые если и не нападутъ на него (случается, что самки киты и нападаютъ), то, въ испугѣ и стараясь избѣжать непріятеля, очень легко могутъ опрокинуть байдарку и тѣмъ лишить его жизни. Житель Аляксы и Унимака не боится нападать на медвѣдей съ однимъ ружьемъ или лукомъ, не смотря на то, что въ случаѣ неудачнаго выстрѣла, медвѣдь можетъ броситься на него и растерзать, и что онъ неиначе можетъ спастись отъ него, какъ только увертками. И такъ, судя по таковымъ поступкамъ Алеутовъ, можно сказать, что они не боятся морей и звѣрей, но боятся только людей (и весьма справедливо).

Алеутъ нескоръ на обѣщанія, не любитъ льстить и, такъ сказать, подчивать пустыми посулами; самыя трудныя обстоятельства не вынудятъ отъ него неудобоисполнимаго обѣщанія. Но если Алеутъ уже обѣщалъ что нибудь, то непремѣнно то исполнитъ. Если онъ вздумаетъ дарить кого нибудь, то даритъ безъ всякихъ разсчетовъ, т. е. не съ тѣмъ, чтобы получить какой нибудь отдарокъ. Отдарятъ ему,—онъ возьметъ, но такъ же, какъ подарокъ, и скажетъ «спасибо»; не отдарятъ,—онъ доволенъ и тѣмъ, что приняли отъ него и сказали спасибо. Никогда не попроситъ онъ взаимнаго подарка ни отъ кого, и даже не огорчится тѣмъ, что его не благодарили даже словами. Здѣсь, кстати, я разскажу одинъ случай, бывшій со мною, который можетъ служить доказательствомъ сказаннаго мною. Въ одно время, при посѣщеніи моемъ Умнакскихъ жителей (въ августѣ), нѣкто Алеутъ Таракановъ, при разставаніи со мною, подарилъ мнѣ пару палтусей юколы: и я, разумѣется, принялъ ее (ибо не принять отъ Алеута подарка—значитъ прямо обидѣть его; онъ будетъ думать, что вы не любите его или даже презираете); но гребцы мои, которымъ я отдалъ ее, въ хлопотахъ при погрузкѣ, забыли ее на берегу. По отправленіи нашемъ, Алеутъ Таракановъ увидѣлъ юколу и взялъ къ себѣ для того, чтобы, при первомъ случаѣ, переслать ее ко мнѣ. Но случая этого не было до января; а между тѣмъ въ ноябрѣ и декабрѣ онъ, какъ и всѣ жители того селенія, терпѣлъ большой недостатокъ въ пищѣ, такъ что былъ въ самой крайности. Но при всемъ томъ онъ, имѣя большое семейство, не тронулъ моей

юколы и въ январѣ переслалъ ее ко мнѣ. Онъ былъ увѣренъ, что я никогда не могъ нуждаться такимъ количествомъ юколы, и что я навѣрное забылъ объ его подаркѣ. Подобные случаи между Алеутами весьма часты и отнюдь не считаются за что либо особенное, но за самое простое, обыкновенное дѣло.

Алеутъ не умѣетъ быть привѣтливымъ; никогда не ожидайте отъ него ни привѣтливой улыбки, ни ласковаго слова, ни мелочнаго угожденія и проч.,—только веселый взглядъ, усердныя, живыя услуги его и особый тонъ всеупотребительнѣйшаго слова «ак'ъ», показываютъ, что онъ душевно расположенъ къ вамъ. Вообще никогда не увидите, чтобы Алеутъ ласкалъ свою жену, или дитя свое, не смотря, что любитъ ихъ душевно; и это потому, что ему стыдно показаться нѣжнымъ. Только старушки, исключительно, своими протяжными и высокотонными напѣвами «ак'ъ» и медленными покачиваніями головы не стыдятся изъявить свои нѣжности.

Алеуты довольно неопрятны; пищу приготовляютъ очень небрежно, домашняя посуда почти никогда не моется. Впрочемъ, нынѣ Алеуты много измѣнились и начинаютъ привыкать къ порядку и чистотѣ, особливо тѣ, кои чаще обращаются съ Русскими.

Алеуты, хотя не имѣютъ всегдашнихъ случаевъ доказать самымъ дѣломъ склонность къ пьянству, но въ нихъ сильно можно подозрѣвать ее; потому что не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не употребляютъ водки, а другіе умѣютъ сохранить ее до извѣстнаго времени, но никто изъ прочихъ не откажется выпить ее столько, сколько можетъ; а нѣкоторые, изъ живущихъ между Русскими, безошибочно могутъ быть причтены къ кандидатамъ въ пьяницы. Также, хотя нѣтъ примѣровъ, чтобы Алеуты пропивали что нибудь изъ своего имущества, но надобно думать, что, при всегдашнихъ случаяхъ достать водки, они все необходимое для нихъ отдадутъ за нее. Этому доказательствомъ можетъ служить то, что они почти всѣ вообще чрезвычайно привержены къ табаку, и самому крѣпкому, который, кажется, у всѣхъ дикихъ, употребляющихъ его, нѣкоторымъ образомъ замѣняетъ имъ водку тѣмъ, что онъ, какъ говорятъ Алеуты, даетъ нѣкоторый куражъ; и если это такъ, то навѣрное Алеуты не упустятъ удобнаго случая табачный куражъ замѣнить водочнымъ; приверженность же къ табаку въ нихъ такъ велика, что Алеутъ безъ

табаку унылъ и скученъ и болѣе недѣятеленъ. При этомъ случаѣ онъ охотно промѣняетъ послѣдній кусокъ пищи, или лучшую стрѣлку, за листокъ табаку. При изобиліи же табаку, они безпрерывно употребляютъ его. Однакожь въ послѣднее время были примѣры, что нѣсколько Алеутовъ, бывшихъ въ числѣ пристрастныхъ къ табаку, совершенно отказались отъ него и болѣе чѣмъ двухъ, трехъ лѣтъ, какъ въ ротъ не берутъ, разсчитывая, что большая половина платы, получаемой ими за промыслъ, употребляется единственно на табакъ. По этому можно заключить, что Алеуты, если захотятъ, могутъ не вдаться и въ пьянство (но лучше не дѣлать такихъ опытовъ).

Алеуты склонны къ сластолюбію. До просвѣщенія ихъ христіанскою религіею, эта склонность дѣйствовала въ нихъ во всей возможной силѣ; одно только кровное родство было уважаемо. Но къ утѣшенію добродѣтельныхъ надобно сказать, что въ послѣднее время эта склонность Алеутовъ очень примѣтно умѣрилась. Доказательствомъ тому, что Алеуты сдѣлались лучше въ нравственномъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ началось у нихъ постоянное пребываніе священника, т. е. съ 1824 года, можетъ быть и то, что по 1827 годъ, число раждающихся Алеутовъ было менѣе 34 на годъ, и въ томъ числѣ было не менѣе 7 человѣкъ незаконнорожденныхъ; съ 1827 же года по 1839, число раждающихся круглымъ числомъ было болѣе 40, а незаконнорожденныхъ не болѣе 1: слѣдовательно, въ послѣдніе годы вообще число раждающихся увеличилось почти пятою частію, а за исключеніемъ незаконнорожденныхъ третьею частію, тогда какъ число рождающихъ по разнымъ причинамъ уменьшилось почти пятою частію. Причина этого увеличенія есть именно нравственная. Сверхъ того я скажу еще, что 1) очень часто случалось, особливо въ послѣдніе годы, имѣть на исповѣди дѣло съ такими изъ нихъ, которые совершенно ничего не имѣли сказать мнѣ такого, что бы не только тяготило ихъ душу, но даже и того, что можно назвать обыкновеннымъ грѣхомъ; а въ исчисленіи грѣховъ, Алеуты не забудутъ сказать и объ украденной иголкѣ и сказанномъ словѣ, и 2), во многихъ изъ тѣхъ, коихъ до сего сильно одолѣвала чувственность, при помощи Дающаго молящемуся молитву, видны большіе успѣхи въ исправленіи себя, а въ нѣкоторыхъ даже совершенное исправленіе».

Теперь перейдемъ къ описанію наружнаго вида Алеутовъ, ихъ языка, одежды, рукодѣлія, и наконецъ приведемъ взглядъ отца I. Веніаминова на нынѣшнее просвѣщеніе Алеутовъ:

«Наружность нынѣшнихъ Алеутовъ, то есть черты лица», говоритъ отецъ Веніаминовъ, «не у всѣхъ между собою сходны; потому что на нынѣшнее поколѣніе Алеутовъ (среднихъ лѣтъ) весьма большое вліяніе имѣло значительное число Русскихъ, бывшихъ здѣсь во время и послѣ частныхъ компаній, почему не всякій Алеутъ можетъ быть взятъ за образецъ, при описаніи ихъ наружнаго вида, не смотря на то, что онъ, по происхожденію своему, будетъ называть себя чистымъ Алеутомъ. И такъ, чтобы сколько можно вѣрнѣе изобразить національную наружность Алеутовъ, я не буду брать за образецъ самого безобразнаго и неуклюжаго; потому что такихъ очень немного, и они, вѣроятно, суть только уроды въ своемъ родѣ; но не возьму и красиваго и виднаго мущину,—тутъ сомнительно, точно ли онъ чистый Алеутъ; а буду смотрѣть на тѣхъ, которые нѣсколько выше первыхъ и гораздо ниже послѣднихъ, потому что число ихъ гораздо болѣе. Алеуты вообще росту средняго, т. е. отъ 5 до 9 вершковъ; но съ перваго взгляда, они покажутся гораздо ниже; потому что, отъ сидѣнья въ байдаркѣ, въ домахъ, не на стульяхъ и даже не на подмосткахъ, но на ровномъ мѣстѣ, они не могутъ держать себя прямо. Сверхъ того, въ колѣнкахъ, ноги у нихъ не разгибаются прямо и голени у мущинъ вообще кривыя; отчего на видъ они кажутся не очень рослы и довольно неуклюжи и, можно сказать, даже уродливы, если не въ своемъ національномъ костюмѣ. Но если бы Алеутамъ дать выправку, то большая часть изъ нихъ ростомъ были бы около 12 вершковъ; и даже есть нѣкоторые болѣе 14 вершковъ, какъ напр. бывшій главный тоэнъ Унгинскій, который, и безъ всякой выправки, былъ не менѣе 13 вершковъ; но подобный ростъ есть уже исключеніе, точно такъ, какъ и малорослые, изъ коихъ нѣкоторые едва будутъ два аршина. Походка Алеутовъ неровная; они ходятъ какъ бы спотыкаясь и, такъ какъ у нихъ кривыя ноги, то на ходьбѣ, съ боку очень походятъ на Еврейскую букву ζ; а спереди и сзади кажутся, какъ будто танцуютъ. По новой тропинкѣ, проложенной по снѣгу Алеутомъ, Русскій никакъ не можетъ итти, ступая слѣдъ въ слѣдъ; ибо пятки ногъ его смотрятъ не внутрь, а наружу.

Но за то Алеутъ, когда сидитъ въ своей однолючной байдаркѣ, и, разумѣется, въ своемъ національномъ костюмѣ, совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ на землѣ; въ то время кажется, что онъ созданъ для байдарки, или байдарка изобрѣтена для того, чтобы показать его съ самой лучшей стороны. Случалось мнѣ видѣть нѣсколько разъ Русскихъ, сидящихъ въ байдаркѣ; но никто изъ нихъ, даже изъ самыхъ бойкихъ и статныхъ, не дѣлаетъ такого вида, какъ самый обыкновенный Алеутъ.

Алеуты вообще худощавы, или, какъ говорятъ, поджаристы; ни одного изъ нихъ я не видывалъ тучнаго, или съ большимъ брюхомъ; но нѣкоторыя изъ женщинъ и особенно изъ грудныхъ дѣтей, (при изобиліи хорошей пищи и именно китовины), довольно полны и толсты, особенно дѣти; у нихъ щеки почти равняются съ носомъ, а толщина ноги нисколько не менѣе половины длины. Цвѣтъ тѣла у Алеутовъ довольно смугловатъ, но не оливковый и не черный; онъ не измѣняется даже и въ третьемъ колѣнѣ, въ смѣшеніи съ Русскими. Волосы черны и жестковаты, но не грубы; у Креоловъ они довольно скоро переходятъ въ темнорусые. Усовъ и бороды почти совсѣмъ нѣтъ, и особенно въ среднихъ лѣтахъ; но подъ старость, у многихъ выростаетъ небольшая сѣдая бородка; а у нѣкоторыхъ есть бороды довольно большія. Безволосыхъ и плѣшивыхъ совсѣмъ нѣтъ; только двухъ стариковъ видѣлъ я съ лысинами, и за то они имѣли необыкновенно большія бороды. Руки у мужчинъ грубы и съ наружной стороны гораздо чернѣе, оттого, что они никогда не употребляютъ рукавицъ, исключая того времени, когда бываютъ морозы. У женщинъ руки гораздо менѣе и правильнѣе; у всякой взрослой женщины есть нѣсколько ногтей, отращенныхъ для того, чтобы раскалывать жилы и траву при ихъ рукодѣліяхъ. Черепъ головы вообще довольно немалъ, съ боковъ круглый, а вверху, на теми, поднявшійся, иногда угловатый; и какъ нѣтъ череповъ, свисшихся назадъ, такъ нѣтъ и совершенно плоскихъ. Лобъ, по соразмѣрности лица, кажется очень неширокимъ, особенно съ перваго взгляда. Глаза, вообще, хотя и небольшіе и неширокіе, но быстрые и зоркіе. Они лежатъ не горизонтально, а наклонно къ носу, но не столько, какъ у Якутовъ, или Тунгусовъ. Разстояніе между глазами довольно большое. Цвѣтъ глазъ темнокарій, такъ что черное зрачко почти непримѣтно. Брови кругловаты и черны, у нѣко-

торыхъ сросшіяся. Носъ у Алеутовъ хотя и не коротокъ и не высокъ, но и несовсѣмъ сплюснутъ. Переносы вообще низки, ноздри полны и полуоткрыты. Скулы лица вообще довольно высунувшіяся и, кажется, едва ли менѣе Якутовъ, но не такъ остры, какъ у тѣхъ, и выдаются не столько въ бока, сколько впередъ. Ротъ болѣе, чѣмъ средней величины. Губы большія или длинныя, но неслишкомъ толсты, и есть у нѣкоторыхъ губы, много похожія на губы Негровъ. Щеки довольно полны, особенно у женщинъ и дѣтей. Уши не велики и больше прижаты, чѣмъ оттопырившись; отверстіе ихъ очень у многихъ на линіи глазъ. Зубы вообще довольно бѣлы, чисты и не широки, и, надобно прибавить, всегда здоровые.

Почти все, что здѣсь сказано о наружности Алеутовъ, надобно разумѣть только въ разсужденіи мужчинъ. Но женщины очень много разнятся отъ нихъ: ростъ у нихъ менѣе, глаза и носъ правильнѣе, брови чернѣе и гуще; ротъ тоже менѣе и губы тонѣе и правильнѣе; груди у молодыхъ вообще полныя, но не круглыя, а отвисшія; цвѣтъ лица и тѣла бѣлѣе, но ноги короче, чѣмъ бы надлежало; впрочемъ, это, можетъ быть, оттого такъ кажется, что вообще у всѣхъ женщинъ, отъ всегдашняго сидѣнья на кукоркахъ, ноги согнуты. Отъ этого старухи Алеутки слишкомъ бываютъ согбены и, въ сравненіи съ Русскими, довольно рано начинаютъ имѣть нужду въ костылѣ. За то руки и глаза имъ не измѣняютъ и въ самой глубокой старости. Употребленія же очковъ изъ нихъ не знаетъ никто.

«Языкъ, коимъ говорятъ Лисьевскіе Алеуты», пишетъ отецъ Веніаминовъ, «совершенно отличается отъ всѣхъ языковъ, употребляемыхъ окружающими народами, и, кажется, еще до сихъ поръ не рѣшено, отъ какого именно языка онъ происходитъ; но если, какъ утверждаетъ г. Шамиссо, Кадьякскій языкъ есть языкъ Гренландскій, то и Алеутскій языкъ, имѣющій одинаковое образованіе или конструкцію съ Кадьякскимъ, должно причислить къ языкамъ Гренландскаго корня. Выговоръ, или произношеніе Алеутскаго языка, довольно трудно для всякаго Европейца, но гораздо легче, чѣмъ всѣ прочіе Американскіе языки. Въ словосочиненіи, имѣющемъ многія свойственныя сему языку правила, стоитъ замѣчанія особенно то, что въ большихъ періодахъ, глаголъ, управляющій всѣмъ періодомъ, всегда полагается назади. На Алеутскомъ языкѣ, до перевода катихизиса на ихъ языкъ, не

было ни грамоты и ни буквъ. Главные недостатки сего языка суть: а) Въ немъ нѣтъ именъ существительныхъ отглагольныхъ, напр. вмѣсто: чтеніе св. книгъ весьма полезно,—надобно говорить: ежели кто читаетъ св. книги, тому польза есть. в) Въ немъ почти совсѣмъ нѣтъ глаголовъ отвлеченныхъ, напр. святить, умствовать, благословлять и проч. с) И слѣдовательно, нѣтъ нарѣчій, происходящихъ отъ таковыхъ глаголовъ и вообще всѣхъ, кои въ Русскомъ языкѣ кончатся на *но*, напр. непремѣнно, умственно. Стоитъ замѣчанія, что въ Алеутскомъ языкѣ не было словъ: терпѣть и прощать. Впрочемъ Алеутскій языкъ имѣетъ много словъ, касающихся до религіи, анатоміи и ботаники, и особенно много у нихъ названій мѣстъ и очень часто—собственныхъ, непереводимыхъ; и говоря вообще, языкъ этотъ не бѣденъ въ словахъ, для объясненія даже отвлеченныхъ понятій. Нынѣшнее употребленіе языка весьма не благопріятствуетъ для того, чтобы сохранить его въ древнемъ состояніи; ибо Алеуты, по принятіи христіанской вѣры, оставили всѣ свои старинныя пѣсни, въ коихъ воспѣвались подвиги ихъ предковъ и даже самая исторія ихъ, такъ что изъ нынѣшнихъ Алеутовъ почти никто не знаетъ ихъ. И старики увѣряютъ, что нынѣшній языкъ много разнится отъ того, какимъ говорили ихъ дѣды. Алеутскій языкъ раздѣляется на два главныхъ нарѣчія: *уналашкинское* и *атхинское*; различіе же между уналашкинскимъ и атхинскимъ нарѣчіемъ, главное состоитъ въ томъ, что слова во множественномъ числѣ первыя оканчиваютъ на *нъ*, а другія на *съ* или *шъ*, напр. вмѣсто тангинъ (островъ), Атхинцы и тоже Умнакцы говорятъ тангисъ. Уменьшительныя слова первыя оканчиваются на *дакъ*, а другія на *кӱчакъ*.

«Главную же и необходимѣйшую одежду Алеутовъ», говоритъ отецъ Веніаминовъ, «составляетъ *парка*, родъ длинной рубашки, опускающейся ниже колѣнъ, со стоячимъ воротникомъ и съ неширокими рукавами. Парки дѣлаются нынѣ изъ птичьихъ шкуръ, преимущественно топорковыхъ и ипаточьихъ (морскихъ попугаевъ), а иногда арьихъ; за неимѣніемъ же ихъ, изъ нерпечьихъ шкуръ. Парка для Алеутовъ есть незамѣнимая вещь въ здѣшнемъ климатѣ. Она въ дорогѣ составляетъ для нихъ и постель и одѣяло и, можно сказать, домъ; съ нею они не боятся ни вѣтру, ни морозу. Это я могу доказать собственнымъ опытомъ: до тѣхъ поръ, пока я не началъ употреблять парку,

во время моихъ переѣздовъ, я весьма много терпѣлъ отъ холода и вѣтровъ, при всѣхъ средствахъ, какія представляютъ фризы и даже мѣха и проч. И потому-то, хотя и многихъ Алеутовъ можно видѣть въ фризовыхъ или суконныхъ куртках и даже сюртукахъ, (впрочемъ, последніе только у тоэновъ и почетныхъ); но всѣ, во время поѣздокъ, непремѣнно имѣютъ при себѣ парку, а достаточные имѣютъ даже по двѣ, одну новую, а другую старую. Другая, столь же необходимая, одежда Алеутовъ есть *камлейка,* также родъ длинной рубашки, только съ тою разницею, что вмѣсто воротника къ ней придѣлывается особый куль или мѣшокъ, который въ случаѣ надобности, напр. въ дождь, надѣвается на голову и вокругъ лица затягивается снуркомъ; также и у рукавовъ, на концахъ, придѣлываются снуры для того, чтобы затягивать рукава. Камлейки дѣлаются вообще изъ кишекъ, преимуществено сивучьихъ (самыхъ большихъ сѣкачей), и также медвѣжьихъ, моржевыхъ и китовыхъ. Камлейки употребляются только при переѣздахъ въ байдаркахъ и иногда на переходахъ во время дождя. Самыя прочныя камлейки суть сивучьи, а щегольскія—медвѣжьи. Компанія дѣлаетъ камлеи и изъ сивучьихъ горловъ, но таковыя употребляются немногими, потому что онѣ слишкомъ дороги. Удобство и польза камлейки ничѣмъ незамѣнимы въ отношеніи цѣли, для какой онѣ изобрѣтены. Это я также испыталъ нѣсколько разъ; при самой дурной погодѣ, какая только можетъ быть, въ камлейкѣ и легко, и тепло и удобно, какъ нельзя лучше. Для обуви нынѣ употребляются вообще торбаса—родъ бродней, у которыхъ голенища дѣлаются изъ горловъ или лафтаковъ сивучьихъ; къ нимъ пришиваются переда изъ юфтевой кожи, а подошвы или изъ русскихъ кожъ, или изъ китовыхъ и сивучьихъ ластовъ; послѣднія, будучи морщиноваты, весьма удобны для ходьбы по камнямъ и скользкимъ мѣстамъ. Прежніе торбаса дѣлались безъ передовъ, мѣшкомъ. Нынѣ многіе изъ мужчинъ носятъ сапоги, а женщины башмаки. Шапокъ или фуражекъ прежніе Алеуты совсѣмъ не знали; и вообще, оба пола не покрывали головъ своихъ и не подвязывали. Но нынѣ всѣ вообще мужчины носятъ фуражки, сдѣланныя изъ сукна или нерпечьей шкуры съ козырьками, сдѣланными иногда изъ китоваго уса довольно искусно, а замужнія женщины, вдовы и старухи подвязываютъ голову платками, и съ непокрытыми головами ходятъ однѣ

только дѣвушки. Рубашки въ прежнее время не были совсѣмъ извѣстны Алеутамъ, но нынѣ вошли въ общее употребленіе; впрочемъ не всякой въ состояніи имѣть ее; достаточные же Алеуты носятъ даже жилеты, брюки (о которыхъ прежде также не имѣли понятія) и галстуки; а жены и дочери таковыхъ въ праздники одѣваются въ русскія модныя платья и шали (что иногда весьма смѣшно, при ихъ неловкой выступкѣ и согбенномъ положеніи). Постель Алеутовъ состоитъ изъ нѣсколькихъ цереловъ, или травяныхъ рогожекъ, одна другой лучше, и на нихъ—нерпечьи шкурки; а въ прежнія времена, вмѣсто нерпечьей шкуры, употребляли бобровыя и котовыя шкуры. Но нынѣ многие изъ Алеутовъ имѣютъ шерстяныя одѣяла, пуховыя подушки и даже перины. Къ числу одеждъ мужчинъ принадлежатъ деревянныя шапки или фуражки, употребляемыя только при поѣздахъ въ байдаркѣ. Шапки сіи употребляются именно съ тою цѣлью, чтобы предохранить глаза отъ брызгъ морской воды; онѣ бываютъ двухъ видовъ: однѣ глухія, а другія съ открытымъ верхомъ. Первыя дѣлаются изъ корня какого либо выброшеннаго моремъ пня, загибаются на подобіе неправильной (эллипсической) воронки и потомъ раскрашиваются разными красками,—продольными полосками,— и украшаются сивучьими усами, корольками и рѣзными костяными фигурками. Таковыя шапки въ прежнее время, т. е., когда онѣ не имѣли нынѣшнихъ орудій, были между ними большая рѣдкость: только тоэны и почетные могли имѣть ихъ; потому что лучшая шапка стоила отъ одного до трехъ калговъ. Другія шапки, съ открытымъ верхомъ, суть ничто иное, какъ большіе и длиные козырьки, надѣваемые поверхъ камлейки, или какъ фуражка безъ тульи, съ большимъ козырькомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ также украшаются сивучьими усами, корольками и костью. Но первыми только съ лѣвой стороны, для того чтобы они не мѣшали кидать стрѣлки; а у тѣхъ, кои дѣйствуютъ лѣвою, усы прикрѣпляются съ правой стороны. Таковыя шапки, большей или меньшей величины, имѣются у всякаго ѣздока.

Относительно же рукодѣлія, отецъ Веніаминовъ отзывается такъ: «Всѣ издѣлія Алеутскія, какъ напримѣръ, промысловыя орудія и байдарки, такъ и національная ихъ одежда,—доведены, можно сказать, до невозможнаго совершенства въ своемъ родѣ. Все доказываетъ, что много было думано и обдумываемо,—чтобы всякая была удобна

и пригодна для своего назначенія. Вездѣ видно большое терпѣніе въ работающихъ. Рѣдкую вещь можно видѣть у Алеутовъ даже и нынѣ, которая бы не была отдѣлана со всею аккуратностію и не сдѣлана по извѣстной формѣ, или такъ, какъ—водится; тогда какъ средства или орудія ихъ весьма недостаточны. Немного найдется изъ самыхъ трудолюбивѣйшихъ Европейцевъ такихъ, которые бы простымъ ножемъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, стали выдѣлывать, напримѣръ, изъ кости, разныхъ животныхъ, коробочки, или что нибудь другое, для того, чтобы потомъ подарить ихъ или промѣнять на папушу табака, или вышивать, или плести какую нибудь вещь цѣлыхъ полгода для того, чтобы отдать за платокъ или, много, за рубашку. Весьма замѣтно, что Алеуты, перенимая и успѣвая въ рукодѣліяхъ, занятыхъ отъ Русскихъ, теряютъ свои прежнія; напримѣръ, сдѣлать отличную байдарку или стрѣлку—весьма немного найдется такихъ».

О байдаркахъ отецъ I. Веніаминовъ сообщаетъ слѣдующее: «Алеуты, какъ жители островов, необходимо должны имѣть какія нибудь лодки, или боты, для переѣздовъ съ одного острова на другой и проч. Но природа отказала имъ въ нужномъ для лодокъ матеріалѣ, т. е. лѣсѣ; но за то, какъ бы въ вознагражденіе, дала имъ болѣе смышленности къ усовершествованію флотиліи особенной, новой, т. е. байдарокъ. Неизвѣстно, кто первый изобрѣлъ, Алеуты-ли, или ихъ сосѣди, т. е. Кадьякцы и другіе Сѣверо-Американцы? но извѣстно только то, что ихъ первыя байдарки такъ были несовершенны, что они съ трудомъ могли переѣзжать на нихъ съ одного острова на другой и только въ тихую погоду. Онѣ были широки, коротки и оттого очень тяжелы на ходу. Но, усовершествованіе байдарокъ принадлежитъ Алеутамъ, это неоспоримо; стоитъ только видѣть байдарки Кадьякцевъ, Аглегмютовъ и другихъ Сѣверныхъ жителей, и даже самыхъ ихъ одноплеменцевъ, Алеутовъ, живувущихъ на ближайшихъ островахъ въ Камчаткѣ,—и, съ перваго взгляда, видно преимущество здѣшнихъ байдарокъ предъ всѣми. Но, надобно сказать, что байдарки нынѣшнихъ Алеутовъ уже не столь совершенны, какъ байдарки прежнихъ Алеутовъ. Въ то время, у отличныхъ ѣздоковъ, онѣ столь были легки на ходу, что не отставали отъ

птицъ [1]); столь узки и острокильны, что безъ сѣдока не могли держаться на водѣ въ прямомъ положеніи, и столь легки, что семилѣтній ребенокъ легко могъ переносить ихъ. Въ лучшую байдарку однолючную, чтобы сдѣлать ее ходкою, во всѣхъ составахъ ея вставлялось до 60 косточекъ, какъ-то: втулочковъ, вертлюговъ, замочковъ, пластинокъ и проч. И такой байдарки, во время хода, всякой почти членъ имѣлъ движеніе. Но нынѣ таковыхъ косточекъ нѣтъ ни у кого, да никто, кромѣ нѣкоторыхъ стариковъ, не умѣетъ ни сдѣлать, ни употребить ихъ, какъ должно. (У меня была байдарка трехлючная съ косточками, но нисколько не лучше простой). Въ доказательство легкости прежнихъ байдарокъ, я приведу извѣстный примѣръ. Въ бытность здѣсь капитановъ Криницына и Левашова, былъ посланъ одинъ Алеутъ, изъ лучшихъ ѣздоковъ, изъ Капитанской гавани въ Иссанахскій проливъ, съ важнѣйшимъ извѣстіемъ, который въ 25 или 30 часовъ переѣхалъ разстояніе около 200 верстъ, но пріѣхавши, вскорѣ померъ отъ истеченія крови изъ груди. Лучшія изъ нынѣшнихъ байдарокъ могутъ подняться противъ самаго быстраго теченія въ проливахъ, напр. Уналгинскомъ, гдѣ на мысахъ теченіе бываетъ до 6½ узловъ.

Мнѣ кажется, что байдарка Алеутская столь совершенна въ своемъ родѣ, что и самый математикъ очень немного, и даже едва ли что нибудь можетъ прибавить къ усовершенствованію ея морскихъ качествъ. Главный членъ вообще всякой байдарки есть не киль, какъ говоритъ г. Сарычевъ, но шесты или верхняя рама, съ нѣсколькими поперечными распорками (бимсами), шириною въ срединѣ отъ 2½ до 4½ четвертей, а къ концамъ сведена вмѣстѣ; самая большая ширина хорошей байдарки не на срединѣ, но ближе къ носу. Весло для байдарки всегда дѣлается двухлопастное, длиною отъ 2½ до 3 аршинъ, смотря по росту гребца, и если только можно, всегда изъ Калифорнской чаги, какъ самаго легкаго дерева; впрочемъ, у нѣкоторыхъ стариковъ, при двухъ-лючныхъ байдаркахъ, бываютъ весла и однолопастныя, какъ у Кадьякцевъ. Г. Сарычевъ говоритъ, что Алеутъ когда кидаетъ стрѣлку, то другою рукою придерживаетъ

---

[1]) Это не иперболa. Я думаю, всѣмъ, кто бывалъ въ здѣшнихъ моряхъ, случалось видѣть, какъ нѣкоторыя птицы, напр. ара, вынырнувши изъ воды близъ судна, вѣроятно отъ испугу, не можетъ вдругъ подняться на воздухъ, но очень долго бѣжитъ по морю, дѣйствуя и ногами, и крыльями, и таковыя птицы не могутъ убѣгать отъ лучшей байдарки. Соч.

весломъ байдарку, сохраняя равновѣсіе оной. Это ошибка, потому что никто и никогда этого не дѣлаетъ; всѣ Алеуты умѣютъ соблюдать равновѣсіе во всякомъ случаѣ, а нѣкоторые такъ ловки, что могутъ въ байдаркѣ встать прямо на ноги, лишь бы только у него было весло въ рукахъ; а такіе пріемы, какъ напр., кидать стрѣлки, отъѣзжая отъ берегу, и, при небольшомъ прибоѣ, одною ногою встать въ байдарку, а другою отряхивать, и прочее—есть дѣло обыкновенное. Всѣ путешественники единогласно говорятъ, что Алеутъ, въ полномъ нарядѣ и на своей байдаркѣ, имѣетъ красивый и даже величественный видъ; тогда онъ точно на своемъ мѣстѣ. Если Калифорняки, изъ Американцевъ, суть лучшіе наѣздники на лошадяхъ; то Лисьевскіе Алеуты суть лучшіе наѣздники на байдаркахъ. Никакая сила вѣтра, ни волненіе и даже ни всякой толчекъ посторонней силы, если только Алеутъ видитъ ихъ, не опрокинутъ его, лишь бы только весло у него было въ рукахъ. Все, чего боится Алеутъ и съ чѣмъ онъ не въ состояніи бороться, есть сильный сулой въ проливахъ, и еще сильный бурунъ на пристани; но и здѣсь, опытный и проворный ѣздокъ, въ послѣднемъ случаѣ, очень часто можетъ пристать или отъѣхать, и тѣмъ спастись и спасти другихъ. Но въ первомъ случаѣ, если онъ не умѣетъ миновать сулоевъ и проѣхать между ними, то гибель его неизбѣжна.

Рукодѣлія женщинъ состоятъ исключительно въ шитьѣ и плетеніи разныхъ вещей. Всѣ вообще женщины умѣютъ шить очень хорошо, такъ что лучшія изъ нихъ не уступятъ и самымъ лучшимъ швеямъ. И также, всякая изъ нихъ умѣетъ сплесть простой церелъ, или рогожку, ишкатъ, или корзинку. Послѣ всего того, что сказано объ Алеутахъ, «говоритъ отецъ І. Веніаминовъ», слѣдуетъ обратить вниманіе вообще на нынѣшнее ихъ просвѣщеніе или образованность. Но чтобы сказать объ этомъ сколько можно удовлетворительнѣе, надобно прежде опредѣлить; что разумѣть въ Алеутахъ, подъ словомъ, просвѣщеніе? [1]) Подъ именемъ просвѣщенія, я здѣсь буду разумѣть перемѣну или переходъ изъ ихъ прежняго, такъ называемаго, дикаго состоянія въ нынѣшнее, подходящее къ нашему—европейскому. Не только

[1]) Кажется, у насъ еще и по сіе время не сдѣлали точныя опредѣленія словамъ: просвѣщеніе и образованность; въ одномъ періодическомъ листкѣ, одинъ нашъ ученый не соглашается съ мнѣніемъ другаго ученаго. Соч.

странно, но даже смѣшно, кажется, дѣлать нынѣ вопросы: должно ли просвѣщать дикарей и полезно ли для нихъ просвѣщеніе? Но какъ это ни кажется страннымъ, просвѣтители должны дѣлать себѣ такіе вопросы для того, чтобы не забывать, въ чемъ должно состоять просвѣщеніе, и просвѣщеніе не одностороннее, не поверхностное, но прочное, благодѣтельное, истинное. Немного выиграютъ дикари отъ вносимаго къ нимъ просвѣщенія, если оно будетъ только внѣшнее, житейское, и если даже оно будетъ состоять только въ одномъ умственномъ образованіи. Ибо, чѣмъ улучшится нравственное состояніе дикаря, когда онъ, напримѣръ, узнаетъ, что не солнце вертится вокругъ земли, а въ то же время не пойметъ ни цѣли существованія міра, ни цѣли своего существованія? Счастливѣе ли будетъ дикарь въ быту своемъ, когда онъ, изъ звѣриной шкуры, переодѣнется въ сукно и шелкъ, а въ то же время перейметъ съ ними и всѣ злоупотребленія производителей и потребителей? Такихъ вопросовъ можно сдѣлать еще нѣсколько; но всѣ они, при всей очевидности своей, отнюдь не ведутъ къ тому заключенію, что не должно просвѣщать дикарей, а только убѣждаютъ въ томъ, что, выводя дикарей изъ прежняго ихъ состоянія, надобно наблюдать благоразумную осторожность, дабы вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ счастливѣе, не лишить ихъ и настоящаго ихъ счастія. Такъ, надобно стараться вывесть дикаря изъ его грязной жизни; но, очищая нечистоту съ его тѣла, надобно быть осторожнымъ, чтобы не содрать съ него и природной его кожи и тѣмъ не изуродовать его. Надобно выводить дикарей изъ мрака невѣжества на свѣтъ познаній, но осторожно, чтобы не ослѣпить ихъ и, можетъ быть, навсегда; искореняя въ нихъ ложныя правила ихъ нравственности, не сдѣлать ихъ совсѣмъ безъ правилъ нравственности и проч. Примѣровъ одностороняго просвѣщенія дикарей много. И надобно сказать, что Алеуты могутъ быть исключеніемъ изъ этого, и даже могутъ быть поставлены въ примѣръ пользы просвѣщенія. Но при всемъ томъ и къ нимъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, переходятъ такіе мнѣнія и обычаи, которые они прежде считали преступленіемъ и стыдомъ, и, съ истребленіемъ въ нихъ худаго и вреднаго, уничтожается и многое доброе; такъ напримѣръ: Алеуты прежде были не слишкомъ трудолюбивы и даже лѣнивы, но у нихъ были и предметы, которые возбуждали и поддерживали ихъ дѣятельность, напримѣръ, междоусобія

и войны, вещи пагубныя;—ихъ теперь не стало; но, въ замѣнъ, почти не придано ничего такого, что̀ могло бы всегда возбуждать и поддерживать ихъ дѣятельность, и оттого природная ихъ неохота къ трудамъ,—особливо при худыхъ примѣрахъ пришельцевъ,—нынѣ дѣлается чистою лѣнью. Алеуты прежде не знали многихъ удобствъ жизни и даже жили очень неопрятно и нечисто; но за то, не знали и роскоши, и всего, что ей сопутствуетъ, и, не имѣя образцевъ, съ которыми бы могли сравнивать свое состояніе, были довольны. Нынѣ они понимаютъ различіе состояній и выгоды богатыхъ; но, въ то же время, не имѣютъ почти никакой возможности улучшить свое состояніе даже до посредственности, и потому это можетъ служить только причиною мученій, зависти, жалобы, униженія и проч. Алеуты прежде не знали искусствъ, полезнѣйшихъ въ быту человѣка и извѣстныхъ просвѣщеннымъ народамъ, но за то, они превосходно знали свои искусства, необходимыя въ ихъ быту, какъ то: искусство ѣздить въ байдаркахъ, промышлять, и даже искусство врачеванія. Нынѣ они, научаясь искусствамъ новымъ и которыя, въ ихъ быту и при ихъ обстоятельствахъ и средствахъ, очень мало могутъ приносить имъ пользы, въ то же время теряютъ свои національныя и болѣе имъ полезныя искусства; такъ, напримѣръ, нынѣ уже, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ у нихъ такихъ врачей и такихъ наѣздниковъ въ байдаркахъ, какіе бывали прежде. У Алеутовъ, въ прежнемъ быту ихъ, были нѣкоторые обычаи даже вредные, напримѣръ, убивать невольниковъ для прислуги умершимъ; но за то, въ числѣ ихъ обычаевъ, были такіе, которые всегда стоятъ похвалы и подражанія; напримѣръ, въ случаѣ крайней нужды, дѣлиться послѣднимъ кускомъ. Нынѣ, съ уничтоженіемъ обычаевъ вредныхъ, начинаютъ измѣняться и добрые. Просвѣщеніе имъ внушаетъ: помни, что ты отецъ семейства: ты долженъ заботиться объ нихъ и проч. Алеуты прежде имѣли многія правила, несообразныя съ понятіями просвѣщенныхъ, но за то, они всѣ свои правила исполняли весьма строго; всеобщее презрѣніе и даже смерть были неизбѣжными слѣдствіями нарушенія ихъ: о прощеніи, т. е. просить прощенія или прощать, они почти и понятія не имѣли (въ ихъ словарѣ нѣтъ словъ: прощать и просить прощенія). Нынѣ они, перемѣнивъ свои прежнія правила жизни на новыя, лучшія, въ то же время узнали, что у просвѣщенныхъ народовъ всѣ правила жизни превосходны, но

строгой и неизмѣнной точности въ исполненіи ихъ очень немного; и, нерѣдко, явное нарушеніе ихъ не только не преслѣдуется общимъ мнѣніемъ, но прикрывается слабостію, снисходительностію и проч. И само собою разумѣется, Алеуты начинають пользоваться такою заманчивою амнистіею.

Вотъ слѣдствія ознакомленія, Алеутовъ съ просвѣщеніемъ и перемѣны прежняго ихъ состоянія на новое! И какъ послѣ этого не сказать, что немного выиграли Алеуты отъ вносимаго къ нимъ просвѣщенія! Но надобно сказать, что здѣсь высказано почти все то, что можно сказать не въ пользу просвѣщенія, и многіе изъ представленныхъ здѣсь слѣдствій совершенно неизбѣжны и неотвратимы; и всѣ вообще онѣ не суть слѣдствія просвѣщенія, но способа или образа, коимъ вносимо было имъ просвѣщеніе. Истинное просвѣщеніе всегда и всѣмъ полезно. Представя на видъ слѣдствія неблагопріятныя и слѣдствія почти только со внѣшней физической стороны, теперь обратимъ наше вниманіе на внутреннюю, духовную и, слѣдовательно, существенную, пользу перехода Алеутовъ въ нынѣшнее ихъ состояніе. Самое первое мѣсто въ семъ отношеніи, безъ сомнѣнія, занимаетъ христіанская вѣра, перенесенная къ нимъ Русскими, и которая, можно сказать, пришлась имъ по сердцу и оттого очень скоро распространилась и утвердилась между ними. О пользѣ христіанской вѣры, какую она приноситъ даже въ началѣ своего появленія, здѣсь говорить нѣтъ нужды: это высказали вѣки и народы. Мы здѣсь представимъ на видъ только то, что въ особенности касается Алеутовъ.

Алеуты терпѣливы, даже до нечувствительности; Алеуты добры также, можно сказать, до самозабвенія. А эти два качества суть такое прекраснѣйшее поле, на которомъ можно сѣять самыя чистыя сѣмена христіанства, и суть вмѣстѣ такія важныя средства и пособія къ исполненію сего дѣла, что съ ними почти нѣтъ ничего невозможнаго для нихъ. Тотъ, кто, не имѣя никакого понятія объ утѣшеніяхъ высшихъ, духовныхъ, терпѣлъ и успѣлъ терпѣть много, доблестно и за ничто. или не болѣе, какъ только для того, чтобы не показаться малодушнымъ въ глазахъ своихъ собратій, безъ всякаго сомнѣнія, согласится терпѣть тогда, когда онъ увѣренъ, что терпѣніе его можетъ ему доставить и награду небесную, и вѣчное спасеніе, и утѣшеніе духовное. Тотъ, кто умѣлъ дѣлиться съ нуждающи-

мися послѣднимъ кускомъ, забывая и себя, и дѣтей и не заботясь о завтрашнемъ днѣ, и все это дѣлалъ только потому, что такъ водилось,— конечно, подѣлится нынѣ, когда онъ знаетъ, что всякое его благодѣяніе нуждающимся пріемлетъ отъ него Самъ Великій Мздовоздатель. Объ усердіи Алеутовъ въ исполненіи христіанскихъ обязанностей сказано выше. Алеуты, въ прежнемъ состояніи своемъ, по вѣрѣ предковъ своихъ, убивали рабовъ своихъ для прислуги умершимъ; но теперь, все это совершенно прекратилось, и не потому, что они не имѣютъ возможности дѣлать это; но потому именно, что они совершенно поняли и убѣдились, что отшедшіе изъ здѣшняго свѣта не требуютъ ни прислуги, ни пособій, кромѣ пособій христіанскихъ. Алеуты, до прибытія къ нимъ Русскихъ, и особенно предъ самымъ прибытіемъ, имѣли страшныя войны и междоусобія, такъ что наконецъ у нихъ до того дошло, что не только жители ближайшихъ острововъ, но даже сосѣдственныхъ селеній и домовъ были непримиримыми врагами между собою, и если не открытою силою, то тайно и скрытно губили другъ друга. Но теперь все это совершенно прекратилось, и не только нѣтъ между ними ни междоусобій, ни вражды, но даже обыкновенной мелкой домашней ссоры;—и прежніе непримиримѣйшіе ихъ враги—Кадьякцы—теперь уже не только не враги въ глазахъ ихъ, но пріятели, братья и даже друзья. И все это также, отнюдь не потому только, что Алеуты нынѣ не имѣютъ возможности враждовать другъ на друга: но болѣе по убѣжденію и увѣренности, что всѣ люди братья, и потому что Алеуты умѣютъ перенести обиду. Вотъ важнѣйшіе плоды просвѣщенія Алеутовъ! и кто не порадуется о нихъ? Къ сему прибавимъ еще и другія благопріятныя слѣдствія ознакомленія Алеутовъ съ новыми понятіями.

Алеуты давно уже стоятъ на той степени просвѣщенія, что, безъ всякаго препятствія съ ихъ стороны, принимаютъ и готовы принимать всякія нововведенія, клонящіяся къ ихъ пользѣ, напр. прививаніе оспы. Это они особенно доказали послѣднее время, когда въ Америкѣ была оспа: сосѣди ихъ, Кадьякцы, бѣгали отъ пособій, подаваемыхъ имъ, и не хотѣли принять прививаніе оспы, (и конечно, оттого много уменьшилось число ихъ); а Алеуты, напротивъ того, не только принимали съ охотою, но и содѣйствовали въ томъ, сколько могли. И все это они дѣлали и дѣлаютъ также не отъ того, чтобы не смѣли противиться

нововводителямъ, но по убѣжденію въ истинной пользѣ нововведеній. Измѣрять—ли степень просвѣщенія Алеутовъ грамотностію, или числомъ умѣющихъ читать? то въ этомъ отношеніи, они не уступятъ многимъ просвѣщеннымъ народамъ. Въ послѣднее время, т е., когда появились переводы на ихъ языкъ, умѣющихъ читать было болѣе, чѣмъ шестая часть; и есть селенія, гдѣ, изъ мужчинъ, болѣе половины грамотныхъ; а на одномъ островѣ (св. Павла), почти всѣ до одного умѣютъ читать. Грамотность между Алеутами распространяется сколько чрезъ училище, существующее у нихъ съ 1825 года, а болѣе самоучкою. И, судя по ихъ желанію и охотѣ къ ученію, можно утвердительно сказать, что современемъ Алеуты всѣ будутъ грамотны. Всѣ ремесла и искусства, какія только могли Русскіе перенести съ собою въ Америку, Алеуты перенимаютъ съ охотою, такъ что теперь между Алеутами можно найти мастеровъ, отъ сапожника до часовщика. Земледѣлія и промышленности у нихъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. Скудость мѣстныхъ произведеній земли и моря и грубый климатъ никогда не дадутъ распространиться промышленности и земледѣлію. Послѣднее развѣ тогда только будетъ, когда на Алеутскихъ островахъ будутъ лѣса; а лѣса еще и не посѣяны. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи Алеуты подвинулись, сколько имъ позволяютъ средства: картофель и рѣпа, хотя не въ большемъ количествѣ, но засѣваются почти всѣми. Самый бытъ ихъ, или образъ жизни, въ послѣднее время весьма много улучшился, въ сравненіи съ прежнимъ, не смотря на то, что они лишены весьма многихъ средствъ къ тому. Возможная чистота и порядокъ начинаютъ входить въ общее употребленіе. Но совершенный недостатокъ въ лѣсѣ всегда будетъ сильнѣйшимъ препятствіемъ къ улучшенію быта жителей тамошнихъ острововъ, кто бы они ни были. Различія въ состояніи, или имѣній Алеутовъ, почти нѣтъ никакого, такъ что, можно сказать, Алеуты всѣ одинаковаго состоянія. И это отнюдь не отъ того, чтобы они не хотѣли или не понимали выгодъ лучшаго состоянія; но сколько отъ скудости мѣстныхъ произведеній и средствъ, а болѣе отъ ихъ характера. Но, при всемъ томъ, можно назвать нѣкоторыхъ изъ нихъ богатыми—въ сравненіи съ другими,— и которые, не иначе, какъ только трудами своими и смышленностію, сдѣлались таковыми. Но замѣчательнѣе всего то, что—богатство не портитъ ихъ сердца. Богатые пользуются избытками своими безъ при-

вязанности къ нимъ, безъ гордости и проч., а недостаточные отнюдь не ропщутъ на свое положеніе и не завидуютъ состоянію первыхъ. Слѣдовательно, можно сказать, что и состояніе Алеутовъ улучшилось, и улучшилось много. Ибо они довольны своимъ состояніемъ; а это, кажется, должна быть одна изъ важнѣйшихъ цѣлей просвѣщенія. Скотоводства у Алеутовъ еще нѣтъ, да кажется и быть не можетъ; потому что хотя травы у нихъ много, и времени достанетъ на эту часть хозяйства; но не изъ чего сдѣлать пріюта для скота. Многіе изъ нихъ заводили и желали бы имѣть домашнихъ животныхъ; но онѣ вмѣсто пользы, дѣлали имъ вредъ—тѣмъ, что разрывали ихъ собственныя жилища. Наконецъ, нельзя упустить изъ вида и нынѣшняго правленія Алеутовъ, которое, хотя не есть прямое слѣдствіе ихъ просвѣщенія, но есть одна изъ важнѣйшихъ цѣлей, которой домогаются просвѣщенные народы. Прежнее правленіе Алеутовъ было самое неопредѣленное, или, лучше сказать, у нихъ не было ни правленія, ни законовъ: ибо тоэны, или родоначальники ихъ, были сильны только физическою силою, а закономъ для нихъ были ихъ обычаи и мнѣнія. Теперь же Алеуты, не участвуя нисколько ни въ необходимыхъ тягостяхъ правленія, и почти не чувствуя подчиненности, только наслаждаются плодами правленія и живутъ, можно сказать, въ совершенной свободѣ; ибо у нихъ ни судей, ни разбирателей, ни сборщиковъ податей и проч.—нѣтъ, потому что не въ чемъ судить и разбирать ихъ. У нихъ нѣтъ не только преступленій, но даже самыхъ обыкновенныхъ споровъ или ссоръ. И потому законъ гражданскій, подъ которымъ они теперь находятся, для нихъ есть въ полномъ смыслѣ покровъ и источникъ благоденствія. Онъ для нихъ стража крѣпкая и мощная, но стража въ покойномъ и мирномъ городѣ, или обществѣ. Вотъ плоды и слѣдствія просвѣщенія Алеутовъ и ознакомленія ихъ съ новыми понятіями!

Теперь можно сдѣлать еще одинъ вопросъ: надобно—ли стараться выводить Алеутовъ изъ ихъ нынѣшняго (промышленнаго) состоянія въ другое, лучшее? Кажется, нѣтъ (не говоря о частностяхъ). Потому что, если принять за основаніе: 1), что при просвѣщеніи дикарей, (а кажется, и всѣхъ), надобно имѣть въ виду болѣе то, чтобы мирить ихъ съ своимъ состояніемъ, чтобы они полюбили его и, сколько возможно, старались исправлять въ немъ недостатки, и тѣмъ быть полезными какъ своему частному обществу, такъ и цѣлому; 2), что

переходъ изъ состоянія въ состояніе, и особливо быстрый, и безъ намѣренія и возможности быть полезнымъ новому обществу, есть зло, какъ для общества частнаго и цѣлаго, такъ часто и для самого переходящаго;—то рѣшительно можно сказать, что не нáдобно особливо стараться и домогаться переводить ихъ въ другое состояніе,—разумѣется, не отнимая свободы и возможности переходить имъ. Ибо, что будетъ изъ того, если мы всѣхъ дикарей, просвѣщая ихъ, будемъ только выводить изъ прежняго ихъ быта, а, въ то же время, не будемъ имѣть возможности сдѣлать ихъ болѣе полезными, счастливыми? Если что̀ можно пожелать Алеутамъ, для улучшенія ихъ состоянія, то именно только то, чтобы въ нравственномъ отношеніи, характеръ ихъ всегда оставался неизмѣннымъ, и духъ христіанства болѣе и болѣе развивался и глубже укоренялся въ нихъ; а въ отношеніи быта ихъ—пожелать имъ можно только лѣсовъ; тогда у нихъ будетъ и земледѣліе и скотоводство, а слѣдовательно, болѣе возбудится и будетъ поддерживаться ихъ дѣятельность.—Это сильное средство для избѣженія порчи нравственной и для достиженія благосостоянія внѣшняго».

Эти извлеченія наши изъ подробнаго описанія записокъ отца І. Веніаминова о внутренней и внѣшней жизни Алеутовъ будутъ служить намъ лучшею и вѣрною ихъ характеристикою и, кромѣ того, онѣ дадутъ намъ возможность понять значеніе дѣтства народа и Божественную силу Христіанства, которое такъ неотразимо дѣйствуетъ на чистое, невинное, дѣтское сердце. Здѣсь невольно припоминаешь слѣдующія, глубокія по смыслу, изрѣченія Господа нашего Іисуса Христа: «Исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ. Аминь, глаголю вамъ, аще не обратитеся, и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное. Оставите дѣтей, и не возбраняйте имъ пріити ко Мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное». (Маѳ. XI, XVIII, XIX, 25, 3, 14).

V

Островъ Ситха, куда былъ переведенъ съ острова Уналашки отецъ I. Веніаминовъ, есть одинъ изъ значительнѣйшихъ острововъ Ванкуверовыхъ; на западномъ берегу сего острова находится портъ Новоархангельскъ, составлявшій въ то время главное средоточіе управленія Россійскими колоніями на берегахъ Америки и на островахъ Восточнаго океана. Въ морскомъ и торговомъ отношеніи, портъ Новоархангельскъ представляетъ всевозможныя удобства. Рейдъ его, свободный во всякое время года отъ льда, при нѣсколько безопасныхъ входахъ, можетъ вмѣстить, по обширности своей, цѣлый флотъ, который найдетъ тамъ покойное убѣжище, при всякихъ вѣтрахъ. Вооруженіе Новоархангельска, хотя и не составляло надежной защиты отъ нападенія нѣсколькихъ судовъ большаго ранга, но вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно было сильно на случай какихъ либо враждебныхъ дѣйствій, со стороны дикихъ туземныхъ племенъ. О постоянной влажности воздуха въ Новоархангельскѣ, почти во всякое время года, докторъ Говорливый, въ своемъ обзорѣ болѣзней въ колоніяхъ *(Отчетъ Компаніи за 1860 г. стр. 71, 74)*, говоритъ: «житель Новоархангельска есть родъ амфибіи: онъ погруженъ всѣмъ тѣломъ не только въ массу воздуха, какъ и всѣ прочіе люди, но и въ паровую, холодную ванну, что не можетъ быть безвредно даже для туземца, а тѣмъ болѣе для европейца, не успѣвшаго освоиться съ климатомъ». Съ другой стороны, въ этой сырости воздуха, при умѣренной температурѣ, Говорливый находитъ своего рода пользу для туземнаго населенія, собственно по особенностямъ его сложенія, т. е. по слабости грудныхъ органовъ.

Къ тому же, не отвергая, что преобладающіе здѣсь морскіе, югозападные вѣтры имѣютъ свою хорошую сторону, въ разсѣяніи міазмовъ, образующихся въ тундрахъ, окружающихъ горы, онъ замѣчаетъ только, что горные вѣтры приносятъ съ собою воспалительныя болѣзни и, въ особенности, горловыя. Образованіе острова Ситхи волканическое. Почва—тундра и частію камень, покрытые тонкимъ слоемъ перегноя. Во многихъ мѣстахъ находятся горячіе, сѣрные источники, между которыми замѣчательны такъ называемые сѣрные ключи, въ разстояніи около 25-ти верстъ отъ Новоархангельска. При нихъ устроено было компаніей небольшое заведеніе, для пользованія страждущихъ ревматизмомъ, худосочіемъ и другими болѣзнями. Землетрясеніе въ Новоархангельскѣ бываетъ нерѣдко. Средняя высота горъ, окружающихъ Новоархангельскъ, не менѣе 3.000 фут. Горы эти покрыты почти до самыхъ вершинъ гигантскимъ хвойнымъ лѣсомъ. Г. Тебеньковъ, въ запискахъ своихъ, говоритъ, что длина нѣкоторыхъ еловыхъ бревенъ, употреблявшихся для постройки, въ 1826 г., колоніальнаго магазина, простиралась до 22-хъ саженъ, и что всего замѣчательнѣе, въ этихъ деревьяхъ не было ни малѣйшей кривизны. Вообще быстрота и сила здѣшней растительности особенно замѣчательны. Главнѣйшіе роды лѣса: ель, лиственница, пихта, душмянка (американскій кипарисъ) и дикая яблонь; однако лѣсъ этотъ не имѣетъ особыхъ достоинствъ:—онъ не только сыръ, но даже водянистъ. Кромѣ того, Ситхинскій лѣсъ дряблъ и не имѣетъ нисколько смолы. Изъ обыкновенныхъ огородныхъ овощей разводятся въ Новоархангельскѣ почти всѣ извѣстные сорта; но хлѣбъ, какъ въ самомъ портѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, никакъ не вызрѣваетъ, собственно по особенностямъ здѣшняго климата и почвы. Изъ ягодъ водятся: малина, весьма крупная, но, какъ и вездѣ въ этомъ краѣ, неимѣющая никакого аромата и вкуса, княженика, голубика, черника, красеника. Изъ береговыхъ птицъ находятся два рода орловъ, изъ которыхъ одинъ, въ особенности, замѣчателенъ своею бѣлою головою, синяя сорока съ хохломъ, сѣрый дятелъ и друг. Рыба промышляется здѣсь преимущественно четырехъ сортовъ: красная, хайко, кижучъ и горбуша. Изъ пушныхъ звѣрей, кромѣ бурыхъ медвѣдей, на островахъ Ванкуверовыхъ никакихъ нѣтъ; но на материкѣ, въ особенности въ окрестностяхъ рѣкъ Стахина, Таку и преимущественно Чильката, весьма много рѣчныхъ бобровъ, выхухолей, соболей, лисицъ,

волковъ и торпагановъ (дикобразъ). У рѣки Чилькатъ водятся также рыси, зайцы, бѣлки и дикіе бараны, изъ шерсти которыхъ туземцы выдѣлываютъ свои накидки. Нерпы водятся въ изобиліи въ проливахъ. Въ 15 верстахъ отъ Новоархангельска, къ юго-востоку, находится Озерскій редутъ, основанный для защиты отъ нападенія Колошей. (*Истор. Обозр. Р. А. К.: П. Тихменева, ч. II. Спб. 1861 г.*) Въ этотъ Новоархангельскій портъ въ Ситхѣ, 22-го ноября 1834 года, прибылъ, со всей своею семьею, отецъ Іоаннъ Евсеевичъ Веніаминовъ, священникомъ къ соборной церкви Михаила Архангела.

Въ Ситхѣ, отецъ І. Веніаминовъ всецѣло посвятилъ свое служеніе просвѣщенію Колошей, жившихъ по сосѣдству съ нимъ и остававшихся въ первобытномъ состояніи, т. е. дикими и свирѣпыми. Здѣсь онъ, такъ же, какъ и въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ, началъ съ того, что старался проникнуть въ бытъ Колошей, для ознакомленія съ духовными ихъ потребностями, ихъ обычаями и преданіями и съ языкомъ ихъ. И только тогда, когда, послѣ долгихъ и трудныхъ усилій, съ полнымъ успѣхомъ достигъ желаемаго, рѣшился онъ смѣло проповѣдывать симъ дикарямъ свѣтъ Евангельскаго ученія. И такъ же точно, какъ и на островѣ Уналашкѣ, всегда можно было встрѣтить отца І. Веніаминова въ храмѣ св. Михаила Архангела, бесѣдующаго съ своими прихожанами и, при каждомъ богослуженіи, обращающагося къ народу съ своимъ живымъ, простымъ и убѣдительнымъ словомъ.

О Колошахъ и объ обращеніи ихъ къ свѣту ученія Христова отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, въ своемъ сочиненіи разсказываетъ слѣдующее: (*Сост. Прав. Ц. въ Р. Америкѣ. Спб. 1840 г.*) «Колоши, будучи совершенно независимы, храбры и находясь подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ шамановъ и старухъ, еще долго бы оставались въ своемъ невѣжествѣ, заблужденіи и упорствѣ, и никакія увѣщанія и даже выгоды не могли бы убѣдить ихъ къ перемѣнѣ ихъ вѣры, если бы самъ Господь не коснулся ихъ; напротивъ того, поведеніе многихъ Русскихъ, нижнихъ служителей Компаніи, живущихъ подлѣ нихъ, и особенно Алеутовъ, о которыхъ Колоши знаютъ, что они всѣ крещены,—для Колошъ служитъ, или по крайней мѣрѣ служило, какъ бы препятствіемъ и даже угрозою, къ принятію христіанства. Причина—та, что Алеуты, бывшіе въ Ситхѣ, образомъ жизни своей нисколько не показывали, что они христіане и, по несчастію,

11

почти всегда были изъ самыхъ неблагочестивыхъ; а живя отдѣльно отъ Русскихъ, въ особыхъ казармахъ, и самую наружную жизнь вели весьма незавидно даже для Колошъ. Притомъ же Алеуты, живущіе въ Ситхѣ, по большой части состоятъ на службѣ Компаніи, за особенную плату, и слѣдовательно такъ же, какъ и всѣ служащіе, находятся въ полномъ распоряженіи начальства и употребляются на приличныя имъ работы; но Колошамъ кажется, что Алеуты были прежде такъ же независимы, какъ и они, а окрестившись сдѣлались какъ бы рабами Русскихъ, тогда какъ Алеуты, что можно сказать со всею справедливостію, въ своихъ мѣстахъ живутъ независимѣе и свободнѣе, нежели Камчадалы и даже всѣ крещенные азіатцы.

«Дикость Колошъ и отчасти древняя вражда противъ Русскихъ, какъ противъ завоевателей, были также препятствіемъ къ распространенію христіанства между ними; и это препятствіе было бы еще долго въ полной своей силѣ, если бы Провидѣніе не послало на нихъ, давно или даже почти никогда небывалой у нихъ, болѣзни, которую, по всей справедливости, можно назвать рубежемъ или гранью, гдѣ оканчивалось владычество грубаго невѣжества Колошъ и откуда начинается, или начнется ихъ просвѣщеніе. Болѣзнь эта была такъ называемая вѣтряная оспа, которая свирѣпствовала у нихъ въ началѣ 1836 года, и столько жестоко, что въ теченіе января и февраля, она погубила почти половину ихъ народонаселенія. Но эта болѣзнь, истребляя ихъ, въ то же время послужила имъ въ величайшую пользу: 1) тѣмъ, что она, дѣйствуя болѣе на старыхъ людей, унесла съ собою многихъ закоснѣлыхъ въ невѣжествѣ, суевѣріи и враждѣ противъ Русскихъ и всякаго нововведенія, имѣвшихъ большое вліяніе и даже власть надъ мнѣніемъ средняго и новѣйшаго поколѣній, родившихся незадолго до прибытія Русскихъ, и даже послѣ того; 2) тѣмъ особенно, что она очевидно убѣдила Колошъ въ пользѣ прививанія оспы и, слѣдовательно, въ томъ, что Русскіе имѣютъ познанія обширнѣйшія и совершеннѣйшія, нежели какими обладаютъ они сами, и 3) совершенно перемѣнивъ ихъ мысли о Русскихъ, она весьма много поколебала вѣру въ шамановъ, которые, не смотря на своихъ духовъ-хранителей, гибли вмѣстѣ съ искавшими отъ нихъ помощи. Когда появилась у Колошъ оспа, они, думая найти въ своихъ шаманахъ средство избавиться отъ губительнаго ея дѣйствія, подняли всѣхъ ихъ на ноги и принялись

усердно «шаманить» (колдовать) каждый день: но ничто не помогло, даже самыя вѣрныя и общеупотребительныя ихъ лекарства, наприм. снѣгъ и ледъ во время жара, и проч.;—и они гибли десятками и сотнями, тогда какъ та же самая оспа не коснулась ни одного изъ Русскихъ, которые жили подлѣ нихъ и по прежнему имѣли съ ними сношенія. Не смотря на то, что Колошинскіе шаманы такъ усердно желали имъ такой же бѣды и заклинали своихъ духовъ (эковъ) отвратить отъ Колошъ это зло и наслать его на Русскихъ; что нѣкоторые изъ злыхъ шамановъ говорили даже, будто Русскіе напустили на нихъ оспу и, даже не смотря на то,—если только вѣрить слухамъ,—что въ той самой пищѣ, которую Колоши обыкновенно продаютъ Русскимъ, какъ-то: въ рыбѣ, дичи и проч., находили оспенные струпья, съ тѣмъ именно намѣреніемъ положенные, чтобы заразить Русскихъ,—не смотря на все это, Русскіе остались совершенно невредимы.

Такая разительная противоположность заставила многихъ Колошъ обратить вниманіе на причины столь необыкновенныхъ происшествій; и умнѣйшіе изъ нихъ, и болѣе приверженные къ Русскимъ, поняли настоящую причину и тотчасъ обратились къ Русскимъ, съ просьбою сохранить ихъ отъ видимой смерти. Русскіе съ готовностію подали имъ руку помощи. Докторъ, находящійся въ колоніяхъ нашихъ, г. Бляшке, со всѣмъ усердіемъ своимъ, дѣятельно принялся прививать имъ оспу, и тѣ, коимъ онъ привилъ, всѣ остались неприкосновенными отъ эпидеміи. Это убѣдило и прочихъ, еще колебавшихся въ своихъ мнѣніяхъ, и даже тѣхъ, кои еще искали помощи въ своихъ шаманахъ; и тотчасъ всѣ, жившіе вблизи, Колоши начали приходить сами и даже пріѣзжали изъ дальнѣйшихъ мѣстъ, чтобы получить предохранительное средство отъ оспы. Надобно, однакожь, вспомнить, что за три мѣсяца и даже менѣе предъ тѣмъ, никто и никакая сила не принудили бы ихъ принять прививаніе оспы, такъ что еслибъ, наприм., какъ нибудь и можно было силою привить оспу кому нибудь изъ нихъ, то навѣрное можно сказать, что таковой, будучи отпущенъ, вырвалъ бы у себя то мѣсто, гдѣ она была привита. Послѣ этого достопамятнаго въ лѣтописяхъ Колошъ случая, и я обратилъ мое слово къ Колошамъ: ибо послѣ такого краснорѣчивѣйшаго убѣжденія, мнѣ уже менѣе трудно было убѣждать ихъ въ истинѣ,

или по крайней мѣрѣ, я получилъ удобные случаи говорить съ ними. Они приняли меня уже не какъ врага своего, или желающаго имъ зла, но какъ человѣка, который знаетъ ихъ лучше и болѣе, и слушали меня со вниманіемъ и откровенно разсказывали мнѣ свои обычаи и вѣру. Здѣсь я долженъ разсказать случай, убѣждающій въ томъ, что всѣ добрыя предпріятія человѣка совершаются не иначе, какъ по волѣ Провидѣнія, и не иначе, какъ въ назначенное имъ время; и какъ часто Провидѣніе не только обыкновенные случаи, но даже и слабости наши употребляетъ во благу.

Въ числѣ цѣлей, при поселеніи моемъ въ Ситхѣ, была и та, чтобы попытаться поговорить съ Колошами объ истинной вѣрѣ. Хотя я прибылъ въ Ситху въ концѣ 1834 года, однакожь въ ту зиму не успѣлъ даже ознакомиться съ Колошами, потому что другія дѣла (Алеутскія) не позволяли мнѣ ими заняться: лѣтомъ они обыкновенно разъѣзжаются по разнымъ мѣстамъ, за рыбными промыслами и проч.; осенью же 1835 года, я не могъ скоро приняться за это, по причинамъ также довольно уважительнымъ; но зимою, я уже непремѣнно хотѣлъ приступить къ дѣлу, и, по первому моему слову, начальникъ колоній, г. Купреяновъ, съ готовностію и усердіемъ предложилъ мнѣ всѣ пособія и средства къ тому, такъ что мнѣ стоило только начать; но разныя обстоятельства и случаи, впрочемъ самые маловажные и даже иногда, скажу откровенно, какое-то нежеланіе и неохота удерживали меня и заставляли откладывать мое намѣреніе день ото дня, такъ что мнѣ стало уже стыдно самого себя; а между тѣмъ, подоспѣлъ праздникъ Рождества Христова. Я далъ себѣ, напослѣдокъ, твердое обѣщаніе непремѣнно по окончаніи Святокъ, т. е. 7 или 8 января, начать свое дѣло; и кто не подивится судьбамъ Провидѣнія: 3 или 4 января вдругъ появилась у Колошъ сказанная оспа и прежде всѣхъ—въ той самой чертѣ, съ которой мы думали начать наши посѣщенія. Если бы я поспѣшилъ приступить къ моимъ бесѣдамъ съ Колошами до появленія оспы, тогда навѣрное они всю бѣду и вину ихъ гибели возложили бы на меня, какъ на Русскаго шамана или колдуна, который напустилъ на нихъ такое зло, и тѣмъ болѣе, что до меня нога Русскаго священника почти не касалась ихъ порога, не только съ намѣреніемъ благовѣствованія мира, но даже и изъ простаго любопытства. Послѣдствія такого неблаговременнаго посѣщенія моего были

бы ужасны: весьма естественная вражда противъ Русскихъ, которая уже почти исчезала, могла бы ожить снова; я могъ бы быть убитъ ими, какъ первая причина ихъ бѣды; но это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть далѣе, а именно: посѣщеніе мое Колошъ предъ оспою могло бы сдѣлать то, что, вѣроятно, еще даже на полстолѣтіе, заградило бы дорогу благовѣстникамъ Слова, на которыхъ Колоши всегда смотрѣли бы, какъ на злыхъ вѣстниковъ гибели и смерти.

Ну, слава Богу, все устрояющему во благое! Теперь Колоши уже не то, что они были, даже за два года предъ симъ: ежели они еще нескоро будутъ христіанами, то, по крайней мѣрѣ, они стоятъ уже на той степени, что слушаютъ или, по крайней мѣрѣ, начали слушать Слова спасенія. Что же касается того, почему такъ мало Колошъ крестилось, то, не говоря уже, что ихъ трудно было убѣждать, до оспы никто и не убѣждалъ ихъ; а послѣ оспы я, предлагая имъ Слово Истины, отнюдь не предлагалъ и не хотѣлъ предлагать имъ прямо принятія крещенія, но, стараясь дѣйствовать на ихъ разсудокъ, ожидалъ ихъ собственнаго вызова; и тѣхъ, кои сами изъявили желаніе креститься, принималъ съ полною охотою, но всегда испрашивалъ согласіе на то тоеновъ и особенно матерей, желающихъ креститься (и всегда получалъ согласіе), что имъ очень нравилось».

Въ доказательство того, что Колоши смотрятъ на религію, или на отправленіе нашихъ религіозныхъ обрядовъ съ уваженіемъ, отецъ Веніаминовъ приводитъ слѣдующій примѣръ:

«Въ 1837 году, въ бытность мою въ Стахинѣ, въ первый разъ отъ учрежденія тамъ Редута, мнѣ нужно было отправить литургію, о чемъ я заблаговременно извѣстилъ Колошъ, живущихъ подлѣ Редута. И такъ какъ тамъ нѣтъ часовни, то мѣсто для священнодѣйствія избрано было внѣ крѣпости (подъ крышею одного строенія, со всѣхъ сторонъ обнесеннаго рѣшеткою). И, по предварительному моему приглашенію, Колоши собрались, въ числѣ 1,500 человѣкъ, окруживъ мѣсто священнодѣйствія. Они своимъ уваженіемъ и своею благопристойностію, съ какими смотрѣли на новое и непонятное для нихъ дѣйствіе, удивили меня и заставили уважать ихъ самихъ. Надобно отдать справедливость, что не только взрослые, но даже и дѣти отнюдь не шумѣли и не дѣлали ничего неблагопристойнаго во все время службы, которая продолжалась

болѣе часа. Особенно я думалъ, что не произойдетъ ли между ними какого либо шума тогда, когда они увидятъ своихъ однородцевъ (которыхъ я въ тотъ же день окрестилъ), приступающихъ къ Причащенію вмѣстѣ съ Русскими, потому что хотя они окрещены были мною съ согласія тоёна и родственниковъ ихъ, но, можетъ быть, очень многіе этого не знали; но и здѣсь не произошло совершенно ничего похожаго на шумъ и ропотъ, кромѣ особеннаго вниманія. Послѣ того, я отправлялъ еще разъ литургію на томъ же мѣстѣ и обрядъ погребенія на кладбищѣ, и Колоши смотрѣли съ тѣмъ же вниманіемъ и даже уваженіемъ на совершеніе нашего служенія и держали себя такъ же благопристойно, какъ и въ первый разъ. Во время послѣдняго обряда, случилось, что двое Колошъ, идучи въ лѣсу и совсѣмъ не видя меня, затянули свои пѣсни; но тоёнъ тотчасъ послалъ сказать имъ, чтобы они перестали, и тѣ, узнавъ причину, почему имъ запрещаютъ пѣть (таковыхъ запрещеній они никогда не слыхивали), тотчасъ перестали. Послѣ отправленія службъ и при посѣщеніи ихъ меня и прощаніи моемъ съ ними, я не упускалъ случая сказать имъ какую-нибудь Евангельскую истину, и всякій, кто имѣлъ случай слушать меня, слушалъ со вниманіемъ и любопытствомъ; одинъ тоёнъ, при прощаніи, сдѣлалъ мнѣ даже вопросъ: что будетъ тамъ, по смерти, тѣмъ людямъ, которые здѣсь дѣлаютъ добро? Такой вопросъ и отъ такого дикаря меня весьма порадовалъ, и потому все, что только могъ я передать ему чрезъ толмача, объяснилъ ему въ удовлетвореніе его любопытства. По возвращеніи моемъ изъ Стахина и при первомъ оттуда приходѣ судна, я получилъ отъ тамошнихъ тоёновъ привѣтствіе и желаніе еще видѣть меня.

Проживая въ Ситхѣ, я не разъ проводилъ вечера въ бесѣдахъ съ Колошами, живущими подлѣ крѣпости Ново-Архангельской, въ ихъ собственныхъ жилищахъ, разспрашивая и разсказывая имъ все, что можно, и, скажу по справедливости, они всегда и вездѣ слушали меня съ охотою и принимали съ радушіемъ: каждый семьянинъ хотѣлъ, чтобы я посѣтилъ и его, но посѣтить всѣхъ мнѣ не удалось. Въ доказательство радушнаго пріема ихъ, я приведу одинъ случай, бывшій со мною. Однажды вечеромъ, я нечаянно пришелъ въ юрту болѣе знакомаго мнѣ Колоша, и въ то время огонь, который у нихъ обыкновенно бываетъ по срединѣ юрты и горитъ почти цѣлую ночь,

былъ самый плохой, потому что были сыры дрова. Одинъ молодой Колошъ, долго хлопотавъ объ огнѣ, наконецъ вскочилъ съ мѣста, взялъ крышку съ своего ящика (очень хорошо сдѣланную, по ихъ вкусу, и очень недешевую между ними) и, раскаловъ ее, положилъ въ огонь для растопки. На вопросъ мой: «зачѣмъ онъ портитъ такую вещь и напрасно»? онъ сказалъ: «ничего, я сдѣлаю послѣ новую».

И такъ, Ситхинская церковь, сколько можно заключать, близка къ тому, чтобы умножиться, въ числѣ членовъ своихъ, вдвое, втрое и даже до пяти кратъ. Всѣхъ Колошъ было до 5000. Подтвержденія этому мнѣнію суть: 1) что Колоши начали принимать прививаніе оспы и, слѣдовательно, ихъ мнѣнія много перемѣнились касательно Русскихъ и шамановъ ихъ; 2) они начали слушать проповѣдующихъ Слово Божіе, и на совершеніе нашихъ обрядовъ смотрятъ со вниманіемъ и не безъ уваженія; 3) всякому желающему креститься они не возбраняютъ и не препятствуютъ, а крестившихся не только не презираютъ, или не чуждаются ими, но смотрятъ на нихъ, какъ на людей, болѣе ихъ знающихъ и близкихъ къ Европейцамъ и 4), наконецъ, надобно представить себѣ ту перемѣну, какую мы находимъ въ Колошахъ въ теченіе менѣе чѣмъ 38 лѣтъ: въ 1804 году, Колоши, какъ лютые звѣри, искали ловить Русскихъ и терзать ихъ, такъ что Русскіе должны были или скрываться въ крѣпости, или выходить отрядами; а въ 1837 году, я одинъ, ночью, ходилъ къ нимъ въ ихъ жилища, и не только былъ безопасенъ, но и принимаемъ съ радушіемъ. Еще въ 1819 году, Колоши смотрѣли на Русскихъ какъ на враговъ своихъ, и мстили за кровь своихъ предковъ (убитыхъ при взятіи ихъ крѣпости); а въ 1836 году, они приходили къ Русскимъ какъ къ друзьямъ своимъ, просили помощи и добросовѣстно давали знать о непріятныхъ расположеніяхъ своихъ собратій. Теперь остается только желать благовѣстника для Колошъ, а сему благовѣстнику—ревности и силы къ возвѣщенію Слова; и мы скоро увидимъ въ отдаленныхъ краяхъ Америки народъ новый, добрый, дѣятельный, смѣтливый и храбрый,—народъ, который будетъ возрожденъ чрезъ насъ къ жизни Благодати и гражданскаго образованія.

О наружности Колошъ и о ихъ способностяхъ и ихъ характерѣ мы также приведемъ здѣсь важнѣйшія извлеченія изъ записокъ отца І. Веніаминова (*Зап. об острое. Уналашк. отд. ч.* III)

«Колоши», говоритъ отецъ Веніаминовъ, «совсѣмъ другаго происхожденія, нежели Алеуты и всѣ прочіе народы, населяющіе тогда Россійскую Америку. Это показываетъ ихъ наружный видъ, который очень рѣзко отличается отъ тѣхъ: большіе, черные и открытые глаза, лице правильное, нескуловатое, ростъ вообще средній, важная осанка и поступь грудью впередъ—ясно показываютъ, что они не Монгольскаго, т. е. не того происхожденія, къ которому принадлежатъ Алеуты и прочіе Сѣверо-Американскіе народы, но совершенно особаго, Американскаго. И преданіе Колошъ о первоначальномъ происхожденіи ихъ не противорѣчитъ этому мнѣнію. Ситхинскіе Колоши говорятъ: что они пришли не съ запада, какъ Алеуты, но съ востока, съ береговъ Америки, находящихся противъ Шарлотскихъ острововъ. По способностямъ, Колоши, по моему замѣчанію, могутъ быть,—и навѣрное, со временемъ, будутъ,—господствующимъ народомъ изъ всѣхъ Сѣверо-Американцевъ, начиная отъ Берингова пролива и до Калифорнскаго залива, а можетъ быть, и далѣе. Правда, Колоши не имѣютъ нѣкоторыхъ добрыхъ и похвальныхъ качествъ, напримѣръ, Алеутовъ; но за то, они всѣхъ превосходятъ своею дѣятельностію, смѣтливостію и склонностію къ торговлѣ. А при такихъ качествахъ, современемъ, т. е. при дальнѣйшей образованности или ознакомленіи съ нашими понятіями и познаніями, они станутъ гораздо на высшую степень, въ сравненіи съ окружающими ихъ народами. Чтобы имѣть понятіе объ умственныхъ способностяхъ Колошъ, стоитъ взглянуть на вещи собственнаго ихъ произведенія, какъ-то: баты, одѣяла или плащи, копья и изваянія разныхъ фигуръ и проч. Баты, сколь бы велики не были, обыкновенно дѣлаются изъ одного дерева и почти всегда безъ надѣлки. Въ каждомъ батѣ, при всѣхъ удобствахъ для помѣщенія и приведенія въ движеніе, болѣе или менѣе соблюдены качества, для плаванія въ морѣ и для ходкости. Плащи или одѣяла колошинскія, дѣлаемыя изъ козьяго пуху, передѣлываемаго въ нитки разныхъ и весьма прочныхъ цвѣтовъ, съ разными и весьма правильными фигурами, по ихъ обычаю и вкусу,—приводятъ въ удивленіе, какъ искусствомъ отдѣлки, безъ всякихъ машинъ, такъ и приготовленіемъ шерсти, краски и проч.,—и все это есть собственное ихъ изобрѣтеніе, совершенно ни отъ кого незанятое. Чтобы довести эти ремесла до такого совершенства, въ какомъ мы находимъ ихъ нынѣ, и притомъ безъ всякаго пособія со стороны дру-

гихъ народовъ, нужно болѣе, нежели обыкновенная смѣтливость. Правда, нужда и опытъ суть великіе учители, могущіе умудрить и самаго несмысля. Но, чтобы умѣть научиться изъ опытовъ и только одними опытами дойти до совершенства, или до возможнаго улучшенія, и особенно въ такихъ вещахъ, безъ которыхъ можно обойтись, или которыя можно замѣнить другими (напримѣръ, одѣяло звѣриною шкурою),—нуженъ умъ. Но гораздо болѣе и виднѣе доказываетъ въ Колошахъ способность ума искусство ихъ дѣлать копья и кинжалы (первоначально изъ самородной мѣди, а потомъ и желѣза), какъ болѣе многосложное, чѣмъ искусство дѣлать баты и одѣяла. Послѣ сего, уже не стоитъ говорить объ ихъ искусствѣ ваянія (изъ аспида и дерева), которое, въ сравненіи съ прочими Сѣверо-Американцами, можно назвать даже совершеннымъ; равно не удивитъ уже и то, что Колоши въ состояніи понять и сдѣлать очень многое, напримѣръ плотничать, заниматься огородствомъ и проч.

Хотя до сихъ поръ еще не было опытовъ въ большемъ размѣрѣ— обучать Колошъ чтенію, письму и проч., но, судя по тремъ человѣкамъ, изъ коихъ двое, нѣсколько времени обучаясь въ Ситхинской школѣ, научились читать по Русски, а послѣдній обучается нынѣ,—можно сказать, что способности Колошъ, въ этомъ отношеніи, не только не уступаютъ способностямъ Алеутовъ и Креоловъ, но даже гораздо выше, какъ это видно въ обучающемся нынѣ мальчикѣ, который, будучи 8 или 9 лѣтъ, поступилъ въ школу, нисколько не зная Русскаго языка и, въ теченіи менѣе нежели 5 мѣсяцовъ, началъ понимать Русскій языкъ и отчасти говорить по Русски, и, выучившись разбирать Русскую грамоту (разумѣется, отъ Русскаго учителя, ни слова не знающаго по Колошински), далеко назади оставилъ многихъ изъ своихъ товарищей, начавшихъ учиться съ нимъ вмѣстѣ. Здѣсь нельзя упустить изъ виду и того, что у Колошъ на всякое явленіе въ природѣ есть свои причины, свои легенды и басни, конечно, весьма не замысловатыя, но всѣ онѣ одна отъ другой различны или, по крайней мѣрѣ, одна на другую не совсѣмъ похожи. Правда, всѣ таковыя бредни нисколько ни доказываютъ глубокомыслія или свѣтлаго ума Колошъ; но онѣ показываютъ то, что люди эти, по крайней мѣрѣ, размышляютъ;—и въ этомъ отношеніи, они несравненно выше Калифорнскихъ Индѣйцевъ, которые едва ли умѣютъ объяснить что нибудь. Признаками раз-

мышленія или, такъ сказать, броженія и проявленія ума Колошъ, могутъ служить вопросы нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые они мнѣ дѣлали, при посѣщеніяхъ и бесѣдѣ моей съ ними.

Послѣ всего замѣченнаго здѣсь, въ разсужденіи умственныхъ способностей Колошъ, можно рѣшительно сказать, что Колоши довольно не глупы и что они очень способны къ среднему образованію, но не къ высшему, такъ какъ и вообще всѣ люди, выходящіе изъ дикаго состоянія. Но кто превосходитъ въ отношеніи умственныхъ способностей? Колоши-ли или Лисьевскіе Алеуты, какъ умнѣйшіе изъ всѣхъ прочихъ?—Точное рѣшеніе сего вопроса весьма не легко; но, сколько я могъ замѣтить и узнать тѣхъ и другихъ, могу сказать въ разсужденіи сего только то, что, судя по рукодѣліямъ тѣхъ и другихъ, смышленость Колошъ выше чѣмъ у Алеутовъ; но, напротивъ того, то, что̀ собственно называется природнымъ умомъ, у Алеутовъ выше, нежели у Колошъ. Впрочемъ, это можетъ быть оттого, что Алеуты ранѣе познакомились съ Русскими, и особенно оттого, что приняли христіанскую вѣру. Но въ разсужденіи дѣятельности и склонности къ торговлѣ и смѣтливости и даже, можно сказать, въ искусствѣ торговыхъ оборотовъ, Колоши, безъ всякаго сравненія, далеко выше Алеутовъ и вообще всѣхъ своихъ сосѣдей; и въ семъ отношеніи, и особливо въ торговлѣ, они едва-ли уступятъ даже полуобразованнымъ народамъ. Домашними же дѣлами они почти совсѣмъ не занимаются; и это не отъ лѣности, а, такъ сказать, отъ важности: ибо таковыя занятія, по мнѣнію и обычаю ихъ, приличны и свойственны только женщинамъ и калгамъ. Женщины же, Колошенки, удивительно дѣятельны, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ мелочной торговлѣ; такъ напримѣръ, Колошенки—разумѣется, живущія въ Ситхѣ—никогда не упустятъ случая вынести на рынокъ для продажи что нибудь изъ мѣстныхъ произведеній, начиная отъ молодыхъ прутьевъ малиннику до ягодъ и палтусьей юколы; и для того, чтобы достать что нибудь для рынка, онѣ не щадятъ ни трудовъ, ни силы и ни ногъ своихъ. И также съ охотою нанимаются работать въ огородахъ».

Опредѣляя характеръ Колошъ, отецъ Веніаминовъ начинаетъ такъ:

«Терпѣливъ-ли Колошъ такъ, какъ Алеутъ?—я не могу на это отвѣчать рѣшительно, или доказать то или другое примѣрами. Но, судя по ихъ воспитанію дѣтей и потому, что они почти нечувствительны

къ корову и умѣютъ переносить всякія трудности и страданія,—можно сказать, что Колоши физически, или въ отношеніи къ тѣлу, терпѣливы не менѣе Алеутовъ, т. е. до безчувствія. Но терпѣливости душевной, какъ то: чтобы снести обиду, оскорбленіе и даже одинъ неласковый взглядъ,—у нихъ, кажется, нѣтъ. Это доказывается ихъ мстительностію, которая простирается до того, что если обиженный не могъ отмстить своему обидчику въ сей жизни, то онъ завѣщеваетъ это своимъ дѣтямъ. Но я думаю, что и самая мстительность ихъ происходитъ не столько отъ раздражительности, сколько отъ обычая и честолюбія; или, по крайней мѣрѣ, Колошъ мститъ не потому, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ не могъ перенести обиды или оскорбленія; ибо тотъ, кто нечувствителенъ къ страданіямъ тѣлеснымъ, можетъ, если захочетъ, легко перенести и страданія душевныя, особливо тогда, когда онъ будетъ убѣжденъ, что таковое терпѣніе составляетъ добродѣтель, дѣлаетъ ему честь, пользу и проч. О Колошахъ говорятъ, или, по крайней мѣрѣ, говорили, что они народъ звѣрскій и кровожадный, и это доказывали ихъ мстительностію и тѣмъ, что они убиваютъ рабовъ своихъ, но едва-ли Колоши заслуживаютъ названія звѣрскихъ и кровожадныхъ, потому что мщеніе за обиды есть общій законъ всѣхъ дикихъ, неимѣющихъ другаго закона, кромѣ внутренняго, врожденнаго. Колошъ не ищетъ крови, но только требуетъ кровь за кровь. Не говоря о частныхъ случаяхъ, гдѣ прежде Колоши нападали на Русскихъ и убивали ихъ, но и самое нападеніе ихъ на первое заселеніе Русскихъ и истребленіе его совсѣмъ не есть слѣдствіе или дѣйствіе ихъ звѣрства и кровожадности, но совсѣмъ другихъ причинъ, и весьма естественныхъ и уважительныхъ. Обычай же ихъ убивать калговъ не есть ихъ прихоть или простое желаніе, но исполненіе требованія вѣры ихъ и доказательство любви ихъ къ роднымъ. При первомъ взглядѣ на Колошъ, можно замѣтить въ нихъ тщеславіе: потому что они, будучи приглашены въ гости къ Русскимъ, являются не иначе, какъ въ лучшемъ нарядѣ и, особенно, въ Европейскомъ платьѣ; при встрѣчѣ съ ними держатъ себя всегда важно и оскорбляются даже однимъ презрительнымъ взглядомъ, и проч. Но кто не тщеславенъ? Кто изъ обыкновенныхъ людей не хочетъ показать свое преимущество и то, что̀ въ немъ есть хорошаго? и даже, кто не старается выказать себя лучшимъ, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ есть? и

потому тщеславіе въ Колошахъ—какъ дѣтяхъ—несовсѣмъ есть ихъ особенная черта. Ибо чувствительность Колошъ къ оскорбленіямъ можно приписать не столько тщеславію, сколько чувствованію его собственнаго (и, конечно, мнимаго) достоинства, которое онъ поставляетъ въ своей нечувствительности къ тѣлеснымъ страданіямъ, во мнимой храбрости и, особенно, независимости и полной свободѣ; и это-то самое возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ его. Да и самое то, что они наряжаются въ Европейскія платья, несовсѣмъ можно приписать тщеславію: потому что это они дѣлаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ приглашаютъ на какое либо судно или къ начальнику.»

Вотъ какъ глубоки и фактически важны эти ученыя изслѣдованія отца I. Веніаминова надъ Колошами: онѣ сами собою освѣщаютъ надлежащимъ свѣтомъ всю его миссіонерскую дѣятельность на островѣ Ситхѣ и, кромѣ того, даютъ возможность судить самому читателю о его необыкновенной наблюдательности.

Теперь перейдемъ къ ученой дѣятельности отца I. Веніаминова на островѣ Ситхѣ:

Среди неутомимыхъ трудовъ и неусыпныхъ заботъ о распространеніи христіанства между дикими, отецъ Веніаминовъ не пропускалъ ни одного случая, ни одного дня, чтобы хоть часъ заняться своими изслѣдованіями языковъ: Колощенскаго и Кадьякскаго; но когда выходили дни, свободные отъ миссіонерскихъ дѣлъ, то онъ окончательно погружался весь въ эти занятія. И эта неуклонность и методичность отца I. Веніаминова въ занятіяхъ языками увѣнчались истиннымъ успѣхомъ: онъ составилъ книжку: «З а м ѣ ч а н і я о К о л о ш с к о м ъ и К а д ь я к с к о м ъ я з ы к а х ъ и о т ч а с т и о п р о ч и х ъ н а р ѣ ч і я х ъ в ъ Р о с с і й с к о—А м е р и к а н с к и х ъ в л а д ѣ н і я х ъ, с ъ п р и с о в о к у п л е н і е м ъ Р о с с і й с к а г о с л о в а р я.» [1]) Въ словарѣ этомъ содержалось болѣе 1000 словъ, изъ коихъ на нѣкоторыя сдѣланы поясненія. Одновременно съ составленіемъ этой книжки, отецъ Веніаминовъ представилъ въ Императорскую Академію Наукъ свой «О п ы т ъ г р а м м а т и к и А л е у т с к о-Л и с ь е в с к а г о я з ы к а».

И вотъ, какъ отзываются о составителѣ ея и о самомъ трудѣ въ *Журналѣ мин. нар. просвѣщенія ч. XII, Спб. 1836 г.:* «При-

[1]) Напечатана на иждивеніе Академіи Наукъ 1841 г. СПБ. XV и 120 ст. въ 8 д. л.

сланная Императорской Академіи Наукъ и посвященная ей достопочтеннымъ отцомъ Іоанномъ Веніаминовымъ, изъ Ново-Архангельска, «Грамматика Алеутскаго языка» представляетъ собою отрадный примѣръ полезныхъ трудовъ и внѣ предѣловъ круга указанной дѣятельности—и похвальнаго рвенія возжечь также, въ дальнемъ одиночествѣ, свѣтильникъ науки, въ пользу любознательнаго міра. Подобныя усилія въ странахъ отдаленныхъ и почти недоступныхъ образованію тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ онѣ рѣже встрѣчаются; ибо нельзя скрыть, что наши свѣдѣнія о Россійской Имперіи и о многочисленныхъ, подвластныхъ ея скипетру, народахъ были бы несравненно обильнѣе во всѣхъ ученыхъ отношеніяхъ, если бы нашлось болѣе людей, которые, состоя, по своему званію, въ сообществѣ съ чуждыми народами въ дальнихъ странахъ, посвящали бы обширные свои досуги всякимъ полезнымъ розысканіямъ и занятіямъ. И такъ, заслуга отца Веніаминова достойна всякаго признанія, хотя трудъ его можетъ интересовать одинъ только разрядъ ученыхъ, а именно лингвистовъ, занимающихся сличеніемъ между собою разныхъ нарѣчій: ибо языкъ, употребляемый только между малымъ числомъ, стоящихъ на самой низкой степени образованія, островитянъ,—между народомъ, который никогда не имѣлъ литературы, который, какъ самъ авторъ откровенно сознается въ предисловіи, вовсе не нуждается въ грамматикѣ своего языка и даже, по всей вѣроятности, въ недальнемъ времени совершенно утратитъ его,—такой языкъ можетъ служить ученому только для сличенія съ другими сосѣдственными нарѣчіями. Трудъ отца Веніаминова расположенъ въ строгомъ, систематическомъ порядкѣ, какъ уже явствуетъ изъ оглавленія; въ немъ соблюденъ ходъ, обыкновенно употребляемый при составленіи грамматикъ. Также приложены двѣ подробныя таблицы спряженій: одна для глаголовъ переходящихъ, другая для среднихъ.—При правописаніи Алеутскихъ словъ принятъ, какъ и слѣдовало, за основаніе Русскій или Славянскій алфавитъ, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ литеръ; кромѣ того, находятся еще нѣсколько знаковъ, для удареній и тому подобнаго. Въ концѣ сочиненія, авторъ помѣстилъ образчикъ также изготовленнаго имъ словаря Алеутскаго языка».

Таково мнѣніе г. Академика Шмидта, который, впрочемъ, не могъ войти въ дальнѣйшій критическій разборъ грамматики ему вовсе чу-

наго языка. Но систематическій порядокъ, господствующій во всемъ сочиненіи достопочтеннаго автора, надежда получить отъ него также Словарь, близкаго къ совершенному уничтоженію, Алеутскаго нарѣчія— труды весьма достохвальные, при томъ направленіи, какое въ новѣйшія времена приняло сравнительное языкоученіе,—и наконецъ, самые лестные отзывы, слышанные нами отъ особъ, имѣвшихъ случай лично видѣть благородное усердіе отца Веніаминова, какъ къ пользѣ наукъ—собираніемъ любопытныхъ свѣдѣній, такъ и во благу ввѣренной его попеченіямъ паствы—распространеніемъ полезныхъ знаній и нравственнаго образованія,—все это побудило Академію наградить и сей трудъ поощрительною преміею.

Г. Воейковъ, въ статьѣ *(Моск. Унив. Изв. 1868 г. № 5)* объ ученыхъ трудахъ отца Веніаминова, пишетъ слѣдующее: «отецъ Іоаннъ Веніаминовъ первый познакомилъ науку съ новыми, дотолѣ совершенно неизвѣстными въ Лингвистикѣ, языками; первый грамматически осмотрѣлъ и изучилъ ихъ. Были и существуютъ у насъ замѣчательные оріенталисты, каковъ Каземъ-Бекъ, знатоки языковъ: Чувашскаго (покойный Сбоевъ и отецъ Вишневскій), Якутскаго (протоіерей Хитровъ, нынѣ преосвященный Діонисій), Армянскаго (Бероевъ), Грузинскаго (Тифлисскій протоіерей Романовъ, Чубиновъ), Осетинскаго (покойный академикъ Шегренъ) и даже Исландскаго (покойный протоіерей Сабининъ); но изученіе языковъ наиболѣе трудныхъ и наименѣе распространенныхъ все-таки у насъ слишкомъ ограничено. Въ этомъ отношеніи, даже прибалтійскіе Нѣмцы далеко насъ опередили. Финскій, Латышскій, Литовскій языки могутъ быть причислены къ числу самыхъ обработанныхъ. Эстонскій языкъ имѣетъ даже богатую литературу; существуетъ даже особенная книжная торговля въ Дерптѣ (Карова), именно для этой литературы. Существуютъ каѳедры въ Дерптскомъ университетѣ языковъ Эстонскаго и Латышскаго, а въ Гельсингфорскомъ не только существуетъ каѳедра Финскаго языка (профессоръ Альквистъ), но знаменитый Шведскій поэтъ Топеліусъ читаетъ отдѣльно Финскую исторію и литературу. Но ни Тунгусскій, ни Остяцкій, ни Вогулицкій, ни Самоѣдскій языки не имѣютъ вовсе грамматической литературы.

То же было и относительно языковъ нашей Америки до отца Веніаминова, заслуга неизмѣримая котораго именно въ томъ и состоитъ,

что онъ первый обратилъ вниманіе на изобиліе языковъ въ нашихъ Американскихъ владѣніяхъ, изложилъ ихъ грамматику и напечаталъ (на иждивеніе Академіи наукъ) очень удачный «Опытъ грамматики Алеутско-Лисьевскаго языка» и полныя дѣльныхъ свѣдѣній «Замѣчанія о Колошскомъ и Кадьякскомъ языкахъ и отчасти о прочихъ нарѣчіяхъ въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ, съ присовокупленіемъ Россійско-Колошскаго Словаря». Это былъ первый лингвистическій трудъ по отдѣлу Сѣверо-Американскихъ языковъ, которыхъ существуетъ множество, и которые вообще очень необработаны. Появленіе этой небольшой книжечки отца Веніаминова «О Колошскомъ и Кадьякскомъ языкѣ» имѣло громадное значеніе въ наукѣ. Ею ужь воспользовался знаменитый Американологъ Бушманъ, въ своей классической книгѣ: «Die Spuren der aztekischen sprache im nördlichen Mexico und höherem amerikanischen Norden». (Слѣды Ацтекскаго языка въ Сѣверной Мексикѣ и крайнемъ Американскомъ Сѣверѣ); краткія, но плодотворныя сообщенія отца Веніаминова въ этой книжечкѣ о Кайганскомъ языкѣ, которымъ говорятъ на островѣ Кайганѣ, заставили Бушмана сравнить этотъ языкъ съ говоромъ жителей острова Королевы Шарлотты и открыть прототипъ этого языка въ Гайдахскомъ или Скитагетскомъ языкѣ, который, исходя отъ Нуткинскаго языка, еще Аделунгомъ былъ сравниваемъ и выведенъ изъ Ацтекскаго. Потому, появленіе труда отца Веніаминова объ Алеутскомъ языкѣ было встрѣчено учеными съ особеннымъ сочувствіемъ; многіе недальновидные лингвисты уже принимали его за прототипъ самаго Ацтекскаго языка и выводили такимъ образомъ Американскихъ патріарховъ съ береговъ Берингова пролива. Но основательный, безпристрастный и лишенный всякаго гипотетическаго увлеченія трудъ Русскаго миссіонера поставилъ въ тупикъ и самого рьянаго сравнителя языковъ, Бушмана, и заставилъ его признаться, что Алеутскій языкъ есть нѣчто совершенно отдѣльное отъ всѣхъ Американскихъ языковъ и стоитъ какимъ-то оазисомъ въ родственной Американской фамиліи. Такимъ образомъ, открытіе для науки говора Лисьевскихъ острововъ остановило на нѣкоторое время развитіе многихъ, лишенныхъ истинности, гипотезъ и заставило изслѣдовать дѣло съ другой стороны.

Въ иностранной литературѣ, изъ этихъ языковъ извѣстны только

Гренландскій (и то только въ Швеціи, благодаря трудамъ Раско, и въ Даніи) и Эскимосскій языки. Существуетъ книга Фабриціуса «Den Grönlandske ordboy (Копенгагенъ, 1804 г.), Юнгерутита Tuksiutidlo Grönlandsk. Desang und Debetbuch, Theoma Grönlandie (1766 г.) и Psalms in the Esquimaux language,—и только; а объ языкахъ нашихъ бывшихъ владѣній въ то время еще никто не писалъ. Отецъ Веніаминовъ, такимъ образомъ, есть единственный ученый, занявшійся теоріею этихъ языковъ.

Книжка отца Веніаминова: «Замѣчанія о Колошскомъ и Кадьякскомъ языкахъ, и отчасти, о прочихъ нарѣчіяхъ въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ,» продолжаетъ г. Воейковъ, сообщаетъ, кромѣ того, вообще важныя свѣдѣнія о Сѣверо-Западной Америкѣ.—«Сѣверо-Западная часть Америки», пишетъ самъ авторъ, «чрезвычайно замѣчательна по многоразличію языковъ, употребляемыхъ туземцами. Почти на каждомъ шагу вы встрѣчаете людей, которые говорятъ или собственнымъ языкомъ, или своимъ нарѣчіемъ. Особенно это видно между Калифорнскими Индійцами; такъ наприм.: Индійцы Большой Бодеги не понимаютъ Индійцевъ, живущихъ нѣсколько далѣе внутрь материка, прямо Росса, а живущіе сѣвернѣе Росса не понимаютъ ни тѣхъ, ни другихъ; и все это на пространствѣ не болѣе 200 верстъ!» Обращая вниманіе на такое разноязычіе и многоязычіе, авторъ задается слѣдующими научными вопросами: «1) Отчего въ Америкѣ особенно много языковъ? 2) Точно-ли всѣ языки, которыми говорятъ туземцы Сѣверо-Западной Америки, и которые намъ кажутся разными, суть языки, различные между собою совершенно, или только нарѣчія двухъ, или по крайней мѣрѣ, немногихъ языковъ? 3) Ежели они различны, то какого корня, происхожденія и проч.? А ежели только нарѣчія двухъ или нѣсколькихъ языковъ, то почему они такъ раздробились? 4) Каждый народъ или, сказать правильнѣе, народецъ, говорящій своимъ языкомъ, непонятнымъ его сосѣдямъ и прочимъ народамъ, составляетъ-ли народъ отдѣльный своего происхожденія, или всѣ они суть одинъ и тотъ же народъ и только обстоятельствами разбитый на части? 5) Ежели каждый изъ нихъ составляетъ отдѣльный народъ, то откуда они пришли и почему, живя въ такомъ сосѣдствѣ между собою, не смѣшались до сихъ поръ,—по крайней мѣрѣ, малочисленнѣйшіе изъ нихъ? Если же всѣ они суть одинъ и тотъ же народъ, или двухъ, трехъ

происхожденій, то отчего у нихъ такое различіе въ языкахъ или, по крайней мѣрѣ, въ нарѣчіяхъ? Таковыхъ и подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать нѣсколько еще: но отвѣчать на нихъ, или на нѣкоторые изъ нихъ, рѣшительно можно только тогда, когда Сѣверо-Американскіе языки будутъ извѣстны всѣ надлежащимъ образомъ. Здѣсь можно замѣтить только то, что такое многоразличіе языковъ Сѣверо-Американскихъ народовъ можетъ быть доказательствомъ того, что они всегда были независимы, по крайней мѣрѣ, другъ отъ друга, и что это нельзя считать слѣдствіемъ того, что они, находясь въ дикомъ состояніи и не имѣя нужды другъ въ другѣ, живутъ отдѣльно и не имѣютъ между собою сообщеній; потому что, напротивъ того, многоразличіе языковъ скорѣе можетъ быть причиною, а не слѣдствіемъ раздѣленности народовъ».

Отецъ Веніаминовъ даетъ еще филологическую классификацію Американскихъ языковъ. «Всѣ Американскіе языки», пишетъ онъ далѣе, «по образованію своему, раздѣляются на два главныхъ вида, одинъ отъ другаго совершенно различныхъ, а именно: Уналашкинскій и Кадьякскій. Отличительныя ихъ свойства состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ языкахъ перваго образованія три числа: единственное, двойственное и множественное; а въ языкахъ втораго образованія обыкновенно два числа: единствен. и множ. 2) Падежи въ первыхъ языкахъ раздѣляются на неопредѣленные и притяжательные, и потому всѣхъ падежей или окончаній болѣе 50, а въ послѣднихъ не болѣе трехъ падежей, или окончаній. 3) Глаголы по числамъ и лицамъ въ первыхъ измѣняются обыкновенно на концѣ, а въ послѣднихъ въ срединѣ или въ началѣ слова. 4) Въ языкахъ перваго образованія предлоги и нарѣчія имѣютъ числа, и потому суть части рѣчи измѣняемыя, а въ послѣднихъ языкахъ того совсѣмъ нѣтъ. Общее же въ нашихъ Американскихъ языкахъ есть то, что всѣ они не имѣютъ различія въ родахъ, но у всѣхъ одинъ родъ общій». Такова научная система, подъ которую подвелъ эти языки отецъ Веніаминовъ. Языки авторомъ вообще разсматриваются совершенно согласно съ новѣйшими воззрѣніями филологической науки. Такъ, напримѣръ, вотъ что отецъ Веніаминовъ говоритъ о Кадьякскомъ языкѣ: «Кадьякскій языкъ имѣетъ (почти) совершенно одинаковое образованіе съ Уналашкинскимъ языкомъ, такъ что матеріалы ихъ какъ бы отлиты

13

совершенно въ однѣ и тѣ же формы, но только съ измѣненіемъ самыхъ конечностей формы. Но матеріалы того и другаго языка, т. е. слова ихъ, совершенно различны и до такой степени, что, кажется, не найдется и десяти словъ, сходныхъ и однозначащихъ. Слова: «адакъ» отецъ и «тонгакъ» вода—едва-ли не единственныя слова въ обоихъ языкахъ однозначущія. И потому, я здѣсь, въ изложеніи замѣчаній моихъ о Кадьякскомъ языкѣ, гдѣ можно и нужно, буду сравнивать одинъ языкъ съ другимъ, показывая различіе и сходство ихъ». Трудами отца Веніаминова, говоритъ далѣе г. Воейковъ, приведено въ извѣстность и общее число языковъ и нарѣчій въ нашихъ бывшихъ владѣніяхъ. Именно, всѣхъ языковъ шесть: 1) Уналашкинскій языкъ (языкъ Алеутскихъ острововъ и Аляски); онъ раздѣляется на Уналашкинское и Атхинское нарѣчія, послѣднимъ говорятъ на Андреяновскихъ островахъ; на Лисьихъ употребляютъ Алеутскій чистый. 2) Кадьякскій языкъ, съ поднарѣчіями Кадьякскими: Аллегмютскимъ (на сѣверѣ Аляксы), Чугатскимъ (на югѣ Аляксы), Унагамютскимъ (отъ мыса Стефенсъ до Берингова пролива), Малегмютскимъ (у заливовъ Нортонъ и Коцебу) и Чукотскимъ (единственнымъ нарѣчіемъ изъ этой семьи, сохранившимся въ нашей имперіи у сидящихъ Чукчей въ Азіи). 3) Кенайскій языкъ, съ нарѣчіями Мѣдновскимъ или Атняхтянскимъ (у Колчанъ и жителей Мѣдной рѣки), Кенайскимъ (у Кенайскаго залива), Кусковимскимъ (у рѣки Квихпака). 4) Якутскій, съ нарѣчіями Якутатскимъ и Угаленскимъ. 5) Ситхинскій и Колошенскій и 6) Кайганскій. «Методъ, которому слѣдовалъ отецъ І. Веніаминовъ въ своихъ сочиненіяхъ», заключаетъ г. Воейковъ, «былъ строго научный».

Здѣсь же, на островѣ Ситхѣ, отецъ І. Веніаминовъ докончилъ свое сочиненіе: «Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла.» Кстати замѣтимъ: всѣ поименованные сочиненія и переводы отца Веніиминова были тогда въ рукописяхъ и печатались лишь много времени спустя, въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, какъ мы увидимъ ниже.

Ученая дѣятельность отца І. Веніаминова на островѣ Ситхѣ заканчивается приводимымъ здѣсь предисловіемъ его къ Евангелію отъ Матѳея, переведенному имъ же на Алеутскій языкъ для Уналашкинцевъ. Это любвеобильное предисловіе—какъ бы прощальный привѣтъ, просвѣщеннымъ его апостольскимъ служеніемъ Американскимъ дикарямъ—

помѣчено 26 августа (днемъ его рожденія), 1838 года — годомъ его выѣзда изъ Ситхи:

«Христолюбивые читатели, братія мои! словомъ Божіимъ все сотворено, и все сотворенное держится силою слова Божія. Слово Божіе для человѣка есть пища, питающая его душу; слово Божіе есть вода, утоляющая его жаждущую душу; слово Божіе есть свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ, пока пріидетъ день, взойдя въ сердцѣ; слово Божіе есть также свѣтъ, т. е. слово Божіе ясно и живо показываетъ человѣку въ сердцѣ его всѣ дѣла Божіи и самого Бога. Безъ слова Божія человѣкъ гладенъ, жаждущъ, слѣпъ и мертвъ духовно. Для сего Богъ, любящій всякаго человѣка, отъ самаго начала міра, многократно и многообразно говорилъ предкамъ нашимъ чрезъ пророковъ; напослѣдокъ говорилъ намъ Своимъ Единороднымъ Сыномъ, Іисусомъ Христомъ. И чтобы люди могли имѣть слово Его открытымъ, Богъ повелѣлъ Богопросвѣщеннымъ людямъ написать оное въ священныхъ книгахъ. Сіи священныя книги называются Библіею. И почти уже всѣ народы въ мірѣ имѣютъ священныя книги на своихъ языкахъ; но вы, Уналашкинцы, еще не имѣете св. книгъ на своемъ языкѣ. И потому, чтобы и вы могли имѣть слово Божіе на своемъ языкѣ, я написалъ для васъ одну книгу изъ Библіи, писанную апостоломъ Матѳеемъ. Сей переводъ я сдѣлалъ сначала въ 1828 году, съ Иваномъ Паньковымъ; потомъ, въ 1832-мъ году, я исправлялъ его, съ Семеномъ Паньковымъ; напослѣдокъ еще я, съ Петромъ Буренинымъ, надлежащимъ образомъ разсмотрѣлъ и исправилъ: и послѣ всего этого, я послалъ оный къ священнику Іакову Нецвѣтову, который разсматривалъ и, прибавивъ нѣсколько словъ, сдѣлалъ оный понятнымъ и для Атхинцевъ. Но при всемъ томъ, я скажу вамъ, что въ сей книгѣ есть нѣсколько словъ, которыя невполнѣ выражаютъ слова Русскаго языка; и это потому, что въ вашемъ языкѣ нѣтъ равнозначащихъ словъ; и таковыя неравнозначащія слова напечатаны иначе. И потому, не думайте, чтобы сей переводъ никогда не потребовалъ исправленія. И вы не привязывайтесь къ однимъ только словамъ сего перевода; но вникайте въ самое значеніе и духъ сего Божественнаго слова. И если вы какія слова не можете понять, спросите кого нибудь знающаго, или, лучше, просите съ усердіемъ Іисуса Христа, и Онъ васъ просвѣтитъ и вразумитъ; ибо Евангеліе есть премудрость высо-

кая, и самый ученѣйшій самъ собою, безъ просвѣщенія Божія, не можетъ постигнуть всего духа сего Писанія.

Братія мои! читайте, внимайте, вѣруйте и исполняйте, умудряйтесь и спасайтесь! О насъ же, трудившихся въ семъ, и по отшествіи нашемъ отсюда, молитесь, просимъ васъ».

Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, нельзя не замѣтить осторожной предусмотрительности отца І. Веніаминова на далекое будущее, когда потребовалось бы дѣйствительно исправленіе и улучшеніе перевода; чтобы устранить возможность раскола въ Алеутахъ, подобно расколу, возникшему въ коренномъ Русскомъ народѣ, вслѣдствіе тоже исправленія священныхъ книгъ, при Максимѣ Грекѣ и патріархѣ Никонѣ.

Проживая на островѣ Ситхѣ, отецъ І. Веніаминовъ, при своихъ ученыхъ трудахъ, по прежнему, находилъ время не оставлять своей любви къ механическимъ занятіямъ. Онъ здѣсь, какъ бы въ благодарность Россійско-Американской компаніи за ея ревностное содѣйствіе ему къ просвѣщенію дикарей и на память о себѣ, устроилъ на колокольнѣ Михаило-Архангельскаго собора часы, которые, какъ онъ разсказывалъ впослѣдствіи, «ходили и били вѣрно и тогда, когда уже колокольня покривилась».

«Здѣсь же, на островѣ Ситхѣ»,—пишетъ отецъ протоіерей А. Виноградовъ *(Иркут Епарх. Вѣд 1879 г. № 39)*.—«довелось мнѣ видѣть устроенный отцомъ І. Веніаминовымъ органъ, съ двумя валами; на одномъ валу наложены были духовныя пѣсни, на другомъ—свѣтскія, по большой части, плясовыя. Нѣсколько такихъ органовъ имъ было сдѣлано для іезуитскихъ миссіонеровъ, жившихъ въ Калифорніи. Калифорнія, какъ извѣстно, до 1848 г., когда открылись въ ней золотые пріиски, была пустыней; только тамъ и сямъ находились здѣсь іезуитскіе станы, занимавшіеся обращеніемъ туземцевъ въ христіанство; другихъ европейцевъ не было, торговыя суда не заглядывали. Русскія суда изъ Ситхи приходили раза два въ годъ, частію за скотомъ, частію за овощами. Бѣдные іезуиты были рады Русскимъ судамъ, снабжавшимъ ихъ Европейскими товарами, а частію и новостями. Между прочимъ, они однажды заявили Русскимъ свое горе, что у нихъ нѣтъ органа, игра на которомъ могла бы привлекать дикарей въ церковь, да и купить негдѣ. Русскіе, въ утѣшеніе ихъ, объявили, что въ Ситхѣ

есть органный мастеръ, тамошній православный священникъ: если угодно, онъ съ удовольствіемъ сдѣлаетъ органъ; іезуиты были рады. Сдѣлавши, по заказу іезуитовъ, органъ, отецъ Веніаминовъ самъ отправился съ нимъ, на компанейскомъ суднѣ, въ Калифорнію. Сначала отецъ Веніаминовъ завелъ валъ съ духовными пѣснями, іезуиты похвалили, но особеннаго удовольствія не изъявили; завели другой валъ: при первыхъ звукахъ веселыхъ, плясовыхъ Русскихъ пѣсенъ, іезуиты пришли въ восхищеніе; жали отъ радости руку отцу Веніаминову, безпрекословно внесли за органъ требуемую сумму и поставили его въ церковь». При воспоминаніи о семъ, отецъ І. Веніаминовъ, смѣясь, говаривалъ: «по всей вѣроятности, іезуиты и доселѣ продолжаютъ молиться Богу, подъ звуки нашихъ веселыхъ плясовыхъ пѣсенъ».

Обозрѣвъ 15-лѣтнюю миссіонерскую дѣятельность отца Іоанна Евсеевича Веніаминова, сперва на островѣ Уналашкѣ, а потомъ на островѣ Ситхѣ, мы смѣло заключаемъ, что дѣятельность его тамъ отличалась тѣмъ же характеромъ, которымъ издревле украшалось служеніе Русскихъ проповѣдниковъ Евангелія. Такъ напр., разумная осторожность его открывала ему доступъ къ грубымъ, но простымъ и добрымъ сердцамъ дикарей. Христіанскія истины были имъ сообщаемы сообразно съ ихъ умственною пріемлемостію, т. е., при полномъ свободномъ убѣжденіи ихъ, а не путемъ насилія. Онъ терпѣливо выжидалъ добровольнаго вызова креститься. Для дѣтей была устроена школа, которая была снабжена какъ учебниками, такъ и книгами для чтенія, собственнаго его сочиненія и имъ самимъ переведенными на туземныя нарѣчія, и онъ былъ самъ ихъ учителемъ; наконецъ, кромѣ просвѣщенія свѣтомъ Евангелія, онъ обучалъ ихъ разнымъ мастерствамъ и, при повальной оспѣ, обучилъ Колошъ оспоприviванію; и такими путями съумѣлъ снискать и отъ упорныхъ дикарей полное сердечное расположеніе къ себѣ: они любили отца Веніаминова, по свидѣтельству его современниковъ, какъ отца, такъ какъ отецъ Веніаминовъ былъ по истинѣ благодѣтелемъ и отцомъ, и наставникомъ, и покровителемъ спасаемыхъ имъ овецъ.

Не такъ ли, за 500 лѣтъ тому назадъ, подвизался въ распространіи истинъ Христіанской вѣры между Зырянами св. Стефанъ Пермскій? Въ подтвержденіе нашего сравненія, приведемъ слѣдующее лѣтописное сказаніе о жизни св. Стефана Пермскаго: «Еще унъ сый,

и постригжеся въ иноческій образъ, по семъ же отъ Арсенія епископа Ростовскаго въ діаконы поставляется, отъ Герасима же епископа Коломенскаго въ попы совершается. По семъ же изучися Греческу языку и грамотѣ, таже научися Пермьскому языку, и азбуквы сложи Пермьскымъ языкомъ, и книги переведе на Пермьскый языкъ; сея же Пермьскія грамоты отъ вѣка не бывало. И бысть ему желаніе итти въ Пермь учити люди некрещеные... И бѣ чюдно видѣти въ земли той, идѣже преже бѣ идолослуженіе и бѣсомъ угоженіе отъ начала міру, нынѣ же въ послѣднее время седьмыя тысящи на останочномъ стѣ благочестіе просія, и богоразуміе явися и вѣра Христова процвѣте. Слышавше же сіе православніи христіане во всѣхъ странахъ Русскихъ, и прославиша Бога». *(Источ Русск Агіогр Н. Барсукова, стр. 545—546)*.

VI

Пятнадцатилѣтняя неутомимая миссіонерская дѣятельность отца I. Веніаминова на островахъ дала возможность ему вполнѣ изучить и ознакомиться съ краемъ и съ задачами миссіонерскаго служенія; эта-то многолѣтняя опытность и практичность въ миссіонерскомъ дѣлѣ привела отца Веніаминова къ грустному для него, какъ онъ самъ говаривалъ, заключенію, что дальнѣйшій успѣхъ его въ утвержденіи христіанства столь значительнаго числа принявшихъ св. Крещеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщеніе язычниковъ не могутъ быть продолжаемы такъ успѣшно, какъ бы слѣдовало, не смотря на содѣйствіе Россійско-Американской Компаніи. Причиною, мѣшающею успѣху, говоритъ отецъ Веніаминовъ, «есть недостаточность четырехъ священниковъ, находившихся въ то время въ колоніяхъ,—равно какъ и недостаточны, по отдаленности страны и разсѣянному положенію компанейскихъ и туземныхъ заселеній, средства, какія дотолѣ были употребляемы, какъ для обезпеченія вызываемыхъ туда священно-служителей, такъ и для приличнаго содержанія ихъ, и вообще всего мѣстнаго церковнаго клира». Необходимыми, по мнѣнію отца Веніаминова, мѣрами для достиженія благопріятныхъ послѣдствій въ столь успѣшно начатомъ имъ дѣлѣ представлялись: «умноженіе въ колоніяхъ числа церквей, образованіе на сѣверѣ Америки постоянной миссіи, назначеніе клира и миссіонеровъ и за тѣмъ—учрежденіе благочинническаго вѣдомства надъ духовенствомъ, съ требованіемъ отъ него возможной отчетности предъ епархіальнымъ архіереемъ».—Но такъ какъ всѣ эти мнѣнія и желанія отца I. Веніаминова, безъ разрѣшенія Св. Сѵнода, нельзя было приве-

сти въ исполненіе, а необходимо требовалось обстоятельное разъясненіе потребностей новыхъ церквей предъ высшею церковною властію: то отецъ І. Веніаминовъ, считая себя на этотъ разъ уже безсильнымъ сдѣлать что-либо еще полезное для близкаго своему сердцу дѣла, рѣшился оставить служеніе свое на островѣ Ситхѣ и сталъ хлопотать у своего архіепископа о разрѣшеніи ему отпуска въ С.-Петербургъ, чтобы лично объяснить, предъ высшею Церковною властью, состояніе миссіонерскаго дѣла въ тамошнемъ краѣ и просить о помощи для дальнѣйшаго процвѣтанія миссіонерскаго служенія. А пока ходатайство его объ отпускѣ тянулось, онъ приступилъ къ составленію проэкта объ улучшеніи миссіонерскаго дѣла, въ которомъ и изложилъ вышеприведенныя нами его мнѣнія объ успѣшности миссіонерскаго дѣла.

Кромѣ сихъ служебныхъ дѣлъ, было и другое побужденіе отца І. Веніаминова ѣхать въ Петербургъ, что мы усматриваемъ изъ выдержекъ письма его 1838 года въ Камчатку, къ бывшему своему школьному товарищу, тогда Камчатскому протоіерею, П. В. Громову: «такъ какъ» пишетъ отецъ Веніаминовъ, «переводы мои на Алеутско-Лисьевскій языкъ, о напечатаніи которыхъ я хлопоталъ бумажнымъ путемъ, св. Сѵнодомъ къ напечатанію не разрѣшены, по той простой причинѣ, что въ Сѵнодѣ никто Алеутскаго языка не знаетъ, потому и повѣрка ихъ невозможна: то я намѣренъ хлопотать о томъ лично, и съ этою цѣлію отправляюсь въ Питеръ на кругосвѣтномъ Компанейскомъ суднѣ»; и посланіе свое заключаетъ такъ: «ѣду людей посмотрѣть и себя показать; но боюсь, чтобы нехлыстнуться.» (*Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 24*).

Благословеніе на путешествіе въ С.-Петербургъ отецъ І. Веніаминовъ получилъ отъ занимавшаго въ то время Иркутскую каѳедру преосвященнаго Нила, впослѣдствіи архіепископа Ярославскаго. Преосвященный Нилъ, какъ самъ трудившійся надъ обращеніемъ язычниковъ, Бурятъ, Тунгузъ и др., глубоко принималъ къ сердцу миссіонерскіе труды отца І. Веніаминова; онъ, кромѣ преподаннаго имъ благословенія на путешествіе, снабдилъ отца Веніаминова письмами къ членамъ Св. Сѵнода. Получивши разрѣшеніе на отпускъ, отецъ І. Веніаминовъ предварительно отправилъ семью свою, супругу и дѣтей, черезъ Охотскъ, на родину въ Иркутскъ, оставивъ при себѣ одну только малолѣтнюю дочь

Ѳеклу, которая и была его спутницею. 8 ноября 1838 года, отецъ I. Веніаминовъ, отслуживши въ послѣдній разъ напутственный молебенъ въ церкви Михаила Архангела, отправился изъ Ситхи, съ малолѣтною своею дочерью, въ кругосвѣтное путешествіе на кораблѣ «Николай», подъ начальствомъ командира капитанъ-лейтенанта Евгенія Андреевича Беренса, и, послѣ 43-хъ-дневнаго бурнаго перехода, 22 декабря прибылъ въ гавань Гонолулу, на островъ Оагу (Сандвичевы острова). Простоявъ тутъ для освѣженія команды 12 дней, 2 января 1839 года, карабль вышелъ въ море и направился къ мысу Горну. Необыкновенно скорый и удачный переходъ предѣла перемѣнныхъ вѣтровъ и свѣжіе пассаты обоихъ полушарій такъ ускорили плаваніе корабля, что капитанъ Беренсъ счелъ возможнымъ, безъ утраты времени, остановиться на нѣсколько дней у одного изъ островов архипелага Таити; и 29 января бросилъ якорь въ гавани Опуноху, на островѣ Эймео. Четырехъ дней стоянки въ этой гавани было достаточно для возобновленія запасовъ и изготовленія корабля къ дальнѣйшему плаванію.

Можно себѣ представить, какъ велико было изумленіе и восхищеніе отца Іоанна Веніаминова, когда онъ, послѣ мрачной, холодной, голой и съ вѣчною осенью Уналашки и Ситхи, вступилъ на всемірно-извѣстный островъ Таити, отличающійся въ особенности своею романтическою прелестью, съ вѣчною весною,—въ этотъ, поистинѣ, рай земной. Роскошная растительность покрываетъ островъ. Онъ весь въ тѣни высокихъ пальмъ и густолиственныхъ хлѣбныхъ деревьевъ, подъ ярко-зелеными бананами и золотыми померанцами, окруженный полями ямса, сахарнаго тростника и ананасовъ. Чудесные цвѣты наполняютъ воздухъ своимъ благоуханіемъ, разноцвѣтныя птицы качаются на вѣткахъ и ласкаютъ слухъ своимъ пѣніемъ. Знаменитый натуралистъ Дарвинъ говоритъ, что «ничего не видалъ лучше острова Таити во всѣхъ своихъ путешествіяхъ.» Отецъ I. Веніаминовъ восторженно отзывался о семъ островѣ и, при воспоминаніи о немъ, онъ, съ своимъ обычнымъ юморомъ, опровергалъ принятый у насъ на Руси смыслъ поговорки о вкусѣ: понимать такъ, какъ свинья въ апельсинахъ.—«Сколько мнѣ пришлось паблюдать за свиньями острова Таити,—такъ какъ ихъ тамъ довольно»,—говорилъ отецъ Веніаминовъ, много лѣтъ спустя, мнѣ лично, будучи уже митрополитомъ Московскимъ:—«то они, при множествѣ тамъ фруктовъ, всегда отдавали

преимущество апельсинамъ; слѣдовательно», заключалъ онъ, «эта поговорка ошибочна: свиньи понимаютъ отлично вкусъ въ апельсинахъ.» Продолжаемъ прерванный разсказъ о плаваніи отца І. Веніаминова: 2 февраля, капитанъ Беренсъ оставилъ островъ Эймео и, пользуясь свѣжими вѣтрами SW. W и NW, быстро подвигался впередъ, такъ что 28 февраля былъ уже на меридіанѣ мыса Горна. 5 марта прошелъ параллель земли Штатовъ, 9-го—Фалкландскихъ островов и 29 марта бросилъ якорь на рейдѣ Ріо-Жанейро, сдѣлавъ послѣдній переходъ въ 54 дня, не имѣя ни одного больнаго и никакихъ повреждений въ кораблѣ, хотя при обходѣ мыса Горна выдержалъ нѣсколько равноденственныхъ штормовъ. 10 апрѣля, корабль «Николай» оставилъ Ріо-Жанейро и, чрезъ 48 дней быстраго плаванія, находился уже въ каналѣ, въ виду Фальмута. Продержавшись здѣсь нѣсколько часовъ, для закупки свѣжей провизіи, прошелъ онъ прямо въ Зундъ; на четыре дня останавливался потомъ въ Копенгагенѣ и прибылъ въ Кронштадтъ 22 іюня, совершивъ переходъ изъ Ново-Архангельска въ 7 мѣсяцевъ и 14 дней, изъ коихъ на якорныя стоянки употребилъ только 32 дня. 25-го же іюня 1839 года, мы уже видимъ священника церкви св. Михаила Архангела, что на островѣ Ситхѣ, отца Іоанна Евсеевича Веніаминова, въ Петербургѣ.

Пріѣхавши въ Петербургъ, отецъ Веніаминовъ предварительно явился въ Духовную Консисторію, для прописки своего паспорта, разсчитывая, что такъ какъ дѣло это минутное, то онъ въ тотъ же день непремѣнно поспѣетъ представиться къ пріемнымъ часамъ С.-Петербургскому митрополиту Серафиму и затѣмъ оберъ-прокурору графу Н. А. Протасову;—но сверхъ ожиданія, въ этой Консисторіи съ отцомъ І. Веніаминовымъ приключился прекурьезный случай, о которомъ онъ впослѣдствіи разсказывалъ всегда со смѣхомъ.

Вотъ подлинный разсказъ о семъ отца І. Веніаминова: «По прибытіи на кругосвѣтномъ суднѣ въ Петербургъ, прежде всего явился я въ Консисторію, признаюсь, не безъ грѣховнаго помысла, что на меня, какъ на пришельца изъ Америки, притомъ съ наперснымъ крестомъ и съ орденомъ,—съ такими знаками отличій, каковые и на столичныхъ священникахъ моихъ лѣтъ не на многихъ можно было видѣть,—обращено будетъ особенное любопытное вниманіе.—Подхожу къ указанному мнѣ столоначальнику. Взглянувъ на меня гордымъ

окомъ и несытымъ сердцемъ, столоначальникъ спрашиваетъ: «что вамъ надобно?» —Я изъ Америки, прошу прописать паспортъ, говорю я.— Онъ принялъ отъ меня паспортъ, положилъ на столъ и сталъ пересматривать другія дѣла; я сѣлъ и нетерпѣливо сталъ слѣдить за нимъ. И что же? Къ моему удивленію, я вижу, что на мой паспортъ онъ сталъ накладывать пересмотрѣнныя имъ бумаги, черезъ что образовалась цѣлая стопа бумагъ. Я не выдержалъ, всталъ и опять подхожу къ нему и говорю: г. столоначальникъ! сдѣлайте одолженіе, не задерживайте меня, такъ какъ я долженъ поспѣть для представленія митрополиту и оберъ-прокурору.— «Погодите, еще безъ вашего паспорта много дѣлъ», промычалъ столоначальникъ—и, взявъ гусиное перо (тогда стальныхъ еще не было въ употребленіи у подъячихъ), обчинилъ его и на бѣломъ листѣ бумаги написалъ крупно: «25 рублей». Я сначала, по неознакомленію моему ни въ Иркутскѣ, ни въ Америкѣ со взяточною системою, не понялъ. Онъ, взглянувъ на меня, зачеркнулъ 25 и написалъ «15». Тутъ я понялъ, но притворился непонимающимъ; наконецъ sub-ego-cuius, т. е. подъячій (шарада изъ словъ: sub-подъ, ego-я, cuius-чей), какъ въ старину называли мы этихъ людей, зачеркнувъ 15, написалъ: «по крайней мѣрѣ—10». Я вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ: милостивый государь! я уже доложилъ вамъ, что я изъ Америки—дикарь: безъ доклада войду въ присутствіе и тамъ доложу о моей надобности.— «Васъ оштрафуютъ».—Тогда деньги поступятъ въ казну.—Столоначальникъ понялъ, что не на того напалъ, и прописалъ паспортъ. Послѣ, когда я хорошо ознакомился съ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ, разсказалъ ему объ этомъ; графъ залился смѣхомъ и сказалъ: «гдѣ же имъ взять? Вѣдь они, по бѣдному содержанію, нищіе». *(Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 26).*

Изъ Консисторіи, отецъ Веніаминовъ тотчасъ же отправился представляться—сперва С.-Петербургскому митрополиту Серафиму и затѣмъ оберъ-прокурору графу Н. А. Протасову. Вручивъ имъ письма преосвященнаго Нила Иркутскаго, онъ разсказалъ имъ вкратцѣ о цѣли своего пріѣзда, и былъ принятъ ими очень благосклонно, въ особенности графомъ Протасовымъ, которому онъ въ то же время представилъ и свое «Обозрѣніе православной церкви въ Россійскихъ поселеніяхъ въ Америкѣ, съ своимъ мнѣніемъ объ улучшеніи состоянія оной». Графъ, видя предъ со-

бою такую представительную и вполнѣ внушающую довѣріе наружность отца Веніаминова, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слушая его до высшей степени интересные разсказы объ Алеутахъ, не могъ не обратить на него особеннаго вниманія, и до такой степени заинтересовался имъ, что просилъ его приходить къ нему и не въ пріемные часы, а запросто, когда вздумается.

Относительно же доклада отца Веніаминова Св. Сѵноду о миссіонерскихъ дѣлахъ и для подробнаго разъясненія имъ всѣхъ нуждъ миссіи въ Америкѣ, предназначено было ему, за отсутствіемъ главныхъ членовъ, явиться въ Св. Сѵнодъ лишь только къ осени. Пользуясь этимъ свободнымъ временемъ, отецъ Веніаминовъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи печатать свои переводы и свое сочиненіе на Алеутско-Лисьевскій языкъ, въ виду крайней ихъ необходимости, для успѣшности начатаго имъ миссіонерскаго дѣла. Для сего онъ подалъ прошеніе оберъ-прокурору графу Н. А. Протасову и представилъ, на благоусмотрѣніе его и Св. Сѵнода, привезенные съ собою свои переводы: Катехизисъ, Евангеліе отъ Матѳея и собственное свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Указаніе пути въ Царствіе Небесное». Затѣмъ отецъ Веніаминовъ испросилъ разрѣшенія отправиться въ Москву, для сбора пожертвованій на восточное миссіонерство.

Пріѣхавши въ Москву, отецъ Веніаминовъ прежде всего представился митрополиту Филарету. Здѣсь сей знаменитый прозорливецъ, святитель московскій, впервые узналъ смиреннаго труженника и, замѣтивъ въ немъ ту неподдѣльную простоту, правдивость и ясность въ разсказахъ его о миссіонерскихъ дѣлахъ, и уже ранѣе наслышавшись о его подвижничествѣ въ странѣ дебрей и тундръ, между дикими, полюбилъ его всею душею и далъ ему помѣщеніе у себя въ подворьѣ. Когда же приходилось говорить ему о немъ, то онъ всегда говаривалъ: «въ этомъ человѣкѣ что-то апостольское». То же говорили и другіе архіереи, хорошо знавшіе отца Веніаминова *(Истор Библ 1879 г. № 6—7)*

Поселившись въ Троицкомъ подворьѣ, отецъ Веніаминовъ скоро сталъ извѣстенъ москвичамъ; всѣ стремились посмотрѣть и познакомиться съ знаменитымъ Американскимъ миссіонеромъ, который плѣнялъ ихъ своими увлекательными разсказами о дикихъ. Успѣхъ въ сборѣ пожертвованій былъ полный. Полюбившіе его Москвичи щедро и богато снаб-

жали его церковною утварью, облаченіями, св. иконами и деньгами. Особое же расположеніе, уваженіе и вниманіе къ себѣ, отецъ Веніаминовъ снискалъ отъ Шереметевыхъ, Свербеевыхъ, Чаадаевыхъ и друг., которые по достоинству вполнѣ оцѣнили его миссіонерскіе подвиги. Просвѣщенное уваженіе ихъ къ отцу Веніаминову осталось въ полной силѣ до конца ихъ жизни, а затѣмъ перешло въ той же мѣрѣ отъ старшаго поколѣнія къ младшему.

Кромѣ сбора пожертвованій, отецъ Веніаминовъ занимался литературою, помѣщая въ журналы отрывки изъ привезенныхъ рукописныхъ записокъ своихъ «Объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла».

Въ праздничные же дни, по свидѣтельству досточтимаго Москвою отца протоіерея Іоанна Николаевича Рождественскаго, не разъ видали отца Іоанна Веніаминова въ Успенскомъ соборѣ, участвующимъ въ соборномъ служеніи, когда совершалъ литургію митрополитъ Филаретъ; и также видали, что, по окончаніи литургіи, митрополитъ Филаретъ подвозилъ отца Веніаминова въ своей каретѣ до Троицкаго подворья. Вечера же отецъ Веніаминовъ проводилъ въ бесѣдахъ съ митрополитомъ Филаретомъ, или же у Шереметевыхъ (которые жили на Воздвиженкѣ), Свербеевыхъ и друг., гдѣ разсказывалъ о своей миссіонерской дѣятельности.

14 октября, митрополитъ Филаретъ выѣхалъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, для присутствія въ Св. Сѵнодѣ. Отецъ I. Веніаминовъ остался еще въ Москвѣ, продолжая печатать свои изслѣдованія, и первая статья его: «Миѳологическія преданія Колошей, обитающихъ на Сѣверо-западномъ берегу Америки», показалась въ журналѣ «Сынъ отечества» (1839 г. XI, 40—82).—Отрывокъ изъ этой статьи былъ помѣщенъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ редактора: «Съ особенною благодарностью помѣщаемъ отрывокъ изъ записокъ почтеннаго соотечественника нашего, о трудахъ коего и долговременномъ пребываніи въ Америкѣ мы уже говорили. Предлагаемый отрывокъ, любопытностью, подробностью и простотою изложенія, можетъ служить доказательствомъ нашихъ словъ. О томъ, съ какимъ участіемъ готовы принимать отъ насъ подобныя свѣдѣнія иностранцы, служитъ немедленный переводъ нашего извѣстія объ отцѣ Іоаннѣ въ Прусской Государственной газетѣ. И мы увѣрены, что записки его будутъ

немедленно переданы въ журналы и переводы иностранные». (*1839 ч. XXIV*).

Съ 1831—1841 г. академикъ Беръ началъ издавать въ С.-Петербургѣ Beiträge zur Kentniss des Russichen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. (Матеріалы къ познанію Россійской имперіи и пограничныхъ съ нею странъ Азіи). И въ этомъ изданіи, кромѣ статей барона Врангеля, Костромитинова, Глазунова,— были помѣщены статьи отца Іоанна Веніаминова. Особенное вниманіе тогдашнихъ критиковъ было обращено на статью: «Характеристическія черты Алеутовъ, обитающихъ на Лисьихъ островахъ». Эта статья, говоритъ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1842 г. ч. XXX III, кн. 1), «дышетъ патріархальнымъ благородствомъ, отеческою любовію почтеннаго пастыря, отца Веніаминова, къ своей полудикой паствѣ. Онъ какъ будто гордится благородными чертами характера Алеутовъ, хотя и сознаетъ ихъ недостатки. Изъ каждаго сужденія его, узнаемъ священныя узы Христіанской вѣры, связывающія этотъ набожный народъ съ его ревностимъ духовнымъ наставникомъ».

Среди такихъ-то трудовъ, отецъ І. Веніаминовъ незамѣтно прожилъ въ Москвѣ до глубокой осени. Въ это время онъ получилъ отъ оберъ-прокурора, графа Протасова, письмо, съ приглашеніемъ явиться въ Св. Сѵнодъ. Возвратясь изъ Москвы въ С.-Петербургъ, отецъ І. Веніаминовъ остановился, по приглашенію митрополита Филарета, также въ его Троицкомъ подворьѣ и, въ назначенный день, явился въ Св. Сѵнодъ. Здѣсь, въ присутствіи всѣхъ членовъ, доложилъ онъ о своей дѣятельности въ Америкѣ и, между прочимъ, коснулся о стѣснительномъ положеніи священниковъ, находящихся на островахъ Ситхѣ, Кадьякѣ, Атхѣ и Уналашкѣ и о прочихъ неудобствахъ, мѣшающихъ успѣшности миссіонерскаго дѣла; и наконецъ разсказалъ Св. Сѵноду объ Алеутскихъ островахъ, дикихъ Американцахъ, о трудностяхъ при обращеніи язычниковъ въ христіанство, о плаваніяхъ на байдаркахъ и о своемъ кругосвѣтномъ путешествіи. Эти, проникнутые задушевностью, разсказы отца Веніаминова были такъ занимательны и вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени увлекательны, что заинтересовали всѣхъ присутствующихъ членовъ и возбудили въ нихъ полное участіе ко всѣмъ переданнымъ имъ миссіонерскимъ нуждамъ.

Спустя нѣсколько дней по выслушаніи сообщеній отца I. Веніаминова о миссіонерствѣ въ Америкѣ, Св. Сунодъ приказалъ: Священника Іоанна Веніаминова, въ уваженіе къ его трудамъ и заслугамъ, произвесть въ санъ протоіерея, поручивъ сіе преосвященному митрополиту Московскому Филарету. И вотъ, въ праздникъ Рождества Христова 1839 года, въ С.-Петербургѣ, на Троицкомъ подворьѣ, при совершеніи литургіи митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, на маломъ входѣ, подведенъ былъ ко владыкѣ одинъ изъ сослужившихъ іереевъ—и святитель Филаретъ, послѣ молитвы о немъ, по чиноположенію, «знаменовалъ по главѣ его крестовидно, глаголя: Благословенъ Господь: се бысть рабъ Божій Іоаннъ протопресвитеръ святѣйшія Божія Церкви св. Архистратига Михаила, яже на островѣ Ситхѣ, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». Въ числѣ молящихся, былъ въ то время отставной флота лейтенантъ Левъ Васильевичъ Краснопѣвковъ, который съ лѣваго клироса, свободнаго отъ пѣвцевъ, смотрѣлъ на это неожиданное, трогательное священнодѣйствіе. О судьбѣ этого флота лейтенанта нами будетъ сказано впослѣдствіи.

24 января 1830 года, оберъ-прокуроръ графъ Н. А. Протасовъ предложилъ на благоусмотрѣніе Св. Сунода, представленное ему отцомъ Веніаминовымъ, вышеупомянутое Обозрѣніе Православной Церкви въ Р. Америкѣ; а затѣмъ, 12 февраля, было доложено Св. Суноду два прошенія отца Веніаминова, о напечатаніи его переводовъ и сочиненія на Алеутско-Лисьевскій языкъ. Въ прошеніи же своемъ относительно сочиненія отецъ Веніаминовъ, кромѣ того, испрашивалъ благословеніе печатать его въ Московской Сунодальной типографіи, своимъ коштомъ. По выслушаніи сего, Св. Сунодъ нашелъ несомнѣнную пользу и надобность въ напечатаніи представленныхъ отцомъ Веніаминовымъ переводовъ, и съ особенною похвалою отнесся къ сочиненію его «Указаніе пути въ Царствіе Небесное», признавъ необходимымъ напечать эту книжечку не только на одномъ Алеутско-Лисьевскомъ языкѣ, но и на Славянскомъ и Русскомъ.

Во время сборовъ въ Москву, для печатанія трудовъ, протоіерей Веніаминовъ получаетъ изъ Иркутска скорбное извѣстіе, что супруга его, 25 ноября 1839 г., скончалась. Это извѣстіе заставило его проситься объ увольненіи въ Иркутскъ, гдѣ находилась его осиротѣлая семья. Въ это

время митрополитъ Филаретъ, утѣшая отца Веніаминова въ постигшемъ его горѣ, убѣждалъ его принять монашество. Это предложеніе заставило протоіерея І. Веніаминова призадуматься и нести долгую душевную борьбу. Прежде окончательнаго своего рѣшенія по сему неожиданному предложенію митрополита Филарета, (о чемъ будемъ говорить ниже) онъ сталъ снова собираться въ Москву и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возымѣлъ желаніе побывать въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Владыка Московскій благословляетъ сего благочестиваго паломника и напутствуетъ его слѣдующимъ письмомъ, отъ 22 марта 1840 г., намѣстнику Троицкой Лавры Антонію: «Пріѣдетъ къ вамъ протоіерей Іоаннъ Веніаминовъ, нашъ миссіонеръ въ Россійской Америкѣ. Примите его братски. Онъ добрый служитель Божій. Если захочетъ, пусть помѣстится въ Лаврѣ и посѣщаетъ братскую трапезу; ибо онъ хочетъ пробыть тамъ нѣсколько дней. Заставьте его разсказать вамъ, что онъ знаетъ объ Алеутѣ Смиренниковѣ [1]) и объ одномъ изъ миссіонеровъ, помнится, іеромонахѣ Ювеналіи» [2]). (*Письма митр. Моск. Филарета къ намѣстн. Лавры арх. Антонію, М. 1877 г. стр. 351.)*

Въ Сергіевой Лаврѣ отецъ Веніаминовъ отслужилъ панихиду о своей супругѣ и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, отправился обратно черезъ Москву въ С.-Петербургъ. Въ его отсутствіе изъ С.-Петербурга, Св. Сѵнодъ, 30 апрѣля, сдѣлалъ слѣдующее опредѣленіе объ его сочиненіи «Обозрѣнія Православ. церкви въ Россійской Америкѣ»: «Св. Сѵнодъ съ удовольствіемъ усматриваетъ изъ сего Обозрѣнія, что сѣмя слова Божія, насаждаемое среди дикихъ и язычествующихъ племенъ тамошняго края, не остается безплоднымъ. Дѣйствія Россійско-Американской Компаніи, нещадящей на сіе святое дѣло ни трудовъ, ни достоянія, благословляетъ Провидѣніе. Образовавшаяся въ концѣ прошедшаго столѣтія церковь Христова на островахъ Алеутскихъ возрасла нынѣ, въ числѣ членовъ своихъ, до десяти тысячъ душъ, кромѣ Русскихъ пришельцевъ туда. Тѣ изъ Американцевъ, коихъ хотя не коснулись еще лучи свѣта Евангельскаго, но куда достигаютъ благотворныя и въ духѣ Россійскаго правительства предпріятія Компаніи, многіе, по замѣчаніямъ протоіерея,

1) См. стр. 34—41.

2) См. стр. 23.

готовы уже или способны къ принятію слова истины, и ждутъ только дѣлателей».

При такихъ обстоятельствахъ, для руководства и утвержденія принявшихъ св. крещеніе, но еще младенчествующихъ въ вѣрѣ, и для просвѣщенія ищущихъ свѣта язычниковъ, недостаточно уже 4-хъ священнослужителей, призванныхъ для сей цѣли и содержимыхъ Компаніею; вмѣстѣ съ тѣмъ, по отдаленности страны и разсѣянному положенію, заведенныхъ Компаніею, Россійскихъ поселеній въ Америкѣ, недостаточны и средства, какія доселѣ употреблялись для привлеченія туда достойныхъ пастырей и къ приличному содержанію и обезпеченію церковнаго клира. Вообще, мнѣніе протоіерея Веніаминова: умножить число церквей, образовать на Сѣверѣ Америки постоянную миссію, вызвать и содержать безнуждно клиръ и миссіонеровъ и, учредивъ благочинническое вѣдомство надъ духовенствомъ, съ особыми правами, подвергнуть дѣйствія его возможной отчетности предъ епархіальнымъ архіереемъ—соображено съ настоящими и особенными потребностями Американской церкви и достойно уваженія. Посему Св. Сѵнодъ, справедливымъ признавая изъявить прежде всего Россійско-Американской Компаніи совершенную признательность за ея благія дѣйствія относительно вѣры въ странѣ омраченной языческимъ суевѣріемъ и надѣясь, что, по мѣрѣ возрастающихъ успѣховъ христіанскаго просвѣщенія въ Америкѣ не оставитъ она усиливать и средства, къ тому способствующія, полагаетъ съ своей стороны: 1) Съ нынѣшняго времени въ Россійскихъ поселеніяхъ въ Америкѣ имѣть соборную церковь, съ двумя священниками, діакономъ, тремя причетниками и просвирнею, и съ духовнымъ при ней училищемъ, и таковою учредить церковь, состоящую въ Ситхѣ—Михаило-Архангельскую; прочія существующія церкви на Кадьякѣ, Уналашкѣ и Атхѣ оставить, по прежнему, съ однимъ, при каждой, священникомъ, двумя причетниками и просвирней; сверхъ того, устроить двѣ походныя церкви; а при каждой изъ нихъ быть одному священнику-миссіонеру, съ двумя также причетниками и просвирнею. 2) Старшему изъ священниковъ Ситхинскаго собора быть благочиннымъ и завѣдывать всѣми, какія есть и будутъ, церквами и духовенствомъ въ Америкѣ, и вообще всѣмъ, что относится до духовной части;

младшему же быть помощникомъ благочиннаго и состоять въ полномъ его распоряженіи. 3) Хотя въ мнѣніи протоіерея Веніаминова и изложены нѣкоторымъ образомъ права и обязанности благочиннаго и прочихъ священнослужителей Американской церкви, но по важности сего предмета, особенно же потому, что церковь сія, столь отдаленная, не можетъ подлежать непосредственному надзору своего епископа и имѣть въ немъ скорую помощь, необходимо дать правила дѣйствованія, болѣе полныя и опредѣлительныя. Для того поручить ему же, протоіерею Веніаминову, составить и представить Св. Сѵноду особую инструкцію, въ которой бы, на основаніи изложенныхъ въ его мнѣніи мыслей и замѣчаній на оныя Сѵнодальнаго члена, преосвященнаго митрополита Московскаго, ясно были опредѣлены права, обязанности и всѣ отношенія духовенства Американской церкви. 4) Какъ при таковомъ образованіи Американской церкви, съ которымъ она должна получить основаніе болѣе прочное и сообразное съ общими видами правительства, необходимы издержки, исчисленныя въ проэктированныхъ смѣтахъ (внесенныхъ въ оное опредѣленіе): то, предварительно приведенія въ дѣйствіе вышеизложенныхъ предположеній Св. Сѵнода, сообщить объ оныхъ, посредствомъ г. оберъ-прокурора, графа Николая Александровича Протасова, Главному Правленію Россійско-Американской Компаніи, представивъ заключенію сего Правленія слѣдующее: можетъ-ли Компанія, согласно 65 статьѣ Высочайше дарованной ей привиллегіи, взять на себя всѣ предметы расходовъ, показанные въ послѣдней, вновь составленной, смѣтѣ (также въ оное опредѣленіе внесенной), или токмо нѣкоторые изъ нихъ, и какіе именно. Если для Компаніи будетъ затруднительно принять на собственный счетъ всѣ исчисленныя по тѣмъ предметамъ издержки: въ такомъ случаѣ, дабы не остановить столь важнаго дѣла въ надлежащемъ его ходѣ, духовное начальство можетъ просить о пособіи отъ щедротъ Государя Императора и, въ средствахъ Компаніи, содѣйствовать собственными способами, по мѣрѣ возможности».

Къ концу своего пребыванія въ Петербургѣ, протоіерей Іоаннъ Веніаминовъ усиленно принялся оканчивать свои литературныя занятія, которыми, кстати замѣтимъ, онъ и не переставалъ заниматься, живя въ сѣверной столицѣ. Прежде всего вышелъ изъ печати «Крат-

кій Христіанскій Катихизисъ», имъ самимъ переведенный еще въ 1827 г. на Алеутско-Лисьевскій языкъ, для Алеутовъ, съ слѣдующимъ предисловіемъ, помѣченнымъ имъ 25 іюня 1839 г., т. е. днемъ его пріѣзда въ Петербургъ изъ Ситхи: «Боголюбивые читатели, братія мои! Человѣкъ не для того сотворенъ, чтобы жить только здѣсь на землѣ: но для того, чтобы жить съ Богомъ—тамъ, на небесахъ. Но жить съ Богомъ могутъ одни только праведники, т. е. только вѣрующіе во Іисуса Христа и исполняющіе Его законъ. Но никакой человѣкъ самъ собою не можетъ узнать, какъ должно вѣровать во Іисуса Христа и исполнять Его законъ, безъ наученія другихъ; а потому, для всякаго человѣка нужно ученіе и имѣть книги, содержащія ученіе о Богѣ. Но вамъ извѣстно, братія мои, что до прибытія моего къ вамъ, на вашемъ языкѣ не было ни книгъ, ни писанія, ни грамоты, и вы ни откуда не могли узнать слово Божіе, какъ только отъ слышанія; слышать же слово Божіе вамъ очень рѣдко удавалось. А потому я, видя ваше усердіе къ слышанію слова Божія, началъ писать на вашемъ языкѣ, и положилъ, приглася себѣ въ помощь тоена Ивана Панькова, перевести на вашъ языкъ «Катихизисъ», или «Начатки христіанскаго ученія». И хотя мы все свое тщаніе употребили для того, чтобы переводъ сей былъ для васъ понятенъ и вѣренъ: но при всемъ томъ, книжки изъ печати вышли съ ошибками. Но таковыя ошибки, при первомъ опытѣ, были неизбѣжны. Но, чтобы начатый мною «Катихизисъ» сколько можно сдѣлать совершеннѣе, я, во время пребыванія моего въ Ситхѣ, опять пересмотрѣлъ и исправилъ, а потомъ просилъ людей, знающихъ Русскій и Алеутскій языкъ, прочитать и замѣтить и исправить ошибки. И сверхъ того, я самъ лично смотрѣлъ за изданіемъ сихъ книжекъ. И сдѣлавши все это, я смѣю думать, что сей «Катихизисъ» вѣренъ и ясенъ столько, сколько позволялъ языкъ вашъ. Напечатанныя здѣсь внизу замѣчанія сдѣлалъ отецъ Іаковъ Нецвѣтовъ для вашей собратіи, Атхинцевъ, при чтеніи сего «Катихизиса». И такъ, читайте, слушайте со вниманіемъ и усердіемъ, и научайтесь, и молите Бога, чтобы Онъ далъ вамъ умъ разумѣть силу слова Его и волю Его. Мы же, трудившіеся въ семъ дѣлѣ, отъ всего сердца нашего желаніемъ желаемъ всѣмъ вамъ Богопознанія и спасенія душъ вашихъ».—Затѣмъ, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (№ 12, 1840 г.), мы видимъ

статью его: «Населеніе Русскихъ владѣній въ Америкѣ», на которую обратилъ вниманіе Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (№ 6, т. XXVI, 1840 г.) и тогда же самъ помѣстилъ на своихъ страницахъ то самое «Обозрѣніе» отца Веніаминова, которое онъ представлялъ на обсужденіе Св. Сѵнода: это «Состояніе православной церкви въ Россійской Америкѣ». Кромѣ того, отецъ Веніаминовъ доканчивалъ печатаніе своихъ записокъ «Объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла», въ трехъ книгахъ. Сочиненіе это печаталось на иждивеніе Россійско-Американской Компаніи, двѣ части котораго были уже отпечатаны, и оканчивалась третья ихъ часть. Одновременно съ симъ, онъ доканчивалъ корректуру своего сочиненія на Алеутско-Лисьевскомъ языкѣ: «Указаніе пути въ царствіе небесное». Это знаменитое произведеніе отца Веніаминова, въ переводѣ на Русскій языкъ, выдержало (съ 1839—1881 г.) двадцать два изданія. Это одно уже свидѣтельствуетъ о его душеполезности и приложимости. Затѣмъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, отецъ Іоаннъ Веніаминовъ выпустилъ въ свѣтъ свой переводъ «Евангеліе отъ Матѳея», а въ сентябрѣ, окончивъ печатаніе 3-й части своихъ «Записокъ», приступилъ къ составленію, порученной ему Св. Сѵнодомъ, «Инструкціи» или «Наставленія священнику, назначаемому для обращенія иновѣрныхъ и руководствованія обращенныхъ въ христіанскую вѣру».

Отзывы рецензентовъ о сихъ ученыхъ трудахъ протоіерея І. Веніаминова мы помѣстимъ въ особой главѣ; а теперь обратимся снова къ перепискѣ Св. Сѵнода съ Главнымъ Правленіемъ Россійско-Американской Компаніи.

На сдѣланное г. оберъ-прокуроромъ, 5-го іюля 1840 г., отношеніе въ Главное Правленіе Р.-Америк. Компаніи былъ полученъ слѣдующій отзывъ: «Правленіе, какъ прежде, такъ и нынѣ, совершенно готово содѣйствовать видамъ правительства по преобразованію Американской православной церкви и для распространенія ея спасительнаго ученія на народы, омраченные еще язычествомъ. Правленіе признаетъ полезнымъ увеличить содержаніе священно-церковно-служителей противу нынѣ получаемаго, не потому чтобы и при нынѣшнемъ содержаніи не могли они себя содержать, ибо возвращающіеся изъ колоніи въ Россію сберегаютъ небольшіе для себя капиталы, а остающіеся въ колоніяхъ

совершенно обезпечены; но полезно было бы увеличить содержаніе для того, чтобы склонить священно-служителей достойныхъ и способныхъ на посвященіе трудовъ и усердія тому краю, удаленному отъ прочей Россіи и образованнаго свѣта. Въ лицѣ священника Веніаминова, колоніи наши видѣли священнослужителя вполнѣ достойнаго и испытали благодѣяніе, насаждаемое ученіемъ христіанскаго пастыря, и словомъ, и дѣломъ подающаго примѣръ благочестія. Но съ другой стороны, колоніи наши были и столь несчастливы, что въ иныхъ частяхъ своихъ, туземцы обнаруживаютъ холодность къ церкви, чуждаются ея, единственно оттого, что священникъ не соотвѣтствовалъ своему назначенію. Главное Правленіе Компаніи, усердно желая преподать способъ избиранія лицъ достойныхъ, готово пожертвовать для сего капиталомъ Компаніи; однакожъ, по соображеніямъ своимъ, оно находитъ себя въ необходимости ограничить сію жертву. Пріемля въ разсужденіе, что, при предполагаемомъ Св. Сѵнодомъ увеличеніи числа священно-церковно-служителей, обязана будетъ Компанія почти удвоить издержки на доставленіе ихъ въ колоніи и обратно, и на содержаніе квартиръ, сопряженныхъ съ немалыми затрудненіями,—Главное Правленіе, съ своей стороны, полагало бы принять на счетъ Компаніи: 1) столовыя при соборѣ и трехъ церквахъ приходскихъ, исчисленныя въ 16.275 р. асс. 2) путевыя издержки по дѣламъ церкви и миссій, въ 3.647 р.; 3) на награды, по прошествіи первыхъ пяти лѣтъ, въ 2.205 р. въ 1 годъ; 4) доставленіе причтовъ церковной миссіи впередъ и обратно; 5) отводъ квартиръ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и 6) сооруженіе и починку церквей. Изъ церковныхъ доходовъ, покрываться могли бы: 1) на содержаніе и украшеніе церквей; 2) на палатки и прочія принадлежности для походныхъ церквей. Затѣмъ правительству оставалось бы ассигновать суммы: 1) на жалованье 6 причтамъ—8.421 р. асс.; 2) столовыя на 2 миссіи въ 7140 р.; 3) на содержаніе духовнаго училища. Передавая мнѣніе сіе, Главное Правленіе проситъ не обременять Компаніи свыше силъ ея и оставаться въ увѣренности, что оно, по мѣрѣ способовъ, всегда готово содѣйствовать благонамѣреннымъ предначертаніямъ правительства.

Сей отзывъ Главнаго Правленія Компаніи, по случаю ваканціоннаго времени, былъ предложенъ оберъ-прокуроромъ на обсужденіе лишь

только 6-го ноября, въ полномъ собраніи членовъ Св. Сvнода, который, по разсмотрѣніи онаго, заключилъ: «какъ устройство Американской церкви требуетъ многихъ соображеній и распоряженій, долженствующихъ взойти на Высочайшее Его Величества усмотрѣніе: то Св. Сvнодъ, имѣя въ виду благонамѣренное содѣйствіе сему дѣлу со стороны Сѣверо-Американской Компаніи и назначаемую ею къ ежегодному отпуску сумму на вышеизложенные предметы, предоставляетъ, предварительно, оберъ-прокурору отнестись въ Компанію и просить ея отзыва—будетъ-ли она согласна, если жертвуемая ею сумма обратится частію на другіе предметы, которые могутъ представиться болѣе нужными, въ устройствѣ Американскихъ церквей; дабы Св. Сvнодъ, не стѣсняясь прежнимъ ея отзывомъ, могъ приступить къ окончательному заключенію по сему дѣлу.» Одновременно съ симъ, были представлены оберъ-прокуроромъ слѣдующіе труды отца Веніаминова, исполненные имъ по порученію Св. Сvнода: а) Составленная имъ инструкція благочинному церквей и духовныхъ миссій въ Россійскихъ владѣніяхъ въ Сѣверо-западной Америкѣ; б) Наставленіе священнику, назначенному туда для обращенія иновѣрныхъ и руководствованія обращенныхъ въ христіанство; в) дополненіе къ симъ инструкціи и наставленію; г) подробное росписаніе предметовъ, на которые могутъ быть расходы по Американскимъ церквамъ; д) дополненіе къ мнѣнію объ улучшеніи Американской церкви; е) особое мнѣніе о томъ, изъ какихъ источниковъ могутъ покрываться расходы на содержаніе оной церкви и ж) предположеніе о самыхъ сихъ расходахъ. За эти труды, протоіерей I. Веніаминовъ получилъ благодарность отъ всѣхъ присутствующихъ членовъ Св. Сvнода и преимущественно отъ митрополита Московскаго Филарета, который обратилъ особенное вниманіе на составленное имъ «Наставленіе священнику, назначаемому для обращенія иновѣрныхъ и руководствованія обращенныхъ въ христіанскую вѣру. Такимъ образомъ, это «наставленіе», говоритъ редакторъ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (*1879 г. №№ 49, 50 и 51)*, какъ утвержденное первосвятителями Россійской православной церкви и Св. Сvнодомъ, имѣетъ не только историческое, но и каноническое руководственное значеніе для всѣхъ Сибирскихъ миссіонеровъ. Для знакомства съ симъ драгоцѣннымъ памятникомъ миссіонерской опытности протоіерея Веніаминова, мы помѣщаемъ здѣсь

слѣдующее вступленіе его къ сему наставленію. «Оставить родину и идти въ мѣста отдаленныя, дикія, лишенныя многихъ удобствъ жизни, для того, чтобы обращать на путь истины людей еще блуждающихъ во мракѣ невѣдѣнія и просвѣщать свѣтомъ Евангелія еще невидѣвшихъ сего спасительнаго свѣта—есть дѣло поистинѣ святое и равноапостольное. Блаженъ, кого изберетъ Господь и поставитъ на такое служеніе! Но сугубо блаженъ тотъ, кто со всею ревностію, искренностію и любовію подвизается въ дѣлѣ обращенія и просвѣщенія, перенося труды и скорби, встрѣчаемые на поприщѣ своего служенія! Ибо мзда его многа на небеси. Но горе тому, кто призванъ и поставленъ благовѣствовать, и не благовѣствуетъ! И еще горше тому, кто, прошедъ сушу и море для того, дабы обратить другихъ, дѣлаетъ обращенныхъ сынами геенны, сугубѣйшими себя!

И такъ ты, іерее, поставляешься на такое дѣло, за которое ты или внидешь въ радость Господа твоего, яко добрый и вѣрный дѣлатель Его, или пріимешь лишнее осужденіе, какъ лицемѣрный, лукавый и лѣнивый рабъ Его. И да сохранитъ тебя Господь Богъ отъ послѣдняго, и да дастъ тебѣ желаніе и силы достигнуть перваго. Находясь на мѣстѣ служенія твоего, ты будешь имѣть особенныя и различныя обязанности: во первыхъ, духовныя, какъ священнослужитель и проповѣдникъ слова Божія, во вторыхъ—внѣшнія, какъ членъ состава благоучрежденнаго управленія общества; а потому, для руководства твоего, здѣсь предлагаю тебѣ наставленія, касающіяся тѣхъ и другихъ».

За симъ слѣдуютъ самыя наставленія, опредѣляющія до мельчайшихъ подробностей служебную дѣятельность миссіонеровъ. Эти наставленія, изложенныя ясно и просто, въ духѣ строго апостольскомъ, дышатъ глубокою христіанскою любовію къ просвѣщаемымъ.

Исполнивши такъ блистательно порученіе Св. Сѵнода и устроивши всѣ дѣла, касающіяся успѣшности миссіонерскаго служенія своего въ странѣ, омраченной язычествомъ, и также окончивши свои дѣла по печати, протоіерей Іоаннъ Веніаминовъ сталъ собираться ѣхать обратно въ Америку.

Вопросъ же о принятіи монашества, не смотря на неоднократныя убѣжденія митрополита Филарета, все еще составлялъ для протоіерея Веніаминова предметъ душевной борьбы. И въ такомъ-то состояніи духа, онъ, прежде возвращенія своего въ Америку, рѣшился отправиться въ

Кіевъ, для поклоненія Кіевскимъ чудотворцамъ. «И мы видѣли тогда отца І. Веніаминова въ Кіевѣ», пишетъ почтенный профессоръ Д. Голубинскій, «и съ удивленіемъ слушали разсказы его объ Алеутскихъ островахъ». (*Душеполезн. чт. 1880 г.*) Вернувшись изъ Кіева въ Петербургъ, отецъ І. Веніаминовъ былъ снова убѣждаемъ митрополитомъ Филаретомъ принять монашество: но онъ и на сей разъ не могъ согласиться на постриженіе; тогда, по настоянію митрополита Филарета, вызвали его въ Св. Сүнодъ, гдѣ ему также пришлось бороться съ своими чувствами и доказывать членамъ Св. Сүнода, что онъ не можетъ быть монахомъ, во первыхъ, потому что у него большая семья, о которой ему необходимо заботиться; во вторыхъ, что при такой дѣятельной жизни, какъ миссіонерская, ему трудно будетъ соблюдать всѣ правила монашескаго устава, и наконецъ, что онъ могъ быть полезнымъ церкви и отечеству, оставаясь въ прежнемъ званіи, т. е. протоіерея, и не вступая въ монашество;—но и тутъ митрополитъ Филаретъ не далъ ему долго нести тяжкую заботу о семьѣ. Онъ подалъ о семъ всеподданнѣйшій докладъ Государю и, по ходатайству А. С. Норова и статсъ-секретаря Николая Михайловича Лонгинова, послѣдовало Высочайшее соизволеніе: помѣстить дочерей отца Веніаминова въ Патріотическій институтъ въ С.-Петербургѣ, а сыновей его, Гавріила и Иннокентія, въ С.-Петербургскую Духовную Семинарію. Попечителемъ же надъ дѣтьми протоіерея І. Веніаминова назначенъ былъ, по указанію въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Александры Өеодоровны, извѣстный Александръ Михайловичъ Потемкинъ, бывшій въ то время С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, который, при содѣйствіи супруги своей Татьяны Борисовны,—также извѣстной покровительницы духовнаго просвѣщенія и монашескаго чина,—заботился о воспитаніи дѣтей протоіерея І. Веніаминова. И только тогда отецъ І. Веніаминовъ, какъ вѣрный своему призванію и слыша голосъ Божій въ событіяхъ, пошелъ туда, куда Господь стопы его направилъ. Онъ рѣшился принять монашество. 24 ноября (въ день имянинъ и кончины своей супруги) 1840 года, онъ подалъ въ Св. Сүнодъ слѣдующее прошеніе: «Имѣю я желаніе вступить въ монашеское званіе, не уклоняясь, впрочемъ, отъ назначеннаго мнѣ служенія при новопросвѣщенныхъ и просвѣщаемыхъ христіанскою вѣрою, въ Россійско-Американскихъ владѣні-

яхъ. Того ради, Св. Правительствующій Сѵнодъ всепокорнѣйше прошу разрѣшить и благословить мнѣ вступленіе въ монашеское званіе». Св. Сѵнодъ, по выслушаніи прошенія отца Веніаминова, 27 ноября постановилъ: на основаніи Духовнаго Регламента и Высочайше утвержденныхъ, въ 29 день мая 1832 года, правилъ, протоіерея Веніаминова постричь въ монашество и произвести въ санъ архимандрита. О чемъ и дано знать преосвященному митрополиту Московскому, указомъ отъ 27 того же ноября. Вечеромъ 29 ноября, на Троицкомъ подворьѣ, отецъ Веніаминовъ былъ постриженъ митрополитомъ Филаретомъ въ монашество, при чемъ имя его Іоаннъ было переименовано, по его собственному желанію, на Иннокентія, въ честь св. Иннокентія, перваго епископа Иркутскаго. О семъ событіи приводимъ здѣсь подлинный разсказъ епископа Красноярскаго Никодима, вызваннаго въ то время въ С.-Петербургъ, по Высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе оберъ-прокурора, для занятія по преобразованію духовнаго ученія и управленія: «Преосвященный Кириллъ, (архіепископъ Подольскій), пріѣхавши изъ Сѵнода, потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ мнѣ, что, по предложенію Филарета, митрополита Московскаго, я назначенъ отъ Св. Сѵнода быть воспріемнымъ отцомъ готовящагося къ постриженію протоіерея Американскаго Іоанна Веніаминова. Въ 6-мъ часу вечера, мнѣ приказано явиться съ мантіею на подворье Московскаго митрополита. Постриженіе было на подворьѣ, въ церкви преподобнаго Сергія, во всенощной, 29 ноября. На другой день, 30 ноября,—т. е. въ день утвержденія Государемъ проекта о возстановленіи Камчатской епархіи,—здѣсь же, въ литургію, новопостриженнаго монаха Иннокентія (протоіерея Іоанна Евсеевича Веніаминова) владыка посвятилъ во архимандрита. И я служилъ же. Владыка пригласилъ насъ къ себѣ откушать. Столъ краткій: помню а) кусокъ икры, б) уху; но, конечно, было и какое нибудь жаркое. Владыка кушаетъ быстро, хотя весь обѣдъ говорилъ. Насъ не помню чѣмъ потчивалъ, а самъ выпилъ съ рюмку портеру, сказавъ, что ему это недавно посовѣтывали врачи».

На другой день, т. е. 1 декабря, Императоръ Николай I пожелалъ видѣть новопосвященнаго архимандрита Иннокентія. О семъ представленіи сохранился разсказъ самого Иннокентія, записанный собственною рукою его на особомъ листкѣ, помѣченномъ 1840 годомъ: «Въ исходѣ 11-го часа, я прибылъ», говоритъ архимандритъ Иннокентій, «во дво-

рецъ, съ параднаго крыльца, въ сопровожденіи діакона, и прошелъ прямо въ малую церковь. Въ началѣ 12 часа прибыли въ церковь Государь Императоръ и вся Высочайшая фамилія. И тотчасъ началась литургія, которую совершалъ протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ. По пропѣтіи «Отче нашъ», мы отправились на верхъ, въ собственную половину Его Величества, гдѣ я надѣлъ мантію и ожидалъ призыву. Ровно въ 12 часовъ объявляютъ мнѣ, что Государь проситъ меня. Я, взявъ съ собою образъ Спасителя, пошелъ въ кабинетъ Его Величества. Государь Императоръ, перекрестившись, поцѣловалъ икону, принялъ ее и положилъ на столъ. Въ это время, я кое-какъ изъявилъ благодарность его Величеству за всѣ его Высочайшія милости. При первомъ взглядѣ моемъ на Государя и свиданіи, я не могъ не сробѣть. И кто не сробѣетъ при Немъ! Но послѣ того, ободренный его благосклонностію, я оправился и говорилъ свободно. Государь Императоръ началъ разговоръ такъ: «Очень благодарю Васъ за то, что Вы рѣшаетесь отправиться въ такую отдаленную страну, и за то, что Вы тамъ служили съ такою пользою. Много-ли Вы тамъ прожили лѣтъ?» Пятнадцать, Ваше Императорское Величество.— «Гдѣ Вы получили образованіе?» —Въ Иркутскѣ, оттуда отправился и въ Америку.— «Какъ принимаютъ вѣру нашу тамошніе жители?» —Тѣ жители, у которыхъ я былъ въ первое время, очень хорошіе христіане. Признаюсь откровенно Вашему Императорскому Величеству, что я только тамъ и узналъ, что есть духовныя утѣшенія; другіе, у которыхъ мнѣ удалось положить начало....» Этимъ и прерывается интереснѣйшій разсказъ архимандрита Иннокентія.—Но мы имѣемъ нѣкоторую возможность дополнить и докончить его изъ другаго источника, а именно изъ разсказа Н. Щукина *(Истор. Библіот. 1879 г. № 6, 7)*, изъ котораго видно, что Государь соизволилъ высказать Иннокентію слѣдующее: «Проектъ Камчатской епархіи Я утвердилъ; но кого назначить архіереемъ?» —Архимандритъ отвѣчалъ: Духъ Святый вложитъ въ сердце Вашего Величества святую мысль избранія.—Государь, подумавъ нѣсколько, сказалъ: «Я хочу сдѣлать Васъ Камчатскимъ архіереемъ».—Архимандритъ отвѣчалъ:— Я весь въ повелѣніяхъ Вашего Величества,—какъ Вамъ угодно, то и свято для меня.— «Хорошо. Передайте мои слова митрополи-

ту». Царь поклонился, и архимандритъ вышелъ». И съ того времени архимандритъ Иннокентій, до самаго отъѣзда своего въ Америку, довольно часто, по приглашенію, являлся во дворецъ къ малолѣтнымъ великимъ князьямъ, Михаилу Николаевичу и Николаю Николаевичу, которыхъ онъ съумѣлъ заинтересовать своими увлекательными разсказами о дикихъ, о путешествіяхъ на байдаркахъ и проч.: онъ всегда приносилъ съ собою карту, по которой, для наглядности, и указывалъ имъ мѣстность своихъ путешествій. При сихъ посѣщеніяхъ архимандрита Иннокентія присутствовалъ часто въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, бывшій тогда наслѣдникомъ, и также увлекался разсказами архимандрита Иннокентія.

Въ самый день постриженія отца Веніаминова въ монашество, а именно 29 ноября 1840 года, въ Св. Сѵнодѣ состоялось постановленіе о возстановленіи Камчатской епархіи, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) что по отдаленности Россійско-Американскихъ церквей отъ Иркутскаго епархіальнаго архіерея, коему онѣ подчинены, и по продолжительности времени, потребнаго для сообщеній, управленіе сими церквами весьма затруднительно, между тѣмъ какъ Господь Богъ благословляетъ успѣхами обращеніе тамошнихъ язычниковъ къ познанію слова Божія; 2) что для управленія тамошними церквами, по оказавшимся успѣхамъ христіанства, еще въ 1799 году опредѣленъ былъ особый епископъ, который именовался Кадьякскимъ, и 3) что Камчатскія церкви, также весьма устраненныя отъ епархіальнаго архіерея Иркутскаго, несравненно съ большею пользою могли бы относиться къ епископу Россійско-Американскихъ церквей, если бы паства сія была возставлена. По симъ соображеніямъ, Св. Сѵнодъ призналъ съ своей стороны нужнымъ: 1) учредить епископскую каѳедру Россійско-Американскихъ церквей, и каѳедрѣ сей подчинить Камчатскія и Охотскія церкви, отчисливъ оныя отъ епархіи Иркутской; 2) учреждаемой каѳедрѣ состоять въ третьемъ классѣ; 3) епископу имѣть пребываніе на островѣ Ситхѣ, въ мѣстѣ главнаго управленія Россійско-Американской Компаніи, а именоваться Сѣверо-Американскимъ и Камчатскимъ; 4) поелику не представляется удобства дать сей каѳедрѣ консисторію и прочее полное епархіальное устройство, то епископу ея, какъ въ священнослуженіи, такъ и въ правленіи, сообразоваться съ мѣстными обстоятельствами и способами, соблюдая токмо существенный церков-

ный чинъ и законный порядокъ дѣйствованія и слѣдуя примѣрамъ древней простоты; 5) на содержаніе архіерея, его епархіальнаго управленія и всей епархіи обратить способы, какими нынѣ пользуются тѣ церкви. Всѣ сіи предположенія, посредствомъ г. оберъ-прокурора Св. Сѵнода, повергнуть на Высочайшее его Императорскаго Величества усмотрѣніе, и всеподданнѣйше ходатайствовать о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на учрежденіе упомянутой каѳедры, и если воспослѣдуетъ оное, то о дозволеніи Св. Сѵноду учинить отъ себя распоряженіе объ устройствѣ тамъ всего управленія по нынѣшнимъ способамъ, доколѣ не потребуется новыхъ учрежденій, по сравненію съ другими, древними епархіями.—30 ноября, оберъ-прокуроръ всѣ эти разсужденія и предположенія Св. Сѵнода повергнулъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе; каковыя Его Величество и соизволилъ утвердить.

1-го декабря, оберъ-прокуроръ вошелъ съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю: «Представивъ на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества предположеніе о возстановленіи въ Россійской Сѣверной Америкѣ архіерейской каѳедры, съ подчиненіемъ ей, по мѣстной удобности, Камчатскихъ и Охотскихъ церквей и на основаніяхъ, соотвѣтственныхъ положенію возрастающей церкви въ томъ отдаленномъ краѣ, Св. Сѵнодъ, на случай всемилостивѣйшаго соизволенія на сіе, озаботился избраніемъ кандидатовъ къ замѣщенію той каѳедры, изъ лицъ болѣе способныхъ и достойныхъ предлежащаго служенія. Въ сихъ видахъ Св. Сѵнодъ избралъ слѣдующихъ кандидатовъ: 1) Бывшаго предъ симъ протоіереемъ и миссіонеромъ въ томъ краѣ, протоіерея Іоанна Веніаминова, котораго Св. Сѵнодъ, по его прошенію, разрѣшилъ постричь въ монашество, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.—Многолѣтнымъ служеніемъ Россійско-Американской церкви онъ оказалъ уже отличную способность и принесъ дѣйствительную пользу, а изъявленнымъ добровольнымъ согласіемъ на возвращеніе въ ту же службу, въ прежнемъ званіи, показалъ истинную ревность къ служенію вѣры, и потому подаетъ полную надежду новаго благословенія Божія на его служеніе, если возведенъ будетъ въ епископскій санъ. 2) Калужской епархіи, Боровскаго первокласснаго Пафнутіева монастыря настоятеля архимандрита Геннадія и 3) Вятской епархіи, второкласснаго Успенскаго Трифонова монастыря настоятеля и ректора Вятской семинаріи

архимандрита Никодима. Всеподданнѣйше представляя о семъ Вашему Императорскому Величеству и подносяпослужные о избранныхъ кандидатахъ списки, Сѵнодъ испрашиваетъ отъ Вашего Величества соизволенія на слѣдующія положенія: 1) Того, кто изъ сихъ кандидатовъ всемилостивѣйше назначенъ будетъ на вновь учрежденную каѳедру, посвятить во епископскій санъ въ С.-Петербургѣ. 2) Удостоенному, по чрезмѣрной отдаленности мѣста назначенія, выдать, сверхъ прогонныхъ денегъ, на путевыя издержки 1000 р. с., изъ суммы, на экстраординарные расходы духовнаго вѣдомства ассигнуемой.» Докладъ сей былъ подписанъ: Серафимомъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, Филаретомъ митрополитомъ Московскимъ, Іоною митрополитомъ, Кирилломъ архимандритомъ Подольскимъ, духовникомъ Н. Музовскимъ и др.

Помѣщаемъ здѣсь и самый послужной списокъ архимандрита Иннокентія, который былъ приложенъ Св. Сѵнодомъ при докладѣ Государю Императору.

«Бывшій протоіереемъ и миссіонеромъ въ Россійской Америкѣ Іоаннъ Веніаминовъ, постриженный въ монашество, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, въ 1817 г., по окончаніи полнаго курса наукъ въ Иркутской семинаріи, произведенъ во діаконы; 1821 г.—во священника; 1826 г.—награжденъ наперснымъ крестомъ; 1835 г.—сопричисленъ къ ордену св. Анны 3 степени; 1839 г. произведенъ въ санъ протоіерея; 1840 г. сопричисленъ къ ордену св. Анны 2 степени; 1840 г. постриженъ въ монашество и произведенъ въ санъ архимандрита. Находясь въ бѣломъ духовенствѣ, проходилъ пятнадцать лѣтъ, съ отличнымъ усердіемъ и благоуспѣшностію. должности миссіонера и приходскаго священника, на пространствѣ болѣе тысячи верстъ: построилъ въ Уналашкѣ церковь, съ сбереженіемъ въ экономіи ея до семнадцати тысячъ руб.; содѣйствовалъ къ заведенію тамъ школы и дома для дѣвицъ-сиротъ и самъ преподавалъ тамъ и въ Ситхѣ законъ Божій; составилъ для Алеутовъ грамматику и болѣе шестой части ихъ научилъ читать и писать. Отъ роду ему 43 года. Дѣлъ до него не касалось». Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Николай I, по прочтеніи представленнаго ему оберъ-прокуроромъ доклада Св. Сѵнода, соизволилъ высказать свое желаніе назначить на сію каѳедру архимандрита Иннокентія, какъ лично ему извѣстнаго, по его апостольскому подвижничеству на миссіонерскомъ поприщѣ; и при семъ, окинувъ

державнымъ взоромъ пространство и племена, поручаемыя новому архипастырю, соизволилъ приказать, чтобы епископъ сей новой епархіи именовался бы не Сѣверо-Американскимъ и Камчатскимъ, а «Камчатскимъ, Курильскимъ и Алеутскимъ». На это оберъ-прокуроръ возразилъ Государю, что на Курильскихъ островахъ нѣтъ ни одной церкви: Государь сказалъ: «Построить».—И затѣмъ уже, на докладѣ Св. Сунода собственноручно начерталъ слѣдующую резолюцію: «Быть первому, а въ прочемъ быть по сему». Николай. С.-Петербургъ. 1 декабря 1840 г.

По утвержденіи Государемъ Императоромъ новопосвященнаго архимандрита Иннокентія во епископы, Св. Сунодъ, указомъ отъ 12 декабря того же 1840 года, предписалъ митрополиту С.-Петербургскому Серафиму посвятить, съ находящимися въ С.-Петербургѣ преосвященными архіереями, архимандрита Иннокентія во епископа Камчатскаго, Курильскаго и Алеутскаго, 15-го того же декабря въ Казанскомъ соборѣ. Нареченіе архимандрита Иннокентія во епископа происходило въ присутственной Палатѣ Св. Сунода 13 декабря 1840 года, при многочисленномъ собраніи какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ сановниковъ; и между ними, по замѣчанію епископа Никодима, «митрополитъ Московскій Филаретъ какъ солнце свѣтилъ, всѣхъ озаряя, никому не мѣшая, но и никѣмъ не уязвимый». Въ этой-то палатѣ архимандритъ Иннокентій, по нареченіи его въ санъ епископа, обратился къ присутствующимъ членамъ Св. Сунода съ слѣдующею простою и смиренною рѣчью: «Богоизбранные предстоятели православныя церкви! Что могу я сказать при семъ важномъ для меня событіи? Изъявлю-ли благодарность къ падшему на мое смиреніе избранію Вашему и благоволенію христолюбиваго Самодержца, дающему мнѣ въ высшемъ служеніи болѣе случаевъ быть полезнымъ Церкви и Отечеству, и тѣмъ болѣе вкушать утѣшеній духовныхъ? Но не въ словахъ, а въ дѣлахъ служенія моего Церкви и Отечеству должна являться благодарность моя. И такъ, что же могу я сказать нынѣ? Я ничего не нахожу приличнѣе, какъ исповѣдать предъ Вами дивную волю и милость Господню, явленныя на мнѣ во славу Его святаго имени. Благослови душе моя Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній его!

Когда, по изволенію сего Святѣйшаго собора, надлежало моему архипастырю избрать пресвитера къ новопросвѣщеннымъ христіанамъ на

островѣ Уналашкѣ, тогда, въ числѣ прочихъ, призываемъ былъ къ сему служенію и я; но, устрашаемый трудностями онаго, я малодушествовалъ и уклонялся. Но милосердый Господь не допустилъ исполниться моей плотской и земной волѣ, дерзавшей прекословить Его небеснымъ судьбамъ. Когда я былъ невнимателенъ къ важности предлагаемаго мнѣ служенія, которое архипастырь называетъ подобно-апостольнымъ; тогда простое повѣствованіе одного соотечественника нашего объ усердіи Алеутовъ къ Христіанской вѣрѣ, въ присутствіи архипастыря моего, въ одно мгновеніе перемѣнило всѣ мои мысли и возжгло въ мнѣ пламенное желаніе отправиться въ Америку. И что еще болѣе примѣчательно: такое повѣствованіе слышалъ я тогда не въ первый разъ; но только теперь, въ присутствіи имѣющаго власть низводить благодать Божію, оно подѣйствовало на меня, и мое желаніе непреодолимо устремилось туда, откуда прежде со страхомъ и упорствомъ уклонялось. И Господь былъ и есть столь милостивъ ко мнѣ, что, при всемъ недостоинствѣ моемъ, онъ не отнималъ и не отнимаетъ отъ меня желаніе служить въ Америкѣ. Даровавъ желаніе, Онъ подавалъ мнѣ и силы къ перенесенію всѣхъ трудностей пути и служенія. И Ему единому, и всесвятому имени Его, да будетъ слава за то, что ни во время пути моего въ Америку, ни въ пребываніе мое тамъ, при самыхъ горькихъ случаяхъ, болѣзненно касавшихся сердца моего, никакой глаголъ роптанія или раскаянія о избранномъ жребіи не возмутилъ моего слабаго сердца. Да будетъ благословенъ Господь, совершаяй силу Свою въ немощи, и избираяй уничиженная и несущая!

И въ настоящемъ, столь нечаемомъ, избраніи вашего святѣйшества я вижу ту же всеуправляющую волю Господа моего. Обстоятельства, заставившія меня изъ такой отдаленности, по совершеніи пути вокругъ свѣта, явиться въ сей столицѣ; благосклоннѣйшее вниманіе вашего святѣйшества къ посильнымъ трудамъ моимъ; устроеніе моихъ домашнихъ обстоятельствъ, благопріятствующее настоящему моему служенію — все сіе чѣмъ болѣе для меня неожиданно тѣмъ яснѣе показуетъ мнѣ перстъ Божій. И да творитъ Господь волю Свою на мнѣ всегда и во всемъ! И я твердо уповаю и вѣрую, что Господь, такъ дивно путеводящій меня и дающій мнѣ нынѣ новый жребій служенія, при благословеніи вашего святѣйшества, низводящемъ благословеніе Того, иже и рыбаріе быша во Апостоловъ, — благодатію Своею, немощ-

ная врачующею и оскудѣвающая восполняющею, даруетъ мнѣ и новыя и бо́льшія силы къ совершенію моего служенія.

Господи! предъ Тобою и отъ Тебя все желаніе мое; твори волю Твою во мнѣ и чрезъ меня; благослови меня на служеніе Тебѣ благословеніемъ неотъемлемымъ; даруй мнѣ новое желаніе и новыя силы быть полезнымъ церкви и отечеству. Господи Іисусе Христе! Новый свѣтъ благодати святительскія, который Ты благоволишь пролить въ тѣ отдаленныя страны, да будетъ знаменіемъ и зарею просвѣщенія православною нашею вѣрою всѣхъ живущихъ тамъ язычниковъ. Святая Дѣво и Богородице! Святіи Апостоли, Святителіе, Праведніи, и вся небесная церковь! Усердно молю васъ, молитеся о мнѣ ко Господу. Молю и васъ, Богоизбранные отцы и предстоятели сущей на землѣ церкви! Воспріимите меня въ молитвы ваши и молите Господа, да будетъ со мною благодать и милость Его всегда.»

15 декабря послѣдовало и самое посвященіе Иннокентія во епископы. Преосвященный митрополитъ С.-Петербургскій Серафимъ по сему случаю, рапортомъ отъ 18 декабря, донесъ Св. Сѵноду слѣдующее: Архимандритъ Иннокентій посвященъ въ епископскій санъ 15 декабря въ Казанскомъ Соборѣ (по причинѣ болѣзни, мнѣ въ оный день приключившейся) преосвященнымъ митрополитомъ Іоною (бывшій Грузинскій), съ преосвященными архіепископами: Кирилломъ Подольскимъ, Іосифомъ Литовскимъ и Венедиктомъ, епископомъ Ревельскимъ. «Владыка Филаретъ,» какъ пишетъ епископъ Никодимъ, «не былъ и въ числѣ содѣйствующихъ: потому что онъ старше Іоны. Потому же, конечно, не былъ и Кіевскій митрополитъ.» И съ того же дня, т. е. 15 декабря, Камчатка, Охотская область и колоніи Россійско-Американской Компаніи были отчислены отъ епархіи Иркутской, и образована изъ нихъ самостоятельная епархія, подъ именемъ Камчатской, каѳедра которой, по опредѣленію Св. Сѵнода, должна быть на островѣ Ситхѣ, въ Новоархангельскѣ. Въ 1877 году, въ Лондонѣ, вышла брошюра Американскаго священника Карла Хейля (Innocent of Moscow, the apostle of Kamchatka and Alaska), въ которой мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ событіи: «послѣ 16-лѣтнихъ миссіонерскихъ трудовъ, отецъ Веніаминовъ былъ посланъ въ Петербургъ ходатайствовать о помощи для миссіи. Императоръ Николай I предложилъ Св. Сѵноду оказавшагося столь надежнымъ священникомъ, какъ овдовѣвшій отецъ Іоаннъ Веніа-

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

[illegible] ... 1840 года ... Америк... [illegible] ... Государ... [illegible]

миновъ, отправить обратно на поприще трудовъ его, въ санѣ епископа, при очевидной нуждѣ въ епископскомъ надзорѣ тамъ. «Ваше Величество, замѣтили нѣкоторые изъ членовъ Св. Сѵнода:—хотя овдовѣвшій протоіерей Веніаминовъ, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ этого сана, но тамъ нѣтъ ни каѳедральнаго собора, ни клира, ни епископской резиденціи». «Что же изъ этого?» возразилъ Государь. «Неужели онъ, будучи равенъ Апостолу, не можетъ быть посвященъ?» (стр. 13).

Послѣ посвященія архимандрита Иннокентія во епископы, Варварою Петровной Шереметевой былъ заказанъ въ С.-Петербургѣ портретъ его масляными красками. Онъ изображенъ со свиткомъ въ рукахъ, на которомъ начертаны слѣдующія слова: *Удивилъ Господь милость свою на мнѣ. Благослови душе моя Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его* [1].»

Долго недоумѣвалъ преосвященный Иннокентій, по своей обычной скромности, о своемъ архіерействѣ. Долго спрашивалъ себя: неужели я архіерей? Все представлялось ему сновидѣніемъ, и только на пути въ Сибирь, онъ увѣровалъ, что это не сонъ, а существенность. Вотъ что разсказывалъ о семъ событіи самъ преосвященный Иннокентій, много лѣтъ спустя, будучи уже архіепископомъ на Амурѣ. «Не смерть жены моей открыла мнѣ путь къ архіерейству, потому что она умерла ровно за годъ до того, а именно 24 ноября 1839 года. До 6 ноября 1840 года, т. е. до того времени, какъ я сталъ собираться ѣхать въ Америку, ни рѣчи, ни мысли не было ни у кого объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Америкѣ...... Но какъ и кому пришла первая мысль объ этомъ, можетъ современемъ сказать нашъ трудолюбивый и благонамѣренный писатель, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, принимавшій въ этомъ самое живое участіе; а обо всемъ прочемъ, касающемся до меня, можетъ сказать мой преемникъ, по разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ и бумагъ моихъ.» (*Духовн. Бесѣда 1863 г.*)

Мы пока не знаемъ, сказалъ-ли что объ этомъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ; но вышеприведенный разсказъ Американскаго священника даетъ намъ поводъ предполагать, что первая мысль объ учрежденіи архіерейской каѳедры принадлежала Государю Николаю Павловичу.

---

[1]) На оборотѣ сего портрета имѣется слѣдующая надпись: «Преосвященный Иннокентій, епископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутскій.—Писанъ 1841 г. художникомъ Триг. Бѣловымъ, иждивеніемъ Варвары Петровны Шереметевой.» Портретъ этотъ въ настоящее время хранится у достоуважаемой дочери Варвары Петровны Шереметевой—баронессы Елизаветы Сергѣевны Дёллеръ.

VII

Читатели наши успѣли уже познакомиться съ наименованіемъ печатныхъ трудовъ преосвященнаго Иннокентія, какъ миссіонерскихъ, такъ и чисто ученыхъ, и частію съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Здѣсь же мы считаемъ умѣстнымъ, какъ бы въ заключеніе пребыванія его въ С.-Петербургѣ, познакомить съ достоинствомъ и значеніемъ другихъ почтенныхъ трудовъ его. Не выражая своего личнаго мнѣнія о нихъ, мы приведемъ здѣсь отзывы современныхъ ему представителей науки. По выходѣ въ свѣтъ записокъ отца Веніаминова «Объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла» (въ 3-хъ частяхъ, въ 8 д. л. Спб. 1840—1841 г.), рецензентъ (*Журнала М. Н. Пр. ч. XXXI. Спб. 1841 г.)*, подвергая ихъ подробному разбору, говоритъ слѣдующее: «Преосвященный Иннокентій, епископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутскій, проведшій 15 лѣтъ (1822—1837) въ селеніяхъ Россійской Америки, въ санѣ духовнаго пастыря новообращенныхъ ея обитателей, имѣлъ всѣ средства изучить ихъ и страну ихъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Прибывъ въ нашу столицу, достойный уваженія пастырь представилъ вниманію образованныхъ читателей свои наблюденія о сихъ отдаленныхъ нашихъ о Христѣ братіяхъ. Нельзя отъ души не благодарить автора за столь полезный для ученыхъ и столь занимательный для любознательныхъ читателей трудъ, въ которомъ онъ имѣлъ случай показать себя какъ многосторонне образованнаго ученаго, какъ успѣшнаго и вѣрнаго наблюдателя и какъ замѣчательнаго писателя. Простота и благородство изложенія и вмѣстѣ увлекательность разсказа о самыхъ обыкновенныхъ и даже прозаическихъ вещахъ отличаютъ все его сочиненіе; впрочемъ, читатели нашего

журнала имѣли уже случай ознакомиться съ образцомъ его сочиненія, въ его статьѣ: «Состояніе Православной Церкви въ Россійской Америкѣ» *(Ж. М. Н. П. 1840. № 6 Отд. V)*. Повторяя отъ лица всѣхъ образованныхъ читателей искреннюю благодарность преосвященному Иннокентію за его истинно прекрасное твореніе, мы не можемъ не пожелать, чтобы со временемъ изданы были имъ подобныя описанія и прочихъ отдѣловъ Россійской Америки. Предметъ богатый и занимательный. Изъ записокъ отца Веніаминова наиболѣе должна обратить на себя вниманіе 2-я часть, содержащая этнографическій отдѣлъ ихъ. Вотъ какъ характеризуетъ это сочиненіе самъ авторъ: «Проживъ десять лѣтъ въ тамошнемъ краѣ, я нѣсколько разъ путешествовалъ по немъ, по своей обязанности, и, имѣвъ случай коротко познакомиться съ жителями сего отдаленнаго края нашего отечества, снискать ихъ расположеніе и довѣренность и, по возможности, узнать ихъ языкъ, характеръ, обычаи и весь бытъ ихъ, и также наблюдать произведенія и самый климатъ сего края, я—считаю себя обязаннымъ передать любезнымъ соотчичамъ результатъ десятилѣтнихъ моихъ наблюденій. Все, что я могъ видѣть, понять, замѣтить и собрать любопытнаго, достойнаго вниманія и замѣчанія, относительно сего края, предлагаю въ настоящихъ моихъ «Запискахъ объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла». Записки мои я раздѣляю на двѣ части, въ каждой по три отдѣленія; первая часть содержитъ замѣчанія географическія, вторая—этнографическія. Къ нимъ я присовокупляю еще и третью часть, заключающую въ себѣ: 1) замѣчанія объ Атхинскихъ Алеутахъ, имѣющихъ одинаковый съ Уналашкинцами языкъ, характеръ и даже обычаи, но имѣющихъ свои исключенія, составленныя тамошнимъ священникомъ Іаковомъ Нецвѣтовымъ; и 2) записки о Колошахъ, обитателяхъ Ситхи и другихъ прилежащихъ къ ней острововъ. Чтобы записки мои сдѣлать, по возможности, полнѣйшими, я присовокупилъ къ нимъ замѣчанія ученыхъ путешественниковъ, тотъ край посѣщавшихъ: по части геогностической—г. Постельса, по ботанической—гг. Мартенга, Кастальскаго и Шамиссо, а географическое положеніе мѣстъ означалъ по послѣднимъ описаніямъ гг. Литке, Воронковскаго [1]) и другихъ, указы-

[1]) Который въ 1836 г. докончилъ опись южной стороны Аляски, начатую съ востока г. Васильевымъ, съ западной стороны—Шлюпомъ Моллеръ.

вая возлѣ на источники, изъ которыхъ я почерпалъ. Климатическіе выводы основаны на собственныхъ моихъ метеорологическихъ наблюденіяхъ, которыя я болѣе 7 лѣтъ велъ постоянно [1]). При описаніи умственныхъ способностей и характера Уналашкинцевъ, я не свѣрялся ни съ чьими замѣчаніями, но руководствовался собственными наблюденіями; особенно черты характера ихъ сняты мною самимъ и съ натуры, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подсказаны самими Уналашкинцами, но и то, сколько было возможно, повѣрено мною. И чтобы лучше узнать ихъ характеръ, я старался всматриваться въ нихъ тогда, когда человѣкъ бываетъ откровеннѣе или болтливѣе, и гдѣ характеръ его виднѣе, т. е. когда они бываютъ навеселѣ; но рѣшительно не нашелъ ничего, что бы противорѣчило изложеннымъ мною здѣсь замѣчаніямъ, или выказывало тайныя черты ихъ характера».

Другой рецензентъ о сихъ же запискахъ, г. С. Бурачекъ, въ журналѣ своемъ (*Маякъ. Спб. 1841 г. стр. 217*) говоритъ: «Записки объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла» отца I. Веніаминова, нынѣ преосвященнаго Иннокентія, епископа Камчатскаго, Курильскаго и Алеутскаго, заслуживаютъ полнаго вниманія всѣхъ Русскихъ, ученыхъ и не ученыхъ; и конечно онѣ будутъ переведены на всѣ Европейскіе языки прежде, нежели Русскіе опытомъ удостовѣрятся въ рѣдкихъ ея достоинствахъ и оцѣнятъ ее, какъ со стороны важности фактическихъ и ученыхъ свѣдѣній о Русскомъ помѣстьѣ—за тридевять земель, въ Америкѣ,—такъ и со стороны чрезвычайной ея занимательности; что до меня, ни одной книги не читалъ я съ такимъ глубокимъ наслажденіемъ, какъ эту, и увѣренъ, что каждый, въ комъ уцѣлѣла хоть капелька чувства къ истинно-прекрасному въ человѣчествѣ, непремѣнно согласится со мной. Образованность и просвѣщеніе—не я первый говорю это—до такой степени изувѣчили человѣка въ Европѣ, отчасти въ Азіи и въ большой части Америки, что мы рѣшительно потеряли всякую вѣру въ доброе и прекрасное въ человѣкѣ и, должно быть, скоро составимъ свою миѳологію изъ подвиговъ человѣколюбія, честности, скромности, правдивости и чистоты, наперекоръ древнимъ, (которые составили свою миѳологію изъ подвиговъ грѣха и беззаконія), потому что уже давно мы обратили ихъ миѳологію въ свою повседнев-

[1]) Извлеченія изъ оныхъ были помѣщаемы въ Bulletin Scientifique Академіи Наукъ.

ную дѣйствительность, и каждый поступокъ безкорыстія готовы считать баснословнымъ; по крайней мѣрѣ наши гг. эстетики торжественно отреклись, какъ отъ вещей невозможныхъ, отъ всего добраго, добродѣтельнаго, почтеннаго въ человѣчествѣ, и допускаютъ одну только возможность для человѣка: быть юно-безпутнымъ и злобно-могучимъ на раздираніе довѣрчивыхъ читателей. Каково же будетъ удивленіе наше, когда авторъ сведетъ насъ на тотъ свѣтъ и покажетъ живыхъ людей, предъ которыми намъ развѣ потому не будетъ стыдно, что то люди того, а не нашего свѣта. И эти люди—Алеуты!

Въ самомъ дѣлѣ......но напередъ должно сказать, что авторъ, проживъ десять лѣтъ въ тамошнемъ краѣ, нѣсколько разъ, по своей обязанности священника, путешествовалъ тамъ, имѣлъ всѣ случаи и способы коротко познакомиться съ жителями той отдаленной усадьбы нашего отечества, изучить ихъ языкъ, характеръ, обычаи и весь бытъ ихъ, произведенія и самый климатъ. Все это составило содержаніе трехъ частей его записокъ: первая содержитъ въ себѣ свѣдѣнія географическія, весьма важныя, любопытныя, полныя; вторая часть содержитъ свѣдѣнія этнографическія; въ третьей содержатся замѣчанія объ Атхинскихъ Алеутахъ и Колошахъ—обитателяхъ Ситхи и смежныхъ съ нею острововъ. Авторъ пользовался всѣми замѣчаніями ученыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ этотъ край. Обширныя метеорологическія наблюденія производилъ самъ авторъ; что же касается до умственныхъ способностей, характера, обычаевъ Уналашкинцевъ, авторъ исключительно руководствовался собственными долговременными наблюденіями и списывалъ съ натуры: даже и то, что узнавалъ изъ разсказа туземцовъ, повѣрялъ всѣми возможными образами. Вообще, записки отца Веніаминова отличаются особенною правдивостью, глубокомысліемъ, точностью въ разысканіяхъ и простотой изложенія».

Контръ-адмиралъ Врангель, разбирая «Записки объ островахъ Уналашкинскаго Отдѣла» соч. отца І. Веніаминова, по поводу присужденія за сіе сочиненіе Демидовской преміи *(10-е присужд. учрежд. П. Н. Демидовымъ наградъ 17 апрѣля 1841 г. С.-Петербургъ)*, пишетъ слѣдующее: «Изъ разбора соч. Веніаминова открывается, что оно въ полномъ смыслѣ слова оригинальное, обогащаетъ новыми свѣдѣніями географію, статистику и этнографію отдаленнѣйшаго края нашей

Имперіи и основано на личныхъ наблюденіяхъ самого сочинителя; а посему, и на основаніи 1 и 5 пунктовъ VII статьи положенія о наградахъ, оно имѣетъ несомнѣнное право на состязаніе и, по моему мнѣнію, заслуживаетъ присужденія, если не полной преміи, то по крайней мѣрѣ половинной, въ томъ уваженіи, что сочиненіе напечатано иждивеніемъ Россійско-Американской Компаніи, которая, сверхъ того, присвоила себѣ оное за 5.635 р. ассиг. и тѣмъ доставила уже сочинителю приличное вознагражденіе за трудъ. Объ этнографической части разсматриваемаго сочиненія, г. Врангель отзывается такъ: «Вѣрность наблюденій, отчетливость въ изложеніи и многообъемлющая подробность въ описаніи избраннаго предмета не оставляютъ, кажется, ничего болѣе желать въ сей части сочиненія. Это—богатое хранилище фактовъ, для полнаго уразумѣнія характера, обычаевъ и настоящаго быта народа, стоящаго на переходной точкѣ изъ состоянія дикаго въ болѣе образованное, и имѣетъ тѣмъ болѣе цѣны, что сочинитель не повторяетъ уже извѣстныхъ наблюденій и замѣчаній, не передаетъ разсказовъ и мнѣній другихъ, но сообщаетъ намъ результаты собственныхъ тщательныхъ изысканій, произведенныхъ, въ продолженіи 10 лѣтъ, среди описываемаго имъ народа. Можно смѣло сказать, что къ собраннымъ здѣсь даннымъ, относительно свойствъ и обычаевъ Алеутовъ, послѣдующіе путешественники не найдутъ ничего новаго присовокупить,—по крайней мѣрѣ, въ томъ ручаются трудолюбіе, терпѣніе и наблюдательный умъ отца Веніаминова».

При разборѣ же его книжекъ: «Опыта грамматики (и Словарь) Алеутско-Лисьевскаго языка» и «Замѣчаній о Колошенскомъ и Кадьякскомъ языкахъ», рецензентъ П. Б., въ Журналѣ *(Мин. Народн. Просвѣщ. ч. LX. 1848 г. стр. 181-186)* отзывается такъ: «Обѣ книжки изданы Императорскою Академіею Наукъ. Авторъ ихъ—нынѣ преосвященный Иннокентій, епископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутскій. Изъ Алеутской грамматики, еще задолго до изданія ея, помѣщенъ былъ отрывокъ объ Алеутскомъ правописаніи автора, съ примѣчаніями, въ «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens,» изд. Академиками Бэромъ и Гельмерсеномъ. (Томъ 1-й, содержащій въ себѣ Nachrichten über die Russische Besitzungen an der Nordwestküste von America (st. Petersb. 1839), соч. контръ—адмирала Врангеля, съ присовокупленіемъ собранія словъ изъ нѣсколь-

кихъ Сѣверо-Американскихъ языковъ). Но, кажется, сочиненіе нашего автора не пріобрѣло чрезъ это большой извѣстности. Въ новѣйшемъ изданіи сочиненія Фатера Literatur der Grammatiken, etc. umgearbeitet von Julg (Berlin, 1847, Nicolai), мы не встрѣтили даже Beiträge Бэра, хотя помѣщенное здѣсь сочиненіе г. Врангеля, съ прибавленіями издателя, составляетъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ для познанія Сѣверо—Американскихъ языковъ и народовъ. Объ Алеутской грамматикѣ Веніаминова г. Юльгъ упоминаетъ по извѣстію, полученному другимъ путемъ, которое неудовлетворительно и въ библіографическомъ отношеніи: потому что авторъ не зналъ еще о выходѣ въ свѣтъ ея изданія. Такимъ образомъ ученые, при руководствѣ г. Фатера, остаются съ одними прежними пособіями для познанія разсматриваемыхъ языковъ; но какъ мало удовлетворительны эти пособія, можно судить по недавнему отзыву одного изъ извѣстнѣйшихъ лингвистовъ, г. Габеленца. Въ статьѣ (въ Allg. Lit.—Ztg. 1847 г. № 209, 210), по поводу переводовъ на Американскіе языки, изданныхъ Американскимъ Обществомъ Миссіонеровъ (Americanboard of Commissioners for Foreign Missions), онъ говоритъ слѣдующее: «Вопросъ о томъ, изъ древней ли части свѣта и какимъ путемъ Америка получила свое народонаселеніе, все еще ожидаетъ своего рѣшенія, которое, за неимѣніемъ историческихъ свѣдѣній, возможно только посредствомъ сравненія языковъ. Посему, изслѣдованіе Американскихъ языковъ имѣетъ интересъ не только для лингвистовъ, но и для историковъ и этнографовъ, и надобность въ изслѣдованіи тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ болѣе угрожаетъ этимъ языкамъ опасность уничтоженія. Въ новѣйшее время въ этомъ отношеніи уже сдѣлано нѣчто въ самой Америкѣ, именно гг. Дж.-Пиккерингомъ, Дюпонсо, Галлатеномъ (Gallatin), но о большей части Сѣверо-Американскихъ языковъ наши свѣдѣнія ограничиваются болѣе и менѣе обширными и годными собраніями словъ, которыя, при особомъ, полисинтетическомъ устройствѣ Американскихъ языковъ, безъ познанія ихъ грамматики, не доставляютъ основанія для этимологическихъ и сравнительныхъ изысканій.» «Такимъ образомъ, этнографо-лингвистическія познанія о сѣверномъ краѣ Америки, естественно, не могутъ достигнуть надлежащей опредѣленности и полноты.» «Крайній сѣверъ Америки», продолжаетъ г. Габеленцъ, «населенъ Эскимосскимъ племенемъ, которое, начиная съ Гренландіи, про-

стирается далѣе по берегамъ Лабрадора, при истокѣ Маккензи, по Берингову проливу, Аляскѣ, Кадьяку, даже по Сѣверо—Восточному Азіатскому берегу—у Сидячихъ Чукчей. Только на берегахъ и островахъ Сѣверо-Западной Америки, языки Алеутовъ, Кинаевъ, Угаляхмутцовъ и Колошей, различаясь между собою, кажется, отличны и отъ первыхъ. Недавно изданная грамматика Алеутскаго, Колошенскаго и Кадьякскаго языковъ, соч. русскаго миссіонера Веніаминова, безъ сомнѣнія, прольетъ на этотъ пунктъ новый свѣтъ. Американское Общество миссіонеровъ, кажется, не простирало своей дѣятельности до отдаленныхъ жителей этого холоднаго пояса» и т. д. Мы думаемъ, что подобныя ожиданія ученыхъ не останутся тщетными. О познаніяхъ нашего автора, особенно въ Алеутскомъ языкѣ, и о достовѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній распространяться было бы излишнимъ: нашъ авторъ—туземецъ. Сообщаемыя имъ лингвистическія свѣдѣнія состоятъ уже не изъ однихъ собраній словъ, какъ показываетъ самое заглавіе сочиненій; напротивъ, и составленные имъ Словари, особенно Алеутскій, снабжены объясненіями, которыя вводятъ въ этимологическія свойства языка. Для Алеутской грамматики, авторъ принялъ форму Русской; но какъ, въ то же время, совѣтовался съ своимъ живымъ практическимъ знаніемъ Алеутскаго языка, то, на каждомъ шагу, долженъ былъ отмѣчать только рѣзкія отличія его отъ этой формы и несовмѣстность ея съ нимъ. Такъ, «для избѣжанія сбивчивости,» авторъ разсудилъ раздѣлить матеріалъ Алеутскаго языка на 8 частей рѣчи, но напередъ нашелъ нужнымъ замѣтить, что, говоря собственно, въ Алеутскомъ языкѣ только 2 части рѣчи, или уже никакъ не больше трехъ; что имена существительныя, прилагательныя, мѣстоименія, причастія, предлоги и нѣкоторыя нарѣчія имѣютъ лица, числа и окончанія, общія съ глаголами, а глаголы имѣютъ нѣкоторыя принадлежности именъ. Такимъ образомъ, благодаря живому знанію автора, чуждая языку форма не могла скрыть природныхъ его свойствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, сообразно въ его особеннымъ устройствомъ, граматика этого языка можетъ быть обработана иначе: опытъ нашего автора, безъ сомнѣнія, будетъ служить при этомъ наилучшимъ пособіемъ, какъ самъ по себѣ, такъ и потому, что облегчаетъ уразумѣніе матеріала въ Словаряхъ и въ литературныхъ опытахъ на Алеутскомъ языкѣ. Послѣдними ученая литература обязана тому же автору; изъ нихъ, онъ упоминаетъ въ своей грамматикѣ о своемъ Поученіи (напеча-

танномъ въ Москвѣ, въ Сунод. тип., 1840 г.); въ которомъ, по его увѣренію, «соблюдены всѣ свойственные сему языку обороты, выраженія и даже красоты.» Онъ рекомендуетъ это сочиненіе лингвистамъ, предпочтительно предъ переводами, и доказываетъ примѣрами, что переводы не могутъ передавать истинныхъ свойствъ Алеутскаго языка въ надлежащей полнотѣ и чистотѣ. Можетъ быть, этому убѣжденію автора лингвисты обязаны собраніемъ народныхъ Алеутскихъ пѣсенъ, которыя, числомъ XII, приложилъ онъ къ своей грамматикѣ.

«Замѣчанія о Колошенскомъ и Кадьякскомъ языкахъ» гораздо короче, особенно о послѣднемъ; но и онѣ несравненно болѣе доставляютъ познанія о языкахъ, чѣмъ одни собранія словъ. Спряженіе Колошенскаго языка представлено въ трехъ подробныхъ примѣрахъ. Кромѣ того, приложены опыты перевода на тотъ и другой языкъ (по одной страницѣ на каждый). О Колошенскомъ Словарѣ сказано въ заглавіи. Въ началѣ этой книжки авторъ сообщаетъ общія свѣдѣнія о языкахъ и народахъ Русской Америки (стр. 1—8), съ обозначеніемъ границъ ихъ жительства и числа жителей по домамъ или семьямъ. Читатель найдетъ въ сочиненіяхъ преосвященнаго Иннокентія много любопытныхъ частностей для характеристики Алеутскаго народа, который, въ своемъ языкѣ и въ сообщенныхъ авторомъ образчикахъ народной поэзіи, довольно ясно выразилъ степень умственнаго и нравственнаго своего развитія. Одного этого источника довольно для того, чтобы видѣть, какъ нужны посторонніяя заботы о религіозно-нравственномъ образованіи этого народа, который, въ своихъ природныхъ силахъ, мало находитъ средствъ къ своему облагороженію. И Алеутскія сочиненія преосвященнаго служатъ для насъ свидѣтельствомъ о его дѣятельности въ этомъ смыслѣ и доставляютъ объясненіе того простосердечнаго радушія и довѣрія между пастыремъ и его паствою, о которомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ и посторонніе свидѣтели. Понятно, что его просвѣщенное участіе къ своимъ меньшимъ собратамъ, выраженное на ихъ природномъ языкѣ, должно находить доступъ къ ихъ сердцу. Безъ отношенія къ Американцамъ, Алеутская грамматика замѣчательна въ нашей ученой литературѣ, какъ въ первый разъ являющійся образчикъ «полисинтетическаго» устройства языковъ. Надобно замѣтить, что знакомству съ подобными языками языкознаніе не мало обязано своими успѣхами. Оно содѣйствовало къ освобожденію науки

отъ пристрастной ограниченности въ кругѣ понятій Греко-Латинской грамматики, и мало по малу пріучало вникать въ факты языка безъ предубѣжденій. Этотъ опытъ въ исторіи цѣлой науки можетъ и долженъ повториться на каждомъ изслѣдователѣ языка, и Алеутскій языкъ одинъ изъ самыхъ способныхъ для сего опыта. Здѣсь всякая напередъ придуманная теорія языка окажется неприложимою, и изслѣдователь найдетъ себя принужденнымъ держаться однихъ фактовъ языка: чрезъ это онъ изощритъ себя въ аналитической методѣ и въ строгости выводовъ, свободныхъ отъ предубѣжденій. Желательно, чтобы сочиненія преосв. Иннокентія обратили на себя вниманіе въ этомъ смыслѣ: плоды этого вниманія могутъ оказаться въ обработкѣ не только инородческихъ языковъ въ Россіи, но, можетъ быть, и самого нашего отечественнаго языка, обработываніе котораго не совсѣмъ еще свободно отъ теоретическихъ и другихъ предубѣжденій.»

Знаменитый нашъ писатель И. А. Гончаровъ, въ своемъ сочиненіи «Фрегатъ Паллада» *(т. II. стр. 518—519. С.-Пб. 1879 г. изд. 3)*, о сочиненіяхъ преосвященнаго Иннокентія пишетъ слѣдующее: «....Не нужно напоминать вамъ имя архипастыря, который много лѣтъ подвизался на пользу подвластныхъ намъ Американскихъ племенъ, обращая ихъ въ христіанскую вѣру. Вамъ извѣстенъ онъ, какъ авторъ книги: «Записки объ Уналашкинскомъ отдѣлѣ Алеутскихъ острововъ». Авторъ, въ предисловіи скромно называетъ записки матеріалами для будущей исторіи нашихъ Американскихъ колоній; но прочтя эти матеріалы, не пожелаешь никакой другой исторіи молодаго и малоизвѣстнаго края. Нѣтъ недостатка ни въ полнотѣ, ни въ отчетливости по всѣмъ частямъ знанія: этнографіи, географіи, топографіи, натуральной исторіи; но всего болѣе обращено вниманіе на состояніе церкви между обращенными, успѣхамъ которой онъ такъ много, долго и ревностно содѣйствовалъ. Книга эта еще замѣчательна тѣмъ, что написана прекраснымъ, легкимъ и живымъ языкомъ. Кромѣ того, отцомъ Веніаминовымъ переложено на Алеутскій языкъ евангеліе, имъ же изданы Алеутскій и Алеутско-Кадьякскій буквари, съ присовокупленіемъ на томъ и на другомъ языкахъ заповѣдей, символа вѣры, молитвы Господней, вседневныхъ молитвъ, потомъ счета и цифръ. То же самое, кажется, если не ошибаюсь, сдѣлано и для Колошъ».

Наконецъ, въ «Nouveau Dictionnaire de geographie universelle» (1-er fascicule. Paris. 1877, p. 68, par Vivien de Saint-Martin), говорится: «Послѣ Биллингса были экспедиціи Коцебу (1818), Литке (1827) и другихъ мореплавателей, также путешествіе физико-этнографическое Адольфа Ермана (1830) и, наконецъ, различныя монографіи.—Между всѣми помянутыми учеными изысканіями, занимаютъ первое мѣсто изысканія русскаго священника І. Веніаминова, пополнившія наши прежнія свѣдѣнія объ островахъ Алеутскихъ и обитателяхъ ихъ. (Erman's Reise, t. III).

Таковые труды и апостольскіе подвиги Преосвященнаго Иннокентія обратили на него вниманіе какъ иностранцевъ, такъ и просвѣщенныхъ соотечественниковъ; и одинъ изъ нихъ, А. И. Тургеневъ, писалъ К. С. Сербиновичу, изъ Парижа, 17 февраля 1841 года: «....Чѣмъ болѣе старѣюсь и размышляю, тѣмъ болѣе прилѣпляюсь къ христіанскому ученію.... Радуюсь Алеутскому архіерею—но пожалуйста, оставьте его въ прежней его дѣятельности и «духа его не угашайте» вашими камилавками и шапками....» (*Русск. Стар. 1882 А. И. Тургеневъ въ его письмахъ, съ примѣчаніями Николая Барсукова, стр. 179*).

VIII

10 января 1841 года, преосвященный Иннокентій, въ день своего выѣзда изъ Петербурга на новое служеніе въ Америку, посѣтилъ митрополита Филарета, который, при прощаніи съ нимъ, спросилъ его: «Будете Вы въ Тобольскѣ?» —И на утвердительный отвѣтъ его, сказалъ:— «Скажите преосвященному Аѳанасію, что всѣ іерархи удостоиваютъ меня посланіями, кромѣ его одного». *(Русск. Арх. 1881 г. II. стр. 395)*. Вмѣсто съ тѣмъ московскій владыка вручилъ ему слѣдующее письмо къ намѣстнику Троицкой Лавры, архимандриту Антонію: «Примите, отецъ намѣстникъ, подобающимъ образомъ преосвященнаго Иннокентія Камчатско—Алеутскаго и образомъ отъ обители благословите. Онъ уполномоченъ брать съ собою потребныхъ ему людей и желающихъ служить при немъ. Если у насъ найдется желающій и ему угодный, не будемъ скупы. И не останавливайтесь за перепискою со мною. На многое не отвѣчаю еще вамъ, потому что простуда не позволяетъ долго держать на землѣ ноги, а лежащій писать еще не выучился. Миръ вамъ и братіи». *(Письма митр. моск. Филарета къ арх. Антонію. Ч. I, стр. 386. М. 1877 г.)*.

Пріѣхавши въ Москву, преосвященный Иннокентій остановился въ Чудовомъ монастырѣ и занимался укладкою пожертвованныхъ вещей въ Американскую миссію, при чемъ помогалъ ему извѣстный московскій торговецъ золотыхъ и бриллiантовыхъ вещей Гавріилъ Матвѣевичъ Корниловъ, о которомъ мы будемъ говорить особо. Въ это пребываніе свое въ Москвѣ, преосвященный Иннокентій не разъ посѣщалъ Троицкую Сергіеву Лавру, подыскивая въ ней достойныхъ дѣятелей къ себѣ на службу, въ Сибирь. И вотъ, въ одну изъ сихъ поѣз-

докъ его въ Лавру, «явился къ нему», какъ пишетъ архіепископъ Савва Тверской *(Воспомин. о преосв. Леонидѣ, арх. Ярославск. и Ростовск. стр. 7)*,— «студентъ академіи, лейтенантъ Краснопѣвковъ и просилъ его преосвященство принять его въ число сотрудниковъ своихъ на миссіонерскомъ поприщѣ. Опытный миссіонеръ и проницательный архипастырь, преосвященный Иннокентій, безъ сомнѣнія, сообразилъ, что молодой свѣтскій юноша, едва лишь начавшій знакомиться съ богословскими науками, не можетъ много принести пользы въ дѣлѣ евангельской проповѣди, и что мгновенный порывъ пылкой души подъ суровымъ небомъ отдаленной Сибири легко и скоро можетъ остыть, и потому отклонилъ усиленную просьбу Краснопѣвкова. Время оправдало мудрую осторожность Алеутскаго владыки».—И если на сей разъ лейтенанту Краснопѣвкову не удалось быть помощникомъ у преосвященнаго Иннокентія по миссіонерскому служенію, за то спустя много лѣтъ, онъ былъ его помощникомъ по управленію Московской епархіи. Такъ Промыслъ Божій иногда неожиданно заранѣе знакомитъ и сближаетъ будущихъ сослужителей на одномъ и томъ же поприщѣ!

Предъ своимъ выѣздомъ изъ Москвы въ Америку, преосвященный Иннокентій въ послѣдній разъ посѣтилъ Лавру, и на прощаньи совершилъ тамъ торжественную литургію въ Троицкомъ соборѣ. Вечеромъ того же дня, какъ разсказываютъ очевидцы, при яркомъ лунномъ свѣтѣ, по морозному снѣгу, отъ Троицкаго собора къ воротамъ Лавры, по направленію къ Москвѣ, пронеслись два зимніе дорожные экипажа. Звонъ всѣхъ лаврскихъ колоколовъ возвѣщалъ отбытіе новаго іерарха на апостольскій подвигъ. Изъ Москвы же въ Сибирь преосвященный Иннокентій выѣхалъ 30 января 1841 года, сопровождаемый благословеніями полюбившихъ его москвичей. На семъ далекомъ пути своемъ до Иркутска, онъ останавливался для ночлега и отдыха въ епархіальныхъ городахъ у архіереевъ. Гостилъ у нихъ и бесѣдовалъ съ ними, по всей вѣроятности, съ цѣлью ближе подготовиться, наглядно и совѣтами опытныхъ архипастырей, къ своему служенію въ епископскомъ санѣ.

Предоставляемъ судить каждому, съ какими чувствами подъѣзжалъ преосвященный Иннокентій къ Иркутску, куда онъ первый изъ питомцевъ Иркутской семинаріи является въ санѣ епископа. За пять верстъ до Иркутска, преосвященный Иннокентій предварительно за-

ѣхалъ въ Вознесенскій монастырь. Братія встрѣтила его съ крестомъ и звономъ; отслуживши въ монастырѣ молебенъ и приложившись къ мощамъ св. Иннокентія, онъ отправился въ Иркутскъ, куда прибылъ 11-го марта 1841 года. Въ Иркутскѣ онъ встрѣченъ былъ также колокольнымъ звономъ. Въ первое воскресенье, по прибытіи своемъ въ Иркутскъ, преосвященный Иннокентій совершилъ Литургію въ церкви Благовѣщенія, въ которой началъ свое священнослуженіе. При входѣ въ церковь, преосвященный, поцѣловавъ поднесенный ему крестъ и окинувъ церковь глазами, направился приложиться къ иконамъ; и затѣмъ, совершивъ общее благословеніе народу своимъ большимъ, полнымъ крестомъ, приступилъ къ священнодѣйствію. Священники, бывшіе товарищи его, подходили къ нему за благословеніемъ; на лицахъ ихъ было замѣтно удивленіе. Весь городъ устремился въ церковь, посмотрѣть на прежняго Благовѣщенскаго дьякона, превратившагося въ архіерея. Тѣснота была страшная, такъ что полиція не знала что и дѣлать. *(Истор. Библ. 1879 г. № 6—7)*. По окончаніи литургіи, преосвященный Иннокентій преподалъ въ храмѣ и по выходѣ изъ него святительское благословеніе каждому изъ множества собравшагося народа. Въ этотъ же день, въ архіерейскій домъ, гдѣ остановился преосвященный Иннокентій, явился къ нему за благословеніемъ бывшій его учитель, старецъ протоіерей Парняковъ, префектъ семинаріи, читавшій философію, и склонился преосвященному въ ноги. Это чрезвычайно тронуло Иннокентія, и онъ тотчасъ же поднялъ его и сказалъ ему: «Не вамъ падать на колѣни предо мною, а мнѣ предъ вами; благодаря вамъ я вышелъ въ люди», и съ этими словами опустился на колѣни. *(Сообщено Е. И. Пѣтелиной)*.

Изъ Иркутска въ Америку, преосвященный Иннокентій выѣхалъ съ своею свитою въ началѣ мая 1841 года. Какъ разъ по пути лежало ему и его родное село Ангинское. Трудно описать, съ какимъ душевнымъ волненіемъ приближался онъ къ родному селу и вступилъ въ ту хижину, въ которой получилъ благословенное бытіе свое. Отсюда онъ отправилъ двухъ сыновей своихъ, Гавріила и Иннокентія, въ Петербургъ, для поступленія въ семинарію, снабдивъ ихъ письмомъ (изъ села Ангинскаго отъ 10 мая 1841 г.) въ Москву, къ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой: «Да воздастъ Вамъ Господь сторицею за вашу любовь ко мнѣ, какъ проповѣднику слова Его! Я всегда любилъ Москву, когда еще не ви-

далъ ея; но теперь, когда я опытомъ своимъ дознадъ радушіе москвитянъ, я сугубо люблю ее. Да сохранитъ ее Господь Богъ на вѣки! Искренно благодарю Васъ, милостивая государыня, и все семейство Ваше за вниманіе и любовь и за хлѣбъ-соль. Письмо сіе я поручаю передать Вамъ сыновьямъ своимъ, которые отправляются въ С.-Петербургъ. Рекомендую Вамъ, какъ умнаго и благочестиваго, священника, съ которымъ ѣдутъ мои дѣти. Изъ Иркутска я уже выѣхалъ и готовъ уже плыть по Ленѣ; пожелайте мнѣ благополучнаго пути. Прошу покорнѣйше Васъ передать мое искреннее почтеніе графинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ, [1]) и да сохранитъ ее Господь Богъ въ томъ духѣ благочестія, въ которомъ она воспитана и который она имѣетъ. Благодать Господня да будетъ надъ Вами и всею домашнею Вашею церковію! молю и буду молить о семъ».

Изъ села Ангинскаго, преосвященный Иннокентій отправился въ дальнѣйшій путь свой по рѣкѣ Ленѣ, по направленію къ Якутску;—и съ сего пути, не доѣзжая г. Олекмы, вотъ что сообщаетъ онъ въ письмѣ (съ рѣки Лены, отъ 24 мая 1841 г.) директору Канцеляріи оберъ-прокурора Св. Сѵнода, Константину Степановичу Сербиновичу: «Да сохранитъ и спасетъ Господь Богъ Васъ и семейство Ваше за Ваше ко мнѣ благорасположеніе и милости, которыми я пользовался и надѣюсь пользоваться отъ Вашего Превосходительства. Лучше этого я не умѣю благодарить Васъ. Не столько благорасположеніе Ваше ко мнѣ, сколько ревность и святое усердіе Ваше ко благу Церкви привязываетъ меня къ Вамъ. Если бы Вы и не желали, но я всегда любилъ бы Васъ и желалъ Вамъ долголѣтняго здравія для блага Церкви. Немного, очень немного у насъ такихъ людей, какъ Вы. Бога ради, не сочтите это лестію; не умъ, а сердце мое говоритъ это. Путешествіе мое было и есть, слава Богу, благополучное. Въ проѣздъ мой чрезъ губернскіе города, я останавливался у преосвященныхъ, чрезъ что и познакомился съ ними. Всѣ они одинъ на другаго не походятъ. Всякій изъ нихъ имѣетъ свои добрыя стороны. Но Иркутскій, по моему, есть такой пастырь, котораго желательно бы подвигать выше и далѣе. Я здѣсь не разумѣю Казанскаго, котораго Вы знаете лучше меня, и Томскій преосвященный, по моему, совсѣмъ не то, что я объ немъ думалъ:

---

[1]) Шереметева.

вся его ошибка происходитъ оттого, что онъ слишкомъ ревностенъ къ правдѣ и оттого часто з а м у х о й с ъ о б у х о м ъ. Мнѣ кажется, если бы его перевели въ другую епархію, онъ, искусившій опытомъ, и получивъ отъ кого нибудь, напр. отъ Московскаго, братскіе совѣты, будетъ добрымъ пастыремъ. Нынѣ я отправляю дѣтей моихъ въ С.-Петербургъ; мое намѣреніе и желаніе и молитва о нихъ единственная есть только то, чтобы они были людьми полезными Церкви и Отечеству,—иначе пусть я лучше лишусь ихъ. Впрочемъ, да будетъ воля Господня! И если что либо можете вы способствовать мнѣ въ достиженіи сего намѣренія, то покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство. Письмо сіе я пишу на Ленѣ, близъ города Олекмы; ранѣе сего я никакъ не могъ найти времени писать къ Вамъ». *(Архивъ князя П. П. Вяземскаго)*.

О своихъ посѣщеніяхъ архіереевъ, на далекомъ пути отъ Москвы до Иркутска, преосвященный Иннокентій еще болѣе подробно сообщаетъ оберъ-прокурору Св. Сѵнода, графу Н. А. Протасову, письмомъ отъ 30 мая 1841 года *(Русск. Арх. 1879 г. № 7, стр. 270—373)*, также съ пути, при плаваніи по рѣкѣ Ленѣ, приближаясь къ городу Якутску. Сообщеніе это въ высшей степени интересное и по тону изложенія, и по подробностямъ, показывающее въ немъ тонкій и наблюдательный умъ и дипломатическую изворотливость изложенія. Онъ пишетъ: «Отправясь изъ Москвы 30 января, 1-го февраля я пріѣхалъ въ В л а д и м і р ъ и остановился въ домѣ преосвященнаго Парѳенія; онъ принялъ меня ласково, и я пробылъ у него до вечера 2 числа. Преосв. Парѳеній, хотя на видъ кажется бодръ и свѣжъ, но жалуется на свое здоровье, которое, какъ онъ говоритъ, только что позволяетъ ему управляться съ его дѣлами. Онъ весьма полюбилъ меня, какъ онъ говорилъ, за мою простоту.

Въ Н и ж н е м ъ я пробылъ сутки и останавливался также у преосвященнаго Іоанна, который принялъ меня весьма радушно и ласково. Онъ ѣздилъ со мною во многія мѣста въ городѣ. Въ разговорахъ его сначала замѣтна была особенная отчетливость; но потомъ онъ сталъ говорить со мною проще и откровеннѣе, и тогда, между прочимъ, въ немъ обнаружилось какое-то предупрежденіе противъ дѣйствій вашихъ; или, лучше сказать, онъ многія дѣйствія ваши понималъ иначе. Можетъ быть, онъ только искушалъ или выпытывалъ меня; но я принималъ его

слова за истину и старался навести его на настоящую точку зрѣнія, и не знаю, дѣйствительно ли онъ такъ думаетъ, но, по крайней мѣрѣ на послѣдокъ, онъ сталъ говорить объ вашихъ дѣйствіяхъ такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Онъ много жаловался на строгость управленія преосвященнаго Аѳанасія (нынѣшняго Тобольскаго), слѣдствія коей онъ видитъ еще и теперь: напр. семейства нѣкоторыхъ, лишенныхъ священства, теперь остаются безъ куска хлѣба, и онъ долженъ давать имъ какіе либо способы къ пропитанію.

Въ Казань я пріѣхалъ на масляницѣ, въ пятницу, и никакъ не могъ выѣхать оттуда ранѣе вторника первой недѣли поста. Преосвященный Владиміръ, коего личныя достоинства весьма извѣстны вашему сіятельству, можно сказать, обворожилъ меня своею ласковостію, такъ что я почти неотходно былъ при немъ, и, во все время пребыванія моего, я былъ только въ двухъ монастыряхъ, и то съ нимъ же. Въ разговорахъ и разсказахъ своихъ, изъ коихъ я много почерпнулъ для себя назидательнаго, онъ неистощимъ. Изъ ризницы своей онъ подарилъ мнѣ серебряные трикирій и дикирій. Съ глубокимъ чувствомъ благодарности я разстался съ нимъ.

Въ Перми я пробылъ только сутки. Преосвященный Аркадій уже ждалъ меня, и потому я принятъ имъ былъ, какъ свой. Онъ мнѣ показался простымъ по характеру. Викарія своего Анатолія онъ не зоветъ иначе, какъ мой любезный. Не совсѣмъ братски и даже съ какимъ-то негодованіемъ отзывался онъ о преосвященномъ Тобольскомъ, относительно обращенія раскольниковъ. Но, какъ я узналъ послѣ, преосв. Аѳанасій имѣлъ болѣе справедливыхъ причинъ жаловаться на него самого. На распросы мои, касательно управленія епархіею, онъ отвѣчалъ мнѣ просто, откровенно и добродушно.

Въ Екатеринбургѣ я только продневалъ. Преосвященный Анатолій обрадовался моему пріѣзду. Пребываніемъ своимъ онъ доволенъ; но только жалуется на то, что власть его, какъ викарія, слишкомъ ограничена и, какъ онъ говорилъ, болѣе, чѣмъ благочиннаго. Онъ сказывалъ мнѣ, что дѣлалъ попытки къ обращенію раскольниковъ, но они даже и не хотѣли слушать его.

Изъ Екатеринбурга гораздо ближе ѣхать прямо на Томскъ, минуя Тобольскъ; но я не хотѣлъ этого и былъ въ немъ. Тобольскъ (Сибирская столица бывшая) быстро упадаетъ, оттого что въ сторонѣ отъ

дороги, и особенно нынѣ, когда главною квартирою Сибирскихъ войскъ сдѣлался Омскъ,—и никакая сила не поддержитъ Тобольска: чрезъ 50 и менѣе лѣтъ, онъ будетъ не болѣе какъ село, со множествомъ церквей. Преосвященный Аѳанасій принялъ меня болѣе съ важностію, чѣмъ съ ласковостію. Важность его, которая происходитъ, вѣроятно, отъ его учености и многознанія (онъ теперь занимается натурою) и которую многіе называютъ гордостію, видна и въ разговорахъ, и во всѣхъ поступкахъ. Изъ разговоровъ его видно, что онъ весьма недоволенъ дѣйствіями преосвященнаго Аркадія Пермскаго, касательно раскольниковъ; ибо миссіонеры того дѣйствовали и въ его епархіи, и довольно своевольно. Преосвящ. Аркадій говорилъ: «Дай намъ обратить раскольниковъ и тогда возьми ихъ отъ насъ»; а преосв. Аѳанасій говоритъ: «Ужели у насъ не нашлось бы людей способныхъ къ тому? Это означаетъ недовѣріе къ намъ». На поклонъ, отданный мною преосв. Аѳанасію отъ пр. Филарета Московскаго, и жалобу, что онъ не пишетъ къ тому, онъ отвѣчалъ мнѣ твердымъ тономъ: «Скорѣе я соглашусь остаться навсегда въ Тобольскѣ и въ Сибири, чѣмъ писать къ нему.» О причинахъ я не смѣлъ и не хотѣлъ спрашивать. Очень жаль, что онъ такъ сильно предубѣжденъ противъ преосв. Филарета. О преосвящ. митрополитѣ Іонѣ онъ отзывался самымъ неуважительнымъ тономъ. Жалуется на здоровье и на климатъ, который въ самомъ дѣлѣ есть, кажется, самый худшій по всей Сибири. Касательно управленія духовенствомъ, онъ говорилъ, что онъ здѣсь поступаетъ не такъ, какъ въ Нижнемъ: тамъ онъ былъ строгъ, потому что было кѣмъ замѣнить изверженныхъ; а здѣсь онъ начинаетъ изъ-подъ-тиха увеличивать свою строгость, по мѣрѣ того, какъ находитъ средства замѣнить недостойныхъ. При прощаніи, онъ пожелалъ мнѣ всякаго благополучія и подарилъ панагію (простую).

Для поясненія сихъ отзывовъ преосвященнаго Иннокентія о преосвященномъ Аѳанасіи мы приведемъ свидѣтельство очевидца, протоіерея А. Сулоцкаго (*Русск. Арх. 1881 г. кн. II*, *стр. 389*): «....Такой неблагопріятный отзывъ епископа Иннокентія о покойномъ Аѳанасіи подаетъ мнѣ поводъ», пишетъ онъ, «набросать нѣсколько строкъ для объясненія дѣла. Думается, что я имѣю право сдѣлать это объясненіе, а также и право на довѣріе къ моимъ словамъ отъ читающихъ. Пять лѣтъ я служилъ подъ начальствомъ архіепископа Аѳанасія. Да и преосвя-

щенный Иннокентій мнѣ не неизвѣстенъ: что̀ имъ самимъ написано, или что̀ объ немъ было писано—мною читано и перечитано. Самая встрѣча его, въ 1841 году, въ Тобольскѣ съ преосвященнымъ Аѳанасіемъ происходила при мнѣ: я, вмѣстѣ съ другими, служившими тогда въ Тобольской семинаріи, представлялся ему въ архіерейскомъ домѣ; при посѣщеніи имъ семинаріи, показывалъ ему семинарскую библіотеку и, во время закуски у ректора семинаріи, вступалъ съ нимъ въ подробную бесѣду о христіанствѣ на Алеутскихъ островахъ. Изъ письма Иннокентія къ графу Протасову обращаетъ на себя вниманіе отзывъ о пріемѣ, какой сдѣланъ былъ ему Тобольскимъ преосвященнымъ. По этому поводу, вотъ что считаю нужнымъ сказать: преосвященный Аѳанасій росту былъ небольшаго, но статенъ, лицо имѣлъ чистое, бѣлое, глаза голубые, свѣтящіеся умомъ, взоръ ясный, волосы темные, которые, впрочемъ, въ Тобольскѣ совершенно уже посѣдѣли; вообще, былъ старецъ красивый. При всемъ томъ, видъ его былъ важенъ и серіозенъ. Тѣмъ болѣе видъ преосвященнаго Аѳанасія дѣлался важнымъ, если къ нему являлось какое-нибудь лицо, ему вовсе неизвѣстное: въ такомъ случаѣ онъ надѣвалъ на себя рясу, клобукъ, панагію (тогда какъ онъ, при обыкновенныхъ случаяхъ, своею форменною одеждою тяготился) и велъ разговоръ съ видомъ серіознымъ; а и еще того болѣе видъ преосвященнаго Аѳанасія дѣлался важнымъ, если къ нему являлось такое лицо, о которомъ ему было извѣстно, что то былъ человѣкъ грязный или лукавый, двуличный, гордый. Напротивъ, этотъ же преосвященный Аѳанасій ласково принималъ всѣхъ, кто не былъ занятъ собою, чуждался лести, пронырства и хитрости, не склоненъ къ обидамъ другихъ и вообще отличался простосердечіемъ: такихъ людей принималъ онъ ласково, съ такими людьми онъ бесѣдовалъ охотно, кротко и снисходительно.

Если же это такъ, то отчего преосвященный Аѳанасій показался вновь рукоположенному Камчатскому епископу не только неласковымъ, а напротивъ, какимъ-то особенно важнымъ и, въ разговорахъ и поступкахъ, даже гордымъ? Вѣдь не съ умысломъ же, не съ намѣреніемъ же, ни за что, ни про что, навести тѣнь на него въ глазахъ оберъ-прокурора Св. Сѵнода, Иннокентій сдѣлалъ такой отзывъ о немъ? Вся тутъ бѣда въ томъ, что Иннокентій, не зная о предыдущихъ обстоятельствахъ жизни и службы Аѳанасія, какъ на грѣхъ, какъ бы на до-

саду, заводитъ съ нимъ рѣчь все о самыхъ непріятныхъ для него предметахъ. Будемъ говорить по порядку. 1) Преосвященный Иннокентій, по пріѣздѣ въ Тобольскъ и остановкѣ въ архіерейскомъ домѣ, принятый (сначала) преосвященнымъ Аѳанасіемъ очень ласково, послѣ первыхъ привѣтствій, исправилъ поклонъ отъ высокопреосвященнѣйшаго Московскаго Филарета и сказалъ: «Я имѣю къ вашему высокопреосвященству порученіе отъ митрополита Филарета». «Какое?» перемѣнивъ тонъ и взглядъ, спросилъ Аѳанасій. «Вы не пишете къ нему». Прежде чѣмъ сказать, какой данъ былъ на это отвѣтъ, напередъ разскажемъ о прежнихъ отношеніяхъ Аѳанасія къ архипастырю Московскому. Аѳанасій познакомился съ Филаретомъ еще въ 1806 году. Бывъ учителемъ Ярославской семинаріи, Аѳанасій (тогда Александръ Ѳедоровичъ Протопоповъ), во время вакацій пріѣзжалъ или приходилъ въ Троицкую Лавру для поклоненія преподобному Сергію, и тамъ познакомился и съ учителемъ Лаврской семинаріи Васильемъ или Филаретомъ Дроздовымъ, былъ въ его помѣщеніи и нѣсколько разъ пилъ у него чай. Учась въ преобразованной Петербургской Академіи (въ 1809—1814 г.), Аѳанасій, по старому знакомству, бывалъ сначала у баккалавра, а потомъ профессора и ректора Академіи Филарета для частной, такъ сказать, домашней бесѣды. По окончаніи курса и пострижениі въ монашество, онъ сдѣланъ былъ инспекторомъ Академіи, когда Филаретъ былъ уже ея ректоромъ,—и, такимъ образомъ, служилъ вмѣстѣ съ Филаретомъ. Чрезъ два неполныхъ года инспекторства, онъ посланъ былъ въ Казань, для него крайне непріятную (по воспоминаніямъ о лихорадкѣ, которою онъ тамъ постоянно болѣлъ), ректоромъ тогда еще непреобразованной ея Академіи; но чрезъ годъ, по закрытіи ея, перемѣщенъ въ Тверь, ректоромъ и профессоромъ богословія въ тамошней семинаріи. Въ пять съ половиною лѣтъ управленія Тверской семинаріею, полтора года онъ состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Филарета, когда тотъ управлялъ Тверскою епархіею. Съ половины 1823 и по начало 1832 года, Аѳанасій былъ викаріемъ Кіевскимъ, потомъ епископомъ Нижегородскимъ. Съ выбытія въ 1816 г. изъ Петербургской Академіи и до начала 1832 года, при всѣхъ перемѣнахъ, онъ велъ переписку съ высокопреосвященнымъ Филаретомъ. Но въ январѣ или февралѣ 1832 года, кончилась эта переписка. Дѣло въ томъ, что 24-го января 1832 года, Нижегородскій епископъ Аѳа-

насій, съ переименованіемъ въ архіепископа, назначенъ на Тобольскую каѳедру. Какъ громомъ пораженъ былъ этимъ назначеніемъ преосвященный Аѳанасій: назначенъ онъ въ Сибирь, а Сибирь—мѣсто ссылки, заточенія для виновныхъ; кромѣ того, въ Тобольскѣ климатъ гнилой, суровый и тяжелый,—слѣдовательно, для его плохаго здоровья, весьма вредный. Короче сказать, Аѳанасію представилось, что правительство и высшее духовное начальство почему-то измѣнило о немъ свое мнѣніе, что оно имѣетъ его не на хорошемъ счету; ему представилось и то, что главный виновникъ его назначенія въ Сибирь былъ митрополитъ Московскій Филаретъ. И вотъ, съ тѣхъ поръ, ни единой строки (частной) отъ него—ни къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода, ни къ кому изъ членовъ Св. Сѵнода, и въ особенности къ Филарету. Преосвященный Иннокентій, не зная ничего этого, по пріѣздѣ въ Тобольскъ, при первой встрѣчѣ, сказалъ Аѳанасію отъ митрополита Филарета поклонъ и высказалъ, какъ бы желаніе сего послѣдняго, возобновить, бывшую когда-то между ними, переписку; онъ сказалъ это отъ простоты сердца. «Скорѣе я», твердымъ тономъ отвѣчалъ Аѳанасій, «соглашусь остаться навсегда въ Тобольскѣ и Сибири, чѣмъ писать къ нему». Въ письмѣ къ графу Протасову», говоритъ прот. Сулоцкій, «Иннокентій, кажется, нѣсколько еще смягчилъ слова Аѳанасія; настоящій отвѣтъ сего послѣдняго, по словамъ товарища Иннокентіева и его собесѣдника Восточно-Сибирскаго, былъ рѣзче: «А! Если вы его агентъ, то увѣдомьте: пусть онъ сошлетъ меня еще дальше въ Сибирь, а я не напишу ему ни одной строки»! 2) Преосвященный Иннокентій какимъ-то образомъ завелъ еще съ пр. Аѳанасіемъ рѣчь о жившемъ въ то время въ Александро-Невской Лаврѣ, на покоѣ, бывшемъ экзархѣ Грузинскомъ митрополитѣ Іонѣ,—къ которому пр. Аѳанасій также не питалъ расположенія. Слѣдовательно, разговоръ пр. Иннокентія объ немъ былъ опять невпопадъ. 3) Преосвященный Иннокентій заводилъ рѣчь съ преосвященнымъ Аѳанасіемъ и о неудовольствіяхъ, происходившихъ между нимъ и Пермскимъ архіеп. Аркадіемъ, по поводу обращенія миссіонерами сего послѣдняго раскольниковъ Тобольской епархіи. Дѣло это для преосвящ. Аѳанасія также было весьма непріятное, хотя Иннокентій болѣе справедливости находилъ на сторонѣ его, чѣмъ на сторонѣ Пермскаго преосвященнаго. И наконецъ, четвертый непріятный предметъ, о которомъ Камчатскій преосвященный, въ проѣздъ чрезъ Тобольскъ,

заводилъ рѣчь съ Тобольскимъ преосвященнымъ,—это его строгость во время управленія имъ въ 1827—31 гг. Нижегородскою епархіею».

О пребываніи преосвященнаго Иннокентія въ Тобольскѣ мы имѣемъ возможность добавить, кстати, еще слѣдующее, изъ разсказа прот. А. Сулоцкаго *(Русск. Арх. 1881. кн. II стр. 190)»:* При посѣщеніи пр. Иннокентіемъ Тобольской семинаріи, одинъ изъ преподавателей семинаріи насмѣшилъ Иннокентія, и сослуживцевъ своихъ, и самъ себя: онъ, прочитавши ранѣе въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія, подъ статьей протоіерея І. Веніаминова «О христіанствѣ на Алеутскихъ островахъ, замѣтку, что статья эта есть отрывокъ изъ приготовленнаго къ печати обширнаго описанія Уналашкинскаго Отдѣла Алеутскихъ острововъ, спросилъ преосвященнаго: «а скоро ли выйдетъ описаніе Уналашкинскаго отдѣла Алеутскихъ острововъ протоіерея Веніаминова?» Преосвященный, вставши съ дивана и слегка поклонившись, съ улыбкой сказалъ вопрошающему: «Протоіерей Веніаміиновъ,—честь имѣю рекомендоваться,—я самый и есть.»

Затѣмъ продолжаемъ прерванное нами письмо преосвященнаго Иннокентія къ графу Протасову: «Въ Томскѣ я пробылъ», пишетъ преосв. Иннокентій, «слишкомъ трое сутокъ, чтобы отдохнуть отъ пути. Преосв. Агапитъ принялъ и обращался со мною братски, тѣмъ болѣе, что наши обстоятельства—его и мои—почти одинаковы, ибо и онъ поступилъ съ открытіемъ епархіи. О преосв. Агапитѣ я имѣлъ понятіе совсѣмъ не то, каковъ онъ есть. Онъ, какъ только могъ я понять его, есть ревнитель совершенной правды и законовъ, и въ особенности христіанскаго. Онъ, не смотря ни на какія обстоятельства и отношенія, отъ всѣхъ требуетъ точнаго исполненія своихъ обязанностей; онъ дѣлаетъ замѣчанія и даже выговоры и властямъ, напр. если онѣ не придутъ въ церковь къ обѣднѣ,—и оттого почти всѣ власти его не любятъ; онъ требовалъ отъ всѣхъ вступающихъ въ бракъ знанія заповѣдей и проч.,—это почли и почитаютъ притѣсненіемъ. О духовенствѣ и говорить нечего. Онъ требовалъ, чтобы оно было свято, и чтобы лучше знать, всѣ ли исполняютъ свои обязанности, онъ, кажется, имѣлъ уши и, кажется, преимущественно изъ родныхъ. Это оскорбило духовныхъ. И конечно, судя по справедливости, онъ поступаетъ какъ должно и, какъ онъ самъ говоритъ: «пусть, что хотятъ, говорятъ, думаютъ и пишутъ обо мнѣ,—а я долженъ дѣлать по своей присягѣ».

малѣйшее послабленіе или снисхожденіе онъ считаетъ нарушеніемъ присяги. Оттого-то онъ, вѣроятно, и употребилъ въ послѣднемъ своемъ прошеніи въ Св. Сѵнодъ выраженіе: «иначе, я долженъ буду поступить противъ присяги», и которое, какъ я вижу теперь, совсѣмъ не значитъ какое-либо важное нарушеніе присяги. Конечно, мѣры и образъ дѣйствованія его хотя и справедливы, но часто неумѣстны и несообразны съ обстоятельствами. Онъ часто гоняется, по пословицѣ, за мухой съ обухомъ; но при всемъ томъ, этого нельзя ставить ему въ вину, и потому составить объ немъ какое-либо неблагопріятное мнѣніе. Все это происходитъ или происходило отъ неопытности и незнанія свѣта. Рекрута и епархія—вещи совершенно различныя, почти тоже, что теорія и практика. Мнѣ кажется, что если бы онъ былъ переведенъ на другую епархію (а перевести его нужно, ибо его не любятъ,—полюбить себя онъ уже не заставитъ), то онъ, научившись настоящимъ опытомъ и получивъ отъ кого-либо (напр. отъ преосв. Московскаго, котораго онъ уважаетъ) приличные совѣты и наставленія, былъ бы очень хорошій пастырь, при его ревности и правдѣ. Надобно сказать, что и духовенство Томское, какъ мнѣ показалось, очень незавидное. Это подтвердилъ мнѣ и Красноярскій протоіерей, человѣкъ достойный всякаго вѣроятія (онъ мой товарищъ по семинаріи и единственный.) Преосв. Агапитъ претендуетъ на то, что мѣсто, назначенное имъ въ монастырѣ для архіерейскаго дома, ему не даютъ и отводятъ другое. Въ этомъ я съ нимъ совершенно согласенъ, ибо нѣтъ никакого сравненія между мѣстомъ нынѣшнимъ и мѣстомъ вновь назначаемымъ.

Въ Иркутскъ я пріѣхалъ 11 марта. О преосвященномъ Нилѣ и говорить нечего: Вы изволите знать его по его дѣйствіямъ и писаніямъ. Я скажу только, что я, не видавшись съ нимъ, хотя и высокое имѣлъ объ немъ мнѣніе, но гораздо менѣе, чѣмъ теперь, познакомившись съ нимъ лично. Дѣйствительно, счастлива Иркутская епархія, имѣя такого архипастыря, ибо онъ устроитъ ее; и хотя я люблю Иркутскъ и желаю ему всего лучшаго, но, предпочитая большую и общую пользу меньшей, отъ души желаю, чтобы преосвященный Нилъ былъ приближаемъ къ столицамъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, но не ранѣе трехъ лѣтъ. Немного у насъ архіереевъ съ такимъ умомъ, дѣятельностію и и опытностію; я чрезвычайно одолженъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ: онъ споспѣшествовалъ и готовъ споспѣшествовать мнѣ во всемъ.»

Въ Якутскѣ преосвященный Иннокентій былъ встрѣченъ губернаторомъ и всѣмъ духовенствомъ, и было многое множество народа, желавшаго принять архипастырское благословеніе его. По пріѣздѣ, онъ прямо отправился въ соборъ и отслужилъ молебенъ. Изъ Якутска до Охотска преосвященный Иннокентій, со всей свитой своей, въ сопровожденіи капитанъ-лейтенанта Алексѣя Никифоровича Рыдалева, ѣхалъ верхомъ, и прибылъ въ Охотскъ 15 іюля 1841 года. О семъ путешествіи вотъ что писалъ онъ къ К. С. Сербиновичу (изъ Охотска, отъ 4 августа 1841 г.): «Извините; если я прерву на минуту Ваши занятія на пользу церкви; но не могъ пропустить случая не написать Вамъ что нибудь, тѣмъ болѣе что уже цѣлый годъ не буду имѣть удовольствія писать къ Вамъ и (надѣюсь) получать отъ Васъ писанія. Я и всѣ сущіе со мною уже въ Охотскѣ. 15-го іюля кончился нашъ путь по сушѣ: теперь предстоитъ по водамъ, и около 9-го августа располагаемся начать его.

Охотская дорога, которая такъ всѣхъ пугаетъ и которая дѣйствительно бываетъ и трудна и опасна въ дождливое время,—для насъ была самая благопріятнѣйшая, такъ что мы скорѣе можемъ жаловаться на пыль и безводіе, чѣмъ на грязи и дожди. Я и всѣ, сущіе со мною, здоровы и веселы: всѣ изъ нихъ, кромѣ одного (но въ семьѣ не безъ урода), подаютъ добрыя надежды о себѣ,—словомъ: все хорошо и благополучно. Все это я пріемлю, какъ новый знакъ благоволенія Божія на дѣло, на которое я иду. Пожелайте и помолитесь, да не всуе будетъ мое путешествіе и пребываніе. Слава Богу, хотя много уже передѣлалъ дѣлъ по новой для меня обязанности, но не встрѣчалъ еще труднаго; по крайней мѣрѣ, я всякое дѣло рѣшалъ какъ можно и какъ мнѣ казалось,—нѣкоторыя изъ моихъ распоряженій увидите Вы изъ бумагъ. Теперь я не могу ничего написать собственно для Васъ, т. е. для отчета. Долго придется Вамъ ждать; а можетъ быть, ничего не дождетесь, кромѣ вѣдомостей и экстрактовъ. Благодать Господа нашего Іисуса Христа да будетъ съ Вами во вѣки!» *(Архивъ князя П. П. Вяземскаго)*.

Среди многотрудныхъ миссіонерскихъ подвиговъ и путешествій, по морямъ и рѣкамъ, по горамъ и тундрамъ, по дебрямъ и пропастямъ—преосвященный Иннокентій не остывалъ къ старымъ друзьямъ своимъ. Онъ находилъ досугъ вести съ ними письменную бесѣду, ободряющую

и мучительную. Труды неусыпные и лишенія не заглушили въ немъ любви къ роднымъ и дружбы къ знакомымъ, не ослабили добродушной ласковости его ко всѣмъ и увлекательной шутливости,—словомъ сказать, не очерствили сердца его. Чтобы ознакомить читателей съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, какъ съ чадолюбивымъ отцомъ и какъ съ благороднымъ, преданнымъ и признательнымъ другомъ, мы здѣсь предлагаемъ всѣ, какія только добыты нами, семейныя и частныя письма его, за все двадцати-осьмилѣтіе миссіонерской его дѣятельности въ санѣ іерарха на дальнемъ востокѣ, съ 1841 по 1868 годъ. Но мы должны предупредить читателей, что здѣсь будутъ помѣщаться только его письма, и очень мало—къ нему. Причина та, что во время пожара въ Якутскѣ, на 24 февраля 1858 г., въ Спасскомъ монастырѣ сгорѣли кельи его, и не успѣли спасти отъ огня его кабинетъ съ книгами и бумагами. Всѣ письма къ нему, вмѣстѣ съ его дневникомъ и со многими письменными документами, важными для изученія исторіи восточной окраины Азіатской и Американской Россіи, сдѣлались жертвою пламени, какъ онъ самъ лично говорилъ намъ, будучи уже митрополитомъ Московскимъ.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ и въ Москвѣ (1839—40), преосвященный Иннокентій, еще бывши отцомъ Іоанномъ Веніаминовымъ, какъ мы уже говорили выше, успѣлъ заслужить любовь, уваженіе и дружбу многихъ высокопоставленныхъ особъ, къ которымъ онъ и сохранилъ во всю жизнь свою теплыя чувства искренней преданности и признательности. На самомъ видномъ и первомъ мѣстѣ, между этими близкими къ нему особами, является достославный митрополитъ Московскій Филаретъ. Кромѣ митрополита Филарета, особенно расположенными къ нему и къ его дѣтямъ лицами въ Москвѣ и Петербургѣ были: Варвара Петровна Шереметева и ея дочери: графиня Анна Сергѣевна Шереметева и баронесса Елизавета Сергѣевна Дѣллеръ. Затѣмъ Екатерина Александровна Свербеева, у которой преосвященный Иннокентій не разъ встрѣчался съ К. С. Аксаковымъ и А. С. Хомяковымъ и велъ съ ними продолжительныя бесѣды и наконецъ извѣстнѣйшая Татьяна Борисовна Потемкина (урожден. княжна Голицына) и др.—Онъ не забывалъ писать къ нимъ, гдѣ бы ни былъ, на морѣ или на сушѣ, въ деревнѣ или городѣ, въ убогой ли юртѣ или въ богатыхъ палатахъ, и какою трогательною сердечностію проникнуты всѣ эти письма, ка-

20

кою глубокою признательностію и благодарностію за всѣ доброты ихъ къ нему и къ дѣтямъ его, и особенно за ихъ христіанское благочестіе и ревностное вспоможеніе миссіонерскому служенію его!

«Хотя не имѣю времени много бесѣдовать съ вами», писалъ онъ изъ Охотска (отъ 13 авг. 1841 г.) къ В. П. Шереметевой, «но считаю долгомъ писать вамъ, когда удастся. Пишу вамъ нынѣ: я уже, слава Богу, въ Охотскѣ; 15 іюля кончился нашъ продолжительный и, точно, многотрудный и опасный Охотскій путь; но для насъ онъ былъ, можно сказать, только утомителенъ. Время было хорошее, погода прекрасная. Я и всѣ сущіе со мною здоровы и веселы,—словомъ, все было хорошо и благополучно. Все это я пріемлю какъ новый знакъ благоволенія Божія на дѣло, на которое я иду. Молитесь и помолитесь о насъ, чтобы и путешествіе, и пребываніе наше на мѣстѣ было въ пользу церкви и во славу Божію. Около 19 августа располагаемся отправиться въ море, и въ исходѣ сентября, если Господь благоволитъ, надѣемся быть въ Америкѣ. Пожелайте намъ благополучнаго плаванія; впрочемъ, теперь ужъ поздно: потому что въ это время, какъ вы читаете письмо мое, я уже долженъ кончить путь мой. Здоровы ли дѣти ваши въ Петербургѣ? Прошу засвидѣтельствовать имъ отъ меня почтеніе, особенно графинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ, какъ доброй и примѣрной матери и хозяйкѣ. Мнѣ весьма пріятно вспомнить минуты, проведенныя въ семействѣ вашемъ, вашу общую любовь ко мнѣ. О, никогда, никогда не забуду васъ! Да воздастъ вамъ Господь за вашу любовь ко мнѣ, какъ проповѣднику слова Божія. Ибо Вы принимали меня за него. Всѣмъ вашимъ домашнимъ, и дѣтямъ вашимъ, и Надеждѣ Николаевнѣ [1]) объявите мое благословеніе и искреннее почтеніе. Авдотьѣ Ивановнѣ Арсеньевой тоже, и пусть она скажетъ то же и Непенинымъ. И всѣмъ, кто помнитъ меня. О, я помню всѣхъ, всѣхъ добрыхъ людей!

Благодать Господа нашего Іисуса Христа да будетъ съ Вами и со всею домашнею вашею Церковію, во вѣки!»

---

[1]) Шереметева, урожден. Тютчева.

IX

27 сентября 1841 года, преосвященный Иннокентій, послѣ утомительнаго и продолжительнаго путешествія, наконецъ благополучно вступилъ въ свою архипастырскую резиденцію въ Американскихъ нашихъ владѣніяхъ—въ г. Новоархангельскъ, на островѣ Ситхѣ. И при самомъ вступленіи на епископскую каѳедру, преосвященный Иннокентій былъ порадованъ полученіемъ изъ Св. Сѵнода указа, съ объявленіемъ ему благословенія и признательности за пожертвованіе имъ Св. Сѵноду сочиненія своего Указаніе пути въ Царствіе Небесное.

Миссіонерская дѣятельность преосвященнаго Иннокентія въ предѣлахъ его новой епархіи изображена имъ самимъ, въ искреннихъ письмахъ къ близкимъ для его сердца лицамъ, что даетъ намъ возможность описать апостольскіе подвиги Иннокентія собственными его словами: «Наконецъ, слава Богу, я въ Америкѣ», писалъ онъ К. С. Сербиновичу, 29 апрѣля 1842 года, и здоровъ. Это значитъ, что Господу, который не благоволилъ достигнуть Кадьяка преосвященному Іоасафу въ 1799 году, угодно, чтобы я былъ въ Америкѣ; значитъ, что Онъ призрѣлъ на твореніе Свое—людей, столь долго блуждавшихъ во тьмѣ духовной и душевной. Онъ послалъ и привелъ насъ для показанія имъ свѣта истины. Теперь, такъ сказать, дѣло за нами. Но будетъ ли что отъ насъ? Позволятъ ли намъ наши силы, а паче—наша лѣность, сдѣлать

что нибудь? Ахъ, эта лѣность! Не будь ея—тогда всѣ мы можемъ облещись силою Апостоловъ; ибо все возможно молящемуся. Но лѣность не всѣмъ позволяетъ молиться.

О дѣйствіяхъ нашихъ я вамъ не пишу; вы это увидите изъ оффиціальныхъ бумагъ моихъ. Только прибавлю здѣсь то, что слово Божіе, проповѣдію котораго занимается ревностно іеромонахъ Мисаилъ, начинаетъ проникать въ сердца сосѣдей нашихъ Колошъ: уже около 80 человѣкъ готовы окреститься; но я не спѣшу. И потому объ этомъ я не почелъ нужнымъ писать оффиціально; если Господь благоволитъ успѣть намъ, то донесу на будущій годъ. Въ послѣдней бумагѣ моей къ его сіятельству, я написалъ всѣ сдѣланныя мною распоряженія, разумѣется, болѣе важныя: о мелкихъ я не упоминалъ. Я этимъ думалъ исполнить то, что Св. Сѵнодъ приказалъ мнѣ: каждогодно отчеты о своихъ дѣйствіяхъ. Вразумите меня, Бога ради, хорошо-ли я сдѣлалъ, и что разумѣется именно подъ словомъ «отчеты»: одни-ли перечневыя вѣдомости, или и всѣ распоряженія? и вообще, покорнѣйше васъ прошу дѣлать мнѣ замѣчанія. Этимъ вы меня чрезвычайно одолжите. Я дѣлать готовъ, лишь бы знать. Также я не знаю, къ кому и какъ представлять вѣдомости о компанейскихъ школахъ? да и надобно ли? Мысль моя—учить дѣтей въ церкви обязанностямъ и требовать отъ нихъ исполненія посильнаго,—вамъ извѣстная,—благодареніе Господу, не оставляетъ меня; и я употреблю все, чтобы привести ее въ исполненіе. Нынѣ я говорилъ здѣсь грозное слово объ этомъ и, кажется, подѣйствовалъ... Ахъ! что я сказалъ: подѣйствовалъ?—нѣтъ, нѣтъ! не мы дѣйствуемъ, а нами дѣйствуетъ благодать. Мы,—всѣ мы, отъ пономаря и даже звонаря,—всѣ мы ничто иное, какъ орудіе Божіе. Угодно Господу—Онъ и звономъ звонаря тронетъ сердце человѣка, на котораго Онъ призритъ.—Словомъ моимъ, по видимому, на многихъ подѣйствовала благодать. О словѣ семъ при случаѣ разскажетъ вамъ общій знакомый нашъ А. Г. Ротчевъ и супруга его Елена Павловна: они нынѣ выѣзжаютъ. Ахъ, если Господь благословитъ привести въ исполненіе мысль мою! тогда огненными словами напишу вамъ мою радость! Но все въ десницѣ Божіей. Аминь.» *(Архивъ князя П. П. Вяземскаго)*.

Отъ того же числа, преосвященный Иннокентій писалъ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой: «Вы удивитесь, что я пишу вамъ такое коротень-

мое письмо; но это отнюдь не потому, чтобы я забылъ васъ. О, скорѣе забуду себя, чѣмъ вашу любовь ко мнѣ! Но это потому, что во первыхъ, я не имѣю времени; во вторыхъ, я не имѣю еще и предметовъ такихъ, о которыхъ можно бы было писать къ вамъ. Какъ ни желаю я, но еще мы ничего почти не сдѣлали для славы Божiей; правда, положено начало нѣкоторое, но это только начало. Слава Богу! я въ Америкѣ, и уже 7 мѣсяцевъ. Путешествiе наше было очень счастливое. Весною я плавалъ въ Кадьякъ, и на дняхъ опять собираюсь въ путешествiе. Вы, вѣроятно, читали мою книжечку о Кадьякской церкви. И я теперь порадую васъ, что Кадьякская церковь теперь совсѣмъ не то. Слухъ о прибытiи моемъ въ Америку, благочестiе и усердiе тамошняго священника и тамошняго начальника весьма много подѣйствовали на Кадьякцевъ, изъ коихъ прежде едва-ли и сотый бывалъ когда либо въ церкви,—а теперь церковь всегда полна, и нѣкоторые изъ нихъ показываютъ умилительные знаки благочестiя и покаянiя. Проповѣдь наша и на Колошъ, сосѣдей нашихъ, благодаренiе Богу! начинаетъ дѣйствовать, и человѣкъ до 80 просятъ уже о крещенiи. Но все въ рукахъ Господнихъ. Прощайте! Да наградитъ васъ Господь Богъ за ту любовь, которую вы оказывали мнѣ, какъ проповѣднику, и да воздастъ Онъ вамъ сугубую награду, уготованную проповѣдникамъ. Графинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ мое искреннѣйшее почтенiе и уваженiе, да не ослабѣетъ она на своемъ благомъ пути! Ахъ, какъ я ее люблю за то, что она воспитываетъ сына своего по христiански. Укрѣпи ее Господь! Благодать Господня да будетъ съ вами и со всѣми вашими родными».

Въ письмѣ же, отъ 30-го апрѣля, къ митрополиту Филарету, вотъ какъ описываетъ просвященный Иннокентiй свое путешествiе и свою миссiонерскую дѣятельность *(Прибавл. къ твор. св. Отц. ч. I, стр. 185—191. 1843)*: «Наконецъ, слава Господу Богу! Я, милостiю Его, заступленiемъ Пресвятыя Дѣвы и молитвами Святыхъ и вашими, въ Америкѣ! Теперь разскажу вамъ о путешествiи и прибытiи нашемъ въ Америку и проч. 20 августа 1841 года,—въ одинъ изъ самыхъ лучшихъ дней,—мы вышли изъ устья рѣки Охоты, на бриггѣ Охотскъ, при самыхъ благопрiятныхъ обстоятельствахъ, и направили путь нашъ къ одному изъ островов Курильскаго отдѣла—Симусиру. 2 сентября подходили къ острову Симусиру, и я посылалъ священника на берегъ,

для назиданія живущихъ тамъ Русскихъ и Алеутовъ (природныхъ жителей на семъ острову нѣтъ, они всѣ на Шумшу—второмъ островѣ) и исправленія требъ. Того же дня, вечеромъ, мы оставили островъ и пошли прямо въ Ситху. Почти 20 дней сряду были самые благопріятные вѣтры, при ясной и теплой погодѣ, и корабль нашъ такъ быстро шелъ, что 21 сентября мы были отъ Ситхи только въ 750 верстахъ, проплывъ отъ Охотска до 6.250 верстъ; погода такъ была хороша, что мы каждый праздникъ отправляли богослуженіе не въ каютѣ, какъ обыкновенно бываетъ, но всегда на палубѣ. Вы можете вообразить, какое это было чудное зрѣлище: корабль, среди необозримаго океана, подъ парусами идетъ полнымъ ходомъ, спокойно; на палубѣ—народъ, и отправляется богослуженіе! О, это единственная въ своемъ родѣ картина! 25 сентября, въ день Преподобнаго Сергія, около 4 часовъ вечера (а по московски около 4 часовъ утра), молитвами его и вашими, мы увидѣли гору Эчкомъ, находящуюся близъ Новоархангельска; а на завтра, 26 сентября, въ день возлюбленнаго ученика Христова, которому Церковь молится о разогнаніи належащей тьмы языковъ, мы вошли въ гавань Ситхи и въ 10 часовъ положили якорь. 27 сентября, въ субботу, сошелъ я на берегъ, гдѣ встрѣченъ былъ главнымъ правителемъ, всѣми чиновниками и всѣми православными [1]). Въ маломъ облаченіи, я пошелъ въ церковь, гдѣ привѣтствовавъ свою новую паству краткою рѣчью, отправлялъ благодарственный молебенъ Господу Богу. 28 сентября отправлялъ я божественную литургію въ первый разъ. Церковь въ Новоархангельскѣ,—которая впрочемъ приходитъ въ ветхость, и чрезъ 4—5 лѣтъ непремѣнно будетъ нужна новая,—я нашелъ въ весьма хорошемъ состояніи и, сверхъ ожиданія моего, такъ украшенною, какъ бы въ самомъ дѣлѣ ожидали прибытія архіерея. И все это должно отнести къ усердію г. главнаго правителя Этолина, который въ числѣ первыхъ своихъ распоряженій, по прибытіи въ колоніи, поставилъ исправленіе церкви.

Дѣйствія наши, по прибытіи въ Ситху, еще не велики. И вотъ онѣ: 1) Послана миссія въ Нушегакъ, которая прибудетъ на мѣсто назначенія своего не ранѣе половины іюня сего года. Священникъ благонадеженъ, хотя и не изъ ученыхъ; онъ снабженъ подробнѣйшими

---

[1]) Въ числѣ ихъ было нѣсколько и Колошъ крещенныхъ, стоявшихъ въ ряду прочихъ.

наставленіями и всѣми вещами со стороны нашей. 2) 17 декабря открыто Духовное училище, состоящее нынѣ изъ 23 человѣкъ Креоловъ и туземцевъ. Смотрителемъ опредѣленъ іеромонахъ М., студентъ Московской Духовной Академіи. 3) Ученикъ Богословія И. Т. посланъ въ Кадьякъ для изученія языка, и въ четыре мѣсяца оказалъ удивительные успѣхи. Онъ человѣкъ со способностями. 4) Іеромонахъ М. усердно занимается бесѣдами съ Колошами и, кажется, не безъ успѣха, не смѣю сказать—съ успѣхомъ. Человѣкъ до 80 готовы уже креститься и просятъ объ этомъ; но я не думаю торопиться: чѣмъ болѣе и лучше узнають, тѣмъ надежнѣе. 5) Весною я былъ въ Кадьякѣ для обозрѣнія тамошней церкви, и былъ утѣшенъ ею сверхъ всякаго ожиданія. Кадьякцы теперь стали со всѣмъ не то, какъ были до того. Слухъ о прибытіи моемъ въ Америку, ревность и благочестіе тамошняго священника, прибывшаго въ Кадьякъ въ концѣ 1840, и также христіанское содѣйствіе, словомъ и дѣломъ и примѣромъ, тамошняго начальника г. Костромитинова,—весьма много подѣйствовали на Кадьякцевъ. Впрочемъ они, бѣдные, ни отъ кого ничего не слыхали добраго даже донынѣ, и, какъ они мнѣ выразились, нынѣ «начинаютъ выходить изъ темнаго мѣста на свѣтъ.» Прежде, едва сотый изъ нихъ когда-либо бывалъ въ церкви, а о говѣніи они и не знали; нынѣ полна церковь во всякій праздникъ, и въ одинъ великій постъ постниковъ было болѣе 400; для сего пріѣзжали даже изъ дальныхъ мѣстъ. Беззаконныя сожительства (невѣнчанные браки, коихъ было очень много) уничтожаются. До такой степени Кадьякская церковь была запущена, что изъ 3700 душъ, числившихся по переписи въ 1841 году, было некрещенныхъ болѣе 1000; даже изъ самыхъ Кадьякцевъ есть еще и теперь до 100 душъ дѣтей, отъ 2 до 9 лѣтъ, некрещенныхъ. И сколько таковыхъ умерло, особливо во время оспы, которая унесла изъ Кадьякскаго отдѣла до 2000 человѣкъ! Въ доказательство благой перемѣны Кадьякцевъ и дѣйствій тамошняго священника, сообщаю нѣкоторыя свѣдѣнія изъ его ко мнѣ донесенія. а) «Великимъ постомъ настоящаго 1842 г., на первой недѣлѣ, прибыло въ Павловскую гавань около 40 человѣкъ Алеутовъ, изъ Трехсвятительской артели, поститься. По три дня сіи Алеуты были мною наставляемы въ вѣрѣ Христовой и въ томъ, какъ и когда христіанинъ достойно можетъ пріобщаться Тѣла и Крови Христовой. Въ числѣ ихъ находился одинъ тоенъ. Во

время второй бесѣды съ ними, въ которой говорено было о покаяніи и Евхаристіи, когда было сказано, что всякому грѣшнику, кающемуся предъ Богомъ въ присутствіи одного священника, безъ всякаго посторонняго свидѣтеля, Богъ, ради заслугъ Возлюбленнаго Сына Своего Іисуса Христа, оставитъ всѣ грѣхи и во вѣки не помянетъ ихъ, если только сей кающійся грѣшникъ не повторитъ ихъ снова,—помянутый тоенъ предъ всѣми сказалъ, что онъ публично разскажетъ всѣ свои грѣхи, и никого не постыдится, и ничего не скроетъ. Когда намѣренію его я началъ противорѣчить и сказалъ, что этого дѣлать не должно; то онъ отвѣчалъ: «если я не стыдился грѣшить, то зачѣмъ буду стыдиться исповѣдывать грѣхи свои, хотя бы то было и предъ всѣми?» Таковая вѣра въ дикарѣ умилила душу мою. Не смотря на то, что въ бесѣдахъ съ ними я говорилъ долго и много, онъ не оставлялъ и послѣ того непрестанно приходить ко мнѣ въ квартиру и учиться дальнѣйшему. Однажды спросилъ я его въ квартирѣ моей: отъ чего онъ усерднѣе и откровеннѣе прочихъ своихъ братій? Онъ отвѣчалъ: «отъ того, что я всѣхъ ихъ хуже; и въ церкви, когда ты на меня взглянулъ» (чего впрочемъ я совершенно не помню), «во мнѣ родилась мысль—непремѣнно идти къ тебѣ и учиться у тебя.» Тоенъ сей покаялся и пріобщился Св. Таинъ. Замѣчено за нимъ, что онъ во всю первую недѣлю, которую постился, почти ничего не ѣлъ; отъ чего лице его спало, сдѣлалось блѣдно, голосъ его измѣнился, и часто слышали никому непонятныя его воздыханія. Бесѣды съ сими Алеутами были и въ присутствіи г. правителя здѣшней конторы.

б) На четвертой недѣлѣ Великаго поста также прибыли изъ Трехсвятительской артели Алеуты поститься, и въ числѣ ихъ также одинъ тоенъ—шаманъ. Послѣ бесѣды съ ними въ храмѣ, шаманъ приходитъ ко мнѣ въ квартиру и объявляетъ слѣдующее: «Лѣтъ пять тому назадъ, меня увидѣлъ здѣшній священникъ о. А., посмотрѣлъ на меня и сказалъ мнѣ: «тебя сожгутъ». Вотъ уже прошло столько времени, а я не могу забыть словъ его: чувствую, что я чего то боюсь, и хотя я тоенъ—начальникъ, но думаю, что послѣдній изъ моихъ подчиненныхъ лучше меня. Скажи мнѣ, точно ли меня сожгутъ? Благодать Божія, предваряющая грѣшниковъ во спасеніе, привела сего шамана къ сокрушенному покаянію, и онъ сподобился пріобщиться нетлѣнныя пищи—Тѣла Христова и Питія въ животъ вѣчный. Уѣзжая изъ гавани

на шестой недѣлѣ, онъ приходилъ ко мнѣ въ квартиру, съ двумя другими тоенами, благодарить. Вотъ, слово въ слово, подлинныя его слова: «Сильно, сильно благодарю тебя, и никогда не забуду тебя до смерти моей». Послѣдняя статья есть убѣдительнѣйшее доказательство того, что всѣ мы, даже отъ звонаря, служимъ орудіями благодати Божіей. в) Открыто Духовное Правленіе (14 октября)—первое присутственное мѣсто въ Америкѣ и, что весьма замѣчательно, прежде всякаго свѣтскаго. Чрезъ два дня, я отправляюсь въ путешествіе для обозрѣнія моей епархіи, которое продолжится до 16 мѣсяцевъ. Сначала располагаюсь идти по островамъ, а потомъ въ Петропавловскъ, и оттуда, проѣхавъ всю Камчатку, въ мартѣ быть въ Охотскѣ, гдѣ долженъ буду проживать до половины іюля или далѣе».

Здѣсь, кстати, замѣтимъ, что при обозрѣніи Американскихъ церквей, преосвященный Иннокентій, разбирая церковный архивъ Кадьякской церкви, неожиданно нашелъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Ваня началъ уже ходить, и часто помнитъ дядю.»—Оказалось, что это письмо было собственноручное отъ его отца къ своему брату, уѣхавшему въ 1799 году съ епископомъ Іоасафомъ въ Америку,—который, какъ извѣстно, со всѣми спутниками погибъ безслѣдно въ океанѣ, отъ кораблекрушенія,—и что этотъ упоминаемый Ваня былъ онъ самъ, нынѣ тамошній архіерей. (*Истор. библ. 1879 г. № 6—7*, *стат. Н. Щукина*).

Въ письмѣ, отъ 1 мая, къ ректору Московской Духовной Академіи Евсевію Орлинскому, преосвященный Иннокентій такъ обрисовываетъ свои первые шаги и дѣйствія въ созидаемой имъ паствѣ: «Наконецъ, слава Богу, мы въ Америкѣ! Путешествіе наше, начавшееся 10 января 1841 г., кончилось 26 сентября того же года. 125 дней были мы дѣйствительно въ пути, а прочее время проживали въ разныхъ мѣстахъ. 125 дней! конечно, не мало времени, да и не много; если взять въ разсчетъ то разстояніе, которое теперь раздѣляетъ насъ съ вами, тѣ трудности, какія можно встрѣтить на семъ пути и перемѣны образа путешествія, 125 дней—не много. Но какъ ни продолжителенъ былъ путь нашъ, мы кончили его счастливо, здорово и благополучно, такъ что мы не видали, можно сказать, даже непріятностей; многіе изъ насъ поздоровѣли, даже и г. Озеровъ теперь гораздо здоровѣе, такъ что перестаетъ чувствовать простуду. Г. Озеровъ, а нынѣ іеро-

монахъ и благочинный Американскихъ церквей, достоинъ всякой похвалы: дѣятеленъ, усерденъ, скроменъ, благочестивъ, строгъ къ себѣ и снисходителенъ къ другимъ,—словомъ, какого нельзя лучше желать для здѣшняго края; онъ и смотрителемъ, и главнымъ учителемъ въ новооткрытомъ нами Духовномъ училищѣ. Сочиняетъ проповѣди и безпрестанно занимается бесѣдами съ Колошами, и не безъ успѣха: человѣкъ до 80 уже просятъ о крещеніи ихъ; но я не спѣшу. И прочіе, пріѣхавшіе со мною, очень хороши, особенно взятый мною изъ Иркутской семинаріи г. Тыжновъ, который занимается изученіемъ Кадьякскаго языка, и съ такимъ усердіемъ, что въ 4 мѣсяца успѣлъ очень много. Живетъ совершенно по монашески; онъ не хочетъ жениться, но хочетъ поучиться въ Академіи; и я за его усердіе готовъ содѣйствовать его желанію, если онъ сдѣлаетъ свое дѣло.

Весною я былъ въ Кадьякѣ, и порадую васъ, что Кадьякцы, какъ вы изволили читать въ моей брошюрѣ, теперь совсѣмъ не то, чтò они были за два года. Они, какъ они выразились передо мною, «теперь начинаютъ выходить изъ темнаго мѣста на свѣтъ», и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видны умилительные знаки обращенія и раскаянія. Чрезъ день собираюсь въ путешествіе, для обозрѣнія епархіи, которое продолжится до 16 мѣсяцевъ. Сначала пойду на острова, потомъ въ Петропавловскъ, и оттуда намѣреваюсь проѣхать чрезъ всю Камчатку и въ мартѣ быть въ Охотскѣ.

Сотрудникамъ вашимъ: отцу инспектору, отцу протоіерею Ѳеодору [1]) и отцу Петру [2]) прошу объявить мое искреннее почтеніе и благодарность за ихъ любовь ко мнѣ. Бога ради, молитесь о насъ, да не будетъ пребываніе наше здѣсь всуе. О, хотя бы сколько нибудь послужить для славы Божіей!

P. S. Покорнѣйше Васъ прошу объявить мою искреннѣйшую, сердечную благодарность и почтеніе отцу ректору Агапиту. Съ удовольствіемъ бы написалъ ему особое письмо, но право некогда. Завтра идемъ въ походъ».

Одновременно съ прибытіемъ преосвященнаго Иннокентія въ свою резиденцію, на островъ Ситху въ Камчаткѣ, 26 сентября 1841 года,

---

[1]) Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій.

[2]) Петръ Спиридоновичъ Делицынъ.

въ день памяти св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, совершилось празднованіе открытія Камчатской епархіи: 25 сентября, въ день Преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, т. е. въ день, когда преосвященный Иннокентій былъ близъ Новоархангельска, прибыло въ Петропавловскій портъ изъ Охотска судно и привезло указъ Иркутской Консисторіи въ Камчатское Духовное Правленіе, объ открытіи новой мѣстной епархіи и назначеніи перваго мѣстнаго самостоятельнаго архіерея. «26 сентября предъ литургіею въ соборѣ», пишетъ бывшій товарищъ преосвященнаго Иннокентія по Иркутской семинаріи протоіерей П. В. Громовъ (*Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 24*), «прочитанъ указъ Св. Сѵнода, затѣмъ совершена Божественная литургія и воспѣто Господу Богу благодарственное молебствіе, на которомъ возглашено, послѣ Царствующаго дома и Св. Сѵнода, многолѣтіе Епископу Камчатскому, Курильскому и Алеутскому Иннокентію и возношеніе имени «Иркутскаго, Нерчинскаго, и Якутскаго» въ храмахъ Камчатскихъ умолкло. И Камчатка, со времени ея покоренія (1699) находившаяся подъ вѣдѣніемъ и церковнымъ управленіемъ Тобольскихъ митрополитовъ, а съ 1723 г. Иркутскихъ епископовъ и архіепископовъ, съ 15 декабря 1840 г. вышла изъ-подъ опеки отдаленныхъ архипастырей и заручилась своимъ, относительно, ближайшимъ архипастыремъ, хотя и сей отдѣленъ былъ отъ нея океаномъ. Такимъ образомъ духъ Шелихова и приснопамятнаго миссіонера архимандрита Іоасафа Хотунцевскаго, желавшихъ (1796—97) видѣть въ сихъ мѣстахъ пастыря со властію, успокоился.

Открытіе новой самостоятельной епархіи Камчатской и возведеніе въ санъ епископа ея протоіерея І. Веніаминова было, по свидѣтельству протоіерея Громова, «невѣроятнымъ даже ближайшимъ роднымъ и знакомымъ его въ Камчаткѣ, потому что съ отъѣзда его, въ 1838 году, въ Петербургъ, въ теченіи почти трехъ лѣтъ не было отъ него никакого извѣстія въ Камчаткѣ; тамъ не знали ни о смерти его супруги, ни о дальнѣйшей судьбѣ его. Первое извѣстіе о семъ получено слѣдующимъ образомъ. На 25 число сентября 1841 года, ночью, пришло изъ Охотска въ Петропавловскій портъ судно. Рано утромъ, когда я былъ еще въ постелѣ, является одинъ изъ возвратившихся изъ Охотска нашихъ торговыхъ, съ крикомъ: «поздравляю съ новымъ архіереемъ!» —Эти перемѣны уже надоѣли, проговорилъ я съ про-

сонья,—разумѣя, что послѣ перемѣнившихся въ Иркутскѣ, по отъѣздѣ моемъ (1834 г.), трехъ преосвященныхъ, наступаетъ четвертый. «Не то!» продолжаетъ вѣстникъ. «Поздравляю съ нашимъ собственнымъ, Камчатскимъ архіереемъ! Угадайте, кто?» —Я не пророкъ,—было моимъ отвѣтомъ. — «Иванъ Евсеевичъ Веніаминовъ, нынѣ епископъ Иннокентій». Я приподнялся отъ удивленія. Чрезъ часъ или менѣе, точно, является ко мнѣ флотскій офицеръ, прибывшій, на суднѣ, въ Камчатку на службу (Алексѣй Никифоровичъ Рыдалевъ, капитанъ-лейтенантъ), и подаетъ письмо съ знакомымъ на адресѣ почеркомъ отца Іоанна Веніаминова. Раскрываю,—письмо начинается словами: «Повѣришь ли, возлюбленне, глазамъ своимъ? Я—твой архіерей Иннокентій»! Затѣмъ, преосвященный пишетъ, чтò онъ слѣдуетъ теперь чрезъ Иркутскъ въ Америку, Камчатку же посѣтитъ въ слѣдующемъ 1842 году; и указываетъ мнѣ, чтò и какъ приготовить къ встрѣчѣ его, и въ концѣ поручаетъ мнѣ ввести: «чтобы во всѣ воскресные дни дѣти поучаемы были въ церквахъ христіанской нравственности, въ видѣ простыхъ безъискуственныхъ съ ними разговоровъ». Новость мгновенно разнеслась по городу, а указъ Консисторіи въ тотъ же день разъяснилъ дѣло и далъ ему непреложную достовѣрность».

Проживъ на островѣ Ситхѣ болѣе семи мѣсяцевъ, преосвященный Иннокентій намѣревался совершить продолжительное путешествіе, для обозрѣнія своей епархіи, которое, по его мнѣнію, должно окончиться не ранѣе 16 мѣсяцевъ. Сперва предполагалъ онъ идти по островамъ, затѣмъ въ Петропавловскъ и уже оттуда, проѣхавъ всю Камчатку, въ мартѣ 1843 года быть въ Охотскѣ, гдѣ располагалъ прожить до половины іюля или далѣе. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію сего путешествія и пребыванія его въ Петропавловскѣ, предварительно разскажемъ вкратцѣ, чтò сдѣлано было въ Камчатской паствѣ по христіанскому просвѣщенію. «Въ то время, какъ отецъ І. Веніаминовъ переселился въ 1834 г. въ Ситху», пишетъ протоіерей Громовъ, «и мнѣ, школьному товарищу его и преемнику священства при Иркутской Благовѣщенской церкви, выпалъ жребій служенія на послѣднемъ предѣлѣ Азіи, раздѣляемой съ сѣверомъ Америки только Беринговымъ проливомъ,—въ Камчаткѣ. Это событіе послужило, между прочимъ, новымъ звеномъ сближенія моего съ епископомъ Иннокентіемъ. Въ Камчатку,

кромѣ протоіерея—благочиннаго, требовалось еще два священника, для новыхъ, предположенныхъ тамъ къ построенію, церквей, и нѣсколько причетниковъ.—Въ числѣ первыхъ вызвался послужить въ Камчаткѣ родной братъ епископа Иннокентія, Стефанъ Евсеевичъ Веніаминовъ. Стоитъ сказать объ этомъ, замѣчательномъ въ своемъ родѣ, лицѣ подробнѣе. Оказавшись малоспособнымъ продолжать науки въ семинаріи, онъ былъ взятъ, въ 1823 году, отцомъ Іоанномъ (нынѣ преосвященный Иннокентій) въ Америку, въ званіи причетника. Послуживъ тамъ десять лѣтъ и женившись на природной Алеуткѣ, Стефанъ Евсеевичъ выѣхалъ обратно въ 1833 году въ Иркутскъ, и преосвященнымъ Мелетіемъ произведенъ во священника къ Качугской церкви при р. Ленѣ. Когда же послѣдовалъ призывъ въ Камчатку, то онъ первый изъявилъ желаніе туда ѣхать, по тому убѣжденію, что жена его, привыкшая дышать морскимъ воздухомъ, безъ сего воздуха изнемогала, и въ почивающей на моряхъ Камчаткѣ надѣялась получить облегченіе. Мая 2 числа 1834 г., отправился я изъ Иркутска. Въ Качугѣ, гдѣ служилъ отецъ Стефанъ Веніаминовъ, и гдѣ пристань, съ которой отправляются торговыя суда внизъ по Ленѣ до Якутска, я помѣстился на особомъ павозкѣ [1]), а моя свита, священники и причетники, въ числѣ которыхъ былъ и отецъ Стефанъ съ женою и съ четырехлѣтнимъ сыномъ, заняли другой наемный павозокъ, который отвалилъ прежде и ушелъ впередъ. Въ Витимѣ, причаливъ къ берегу, получилъ я донесеніе, что жена отца Стефана умерла и здѣсь похоронена. Я настигъ свою свиту уже въ Якутскѣ. По прибытіи, въ сентябрѣ того 1834 года, въ Камчатку,—въ Петропавловскій портъ,—поручилъ я отцу Стефану, назначенному къ предположенной въ глубокомъ сѣверѣ полуострова церкви при р. Лѣсной, найти удобное для построенія храма мѣсто и возводить зданіе. И здѣсь-то выказалъ онъ свои разностороннія практическія свѣдѣнія. Мѣсто для храма выбралъ онъ на возвышеніи, при подножіи котораго протекаетъ р. Лѣсная, удобнѣе и красивѣе котораго желать нельзя. Затѣмъ отецъ Стефанъ, не имѣя въ той глуши знакомыхъ съ плотничнымъ дѣломъ, пріучилъ Камчадаловъ владѣть топоромъ и пилою, руководя къ тому своимъ примѣромъ. Затрудняло его плохое знаніе туземцами русскаго языка, и онъ употребилъ перевод-

---

[1]) Крытая лодка.

чикомъ своего малолѣтнаго сына (Өеодосія), который, среди игръ съ дѣтьми Камчадаловъ, быстро перенялъ ихъ говоръ. Къ началу 1838 года, въ теченіи трехъ лѣтъ, не только готова была благовидная церковь при р. Лѣсной, но и возникло цѣлое новое селеніе, распланированное отцомъ Стефаномъ, и обстроено въ линію домиками, въ которыя и переселились Камчадалы съ прежней мокрой, тундристой мѣстности, изъ своихъ земляныхъ юртъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отецъ Стефанъ научилъ своихъ полудикихъ прихожанъ дѣлать кирпичъ и, сложивши своими руками печи въ церкви и въ построенномъ для себя удобномъ домикѣ, онъ показалъ примѣръ устройства печей и переселенцамъ. Мало этого, отецъ Стефанъ былъ и часовой мастеръ, и маляръ, и отличный портной и сапожникъ, и хлѣбопекъ. Изготовляя своими руками для себя и сына своего платье и обувь, онъ пекъ хлѣбы и для служенія литургіи просфоры, потому что изъ его прихожанъ и прихожанокъ никто объ этихъ занятіяхъ не имѣлъ понятія, такъ какъ здѣсь и употребленіе хлѣба до него не было извѣстно».

«До моего пріѣзда въ Камчатку», говоритъ далѣе протоіерей Громовъ, «священники совершали браковѣнчаніе гдѣ ни попало, и въ избахъ, и въ землянкахъ,—намѣренно или ненамѣренно, криво истолковавъ посланіе С.-Петербургскаго митрополита Амвросія къ Иркутскому преосвященному Веніамину I, съ соглашенія съ императоромъ Павломъ послѣдовавшее, которымъ дозволялось вѣнчать браки кочующихъ инородцевъ въ посты, но неотмѣнно въ церкви. Имѣя въ виду этотъ законъ и тогдашнюю благочинническую инструкцію, а особенно то диковинное явленіе, что рѣдкаго Камчадала можно было встрѣтить первобрачнаго,— затѣмъ всѣ или второбрачные, или троебрачные, а иные, въ молодыхъ лѣтахъ лишившиеся и третьей жены, влачили тяжелую жизнь въ безбрачіи,—и приписывая такое неблагословеніе Божіе небрежному въ избахъ вступленію въ браки,—я воспретилъ вѣнчать внѣ церкви, что, конечно, не обошлось между Камчадалами безъ ропота, когда приходилось иному ѣхать для бракосочетанія верстъ за сто и болѣе». *(Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 27)*.

Относительно же образованія юношества въ Камчаткѣ, по словамъ протоіерея Громова, было также очень плохо, по неимѣнію средствъ и лицъ, искренно преданныхъ этому дѣлу, и только лишь въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ Петропавловскомъ портѣ было основано

духовное училище, начальникомъ Камчатки Петромъ Ивановичемъ Рикордомъ. Училище это состояло изъ двухъ классовъ, съ двумя учителями; преподавалось тамъ: чтеніе, письмо, пѣніе, грамматика и ариѳметика. Въ училище предположено было, кромѣ дѣтей духовенства, принимать 10 человѣкъ дѣтей обывательскихъ, именно Камчадальскихъ. Св. Сѵнодъ вполнѣ одобрилъ распоряженіе Рикорда и, въ знакъ благодарности къ нему и въ видахъ успѣховъ училища, почтилъ его званіемъ попечителя. Послѣ же Рикорда, это училище до 1828 года оставалось безъ ближайшаго надзирателя, и только лишь въ 1828 г. преосвященный Иркутскій Михаилъ послалъ на служеніе въ Камчатскій соборъ протоіерея Іоанна Бурдукова (своего роднаго племянника) и поручилъ ему ближайшее управленіе училищемъ, съ званіемъ инспектора. Послѣ же него, въ 1840 году, инспекторомъ былъ назначенъ туземецъ, окончившій курсъ въ Иркутской семинаріи, священникъ Георгій Логиновъ, при которомъ училище доведено было до крайняго упадка. Затѣмъ существовала въ Петропавловскомъ портѣ другая школа, основанная А. В. Голенищевымъ, подъ названіемъ «Ремесленная школа», въ которой были набраны мальчики, но никакому ремеслу, даже грамотѣ не обучались. Въ такомъ состояніи школа, просуществовавъ два года, закрылась, и мальчики разбрелись. «Тяжело было видѣть», говоритъ протоіерей Громовъ, «какъ дѣти матросовъ и казаковъ, съ утра до вечера, ломили головы среди порта, ничему не учась и ничѣмъ не занятые.» Наконецъ, въ томъ же 1840 году, начальникъ Камчатки Николай Васильевичъ Страннолюбскій, видя бѣдственное состояніе дѣтей, проводящихъ цѣлые дни въ праздности, задумалъ, при содѣйствіи протоіерея Громова, въ ветхомъ казарменномъ зданіи, стоявшемъ на подпорахъ,—такъ какъ лучшаго не нашлось,—открыть школу для кантонистовъ, въ которой протоіерей Громовъ принялъ преподованіе Закона Божія, а флотскіе офицеры, кто взялся учить чтенію и письму, а кто ариѳметикѣ. «Но вотъ бѣда», говоритъ протоіерей Громовъ,— «въ портѣ не нашлось ни одного учебника, даже букваря. И только лишь нашлась у меня одна книжечка, привезенная изъ Иркутска, это—«Начатки христіанскаго ученія», и эта книжечка была вручена старшему ученику, наименованному фельдфебелемъ, для справокъ. Самое же преподаваніе было въ точномъ смыслѣ катихизическое, т. е. въ разсказахъ, которое, надобно сказать, не обременяя учениковъ заучиваніемъ на память но кни-

гѣ и не пугая ихъ книжною отчетностію, было принимаемо ими съ полнымъ дѣтскимъ любопытствомъ, и приносило добрые, неожиданные плоды.» *(Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 24)*.

Въ такомъ-то состояніи находилось преосвѣщеніе въ Камчаткѣ, когда она готовилась встрѣтить своего перваго архіерея, и вотъ почему распоряженіе преосвященнаго Иннокентія «ввести преподаваніе всѣмъ дѣтямъ обоего пола воскресныхъ уроковъ предъ литургіями»—нельзя не признать одною изъ важныхъ мѣръ къ просвѣщенію инородцевъ.

X

Теперь послѣдуемъ за преосвященнымъ Иннокентіемъ въ дальнѣйшемъ его путешествіи.

4 мая 1842 года, преосвященный Иннокентій оставилъ Ситху. Вотъ какъ описываетъ это путешествіе лейтенантъ Л. Загоскинъ: «8 марта 1842 года, мнѣ была предложена экспедиція, для обозрѣнія части материка Сѣверо-Западной Америки. 1 мая я получилъ инструкцію и переѣхалъ на судно; 4-го мая бригъ «Охотскъ» вступилъ подъ паруса. Высказать ли, что я чувствовалъ при оставленіи Новоархангельска (столица нашихъ колоній)! Здѣсь не лишнее прибавить, что осмотрясь въ Ситхѣ, исключая насъ, пассажиромъ до Уналашки находился преосвященный Иннокентій, отправлявшійся впервые, въ этомъ санѣ, для обозрѣнія своей паствы. Плаваніе было успѣшное. 14 мая къ вечеру, мы увидѣли восточные острова Шумагинской группы: намъ слѣдовало зайти на одинъ изъ нихъ, островъ Унгу, для сдачи товаровъ и пріема пушныхъ промысловъ; но тутъ въ началѣ крѣпкій остъ, потомъ зюйдъ, наконецъ свѣжій нордъ-вестъ задержали насъ четверо сутокъ, такъ что только къ разсвѣту 19 мая мы положили якорь въ небольшой бухтѣ при заселеніи. Нѣтъ словъ для выраженія тѣхъ чувствъ, которыми были преисполнены туземные жители при встрѣчѣ своего владыки. Управляющій Гомзяковъ, сподвижникъ въ изгнаніи двунадесяти языкъ изъ отечества и съ 1815 года находящійся въ колоніяхъ, видалъ архіереевъ, прочіе же знали этотъ санъ только по наслышкѣ. Преосвященный Иннокентій въ 1836

году оставилъ священникомъ свое стадо и, казалось, навсегда, и вдругъ нынѣ является посреди его, облеченный высшею духовною властію. Все народонаселеніе острова жаждало принести благодареніе Всевышнему; и вотъ на другой день, также нежданно, пріѣзжаетъ священникъ этого отдѣла, съ походной церковью. Преосвященный служилъ обѣдню и молебенъ. Не было слушателя, который бы не прослезился отъ умиленія и радости, при краткомъ привѣтственномъ словѣ святителя. 22 мая мы оставили Унгу и взяли курсъ къ острову Уналашкѣ, чрезъ Унимакскій проливъ.—Преосвященному весьма хотѣлось въ день Вознесенія Господня, 28 числа, принести благодареніе Богу въ церкви, основанной имъ въ бытность священникомъ Уналашкинскаго отдѣла. Тихіе попутные вѣтры привели насъ, къ полдню 25 мая, на меридіанъ острова Угамакъ. При штилѣ, но попутнымъ теченіемъ, быстро несло насъ по проливу; вдругъ, въ исходѣ втораго, зарябило съ навѣтра. Сначала сочли это за перемѣну теченія и сулой; но глазъ преосвященнаго, знакомаго съ мѣстностью, разгадалъ шквалъ. Едва успѣли убратъ бомъ—брамсели, какъ налетѣлъ крѣпкій порывъ отъ сѣверо-запада, море побѣлѣло, накрыло пасмурностью, бригъ положило бортомъ,—но вскорѣ все было приведено въ порядокъ. Подъ тремя рифами, ночь и слѣдующія сутки мы держались въ проливѣ и, пользуясь различными струями теченія, не потеряли своего мѣста. 27, поутру, обогнули сѣверную оконечность острова Акунъ и спустились къ гавани Иллюлюкъ; вечеромъ отслушали всенощное бдѣніе, а въ восемь часовъ утра 28 мая, колокольный звонъ огласилъ шествіе преосвященнаго въ основанную и освященную имъ церковь. Удивленіе и потомъ восторгъ туземцевъ—невыразимы. И здѣсь, какъ на Унгѣ, мы не нашли еще никакой растительности: не только утесы, обставляющіе гавань, но и прибрежные лайды были покрыты снѣгомъ» (*Пѣшеходн. опись части Русск. влад. въ Америкѣ, Л. Загоскина. Спб. 1842. 43, 44 г.)*

По совершеніи преосвященнымъ Иннокентіемъ литургіи въ Уналашкинской Вознесенской церкви, онъ обратился къ своимъ излюбленнымъ Алеутамъ съ своею простою, общедоступною, чуждой всякой искусственности, проповѣдью. И Алеуты, въ радостяхъ, что опять увидали своего любимаго архипастыря, принесли ему въ даръ чрезвычайно искусно

вытканные изъ тонкихъ древесныхъ корней и различныхъ травъ орлецы, служащіе для подножія во время священнослуженія архіереямъ. Надобно замѣтить, что эти издѣлія были вытканы руками Алеутовъ. Преосвященный Иннокентій переслалъ эту рѣдкость къ Московскому митрополиту Филарету. «Пошлю къ вамъ», писалъ Филаретъ намѣстнику Свято-Троицкой Сергіевой Лавры Антонію, «для скита орлецъ, присланный съ Алеутскихъ острововъ. Онъ сдѣланъ изъ тамошнихъ произведеній, достойно скита. Богъ да благословитъ пустынножителя и его безмолвіе и упованіемъ спасенія.» (*Письма Филарета къ Антонію*, *стр*. *233*.)

О плаваніи же преосвященнаго Иннокентія ко острову Еловому мы приводимъ разсказъ, записанный нами со словъ старшей дочери преосвященнаго, Екатерины Ивановны Пѣтелиной [1]), сопутствовавшей отцу своему въ семъ плаваніи: «пять дней плыли мы къ острову Еловому хорошо: дулъ попутный вѣтеръ. На пятые же сутки, въ ночь, вдругъ неожиданно всѣ на суднѣ почувствовали сильные толчки и качку; всѣ перепугались; преосвященный Иннокентій и капитанъ судна въ 11 часовъ ночи вышли на палубу, удостовѣриться, отъ чего все это произошло. Замѣтнаго волненія не было. Вѣтеръ дулъ по прежнему, попутный и ровный. Спросили боцмана и лоцмана, что это такое значитъ? Они отвѣчали: надо ждать перемѣны большой. Владыка и капитанъ поняли, что произошло землетрясеніе, продолжавшееся съ минуту или двѣ, не долго. И затѣмъ, дѣйствительно, скоро подули вѣтры противные и сильные, съ морозомъ; море запѣнилось и забурлило, судно закачало и подбрасывало. Волна за волной, съ яростію налетая на судно, ливнемъ обдавали палубу. Пассажиры попрятались въ трюмъ и каюты. Судно было небольшое, а пассажировъ человѣкъ 70. Всѣ люки были заколочены. На верху оставалась одна команда, съ своимъ капитаномъ, и владыка. Остальные путешественники пребывали безъ дневнаго свѣта, въ трюмѣ, сидѣли съ огнемъ;—28 дней и ночей кидало по волнамъ утлое судно и такъ сильно качало, что не было возможности ходить, а ползкомъ ползали или сиднемъ сидѣли,—ноги у всѣхъ остамѣли. Высидѣть 28 дней во тьмѣ кромѣшной, да еще почти безъ пищи и питья, было крайне тяжело, особенно безъ привычки. Даже сухарей

[1]) Донынѣ еще здравствующей на Амурѣ, въ селѣ Маріинскомъ, близъ г. Софійска.

не было, осталась одна пыль отъ нихъ, воды также недоставало, только полбутылки въ сутки отпускали на четверыхъ; наконецъ и совсѣмъ не было воды,—тогда мы воду выжимали изъ парусовъ и пили ее. Солонину варили въ морской водѣ и отпускали пассажирамъ по маленькому кусочку. Всѣ заболѣли. Послѣ бурной погоды, вѣтеръ наконецъ сталъ тише и тише; потянули вѣтры попутные, небо прояснилось и къ вечеру увидали берегъ; но капитанъ не хотѣлъ приближаться къ нему, а напротивъ, рѣшилъ удалиться въ открытое море, опасаясь перемѣны благопріятнаго вѣтра опять въ противный. Команда же, отъ голода, жажды и болѣзней, воспротивилась. Владыка сталъ примирителемъ команды и командира, уговаривалъ и уговорилъ плыть къ берегу: «Если вы боитесь», сказалъ наконецъ владыка, не безъ горечи, капитану, «такъ я самъ буду править судномъ.» Капитанъ принялъ увѣщаніе и направились къ берегу. Владыка все время стоялъ на палубѣ, распоряжался и, не доплывая близко къ берегу, по настоянію его, бросили якорь, стали палить изъ пушекъ и подняли морскіе знаки, давая тѣмъ знать, что пассажиры нуждаются въ водѣ и провизіи. Вскорѣ послѣ того, доставили на судно воду и провизію изнемогающимъ плавателямъ. Затѣмъ преосвященный Иннокентій отслужилъ на палубѣ судна благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, за спасеніе отъ бури и крушенія, и служилъ онъ съ такимъ благоговѣніемъ, что всѣ пассажиры были тронуты до слезъ.— «Ноги болятъ,» сказалъ владыка, оставляя судно и ступая на землю острова Еловаго. Судно же, пробывъ съ недѣлю на островѣ Еловомъ, отплыло далѣе; но прежде чѣмъ отправиться, всѣ путешественники, ѣхавшіе на семъ суднѣ, пришли къ владыкѣ, прося его благословенія на дальнѣйшее плаваніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ со слезами благодарили его, что онъ только своими распоряженіями спасъ ихъ».

Слухъ о чудесномъ спасеніи судна и всѣхъ плывшихъ на немъ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ отъ угрожавшаго, по видимому, неминуемаго крушенія и погибели въ волнахъ океана, далеко разнесся изъ края въ край по Россіи. Такъ изъ Валаамскаго монастыря, на Ладожскомъ озерѣ, настоятель игуменъ Дамаскинъ съ братіею, спустя много лѣтъ, прислали къ преосвященному Иннокентію почтительнѣйшее письмо, отъ 27 декабря 1866 года, съ просьбою сообщить свѣдѣнія о чудесномъ спасеніи: «Одинъ изъ богомольцевъ», пишетъ игуменъ Дамаскинъ,

«случайно прибывшій въ монастырь изъ предѣловъ Америки, передалъ мнѣ разсказъ креола Герасима о жизни миссіонера монаха Германа, бывшаго Валаамскаго постриженника. Много свѣдѣній въ этомъ разсказѣ, свидѣтельствующихъ о благодати Божіей, осіявавшей и осіявающей старца. Между прочими свѣдѣніями есть одно, касающееся особы вашего высокопреосвященства, будто-бы переданное собственно вами. Оно—слѣдующее: Сильная буря 36 дней носила васъ по волнамъ, въ виду острова Еловаго. Всѣ были въ отчаяніи; вы изволили служить молебенъ. Во время молебна, внутренно вы просили отца Германа спасти васъ отъ потопленія. Вдругъ сдѣлался попутный вѣтеръ, перемѣнившійся опять въ прежній, по входѣ вашемъ въ гавань. Вскорѣ, на могилѣ старца, вы служили панихиду. У васъ была въ рукахъ книга; у креста предсталъ вамъ отецъ Германъ въ мантіи и клобукѣ; книга выпала изъ рукъ вашихъ—и видѣніе скрылось.....

Ваше высокопреосвященство, осмѣливаюсь умолять васъ,—благоволите извѣстить меня, въ какой мѣрѣ свѣдѣніе разсказанное—достовѣрно; благоволите сказать еще что либо объ отцѣ Германѣ, извѣстное вамъ. Умоляю васъ, не откажите. Вашего письма, съ нетерпѣніемъ великимъ, будетъ ожидать Валаамская обитель: оно будетъ для нея неоцѣненно-дорого. Святый владыко, обрадуйте!

Преклоняя колѣна со всею братіею, прошу осѣнить насъ всѣхъ вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ, приношу вамъ общее наше усерднѣйшее поздравленіе съ высокоторжественнымъ праздникомъ Рождества Бога Слова и, съ чувствами нелестными глубокаго благоговѣнія и сыновней преданности, навсегда долгомъ священнымъ поставляю себѣ пребыть....» Послѣдовалъ-ли со стороны преосвященнаго Иннокентія на это письмо отвѣтъ, и какой—мы не знаемъ; но имѣемъ только подлинное письмо означенной братіи, а наономъ, сверхъ строкъ, собственноручныя поправки преосвященнаго карандашемъ, которыя мы здѣсь и воспроизводимъ: «Въ сильную бурю, 28 дней лавировали въ виду острова Еловаго. Всѣ были въ опасности, отъ недостатка воды. Я сказалъ въ умѣ: «если ты, отецъ Германъ, угодилъ Господу, то пусть перемѣнится вѣтеръ». И точно,—не прошло и четверти часа, сдѣлался попутный вѣтеръ. Вскорѣ, на могилѣ старца, я служилъ панихиду. Ничего не видѣлъ.»

Объѣхавши острова, преосвященный Иннокентій, на одномачтовомъ суднѣ Россійско-Американской Кампаніи, отправился далѣе къ Петропавловску.

Петропавловскій портъ—небольшое селеніе, окруженное горами и построенное на пологомъ скатѣ ихъ къ морю, въ Авачинской губѣ. Окинувъ взоромъ видъ его, легко замѣтить, что онъ состоитъ изъ небольшаго числа хижинъ, построенныхъ совершенно также, какъ и въ прочихъ городахъ и острогахъ восточной Сибири. Но гавань, обширная и удобная, защищаемая косою, извѣстна всѣмъ мореплавателямъ, какъ одна изъ огромнѣйшихъ и лучшихъ въ мірѣ. (*Путеш. по восточн. Сибири И. Булычева. Спб. 1856 г. стр. 126*).

О прибытіи же преосвященнаго Иннокентія въ сей описанный нами Петропавловскъ и о пребываніи его въ немъ, по день отъѣзда въ Охотскъ, мы приводимъ важнѣйшія извлеченія изъ разсказа благочиннаго Камчатскихъ церквей, протоіерея П. В. Громова (*Иркут. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 25)*: «Въ половинѣ іюля 1842 года, сигналы обвѣстили Петропавловскій портъ, что въ морѣ видно судно трехмачтовое, подъ флагомъ Россійско-Американской компаніи. «Владыка грядетъ»! былъ общій голосъ.—Портовое начальство распорядилось выслать на встрѣчу шлюпку, на которой помѣстились: помощникъ начальника Камчатки, знакомый преосвященному, А. Н. Рыдалевъ и я—представитель Камчатскаго духовенства. Красивый фрегатъ «Наслѣдникъ Александръ» несся въ Авачинскую губу на всѣхъ парусахъ (пароходовъ въ этихъ моряхъ еще не было), и чуть не затопилъ насъ, нисколько не убавивъ ходу, когда мы къ нему приближались. Однакожь, съ помощію Божіею, мы взобрались на него по стремянкѣ, и я удивленъ былъ внутреннимъ роскошнымъ убранствомъ фрегата—диванами, столами, зеркалами. Первый вопросъ командира (капитана-лейтенанта Кадникова) былъ обращенъ ко мнѣ довольно въ непривѣтливомъ тонѣ: вѣрно, вы думали встрѣтить архіерея?—Да.—Онъ еще въ Ситхѣ, будетъ къ вамъ въ августѣ. И наконецъ», продолжаетъ протоіерей Громовъ,—«въ полдень 18 августа 1842 года, опять показалось въ морѣ судно, одномачтовое, подъ флагомъ Россійско-Американской компаніи. Опять была выслана на встрѣчу шлюпка, и здѣсь-то, среди волнъ морскихъ, имѣлъ я счастіе принять первое благословеніе отъ бывшаго товарища по семинаріи, преосвященнаго Иннокентія, послѣ 19 лѣтъ разлуки съ нимъ.

Его обращеніе со мною, какъ на сей разъ, такъ и въ послѣдующія времена, заставляло меня забывать великую теперь между нами разницу. На завтра, 19 августа, была торжественная встрѣча небывалаго, невиданнаго въ краѣ духовнаго сановника—архіерея. Духовенство въ бѣлыхъ серебрянаго фрезе облаченіяхъ, съ вышитыми золотомъ на оплечьяхъ протоіерейской ризы и діаконскаго стихаря изображеніями, на первой—Воскресенія Христова, на послѣдней—Апостоловъ Петра и Павла, два священника въ такихъ же пропускныхъ ризахъ и четыре причетника въ бѣлыхъ стихаряхъ, флотскіе, начиная съ начальника Камчатки Николая Васильевича Страннолюбскаго, офицеры въ блестящихъ золотомъ эполетахъ, гражданскіе чиновники въ мундирахъ своего разряда, цвѣтисто разодѣтыя дамы и все портовое населеніе стояло у пристани, когда владыка подплылъ къ ней съ своего судна, на нарядной портовой шлюпкѣ, въ 9 часовъ утра,—разумѣется, при звонѣ колоколовъ. Ярко игравшее солнце, разбросившее свои золотые лучи по безмятежной поверхности моря, привѣтствовало вносящаго миръ. По выслушаніи отъ меня краткой рѣчи, преосвященный направилъ шествіе въ соборъ, а отсюда, по выслушаніи краткаго молебствія, въ назначенную для него отъ порта смиренную квартиру, за неимѣніемъ приличнѣйшей. Первое его служеніе предназначено 22 числа, въ высокоторжественный день празднованія коронаціи царствовавшаго тогда императора Николая Павловича. Съ преосвященнымъ прибыла небольшая свита: протоіерей Іоаннъ Нецвѣтовъ, діаконъ и небольшой хоръ пѣвчихъ. Первымъ дѣломъ преосвященнаго было потребовать богослужебный журналъ собора, приказать своей свитѣ отнюдь не нарушать уставленныхъ мною по собору порядковъ и быть у меня въ полномъ подчиненіи.

Съ нетерпѣніемъ насельники Петропавловскаго порта ждали 22 августа,—дня, въ который будетъ совершено первое небывалое, невиданное служеніе архіерейское. День этотъ насталъ, ясный, теплый, безвѣтренный. Въ 9 часовъ утра начался благовѣстъ къ литургіи. Духовенство отправилось въ квартиру преосвященнаго, чтобъ проводить его въ соборъ съ торжественностію. При входѣ въ домикъ, бросилась мнѣ въ глаза лежавшая на столѣ въ небольшую осьмушку книжка въ сафьянѣ и золотѣ. Вышелъ преосвященный изъ другой комнатки, составлявшей его кабинетъ и спальню,—и прежде всего, взявъ со стола

книжку и подавая мнѣ, сказалъ: «Это для васъ, сегодня пригодится.» Это былъ чинъ литургіи св. Іоанна Златоустаго, еще въ такомъ форматѣ нами невиданный. Въ литургіи сослужили преосвященному два протоіерея—я и Нецвѣтовъ, два священника, за протодіакона—привезенный преосвященнымъ, іеродіаконъ Николай и нашъ соборный діаконъ.

Величественная наружность и прочувствованное служеніе преосвященнаго Иннокентія, твердымъ и яснымъ голосомъ произносимыя имъ молитвы, наконецъ стройное пѣніе небольшаго хора пѣвчихъ—производило на предстоявшихъ такое же впечатлѣніе, подъ какимъ были въ Царьградѣ послы Владиміра, при патріаршемъ служеніи. Послѣ литургіи, былъ совершенъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ за Царя. Затѣмъ преосвященный Иннокентій былъ приглашенъ на обѣдъ къ начальнику Камчатки; пушечная пальба со всѣхъ батарей и цѣлодневный звонъ довершили торжество истинно-свѣтлаго дня, какъ въ духовномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Вступивъ такъ торжественно въ резиденцію Камчатки, преосвященный Иннокентій рѣшилъ пробыть здѣсь немалое время, для необходимыхъ занятій по дальнѣйшему устройству церковныхъ дѣлъ Камчатскаго благочинія, и располагалъ своимъ временемъ такъ: въ шесть часовъ утра ежедневно, не смотря ни на какую погоду, слушалъ въ соборѣ раннюю литургію, послѣ которой, выпивъ чаю, приступалъ къ занятію дѣлами. Въ полдень,—буквально неуклонно въ полдень,—обѣдалъ. Послѣ обѣда, или велъ бесѣду со мною, почти каждодневно раздѣлявшимъ съ нимъ трапезу, или приходилъ въ соборъ, гдѣ исправлялся тогда поколебавшійся отъ землетрясенія придѣльный храмъ, и руководилъ своими указаніями рабочихъ, а престолъ утвердилъ даже собственными руками, мастерски владѣя столярными инструментами. Это—въ будни. Въ праздничные же дни, по совершеніи самимъ имъ литургіи, отдавалъ визиты чиновникамъ и торговому люду, предоставивъ мнѣ, какъ своему постоянному спутнику, располагать ихъ порядкомъ. Съ какимъ обрадованіемъ, съ какою любовію встрѣчали дорогаго посѣтителя посѣщаемые—это можно выразить такъ же, какъ св. Апостолъ Павелъ изображалъ любовь къ себѣ христіанъ Галатіи: если бы можно было, они исторгли бы очи свои и отдали архипастырю. По вечерамъ занимались мы со владыкою или дѣлами, или проводили время въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, о житьѣ школьномъ, о настав-

никахъ, о товарищахъ, или съ наслажденіемъ выслушивалъ я увл кательные его разсказы о его кругосвѣтномъ плаваніи, о его пребываніи въ столицахъ, о встрѣчахъ его съ великими и сильными земли и пр. и пр. Въ 8 часовъ вечера—не раньше, не позже,—подавался графинчикъ съ джиномъ, бутылочка съ биттерсъ (горькія капли) для приправы джина, бутылка мадеры и, не болѣе какъ по золотнику на брата, хлѣба и соленой рыбы. Мы выпивали по рюмкѣ джина съ горькими каплями, заѣдали золотникомъ закуски, заканчивали одною рюмкою мадеры—и въ этомъ состоялъ весь нашъ ужинъ. Въ 10 часовъ разставались. Съ 23 августа, преосвященный Иннокентій приступилъ къ подробному обозрѣнію Камчатскаго Петропавловскаго собора, Камчатскаго Духовнаго правленія и народной нравственности.»

Камчатскій Петропавловскій Соборъ, *(Труды Кіевск. Духовн. Акад. стат. Громова, 1861 г.)* по благословенію епископа (потомъ архіепископа) Иркутскаго Михаила II, начался строиться въ 1818 г., оконченъ и освященъ 24 ноября 1826 г.; воздвигнутъ изъ лѣса. При соборѣ есть слѣдующія достопримѣчательности, оставленныя экспедиціею Беринга въ 1729 г.: 1) въ малый листъ Евангеліе, начатое печатью въ Москвѣ 16 іюля 1639 г., оконченное 19 января 1640 года, обложенное малиновымъ бархатомъ, на передней дскѣ котораго, въ срединѣ, серебряный подъ золотомъ девятиугольникъ; къ немъ начерченъ Господь Саваоѳъ, подъ нимъ Іисусъ на крестѣ, по правую руку распятаго Іоаннъ и Логгинъ, по лѣвую Матерь Божія и Марѳа; по краямъ дски такіе же четыре наугольника, на нихъ евангелисты Іоаннъ, Матѳей, Маркъ и Лука. 2) Двѣ иконы святыхъ апостоловъ Петра и Павла на тяжелыхъ дскахъ, каждая длиною 1 арш. и 5 вершк., шириною 13 вершк. На иконѣ апостола Петра серебряная, чеканной работы, во всю дску риза, съ слѣдующею внизу, выдавленною на серебрѣ, надписью: «Сей святый образъ обложеніемъ украсися тщаніемъ и по обѣщанію флота лейтенанта Дмитрія Овцына и всѣхъ служителей, спасшихся съ пустаго острова и достигшихъ Камчатскій берегъ на Гукорѣ св. Петра въ 1742 году въ августѣ мѣсяцѣ» и 3) Келейныя мѣсячныя минеи въ 8-ю долю, подписанныя по листамъ архимандритомъ Іоасаѳомъ Хотунцевскимъ 1792 г. Наконецъ, Камчатскій Петропавловскій соборъ самъ собою составляетъ замѣчательность,

достойную благоговѣнія. Открытый врагамъ, онъ въ 1854 году отъ носившихся надъ портомъ разрушительныхъ огней не потерпѣлъ никакаго поврежденія. Здѣсь кстати упомянемъ о ризницѣ собора, которая была такъ богата, какой не найти и въ нѣкоторыхъ столичныхъ церквахъ. Стоило только настоятелю собора подать мысль о благолѣпіи храма флотскимъ офицерамъ—любителямъ чистоты, порядка и блеска—и тотчасъ же приводилось въ исполненіе выпискою изъ Москвы облаченій и другихъ принадлежностей, чрезъ извѣстнаго Московскаго купца Гавріила Матвѣевича Корнилова, который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, былъ постояннымъ коммиссіонеромъ преосвященнаго Иннокентія.

«При обозрѣніи Петропавловскаго Собора», продолжаетъ Громовъ, «преосвященный Иннокентій усмотрѣлъ порядокъ. Затѣмъ онъ приступилъ къ ревизіи Камчатскаго Духовнаго Правленія. въ которомъ нашелъ также все въ исправности и особенно остался доволенъ тѣмъ, что при разсмотрѣніи дѣлъ, не нашелъ въ нихъ никакихъ дрязговъ, ни слѣдственныхъ, ни тяжебныхъ, за что и благодарилъ духовенство. И наконецъ, приступилъ къ обозрѣнію училищъ, и началъ съ Школы кантонистовъ. Въ назначенный день къ осмотру школы, флотскіе и гражданскіе чины явились въ полной парадной формѣ для встрѣчи преосвященнаго, и вотъ пріѣзжаетъ владыка; благословивши всѣхъ присутствующихъ своимъ обычнымъ полнымъ, большимъ крестомъ, онъ приступилъ къ экзамену учениковъ, и первымъ вопросомъ его былъ: «для чего человѣкъ родится?»—И самъ же отвѣчалъ: «чтобы быть полезнымъ.» Затѣмъ, на сдѣланные имъ вопросы по катихизису и священной исторіи ученики дали такіе удовлетворительные отвѣты, что владыка, какъ говоритъ протоіерей Громовъ, подошелъ къ нему, обнялъ и поцѣловалъ его въ плечо, такъ какъ протоіерей Громовъ былъ законоучителемъ этой школы. Такой же теплой признательности удостоился протоіерей Громовъ и за преподаваніе воскресныхъ уроковъ, указанное ему преосвященнымъ еще изъ Охотска. Однако же протоіерей Громовъ преподавалъ ихъ не предъ литургіею въ воскресные дни, какъ предписывалъ Иннокентій, а послѣ суботней на воскресенье вечерни, и это оказалось болѣе удобнымъ, потому что дѣти по утру могли бы заспаться, а теперь всѣ онѣ на ногахъ, да и чиновники и чиновницы, и прочіе жители порта, подъ видомъ любопытства, обыкшіе наполнять церковь во время

преподаванія дѣтямъ уроковъ, были въ эти часы свободны. Такъ въ одну изъ субботъ, преосвященный Иннокентій, послѣ вечерни, остался во храмѣ; протоіерей Громовъ сѣлъ за поставленный, по обычаю, среди церкви столикъ, раскрылъ библію и предложилъ обычную бесѣду. Бесѣды эти давали протоіерею полную свободу, подъ прикрытіемъ простаго разговора съ дѣтьми обоего пола, намекнуть иногда кое-что и взрослымъ, наполнявшимъ церковь. Владыка этою бесѣдою остался также очень доволенъ. Втораго сентября, послѣ утренняго доклада», повѣствуетъ протоіерей Громовъ, «владыка сказалъ мнѣ: «приходите вечеромъ, да безъ дѣлъ». Вечеромъ узналъ я, что это—день его тезоименитства (мірскаго). По чашкѣ чаю, по бакалу шампанскаго и по стакану портера было выпито двумя прежними товарищами, въ воспоминаніе Іоанна Евсеевича. На память дня, преосвященный подарилъ мнѣ, въ дорогомъ переплетѣ, переведенное имъ на Алеутско-лисьевскій языкъ евангеліе отъ Матѳея, съ такою собственноручною надписью: «Отцу протоіерею Прокопію Васильевичу Громову, отъ трудившагося въ переводѣ. Петропавловскъ. Сентября 2-го, 1842 года.» Къ сему неоцѣненному подарку присоединенъ былъ другой—серебряные подъ золотомъ карманные часы. Наканунѣ праздника Воздвиженія Животворящаго креста, владыка слушалъ всенощную и выходилъ на величаніе; а 14 сентября совершалъ Божественную литургію, за которою посвящалъ въ стихарь семилѣтняго сына протоіерея Громова и одного изъ причетниковъ собора во діакона. 17 сентября былъ освященъ имъ тотъ придѣльный при соборѣ храмъ, въ которомъ утверждалъ онъ собственными руками престолъ». И наконецъ 12 октября, преосвященный Иннокентій посѣтилъ Духовное училище. О семъ посѣщеніи приводимъ въ подлинности разсказъ протоіерея Громова (*Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 № 27*): «По утру, 12-го октября, я былъ встрѣченъ вопросомъ преосвященнаго: «когда вы, отецъ протоіерей, покажете мнѣ ваше духовное училище?»—Когда,—отвѣчалъ я,—вашему преосвященству угодно будетъ посмотрѣть его, то, какъ путь лежитъ мимо моего домишка, позвольте и мнѣ вмѣстѣ съ вами заглянуть туда, что это за училище?—«Какъ? развѣ вы его не начальникъ?»—Нѣтъ. Ни мой предмѣстникъ, ни я, хотя имѣемъ академическія степени, не были удостоены начальствовать въ немъ.»—«Да какъ же преосвященный Нилъ говорилъ мнѣ въ Ир-

кутскѣ, что вы смотрителемъ въ немъ»? – Преосвященный Нилъ писалъ и мнѣ частно, чтобъ я разстроенное здѣсь духовное училище благоустроилъ; но, какъ по частному письму я не зналъ, какъ за чужое дѣло взяться, то просилъ предписанія форменнаго; но по сіе время не получалъ.— «Кто же имъ завѣдываетъ?» —Подъ именемъ инспектора, священникъ отецъ Георгій Логиновъ.— «Вотъ какъ? сказалъ преосвященный, и отправился въ училище. Часа черезъ два требуетъ меня къ себѣ и встрѣчаетъ словами: «бѣда да и только! у отца Георгія ни денегъ, ни дровъ, ни муки, ни запасной рыбы, ни свѣчъ,— словомъ, нѣтъ ничего. Мѣдная посуда не лужена; сваренная въ ней кислая рыба производитъ рвоту; бѣда да и только!—Отецъ протоіерей!» продолжаетъ преосвященный:— «я васъ покорнѣйше прошу принять обязанность смотрителя училища». Ваше преосвященство! отвѣчалъ я,—вы по епархіальной службѣ пошлете меня на колокольню, я пойду; но по духовно-учебной службѣ я за свое воспитаніе достаточно расплатился слишкомъ 11-лѣтнимъ отнесеніемъ обязанности учителя въ Иркутской семинаріи по двумъ предметамъ, потому не считаю себя болѣе въ долгу, и особенно не могу принять обязанности смотрителя Камчатскаго училища при настоящихъ его условіяхъ.—Преосвященный подходитъ ко мнѣ, и говоритъ: «не архіерей проситъ васъ, а старый товарищъ Иванъ Евсеевичъ Веніаминовъ, и проситъ со слезами».—Но, ваше преосвященство! будущему смотрителю не предвидится никакого жалованья, а я, какъ вамъ извѣстно, обремененъ семействомъ и долгами.— «Я буду просить вамъ за смотрительство по 1200 р. жалованья въ годъ, и если не дадутъ, то я вашъ личный плательщикъ».—Говорить было нечего,—осталось принять многотрудную обязанность. Въ двадцатыхъ числахъ октября, на пришедшемъ изъ Охотска суднѣ, привезена почта. Выходя отъ ранней обѣдни, владыка меня спрашиваетъ: «вы печатному вѣрите? Пожалуйте ко мнѣ». Прихожу. Владыка подаетъ мнѣ отчетъ оберъ-прокурора св. Сѵнода за 1840 годъ, въ которомъ статья: «Камчатское духовное училище преобразовано; смотрителемъ опредѣленъ протоіерей собора, а попечителемъ утвержденъ начальникъ Камчатки.»—Гдѣ же эти распоряженія залежались?—спросили мы въ одинъ голосъ со владыкою.—Попробую, сказалъ преосвященный, съ прописаніемъ статьи отчета, бывшаго на Высочайшемъ усмотрѣніи, письменно предложить начальнику

Камчатки назначенное ему попечительство. Попробовалъ, и получилъ отвѣтъ, что онъ, начальникъ Камчатки, этой обязанности безъ предписанія отъ своего начальства принять на себя не можетъ; но какъ обязанный заботиться вообще о ввѣренномъ ему краѣ, готовъ содѣйствовать благосостоянію духовнаго училища, чѣмъ только можетъ».

Ближе ознакомившись съ нуждами паствы, преосвященный Иннокентій выказывалъ въ удовлетвореніи этихъ нуждъ замѣчательную находчивость. Такъ, при осмотрѣ духовнаго училища, оказавшагося въ крайне плачевномъ положеніи, онъ, въ видахъ улучшенія его, отставляетъ смотрителя училища, отца Логинова, и упрашиваетъ занять мѣсто протоіерея Громова, какъ уже показавшаго себя опытнымъ и дѣятельнымъ педагогомъ и начальникомъ, съ обѣщаніемъ платить ему ежегодно 1200 р. своихъ собственныхъ, въ случаѣ отказа Св. Сѵнода, Затѣмъ, вслѣдствіе дошедшаго до него ропота Камчадаловъ относительно того обязательства, которое учредилъ протоіерей Громовъ,—вѣнчаться непремѣнно въ церкви, а не въ землянкахъ или гдѣ ни попало, преосвященный Иннокентій замѣтилъ протоіерею Громову: «Вы стѣснили Камчадаловъ, такъ какъ многимъ имъ, вслѣдствіе вашего распоряженія, чтобы обвѣнчаться, доводилось ѣхать къ церкви верстъ за сто и болѣе, что крайне неудобно и обременительно, что и возбудило съ ихъ стороны справедливый ропотъ»,—и сдѣлалъ по сему слѣдующее распоряженіе: построить часовни во всѣхъ селеніяхъ и испросить у Св. Сѵнода разрѣшеніе снабдить каждую часовню подвижнымъ антиминсомъ и въ нихъ совершать браковѣнчаніе. Это распоряженіе успокоило Камчадаловъ.

«Прекрасная въ Петропавловскомъ портѣ осень», пишетъ протоіерей Громовъ, «свѣтлая, теплая, тихая, съ исходомъ октября близилась къ концу; наступалъ мрачный, суровый, бурный ноябрь, который съ тѣмъ вмѣстѣ подготовлялъ и единственную для путеслѣдованія преосвященнаго Иннокентія, давно ожидаемую имъ, внутрь полуострова снѣговую дорогу. Лѣтомъ, сообщеніе съ внутренностію полуострова, покрытаго тундрами, изрѣзаннаго рѣками и рѣчками, ни для кого невозможно. Съ пребываніемъ здѣсь преосвященнаго, въ Петропавловскомъ портѣ была новая жизнь. Въ каждый праздничный день архіерейское служеніе, удовольствіе видѣть въ Камчаткѣ преосвященнаго, прогуливающагося по облегающимъ портъ горамъ и перешейкамъ, посѣщеніе

имъ, во всей простотѣ, жителей порта, безъ различія званій, его веселый нравъ, его или назидательный, въ нравственномъ отношеніи, разговоръ, или замѣчательные для жизни практическіе уроки,—все это до того привязало къ нему обитателей Петропавловска, что они говорили и чувствовали, что съ отъѣздомъ Иннокентія, пустыня наша опять превратится въ пустыню. Находчивость преосвященнаго, а иногда острое безобидное словцо, породили даже нѣсколько анекдотовъ, долго оставшихся въ памяти нашей. Напримѣръ: еще до его прибытія, между Духовнымъ правленіемъ и начальникомъ Камчатки возникла переписка, въ которой столоначальникъ правленія наименованъ былъ служебнымъ лицомъ. Начальникъ Камчатки возразилъ правленію, что столоначальникъ, не имѣющій чина, не можетъ быть названъ лицомъ. Возраженіе показалось преосвященному очень забавнымъ, и онъ забавнымъ образомъ вразумилъ возражавшаго. Въ одно время собесѣдованія въ своей квартирѣ съ начальникомъ Камчатки, преосвященный Иннокентій спросилъ его: почему бы столоначальникъ Духовнаго правленія не могъ назваться лицомъ?— «Потому», отвѣчалъ правитель края, «что такъ могутъ называться только люди чиновные».—«Странная привилегія,» сказалъ преосвященный, «усвоенная только двумъ сословіямъ,— чиновникамъ и ссыльно-каторжнымъ!» И, взявъ съ окна сводъ законовъ, прочиталъ, какъ бы ненарокомъ попавшуюся, статью изъ устава о ссыльныхъ, въ которой сказано: «издержки на пересылку означенныхъ лицъ производятся по особымъ таксамъ».—Еще забавный случай: Флотскій офицеръ, коротавшій съ преосвященнымъ охотскую дорогу, А. Н. Рыдалевъ заявляется ко мнѣ съ скорбнымъ словомъ, что у него остановились карманные часы, жалованные ему, и некому ихъ поправить. «Можно-ли», спрашиваетъ меня, «отнестись съ этимъ къ преосвященному?» — «Не знаю», отвѣчаю я, «прилично-ли напоминать архіерею, что онъ часовой мастеръ; да, вѣроятно, при немъ нѣтъ и инструментовъ, нужныхъ для поправленія карманныхъ часовъ».—Что же? Рыдалевъ придумалъ маневръ: пригласилъ преосвященнаго обѣдать и выложилъ часы на комодѣ—на видномъ мѣстѣ, гдѣ бы они обратили вниманіе, вообще, съ особеннымъ любопытствомъ относившагося къ подобнымъ вещамъ, гостя. Преосвященный Иннокентій, дѣйствительно, подошелъ къ комоду, взялъ часы въ руки, а хозяинъ только и выжидалъ этого момента,—и излилъ свою жалобу, что часы доро-

гіе, притомъ ему жалованные, остановились другую недѣлю, а поправить здѣсь некому. Преосвященный, прислонившись спиною къ комоду, держалъ часы, и чрезъ минуту позвалъ суетившагося хозяина: «Алексѣй Никифоровичъ! Сами знайте, и другимъ скажите, что незаведенные часы никогда не ходятъ».—Вся испорченность оказалась въ томъ, что часы не были заведены, тогда какъ на владѣльцѣ ихъ лежала спеціальная по порту обязанность—регулировать хронометрами и часами.—Взрывъ смѣха послужилъ гостямъ къ возбужденію лучшаго аппетита.»

«Около половины ноября, стала устанавливаться на полуостровѣ», продолжаетъ прот. Громовъ, «зимняя дорога, о чемъ первый возвѣстилъ братъ преосвященнаго, отецъ Стефанъ Веніаминовъ, прибывшій въ портъ изъ своей пустыни, съ рѣки Лѣсной, для свиданія съ братомъ архіереемъ. Погостивъ здѣсь немного дней, онъ отправился обратно, чтобы изготовить пути грядущему архипастырю. Въ день святителя Иркутскаго Иннокентія, 26 ноября, всегда праздновавшійся въ Камчаткѣ съ особенною торжественностію, преосвященный Иннокентій праздновалъ и день своего тезоименитства. Все, сколько нибудь почетное въ портѣ, было приглашено на праздникъ, гдѣ владыка, благодаря за любовь и расположеніе къ нему всѣхъ и каждаго, явился тѣмъ русскимъ, радушнымъ угостителемъ, о которомъ память и въ этомъ отношеніи сохранялась у насъ на долгія времена. Наконецъ, 29 ноября было днемъ отбытія преосв. Иннокентія изъ Петропавловскаго порта. «Что мнѣ нужно въ дорогу?» спрашивалъ онъ у меня, какъ уже восемь разъ объѣхавшаго кругомъ полуостровъ Камчатку. Указавъ ему на предметы приготовленія первой важности, я прибавилъ: Надобно имѣть при себѣ въ нартѣ запасецъ джину, хлѣбца и юколки, на тѣ случаи, если бы поѣзду довелось разбиться пургою не на короткое время и съѣстные припасы остались бы далеко. Да еще, присовокупилъ я, необходимо имѣть при себѣ подъ кухлянкою бутылку воды (иначе она замерзнетъ), на случай утоленія жажды.—«Ха! ха! ха!» произнесъ владыка: «поѣдемъ постоянно по рѣкамъ, и нужно еще запасаться водою!»—Какъ угодно, былъ мой отвѣтъ.—На прощаньи, преосвященный подарилъ мнѣ сочиненное и переведенное имъ на Алеутско-Лисьевскій языкъ «Указаніе пути въ Царствіе Небесное», въ богатомъ переплетѣ, съ такою собственноручною его надписью: «Прокопію Васильеви-

чу Громову, отъ сочинителя. Петропавловскъ, ноября 29, 1842 года». Затѣмъ, приказалъ мнѣ отправить изъ порта полугодовую зимнюю почту, которая отходила въ декабрѣ, и соединиться съ нимъ на полуостровѣ, гдѣ доведется.

Съ этою почтою былъ посланъ преосвященнымъ Иннокентіемъ въ св. Сѵнодъ отчетъ о своемъ обозрѣніи Петропавловскаго порта, въ трехмѣсячное пребываніе его тамъ: «Петропавловскій приходъ», читаемъ въ этомъ отчетѣ, «состоитъ изъ 852 душъ, въ семъ числѣ большая часть заѣзжихъ изъ Россіи чиновниковъ и служащихъ; собственно же Камчадаловъ очень немного (80 душъ). О здѣшнихъ чиновникахъ можно сказать, что они усердны къ церкви Божіей, въ церковь ходятъ во всякій праздникъ, многіе даже къ заутрени; любятъ слушать поученія, къ священникамъ почтительны и живутъ между собою мирно: по крайней мѣрѣ, не слышно между ними вражды и ссоры. Духовенство здѣшнее—очень хорошее. Протоіерей человѣкъ ученый, строгій, дѣятельный и благонамѣренный; его дѣятельности и настойчивости надобно отнести многое относительно духовенства и даже относительно усердія чиновниковъ къ церкви, которые, по прибытіи сюда, были совсѣмъ не таковы, какъ нынѣ. По дѣламъ церкви найдена примѣрная исправность: архивъ цѣлъ и въ лучшемъ порядкѣ; ризница и утварь въ чистотѣ и въ приличныхъ мѣстахъ; приходорасходныя книги исправны и чисты; вклады церковные значительны. Все это надобно отнести къ дѣятельности благочиннаго. Камчатское Духовное Правленіе, по осмотрѣ его, оказалось: 1) Архивъ и всѣ дѣла въ должномъ порядкѣ, но, за неимѣніемъ мѣста, хранятся въ той же камерѣ. 2) Дѣла, какъ-то: журналы, протоколы и проч., исправны и производятся своевременно и согласно судебному порядку; нерѣшенныхъ дѣлъ нѣтъ ни одного, и въ рѣшеніяхъ и резолюціяхъ не усмотрѣно ничего противнаго законамъ, кромѣ небольшихъ отступленій въ формахъ, но этого требуютъ мѣстныя обстоятельства. 3) Книги переходящихъ суммъ, окладной штатной суммы, и прочія капитальныя книги исправны и съ вѣдомостями вѣрны; остающіяся по книгамъ деньги всѣ на лицо. 4) При всѣхъ недостаткахъ средствъ и трудности сношеній, по дѣламъ отчетности нѣтъ ни малѣйшаго замѣчанія даже отъ Казенной палаты».

«Излишне говорить», пишетъ прот. Громовъ,— «съ какими выраженіями любви и привязанности къ преосвященному Иннокентію и сожалѣнія

о разлукѣ съ нимъ провожали его до перваго, въ 12 верстахъ отъ порта, селенія Авачинскаго начальникъ Камчатки, флотскіе и гражданскіе чины, духовенство портовое и купечество,—и здѣсь приняли его послѣднее благословеніе и отеческое цѣлованіе. Преосвященному Иннокентію, совершившему болѣе 2000 верстъ на верховыхъ лошадяхъ, проплывшему океаны, предлежалъ теперь новый путь—на собакахъ, еще имъ неизвѣданный, если не брать въ разсчетъ случаи, когда его, какъ одного изъ архіереевъ,—обыкновенно подъѣзжающихъ къ церквамъ для служенія въ каретахъ четвернею добрыхъ коней,—подвозили для служенія къ Камчатскому собору въ нарточкѣ на собакахъ, коль скоро не было возможности по причинѣ уброда (рыхлый, свѣжій, глубокій снѣгъ) идти ему пѣшкомъ».

5-го декабря 1842 г., преосвященный былъ уже въ селѣ Мильковѣ, въ Камчатской области, въ 350 верстахъ отъ Петропавловскаго порта. По пріѣздѣ въ Мильково, преосвященнымъ Иннокентіемъ было совершено архіерейское служеніе въ Мильковской Богоявленской церквѣ. Верхне-камчатская, нынѣ Мильковская Богоявленская церковь устроена изъ бывшаго здѣсь ранѣе молитвеннаго дома, освященнаго архимандритомъ Іоасафомъ Хотунцевскимъ, 23 декабря 1746 г., во имя Богоявленія Господня. Затѣмъ храмъ сей былъ смытъ разливомъ р. Камчатки и снова былъ построенъ, и когда пришелъ въ ветхость, то приняты были во вниманіе обстоятельства, что церковь здѣсь не безопасна отъ наводненій; потому она была перенесена внизъ по рѣкѣ, за 12 верстъ, въ заимку пашенныхъ крестьянъ, именуемую Мильково, отъ небольшой сего имени рѣчки, вливающейся въ р. Камчатку. Такимъ образомъ первая Мильковская церковь освящена 13 января 1823 г., въ прежнее наименованіе Богоявленія Господня. Въ 1850 году она замѣнена новою. Примѣчательныя вещи при сей церкви: 1) Колоколъ, съ надписью: «1727 года генваря 1 дня, купленъ сей колоколъ въ Москвѣ на Камчатку, Нижній Острогъ, къ церкви святителя Николая Чудотворца, вѣсу въ немъ 3 пуда». 2) Красная бархатная травчатая священническая риза, съ надписью на подкладкѣ: «отъ обители святителя Иннокентія, 1825 г. мая 7 дня, во время настоятеля архимандрита Никодима». (*Труды Кіевск. Дух. Акад. 1861 г.*) Изъ Милькова преосвященный Иннокентій писалъ митрополиту Московскому Филарету: «Послѣ

послѣдняго письма моего къ вашему высокопреосвященству, случилось слѣдующее: Колоши и Чукчи начали принимать христіанство, и принимать совершенно безъ всякихъ видовъ корысти. Вскорѣ по отбытіи моемъ изъ Ситхи, въ одинъ день окрещено 16 человѣкъ Колошъ, и до 70 осталось еще готовыхъ. Въ Камчаткѣ, въ семъ году, начали креститься Чукчи, зашедшіе въ сію область въ 1838 и 1839 году. Чукчи страшны для Камчадалъ, и справедливо: одинъ изъ Чукочъ Чинникъ цѣлую ночь буйствовалъ даже въ Тигильской крѣпости. И этотъ самый Чукча первый явился къ священнику Стефану Веніаминову (брату моему родному), съ которымъ онъ былъ знакомъ, и котораго онъ за что-то любилъ (Камчатскій благочинный говоритъ, что за его добрую жизнь: слава Богу!), просилъ и принялъ отъ него св. крещеніе наканунѣ св. Пасхи; новокрещенный Чинникъ на завтра привелъ еще одного, а потомъ трехъ Чукочъ, которые всѣ крещены. Священникъ Веніаминовъ надѣется, что всѣ Чукчи, кочующіе въ его приходѣ (до 40 душъ), будутъ окрещены. На западномъ берегу Камчатки, священникъ Кокшарскій окрестилъ два семейства Чукочъ. Крещеніе Чукочъ въ Камчатской области есть дѣло совершенно новое. И потому оно подаетъ надежду, что и прочіе Чукчи, если только обратить надлежащее вниманіе на нихъ, не будутъ глухи къ слову Божію.

Изъ Ситхи отправился я 5-го мая, и былъ на островахъ: Уналашкѣ, Атхѣ, Унгѣ, Прибыловыхъ и на островѣ Беринговомъ. Въ Уналашку прибыли мы въ день Вознесенія Господня, въ 7 часовъ утра, въ храмовой праздникъ. Это я считаю новымъ знаменіемъ милости Господней ко мнѣ. Здѣсь, до прибытія моего, ничего не знали ни объ открытіи епархіи, ни обо мнѣ, и все стало извѣстно въ этотъ день, въ который я и отслужилъ. Подобнаго примѣра нѣтъ. Не умѣю высказать всего того, что чувствовалъ я и добрые Алеуты въ этотъ день. Въ Камчатку прибыли мы 18-го августа, гдѣ и проживалъ я до 20 ноября 1842 г.: ранѣе отправиться не было возможности. Путешествіе наше началось благополучно. Въ Охотскъ я надѣюсь пріѣхать въ послѣднихъ числахъ марта, не ранѣе». *(Прибавл. къ изд. Твор. св. Отцовъ, ч. I, стр. 451—452. 1843).*

Въ половинѣ декабря 1842 года, протоіерей Громовъ, сдавши, по приказанію преосвященнаго Иннокентія, оставленныя имъ бумаги въ почтовую контору Петропавловскаго порта, направилъ путь свой во слѣдъ

владыки, по восточной сторонѣ полуострова. «Но проѣхавъ 400 верстъ», разсказываетъ прот. Громовъ (*Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 28*), «встрѣченъ былъ депешею, въ которой преосвященный писалъ, что, по обозрѣнію имъ трехъ церквей: Мильковской-Богоявленской, Ключевской-Троицкой и Нижне-Камчатской-Успенской, далѣе въ сѣверъ простираться не можетъ, по безкормицѣ для людей и для собакъ, по случаю неулова рыбы въ прошедшемъ лѣтѣ, и долженъ обратиться назадъ по направленію къ западному берегу—къ Большерѣцку, гдѣ и долженъ я его ожидать. Декабря 23 дня, поутру, я былъ уже въ Большерѣцкѣ, а вечеромъ прибылъ сюда и преосвященный. Томился я ожиданіемъ отзыва отъ опытнаго зодчаго о построенной здѣсь мною безъ всякихъ смѣтъ, плановъ, фасадовъ, церкви, иждивеніемъ прихожанъ возведенной на мѣсто разобранной еще до моего пріѣзда въ Камчатку прежней, обветшавшей. Постройка не похулена. Затѣмъ сугубо свѣтелъ былъ для Большерѣцкихъ жителей и окрестныхъ Камчадаловъ праздникъ Рождества Спасителя. Въ первый разъ въ жизни сподобившись видѣть архіерея и архіерейское служеніе, они, стояще въ храмѣ, мнили стояти на небесахъ. На другой день праздника, 26 декабря, литургію, по назначенію преосвященнаго, совершалъ я соборнѣ со священниками, а владыко почему-то не приказалъ во всю литургію закрывать царскихъ вратъ. Остатокъ дня посвященъ былъ преосвященнымъ на ревизію церкви и дѣлъ церковныхъ, а вечеръ—на экзаменовку дѣтей, обучавшихся въ домѣ мѣстнаго священника. Успѣхи были до того удовлетворительны, что преосвященный исходатайствовалъ отъ портоваго начальства учителю священнику въ награду 200 рублей. Храмъ въ Большерѣцкѣ возобновлялся 4 раза. Въ первый разъ освященъ былъ во имя Успенія Божіей Матери 15 марта 1741 г., въ 4-й же разъ строенъ и освященъ 22 января 1838 г.

При сей церкви имѣются достопримѣчательности: кромѣ диптиха или синодика, посланнаго изъ Москвы отъ монаха Козыревскаго, составленнаго по образцу синодика Московскаго Успенскаго Собора, есть примѣчательное Евангеліе, въ большой листъ, въ богато-оправленныхъ серебромъ съ позолотою дскахъ, печатанное въ іюнѣ 1730 г.; на немъ по листамъ написано рукою Сибирскаго митрополита: «Року Божія 1734, мѣсяца февруарія 3 дня, приложилъ книгу сію, святое Евангеліе, за спасеніе души своей въ Кам-

чадальскую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы преосвященный митрополитъ Тобольскій и Сибирскій Антоній Стаховскій». Явно, добавляетъ прот. Громовъ,—что Евангеліе отъ митрополита въ Большерѣцкой церкви не на своемъ мѣстѣ. *(Труды Кіевск. Дух. Акад., ст. пр. Громова, 1861 г.)*

Изъ Большерѣцка, далѣе въ сѣверъ, преосвященный Иннокентій выѣхалъ на третій день праздника, т. е. 27 декабря, въ 7 часовъ утра. Вотъ какъ описываетъ протоіерей Громовъ ѣзду на собакахъ: «Приспособленныхъ къ ѣздѣ на собакахъ экипажей три: первый—санка: это не иное что, какъ сѣдло изъ прутьевъ, поставленное на копылки, утверждаемые въ легкихъ, тоненькихъ полозкахъ. Второй—нарта, то же что дровни, или дѣтскія салазки въ увеличенномъ размѣрѣ. И наконецъ повозочка, тоже нарта, покрытая накладушкою изъ юфтевой или нерпечьей кожи, или, по крайней мѣрѣ, изъ парусины, смотря по состоянію путника, снабжаемая заметомъ; у болѣе роскошной повозочки назади оконце стеклянное или слюдяное, на тотъ конецъ, чтобъ въ случаѣ медленной ѣзды по снѣжному уброду можно было отъ скуки что нибудь почитать. Санка употребляется для легкой ѣзды или для прогулки, и на ней помѣщается только одинъ человѣкъ. Нарта служитъ для провоза тяжестей, а повозочка—для проѣзда лицъ привилегированныхъ, въ которой тоже помѣщается только одинъ человѣкъ, притомъ такъ, что въ ней ни пошевелиться, ни поворотиться: которую, поэтому, преосвященный Иннокентій и именовалъ гробомъ въ снѣговой могилѣ. Впрочемъ, у повозочки есть мѣсто на передкѣ для каюра (управляющаго собаками), снабженнаго оштоломъ—искривленною палкою, которая служитъ въ рукахъ его и для сохраненія равновѣсія повозочки на неровныхъ мѣстахъ, подставляемая подъ копылъ, и, при спускѣ съ горъ, замѣняетъ тормазъ. Для санки достаточно 5 собакъ хорошихъ, а подъ нарту и повозочку подпрягается отъ 14 до 20 собакъ, смотря по тяжести и качеству животныхъ. Онѣ, нанизанныя попарно на прикрѣпленный къ нартѣ потягъ—длинный ремень,—управляются голосомъ каюра: «гкахъ! гкахъ! (направо), гхугъ! гхугъ! (налѣво), хна! (стой). А для привычныхъ собакъ достаточно каюру поколотить молча оштоломъ объ ту или другую сторону санки или нарты, и собаки направляются по этому указанію направо или налѣво. Въ нашемъ поѣздѣ было 12 повозочекъ, въ которыхъ помѣщались:

преосвященный, я, взятый изъ Большерѣцка священникъ, іеродіаконъ, иподіаконы, келейники и пѣвчіе; да для клади 4 нарты. Полагая для 16 экипажей, среднимъ числомъ, по 15 собакъ для каждаго, для всей кавалькады требовалось около 300 собакъ. У моей повозочки привязанъ былъ колокольчикъ, съ тою цѣлію чтобъ, въ случаѣ надобности во мнѣ преосвященному, удобнѣе было отыскать меня среди тянувшихся гусемъ, на протяженіи 200 саженей, повозочекъ»

Караванъ сей, по выѣздѣ изъ Большерѣцка, имѣлъ остановку въ Утинскомъ острожкѣ (Камчадальскомъ селеніи), для перемѣны собакъ и для подкрѣпленія себя, чѣмъ Богъ послалъ; вечеромъ прибыли въ слѣдующій острожекъ—Кигчигинскій, которымъ оканчивается, къ сѣверу, приходъ Большерѣцкой Успенской церкви. А 28-го, рано поутру, пріѣхали въ Коловской острожекъ, которымъ начинается приходъ Ичинской Вознесенской церкви. Ичинская Вознесенская церковь, при р. Ичѣ, въ теченіи 88 лѣтъ, созидалась шесть разъ. Первый разъ была освящена 3 февраля 1752 г. и послѣдній разъ— 27 января 1837 г. (*Труды Кіевск. Духовн. Акад. 1861 г.*) При сей церкви былъ въ это время священникомъ Александръ, внукъ сосланнаго сюда, въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, лейбъ-гвардіи сержанта Ивана Сновидова. Къ несчастію, потомокъ наслѣдовалъ военные пріемы дѣда и, бывъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрно исправнымъ священникомъ, обращался съ прихожанами Камчадалами, особенно съ молодыми, высокомѣрно и недоступно. Это замѣтилъ я», говоритъ Громовъ, «съ перваго моего посѣщенія Ичинской церкви, еще въ 1835 году. Давалъ гордецу наставленія и даже указывалъ на неблагопріятныя для него послѣдствія, если онъ не перемѣнитъ своихъ отношеній къ Камчадаламъ, по природѣ тихимъ, кроткимъ, безмолвнымъ. Когда же внушенія мои, въ теченіи 5 лѣтъ, не достигли своей цѣли, то въ 1840 году я сдѣлалъ представленіе Иркутскому преосвященному Нилу о необходимости перемѣстить Ичинскаго священника въ другой приходъ. Но представленіе мое пришло въ Иркутскъ въ то время, когда черезъ него слѣдовалъ въ Америку новопоставленный въ Камчатку епископъ Иннокентій, которому оно и было передано отъ преосвященнаго Нила. Въ 1841 году получено было мною отъ преосвященнаго Иннокентія изъ Охотска такое предписаніе, чтобъ Ичинскаго священника не трогать, такъ какъ имъ недовольны лишь

молодые Камчадалы, а старые на него не жалуются. Въ такомъ положеніи осталось дѣло до прибытія преосвященнаго въ Камчатку, и по прибытіи до половины ноября 1842 г., о которомъ не упоминалъ никогда владыка даже въ разговорѣ. Но за половину ноября, въ одно время, когда мы раздѣляли съ нимъ трапезу, онъ вдругъ выразился: «да, надобно проучить Ичинскаго священника»! Развѣ къ вашему преосвященству поступили новыя на него жалобы?—спросилъ я.— «Новыхъ жалобъ не поступало, но я знаю, что онъ употребляетъ церковныя суммы въ свою пользу, да еще и меня не признаетъ самостоятельнымъ архіереемъ, а считаетъ Иркутскимъ викаріемъ», сказалъ видимо разгоряченный владыка. И въ то же время, какъ мнѣ было извѣстно стороною, владыка затребовалъ отъ начальника Камчатки депутата на предметъ производства въ Ичинскомъ селеніи слѣдствія. Начиная отъ Большерѣцка, я останавливался въ одной со владыкою избѣ тоена (правитель селенія). Но когда пріѣхали на Колъ, то я предположилъ, что преосвященный отсюда начнетъ собирать свѣдѣнія о приходскомъ Ичинскомъ священникѣ, и дабы не стѣснять его, я остановился въ другой камчадальской избѣ,—и предположеніе мое было безошибочно. Когда хозяева моей избы, бывшіе у владыки за принятіемъ благословенія, возвратились, то я замѣтилъ ихъ унылыя лица, и на вопросъ о причинѣ получилъ въ отвѣтъ: «вишь, онъ сердитый!» Простодушные, чистосердечные Камчадалы вообще боятся всякаго призрака слѣдственныхъ дѣлъ, потому вопросами преосвященнаго о священникѣ они поставлены были въ неожиданное, тяжкое для нихъ положеніе. Затѣмъ я пошелъ къ преосвященному принять благословеніе и пить чай,—нашелъ его благодушнымъ по прежнему. Но о спросахъ и отвѣтахъ не было слова. То же, относительно квартиры, наблюдалъ я и въ слѣдующихъ, принадлежащихъ къ Ичинскому приходу, острожкахъ—Воровскомъ, Крутогоровскомъ и Облукиновскомъ. Въ послѣдній предъ Ичею Кошпаковскій острожекъ пріѣхали мы 30 декабря рано поутру, до свѣта. Здѣсь ожидалъ уже владыку Ичинскій священникъ, былъ принятъ благосклонно и получилъ приказаніе отправляться впередъ и приготовить что нужно для встрѣчи въ церкви. Наконецъ, часовъ въ 12 дня, пріѣхали въ острожекъ Ичинскій, гдѣ уже дожидался депутатъ отъ порта, А. Н. Рыдалевъ. По входѣ въ церковь и послѣ краткаго молебствія, преосвященный въ

мантіи съ каѳедры сдѣлалъ общій спросъ въ многолюдствѣ собраннымъ прихожанамъ: «довольны ли они священникомъ?» Всѣ отвѣчали: довольны!—Къ тому выступило еще нѣсколько молодыхъ Камчадаловъ, которые просили прощенія въ томъ, что прежде изъявляли на священника неудовольствіе по своей глупости. «Что вы, отецъ Александръ, на это скажете»? обратился преосвященный къ священнику. Я ихъ отъ чистой души прощаю,—отвѣчалъ священникъ. Тѣмъ на сей день дѣло и кончилось. На завтра, 31 декабря 1842 года, преосвященный пошелъ въ церковь. Найдя и храмъ и всѣ дѣла въ порядкѣ, онъ обратился къ одному изъ бывшихъ тутъ тоеновъ съ какимъ-то вопросомъ, относительно священника, и священника попуталъ здѣсь грѣхъ. Подойдя къ тоену, онъ что-то сказалъ ему на ухо. Преосвященный спросилъ тоена: что онъ ему шепчетъ? Тоенъ отвѣчалъ, что священникъ шепнулъ ему: «не все говори, что знаешь». «А, такъ ты учишь прихожанъ меня обманывать» !—сказалъ преосвященный, и тутъ же объявилъ ему запрещеніе священнослуженія. Затѣмъ приказалъ мнѣ съ Большерѣцкимъ священникомъ, съ іеродіакономъ и съ г. Рыдалевымъ произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ священника. Здѣсь встрѣтилось непредвидѣнное обстоятельство. Приходъ Ичинскій чисто Камчадальскій, безъ малѣйшей примѣси русскихъ. А какъ Камчадалы вообще незнакомы съ печеніемъ хлѣба, то просфирнею, по необходимости, была жена священника. Огорченная опалою мужа, она прислала заявить мнѣ, что съ новаго года, т. е. съ завтрашняго дня, не беретъ на себя печеніе просфоръ. Слѣдовательно, доложилъ я владыкѣ, завтра, въ Новый годъ, должно быть безъ литургіи.—«Ну, сказалъ онъ, устройте какъ нибудь, чтобъ къ завтрему были просфоры». Оставалось одно—идти просить жену священника, и только по настоятельной просьбѣ, просфоры были приготовлены. Въ первый день новаго 1843 г. Ичинскій храмъ огласился архіерейскимъ служеніемъ литургіи. Послѣ литургіи, г. Рыдалевъ въ своей квартирѣ приготовилъ для владыки обѣдъ, изъ привезенныхъ изъ порта запасовъ. Преосвященный былъ веселъ, и даже, послѣ обѣда, полюбопытствовалъ видѣть мое умѣнье ѣздить одиночно на собакахъ. Санка была готова. Чтобъ удовлетворить любопытству, я тутъ же, вмѣсто требуемыхъ для ѣзды куклянки и малахая, сѣлъ на санку въ шелковой рясѣ голубаго цвѣта, со скуфьею на головѣ, и пронесся по селенію съ оштоломъ въ

рувахъ. Искусно ѣздилъ я на собачкахъ. На завтра, 2 января 1843 года, начато порученное слѣдствіе. На вопросъ Камчадаламъ: «не присвоивалъ-ли себѣ священникъ Александръ Сновидовъ церковныхъ денегъ или прикладныхъ звѣрей?» Камчадалы отвѣчали: это неправда, у священника безъ того животовъ (имѣнія) много, дѣтей нѣтъ, и онъ скорѣе готовъ дать отъ себя, чѣмъ брать церковное. То же подтвердили и молодые парни, извѣстные своимъ неудовольствіемъ на священника. Со всею подробностью и точностью обревизованные церковные отчеты удостовѣрили данное показаніе. Опустительности въ исправленіи требъ не открыто. Одна вина оставалась на священникѣ—что онъ былъ грубъ въ обращеніи съ прихожанами. Слѣдствіе представлено преосвященному; онъ приказалъ передать оное въ Камчатское Духовное Правленіе, для положенія мнѣнія. И впредь до распоряженія владыки, завѣдывать Ичинскимъ приходомъ оставленъ священникъ изъ Большерѣцка. Священникъ же Сновидовъ, сверхъ запрещенія ему служенія, за неуживчивость, выселенъ былъ въ Большерѣцкъ, гдѣ онъ, не дождавшись резолюціи Камчатскаго Духовнаго Правленія, умеръ, и тѣмъ дѣло и прекратилось.

Производство слѣдствія задержало преосвященнаго Иннокентія на Ичѣ до дня Богоявленія. Наканунѣ праздника, владыка слушалъ всенощную, выходилъ на литію и раздавалъ народу благословенный хлѣбъ. Въ день Богоявленія, 6 января 1843 года, имъ была совершена вторая литургія, и на рѣкѣ Ичѣ совершено освященіе воды. Страшная была пурга. 7 января 1843 года, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Ичи. Въ первомъ, по выѣздѣ изъ Ичинскаго селенія, Камчадальскомъ острожкѣ Сопочномъ, по распоряженію владыки, мнѣ надлежало отстать отъ общаго поѣзда, для исправленія мірскихъ требъ въ лежащихъ на пути Камчадальскихъ селеніяхъ Ичинскаго прихода: въ Морошечномъ, Бѣлоголовскомъ и Хайрюзовскомъ, для посѣщенія которыхъ въ послѣднее время мѣстный священникъ не могъ отлучиться отъ церкви, въ ожиданіи преосвященнаго. На третьи сутки преосвященный ожидалъ меня въ острожкѣ Кавранскомъ, которымъ начинается приходъ Тигильской Христорождественской церкви. Здѣсь пообѣдали. Пользуясь гладкою, по берегу Пенжинской губы, дорогою и спокойною ѣздою, я крѣпко заснулъ въ своемъ гробикѣ, и проснулся томимый сильною жаждою, такъ какъ обѣдъ нашъ состоялъ большею частію изъ соленаго. Напив-

шись изъ бывшей при мнѣ бутылки воды, остатки вылилъ я на снѣгъ, въ томъ разсчетѣ, что, по часамъ моимъ, оказывалось до слѣдующаго Укхолокскаго острожка не болѣе верстъ четырехъ ѣзды,—полчаса времени. Вдругъ слышу позади голосъ преосвященнаго: «отецъ протоіерей! Стражду въ пламени семъ,—дайте воды!» Сейчасъ только вылилъ ее, отвѣчалъ я.— «Ахъ ты злодѣй», сказалъ, шутя, владыка. По пріѣздѣ въ селеніе, первое его слово келейнику было: «запасай для меня бутылку съ водою!» Изъ Укхолоки пріѣхали въ Напанскій острожекъ, а отсюда, 10 января, въ бывшую Тигильскую крѣпость, названную отъ имени р. Тигиля, служившую встарину охраною отъ набѣга Корякъ и теперь представлявшую изъ себя разбросанную деревеньку. Здѣсь, 12 января, преосвященнымъ была совершена литургія въ Тигильскомъ храмѣ, и рукоположенъ въ санъ священника Алексѣй Логиновъ, который и оставленъ здѣсь на служеніе, а Тигильскій священникъ Ѳедоръ Верещагинъ перемѣщенъ къ Ичинской церкви.»

Тигильская Христорождественская церковь была построена въ 1752 г.; она стоитъ на правомъ берегу рѣки Тигиля, впадающей въ Охотское море. Послѣ четырехъ пожаровъ, она нѣсколько разъ воздвигалась,— и въ послѣдній—съ благословенія преосвященнаго Иннокентія, въ 1850 году. Примѣчателенъ при сей церкви образъ Спасителя во узахъ. Онъ привезенъ въ 1776 году. Среди пожаровъ, истребившихъ все церковное достояніе, образъ сей уцѣлѣлъ *(Труды Кіевск. Ак. 1861.)* По прибытіи въ Тигиль, владыка желалъ побесѣдовать съ Коряцкими старшинами, кочевавшими въ 30 верстахъ отъ Тигиля съ табунами оленей. За ними послали. На другой день дано знать, что старшины ѣдутъ. «Какъ ихъ принять?» спрашивалъ у меня владыка:— «можно-ли угощать ихъ водкой?»—Ваше преосвященство, сказалъ я, вы можетъ быть, воображаете ихъ въ видѣ Иркутскихъ, Бурятскихъ тайшей—въ парчевыхъ, опушенныхъ бобрами, шубахъ и въ собольихъ шапкахъ? нѣтъ, это замарашки, ничѣмъ неотличающіеся отъ своихъ сородичей, въ потертыхъ куклянкахъ и въ такихъ же малахаяхъ,—которые придутъ къ вамъ, безъ церемоніи разсядутся на полу и закурятъ свои своеобразныя трубки; можете подарить имъ по листу табаку, а подать водки— Боже избави! Выпивши рюмку, для полученія другой, они готовы взять всякаго за горло.—Коряки явились, Авъява и Этекъ (имена ихъ), и обратились къ преосвященному съ единственнымъ, заученнымъ ими

изъ русскаго языка, словомъ: «здоробо». Затѣмъ сѣли на полъ, закурили трубки.... Преосвященный Иннокентій повелъ съ ними бесѣду.

«Ты имѣешь медаль», [1]) началъ преосвященный, обращаясь къ Этеку, — «почему же не надѣлъ ее»? «Я слышалъ», отвѣчалъ Этекъ, «что у тебя много медалей, и не посмѣлъ надѣть». — «Но ты и я», сказалъ Иннокентій, «имѣемъ медали отъ одного и того же Царя, стало быть, въ этомъ отношеніи мы равны». «Я этого не зналъ», — отвѣчалъ Этекъ. Затѣмъ, преосвященный спросилъ: «Что ихъ удерживаетъ отъ принятія крещенія»? Коряки отвѣчали: «На что креститься? Развѣ для того, чтобъ сдѣлаться такими же плутами, какъ крещеные Тигильскіе казаки, которые насъ обманываютъ, обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ, и чтобъ наши бабы стали такими же, какъ Тигильскія, которыхъ, по нашему, всѣхъ бы надо посадить на копье»? — «По крайней мѣрѣ», продолжалъ владыка, «не препятствуйте, если бы кто пожелалъ изъ вашихъ принять крещеніе». — «Мы никому не запрещаемъ», отвѣчали Коряки. Тѣмъ свиданіе кончилось. — Изъ Тигиля выѣхали 12 января вечеромъ. Отъ Тигиля до рѣки Лѣсной, при которой построенъ новый, на счетъ казны, храмъ святителя Николая, пять острожковъ: Оманинскій, Вайямпольскій, Кахтанинскій, Палланскій и Кинкильскій, шестый — Лѣсновскій, въ которомъ священствовалъ братъ преосвященнаго, Стефанъ Евсеевичъ Веніаминовъ. Сюда пріѣхали 15-го января. Благоустройство храма и самаго селенія не могли не обратить особеннаго вниманія преосвященнаго, тѣмъ болѣе, что все это было дѣломъ рукъ его брата. Древніе предначинали гостепріимство омовеніемъ у путниковъ ногъ. Страннопріимецъ отецъ Стефанъ приготовилъ для насъ, путниковъ, холодѣвшихъ болѣе мѣсяца въ глуби камчатскихъ снѣговъ, не менѣе благопотребное угощеніе, и чисто въ Камчадальскомъ духѣ: русскую баню, конечно, его же руками построенную, и — на славу. На 17 января, съ ве-

---

[1]) Въ 1838 г. по Палланскому берегу Камчатки, такъ именующемуся на протяженіи отъ Тигиля до р. Лѣсной, и получившему названіе отъ находящейся среди этого протяженія рѣки Паллана, Камчадалы бѣдствовали отъ неулова рыбы, и Этекъ, чтобы помочь имъ, держался въ этой мѣстности съ табуномъ оленей, которыми снабжалъ голодающихъ до тѣхъ поръ, пока они не дождались хорошаго улова рыбы. За сей подвигъ онъ награжденъ былъ монаршею милостію — золотою на аннинской лентѣ для ношенія на шеѣ медалью, которую, впрочемъ, съ трудомъ на него надѣли, — такъ мало честолюбивы дикари! Примѣч. прот. Громова.

чера, отправлено всенощное бдѣніе святителю Николаю, а на завтра совершена преосвященнымъ литургія на просфорахъ, разумѣется, приготовленныхъ братомъ. Преосвященный Иннокентій служилъ въ недорогомъ саккосѣ, подаренномъ ему въ Иркутскѣ, въ которомъ служилъ по воскреснымъ днямъ еще преосвященный Веніаминъ, скончавшійся въ 1814 году. Затѣмъ, нѣсколько дней посвящено было отдохновенію и приготовленію къ дальнѣйшему пути. Среди довольства, которымъ умѣлъ обстановить путниковъ лѣсновскій пустынникъ, и среди ненарушаемаго никакими служебными заботами препровожденія времени, иногда разнообразилъ бесѣды наши добродушный, откровенный и начитанный іеродіаконъ Николай своимъ совопросничествомъ. Напримѣръ: однажды преосвященный Иннокентій, страстный вѣрователь во френологію, разсказывалъ, какъ онъ, взглянувши въ первый разъ на московскаго Филарета, въ объемѣ его лба увидѣлъ признакъ необыкновеннаго ума; тогда іеродіаконъ воскликнулъ: «а какъ же, владыка, у насъ на Руси большую голову признаютъ, напротивъ, за безтолковую, и говорятъ: «экой ты большеголовый дуракъ»! И не смѣкнулъ простодушный, что у его собесѣдника голова очень велика. Мы едва удержались отъ смѣха. Въ другой разъ, во время обѣда, іеродіакону довелось сидѣть лицемъ на полдень; полуденное солнце ударяло ему прямо въ глаза. При разговорѣ о будущей жизни, іеродіаконъ возразилъ: «владыко! если Богъ безмѣрно милосердъ, то какъ же лишитъ онъ нѣкоторыхъ своего небеснаго царствія»?— «А ты что вертишь головою и не сидишь спокойно»? спросилъ его преосвященный.— «Да солнце прямо въ глаза, и не даетъ покоя», отвѣчалъ іеродіаконъ. «Вотъ тебѣ и отвѣтъ на твой вопросъ», сказалъ Иннокентій: «не Богъ лишитъ нераскаянныхъ грѣшниковъ небеснаго своего царствія, а они сами не вынесутъ его свѣта, какъ ты не выносишь свѣта солнечнаго». [1])

Не смотря на благоустройство Лѣсновскаго храма, преосвященный, по совѣту брата, рѣшилъ перенести оный ближе къ Тигилю, на рѣку Палланъ. Въ основаніе сего рѣшенія было принято, что рѣка Лѣсная очень скудна рыбою, а это затрудняетъ прожитіе здѣсь причта; Палланъ же рыбою изобилуетъ. И въ этомъ же 1843 году перенесеніе соверши-

[1]) Іерод. Николай умеръ въ Америкѣ, въ санѣ игумена миссіонера въ Кенаяхъ.

лось. Утромъ 24 января, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Лѣснаго. Дорога на сѣверо-востокъ составляетъ, верстъ на 70, незамѣтный подъемъ, который оканчивается обрывомъ хребта. Подъѣхавъ, уже подъ вечеръ, къ обрыву, у котораго дна не видно и по которому надлежало спускаться въ темное ущелье, преосвященный сказалъ: «ну, теперь я вижу физіономію Камчатки! Какъ же тутъ быть?» —Извольте, ваше преосвященство, сказалъ я, шубу снять и надѣть кухлянку (которая была у него въ запасѣ). Камчадальчики подвязали подъ торбаза (обувь) башлыки,—это въ родѣ подковокъ изъ желѣза, съ шипами,—потомъ обвели преосвященнаго ремнемъ и приготовились къ его спуску.—«А вы какъ спуститесь?» спросилъ у меня преосвященный.—По ребячьи, отвѣчалъ я: на оленьей шкурѣ, которая на мнѣ, скачусь внизъ, какъ ребята катаются на масляницѣ; а чтобъ не обнесло, возьму въ руки оштолъ, чтобъ въ случаѣ быстраго разноса, упереться и отдохнуть, и черезъ двѣ минуты буду на днѣ ущелія. Такъ я и сдѣлалъ, и снизу ущелія смотрѣлъ, какъ нѣсколько Камчадаловъ поддерживали концы ремня, которымъ обведенъ былъ преосвященный, а одинъ изъ нихъ вырубалъ предъ нимъ въ отвердѣвшемъ снѣгѣ ступню, гдѣ должна утверждаться нога. Такимъ образомъ и спустили преосвященнаго Иннокентія на дно ущелья. Обычная же церемонія при этомъ перевалѣ совершается такъ: собакъ, раздѣливши на купы, обматываютъ ремнями, чтобы не разбѣжались, и въ видѣ клубка каждую купу спускаютъ сверху хребта, и въ такомъ видѣ онѣ скатываются въ ущелье. Затѣмъ каждую нарту спускаютъ Камчадалы порознь, налегши на нее по два и болѣе человѣка, смотря по надобности. Эта операція продолжается часа два. Между тѣмъ въ ущельи, имѣющемъ саженей 50 въ длину и до 10 въ ширину, окруженномъ со всѣхъ четырехъ сторонъ хребтами и образующемъ четырехугольный ящикъ, изъ котораго тѣсный выходъ, въ сѣверномъ углу зажигаются костры, у которыхъ грѣются и приготовляютъ чай или другое что, для подкрѣпленія, проѣзжіе. Изъ стѣны восточнаго утеса бьетъ въ ущелье водопадъ, напоминающій источеніе воды изъ камня при путешествіи Израильтянъ, и изъ него беретъ начало рѣка Дранкинская, вливающаяся уже въ Восточный океанъ, тогда какъ всѣ рѣки на западной сторонѣ полуострова впадаютъ въ море Охотское. Семь разъ доводилось мнѣ переѣзжать черезъ Дранкинскій хребетъ и

съ западной, и съ восточной стороны,—гдѣ въ первомъ случаѣ задача въ томъ, какъ съ него спуститься, а во второмъ—какъ на него подняться по отвѣсной почти стѣнѣ, покрытой снѣгомъ. На собакахъ подниматься немыслимо; а пѣшкомъ, закладывая ногу въ вырубаемую топоромъ идущаго впереди Камчадала ступеньку въ крѣпко убитомъ снѣгѣ, рискуешь, при малѣйшей потерѣ равновѣсія, опрокинуться и слетѣть назадъ въ пропасть. Но во всѣ эти семь разъ дивныя высоты и глубокая пропасть оставляли въ памяти моей одну свою живописно-дикую картинность. Теперь же,—въ восьмой разъ,—дѣло иное. Въ этомъ, одномъ изъ глубочайшихъ ущелій Камчатки, какъ сейчасъ вижу епископа Иннокентія, въ темную зимнюю ночь, сидящаго въ одѣяніи изъ оленьихъ кожъ на камнѣ, освѣщаемаго заревомъ, отражающимся на вершинахъ горъ, окружающихъ пропасть, среди добродушныхъ дѣтей природы—Камчадаловъ, грызущихъ юколу, и между не одною сотнею маленькихъ ѣздовыхъ животныхъ, свернувшихся въ клубки и крѣпко заснувшихъ отъ утомленія. Ни одному изъ Русскихъ іерарховъ не доводилось еще вносить свое благословеніе въ подобныя юдоли! Первому архіерею, Иннокентію Камчатскому, предоставлена въ наше время честь олицетворить на себѣ начертанную апостоломъ Павломъ картину многотрудной жизни подвижниковъ вѣры: «Проидоша въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустынехъ скитающеся и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ».

Перекусивши, Камчадалы подремали, собачки отдохнули и тоже съѣли по юколѣ,—и за полночь потянулись мы изъ ущелья падью, которая сжимаетъ ѣдущихъ на нѣсколько верстъ. А около полудня 26 января, достигли Дранкинскаго острожка, стоящаго при рѣкѣ искони извѣстной подъ именемъ Юмгиной, но переименованной въ Дранкинскую по тому событію, что одного тоена дралъ здѣсь медвѣдь; страдалецъ получилъ названіе дранки, и оставилъ оное рѣкѣ и мѣстности. Дранкинскій острожекъ, въ сосѣдствѣ Берингова пролива, послѣднее Камчадальское селеніе, къ сѣверо-востоку,—и въ немъ послѣдній храмъ, принадлежавшій къ Камчатской области. Храмъ сей построенъ на счетъ казны, и 15 февраля 1836 года освященъ во имя покровителя Сибири, Иркутскаго чудотворца, глубоко чтимаго и въ Камчаткѣ, святителя Иннокентія.

Съ вечера 26 января 1843 года, въ Дранкинской церкви было отправлено бдѣніе святителю Иннокентію, а назавтра, 27 числа, совершена преосвященнымъ Иннокентіемъ литургія, въ концѣ которой предложилъ онъ обычное поученіе,—какъ дѣлалъ и во всѣхъ посѣщенныхъ имъ храмахъ,—и на которой приложены были напутственныя моленія за архипастыря, который долженъ былъ съ этой поры продолжать свое путешествіе еще глубже въ сѣверъ, по мѣстамъ безлюднымъ, среди разсѣянныхъ кое-гдѣ дикарей, по направленію къ Гижигѣ.

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Дранкинскаго селенія, преосвященный Иннокентій оставилъ Камчатскому Духовному правленію слѣдующій отзывъ о своихъ впечатлѣніяхъ, какія вынесъ онъ изъ обозрѣнія Камчатскихъ церквей и приходовъ. «Обозрѣвъ всѣ Камчатскія церкви, я вездѣ, кромѣ Ичинской (чего впрочемъ и ожидалъ), нашелъ очень хорошій порядокъ и примѣрную исправность, и что всего для меня пріятнѣе—то, что всѣ прихожане (кромѣ Ичинскихъ) своими священниками довольны. Все сіе отношу сколько ко вниманію и дѣятельности священниковъ, а болѣе къ бдительному надзору и благоразумному руководству отца благочиннаго. А потому правленіе имѣетъ отцу благочинному объявить полную мою архипастырскую признательность, со внесеніемъ въ его послужной списокъ, за его дѣятельное и благоразумное управленіе по ввѣренному ему благочинію, а всѣмъ священникамъ, кромѣ Александра Сновидова, дать знать указами, что я очень доволенъ ихъ добрымъ управленіемъ церковію и паствою, и незазорнымъ поведеніемъ». Затѣмъ, 28 января 1843 года, владыка, какъ заключаетъ свой разсказъ протоіерей Громовъ, «облобызалъ меня, благословилъ, и скрылся отъ очію нашею по берегу Берингова пролива въ глубокій сѣверъ. Въ тотъ же день и я предпринялъ путь обратно къ дому, въ Петропавловскій портъ, по восточной сторонѣ полуострова, на югъ. Одна замѣчательность на пути моемъ. На одномъ переѣздѣ застигла пурга, которая, можно сказать, смѣшиваетъ небо съ землею, не дозволяя видѣть впереди себя предметъ на полъаршина; къ счастію, мы наѣхали на одну землянку, каковыя на подобные случаи на обширныхъ тундрахъ, по мѣстамъ, подготовлены для бѣдствующихъ. Вползши въ это подземелье и освѣтивши его, на доскѣ, поддерживающей потолокъ, прочиталъ я слѣдующую, вырѣзанную ножемъ, надпись: «Здѣсь сутки спасался епископъ Иннокентій съ своею свитою отъ пурги.»

Пурга есть сильная мятель, сопровождаемая рѣзкимъ вѣтромъ и снѣгомъ. «Только тотъ можетъ имѣть о ней достаточное понятіе, говоритъ г. Булычевъ *(Пут. по восточн. Сибири)*, кто бывалъ въ Сибири, испыталъ на себѣ ея дѣйствіе, также какъ и тамошняго бурана, дѣйствующаго еще съ большею свирѣпостію и угрожающаго путнику преждевременною могилою въ снѣжныхъ сугробахъ».

3 апрѣля 1843 года, преосвященный Иннокентій, послѣ сдѣланнаго имъ труднаго путешествія по выѣздѣ изъ Дранкинскаго селенія, благополучно прибылъ въ Охотскъ, сдѣлавши, считая съ Петропавловска, болѣе пяти тысячъ верстъ на собакахъ и отчасти на оленяхъ. «Невозможно вообразить себѣ», говоритъ г. Булычевъ *(Пут. по восточн. Сибири)*, «всѣхъ бѣдствій путешественника, ѣдущаго на однѣхъ собакахъ нѣсколько сотъ верстъ по непроложенной снѣжной степи, въ морозъ, часто превосходящій 40°. Какъ описать мученія его во время вьюги, продолжающейся иногда нѣсколько дней сряду въ снѣжной, безпредѣльной, безлѣсной пустынѣ? Для спасенія отъ подобныхъ бѣдствій, на каждыхъ сорока или пятидесяти верстахъ построена юрта для убѣжища или ночлега путешественниковъ. Юрта эта есть бревенчатый срубъ, непрочно сдѣланный, въ которомъ поставленъ каминъ (чувалъ). Но часто случается, что путешественникамъ не удастся добраться до такаго пристанища до ночи; тогда они прорываютъ снѣгъ до земли, въ видѣ логовища, раскладываютъ огонь при самомъ входѣ его, и такимъ образомъ, въ снѣжной ямѣ, при неимовѣрныхъ холодахъ, должны проводить ночь и перемѣнять не только часть платья, но даже и бѣлье; ибо отъ испареній тѣла оно сырѣетъ и должно наконецъ замерзнуть, а какое платье и какіе мѣха могутъ защитить отъ Сибирскихъ морозовъ? Кромѣ этихъ и многихъ другихъ бѣдствій, какъ напр. поврежденія саней (нарты), потери слѣда и направленія, по которому ѣхать должно, проѣзжимъ угрожаетъ непрестанно опасность отъ встрѣчи медвѣдей или волковъ.»

Городъ Охотскъ былъ въ то время главнымъ городомъ округа и портомъ, чрезъ который Россійско-Американская Компанія отправляла въ колоніи Россійскія произведенія и получала отъ нихъ грузы пушныхъ товаровъ. Положеніемъ же своимъ Охотскъ не соотвѣтствовалъ цѣли своего существованія; вслѣдствіе сего правительство изыскивало средства къ удовлетворенію всѣхъ выгодныхъ условій, коихъ лишенъ былъ

Охотскій портъ, и съ 1838 года началась переписка о перенесеніи порта на урочище Булгинъ, въ 7 верстахъ отъ города. Но когда назначенъ былъ начальникомъ Охотской факторіи Россійско-Американской Компаніи капитанъ-лейтенантъ Василій Степановичъ Завойко (нынѣ контръ-адмиралъ), то онъ, по прибытіи своемъ на мѣсто служенія, какъ бывши въ то же время уполномоченнымъ тою же Компаніею, относительно перемѣщенія порта въ болѣе удобное мѣсто, по его усмотрѣнію, нашелъ, что предполагаемое перенесеніе факторіи на Булгинъ можетъ принести одни только убытки. На этомъ основаніи, соображаясь съ предварительными изслѣдованіями окрестныхъ мѣстностей, онъ представилъ въ главное правленіе свое мнѣніе—о перенесеніи факторіи въ заливъ Аянъ, какъ имѣющій болѣе преимуществъ противъ другихъ пунктовъ на берегахъ Охотскаго моря и какъ вполнѣ соотвѣтствовавшій желаемой цѣли. *(Путешествіе по Восточ Сибири. И. Булычева)*. Пріѣхавши въ Охотскъ, преосвященный Иннокентій тотчасъ же приступилъ къ устройству накопившихся многостороннихъ дѣлъ по епархіи, и въ особенности заботился о распространеніи проповѣдыванія христіанскаго ученія между кочующими племенами Тунгузовъ, дѣлалъ по оному распоряженія и строго слѣдилъ за исполненіемъ оныхъ. При такихъ многозаботныхъ и трудныхъ миссіонерскихъ дѣлахъ своихъ, сердце преосвященнаго Иннокентія не было покойно за своихъ дѣтей, удаленныхъ отъ него за десять тысячъ верстъ. Онъ и изъ такой, едва вообразимой дали не переставалъ руководить ихъ въ своихъ письмахъ къ добру и добронравію, къ труду, смиренію и терпѣнію. Такъ, отъ 22 іюля 1843 года, онъ пишетъ изъ Охотска къ сыну своему Гавріилу, обучавшемуся въ С.-Петербурской семинаріи: «Спасибо тебѣ за письмо твое отъ 18 марта 1842 года. Я весьма порадовался и радуюсь тому, что ты живешь хорошо и учишься прилежно; не ропщи и не сѣтуй, что у тебя способности не быстрыя. Все, что мы имѣемъ, Господь намъ далъ. Онъ знаетъ, для чего и почему тебѣ не даны отличныя способности. Но за то у тебя доброе сердце, а это въ тысячу разъ лучше способностей ума. Слѣдовательно, Господь не обидѣлъ и тебя. Смотри же, будь остороженъ и бдителенъ, и не закапывай этого драгоцѣннаго таланта твоего. Молись Богу; учись молиться Богу. Это главнѣйшая наука, особливо для того, кто готовится быть наставникомъ другихъ. Бога ради, храни себя въ чистотѣ: въ тысячу разъ

легче бороться со страстями до паденія; а падши разъ, дѣлаешься уже невольникомъ и рабомъ. Не связывайся съ тѣми, кто не охотникъ молиться Богу, какъ бы онъ ни былъ ученъ и уменъ. Ты просишь у меня денегъ. Я бы далъ тебѣ охотно; но гораздо будетъ лучше, если ты потерпишь нужду. Кто не испыталъ нуждъ, тотъ не можетъ вѣрить нуждающимся и тотъ худой хозяинъ, а худой хозяинъ—худой пастырь, и такъ далѣе. Впрочемъ, на крайнія нужды проси у отца Георгія. Я, слава Богу, здоровъ. Зимою проѣхалъ по Камчаткѣ и вотъ сбираюсь опять въ Америку, гдѣ и буду ждать отъ тебя писемъ и объ тебѣ хорошихъ отзывовъ. Господь съ тобою! Молись Ему, молись о себѣ, о братѣ, сестрахъ, о всѣхъ родныхъ и обо мнѣ.

P. S. Перешли письмо брату твоему; я ему писалъ прежде.»

Кромѣ дѣлъ по епархіи, преосвященный Иннокентій, какъ преданный Престолу и Отечеству, зорко слѣдилъ и за тѣми интересами правительства, которые и не входили въ кругъ его миссіонерской дѣятельности. Такъ, при обсужденіи дѣлъ относительно перенесенія факторіи изъ Охотска въ Аянскій заливъ, онъ принималъ самое живое участіе, и своими мудрыми совѣтами и указаніями много помогалъ дѣлу; а также и Амурскій вопросъ, въ то время снова подымавшійся, былъ ему не чуждъ, а очень близокъ къ сердцу, какъ свидѣтельствуетъ о томъ письмо В. С. Завойко къ Е. И. Веніаминовой *(15 янв. 1881 г.)*: «Спустя два года моего пребыванія въ Охотскѣ, преосвященный Иннокентій прибылъ изъ Камчатки на собакахъ въ Охотскъ и поселился конечно у меня, и на первыхъ же его словахъ обратился ко мнѣ: «А вы все еще здѣсь, въ Охотскѣ? А я чаялъ гостить у васъ на Аянѣ и, пожалуй, на Амурѣ.» Мой ему отвѣтъ: «Предлагаетъ начальство переселиться на Булгинъ, да я отписываюсь.—Экспедиція Орлова принесла неутѣшительныя новости: для порта мѣста у рѣки Амура удобнаго не отыскивается, а далѣе производить осмотръ на туземной лодкѣ невозможно.—Нечего дѣлать, приходится переселиться къ Аяну, и чтобы начальство скорѣй разрѣшило, требуется мнѣ лично съѣздить на Аянъ; а сдѣлать этого я не могу: бухгалтеръ выѣхалъ, магазинеръ и конторщикъ—пьяница, оставить имущества Компаніи не накого». На это преосвященный сказалъ: «И только-то вы имѣете препятствія?—такъ это еще слава Богу, я вамъ пособлю, и вамъ бухгалтера службу справлю; пожалуйте ключи,—я буду кассиромъ, магазинеромъ и самолично буду

ходить съ ключами, и какія закажете работы, я съ матросами справлюсь и всѣ работы съумѣю справить; а васъ благословляю въ путь для исполненія важнаго дѣла Россіи».—Я чрезъ два дня и отъѣхалъ моремъ на шлюпкѣ, китоловномъ вельботѣ, и когда наступилъ срокъ моего предполагаемаго возвращенія—меня нѣтъ! Иннокентій проводилъ дни на плацу съ трубой, а подъ конецъ и ночи; а море разбушевалось, понеслись горы ледяныя и затерло льдами море: и наконецъ онъ же первый замѣтилъ меня на льдинѣ и самолично распорядился матросами, спасъ меня, и закоченѣвшаго представилъ семьѣ моей и сказалъ: «Теперь я пойду помолюсь Богу, а какъ вы переодѣнетесь, прошу на общій молебенъ, и потомъ вы—въ баню, а я—спать: я уже нѣсколько ночей не спалъ на караулѣ и сокрушался». Такія событія, заключаетъ г. Завойко, насъ сроднили во взаимномъ нашемъ уваженіи другъ къ другу, и воспоминаніе этихъ событій меня разстроиваетъ, и я плачу».

За недѣлю до своего выѣзда изъ Охотска, преосвященный Иннокентій писалъ (отъ 1 августа 1843 года) къ своему покровителю, митрополиту Филарету: «Паства моя хотя не велика числомъ (до $18^1/_2$ тыс.), но не мала, даже очень не мала добрыми примѣрами. Не одни Алеуты, какъ я думалъ прежде, умѣютъ или умѣли дѣлиться послѣднею рыбою съ голодающими, не одни они терпѣливы, кротки, послушны, миролюбивы, набожны и проч. Почти всѣ народцы (названія народовъ они, по малочисленности своей, не стоятъ), живущіе въ предѣлахъ Камчатской епархіи, имѣютъ такія же качества; только по набожности и приверженности къ вѣрѣ и слышанію слова Божія, Алеуты стоятъ въ первомъ разрядѣ. Даже некрещенные Коряки и Чукчи имѣютъ много добрыхъ свойствъ и обычаевъ. Гостепріимство, уваженіе къ себѣ или къ своему доброму имени, честность въ данномъ словѣ, готовность помогать голодающимъ безъ всякаго вознагражденія,—есть общимъ обычаемъ едва ли не всѣхъ здѣшнихъ туземцевъ. Въ некрещенныхъ и независимыхъ видны слѣды древнихъ обычаевъ. Напримѣръ, у Коряковъ нарушеніе цѣломудрія наказывается смертію. Такъ напримѣръ, одинъ тоенъ, узнавъ, что дочь его, дѣвица, сдѣлалась беременна, не смотря на то, что она была его единственное дитя, велѣлъ ей самой наложить на себя руки, и она повиновалась. Но что у него есть сердце и что онъ отецъ,—онъ доказалъ это тѣмъ, что очень долго жалѣлъ ее и даже плакалъ.

Чѣмъ болѣе знакомлюсь я съ дикими, тѣмъ болѣе люблю ихъ и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мы, съ нашимъ просвѣщеніемъ, далеко, далеко уклонились отъ пути къ совершенству, почти не замѣчая того; ибо многіе, такъ называемые, дикіе гораздо лучше многихъ, такъ называемыхъ, просвѣщенныхъ, въ нравственномъ отношеніи. Напримѣръ: во всей Камчатской епархіи, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ ни воровства, ни убійства; по крайней мѣрѣ, почти не было примѣра, чтобы собственно Тунгусъ, или Камчадалъ, или Алеутъ, были подъ судомъ за сіи преступленія. Но кромѣ сего, между дикими есть много примѣровъ и добродѣтелей: напримѣръ, первый Тунгусъ, съ которымъ мнѣ случилось видѣться и говорить (въ Гижигѣ), удивилъ и утѣшилъ меня своею вѣрою и преданностію Богу. Послѣ разсказа его объ ихъ житьѣ-бытьѣ, можно сказать, полубѣдственномъ, когда я сказалъ ему: «за то вамъ тамъ будетъ хорошо, если вы будете вѣровать Богу и молиться Ему»; тогда онъ, видимо измѣнившись въ лицѣ своемъ, съ сильнымъ чувствомъ сказалъ: «Тунгусъ всегда молится; Тунгусъ знаетъ, что все Богъ даетъ. Убью ли я хоть куропатку? Я знаю, что Богъ мнѣ далъ, и я молюсь Богу и благодарю Его. Не убью?—значитъ, Богъ мнѣ не далъ; значитъ, я худой...... Я молюсь Ему.» Не могу вспомнить сихъ словъ безъ движенія сердца, и не могу послѣ того не сказать, въ духѣ благодарности: благословенъ Господь, открывающій познаніе вѣры и истины младенцамъ и утаевающій оное отъ мнящихся быти мудрыми! Въ прошедшемъ письмѣ моемъ изъ Камчатки я имѣлъ честь писать вамъ о томъ, что Колоши и Чукчи начали принимать св. крещеніе; къ сему надлежитъ прибавить, что до Пасхи (1843 г.) Колошъ всѣхъ окрещено 102 человѣка, въ томъ числѣ 2 шамана, и всѣ, кромѣ 2-хъ, взрослые мужчины, которые, какъ пишутъ, теперь готовятъ къ крещенію женъ и дѣтей своихъ. Видѣли крещеніе Колошъ Ситхинскихъ и ихъ сосѣды Колоши Проливскіе и, пишутъ, только ждутъ къ себѣ проповѣдника. Слава и благодареніе Господу!

Къ свѣдѣніямъ о Чукчахъ, надлежитъ сказать еще то, что я, въ бытность мою въ Гижигѣ, одного изъ тамошнихъ священниковъ отправилъ на рѣку Анадыръ, въ качествѣ миссіонера, для испытанія расположенія къ принятію крещенія Чукочъ; и онъ, на пришедшемъ нынѣ изъ Гижиги суднѣ, доноситъ мнѣ, что онъ былъ на рѣкѣ Анадыръ и видѣлъ нѣсколькихъ Чукочъ; одно семейство, по собственному ихъ вы-

зову, окрещено, а во многихъ видно явное расположеніе. Священникъ, видя это, тотчасъ отправился въ Гижигу съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ перебраться въ Анадырскъ; но обстоятельства совершенно неотвратимыя не допустили его вторично въ Анадырскъ и заставили воротиться съ половины дороги.

Кадьякскій приходъ до 1839 года былъ однимъ изъ послѣднихъ въ отношеніи къ нравственности и исполненію христіанскихъ обязанностей. Бывало, въ цѣлый годъ было исполнившихъ долгъ очищенія совѣсти не болѣе 100 человѣкъ, и былъ годъ, когда было только 8 человѣкъ изъ 5 или 4 тысячъ; а нынѣ нѣтъ ни одного нерадиваго. Церковь была до того слишкомъ пространна, такъ что и въ большіе праздники она была почти полупуста; а нынѣ не только въ великій постъ или большіе праздники, но даже въ обыкновенные воскресные дни она бываетъ полна до того, что многіе стоятъ внѣ церкви. Это заставило церковь раздвинуть. И главный правитель, въ бытность его на Кадьякѣ, немедленно приказалъ сдѣлать пристройку съ западной стороны. Изъ Кенайцовъ, Чукочъ и другихъ народовъ, находящихся въ предѣлахъ Кадьякскаго прихода, въ 1841 и 1842 годахъ присоединено къ церкви св. крещеніемъ болѣе 350 душъ. И паки, слава и благодареніе Господу!

Скажу нѣчто и о путешествіи моемъ по Камчаткѣ и Охотской области. Изъ Камчатки выѣхалъ я 29 ноября 1842, и 3 апрѣля прибылъ въ Охотскъ, проѣхавъ болѣе 5.000 верстъ на собакахъ и отчасти на оленяхъ, и пробывъ собственно въ пути 68 дней, а прочее время проведено въ прожитіи на разныхъ мѣстахъ, а болѣе въ Гижигѣ (13 дней). Повозочка моя, въ которой я ѣхалъ во всю дорогу, была весьма похожа на гробъ, то есть, такъ же узка и длинна и такой же формы,—только тѣмъ отличалась отъ гроба, что на полозьяхъ и на задней части оной былъ зонтъ. Нерѣдко случалось ѣхать по узкой дорогѣ, пробитой между глубокими снѣгами; и тогда мнѣ казалось, или приходило на мысль, что я ѣду въ гробѣ по длинной могилѣ: ибо только стоило остановиться и велѣть зарыть себя. Болѣе 25 дней проведены внѣ всякихъ жилищъ, которыя или проѣзжали мимо, или въ которыя нельзя войдти; 7 дней проведены совершенно въ пустыхъ мѣстахъ (при переѣздѣ изъ Олюторской губы въ Пенжинскую). Морозъ (въ 63° сѣв. широты) иногда былъ очень жестокъ. Но, благословенъ

Господь, хранящій меня во всѣхъ путяхъ моихъ! Не смотря на быстрыя и рѣзкія перемѣны воздуха, воды, пищи и проч., я и всѣ сущіе со мною (ихъ было сначала 6, а подъ конецъ 4) были совершенно здоровы; никто изъ насъ, можно сказать, не видалъ даже непріятности, выключая мороза,—всѣ во всю дорогу благодушествовали; словомъ сказать, я готовъ еще не одинъ разъ проѣхать по Камчаткѣ, если только буду здоровъ. Въ Камчаткѣ церквей очень много, судя по числу людей (10—на 5.300 жителей), а въ Охотскѣ чрезвычайно мало (3 на 6000). Просятъ меня дать священниковъ жители острова Павла, Курильцы, Тунгусы, и я нахожу это необходимымъ; но нѣтъ денегъ». (*Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ*, *ч. II*, *1844 г. стр. 91—96*). Въ Охотскѣ преосвященный Иннокентій пробылъ 4 мѣсяца и 4 дня и здѣсь, среди дикихъ Корякъ, Чукочъ и Тунгусъ, онъ успѣлъ заслужить отъ нихъ полное расположеніе къ себѣ своею отеческою привѣтливостію и кротостію, что очень помогало ему въ успѣшномъ распространеніи между ними слова Божія. А о томъ, какъ любили Алеуты преосвященнаго Иннокентія, и какъ дорожили его поученіями, и какъ свято исполняли всѣ его совѣты,—тому свидѣтельствуетъ слѣдующая выписка изъ путеваго журнала Кадьякскаго священника Петра Литвинцова: «Около половины мая 1843 года, собрался я», пишетъ Литвинцевъ, «обойти съ проповѣдью слова Божія островъ Кадьякъ, ввѣренный преосвященнымъ Иннокентіемъ моему попеченію. 15 числа того же мѣсяца, часа въ 4 пополудни, подходилъ уже я, въ сопровожденіи причетника и байдарщика, къ первому Алеутскому селенію, Орловскому, расположенному на берегу небольшой рѣки. Одинъ тоенъ, видѣвшій въ Кадьякѣ владыку нашего, сказалъ мнѣ: «Я никогда не забуду того, что̀ говорилъ нашъ преосвященный Иннокентій въ церкви. Онъ велѣлъ намъ слушать твои рѣчи,—и мы не отстанемъ отъ тебя, пока ты насъ не научишь всему доброму». (*Христ. Чтен.*, *изд. при Спб. Дух. Акад. 1845 г.*) 7 августа преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Охотска въ Новоархангельскъ, куда благополучно прибылъ онъ 6 сентября 1843 г.

XI

По прїѣздѣ въ Новоархангельскъ, преосвященный Иннокентїй писалъ (отъ 2 апрѣля 1844) къ К. С. Сербиновичу: «Какъ ни мало у меня времени, но не могу не написать вамъ хотя нѣсколько строкъ. Новостей вамъ я никакихъ не могу сообщить особенныхъ, а что̀ есть, то все написано въ оффицїальныхъ бумагахъ. При семъ прилагаю вамъ выписки изъ журналовъ Американскихъ священниковъ. И прошу ихъ, если вы найдете ихъ того стоющими, показать его сїятельству, и даже, пожалуй, напечатать. Я не хотѣлъ препроводить ихъ прямо къ его сїятельству, боясь отвлечь его отъ его безчисленныхъ занятїй. Прошу васъ, напишите мнѣ откровенно: годятся ли таковыя выписки и стоятъ ли того, чтобы ихъ посылать? и къ кому?

Дѣла мои, слава Богу, идутъ хорошо; на праздникѣ Колошъ окрещено 33 человѣка и, надобно сказать правду, безъ всякаго съ нашей стороны убѣжденїя. Ибо іеромонахъ Михаилъ не занимается уже съ ними. Но, видно, пришло время обращенїя ихъ, и оно совершается безъ всякаго человѣческаго содѣйствїя или средства. О нуждахъ моихъ, какїя есть, я писалъ нынѣ и прошу васъ покорнѣйше содѣйствовать мнѣ гдѣ и чѣмъ можно, особенно въ выборѣ просимыхъ мною двухъ лицъ. Ахъ! нельзя не имѣть ученыхъ, но я боюсь ихъ, боюсь какъ огня! Но буди воля Божїя! Угодно Ему—все будетъ хорошо. Не угодно—и съ десятью фонарями въ яснѣйшїй день не найдется человѣка.

Много я ожидаю нынѣ новостей отъ васъ. Дай Господи, чтобы все было къ лучшему. Извините Бога ради,—некогда писать».

Въ письмѣ (отъ 5 апрѣля, къ митрополиту Московскому Филарету (*Прибавл. къ изд. Твор. св. Отцовъ, ч. II, 1845 г., стр. 550—555*), мы читаемъ: «Ежели гдѣ: то, конечно, въ особенности здѣсь можно и должно благодарить Бога за то, что настало время, въ которое я могу бесѣдовать съ отсутствующими; ибо отъ времени до времени писанія писемъ ужасное разстояніе. И такъ, благодарю моего Бога за то, что я дожилъ до сего времени, и во все время былъ совершенно здоровъ. 7-го августа прошедшаго 1843 г., отправясь изъ Охотска на одномъ изъ лучшихъ судовъ Компаніи, 6 сентября мы были уже дома. И если бы противные и свѣжіе вѣтры не задержали насъ въ Курильской грядѣ, то мы могли бы прійдти въ Ситху въ 23 или 24 дня. Такъ, наконецъ, становится близка Америка! Прежде, бывало, путешествовали три года. 15 числа декабря (въ день рукоположенія моего въ епископа) Господь благоволилъ мнѣ совершить освященіе храма въ новомъ дóмѣ моемъ, въ честь и память Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Иконы для иконостаса были присланы, чрезъ Андрея Николаевича Муравьева, отъ графини А. А. Орловой. Этотъ день (15 дек.) былъ для меня истиннымъ торжествомъ, такъ что до сихъ поръ не могу нарадоваться моей радости—имѣть въ своемъ домѣ Домъ Божій. Домъ для меня выстроенъ внѣ города, подлѣ лѣсу, на сухомъ мѣстѣ; расположеніе комнатъ очень хорошее; строенъ очень прочно.

Съ 11 января сего 1844 года, я началъ собирать къ себѣ въ домовую церковь всѣхъ дѣтей обоего пола, неучащихся въ училищахъ, и учить ихъ закону Божію. Дѣтей здѣсь чрезвычайно много (до 500), считая въ томъ числѣ отъ 1 до 18 лѣтъ. Не смотря на то, что въ Духовномъ училищѣ, въ школѣ Компанейской и двухъ заведеніяхъ для дѣвицъ обучается до 140 человѣкъ, ко мнѣ собирается до 150 человѣкъ. Ученіе сіе бываетъ дважды въ недѣлю: во вторникъ приходятъ дѣвочки, а въ среду—мальчики.

Прошедшаго 1843 лѣта, Уналашкинскій священникъ Головинъ имѣлъ случай быть въ сѣверѣ Америки, близь Берингова пролива, въ находящемся тамъ Михайловскомъ редутѣ, Компаніею устроенномъ (въ первый разъ отъ ознакомленія Русскихъ съ тамошнимъ краемъ), и во время прожитія его тамъ, онъ путешествовалъ по селеніямъ туземцевъ, и окрестилъ изъ нихъ 163 человѣка взрослыхъ. Между прочимъ, священникъ доноситъ мнѣ, что народъ вообще добрый и кроткій, и едва

ли не многолюднѣйшій изъ всѣхъ здѣшнихъ народовъ. На одной рѣкѣ Квихпакъ находится жителей 3780 душъ, не считая живущихъ по рѣкамъ, впадающимъ въ сію рѣку, и по берегу морскому. А за ними далѣе къ сѣверу, говорятъ, еще болѣе народа. Я нынѣ опять послалъ того же священника туда крестить, а между тѣмъ—собрать подробнѣйшія свѣдѣнія о мѣстности тамошняго края. И если донесенія его будутъ удовлетворительны, и особенно, если Господь благословитъ его новыми успѣхами, то на будущій годъ отправлю туда миссіонера, имѣя теперь къ тому средства и человѣка. Если Господь благоволитъ привести это въ исполненіе, то тамошняя миссія будетъ называться **Михайловско-Квихпакская**.

Колоши, сосѣди наши, слава Богу, продолжаютъ креститься. На Свѣтлой недѣлѣ окрещено ихъ 35 человѣкъ, по собственному ихъ вызову, а не по убѣжденію чьему-либо. Крещенные же до сего Колоши, въ прошедшій постъ, всѣ находящіеся подлѣ крѣпости, исполнили долгъ очищенія совѣсти, безъ всякаго съ нашей стороны побужденія; и при этомъ случаѣ они нисколько не отставали отъ русскихъ, то-есть, постоянно ходили въ церковь чрезъ всю недѣлю, въ церкви стояли чинно, и проч. Нельзя не радоваться этому. Они крестятся безъ всякихъ приманокъ; кромѣ крестиковъ и образовъ, имъ ничего не дается. Съ половины 1842 года, по всѣмъ Американскимъ церквамъ, а также и въ Камчатскомъ соборѣ, настоятели церквей, отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю, собираютъ дѣтей обоего пола въ церковь, и учатъ ихъ закону Божію и вообще обязанностямъ ихъ; и я надѣюсь, что въ нынѣшнемъ 1844 году, если не всѣ священники по всѣмъ церквамъ епархіи, то большая часть изъ нихъ займутся симъ дѣломъ; а потому, предложено занимающимся преподаваніемъ христіанскаго ученія внѣ училищъ—составлять краткія записки (цифрами), сколько бываетъ дѣтей, слушающихъ каждый разъ,—для составленія вѣдомости.

По сіе время, всѣхъ дѣтей, собирающихся въ церковь для слушанія, по всей епархіи можно считать до 400, кромѣ обучающихся въ училищахъ и школахъ; а съ ними число сіе будетъ простираться болѣе, нежели до 600, что составитъ 35-ю часть всего народонаселенія».

Въ письмѣ, отъ 8 апрѣля къ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой, преосвященный пишетъ: «Наконецъ собрался я опять писать къ вамъ; но что я буду писать? кромѣ того, какъ только благодарить васъ

и все семейство ваше за любовь ко мнѣ? Никогда, никогда не могу я вспомнить васъ равнодушно. Да наградитъ васъ Господь Богъ за вашу любовь ко мнѣ. О себѣ скажу вамъ, что я, слава Богу, здоровъ и, по милости Компаніи, живу въ новомъ архіерейскомъ домѣ, можно сказать, великолѣпномъ; но что всего для меня дороже и утѣшительнѣе, то это то, что въ домѣ моемъ есть домъ Божій, куда я являюсь всякій день къ Живущему въ немъ съ моими просьбами и моленіями. И вы можете быть увѣрены, что въ числѣ прошеній моихъ бываетъ прошеніе и о васъ и вашихъ родныхъ. Но увы! я чувствую и сознаюсь, что молитвы мои недостаточны, очень недостаточны,—и потому прошу васъ не надѣяться на нихъ. Колоши, сосѣди наши, слава Богу, продолжаютъ креститься. На святой недѣлѣ окрестилось ихъ 35 человѣкъ. Прошедшаго лѣта начали креститься жители сѣвера Америки, близъ Берингова пролива. Народъ новый и многочисленнѣйшій изъ всѣхъ здѣшнихъ. Въ одинъ мѣсяцъ ихъ окрещено 163 человѣка взрослыхъ. Дѣла Компаніи здѣсь идутъ очень хорошо. Вотъ вамъ и всѣ наши новости! Графинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ прошу объявить искреннѣйшее почтеніе и желаніе—имѣть ей много дѣтей. Это желаніе я изъявилъ ей лично. О! я ее очень люблю и уважаю за то, что она сына своего воспитываетъ въ страхѣ Божіемъ. Это выше всѣхъ ея пожертвованій денежныхъ. Господь съ вами! Прощайте».

Затѣмъ, въ письмѣ отъ 25 апрѣля, къ оберъ-прокурору Св. Сунода графу Протасову, преосвященный Иннокентій доноситъ ему о слѣдующемъ: «Препровождая нынѣ къ вашему сіятельству оффиціальныя бумаги мои, я считаю необходимымъ на нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлать поясненія или дополненія, на случай. 1) Отношеніемъ моимъ за № 101, я имѣлъ честь увѣдомить ваше сіятельство о томъ, что я теперь живу въ новомъ архіерейскомъ домѣ и, между прочимъ, просилъ вашего сіятельства—представить о главномъ правителѣ, г. Этолинѣ, Св. Суноду. Не знаю хорошо-ли я это сдѣлалъ? но мнѣ кажется, я сдѣлалъ то, что должно сдѣлать. Ибо ко всему тому, что сказано въ томъ отношеніи моемъ о г. Этолинѣ, надобно прибавить еще 1), что Главное правленіе предписало ему выстроить для меня домикъ, а онъ выстроилъ можно сказать, домище, и—выстроить, когда позволятъ компанейскія работы, а онъ выстроилъ среди работъ; 2) я не имѣю никакого права требовать отъ Компаніи ни освѣщенія, ни отопленія, ни прислуги;

но я всѣмъ этимъ пользуюсь и, конечно, по его распоряженію, и наконецъ 3) хотя и стыдно, но должно сказать, что и на самое продовольствіе мое здѣсь я очень много получаю изъ собственныхъ его запасовъ. Послѣ всего этого, было бы несправедливо съ моей стороны умолчать о таковомъ отличномъ ко мнѣ расположеніи г. Этолина. Но при всемъ томъ, если просьба моя о немъ почему либо неумѣстна, то покорнѣйше прошу сдѣлать это такъ, какъ вы изволите заблагоразсудить; ибо, судя по сущей Евангельской справедливости, все это дѣлается имъ не изъ усердія къ нашему исповѣданію, а, можетъ быть, по другимъ причинамъ. Потому-то я о семъ предметѣ писалъ къ вашему сіятельству, а не прямо въ Св. Сѵнодъ. 2) Отношеніемъ моимъ за № 109, я просилъ ваше сіятельство о присылкѣ въ Новоархангельскъ двухъ человѣкъ, способныхъ къ отправленію всякихъ должностей. И хотя я при семъ случаѣ могъ бы указать на одно лицо, но я не хочу, вполнѣ предоставляя это волѣ Божіей; ибо я убѣдился опытомъ, что выборъ людей, способныхъ на служеніе Богу, зависитъ прямо отъ Бога. При выборѣ просимыхъ мною лицъ, можетъ быть, встрѣтится затрудненіе въ томъ, что они, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и качествахъ, потребныхъ для апостольства, не будутъ имѣть свѣдѣній подъяческихъ; то (если Св. Сѵнодъ разрѣшитъ мнѣ имѣть въ Новоархангельскомъ Духовномъ правленіи столоначальника),—таковымъ недостаткомъ ихъ покорнѣйше прошу не затрудняться; ибо я, пока здоровъ, надѣюсь управиться всѣми дѣлами при теперешнихъ способахъ; а со столоначальникомъ (котораго я думаю перевести изъ Камч. Д. правленія),—кольми паче. Если бы можно было согласить выгоды лицъ, которые пожелаютъ сюда, съ пользою здѣшней церкви, то я бы желалъ, чтобы лица сіи пріѣхали сюда не въ томъ санѣ, въ какомъ требуются; ибо тогда представится возможность испытать ихъ на самомъ дѣлѣ. Но если нельзя сего сдѣлать, то буди воля Божія!

Несравненно было бы лучше, если бы долженствующій занять діаконскую или протодіаконскую должность былъ человѣкъ семейный или женатый; но здѣсь встрѣчается затрудненіе только въ квартирѣ. Но при теперешнихъ обстоятельствахъ это затрудненіе не такъ велико; ибо въ случаѣ, можно купить для него и домъ, на счетъ соборной суммы. И такъ, покорнѣйше прошу не затрудняться и симъ обстоятельствомъ; впрочемъ и здѣсь пусть будетъ то, что угодно Богу. Одно,

что могу совѣтовать ѣдущимъ сюда,—чтобы они женились въ Россіи или Сибири; а здѣсь пока еще очень трудно найти невѣстъ, достойныхъ ихъ назначенія.

Не смѣю просить ваше сіятельство о ходатайствѣ вашемъ предъ Св. Сѵнодомъ о моихъ предположеніяхъ, представленныхъ прошедшаго года; ибо я преувѣренъ, что вы все, что возможно будетъ, сдѣлаете. Только нахожу нужнымъ сказать здѣсь, что если Св. Сѵнодъ благоволитъ быть здѣсь семинаріи, то ректоромъ долженъ быть, по мнѣнію моему, такой, которой бы могъ быть моимъ преемникомъ; а смотритель Нов. Д. училища іеромонахъ Мисаилъ, по многимъ причинамъ, преемникомъ моимъ быть не можетъ, по крайней мѣрѣ—не скоро. И здѣсь я бы хотѣлъ указать на извѣстнаго вашему сіятельству священника Добросердова, находящагося въ С.-Петербургской Д. Академіи,—какъ человѣка пожилаго и опытнаго по всѣмъ частямъ; но также боюсь подать своего голоса къ избранію и назначенію его мнѣ преемникомъ. Если Господу угодно продлить Свою милость на здѣшній край, то Онъ пошлетъ человѣка по сердцу Своему.

Но позвольте мнѣ и еще разъ сказать вашему сіятельству, что я всею душею радъ и готовъ и желаю служить здѣсь, пока могу,—даже умереть здѣсь,—ибо Господня земля; а съ дочерями своими, которыхъ однихъ желаетъ болѣе всего видѣть сердце мое,—надѣюсь увидѣться—тамъ.

На пришедшемъ нынѣ сюда кругосвѣтномъ суднѣ, 14 марта сего 1844 года, я имѣлъ честь получить отъ вашего сіятельства увѣдомленіе о томъ, что Св. Сѵнодъ опредѣлилъ отпускать на Кенайскую миссію по 881 рубл. серебромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это сдѣлалось по ходатайству вашего сіятельства; но я не смѣю благодарить васъ за такое вниманіе къ нуждамъ здѣшняго края и ко мнѣ. Господь—ваша награда за всѣ труды и благодѣянія ваши! Это несомнѣнно.

Въ бытность мою въ Камчаткѣ, я далъ слово Камчадаламъ, живущимъ въ Лѣсновскомъ приходѣ, прислать къ ихъ церкви такого причетника, который бы научилъ ихъ байдарочной ѣздѣ и строенію байдарокъ (что все есть и у Камчадаловъ тамошнихъ, но только въ самомъ младенческомъ состояніи). Найдя такого человѣка (котораго, сказать по справедливости, главный правитель могъ и не уволить, какъ живущаго у него, но съ перваго слова уволилъ и, кромѣ того,

обѣщался довезти до Камчатки на своемъ иждивеніи), я нынѣ отправляю его къ Лѣсновской церкви пономаремъ, года на три.

Не имѣя возможности истребовать отъ казны пособія для отправки означеннаго пономаря, я выдалъ ему 200 р. ассигнац. изъ той же суммы, изъ какой мною дано Анадырскому миссіонеру, т. е. изъ остатковъ отъ прогонныхъ денегъ, полученныхъ мною отъ казны на полное число лошадей. Этой суммы у меня остается теперь только 200 рубл. ассигн., но и тѣ предписано Охотскому благочинному, если Анадырскій миссіонеръ дѣйствуетъ и будетъ имѣть нужду въ пособіи, выдать ему изъ какихъ либо суммъ и отчислить сюда. Какъ на удовлетвореніе подобныхъ нуждъ, такъ и по нѣкоторой справедливости,—я бы полагалъ требовать отъ казны прогонныя или путевыя деньги на путешествія мои по морю. Ибо хотя Компанія за помѣщеніе мое на судахъ своихъ ничего не требуетъ; но не имѣя никакой возможности, во время морскаго вояжа, имѣть особый (отдѣльный) свой столъ, я принужденъ имѣть столъ вмѣстѣ съ капитаномъ; а не имѣя состоянія имѣть столъ на свой счетъ, какъ дѣлаетъ напр. главный правитель, я, по необходимости (и конечно, не безъ смущенія), долженъ бываю пользоваться приглашеніемъ капитана къ его столу. Положеніемъ прогонныхъ или путевыхъ это неудобство отвратилось бы, и, кромѣ того, открылись бы способы удовлетворять другимъ подобнымъ нуждамъ; напр., крестившіеся Колоши каждый праздникъ послѣ обѣдни приходятъ ко мнѣ въ гости. Отказывать имъ, по мнѣнію моему, невозможно; а угощать ихъ, хотя только чаемъ и хлѣбомъ (водкою ихъ здѣсь никто не угощаетъ), при нынѣшнемъ моемъ положеніи, довольно затруднительно. При положеніи прогонныхъ или путевыхъ на морскіе вояжи, можетъ встрѣтиться затрудненіе въ разсчетѣ верстъ, т. е. полагать-ли прогоны по прямому разстоянію отъ мѣста до мѣста? или такъ—какъ корабль плаваетъ? И хотя, конечно, можно согласить это, но въ семъ случаѣ могутъ быть двѣ крайности, т. е. или слишкомъ много приходиться будетъ денегъ, напр. на переходъ изъ Охотска въ Америку, на 6.500 верстъ, на 24 лошади придется 2.340 руб. серебромъ; а это разстояніе можно перебѣжать въ 30 или 35 дней. Или—иногда причитающихся прогоновъ будетъ недостаточно, такъ напр. отъ Ситхи до Кадьяка, по прямому пути, полагается менѣе 900 верстъ и прогонныхъ придется не болѣе 300 рублей; а

разстояніе изъ Ситхи въ Кадьякъ нерѣдко случается переходить въ 25 и 28 дней, какъ это было со мною въ 1842 году. Слѣдовательно, прогонной суммы будетъ не совсѣмъ достаточно на содержаніе себя, капитана и нерѣдко его помощника, діакона и пѣвчихъ; ибо послѣднихъ надобно содержать и во время прожитія въ Кадьякѣ. И потому; если бы потребовалось въ семъ случаѣ мое мнѣніе, то я полагалъ бы: оставя производство прогонныхъ на твердой землѣ такъ, какъ оно есть,—производить Камчатскому архіерею на морскія вояжи отъ 15 до 20 рублей серебр. въ день, считая со дня помѣщенія его на судно и до выходу его на берегъ. Если же Компанія со-временемъ потребуетъ платы за помѣщеніе на судно, то на это производить особо. Не считаю нужнымъ здѣсь увѣрять ваше сіятельство, что я это пишу отнюдь не въ чаяніи какой либо лично себѣ пользы. Нѣтъ! Богъ свидѣтель, что пока я буду здѣсь, я въ состояніи обойтись безъ подобныхъ пособій; но не будетъ ли жаловаться на это мой преемникъ, которому будетъ уже гораздо труднѣе хлопотать объ этомъ.

Еще одно: Для приличнаго, удобнаго и сколько возможно менѣе зависимаго отъ Компаніи существованія въ Новоархангельскѣ архіерея, Консисторіи и дух. училища, необходимо имѣть своихъ людей. Это безспорно. Но нанимать людей для сего въ Россіи или гдѣ бы то ни было— сопряжено съ большими неудобствами, какъ это видно на людяхъ, въ Компаніи служащихъ. Представляется возможность и удобство имѣть здѣсь людей своихъ, а именно: испросивъ Высочайшаго разрѣшенія, купить и покупать у Колошъ ихъ калговъ или рабовъ, напр., человѣкъ до 50 мужчинъ, съ семействами и безъ семействъ, но со обязательствомъ сдѣлать ихъ семейными.

Дѣло это не только не можетъ показаться страннымъ или несообразнымъ съ нынѣшними понятіями,—напротивъ того, это можетъ быть истиннымъ благодѣяніемъ для калговъ; не говоря о томъ, что всѣ они и семейства ихъ будутъ христіанами и что они чрезъ это могутъ научиться жить и проч., довольно представить на видъ то, что калги сіи навсегда избавятся участи своихъ собратій—Колошенскихъ калговъ, которыхъ Колоши очень нерѣдко убиваютъ и душатъ, какъ они говорятъ, для прислуги умершихъ своихъ родныхъ и пріятелей. Кромѣ сего, купленнымъ калгамъ можно представить и внѣшнія выгоды. Напр., по выслугѣ 20 лѣтъ отпускать ихъ на волю, снабдивъ

ботомъ, ружьемъ и проч., не отнимая впрочемъ воли остаться и навсегда.

Мысль эту я сообщалъ и главному правителю, и онъ находитъ ее очень сообразною съ мѣстными обстоятельствами; ибо продовольствіе въ Ситхѣ время отъ времени становится труднѣе и труднѣе отъ умножающагося народонаселенія, тогда какъ мѣстныя средства достаточны для народа втрое большаго, чѣмъ нынѣ. Покорнѣйше прошу извинить меня, если я отниму у васъ время на вещь совершенно постороннюю, но которая меня, по ревности моей (и можетъ быть, ревности не по разуму) къ благу отечества, занимаетъ меня очень много. Дѣло вотъ въ чемъ: въ Охотскѣ существуютъ три гражданскихъ суда, кромѣ Казначейства и проч.; а чиновниковъ всѣхъ можно насчитать до 45. Невольно раждается вопросъ: для чего въ Охотскѣ столько судовъ и столько чиновниковъ? Гражданъ въ Охотскѣ только 1 купецъ и 7 мѣщанъ, прочіе всѣ—военнаго вѣдомства. Природные жители Охотской области,—Тунгусы, можно сказать, никогда не бываютъ подъ судомъ за преступленія. Начальникъ Охотской области отвѣчалъ мнѣ на это, что суды въ Охотскѣ нужны, между прочимъ, и для разбора уголовныхъ дѣлъ, поступающихъ изъ Америки. Но я могу утвердить, что въ 20-лѣтнее мое здѣсь пребываніе не было и 10 дѣлъ, и въ этомъ отношеніи Охотскіе суды для здѣшняго края дѣлаютъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; напр. въ 1839 году было изъ Ситхи выслана одна женка, за покушеніе отравить мужа. Но что же вышло?—ее, какъ молодую (и пригожую), оправдали и она теперь живетъ въ Охотскѣ, какъ нельзя лучше,—на соблазнъ приходящимъ изъ Америки креолкамъ. И такъ, гдѣ же польза отъ существованія въ Охотскѣ судовъ? А вреда—тьма. Не говорю о притѣсненіяхъ, какія иногда дѣлаются, напр. съ г. Грибановымъ, служащимъ нынѣ въ министерствѣ Финансовъ.—Всѣ эти чиновники получаютъ большое жалованье, чины, привилегіи, пенсіи—и за что? Какое бы было благодѣяніе, если бы эти суды уничтожили! Преступниковъ изъ Америки Компанія охотно будетъ перевозить въ Якутскъ. Еще: Въ Охотскѣ существуетъ (по крайней мѣрѣ, на бумагахъ) двѣ госпитали, военная и гражданская. Военная, точно, набита цынготными матросами; а въ гражданской живутъ три или четыре варнака, оставшіеся съ соловареннаго завода, и которые живутъ потому только, чтобы госпиталь не была пуста и, слѣдовательно, не прекратился бы ре-

ноитъ.... Конечно, цѣль учрежденія госпиталей достойна Русскаго правительства. Имѣлось въ виду дать помощь страждущимъ Тунгусамъ, но сказываютъ, что только одинъ какой-то Тунгусъ былъ въ госпиталѣ, и потомъ едва раздѣлался съ разными начетами,—и съ тѣхъ поръ ни одного Тунгуса не бываетъ, а между тѣмъ казенныя деньги тратятся разными образами. Не лучше ли бы изъ двухъ госпиталей сдѣлать одну?—Чрезъ нѣсколько дней я намѣренъ отправиться въ Нушегакъ, гдѣ, слава Богу, миссіонеръ дѣйствуетъ хорошо и успѣшно, какъ вы изволите усмотрѣть изъ оффиціальныхъ бумагъ.» *(Архивъ кн. П. П. Вяземскаго)*.

Въ письмѣ преосвященнаго Иннокентія къ митрополиту Московскому Филарету, отъ 29 апрѣля, заключается любопытное донесеніе одного миссіонера Нушегакской миссіи (*Приб. къ Твор. св. Отц. ч.* III, *1845 г., стр. 553—555*). «Почти предъ самымъ отправленіемъ почты, я получилъ извѣстія отъ Нушегакскаго миссіонера, который доноситъ, что въ прошедшемъ году (1843) изъ тамошнихъ туземцовъ, обратилось въ христіанство 315 человѣкъ, и кромѣ того, мνропомазано крещенныхъ до него міpянами 110 человѣкъ, а всего совершено таинствами крещенія и мνропомазанія 425 человѣкъ. Изъ журнала миссіонера видно, что всѣ, кого онъ видѣлъ, слушали его бесѣды, и всѣ слышавшіе его крестились. Въ одномъ селеніи Господь утѣшилъ его и новопросвѣщенныхъ необыкновеннымъ явленіемъ. Одна престарѣлая женщина, принесенная на одрѣ для крещенія, послѣ совершенія надъ нею таинствъ, сама ушла домой, съ помощію одного только костыля своего. Миссіонеръ это описываетъ такъ: «Когда я (по окрещеніи всѣхъ жителей селенія) спросилъ тоена: нѣтъ-ли еще еще кого некрещеннаго?—онъ сказалъ мнѣ, что есть еще одна старуха, слѣпая (которой полагаютъ не менѣе 85 лѣтъ), которая потому и не приходила для слушанія бесѣды. Я велѣлъ привести ее къ себѣ въ палатку. Съ помощію двухъ человѣкъ и костыля, она пришла ко мнѣ. Я ей все, что только нужно на первый разъ передать, чрезъ толмача объяснилъ и предложилъ ей о крещеніи. Она объявила желаніе креститься. Чрезъ два часа, когда все было готово къ совершенію таинства, я послалъ за нею; но посланный, пришедъ, объявилъ мнѣ, что она очень нездорова. Это мнѣ показалось невѣроятнымъ. Я послалъ двухъ человѣкъ, и тѣ, возвратясь, сказали, что она весьма больна и скоро умретъ.

Тогда я, опасаясь, чтобъ она не умерла безъ крещенія, такъ какъ уже увѣровавшая въ Бога и объявившая сама желаніе принять св. крещеніе, велѣлъ непремѣнно принести ее на одрѣ въ церковную палатку; что и было сдѣлано. Я, посмотрѣвъ на нее, спросилъ ее чрезъ толмача: какова она? Но она мнѣ не могла отвѣтить ни одного слова, и я думалъ, что она не доживетъ и до крещенія. Тутъ нѣкоторые начали роптать, говоря, что если онъ окреститъ ее, то она умретъ. Я ихъ увѣрялъ, что если она умретъ крещенною, то будетъ счастлива, а если умретъ некрещенною, то погибнетъ. Послѣ сего я колебался мыслями: крестить ли ее, или нѣтъ? Наконецъ рѣшился окрестить. Когда, съ помощію двухъ человѣкъ, я совершилъ надъ нею самое таинство крещенія, и когда ее одѣли и принесли въ палатку для муропомазанія, то она начала сама креститься; а по окончаніи муропомазанія начала говорить и сдѣлалась веселою, и пошла домой сама съ помощію костыля.» Описаніе сіе миссіонеръ заключаетъ просто: «тогда я, увидѣвъ ее совсѣмъ перемѣнившуюся, пришелъ въ удивленіе и говорилъ роптавшимъ на меня: вотъ вы говорили, что она умретъ, а на мѣсто того, Богъ далъ ей здоровье!» Новокрещенные, въ доказательство искренности своего обращенія, всѣ прежнія свои маски и личины, и истукановъ, которымъ они иногда приносили жертвы, или бросали въ рѣку своими руками при глазахъ миссіонера, или жгли.

XII

Весною 1845 года, преосвященный Иннокентій вторично предпринимаетъ путешествіе въ Камчатку, въ Петропавловскій портъ и, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Новоархангельска, шлетъ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой, отъ 8 апрѣля, обширное посланіе, исполненное утѣшенія христіанскаго, по случаю кончины ея внука, малолѣтнаго графа Николая Дмитріевича Шереметева или, какъ онъ пишетъ въ письмѣ своемъ, Николиньки Шереметева: «Искренно благодарю васъ за письмо ваше ко мнѣ, отъ 3 ноября 1843 года, которое я получилъ 9 сентября 1844 года. Вы, между прочимъ, изволите меня увѣдомлять о смерти Николиньки Шереметева. Да! очень и очень вѣрю, какъ тяжела была вамъ такая потеря. Не равнодушенъ и я былъ при чтеніи письма вашего, тѣмъ болѣе, что я самъ зналъ его. Знаю и его маменьку, и не только знаю, но и люблю ее христіанскою любовію за то именно, что она воспитывала его по христіански—по старинному. Это меня чрезвычайно всегда утѣшало и, признаюсь, я нерѣдко хвалился ея примѣромъ. И поэтому, судя по нашимъ близорукимъ, человѣческимъ разсчетамъ, казалось бы, кому бы и имѣть дѣтей, какъ не такой благочестивой матери? Но Господь иначе устроилъ. Впрочемъ, въ этомъ ясно видна Его отеческая заботливость объ графинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ. И именно, по моему такъ: безъ страданія, безъ скорбей никто не войдетъ въ царствіе небесное. Это—истина непреложная. Аннѣ Сергѣевнѣ недоставало этого, и Отецъ небесный посѣтилъ ее самою величайшею скорбію, и которую, какъ вы пишете и какъ

28

я и самъ увѣренъ, она перенесла съ преданностію. Но въ то же время Онъ увѣрилъ ее самымъ торжественнымъ образомъ, что сынъ ея, единственный, любезнѣйшій сынъ, которому она желала всякаго блага,— точно будетъ наслаждаться всякимъ благомъ. И съ этой стороны уже ни одна мысль не устрашитъ ее; ей уже теперь нечего заботиться о Николинькѣ, какъ напр. мы заботимся о нашихъ дѣтяхъ, говоря: «что̀-то онъ будетъ, здоровъ-ли онъ будетъ? Будетъ-ли счастливъ въ бракѣ» и проч. и проч. и проч. У Анны Сергѣевны теперь нѣтъ подобныхъ заботъ. Николинька у ней уже опредѣленъ къ самому лучшему мѣсту; будетъ всегда здоровъ, счастливъ, счастливъ на вѣки, на вѣчность. Но я вѣрю Господу, что Онъ скоро—скоро вознаградитъ потерю Анны Сергѣевны другимъ сыномъ, и, можетъ, это уже и исполнилось. Очень премного благодарю васъ и сестрицу вашу Катерину Васильевну за вниманіе и заботливость о дочеряхъ моихъ; онѣ мнѣ объ этомъ писали. Благодаренъ и за попеченіе о старшемъ сынѣ моемъ, изъ котораго, Богъ знаетъ, что будетъ? Но аще благихъ воспріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ? Буди воля Божія, сказалъ Іовъ; повторяю и я слова его. Порученіе ваше касательно передачи письма Леониду Михайловичу Муравьеву я еще не исполнилъ, и едва ли удастся мнѣ исполнить: потому что онъ, по моему, долженъ находиться въ Охотскѣ, а я нынѣ располагаюсь быть только въ Петропавловскѣ (въ Камчаткѣ). Впрочемъ, я беру съ собою письмо въ Камчатку; быть можетъ, что Леонидъ Михайловичъ, по моему счастію, и тамъ; а если нѣтъ его тамъ, то я непремѣнно перешлю его къ вамъ обратно. Покорнѣйше васъ прошу прилагаемыя при семъ письма приказать передать по адресамъ. О себѣ не знаю, что̀ сказать! Потому что всѣ дѣти мои тамъ, у васъ на Руси, кромѣ одной старшей, которая, слава Богу, счастлива и, что всего лучше, умѣетъ терпѣть нужды съ благодушіемъ. (Правду сказать, она живетъ въ самомъ худшемъ приходѣ. Я дѣлаю почти наоборотъ; у меня родные въ худшемъ мѣстѣ, а чужіе—въ лучшемъ. Точно то же было бы и будетъ и съ сыновьями моими). Христіанство здѣсь, слава Богу, хотя не быстро, но распространяется, и уже открыта еще новая миссія—на рѣкѣ Квихпакъ, въ 62 градусахъ сѣвер. широты, на берегахъ Берингова моря. Колоши, наши сосѣди, также продолжаютъ креститься. Болѣе не нахожу ничего достойнаго вашего вниманія. Прощайте, Господь съ вами и со всею вашею домашнею церковію!»

Въ Петропавловскій портъ преосвященный Иннокентій прибылъ 2 іюня, наканунѣ праздника Св. Троицы, и сталъ на якорь въ 3 часа пополудни. Всенощную выслушалъ онъ на кораблѣ, а на другой день совершалъ литургію въ Петропавловскомъ соборѣ. По входѣ его въ соборъ ему поднесены были богатыя парчевыя облаченія, съ приличнымъ изъ шелковой матеріи подризникомъ, приготовленныя усердіемъ обитателей Петропавловскаго порта. (*Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 30*).

Настоящее посѣщеніе преосвященнаго Иннокентія Петропавловска ознаменовалось однимъ изъ главнѣйшихъ распоряженій его по духовному вѣдомству того края: это—перенесеніе духовнаго училища изъ Петропавловска въ Новоархангельскъ, съ переименованіемъ въ семинарію. До тѣхъ поръ колоніи не имѣли вовсе духовныхъ лицъ изъ колоніальныхъ уроженцовъ; теперь же и сынъ Креола, и сынъ Алеута получили возможность быть современемъ законоучителями своихъ соотчичей, и, слѣдовательно, не только примѣромъ, но и знаніемъ характера и свойствъ жителей и, наконецъ, вообще всѣхъ нуждъ страны могли способствовать къ распространенію тамъ съ большимъ успѣхомъ христіанскаго ученія. Уже одно изъ важнѣйшихъ условій для успѣха благовѣствованія слова Божія въ колоніяхъ—знаніе будущими наставниками туземнаго языка—ручалось въ несомнѣнной пользѣ новаго учрежденія. (*Истор. обозр. образов. Р. А. Комп. К. П. Тихменева. 1863 г., стр. 252*). Пребываніе преосвященнаго Иннокентія въ Петропавловскѣ ознаменовано еще и тѣмъ, что въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, покровителей порта и храма, онъ совершалъ вокругъ собора и вокругъ всего Петропавловска крестный ходъ, каковымъ учреждено было замѣнять крестный ходъ, совершаемый по всей Россіи въ день Преполовенія, такъ какъ въ Камчаткѣ, въ день Преполовенія, какъ бы поздно ни была Пасха, крестный ходъ, за глубокими еще нестаявшими снѣгами, невозможенъ. Въ это же время въ Новоархангельскѣ явилась необходимость въ священникѣ; а между тѣмъ, въ Петропавловскомъ соборѣ нашелся причетникъ степенной жизни, чтецъ и пѣвецъ, и знатокъ церковнаго клира; но онъ не хотѣлъ принять монашество, не хотѣлъ и жениться. Преосвященный Иннокентій этимъ нисколько не затруднился, и сего безбрачнаго церковника Ермолая посвятилъ во священники въ Новоархангельскъ. Такимъ образомъ, онъ первый проложилъ путь къ принятію священства въ безбрач-

номъ состоянiи знаменитому ректору Московской Духовной Академiи А. В. Горскому *(Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 30)*.

О пребыванiи своемъ въ Петропавловскѣ и о своихъ апостольскихъ подвигахъ на берегахъ Сѣверной Америки и объ открытiи тамъ постоянной миссiи, преосвященный Иннокентiй, въ письмѣ своемъ къ митрополиту Филарету, отъ 1 iюля 1845 года, съ обычною своею скромностiю отзывается такъ: «Къ немногимъ свѣдѣнiямъ о нашихъ посильныхъ дѣйствiяхъ по службѣ, препровожденнымъ мною къ вашему высокопреосвященству прошедшаго года, могу присовокупить еще немногое. Слово истины на сѣверныхъ берегахъ Америки начинаетъ распространяться болѣе и болѣе. Священникъ Головинъ былъ тамъ и прошедшаго (1844) года; и въ бытность свою имѣлъ случай видѣть окрещенныхъ имъ въ первое тамъ пребыванiе (1843 года) почти всѣхъ, и въ ихъ селенiяхъ. И благодаренiе Господу, ежели не всѣ, то очень многiе изъ нихъ помнятъ и стараются исполнять данныя ими при крещенiи обѣщанiя; отступленiй на прежнiй путь язычества не слышно; а нѣкоторые изъ нихъ, болѣе проникнутые словомъ истины, старались передать свои понятiя о христiанствѣ своимъ язычествующимъ собратiямъ и тѣмъ убѣдили многихъ къ принятiю крещенiя. Квихпакская церковь, по сентябрь 1844 года, состояла болѣе нежели изъ 270 душъ туземцовъ, а съ заѣзжими до 300,—тогда какъ въ 1843 году тамъ не было и 30 христiанъ, и то заѣзжихъ; а туземцовъ было только 4,—тѣ самые, о которыхъ мною было донесено Св. Сѵноду, въ бытность мою въ Петербургѣ. Одинъ изъ нихъ особенно много и усердно содѣйствовалъ священнику въ обращенiи. Туземцы, бывъ спрашиваемы священникомъ, единогласно изъявили желанiе имѣть у себя постояннаго священника. Послѣ сего мнѣ оставалось только приступить къ открытiю тамъ постоянной миссiи, и, слава Богу, миссiя уже отправлена и на мѣсто прибудетъ нынѣшняго же лѣта. Миссiонеромъ назначенъ священникъ Iаковъ Нецвѣтовъ, тотъ самый, котораго я хотѣлъ опредѣлить въ Кенайскую миссiю, и который былъ вызванъ для сего; но какъ дѣло въ сѣверѣ важнѣе, то я послалъ его въ Квихпакскую миссiю, а въ Кенайскую посланъ прiѣхавшiй со мною iеродiаконъ Николай (изъ Виѳанiи), который прибудетъ на мѣсто нынѣшняго же лѣта (1845). Тотъ и другой миссiонеръ снабжены всѣмъ достаточно, на счетъ капитала Американскихъ церквей.

Колоши,—соседи наши,—слава Богу, мало по малу продолжают присоединяться къ нашей церкви (число всѣхъ крещеныхъ болѣе 200) и, надобно сказать прямо,—почти безъ всякаго нашего дѣйствованія на нихъ. Ибо іеромонахъ Мисаилъ, занимавшійся симъ дѣломъ, по нездоровью своему, не могъ дѣйствовать такъ, какъ бы хотѣлось; мнѣ не приходится; а другіе не могутъ, или не умѣютъ. Впрочемъ, дѣйствовать, такъ сказать, настоятельнѣе—насъ останавливаю и то, что мы не имѣемъ особой церкви для Колошъ, гдѣ бы можно было ихъ собирать и учить на ихъ языкѣ (безъ чего крещеніе не принесетъ всей пользы). Главный правитель, нынѣ выбывшій въ Россію, обѣщалъ и желалъ помочь намъ въ этомъ, но построеніе семинаріи не допустило его. Теперь одною изъ главныхъ заботъ моихъ будетъ построеніе церкви для Колошъ, и надѣюсь, что новый начальникъ Ситхи, имѣющій прибыть нынѣ, поможетъ мнѣ, а между тѣмъ прибудутъ мнѣ и помощники, которыхъ я ожидаю къ нынѣшней же осени. Въ Кадьякѣ священникъ Литвинцевъ дѣйствуетъ съ тѣмъ же усердіемъ и искренностію, какъ и прежде; паства его, слава Богу, болѣе и болѣе укрѣпляется въ духѣ христіанства. Во всѣхъ селеніяхъ Кадьякскаго отдѣла находятся часовни, построенныя усердіемъ самихъ Алеутовъ, при содѣйствіи Компаніи и Русскихъ, содержимыя въ чистотѣ, и, что всего лучше, въ каждый праздникъ бываютъ полны народу. Но надобно сказать, что и врагъ спасенія не дремлетъ; но козни его, при помощи Божіей, не имѣютъ вредныхъ слѣдствій. Въ нѣкоторыхъ старикахъ и новообращенныхъ проявлялось шаманство; но при первомъ словѣ священника, виновные искренно раскаивались. Нушегакская церковь, при основаніи своемъ (въ 1842) имѣвшая не болѣе 200 душъ и съ пришельцами, нынѣ считаетъ у себя болѣе 600 душъ. Миссіонеръ тамошній [1]) хотя и не изъ ученыхъ, но дѣйствуетъ со всѣмъ своимъ усердіемъ и не безъ умѣнья: только средства его были очень ограничены. А что всего для меня утѣшительнѣе, онъ и его подруга [2]) всѣ трудности и недостатки отъ мѣстности и обстоятельствъ переносятъ съ благодушіемъ и готовностію переносить и впредь. Въ бытность мою въ Нушегакѣ, многіе изъ крещенныхъ

---

[1]) Илья Ивановичъ Пѣтелинъ, зять преосвященнаго.

[2]) Дочь преосвященнаго Екатерина Ивановна Пѣтелина.

туземцовъ пріѣзжали, чтобы видѣть меня, и нѣкоторые изъ нихъ, спрошенные мною о догматахъ вѣры и о пути спасенія, удивили меня своими разумными отвѣтами; а одинъ изъ нихъ своею набожностію и усердіемъ удивляетъ самого миссіонера. Миссіонеръ сказывалъ мнѣ, что этотъ новообращенный (Василій и пожилой), при первой исповѣди своей, послѣ обыкновенныхъ отвѣтовъ на вопросы священника, вдругъ сталъ на колѣни и, глядя на образъ Спасителя, горько плакалъ и молился, говоря что-то. Усердіе этого Василія доказывается и тѣмъ, что онъ, оставя прежнее свое жилище, со всѣмъ семействомъ своимъ поселился близъ церкви.

Нынѣшнее лѣто (1845) я намѣреваюсь, послѣ Петропавловска (гдѣ по милости Божіей нахожусь со 2-го іюня), быть еще на Алеутскихъ островахъ; а на будущее лѣто думаю предпринять водою путешествіе по Камчаткѣ. (*Прибавл. къ изд. Твор. св. Отц. 1846 г., стр. 271—274 ч. IV*). Затѣмъ, получивши отчеты по закрытому Камчатскому духовному училищу, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Петропавловска обратно въ Новоархангельскъ, взявши съ собою всѣхъ учениковъ закрытаго училища. Въ это же время, въ письмѣ къ графу Протасову, преосвященный Иннокентій выразилъ свои завѣтныя мысли о народномъ образованіи. «Мысли мои совсѣмъ не новы»,—пишетъ преосвященный Иннокентій,—«и особенно для васъ; но такъ какъ мнѣ удалось отчасти приводить ихъ въ исполненіе самымъ дѣломъ, то вы, хотя въ нихъ не встрѣтите ничего новаго и особеннаго, но, такъ сказать, можете повѣрить самую практику съ вашими мнѣніями. Мысли мои заключаются въ томъ, что мы, какъ пастыри, какъ учители, какъ преемники Апостоловъ, непремѣнно должны вполнѣ соотвѣтствовать своему званію, т. е. мы должны учить. По нынѣшнимъ дѣйствіямъ нашимъ, мы почти ничто иное, какъ жрецы, какъ совершатели таинствъ и обрядовъ. Конечно, есть изъ насъ и такіе, и особенно изъ святителей нашихъ, которые по истинѣ стоятъ названія пастырей и учителей. Но надобно сказать откровенно, что ученія и поученія, которыя говорятся съ каѳедры или печатаются, весьма немногимъ доступны: ихъ слышатъ и понимаютъ только тѣ, которые получили нѣкоторое образованіе. Но большая часть народа, но цѣлая масса народа—остается совершенно безъ всякаго ученія и назиданія. Если когда и читаются и говорятся поученія простому народу, то они

или не могутъ понять ихъ, или вообще считаютъ ихъ такимъ же чтеніемъ, какъ чтеніе дьячковъ, (это я знаю по опыту)......Но что же малолѣтные? что же дѣти, которыхъ, надобно полагать, всегда вдвое противу возрастныхъ? Кто ихъ будетъ учить? Гдѣ они услышатъ наставленія и назиданія въ нравственности? Въ училищахъ? да будетъ позволено сказать откровеню, что при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ и попеченіи нашего правительства, въ училищахъ (я разумѣю низшихъ) ученіе нравственности есть послѣдній предметъ; и если выходятъ изъ училища нравственные, то, можно сказать навѣрное, что 8 изъ 10-ти таковыхъ получили основаніе нравственности въ домѣ родителей, и преимущественно отъ матерей. Но.....много ли изъ простаго народа имѣютъ случай быть въ училищахъ! Отъ кого же могутъ услышать наставленія тѣ, которые не имѣютъ случая быть въ училищахъ? Отъ пастырей? да! Отъ нихъ-то бы и должны дѣти слышать и учиться, но у насъ нѣтъ этого святаго обычая,—впрочемъ, по причинамъ весьма уважительнымъ. Отъ родителей? Но только благочестивые и свѣдущіе родители могутъ учить и научить дѣтей своихъ. И—Боже мой! сколько у насъ въ народѣ такихъ, которые рѣшительно ничего не знаютъ, и ни слова не слыхали ни отъ кого! Въ дѣтствѣ ихъ не учили; въ возрастѣ они не хотѣли учиться; а потомъ имъ некогда было учиться. И что̀ же таковые могутъ передать своимъ дѣтямъ!

И такъ, что же предпринять и дѣлать для того, чтобы поддерживать, распространять и укоренять благочестіе и нравственность въ простомъ народѣ? Учить,—и учить съ начала, съ основанія, т. е. начать учить дѣтей съ самаго малаго возраста, даже съ двухъ лѣтъ. Учить всѣхъ дѣтей простаго народа—вотъ мысль, которая давно меня занимаетъ, и которую мнѣ отчасти удалось приводить въ исполненіе и даже, благодареніе Господу! видѣть отъ того нѣкоторые плоды. Мысль эта родилась во мнѣ еще въ Иркутскѣ, и я представлялъ ее тамошнему преосвященному Михаилу (въ видѣ проэкта), который уважилъ ее и предписалъ всѣмъ градскимъ священникамъ поступать по моему проэкту. Но никто изъ моихъ собратій не хотѣлъ исполнить это,—я ни въ комъ не нашелъ единомыслящихъ со мною и такихъ, которые бы поддержали меня и содѣйствовали мнѣ,—кромѣ одного моего діакона. Это чрезвычайно меня огорчало; но Господь наградилъ меня за то: онъ

далъ мнѣ желаніе ѣхать въ Америку [1]). Тогда, какъ я получилъ это желаніе, первая мысль моя была: «вотъ тамъ-то я уже буду дѣйствовать одинъ, и буду учить, когда и какъ хочу»! И благодарю моего Бога,—я, сколько могъ, исполнялъ это во все мое пребываніе въ Америкѣ. И не только не находилъ никакого препятствія, или невозможности, или неудобства; но напротивъ того, всякій содѣйствовалъ мнѣ и всѣ принимали съ благодарностію. И если Алеуты любили и любятъ меня, то единственно за то, что я ихъ училъ.

Учить!...Прекрасная и извѣстная мысль; но возможно-ли привести это во всеобщее исполненіе! Въ уѣздныхъ городахъ, большихъ селеніяхъ и достаточныхъ приходахъ всегда возможно; въ однихъ только бѣдныхъ селахъ это невозможно: потому что время, которое нужно на это занятіе, священникъ принужденъ употреблять на сельскія работы. Но, какъ слышно, что уже Высочайше повелѣно найти мѣры и средства къ обезпеченію сельскаго духовенства. И когда послѣдуетъ это, т. е., что сельскіе священники могутъ удѣлять время для ученія,—то тогда рѣшительно вездѣ возможно будетъ учить.

1) Кого учить? Учиться Слову Божію могутъ и должны всѣ и каждый, сообразно своему возрасту, своему воспитанію, своему образованію и своимъ способностямъ. Но здѣсь я разумѣю однихъ малолѣтныхъ всякаго возраста, начиная даже отъ 2 лѣтъ до 16 и 18, и дѣтей обоего пола, но преимущественно дѣвушекъ, какъ будущихъ ма-

---

[1]) Считаю себя обязаннымъ всегда, вездѣ и предъ всѣми исповѣдывать, что желаніе ѣхать въ Америку, было совершенно не мое; но Господь, по великой милости Своей ко мнѣ, далъ мнѣ его. да позволено будетъ мнѣ разсказать кратко объ этомъ. Когда, по просьбѣ Американской Компаніи, было предписано отъ Св. Сѵнода Иркутскому преосвященному избрать священника на Уналашку, и который бы самъ изъявилъ свое желаніе; тогда сдѣлана была повсемѣстная повѣстка, а потому спрашивали и меня; но я, такъ какъ и всѣ, отрекся. Послѣ того, нѣкто изъ соотечественниковъ нашихъ—Крюковъ, прожившій въ Уналашкѣ 40 лѣтъ, прибылъ въ Иркутскъ и, остановясь въ моемъ приходѣ, познакомился со мною очень коротко. Онъ много разъ разсказывалъ мнѣ хорошаго о тамошнемъ краѣ и убѣждалъ меня ѣхать туда; но ничто и никакія выгоды не прельщали меня, и даже (не помню навѣрное), можетъ быть, онъ мнѣ разсказывалъ и объ усердіи Алеутовъ къ Христіан. вѣрѣ. Но я былъ глухъ. Наконецъ этотъ же самый Крюковъ, будучи у преосвященнаго Михаила, гдѣ случилось и мнѣ быть, между прочимъ, сказалъ слѣдующія слова: «Ахъ, Ваше Пр! Вы не повѣрите, какъ Алеуты усердны къ вѣрѣ. Несмотри ни начто,—ни на морозъ, ни на снѣгъ, они съ охотою и усердіемъ идутъ къ заутрени въ часовню, которая состроена изъ досокъ и не имѣетъ печки; и стоятъ, иногда даже и босые, не переступая съ ноги на ногу и до тѣхъ поръ, пока читаютъ заутреню». Эти самыя слова какъ стрѣлою уязвили мое сердце, и я загорѣлъ желаніемъ ѣхать въ Америку. И благодарю Господа и молю Его, дабы Онъ сподобилъ еще ѣхать туда и далъ мнѣ силы послужити Ему въ преподобіи и правдѣ во вся дни живота моего!

терей; а извѣстно, что никто не можетъ научить лучше нравственности, какъ мать, и у благочестивой матери, можно сказать, всегда дѣти будутъ нравственны.

2) Чему учить? Благочестію. Но по различію возрастовъ, какіе, я полагаю, должны быть и различные предметы ученія; или лучше сказать: предметъ ученія надобно раздѣлить на различныя степени. Отъ 2-хъ до 5—лѣтъ пусть, наприм., составятъ первый разрядъ; отъ 5 до 12—второй, отъ 12 и далѣе—третій. Конечно, нетрудно найти, чему и какъ учить дѣтей третьяго и втораго разряда; но чему учить первыхъ?

Молитвѣ. Цѣль воспитанія и просвѣщенія простаго класса людей должна быть единственно та, чтобы они были хорошіе христіане, хорошіе граждане, хорошіе супруги, хорошіе отцы семействъ, хорошіе хозяева, хорошіе члены общества и вѣрные сыны отечества, преданные своему государю, какъ истинно отцу отечества. Но всѣ сіи обязанности соединяются и имѣютъ свой зародышъ въ молитвѣ,—и именно въ той самой молитвѣ, каторой можно учить младенцовъ. Изложить этотъ предметъ пространнѣе здѣсь не мѣсто, и потому мы скажемъ здѣсь кратко. Всѣ вышеозначенныя обязанности можно раздѣлить на два вида. Однѣ основаны прямо на благочестіи, а другія на дѣятельности. А тѣ и другія составляютъ общее понятіе обязанностей, и корень и начало свое имѣютъ въ молитвѣ; потому что 1-е) молитвою и непремѣннымъ исполненіемъ молитвы въ назначенное время, дѣтямъ внушается, что они не животныя (вольныя), но чѣмъ-то обязаны; 2-е) что есть Кто-то, кому онѣ должны кланяться, и кланяться иначе, нежели людямъ; 3-е) такъ какъ молитва младенцовъ есть ничто иное, какъ механическое дѣйствіе, то таковая молитва болѣе или менѣе развиваетъ способность къ дѣятельности и пріучаетъ дѣтей къ терпѣнію; а безъ терпѣнія нельзя быть ни дѣятельнымъ, ни благочестивымъ; и 4) дитя, чистою и непремѣнною молитвою, современемъ можетъ получить привычку молиться; а великое дѣло—имѣть таковую привычку. Дальнѣйшее ученіе дѣтей благочестію и дѣятельности, очевидно, должно состоять въ развитіи понятія обязанностей и въ пріученіи ихъ къ прямому трудолюбію разнаго рода. Съ 12-лѣтняго возраста надобно иногда дѣтей раздѣлять по полу, и каждый полъ учить своимъ обязанностямъ. Быть христіаниномъ и быть

полезнымъ обществу—должно быть общимъ и всегдашнимъ предметомъ и экстрактомъ всякаго ученія и всякой бесѣды. Современемъ же, кажется, очень возможно будетъ учить дѣтей и чтенію, по легчайшей методѣ, и по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые пожелаютъ и болѣе способны, но таковой долженъ быть второстепеннымъ, а не первымъ и главнымъ.

3) Какъ учить?—Это есть одно изъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ. Школьная метода, т. е. учить наизусть катихизисъ и проч., будетъ не совсѣмъ полезна; потому что очень мало найдется изъ дѣтей такихъ, которыя будутъ умѣть читать, а учить ихъ диктовкою очень трудно, и диктовкою можно заставить выучить только то, что необходимо знать. Самый лучшій и простой способъ ученія есть обыкновенный разсказъ или простая бесѣда. Конечно, и здѣсь надобна своя метода и свой планъ единства; потому что различныя способности и различное образованіе учащихъ, и различный образъ мыслей и различное ихъ усердіе къ дѣлу могутъ имѣть весьма различный успѣхъ и различное вліяніе на ученіе дѣтей и просвѣщеніе народа.

Но за методою или способомъ ученія дѣло не станетъ. Первостоятели наши дадутъ намъ руководства. Но такъ какъ опытность нигдѣ не можетъ быть пренебрежена, и для того, чтобы, такъ сказать, болѣе развязать языкъ тѣхъ изъ учащихъ, которые не знаютъ что и какъ говорить съ дѣтьми, и для соблюденія единства ученія, можно предписать всѣмъ законоучителямъ и священно-служителямъ, чтобы они написали свои мнѣнія о способѣ преподаванія и составили бы образчики самыхъ бесѣдъ—или въ видѣ разговоровъ, или въ вопросахъ и отвѣтахъ и проч.— и представили бы ихъ своимъ архіереямъ; а тѣ, выбравъ изъ нихъ дѣльныя, представятъ ихъ Св. Сѵноду. Если даютъ преміи за рѣшеніе и географическихъ задачъ, то весьма будетъ полезно предоставить и каждому архіерею выдать нѣсколько премій тѣмъ, чьи мнѣнія и бесѣды окажутся лучшими изъ ихъ епархіи; а лучшіе изъ всѣхъ, безъ сомнѣнія, будутъ уважены по достоинству.

4) Гдѣ мѣсто для ученія?—Для этого совсѣмъ не надобно строить и заводить особенные дома. Та же церковь, гдѣ совершаются таинства и молитвы, можетъ быть и мѣстомъ ученія благочестію. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придется только позаботиться, чтобы церкви были зимою не холодны, и еще сдѣлать нѣсколько ска-

ней, на которыхъ будутъ сидѣть дѣти; а болѣе этого ничего не нужно. Конечно, здѣсь встрѣтится главное неудобство въ томъ, что такъ какъ у насъ церкви находятся не въ каждомъ селеніи, то гдѣ и какъ учить дѣтей тѣхъ селеній, гдѣ нѣтъ церквей?—Но можно сказать утвердительно, что во всякомъ селеніи найдутся нѣсколько такихъ благочестивыхъ и благонамѣренныхъ хозяевъ, которые позволятъ по временамъ собираться дѣтямъ въ ихъ домахъ.

5) Кто учители?—Священнослужители и даже причетники. Учить народъ есть существенная обязанность первыхъ, а послѣдніе всегда должны быть ихъ помощниками. Учить народъ —это одно только можетъ поставить простое духовенство на ту степень общества и уваженія, на которыхъ они должны быть по своему сану. Это сдѣлаетъ священниковъ въ точномъ смыслѣ отцами своихъ прихожанъ. И это есть вѣрный способъ улучшенія благосостоянія духовенства. Боже мой! что можетъ быть приличнѣе, святѣе и восхитительнѣе, какъ видѣть пастыря, бесѣдующаго съ дѣтьми и поучающаго ихъ! Что можетъ быть восхитительнѣе для пастыря, какъ видѣть цѣлое поколѣніе, воспитанное его словомъ! Тогда, точно, онъ есть пастырь, котораго голосъ знаютъ овцы его и пастырь, который знаетъ овецъ своихъ и котораго знаютъ овцы его. И кто изъ прихожанъ его не будетъ уважать его тогда, и уважать точно, какъ отца и друга? И кто откажется сдѣлать ему пособіе, въ случаѣ нужды?... Чему же будутъ учить дьячки? первоначальной молитвѣ, и диктотовать уроки. Это—дѣло для нихъ не трудное и всякому изъ нихъ по силамъ.

6) Когда учить?—Самое лучшее время для ученія есть праздники, и именно часъ до обѣдни (какъ дѣлалъ и я). Конечно, можно бы определить времени и побольше, но на первый разъ и этого довольно. Положимъ, что каждому дитяти удастся быть на такомъ ученіи и 50 разъ въ годъ; то этотъ курсъ почти будетъ равняться обыкновенному училищному.

7) Какія средства къ тому?—Почти никакихъ; потому что здѣсь не надобно ни книгъ, ни бумаги, ни надзирателей, ни прислуги, ни пищи, ни одежды; только, можетъ быть, нужна будетъ небольшая сумма на поощреніе и награды лучшимъ ученикамъ картинками или книжками. Впрочемъ, для улучшенія таковыхъ церковныхъ, или лучше сказать, нравственныхъ училищъ, не можно-ли будетъ совре-

менемъ употребить и самыя средства и пособія, которыя правительство даетъ на сельскія школы, и тѣмъ соединить ихъ въ одно? Раздача картинокъ можетъ быть сколько наградою и поощреніемъ, столько и способомъ къ наученію дѣтей, если таковыя картинки будутъ представлять что нибудь изъ Св. Исторіи или какой нибудь подвигъ христіанскій и проч. Изданіе таковыхъ картинокъ будетъ дѣломъ особеннымъ и немаловажнымъ, и слѣдовательно потребуются издержки; но на таковое дѣло у насъ всегда найдутся люди, которые усердно помогутъ, если бы и нужно было прибѣгнуть къ такому средству.

8) Какъ заставить учить?—Мы Русскіе; и потому, скажи Государь нашъ слово,—и тотчасъ явятся ревностные пастыри и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ можно узнать. Предоставить на совѣсть и волю каждаго приходскаго священника, конечно, была бы самая благороднѣйшая мѣра; но теперь она еще не для всѣхъ будетъ дѣйствительна. Учить паству есть первѣйшая обязанность пастыря; слѣдовательно, всякая побудительная къ тому мѣра будетъ законна и свята, и всякое взысканіе, и даже строгое, за неисполненіе этой обязанности, будетъ весьма справедливо. Здѣсь особенно будетъ у мѣста и полезенъ надзоръ благочинныхъ, которые нынѣ ничто иное, какъ духовные полицмейстеры; а тогда они въ точномъ смыслѣ будутъ попечителями церквей, окомъ архипастыря и проч. Награды, которыхъ нынѣ удостоивается бѣлое духовенство, могутъ быть присвоены преимущественно учащимъ. Жалованье было бы самою справедливою мѣрою къ тому.—Но возможно-ли это? Слухи носятся, что сельскимъ священникамъ будетъ положено жалованье. Этотъ случай, кажется, весьма кстати употребить мѣрою и средствомъ къ тому, назначивъ часть жалованья, или все, именно за ученіе дѣтей нравственности.

9) Какъ заставить учиться?—Для сего не нужно прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ; потому что и теперь есть помѣщики, которые усердно желаютъ того, чтобы у насъ ввелся такой обычай, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ сказывали, даже убѣдили своихъ священниковъ заняться этимъ и даютъ имъ за то жалованье. И кажется, нельзя предполагать, чтобы изъ нихъ явился такой, который бы воспрещалъ своимъ крестьянамъ посылать дѣтей своихъ въ церковь въ назначенный часъ. А что касается до самихъ крестьянъ, то стоитъ только объяснить имъ цѣль и важность таковыхъ учрежденій,

и большая часть изъ нихъ приметъ съ благодарностію, и навѣрное, никто не откажется посылать дѣтей своихъ; особливо, если это будетъ сдѣлано именемъ вѣры, и самими священниками или благочинными. Въ русскомъ народѣ есть столько добрыхъ качествъ и столько прекрасныхъ элементовъ, что изъ него можно сдѣлать, по истинѣ, первый народъ, а въ уваженіи къ религіи едва ли кто и теперь сравняется съ ними. Простой народъ очень любитъ слушать бесѣды о божествѣ (какъ они говорятъ); и потому можно быть увѣрену, что къ слушанію бесѣдъ дѣтскихъ будутъ приходить и взрослые, и особливо старушки и старики.

10) Какія можно встрѣтить препятствія?—Если на этотъ предметъ обращать вниманіе и понимать его, какъ государственное дѣло, и такое, которое касается спасенія душъ и которое прямо способствуетъ просвѣщенію народа и, слѣдовательно, ведетъ къ прочному и истинному благу Отечества,—то едва ли можно встрѣтить какія либо препятствія, или какихъ препятствій невозможно устранить! Но если смотрѣть на это, какъ просто на полезное дѣло, то и тогда не много будетъ препятствій. Главное препятствіе или затрудненіе будетъ со стороны самого духовенства, которое испыталъ и я. Бесѣдовать съ дѣтьми, хотя и не надобно большой учености и краснорѣчія, но надобно умѣть, что̀ говорить и какъ говорить. Въ школьномъ преподаваніи это облегчается книжками и другими руководствами. Но бесѣдовать съ дѣтьми или учить дѣтей публично, и особливо въ губернскомъ городѣ, и тому, кто, до поступленія къ должности учителя или наставника, почти не видалъ ни людей, ни свѣта,—и самаго способнѣйшаго изъ насъ поставитъ въ затрудненіе. Стыдъ, робость, ненадѣянность, новость, непривычка—все это смущаетъ и связываетъ до того, что едва можно сказать слово. Но это можно облегчить тѣмъ, если по методѣ, какая дана намъ будетъ для руководства, будутъ составлены и самыя бесѣды, написанныя самымъ простымъ языкомъ и на каждый день: тогда всякій священникъ будетъ въ состояніи бесѣдовать и учить; потому что ему придется сказать отъ себя уже нѣсколько словъ. Всякая новость, которая требуетъ вниманія и дѣятельнаго исполненія, обыкновенно не всѣмъ бываетъ пріятна; такъ будетъ и здѣсь. Кто къ чему не имѣетъ собственнаго желанія и расположенія, тотъ всегда найдетъ отговорки; то же будетъ и здѣсь. И здѣсь будутъ представлять, напр., что священ-

ники не будутъ имѣть времени, что не всѣхъ прихожанъ можно будетъ убѣдить къ тому и пр. Но всѣ таковыя отговорки ничто иное, какъ только отговорки, а не причины. Конечно, для священниковъ беднѣйшихъ селеній, гдѣ они принуждены сами работать наравнѣ съ крестьянами, въ самомъ дѣлѣ, мало времени для таковыхъ бесѣдъ; но усердіе и здѣсь найдетъ время и случай сказать нѣсколько словъ. Но что касается до другихъ священниковъ, то они всегда могутъ имѣть время, всегда могутъ удѣлить одинъ часъ въ недѣлю, точно такъ же, какъ они имѣютъ время для отправленія обѣдни; и едва ли въ цѣлый годъ бываетъ такой случай, гдѣ священникъ принужденъ бываетъ оставить обѣдню для другихъ требъ. Главнѣйшая треба, которая можетъ отвлекать отъ ученія, есть напутствіе умирающаго; но если прихожане будутъ знать, что священникъ до обѣдни занятъ дѣломъ важнѣйшимъ, то безъ крайней нужды не будутъ его безпокоить въ этотъ часъ, такъ, какъ они не безпокоятъ его во время обѣдни. Другія же требы, какъ-то: крещеніе, молебны и проч., рѣшительно могутъ быть отлагаемы до другаго времени. Но положимъ, что и въ самомъ дѣлѣ, могутъ встрѣтиться случаи, которые воспрепятствуютъ заняться ученіемъ; но за то много найдется дней, когда не встрѣтится никакихъ препятствій. Болѣе другихъ уважительны препятствія по времени года; т. е., можетъ быть, зимою, для нѣкоторыхъ дѣтей будетъ холодно ходить въ церковь, или церковь будетъ слишкомъ холодна и проч.; но съ марта или апрѣля по октябрь и даже ноябрь, т. е. въ теченіи почти 8 мѣсяцевъ, можетъ быть не менѣе 32-хъ бесѣдъ, и слѣдовательно, 32 урока могутъ быть преподаны. Еще можно встрѣтить—не то, что препятствіе, но нѣкоторое противорѣчіе со стороны людскихъ мнѣній. Могутъ сказать, что гораздо полезнѣе, вмѣсто такихъ учрежденій, завести вездѣ школы и учить дѣтей не одной нравственности, и гдѣ священники будутъ учить закону Божію. И тогда это будетъ гораздо полезнѣе для самихъ крестьянъ, нежели учить дѣтей только въ церкви, и особливо двухлѣтнихъ. Ибо, что̀ они могутъ понять въ короткое время и въ такомъ возрастѣ? Даже скажутъ нѣкоторые: для чего учить дѣтей молитвѣ, когда они не могутъ понимать ни слова? будетъ время, придутъ въ возрастъ— и сами станутъ молиться. Такихъ возраженій можно встрѣтить множество. Но, ничуть не отвергая пользы и необходимости народныхъ школъ, можно только представить на видъ то, что общежитіе въ шко-

лахъ, при недостаточномъ надзорѣ, т. е. безъ дядекъ или гувернеровъ, для нравственности можетъ быть очень вредно; ибо отъ одного шалуна научаются и перенимаютъ прочіе. А собраніе дѣтей въ церковь въ назначенный часъ, гдѣ они не будутъ имѣть даже минуты свободной, не даетъ имъ времени даже ознакомиться другъ съ другомъ. И притомъ, учредить школы вездѣ и для всѣхъ дѣтей обоего пола, есть дѣло величайшее.

Наконецъ, будетъ-ли отъ этого польза?—Конечно, успѣхъ всякаго добраго дѣла зависитъ отъ Бога; но Господь всегда благословляетъ и споспѣшествуетъ всякому доброму дѣлу. Но что, если Господь благословитъ это?—то какіе и сколько будетъ прекраснѣйшихъ плодовъ даже чрезъ 15 лѣтъ! А чрезъ 20 лѣтъ нельзя будетъ узнать Россію. Исчислять пользу таковыхъ учрежденій, значитъ то же, что исчислять пользу истиннаго просвѣщенія; но мы представимъ здѣсь нѣсколько и другихъ, такъ сказать, второстепенныхъ пользъ. a) Если всякая школа и всякое ученіе простой грамотѣ болѣе или менѣе, но способствуетъ къ просвѣщенію; то кольми паче ученіе, котораго цѣль будетъ прямо и исключительно нравственность и христіанство. b) Если и самая сухая наука развиваетъ понятіе дѣтей и научаетъ ихъ нѣсколько мыслить, то и ученіе благочестію, если и не болѣе, но отнюдь не менѣе будетъ способствовать тому во всякомъ случаѣ. c) Если предположить, что дитя въ теченіи года успѣетъ быть и при 30 бесѣдахъ, и если изъ всего того, что онъ можетъ услышать и понять, останется у него въ головѣ и 10-я часть, а на сердце падетъ и 100-я; то въ 10 или 12 лѣтъ у него наберется порядочный запасъ въ умѣ и сердцѣ. d) Слушаніе бесѣдъ можетъ принести, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что дѣти, пришедши въ возрастъ, будутъ имѣть нѣкоторый навыкъ и привычку слушать проповѣди и понимать ихъ болѣе, нежели тѣ, которые съ дѣтства не слыхали ничего и ни отъ кого; а особливо, если проповѣдь говорится или читается тѣмъ, кого они привыкли слышать съ дѣтства. e) Таковое учрежденіе болѣе или менѣе, но вѣрно будетъ дѣйствовать на самый корень зла общественнаго, и потому болѣе или менѣе, но вѣрно уменьшитъ и преступленія. f) Но въ народѣ, остающемся безъ нравственнаго ученія, такъ или иначе, но развратъ и нравственная грубость увеличиваются болѣе и болѣе, а съ ними и преступленія; и если кое-гдѣ и являются грамотѣи и кажется, что менѣе видимъ раз-

врать; но это не есть еще просвѣщеніе, а только утонченность; а грамотность безъ нравственности служитъ болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ. Сверхъ всякихъ плодовъ и успѣховъ отъ таковыхъ учрежденій, можетъ быть еще и тотъ, что таковымъ способомъ ученія прихожанъ можетъ болѣе и болѣе улучшаться и самая духовная сторона самихъ священниковъ. Это я говорю по опыту. До тѣхъ поръ, пока я не училъ, хотя и зналъ, что есть духовныя утѣшенія вѣры, но, признаюсь, я зналъ ихъ только, такъ сказать, въ теоріи. И только тогда Господь благоволилъ мнѣ вкусить ихъ, когда я сталъ учить. И потому весьма справедливо говорится, что «уча учимся».

Измѣреніе просвѣщенія народнаго числомъ грамотѣевъ, кажется, очень можетъ быть ошибочно: потому что грамотность безъ нравственности у простаго народа есть то же, что ножъ у своевольнаго ребенка. Кто, большею частію, причиною разныхъ возмущеній, бунтовъ, революцій, расколовъ? безнравственные грамотѣи. И слѣдовательно, кто опаснѣе для спокойствія отечества?—безнравственные грамотѣи. Многіе думаютъ, что просвѣтить народъ и сдѣлать его нравственнымъ можно не иначе, какъ только грамотностію. И въ доказательство того указываютъ на Пруссію, гдѣ почти каждый селянинъ грамотенъ. Но тамъ грамотность не есть или, по крайней мѣрѣ, есть не столько причиною ихъ просвѣщенія, сколько слѣдствіемъ просвѣщенія, котораго основаніе находится въ ихъ обычаяхъ. Въ Парижѣ и около Парижа грамотныхъ не менѣе Пруссіи, но гдѣ болѣе разврата, возмущеній, переворотовъ, безпокойствъ? И отчего?—оттого, что у нихъ просвѣщаютъ одинъ только умъ. А сердце? а нравственность?—До нихъ никто и не дотрогивается.

Вотъ мои мысли, которыя лежатъ у меня на душѣ и которыя я хотѣлъ высказать вашему сіятельству. И прежде всего приношу мою благодарность за то, что вы выслушали меня. Но справедливы-ли мои мысли? Не знаю; но ежели я гдѣ и ошибаюсь, то это отъ недостатка ума и опытности, но отнюдь не отъ недостатка благонамѣренности и благожеланія пользы моимъ соотечественникамъ. И польза, какой я ожидаю отъ таковыхъ учрежденій, не мечта-ли?... Но сладкая мечта, и пусть она меня не оставляетъ.

Высказавъ откровенно все, что я думалъ объ этомъ предметѣ, не сдѣлалъ-ли я оскорбленія или дерзости? Не знаю. И если и такъ, то это отнюдь не отъ продерзости или тщеславія и проч., но отъ

полноты чувствъ моихъ и искреннѣйшаго желанія блага. И простите меня великодушно, и забудьте меня въ этомъ отношеніи, но и во всякомъ случаѣ скройте мое имя, если бы какая нибудь мысль и пригодна была бы къ дѣлу. Я не хочу ни наградъ, ни извѣстности.... но что будетъ со мною, если бы Господь благоволилъ мнѣ видѣть это учрежденіе приведеннымъ въ дѣйствіе—и въ немъ и мою лепту! О, тогда я умру отъ радости, сладко умру!.....» *(Рукопись Моск. Епарх. Библіотеки Общ. Люб. Духовн. просвѣщ.)*.

XIII

Въ 1846 году, преосвященный Иннокентій предпринялъ путешествіе по Азіи и, по пути, въ третій разъ изъ Америки, заѣхалъ въ Камчатку. О семъ прибытіи владыки вотъ что пишетъ благочинный Камчатскихъ церквей, протоіерей П. В. Громовъ, проживавшій еще въ то время въ Петропавловскѣ, въ ожиданіи преемника на свое мѣсто, вслѣдствіе своего перемѣщенія въ Иркутскъ: «13-го августа, преосвященный Иннокентій прибылъ въ Петропавловскъ и былъ встрѣченъ новымъ начальникомъ Камчатки, смѣнившимъ Страннолюбскаго, Р. Г. Машинымъ. А 17-го, прибылъ изъ Охотска, на транспортѣ «Иртышъ», и мой преемникъ, протоіерей Евсевій Васильевичъ Протопоповъ. Приходъ изъ Охотска судна въ Камчатку составляетъ эпоху. Появляются новыя лица, новое продовольствіе и новые товары, а главное, привозится полугодовая почта. Много работы при разборкѣ накопляющихся съ разныхъ мѣстъ Россіи на долю Камчатки бумагъ. Вечеромъ, къ этой разборкѣ пригласилъ преосвященный Иннокентій меня и отца Евсевія. Вдругъ владыка подаетъ мнѣ одинъ сvнодальный указъ, ничего не говоря; я прочиталъ и подалъ ему молча. Дѣло вотъ въ чемъ: одинъ иновѣрецъ, въ 1841 году, умирая, пожертвовалъ Камчатскому собору свой, порядочно устроенный, домъ. При первомъ посѣщеніи владыкою Петропавловска, я поднесъ ему планъ мѣстности и фасадъ дома и проэктъ представленія Св. Сvноду объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на укрѣпленіе этой недвижимости за соборомъ; преосвященному показалось неумѣстнымъ утруждать Государя докладомъ о

домишкѣ, стоющемъ не болѣе 800 рублей, и онъ приказалъ изготовить въ Сѵнодъ короткое донесеніе, что домъ пожертвованъ и принятъ. И на это-то донесеніе послѣдовалъ теперь указъ, молча перешедшій изъ рукъ въ руки, которымъ владыкѣ дѣлалось замѣчаніе за несоблюденіе формальностей, и требовалось выполненіе оныхъ. 22 августа, преосвященный Иннокентій совершалъ литургію въ соборѣ. За этою литургіею сподобились, отъ руки первосвятителя Камчатскаго, принять пречистыя тайны, какъ напутствіе на морское плаваніе, моя жена и дѣти. Послѣ литургіи, владыка, на этотъ разъ опять имѣвшій квартиру отъ порта, почтилъ перваго меня своимъ посѣщеніемъ. Затѣмъ былъ радушный обѣдъ у новаго начальника Камчатки, въ честь торжества коронаціи Государя Императора Николая Павловича и во изъявленіе почета гостю—преосвященному Иннокентію. Звонъ и пушечная пальба сопровождали торжество дня. 26 августа, преосвященный наградилъ меня свидѣтельствомъ, въ которомъ пребываніе мое въ Камчаткѣ удостоилъ назвать достославнымъ двѣнадцатилѣтнимъ служеніемъ и поручилъ мнѣ обозрѣть въ Охотскѣ тамошній соборъ во всѣхъ подробностяхъ и письменныя дѣла его, а также и дѣла по тамошнему благочинію, и въ то же время заняться преподаваніемъ дѣтямъ воскресныхъ уроковъ, съ тѣмъ, чтобъ во все время прожитія въ Охотскѣ состоять мнѣ первенствующимъ членомъ тамошняго соборнаго причта, съ полученіемъ содержанія. А вечеромъ того дня, владыка пригласилъ меня, моего преемника и начальника Камчатки выпить по бокалу шампанскаго въ честь дня своего рожденія, которымъ начинался 50-й годъ его жизни. Съ тѣмъ вмѣстѣ это была прощальная вечеря, такъ какъ преосвященный назначилъ на завтра свое отправленіе моремъ въ Нижнекамчатскъ. По утру 27 числа, семья моя приняла послѣднее благословеніе отъ готоваго сокрыться отъ взоровъ нашихъ владыки; а распроститься со мною назначилъ онъ на приготовленномъ для него суднѣ, на которое, въ 3 часа пополудни, явились начальникъ Камчатки и я съ моимъ преемникомъ. Смотря на стоящій вблизи на якорѣ огромный трехмачтовый транспортъ «Иртышъ,» на которомъ предлежало плыть мнѣ, всевозможныя случайности перебралъ я въ своемъ умѣ и, полагая, что владыка, какъ обыкшій къ плаванію по морямъ, свободенъ отъ морской болѣзни, я попросилъ у него совѣта, какъ отъ нея избавляться?—

И удивилъ меня преосвященный отвѣтомъ своимъ. «Я и самъ не умѣю отъ нея избавиться», сказалъ онъ:— «только что судно снимается съ якоря, я плачу обычную дань: ложусь въ койку, отъ которой трое сутокъ не отнимаютъ тазика,—но затѣмъ уже бываю здоровъ.» Наконецъ, наступила минута послѣдняго на землѣ, какъ тогда полагали мы, личнаго нашего собесѣдованія. Владыка облобызалъ меня съ отеческою любовію, благословилъ благословеніями земными и небесными, и его судно стало сниматься съ якоря. Вышедши на берегъ, до тѣхъ поръ слѣдили мы взорами за удаляющимся архипастыремъ, пока судно не скрылось за Раковый мысъ. Скоро сигналы возвѣстили, что судно изъ Авачинской губы вышло благополучно въ море. Разлука навсегда съ добрѣйшимъ архипастыремъ легла камнемъ на мое сердце.» *(Иркут. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 30)*. Относительно средства отъ морской болѣзни, преосвященный Иннокентій впослѣдствіи, какъ уже испытавшій, объявилъ въ газетахъ, что онъ совершенно избавился отъ укачиванія, держа за щекою сырую луковицу. *(Зап. Гидрограф. Департ. Морск. мин. ч. V, 1847 г., стр. 49)*.

О путешествіи преосвященнаго Иннокентія по Азіи и о его дѣйствіяхъ на материкѣ Восточной Сибири, мы приводимъ слѣдующее письмо его, изъ Аяна, къ митрополиту Московскому Филарету, отъ 22 іюля 1847 года: «Путешествіе мое по Азіи, начавшееся съ 31 августа 1846 года (не считая морскихъ плаваній), слава Богу, кончилось благополучно; 5 іюля 1847 года я возвратился въ Аянъ, гдѣ остаюсь въ ожиданіи отхода судна. Нынѣ привелось мнѣ проѣхать лишнихъ двѣ съ половиною тысячи верстъ, частію оттого, что Камчатская епархія, въ сравненіи съ 1843 годомъ, сдѣлалась обширнѣе: предѣлы ея къ юго-западу отъ Охотска касаются Китайскихъ границъ;—частію оттого, что я опасался ѣхать изъ Охотска прямо въ Аянъ: ибо время было позднее, а ѣхать надобно было большою частію по рѣкѣ Маѣ; и оттого я ѣхалъ обыкновенно Охотскою дорогою, почти до самаго Якутска; оставалось только 140 верстъ. Оттуда поворотили мы на новоустроенную Компаніею Аянскую дорогу, которая со временемъ гораздо будетъ лучше, чѣмъ Охотская. О лѣтней же дорогѣ изъ Аяна въ Якутскъ и говорить нечего; вмѣсто 30 или 35 дней верховой ѣзды, какъ это было изъ Охотска, нынѣ изъ Аяна надобно проѣхать только 250 верстъ, по расчищенной дорогѣ не болѣе, какъ въ 6 дней, и потомъ сѣсть

въ лодку и плыть даже до самаго Якутска. Очень желательно, чтобы казна обратила вниманіе на Аянъ и Аянскую дорогу, и станціи съ Охотской дороги перенесло на оную.

Изъ Охотска мы выѣхали 26 марта и въ Аянъ пріѣхали 5 мая. Весенняя распутица заставила меня бросить повозку и ѣхать на простыхъ дровняхъ, съ зонтомъ изъ парусины, и ѣхать и на лошадяхъ, и на оленяхъ, и на собакахъ (въ одномъ мѣстѣ кладъ везли на быкахъ). Я боялся, что глаза мои сдѣлаются хуже отъ яркаго свѣта солнечнаго, отражающагося отъ снѣгу; но, благодареніе Господу! я не пострадалъ отъ этого нисколько; а всѣ непріятности и безпокойства, какія приходилось испытать, уже забыты, и я опять готовъ ѣхать; и точно, если Господу будетъ угодно, я не отказываюсь и еще сдѣлать третье путешествіе.

По прибытіи въ Аянъ, открылся случай побывать и въ новоотчисленномъ отъ Иркутской епархіи краѣ Удскомъ. И я этимъ случаемъ воспользовался. 6 іюня отправился я, со всею свитою моею, въ байдаркѣ; 17-го прибыли мы въ устье рѣки Уды, а 19-го прибыли въ самое Удское, отстоящее отъ устья въ 90 верстахъ. Здѣсь Господь помогъ мнѣ и еще совершить освященіе новосозданнаго храма (это было уже въ четвертый разъ, въ нынѣшнее мое путешествіе); 26-го числа выѣхали изъ устья рѣки Уды, въ байдаркахъ и лодкахъ, и 5-го іюля прибыли въ Аянъ.

Неутѣшительно состояніе Удскихъ жителей, и духовное и внѣшнее. Склонность къ пьянству до того сильна въ крестьянахъ и поселенцахъ, что и прогонныя деньги, полученныя отъ меня съ особеннымъ увѣщаніемъ употребить ихъ въ пользу свою и своихъ голодующихъ семействъ, почти всѣ употребили на вино.

Одно утѣшаетъ меня относительно Удскихъ прихожанъ, что число крестьянъ и поселенцевъ не велико, и большую часть составляютъ Тунгусы, которые такъ же добры, какъ и ихъ собратія, живущіе между Гижигою и Охотскомъ.

Свѣтъ Евангелія начинаетъ распространяться съ нашей стороны и за предѣлы Китайской границы (впрочемъ, безъ всякаго моего содѣйствія). Удскій священникъ, во время своихъ поѣздокъ по приходу, имѣетъ случай видѣться, на урочищѣ Буруканъ, съ Нигидальцами и другими инородцами, живущими въ предѣлахъ Китайской имперіи, которые приходятъ за промыслами и торговлею. При всякомъ свиданіи,

священникъ бесѣдовалъ съ ними о спасеніи души, и бесѣды его, при содѣйствіи Божіемъ, не остались безъ плода: въ 1845 году (когда Удская церковь была уже причислена къ Камчатской епархіи), окрестилось изъ нихъ 9 человѣкъ, въ 1846-мъ—3 человѣка. Одинъ изъ нихъ показалъ рѣдкое усердіе къ принятію св. крещенія.

Посильные дѣйствія и труды нашихъ миссіонеровъ Господь благословляетъ видимыми успѣхами. Въ 1845 и половинѣ 1846 года окрещено болѣе 1000 человѣкъ. Въ томъ числѣ, болѣе ста Чукочъ азіатскихъ (въ Анадырскѣ). Самое большое число обращено въ Квихпакской миссіи, (298 душъ) и осталось много оглашенныхъ. 199 человѣкъ пріобрѣтено Нушегакскимъ миссіонеромъ. который впрочемъ, за болѣзнію, переведенъ въ Кадьякъ, и мѣсто его остается празднымъ. Кенайскій миссіонеръ, отъ котораго еще не получено оффиціальныхъ донесеній (іеромонахъ Николай, взятый мною изъ Виѳаніи), ревностно подвизается на своемъ поприщѣ, и въ первыя свои поѣздки окрестилъ Кенайцевъ болѣе 200 человѣкъ и мѵропомазалъ 75. Прибытіе въ Ситху священника, вмѣсто іеромонаха Мисаила, дало возможность тамошнему священнику П. Литвинцеву (переведенному изъ Кадьяка) заняться бесѣдами съ Колошами; и вслѣдствіе сего окрестились нынѣшнею весною 36 человѣкъ, и многія женщины, какъ пишетъ священникъ, неотступно просятъ о крещеніи. Церковь для нихъ, устрояемая внѣ крѣпости, приходитъ къ окончанію. При этомъ, Колоши показываютъ свое усердіе, помогая въ доставкѣ лѣса и проч. Это меня очень радуетъ, ибо на построеніе особой для нихъ церкви они долго не соглашались, и потому я не надѣялся, чтобы они стали помогать при устроеніи церкви. И такъ, по милости Божіей, я надѣюсь и еще совершить освященіе новаго храма, вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Ситху, которое, полагаю, будетъ около 26 августа. Изъ Аяна намѣрены мы отправиться 24 іюля. *(Прибавл. къ изд. Твор. св. Отц. 1848 года. VII, стр. 131—134).*

Передъ своимъ выѣздомъ изъ Аяна, преосвященный Иннокентій писалъ (отъ 14 іюля 1847 года) Варварѣ Сергѣевнѣ Шереметевой: «Да воздастъ вамъ Господь и въ сей жизни, и въ будущей за ту любовь, которую вы такъ постоянно имѣете ко мнѣ—недостойному служителю Его слова! Я никогда и ничѣмъ не въ состояніи возблагодарить васъ за неоставленіе моего Гани. [1]) Богъ вамъ награда. Съ

[1]) Гавріилъ Ивановичъ.

сердечнымъ удовольствіемъ получилъ я два письма ваши, въ коихъ вы, между прочимъ, извѣщаете меня о вашихъ родныхъ. Сердечно радъ, что они всѣ, кромѣ почтеннѣйшей вашей бабушки, здоровы. Я не слыхалъ еще, что у графини Анны Сергѣевны родился сынъ—и это меня очень порадовало. Дай Богъ ей еще и еще. Если у такой матери, какъ она, не будетъ дѣтей,—это несчастіе не для ней одной, но очень, очень многихъ. Я ее высоко уважаю за то, что она христіански воспитывала своего перваго сына, и въ то же время имѣла смиреніе христіанское. Она вѣрно помнитъ сказанныя ей мною слова, когда я узналъ, что она учитъ сына молиться. Помню и разсказываю другимъ и я слова ея. Покорнѣйше прошу объявить мое искреннее почтеніе ей и, въ особенности, вашей маменькѣ и всѣмъ вашимъ роднымъ. О, будьте увѣрены: я помню, помню всѣхъ васъ, не помню нѣкоторыхъ черты лица, но помню любовь всѣхъ и не забуду.

Извините, писать болѣе не имѣю времени. 7-го іюля кончилъ мое путешествіе по твердой землѣ и около 20-го начну морское. Прощайте, Господь съ вами всѣми!

P. S. Я отъ отца Герасима нынѣ не получилъ письма и не успѣлъ написать къ нему. Потрудитесь, при случаѣ, приписать ему отъ меня поклонъ».

По возвращеніи своемъ изъ Аяна въ Ситху, преосвященный Иннокентій, въ письмѣ отъ 1 мая 1848 года, подробно знакомитъ митрополита Филарета съ учрежденными имъ миссіями: «Благословенъ Господь Богъ, хранящій меня до нынѣ во всѣхъ путяхъ моихъ и благоволившій благополучно кончить второе путешествіе мое по Азіи! 24 іюля 1847 г. отправились мы изъ Аяна и 23 августа благополучно пришли въ Ситху. Затѣмъ вскорѣ начали собираться суда, бывшія по колоніямъ и въ Камчаткѣ, и привозить къ намъ извѣстія. И, слава Богу! вездѣ и во всемъ миръ. Изъ полученныхъ мною въ прошедшемъ (1847) сентябрѣ отъ Кенайскаго и Квихпакскаго миссіонеровъ донесеній видно, что Господь не перестаетъ благословлять дѣйствія ихъ видимыми успѣхами; а миссіонеры дѣйствуютъ со всею ревностью, благоразуміемъ [1]) и совершеннымъ безкорыстіемъ.

[1]) Изъ дѣйствій ихъ видно, что они совсѣмъ не имѣютъ въ виду стараться увеличивать число крещенныхъ; напротивъ того, со всѣми предосторожностями принимаютъ и приходящихъ къ нимъ креститься.

О Кенайской миссіи. Мѣстопребываніе Кенайскаго миссіонера— въ заливѣ того же названія, въ Компанейскомъ редутѣ, называемомъ Николаевскимъ.

Со времени прибытія миссіонера іеромонаха Николая (который поступилъ ко мнѣ изъ Виѳаніи), въ теченіи двухъ годовъ, онъ посѣтилъ всѣ селенія Кенайцевъ и Чугичъ, находящіяся на берегахъ Кенайскаго и Чугичскаго заливовъ, путешествуя лѣтомъ въ байдаркахъ, а зимою пѣшкомъ. И во время сихъ путешествій, имъ окрещено (и прежде крещеныхъ мірянами мѵропомазано) всего 401 человѣкъ, кромѣ младенцевъ.

Кенайцы, вообще, принимаютъ христіанство охотно и съ видимою покорностью слову Божію. Поученія слушаютъ съ неутомимымъ вниманіемъ, обязанности христіанскія исполняютъ усердно и со всею заботливостію; а что̀ всего замѣчательнѣе, по одному только желанію миссіонера, они оставляютъ свои національныя пляски и пѣсни, замѣняя послѣднія духовными пѣснями (пока еще на ихъ языкѣ), которыя имъ очень нравятся. Всѣ бывшіе у нихъ шаманы окрестились, и большая часть изъ нихъ сдѣлались лучшими христіанами. Нѣкоторые изъ нихъ, по одному только намеку миссіонера, остригли свои волосы на головѣ, которыми они прежде чрезвычайно дорожили,—въ доказательство того, что они не только слушаютъ, но и стараются исполнять то, что слышатъ отъ миссіонера. Это удивило многихъ; и вообще, скорое и усердное оставленіе Кенайцами прежнихъ ихъ суевѣрій и привычекъ удивляетъ всѣхъ, кто зналъ ихъ прежде и видитъ нынѣ.

О характерѣ Кенайцевъ миссіонеръ замѣчаетъ, что они упрямы, такъ что если не захотятъ чего сдѣлать, то никто ихъ къ тому не принудитъ, но за то въ данномъ словѣ вѣрны; и, такъ же, какъ и всѣ Алеуты, лѣнивы.

О Квихпакской миссіи.—Мѣстопребываніемъ Квихпакской миссіи миссіонеръ избралъ не Михайловскій редутъ, куда проходятъ Компанейскія суда, а одно изъ селеній туземцовъ—Икогмютъ, находящееся вверхъ по рѣкѣ Квихпаку, въ разстояніи около 200 верстъ.

Миссіонеръ, бывшій Атхинскій священникъ Іаковъ Нецвѣтовъ, въ два года пребыванія своего дѣлалъ путешествія по рѣкѣ Квихпаку и, отчасти, Кусокквиму и по берегу моря—лѣтомъ въ байдаркахъ, а зимою пѣшкомъ. И во время сихъ путешествій имъ пріобрѣтено цер-

кви новыхъ чадъ 437 душъ. И кромѣ того, какъ онъ пишетъ, «есть довольно принявшихъ слово и увѣровавшихъ, но еще неокрестившихся; есть какъ бы колеблющіеся, и есть много упорствующихъ, не смотря на неоднократныя слышанія проповѣди».

Главнымъ препятствіемъ, или общею отговоркою всѣхъ нежелающихъ принять христіанство, есть бывшая въ семъ краѣ (1836—1837) оспа, очень много истребившая народу и которая, къ несчастію, появилась именно въ то самое время, когда, по распоряженію колоніальнаго начальства, начали тамъ прививать предохранительную оспу. И потому совершенно во всѣхъ мѣстахъ, съ перваго раза, смотрѣли и смотрятъ на миссіонера, какъ на оспопрививателя. Но доказательства и убѣжденія миссіонера и самое время, по милости Божіей, начинаютъ убѣждать и самыхъ упорныхъ. Въ числѣ обращенныхъ замѣчательны два лица: мужчина бѣсноватый и послѣ крещенія исцѣлѣвшій,—о чемъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемой при семъ выписки изъ донесенія отъ 22 марта 1848 г.,—и одна женщина старуха, живущая близъ самой миссіи, которая не смотря ни на убѣжденія миссіонера, ни на то, что уже всѣ жители того селенія обратились, не хотѣла креститься. Но наконецъ сама пришла къ миссіонеру просить крещенія, будучи убѣждена въ истинѣ вѣры дочерью своею, которая, въ числѣ прочихъ дѣтей туземцевъ, ходила къ миссіонеру слушать поученія и, приходя домой, каждый разъ разсказывала своей матери все, что слышала. О приходящихъ къ миссіонеру дѣтяхъ, онъ въ журналѣ своемъ говоритъ: «нѣкоторыя дѣти съ перваго раза полюбили это занятіе и охотно приходили къ слушанію поученій; а иныя долго дичились. Но наконецъ, благодареніе Господу! Онъ далъ мнѣ грѣшному вкусить сердечное удовольствіе и отсюда. Многія дѣти начали приходить безъ всякаго зова, и всѣ начали внимать и помнить ученіе и произносить на своемъ языкѣ спасительныя истины (для нихъ переведено: Отче нашъ и еще нѣсколько молитвъ). Особливо мнѣ пріятно, что они начали хорошо молиться; и кромѣ того, не имѣя прежде обычая мыть руки и лицо, нынѣ приходятъ съ чистыми лицами и руками. Родители ихъ говорятъ: «дѣти наши уже знаютъ и читаютъ молитвы, а мы еще ничего не знаемъ». Если иногда удивляются водворенію миссіонеровъ (западныхъ) среди дикихъ, въ благословенныхъ климатахъ и при всѣхъ средствахъ и пособіяхъ; то, конечно, стоитъ замѣчанія водворе-

ніе Квихпакской миссіи въ такой широтѣ (62°) и безъ всякихъ пособій. Миссія сія основана совершенно среди туземцевъ необращенныхъ, и вдали отъ Русскихъ (ближайшая одиночка въ 120 верстахъ), и своими средствами, безъ всякаго пособія отъ Компаніи. Первую зиму миссіонеръ съ причетниками своими провелъ въ самой тѣсной и холодной юрточкѣ. Къ слѣдующей зимѣ они, только втроемъ и съ нѣкоторою помощію туземцевъ, а главнѣйше при помощи Божіей, построили себѣ довольно просторное жилище, на удивленіе не только туземцамъ, но и Русскимъ. Все заготовленіе къ зимѣ рыбы и дровъ дѣлается самими членами миссіи, безъ пособія туземцевъ: ибо туземцы, по непривычкѣ къ постоянной работѣ, ни за что не соглашаются быть работниками; большаго труда и хлопотъ стоитъ найти работниковъ для путешествій. И вообще можно сказать, что миссія сія существуетъ своими средствами. Но само собою разумѣется, что хлѣбъ и прочіе европейскіе припасы получаются ими изъ компанейской лавки, находящейся въ Михайловскомъ редутѣ. Миссія со стороны туземцевъ рѣшительно не видала никакихъ обидъ, оскорбленій или притѣсненій, тогда какъ многія вещи, принадлежащія миссіи, лежали просто на улицѣ почти цѣлый годъ, а лѣтомъ въ миссіи оставался одинъ только дьячекъ. Квихпакскій миссіонеръ пишетъ, что ему одному становится уже очень трудно и даже неисполнимо; едва возможно посѣщать ему тѣ только мѣста, гдѣ онъ былъ, а быть въ новыхъ мѣстахъ рѣшительно не можетъ. И потому необходимо открыть новую миссію, на рѣкѣ Кускоквимѣ. Нынѣшняго лѣта я имѣю намѣреніе посѣтить Михайловскій редутъ и видѣться съ миссіонеромъ и узнать о тамошнихъ обстоятельствахъ подробнѣе.

Начало обращенія горныхъ жителей Америки.—Слово Божіе, сѣемое миссіонерами на берегахъ моря, безъ всякаго со стороны ихъ посредства, чрезъ новообращенныхъ переносится и къ отдаленнымъ, горнымъ жителямъ материка Америки, называемымъ Кольчанами, никогда невидавшимъ священника.

1. Кенайскій миссіонеръ пишетъ, что весною прошедшаго 1847 года приходили въ одно изъ Кенайскихъ селеній нѣсколько семействъ Кольчанъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ѣхать въ миссію и окреститься; но не могли найти лодокъ. Кенайцы, видѣвшіе ихъ, разсказываютъ, что когда мы молились, то нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ Коль-

чанъ плакали и говорили: «видно, Богъ насъ бросилъ, и не принимаетъ къ Себѣ! какъ мы будемъ умирать? вѣдь тамъ, говорятъ, некрещеннымъ худо будетъ». Миссіонеръ не имѣлъ возможности видѣть этихъ Кольчанъ и исполнить ихъ святое желаніе, имѣя надобность отправиться въ Нушагакскую миссію, которая теперь, за неимѣніемъ человѣка, способнаго быть миссіонеромъ, остается подъ завѣдываніемъ Кенайскаго миссіонера. А бывшій тамъ миссіонеръ священникъ Пѣтелинъ, за болѣзнію, переведенъ къ Кадьякской церкви. 2. Въ 1846 году, лѣтомъ, приплывали, съ верху рѣки Кускоквима, къ находящемуся на ней редуту нѣсколько человѣкъ Кольчанъ съ семействами, въ числѣ 54, съ тѣмъ именно, чтобы принять крещеніе; и приняли всѣ, впрочемъ чрезъ міряннина, управляющаго редутомъ: ибо миссіонеръ въ то время тамъ не былъ и быть не могъ, имѣя другое, столь же трудное, дѣло. 3. Лѣтомъ 1847 года, сіи же самые новоокрещенные опять приходили въ тотъ же редутъ, съ тѣмъ, чтобы видѣть священника. И съ ними приходили еще новые Кольчане, въ числѣ 60 душъ, также съ тѣмъ, чтобы креститься, но по тѣмъ же причинамъ не могли видѣть священника; и по просьбѣ ихъ окрещены тѣмъ же міряниномъ. Сіи новоокрещенные не считаются въ числѣ 437, обращенныхъ миссіонеромъ.

О Колошахъ.—Колоши, сосѣди наши, пока еще остаются безъ проповѣдника, и многіе изъ нихъ даже жалуются на это. Но пока не пріѣдетъ сюда ректоръ, съ однимъ студентомъ, до тѣхъ поръ нѣтъ возможности удовлетворить ихъ сію справедливѣйшую жалобу. Въ послѣднее время Ситхинскіе Колоши почти всѣ изъявили желаніе креститься, а нѣкоторые, особливо женщины, просятъ даже неотступно.

Съ нетерпѣніемъ они ожидаютъ окончанія строющейся для нихъ церкви, которая осенью, кажется, будетъ готова.

О землетрясеніи.—На 18 марта сего года, у насъ было сильное землетрясеніе. При первомъ ударѣ, продолжавшемся болѣе 10 секундъ, всѣ стѣнные часы въ городѣ остановились и печныя трубы на большихъ домахъ повредились. Удары повторялись даже до 5-го апрѣля, но одинъ другаго слабѣе и рѣже. Но что̀ всего (для меня) страшнѣе—съ самаго перваго удара началось сильное дрожаніе земли, смѣняемое небольшими колебаніями, столь иногда сильное, что точно, кажется, въ верхнемъ этажѣ я живу на мельницѣ, или на пароходѣ иду по заливу. И это дрожаніе замѣтно было даже до 15 апрѣля, и,

кажется, продолжается еще и нынѣ, только рѣже и слабѣе. По явленіямъ, похожимъ на это, бывшимъ въ Уналашкѣ, я полагаю, что землетрясеніе повторится и будетъ повторяться, пока не откроется волканъ. Очень буду радъ и доволенъ, если въ этомъ случаѣ я ошибаюсь.

Выписка изъ донесенія отъ 22 марта 1848 года.—Михайловско-Квихпакскій миссіонеръ священникъ Іаковъ Нецвѣтовъ доноситъ, что одинъ изъ числа новообратившихся туземцевъ, уроженецъ съ рѣки Квихпака, мужчина 28 лѣтъ, находившійся передъ тѣмъ въ сумасшествіи или бѣсновaніи, опасномъ какъ для него самого, такъ и для его сожителей, милостію Божіею, съ принятіемъ крещенія, совершенно выздоровѣлъ.

Припадокъ безумія началъ оказываться въ немъ еще въ малолѣтствѣ его, и не оставлялъ его до самаго выздоровленія. Но признаки или дѣйствія онаго были временны, непродолжительны, безвредны, и потому ни для кого не опасны; и въ свободное отъ нихъ время онъ, живя всегда съ людьми, исправлялъ всѣ обыкновенныя ихъ дѣла и работы, какъ должно. Но въ послѣдніе два года (въ 1845—1846) припадокъ безумія сдѣлался столь жестокъ, что онъ пришелъ въ состояніе полнаго и постояннаго сумасшествія или бѣснованія, и слѣдствіемъ того было то, что онъ не сталъ имѣть на себѣ одежды, все, что попадало ему, рвалъ и бросалъ и даже кидался на людей; хотя жители того селенія и старались укротить его, и даже связывали его, но ничто не удерживало его, и онъ часто убѣгалъ изъ дома и селенія въ пустыя мѣста, и потому всѣ убѣгали и отъ него. Въ первый разъ миссіонеръ извѣстился о немъ въ маѣ 1846 года, спускаясь по рѣкѣ Квихпаку, отъ старшины Икогмютскаго селенія, отца того бѣсновавшагося, и отъ прочихъ жителей того же селенія. Но самого бѣсновавшагося онъ лично не видалъ; онъ въ это время былъ гдѣ-то въ удаленіи. Миссіонеръ, узнавъ обо всемъ, касающемся до сего, сколько было можно и нужно, сказалъ отцу бѣсновавшагося, какъ уже крещенному (въ 1845), чтобы онъ, если сынъ его когда нибудь, хотя на короткое время, прійдетъ въ чувство и въ здравый разсудокъ, говорилъ ему о Богѣ и Спасителѣ, и старался склонить его къ вѣрѣ въ Спасителя; и если будетъ возможно, то старался бы держать его при себѣ, ко времени возвращенія. Все, что миссіонеръ сказалъ, было сдѣлано въ точности. Бѣсновавшійся, какъ бы именно для того только,

чтобы услышать благовѣстіе о Спасителѣ, въ одно время пришелъ въ чувство, и отецъ его, воспользовавшись тѣмъ, говорилъ ему о Богѣ и Спасителѣ, и онъ принялъ благовѣстіе сіе, увѣровалъ въ Спасителя и изъявилъ твердое намѣреніе окреститься; и съ этого самаго времени, онъ (болѣе мѣсяца) находился постоянно въ здравомъ разсудкѣ, до самаго свиданія съ миссіонеромъ, который, найдя его въ такомъ состояніи, разспросилъ его обо всемъ и, по обычаю, проповѣдывалъ ему слово спасенія, сколько можно пространнѣе, и потомъ, вмѣстѣ съ другими (въ числѣ 13 человѣкъ), совершилъ надъ нимъ таинство св. Крещенія (13 авг. 1846), назвавъ его Стефаномъ. И, благодареніе Господу Богу! сей новопросвѣщенный, съ того времени и по нынѣ, находится въ совершенномъ здравіи. Первое извѣстіе о немъ, послѣ того, какъ онъ крестился, миссіонеръ получилъ, въ январѣ 1847 года, отъ отца его, пріѣзжавшаго къ миссіонеру на мѣсто его пребыванія въ Икогмютѣ, который съ радостію и благодареніемъ разсказывалъ о сынѣ своемъ, что онъ послѣ крещенія находится въ совершенномъ здоровьѣ, не нарушаемомъ ни малѣйшими признаками прежняго припадка, а потомъ, въ мартѣ, миссіонеръ видѣлъ и самого Стефана, также пріѣзжавшаго къ нему въ Икогмютъ и бывшаго совершенно въ здоровомъ состояніи. *(Прибавл. къ изд. Твор. св. Отц. ч. VII, 1848 г., стр. 282—292)*.

Приготовляясь къ путешествію по островамъ, преосвященный Иннокентій писалъ А. С. Норову (отъ 10 мая 1848): «Я располагалъ было на этой почтѣ не писать вамъ, а написать уже по возвращеніи моемъ изъ преднамѣреваемаго путешествія по островамъ и послать на кругосвѣтномъ суднѣ. Но разсудилъ, что быть можетъ, между возвращеніемъ моимъ изъ путешествія и отправкою кругосвѣтнаго судна времени будетъ мало, а въ такомъ случаѣ, я не успѣю написать вамъ ни того, что я хочу нынѣ сказать вамъ, ни того, что увижу или услышу достойнаго вашего вниманія.

Дѣйствія миссіонеровъ нашихъ Господь не престаетъ благословлять видимыми и не незначительными успѣхами; или, сказать иначе,—наконецъ Господь призрѣлъ Своею милостію на сѣдящихъ въ сѣни смертной и въ странѣ, принадлежащей нашей матушкѣ Россіи въ Америкѣ. Не только прибрежные жители нашихъ морей начали принимать христіанство, и принимать безъ всякихъ корыстныхъ видовъ (имъ при кре-

щеніи не дается ничего кромѣ крестиковъ и не обѣщается никакихъ льготъ отъ податей или тому подобныхъ повинностей: объ этомъ и рѣчи не бываетъ), съ видимымъ усердіемъ и послушаніемъ Слову Божію (разумѣется, не всѣ; ибо врагъ спасенія нашего не дремлетъ и не скоро оставляетъ свои вѣковыя владѣнія),—но даже и горные жители материка Америки, никогда невидѣвшіе священника и рѣдко—рѣдко видавшіе Русскихъ, сами ищутъ крещенія. Такъ въ 1846 и 1847 годахъ, нѣсколько семействъ, въ числѣ 114 душъ, изъ народа называемаго Кольчаны, приплывали съ верху рѣки Кусноквима къ находящемуся тамъ Компанейскому редуту съ тѣмъ именно, чтобы видѣть священника и креститься; но видѣть священника они не могли: онъ въ это время тамъ быть не могъ (и не можетъ, имѣя надобность посѣщать другія, ближайшія мѣста), и потому упросили управляющаго редутомъ окрестить ихъ, и онъ исполнилъ ихъ просьбу. Въ прошедшемъ же 1847 году изъ того же народа Кольчанъ приходили въ одно изъ Испанскихъ селеній также съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ѣхать въ миссію и креститься, но не имѣя возможности ни быть въ миссіи, ни окреститься отъ кого либо изъ міранъ, возвратились съ горестью. Разсказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ, видя Испанцевъ молящихся, плакали и говорили: «видно Богъ насъ бросилъ, и не хочетъ принять къ себѣ» .... Миссіонеръ, въ журналѣ своемъ описавъ это, говоритъ: Да! не десница-ли это Всемогущаго и Милосердаго показуетъ путь спасенія и самымъ дикимъ народамъ? Да! скажу и я,—и навѣрное, и вы то же скажете.

Послѣ всего этого, намъ остается только заведенныя миссіи поддерживать и постепенно вблизи ихъ открывать новыя, а для этого необходимы только деньги и миссіонеры. О томъ и о другомъ мы хлопочемъ, по силамъ своимъ; и въ томъ и другомъ есть нѣкоторые успѣхи, но только нѣкоторые, и очень малые: денегъ здѣсь много не найти, а своихъ миссіонеровъ, что называется, доморощенныхъ, еще долго-долго мы не можемъ имѣть; ибо дѣти Камчатскаго духовенства, обучающіяся въ нашей семинаріи, хотя и надежны, но еще малы, а изъ туземцевъ и такъ называемыхъ Креоловъ здѣшнихъ, едва 50-й годится быть миссіонеромъ. Нѣтъ, чѣмъ дальше, тѣмъ виднѣе, что Креолы, по уму и характеру, далеко еще не то, что Русскіе. Они годятся только тамъ, гдѣ требуется смышленость; и они могутъ дѣйствовать не иначе какъ

sub altero et bacula, а самостоятельности въ нихъ еще долго дожидаться, и на поприщѣ наукъ Риторика для нихъ камень претыканія. Слѣдовательно то и другое, т. е. деньги и миссіонеровъ, для Америки нашей надобно искать въ нашей матушкѣ Православной Руси. Но надобно сказать правду, и тамъ это не легко. Найти миссіонеровъ, т. е. людей хотя и неученыхъ, да хотя бы и совсѣмъ неученыхъ (и въ Апостолахъ Павловъ было не много, всего только одинъ), но непремѣнно благочестивыхъ, ревностныхъ и дѣятельныхъ, хотя тоже очень трудновато, но возможно, ибо еще не совсѣмъ оскудѣло благочестіе между духовными; но гдѣ взять денегъ? а ихъ потребуется немало, ибо Американская Компанія, при всемъ своемъ усердіи, не въ состояніи дѣлать пособій болѣе тѣхъ, какія мы имѣемъ нынѣ отъ нея.—Гдѣ, говорю, взять денегъ? и спрашиваю васъ, и жду на это вашего отвѣта. Просить правительство?—Если бы это было возможно, то навѣрное давно бы уже это было сдѣлано. Какъ не позавидовать въ этомъ случаѣ Англійскому Миссіонерскому обществу, имѣющему въ рукахъ своихъ милліоны,—именно на предметъ распространенія христіанства. Помните ли? нѣкогда и мы съ вами говаривали объ этомъ предметѣ. О, если бы кому либо изъ нашихъ магнатовъ и сильныхъ земли пришла мысль завести и у насъ въ Россіи такое общество для распространенія и утвержденія христіанства между дикими, подвластными Россіи! И ужели, въ самомъ дѣлѣ, у насъ не найдется людей, готовыхъ жертвовать на такой предметъ? Спору нѣтъ, что и всякое общество, имѣющее цѣлію распространеніе познаній, полезно, и благородное дѣло—жертвовать на оное. Точно такъ полезно и наше Географическое общество (въ которомъ и мы съ вами замѣшаны), имѣющее цѣлію узнавать и описывать землю.—Но земля и вся яже на ней дѣла сгорятъ, слѣдовательно не останется ничего, ровно ничего и отъ дѣйствій нашего Географ. общества, ибо будетъ нова земля, а тамъ наши географич. свѣдѣнія и снадобья негодятся. А между тѣмъ Вѣра—святая и драгоцѣнная Вѣра—вѣчна и кончится только видѣніемъ Бога;—а между тѣмъ спасеніе заблуждающихъ братій нашихъ есть вѣчный предметъ Божіяго промысла, а мы остаемся равнодушны—не хотимъ подать помощь братіямъ нашимъ требующимъ отъ насъ познанія Вѣры—не хотимъ на это удѣлить и копѣйки—удѣляя десятки, сотни, Богъ знаетъ на что... (но довольно, иначе будетъ проповѣдь)! О, если бы (повторяю), кому либо изъ

нашихъ сильныхъ земли пришла мысль завести и у насъ подобное Англійскому Миссіонерское общество! О, тогда....

И мнѣ пришло въ голову, что это общество уже оказывается у насъ, и вотъ уже многое множество и членовъ въ ономъ,—только еще нѣтъ моего имени. И потому, когда вы будете въ собраніи этого общества, скажите предсѣдателю онаго, что преосвященный Иннокентій Камчатскій жертвуетъ въ это общество 25-ю часть (т. е. 160 р. ассиг.) всѣхъ своихъ окладовъ (25-ю часть отъ 4000 р. ас.); а когда дочери его выйдутъ въ замужество, то 10-ю часть всѣхъ окладовъ и доходовъ, какіе бы у него ни были. Но не мечты ли это только?.. Но послѣднее истинно,—ей и аминь! Въ заключеніе всего этого скажу, что такъ или иначе, но мы обязаны удовлетворять святое желаніе горныхъ обитателей нашей Америки, ищущихъ крещенія, а я теперь, при моихъ средствахъ и способахъ, не могу, не могу! Объ этомъ я писалъ прошедшей осенью Св. Сѵноду, и надѣюсь получить пособіе.

Прощайте, возлюбленный мой о Господѣ! Господь съ вами и со всѣми вашими родными! Дорого бы заплатилъ за то, если бы можно было съ вами увидѣться хотя бы на часъ, и побесѣдовать усты ко устамъ. Со всею моею любовію до гроба (а далѣе—не знаю, Богъ знаетъ) честь имѣю быть и пребуду. P. S. Покорнѣйше прошу: потрудитесь при случаѣ передать мое почтеніе Петру Ивановичу Рикорду. *(Сообщено Намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры Архимандритомъ Леонидомъ)*.

XIV

Пятнадцатаго мая 1849 года, преосвященный Иннокентій снова предпринялъ путешествіе для обозрѣнія основанныхъ имъ миссій. Кромѣ того, ему необходимо нужно было побывать въ Аянѣ, для предварительныхъ распоряженій, въ случаѣ предполагаемаго перенесенія туда его каѳедры, и также быть въ Петропавловскѣ, для осмотра Камчатскаго духовнаго правленія и для рѣшенія тамошнихъ дѣлъ, требующихъ личнаго его разсмотрѣнія. Пріѣхавши въ Аянъ, преосвященный Иннокентій не преминулъ извѣстить митрополита Филарета письмомъ (отъ 1 іюля 1849 года): «15 мая сего года», пишетъ онъ, «отправясь изъ Ситхи, 26 іюня прибылъ я въ Аянъ на Компанейско-Финляндскомъ суднѣ «Ситха.» Прошедшей осенью я имѣлъ честь увѣдомлять о томъ, что я въ то лѣто былъ на Уналашкѣ, въ Кадьякѣ и въ сѣверѣ Америки; и къ свѣдѣніямъ, доставленнымъ мною къ вашему высокопреосвященству въ прошедшемъ 1848 году, касательно миссіи Квихпакской, нынѣ могу присовокупить слѣдующее:

О Квихпакской миссіи.—Исцѣлѣвшій (о коемъ мною было донесено отъ 28 марта 1848 г.), со дня окрещенія своего и понынѣ, совершенно здоровъ, и его исцѣлѣніе подѣйствовало и дѣйствуетъ къ обращенію многихъ некрещенныхъ и къ утвержденію въ вѣрѣ новопросвѣщенныхъ. Такъ напримѣръ, въ одномъ селеніи, гдѣ до того

одни изъ жителей не хотѣли слушать проповѣди миссіонера, а другіе, подъ разными предлогами, не хотѣли принять ученія,—послѣ того, сами изъявили искреннее желаніе креститься и на вопросъ миссіонера: что ихъ побуждаетъ къ сему? они прямо указали на исцѣлѣвшаго. Тоены и старшины, прежде окрещенные, по-прежнему продолжаютъ помогать миссіонеру въ дѣлѣ обращенія своимъ примѣромъ, разсказами и убѣжденіями, но отнюдь не властію. Ибо власть ихъ надъ ихъ подчиненными весьма незначительна. Такъ напр., одинъ старшина Аналухтахпагмютскаго селенія на рѣкѣ Квихпакѣ (въ которомъ миссіонеръ еще не бывалъ), Константинъ, крестившійся въ 1847 году въ миссіи, по собственному его вызову,—своимъ примѣромъ и убѣжденіями до того расположилъ жителей своего селенія, что лишь только пріѣхалъ миссіонеръ къ нимъ, тотчасъ же всѣ жители отъ мала до велика, числомъ 93, изъявили желаніе креститься, и въ свое время окрещены. Примѣръ ихъ подѣйствовалъ на другаго тоена—Инкалитовъ, бывшаго тамъ случайно, такъ что онъ немедленно окрестился самъ, и, по совѣту и примѣру его, окрестились 46 человѣкъ изъ его команды. Такого примѣра на Квихпакѣ еще не бывало. Сей обратившійся старшина Инкалитовъ приглашалъ миссіонера въ свое селеніе и обнадеживалъ, что и всѣ остальные жители его селенія окрестятся; но миссіонеръ не имѣлъ времени быть у него,—и едва-ли успѣетъ быть послѣ, имѣя надобность посѣщать другихъ, прежде крещенныхъ. Число всѣхъ тамошнихъ туземцевъ, принявшихъ св. крещеніе, простирается (по 20 іюля 1848) до 1064 человѣкъ, не считая 1) дѣтей, рожденныхъ отъ инородцевъ—христіанъ, 2) туземцевъ, крещенныхъ мірянами, и 3) Русскихъ и Креоловъ, живущихъ въ редутахъ и одиночкахъ; а съ ними число всѣхъ христіанъ въ сѣверѣ Америки простирается до 1250 душъ. Готовыхъ къ пріятію крещенія до 500. Относительно жизни, поведенія новообращенныхъ туземцевъ, миссіонеръ говоритъ, что онъ не имѣетъ возможности быть въ одинъ годъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть крещенные; но тамъ, гдѣ онъ имѣлъ болѣе случаевъ заниматься съ новокрещенными, какъ-то на Квихпакѣ и отчасти на Кускоквимѣ, и особливо тамъ, гдѣ находится миссія, т. е. въ Икогмютѣ,—благодареніе Богу, новокрещенные начинаютъ возрастать въ христіанской жизни: уничтожаются шаманства и самые языческіе, противные христіанству, обычаи; а новопросвѣщенные,

дѣлаясь близкими къ нему, съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаются послушнѣе слову и ученію; къ молитвѣ дѣлаются прилежнѣе и молятся съ благоговѣніемъ. Отъ исполненія обязанности очищенія совѣсти, если только имѣютъ время и случай, они ничуть не отказываются и исполняютъ сіе охотно. Живущіе подлѣ миссіи въ великій постъ, безъ всякаго понужденія, говѣли цѣлую недѣлю, и не смотря на морозъ, прилежно совершили свое говѣніе и молитвы; въ числѣ говѣвшихъ были двѣ 60-лѣтнія старухи. Но особенно утѣшительно читать въ журналѣ миссіонера описаніе торжества Пасхи, бывшаго въ миссіи въ 1848 году. Ко дню сему, сверхъ чаянія, съѣхалось народу очень много съ разныхъ мѣстъ (безъ всякаго понужденія), и именно съ тѣмъ, чтобы помолиться въ церкви. Одно уже это радовало миссіонера; но этого мало: во все время отправленія утрени, начавшейся также съ полночи, всѣ стояли необыкновенно чинно, слушали и смотрѣли внимательно и молились съ особеннымъ благоговѣніемъ и видимою радостію; по примѣру священнослужителей, и нѣсколько Креоловъ между собою также христосовались. Очень много способствовала къ совершенію сего торжества и самая погода, которая въ это время была необыкновенно тепла и тиха: такъ что народъ, по тѣснотѣ въ походной церкви, стоялъ на улицѣ съ зажженными свѣчами. Миссіонеръ, при описаніи этой умилительной картины, не находитъ словъ къ выраженію чувствъ, его тогда наполнявшихъ, при видѣ окружающихъ его дикарей, за три года предъ тѣмъ блуждавшихъ во мракѣ язычества, а нынѣ вмѣстѣ съ нимъ съ благоговѣніемъ и усердіемъ, во свѣтѣ истинной вѣры, поклоняющихся распятому и воскресшему Спасителю своему, и—на томъ мѣстѣ, гдѣ за два года предъ тѣмъ совершались дикія шаманства. Миссіонеръ, между прочимъ, говоритъ: «могу сказать, что Господь этимъ вознаградилъ меня грѣшнаго за претерпѣнныя мною скорби, болѣзни, затрудненія и прочія препятствія.» Ученіе и назиданіе дѣтей, начавшееся въ 1846 году, продолжается неизмѣнно. Со стороны родителей нѣтъ никакихъ къ тому препятствій, а при миссіи живущія дѣти охотно изучаютъ молитвы на своемъ языкѣ и постоянно читаютъ ихъ въ своихъ домахъ, чѣмъ возбуждаютъ въ самихъ родителяхъ желаніе слышать что нибудь назидательное.

Препятствія.—Но среди таковыхъ успѣховъ проповѣди, миссіонеръ не перестаетъ еще встрѣчать колеблющихся, сомнѣвающихся,

упорныхъ и даже явныхъ противниковъ. Такъ, въ одномъ селеніи, жители, давшіе обѣщаніе креститься, на слѣдующій годъ отказались, будучи совращены какимъ-то старикомъ. Въ другомъ селеніи тоже старикъ сказалъ миссіонеру прямо: «мы прежде не знали Бога, и теперь не хотимъ знать.»

Болѣе же прискорбно то, что жители Пастольскаго прибрежья, собственно Пастольцы, крестившіеся въ 1843—44 годахъ, и въ прошедшемъ 1848 году, такъ же какъ и въ 1846-мъ и 45-мъ годахъ, отказались исполнить долгъ очищенія совѣсти и не приходили слушать поученія. Впрочемъ, и самыя обстоятельства ихъ весьма не благопріятствуютъ имъ; ибо во время проѣзда миссіонера мимо ихъ селенія, они занимаются ночью промысломъ бѣлугъ, а днемъ—торговлею съ проѣзжающими.

Въ мартѣ нынѣшняго года, на кругосвѣтномъ кораблѣ пріѣхалъ въ нашу семинарію іеромонахъ Филаретъ, котораго я нынѣ же отправилъ въ Квихпакскую миссію, въ помощь тамошнему миссіонеру; и если бы была возможность, то нынѣ же бы надлежало отправить туда еще, по крайней мѣрѣ, двухъ священниковъ; ибо жатва тамъ многа и богата, но нѣтъ ни дѣлателей, ни средствъ къ ихъ содержанію.

О Кенайской миссіи.—Кенайскій миссіонеръ, іеромонахъ Николай, съ 5-го мая 1847 по 27 апрѣля 1848 находился въ отсутствіи, проживая и дѣйствуя по приходу Нушегакской миссіи, которая съ 1-го іюля 1846 года поступила въ его завѣдываніе, за неимѣніемъ человѣка послать туда, на мѣсто выбывшаго оттуда, за болѣзнію, священника Пѣтелина. И потому дѣйствія Кенайскаго миссіонера по сей миссіи ограничились одними поѣздками по ближайшимъ селеніямъ, для исправленія обыкновенныхъ требъ. Миссіонеръ доноситъ, что жители всѣ до одного съ охотою исполнили долгъ очищенія совѣсти.

О Нушагакской миссіи.—Паства Нушагакской миссіи, благодареніе Богу, послѣ двухлѣтняго отсутствія священника, говоря вообще, посѣщавшимъ оную Кенайскимъ миссіонеромъ найдена въ удовлетворительномъ состояніи; изъ всѣхъ, до нынѣшняго его прибытія обращенныхъ туземцевъ (925 душъ), не осталось ни одного, который бы отказался отъ слушанія поученій, или отъ совершаемыхъ надъ ними таинствъ и требъ (кромѣ жителей одного селенія, о коихъ будетъ сказано ниже). Напротивъ того, весьма многіе сами приходили къ миссіо-

неру за тѣмъ изъ дальнихъ селеній, а другіе посылали нарочныхъ звать его къ себѣ, и вообще всѣ очень рады были прибытію его. А живущіе вблизи миссіи охотно отдаютъ дѣтей своихъ въ школу (которая тамъ открыта съ начала водворенія миссіи); число всѣхъ учениковъ-туземцевъ, по отбытіи миссіонера, осталось 24 человѣка. Желаніе учиться грамотѣ открывается во многихъ, даже женатыхъ и замужнихъ. Ближайшихъ жителей къ миссіи, Аглегмютовъ, миссіонеръ находитъ лучшими изъ всѣхъ. Они, не смотря на большое разстояніе ихъ селенія отъ церкви, не пропускаютъ ни одного воскреснаго дня, чтобы не быть въ церкви, по крайней мѣрѣ, нѣсколькимъ изъ нихъ. Въ обхожденіи они привѣтливы; жилища ихъ, сверхъ общаго обычая, очень опрятны. Почти такое же усердіе въ исполненіи обязанностей христіанскихъ оказали и жители одного изъ селеній, лежащихъ вверхъ по рѣкѣ Нушагаку—Кіятинцы; они весьма радушно приняли миссіонера и съ радостію исполнили все, что отъ нихъ требовалось, и очень благодарили миссіонера за посѣщеніе ихъ.

Отпаденіе.—Но къ крайнему прискорбію, совсѣмъ не таковы ихъ собратія (Кіятинцы), жители ближайшаго къ Нушагаку селенія (всѣхъ ихъ 74 души). Лишь только пріѣхалъ къ нимъ миссіонеръ, они прямо ему сказали: «Напрасно ты трудился, пріѣхавъ къ намъ: мы не будемъ крестить дѣтей и пріобщаться; мы прежнюю свою вѣру не оставимъ. Мы рѣшились креститься, а живемъ все такъ же, какъ и прежде: шаманимъ и проч.» На убѣжденія миссіонера къ обращенію, они наконецъ сказали: «пожалуй, крести и пріобщай насъ; но мы, если вздумаемъ, при тебѣ же будемъ шаманить».—А шаманъ сказалъ ему: «я готовъ идти въ огонь къ діаволу, а шаманства не оставлю; хочешь—крести и пріобщай другихъ; я не удерживаю». Цѣлыхъ два дня миссіонеръ старался образумить ихъ, но не могъ ничего сдѣлать, и потому принужденъ былъ оставить ихъ. Но, повидимому, какъ ни сильна надъ ними сила князя тьмы, Господь сохранилъ Себѣ и между ними чадъ свѣта. Когда миссіонеръ, кончивъ съ ними бесѣдованіе, пришелъ въ свою квартиру (въ которой, впрочемъ, не отказали ему), къ нему пришли, одинъ по одному, четверо молодыхъ мужчинъ и говорили: «жаль намъ стариковъ, что они не хотятъ знать Бога, а мы при нихъ не смѣемъ вызываться; но ты окрести нашихъ дѣтей и насъ причасти; мы пріѣдемъ въ слѣдующее селеніе». И точно, пріѣзжали съ дѣтьми

и женами, въ числѣ 11 душъ, и получили просимое. А это ведетъ къ заключенію, что есть и еще подобные имъ въ числѣ отпадшихъ.

Во время поѣздокъ своихъ по Нушагакскому приходу, миссіонеръ вновь присоединилъ къ церкви 109 человѣкъ разныхъ поколѣній, изъ коихъ многіе сами, безъ всякаго приглашенія, приходили за тѣмъ къ миссіонеру. По 1848 годъ въ Нушагакской церкви считается всѣхъ прихожанъ (и съ отпадшими) 1040 душъ, въ томъ числѣ нетуземцевъ только 18.

О Чукчахъ.—Анадырскій миссіонеръ, съ которымъ я видѣлся въ Гижигѣ въ началѣ 1847 года, въ теченіи того лѣта дѣлалъ поѣздку къ устью рѣки Анадыра, и во время сей поѣздки онъ окрестилъ 74 человѣка, въ числѣ коихъ 22 человѣка (5 семействъ) Оленныхъ (кочующихъ) Чукочъ, которыхъ до того миссіонеру еще не случалось крестить.

Въ числѣ крестившихся Оленныхъ Чукочъ замѣчателенъ одинъ старикъ Мыта, который въ 1845 году не только не показывалъ никакого расположенія къ принятію христіанства, но и съ миссіонеромъ обошелся очень недружелюбно,—но нынѣ, при свиданіи съ нимъ, обошелся ласково и потомъ крестился самъ и жена его.

О Колошахъ.—Колошъ въ прошедшемъ 1848 году окрещено только 35 человѣкъ, по ихъ собственному вызову. Наконецъ, съ помощію Божіею, къ общему удовольствію всѣхъ крещенныхъ и частію даже некрещенныхъ Колошъ, 26 апрѣля сего 1849 года совершено мною освященіе построеннаго для нихъ храма, при стеченіи всѣхъ жителей здѣшняго ихъ селенія и нѣкоторыхъ пріѣзжихъ. Очень многіе изъ нихъ приходили къ службѣ и въ первые семь дней послѣ освященія, и въ послѣдующіе за тѣмъ праздники. Замѣтили, что многіе ходятъ съ охотою, но особенно двое - старикъ и молодой, которые, кромѣ того, усердно молятся во время службы и уходятъ изъ церкви послѣ всѣхъ. Съ перваго дня освященія церкви, Евангеліе и Апостолъ читаются на ихъ языкѣ, а также Сѵмволъ вѣры и молитва Господня, и за каждою литургіею на ихъ языкѣ говорятся поученія. Можно надѣяться, что теперь, когда есть у нихъ храмъ, при содѣйствіи Божіемъ, христіанство между ними будетъ распространяться и утверждаться болѣе и болѣе.

Выписка изъ донесенія Атхинскаго священника.—Во время исправленія церковныхъ требъ на островѣ Атхѣ, въ ноябрѣ 1846

года, одинъ изъ Алеутъ, именно Никита Хорошевъ, повѣдалъ мнѣ при исповѣди: «Когда священники говорятъ поученія о Богѣ вообще, тогда— или можно сказать, всегда,—я не вѣрилъ словамъ ихъ и думалъ, что они это сами отъ себя выдумываютъ; потому и оставался всегда съ сомнѣніемъ. Такимъ образомъ, я разъ отправился на байдарѣ на восточную оконечность острова Атхи за запасеніемъ (пищи). Это было осенью. Здѣсь насъ держали вѣтры долгое время. Во время прожитія моего здѣсь, я ужасно сдѣлался нездоровъ внутренностію и ушибами, и лежалъ долго. Напослѣдокъ сдѣлался очень труденъ, такъ что жившій со мною товарищъ въ шалашикѣ совсѣмъ отчаялся въ выздоровленіи моемъ; и я также самъ отчаялся: потому что не могъ шевелить ни одного члена своего. Такимъ образомъ, лежащему на постелѣ въ шалашикѣ недвижимо, разъ вечеромъ пришло мнѣ на мысль: если есть точно Богъ, про Котораго намъ говорятъ священники и учатъ, что Онъ премудръ и все можетъ,—то исцѣлилъ бы Онъ меня отъ сего несчастнаго моего положенія; тогда бы я точно увѣровалъ въ Него, и пересталъ бы имѣть о Немъ сомнѣнія. Съ сими мыслями я заснулъ вечеромъ, и спалъ безъ пробуду всю ночь до утра. Утромъ я проснулся и чувствую, что-то мнѣ стало легко; я всталъ съ постели на ноги, и безъ помощи другихъ началъ ходить. Сперва я не вѣрилъ самому себѣ, что точно-ли это я, или не мечта-ли это? Ибо я не думалъ въ столь короткое время выздоровѣть и былъ почти мертвъ. Когда же увидѣлъ я, что это не мечта и что это—я, тогда какъ будто раскрылись мнѣ глаза, и я сталъ крѣпко вѣрить ученію, и съ тѣхъ поръ боюсь имѣть какое либо сомнѣніе о Богѣ». Когда онъ кончилъ свой разсказъ, я спросилъ его: точно-ли это было надъ нимъ? Онъ говорилъ, что точно, и не лжетъ, и клялся именемъ Божіимъ. Тогда я, вмѣстѣ съ нимъ, припалъ къ образу Спасителя и крѣпко благодарилъ Бога, что Онъ не караетъ насъ за невѣріе, а долго терпитъ и приводитъ грѣшника въ чувство, и дастъ ему время на покаяніе. Послѣ того я, призвавъ его къ себѣ въ домъ, заставилъ еще при тоенѣ и нѣсколькихъ старшинахъ повторить весь его разсказъ, сколько для удостовѣренія, столько же, и еще болѣе, для назиданія другихъ. И онъ разсказалъ все, прежде сказанное имъ, подробно, со слезами. (*Прибавл. къ изд. Твор. Св. Отцевъ часть IX, 1850 г.*)

Въ такихъ-то неусыпныхъ апостольскихъ трудахъ и продолжитель-

нихъ путешествіяхъ преосвященный Иннокентій находился безпрерывно; такъ что трудно было, очень трудно застать его гдѣ либо въ опредѣленномъ мѣстѣ. И не взирая на все это, сердце преосвященнаго Иннокентія не остывало къ дѣтямъ своимъ. Онъ не переставалъ писать имъ свои наставительныя письма, въ которыхъ съ особенною заботливостію старался искоренить въ нихъ, какъ мы увидимъ, самомнѣніе, тщеславіе и гордость, въ самомъ зародышѣ сихъ пороковъ. Такъ, пишетъ онъ съ Аяна къ своей любимой дочери Ѳеклѣ,—той самой, съ которой онъ совершилъ первое свое кругосвѣтное плаваніе изъ Ситхи въ С.-Петербургъ, воспитывавшейся еще тамъ, въ Патріотическомъ Институтѣ,—убѣдительное письмо, въ которомъ онъ проситъ ее, чтобы она пріучала себя къ труду, училась старательнѣе, вела себя смиреннѣе и въ жизни на него не разсчитывала бы. Видно, что молодую головку Ѳеклы вскружили ласки знатныхъ особъ и самихъ начальницъ изъ-за почетной извѣстности отца ея. Преосвященный Иннокентій во-время торопится исцѣлить свою К у ш е н ь к у, какъ онъ называлъ свою Ѳеклу Ивановну, отъ тщеславія, крайне вреднаго въ жизни для всякаго зараженнаго имъ. Вотъ что читаемъ мы въ этомъ письмѣ, отъ 8 іюля 1849 года: «Милая моя Кушенька! Спасибо тебѣ за письмо твое, которое ты послала съ Ганей [1]). Ты теперь одна осталась въ Институтѣ. Я думаю, скучно тебѣ. Но, моя милая, въ свѣтѣ будетъ еще скучнѣе. Сто разъ помянешь свою институтскую жизнь, да уже нельзя будетъ воротиться. Тенерешнее твое состояніе, можно сказать, самое счастливое. Теперь тебѣ всѣ предметы свѣта кажутся не иначе, какъ въ розовомъ цвѣтѣ и ты мечтаешь о всегдашнемъ, непрерывномъ счастіи. Увы! все это обманъ. Божіе слово говоритъ: весь міръ во злѣ лежитъ; многими скорбями надлежитъ намъ дойти и доходить до надлежащей намъ цѣли. И все это—сущая, неизмѣняемая, вѣчная правда. Ганя мнѣ все разсказалъ про всѣхъ васъ. Про тебя онъ сказалъ только, что ты несовсѣмъ прилежно учишься и шибко важничаешь, ведешь себя какъ баронесса. Я не сержусь на это, потому что всѣ вообще люди любятъ гордиться и важничать, предъ кѣмъ могутъ; но совѣтую тебѣ и прошу тебя—не важничай и веди себя проще и будь со всѣми ласкова. Кто гордится, тотъ показываетъ, что онъ глупъ. Умные люди никогда не гордятся и

---

[1]) Сынъ Преосвященнаго Иннокентія, Гавріилъ Ивановичъ Веніаминовъ.

не важничаютъ, и притомъ, Богъ знаетъ, кѣмъ ты будешь въ свѣтѣ. Графиней тебѣ не бывать; не бывать тебѣ и богатой, потому что я приданаго тебѣ дать не могу.

Кушинька, моя милая! утѣшь меня. Учись хорошенько, молись Богу усерднѣе и перестань важничать и гордиться. И часто не сердись. Удерживай твою вспыльчивость; иначе худо тебѣ будетъ потомъ.

Всѣмъ классным объяви отъ меня поклонъ и благодарность, и особенно—вашей мама́. Прощай, Господь съ тобою отнынѣ и до вѣка.»

XV

Въ 1850 году, преосвященный Иннокентій, по окончаніи обозрѣнія своей епархіи и по возвращеніи своемъ изъ Петропавловска въ Новоархангельскъ, представилъ Св. Сѵноду, при рапортѣ отъ 5 мая 1850 года, отчетъ о состояніи Камчатской епархіи по 1-е мая 1850 года (т. е. за десять лѣтъ его дѣятельности во вновь открытой имъ епархіи), который и помѣщаемъ здѣсь по имѣющейся у насъ копіи съ сего отчета, собственноручно имъ писанной и озаглавленной такъ: «Копія о состояніи Камчатской епархіи по 1-е мая 1850 г.; приложеніе къ донесенію Преосвященнаго Иннокентія отъ 5 мая 1850 года за № 337.»

I. Устройство и состояніе управленія.

Новоархангельское Духовное правленіе.—Въ Новоархангельскомъ Духовномъ правленіи (исправляющемъ обязанности консисторіи) къ 1850 году находилось наличныхъ членовъ двое: протоіерей Петръ Литвинцовъ и священникъ Никита Омофоровскій; должность секретаря исправляетъ діаконъ Емеліанъ Молчановъ. Классныхъ и штатныхъ чиновниковъ и писцовъ нѣтъ (и не было) ни одного. Какъ ни незначительно количество дѣлъ и бумагъ, поступающихъ нынѣ въ Духовное правленіе, но при постепенно увеличивающихся дѣлахъ, касательно отчетности по всѣмъ частямъ и ревизіи штатныхъ книгъ, поступающихъ отъ всѣхъ церквей,—такого числа должностныхъ лицъ очень недостаточно, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ имѣютъ обязанности наставниковъ по семинаріи; и потому становится необходимымъ—кромѣ означенныхъ

двухъ членовъ имѣть, въ Духовномъ правленіи еще, по крайней мѣрѣ, одного постояннаго, т. е. такого, который бы, кромѣ обязанности священнослуженія, не имѣлъ никакихъ другихъ, а въ канцеляріи—настоящаго секретаря, одного столоначальника и двухъ писцовъ, также необязанныхъ никакими другими должностями; а иначе упущенія по той или другой части управленія будутъ неизбѣжны.

Примѣчаніе 1. Но при настоящихъ обстоятельствахъ имѣть здѣсь, въ Новоархангельскѣ, такое число служащихъ лицъ почти невозможно, по причинамъ, мною изложеннымъ въ прежнихъ моихъ бумагахъ. И мнѣ здѣсь остается только повторить прежнее мое мнѣніе: что епархіальное управленіе необходимо перенести отсюда куда либо, но всего лучше и удобнѣе въ Аянъ—какъ центръ, куда отвсюду могутъ приходить бумаги благовременно и удобно.

Примѣчаніе 2. Въ случаѣ перенесенія епархіальнаго управленія изъ Америки въ Азію, по мнѣнію моему, въ Новоархангельскѣ должно остаться Духовное правленіе, какъ для управленія дѣлами Американскихъ церквей,—число коихъ уже и въ настоящее время равняется числу Камчатскихъ, а число паствы вдвое болѣе, чѣмъ въ Камчаткѣ,—такъ и потому, что въ случаѣ переписки съ Компанейскими властями, голосъ Духовнаго правленія гораздо значительнѣе и громче, чѣмъ голосъ благочиннаго.

Членами въ немъ могутъ быть всѣ священнослужители, т. е. протоіерей, священникъ и діаконъ, а за столоночальника—одинъ изъ дьячковъ. Особыхъ штатныхъ окладовъ отъ казны на сіе правленіе будетъ не нужно, по крайней мѣрѣ очень долго. Ибо для покрытія расходовъ на содержаніе правленія нынѣшнихъ средствъ будетъ достаточно, болѣе чѣмъ на одни только канцелярскіе припасы; и средства сіи заключаются: а) въ процентахъ, получаемыхъ на капиталъ, внесенный на сей предметъ изъ экономическихъ суммъ (717 р. сер.) и б) въ сборѣ за шнуровыя пробѣлыя книги, до 15 р. сер. въ годъ.

Камчатское Духовное правленіе.—Въ Камчатскомъ Духовномъ правленіи члены: протоіерей Евсевій Протопоповъ и священникъ Георгій Логиновъ; столоначальникъ Ив. Черной, не имѣющій класснаго чина, и писецъ Трапезниковъ, изъ Камчадаловъ. По количеству дѣлъ и бумагъ, поступающихъ въ сіе правленіе, число служащихъ достаточно.

Примѣчаніе 3. Въ одной изъ прежнихъ бумагъ моихъ я говорилъ,

что для соблюденія экономіи казнѣ, Духовное правленіе въ Камчаткѣ можетъ быть закрыто. Но въ бытность мою въ Камчаткѣ въ 1849 г. я узналъ достовѣрно, что по случаю одного доклада Государю Императору, ему благоугодно было написать, что на Камчатку надобно смотрѣть не въ настоящемъ ея положеніи, а въ будущемъ, и проч. И потому, Духовное правленіе въ Камчаткѣ должно непремѣнно оставаться и по этому одному; а между тѣмъ, если Охотскій портъ уничтожится (въ чемъ, кажется, нельзя уже сомнѣваться послѣ того, что я слышалъ отъ г. генералъ-губернатора) и все тамошнее управленіе перенесется въ Петропавловскъ, то тамъ Духовное правленіе будетъ уже необходимо. Нынѣшнихъ средствъ Духовнаго правленія на покрытіе канцелярскихъ расходовъ достаточно; но оклады жалованья служащимъ весьма недостаточны, о чемъ не безъизвѣстно и Св. Сvноду. Но говорить о семъ предметѣ нынѣ, до полученія отвѣта на мои послѣднія бумаги, нѣтъ надобности.

Духовное попечительство.—Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія въ здѣшней епархіи состоитъ изъ двухъ отдѣленій: Новоархангельскаго и Камчатскаго, дѣйствующихъ независимо одно отъ другаго,—только по отчетности, послѣднее обязано первому, какъ главному. Такой образъ дѣйствованія въ настоящее время удовлетворителенъ и не представляетъ никакихъ неудобствъ, кромѣ того, что извлеченія изъ отчетовъ не могутъ быть представлены въ Св. Сvнодъ иначе, какъ за предпрошедшій годъ, равно какъ и всѣ вообще отчеты и вѣдѣнія. По перенесеніи Епархіальнаго управленія въ Аянъ этого неудобства не будетъ. Средства и способы попечительства относительно выдачи пособій требующимъ, благодареніе Богу, очень не бѣдны. Одно Камчатское отдѣленіе (дѣйствующее въ Камч. и Охотск. области), не смотря на то, что число получающихъ пособіе отъ него простирается выше 20 семействъ и лицъ, и пособія выдаются отъ 10 до 30 р. сер. въ годъ—къ 1850 году будетъ считать у себя запаснаго капитала не менѣе 2000 р. сер., а Новоархангельское, гдѣ получающихъ пособіе пока только еще одно семейство, имѣетъ капиталу болѣе 6000 р. сер., обращающихся изъ процентовъ въ капиталѣ Компаніи; а то и другое—болѣе 8000 р. Къ этому еще, со временемъ, должно присоединиться пожертвованіе отъ покойной графини Орловой.

Обревизованіе присутственныхъ мѣстъ.—Замѣчательнаго ничего нѣтъ.

Благочинные и состояніе благочиннического надзора. По 1850 годъ, благочинныхъ въ Камчатской епархіи только два: въ Камчатскѣ и Охотскѣ. Охотскій благочинный, по прошенію его, увольняется на его родину въ Иркутскъ.

Надзоръ благочинныхъ надъ причтами,—разсѣянными, можно сказать на неизмѣримыхъ пространствахъ къ здѣшней епархіи,—никогда не можетъ быть столь удовлетворителенъ, какъ въ другихъ епархіяхъ. Здѣсь почти каждый приходскій священникъ, и особенно миссіонеръ, долженъ быть самъ себѣ благочинный. По настоящее время только одинъ Камчатскій благочинный имѣлъ возможность (благодаря начальникамъ и, въ особенности, Камчадаламъ, нетребующимъ платы за провозъ ихъ) каждогодно осматривать церкви, ему ввѣренныя; а Охотскій благочинный только одинъ разъ въ 12 лѣтъ осмотрѣлъ находящіяся въ его округѣ церкви, и то только ближайшія къ нему—Тауйскую и Ямскую. Главною причиною тому то, что жители тамошніе—большею частію Тунгусы—ведя жизнь кочевую, хотя бы и хотѣли, но не могутъ помочь въ этомъ благочинному, по самому образу жизни ихъ.

Примѣчаніе 4. И потому необходимо на проѣзды благочинныхъ Камчатскихъ и Охотскихъ производить прогонныя деньги (о чемъ давно уже идетъ дѣло, но давно уже и остановилось).

Для надзора за причтами Гижигинскимъ и Анадырской миссіи, мною опредѣленъ помощникъ Охотскому благочинному, протоіерей Веніаминовъ, о чемъ донесено мною прошедшаго года.

Американскій благочинный имѣетъ возможность посѣщать церкви безъ всякой платы за провозъ его на суднѣ, но за то онъ не можетъ въ одинъ и тотъ же годъ осмотрѣть всѣ церкви; потому что хотя и каждогодно отправляются изъ Ситхи суда во всѣ колоніи, но одно и то же судно никогда не можетъ быть по всѣмъ мѣстамъ въ одно и то же лѣто, и потому осмотрѣть всѣ нынѣшнія церкви онъ можетъ не болѣе одного раза въ два года. Но пока здѣсь будетъ семинарія, или пока въ ней не будетъ полнаго числа наставниковъ,—до тѣхъ поръ онъ не можетъ отлучаться изъ Ситхи. Ибо для путешествія куда бы то ни было по отдѣламъ, надобно употребить времени около $3^1/_2$ мѣсяцевъ. И потому по отбытіи изъ Америки бывшаго благочиннаго, іеромонаха Мисаила (который во все пребываніе свое здѣсь не могъ никуда съѣздить, имѣя обязанности по бывшему Духовному училищу), въ 1845 году и

по сіе время, благочиннаго въ Америкѣ нѣтъ. Въ отсутствіе же мое изъ Ситхи главный надзоръ за духовными, находящимися въ Ситхѣ, поручался старшему изъ нихъ.

Открытіе приходовъ.—Въ прошедшемъ 1849 году мною отправленъ на рѣку Квихпакъ, въ помощь тамошнему миссіонеру, іеромонахъ Филаретъ, какъ о томъ мною и донесено,—съ тѣмъ между прочимъ, чтобы, при первой возможности, открыть тамъ новую миссію. Но свѣдѣнія о томъ могутъ быть получены не ранѣе сентября сего 1850 г.

Примѣчаніе 5. При настоящихъ обстоятельствахъ, надлежало бы тамъ —въ сѣверѣ Америки—открыть еще двѣ миссіи, какъ о томъ мною было донесено Св. Сѵноду отъ 25 октября 1848 года, и кромѣ того: а) Къ Колошенской церкви, построенной въ Новоархангельскѣ, опредѣлить особаго священника, который бы ничѣмъ болѣе не былъ занятъ, кромѣ обращенія и утвержденія въ вѣрѣ сосѣдей нашихъ, болѣе и болѣе оказывающихъ желаніе къ просвѣщенію. б) Учредить особую миссію въ Стахинѣ (въ проливахъ близъ Ситхи), гдѣ нынѣ находится и готовое строеніе Компанейское, бывшее до прошедшаго года во владѣніи Англичанъ, а нынѣ остающееся пустымъ и которое потому Компанія вѣроятно уступила бы для этого, если не даромъ, то за незначительную цѣну [1]). Правда, изъ числа живущихъ тамъ Колошъ очень немного крещеныхъ, но со всей вѣроятностію можно заключить, что мало по малу и тамъ основалась бы церковь; а сообщеніе съ нею изъ Ситхи весьма удобно, особенно на пароходѣ. в) Кенайскому миссіонеру, нынѣ завѣдывающему и Нушагакскою миссіею (за неимѣніемъ человѣка послать туда настоящимъ миссіонеромъ), трудно посѣщать Чукочъ, живущихъ въ губѣ сего имени; и потому было бы и удобно, и полезно учредить особую миссію въ Нучекѣ, гдѣ есть и часовня, и большая надежда на обращеніе жителей материка Америки.

Примѣчаніе 6. Но это еще не все.... Но чтобы привести въ исполненіе и это немногое, нужны средства не тѣ, какія находятся нынѣ у насъ здѣсь. Не говоря уже о деньгахъ, которыхъ потребуется очень не мало, и которыхъ здѣсь не найти; но и людей, для занятія должностей миссіонеровъ, еще долго-долго надобно будетъ избирать въ Россіи или Сибири, не смотря на то, что здѣсь есть семинарія и есть надежда

[1]) Объ этомъ я не говорилъ съ гл. правителемъ; между прочимъ и потому, что онъ, безъ разрѣшенія Гл. Правленія, передать этого строенія намъ не можетъ, если бы мы и имѣли возможность взять оное.

чрезъ 5 лѣтъ имѣть своихъ воспитанниковъ, способныхъ къ занятію священническихъ мѣстъ.

II. Обозрѣніе епархіи.

Прошедшаго 1849 года я былъ въ Аянѣ, Петропавловскомъ портѣ и Уналашкѣ, какъ о томъ мною донесено отъ 11 октября 1849 г. Причины, заставившія меня предпринять сіе путешествіе, были главная—та: а) въ случаѣ, если бы послѣдовало опредѣленіе о перенесеніи каѳедры въ Аянъ, сдѣлать распоряженія, какія было бы нужно; а потомъ, б)—видѣться, если будетъ можно, лично съ г. генераломъ—губернаторомъ, который писалъ ко мнѣ и желалъ того (и мы видѣлись); а между тѣмъ, в) осмотрѣть Камчатское Духовное правленіе, рѣшить дѣла, требующія моего разсмотрѣнія, рукоположить (и рукоположенъ) тамошняго протодіакона во священника къ одной изъ Камчатскихъ церквей и, на возвратномъ пути въ Ситху, видѣть рукоположеннаго прошедшаго 1848 года священника къ Уналашкинской церкви. Какъ въ Петропавловскѣ, такъ въ Аянѣ и Уналашкѣ все найдено въ порядкѣ. Петропавловскій священникъ Логиновъ неупустительно занимается преподаваніемъ катехизическихъ поученій и обученіемъ дѣтей своихъ прихожанъ, читать, писать и проч., и новопроизведенный священникъ Уналашкинскій началъ заниматься тѣмъ же, что и Логиновъ. (Аянскому священнику еще некого учить).

III. Монастыри.

Въ Камчатской епархіи, кромѣ архіерейскаго дома или подворья, нѣтъ никакого монастыря.

Примѣчаніе 7. Въ путевомъ журналѣ моемъ, веденномъ въ первое мое путешествіе по Камчаткѣ, въ 184²/₃ годахъ, я, между прочимъ, изложилъ мое мнѣніе объ устроеніи монастыря въ Нижнекамчатскѣ. Я готовъ и въ настоящее время подтвердить это мое мнѣніе, если бы только нашлись къ тому средства; ибо я увѣренъ, что если не изъ духовныхъ лицъ, то изъ туземцевъ Камчатки и Америки ни мало найдется готовыхъ посвятить себя всей строгости монашества.

Примѣчаніе 8. Но настоящія обстоятельства указываютъ надобность и, можно сказать, даже необходимость устроить обитель въ другомъ мѣстѣ и на другихъ основаніяхъ, а именно:

Имѣя въ виду обширнѣйшее поле для сѣянія слова Божія на сѣверо-востокѣ Азіи между Чукчами (а быть можетъ, и между обитателями устья рѣки Амура) и на сѣверо-западѣ Америки до предѣловъ Россійскихъ владѣній (а быть можетъ, и далѣе на востокъ), и основываясь на тѣхъ опытахъ сѣянія слова Божія, какіе произведены до нынѣ, можно имѣть вѣрную надежду, что, при содѣйствіи благодати Божіей, слово Евангелія будетъ распространяться болѣе и болѣе въ означенныхъ мѣстахъ; а для сего первѣе всего необходимы дѣлатели,—а ихъ надобно искать, какъ я сказалъ выше, еще долго въ Россіи или Сибири. Но и это, какъ показываетъ опытъ, сопряжено съ большими и разными затрудненіями и неудобствами; такъ напр., когда требуются люди для миссій, въ то самое время нѣтъ желающихъ, или ихъ трудно найти; или если оказываются или вызываются желающіе, то ихъ нельзя принять, или за неимѣніемъ вакансіи, или за незнаніемъ качествъ ихъ.

Чтобы согласить все это, я полагалъ бы при домѣ Камчатскаго архіерея, подъ личнымъ его надзоромъ, учредить монастырь или, правильнѣе сказать, Братство, на основаніи монашескомъ, въ числѣ 8—15 лицъ, по крайней мѣрѣ, временное, въ которое принимать исключительно только тѣхъ, кои изъявятъ желаніе послужить на поприщѣ апостольства и именно въ нынѣшнихъ мѣстахъ, принадлежащихъ Камчатской епархіи. Всякому изъ таковыхъ, духовный-ли онъ или даже свѣтскій, если только по образованію своему будетъ способенъ, гдѣ бы онъ въ Россіи ни оказался, открыть возможность поступить въ сіе братство во всякое время, лишь бы только была вакансія. И вотъ изъ сего-то братства, по требованію надобности, посылать въ миссіи тѣхъ, кои, по усмотрѣнію архіерея, окажутся къ тому способными болѣе другихъ.

Я назвалъ это общество «братствомъ» въ томъ предположеніи, что въ оное могутъ быть принимаемы и монашествующіе, и желающіе поступить въ это званіе и нежелающіе, и даже, въ случаѣ вакансіи и если позволятъ мѣстныя обстоятельства, дозволять причисляться къ сему братству и священнослужителямъ, обязаннымъ семействами, если только они готовы принять на себя обязанность миссіонера или служить гдѣ либо въ миссіи; ибо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ христіанство утвердится или оснуется ранѣе, можно и даже нужно будетъ опредѣлять миссіонеровъ семейныхъ, если только мѣстныя обстоятельства позволятъ.

Сколько для того, чтобы дать средства къ содержанію членамъ брат-

ства во время ихъ пребыванія при архіерейскомъ домѣ, столько же и для испытанія и усовершенствованія ихъ познаній и способностей,— открыть имъ возможность быть наставниками въ Семинаріи, и которую, потому, имѣть въ томъ же мѣстѣ, гдѣ будетъ Архіерейскій домъ, и первоначально въ Аянѣ, но не въ Якутскѣ,—гдѣ, по денежнымъ разсчетамъ, хотя и выгоднѣе имѣть все это, но тамъ есть другія, важнѣйшія невыгоды. Во первыхъ, тамъ или нестерпимый холодъ, или такой же жаръ; во вторыхъ, тамъ болѣе случаевъ къ разсѣянію.

Считаю неумѣстнымъ и не моимъ дѣломъ развивать эту мысль болѣе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не буду вызванъ на то. Впрочемъ я почти все, что могу, высказалъ здѣсь.

IV. Церкви.

1. Число церквей.—Всѣхъ церквей въ Камчатской епархіи въ 1850 году находится 22; въ томъ числѣ одна при Архіерейскомъ домѣ, и кромѣ того, въ двухъ миссіяхъ, Квихпакской и Анадырской. При миссіонерахъ имѣются подвижные антиминсы, а на мѣстахъ ихъ жительства готовыя часовни; и потому, причисливъ ихъ къ числу церквей, число оныхъ будетъ 24, а именно: 8 въ Америкѣ, 9 въ Камчаткѣ и 7 въ Азіи. При открытіи же епархіи, въ 1841 г., всѣхъ церквей было только 16: 9 въ Камчаткѣ, 4 въ Америкѣ и 3 въ Охотской области; прибылю 8.

Число молитвенныхъ домовъ. Такъ какъ въ Камчатской епархіи, по причинѣ мѣстныхъ обстоятельствъ, почти всѣ приходскіе священники снабжены подвижными антиминсами для совершенія литургій во время ихъ путешествій по приходамъ; и потому, во многихъ мѣстахъ построены и строются молитвенные домы, въ коихъ, кромѣ литургій, отправляются и всѣ прочія службы, а въ отсутствіи священниковъ жители собираются на молитву. Такихъ молитвенныхъ домовъ или часовень къ 1849 году считалось по всей епархіи, кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ, 37 и вновь строющихся въ Камчаткѣ до 19.

а) Церквей строющихся. Строющихся церквей къ 1850 году было три: одна соборная въ Новоархангельскѣ, другая (начата) на рѣкѣ Квихпакъ, въ тамошней миссіи, и 3-я въ Камчаткѣ въ Мильковскомъ селѣ (начата до 1840 г.), и еще придѣлъ къ Гижигинской цер-

кви; но онъ, по причинѣ открывшейся необходимости перенести самую церковь на другое мѣсто [1]), остановился.

Дано разрѣшеніе на построеніе 4-хъ церквей, вмѣсто прежнихъ, а именно: въ Тигилѣ вмѣсто сгорѣвшей въ концѣ 1848 года, въ Дранкинскомъ, Ичинскомъ и Большерѣцкомъ селеніяхъ—всѣ въ Камчаткѣ.

в) Вновь освященныхъ. Въ прошломъ 1849 году освящено двѣ церкви: одна вновь выстроенная въ Ситхѣ для Колошъ, а другая—устроенная изъ готовой часовни въ Кенайской миссіи.

2) На какое иждивеніе.—Всѣ вышеозначенныя, построенныя и строющіяся церкви—деревянныя. Въ Ситхѣ соборная строится иждивеніемъ Россійско-Американской Компаніи, а также съ помощію Компаніи устроена церковь и въ Кенайской миссіи; церковь Ситхинская для Колошъ и Квихпакская—на счетъ общаго капитала Американскихъ церквей, а прочія всѣ—иждивеніемъ и трудами самихъ прихожанъ, съ нѣкоторою платою изъ церковныхъ суммъ

О состояніи надзора благочинныхъ надъ церквами сказано выше. Прошедшаго 1849 года только одинъ Камчатскій благочинный обозрѣвалъ ввѣренныя ему церкви.

3). Недостатокъ церквей.—Въ Камчаткѣ какъ ни велико пространство приходовъ, но, при дозволеніи священникамъ отправлять литургіи на подвижныхъ антиминсахъ, ни въ какомъ случаѣ не предвидится надобности открывать новые приходы. Напротивъ того, одинъ можетъ быть закрытъ, и именно въ Нижнекамчатскѣ, если не принять въ уваженіе того, что оттуда началось просвѣщеніе Камчатки и проч. Въ Охотской же области необходимо будетъ открыть новые приходы, и на первый разъ не менѣе двухъ. Но объ этомъ предметѣ мною будетъ изложено въ отчетѣ за слѣдующій годъ; касательно же недостатка церквей въ Америкѣ сказано выше, въ примѣчаніи 5. Церковное письмоводство хотя и не вездѣ вполнѣ удовлетворительно, но нигдѣ нѣтъ такихъ неисправностей, которыя бы останавливали ходъ дѣлъ въ Духовномъ правленіи. Больницъ и богадѣлень при церквахъ нигдѣ не имѣется.

---

[1]) 2 августа 1848 г. необыкновенно высоко поднявшеюся въ рѣкѣ водою отнесло отъ церкви оба крыльца, вмѣстѣ съ нѣкоторыми домами жителей, и сдѣлало повреждение внутри оной, почему необходимо перенести церковь на другое мѣсто.

V. Духовенство.

1. Состояніе просвѣщенія и проч. Изъ всего духовенства Камчатской епархіи (которое съ 1850 году заключалось въ числѣ 5 протоіереевъ, 2 іеромонаховъ, 22 священниковъ, 5 діаконовъ и 55 причетниковъ), кончившихъ полный курсъ семинарскій только 7 человѣкъ, недоучившихся 15,—а всѣ прочіе или изъ учениковъ приходскихъ училищъ, или самоучки. При такомъ маломъ числѣ ученыхъ, я не могу теперь сказать что либо опредѣлительнаго о степени ихъ направленія отъ характера теоретическаго и ученаго къ характеру практическому, нравственному и духовному, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ, какъ весьма важный, требуетъ некратковременнаго наблюденія.

2. Состояніе исправности въ Богослуженіи и назиданіи. Что же касается до исправленія Богослуженій и назиданія прихожанъ, то, сколько извѣстно изъ донесеній, по всѣмъ церквамъ въ праздничные дни бываютъ службы, а въ Камчатскомъ соборѣ и въ домовой моей церкви каждодневно. Въ соборѣ Новоархангельскомъ службы бываютъ только въ праздничные дни (выключая великаго поста), по той причинѣ, что при соборѣ находятся только два священника, а обязанности ихъ по семинаріи не позволяютъ имъ исправлять чреды священнослуженій; но за то за каждою литургіею неупустительно читаются поученія по всѣмъ церквамъ, гдѣ только можно; а миссіонеры и путешествующіе священники, и въ особенности Американскіе, какъ видно изъ ихъ путевыхъ журналовъ, при всякомъ случаѣ поучаютъ своихъ духовныхъ чадъ, преподавая имъ ученіе не по книгѣ, а простымъ, разговорнымъ языкомъ и, большею частію, не во время Богослуженія.

3. Нравственное состояніе. Нравственное состояніе здѣшняго духовенства можно назвать весьма удовлетворительнымъ; доказательствомъ сему служитъ то, что между духовными весьма рѣдки нетолько преступленія, но даже и проступки [1]). Впрочемъ, нельзя не замѣчать, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ неукоризненности многихъ изъ духовенства есть то, что здѣсь во многихъ мѣстахъ бы-

---

[1]) Только въ 1848 г. поступило вдругъ три дѣла о неприличныхъ поступкахъ на лицъ, служащихъ въ Гижигинскомъ округѣ, и то болѣе по недоброжелательству свѣтской власти.

ваетъ мало горячихъ напитковъ, и то по временамъ. А если бы въ этомъ было здѣсь вездѣ изобиліе такое же какъ въ Россіи, то оказывалось бы совсѣмъ другое: ибо здѣшніе уроженцы, говоря вообще, при всей ихъ завидной добротѣ и простотѣ, гораздо склоннѣе къ хмѣльному, чѣмъ Русскіе природные, а между тѣмъ характеръ и умъ ихъ слабѣе, чѣмъ у тѣхъ.

Примѣчаніе 9. И потому весьма желательно, чтобы въ Камчатской епархіи вездѣ горячихъ напитковъ было какъ можно въ меньшемъ количествѣ. Это столько же необходимо и для паствы.

4. Состояніе довольства. Средства и способы къ пропитанію духовенства не вездѣ равны. Въ настоящее время Американское духовенство и причтъ Аянской церкви имѣютъ къ тому средства довольно достаточныя, а когда причты тамошнихъ церквей будутъ получать тѣ оклады, какіе имъ были назначены Компаніею до открытія епархіи: тогда состояніе ихъ будетъ болѣе, чѣмъ достаточное. Причтамъ же Камчатскихъ и Охотскихъ церквей необходимо увеличить оклады ихъ жалованья, о чемъ мною представлено въ прошедшемъ же 1849 году, и потому говорить объ этомъ здѣсь не мѣсто.

5. Недостатокъ людей. Съ умноженіемъ числа миссій, церквей и приходовъ становится ощутителенъ недостатокъ въ священникахъ. Для занятія же должностей причетниковъ и даже діаконовъ, въ людяхъ нѣтъ недостатка и въ настоящее время; а при дозволеніи переводить людей изъ другихъ сословій въ духовное званіе, онаго и быть не можетъ. Чрезъ 5 или 6 лѣтъ не будетъ большаго недостатка и въ людяхъ, способныхъ къ занятію мѣстъ священническихъ—изъ второкурсныхъ воспитанниковъ нашей семинаріи; а до тѣхъ поръ, при помощи Божіей, надѣюсь обойтись безъ требованія для сего людей изъ другихъ епархій, и не допуская въ санъ сей людей видимо недостойныхъ, по своему поведенію.

Примѣчаніе 10. Для занятія же должностей миссіонеровъ я просилъ, прошу и еще долго буду просить людей изъ Россіи. Во первыхъ—потому что число семинаристовъ невелико, а главное—потому что для миссій нужны люди, опытные въ дѣлѣ пастырскомъ и внутренно призываемые къ тому, а не властію только наряжаемые. Соображеніе же о семъ изложено выше въ примѣчаніи 8.

6. Особенныя достоинства и заслуги. Какъ ни мало число

духовенства, въ Камчатской епархіи и особенно священниковъ (ихъ нынѣ только 29): но, благодареніе Господу, можно указать на многихъ изъ нихъ, которые своими особенными трудами, дѣятельностію, терпѣніемъ и подвигами заслуживаютъ даже болѣе чѣмъ особеннаго вниманія— или въ прохожденіи особенныхъ должностей въ епархіальномъ управленіи, или въ проповѣдываніи и назиданіи прихожанъ и образованіи дѣтей ихъ, или то и другое вмѣстѣ; есть изъ нихъ и такіе, кои своимъ вліяніемъ замѣтно дѣйствуютъ на улучшеніе нравственности и религіозности своихъ прихожанъ, или своими поступками пріобрѣли уваженіе и довѣріе ихъ. Исчислять же здѣсь труды и дѣйствія каждаго изъ обращающихъ на себя вниманіе я считаю излишнимъ, потому что о заслуживающихъ того болѣе прочихъ, 5 лицахъ, мною изложено въ нынѣшнемъ представленіи моемъ къ наградамъ. Скажу только, что почти такое же число изъ прочихъ священниковъ могутъ быть представлены къ наградамъ чрезъ годъ или два.

Касательно же благотворительности,—общей всему духовенству почти безъ исключенія,—надобно отдать преимущество здѣшнимъ уроженцамъ, о коихъ можно ручаться, что ни одинъ изъ нихъ никогда не откажетъ въ помощи нуждающимся, не смотря на то, хотя бы самъ терпѣлъ недостатокъ или былъ въ неоплатныхъ долгахъ. Это ихъ общая черта, заимствованная ими отъ туземцевъ: о завтрашнемъ днѣ и особенно о дняхъ старости или безпомощности они почти совсѣмъ не думаютъ, надѣясь, въ случаѣ нужды, на свое терпѣніе. И, надобно сказать также, ихъ (и туземцевъ) примѣръ въ этомъ отношеніи остается не безъ дѣйствія и на заѣзжихъ изъ Россіи духовныхъ, которые здѣсь дѣлаются щедродательнѣе и менѣе заботливыми о своей будущности.

7. Отношенія къ иностранному духовенству и проч. Изъ иновѣрнаго духовенства въ Камчатской епархіи находится нынѣ только одинъ лютеранскій пасторъ въ Новоархангельскѣ (съ 1840 г.), который въ настоящее время, по увеличивающемуся числу финляндовъ, становится болѣе необходимъ. Ни онъ, ни предмѣстникъ его, ни прямо, ни косвенно не вмѣшивались въ дѣла священниковъ нашихъ; и потому во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ съ пасторомъ видна искренняя пріязнь, а изъ прихожанъ его, а также и католиковъ, почти всѣ почетные обходятся съ нашими священниками болѣе чѣмъ какъ знакомые, и особенно изъ послѣднихъ.

Раскольниковъ здѣсь только одинъ въ Ситхѣ; но и тотъ показываетъ наклонность къ возвращенію въ нѣдра православія.

VI. Паства.

Число паствы. Паства Камчатской епархіи, въ 1848 году состоявшая изъ 22.840 душъ, къ 1849 году [1]) увеличилась 921 душею, въ томъ числѣ 778 новорожденныхъ и 143 души язычниковъ, обращенныхъ въ Америкѣ [2]), и за исключеніемъ умершихъ и выбывшихъ, къ 1849 году состоитъ всѣхъ 23.130. При открытіи же епархіи, въ 1841 году, было только 16.278 душъ. Слѣдовательно, съ того времени паства увеличилась 6832 душами. Въ томъ числѣ, причисленныхъ въ Удскомъ краѣ 485 душъ, родившихся (за исключеніемъ умершихъ и выбывшихъ) 3121 душа и новообращенныхъ язычниковъ (по 1849 годъ) 3246.

Эпидемія—корь. Въ 1848 году отъ кори, появившейся въ исходѣ мая въ Ситхѣ и оттуда завезенной въ Уналашку, какъ объ этомъ мною было писано въ прошлогоднемъ отчетѣ, въ Уналашкинскомъ приходѣ померло всего 209 человѣкъ (прямо отъ кори и ея послѣдствій; а всѣхъ умершихъ тамъ было 244 души, т. е. не менѣе 7-й части всего народонаселенія). Въ Ситхѣ и другихъ мѣстахъ померло до 90 душъ; а всего корь унесла до 300 душъ. Въ Кадьякскомъ же приходѣ, а также въ Атхинскомъ, въ Нушагакскомъ и Кенайскомъ—кори не было; а въ Квихпакской миссіи былъ вмѣсто оной кашель, но смертность была обыкновенная.

2 и 3. Состояніе благочестія въ народѣ и проч. О состояніи благочестія въ прихожанахъ Новоархангельской церкви и о Колошахъ будетъ сказано ниже.

а) Въ Америкѣ. Прихожане Уналашкинской и Атхинской церквей, а также и прочихъ Американскихъ церквей и миссій, благодареніе Господу, находятся въ томъ же утѣшительномъ состояніи, что и до нынѣ. Нерадящихъ о своемъ спасеніи, можно сказать, нѣтъ ни одного; а изъ новопросвѣщенныхъ оказывается болѣе и болѣе усердныхъ къ вѣрѣ. и не рѣдкость—видѣть между ними примѣрно набожныхъ.

---

[1]) Свѣдѣнія отъ церквей за 1849 годъ получатся только въ сентябрѣ 1850 года.

[2]) Свѣдѣній отъ Анадырскаго миссіонера въ прошедшемъ 1849 году не получено.

б) Въ Камчаткѣ. Камчатскій благочинный, обозрѣвавшій въ началѣ 1849 года всю область, доноситъ между прочимъ, что прихожане внимательны къ дѣлу спасенія своего, и между ими никакихъ явныхъ соблазновъ не видно и не слышно. Въ доказательство улучшенія нравственности ихъ онъ представляетъ то, что въ 1848 году во всей Камчатской области незаконнорожденныхъ было только двѣ души; неисполнившихъ долга очищенія совѣсти по опущенію, въ прошедшемъ году было только 143, и почти всѣ изъ Русскихъ, а въ предпрошедшемъ году было 283.

в) Въ Охотской области. Изъ донесеній Охотскаго благочиннаго не видно, чтобы гдѣ-либо тамъ благочестіе уменьшалось и разстроивалось; напротивъ того, изъ прихожанъ Охотской церкви, въ прошедшемъ 1848 году не было ни одного неисполнившаго долга очищенія совѣсти по опущенію, также какъ и въ предпрошедшемъ году; тогда какъ въ первое время таковыхъ было не менѣе 4-й части изъ числа живущихъ при самой церкви.

Не было нерадящихъ о томъ и изъ числа прихожанъ Тауйской и Ямской церквей.

г) Въ Удскомъ краѣ. Прихожане Удской церкви, послѣ посѣщенія моего тамошней церкви, стали внимательнѣе и усерднѣе въ исполненіи христіанскихъ обязанностей; изъ живущихъ при церкви, неисполнившихъ долга очищенія совѣсти въ прошедшемъ году было только 5 человѣкъ, въ предпрошедшемъ 13, а предъ тѣмъ—17 (а всѣхъ ихъ не болѣе 50). Изъ Тунгусовъ же не было только 8; а всѣ прочіе или исполнили, или не имѣли возможности исполнить этого долга.

д) Въ Аянѣ. Малое стадо Аянской церкви (ихъ всего 109 душъ и съ духовными), состоящее изъ пришельцевъ съ разныхъ мѣстъ Россіи, въ послѣднее время видимо улучшилось въ познаніи истинъ вѣры и исполненіи христіанскихъ обязанностей, чему немало способствуетъ благой примѣръ и внушенія тамошняго начальника.

Отъ Анадырскаго миссіонера свѣдѣній не получено.

е) Въ Гижигѣ. Менѣе всѣхъ благочестія и усердія къ вѣрѣ—въ Гижигинскихъ прихожанахъ, и именно живущихъ въ самой Гижигѣ, подлѣ церкви. Впрочемъ, и изъ нихъ число усердныхъ къ церкви и исполненію обязанностей увеличивается; такъ что въ послѣдній годъ изъ 140 козаковъ, небывшихъ по нераченію было только уже 15, въ томъ

числѣ и начальникъ ихъ. Но начальствующій надъ уѣздомъ, который впрочемъ уже смѣненъ, не былъ у исповѣди два года сряду.

Примѣчаніе 11. Изъ Тунгусовъ же, живущихъ въ семъ приходѣ, многіе имѣютъ все усердіе и желаніе къ исполненію своихъ обязанностей, но обстоятельства тамошнія не допускаютъ ни имъ приходить въ церковь, ни священникамъ посѣщать ихъ на мѣстахъ ихъ сборищъ. Въ предполагаемое мною нынѣ путешествіе, на этотъ предметъ будетъ обращено особенное вниманіе.

4. Состояніе знанія истинъ вѣры и проч. Сказать, сколько возможно опредѣлительнѣе, о состояніи знанія прихожанами начальныхъ истинъ христіанскаго закона—можно будетъ не прежде полученія о томъ свѣдѣній отъ причтовъ или духовниковъ; а таковыхъ свѣдѣній ранѣе 1852 года получить будетъ нельзя, и потому здѣсь можно сказать только: а) Въ Камчатской области, всѣ Камчадалы и ихъ дѣти знаютъ молитвы. Этому научили ихъ первые миссіонеры и заповѣдали имъ передавать это дѣтямъ своимъ; и они исполняютъ это строго. б) Уналашкинскіе и Атхинскіе Алеуты, имѣя на своемъ языкѣ нѣсколько священныхъ книгъ, можно сказать, всѣ до одного знаютъ молитвы, и болѣе или менѣе знаютъ и заповѣди, и догматы вѣры. Доказательствомъ послѣднему можетъ служить, во первыхъ, то, что они, будучи очень усердны къ слушанію слова Божія, не могутъ совсѣмъ забыть то, что они слышали отъ священниковъ; во вторыхъ, изъ нихъ очень много умѣющихъ читать на своемъ языкѣ, такъ напр. на островѣ св. Павла изъ 168 жителей, всѣхъ безъ исключенія—умѣющихъ читать 87, въ Атхинскомъ приходѣ, изъ 704 Креоловъ и туземцевъ—читающихъ 190; а въ третьихъ то, что священники, при посѣщеніяхъ своихъ прихожанъ, болѣе или менѣе, но непремѣнно поучаютъ ихъ. Въ часовнѣ на островѣ Амлѣ, гдѣ жители нисколько не знаютъ Русскаго языка, давно уже (съ 1842 г.) служба, дозволенная мірянамъ, отправляется на ихъ языкѣ, и гдѣ въ пѣніи участвуютъ почти всѣ. Въ прошедшемъ годѣ, появились книги и на Кадьякскомъ языкѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что это послужитъ къ распространенію между тамошними жителями познанія сначала молитвъ, а потомъ—Закона и Вѣры. Тамошній священникъ сказывалъ, что въ одномъ мѣстѣ, при немъ, жители, услышавъ въ первый разъ на своемъ языкѣ молитву, плакали отъ умиленія: а это очень замѣчательно между здѣшними туземцами, рѣдко плачущими.

Квихпакскій и Кенайскій миссіонеры стараются учить молитвамъ и вѣрѣ—прежде дѣтей, а съ ними и чрезъ нихъ и взрослыхъ. Квихпакскій миссіонеръ, во время прожитія его на мѣстѣ, постоянно занимается поученіемъ дѣтей закону Божію, а во время путешествій не упускаетъ случаевъ поучать всѣхъ, гдѣ и кого возможно, и—видитъ, что хотя не быстро, но распространяется между тамошними жителями познаніе закона Божія и догматовъ вѣры, чему много содѣйствуютъ, какъ я упоминалъ въ прошлогоднемъ отчетѣ моемъ, старшины ихъ и другіе, имѣвшіе случай слышать поученія. Съ устроеніемъ церкви въ Ситхѣ для Колошъ, и они постоянно начали слышать, хотя еще немного, на своемъ языкѣ истины вѣры, или въ поученіяхъ, или въ чтеніи, или пѣніи; и быть не можетъ, чтобы это оставалось безъ всякаго дѣйствія, тѣмъ болѣе, что въ церковь собирается людей всегда довольно. Также быть не можетъ, чтобы и катихизическія поученія,—преподаваемыя внѣ церковныхъ службъ и языкомъ простымъ, разговорнымъ и съ повтореніями,—не западали если не въ сердцахъ, то въ памяти нѣкоторыхъ слушателей, и особенно дѣвушекъ, гораздо усерднѣе собирающихся къ слушанію сихъ поученій. Изъ вышеписаннаго можно заключить съ достовѣрностію, что многіе изъ паствы Камчатской епархіи знаютъ законъ Божій; а въ какой мѣрѣ—на это отвѣчать очень трудно и, кажется, невозможно.

5. Благотворительность. Касательно благотворительности прихожанъ должно сказать, что, кажется, немного такихъ мѣстъ, которыя бы могли равняться въ этомъ отношеніи съ природными жителями вообще всей Камчатской епархіи. Не одни Алеуты,—какъ объ этомъ мною сказано было въ печатныхъ запискахъ объ островахъ тамошняго отдѣла,—не одни они не пожалѣютъ раздѣлить послѣдняго куска съ нуждающимися: и Камчадалы, и особенно Тунгусы, и Аглегмюты, и прочіе Американцы, и даже Коряки и Чукчи, а также и Креолы, рожденные отъ всѣхъ сихъ народовъ, также благотворительны,—хотя не всѣ въ одинаковой степени. Благотворительность во всѣхъ ихъ есть, можно сказать, врожденное свойство. Они понять не могутъ, какъ можно имѣть что нибудь и не подѣлиться съ неимѣющимъ и отказать просящему! И не знаю, можно-ли найти изъ нихъ такихъ, которые бы, будучи въ состояніи помочь, отказали просящему. Но не просящему и нуждающемуся дадутъ, кажется, очень немногіе; но за то они, сдѣлавъ

пособіе нуждающемуся, совсѣмъ не думаютъ искать отъ него благодарности, или—что они тѣмъ заслуживаютъ какую либо награду. Такъ напр. некрещенный Корякъ Этекъ, о которомъ мною писано было въ первомъ путевомъ моемъ журналѣ, долго понять не могъ: за что и для чего дали ему медаль [1])?

Изъ пожертвованій, въ прошедшемъ году поступившихъ, значительнѣйшее было отъ жителей острововъ св. Павла—Алеутовъ и Креоловъ, которые (также какъ и въ прошедшіе годы) пожертвовали въ пользу своей часовни 1430 р. и на бѣдныхъ дух. зв. 500 р. ассигн., и свѣчнаго дохода отъ нихъ поступило 475 р.,—болѣе, чѣмъ отъ Уналашкинской церкви и отъ Атхинской вмѣстѣ.

VII. Катихизическія поученія.

Катихизическія поученія въ Камчатской епархіи по 1849 г. начались уже при 18-ти церквахъ; число собирающихся къ слушанію оныхъ по всѣмъ церквамъ можно положить не менѣе 400, не считая школъ.

Въ Камчатской епархіи, какъ сказано выше, священниковъ, кончившихъ курсъ семинарскій, только 7, а занимающихся изъ нихъ поученіемъ дѣтей закону Божію въ церквахъ—только трое (прочіе же, по разнымъ причинамъ, этого дѣлать не могутъ),—а всѣхъ, занимающихся симъ предметомъ въ Камчатской епархіи, нынѣ 17: слѣдов., въ числѣ ихъ большая часть или недоучившихся, или совсѣмъ неучившихся въ Семинаріи; и потому весьма еще рано не только требовать отъ преподающихъ составленія какихъ либо плановъ преподаванія, но даже и предписывать имъ какія либо обязательныя правила касательно его еще не благовременно. Да притомъ и самые планы едва ли могутъ быть приведены въ исполненіе со всею удовлетворительностію; потому что дѣти, имѣя полную свободу придти и не придти, собираются къ слушанію не всегда одни и тѣ же, или приходятъ не каждый разъ. И потому, при настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ, я благодарю Бога и за то только, что священники начали заниматься этимъ дѣломъ.

[1]) Онъ, во время крайняго недостатка въ пищѣ въ Лѣсновскомъ селеніи, весьма много помогалъ тамошнимъ жителямъ своими оленями, такъ что это обратило вниманіе Камчатскаго начальства, которое за такую его благотворительность испросило ему въ награду медаль, которую, однакожъ, съ трудомъ могли надѣть на него.

Болѣе правильно и систематически преподается законъ Божій въ Камчатскомъ Петропавловскомъ соборѣ, такъ какъ здѣсь началось это прежде всѣхъ (съ сентября 1841 г.) и продолжается непрерывно, и гдѣ и слушающіе уже привыкли, и родители поняли пользу этого. И потому, выключая времени, нужнаго для запасенія пищи, почти всегда приходятъ къ слушанію одни и тѣ же. Но и здѣсь планъ преподаванія предоставляется самому преподавателю, безъ требованія отъ него въ этомъ форменнаго отчета. Въ прочихъ же мѣстахъ, какъ въ миссіяхъ, а также и при путешествіяхъ священниковъ по приходамъ, поученія преподаются сообразно съ обстоятельствами и по поводу какихъ либо случаевъ, или праздниковъ и пр. Отчеты по сей части, со стороны преподающихъ, пока ограничиваются одними вѣдомостями о числѣ собирающихся къ слушанію поученій. Впрочемъ, нѣкоторые прилагаютъ къ тому и самые журналы сихъ занятій, изъ коихъ можно видѣть, когда и о чемъ было говорено дѣтямъ. Всѣхъ отчетливѣе журналъ присылаетъ Квихпакскій миссіонеръ, протоіерей Іаковъ Нецвѣтовъ. Касательно вниманія народа къ симъ поученіямъ должно сказать, что не только Уналашкинцы и Атхинцы, какъ уже извѣстные своимъ усердіемъ къ слушанію слова Божія, но и всѣ прочіе туземцы, безъ исключенія, оказываютъ большую наклонность къ тому. (Болѣе же подробныя свѣдѣнія о семъ будутъ изложены по полученіи донесеній отъ священниковъ). О Русскихъ же, хотя и съ прискорбіемъ, но надобно сказать, что они, говоря вообще, на это смотрятъ не такъ, какъ бы надлежало. Исключеній не очень много. Причиною этому конечно то, что многіе изъ нихъ сами росли и выросли, не слыхавъ отъ своихъ священниковъ никакихъ подобныхъ наставленій, и впослѣдствіи, не видя отъ этого никакой видимой потери или вреда, они думаютъ, что нѣтъ большой надобности принуждать къ этому и дѣтей своихъ; и оттого они хотя и не упорствуютъ въ этомъ и не спорятъ о пользѣ, но и не заботятся много о томъ—ходятъ ли ихъ дѣти къ слушанію поученій, или нѣтъ; и всякое обстоятельство, препятствующее ходить имъ въ церковь, напр. неимѣніе обуви, они считаютъ уже законною причиною не посылать ихъ.

Примѣчаніе 12. Чтобы побудить таковыхъ родителей къ исполненію ихъ сей обязанности—непремѣнно посылать дѣтей своихъ къ слушанію поученій,—одной духовной власти недостаточно. Такъ напр:

въ Охотскѣ, пока тамъ объ этомъ было предложеніе только со стороны духовныхъ, то дѣтей собиралось въ церковь чрезвычайно мало; но лишь только, вслѣдствіе просьбы священника, отданъ былъ объ этомъ приказъ отъ начальника—и дѣти стали приходить почти всѣ. И потому мнѣ кажется, для достиженія сей цѣли—учрежденія катихизическихъ поученій—необходимо содѣйствіе свѣтской власти, и даже указать ей самыя мѣры взысканія съ нерадивыхъ родителей,—по крайней мѣрѣ, при началѣ этого дѣла. Но само собою разумѣется, что свѣтская власть должна брать свои мѣры не иначе, какъ по жалобамъ на нихъ духовенства, а оно—обращаться къ этому не прежде, какъ употребивъ съ своей стороны всѣ мѣры, какія укажетъ ему его начальство, для возбужденія нерадивыхъ родителей и дѣтей.

VIII. Училища при церквахъ.

Церковныхъ училищъ въ строгомъ значеніи сего слова,—т. е. такихъ заведеній, которыя бы существовали и управлялись на всѣхъ извѣстныхъ условіяхъ казенныхъ училищъ,—въ Камчатской епархіи нѣтъ ни одного. И всѣ нынѣшнія, такъ называемыя, церковныя училища суть ничто иное, какъ простыя домашнія школы, или сборища, гдѣ почти все дѣлается по произволу. Изъ всѣхъ таковыхъ школъ, болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія: 1) Въ Петропавловскомъ портѣ—домашнее училище священника Георгія Логинова, помѣщаемое въ отдѣленіи церковнаго дома, гдѣ ученіе (болѣе) постоянно, предметовъ ученія больше и въ преподаваніи ихъ наблюдается нѣкоторый порядокъ. Въ прошедшемъ году учениковъ въ немъ было 11. 2) Въ Нушегакской миссіи,—гдѣ (какъ объ этомъ мною писано въ прошедшемъ отчетѣ) миссіонеръ Кенайскій, съ дьячкомъ учителемъ, собственными своими силами и средствами выстроили помѣщеніе для собиранія учениковъ, число коихъ въ прошедшемъ году было 13. 3) Въ Дранкинскомъ селеніи (въ Камчаткѣ)—гдѣ священникъ Левъ Поповъ, въ особомъ домѣ, построенномъ усердіемъ прихожанъ, обучаетъ дѣтей грамотѣ, письму и церковному пѣнію и, должно прибавить, съ такимъ успѣхомъ, что одинъ изъ учениковъ его поступилъ уже исправляющимъ должность причетника. 4) Въ Ямскѣ, въ Охотской области,—какъ объ этомъ тоже писано мною въ прошлогоднемъ отчетѣ; но оттуда свѣдѣній нынѣ не полу-

чено. 5) Въ Кадьякѣ,—гдѣ священникъ съ помощію пономаря обучаетъ приходящихъ дѣтей прихожанъ,—въ прошедшемъ году въ церковномъ домикѣ, а нынѣ—въ отведенной отъ Компаніи квартирѣ. Число учениковъ было 13, а въ 1850 году 25.

Были такія же школы и въ Уналашкѣ и Атхѣ, при тамошнихъ церквахъ; но съ уничтоженіемъ тамъ конторъ, не стало и школъ, т. е. помѣщеній для желающихъ учиться. Впрочемъ главный правитель прошедшаго года, вслѣдствіе моей просьбы, далъ предписаніе устроить домики, гдѣ бы духовенство могло учить дѣтей [1]), а Уналашкинскій священникъ, въ бытность свою нынѣ на островѣ св. Павла, занимался обученіемъ дѣтей тамошнихъ жителей мальчиковъ, а жена его обучала дѣвушекъ. Во всѣхъ прочихъ приходахъ Камчатскихъ и Охотскихъ учащихся грамотѣ очень немного, и всѣ они учатся въ домахъ самихъ учащихъ. Число учащихся грамотѣ въ приходахъ Уналашкинскомъ и Атхинскомъ весьма значительно. Съ появленіемъ книгъ на Алеутскомъ языкѣ, въ нихъ возродилось сильнѣе желаніе учиться читать; такъ что даже старики стали учиться. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ позволяетъ мѣстность и обстоятельства, самими жителями заведены школы, какъ-то: на островахъ св. Павла и Амлѣ; а на островахъ: Берингововъ, Атту и Мѣдномъ и въ другихъ мѣстахъ есть учители, изъ тѣхъ же жителей, занимающіеся обученіемъ дѣтей по домамъ.

По донесеніямъ священниковъ, въ настоящее время въ Атхинскомъ приходѣ изъ 714 душъ Алеутовъ и Креоловъ, умѣющихъ читать—190; а на островѣ св. Павла изъ 168—87. Съ появленіемъ книгъ на Кадьякскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, явятся и тамъ охотники учиться. Нѣтъ сомнѣнія также, что мало по малу распространится грамотность и въ Камчаткѣ, чрезъ церковныя школы и, особенно, при томъ содѣйствіи тамошняго начальства, какое оказывается нынѣ. Потому что Камчадалы почти уже всѣ говорятъ Русскимъ языкомъ. Но гораздо труднѣе распространить это въ Охотской области, гдѣ самую большую часть жителей составляютъ Тунгусы, изъ коихъ весьма немногіе могутъ говорить по Русски. Иное дѣло, если бы и на ихъ языкѣ были книги. Но при настоящихъ обстоятельствахъ, это сдѣлать чрезвычайно трудно.

---

[1]) Въ общей вѣдомости объ училищахъ при церквахъ показываются два училища Компанейскія, находящіяся въ Ситхѣ—потому только, что въ нихъ учатъ закону Божію священники.

IX. Разныя свѣдѣнія.

О Нушегакской миссіи.—Нушегакская миссія остается и—такъ какъ никто не прибылъ изъ Россіи и нынѣшняго года—должна остаться еще не менѣе двухъ годовъ безъ мѣстнаго священника, за неимѣніемъ человѣка, котораго бы можно послать туда. Впрочемъ, все, что только возможно со стороны нашей, дѣлается для назиданія и просвѣщенія тамошнихъ жителей; такъ напр. Кенайскій миссіонеръ, посѣщавшій всѣ селенія, принадлежащія Нушегакской церкви въ 184 $^{7}/_{8}$ годахъ, весною нынѣшняго 1850 года отправится туда съ намѣреніемъ остаться тамъ на цѣлый годъ, а между тѣмъ находящійся тамъ постоянно дьячекъ Шишкинъ усердно занимается обученіемъ туземскихъ дѣтей грамотѣ и закону Божію, а при случаяхъ поучаетъ, чему можетъ, и взрослыхъ. Въ удобное время, онъ ѣздитъ въ отдаленныя селенія, для крещенія новорождающихся, и въ это время креститъ и взрослыхъ, изъявляющихъ желаніе на то. Онъ доноситъ, что имъ окрещено, послѣ миссіонера, 38 младенцевъ и приведено въ христіанскую вѣру 128 душъ взрослыхъ. (И всѣ сіи новокрещенные еще не включены ни въ метрики, ни въ представляемую нынѣ вѣдомость). Церковь тамошняя, стараніемъ и трудами того же дьячка Шишкина, поддерживается и, при усердіи туземцевъ, начинающихъ посильно жертвовать на оную, приводится въ лучшее благолѣпіе. Видѣвшіе оную въ прошедшее лѣто говорятъ, что она, по внутреннему украшенію, немного уступитъ Кадьякской церкви.

О Кенайской миссіи.—Кенайскій миссіонеръ, іеромонахъ Николай, продолжаетъ свое служеніе съ прежнею дѣятельностію и тѣмъ же усердіемъ. Съ 28 марта по 10 іюня 1849 онъ путешествовалъ на байдаркахъ въ Нучекъ и на Мѣдную рѣку; а зимою, съ 7-го декабря по 25-е и съ 19 по 27 января, пѣшкомъ на лыжахъ въ селенія Кенайцевъ, находящіяся внутри материка и посѣщеніе коихъ лѣтомъ совершенно невозможно. Въ оба послѣднія путешествія онъ, впередъ и обратно, прошелъ не менѣе 400 верстъ, и по мѣстамъ дикимъ, гдѣ нѣтъ никакой дороги. Такое путешествіе совершаетъ онъ уже не въ первый разъ.

Жители послѣднихъ селеній весьма были рады прибытію миссіонера и очень благодарили его за труды его, для нихъ подъятые. Миссіонеръ

говоритъ въ своемъ журналѣ, что онъ больше ихъ радовался тому, что Богъ помогъ ему совершить это и тѣмъ утѣшить добрыхъ Кенайцевъ. Во время путешествія своего въ Нучекъ, по селеніямъ, лежащимъ на семъ пути, и во время пребыванія своего въ Нучекѣ, гдѣ онъ проживалъ съ 21 апрѣля по 13 мая, за болѣзнію гребцовъ его (корью), онъ, сверхъ обыкновенныхъ требъ, служилъ литургіи для пріобщенія говѣвшихъ и поучалъ какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ. Вездѣ, гдѣ онъ былъ, принимали его радушно и съ охотою слушали поученія и исполняли обязанности, требуемыя Церковію.

Лишь только открылась возможность, миссіонеръ предпринялъ путешествіе изъ Нучека на Мѣдную рѣку. Путешествіе это его было первое, отъ заселенія тамъ Русскихъ. Два дня ѣхали они, въ байдаркахъ, изъ Нучека до устья Мѣдной рѣки, и день подымались по оной до перваго селенія Угаленцевъ. «Встрѣчи отъ нихъ, говоритъ миссіонеръ, и радушнаго пріема не было; на лицахъ ихъ видѣнъ былъ испугъ». Онъ обошелъ всѣ ихъ училища и угощалъ пожилыхъ табакомъ, а малолѣтныхъ—сухарями. Потомъ, когда поставлена была палатка, жители пришли къ нему съ своимъ угощеніемъ, состоящимъ изъ рыбы, мяса нерпечьяго и кореньевъ, и сказали: «Вы не сердитесь на насъ, что мы неласково съ вами обошлись; у насъ такъ бываетъ съ незнакомыми. Не бойтесь насъ: мы хотя и дики, но никогда напрасно не обидимъ никого». Старики молодымъ и дѣтямъ приказали не шумѣть и не кричать, съ намѣреніемъ дать покой пріѣзжимъ. Проповѣдь и бесѣды миссіонера съ туземцами не остались безплодны. 43 человѣка приняли христіанство, не смотря на предложенныя имъ нелегкія условія, какъ-то: женъ не мѣнять и кромѣ одной не имѣть, лицъ своихъ не марать, шаманство оставить и проч. Миссіонеръ намѣренъ былъ подняться по рѣкѣ еще выше; но живущій тамъ байдарщикъ Русскій сказалъ ему, что до одиночки, гдѣ онъ живетъ, ѣхать нѣтъ никакой опасности отъ дикарей, а далѣе—онъ ручаться не можетъ, по причинѣ еще неутихшаго безпокойства (по дѣлу объ убійствѣ топографа (Креола), посланнаго Компаніею въ 1847 году внутрь материка и котораго убили жители горные [1]). Но если онъ поѣдетъ только и до одиночки

[1]) Но замѣчательно очень, что убійцы ничего не взяли изъ вещей, бывшихъ съ убитымъ. Инструменты доставили сохранно: значитъ, причина убійства была не любостяжаніе.

его, то воротиться оттуда ранѣе сентября не можетъ. Посему миссіонеръ къ нему не поѣхалъ и поспѣшилъ въ свою миссію, для окончанія работъ по церкви, приготовляемой къ освященію; при которой работниками были только трое: онъ съ дьячкомъ и еще человѣкъ отъ Компаніи. Изъ числа пріѣхавшихъ съ байдарщикомъ Угаленцевъ и Мѣдновцевъ, окрестилось 13 человѣкъ. Весною сего года (1850) миссіонеръ, какъ сказано выше, намѣренъ отправиться въ Нушегакскую миссію, на цѣлый годъ.

Кенайская церковь къ 1849 году состояла изъ 1439 душъ; въ томъ числѣ 502 души Кенайцевъ, 224 Чугачъ и 227—Угаленцевъ и Мѣдновцевъ, а прочіе—Креолы. Изъ всѣхъ ихъ нѣтъ ни одного, который бы почему либо уклонился отъ исполненія обязанности очищенія совѣсти. Миссіонеръ о Кенайцахъ, между прочимъ, говоритъ, что они большіе охотники пѣть, и не иное что, какъ только церковныя пѣсни. Они сами просятъ его учить ихъ тому, и за то нерѣдко пѣніемъ своимъ не даютъ ему покоя.

О Квихпакской миссіи.—Дѣйствія Квихпакскаго миссіонера въ прошедшемъ году ограничились одною только обыкновенною поѣздкою, зимою, на рѣку Кускоквимъ, въ Камаковскій редутъ; и болѣе нигдѣ онъ быть не могъ, потому что а) послѣ свиданія со мною въ 1848 году, въ Михайловскомъ редутѣ, онъ въ миссію свою возвратился только 24 августа, и потому ѣхать куда либо было уже довольно поздно; а притомъ б) въ то лѣто по всѣмъ мѣстамъ тамошняго края рыбы было очень мало, такъ что въ нижнихъ селеніяхъ по рѣкѣ Кускоквиму (гдѣ еще священникъ не бывалъ) весною много померло отъ голоду, и оттого в) осенью 1848 почти всѣ туземцы были въ разъѣздахъ—такъ что даже и жители того самаго селенія, гдѣ находится миссія, почти всю зиму были по разнымъ мѣстамъ для снисканія себѣ пищи и возвратились, и то не всѣ, только ко времени говѣнія,—и вскорѣ опять отправились. Проживая же на мѣстѣ, миссіонеръ, съ своими причетниками и еще однимъ работникомъ изъ Алеутовъ, занимались устройствомъ миссіи; и до наступленія большихъ морозовъ успѣли построить кладовыя и баню и начали приготовлять мѣсто для построенія церкви. Во время пребыванія его на рѣкѣ Кускоквимѣ, съ 4 по 28 февраля, онъ, между прочимъ, освятилъ вновь выстроенную тамъ часовню усердіемъ управляющаго Лукина и подчиненныхъ ему Креоловъ и туземцевъ

цевъ; и, сверхъ исправленія обыкновенныхъ требъ и служеній, онъ, при удобныхъ случаяхъ, собиралъ дѣтей и поучалъ ихъ закону Божію, и вновь присоединилъ къ церкви изъ тамошнихъ язычниковъ 22 человѣка. По очищеніи рѣки Квихпакъ отъ льда, миссіонеръ со всѣми своими подчиненными 5 іюня отправился, какъ и прежде, внизъ по рѣкѣ, въ Михайловскій редутъ, куда и прибылъ 15-го числа. И проживая здѣсь въ ожиданіи судна, онъ отправлялъ службы для говѣвшихъ, какъ жителей редута, такъ отчасти и туземцевъ. Проѣзжая мимо селеній, лежащихъ по рѣкѣ, онъ очень мало видѣлъ въ нихъ жителей: всѣ, по причинѣ недостатка въ пищѣ, отправились въ горы, за промысломъ звѣрей.

Сверхъ всякихъ разсчетовъ, прошедшаго 1849 г. судно въ Михайловскій редутъ пришло еще позже, чѣмъ въ 1848 г., т. е. въ первыхъ числахъ августа, тогда какъ оно въ прежніе годы приходило около 1 іюля; и потому по всей вѣроятности миссіонеру опять не удастся сдѣлать поѣздку вверхъ по рѣкѣ, гдѣ его ожидаютъ съ 1847 года, и тѣмъ болѣе, что онъ долженъ немедленно приступить къ построенію церкви той же осенью, для чего ему нынѣ (въ 1849) отправлено 4 человѣка Алеутовъ изъ Уналашки, и только на два года. Прошедшаго лѣта, какъ сказано выше, отправленъ въ помощь Квихпакскому миссіонеру іеромонахъ Филаретъ, который и прибылъ туда благополучно.

Успѣхи миссіонера въ обращеніи туземцевъ съ августа 1848 по іюль 1849 ограничились только присоединеніемъ вышеупомянутыхъ 22 челов. и еще 16 во время пути его внизъ по рѣкѣ, во двухъ селеніяхъ—Такчагмютскомъ и Канигмютскомъ. Число обращенныхъ, конечно, очень незначительно въ сравненіи съ прочими годами, и особливо съ предшествовавшимъ; но за то, какъ говоритъ миссіонеръ въ своемъ донесеніи: «я этотъ случай, т. е. обращеніе послѣднихъ 16 человѣкъ, считаю не менѣе и даже болѣе важнымъ, чѣмъ обращеніе дикихъ при первой проповѣди; потому что сіи послѣдніе много разъ слышали проповѣдь и каждый разъ, и особливо въ первомъ селеніи, съ упорствомъ отвергали оную; но нынѣ, сверхъ всякаго чаянія, они сами вызвались креститься, и первые изъ нихъ—тѣ самые, которые болѣе всѣхъ упорствовали, т. е. старшины.» На вопросъ миссіонера первому изъ старшинъ: чтò побуждаетъ его теперь принять христіанство?—онъ отвѣчалъ: «Я нѣсколько разъ слышалъ проповѣдь, и вижу, что мно-

гіе изъ племени нашего и вездѣ обращаются въ христіанство; теперь я самъ началъ чувствовать, и мнѣ сдѣлалось уже страшно, что я упорствовалъ, не желая себѣ спасенія. То же говорятъ и прочіе здѣсь находящіеся со мною».

Обращенію жителей другаго селенія (которые, впрочемъ, въ принятіи христіанства менѣе оказывали упорства, чѣмъ ихъ сосѣди) причиною было открывшееся злонамѣреніе одного изъ нихъ — истребить находящихся въ Андреевской одиночкѣ Русскихъ, гдѣ онъ находился въ работникахъ. О семъ намѣреніи его знали старшина и всѣ прочіе, но не открывали Русскимъ, впрочемъ, какъ они говорятъ, и не хотѣли участвовать съ нимъ, и что весьма вѣроятно: иначе они бы скоро и легко могли привести въ исполненіе свое намѣреніе; и чтобы доказать это, старшина и прочіе, при разбирательствѣ этого дѣла, дали обѣщаніе — при первомъ случаѣ окреститься; и исполнили это обѣщаніе при первомъ посѣщеніи ихъ миссіонеромъ, котораго они нарочно для того ожидали, не смотря на то, что они въ это время нуждались въ пищѣ.

О духовномъ состояніи новокрещенныхъ, вообще всѣхъ, миссіонеръ доноситъ, что хотя обстоятельства ему не позволили видѣть лично всѣхъ, но, по доходящимъ до него свѣдѣніямъ, всѣ они пребываютъ въ принятой ими вѣрѣ неуклонно, стараются соблюдать то, чему были учены, и противнаго тому въ нихъ ничего не слышно. А что касается до жителей при миссіи, то они, болѣе и болѣе удостовѣряясь самымъ опытомъ и примѣрами, что христіанство есть лучшее состояніе человѣка (въ чемъ нѣкоторые изъ нихъ сами сознаются), — нынѣ дѣлаются болѣе приверженными къ христіанской вѣрѣ, и съ охотою и усердіемъ исполняютъ обязанности оной; такъ напр. въ 1849 году, когда надлежало имъ говѣть, они безъ малѣйшаго принужденія, всѣ, сколько ихъ было на лицо, исполнили это съ примѣрнымъ послушаніемъ, не смотря па то, что они должны были, во время говѣнія, переносить морозъ и худую погоду, стоя въ палаткѣ. Къ этому надобно присовокупить еще и то, что прошедшаго лѣта (1848 г.) миссіонеръ, отъѣзжая изъ миссіи въ Михайловскій редутъ со всѣми своими людьми, долженъ былъ оставить тамъ какъ самое строеніе, такъ и всѣ церковныя и свои вещи, поручивъ ихъ присмотру снаружи одному изъ жителей; и возвратившись чрезъ три мѣсяца, онъ нашелъ все въ совершенной сохранности и цѣлости, и кромѣ того, присмотрщикъ приготовилъ для миссіи ры-

бы, сколько могъ. Также и въ Калмаковскомъ редутѣ, въ бытность тамъ нынѣ миссіонера, туземцы пріѣзжали туда изъ своихъ селеній именно для того, чтобы исполнить свои обязанности, требуемыя церковію; и хотя не всѣ пріѣзжали, ибо крайній недостатокъ въ пищѣ не дозволялъ этого сдѣлать,—но за то безъ малѣйшаго принужденія и по доброй ихъ волѣ. Миссіонеръ говоритъ, что «таковые примѣры еще рѣдки и не повсюду. Но отчего? Оттого что всѣ прочіе (кромѣ живущихъ въ миссіи и въ Калмаковскомъ редутѣ) рѣдко видятъ священника; а причиною этому, главное—пространство, на которомъ разсѣяны новопросвѣщенные». Безъ сомнѣнія, съ прибытіемъ къ миссіонеру помощника, гораздо большее число новокрещенныхъ будутъ видѣть священника и чаще слышать отъ него назиданія. Надежды на пріобрѣтеніе новыхъ чадъ Христовой церкви подтверждаются болѣе и болѣе. Многіе изъ живущихъ по рѣкѣ выше миссіи ждутъ только прибытія къ нимъ миссіонера въ удобное для нихъ время. Жители вышепоименованныхъ двухъ селеній, по увѣренію старшинъ ихъ, непремѣнно окрестятся при первомъ случаѣ. Поученіе дѣтей туземцевъ закону Божію продолжается, но не болѣе того же, какъ только въ миссіи и во время посѣщенія Калмаковскаго редута; а въ прочихъ селеніяхъ дѣлать этого еще не удобно.

Объ Анадырской миссіи.—Въ прошедшемъ 1849 году отъ Анадырскаго миссіонера никакихъ свѣдѣній не получено.

На миссіонера, какъ мною писано въ прошломъ отчетѣ, поступилъ доносъ въ корчемствѣ [1]) и блудной связи съ дѣвкою, но до сихъ поръ слѣдственнаго дѣла не получено..... и потому быть можетъ, что и Анадырская миссія, такъ же, какъ и Кушагинская, должна остаться безъ миссіонера,—по крайней мѣрѣ, до моего прибытія въ Гижигу.

О Курильцахъ.—Въ прошломъ лѣтѣ 1849, былъ посыланъ въ Курильскій отдѣлъ священникъ Никита Омофорскій, для исправленія обыкновенныхъ требъ; но и онъ, такъ же какъ и прежде посланные туда священники, могъ быть только на островѣ Шумшу, и видѣлъ Курильцевъ почти тѣхъ же самыхъ, которыхъ видѣли его предшественники; а прочіе, съ ихъ семействами, опять не имѣли возможности видѣть священника. Нынѣшняго лѣта, я намѣренъ отправить въ Курильскій

---

[1]) Первое оказалось ложно.

отдѣлъ священника (и отправленъ) съ тѣмъ, чтобы онъ остался тамъ на зиму и постарался бы увидѣть всѣхъ Курильцевъ.

Объ обращеніи Колошъ.—Сосѣди наши Колоши продолжаютъ принимать христіанство по собственному ихъ вызову, а не по убѣжденію отъ насъ; съ нашей стороны, въ отношеніи обращенія и утвержденія ихъ, дѣлается только то, что при настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ возможно; а именно, каждый праздникъ отправляется литургія въ ихъ церкви и на оной Евангеліе, а иногда Апостолъ читаются на ихъ языкѣ, и также на ихъ языкѣ поются: «Господи помилуй», «Вѣрую» и «Отче нашъ», и на каждой литургіи предлагаются имъ поученія. Колоши, со времени освященія у нихъ храма, т. е. съ 24 апрѣля 1849 и по настоящее время, благодареніе Господу, весьма замѣтно перемѣнились въ добрую сторону. Въ теченіи года, при постоянномъ въ ихъ церкви служеніи, они показали достойную вниманія ревность и любовь. Цѣлыми десятками взрослые мужчины и (болѣе) женщины приходили просить крещенія, и совершенно безъ всякихъ корыстныхъ видовъ; и тѣ, въ коихъ видно было болѣе усердія и неколебимости, по возможномъ испытаніи, получали просимое. Почти всѣ крещаемые, будучи полунаги, не получаютъ и не просятъ даже рубашекъ. Одинъ крестикъ при крещеніи и потомъ деревянный простой и даже бумажный образъ,—какъ выразился, занимающійся обращеніемъ Колошъ протоіерей Литвинцовъ,—вотъ ихъ и утѣшеніе!

Въ концѣ прошедшаго года окрестилось Колошъ 11 душъ, въ нынѣшнемъ, 1850-мъ, по май 43, а всего—54. Въ праздники, когда бываетъ у нихъ служба, они постоянно бываютъ въ церкви, въ числѣ 100 или болѣе человѣкъ, и никогда менѣе 20 не было, и то во время работъ. Къ наставленіямъ внимательны и даже послушны, но слишкомъ говорливы. Выполняютъ ли они наставленія въ своихъ жилищахъ,—неизвѣстно, ибо никто изъ священниковъ не ходитъ къ нимъ (это еще неблаговременно); но въ церкви это очень замѣтно.

Стоя въ церкви, они молятся; нѣкоторые изъ нихъ знаютъ и молитвы краткія, къ Господу Іисусу и Матери Его. Во время поста постились, каялись и пріобщались Св. Таинъ и, какъ говоритъ духовникъ, очень, очень усердно, и вообще всѣ они исполняли это безъ всякаго принужденія. Въ великую субботу, во время чтенія паремій, одинъ Колоша именемъ Никита, говѣвшій, каявшійся и пріобщившійся на одной изъ

среднихъ недѣль поста, чрезвычайно усердно молился всѣмъ иконамъ порознь и прикладывался къ нимъ (какъ обыкновенно дѣлаютъ желающіе приступить къ Св. Тайнамъ). Увидѣвъ это, протоіерей послалъ спросить, что бы это значило; Колоша отвѣчалъ, что онъ хочетъ пріобщиться. Протоіерей призвалъ его въ алтарь и сказалъ ему, что онъ недавно пріобщался; онъ отвѣчалъ: «я еще хочу, дай!» И сіе его искреннее желаніе, по обычной исповѣди, было исполнено.

Женскій полъ къ молитвѣ внимательнѣе и усерднѣе и въ прочихъ добродѣтеляхъ выше, чѣмъ мужчины. Матери, бывая въ церкви съ дѣтьми, учатъ ихъ дѣлать на себѣ крестное знаменіе, говоря что-то имъ на ухо и пригибая голову ихъ къ полу.

Убійствъ и значительныхъ ссоръ собственно между крещенными не было; но съ некрещенными у нихъ нерѣдко бываютъ ссоры и, какъ говорятъ, оттого, что тѣ (некрещенные) дѣлаютъ имъ разныя притѣсненія. Но не смотря на все это, до тѣхъ поръ, пока не окрестятся всѣ живущіе подлѣ крѣпости Колоши, нельзя ручаться, что всѣ и каждый изъ крещенныхъ останутся непоколебимыми и вѣрными своему обѣщанію, данному при крещеніи, особенно изъ пожилыхъ мужчинъ, еще помнящихъ свое житье-бытье до Русскихъ. Что же касается до некрещенныхъ Колошъ, сосѣдей нашихъ, то въ настоящее время во многихъ изъ нихъ замѣчаются быстрые переходы отъ одного мнѣнія или дѣйствія къ другому; такъ напр. сегодня они дѣйствуютъ въ утѣсненіе крещенныхъ, и на завтра сами просятъ крещенія. Обычай убивать калговъ для умирающихъ почетныхъ, не смотря на всѣ мѣры и со стороны нашей, и со стороны Компанейскаго начальства, еще не истребился. Такъ, на 2-й день Пасхи совершилось таковое убійство для умершей почетной старухи, по желанію ея некрещенной внуки, взрослой дѣвки, которой отецъ крещенъ, и который, видя приближающуюся смерть своей матери, уговаривалъ свою дочь не дѣлать калго-убійства и даже искалъ случая избавить назначеннаго къ убіенію калгу; но его усердное желаніе не исполнилось. Убійство совершилось во время самой литургіи, которую я отправлялъ въ ихъ церкви, и гдѣ было много Колошъ. Убитый калга лишь только-что въ великій пятокъ принялъ св. крещеніе, а въ субботу пріобщился Св. Таинъ.

Здѣсь я долженъ сказать, что взятый нами въ 1843 году изъ служителей Компаніи толмачъ Креолъ Ив. Жуковъ, для переговоровъ съ

Колошами и, съ тѣмъ вмѣстѣ, бывшій въ семинаріи нашей учителемъ Колошенскаго языка, и которой по своему знанію обоихъ языковъ и по своимъ способностямъ, могъ бы быть очень полезенъ церкви,—наконецъ, послѣ всѣхъ возможныхъ со стороны нашей для исправленія его употребленныхъ мѣръ, за нетерпимое его поведеніе отосланъ обратно въ Компанію, и съ тѣмъ, чтобы удалить его и изъ самой Ситхи,—какъ совершенно безнадежнаго и могущаго вредить намъ. И потому мы, при переговорахъ съ Колошами, замѣняемся старымъ Компанейскимъ толмачемъ, который хотя не имѣетъ тѣхъ способностей, какъ Жуковъ, и притомъ безграмотный; но къ дѣлу усерденъ и поведенія очень добраго. Ему же поручено, когда ему позволитъ его Компанейская служба, показывать и ученикамъ нашимъ, сколько и что онъ при своей безграмотности можетъ. Найти же лучшаго учителя и другаго толмача нѣтъ никакой возможности.

Примѣчаніе 13. И потому теперь настоитъ видимая необходимость озаботиться о томъ, чтобы имѣть толмача (и не одного) для будущаго времени,—тѣмъ болѣе, что и у Компаніи въ виду нѣтъ хорошаго толмача, и если семинарія перенесется изъ Ситхи, то съ тѣмъ вмѣстѣ должно прекратиться въ ней и самое занятіе Колошенскимъ языкомъ.

Самое лучшее средство къ тому, чтобы имѣть лучшихъ и не неученыхъ толмачей, есть то, чтобы изъ нынѣшнихъ учениковъ семинаріи, обучающихся Колошенскому языку, двухъ или трехъ послать въ дальнія и разныя селенія Колошенскія, года на два или на три; гдѣ они, проживая столько времени и не имѣя возможности говорить ни съ кѣмъ кромѣ Колошъ, волею и неволею вполнѣ изучатъ языкъ ихъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, узнаютъ ихъ обычаи (здѣсь на мѣстѣ этого достигнуть труднѣе). И хотя это для дѣла нашего весьма полезно и со стороны Колошъ совершенно безопасно, а съ нашей удобоисполнимо; но это средство—можно сказать жестокое средство: ибо ученики должны будутъ жить въ Колошенскихъ нечистыхъ и холодныхъ юртахъ, питаться вонючею пищею и переѣзжать съ ними съ мѣста на мѣсто и проч., а при томъ очень статочное дѣло, что они, обучаясь у нихъ языку, съ тѣмъ вмѣстѣ научатся отъ нихъ и худому; ибо имѣть за ними съ нашей стороны присмотръ будетъ невозможно.

Лучшее за тѣмъ средство есть—взять въ семинарію отъ свободныхъ Колошъ дѣтей и обучать ихъ; и это весьма удобоисполнимо—тѣмъ

болѣе, что есть на то и желающіе; но это средство очень ненадежно, и притомъ очень легко можетъ быть причиною серьезной ссоры Колошъ съ Русскими: ибо опытомъ дознано, что если Колошу наказать розгами, то за него непремѣнно вступятся и будутъ требовать за то удовлетворенія, т. е. платы, а если случится, что таковой ученикъ помретъ въ семинаріи, то непремѣнно надобно будетъ и заплатить за него, что потребуютъ, и испытать много хлопотъ и безпокойствъ. И потому мы теперь рѣшаемся на то, чтобы, при первой возможности, купить отъ Колошъ двухъ малолѣтныхъ калговъ, и воспитывать ихъ въ семинаріи. Что очень удобоисполнимо и будетъ стоить недорого. Купленныя дѣти ни въ какомъ случаѣ не могутъ отойти отъ насъ; ибо хотя бы онѣ и убѣжали, то хозяева ихъ, или другіе Колоши, какъ это до нынѣ у нихъ водится, доставятъ ихъ къ намъ;— только надобно за это заплатить имъ; съ ними вмѣстѣ можно будетъ воспитывать и дѣтей свободныхъ Колошъ, но съ тѣмъ условіемъ взять ихъ отъ родителей или тоеновъ, чтобы они, въ случаѣ, если дѣти ихъ убѣгутъ, привели ихъ сами,—или иначе уволить ихъ изъ семинаріи. Между же тѣмъ, пока это приводится въ исполненіе, у одного изъ діаконовъ здѣшнихъ воспитывается его родной племянникъ Колоша, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сдѣлать его толмачемъ; и который уже обучается грамотѣ, поетъ и начинаетъ понимать Русскій языкъ.

О суммахъ на содержаніе церквей и духовенства.—Въ Камчатской епархіи нѣтъ ни одного причта, который бы существовалъ одними доходами, безъ полученія постоянныхъ окладовъ; и по здѣшнимъ обстоятельствамъ, это совершенно невозможно. Въ настоящее время на содержаніе духовенства получается: а) отъ казны, на 14 Камчатскихъ и Охотскихъ причтовъ (кромѣ церквей) 11,370 р. и 69 коп. сер. б) изъ Хозяйств. Управленія при Св. Сѵнодѣ, на Кенайскую миссію, 881 р. 43 к. и в) отъ Американской компаніи—7902 р. Изъ того числа 780 р. на Аянскій причтъ, а прочее на причты Американскихъ церквей. Всѣхъ же суммъ на содержаніе духовенства Камчатской епархіи и самаго архіерея получается нынѣ 20.154 р. 12 к. с.

О запасномъ капиталѣ.—Кромѣ сихъ суммъ, Камч. епарх. начальство имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи и непосредственномъ распоряженіи (не считая попечит. Семинарск. и церковн. суммъ) еще: а) Суммы общаго капитала Американскихъ церквей. Онѣ первоначально состави-

лись: а) изъ пожертвованныхъ въ С.-Пбургѣ, Москвѣ и Иркутскѣ денегъ всего 5.495 р. ассиг. и б) изъ отдѣленныхъ отъ каждой Американской церкви и часовни, въ 1841 году существовавшихъ $^3/_4$ всего денежнаго капитала; что отъ всѣхъ церквей и часовень составило 30.095 р. и 5 к. ассиг. И того первоначальный капиталъ Американскихъ церквей состоялъ изъ 35.520 р. 5 к. асс. Въ послѣдствіи времени къ нему стали присовокупляться: в) (главное) свѣчные доходы отъ Американскихъ церквей и часовень; г) проценты на суммы, находящіяся въ главномъ правленіи Компаніи; д) жертвуемыя отъ разныхъ лицъ и е) получаемыя за продаваемыя сему же капиталу принадлежащія вещи. Къ 1850 году капиталъ сей, за всѣми расходами, состоитъ изъ 83.010 р. и 23 к. ассиг. въ деньгахъ и разныхъ вещахъ; изъ того числа 65.187 р. 62 к. находятся въ капиталѣ Компаніи для обращенія изъ процентовъ. Б) Экономическія суммы, первоначально составившіяся изъ остатковъ отъ суммъ, получаемыхъ отъ Компаніи на содержаніе Американскаго духовенства; а въ послѣдствіи къ нимъ присоединялись деньги, получаемыя за грамоты, антиминсы и шнуровыя книги. Къ 1850 году экономическій капиталъ состоитъ изъ 4.037 р. 82 к. ассиг., изъ того числа находится въ обращеніи изъ 5%-2510 р. асс.

Новыя распоряженія.—Къ благочиннымъ Камчатскихъ и Охотскихъ церквей, и особенно послѣднему, каждогодно поступаетъ немало разныхъ суммъ, и казенныхъ и частныхъ, для отсылки или передачи по принадлежности. И потому—какъ для могущихъ случиться справокъ въ Новоархангельскомъ Духовномъ правленіи, такъ и для другихъ причинъ.... выданы имъ шнуровыя книги для записки прихода и расхода всякихъ денегъ къ нимъ поступающихъ; а вмѣсто отчетовъ предписано—по истеченіи года списывать копіи со всѣхъ записей, сдѣланныхъ въ теченіи года и представлять оныя въ Новоархангельское Духовное правленіе.

Въ Атхинскомъ и Уналашкинскомъ приходахъ грамотность болѣе и болѣе распространяется, и не чрезъ однихъ духовныхъ, а большею частію чрезъ разныхъ и различныхъ учителей; а на нѣкоторыхъ островахъ есть заведенія въ родѣ училищъ, гдѣ учатъ также недуховные; и потому чтобы имѣть свѣдѣнія какъ о числѣ учащихся, такъ и о самихъ учащихъ (между прочимъ для того, чтобы усердно трудящихся въ семъ дѣлѣ поощрять какими либо наградами) предписано Американ-

скимъ священникамъ представлять каждогодно списки объ учащихся и учащихъ съ отмѣтками, какія они признають нужными.

Число рукоположенныхъ и бумагъ. Въ бытность мою въ Петропавловскѣ рукоположенъ священникъ и діаконъ. Въ теченіи прошедшаго года, т. е. съ 1 мая 1849 по 13 мая 1850 всѣхъ, бумагъ, поступившихъ ко мнѣ (кромѣ указовъ), было 188; исходящихъ отъ имени моего 96.

О прихожанахъ Новоархангельской церкви. Русскіе и Креолы, живущіе въ Новоорхангельскѣ, высшаго и низшаго званія, по отзыву духовниковъ, въ прошедшее лѣто, въ сравненіи съ предпрошедшимъ годомъ, благодареніе Господу, не ослабли на пути ко спасенію; тѣ и другіе, по мѣрѣ возможности, стараются исполнять заповѣди Божіи и требованія вѣры. Всѣ вообще молятся, каются и дѣлаютъ. Тяжкой, смертной предосудительности духовники не слышатъ и не слыхали. Но есть между ними и недобро,—но мало..... и противъ него употребляются совѣты и отеческія наказанія, на исповѣди,—и при содѣйствіи благодати Божіей, не безъ успѣха; бывшій нынѣ случай, извѣстный одному изъ духовниковъ, можетъ служить доказательствомъ послѣдняго. Главною причиною недобра между простымъ классомъ людей есть изобиліе горячихъ напитковъ; но можно надѣяться, что въ будущій годъ это уменьшится, и съ тѣмъ уменьшится и происходящее отъ того зло.

X. Общій взглядъ на состояніе епархіи.

Изъ всего вышеизложеннаго здѣсь можно заключить, что состояніе Камчатской епархіи въ настоящее время, при содѣйствіи благодати Божіей, время отъ времени становится примѣтно удовлетворительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ (выключая состава главнаго управленія епархіи, которое требуетъ важнаго измѣненія).

Не смотря на обширность епархіи и трудность сообщеній [1]), всѣ мѣста, принадлежащія Камчатской епархіи, выключая самыхъ отдаленныхъ, отъ времени до времени посѣщаются или благочинными, или самимъ архіереемъ. Церкви, не смотря на скудость мѣстныхъ средствъ и на обстоятельства, весьма много неблагопріятствующія, чис-

[1]) А между тѣмъ нѣтъ мѣста во всей епархіи, гдѣ бы была возможность ѣздить въ обыкновенныхъ экипажахъ.

лой постепенно увеличиваются и, по внѣшнему состоянію, улучшаются и, большею частію, безъ требованія пособій отъ казны. Духовенство, по возможности, старается исполнить всѣ лежащія на немъ обязанности; по жизнеповеденію, очень немного изъ нихъ такихъ, которые требуютъ особеннаго надзора, или дѣйствительныхъ и строгихъ мѣръ къ исправленію; многіе изъ священниковъ или сами лично, или съ помощію причетниковъ занимаются обученіемъ дѣтей грамотѣ и закону Божію. Въ отправленіи богослуженій и требъ почти всѣ исправны, не смотря на то, что для послѣднихъ надобно дѣлать не простыя поѣздки, а, такъ сказать, совершать путешествія. Что же касается до ученаго образованія онаго, то въ этомъ отношеніи здѣшнее духовенство еще нескоро можетъ сравняться съ другими епархіями; но при существованіи семинаріи, чрезъ 5—10 лѣтъ и здѣсь число неучившихся въ семинаріяхъ будетъ очень невелико.

Паства Камчатской епархіи, состоящая преимущественно изъ недавнообращенныхъ и новообращенныхъ (изъ общаго числа 23.130 всѣхъ Русскихъ и Креоловъ, только 5.820 и вмѣстѣ съ духовенствомъ) въ духовномъ отношеніи въ настоящее время, по милости Божіей, находится, какъ и прежде, въ утѣшительномъ состояніи. Доказательствомъ тому можетъ быть: а) то, что неисполнившихъ долгъ очищенія совѣсти по опущенію въ прошедшемъ году было только 226 человѣкъ, и въ томъ числѣ 126 Русскихъ, 73 Камчадала,—а изъ всѣхъ прочихъ инородцевъ было только таковыхъ 27. б) Преступленій, не только уголовныхъ и тяжкихъ, но даже и меньшихъ, неважныхъ, давно уже не было, не смотря на то что они (туземцы) управляются, можно сказать, сами собою. в) Къ слушанію слова Божія вообще всѣ туземцы весьма усердны и г) очень немного изъ нихъ найдется такихъ, которые не захотятъ перенести обиды или оскорбленія и будутъ на то жаловаться: это, впрочемъ, много зависитъ отъ ихъ характера, но немало найдется и такихъ, которые такъ поступаютъ именно въ духѣ христіанскомъ. Къ сему надобно прибавить также и врожденное имъ свойство благотворительности, которое при вліяніи христіанства не можетъ не совершенствоваться болѣе или менѣе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ.

Катихизическія поученія или правильнѣе назвать ученіе дѣтей ихъ обязанностямъ къ январю прошедшаго 1849 года введено уже въ 17 приходахъ, не считая моей домовой церкви; не введено только въ 6,

и изъ нихъ только въ двухъ церквахъ (въ Камчаткѣ) можетъ быть это сдѣлано, а въ прочихъ четырехъ—теперь еще несовсѣмъ удобно. Обученіемъ грамотѣ дѣтей прихожанъ болѣе или менѣе по 1849 годъ занимались въ 14 приходахъ, не считая Новоархангельскаго; слѣдов. болѣе чѣмъ въ половинѣ приходовъ. Конечно, число учениковъ, обучающихся у духовныхъ, весьма невелико (не болѣе 100), но это зависитъ не отъ нихъ, а именно отъ мѣстныхъ обстоятельствъ; впрочемъ грамотность въ Уналашкинскомъ и Атхинскомъ приходахъ распространяется весьма успѣшно и тоже не безъ содѣйствія священниковъ. Можно надѣяться, что въ скоромъ времени болѣе будетъ грамотныхъ и въ прочихъ мѣстахъ.

И наконецъ должно сказать, что изъ главныхъ цѣлей учрежденія Камчатской епархіи, т. е. обращеніе невѣрныхъ въ христіанство, при содѣйствіи благодати Божіей, мало по малу, по мѣрѣ средствъ нашихъ, становится ближе. И по разсчетамъ человѣческимъ, основываемымъ на настоящихъ обстоятельствахъ, кажется, что при большихъ средствахъ и успѣховъ въ семъ дѣлѣ было бы болѣе; но безъ сомнѣнія, это только такъ намъ кажется; иначе, если бы для всѣхъ и каждаго изъ язычниковъ, живущихъ вблизи насъ, пришло время обращенія на путь истины, то Господь не укоснилъ бы и послать дѣлателей къ намъ и открыть имъ всю возможность и къ дѣланію и существованію ихъ. И потому теперь остается намъ только молить Его о томъ и дѣйствовать поколику возможно; и главная цѣль дѣйствій сихъ въ настоящее время должна быть—поддерживать заведенныя миссіи и постепенно вблизи ихъ устроять новыя по мѣрѣ средствъ.»

XVI

Изъ всѣхъ писемъ преосвященнаго Иннокентія къ дѣтямъ, особенною теплотою и глубиною чувствъ, трогательностію и силою утѣшенія проникнуты были письма къ дочери его Прасковьѣ Ивановнѣ, въ инокиняхъ матери Поликсеніи,—какъ наиболѣе нуждавшейся въ отцовскомъ и архипастырскомъ укрѣпленіи на избранномъ ею, по окончаніи воспитанія въ Патріотическомъ институтѣ, иноческомъ пути, далеко не легкомъ для дѣвицы, которой молодость, красота, образованіе и высокія связи сулили заманчивое въ свѣтѣ положеніе и цвѣтистый путь въ жизни. Начинаемъ, по порядку, съ перваго, успокоивающаго и ободряющаго письма его къ ней изъ Новоархангельска въ С.-Петербургъ, отъ 4 іюля 1850 года, въ отвѣтъ на рѣшимость ея поступить въ монастырь: «Милая Пашенька!» писалъ преосвященный Иннокентій:— «спасибо тебѣ за письма твои. Я читалъ ихъ съ удовольствіемъ. Хвалю, благословляю и одобряю твое намѣреніе идти въ монастырь. Ты пишешь, что ты бы хотѣла идти въ монастырь какой нибудь другой, а не въ Петербургскій. Монастыри всѣ равны,—нѣтъ на свѣтѣ монастыря, въ которомъ бы можно найдти спокойствіе душевное безъ молитвы и подвиговъ. Прекрасно ты говоришь, что ты «хочешь идти въ монастырь для спасенія души, а не для чего либо другаго», и что ты «желала бы молиться Богу съ душею, которая бы могла горѣть любовію къ Нему». Пріятно и утѣшительно слышать такія рѣчи, если онѣ и не твои, а чужія. Но еще утѣшительнѣе для меня, если ты это говоришь по собственному чувству. Но я скажу тебѣ, что исполненіе этого желанія есть верхъ совершенства христіа-

нина, и очень, очень немногіе достигаютъ этого. О, если бы ты достигла хотя до половины, даже до сотой доли твоего желанія,—ты была бы счастливѣйшая! И если ты постоянно будешь имѣть въ виду эту цѣль и молиться усердно, то—вѣренъ и силенъ Богъ—достигнешь, непремѣнно достигнешь. Только прежде научись молиться. Ты желаешь со мною свидѣться,—не знаю, едва ли мы когда увидимся съ тобою здѣсь на землѣ, да и что въ здѣшнемъ свиданіи? нѣсколько минутъ радости, а тамъ—равнодушіе. Надобно стараться и дай Господи намъ увидѣться тамъ, на небеси! Прощай моя милая! Господь съ тобою. Скажи отъ меня поклонъ всѣмъ, кто тебя любитъ».

Послѣ сего письма, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Новоархангельска, предпринявъ третіе продолжительное путешествіе въ Азіатскую часть ввѣренной ему епархіи. Въ этомъ путешествіи онъ, какъ мы увидимъ, повсюду проявлялъ въ своихъ дѣйствіяхъ церковно-административную энергію и пастырскія свои способности.

По прибытіи своемъ въ Аянъ, вотъ что пишетъ преосвященный Иннокентій (отъ 10 іюля 1850 года) А. С. Норову: «Отъ искренняго моего сердца честь имѣю поздравить васъ со вступленіемъ на новое и важнѣйшее поприще служенія. Когда я, по прибытіи моемъ нынѣ въ Аянъ, узналъ, что его сіятельство Платонъ Александровичъ—министръ просвѣщенія, а вы—его товарищъ; я такъ этому обрадовался, такъ обрадовался, какъ давно уже не радовался. Въ этомъ назначеніи васъ и его сіятельства я вижу новую и явную милость Божію къ православной Россіи. Дай, Господи, вамъ здоровья, силы и терпѣнія,—а прочее у васъ въ избыткѣ. И прошу не оскорбиться, что я скажу: ежели при вашемъ управленіи наше просвѣщеніе не очистится, не исправится и не направится къ истинной цѣли, или, по крайней мѣрѣ, не получитъ истиннаго направленія, то не миновать намъ слѣдствій западнаго просвѣщенія.... Это моя собственная мысль, которую я, кажется, никогда не измѣню. Прошедшій годъ былъ самый скудный успѣхами въ дѣлѣ обращенія язычествующихъ братій нашихъ: только 150 человѣкъ присоединено къ нашей церкви. Впрочемъ, причиною этому не они, а мы сами. Средства наши—все тѣ же и пособій, требуемыхъ мною, я еще не получилъ ни откуда. Только преосвященный митрополитъ Московскій прислалъ одну тысячу рублей сер. на построеніе церкви на рѣкѣ Квихпакѣ, и, получивъ разрѣшеніе Св. Сѵнода, я къ нему

же первому отнесся о присылкѣ двухъ священниковъ для миссіи. На дняхъ я отправляюсь въ Камчатку, откуда начну третіе мое путешествіе—вокругъ Охотскаго моря; къ Пасхѣ 1851 года намѣреваюсь пріѣхать опять въ Аянъ. Призывая на васъ и на близкихъ сердцу вашему благословеніе Божіе.

Потрудитесь объявить мое искреннее почтеніе его сіятельству Платону Александровичу и его супругѣ». *(Сообщилъ намѣстникъ Троицк. Сергіев. Лавры архимандритъ Леонидъ)*.

По отъѣздѣ же преосвященнаго Иннокентія изъ Новоархангельска, былъ полученъ указъ изъ Св. Сѵнода, отъ 21 апрѣля 1850 года, о возведеніи его въ санъ архіепископа за успѣшное служеніе его въ распространеніи слова Божія между полудикими инородцами обширнѣйшей окраины Россіи, или, какъ сказано въ послужномъ его спискѣ, «за плодотворную его миссіонерскую дѣятельность». О возведеніи Иннокентія въ санъ архіепископа мы приводимъ здѣсь слѣдующій разсказъ протоіерея П. В. Громова *(Иркут. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 31)*: «Въ 1850 году, въ Иркутскѣ были получены по духовному вѣдомству циркулярные печатные указы изъ Св. Сѵнода, между которыми одинъ обвѣщалъ о возведеніи Камчатскаго епископа въ санъ архіепископа. Снявъ съ этого указа копію, я препроводилъ ее къ Иннокентію, при письмѣ, которое, по моимъ соображеніямъ, адресовалъ въ Камчатку, и не ошибся. Губернаторъ Камчатки, г. Завойко, явился лично съ письмомъ моимъ къ преосвященному, находившемуся въ эти часы въ домѣ протоіерея, и, на основаніи адреса на моемъ письмѣ, поздравилъ его съ новымъ саномъ. Преосвященный, раскрывъ мой пакетъ, сказалъ: «мало-ли что онъ пишетъ». Но какъ копія съ указа не оставляла мѣста сомнѣнію, то губернаторъ и протоіерей настояли, чтобъ преосвященный дозволилъ въ церковныхъ возглашеніяхъ именовать себя архіепископомъ. Послѣ долгихъ колебаній, преосвященный уступилъ настоянію. И что же? Мое извѣщеніе о возведеніи преосвященнаго Иннокентія въ санъ архіепископа было для него первое и послѣднее. Указа объ этомъ изъ Св. Сѵнода онъ ни прежде, ни послѣ не получалъ, и потому убѣдился въ своемъ повышеніи только изъ послѣдующихъ отъ Сѵнода указовъ, въ заголовкѣ которыхъ титуловался архіепископомъ. Этотъ курьезный случай объясняли мы тѣмъ, что приходъ почты въ Камчатку дважды, а въ Америку—однажды въ годъ, при неопредѣленности мѣ-

стопребыванія преосвященнаго, появлявшагося то въ Америкѣ, то въ Камчаткѣ, то въ Гижигѣ и Охотскѣ, то на Аянѣ, и еще при невсегда исправныхъ адресахъ изъ Петербурга,—напр. въ Камчатку, на островѣ Ситхѣ,—Сунодальный указъ о возведеніи преосвященнаго въ санъ архіепископа, переходя изъ одной почтовой конторы въ другую, наконецъ поступилъ на то судно, которое попало въ плѣнъ громившей въ эти годы наше восточное поморье англо-французской эскадры. По этому случаю, преосвященный Иннокентій выражался, что «единственнымъ объявителемъ ему державной воли о бытіи архіепископомъ, былъ протоіерей Громовъ, а указъ объ этомъ читаютъ теперь Англійская королева, да Наполеонъ III».

Свѣдѣнія же о трудахъ и разъѣздахъ Камчатскаго архипастыря въ 1850 году сообщены имъ митрополиту Московскому въ слѣдующемъ письмѣ отъ 21 мая 1851 года изъ Аяна, гдѣ онъ основалъ свое временное пристанище и откуда безпрерывно совершалъ свои путешествія, постоянно преслѣдуя цѣль распространенія свѣта Евангельскаго ученія и въ предѣлахъ Китайской имперіи: «Паки и многажды слава и благодареніе Господу, хранившему и хранящему меня даже до нынѣ во всѣхъ многообразныхъ путяхъ, и входахъ, и исходахъ моихъ! Онъ помогъ мнѣ совершить и третіе мое путешествіе по Азіатской части ввѣренной мнѣ епархіи благополучно и здорово. Не смотря на разныя перемѣны стихій, времена года и проч., никто изъ бывшихъ со мною не потерпѣлъ въ пути ничего слишкомъ непріятнаго или вреднаго, и какъ я самъ [1]), такъ и бывшіе со мною [2]) во все время были совершенно здоровы. 8 августа 1850 года я отправился на рѣку Камчатку, для обозрѣнія находящихся тамъ церквей; сначала верстъ около 200 ѣхали на верховыхъ лошадяхъ, а потомъ плыли на лодкахъ по рѣкѣ Камчаткѣ. 28-го августа возвратился я въ Петропавловскъ, гдѣ и проживалъ безотлучно до 14-го ноября. Съ этого дня началось мое зимнее путешествіе: сначала на собакахъ до Коряковъ, потомъ на оленяхъ, а тамъ

---

[1]) Вскорѣ по отбытіи изъ Петропавловска, я началъ чувствовать боль въ лѣвой рукѣ, которая не прошла еще и теперь; но она мнѣ пока еще не препятствуетъ дѣлать свое дѣло. Слѣдовательно, ее нечего считать и болѣзнію.

[2]) Взятый мною изъ Ситхи келейникъ (Креолъ), онъ же регентъ, писецъ и иподіаконъ, въ Гижигѣ отморозилъ руки; но онъ уже почти совсѣмъ поправился, и притомъ это съ нимъ случилось на мѣстѣ и не въ пути; слѣдовательно, нечего считать и его въ числѣ больныхъ.

опять на собакахъ, и наконецъ на оленяхъ прибыли въ Аянъ. Съ 18-го по 30-е января проживалъ я въ Гижигѣ; съ 25-го февраля по 8-е марта въ Охотскѣ и, наконецъ, 3 апрѣля прибылъ я въ Аянъ; и тѣмъ кончилось мое путешествіе по твердой землѣ. Изъ Охотска въ Аянъ я нынѣ ѣхалъ путемъ новымъ, т. е. по рѣкѣ Маѣ, сверху внизъ, до Нелькана, гдѣ кочуютъ и бродятъ Тунгусы, принадлежащіе Охотской церкви,—слѣдовательно по мѣстамъ, принадлежащимъ Камчатской епархіи. Говоря о входахъ и исходахъ моихъ, я не хочу умолчать объ одномъ случаѣ, весьма для меня утѣшительномъ. Отправляясь въ послѣдній разъ изъ Петропавловска, я, судя по времени года и другимъ обстоятельствамъ, никакъ не могъ думать, что я къ 15 декабря (т. е. къ дню, въ который я, ровно за десять лѣтъ, удостоился рукоположенія въ настоящій санъ) могу пріѣхать въ Дранкинское селеніе, гдѣ отстроивается новая церковь, заложенная въ 1849 г. во имя св. Иннокентія, на мѣсто ветхой, бывшей во имя того же святителя; и даже будучи въ Тигилѣ (6 декабря), я не надѣялся поспѣть къ этому дню на Драину. Но Господь, удивляющій на мнѣ грѣшномъ милости Своя, благоволилъ явить и сію милость: я, сверхъ всякихъ разсчетовъ, пріѣхалъ на Драину 13-го числа утромъ, т. е. къ самому времени, и 15-го числа Господь сподобилъ меня совершить освященіе новаго храма, во имя моего Ангела. Къ тому же, ко времени освященія пріѣхали и всѣ тоены и старшины всѣхъ Олюторскихъ селеній, которые очень рѣдко бываютъ въ церкви, за отдаленностію, и которые потому никогда не видали архіерейскаго служенія. Это я считаю величайшею, незаслуженною наградою за мое путешествіе.

Путешествіе мое кончилось.—Но что сказать объ немъ вообще?... Много разстоянія пройдено (болѣе 6000 верстъ, не считая морскихъ путей совершенныхъ и предстоящаго, а съ ними всего разстоянія будетъ 19.700 верстъ); много употреблено для сего времени (почти десять мѣсяцевъ), много истрачено денегъ на прогоны (болѣе трехъ тысячъ руб. сер.) и много причинено трудовъ и хлопотъ обывателямъ, служившимъ мнѣ въ путяхъ моихъ;—но много-ли сдѣлано пользы?... Конечно, не наше дѣло знать объ этомъ,—ибо не наше дѣло возращать, а наше дѣло только дѣлать, и я, что могъ и сколько могъ, дѣлалъ. Такъ напримѣръ, во всѣхъ церквахъ, мною посѣщенныхъ, я отправлялъ литургіи, а въ часовняхъ—молебны или бдѣнія, и послѣ

оныхъ предлагалъ поученія; и также ни одного селенія, чрезъ которыя я проѣзжалъ, не оставилъ безъ того, чтобы не напомнить о главной цѣли существованія нашего на землѣ. И кромѣ того, не оставлялъ безъ молитвеннаго благословенія и поученія и встрѣчавшихся мнѣ на пути Тунгусовъ, большею частію, въ мѣстахъ пустыхъ, и которыхъ я, въ нынѣшнюю мою поѣздку, видѣлъ довольно много; я служилъ для нихъ молебны подъ открытымъ небомъ и проч.

Учрежденіе новой миссіи.—Изъ всѣхъ разноплеменныхъ инородцевъ, обитающихъ на пространствѣ Гижигинскаго округа, до нынѣ просвѣщены св. крещеніемъ одни только Тунгусы (всѣ до одного) и нѣсколько Коряковъ, осѣдло живущихъ вблизи Гижиги, къ западу; а съ 1844 г. начали креститься Чукчи, живущіе вблизи рѣки Анадыри. Всѣ же прочіе инородцы, какъ-то: бродячіе Коряки и другіе, живущіе осѣдло на берегахъ Берингова моря, между Олюторцами и устьевъ рѣки Анадыри, и даже Паре́нцы и Ка́менцы, которые болѣе и чаще всѣхъ видятъ Русскихъ, остаются еще въ тьмѣ и сѣни смертной; ибо до сихъ поръ, можно сказать, еще ни одинъ изъ имѣющихъ право и обязанность проповѣдывать Евангеліе не путешествовалъ съ сею цѣлью не только по Коряцкимъ стойбищамъ, но даже и по ближайшимъ селеніямъ инородцевъ. Причиною тому были разныя неблагопріятныя обстоятельства, и въ особенности—опасеніе отъ Каменцевъ, живущихъ на устьѣ рѣки Пенжины. Въ настоящее время, когда проѣздъ чрезъ селенія Каменцевъ сдѣлался легче и безопаснѣе, при благоразумномъ и благонамѣренномъ управленіи нынѣшняго начальника Гижиги (г. Бреверна, православнаго исповѣданія), и когда можно имѣть почти всѣ способы къ путешествію и притомъ находится человѣкъ, готовый на это дѣло, а мѣстное начальство обѣщается оказывать къ тому все содѣйствіе,—при такихъ обстоятельствахъ было бы болѣе чѣмъ непростительно не сдѣлать опыта проповѣди Евангелія между вышеозначенными инородцами. И потому, призвавъ въ помощь Спасителя міра, я поручилъ вновь опредѣленному къ Гижигинской церкви священнику Льву Попову проповѣдывать Евангеліе Корякамъ и прочимъ инородцамъ, обитающимъ въ Гижигинскомъ округѣ, дѣлая для сего разъѣзды, когда будетъ удобно. И если не встрѣтится какихъ либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, могущихъ воспрепятствовать этому дѣлу, то дѣло проповѣди начнется нынѣшнею же весною.

Объ Анадырской миссіи.—Съ бывшимъ Анадырскимъ миссіонеромъ я нынѣ лично видѣлся въ Гижигѣ (а быть мнѣ въ самой миссіи рѣшительно невозможно, по чрезвычайной отдаленности). Изъ донесеній и отчетовъ его за 1848-й, 49-й и 50-й годы видно, что въ теченіи сего времени имъ окрещено только 51 душа Чукочъ [1]), Оленныхъ и осѣдлыхъ; причины такого малаго успѣха были разныя. Въ теченіи лѣта 1848 г. онъ хотя и плавалъ къ устью рѣки Анадыра, но Чукочъ тамъ нашелъ гораздо менѣе, чѣмъ въ прежніе годы; потому что многіе изъ нихъ, боясь прибытія судовъ къ устью рѣки, какъ это было въ 1847 г., откочевали въ дальнія мѣста, вообразивъ себѣ, что суда придутъ къ нимъ не иначе, какъ за тѣмъ, чтобы истребить ихъ. Миссіонеръ, сколько могъ, старался переувѣрить ихъ и успокоить на счетъ приходящихъ и имѣющихъ приходить къ нимъ судовъ. Изъ тѣхъ же Чукочъ, которыхъ онъ нашелъ тамъ, обратилось 18 душъ, въ числѣ коихъ три семейства Оленныхъ. Въ 1849 г. миссіонеръ не могъ дѣлать никакихъ путешествій, по причинѣ бывшаго въ той сторонѣ сильнаго голода. Въ 1850 году онъ, по причинѣ случившагося съ нимъ несчастія при возвращеніи изъ Гижиги въ Анадырскъ,—гдѣ онъ, при переѣздѣ чрезъ одну рѣку, потерялъ всѣхъ своихъ собакъ и почти всѣ свои вещи и припасы, и едва не потонулъ самъ, и потому возвратился въ миссію пѣшкомъ въ послѣднихъ числахъ іюля,—ранѣе 6-го августа не могъ предпринять путешествія по рѣкѣ Анадырь. И, отправясь такъ поздно, онъ доплылъ только до устья рѣки Майны; и хотя могъ бы проплыть еще подалѣе, но встрѣтивъ здѣсь три байдары Чукочъ, шедшихъ въ миссію, и узнавъ отъ нихъ, что за ними еще идутъ Чукчи туда же,—воротился обратно въ миссію. Во время пребыванія Чукочъ въ миссіи, онъ обратилъ 24 души. Въ ноябрѣ онъ сдалъ свою должность прибывшему на мѣсто его священнику Никифорову.

Объ Олюторцахъ.—Во второе путешествіе мое по Камчаткѣ (1847) я не заѣзжалъ въ дальнія Олюторскія селенія; но нынѣ я, по желанію ихъ, проѣхалъ чрезъ всѣ тѣ же селенія, какъ и въ первое мое путешествіе, и въ самомъ дальнемъ изъ нихъ (Култушномъ), по причинѣ ненастья, я прожилъ трои сутки; и здѣсь я не могъ не замѣтить,

---

[1]) Всѣхъ же Чукочъ по 1851-й годъ окрещено 2940 душъ обоего пола. Бывшій миссіонеръ увѣряетъ, что судя по настоящему положенію дѣлъ и мыслей Чукочъ, можно надѣяться на важные успѣхи.

что съ 1843 г. Олюторцы всѣ вообще очень много измѣнились на лучшее. Такъ напр., крещенныхъ въ этомъ селеніи тогда было очень немного, а теперь почти половина; и можно надѣяться, что, при содѣйствіи благодати, скоро не останется и ни одного некрещеннаго. Всѣ вообще они стали кротче, привѣтливѣе и усерднѣе. Въ первое мое путешествіе они не хотѣли меня везти на своихъ собакахъ даже до ближайшаго кочевья Коряковъ, и это должны были сдѣлать Камчадалы; но нынѣ они сами привезли меня къ себѣ и отвезли на своихъ собакахъ до самыхъ Коряковъ, имѣвшихъ кочевье вдвое въ большемъ разстояніи, чѣмъ прежде. Нельзя не отдать справедливости, да и сами Олюторцы свидѣтельствуютъ, что такой ихъ перемѣнѣ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ священникъ Левъ Поповъ (переведенный нынѣ въ Гижигу), котораго они очень полюбили (полюбилъ и онъ ихъ); и потому, я поручилъ ему продолжать посѣщать Олюторцевъ по прежнему и пока, относительно обращенія и назиданія, ихъ считать своими прихожанами. По отзыву сего священника, однимъ изъ важныхъ препятствій къ обращенію Олюторцевъ было слѣдующее: слухи о Кутхѣ, котораго Камчадалы-язычники почитали богомъ своимъ [1]). Въ 1847 г. разнесся слухъ по всему сѣверу Камчатской области, что изъ глубины сѣвера идетъ или ѣдетъ на оленяхъ прежній Камчадальскій богъ Кутха, который всѣмъ даетъ все новое, т. е. оленей лучшей породы, сѣти, посуду и проч. новыя и лучшія,—и гдѣ онъ проходитъ, тамъ исчезаетъ снѣгъ и является зелень и цвѣты, и проч. Не говоря уже о язычествующихъ инородцахъ, которые этому вѣрили вполнѣ, но и изъ крещенныхъ многіе стали вѣрить, и даже Камчадалы, ближайшіе къ сѣверу, поколебались,—и въ слѣдствіе этого, одни стали бросать свои вещи, а другіе оставлять въ явномъ небреженіи сѣтки, боты и проч.; а имѣющіе оленей, въ надеждѣ получить отъ Кутхи лучшей породы и въ большемъ количествѣ, стали убивать, и иногда почти безъ всякой надобности, лучшихъ оленей; и оттого многіе изъ нихъ лишились большей половины стадъ своихъ. Къ счастію ихъ и самого края, прибытіе Кутхи назначалось прямо и именно въ мартѣ 1848 года: и когда мартъ прошелъ, то первые образумились Камчадалы и крещенные Олюторцы, а потомъ и всѣ прочіе. Теперь стыдятся

[1]) Коряки и Чукчи называютъ его иначе, каждый по своему.

объ этомъ разсказывать не только крещенные, но и самые упорные язычники. Первые слухи [1]) объ этомъ между крещенными, а особенно между Камчадалами, хранились въ глубокомъ секретѣ, и оттого священники могли узнать не скоро, и разумѣется, что они, узнавши объ томъ, старались разувѣрять,—и не безъ успѣха. Такъ напримѣръ, одинъ Олюторецъ, имѣющій до трехъ тысячъ оленей, обращенный въ христіанство симъ же священникомъ Л. Поповымъ, послушался его и безъ нужды оленей своихъ не убивалъ; и онъ теперь очень доволенъ тѣмъ, что послушался священника.

Обращеніе шаманки.—И въ то же время, когда доходили слухи, что Кутха уже проѣхалъ такія-то и такія мѣста и приближается къ предѣламъ Камчатской области, сила слова Божія оказала свое дѣйствіе въ сердцѣ той, въ которой менѣе всего можно было ожидать этого, именно—въ древней закоснѣлой шаманкѣ. Тотъ же священникъ Л. Поповъ доноситъ мнѣ, что въ сентябрѣ 1847 г., во время путешествія его по приходу для исправленія требъ, онъ въ одномъ мѣстѣ встрѣтился съ шаманкою, 65-ти лѣтнею старухою изъ Коряковъ, которую, пригласивъ къ себѣ, просилъ ее, между прочимъ, разсказать ему про ихъ вѣру; старуха согласилась и, между прочимъ, сказала, что и они тоже молятся богу, поднимая глаза вверхъ и проч., и для бога своего убиваютъ или собаку, или оленя, какъ придетъ на мысль. И на вопросъ: куда дѣваютъ мясо то и другое? она отвѣчала, что мясо собакъ отдаютъ богу, а оленье ѣдятъ сами. Послѣ сего священникъ попросилъ ее выслушать и его; и началъ свою рѣчь тѣмъ, что Богъ нашъ, дая намъ все, отъ насъ требуетъ только молитвы, послушанія и повиновенія Его закону; потомъ разсказалъ кратко исторію сотворенія міра и объ Іисусѣ Христѣ. Старуха слушала все со вниманіемъ и безъ отягощенія; но на вопросъ священника: «не хочетъ-ли она креститься»?—отвѣчала, что она уже старуха, и что у ней нѣтъ желанія. Тѣмъ дѣло это и кончилось, и они разстались. Но чрезъ три дня, когда священникъ былъ уже въ другомъ мѣстѣ, въ 60 верстахъ ниже по рѣкѣ, та старуха явилась къ нему, приводя съ собою и 20-ти лѣтняго сына, и настоятельно тре-

---

[1]) Когда и отъ кого именно произошли сіи слухи, нельзя узнать. Говорятъ только, что вскорѣ послѣ ревизоровъ, бывшихъ въ Камчаткѣ въ 1848 году.

бовала отъ священника, чтобы онъ окрестилъ ихъ. На вопросъ: что ее заставляетъ креститься? она отвѣчала, что она, разставшись съ нимъ, цѣлую ночь не могла спать: ее безпокоитъ ея худая жизнь, и что она убѣждена, что вѣра христіанская лучше и проч. Когда же священникъ сказалъ, что онъ крестить ея не будетъ, пока не увѣрится и т. д.,—старуха начала упрекать и обвинять его: «зачѣмъ же ты и говорилъ со мною о вѣрѣ своей»? и проч.; и священникъ, видя ея вѣру и искреннее усердіе, окрестилъ ее и сына ея. Послѣ сего нельзя не сказать, что ежели и въ то время, когда всѣ вѣрили и съ часу на часъ ожидали Кутху, проповѣдь слова Божія имѣла свое дѣйствіе, то нѣтъ сомнѣнія, что теперь, когда ожидавшіе его стыдятся даже разсказывать о томъ,—проповѣдь о истинномъ Богѣ—Спасителѣ міра не останется совсѣмъ безплодною, при содѣйствіи Его. *(Приб. къ изд. тв. Св. Отцевъ 1852 г. ч. XI. стр. 144—153).*

Изъ письма же преосвященнаго Иннокентія, изъ Аяна же, отъ 18 іюня 1851 года, мы усматриваемъ, что дочь его Прасковья Ивановна уже поступила въ монастырь; и вотъ съ какою любовію и опытностію ободряетъ и руководитъ ее архіепископъ Камчатскій идти по новому, скользкому для нея пути: «Миръ и благословеніе тебѣ, возлюбленная и милая дочь, Прасковья Ивановна! Радуюсь и благодарю Бога, что ты избрала благую часть, которая не отымется отъ тебя, ежели только ты сама не вздумаешь лишить себя. Конечно, монастырь для молодой дѣвушки почти то же, что гробъ; но гробъ этотъ можетъ быть источникомъ жизни и нетлѣнія. Письма̀ отъ тебя я еще не получалъ, потому что Ганя еще не пріѣхалъ; но все равно, получу ли, или не получу отъ тебя письма. Николай Емельяновичъ писалъ мнѣ, что ты не жалѣешь, что разсталась съ міромъ. О, да укрѣпитъ тебя Господь въ этой мысли! И дѣйствительно, не много завиднаго въ мірѣ. Посмотри ты на другихъ: много-ли достается радостей на долю женщинъ! Кажется, онѣ счастливы и блаженны только до перваго ребенка; а тамъ—почти безпрерывныя хлопоты, заботы, печали и скорби. Конечно, жизнь въ монастырѣ не обѣщаетъ никакихъ суетныхъ радостей и удовольствій; за то и избавляетъ отъ многихъ хлопотъ, заботъ, печалей и скорбей; а ежели кто внимателенъ къ своему званію: тому монастырская жизнь обѣщаетъ и даетъ много, много истинныхъ утѣшеній. Если ты рѣшишься постричься, то я желалъ бы только, чтобы ты какъ

можно менѣе выходила изъ монастыря въ свѣтъ, хотя бы то и по послушанію. Не думай однакожъ, что ты не встрѣтишь какихъ либо искушеній съ той или другой стороны; нѣтъ! безъ искушеній невозможно. Но вѣрь, что милосердый Отецъ нашъ небесный не попустить тебѣ искушаемой быть свыше силъ твоихъ. Только не будь безпечна; молись какъ можно болѣе, чаще и усерднѣе. Нудь, т. е. принуждай себя къ этому. Ибо Царствіе Божіе нудится,—безъ принужденія себя не достигнуть онаго! Въ минуты твоихъ сердечныхъ нестроеній или искушеній пиши ко мнѣ; пиши ко мнѣ, если можно, хотя каждый день, и всю исторію твоего сердца,—и отправляй свои письма Николаю Емельяновичу [1]) въ Москву, для пересылки ко мнѣ, или прямо на мое имя; только на конвертѣ пиши: «въ Якутскъ, для отправки въ Аянъ». Съ любовію и радостію буду получать и читать такія твои письма и, по силамъ своимъ, буду отвѣчать тебѣ. Только пиши четко и крупнѣе. Сестра твоя Катя радуется и завидуетъ тебѣ, что ты пошла въ монастырь, потому что тебѣ забота теперь только о душѣ своей, а ей надобно заботиться и о своей душѣ, и о душахъ дѣтей своихъ, а тамъ— и о душахъ внучатъ своихъ. Она говоритъ, что ежели бы я знала, что значитъ быть замужемъ и имѣть дѣтей, то никогда бы не пошла замужъ. Прощай моя милая, Господь съ тобою! Будь терпѣлива и мужественна, молись о себѣ и объ отцѣ твоемъ.

P. S. Ея преподобію настоятельницѣ монастыря, въ которомъ ты живешь, а равно и старицамъ, близкимъ тебѣ, мое благословеніе и поклонъ».

Въ то же время высокопреосвященный Иннокентій не переставалъ думать и заботиться и о другихъ дѣтяхъ своихъ. Такъ, отъ 21 іюля 1851 года, посылаетъ онъ благодарственное письмо баронессѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ Дёллеръ, за ея сестринское, какъ онъ выразился въ томъ письмѣ, участіе въ сынѣ его Гавріилѣ, утѣшая при томъ ее въ семейномъ горѣ, по случаю болѣзни мужа ея: «Искренно благодарю васъ, моя возлюбленная о Господѣ, за ваше письмо ко мнѣ отъ 24 января, а болѣе всего—за ваше сестринское участіе въ сынѣ моемъ. Да воздастъ вамъ Господь за то утѣшеніемъ и радостію о выздоровленіи

---

[1]) Николай Емельяновичъ Лажечниковъ, правитель конторы Россійско-Американской Компаніи.

вашего супруга. Съ сердечнымъ удовольствіемъ и радостію слушалъ я отъ сына своего о вашемъ христіанскомъ терпѣніи и благодушіи въ перенесеніи скорбей и разныхъ неизбѣжныхъ непріятностей по причинѣ болѣзни супруга вашего. О, да укрѣпитъ васъ Господь въ семъ великомъ подвигѣ и да подастъ вамъ силы совершить оный до конца! Его же любитъ Господь—наказуетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, вы часто вспоминаете сіи Божественныя слова. Многоразличны и многообразны пути, коими ведетъ Господь Своихъ избранныхъ въ царствіе Свое! Но вашъ путь особенный и царскій! Господь съ вами на всякъ день и часъ! Прошу не забывать иногда въ молитвахъ вашихъ и многогрѣшнаго Иннокентія, архіепископа Камчатскаго».

XVII

Объ успѣхахъ миссіонерской дѣятельности въ Сѣверо-Американскихъ владѣніяхъ преосвященный, Иннокентій сообщаетъ митрополиту Филарету слѣдующія свѣдѣнія письмомъ изъ Аяна, отъ 31 іюля 1851 года: «Въ прошлогоднемъ письмѣ моемъ (1850 г.) я, говоря о дѣйствіяхъ Квихпакскаго миссіонера, между прочимъ сказалъ, что по причинѣ поздняго прихода въ Михайловскій редутъ (мѣсто складки грузовъ) изъ Ситхи судна, по всей вѣроятности, ему опять не удастся сдѣлать поѣздку вверхъ по рѣкѣ Квихпаку, гдѣ его ожидаютъ съ 1847 года. И дѣйствительно, онъ не могъ этого сдѣлать ни осенью 1849, ни весною 1850 года. Ибо онъ возвратился въ миссію изъ Михайловскаго редута еще позднѣе, чѣмъ въ 1848 году, а именно, 3-го сентября. А между тѣмъ, ему предстояла крайняя необходимость заняться, во первыхъ, постройкою жилья для пріѣхавшихъ къ нему работниковъ для построенія церкви, запасеніемъ для нихъ пищи, заготовленіемъ лѣса для закладки церкви и самою закладкою, пока еще не наступили морозы. Все это Господь помогъ имъ устроить и сдѣлать. Къ 1-му октября устроено жилье для работниковъ, а къ 23-му приготовлено все къ торжественной закладкѣ церкви, которая и заложена того дня въ честь Животворящаго Креста, длиною 18, а шириною 9 аршинъ, при собраніи всѣхъ жителей селенія. Къ іюню 1850 года зданіе было возведено выше оконъ. Зимою 1849 г. миссіонеръ, сверхъ обыкновенной поѣздки на рѣку Кускоквимъ, въ Колмаковскій редутъ, ѣздилъ по лежащимъ внизъ по рѣкѣ отъ миссіи селеніямъ, т. е. по тѣмъ же самымъ, мимо которыхъ

онъ плаваетъ лѣтомъ въ Михайловскій редутъ и обратно. Цѣль его сей поѣздки была главная та, дабы видѣть, како вѣрніи пребываютъ въ ихъ самыхъ жилищахъ, въ кругу семействъ своихъ и между некрещенными; а съ тѣмъ вмѣстѣ—болѣе ознакомиться съ ихъ образомъ жизни, занятіями и проч. и дать имъ нужныя и приличныя наставленія. Таковую поѣздку дѣлалъ миссіонеръ еще въ первый разъ и безъ всякаго предувѣдомленія о томъ жителей; а потому, пріѣздъ его въ селенія крайне удивлялъ многихъ. Но вездѣ, гдѣ только онъ былъ, его принимали съ большимъ радушіемъ, съ любовію и радостію, а изъ домохозяевъ каждый желалъ, чтобы миссіонеръ остановился въ его юртѣ; но онъ обыкновенно останавливался у старшинъ.—Миссіонера особенно удивилъ своимъ пріемомъ одинъ старшина—старикъ. Онъ, поздоровавшись съ миссіонеромъ на улицѣ съ прочими, какъ слѣдуетъ по христіански, когда онъ вошелъ къ нему въ юрту, то старикъ съ особеннымъ чувствомъ взялъ миссіонера за голову и поцѣловалъ его; и потомъ чрезвычайно захлопоталъ объ угощеніи его всѣмъ, что у него было запасено. Миссіонеръ говоритъ, что, когда старикъ поцѣловалъ его въ голову, «сердце мое облилось утѣшительными слезами, причемъ я вспомнилъ, что этотъ самый старикъ въ прошедшіе годы, до принятія христіанства, былъ сильнымъ противникомъ мнѣ и врагомъ христіанства, а теперь сдѣлался усерднымъ христіаниномъ и, въ любви христіанской, расположеннымъ ко мнѣ; и прочія неизъяснимыя, утѣшительныя и благодарныя Богу чувства родились во мнѣ». Миссіонеръ, проживая въ юртахъ, гдѣ останавливался, не измѣнялъ своихъ обычныхъ молитвъ, утреннихъ и вечернихъ; и когда онъ вставалъ на молитву,—а это по необходимости надобно было дѣлать при всѣхъ,—то всѣ крещенные, безъ всякаго понужденія, тотчасъ также вставали на молитву, а между некрещенными прекращался говоръ и шумъ. Миссіонеръ говоритъ, что подобныя поѣздки зимою весьма полезны и назидательны для новокрещенныхъ (но за то зимою очень затруднительно совершать таинства, по причинѣ морозовъ и неимѣнію приличныхъ для сего строеній); и нѣкоторые изъ нихъ прямо говорили ему, что хорошо бы было, если бы онъ посѣщалъ ихъ часто. Но для этого надобно имѣть средства, а главное «надобно имѣть большое терпѣніе и совершенно безропотную, смиренную преданность Богу и готовность переносить и преодолѣвать всѣ трудности, препятст-

вія и непріятности; что же касается до меня, то—благодареніе Господу!—я нигдѣ, ни въ какомъ, повидимому, скорбномъ случаѣ не возропталъ до сего времени, и впредь умоляю Бога, да дастъ Онъ мнѣ грѣшному и недостойному большее еще терпѣніе и смиреніе. Главныя непріятности бываютъ мнѣ отъ моихъ немощей (миссіонеръ страдаетъ внутреннею болѣзнію, иногда такъ, что не можетъ встать съ постели); но и тутъ, въ облегченіе оныхъ и въ вознагражденіе переносимыхъ трудовъ моихъ, иногда раждаются во мнѣ чувства утѣшенія и благодарности Богу за все, что есть». Во время прожитія миссіонера въ Андреевской одиночкѣ, гдѣ живутъ Русскіе служители Компаніи и до которой онъ доѣзжалъ нынѣ зимою, онъ окрестилъ одну 60-лѣтнюю старуху, многосемейную и потому весьма уважаемую повсюду, которая случайно пришла тогда въ одиночку по своей надобности.—Обращеніе ея началось тѣмъ, что она согласилась выслушать миссіонера. И когда онъ сталъ ей говорить, то она, начавъ слушать со вниманіемъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ охотнѣе и внимательнѣе слушала, и наконецъ сказала, что она всему слышанному вѣритъ и желаетъ креститься; но только сожалѣла, что тогда не было при ней ея сыновей и родныхъ; но когда узнала, что миссіонеръ проживетъ тутъ еще нѣсколько дней,—она послала за своими дѣтьми. На другой день пріѣхалъ одинъ сынъ ея, съ 3 родственниками. Когда миссіонеръ проповѣдывалъ имъ, старуха опять слушала и, по окончаніи слова, просила безотлагательно окрестить ее. Примѣру ея послѣдовали и пріѣхавшіе; а въ проѣздъ миссіонера потомъ (лѣтомъ) по рѣкѣ, по примѣру и убѣжденію сей старухи, окрестилось еще 8 человѣкъ изъ ея родственниковъ, которые, лишь только увидѣли миссіонера, сами вызвались на то. Во время другой его обыкновенной поѣздки по рѣкѣ Кускоквимъ, на обратномъ пути его оттуда, въ одномъ селеніи, чрезъ которое онъ обыкновенно проѣзжаетъ взадъ и впередъ, онъ окрестилъ 43 души взрослыхъ (изъ коихъ 28 муж. и 15 жен.) Жители сего селенія, много разъ слышавъ проповѣдь миссіонера, давно изъявляли желаніе креститься, но отлагали за тѣмъ только, что совершить крещеніе зимою въ рѣкѣ невозможно (при морозахъ отъ 20 до 30 градусовъ). Но наконецъ видя, что лѣтомъ миссіонеру быть у нихъ невозможно, они нынѣ, къ обратному пути его изъ редута въ миссію, сами приготовили большую купель; и лишь только онъ пріѣхалъ къ нимъ,—они уже настоятельно стали просить

его окрестить ихъ. Въ это лѣто (1850 г.) миссіонеру весьма не хотѣлось ѣхать изъ миссіи въ Михайловскій редутъ, куда приходятъ суда: ибо безъ него постройка церкви должна остановиться; но обстоятельства заставили его ѣхать.

Проѣзжая внизъ по рѣкѣ, онъ, какъ и прежде, заѣзжалъ въ каждое селеніе, для полученія свѣдѣній о состояніи жителей; исполнять же своихъ обязанностей онъ не могъ, по причинѣ лова рыбы, которой ходъ лишь только начинался; и только въ одномъ селеніи Канигмютъ, гдѣ жители начали обращаться въ прошедшемъ году (и о чемъ я упоминалъ въ прошлогоднемъ письмѣ моемъ), онъ окрестилъ 9 человѣкъ, изъ числа семействъ, крестившихся прошлаго года. Въ другомъ же селеніи Такчагмютъ (о коемъ тоже упомянуто въ прошлогоднемъ письмѣ моемъ) жители хотя были всѣ дома, и старшина говорилъ, что всѣ они желаютъ креститься; но миссіонеръ, видя ихъ большія хлопоты и заботы по промыслу рыбы, отложилъ крещеніе ихъ до возвратнаго своего пути, и старшина просилъ его непремѣнно заѣхать къ нимъ, говоря, что они нарочно будутъ ждать его. Всѣхъ, присоединившихся къ церкви съ 1 августа 1849 г. по 12 іюля 1850 г., было 87 душъ взрослыхъ. И все это было только въ проѣздъ его,—мимоходомъ. Предпринимать же нарочитыхъ путешествій, именно для проповѣди Евангелія, миссіонеру обстоятельства не позволяютъ уже нѣсколько лѣтъ; и Богъ знаетъ, когда ему удастся это сдѣлать,—по-крайней мѣрѣ, хотя-бы съѣздить туда, гдѣ его ожидаютъ съ 1847 года. Пославъ къ нему въ 1849 г. помощника, я надѣялся, что миссіонеру будетъ болѣе возможности и времени заняться симъ; но помощникъ его заболѣлъ и тѣмъ причинилъ ему множество заботъ.

О духовномъ состояніи своей паствы вообще миссіонеръ отзывается очень удовлетворительно и съ благодареніемъ Господу; а что касается до жителей того селенія (Икогмютъ), гдѣ находится миссія,—то миссіонеръ говоритъ, что «они болѣе и болѣе утверждаются на пути благочестія, дѣлаясь болѣе послушными и приверженными къ христіанской вѣрѣ. Шаманство и грубое суевѣрство у нихъ вовсе уже истребилось, и даже не слышно этого и въ окрестности миссіи, между новокрещенными. Маски, которыя они прежде употребляли при своихъ играхъ, нынѣ оставлены». Миссіонеръ съ благодарностію отзывается о живущихъ при миссіи, что они, въ продолженіи зимы, съ усердіемъ

помогали таскать лѣсъ изъ-за рѣки къ селенію и поднимать оный на берегъ, довольно высокій и крутой; въ послѣднемъ случаѣ помогали не одни только мужчины, но и женщины и дѣти ихъ, подростки. Плату же за труды послѣдніе не получали и не требовали никакой, а мужчины получали очень небольшую, и то только тогда, когда они работали цѣлый день, таская лѣсъ изъ-далека.

Между туземцами и Алеутами, работающими при церкви, миссіонеръ, какъ въ пути, такъ и на мѣстѣ, всегда замѣчалъ ласковое (и дружеское) обращеніе; и туземцы къ нимъ оказываютъ расположеніе несравненно болѣе, чѣмъ къ Русскимъ. Впрочемъ, Алеуты и заслуживаютъ это, всегда обходясь съ ними, какъ съ братіями, по христіански. Одинъ изъ Алеутовъ—житель острова Павла—человѣкъ очень неглупый, набожный и добрый, о туземцахъ отзывается такъ: «удивительно, какъ скоро они перемѣнились. Прежде мы слышали, что они были дики; а теперь сдѣлались ласковы, любовны и привержены къ тебѣ (миссіонеру)». И онъ же, видя ихъ усердіе въ церкви и въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, выразился такъ: «Что мы (въ сравненіи съ ними)? мы, хотя много слышали и даже сами читаемъ на своемъ языкѣ, а научились только пить, ѣсть и утѣшаться. Но вотъ я здѣсь, какъ будто снова, учусь изъ самыхъ примѣровъ.....Это чувствовало мое сердце и сильно тянуло меня сюда, почему я, хотя и семейный, но крѣпко желалъ сюда, единственно по чувствамъ сердца моего. Въ чемъ и точно не обманулся, какъ я вижу теперь». Такой отзывъ очень замѣчателенъ по многимъ отношеніямъ. «Надежда къ распространенію христіанства въ той странѣ и къ пріобрѣтенію чадъ Христовой церкви, говоритъ миссіонеръ, очевидна и несомнѣнна: ибо чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе открываются пути къ сему, препятствія уменьшаются и проч. Но только требуются **дѣлатели** и **средства** для дальнѣйшихъ путешествій».

Поученіе дѣтей закону Божію продолжается, поколику позволяетъ время и работы миссіонеру: но, такъ же, какъ и прежде, только въ томъ селеніи, гдѣ онъ живетъ, и во время пребыванія его въ Колмаковскомъ редутѣ. Миссіонеръ нынѣ имѣлъ утѣшеніе видѣть нѣкіе плоды своихъ трудовъ по сей части. Три дѣвицы, изъ числа слушавшихъ его поученія, вышли въ замужество, и не иначе рѣшились, чтобы бракъ былъ совершенъ по христіанскому обряду; а одна изъ нихъ ни за что

не хотѣла идти замужъ, если женихъ ея (который былъ некрещенъ) не окрестится; то же говорили и родители ея, и тотъ исполнилъ ихъ желаніе. Въ 1850 г. къ миссіонеру начали ходить дѣти 4-хъ и 5-ти лѣтъ; разумѣется, говоритъ миссіонеръ, что онѣ мало понимаютъ изъ слышаннаго; но по крайней мѣрѣ, они научаются и привыкаютъ стоять чинно и молиться Богу, и проч.; я и тому радъ, что онѣ не боятся меня и охотно приходятъ ко мнѣ, а родители посылаютъ ихъ; а я не скучаю заниматься и съ ними».

Здѣсь кстати сказать, что у миссіонера заведено съ перваго времени и постоянно соблюдается: въ воскресные дни поучать (дома) причетниковъ своихъ слову Божію. О прочихъ Американскихъ миссіяхъ особеннаго сказать ничего не могу, кромѣ того, что Кенайскій миссіонеръ отправился на цѣлый годъ въ Нушагакскую миссію, для исправленія тамъ требъ. А Колоши, живущіе въ Ситхѣ, продолжаютъ креститься, а крещенные, какъ говоритъ протоіерей, и молятся, и слушаютъ, и исполняютъ, по крайней возможности, обязанности христіанства. Нынѣ окрестилось Колошъ 21 человѣкъ. (*Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ. 1852 г. ч. XI, стр. 154—162*).

Въ другомъ письмѣ изъ Аяна, отъ 30 ноября 1851 года, преосвященный Иннокентій сообщаетъ митрополиту Филарету о Курильцахъ: «Посланный мною въ 1850 г. на Курильскіе острова іеромонахъ Сергій нынѣ возвратился оттуда и донесъ мнѣ между прочимъ, что всеблагій Господь, во утѣшеніе Курильцевъ, а паче во утвержденіе вѣры сего малѣйшаго стада Своего (всѣхъ Курильцевъ не болѣе 60 душъ обоего пола), благоволилъ явить имъ видимое знаменіе силы креста и благословенія церкви. На томъ островѣ, гдѣ зимовалъ іеромонахъ, нѣтъ рѣчки (и нѣтъ постоянныхъ жителей), и водою обыкновенно пользуются проѣзжіе изъ находящагося тамъ озера; а въ этомъ озерѣ столько разныхъ букашекъ и насѣкомыхъ, что воду изъ него нельзя было употреблять иначе, какъ процѣживая сквозь что нибудь. Такъ было до 6-го января сего 1851 года. Въ этотъ день было совершено въ немъ освященіе воды по чиноположенію; и съ того самаго часа въ озерѣ вдругъ не стало ни одного насѣкомаго. Такъ было во все остальное время прожитія ихъ на томъ острову до 21 мая, и при вторичномъ ихъ пребываніи на немъ, на обратномъ пути съ 8 острова на Шумшу 2-го іюля. Зимовать на томъ острову іеромонаха и бывшихъ съ нимъ

заставили бурные осенніе вѣтры. И такъ какъ на этомъ острову, и особенно зимою, нѣтъ ни птицы, ни звѣря и ни рыбы около его; то іеромонахъ съ причетникомъ своимъ, не имѣя возможности взять съ собою съ острова Шумшу запасу болѣе 6 пуд. муки, послѣдніе два мѣсяца принуждены были питаться почти одними кореньями травъ. А Курильцы всю зиму питались почти одною морскою капустою съ небольшимъ количествомъ жиру.—Такой роскошный столъ у нихъ зимою нерѣдко бываетъ. И послѣ того удивительно ли, что они уменьшаются? А помочь имъ почти нельзя. О Курильцахъ іеромонахъ отзывается, что они вообще очень усердны къ молитвѣ, съ охотою и радостію исполняли все, что отъ нихъ требовалось церковію. Нравственность ихъ не худа. Охотно и со вниманіемъ слушали они книги, которыя имъ читалъ іеромонахъ по вечерамъ; часто сами просили его о томъ. За посѣщеніе ихъ священникомъ остались очень благодарны». (*Приб. къ изд. Тв. Св. Отц. ч. XI. 1852 г., стр. 655—656*).

XVIII

Успѣшное распространеніе христіанства на дальней окраинѣ Азіи и Америки между инородцами, насаждаемаго заботливостію преосвященнаго Иннокентія, склонили высшую духовную власть присоединить къ его Камчатской епархіи и Якутскую область, съ населеніемъ которой преосвященный Иннокентій, при частыхъ и продолжительныхъ путешествіяхъ своихъ по Камчаткѣ, знакомъ былъ ранѣе. Владыкѣ нерѣдко приходилось встрѣчать между ними и ближайшихъ сосѣдей ихъ—Бурятъ, Якутовъ и Тунгусовъ, и даже проѣзжать чрезъ ту или другую ближайшую къ Камчаткѣ частицу Якутской области и останавливаться для проповѣди къ собиравшемуся вокругъ него народу. Въ самомъ же Якутскѣ ему приходилось, проѣздомъ, совершать и самое Богослуженіе и говорить поученія. Первый разъ, преосвященный Иннокентій останавливался въ Якутскѣ при переѣздѣ своемъ съ семействомъ въ Америку, въ 1823 году, въ санѣ священника, а потомъ—при возвращеніи изъ Петербурга, уже въ санѣ епископа, въ 1841 году. Да и самые Якуты, Бурята и Тунгусы ему съ издѣтства ближе всѣхъ другихъ Сибирскихъ племенъ были извѣстны, по ихъ нарѣчію, жизни, вѣрованію, торговлѣ, ремесламъ и промысламъ, по ихъ пищѣ и одеждѣ,—такъ какъ они расположены на бассейнѣ той же рѣки Лены, при которой расположена и родина его—село Ангинское. По этой-то рѣкѣ Якуты и прочіе земляки ихъ лѣто и зиму, весну и осень легко и часто ведутъ сношенія, то по льду въ саняхъ, то по водѣ на баржахъ или на байдаркахъ, съ Иркутскомъ, мѣстомъ его семинарскаго образованія. Слѣдовательно, пре-

освященному Иннокентію, какъ до крайности любознательному и особенно наблюдательному, конечно, часто приходилось и самому входить съ ними въ близкія сношенія, и потому исподоволь, незамѣтно и легко знакомиться со всемъ строемъ быта ихъ и съ ихъ рѣчью.

Въ началѣ 1852 года, преосвященный Иннокентій прибылъ неоффиціально въ Якутскъ, для предварительнаго ознакомленія съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ и съ устройствомъ тамошняго монастыря, чтобы заранѣе подготовить въ немъ себѣ удобное и приличное помѣщеніе, на случай окончательнаго присоединенія Якутской области въ вѣдѣніе Камчатской его епархіи. На этотъ разъ онъ не нашелъ себѣ квартиры въ монастырѣ, а помѣстился въ Соборномъ домѣ; такъ какъ архимандричьи покои заняты были больнымъ настоятелемъ монастыря, архимандритомъ Самуиломъ, который въ эту же бытность преосвященнаго Иннокентія въ Якутскѣ скончался, въ великую субботу, 29 марта. (*Ирк. Епарх. Вѣд. 1873 г.*)

Проживая въ Якутскѣ, преосвященный Иннокентій получилъ извѣстіе, что дочь его, Прасковья Ивановна, подвизается уже въ Борисовской женской пустыни, устроенной въ Курской губерніи на землѣ графа Димитрія Николаевича Шереметева, и, своимъ скромнымъ поведеніемъ, усердіемъ къ церкви Божіей и монастырскимъ послушаніемъ, признана отъ настоятельницы пустыни достойною поступленія въ послушницы и навсегда оставаться въ этой пустыни. Преосвященный Иннокентій, радуясь такому благому начинанію ея пустынножительства, пишетъ ей изъ Якутска письмо, отъ 24 мая, которымъ ободряетъ ее къ дальнѣйшему преуспѣянію въ отшельническомъ подвижничествѣ. Онъ настойчиво убѣждаетъ ее навсегда посвятить себя Небесному Жениху: «Сегодня я получилъ бумагу, въ коей прописано, что настоятельница пустыни, въ которой ты живешь, находитъ тебя, по твоему скромному поведенію, усердію къ церкви Божіей и монастырскимъ послушаніямъ, достойною поступленія въ послушницы, и что желаешь навсегда оставаться въ этой пустыни. Я еще, кажется, никогда такъ не радовался о тебѣ, какъ порадовался и радуюсь сегодня. Слава и благодареніе Господу, давшему тебѣ желаніе поступить въ монастырь и укрѣпляющему тебя въ посильныхъ твоихъ служеніяхъ сестрамъ. Да укрѣпитъ тебя Господь Богъ до конца жизни твоей въ твоемъ намѣреніи—посвятить себя Господу, Небесному же-

шиху! О, Пашенька, радость моя! благую и преблагую часть ты избрала, которая и не отымется отъ тебя, если ты сама безумно не свергнешь съ себя ига Христова. Теперь у тебя одна забота: угодить Господу и для того бороться съ собою—и только! Я писалъ тебѣ, что старшая сестра твоя завидуетъ теперешнему твоему состоянію, при всемъ томъ, что мужъ ея человѣкъ кроткій, съ которымъ у нихъ въ теченіи 13 лѣтъ не было перечнаго слова, и дѣти очень умныя и здоровыя; но при всемъ томъ она считаетъ тебя счастливѣе себя. У ней теперь забота и о мужѣ, и о дѣтяхъ, и о домѣ, и о будущемъ, и о душѣ своей,—и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ заботъ. А сколько у ней страховъ за будущее! У тебя, дружочекъ мой, ничего этого нѣтъ и быть не можетъ. И такъ, радость моя, оставайся тамъ, гдѣ ты теперь, на всю жизнь твою. Не желай и не ищи свиданія съ родными; Господь милостивъ: молись Ему—и мы всѣ нѣкогда увидимся тамъ, въ обителяхъ Отца Небеснаго, и увидимся въ вѣчной неизреченной радости, и увидимся не на мѣсяцъ и не на годъ, а на всю вѣчность; а здѣсь на землѣ что за свиданіе! Молись, другъ мой, какъ можно болѣе; принуждай себя къ молитвѣ; охота къ молитвѣ есть даръ Божій, который дается не всегда, но непремѣнно дастся тѣмъ, кто принуждаетъ себя къ молитвѣ. Сначала тяжело и трудно кажется; а чѣмъ далѣе, тѣмъ легче и легче; а когда получишь даръ молитвы, тогда ты ничего лучше не будешь желать, кромѣ молитвы. Да укрѣпитъ тебя Господь Богъ! Преподобной матери игуменьѣ Арсеніи поклонись отъ меня, а сестрамъ мое благословеніе. Да поможетъ имъ всѣмъ Господь Богъ достигнуть вѣчнаго царствія. Прощай, Господь съ тобою навѣки»!

29 мая преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Якутска и 22 іюня прибылъ обратно въ Аянъ, откуда, въ письмѣ къ митрополиту Московскому, отъ 25 іюня, вотъ что пишетъ онъ о Квихпакской миссіи: «Въ Квихпакской миссіи строющаяся церковь къ половинѣ лѣта сего года навѣрное будетъ освящена. Туземцы съ охотою и усердіемъ помогаютъ въ семъ дѣлѣ. Паства Квихпакской миссіи годъ отъ году постоянно увеличивается болѣе и болѣе присоединеніемъ къ ней новообращающихся, и надежда на пріобрѣтеніе новыхъ чадъ, можно сказать, несомнѣнна. Это особенно доказываетъ поѣздка миссіонера вверхъ рѣки Квихпака и по рѣкѣ Чагелюкъ. Рано наступившая весна въ 1851 году дала ему возможность побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ давно уже

его ожидали. И 137 человѣкъ обоего пола присоединилось къ церкви изъ народа, называемаго Инкалиты. И нѣтъ сомнѣнія, что если бы въ это время всѣ жители тѣхъ селеній были дома, то гораздо болѣе бы присоединилось къ церкви, ибо тоены ихъ, принявшіе крещеніе въ прошедшихъ годахъ, всѣми мѣрами содѣйствовали обращенію прочихъ. Но, къ сожалѣнію, не было никакой возможности собрать всѣхъ жителей, изъ коихъ многіе отдалились за промыслами очень далеко. Во время обыкновенной своей поѣздки зимою на рѣку Кускоквимъ, миссіонеръ пріобрѣлъ 32 человѣка новыхъ чадъ церкви, изъ числа прибрежныхъ жителей рѣки Кускоквима; а всего, съ іюля 1850 по іюль 1851 г., окрещено 203 человѣка. Въ доказательство надежды своей на распространеніе и утвержденіе христіанства между тамошними жителями, миссіонеръ, между прочимъ, приводитъ слѣдующій примѣръ. Одинъ изъ жителей при миссіи, долго остававшійся въ язычествѣ, наконецъ обратился къ свѣту истины. Послѣ послѣдней ему проповѣди, онъ сказалъ: «я хотя и слышалъ проповѣдь эту давно (еще въ 1846 г.) и хотя не отвергалъ вовсе, но думалъ и то, что все это есть выдумка; но теперь я вполнѣ убѣждаюсь изъ примѣровъ, видимыхъ мною, что христіанство не есть выдумка и не человѣческое дѣло, а Божіе»,—и тогда же окрестился съ дѣтьми своими, и съ ними—двѣ престарѣлыя женщины того же селенія, также остававшіяся долго въ невѣріи «и о коихъ, говоритъ миссіонеръ, я болѣе болѣзновалъ: но съ обращеніемъ ихъ возрадовалось мое сердце, и тѣмъ болѣе, что съ обращеніемъ ихъ не осталось ни одного язычника въ селеніи, гдѣ находится миссія». Благочестіе въ новообращенныхъ народахъ, говоритъ миссіонеръ, возрастаетъ только тамъ, гдѣ онъ болѣе занимается съ ними, и преимущественно въ селеніи при миссіи. Доказательствомъ тому служитъ то, что какъ дѣти, такъ и взрослые съ охотою слушаютъ предлагаемыя имъ поученія: и (послѣдніе) сами стали приглашать миссіонера въ свои собранія, именно для того, чтобы послушать отъ него полезное, чего прежде не бывало, или приходятъ для того къ нему. Но тамъ, гдѣ миссіонеръ не бываетъ, или бываетъ рѣдко и ненадолго, благочестіе возрастаетъ мало, а въ другихъ мѣстахъ, говоритъ миссіонеръ, можно сказать, вовсе не возрастаетъ. Причиною тому то, что миссіонеръ не имѣетъ возможности посѣщать всѣхъ. Въ селеніяхъ, при миссіи и на Кускоквимѣ, къ богослуженіямъ собираются охотно, не смотря на то, что это, по на-

стоящимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, для нихъ очень трудно, особливо во время большихъ морозовъ.

Христіанскій долгъ очищенія совѣсти исполняютъ съ усердіемъ, въ послѣдніе годы видимо возрастающимъ; такъ что нѣкоторые пріѣзжаютъ для того изъ отдаленныхъ мѣстъ. Еще не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ новокрещенныхъ отрекся отъ принятой имъ христіанской вѣры. И даже соблазнительные примѣры язычниковъ не могутъ отвратить ихъ отъ исполненія христіанскихъ обязанностей. Число всѣхъ обращенныхъ въ Квихпакской миссіи, по 12 іюля 1851 г., простирается до 1516 душъ. Кенайскій миссіонеръ, іеромонахъ Николай, съ августа 1849 г. до половины апрѣля 1850 г. проживалъ въ своей миссіи; а съ того времени онъ отправился въ Нушагакъ, гдѣ прожилъ съ начала іюня до половины мая 1851 года. Когда проживалъ въ Кенайской миссіи, первымъ дѣломъ его было приготовленіе церкви къ освященію: и 8-го сентября оно совершено. «По совершеніи священнодѣйствія, говоритъ миссіонеръ, всѣхъ бывшихъ участниками сего духовнаго торжества (туземцевъ) я угостилъ по приличію, дабы памятно было имъ наше торжество. Не въ похвалу себѣ скажу: многихъ бѣдныхъ покрылъ наготу чистыми бѣлыми одеждами, дабы Господь подкрѣпилъ меня непорочно совершать въ семъ храмѣ служеніе, ввѣренное мнѣ недостойному. Впрочемъ, это обыкновеніе русское я исполняю всегда въ большіе праздники, до литургіи или наканунѣ. Хотя незначительно, но покрываю и насыщаю нѣсколько разъ въ годъ. И такъ, день (8 сентября) провелъ я въ духовной радости.» Относительно духовнаго состоянія Кенайской паствы, миссіонеръ отзывается весьма утѣшительно. Кенайцы не только охотно слушаютъ поученія, но нѣкоторые сами приходятъ къ миссіонеру и просятъ его учить ихъ. Долгъ очищенія совѣсти исполняютъ всѣ охотно, къ Св. Тайнамъ приступаютъ съ благоговѣніемъ и страхомъ истинно христіанскимъ, противниковъ и противорѣчащихъ не встрѣчалось. Многіе изъ нихъ знаютъ молитвы и учатъ тому другъ друга. Любимымъ занятіемъ многихъ есть пѣть церковныя пѣсни. Въ журналѣ своемъ онъ, между прочимъ, говоритъ объ одномъ Кенайцѣ, жителѣ дальняго селенія, который, будучи боленъ, пріѣхалъ въ миссію съ тѣмъ, чтобы умереть при церкви. «Не подкрѣплять вѣру умирающаго приходилъ я къ больному, говоритъ миссіонеръ,—а учиться богоугодному приготовленію

къ смерти.» Больной предузналъ часъ своей смерти; и когда шелъ къ нему миссіонеръ со Св. дарами,—ему слышался звонъ въ большіе колокола. Никто не могъ увѣрить его, что этого звона не было. И какъ онъ принялъ Св. дары, перекрестился и сказалъ: Слава тебѣ, Іисусе Христе: только этого я и дожидался!» и сказавъ: «прощайте», перепсталъ говорить, и только но временамъ крестился и вскорѣ скончался. Изъ того же журнала миссіонера видно, что онъ подвергался большимъ опасностямъ, но все прошло благополучно. Такъ, онъ въ февралѣ, по просьбѣ жителей одного изъ ближайшихъ селеній, путешествовалъ пѣшкомъ для того, чтобы всѣмъ старымъ и немощнымъ дать случай исполнить долгъ очищенія совѣсти. На пути въ селеніе сіе, среди дороги достигла его сильная непогода въ пустомъ мѣстѣ, и онъ едва могъ дойти до жилища, а на обратномъ пути едва не лишился употребленія руки отъ ушибу. Послѣ того, на пути его изъ Кенайской миссіи въ Нушагакъ, когда онъ ѣхалъ съ прочими въ байдарѣ, постигла ихъ крайняя опасность, такъ что всѣ сробѣли. Миссіонеръ началъ ихъ ободрять спасеніемъ отъ Господа,—и Господь спасъ ихъ. Вдругъ сдѣлалось тихо. Проживая въ Нушагакской миссіи, миссіонеръ посѣтилъ всѣ селенія, принадлежащія сей миссіи, кромѣ одного—Угашикъ, куда не допустили его бурные осенніе вѣтры, а весной побывать не удалось. Во время сихъ поѣздокъ, вновь присоединилось къ церкви изъ язычниковъ всего 310 душъ—и, по отбытіи его оттуда, церковь Нушагакская состояла изъ 1448 душъ обоего пола. Миссіонеръ говоритъ, что стоитъ только проѣхать на рѣку Кускоквимъ, и число крещенныхъ увеличится до 2000.

Всѣ жители исполнили долгъ очищенія совѣсти съ охотою, ближайшіе къ церкви пріѣзжали для того сами, а прочіе—при посѣщеніи ихъ миссіонеромъ. А что всего утѣшительнѣе, Кіятинцы—жители ближайшаго къ Нушагаку селенія—которые въ 1848 году, несмотря на всѣ убѣжденія этого же миссіонера, отказались исполнить обязанности христіанскія, явно хвалились, что они будутъ шаманить и проч. (о коихъ напечатано на 168 стран. прибавленій къ *Твор. св. Отцовъ* 1850 года), нынѣ приняли миссіонера съ видимою радостію и съ полною охотою и раскаяніемъ исполнили все, что отъ нихъ требовалось церковію. Миссіонеръ пишетъ: «Когда я ѣхалъ къ нимъ, они высылали ко мнѣ на встрѣчу съ привѣтствіемъ по два человѣка однихъ

за другими,—всего семь паръ, одна отъ другой въ нѣкоторомъ разстояніи. Наконецъ, въ виду селенія, старшины и закащики сами встрѣтили меня съ радушіемъ и искренно добрымъ выраженіемъ лица, и съ ними, кажется, всѣ, до одной души,—и всѣ кричали: Куяна, Куяна (благодаримъ, благодаримъ). Старшины сказали: «мы думали, ты насъ бросишь и не посмотришь, какъ на негодныхъ собакъ; а ты пріѣхалъ къ намъ... куяна, куяна» и проч. Потомъ всѣ подошли на благословеніе... Конечно, здѣсь не мое умѣніе, а Божіе мановеніе... И такъ— Кіятинцы теперь опять наши». Живущіе вблизи церкви Аглегмюты со слезами провожали миссіонера и настоятельно просили его, чтобы у нихъ былъ священникъ всегда. Но дьячка Шишкина имѣть священникомъ у себя не желаютъ; ибо онъ по легкомыслію, свойственному подобнымъ ему (онъ Креолъ), поступками своими потерялъ всякое уваженіе и довѣріе къ себѣ.

Протоіерей Литвинцовъ доноситъ, что въ теченіи минувшаго 1851 г. и въ началѣ 1852 окрещено имъ, кромѣ дѣтей и малолѣтныхъ, 78 душъ Колошъ. Къ принятію крещенія были собственные ихъ вызовы; мое дѣло, говоритъ протоіерей, состояло только въ поученіяхъ и совершеніи таинствъ. Анадырскій священникъ Никифоровъ, по слѣдамъ своего предшественника, бывшаго миссіонера Романа Верещагина, путешествовалъ лѣтомъ прошедшаго 1851 г., на устье рѣки Анадыри, и Господь помогъ ему обратить 60 душъ Чугачъ обоего пола. Удскій священникъ въ обычную свою поѣздку для посѣщенія своихъ прихожанъ-Тунгусовъ, разсѣянныхъ на пространствѣ 2500 верстъ, на Буруканѣ окрестилъ еще одного Нигидальца по собственному его вызову; съ нимъ пріѣзжало до 15 человѣкъ его соплеменниковъ, изъ коихъ нѣсколько крещенныхъ пріѣзжали болѣе для того, чтобы исполнить долгъ очищенія совѣсти—и исполнили. Священникъ, проживая здѣсь немало времени, ѣздилъ къ одному крещенному Нигидальцу, живущему въ 10 верстахъ отъ Буруканской часовни, именно для того, чтобы посмотрѣть его христіанское пребываніе: и нашелъ, что у него въ домѣ есть два образа; крестится и молится, какъ слѣдуетъ; дѣтей своихъ воспитываетъ по христіанскому обряду; домъ у него рубленный (по амбарному) и содержится въ чистотѣ». *(Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ 1852 г. XI, стр. 657—663).*

XIX

Проживая въ Аянѣ, въ ожиданіи изъ Америки компанейскаго судна для выѣзда въ Ситху, преосвященный Иннокентій, не смотря на множество дѣлъ, не пропустилъ случая написать къ своему другу Н. Д. Свербееву, съ которымъ мы считаемъ нужнымъ предварительно познакомить читателей. Николай Дмитріевичъ Свербеевъ служилъ въ Восточной Сибири, съ 1851-го по 1856-й годъ, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій по дипломатической части, при генералъ-губернаторѣ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, впослѣдствіи графѣ Амурскомъ. Это былъ лучшій изъ тамошнихъ чиновниковъ того времени. Образованный и талантливый, дѣятельный и честный, этотъ молодой человѣкъ, съ самаго прїѣзда туда на службу, сразу расположилъ къ себѣ сердце преосвященнаго Иннокентія своею добротою и особенно своимъ христіанскимъ настроеніемъ духа. «Люблю васъ за ваше доброе и христіанское настроеніе духа»,—такъ начинаетъ преосвященный Иннокентій свое первое письмо къ Н. Д. Свербееву *(отъ 15-го іюля 1852-го года)*; или шлетъ ему записку такого рода: «Потрудитесь, Николай Дмитріевичъ, прилагаемый при семъ пакетъ отослать по адресу изъ Иркутска на первой почтѣ. Прощайте—до свиданья! Да сохранитъ васъ Господь въ предпринимаемомъ вами пути! Съ Богомъ отправляйтесь; а мы посильно сегодня за литургіею помолимся о васъ во всеуслышаніе». *(Записка помѣчена 4 декабря)*. Съ такимъ-то чиновникомъ и сблизился высокопреосвященный Иннокентій тою теплою, необманчивою, искреннею дружбою, какая рѣдко достается въ удѣлъ

людямъ. Съ нимъ-то онъ дѣлилъ свои задушевныя думы, касающіяся не только миссіонерскаго служенія своего, но и административнаго и экономическаго устроенія, ко благу Камчатки и Якутской области и, особенно, Амурскаго края. И владыка въ своемъ выборѣ не ошибся. Николай Димитріевичъ Свербеевъ былъ преданнѣйшій, усерднѣйшій и притомъ способнѣйшій пособникъ первому іерарху Камчатки, Якутска, и Амура вездѣ, гдѣ только требовалось содѣйствіе гражданской власти миссіонерскому служенію. Поэтому, кромѣ семейно-дружеской переписки, между ними было болѣе писемъ дѣловыхъ по Амурскому краю.

Н. Д. Свербеевъ своими способностями и честностью заслужилъ довѣріе непосредственнаго своего начальника, столь извѣстнаго умомъ и дарованіями, Н. Н. Муравьева. Пользуясь у него большимъ значеніемъ, Н. Д. Свербеевъ много содѣйствовалъ неутомимому ревнителю, преосвященному Иннокентію, къ достиженію благихъ цѣлей въ просвѣщеніи христіанствомъ и устроеніи экономическаго положенія обширной Сѣверо-Восточной окраины Сибири и устранялъ съ умѣньемъ и настойчивостію препоны, часто подставляемыя другими членами Восточно-Сибирской администраціи, а иногда и самыми обстоятельствами. До какой степени эти препоны, со стороны темной административной силы, были немаловажны, читатели изъ писемъ увидятъ, а многое, враждебное даже, и въ письма не вносилось, изъ опасенія еще болѣе раздразнить супротивниковъ благаго дѣла; такъ въ одномъ изъ писемъ къ преосвященному Иннокентію, Н. Д. Свербеевъ писалъ: «вообще, многое и многое нужно бы передать на словахъ»; а преосвященный Иннокентій отвѣчаетъ: «очень жалѣю, что изъ столь многаго я ничего не знаю и вѣроятно не узнаю, и если можно, то потрудитесь написать ко мнѣ въ Якутскъ, а въ доказательство того, что я никому ничего не передамъ, я отошлю это письмо вамъ обратно (*письмо отъ 25 апрѣля 1856 г.*). Еще, въ такомъ же родѣ, преосвященный Иннокентій посылаетъ Н. Д. Свербееву слѣдующую записочку: «Потрудитесь написать мнѣ, можно ли сегодня мнѣ быть у генерала вечеромъ, и скажите прямо: можно, или нѣтъ. И если можно, то въ которомъ часу и долго ли могу пробыть; а мнѣ нужно еще съ нимъ переговорить». Или: «Удѣлите, пожалуста, часика два для меня; до $4^1/_2$ часовъ я буду свободенъ, а мнѣ очень нужно сказать вамъ слова два-три.» Не слишкомъ-ли много двухъ часиковъ

для двухъ-трехъ словъ? Очевидно, тутъ разумѣлись продолжительныя совѣщанія, которыя нельзя было ввѣрять бумагѣ. Такая осторожность ясно указываетъ, во первыхъ, на единомысліе и дружбу преосвященнаго съ Н. Д. Свербеевымъ и, во вторыхъ, на трудность борьбы съ противниками. А какъ предупредительно относился преосвященный Иннокентій къ своему молодому другу, видно изъ записки его къ нему, которую мы приводимъ здѣсь сполна. Распорядившись по церковной церемоніи для встрѣчи гостей (замѣтно, важныхъ), преосвященный писалъ къ Н. Д. Свербееву: «Къ молебну будетъ благовѣстъ—для того, не захочетъ ли кто изъ добрыхъ прихожанъ прійти на молебенъ; начнется тогда, когда духовенство соберется,—и конечно, не позже 11 часовъ,—и будетъ продолжаться до пріѣзда гостей нашихъ. Я буду ожидать ихъ въ церкви, а послѣ молебна къ себѣ въ келію». *(Записка помѣчена 30 ноября)*. Но къ глубокому огорченію преосвященнаго Иннокентія, надежный пособникъ и другъ его, полезный для всей Восточной Сибирской окраины, вступившій лѣтомъ 1856-го года въ супружество съ княжной Зинаидой Сергѣевной Трубецкой, не пожелалъ долѣе оставаться на службѣ въ Восточной Сибири. Въ декабрѣ 1856-го года, молодые выѣхали изъ Иркутска въ Москву, а въ 1857, 58 и 59-мъ годахъ путешествовали уже по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Италіи.

Какъ высоко владыка Иннокентій цѣнилъ дружбу и услуги Н. Д. Свербеева по миссіонерскимъ дѣламъ и, въ особенности, по закрѣпленію за Россіей и устройству въ Русскомъ духѣ Амурскаго края,—мы видимъ изъ прощальнаго письма его изъ Якутска, въ которомъ, отъѣздъ Н. Д. Свербеева онъ признаетъ большою потерею для себя и для Сибири: «Узнавъ, что вы оставляете Сибирь, не на шутку я огорчился. Несчастная Сибирь!...» Но какъ ни жалко было разлучиться съ такимъ незамѣнимымъ пособникомъ, преосвященный Иннокентій съ любовію благословляетъ отъѣздъ его: «И такъ прощайте, возлюбленный мой Николай Дмитріевичъ! Примите увѣреніе, что я васъ любилъ и уважалъ. Желаю вамъ всякаго благополучія». (Письмо 11 декабря 1856 года). Познакомивъ читателей съ личностью Н. Д. Свербеева, помѣщаемъ первое письмо къ нему преосвященнаго Иннокентія, отъ 15 іюля 1852-го года: «Какъ ни недосужно мнѣ теперь, по полученіи множества бумагъ вдругъ; но не могу и не хочу не написать вамъ что-

нибудь, имѣя къ тому случай, а главное—любя васъ за ваше доброе и христіанское настроеніе духа. Прежде всего, желаю вамъ—да сопутствуетъ и содѣйствуетъ вамъ во всемъ благодать Божія! Будьте здоровы! О себѣ скажу, что я изъ Якутска выѣхалъ 29 мая, на усть Маю; пріѣхалъ 6 іюня, пробывъ два дня въ Амгѣ. Съ усти Маи отправился 7-го іюня, 17-го пришелъ на Нелканъ, 18-го отправился оттуда, 22-го іюня пріѣхалъ въ Аянъ, гдѣ и живу въ ожиданіи изъ Америки компанейскаго судна.

Константинъ Никифоровичъ серьезно нездоровъ и, кажется, еще не поправился. Это я заключаю изъ того, что если бы онъ совсѣмъ поправился, то Бернгардтъ Васильевичъ пріѣхалъ бы уже въ Аянъ; но его еще нѣтъ и понынѣ. Сердечно благодаренъ вамъ за письмо ваше, которое я получилъ отъ Тунгусскаго головы 14 іюня. Съ г. Арте вы, какъ мнѣ сказывали, увидитесь непремѣнно или въ Удскомъ или въ Аянѣ; во всякомъ случаѣ, потрудитесь доставить ему письмо отъ меня. Прощайте, до свиданья! Господь съ вами, во вся дни живота вашего! 27 мая я имѣлъ счастіе получить письмо отъ нашего владыки Московскаго: слава Богу, живъ и здоровъ. Примите увѣреніе, что васъ уважаетъ и любитъ и вашъ усерднѣйшій слуга—Иннокентій, архіепископъ Камчатскій. (Но еще не Якутскій и понынѣ).»

Вскорѣ послѣ сего письма, преосвященный Иннокентій, дождавшись изъ Америки компанейскаго судна, выѣхалъ на немъ изъ Аяна въ Ситху, гдѣ нашелъ указъ Св. Сѵнода отъ 26 іюля 1852 года, на управленіе имъ Якутскимъ второклассным монастыремъ. Такимъ образомъ и эта обширная Якутская область присоединилась къ Камчатской епархіи, и безъ того уже непомѣрно великой. Дѣла же по Камчатской епархіи и неустанныя апостольскія путешествія преосвященнаго Иннокентія по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ жительства язычниковъ, для проповѣди имъ слова спасенія, не дозволяли ему скоро переселиться въ Якутскъ. Онъ предварительно переѣхалъ въ Аянскій портъ, откуда ему было удобнѣе совершать свои поѣздки по Камчатской епархіи для окончательнаго устройства церковныхъ дѣлъ тамъ; и кромѣ того, переселеніе его въ Аянъ давало ему болѣе возможности слѣдить и за Амурскими дѣлами, за которыми преосвященный Иннокентій, какъ дальнозоркій государственный человѣкъ, понимавшій даже отдаленныя пользы Россіи, еще съ 1843 года, какъ мы уже говорили выше, неустан-

но и зорко слѣдилъ, имѣя въ виду не одни политическія цѣли, но и успѣшное проповѣданіе слова Божія пограничнымъ подданнымъ Китая. До какой степени болѣзненно отзывалось въ преосвященномъ Иннокентіи всякое препятствіе, всякое замедленіе въ присоединеніи Амурскаго края къ Россіи, мы видимъ изъ слѣдующей записки къ Н. Д. Свербееву: «Перебѣгая мыслію съ одного мѣста на Амурѣ на другое и соображая, что можетъ быть со временемъ на Амурѣ, и въ то же время зная, что есть люди, которые явно не хотятъ и даже противодѣйствуютъ Амурскому дѣлу,—невольно приходишь къ мысли: ужели эти люди превозмогутъ?...... а если такъ, то конечно, такъ угодно Господу; а что ему угодно, то и полезно: слѣдовательно, надобно покориться. Видно, не пришло еще время владѣть намъ Амуромъ..... или видно не намъ владѣть имъ..... Но со всею вѣроятностію можно сказать, что лишь только мы оставимъ Амуръ (а мы должны будемъ оставить его, если Китайцы не дозволятъ намъ селиться на немъ и плавать съ большими ограниченіями), то или Американцы или Англичане немедленно завладѣютъ имъ,—и уже не будутъ такъ вѣжливы съ сосѣдями нашими: они какъ разъ и самымъ Айгунцамъ покажутъ мѣсто за горами (лежащими вдали отъ береговъ Амура), а потомъ, пожалуй, и подалѣе.... но да будетъ во всемъ воля Бога Вседержителя!.....» Въ это пребываніе преосвященнаго Иннокентія въ Аянѣ, составлялась и Амурская экспедиція въ Петровское зимовье, и требовалось опытнаго священника-миссіонера, что составляло также одну изъ главныхъ заботъ владыки. Послѣ долгихъ испытаній, преосвященный Иннокентій наконецъ, 10 апрѣля 1853 года, рѣшилъ назначить туда миссіонеромъ сына своего, священника Гавріила Ивановича Веніаминова, съ которымъ считаемъ здѣсь у мѣста предварительно ознакомить читателей: Гавріилъ Ивановичъ Веніаминовъ родился на островѣ Уналашкѣ въ 1824 году. Въ 1841 году онъ былъ переведенъ изъ Иркутской семинаріи въ С.-Петербургскую. По окончаніи курса въ ней со степенью студента, онъ въ 1849 году возвратился въ Камчатскую епархію и тамъ, въ томъ же году, посвященъ въ стихарь, съ опредѣленіемъ исправлять должность иподіакона, и кромѣ того, опредѣленъ наставникомъ Новоархангельской семинаріи, секретаремъ и библіотекаремъ, и помощникомъ инспектора оной. Въ 1850 году,—какъ собственноручно пишетъ о семъ на лоскуткѣ бумаги приснопамятный митрополитъ

Московскій Филаретъ,—«Преосвященный Иннокентій заблагоразсудилъ сына своего, студента семинаріи Гавріила Веніаминова, прислать въ Москву, чтобы онъ здѣсь избралъ себѣ невѣсту, вступилъ въ бракъ, получилъ рукоположеніе во священника и возвратился на востокъ для миссіонерскаго служенія. При посредствѣ одного Московскаго священника [1]), Гавріилъ Веніаминовъ избралъ себѣ въ невѣсты сироту [2])...

. . . .

. . . .

получившую образованіе въ семъ заведеніи. Ей предварительно изъяснены были дальность переселенія, нещедрая природа края, въ который ей должно переселиться, и образъ миссіонерской жизни, по необходимости соединяемой съ разными неудобствами. Она приняла избраніе. Веніаминовъ вступилъ съ нею въ бракъ, рукоположенъ въ Москвѣ во священника и возвратился съ нею къ преосвященному Иннокентію. Потомъ, въ письмахъ къ митрополиту Московскому, преосвященный Иннокентій отзывался о ней съ полнымъ одобреніемъ, и между прочимъ писалъ, что въ продолженіи путешествія, когда ей довелось нѣсколько сотъ верстъ ѣхать верхомъ по такой дорогѣ, на которой лошадь иногда увязала въ топкомъ грунтѣ, супруга священника Веніаминова не произносила ни одного слова ропота; что она съ замѣчательнымъ усердіемъ исполняетъ нѣкоторыя правила домашняго благочестія, которые получила въ Московскомъ домѣ призрѣнія; что, при предположеніи преосвященнаго послать священника Веніаминова къ инородцамъ на рѣку Амуръ, она изъявила расположеніе учиться языку инородцевъ, чтобы учить дочерей ихъ и располагать къ принятію христіанской вѣры». (*Рукопись Московск. Епарх. Библ. Общ. Любит. Духовн. Просвѣщ.*). Изъ послужнаго же списка Гавріила Ивановича видно, что въ діаконы онъ былъ рукоположенъ преосвященнымъ Филоѳеемъ епископомъ Дмитровскимъ 1851 года, 24 февраля; а въ священники же къ собору Михаила Архангела, что на островѣ Ситхѣ, рукоположенъ былъ самимъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ 1851 года, 25

[1]) Николай Димитріевичъ Лавровъ, протоіерей Спиридоновской церкви въ Москвѣ, почетный членъ Православнаго Миссіонерскаго общества, умеръ 7 декабря 1881 года, на 78 году жизни. Онъ и вѣнчалъ Гавріила Ивановича.

[2]) Екатерину Ивановну Попову. Точки въ подлинной рукописи.

февраля. Послѣ того отецъ Гаврiилъ Ивановичъ, въ концѣ сентября того же года, возвратился обратно въ Камчатскую епархiю, совершивъ возвратный путь въ 7 мѣсяцевъ. Въ Новоархангельскѣ, съ оставленiемъ при немъ учительской, секретарской, библiотекарской и инспекторской должности при семинарiи, онъ былъ назначенъ еще членомъ Новоархангельскаго Духовнаго Правленiя и экономомъ семинарiи. За усердие и ревность по службѣ въ семинарiи, отъ Духовно-учебнаго управленiя награжденъ былъ 195 р. При успѣшномъ же исправленiи всѣхъ поименованныхъ должностей, отецъ Гаврiилъ Ивановичъ былъ нерѣдко командированъ преосвященнымъ Иннокентiемъ для исправленiя требъ и въ Аянскiй портъ, и въ Петровское зимовье, и на островъ Берингъ. Вотъ почему и назначенъ былъ онъ преосвященнымъ Иннокентiемъ въ Амурскую экспедицiю, какъ уже достаточно подготовленный къ миссiонерскому служенiю, подъ руководствомъ опытнѣйшаго миссiонера, своего почтеннѣйшаго родителя.

Вотъ что мы читаемъ въ посмертныхъ запискахъ Адмирала Невельскаго (*Подвиги Русск. морск. офицеровъ 1849—55 г. на крайнемъ востокѣ Россiи, стр. 239—241*): «9 августа 1853 года приходилъ въ Петровское корабль Россiйско-Американской Компанiи съ различными запасами и товарами, и на этомъ же кораблѣ прибыли въ экспедицiю капитанъ-лейтенантъ А. В. Бачмановъ съ супругою Елизаветою Осиповною и священникъ отецъ Гаврiилъ Венiаминовъ съ супругою Екатериною Ивановною. Съ прибытiемъ въ Петровское Е. О. Бачмановой и супруги священника отца Гаврiила, Екатерины Ивановны, для моей жены составилось маленькое женское общество, которое ободряло ее. Но за то всѣхъ этихъ лицъ надобно было размѣстить, и потому мы сейчасъ же приступили къ постройкѣ двухъ флигелей, для помѣщенiя на зиму священника отца Гаврiила съ походною церковью и А. В. Бачманова съ супругою.»

Преосвященный Иннокентiй, проводивши своего сына въ Амурскую экспедицiю и приведя въ порядокъ всѣ дѣла церковнаго управленiя по Камчатской епархiи, сталъ собираться въ Якутскъ, предварительно написавши слѣдующее письмо, отъ 3 августа 1853 года, къ дочери своей Прасковьѣ Ивановнѣ, которымъ онъ по прежнему сердечно и настойчиво убѣждаетъ ее оставаться навсегда вѣрною своему Небесному Жениху и не жалѣть о радостяхъ и удовольствiяхъ мiрскихъ: «Господь съ

тобою, милая и счастливая моя Пашенька! Я тебя называю счастливою, ибо ты благую часть избрала. У тебя не будетъ болѣнъ и не умретъ твой мужъ: Небесный Женихъ твой безсмертенъ. Ты можешь имѣть дѣтей сколько угодно,—я разумѣю добрыя дѣла и молитвенные подвиги,—и дѣти твои никогда не будутъ тебя безпокоить, а напротивъ того, будутъ утѣшать и радовать,—онѣ никогда не будутъ больны и никогда не умрутъ, и не останутся безъ тебя сиротами: съ тобою пойдутъ во гробъ.—И такъ, другъ мой, старайся о умноженіи сихъ дѣтей твоихъ т. е. о умноженіи добрыхъ дѣлъ твоихъ и молитвенныхъ подвиговъ.—Конечно, ты не будешь иногда покойна отъ нападеній враговъ твоихъ: плоти, міра и діавола;—а развѣ живущія въ мірѣ дѣвушки, или женщины, даже замужнія, покойны отъ нихъ? развѣ эти враги не нападаютъ на нихъ? Нѣтъ, другъ мой, отъ нихъ нѣтъ нигдѣ покоя,—и если сказать правду, то въ монастырѣ скорѣе можно найти покой, чѣмъ гдѣ нибудь; тамъ если и возстанетъ на тебя иногда напр., плоть со своими страстями; то стоитъ только не полѣниться стать на молитву и воздѣть руки къ Распятому за насъ и Его Пречистой Матери—и все утихнетъ; а живя въ монастырѣ и въ келіи, молиться всегда можно. И такъ, счастливая моя Пашенька, живи, молись и благодари Бога за твою участь, какую тебѣ Онъ даровалъ.—Ты видишь теперь: Олинька [1]) была за мужемъ, была счастливая жена, ее любили родные; а теперь? теперь она вдова и сирота, а быть можетъ, и родные ея, которые ее любили и ласкали прежде, теперь перестанутъ любить и, пожалуй, какъ нибудь и разссорятся еще по имѣнію;—а тебѣ нечего дѣлить и не съ кѣмъ ссориться. Счастлива Олинька еще тѣмъ, что она опять сдѣлалась дочерью своей маменьки, Татьяны Борисовны и Александра Михайловича [2]), ея опекуна,—т. е. все равно, что отецъ;—а если бы не они, то къ кому бы прибѣгла Олинька? Слава и благодареніе Богу за все! Матушкѣ игуменьѣ скажи отъ меня поклонъ и благодарность за ея любовь и попеченіе о тебѣ и за ея письмо. Скажи, что я, хотя мнѣ это и не легко, буду писать графу Шереметеву, по ея желанію. Но за успѣхъ не

[1]) Ольга Ивановна Веніаминова слыла красавицею, была въ замужествѣ за сыномъ протопресвитера Музовскаго, духовника императора Николая Павловича.

[2]) Потемкины.

ручаюсь. Молитесь Богу. Это гораздо надежнѣе, и монастырь вашъ не оскудѣетъ и не опустѣетъ; а иначе, ежели и десять графовъ откажутъ свои всѣ капиталы вашему монастырю, —но если вы перестанете молиться, то не уцѣлѣть вашему монастырю. Прощай, моя милая, Господь съ тобою! Молись, молись и молись, —и спасешься ты сама, и спасешь многихъ, и мнѣ поможешь. Пиши ко мнѣ въ Якутскъ.»

18 августа преосвященный Иннокентій наконецъ выѣхалъ изъ Аяна въ Якутскъ на постоянное свое жительство, куда прибылъ 11-го сентября 1853 года, и вступилъ въ управленіе Якутскимъ второкласнымъ монастыремъ, занявъ себѣ помѣщеніе уже въ монастырѣ.

Областной городъ Якутскъ расположенъ на пространной равнинѣ, между двумя горными хребтами, при протокѣ рѣки Лены. Съ окрестныхъ горъ Якутскъ виднѣется за цѣлыхъ 25 верстъ и представляется городомъ большимъ и довольно красивымъ. Особенную красоту Якутску придаютъ монастырь и церкви деревянныя и каменныя. На юго-западномъ краю Якутска, близъ большой Иркутской улицы, красуется Свято-Троицкій соборъ, о пяти позолоченныхъ главахъ, съ такими же небольшими главами на двухъ алтаряхъ и на палаткѣ ризничной. Лѣтній соборный храмъ—древней архитектуры, и началомъ своимъ восходитъ ко временамъ покоренія Якутской области (1632 г.). Поодаль отъ собора, съ сѣверо-западной стороны, стоятъ порознь огромныя старинныя деревянныя башни. Числомъ ихъ пять; это—остатки древней Якутской крѣпости, построенной при покореніи самой области. (*Истор. Обозр. Сибири. Словцова. 1838 г. стр. 73*). Самый же замѣчательный предметъ въ Якутскѣ составляетъ Спасскій второклассный мужской монастырь. Онъ построенъ въ 1660 г.; но въ 1780 монастырь этотъ сгорѣлъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ келій, иконостаса, образовъ и церковной утвари, спасенныхъ во время пожара. Въ 1798 году учреждена въ немъ архимандрія, и перевезенъ сюда штатъ изъ Селенгинскаго Троицкаго монастыря. Монастырь находится на сѣверномъ краю города, на небольшой возвышенности, близъ малаго протока, идущаго къ монастырю изъ большаго протока; обнесенъ красивою каменною, безъ башенъ, оградою средней вышины, въ видѣ четыреугольника. Богослуженіе въ монастырѣ совершается здѣсь всегда съ наивозможною точностію, особенно по праздникамъ. Пѣніе бываетъ тихое, пріятное, заунывное, на старинный ладъ. По особенному церковному благолѣпію

и по торжественности богослуженія, Спасо-Якутская обитель возбуждаетъ и привлекаетъ къ себѣ полное благоговѣніе какъ Русскихъ, такъ и Якутовъ, собирающихся даже изъ дальнихъ улусовъ. По правую сторону монастырскихъ храмовъ, на южной сторонѣ, находится большая и красивая деревянная часовня, въ которой на горнемъ мѣстѣ очень замѣчательно вырѣзанное изъ дерева, почти въ полный ростъ человѣческій, изображеніе св. Николая чудотворца, сидящаго въ шелковомъ святительскомъ облаченіи, съ наперсными крестами. Посреди часовни, надъ перилами, на колоннахъ возвышается балдахинъ съ вырѣзаннымъ изображеніемъ Св. Духа, въ видѣ голубя, и съ разными св. иконами. Изъ иноковъ Спасской обители прославилъ себя благочестіемъ и святостію инокъ Іоаннъ Шаринъ, который въ мірѣ былъ тестемъ священника Іоанна Веніаминова, что нынѣ преосвященный Иннокентій, архіепископъ Камчатскій. *(Замѣтка о Якутскѣ и Якутахъ, Мормарисова.)*

О прибытіи своемъ въ Якутскъ преосвященный Иннокентій извѣщаетъ своего сына Гавріила Ивановича слѣдующимъ письмомъ (отъ 20 сентября 1858 г.): «Господь съ вами да пребудетъ вѣчно! Вчера пришла почта съ Аяна и привезла письма изъ Камчатки отъ Юліи Егоровны [1]), въ которомъ между прочимъ она пишетъ, что видѣла васъ въ Камчаткѣ.—Съ почтою пришло извѣстіе, что корабль «Николай» возвратился изъ Камчатки и вы остались на Амурѣ—все это такъ хорошо и слава Богу. Но вотъ что странно: я отъ васъ не получилъ письма никакого и ни одного. Что это значитъ? я писалъ отцу Ильѣ, чтобы онъ разрѣшилъ мнѣ это недоумѣніе, потому что нѣтъ писемъ и отъ нихъ.—О себѣ скажу вамъ, что я, отправясь изъ Аяна 18 августа, 11-го сентября пріѣхалъ въ Якутскъ. До Нельнана ѣхали шесть дней, по Маѣ плыли $4^1/_2$ дня, по Алдану $7^1/_2$; а остальное—до Якутска. На Алданѣ я простудился и получилъ кашель, который и до сей поры мучитъ меня; но надѣюсь, по милости Божіей, избавиться отъ него скоро. По прибытіи въ Якутскъ, я получилъ письмо отъ Иннокентія, [2]) а въ немъ и къ вамъ, которыя и посылаю къ вамъ, съ тѣмъ чтобы письмо на имя было ко мнѣ возвращено. Помѣщеніе

[1]) Завойко.

[2]) Старшій сынъ преосвященнаго.

для меня въ монастырѣ очень хорошее—тепло и сухо. Прощайте, Господь съ вами! Жду отъ васъ писемъ съ нетерпѣніемъ.» Принимая подъ свой пастырскій надзоръ и попеченіе Якутскую область, преосвященный Иннокентій съ свойственною ему любовію и настойчивостію принялся за просвѣщеніе страны, устрояя церкви и училища и переводя церковныя и священныя книги на мѣстный языкъ, дабы Якуты могли бы на своемъ природномъ нарѣчіи сознательно усвоить себѣ познаніе истинъ Евангельскаго ученія. О сихъ занятіяхъ преосвященнаго Иннокентія, по переводу Св. книгъ на Якутскій языкъ, вотъ что пишетъ знаменитый нашъ писатель, Ив. А. Гончаровъ, въ своемъ сочиненіи: «Фрегатъ Паллада» (*Изд. 3. Ч. 2. Спб. 1879 г. стр. 519—522)*: «....Преосвященный Иннокентій подвизается здѣсь на болѣе обширномъ поприщѣ, начальствуя паствой двухсотъ тысячъ Якутовъ, нѣсколько тысячъ Тунгусовъ и другихъ племенъ, раскиданныхъ на пространствѣ тысячъ трехъ верстъ въ длину и въ ширину области. Подъ его руководствомъ перелагается евангельское слово на ихъ скудное, неимѣющее права гражданства между нашими языками, нарѣчіе. Я случайно былъ въ комитетѣ, который собирается въ тишинѣ архипастырской келіи, занимаясь переводомъ Евангелія. Всѣ духовныя лица здѣсь знаютъ Якутскій языкъ. Переводъ вчернѣ уже конченъ. Когда я былъ въ комитетѣ, тамъ занимались окончательнымъ пересмотромъ Евангелія отъ Матѳея. Сличались греческій, славянскій и русскій тексты съ переводомъ на Якутскій языкъ. Каждое слово и выраженіе строго взвѣшивалось и повѣрялось всѣми членами. Почтенныхъ отцовъ нерѣдко затруднялъ недостатокъ словъ въ Якутскомъ языкѣ для выраженія многихъ не только нравственныхъ, но и вещественныхъ понятій, за неимѣніемъ самыхъ предметовъ. Напримѣръ, у Якутовъ нѣтъ слова плодъ,—потому что не существуетъ понятія. Подъ здѣшнимъ небомъ не родится ни одного плода, даже дикаго яблока: нѣчего было и назвать этимъ именемъ. Есть рябина, брусника, дикая смородина или, по здѣшнему, кислица, морошка—но то ягоды. Сами Якуты, затрудняясь названіемъ многихъ занесенныхъ Русскими предметовъ, называютъ ихъ русскими именами, которыя и вошли навсегда въ составъ Якутскаго языка. Такъ хлѣбъ они и называютъ хлѣбъ, потому что Русскіе научили ихъ ѣсть хлѣбъ,—и много другихъ, подобныхъ тому. Такъ поступилъ преосвященный Иннокентій

при переложеніи Евангелія на Алеутскій языкъ, такъ поступаютъ перелагатели Священнаго Писанія и на Якутскій языкъ. Впрочемъ, такъ же было поступлено и съ славянскимъ переложеніемъ Евангелія съ греческаго языка. Одинъ изъ миссіонеровъ, именно священникъ Хитровъ [1]), занимается, между прочимъ, составленіемъ грамматики Якутскаго языка, для руководства при обученіи Якутовъ грамотѣ. Она уже кончена. Вы видите, какое дѣло замышляется здѣсь. Я слышалъ, что всѣ планы и труды здѣшняго духовнаго начальства уже одобрены правительствомъ. Кромѣ Якутскаго языка, Евангеліе окончено переводомъ на Тунгусскій языкъ, который, говорятъ, сходенъ съ Манчжурскимъ, какъ Якутскій съ Татарскимъ. Составлена, какъ я слышалъ, и грамматика Тунгусскаго языка, все духовными лицами. Такъ какъ у Тунгусовъ нѣтъ грамоты и, слѣдовательно, грамотныхъ людей, то духовное начальство здѣшнее, для опыта, намѣрено разослать пока письменныя копіи съ перевода Евангелія въ кочевья Тунгусовъ, чтобы наши священники, знающіе Тунгусскій языкъ, чтеніемъ перевода распространяли между ними предварительно и постепенно истины вѣры, и приготовляли ихъ такимъ образомъ къ болѣе основательному познанію Священнаго Писанія, въ ожиданіи, когда распространится между ними знаніе грамоты и когда можно будетъ снабдить ихъ печатнымъ переводомъ». О трудности выговора Якутскаго языка г. Гончаровъ говоритъ: «Что̀ значатъ трудности Англійскаго выговора въ сравненіи съ этими звуками, въ произношеніи которыхъ участвуютъ не только горло, языкъ, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы! А какая грамматика! то падежъ впереди имени, то притяжательное мѣстоименіе слито съ именемъ и т. п. И все это преодолѣно»!

Изъ Якутска преосвященный Иннокентій посѣщалъ не одни берега Лены, но и проникалъ въ самую внутренность страны, и вслѣдствіе сего узналъ опытно религіозныя нужды здѣшней паствы; и то, что казалось несбыточнымъ, сбылось въ немного лѣтъ: число приходовъ увеличилъ въ нѣсколько разъ, возбудилъ въ Якутахъ стремленіе къ построенію храмовъ Божіихъ и часовень; болѣе или менѣе обезпечилъ бытъ духовенства жалованьемъ и ругой, построеніемъ церковныхъ домовъ и отводомъ мѣстъ; положилъ основаніе къ обезпеченію быта

---

[1]) Нынѣ Діонисій, епископъ Якутскій и Вилюйскій.

духовныхъ сиротъ, какъ отысканіемъ источниковъ, такъ и составленіемъ особеннаго устава попечительства для Якутска. *(Иркут. Епарх. Вѣд. 1870 г. № 19)*. Обремененный многоразличными заботами, преосвященный Иннокентій не забывалъ своего покровителя, митрополита Московскаго Филарета, и продолжалъ аккуратно доносить ему о дѣлахъ миссіонерскихъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Камчаткѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 26 сентября 1853 года, онъ сообщаетъ ему о слѣдующихъ миссіонерскихъ успѣхахъ въ Америкѣ: «Новосозидаемый или уже, можно и должно сказать, новосозданный храмъ въ Икогмютскомъ селеніи, на берегу рѣки Квихпака, благодареніе Господу, готовъ, благоукрашенъ и 22 декабря предпрошедшаго 1851 года освященъ,—въ честь и прославленіе креста Господня. Миссіонеръ не находитъ словъ къ выраженію своей радости и утѣшенія, какъ о создавшемся храмѣ, такъ и объ усердіи ко храму, являющемся въ новопросвѣщенныхъ чрезъ него туземцахъ, которыхъ при освященіи было очень много изъ многихъ и даже отдаленныхъ селеній, и которые находятъ и нужду и утѣшеніе посѣщать домъ Божій, какъ они называютъ его. Слава и благодареніе Господу, даровавшему такую милость краю; искренняя благодарность отъ меня и отъ новыхъ чадъ Церкви и вамъ, давшему помощь къ созданію сего храма! Къ лѣту 1852 года работы по церкви были кончены почти уже совсѣмъ; даже устроена вокругъ церкви ограда. Остается сдѣлать немного къ полному устройству. Работники, строившіе сію церковь, были Алеуты изъ Уналашки,—всего четыре человѣка, которые, можно сказать, съ необыкновенною ревностію и усердіемъ исполняли свое дѣло и, какъ пишетъ миссіонеръ, очень рады и довольны, что Богъ привелъ ихъ послужить Ему симъ. (Одинъ изъ нихъ располагаетъ остаться навсегда при семъ храмѣ при какой нибудь должности). Но миссіонеръ присовокупляетъ къ тому, что ежели бы двое причетниковъ его не работали при церкви наравнѣ съ работниками и даже съ большимъ усердіемъ и умѣньемъ; то церковь еще не была бы готова. А я долженъ прибавить къ этому, что ежели бы самъ миссіонеръ не имѣлъ усердія и умѣнья, то долго бы еще не было тамъ храма. Но теперь, благодаря его тщанію и трудамъ, вотъ уже скоро два года, какъ храмъ готовъ и его собственными трудами украшенъ очень благолѣпно, а по тамошнему краю и народу даже очень великолѣпно. Царскія двери съ сіяніемъ и рамы у

иконъ рѣзныя, а также частію и карнизы у иконостаса. Первыя позолочены листовымъ золотомъ, а послѣдніе серебромъ; стѣны алтаря къ освященію были оклеены обоями, а теперь, вѣроятно, и всѣ стѣны церкви также украшены, и все, что можно, выкрашено; ибо еще лѣтомъ 1852 года посланы къ миссіонеру краски, обои и проч. Послѣ устроенія храма, миссіонеръ хотѣлъ выстроить для себя новый домъ, съ тѣмъ, чтобы старый обратить подъ училище, о заведеніи коего онъ очень заботится.

Въ концѣ лѣта и осенью 1851 года, въ тамошней сторонѣ было повальное повѣтріе кашля, отъ коего много, какъ слышно, померло людей на устьяхъ рѣкъ Кускоквима и другихъ, гдѣ еще миссіонеръ никогда не бывалъ; изъ новопросвѣщенныхъ же туземцевъ, также страдавшихъ сею болѣзнію, сколько извѣстно, померло не болѣе 30 человѣкъ.

Относительно утвержденія въ вѣрѣ и благочестіи новопросвѣщенныхъ, миссіонеръ говоритъ то же, что и прошедшаго года: то есть, тамъ видны успѣхи, гдѣ онъ болѣе имѣетъ случаевъ быть, и въ особенности, гдѣ находится церковь. Сіи послѣдніе охотно собираются въ церковь на молитву, не тяготятся продолжительностію службъ и со вниманіемъ слушаютъ предлагаемыя поученія, и при исполненіи обязанности очищенія совѣсти, исполняя это еще въ первый, въ неподвижномъ храмѣ, разъ, они показали особенное усердіе; и кромѣ того, въ послѣдніе дни поста, они по своей охотѣ приходили вь церковь и выстаивали всю службу. Въ усердіи къ посѣщенію храма не уступаютъ имъ жители и другихъ селеній. Въ послѣдніе дни поста и въ первый день Пасхи церковь была полна народомъ. Такое же усердіе къ молитвѣ и слушанію поученій показывали и жители рѣки Кускоквима, во время путешествія миссіонера въ Колмаковскую одиночку, изъ коихъ многіе пріѣзжали для этого къ часовнѣ. Но въ другихъ мѣстахъ, гдѣ не бываетъ миссіонеръ, «очевидно мало, или быть можетъ, говоритъ онъ, и совсѣмъ нѣтъ признаковъ возрастанія въ христіанской вѣрѣ между крещенными. Ибо во время бывшаго повѣтрія нѣкоторые, даже изъ тѣхъ, кои постояннѣе назидаются, поколебались въ вѣрѣ, тайно прибѣгая къ шаманамъ, коихъ повсюду еще много и посредствомъ коихъ духъ злобы не перестаетъ еще бороться съ христіанствомъ.» Почему миссіонеръ, будучи извѣщенъ о колеблющихся, при собесѣдованіяхъ съ новопросвѣщенными и особенно

во время поста при говѣніи, много и часто говорилъ касательно сего предмета. Но въ то же время и то же повѣтріе показало, что между ними есть такіе, которые съ твердостію исповѣдуютъ вѣру во Іисуса Христа и не стыдятся говорить о Немъ и между самими язычниками. Миссіонеръ особенно указываетъ на двоихъ: Павла, заказчика Икогмютскаго селенія и Максима, жителя рѣки Кускоквима. Первый изъ нихъ, во время эпидеміи, совѣтовавшимъ ему прибѣгнуть къ шаманамъ отвѣчалъ рѣшительно: «Не говорите мнѣ объ этомъ; пусть лучше я умру, надѣясь на Бога, но никогда не предамся шаманамъ и не послушаю ихъ». Очень замѣчательны также слова одной старухи, мирно и спокойно скончавшейся чрезъ три дня послѣ ея напутствія: «молись Богу обо мнѣ, сказала она миссіонеру, и о спасеніи моемъ: такъ если Богъ не дастъ мнѣ здоровья здѣсь, то принялъ бы мою душу и спасъ меня».

Обстоятельства и, въ особенности, бывшее повѣтріе не позволили миссіонеру въ лѣтнее время дѣлать путешествія для проповѣди слова Божія: и потому, съ іюля 1851-го года по январь 1852 года язычниковъ никого не окрещено. Въ началѣ же 1852-го года, во время обыкновенной поѣздки его на рѣку Кускоквимъ, присоединилось къ церкви 46 душъ обоего пола, которые сами пріѣхали для этого къ часовнѣ. Въ теченіи марта окрестилось въ самой миссіи 24 человѣка разныхъ племенъ, въ числѣ коихъ 12 человѣкъ Инколитовъ, горныхъ жителей, кои очень издалека пріѣзжали для этого. Они сначала пріѣхали въ селеніе на рѣкѣ Чагелюкъ и тамъ ждали миссіонера; но узнавъ, что онъ туда не будетъ, рѣшились ѣхать еще далѣе—въ самую миссію. Въ Чагелюкское селеніе съ ними пріѣзжали еще нѣсколько человѣкъ ихъ собратій, и съ тѣмъ же намѣреніемъ; но тѣ возвратились домой. «Таковые и подобные случаи, говоритъ миссіонеръ, бывающіе почти каждогодно, подаютъ надежду, что много есть желающихъ принять христіанскую вѣру». Но, какъ я говорилъ уже объ этомъ многократно, миссіонеръ, будучи одинъ и часто бывая нездоровъ, не имѣлъ возможности быть вездѣ, гдѣ было нужно и гдѣ бы хотѣлось ему. Въ настоящее же время, когда посланъ ему помощникъ (іеромонахъ Гавріилъ), прибывшій нынѣ вокругъ свѣта, можно надѣяться, что при содѣйствіи благодати Божіей, и число обращенныхъ будетъ увеличиваться, и новообращенные, чаще или рѣже, но всѣ будутъ видѣть священника и слышать отъ него поученія.

О Кенайской миссіи.—Кенайская миссія, по милости Божіей, какъ донесъ мнѣ миссіонеръ игуменъ Николай, бывшій прошедшей осени въ Ситхѣ, во всѣхъ отношеніяхъ находится въ мирѣ, и между новопросвѣщенными не оскудѣваетъ прежній духъ благочестія и нравственности. Миссіонеръ, по возвращеніи изъ Нушегака, въ свое время посѣщалъ всѣ селенія Кенайцевъ, исправляя требы и поучая ихъ прежнимъ порядкомъ. Нынѣшняго лѣта 1853 г., онъ намѣревался, если только позволятъ обстоятельства, ѣхать на Мѣдную рѣку и подняться по ней вверхъ далѣе,—гдѣ еще не бывало священника.

О Нушегакской миссіи.—Нушегакская миссія и церковь, по отбытіи изъ оной, въ іюнѣ 1851 года, завѣдывавшаго оною миссіонера Николая, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ тамошняго дьячка Шишкина, въ духовномъ отношеніи остается въ прежнемъ удовлетворительномъ состояніи. Но съ другой стороны, отъ повѣтрія кашлемъ (то же, что и въ предѣлахъ Квихпакской миссіи), какъ слышно, стало много умирать людей. Новоприбывшій для сей миссіи нынѣ, на кораблѣ «Николай», іеромонахъ Ѳеофилъ, можно полагать, достигнетъ мѣста своего назначенія не позже послѣднихъ дней августа сего же года.

О Колошахъ.—Протоіерей Петръ Литвинцевъ, занимающійся назиданіемъ и обращеніемъ Колошъ, сосѣдей нашихъ, доноситъ слѣдующее: «Мнѣ не случалось еще ни однажды встрѣтить отъ нихъ противленія Евангельскому ученію, которое они выслушиваютъ внимательно и терпѣливо и за тѣмъ легко соглашаются на принятіе св. крещенія, большею частію вызываясь къ тому сами, безъ всякихъ видовъ на какую-либо внѣшнюю выгоду, ни со стороны крестителей, ни со стороны собратій своихъ, и нерѣдко даже терпятъ разныя, большія или меньшія, обиды отъ многихъ изъ своихъ собратій, некрещенныхъ. Исполненіе христіанскихъ обязанностей, какъ-то: хожденіе въ церковь, очищеніе совѣсти, св. причащеніе, напутствованіе предъ смертію св. Тайнами, погребеніе умершихъ,—они сами собою безъ всякихъ побужденій соблюдаютъ; даже былъ примѣръ, что одинъ другому простилъ обиду, что между некрещенными, можно сказать, невозможность. Есть Колоши—христіане, которые, не смотря на требованія и побужденія кухквантановъ (воиновъ, и потому имѣющихъ сильный голосъ) и шамановъ къ ссорамъ и смутамъ, противятся тому и совѣтовъ ихъ не

слушаютъ и не исполняютъ. Въ послѣднее время замѣчательно какое-то, если такъ можно сказать, разслабленіе и въ самихъ шаманахъ, изъ коихъ двое даже оставили свой промыселъ, продавъ все свое шаманское одѣяніе (чѣмъ они весьма дорожатъ), а одинъ остригъ даже и волосы на головѣ. Въ прошедшемъ году совершенное ими на своемъ селеніи убійство Стахинцевъ весьма много подѣйствовало на безвинныхъ; разнорѣчія о пользѣ и вредѣ,—по ихъ понятіямъ,—совершеннаго ими дѣла, продолжаются между ними и доселѣ. Но примѣрно лучше и въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, и въ церковномъ послушаніи—женщины Колошенскія, которыя и дѣтей своихъ пріучаютъ къ тому же и очень нерѣдко уговариваютъ своихъ мужей. Вообще же должно сказать, что крещенные Колоши, въ отношеніи религіозномъ, состоятъ уже не совсѣмъ въ младенчествѣ; и если бы потребовались тому доказательства,—ихъ очень не мало.

Служба въ церкви ихъ бываетъ, по прежнему, въ каждое воскресеніе и большой праздникъ, съ чтеніемъ и пѣніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ на ихъ языкѣ. Изученіемъ языка ихъ занимается одинъ изъ учениковъ семинаріи послѣдняго класса, который уже свободно объясняется съ ними о вещахъ даже отвлеченныхъ. Для окончательнаго же изученія языка и для перевода на ихъ языкъ какихъ-либо книгъ, онъ оставленъ еще въ числѣ учениковъ семинаріи,—уже кончивши курсъ. О дѣйствіяхъ Анадырскаго священника по части обращенія Чукочъ, и Гижигинскаго миссіонера, священника Льва Попова, свѣдѣній еще не получено.

Въ заключеніе сего могу сказать только еще то, что въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, число обращенныхъ изъ язычниковъ, по всѣмъ миссіямъ, составляетъ 964 души обоего пола, исключая родившихся отъ новообращенныхъ. *(Прибавл. къ изд. Твор. св. Отцевъ, 1853 г. XII, стр. 647—654).*

Въ концѣ 1853 г. у преосвященнаго Иннокентія скончалась дочь Ольга. По поводу этой семейной утраты, преосвященный писалъ къ другой своей дочери, монахинѣ (отъ 3 ноября 1853): «Давно уже я не получалъ отъ тебя писемъ, ни извѣстія о тебѣ. Татьяна Борисовна въ августѣ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Святогорскъ, увѣдомляла меня, что она заѣдетъ къ тебѣ. Олиньки нашей не стало. Радуюсь и благодарю Бога за то, что онъ даровалъ ей такую кончину, какъ описываетъ мнѣ Татьяна Борисовна. Дай Господи всѣмъ намъ та-

кой кончины. Изъ письма Т. Б. Потемкиной я вижу, что покойная Олинька отказала тебѣ 1000 р. сер. Значитъ, ты теперь богаче меня: у меня столько нѣтъ денегъ, сколько у тебя; по моему счету, у тебя теперь съ моими деньгами болѣе 2500 р. сер. Куда тебѣ столько денегъ? а между тѣмъ сестра твоя Катя обременена семействомъ и мужъ ея нездоровъ, а денегъ у него нѣтъ, и у ней мало,— въ случаѣ вдовства ея, она будетъ въ крайней нуждѣ. Я бы совѣтовалъ тебѣ, пока ты еще вольна въ своихъ деньгахъ, тѣ деньги, которыя тебѣ дала Олинька, раздѣлить Катѣ и Иннокентію (Гаврила, слава Богу, не нуждается): половину отдать Катѣ, а другую Иннокентію. И ежели ты изволишь такъ сдѣлать, то назначенныя тобою деньги Катѣ—попроси Татьяну Борисовну передать въ Главное Правленіе Американской Компаніи, для пріобщенія къ кредиту Екатерины Пѣтелиной; а также поступить и съ деньгами, какія ты благоволишь дать Иннокентію, твоему брату. Только деньги сіи надобно приписать къ деньгамъ, принадлежащимъ Гавріилу Веніаминову, на попеченіе котораго я отдаю и брата его Иннокентія и жену его. Иннокентію дать деньги въ руки опасно. Онъ ихъ истратитъ даромъ и, пожалуй, еще и со вредомъ себѣ, а Гаврила будетъ выдавать ему по временамъ на его нужды. И я самъ такъ же сдѣлаю, т. е. деньги, назначенныя мною Иннокентію, отдамъ Гавріилу. Ужели ты не исполнишь этого моего совѣта? Не думаю. Если ты хочешь быть истинною монахинею; то тебѣ 70 или 80 рублей дѣвать некуда. Впрочемъ, дѣлай какъ знаешь,— только отвѣть мнѣ на это письмо. Теперь мы можемъ переписываться, когда угодно. Ибо я живу теперь въ Якутскѣ, и буду жить не менѣе двухъ годовъ.

Матушкѣ игуменьѣ вашей отъ меня поклонъ и благословеніе. По просьбѣ ея, я писалъ графу Шереметеву. Не знаю, что будетъ; отвѣтъ отъ него я могу получить не ранѣе марта. Я, слава Богу, здоровъ. Ганя и его жена теперь живутъ на Амурѣ. Изъ Аяна отъ Кати, сестры твоей, жду письма на дняхъ. Прощай! Господь съ тобою».

XX

Наступившій 1854-й годъ весьма памятенъ въ исторіи при-Амурскаго края.

«Изъ изслѣдованій, произведенныхъ Амурскою экспедиціею», говоритъ г. Невельскій *(Подвиги Русск. морск. офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи, 1849—55 г., стр. 327)*, «правительство впервые признало неправильность принимаемой имъ доселѣ границы нашей съ Китаемъ и тѣмъ сознало, что рѣка Амуръ должна принадлежать не Китаю, какъ до этого оно было твердо убѣждено, а Россіи. Итакъ, возбужденный и разрѣшенный Амурскою экспедиціею пограничный вопросъ не остался безслѣднымъ; разрѣшеніе его и составляло одну изъ главныхъ миссій Амурской экспедиціи». Въ этой-то экспедиціи подвизался, какъ мы уже сказали выше, доблестный ученикъ преосвященнаго Иннокентія, Гавріилъ Ивановичъ Веніаминовъ, и за оказанныя имъ услуги при сей миссіи въ просвѣщеніи Гольдовъ свѣтомъ Евангельскаго ученія, награжденъ былъ камилавкою. «По прибытіи Н. Н. Муравьева изъ-за границы въ С.-Петербургъ», продолжаетъ далѣе г. Невельскій, «особый комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію его предположенія относительно сплава по Амуру и, послѣ различныхъ соображеній и преній, рѣшено было въ комитетѣ: плыть по рѣкѣ Амуръ. Государь Императоръ, утвердивъ это рѣшеніе, изволилъ лично прибавить Муравьеву: «чтобы при этомъ не пахло пороховымъ дымомъ». Послѣ этого, Н. Н. Муравьевъ тотчасъ же отправилъ М. С. Корсакова въ Иркутскъ курьеромъ, съ порученіемъ ускорить распоря-

женія по Амурскому сплаву. Вслѣдъ за отъѣздомъ Корсакова, въ февралѣ 1854 года, Николай Николаевичъ выѣхалъ изъ Петербурга и еще по льду переѣхалъ озеро Байкалъ. Вся Сибирь встрепенулась при вѣсти объ открытіи плаванія по Амуру, котораго она ожидала болѣе 160 лѣтъ».

Одновременно же съ симъ, преосвященный Иннокентій, какъ видно изъ слѣдующаго письма его (отъ 29 апрѣля 1854 года) къ митрополиту Филарету, совершилъ путешествіе по Якутской области, для обозрѣнія тамошнихъ церквей: «Съ 9 января по 26 февраля,» пишетъ онъ, «я путешествовалъ по Якутской области, для обозрѣнія церквей. Усердіемъ Якутовъ ко мнѣ и, можно сказать, пламеннымъ желаніемъ видѣть меня, для того чтобы принять благословеніе чрезъ меня, я чрезвычайно утѣшался. Доказательствомъ первому служитъ то, что они болѣе чѣмъ на 300 верстъ разчистили дорогу для проѣзда моего, а послѣднему—то, что они задолго и изъ неблизкихъ мѣстъ собирались на тѣ станціи, гдѣ я долженъ былъ останавливаться для перемѣны лошадей, и именно для того, чтобы принять мое благословеніе, и принявъ оное, крестились и благодарили Бога за то.» *(Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ ч. XV, 1856 г.)*

По окончаніи сего путешествія, преосвященный Иннокентій, изъ Якутска чрезъ Иркутскъ, пролагалъ себѣ и православной вѣрѣ путь на присоединяемый Амуръ—къ сидящимъ тамъ во тьмѣ язычества. «25 марта 1854 года,» пишетъ протоіерей П. В. Громовъ *(Иркут. Епарх. Вѣдом. 1879 года № 31)*, «Господь сподобилъ меня сослужить съ преосвященнымъ Иннокентіемъ въ Иркутской Благовѣщенской церкви. Затѣмъ 11 апрѣля, въ св. Пасху, я сослужилъ ему и новоприбывшему Иркутскому Аѳанасію въ каѳедральномъ соборѣ, причемъ памятно то, что преосвященный Иннокентій читалъ за литургіею евангеліе на Алеутскомъ языкѣ. Въ это время въ Иркутскѣ находились три архіепископа: Нилъ, назначенный къ переводу въ Ярославль, Аѳанасій, прибывшій на мѣсто Нила, и гость—Иннокентій Камчатскій. Памятна острота преосвященнаго Нила по этому поводу, за обѣдомъ у Иркутскаго головы Петра Осиповича Катышевцева: «вотъ, мы трое сидимъ рука объ руку, а представляемъ собою три части свѣта: я—Европу, преосв. Аѳанасій—Азію и преосвященный Иннокентій Америку.» 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя Наслѣдника Александра Никола-

евича (нынѣ въ Бозѣ почившаго, мученически убіеннаго Государя Императора), преосвященный Иннокентій совершалъ молебствіе въ Иркутскомъ каѳедральномъ соборѣ, при сослуженіи съ Иркутскимъ преосвященнымъ Аѳанасіемъ. 18 апрѣля преосвященный Иннокентій совершалъ литургію въ Воскресенской церкви, въ храмовой ея праздникъ, а 23 апрѣля въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, и наконецъ 25 апрѣля, въ недѣлю Мvроносицъ, я сослужилъ преосвященному Иннокентію въ кладбищенской церкви, причемъ онъ творилъ поминовеніе о своихъ присныхъ, здѣ лежащихъ, и послѣ литургіи пѣли мы панихиду надъ отмѣченною памятникомъ могилою его супруги Екатерины. А 27-го же апрѣля,—заключаетъ протоіерей Громовъ,—онъ направилъ шествіе на Амуръ и оставилъ мнѣ на память дорогой на гагачьемъ пуху подрясникъ, въ которомъ до днѣсь смѣло выхожу на встрѣчу сибирскимъ морозамъ.»

На сей разъ, въ дѣлѣ проповѣди на Амурѣ ближайшимъ помощникомъ преосвященнаго Иннокентія былъ сынъ его, отецъ Гавріилъ Веніаминовъ, который усердно занимался обращеніемъ Гольдовъ къ вѣрѣ Христовой. Къ нему-то пріѣхалъ преосвященный Иннокентій въ Николаевскъ, откуда вмѣстѣ съ нимъ обозрѣвалъ нѣкоторыя мѣстности, тѣмъ провѣряя миссіонерскую дѣятельность сына, и убѣдившись, что Гольды, Мангуны, Нейдальцы и другія племена мало по малу начинаютъ уже склоняться къ проповѣди Христовой, съ спокойнымъ духомъ отправился обратно въ Якутскъ. Здѣсь онъ былъ обрадованъ извѣстіемъ, что сплавъ по Амуру совершился 7-го мая 1854 года. О семъ сплавѣ по Амуру, которымъ такъ сильно былъ заинтересованъ преосвященный Иннокентій, мы считаемъ не безъинтереснымъ привести здѣсь извлеченія изъ описанія Н. Д. Свербеева, сопутствовавшаго Н. Н. Муравьеву въ качествѣ дипломатическаго чиновника *(Описаніе плаванія по р. Амуру, экспед. ген.-губ. восточн. Сибири. Н. Свербеева. Стр. 24—27.)* «7-го мая 1854 года», пишетъ г. Свербеевъ, «генералъ-губернаторъ восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Шилкинскій заводъ и сталъ лагеремъ на противоположномъ берегу. Берега Шилки оживились. На самой срединѣ рѣки стоялъ на якорѣ «Аргунь», пароходъ въ 60 силъ; корпусъ его построенъ былъ на Шилкинскомъ заводѣ, а машина—на Петровскомъ заводѣ въ Сибири. У лѣваго берега рѣки тянулись баржи, плошкоуты и плоты, нагруженные хлѣбомъ, мясомъ, виномъ и множествомъ другихъ припасовъ, необхо-

димыхъ для дальняго плаванія. Первому времени лагерной стоянки не благопріятствовала погода: дулъ свѣжій вѣтеръ, лилъ дождь, небо было пасмурное и бараки слабо защищали людей отъ холода и мокроты. Но вскорѣ погода прояснилась, весеннее солнце выглянуло изъ-за дождевыхъ тучъ и вѣтеръ стихъ. 14 мая, рано утромъ, отданъ былъ по лагерю приказъ выступить въ путешествіе послѣ полудня. День былъ чудный: солнце ярко освѣщало берега Шилки; и хребты, и долины, озаренные его свѣтомъ, казалось, радовались тому, что происходило на рѣкѣ. Около 4 часовъ пробили тревогу. Изъ лагеря вышелъ генералъ-губернаторъ со своей свитой, и всѣ мы двинулись къ берегу. Здѣсь на полянѣ стоялъ небольшой столъ, покрытый скатертью; на немъ—икона Божіей Матери (изъ Албазина), которою мѣстный священникъ благословилъ насъ. Изъ-за рѣки, изъ церкви Шилкинскаго завода, понесли хоругви и иконы; за ними шелъ освященный соборъ и клиръ; раздался благовѣстъ съ колокольни. Святое шествіе перешло въ лодку, чтобы переплыть къ лагерному мѣсту, и тихо понеслось по рѣкѣ его молитвенное пѣніе. Хоругви осѣнили лагерный берегъ, всѣ сняли шапки, замолкли сборы и говоръ, и дьяконъ обычнымъ порядкомъ началъ служеніе. О плавающихъ возносилось моленіе Господу о ниспосланіи свыше благословенія. Молитва кончилась; генеральская лодка подняла на мачтѣ флагъ. Всѣ стали по лодкамъ, скомандовали отвалъ. Впереди всѣхъ понеслась лодка генерала, а за нею всѣ прочія суда. Запестрѣлись передъ нами берега Шилки, оглушаемыя громкими криками «ура» съ берега и рѣки и плесками веселъ. Великолѣпна была Шилка въ эту свѣтлую минуту, гордо катились воды ея: ей, казалось, нравилась, полюбилась свѣжая флотилія, которая неслась передъ ея берегами къ свѣжему дѣлу. Заводская пушка привѣтствовала нашу флотилію, горныя пади вторили ей, и все населеніе Шилки кидало шапки на воздухъ при крикѣ «ура». Это было восторженное, единодушное, радостное привѣтствіе,—предзнаменованіе благаго исхода новому пути! По излучинѣ рѣки въ этомъ мѣстѣ на двѣ слишкомъ версты растянулась флотилія. Впереди ея открывала плаваніе высокая мачта съ генеральскимъ флагомъ; за ней, перегоняя другъ друга, неслись три офицерскія лодки, а за ними цѣлой массой слѣдовали баржи, плоты и плашкоуты. Рѣка плещетъ подъ ударами веселъ, дымятся на носахъ огоньки, музыка играетъ. Береговые утесы, высящіеся надъ причудливыми изгибами

Шилки, окаймляютъ эту живую сцену; солнце освѣщаетъ вершины ихъ, и подъ яркими лучами его блещетъ вода и зеленѣютъ рощи, лѣса и луга первымъ разцвѣтомъ весеннимъ! Но вотъ вечерѣетъ. Вѣтка примчала курьера изъ Иркутска. Вельботъ шмыгаетъ по рѣкѣ къ лодкамъ съ письмами, протягиваются руки получателей. Флотилія несется впередъ. Смотрите: влѣво, на берегу, дома, избы, народъ. Осьмой часъ вечера; солнце скрывается за вершинами горъ. Голосъ съ первой лодки командуетъ на привалъ: «давай влѣво,» «стой! тяжелыя суда къ правому берегу»! Въ 18 верстахъ отъ Шилкинскаго завода находятся складочные магазины Усть-Карійскіе, новаго золотаго казеннаго промысла, подвѣдомственнаго Нерчинскому горному начальству. На этой Усть-Карійской равнинѣ былъ первый ночной привалъ экспедиціи. На зеленомъ лугу разостлали коверъ съ скатертью, около котораго расположился генералъ съ штабомъ для походнаго ужина; заиграла музыка трубачей. За этимъ ужиномъ лучшее блюдо была огромная бѣлуга—гостья съ Амура, заплывшая въ нашу Шилку. Когда совсѣмъ уже стемнѣло, засвѣтились огоньки на лѣвомъ и правомъ берегахъ, задымились солдатскіе котлы—и денная суета, шумъ и хлопоты уступили мѣсто тишинѣ, изрѣдка прерываемой окликомъ часоваго. Не забуду я этой чудной, майской ночи, Усть—Карійскаго привала и цѣлаго этого дня, столь полнаго радостными впечатлѣніями, столь увлекательнаго ожиданіемъ дальнѣйшаго плаванія по краю неизвѣстному, о которомъ такъ много толковали въ Сибири и котораго, между тѣмъ, никто не видалъ въ очію.»

Независимо отъ проповѣди слова Божія, преосвященный Иннокентій постоянно стремился къ созиданію и благоукрашенію храмовъ. Такъ, проживая на этотъ разъ въ Якутскѣ, онъ принялся за стройку и поправку зданій, принадлежащихъ къ монастырю, и благодаря его попеченію и старанію, была перекрыта деревянная Вознесенская церковь, исправлялся братственный корпусъ для помѣщенія шести человѣкъ, вновь строилась трапеза для братіи съ кухнею, каменная кузница, два деревянныхъ амбара, завозни для экипажей, перенесенъ пожертвованный инородцемъ Пономаревымъ деревянный домъ для жительства намѣстника съ казначеемъ и проч. И все это производилось подъ личнымъ наблюденіемъ владыки и по его собственноручнымъ чертежамъ. *(Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 39)*. Кромѣ сихъ занятій, пре-

освященный Иннокентій продолжалъ заниматься переводами св. книгъ на Якутскій языкъ, которые хотя были уже и окончены, но не пересмотрѣны; для пересмотра ихъ онъ посвятилъ два дня въ недѣлю, по вечерамъ, и наконецъ неустанно слѣдилъ за исполненіемъ служебныхъ обязанностей своего сына, отца Гавріила, на Амурѣ и въ то же время руководилъ его даже въ составленіи служебныхъ журналовъ, какъ мы видимъ изъ приводимаго письма его изъ Якутска *(отъ 10 іюля 1854 года)*: «Истинно порадовался я, прочитавъ твой журналъ, и благодарилъ и благодарю Господа, хранившаго и хранящаго тебя во всѣхъ путяхъ твоихъ, и молю Его, да не попуститъ онъ ослабѣть на пути твоемъ. Журналъ твой я отправлю къ тебѣ обратно съ моими замѣтками. Поправокъ же и исправленій значительныхъ въ немъ нѣтъ. Теперь я не имѣю времени писать тебѣ много, и это пишу для того, что ты, быть можетъ, теперь находишься въ Аянѣ и потому не хочу оставить тебя безъ письма, хоть краткаго. Я, слава Богу, пока совершенно здоровъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ Николая Николаевича, и съ нимъ—рѣшенія объ Амурѣ; и если все вышло по предположенію и ожиданію его, то, Богъ дастъ, на будущее лѣто я побываю у васъ. Прощай, Господь съ тобою! На будущей почтѣ напишу болѣе. P. S. Гг. Бачманову, Орлову и прочимъ мой поклонъ.» Въ другомъ письмѣ, 20 октября 1854 года, мы читаемъ: «Съ нетерпѣніемъ жду я отъ тебя письма. Но въ то же время думается мнѣ, что ты не успѣлъ возвратиться изъ твоего апостольскаго путешествія ко времени отхода послѣдняго судна. Это рѣшится не ранѣе, какъ по приходѣ Аянской почты отъ 5 октября,—она, вѣроятно, за Леною, которая еще не стала. На послѣднее твое письмо я отвѣчалъ тебѣ; и потому не знаю, что тебѣ писать. Новости политическія ты узнаешь оффиціально и по газетамъ, которыя, вѣроятно, вы получаете. Журналовъ твоихъ я во второй разъ еще не читалъ,—не удается—и потому не могу возвратить ихъ тебѣ. У насъ теперь новость только одна: начался пересмотръ переводовъ на Якутскій языкъ св. книгъ, и это дѣлается, по вечерамъ, у меня въ домѣ, 2 раза въ недѣлю. Еще устраиваю свою квартиру; еще достроиваю корпусъ для монаховъ, гдѣ будетъ 6 келій очень хорошихъ и еще—Гаврило [1]) мой толстѣетъ

---

[1]) Келейникъ преосвященнаго Иннокентія.

и жирѣетъ, и столяритъ; но нравственно тотъ же. Вотъ тебѣ и всѣ новости. Ты спрашиваешь о твоихъ сигарахъ; вотъ тебѣ отвѣтъ и отчетъ. Гаврило говоритъ, что твоихъ сигаръ было всего двѣ тысячи: за сигары получено 105 р. сер.; больше получить было нельзя, ни здѣсь, ни въ Иркутскѣ. Изъ нихъ употреблено: въ Томскъ брату 50 р., на пересылку 76 коп.; дѣвицѣ Марьѣ Поповой за подорожную 8 р. 44 коп., на прогоны 22 р., чаю, сахару и провизіи отъ Якутска до Аяна 9 р. 22 коп., итого 90 р. 42 коп. Чаю $3^1/_2$ ф., сахару 5 ф., сухарей 25 ф. Остальныя деньги, 14 р. 58 коп., за мною: куда прикажешь, туда и будутъ употреблены. Затѣмъ призывая благословеніе Божіе на тебя, на твою подругу, на твоего сына, дочь и на всѣхъ ввѣренныхъ тебѣ....»

Вскорѣ послѣ отправленія этого письма, преосвященный Иннокентій былъ обрадованъ письмомъ своего друга, Николая Дмитріевича Свербеева, которымъ онъ извѣщалъ владыку объ Амурскихъ дѣлахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прислалъ ему свой портретъ. Въ отвѣтъ на это письмо преосвященный Иннокентій пишетъ ему (отъ 17 ноября 1854 года) слѣдующее: «Примите отъ меня искреннюю благодарность за ваше письмо ко мнѣ отъ 23 октября и въ особенности за подарокъ. Многіе уже видѣли портретъ, вами посланный, и не могутъ надивиться, какъ похожъ на подлинникъ,—разумѣются непонимающіе еще, что такое фотографія. Заказана уже великолѣпная, по здѣшнему, рама, и тогда всѣ посѣщающіе меня увидятъ и будутъ видѣть. За сообщеніе новостей очень благодарю васъ. Слышалъ я кое-что и прежде вашего письма, но многое не такъ. Не знаю, пишутъ ли вамъ о нашихъ новостяхъ, и такъ ли пишутъ, какъ есть. Въ администраціи нашей, слава Богу, пока очень хорошо, и за младшихъ я ручаюсь, что они сдержатъ свое слово, данное мнѣ. Убійство совершившіе открыты, только самый главный—Прокопьевъ казакъ—не сознается.—Спасибо Канстантину Никифоровичу за то, что онъ Кутузову поручилъ это дѣло. Но при всемъ томъ, мы съ нетерпѣньемъ ждемъ чиновника изъ Иркутска для окончательнаго изслѣдованія,—я говорю: мы, т. е. я и всѣ жители, кромѣ казаковъ. Замѣчательны отвѣты здѣшнихъ горожанъ, когда я имъ говорилъ: ну, слава Богу, виновные открыты! Они прехладнокровно говорятъ: да если это дѣло не замнутъ, то оно многихъ заденетъ. На вопросъ, что это значитъ? отвѣчаютъ: Не въ первый уже разъ открываютъ здѣсь во-

ровства, но смотришь, посмотришь — дѣло совсѣмъ не такъ кончится, какъ можно было ожидать: всѣ и вокругъ родня, а свой своему по неволѣ другъ. Общее желаніе всѣхъ—часть здѣшнихъ казаковъ и ихъ офицеровъ вывести, и прислать на мѣсто ихъ новыхъ; а иначе—опять все будетъ также, какъ было. И мнѣ то же кажется. Чудакъ Хмѣлевскій сталъ садиться въ повозку, чтобы ѣхать въ Гижигу, и спохватился, что у него нѣтъ жены; остановился, обвѣнчался и сѣлъ и уѣхалъ. Такой нечаянной и скорой свадьбы здѣсь, кажется, не бывало. При семъ прилагаю вамъ такъ называемый мой портретъ, снятый съ меня въ 1841 г.; онъ, по крайней мѣрѣ, замѣчателенъ тѣмъ, что Англичане его сдѣлали безъ всякой съ моей стороны просьбы. Я посылаю его на пробу: если онъ будетъ потребенъ, то я пришлю вамъ, а если не потребенъ—то можете дѣвать куда угодно. Потрудитесь показать и Бернгарду Васильевичу. Въ октябрѣ принялись мы за повѣрку Якутскихъ переводовъ, въ особомъ комитетѣ; это дѣлается въ моихъ кельяхъ. Жаль, что дѣло остановилось, за отлучкою многихъ членовъ. Николаю Николаевичу [1]) я нынѣ не пишу. Прошу васъ засвидѣтельствовать ему мое искреннее почтеніе и поздравить его отъ души съ тѣмъ, что его сплавъ по Амуру въ Петербургѣ принятъ какъ нельзя лучше. Искренно радуюсь этому и я. Молоденькому полковнику отъ меня большой поклонъ, т. е. Михаилу Семеновичу. Онъ навѣрно уже пріѣхалъ въ Иркутскъ. Прощайте, до свиданья, Господь съ вами!» Къ концу же года преосвященный Иннокентій изъ журналовъ своихъ миссіонеровъ, доставилъ митрополиту московскому Филарету, при письмѣ (отъ 3 ноября 1844 года), нижеслѣдующія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ въ устроенныхъ имъ миссіяхъ: «по послѣднимъ свѣдѣніямъ», пишетъ онъ, «полученнымъ мною нынѣ изъ Америки и сѣвера Азіи, между прочимъ, видно, что слово Божіе, проповѣдуемое между язычествующими туземцами, благодареніе Господу, распространяется съ довольно значительнымъ успѣхомъ, и въ особенности въ сѣверѣ Америки. Квихпакскій миссіонеръ протоіерей Нецвѣтовъ въ прошедшемъ году присоединилъ къ церкви, какъ можно видѣть изъ выписки его журнала, всего 291 человѣкъ. Ситхинскій протоіерей Литвинцовъ въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго года присоединилъ къ церкви Колошъ 38.

[1]) Муравьевъ.

Отъ Кенайскаго и Нушегакскаго миссіонеровъ не получено никакихъ свѣдѣній. Священникъ Анадырской миссіи Никифоровъ, въ двѣ поѣздки свои на устье Анадыра, окрестилъ въ 1852 году 8 человѣкъ и въ 1853 году 61 человѣка, а всего 69 человѣкъ, и большею частію изъ Оленныхъ Чукочъ, привитающихъ при устьѣ Анадыра. Удскій священникъ Логиновъ, въ двѣ поѣздки свои по своей обширнѣйшей парохіи, присоединилъ къ стаду Христову 33 человѣка (32 изъ нихъ въ нынѣшнемъ 1854 г.) Нигидальцевъ и Неидальцевъ (считавшихся подданными Китайскаго государства), изъ числа живущихъ по рѣкѣ Амгуни, гдѣ священникъ былъ еще въ первый разъ. Священникъ о Нигидальцахъ отзывается очень хорошо, и потому есть большая надежда на обращеніе ихъ всѣхъ; что подтверждается свѣдѣніями, сообщенными мнѣ и съ другой стороны, т. е. съ устья рѣки Амура. И священникъ Гавріилъ Веніаминовъ, въ августѣ, отправился къ Неидальцамъ и Самагирцамъ, по приглашенію ихъ; но о послѣдствіяхъ его поѣздки свѣдѣній еще не получено. Чаунскій миссіонеръ священникъ Аргентовъ, въ поѣздку свою въ 1852 году по отдаленнымъ Чукотскимъ селеніямъ, окрестилъ 98 человѣкъ (о коихъ, впрочемъ, имъ было донесено Иркутскому преосвященному), да въ 1853 году окрещено имъ еще 20 человѣкъ (*Прибавл. къ изд. Твор. св. Отцевъ 1856 года ч. XV*).

Читателямъ уже извѣстно, что пять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ Прасковья Ивановна поступила въ монастырь, съ архипастырскаго благословенія своего родителя; пять лѣтъ она испытывала себя въ борьбѣ со страстями и въ послушаніи и наконецъ, слѣдуя внушенію своего сердца и настойчивымъ увѣщаніямъ своего любящаго отца, въ октябрѣ 1854 года, приняла малое постриженіе, съ переименованіемъ Поликсеніей. Но тяжело отозвалось на здоровьѣ молодой дѣвицы это постриженіе. Татьяна Борисовна Потемкина, отъ 6 ноября 1854 года, между прочимъ, пишетъ преосвященному Иннокентію о Пашѣ, «что она очень счастлива своимъ состояніемъ и не промѣняетъ его ни на какія земныя сокровища. Здоровье ея очень ослабѣло, она ходитъ какъ тѣнь; но она любитъ лучше свое болѣзненное состояніе съ монастыремъ, нежели здоровье безъ монастыря: она истинная подвижница.» — «О, дай Господи! если здѣсь и половина правды, то слава и благодареніе Богу!» подозрительно восклицаетъ преосвященный Иннокентій въ письмѣ своемъ къ сыну, сообщая ему это извѣщеніе.

По причинѣ ли постриженія, или по болѣзни, или наконецъ, что новопостриженная монахиня несовсѣмъ раздѣляла мнѣніе своего родителя, высказанное въ письмѣ его къ ней отъ 3 ноября 1853 года, что монахинѣ слѣдуетъ жить въ скудости,—она болѣе года не отвѣчала на это письмо съ предложеніемъ: отказанныя ей деньги раздѣлить роднымъ. Преосвященный Иннокентій, какъ будто уставши ждать отвѣта, предваряетъ ее своимъ письмомъ отъ 18 ноября 1854 года: «Давно, очень давно уже я не получалъ отъ тебя писемъ. Что это значитъ? Конечно, и я давно уже не писалъ тебѣ. Но у меня не всегда достаетъ времени на письма, а тебѣ, кажется, всегда есть время. Ужь не оттого-ли ты мнѣ не пишешь, что я писалъ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ моемъ, чтобы ты отказанную тебѣ тысячу руб. покойною Оленькою—отдала Ганѣ и Катѣ?—Монахинямъ не слѣдуетъ быть таковыми. Или, быть можетъ, ты больна и не можешь писать? Пожалуйста увѣдомь меня, жива-ли ты и здорова-ли? каково состояніе души твоей? Часто-ли бываютъ тебѣ искушенія и какъ, и чѣмъ ты ихъ побѣждаешь? Бога ради прошу тебя, какъ бы ни были сильны искушенія тебѣ, отнюдь не выходи изъ монастыря и не возвращайся въ міръ. Иначе ты будешь пренесчастная. Молись и терпи, терпи и молись, и трудись. Ежели нѣтъ никакой работы, то чаще клади поклоны въ келіи твоей, т. е. утомляй твое тѣло, и отъ этого ты будешь и здоровѣе, и спокойнѣе мыслями. Я, слава Богу, здоровъ и живу въ Якутскѣ. Братъ твой съ невѣсткою и сестра Катя кланяются. Прощай, Господь съ тобою! P. S. Матушкѣ игуменьѣ съ сестрами отъ меня поклонъ и благословеніе.»

XXI

11-го января 1855 года, преосвященный Иннокентій, поздравляя своего сына и невѣстку съ Новымъ годомъ, сообщаетъ имъ выписки изъ Камчатскихъ писемъ къ нему супруги губернатора Камчатки Юліи Егоровны Завойко (отъ 31 августа и 4 сентября 1854 года), о чудесномъ спасеніи Петропавловскаго порта отъ вторженія непріятелей въ Крымскую компанію: «Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ. Желаю вамъ здоровья и паче—преуспѣянія на пути къ Царству Небесному. Завтра ѣдетъ къ вамъ нарочный, и я спѣшу написать что нибудь. Впрочемъ, кромѣ одного, ничего не имѣю сказать вамъ новаго: я слава Богу здоровъ; а новость вотъ какая: Татьяна Борисовна, отъ 6 ноября, пишетъ мнѣ, что въ будущую среду у ней будетъ обрученіе—Куши [1]) съ какимъ-то Константиномъ Молчановымъ, назначающимся во діаконы въ Царской-Славянкѣ, 4 версты отъ Павловска; прибавляетъ къ тому, что у жениха въ Петербургѣ родство—самое почтенное духовенство. Слава Богу, и дай Господи, чтобы совершился этотъ бракъ,—тогда я буду совершенно спокоенъ на счетъ ея. О Пашѣ пишетъ она, что она «очень счастлива своимъ состояніемъ и не промѣняетъ его ни на какія земныя сокровища; здоровье ея очень ослабѣло, она ходитъ, какъ тѣнь; но она любитъ лучше свое болѣзненное состояніе съ монастыремъ, нежели здоровье безъ монастыря; она истин-

[1]) Ѳекла Ивановна, младшая дочь преосвященнаго Иннокентія.

ная подвижница.» О, дай Господи! если здѣсь и половина правды, то слава и благодареніе Богу! И она получила уже малое постриженіе и ее теперь зовутъ уже Поликсеніей. Внучка Наташа Музовская здорова и уже начинаетъ говорить.

При семъ прилагаю вамъ выписку изъ Камчатскихъ писемъ;—всѣ Камчатскіе герои получили награды. Василій Степановичъ [2]) переименованъ въ контръ-адмиралы и награжденъ Георгіемъ и Станиславомъ со звѣздою. До Камчатскихъ духовныхъ героевъ еще не дошла череда, но навѣрное тоже дадутъ отцу Георгію крестъ на Георгіевской лентѣ. Болѣе писать нечего; съ будущею почтою жду что нибудь еще о Кушѣ. Прощайте, Господь съ вами во вся дни ваши.

P. S. Послѣднія письма отъ васъ имѣю отъ 20 сентября и потому не знаю ничего, кого вамъ Богъ далъ—сына или дочь; во всякомъ случаѣ, благословеніе Божіе да будетъ надъ чадомъ вашимъ».

Упомянутыя въ семъ письмѣ выписки изъ Камчатскихъ писемъ супруги контръ-адмирала Ю. Е. Завойко къ преосвященному Иннокентію мы имѣемъ въ подлинникѣ, собственноручно писанныя владыкою, которыя и помѣщаемъ здѣсь: «Великъ Богъ Русскій! Славлю имя Его! Блаженны всѣ надѣющіеся на Него! Онъ спасъ насъ отъ страшной, неминуемой опасности. 17 августа въ 10 часовъ утра сдѣлали сигналъ съ Маяка: вижу въ морѣ иностранную эскадру..... Всѣ вообще думали и полагали, что непріятель не въ состояніи отдѣлить большія силы для Петропавловска; но ошиблись. Иностранная эскадра состояла изъ 6 судовъ: Англійскій адмиральскій фрегатъ Президентъ, 52 пушки; Англійскій фрегатъ Пикъ, 44 пушки; большой пароходъ-фрегатъ, 8 бомбическихъ пушекъ и мортиръ; Французскій адмиральскій фрегатъ Фортъ, 60 пушекъ; малый фрегатъ Евредисъ, 32 пушки, и бригъ Облигадо, 18 пушекъ. И такъ, у нихъ было 224 пушки и около 2.500 человѣкъ команды и 2 адмирала. У насъ было, съ фрегатомъ Авророй, Двиною (транспортъ) и нашими батареями, 69 пушекъ (пушки фрегата были почти въ бездѣйствіи, а также и Двины) и 858 человѣкъ, въ томъ числѣ 350 рекрутовъ, пришедшихъ за мѣсяцъ на Двинѣ. Видите-ли, что непріятель втрое и болѣе превосходилъ насъ силою; сверхъ того, у него ружья и боевые снаряды далеко были лучше нашихъ; у

---

[2]) Завойко.

него былъ порохъ въ изобиліи, а у насъ въ порохѣ былъ недостатокъ. За насъ былъ Богъ.—И ухищренія человѣческой гордости и высокоумія рушились. 17-го же числа всѣ дѣти, женщины и скотъ были высланы изъ города. Ужасно было, когда ударили тревогу... Какое-то чувство нѣмаго отчаянія овладѣло всей душой; всѣ дѣти въ голосъ кричали. Чрезъ часъ городъ опустѣлъ; остались одни мужчины. Въ этотъ день судамъ былъ противный вѣтръ, и вошелъ въ губу одинъ пароходъ (безчестный Англичанинъ несъ Американскій флагъ); онъ подошелъ къ Сигнальному мысу; не доходя выстрѣловъ и завидя посланную къ нему шлюбку, отворотилъ и ушелъ въ море.

18-го августа, послѣ полудня, вошла вся эскадра и направилась во входъ малой губы; но наши батареи открыли огонь, и эскадра удалилась изъ-подъ выстрѣловъ. Въ этотъ день, какъ мы узнали впослѣдствіи, убитъ Англійскій адмиралъ Прайсъ, который похороненъ въ Тарьѣ. 19-го, въ 9 часовъ утра, на Сигнальной батареѣ служили молебенъ; непріятель, замѣтя это, сталъ бросать бомбы и ядра, которыя свистали надъ головами молящихся, но достойный пастырь отецъ Георгій, надъ головою котораго пролетѣла бомба во время чтенія Евангелія, не смутился и продолжалъ громкимъ, внятнымъ голосомъ взывать ко Господу силъ. По окончаніи молебствія и окропивъ св. водою воиновъ и батарею, священникъ переѣхалъ на Кошку, гдѣ возведена большая батарея и окропилъ и ее св. водою, пропѣвъ краткое молебствіе. Остатокъ дня прошелъ спокойно. 20-го числа видно было, что непріятель готовится къ рѣшительному нападенію. Пароходъ повелъ три фрегата и десантные бота къ нашимъ батареямъ. Г. губернаторъ Камчатки [1]) сошелъ на батарею и сказалъ: «Братцы! велика сила идетъ, но Богъ за насъ, будемъ сражаться за вѣру. Многихъ изъ насъ не будетъ. Сегодня да будетъ послѣдняя молитва наша за Царя». Пропѣли: «Боже царя храни» на всѣхъ батареяхъ нашихъ и на судахъ, и стрѣлковыя партіи вторили. Грянули «ура»! и «умремъ съ ружьями въ рукахъ, а не отступимъ ни на шагъ»!—и принялись съ крестомъ за дѣло. Началась страшная канонада; 80 непріятельскихъ пушекъ бомбардировали батарею, на Сигнальномъ мысу 5 пушекъ и на Красномъ Ярѣ 3 пушки; хотя сначала наши батареи наносили значительный

[1]) В. С. Завойко.

вредъ непріятелямъ, но ихъ сила превозмогла, станки у пушекъ были поломаны и платформы до того засыпаны землею, что невозможно было дѣйствовать пушками, и потому пушки были заклепаны и оставлены; крѣпостной гюйсъ былъ перенесенъ на батарею № 2 на кошкѣ, а флагъ къ гаупвахтѣ. Въ это время 13 десантныхъ ботовъ пошли по направленію къ Красному Яру, высадились и побѣжали на батарею. Французы вздернули тамъ свой флагъ; но лишь они увидѣли на горѣ приближеніе стрѣлковыхъ партій нашихъ, то стремглавъ бросились внизъ и убѣжали на свои суда. Съ 9 часовъ утра до 7 часовъ вечера три фрегата дѣйствовали противъ кошечной батареи 11 пушекъ; на ней командовалъ Димитрій Петровичъ, князь Максутовъ. Сберегая людей и порохъ, онъ дѣйствовалъ только тогда, когда одинъ изъ фрегатовъ сдавался ближе, чтобы посмотрѣть—сбита ли батарея; а самъ онъ ходилъ во все время взадъ и впередъ вдоль по батареѣ, какъ на ученьи, наблюдая за движеніями непріятеля. Къ концу дѣла батарея была почти цѣла, убитыхъ на ней 12 человѣкъ и ранено 30, а командиръ остался невредимъ. Въ этотъ день тысячи бомбъ и ядеръ и конгревовыхъ ракетъ было брошено въ городъ (почти весь крытый соломою). Они бросали бомбы черезъ перешеекъ и, сколько могли, въ кошку и чрезъ кошку. Земля въ городѣ совершенно изрыта ядрами и бомбами; но не загорѣлся ни одинъ домъ, и попортило весьма немногіе изъ нихъ и никого въ городѣ не убило. Фрегатскій священникъ насчиталъ менѣе чѣмъ въ часъ 300 выстрѣловъ. Въ этотъ день губернаторъ былъ болѣе на Сигнальномъ мысу, гдѣ его осыпало градомъ ядеръ и бомбъ, но Богъ его сохранилъ подъ Своею невидимою десницею. 21, 22 и 23 числа суда непріятельскія крѣпились и чинились, и наконецъ наступило 24-е число. День, въ который весь Петропавловскъ долженъ возсылать благодарственныя молитвы Господу Силъ, даровавшему спасеніе,—каждый день этотъ годъ будетъ и въ нашей семьѣ, говоритъ супруга губернатора, молебствіе. Господь въ этотъ день чудесно сохранилъ жизнь Василія Степановича. Рано въ этотъ день пришло все въ движеніе на непріятельской эскадрѣ. Пароходъ повелъ суда со стороны Никольской горы. На перешейкѣ была устроена батарея изъ 5 пушекъ и у рыбнаго сарая была батарея изъ 5 пушекъ. Суда стали дѣйствовать противъ этихъ двухъ батарей. Съ перешейка, гдѣ командовалъ герой князь Александръ Максутовъ, дѣй-

ствія были весьма удачны: сшибли гафель на Англійскомъ адмиральскомъ фрегатѣ, и Британскій флагъ слетѣлъ; перешибли много снастей, попадали часто въ самый корпусъ судна; убили капитана парохода на Кожухѣ, утопили цѣлый барказъ съ десантомъ. Но непріятельское ядро оторвало руку героя, который въ ту же минуту и послѣ операціи не переставалъ креститься и благодарить Бога за свое спасеніе, и во время мучительныхъ перевязокъ онъ постоянно молился (онъ впослѣдствіи померъ). Вообще, оба Максутовы показали себя людьми съ великою душею, съ истиннымъ мужествомъ и съ живою, дѣтскою вѣрою въ Бога. Когда обѣ наши батареи были сбиты, непріятель, подъ покровительствомъ своихъ пушекъ, сталъ высаживать десантъ, состоящій по бумагамъ, найденнымъ у начальника убитаго, изъ 670 человѣкъ; да послѣ непріятель послалъ въ подкрѣпленіе 6 большихъ барказовъ, въ которыхъ можно полагать до 300 человѣкъ. Они раздѣлились на двѣ части: одна пошла по дорожкѣ внизу у озера, но пушки озерной батареи заставили ихъ воротиться, и они взбѣжали на второй холмикъ Никольской горы; а другая часть заняла весь гребень Никольской горы. Часть, стоявшая на второмъ холмѣ, была въ шагахъ 25 отъ губернатора, около котораго были Лохвицкій, Юдицкій, Литке и гардемаринъ Колокольцовъ, 5 человѣкъ матросовъ и остатки резервной партіи волонтеровъ, самыхъ плохенькихъ. Подлѣ нихъ дѣйствовала конная пушка, которая послѣ трехъ удачныхъ выстрѣловъ свалилась въ ровъ, и вся прислуга около нея, казаки и писаря были перебиты непріятельскими пулями. Мы стояли, говоритъ г. губернаторъ, въ крови, съ ружьями въ рукахъ, дорого продавали нашу жизнь; предъ нами въ 20 шагахъ собирался и строился взводъ непріятеля и осыпалъ градомъ пуль; казалось, пробилъ послѣдній часъ жизни. Вдругъ раздается выстрѣлъ изъ пушки, свалившейся въ ровъ со станкомъ—и вражья толпа дрогнула; и потомъ начали опять скопляться, но вдругъ раздается наше «ура»; наши партіи приняли въ штыки верхнюю партію враговъ—и нападавшіе на насъ обратились въ бѣгство, и я остался живъ. Снизу горы вверхъ, скорымъ шагомъ, отстрѣливаясь, поднялись стрѣлковыя партіи: лейтенантъ Анкудиновъ, 30 человѣкъ, мичманъ Михайловъ, 50 человѣкъ, Губаревъ, 50 человѣкъ; а мичманъ Фесусъ съ 30 человѣками, Спилихинъ съ 17 человѣками и прапорщикъ Жилкинъ съ 20 человѣками врѣзались въ самую средину непріятеля и разорвали ихъ

цѣпь. Лейтенантъ Пилкинъ взбѣжалъ съ перешейка и принялъ ихъ слѣва въ штыки; раздалось со всѣхъ сторонъ громкое ура, непріятеля стиснули: онъ дрогнулъ и побѣжалъ. Его отступленіе было ужасно; онъ бросался съ утесу, спѣша къ своимъ барказамъ (и таща убитыхъ и раненыхъ); но и тутъ ихъ ожидала смерть: наши помѣстились на гребнѣ горы, стрѣляли въ нихъ сверху. Барказы, ѣхавшіе полные, возвращались назадъ вполовину пустыми; одинъ барказъ, нагруженный одними тѣлами, угребъ съ 8-ю гребцами. Въ барказахъ слышался страшный стонъ. Полагаютъ ихъ потерю въ этотъ день до 300 человѣкъ убитыми; 40 человѣкъ убитыхъ оставили они здѣсь, и въ числѣ ихъ 4 офицера и командующій десантомъ. Десантное знамя, 70 ружей и 7 офицерскихъ шпагъ остались въ нашихъ рукахъ, и десанту было, говоритъ губернаторъ, 900 человѣкъ, и мы отстаивали съ 270; и намъ удалось положить 300 человѣкъ и остальныхъ прогнать въ безпорядкѣ; безъ Божіей помощи этого нельзя сдѣлать людямъ, и грѣшно тому человѣку, оставшемуся изъ насъ въ живыхъ 24 августа, возгордиться храбростію и сказать, что *мы* сдѣлали, *мы* прогнали; нѣтъ, нѣтъ,—и пока у насъ ни одного такого нѣтъ, и дай Богъ, чтобы и впослѣдствіи не было. Храбрость есть даръ Бога.... Послѣ столь славнаго дѣла, наши соединились и еще до прихода священника пропѣли «Царю Небесный» и «Отче нашъ». Когда пришелъ священникъ, было совершено благодарственное молебствіе на самомъ окровавленномъ полѣ побѣды. Вы можете себѣ представить, что всякій живо чувствовалъ, что самъ Богъ спасъ, и молился отъ всей души. 25 и 26 непріятель чинился; пароходъ возилъ своихъ покойниковъ на 3-хъ катерахъ хоронить въ Тарьѣ. 27 непріятельская эскадра вышла въ море, но, по несчастію, она встрѣтила шкуну Анадыръ, которую и увела. Эскадра 6-ти военныхъ судовъ увела беззащитную шкуну съ лѣсомъ!—это совершенно въ Англійскомъ духѣ. Еще видѣли вдали, что они увели съ собой большое трехмачтовое судно (Ситху, компанейское). У убитаго начальника десанта въ карманѣ нашли записку адмирала о числѣ десанта, планъ, какъ завладѣть городомъ и уничтожить (у нихъ были съ собой и стружки для поджога и веревки для связки плѣнныхъ, но не подумали они только, что Русскіе живыми не сдаются); на запискѣ карандашемъ написано, рукою адмирала: «не позабыть взять съ собой сколько есть кандаловъ....» У насъ теперь есть два мальчика-

калѣки; когда одному изъ нихъ отнимали руку, онъ говорилъ доктору: «скорѣе, мнѣ не больно. Я за царя руку потерялъ....» Богъ внушилъ присутствіе духа всеобщее всѣмъ, а не человѣческое умѣнье.

Ужасны были эти дни, продолжаетъ Юлія Егоровна Завойко. Я знаю по многимъ опытамъ, какое неоцѣненное благо для человѣка— молитва; но никогда я не чувствовала это такъ живо, какъ нынѣ. Мы почти постоянно молились всѣ вмѣстѣ, живя тамъ на хуторѣ.... Дѣти молились всѣ, съ горькими рыданіями. Богъ внялъ молитвамъ нашимъ. Молитва насъ укрѣпляла полною преданностію воли Провидѣнія. Всѣ, всѣ у насъ видятъ сверхъестественную Божію помощь; нѣтъ ни одного, который бы не благоговѣлъ передъ путями благаго Провидѣнія, которые теперь для насъ такъ ощутительно видны. Хвально и прославленно имя Господа отъ нынѣ и до вѣка!»

Дружеская переписка преосвященнаго Иннокентія съ Н. Д. Свербеевымъ не прекращалась. Такъ, 24 февраля 1855 года онъ писалъ ему изъ Якутска слѣдующее: «Извините, пожалуйста, что я давно вамъ не писалъ, и это потому только, что ничего и не о чемъ было писать; да и теперь тоже было бы не о чемъ писать, потому что у насъ въ Якутскѣ если и есть что нибудь новое, то вы знаете это изъ оффиціальныхъ бумагъ. Но полученная мною на дняхъ отъ Аполлона Александровича баночка съ порошкомъ для глазъ заставляетъ меня написать вамъ: во первыхъ, поблагодарить васъ за такую вещь, а паче—за ваше вниманіе ко мнѣ, а за тѣмъ попросить васъ покорнѣйше дать мнѣ наставленіе какъ употреблять его: конечно, можно будетъ, я думаю, узнать объ этомъ и здѣсь, отъ нашихъ эскулаповъ, но я ихъ не вижу, потому что,—благодареніе Господу, хранящему меня,—я нужды въ нихъ не имѣю пока. На дняхъ получилъ я отъ Николая Николаевича извѣщеніе, что между прочимъ мнѣ разрѣшено побывать на Амурѣ; и если это будетъ зависѣть отъ меня, то я непремѣнно поѣду и, разумѣется, чрезъ Аянъ; и слѣдовательно, мы увидимся тамъ. Сдѣлайте милость, если будете писать юному полковнику (М. С. Корсакову), то припишите ему отъ меня искренній поклонъ за его письмо отъ 10 февраля; да хранитъ его десница Всевышняго, а равно и васъ, мой возлюбленный о Господѣ Николай Димитріевичъ, во всѣхъ путяхъ вашихъ, во всѣхъ входахъ и исходахъ, отъ нынѣ и до вѣка. Господь съ вами! прощайте, до свиданія. Любящій васъ искренно.»

P. S. Если вы видаетесь и увидитесь съ Бернгардомъ Васильевичемъ, то потрудитесь передать ему и семейству его мой сердечный поклонъ. По крайней мѣрѣ, увѣдомьте меня: если онъ уѣхалъ изъ Иркутска, то когда и куда?» Затѣмъ на письмо Н. Д. Свербеева преосвященный Иннокентій (2 марта) отвѣчаетъ ему такъ: «Искренно благодарю васъ за интересное письмо ваше отъ 12 февраля. Вы пишете между прочимъ: какъ держать себя, осторожны-ли члены нашей администраціи? Скажу вамъ откровенно, что лучше этого и желать нельзя, какъ теперь у насъ. По крайней мѣрѣ, я ничего не слышу; дай Богъ, чтобы такъ шло и впередъ, и кажется, пойдетъ: потому что младшіе, т. е. Ник. Өедор. и Апол. Александр., дали мнѣ честное слово—не идти противъ старшаго и не спорить много. Вы пишете, что вы часто думаете, какъ мнѣ ѣхать на Амуръ? И я тоже думаю. Но дѣло вотъ въ чемъ: что я изъ Святѣйшаго Сѵнода еще не получилъ ничего относительно этого предмета. При случаѣ, потрудитесь сказать объ этомъ и Николаю Николаевичу; будетъ—не будетъ, что развѣ на слѣдующей почтѣ, т. е. 14 марта; а если и будетъ что, то я уже не успѣю сообщить объ этомъ Николаю Николаевичу, потому что почта отъ насъ пойдетъ 24 марта и въ Иркутскѣ будетъ не ранѣе 12 апрѣля, а въ это время навѣрное васъ уже не будетъ въ Иркутскѣ. Что же касается до непріятельскихъ крейсеровъ, то они въ Аянскомъ морѣ не покажутся ранѣе 10 іюля, слѣдовательно впередъ я могу пройти свободно и безопасно. Но назадъ съ Амура попадать, конечно, не безопасно. Въ прошедшемъ письмѣ моемъ къ вамъ я позабылъ попросить васъ поблагодарить отъ меня юнаго полковника М. С. за присланный имъ мнѣ подарокъ—карты Крыма; потрудитесь, пожалуйста, передать съ моимъ поклономъ. Болѣе писать ничего не имѣю. Ганя [1]) сегодня отправляется, и вотъ это письмо я посылаю съ нимъ. И навѣрное, онъ къ намъ уже не воротится. Дай Богъ ему здоровья и счастія. Затѣмъ, прощайте, Господь съ вами!» — «Я къ вамъ съ просьбою и докукой,» пишетъ преосвященный въ другомъ своемъ письмѣ къ Н .Д. Свербееву, отъ 8 марта,— «пеняйте ужь не на меня, а на себя, что я васъ утруждаю моею коммиссіею. Дѣло вотъ въ чемъ: хотя уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что сынъ мой Гавріилъ получилъ ка-

[1]) Гавріилъ Ивановичъ, сынъ владыки.

милавку или, сказать правильнѣе, пожалованъ камилавкою,—но я оной изъ Св. Сѵнода еще не получалъ, и потому не могу ему послать ни той, которая получится изъ Сѵнода, ни здѣсь сшитой, потому что здѣсь въ Якутскѣ нѣтъ бархату такого. И потому прошу васъ покорнѣйше купить въ Иркутскѣ фіолетоваго бархату, камилавки на двѣ, и отвезти отцу Гавріилу на Амуръ, а еще бы лучше было если бы велѣли скроить одну камилавку; деньги за бархатъ онъ вамъ отдастъ. Я въ прошедшемъ письмѣ писалъ вамъ, что я надѣюсь въ Петровское придти на суднѣ еще до появленія непріятельскихъ крейсеровъ. Потомъ я вздумалъ вотъ что: если обратно съ Амура будетъ опасно идти на суднѣ, то я думаю отправиться изъ Петровскаго въ Удское на байдаркахъ, а изъ Удскаго дорога мнѣ уже извѣстна; а быть можетъ еще и то, что я могу переѣхать изъ Петровскаго въ Аянъ на какомъ нибудь Китоловѣ, или, покрайней мѣрѣ, онъ доведетъ меня до Шактарскихъ острововъ. Слѣдовательно, объ обратномъ пути думать нечего много. Это письмо мое къ вамъ, кажется, уже послѣднее въ нынѣшнемъ лѣтѣ, и даже до глубокой осени. Новаго ничего не могу вамъ сообщить. У насъ и у нашихъ миръ и согласіе. Слава Богу! За тѣмъ призываю благословеніе Божіе на васъ и на предстоящее путешествіе ваше.

P. S. Вселюбезнѣйшему моему юному полковнику мой задушевный поклонъ, да хранитъ его Господь во всѣхъ путяхъ его»!

Съ 31 мая по 26 августа преосвященный Иннокентій безпрерывно находился въ путешествіяхъ: сначала вторично обозрѣвалъ Якутскую епархію, а за тѣмъ, не смотря на многочисленныя путевыя препятствія по случаю войны, отправился въ Аянъ, съ тѣмъ чтобы оттуда пробраться на Амуръ. И на пути въ Аянъ, на Нельканѣ, преосвященный Иннокентій встрѣтился съ своею старшею дочерью Екатериною Ивановною, которая была удивлена этою встрѣчею; и на вопросъ ея: «куда вы ѣдете? вѣдь въ Аянѣ англичане»,— «Я имъ не нуженъ», отвѣтилъ владыка; «а возьмутъ въ плѣнъ—себѣ убытокъ сдѣлаютъ: вѣдь меня кормить надо». И размѣнявшись этими словами, владыка продолжалъ свой путь далѣе и наконецъ прибылъ въ Аянъ 9 іюля, т. е. въ тотъ день, когда англичане только что оставили его.—Владыка нашелъ портъ въ такомъ видѣ: жителей не было никого, такъ какъ они заблаговременно перебрались за 13 верстъ отъ Аяна въ лѣсъ, предварительно закопавши въ землю

находившіяся здѣсь нѣсколько пушекъ для салютовъ и сигналовъ. Непріятелемъ же были сорваны всѣ замки отъ амбаровъ, также и отъ церкви Казанской Божіей Матери, гдѣ была разбросана прокламація на англійскомъ языкѣ, которую и приводимъ здѣсь въ переводѣ съ имѣющагося у насъ подлинника, помѣченнаго 9 іюля 1855 г. и подписаннаго Чарльзъ Фридерикомъ, начальствующимъ англійской эскадрой: «Жители Аяна,—не опасайтесь возвращаться въ ваши жилища. Вамъ не будетъ сдѣлано никакаго вреда, съ тѣмъ однако условіемъ, если и вы не будете препятствовать нашимъ отрядамъ, посылаемымъ нами для снабженія дровами и водой нашихъ кораблей. Всякая частная собственность, исключая кораблей и судовъ, будетъ строго неприкосновенна». Преосвященный Иннокентій, не смотря на такое печальное зрѣлище, не упадалъ духомъ и продолжалъ заниматься своими дѣлами и ежедневно совершалъ съ полнымъ благоговѣніемъ богослуженіе, посѣщалъ жителей Аяна, скрывшихся въ лѣсу за 13 верстъ, ободрялъ ихъ и, за неимѣніемъ священника, исполнялъ всѣ требы и даже крестилъ новорожденныхъ. 21 іюля владыка въ Аянской церкви совершалъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи побѣды надъ непріятелемъ, и въ этотъ день неожиданно прибылъ въ Аянъ англійскій фрегатъ съ командиромъ, а 22 пришелъ еще фрегатъ съ офицерами и съ множествомъ нижнихъ чиновъ, затѣмъ пароходъ, въ которомъ находился взятый въ плѣнъ священникъ-миссіонеръ Маховъ. По выходѣ офицеровъ на берегъ, они узнали, что здѣсь находится архіерей; тотчасъ же отправились къ нему въ домъ, но не заставши его дома, направились толпой въ церковь и съ шумомъ и крикомъ взошли въ нее въ то самое время, кагда преосвященный Иннокентій стоялъ на колѣнахъ и съ благоговѣніемъ, нисколько не смутившись и какъ бы и не замѣчая ихъ, произносилъ громко и ясно молитвы. Это невозмутимое спокойствіе владыки и его благоговѣйное выраженіе лица поразили англичанъ и заставили ихъ смолкнуть и смиренно выждать конецъ его службы. При воспоминаніи о семъ, преосвященный Иннокентій, съ своимъ обычнымъ юморомъ, говорилъ: «если бы знали англичане, о чемъ я молился тогда, то навѣрно бы тутъ же растерзали меня». Послѣ молебна, англичане съ полнымъ уваженіемъ подошли къ преосвященному и очень вѣжливо выразили свое удивленіе, что встрѣтили его здѣсь, и разспрашивали, какъ онъ могъ попасть сюда, т. е. какимъ путемъ ѣхалъ? и

наконецъ объяснили ему, что они по долгу службы должны будутъ взять его въ плѣнъ; на что преосвященный, засмѣясь, отвѣтилъ имъ то же, что дочери своей на Нельканѣ: что, дескать, онъ имъ ни начто не нуженъ, что онъ человѣкъ не военный, слѣдовательно пользы отъ него имъ никакой не будетъ, а напротивъ, причинятъ себѣ только убытокъ и проч.; и затѣмъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ, угощая ихъ чаемъ, и долго бесѣдовалъ съ ними черезъ переводчика и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдилъ ихъ какъ оставить его въ покоѣ, такъ и освободить привезеннаго ими священника Махова изъ плѣна. На другой день, послѣ вечерни, они опять пришли къ владыкѣ и съ радостію передали ему, что генералъ ихъ освобождаетъ какъ его, такъ и священника отъ плѣна, и просидѣли у него цѣлый вечеръ въ бесѣдѣ, и разстались съ нимъ съ полнымъ уваженіемъ и въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. (*Сообщено Ек. Ив. Пѣтелиной*).

О своемъ пребываніи въ Аянѣ и о путешествіи преосвященный Иннокентій писалъ сыну своему отцу Гавріилу (отъ 27 іюля 1855 г.): «Отвѣчаю прежде на письмо твое отъ 19 февраля, которое дошло до меня въ Якутскѣ 25 мая. Думалъ было я отвѣчать тебѣ на него лично; но Господь не велѣлъ. Пишу тебѣ изъ Аяна, куда я прибылъ 9 іюля, разумѣется съ тѣмъ, чтобы идти отсюда на Амуръ; но нельзя: враги наши препятствуютъ намъ. Еще на Челисинѣ узналъ я, что устье Амура съ обѣихъ сторонъ обложено непріятельскими кораблями; слѣдовательно хотя бы я и могъ нанять Американца отвести меня на Амуръ, но непріятель не допустилъ бы. Очень я жалѣлъ было, что обстоятельства удержали меня въ моемъ пути (а именно, поздній проходъ Лены, грязи и разливъ Адана и Маи, неимѣніе ямщиковъ на Майскихъ станціяхъ,—и оттого я прошелъ по Маѣ $17^1/_2$ дней). Но какъ обстоятельства и время показали, что слава Богу, что я не попалъ на Охотскъ—взорванный въ виду Амурскихъ жителей, —и потому я если бы и избѣжалъ плѣна, то свита моя попалась бы въ плѣнъ вмѣстѣ съ Охотскою командою, и всѣ наши вещи погибли бы; а если бы я попалъ къ вамъ, то пребываніе мое у васъ было бы почти безполезно, а когда бы я отъ васъ вырвался—Богъ вѣсть! И такъ за все и про все слава и благодареніе Господу, хранящему меня видимо во всѣхъ путяхъ моихъ! Ты въ письмѣ твоемъ увѣдомляешь меня, что внучка и крестница моя здорова, а по прибытіи на

Нелькан я узнал отъ Кати, живущей тамъ съ дѣтьми своими, что дочь ваша померла (навѣрное вы и мнѣ объ этомъ писали, но я письма не получилъ еще): жаль, очень жаль, но не внучки, а васъ; но слава и благодареніе Господу Богу за все! Дай Богъ только, что бы все это послужило вамъ въ душевную пользу.—Одно, о чемъ точно я сокрушаюсь,—что Катя [1]) твоя похудѣла сильно, какъ ты пишешь; но я надѣюсь, что по милости Божіей она при тебѣ опять поправится, по крайней мѣрѣ будетъ здорова.—Я никакъ не думаю, что ты сокрушаешься о потерѣ своей дочери; иначе, это и стыдно, и грѣшно, и вредно для васъ обоихъ и неутѣшительно для меня. Молитесь—и дѣти будутъ. Остальное въ письмѣ твоемъ заключаетъ твои дѣйствія по твоей обязанности въ Петровскѣ и намѣреніе ѣхать далѣе; а по Катиному письму я вижу, что ты уже и воротился. Слава Богу за все! Да укрѣпитъ тебя Господь въ служеніи твоемъ!

Новости: Аянская церковь и весь Аянъ и даже строющаяся шкуна непріятелями нашими пощажены; большое имъ спасибо за это, и вообще компанейскіе товары не трогаютъ—выключая вещей, нужныхъ для судна. 21 іюля пришелъ Англійскій фрегатъ и на немъ командиръ; 22 пришелъ другой фрегатъ и пароходъ «Баракута», который привелъ на буксирѣ бригъ, на коемъ было 11 офицеровъ и священникъ Маховъ и 267 команды Діанской; священникъ, докторъ и 21 чел. команды больныхъ сдали на берегъ, а прочіе разсажены по судамъ, а также и команда брига Охотска. Командиры и капитаны были у меня съ визитами и съ извиненіемъ, что не могутъ принять меня у себя; вообще, они обращаются очень вѣжливо и благородно. Команда Охотская предала всѣ секреты Аянскіе и вслѣдствіе того непріятели ищутъ пушекъ и, безъ сомнѣнія, найдутъ—потому что уже подошли къ нимъ близко; вчера нашли въ огородѣ посуду—также по указанію предателей. Но совершенно ничего не взяли и очень осторожно работали при глазахъ самого командира. Вчера пришелъ французскій пароходъ, но еще никто не былъ на берегу. Жители Аяна живутъ на 13-й верстѣ; тамъ и магазинъ. Непріятели намъ сказывали, что Камчатскія суда всѣ стоятъ въ Амурѣ и въ совершенной безопасности. Слава Богу! И передали также, что г. Путятинъ ушелъ вверхъ по Амуру; болѣе мы

---

[1]) Екатерина Ивановна, супруга отца Гавріила.

ничего не знаемъ объ васъ. Вчера соврали: фрегатъ вчера пришелъ не Французскій, а Англійскій, который ходилъ по Охотскому морю, но никуда не заходилъ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ: мнѣ извѣстно, что къ вамъ по Амуру пришло около 2000 человѣкъ, да изъ Камчатки не менѣе 500; слѣдовательно теперь на Амурѣ жителей не менѣе 3.500. И потому видимо необходимъ тамъ другой священникъ, и я было везъ къ тебѣ въ товарищи Зах. Ив. Тяпкина; но недовезъ. Впрочемъ, я очень радъ, что на Аврорѣ есть священникъ и, слѣдовательно, много или мало, но онъ тебѣ поможетъ, и потому я менѣе буду тревожиться на этотъ счетъ. Указъ о новомъ положеніи духовной части на Амурѣ ты получишь нынѣ же,—изъ коего ты увидишь, что жалованья и другихъ окладовъ тебѣ полагается всего 471 р. и 7 коп. сер. въ годъ, а причетнику 121 р. 25 к., и которое ты долженъ получать съ 1 января сего 1855 года, и кромѣ того, ты въ случаѣ надобности можешь еще употребить на твои разъѣзды отъ 150 до 250 р., но не болѣе, и съ обязанностію давать въ томъ отчетъ мнѣ. Деньги же на все это ты можешь, по прежнему, получать отъ компанейскаго прикащика, на счетъ Компаніи; а онъ можетъ отчислить эти деньги на Якутское коммиссіонерство, которому тотчасъ по полученіи отчисленія будетъ уплачиваемо изъ Якутскаго казначейства. Потому что производство окладовъ Амурскимъ священно-и церковно-служителямъ будетъ изъ Якутскаго областнаго казначейства. Насчетъ разъѣздной суммы расходы могутъ быть приняты слѣдующіе: плата за провозъ, заведеніе палатки, лодки, нарты, наемъ собакъ или оленей (а своихъ не имѣть), подарки и угощеніе дикарямъ, содержаніе въ пути себя и причетника (себѣ полагая какъ офицеру, а причетнику по солдатски) и другіе непредвидѣнные расходы, относящіеся до путешествія. Расходы, сдѣланные тобою нынѣ въ твоихъ поѣздкахъ и переѣздкахъ, ты можешь отнести на эту сумму, но не свыше 250 р.; а если ты употребилъ больше этого, то имѣешь взойти о томъ ко мнѣ съ особою просьбою. Не знаю, получилъ ли ты отъ меня бумаги, посланныя тебѣ на бригѣ «Охотскъ». Жаль, если не получилъ; потому что дубликаты ты можешь получить не ранѣе, какъ зимою. Въ случаѣ необходимости имѣть тебѣ помощника, ты можешь пригласить къ себѣ Удскаго священника, на основаніи нынѣ даннаго тебѣ и ему отъ меня предписанія, за № 355 и 356, побывать на Амурѣ. Ты можешь послать

ему форменное отношеніе, чтобы онъ заѣхалъ къ тебѣ послѣ объѣзда по своей парохіи. И ему сказано, что за это онъ получитъ денежное вознагражденіе, если онъ представитъ мнѣ реэстръ своихъ расходовъ, а ты имѣешь мнѣ донести какъ о времени прибытія и отбытія его съ Амура, такъ и о дѣйствіяхъ его тамъ. Завтра я намѣренъ отправиться обратно въ Якутскъ и письмо это оставлю въ Аянѣ, на случай возможности отправить его къ тебѣ. Изъ Якутска я выѣхалъ 31 мая, на Аянъ пріѣхалъ 9 іюля. Новостей политическихъ не пишу, потому что до тѣхъ поръ ихъ будетъ много; скажу только, что по настоящее время Севастополь цѣлъ и всѣ дѣла въ Россіи, слава Богу, очень хороши. Затѣмъ прощай, до свиданія. Господь съ тобою и со всѣми тебѣ ввѣренными! Молись, молись и молись.

P. S. Не на Амурѣ-ли находится Василій Степановичъ? и если тамъ, то засвидѣтельствуй ему отъ меня поклонъ и искреннее почтеніе. А Юлія Егоровна навѣрное ушла вверхъ по Амуру, и если паче чаянія у васъ, то скажи ей отъ меня благословеніе и искренній поклонъ; и всѣмъ, кто знаетъ меня и кого я знаю, скажи отъ меня поклонъ».

Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Аяна обратно въ Якутскъ, преосвященный Иннокентій пробылъ три дня у перебравшихся тамошнихъ жителей въ лѣсу, откуда продолжаетъ свое повѣствованіе въ письмѣ, отъ 1 августа, сыну своему отцу Гавріилу: «Изъ Аяна я выѣхалъ вчера вечеромъ; тамъ остались 3 непріятельскихъ судна: 1 корветъ французскій, на которомъ сидитъ командиръ—старичекъ почтенный; 1 англійскій фрегатъ, на которомъ тоже командиръ, и 3-й пароходъ, который засталъ наши суда въ заливѣ Кастри и съ которымъ одно изъ нашихъ судовъ помѣнялось ядрами; но, какъ говоритъ капитанъ парохода, русскія ядра до него не долетали. Аянъ, слава Богу, остается цѣлъ. Пушекъ не нашли и строющуюся шкуну не сожгли; за то—что-то будетъ съ нашею Ситхою? Богъ знаетъ....Туда ушла французская эскадра, состоящая изъ 10 кораблей, изъ коихъ 3 фрегата, 64 пуш., 3 фрегата, 42, 2 корвета о 24 пуш. и два парохода съ бомбическими. И горе Ситхѣ, если она вздумаетъ палить по непріятелю! Потому что французы не признаютъ нейтралитета Ситхи. Всѣхъ непріятельскихъ судовъ въ здѣшнихъ моряхъ находится 56. Слѣдовательно, какъ бы Камчатку ни укрѣпили—ей бы не устоять. Я, слава Богу, здоровъ; сегодня думаю отправиться въ Якутскъ. Въ случаѣ надоб-

ности, и если Аврорскій священникъ будетъ тебѣ необходимъ для пособія въ исправленіи требъ, и если онъ не послушаетъ твоей словесной просьбы помогать тебѣ; ты можешь отнестись ему оффиціально и просить его завѣдывать какою либо частію командъ. Я хотѣлъ было послать тебѣ нынѣ камилавку, присланную тебѣ изъ Сѵнода, но поручилъ отцу Ильѣ [1]) отправить къ тебѣ ее зимою; а ты между прочимъ пришли рапортъ о полученіи оной. Катенькѣ поклонъ и благословеніе. Катя! смотри же, шибко не плачь: иначе худо тебѣ будетъ. Прощайте, до свиданія! Господь съ вами».

По возвращеніи своемъ въ Якутскъ, преосвященный Иннокентій получилъ изъ Св. Сѵнода указъ, отъ 27 сентября 1855 г., которымъ объявлена ему совершенная признательность за архипастырское попеченіе о духовной пользѣ паствы касательно Якутскихъ переводовъ. Также полученъ былъ имъ журналъ о миссіонерской дѣятельности Ситхинскаго протоіерея, изъ котораго преосвященный Иннокентій сдѣлавъ извлеченія, переслалъ къ Московскому митрополиту Филарету, при слѣдующемъ письмѣ (*отъ 17 ноября 1855 года*): «Въ концѣ мая получилъ я письмо отъ Ситхинскаго протоіерея, писанное 19 января сего года, въ которомъ онъ вкратцѣ увѣдомляетъ меня о церквахъ. О Ситхѣ говоритъ, что все пока тихо, мирно и благополучно. Колоши живутъ очень смирно и его, протоіерея, слушаютъ безпрекословно, приходятъ ко крещенію (въ 1854 году окрещено имъ 31 человѣкъ взрослыхъ); весьма довольны переводомъ на ихъ языкъ Евангелія отъ Матѳея, которое уже все переведено. Кромѣ того, переведено еще нѣсколько тропарей праздничныхъ и вся литургія, которая и поется въ воскресные и праздничные дни въ ихъ церкви съ отрадою сердечною. Въ Уналашкѣ, Атхѣ, Кенаяхъ и Нушагакѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, все хорошо: и священники, и миссіонеры дѣйствуютъ, какъ слѣдуетъ. Но Кадьякскій священникъ (Креолъ Кашеваровъ) ослабѣлъ. (*Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ. 1856 г. ч. XV, стр. 176)*.

Затѣмъ, въ заключеніе этой главы, обратимся къ перепискѣ преосвященнаго Иннокентія съ своею дочерью монахинею Поликсеніей. Переписка между отцомъ и дочерью становилась рѣже, что очень огорчало Иннокентія; хотя замѣтимъ, что теплота и откровенность взаим-

[1]) Илья Ивановичъ Пѣтелинъ, зять владыки.

ная оставались прежнія, только мать Поликсенія настойчиво отмалчивалась отъ предложенія своего родителя подѣлиться своими деньгами съ сестрою и братомъ. Эта-та настойчивость больше всего тревожила преосвященнаго Иннокентія. Въ письмѣ преосвященнаго изъ Якутска (отъ 28 ноября 1855 г.) читаемъ: «Давно я тебѣ не писалъ; ну и ты сама тоже давно не писала ко мнѣ. Послѣднее твое письмо у меня—отъ 18 мая. Я не писалъ, впрочемъ, потому что я съ 31 мая по 26 августа находился въ путешествіи. Ты пишешь въ письмѣ твоемъ между прочимъ, что ты желала бы еще разъ въ сей жизни видѣться со мною.....Чтò въ здѣшнемъ свиданіи! Какъ бы оно ни было пріятно, но должно кончиться, и кончиться навсегда. Заботься лучше и молись, чтобы намъ свидѣться тамъ—въ обителяхъ Отца Небеснаго, въ чертогахъ Небеснаго Жениха твоего, котораго ты имѣла счастіе избрать себѣ. Вотъ тамъ свиданіе, точно, вожделѣнно! Письмо твое утѣшаетъ меня въ особенности тѣмъ, что ты откровенно говоришь о твоихъ слабостяхъ и грѣхахъ: лѣности и непослушаніи. Если ты стала замѣчать ихъ въ себѣ—значитъ, ты становишься внимательною къ себѣ; а это великая милость Божія. Тебѣ думается, что ты не спасаешься,—мысль важная! Не имѣть ея худо, потому что можно впасть въ самомнѣніе и тщеславіе и, слѣдовательно, погибнуть, даже при нѣкоторыхъ добрыхъ дѣлахъ; а съ другой стороны, слишкомъ предаваться ей—опять худо, потому что можно впасть въ отчаяніе. Молись, молись, молись: вотъ все, что я могу сказать тебѣ въ отношеніи этого,—и Господь вразумитъ тебя; а съ лѣностію борись, по крайней мѣрѣ, не поддавайся ей; положенное правило исполняй,—хоть и не хочется, но непремѣнно исполняй; а этимъ мало по малу будешь одолѣвать твою лѣность. Вся задача, весь подвигъ твой въ томъ и состоитъ, чтобы бороться съ своими страстями. Борись—помни, что ты въ Борисовѣ: слѣдовательно, борись!—Позволь себѣ напомнить: я тебѣ писалъ, и уже давно,—не угодно-ли будетъ тебѣ завѣщанныя тебѣ Оленькою 1000 р. раздѣлить, или по крайней мѣрѣ, отдѣлить изъ сихъ денегъ часть для сестры твоей Кати и часть для брата? Но ты мнѣ на это ничего не говоришь. Затѣмъ прощай, Господь съ тобою! Я, слава Богу, здоровъ. Матери игуменьѣ поклонъ отъ меня».

XXII

11-го февраля 1856 года преосвященный Иннокентій снова предпринялъ изъ Якутска продолжительное путешествіе по Амуру, продолжавшееся почти цѣлый годъ. О семъ путешествіи преосвященнаго Иннокентія мы приводимъ здѣсь краткій путевой журналъ его, веденный имъ во время путешествія (*Рукопись Моск. епарх. библ. Общ. Люб. Духовн. Просвѣщ.*): «Получивъ, 30 января 1856 года»,—пишетъ преосвященный Иннокентій,—«указъ Св. Сѵнода, отъ 12 декабря 1855 года, съ разрѣшеніемъ совершить мнѣ путешествіе къ устью Амура чрезъ Иркутскъ, я 11 февраля отправился изъ Якутска и 28-го того же февраля прибылъ я въ Иркутскъ. Принявъ на служеніе въ приамурскихъ мѣстахъ одного священника вдоваго и двухъ діаконовъ (всѣ изъ кончившихъ курсъ) и трехъ причетниковъ, тоже изъ обучавшихся въ училищахъ, я сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи ихъ за Байкалъ, въ Шилкинскій заводъ, откуда обыкновенно отправляются баржи на Амуръ. А 5 апрѣля и самъ я отправился за Байкалъ, который и переѣхалъ благополучно еще по льду, 6-го числа. 8-го числа, вечеромъ, прибылъ я въ Верхнеудинскъ. Побывавъ въ Кяхтѣ и проводивъ тамъ послѣдній день великаго поста и первые три дня св. Пасхи, я отправился въ Шилкинскій заводъ, куда и прибылъ 4 мая, а къ 12 числу собрались туда и всѣ ѣдущіе со мною на Амуръ. 15 мая отправились всѣ свя-

щенно-и церковно-служители съ ихъ семействами, слѣдующіе на служеніе въ приамурскихъ мѣстахъ, помѣстившись на казенныхъ баржахъ; а 17 мая отправился и я въ особой, именно для меня устроенной, по распоряженію г. генералъ-губернатора, лодкѣ, весьма хорошо и даже богато убранной. Съ 19 мая по 24-е я плылъ вмѣстѣ съ казенными баржами, на коихъ находились и священно-и церковно-служители, ѣдущіе на Амуръ; а 24 мая я, въ своей лодкѣ, отправился впередъ, въ сопутствіи одной изъ канонирскихъ лодокъ, слѣдовавшихъ до Айгуна. 27 я встрѣтился съ Забайкальскимъ губернаторомъ, шедшимъ на пароходѣ отъ Айгуна, гдѣ онъ былъ для переговора съ тамошнимъ Китайскимъ амбанемъ или губернаторомъ о проплавѣ нашихъ рейсовъ и лодокъ по Амуру; и, къ удовольствію моему и всѣхъ, узналъ я отъ него, что нѣтъ ни малѣйшаго препятствія со стороны Китайцевъ къ проплаву нашихъ баржъ и лодокъ впередъ и обратно. А между тѣмъ въ Иркутскѣ были извѣстія, которыхъ не опровергалъ и самъ губернаторъ Иркутскій, что Китайцы для непропуску нашихъ рейсовъ собрали 60/т. войска, въ числѣ коихъ до 13/т. англичанъ, и по рѣкѣ протянули цѣпь. Эти слухи нѣкоторыхъ купцовъ заставили отложить свое намѣреніе плыть на Амуръ; и многіе поѣздку мою считали небезопасною. Слухи эти подтверждались нѣкоторыми оффиціальными донесеніями пограничныхъ офицеровъ и были въ своей силѣ даже для насъ до 23 мая. 29 приплылъ я къ городу Айгунъ, въ сопровожденіи одного полковника г. Хилковскаго, остановившагося съ своею командою на лѣто выше Айгуна въ 40 верстахъ, коему приказано было отъ губернатора проводить меня до Айгуна, и который между тѣмъ былъ и переводчикомъ. Прямо противъ города, вблизи берега, остановились мы на якорѣ, и г. полковникъ тотчасъ же съѣхалъ на берегъ для объявленія обо мнѣ и что я желалъ бы видѣть у себя въ гостяхъ амбаня; на берегу встрѣтили полковника чиновники, предварительно уже знавшіе о моемъ поѣздѣ, которые лишь только завидѣли нашу лодку, начали приготовлять стоявшую на берегу палатку, въ которой амбань принималъ нашего губернатора. Тотчасъ дали знать амбаню. Но онъ пріѣхалъ (на верховой лошади) болѣе чрезъ $2^1/_2$ часа. А между тѣмъ мало по малу собирались чиновники, одни другихъ старше и лучше одѣтыхъ; свозили столы и скамьи, разводили огонь и варили чай, которымъ подчивали и г. полковника. Лишь только пріѣхалъ амбань, немедленно нѣсколько чи-

новниковъ съ зелеными и бѣлыми шариками пріѣхали ко мнѣ, а съ ними и г. полковникъ, просить меня отъ имени амбаня въ гости къ нему, и что если я буду къ нему, то, быть можетъ, и онъ будетъ ко мнѣ. Я угостилъ ихъ виномъ и закусками. Я рѣшился ѣхать въ гости къ амбаню, хотя и былъ увѣренъ, что онъ не будетъ ко мнѣ, потому что онъ не былъ на лодкѣ и у нашего губернатора. Чиновники встрѣтили меня на самомъ берегу, а амбань и съ нимъ какой-то другой такой же амбань встрѣтили меня предъ палаткою. Всѣхъ насъ посадили за столъ, уставленный множествомъ сластей на маленькихъ тарелочкахъ, подчивали чаемъ, безъ сахару, въ небольшихъ фарфоровыхъ чашкахъ безъ блюдечекъ и подносимыхъ просто въ рукахъ, безъ подносовъ. И лишь только кто выпивалъ чашку, тому сейчасъ подносили другую. Послѣ чаю угощали насъ сластями и водкою, очень крѣпкою и за то въ такихъ чашечкахъ (тоже фарфоровыхъ и такой же фигуры, какъ и чайныя), въ которыхъ не помѣстится и двухъ чайныхъ ложечекъ. Я сидѣлъ недолго; размѣнявшись комплиментами и разными желаніями чрезъ двухъ переводчиковъ, съ Русскаго на Монгольскій (чрезъ полковника) и съ Монгольскаго на Манчжурскій или Китайскій (чрезъ ихъ чиновнаго переводчика), я сталъ приглашать къ себѣ амбаня и его товарища къ себѣ на лодку; а онъ сталъ отговариваться тѣмъ, что я спѣшу и что ему нельзя оставить другаго амбаня и проч.; и я, не теряя болѣе времени (ибо день уже вечерѣлъ), отправился на свою лодку. Амбань провожалъ меня до самой лодки, идя со мною рядомъ и рука въ руку. И лишь только я прибылъ на лодку, мы тотчасъ же отправились въ свой путь, и совершенно одни, безъ всякихъ лоцмановъ,—ибо спутниковъ со мною не было никого, до самаго устья Амура. 4 іюня прошли Хингинскій хребетъ, такъ называемый Щоки, на разстояніи почти 60 верстъ, а 16 прибыли въ Кизе. Священникъ Веніаминовъ [1]) встрѣтилъ меня за 70 верстъ отъ Кизе, гдѣ пробылъ я нѣсколько часовъ и въ тотъ же день отправился въ Николаевскъ, въ намѣреніи застать адмирала Завойку, который имѣлъ отправиться въ Аянъ со всѣмъ своимъ семействомъ; который и отправился съ адмираломъ Невельскимъ. А я, пробывъ въ Николаевскѣ съ 19 по 23, опять отправился въ Кизе, съ тѣмъ, чтобы дождавшись

---

[1]) Сынъ владыки.

тамъ рейсса и на немъ ѣдущихъ на Амуръ священно-и церковно-служителей, сдѣлать распоряженіе о размѣщеніи ихъ; 29, вечеромъ, пришли мы въ Кизе на лодкѣ, а 3 іюля я получилъ свѣдѣніе, что рейссъ не будетъ ранѣе 15 іюля—и, сдѣлавъ распоряженія, какія было можно и нужно, 4 числа отправился обратно въ Николаевскъ, куда и прибылъ 9 числа, проплывъ протокою Пальво, гдѣ зимовали суда наши. Послѣ сего слѣдуетъ сказать что нибудь и о рѣкѣ и о жителяхъ. Рѣка Амуръ есть изъ огромнѣйшихъ рѣкъ не только въ Сибири, но въ цѣломъ свѣтѣ; для плаванія безопасная и спокойная,—кромѣ отмелей, неизбѣжныхъ на илистыхъ и песчаныхъ мѣстахъ, нѣтъ никакихъ затрудненій. А что удобна она для судоходства, этому главнымъ доказательствомъ служитъ то, что по ней вотъ уже третій годъ сплываютъ баржи, съ грузомъ около 3.800 пудовъ каждая и болѣе, безъ всякихъ, можно сказать, лоцмановъ и съ людьми неопытными. Берега ея сначала покрыты лѣсомъ, постепенно переходящіе изъ хвойнаго въ лиственный; а потомъ, кромѣ горъ Хингинскаго хребта, покрыты тучною травою, а наконецъ—опять хвойнымъ лѣсомъ съ перемежающимися лугами. Рыбы въ ней великое изобиліе всякаго рода, а внизу и морскою періодическою, изъ рода лососей. О климатѣ и растительности можно судить, что на берегахъ или вблизи береговъ растутъ: дубъ, вязъ, кленъ, липа, береза, осина, ольха, кедръ и проч. и растетъ дикій виноградъ даже нѣсколько повыше Кизе или Маріинска. 10 іюня я видѣлъ красную смородину, совсѣмъ уже налившуюся и начинавшую краснѣть. Сказать, что на Амурѣ нѣтъ жителей,—нельзя: потому что въ первой половинѣ его есть даже городъ Манчжурскій (Айгунъ), раскинутый по берегу почти на двѣ версты, и около него видны около 12 деревень, довольно порядочныхъ. Но, можно сказать, только и всего! Потому что отъ начала Амура и до Айгуна видно кое-гдѣ по нѣскольку берестяныхъ подвижныхъ шалашей, въ коихъ привитаютъ Манегры,—то же, что наши Тунгусы,—занимающіеся промысломъ рыбы и преимущественно калугою (родъ большаго осетра), кои такъ велики, что одной икры вынимаютъ изъ одной рыбы до 5 пудовъ, а ниже города, начиная верстъ за 50—80, еще меньше видно по берегамъ домиковъ, обитаемыхъ Гольдами, тоже Тунгусскаго рода. Только предъ последними горами, предъ Кизе, верстъ за 200, почаще встрѣчаются небольшія деревеньки, обитаемыя сначала Мангунцами, тоже изъ Тунгусскаго

рода, а за 70, 100 верстъ выше устья Амура—Гиляками, которые живутъ и въ устьѣ, и за устьемъ, и на Сахалинѣ. Все это, видимое съ рѣки, народонаселеніе на такой огромной рѣкѣ, на разстояніи почти 3000 верстъ, такъ мало и такъ ничтожно, что они существуютъ какъ бы для того только, чтобы показать, что климатъ и воздухъ на Амурѣ для человѣка не вредны. Въ городѣ и подлѣ города обитаютъ исключительно Манчжурцы, и ихъ число совершенно неизвѣстно; и говорятъ бывалые, что они живутъ и далеко ниже и выше города, вдали береговъ, занимаясь хлѣбопашествомъ.—Впрочемъ, и Гольдей и Мангунцевъ, говорятъ, очень много живутъ по протокамъ и по притокамъ Амура, по обѣ стороны. Гиляки народъ особаго происхожденія. Они, по словамъ бывалыхъ, похожи много на Аиновъ, живущихъ на южной оконечности Сахалина; а Аины—то же, что Курильцы. Слѣдовательно, Николаевскій постъ—резиденція губернатора—находится въ землѣ Курильцевъ. Здѣсь нельзя не вспомнить и не обратить особеннаго вниманія на то, что не напрасно блаженной памяти Государь Императоръ Николай I, сверхъ всякаго чаянія, изволилъ Камчатскому архіерею дать названіе, между прочимъ, и Курильскаго.....

Число жителей еще неизвѣстно даже приблизительно, не говоря о Манчжурцахъ, но и о другихъ народахъ. Первые наши заселенцы на Амурѣ полагали жителей, вмѣстѣ съ Сахалиномъ, сотни тысячъ; изъ новѣйшихъ путешественниковъ, г. Максимовичъ не насчитываетъ ихъ и 10/т.;—но и тѣ и другой не стоятъ полнаго довѣрія. Напр., послѣдній въ одномъ семействѣ полагаетъ не болѣе трехъ душъ,—число очень малое; и притомъ онъ самъ не вездѣ былъ, а передаетъ со словъ туземцевъ. Но во всякомъ случаѣ, Гиляковъ и другихъ народовъ Тунгусскаго происхожденія на всемъ пространствѣ отъ Манчжурскихъ селеній и до устья, и на Сахалинѣ, и по берегамъ Татарскаго пролива, и на рѣкахъ Амгуни и Буреи—болѣе 25/т. едва ли будетъ. Народы Тунгусскаго происхожденія суть: Мангунцы, Орочи, Гольды, Нигидальцы, Самогирцы, Тунгусы или Орочаны и другіе. Всѣ они говорятъ однимъ языкомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ нарѣчіи, и всѣ они кроткаго нрава. Гиляки же совсѣмъ другаго характера: на Сахалинѣ живущіе славятся воровствомъ и наглостію. Священнослуженіе въ Николаевскѣ и Маріинскомъ постахъ въ прошедшее время и донынѣ отправляется въ особыхъ отдѣленіяхъ въ казармахъ, въ первомъ мѣстѣ—священникомъ

Веніаминовымъ, [1]) а въ послѣднемъ—іеромонахомъ Іоною, съ фрегата «Аврора»; въ первомъ мѣстѣ и я нѣсколько разъ отправлялъ литургію, въ большіе праздники и для рукоположеній. По окончаніи всѣхъ необходимыхъ дѣлъ моихъ, долго я ждалъ случая отправиться на Аянъ, но его не было. Открылся было случай отправиться на маленькомъ казенномъ ботикѣ № 1-й, и мы 3 августа отправились и вышли даже въ лиманъ; но ботъ нашъ повредился отъ сильнаго волненія, стоя на якорѣ, и мы принуждены были возвратиться обратно въ Николаевскъ, куда и прибыли благополучно 7-го числа того-жъ мѣсяца. 5 августа прибылъ на Амуръ новый губернаторъ г. Казакевичъ, который между прочимъ немедленно обратилъ вниманіе на построеніе церквей въ Николаевскѣ, Маріинскомъ и въ селѣ Михайловскомъ. 24 августа, въ день Камчатской побѣды, заложена церковь въ Николаевскомъ постѣ, деревянная, по тому самому плану, который былъ данъ для построенія Камчатскаго собора. Наконецъ, 2 сентября, мы вышли изъ Николаевска на казенномъ (новомъ и прекрасномъ) пароходѣ «Америка» и направились въ Аянъ; но не смотря на то, что пароходъ ходитъ по 10 миль въ часъ, мы въ Аянъ пришли только 11-го числа вечеромъ. Причиною тому то, что какъ по рѣкѣ, такъ и по лиману фарватеръ не прямъ и пересѣкается мелями, а знаковъ никакихъ еще нѣтъ; и оттого мы шли очень осторожно и слѣдовательно тихо,—собственно же заливъ, раздѣляющій Аянъ отъ береговъ Амура, мы перебѣжали въ 25 часовъ, умѣреннымъ ходомъ. А когда по рѣкѣ и лиману будутъ обыкновенные знаки, тогда изъ Николаевска, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, можно будетъ переходить на пароходѣ не болѣе, какъ въ 36 часовъ. По прибытіи моемъ въ Аянъ, я какъ ни желалъ скорѣе отправиться въ Якутскъ, гдѣ ожидаетъ меня немало разныхъ дѣлъ; но слишкомъ рано наступившая зима помѣшала. И я даже, не смотря на лежавшій на горахъ снѣгъ, пускался въ дорогу; но по причинѣ большаго снѣга, выпавшаго въ одну ночь, принужденъ былъ возвратиться въ Аянъ, гдѣ и остаюсь въ ожиданіи зимняго пути.» [2])

Къ сему описанному путешествію по Амуру мы имѣемъ добавить

[1]) Сынъ владыки, Гавріилъ Ивановичъ.

[2]) Рукопись эта писана постороннею рукою, но подписана собственноручно преосвященнымъ Иннокентіемъ.

слѣдующее. Въ то время, когда преосвященный Иннокентій проживалъ въ Кяхтѣ, было получено имъ, наканунѣ св. Пасхи, два письма: одно отъ митрополита Московскаго Филарета, другое—поздравительное, отъ Н. Д. Свербеева. Эти письма доставили владыкѣ большое утѣшеніе и радость. Вотъ что писалъ владыка Московскій къ преосвященному Иннокентію изъ Москвы, отъ 10-го іюля 1856 года: *(Русск. Арх. 1881 г. II, стр. 24—25)*: «И вы вините себя въ молчаніи! Успокойтесь: нѣтъ человѣка, столько виновнаго въ молчаніи, какъ я,—и предъ вами, и предъ многими. Господь да хранитъ ваше зрѣніе. Бережно употребляйте его. Не годится-ли вамъ средство, которому научилъ меня покойный митрополитъ Амвросій, и которое помогаетъ моимъ, давно слабымъ глазамъ: при пробужденіи отъ сна, по закрытымъ глазамъ провести перстомъ, омоченнымъ въ слюну, и остаться съ закрытыми глазами минуты на три? Благодарю съ вами Бога за то, въ чемъ продолжаетъ онъ являть вамъ Свою благодатную помощь, и за безопасность предъ лицемъ враговъ. Въ трудномъ же и скорбномъ да подкрѣпитъ Онъ васъ и да даруетъ труду плодъ и скорби утѣшеніе. Нѣкоторымъ скорбямъ вашимъ горько соскорблю и я, и особенно бѣдамъ во лжебратіи, открывшимся въ пришедшихъ отъ насъ. Какъ я въ лаврѣ бываю недолго и, будучи тамъ, не имѣю удобства наблюдать за каждымъ изъ братіи: то при избраніи долженъ я былъ положиться на свидѣтельство тамошнихъ старшихъ. Въ Гавріилѣ, вѣроятно, дѣйствуетъ прежняя болѣзнь умоповрежденія. Я видѣлъ опыты, которые показывали, что выздоровѣвшихъ отъ сей болѣзни небезопасно употреблять къ дѣламъ труднымъ и заглазнымъ. Особенно горько узнать о дѣйствіяхъ произвольной болѣзни Ареѳы, которой здѣсь не подозрѣвали. Вы, конечно, поспѣшили отозвать сихъ людей; и думаю, хорошо было бы, чтобы вы отослали ихъ къ намъ, дабы близъ васъ и слѣдовъ ихъ не оставалось. Что врагъ душъ человѣческихъ злится на отъятіе у него жертвъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. И являющееся озлобленіе его показываетъ, что онъ много теряетъ. Посему не надобно приходить въ смущеніе отъ его усилій, но продолжать дѣйствовать съ спокойною твердостію, въ упова765ніи на помощь Божію, уже испытанную. Господь да даруетъ вамъ свышній внутренній миръ, побѣдоносный во всякой брани, да не спѣшите на покой внѣшній. Господь силъ да будетъ съ вами! О семъ молю Его, прося молитвъ вашихъ о моей немощи».

А на поздравительное письмо Н. Д. Свербеева преосвященный Иннокентій отвѣчаетъ ему письмомъ изъ Читы *(отъ 25 апрѣля 1856 года)*: «Воистину воскресе!» отвѣчаю вамъ на привѣтствіе ваше въ послѣднемъ вашемъ письмѣ. Цѣлыхъ четыре письма ваши передо мною, на которыя я еще не отвѣчалъ вамъ. Какова неаккуратность! Простите Бога ради: будьте увѣрены, что это не отъ равнодушія или забвенія, а отъ случая. На первыя два письма ваши, отъ 6 февраля и отъ 7-го марта, я надѣялся отвѣчать вамъ лично, для чего я и прожилъ въ Иркутскѣ лишнихъ три дня, въ ожиданіи васъ до послѣдней минуты, и очень жалѣю, что не остался въ Иркутскѣ еще на сутки. Тогда бы я увидѣлъ васъ лично и нареченную вашу невѣсту; но этого не случилось: а быть можетъ, для того, чтобы я увидѣлъ васъ обоихъ и съ приращеніями въ Якутскѣ... Дай бы Господи! Въ письмѣ своемъ отъ 7 марта вы, между прочимъ, говорите, что «вообще много и много нужно бы передать на словахъ.» Очень жалѣю, что изъ столь многаго я ничего не знаю и, вѣроятно, не узнаю. Если можно, потрудитесь написать ко мнѣ въ Якутскъ; а въ доказательство того, что я никому ничего не передамъ, я отошлю это письмо вамъ обратно. Въ этомъ же письмѣ вы въ первый разъ сказали мнѣ о своемъ намѣреніи жениться; и для меня это была точно новость, и я очень порадовался этому, тѣмъ болѣе, что я за нѣсколько дней видѣлъ вашу невѣсту, бывъ у нихъ съ первымъ визитомъ. Третье письмо ваше, отъ 11 апрѣля, я получилъ въ Кяхтѣ, наканунѣ Пасхи, а съ нимъ вмѣстѣ и письмо отъ владыки Филарета; то и другое доставило мнѣ большое утѣшеніе и радость. Владыка утѣшаетъ меня въ моей скорби по дѣламъ моимъ въ Америкѣ, а вы пишете о своемъ прибытіи въ Иркутскъ, о свиданіи съ невѣстою и о мирѣ;—къ тому присовокупилось еще и письмо отъ А. М. Потемкина, который извѣщаетъ меня, что по завѣщанію моей дочери Ольги Музовской, оставлено ею въ полное мое распоряженіе десять тысячъ р. сер., и слѣдовательно я встрѣтилъ Пасху съ особенною радостію; болѣе же всего меня порадовалъ и радуетъ миръ. Слава въ вышнихъ Богу! миромъ симъ Онъ благоволилъ смирить нашу гордость. Мы слишкомъ замыкались и задрали голову; а въ случаѣ успѣха въ нынѣшней войнѣ, мы бы такъ заломили себѣ головы, что не только подъ ногами своими, но и рукъ своихъ не видали бы—и слѣдовательно, какъ разъ бухнули бы въ яму, а

теперь, nolens volens, надобно потупить голову: а это заставить насъ разсмотрѣть, что у насъ теперь подъ ногами и на ногахъ, и куда мы идемъ. О полученіи письма отъ г. Потемкина я буду писать ему на слѣдующей почтѣ оффиціально, и пошлю довѣренность на полученіе означенныхъ денегъ. На эти три письма ваши я не могъ вамъ отвѣчать, потому что первые три дня Пасхи я служилъ въ Троицкосавскѣ и Кяхтѣ, а на третій день отправился въ Верхнеудинскъ, гдѣ тоже отслуживъ, въ тотъ же день отправился въ Читу, куда прибылъ 23 апрѣля и получилъ ваше послѣднее письмо, посланное съ г. Чихачевымъ, въ которомъ вы ничего не сообщаете мнѣ новаго, но за то болѣе говорите о своихъ сердечныхъ обстоятельствахъ. Молю Господа и въ особенности помолюсь ему въ 29 число [1]) (въ которое я намѣренъ отслужить въ Читинской церкви), дабы онъ благословилъ бракъ вашъ благословеніемъ небеснымъ, на радость и утѣшеніе вамъ, роднымъ вашимъ и церкви и Россіи; я же, съ своей стороны, желалъ, желаю и буду желать отъ искренняго моего сердца всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, ей и аминь!—Собираемся въ водный путь. Помолитесь о насъ, да совершится онъ благополучно и безъ всякихъ непріятностей и столкновеній съ нашими сосѣдями. М. С. Корсаковъ, которому вчера чиновное общество задало прощальный обѣдъ, сегодня вечеромъ намѣренъ отправиться (обѣдъ этотъ, говорятъ, еще первый). А я думаю выѣхать съ Читы 29 вечеромъ, т. е. въ день вашей свадьбы, какъ говорятъ. Николаю Николаевичу я теперь не пишу, а напишу на р. Амуръ съ г. Миллеромъ, а васъ прошу по прибытіи его въ Иркутскъ— т. е. Николая Николаевича—поздравить съ прибытіемъ и засвидѣтельствовать ему мое почтеніе. За тѣмъ прощайте, мой возлюбленный о Господѣ, Николай Дмитріевичъ! до свиданія, да сохранитъ васъ Господь Богъ на многія лѣта. Миръ и благословеніе отъ моего недостоинства вамъ, и невѣстѣ вашей, и всѣмъ вашимъ роднымъ».

Ожидая въ Аянѣ зимняго пути, преосвященный оттуда писалъ къ сыну, отцу Гавріилу (*отъ 13 сентября 1856 г.*): «Слава и благодареніе Господу! Наконецъ мы добрались до Аяна; 11-го числа вечеромъ, въ 8 часовъ, положили якорь. Я, слава Богу, былъ и есмь здоровъ, только немного карманъ мой долженъ потерпѣть. Риз-

[1]) Въ этотъ же день была и моя свадьба въ 1817 году.

ница и всѣ мои рясы, и платье, и бѣлье подмочены, при свозкѣ съ парохода на берегъ. «Десятка», которую мы вели на буксирѣ, говорятъ, потекла вдругъ, будто бы; а все мое имущество было на самомъ низу и оттого все подмочило; винить тутъ некого, да и не къ чему.... Конечно, если бы Гаврило мой (котораго я впрочемъ послалъ рано) былъ при погрузкѣ моихъ вещей, то конечно, ризница и чемоданъ мой не подмокли бы, потому что онъ не положилъ бы ихъ на низъ. Но его не было на суднѣ,—онъ ночевалъ на берегу,—и вещи грузили безъ него. И такъ, теперь нѣтъ у меня ни одной рясы чистой и хорошей. И это мнѣ подѣломъ.—Жалѣй ты: потому что послѣ смерти моей это досталось бы тебѣ. Петру Васильевичу кланяйся отъ меня и благодари за все, но ни чуть не говори о подмочкѣ, да и совѣтую тебѣ не говорить объ этомъ никому, потому что это ни къ чему не поведетъ, какъ только къ ненавидѣнію насъ. Ты самъ знаешь, что всякъ своихъ защищаетъ предъ другимъ сословіемъ, и сколько ни говори и ни ропщи, а испорченнаго не воротишь. Отецъ Ареѳа уѣхалъ въ Якутскъ до меня еще. Умнѣе этого ничего онъ придумать не могъ, и потому я теперь помѣщаюсь въ своемъ прежнемъ уголкѣ. Какъ ни хочется мнѣ ѣхать въ Якутскъ скорѣе, но приходится жить до зимняго пути. Впрочемъ, скучать не стану, потому что изъ Ситхи привезена вся почта:—дѣла не мало. Отецъ Константинъ ѣдетъ къ вамъ; если «Двина» еще не ушла, то отправь его, а иначе—корми, и если онъ можетъ, то пусть и служитъ, напримѣръ, за тебя, когда ты уѣдешь въ походъ. За тѣмъ прощай, до свиданія! Господь съ вами со всѣми.

P. S. Компанія пожаловала мнѣ десять тысячъ рублей ассигнаціями, еще въ 1853 году; я это узналъ только сейчасъ, рывшись въ бумагахъ; поздравляю: вотъ тебѣ и вознагражденіе за потерю! Если грамоты на освященіе храма я не успѣю написать, то съ Богомъ—освящай, не дожидаясь оной, лишь только будетъ поставленъ иконостасъ и престолъ (вышиною 1 арш. 6 вершк. и шириною и длиною по пропорціи). Но во всякомъ случаѣ, ты долженъ мнѣ написать рапортъ о томъ, что церковь строится успѣшно и что скоро будетъ готова, и послать съ Ив. Васильевичемъ. Сейчасъ пришелъ я изъ церкви, гдѣ разсматривалъ всю подмоченную ризницу, и, къ удивленію нашему, только Филаретовское бархатное облаченіе немного пострадало, а на прочихъ одеждахъ едва замѣтно и на хорошей мантіи ничего не замѣтно,—

слава Богу! Значитъ, нечего и говорить о подмочкѣ; только мои вещи пострадали,—но десять тысячъ компанейскихъ, пожалованныхъ мнѣ, достаточно будетъ на заведеніе двадцати рясъ бархатныхъ. Прилагаемый при семъ пакетъ, если можно, отправь въ Калифорнію, на «Двинѣ» или на комъ либо другомъ суднѣ; только въ послѣднемъ случаѣ сдѣлай на него новый конвертъ и попроси кого нибудь написать по-англійски». Изъ Аяна преосвященный Иннокентій писалъ также и къ Н. Д. Свербееву: «Сверхъ всякаго чаянія, я получилъ письмо ваше, посланное съ г. Хитрово на Амурѣ. Я говорю: сверхъ чаянія—потому, что я отправился было изъ Николаевска на Аянъ 3-го августа, а г. Казакевичъ прибылъ въ Николаевскъ 4-го вечеромъ; а какъ это случилось, разскажу по порядку. Не безъ страха и опасенія отправился я изъ Иркутска; слухи (которыхъ не опровергалъ Карлъ Карловичъ), что Китайцы собрали шестьдесятъ тысячъ войска и что въ числѣ ихъ немало Англичанъ, не могли не тревожить хотя кого. Но, какъ вы уже знаете все, слава Богу! и тѣни похожаго на это не было. Плаваніе наше по Шилкѣ началось 17 мая: до Стрѣлки и нѣсколько подалѣе я плылъ большею частію вмѣстѣ съ Рейсомъ г. Мухина; потомъ я до мѣста, гдѣ остановился г. Хилковскій, т. е. до устья Зеи, плылъ съ канонирскою лодкою. До Айгуна проводилъ меня г. Хилковскій, который былъ моимъ и толмачемъ, когда я былъ въ гостяхъ у амбаней (ихъ было двое). Какъ они принимаютъ и угощаютъ—это вы знаете. Я недолго былъ въ гостяхъ у губернатора, ибо день уже вечерѣлъ. Отъ Айгуна я плылъ уже совершенно одинъ, безъ всякихъ лоцмановъ; оставя его 29-го, вечеромъ 16 іюня приплылъ я въ Кизе. Ночами мы никогда не плыли. Сравнивая время плаванія часами по Ленѣ съ плаваніемъ по Амуру, выходило почти одно и то же: что съ Кизеса до Якутска, то отъ Шилки до Кизе. Такъ находятъ и другіе. Въ Кизе я останавливался на нѣсколько часовъ,—спѣшимъ скорѣе застать Завойку; и засталъ обоихъ адмираловъ. Они ушли изъ Николаевска только 21, а я приплылъ 19-го. Слышалъ я мнѣнія и сужденія объ Амурѣ обоихъ адмираловъ. Одинъ чрезъ-чуръ хвалитъ (впрочемъ, уже убавилъ ходу), а другой въ той же мѣрѣ хулитъ. Аянскіе говорятъ, что они оба съ этими мыслями и выѣхали. Послѣдній будто бы хочетъ представить—бросить совсѣмъ Амуръ и сдѣлать портъ или въ Камчаткѣ или въ Аянѣ!! Этого я отъ нихъ не слыхалъ. Ужели это

правда?! и ужели его послушают!... Нѣтъ! В. С. уже не тотъ, какимъ я его зналъ,—т. е. онъ тотъ же самый, но прежде онъ слушалъ, когда ему говорятъ резонно, и удерживалъ свой х—х..й характеръ, а теперь не слушаетъ и слушать не хочетъ никакихъ резоновъ и далъ полный ходъ своему упрямому характеру. Впрочемъ, не на радость себѣ: два, три свиданія и два, три сужденія—и онъ окажется, что онъ годенъ только работать, строить и умѣетъ держать команду. Послѣднее въ немъ рѣдкость, по нынѣшнему. Но судить и рядить—не его дѣло. Говорилъ бы болѣе—да некогда..... По уходѣ адмираловъ, я опять пошелъ въ Кизе и пробылъ тамъ до 4-го іюля, потомъ воротился опять на Амуръ; и плывя оттуда, заплывалъ въ протоку Пальво, гдѣ зимовали суда наши. 13 іюля отецъ Гавріилъ произведенъ въ протоіереи. 1 августа у нихъ родился сынъ [1]), а мнѣ внукъ,—и еще первый моей фамиліи. 3 августа собрались было мы идти на Аянъ на кораблѣ № 1 и вышли уже даже въ лиманъ; но свѣжій вѣтръ повредилъ нашимъ кораблямъ, и мы воротились обратно въ Николаевскъ 7 числа. Здѣсь я въ первый разъ еще увидѣлся съ г. Казакевичемъ и Посьетомъ. Первый мнѣ понравился, а послѣдняго я полюбилъ. Живѣе пошли дѣла Амурскія и опредѣленнѣе, потому что пріѣхалъ самъ хозяинъ. Тотчасъ принялся за церковь. Живо вычистили мѣсто и 24 августа заложили. По отходу моему уже третій рядъ вели. На Амурѣ теперь изобиліе всего,—въ Михайловскомъ селѣ и въ Богородскомъ родился хлѣбъ и овощи и даже огурцы на грядахъ, которыхъ досталась и намъ въ Николаевскѣ не одна сотня. Значитъ, здѣсь поселенія на мѣстѣ. Наконецъ собрались мы въ Аянъ; и за то уже не на «Иртышѣ» и не на Готѣ № 1, а на пароходѣ «Америка», (его еще не крестили, т. е. не освящали, вѣроятно потому, что ждутъ разрѣшенія, какъ его назвать). Пароходъ чудесный. Но увы! Капитаны наши подгадили; я думаю, капитанъ, приведшій его изъ Америки и шедшій съ нами на Аянъ, невыгодное сдѣлаетъ заключеніе о нашихъ капитанахъ. Онъ въ Николаевскѣ видѣлъ множество въ густыхъ эполетахъ, и когда садился на пароходъ, навѣрное думалъ, что капитанъ на немъ самый лучшій; да такъ подумаетъ всякій. Нѣтъ! можно сказать, что рано еще намъ имѣть та-

---

[1]) Иванъ Гавриловичъ Веніаминовъ нынѣ состоитъ на службѣ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку въ чинѣ поручика.

кіе пароходы,—потому что ходить еще не умѣемъ на пароходахъ.— Мы шли до Аяна 9 дней; впрочемъ, это уже не отъ капитана. Пройти по мелямъ болѣе 300 верстъ (мы были еще у Лазарева, мы заѣзжали), конечно, скоро нельзя, когда еще нѣтъ ни вѣхъ, ни бакановъ; и опись самая неопредѣленная. Но когда мы выбрались на вольную воду, то пароходъ полетѣлъ, при половинныхъ парахъ, по 9 и по $9^1/_2$ узловъ въ часъ. Вы видите, что путь мой на Амуръ былъ счастливъ и удаченъ; а съ Амуру напротивъ. Первая неудача та, что я долго прожилъ на Амурѣ; вторая та, что не могъ попасть на ботъ. Третья та, что я не могъ выѣхать съ Аяну и долженъ жить до зимняго пути, а главная неудача и несчастіе—то, что, по милости моряковъ, подмочили при свозкѣ вещей моихъ съ парохода на берегъ все мое платье и хорошую ризницу. Къ счастію, на многихъ не замѣтно или очень мало замѣтно; но бархатное облаченіе преосвященнаго Филарета, которое вы привезли, очень попортилось, и также и моя зеленая бархатная ряса; но видно, такъ этому надобно быть,—я объ этомъ ни слова не писалъ Казакевичу и отцу Гавріилу запретилъ говорить объ этомъ. Потому что пятнадцати-лѣтній опытъ научилъ меня, что жалобы, какъ бы онѣ ни были справедливы, ни къ чему не ведутъ. Пожалуйся я на капитана и на его помощника—то мнѣ, и не только мнѣ, но и всѣмъ духовнымъ, достанется отъ всѣхъ моряковъ..... Какъ теперь выѣзжаютъ исправники на бѣдныхъ Гижигитскихъ духовныхъ!!! Истинна пословица: «воронъ ворону глазъ не выколетъ». Богъ съ ними! Самое лучшее—терпѣть. Братъ мой въ Камчаткѣ нѣсколько лѣтъ терпѣлъ и наконецъ побѣдилъ своимъ терпѣньемъ, а сталъ жаловаться онъ—то дѣло дошло бы и до бумагъ. Сдѣлайте милость, если Николай Николаевичъ услышитъ о подмочкѣ моихъ вещей, скажите, что немного повредилось коечто и—только. Вы вѣрно удивитесь, что я такъ много пишу вамъ. Причина самая простая: читать вечеромъ я не могу, а писать, какъ видите, еще могу, съ отдыхами,—и вотъ, отъ нечего дѣлать, давай писать вамъ. За то такъ наваракса лъ, что днемъ и глядѣть гадко! Ни объ Амурѣ, ни о моихъ планахъ и намѣреніяхъ въ отношеніи къ нему я вамъ не пишу ничего. Потому что цѣлую тетрадь намаралъ и послалъ Николаю Николаевичу: слѣдовательно вы узнаете все.

Теперь перенесусь къ вамъ. Чтó-то вы подѣлываете? Принялись ли за Китайскія дѣла? и что? и какъ будетъ? Неужели все бросятъ?! Жаль

будетъ—очень жаль! но видно, такъ Господу угодно,—видно, или еще не пришло еще время занять намъ Амуръ, или не намъ занимать его. Вы пишете, что много обѣщаютъ перемѣнъ и преобразованій—послѣ коронаціи. Вы теперь все, или многое уже знаете; а мы здѣсь развѣ только въ началѣ ноября услышимъ, что была коронація—и болѣе ничего. Любопытно, чтò будетъ; скажу и я съ вами: дай Господи нашему Государю помощниковъ и благонамѣренныхъ дѣятелей! Кто то къ намъ пріѣдетъ губернаторствовать? Дай Господи благонамѣреннаго, дѣятельнаго и хозяина. У Якутовъ теперь хлѣбъ есть и будетъ, мясо и масла довольно, рыбы тоже. Имъ надобно теперь заводить свои рубашки, свои зипуны, т. е. надобно научить ихъ прежде и ткать, а прежде—сѣять коноплю и разводить овецъ. Со дня на день и даже съ часу на часъ ждемъ парохода съ Амура и на немъ еще человѣкъ около 6 выѣзжающихъ, а также и хозяина Аянскаго порта, И. П. Фругельма; онъ остался отъ насъ на Амурѣ, въ Кизе или Кастри, для отправки въ Америку солдатъ и для отысканія мѣста на рѣкѣ Амурѣ для помѣщенія компанейскихъ зданій. Снѣгъ въ Аянѣ нынѣ выпалъ очень рано, и вотъ уже начали морозики. Такъ что и въ ясный день очень, очень мало притаиваетъ. Амурскія дѣти мои вамъ кланяются. Затѣмъ, призываю благословеніе Св. Троицы на васъ и на вашу супругу и на всю вашу домашнюю церковь....

P. S. Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе вашему папенькѣ Сергѣю Петровичу [1]), и я бы сердечно порадовался и порадуюсь, если, какъ вы писали, милости Царя коснулись и его. Скажите отъ меня также поклонъ г. Бибикову и г. Чихачеву, если онъ въ Иркутскѣ, и спросите его—передалъ-ли онъ отъ меня почтеніе и поклонъ Карлу Карловичу; а если нѣтъ, то потрудитесь сдѣлать это вы. Я, слава Богу здоровъ,—только глаза, глаза! а писать надобно, и письма не мало.»

Мы имѣемъ въ подлинникѣ, упоминаемую въ приведенномъ здѣсь письмѣ преосвященнаго Иннокентія, черновую его тетрадь съ его планами и намѣреніями касательно Амура. Тетрадь эта собственноручно имъ писана, чрезвычайно мелко и со многими выносками и поправками карандашемъ, которыя отъ времени такъ стерлись, что всего впол-

---

[1]) Князь Трубецкой.

нѣ, не было никакой возможности разобрать. Этой тетради, по ея обширности, мы посвящаемъ всю слѣдующую главу нашей книги.

Письмомъ (отъ 4-го же октября) къ своей дочери, матери Поликсеніи, преосвященный Иннокентій заканчиваетъ свою переписку съ Аяна. Приводимое письмо начато имъ въ началѣ іюня, во время плаванія его по Амуру, и окончено 4 октября,—писалось, значитъ, четыре мѣсяца: «Давно уже», пишетъ Иннокентій, «я получилъ отъ тебя письмо и посылки, посланныя съ монахами, именно 8 февраля; но до сихъ поръ мнѣ не удавалось отвѣчать тебѣ, потому что 11 февраля я выѣхалъ изъ Якутска съ тѣмъ, чтобы чрезъ Иркутскъ отправиться на Амуръ, гдѣ находится братъ твой Гавріилъ. Письмо это пишу тебѣ, плывя по рѣкѣ Амуру; а плывемъ мы по нему уже 15-й день; да до него плыли 6 дней по рѣкѣ Шилкѣ. Чрезъ недѣлю надѣемся, если не будетъ препятствій, т. е. противнаго вѣтра, доплыть и до устья онаго. Оттуда я намѣренъ, въ началѣ іюля, уйти на суднѣ въ Аянъ, а изъ Аяна опять въ Якутскъ; а когда это письмо я отправлю къ тебѣ—не знаю. Ты въ письмѣ твоемъ просишь меня научить тебя спасаться. Ахъ, Пашенька! самъ я готовъ у тебя попросить совѣта—какъ мнѣ спасаться. Давно уже началъ учиться, и все еще учу азы; иногда какъ будто кажется дойду и до складовъ: смотришь—опять забылъ старое, и опять снова за азы; а когда стану разбирать самое писаніе—Богъ знаетъ, и дойду ли еще до этого! Но сколько съумѣю, или лучше сказать, сколько припомню чужихъ совѣтовъ и мыслей, касающихся спасенія, скажу тебѣ. Ты говоришь, что нѣтъ у тебя смиренія и послушанія, и что ты лѣнива молиться Богу. Истинное смиреніе, милая моя, есть даръ Божій; слѣдовательно, его нельзя имѣть когда хочется, его надобно достигать,—а оно достигается тѣмъ, между прочимъ, чтобы никогда и нигдѣ, и ни въ чемъ не считать себя выше другихъ,—словомъ сказать, считать себя ниже всѣхъ. И потому не смѣть никого осуждать, ни на кого не сердиться, никогда не считать себя невинною или правою; словомъ сказать—считать себя землею и пепломъ, по которымъ не возбраняется ходить никому. Имѣя таковое смиреніе, послушаніе придетъ уже само собою. Ты лѣнива молиться,—вспомни, ты гдѣ находишься? въ Борисовской: слѣдовательно, ты должна, всегда должна бороться съ собою и съ своею лѣнью. Не отчаявайся, если иногда и она тебя поборетъ,—ничего; только не лежи, а вставай;

по крайней мѣрѣ, употребляй всѣ усилія вставать—и Господь, видя твое усердное желаніе встать, поможетъ тебѣ. Между тѣмъ, не думай и не мечтай, что здѣсь, на землѣ, можно дойти до того состоянія, чтобы никогда не бороться съ собою или съ духомъ злобы: нѣтъ! Здѣсь, на землѣ, не рай, не вѣчный покой, а поприще или школа. Ты говоришь еще, что ты не можешь преодолѣвать своего гнѣва. О, моя милая! Этотъ врагъ у тебя самый лютый и самый неутомимый и неотвязчивый, потому что онъ въ твоемъ характерѣ; т. е. ты отъ природы вспыльчива. Что тебѣ сказать на это? Тоже—борись сколько можно, налагай на себя зароки—послѣ вспышки по нѣсколько времени молчать и не говорить ничего, кромѣ того, чего требуетъ должность,—а съ позволенія матери игуменьи, можешь не говорить даже и въ дѣлѣ по нѣсколько времени; а болѣе всего молись; а если кого оскорбишь во гнѣвѣ своемъ, то проси прощенія каждый разъ по монашески. Это весьма сильно искореняетъ гнѣвъ. Матери игуменьѣ мой искренній поклонъ и благословеніе, а также и сестрѣ Тесифѣ, которая просила тебя написать о ней.—Попроси ихъ помолиться и о мнѣ многогрѣшномъ. *(Іюня 6 дня)*. Ты удивишься, моя милая, что я пишу тебѣ съ Амура и уже 27 августа; что̀ дѣлать: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. До сихъ поръ еще нѣтъ случая мнѣ отправиться въ Аянъ, и я живу у брата твоего, который съ 13 іюля протоіерей, по указу Св. Сѵнода. Богъ далъ ему сына, а мнѣ перваго внука, Веніаминова,—который названъ прежнимъ моимъ именемъ—Иваномъ. Онъ родился 1 августа вечеромъ; я самъ крестилъ его. Благодареніе Богу! Онъ и мать его совершенно здоровы, и я тоже, и братъ твой также. Слава Богу, Благодѣтелю нашему, во вѣки вѣковъ! *(27 августа. Амуръ)*. А еще удивительнѣе тебѣ покажется, что письмо это заканчиваю 4 октября въ Аянѣ, куда прибылъ я 11 сентября и остаюсь здѣсь въ ожиданіи зимняго пути; потомъ поѣду въ Якутскъ. Я писалъ тебѣ, и не одинъ разъ, о томъ, чтобы ты подѣлилась твоими деньгами съ братомъ и сестрою. Теперь скажу, что владѣй что есть у тебя, потому что изъ имѣнія Оленьки достанется и имъ; даже бы досталось и тебѣ кое-что, но я опредѣлилъ пять тысячъ разослать по Греческимъ монастырямъ, на поминъ души ея съ мужемъ. Это для нихъ всего нужнѣе. Прощай, Господь съ тобою!»

Наконецъ, преосвященный Иннокентій, дождавшись зимняго пути,

выѣхалъ изъ Аяна 12 ноября, и 1 декабря прибылъ въ Якутскъ. Въ этомъ переѣздѣ», какъ пишетъ онъ въ своемъ путевомъ журналѣ, «еще въ первый разъ случились со мною непріятности замѣчательныя: въ одномъ мѣстѣ, ѣдучи при сильномъ вѣтрѣ, повозочка моя опрокидалась нѣсколько разъ, что почти неизбѣжно въ экипажахъ такого рода; но разъ опрокинулась на камень,—я ушибъ бокъ довольно сильно; потомъ ѣдучи по Маѣ, по неосторожности проводника, повозка моя опрокинулась въ полонью, къ счастію тихую, въ которой я пробылъ около минуты, пока подоспѣли люди на помощь; и тоже—къ счастію, что полонья была не глубока. Но слава и благодареніе Господу, дивно хранящему меня во всѣхъ путяхъ моихъ! все прошло благополучно, бокъ болѣть пересталъ уже съ мѣсяцъ, а платье, вымоченное, давно уже высохло, и все непріятное забыто». По прибытіи въ Якутскъ, преосвященный Иннокентій былъ привѣтствованъ полученнымъ еще 26 августа 1856 г. указомъ изъ Св. Сѵнода, что онъ Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Александра Невскаго, при слѣдующемъ рескриптѣ: «за неутомимые подвиги на пастырскомъ поприщѣ въ отдаленномъ краѣ отечества, среди разноплеменной паствы, съ пламенною ревностію о стяжаніи Господу душъ, коснѣющихъ въ мракѣ невѣрія, и за оказываніе поучительнаго примѣра пастырскаго самоотверженія ко спасенію ихъ, съ достиженіемъ въ семъ священномъ дѣлѣ желаемыхъ успѣховъ терпѣніемъ и многоразличными трудами, и проч.» Но, къ глубокому огорченію высокопреосвященнаго Иннокентія, по пріѣздѣ въ Якутскъ было получено извѣстіе, что надежный пособникъ и другъ его Н. Д. Свербеевъ, такой полезный для всей восточной Сибирской окраины, вступившій, какъ уже извѣстно, лѣтомъ 1856 года въ супружество съ княжной Зинаидой Сергѣевной Трубецкой,—не пожелалъ долѣе оставаться на службѣ въ восточной Сибири, и въ декабрѣ 1856 г. молодые выѣхали изъ Иркутска въ Москву, а въ 1857, 58 и 59 годахъ путешествовали уже по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Италіи.

Свои чувства любви и уваженія къ Н. Д. Свербееву преосвященный выразилъ въ письмѣ своемъ къ нему (отъ 11 декабря 1856 года): «Наконецъ-то добрался я до Якутска, и только 1-го декабря, гдѣ получилъ, между прочимъ, и ваше письмо отъ 12 августа, за которое и благодарю васъ искренно. Сердечно радуюсь возвращенію во-свояси Сергѣя Петро-

вича и всѣхъ прочихъ, съ чѣмъ и имѣю честь поздравить его и васъ. Но узнавъ, что вы оставляете Сибирь, не на шутку огорчился. Несчастная Сибирь! Въ нее пріѣзжаютъ изъ Россіи и самые лучшіе люди только для того, чтобы учиться, и слѣдовательно отъ нихъ остаются памятны только ихъ ошибки, совершенно неизбѣжныя до пріобрѣтенія опытности. Такъ и вы. Вамъ бы только что слѣдовало вступить въ настоящую службу для блага Сибири, съ пріобрѣтенной вами опытностію,—но вы уѣзжаете. На мѣсто ваше, конечно, поступитъ опять неопытный, т. е. также будетъ учиться и, слѣдовательно, ошибаться—и потомъ та же исторія,—хвостъ покажетъ. Но такъ, видно, угодно Господу! да будетъ же Его святая воля! Видно, Сибирь того и стоитъ за свои грѣхи. И такъ прощайте, возлюбленный мой Николай Дмитріевичъ! Примите увѣреніе, что я васъ любилъ и уважалъ. Желаю вамъ всякаго благополучія. Господь съ вами и со всею вашею домашнею церковію! Супругѣ вашей мой искренній поклонъ, а также и Сергѣю Петровичу, и паки—прощайте на вѣки! Не забывайте въ молитвахъ вашихъ многогрѣшнаго Иннокентія.

P. S. Если Николай Николаевичъ прибылъ въ Иркутскъ, прошу васъ передать ему мой искреннѣйшій поклонъ. Если это письмо васъ застанетъ въ Иркутскѣ: то сдѣлайте милость, доложите Николаю Николаевичу о Хмѣлевскомъ, который находится теперь въ Гижигѣ и, какъ сказываютъ, терпитъ не мало отъ Липая, потому что онъ скромный и добрый. Онъ поѣхалъ въ Анадырь, и именно по моему убѣжденію. Это у меня на совѣсти. Онъ мнѣ разсказывалъ, что онъ въ Гижигѣ ничѣмъ и ни за что не хочетъ оставаться, а хочетъ въ Анадырь: дайте ему пожалуста ходъ и снимите съ моей совѣсти эту заботу.

Послѣ этого даю себѣ слово—никогда ни объ одномъ достойномъ человѣкѣ хлопотать не буду; а исправниковъ, всѣхъ безъ разбору, буду хвалить и превозносить до нельзя,—это самое лучшее средство для достиженія мирной и покойной жизни».

XXIII

Помѣщая здѣсь вышепомянутую собственноручную тетрадь преосвященнаго Иннокентія относительно Амура, имъ самимъ составленную. мы надѣемся, что читатели найдутъ въ ней полезныя указанія къ успѣшной и правильной разработкѣ современнаго важнаго государственнаго вопроса, относительно переселенія крестьянъ изъ люднѣйшихъ областей Европейской Россіи въ Амурскій край. Кромѣ того, помѣщеніемъ сей рукописи мы имѣли въ виду достигнуть двухъ цѣлей: во первыхъ, дополнить по истинѣ величавый образъ преосвященнаго Иннокентія, одного изъ самыхъ видныхъ и многосторонихъ Сибирскихъ дѣятелей на благо отечественное и общечеловѣческое, во все свое пребываніе тамъ; и во вторыхъ, показать самой рукописью, что онъ великъ и славенъ не только какъ миссіонеръ и просвѣтитель дикарей обширныхъ дебрей и тундръ, и не только какъ замѣчательный этнографъ и лингвистъ, но и какъ отличный наблюдатель и изслѣдователь просвѣщаемыхъ имъ христіанствомъ странъ, и притомъ еще какъ дальнозоркій государственный человѣкъ, экономистъ и публицистъ, здраво и мѣтко понимавшій даже отдаленныя пользы Россіи. Въ этой статьѣ, озаглавленной «Нѣчто объ Амурѣ», преосвященный Иннокентій пишетъ слѣдующее: «Рѣка Амуръ, одна изъ огромнѣйшихъ рѣкъ не только въ Россіи, но даже въ цѣломъ мірѣ,—не смотря на то, что она течетъ въ умѣренномъ климатѣ, на протяженіи почти пяти тысячъ верстъ, и принимаетъ въ себя множество рѣкъ съ обѣихъ сторонъ, изъ коихъ двѣ, текущія съ правой стороны, т. е.

отъ полдня, даже оспариваютъ у нея первенство,—до настоящаго времени и, можно сказать, даже до 1854 года, конечно, по волѣ Провидѣнія, оставалась въ забытьѣ и даже многимъ изъ соотечественниковъ нашихъ едва была извѣстна только по имени. Но теперь, когда по ней сплыли два огромнѣйшихъ рейса, а нынѣ еще третій, она возбудила вниманіе многихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ разные толки объ ней. Такъ напр., одни говорятъ: зачѣмъ занимать Амуръ, когда у насъ безъ того много мѣстъ, еще не заселенныхъ; другіе называютъ ее неудобною къ судоходству,—одинъ изъ таковыхъ едва не съ клятвою увѣрялъ меня, что онъ слышалъ отъ бывшаго на Амурѣ чиновника, что на немъ есть непроходимые пороги; а иные, напротивъ, особливо изъ первыхъ основателей заселеній на Амурѣ, желая выхвалить Амуръ, превозносили его до чрезвычайности, увеличивая все до крайности. Прошедшая война доставила случай и мнѣ сплыть по Амуру [1]) и коечто замѣтить, слышать и видѣть. И съ моей стороны было бы даже недобросовѣстно не высказать моихъ замѣчаній и мнѣній касательно Амура, а прежде всего—тому, кто болѣе всѣхъ интересуется и кому болѣе всѣхъ необходимо знать объ Амурѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ мнѣнія и свѣдѣнія, какія слышимъ объ Амурѣ, очень не безпристрастны: тѣ и другія слишкомъ иногда увеличиваютъ выгоды и невыгоды представляемыя Амуромъ, увлекаясь своими видами. Прежде всего слѣдуетъ указать на цѣль занятія Амура. Конечно, главная цѣль есть одна: т. е., пріобрѣсти во владѣніе наше такую огромную рѣку и тѣмъ яснѣе опредѣлить границу нашу съ Китаемъ. Но цѣль эта совмѣщаетъ въ себѣ множество разныхъ цѣлей, частныхъ и общихъ, отдаленныхъ и ближайшихъ.

Цѣль занятія Амура Русскими: а) отдаленная. Главнѣйшая и важнѣйшая изъ отдаленныхъ цѣлей занятія лѣваго берега рѣки Амура (о правомъ я не говорю, какъ о чужомъ) на всемъ протяженіи его, по мнѣнію моему, есть та, чтобы благовременно и безъ

---

[1]) Съ Шилкинскаго завода я отправился 17 мая, и до Стрѣлочнаго караула плылъ большею частію вмѣстѣ съ казенными баржами. Потомъ до Айгуна съ канонирскою лодкою, а отъ Айгуна одинъ, безъ всякаго лоцмана. Со Стрѣлки отправились мы 23 мая; мимо Айгуна проплылъ я 29, въ Кизе приплылъ 15 іюня; а въ Николаевскъ 19,—всего плаванія моего, считая тутъ и простои за вѣтрами и разными причинами, кромѣ ночей, было 406 часовъ или 17 сутокъ, слѣдов. немногимъ болѣе Ленскаго. Одни изъ офицеровъ, плывшіе день и ночь, совершили этотъ путь въ 21 день.

столкновеній съ другими державами приготовить нѣсколько мѣстъ для заселеній Русскихъ, когда для нихъ тѣсно будетъ въ Россіи; а это можетъ быть очень въ непродолжительномъ времени, потому что число раждающихся противу умершихъ, по однимъ только православнымъ метрическимъ свѣдѣніямъ, каждогодно превышаетъ болѣе нежели пятьсотъ тысячъ,—а мѣста по Амуру, начиная почти отъ Стрѣлочнаго караула и до самаго устья Амура, представляются удобными для поселенія; а между тѣмъ, самая рѣка представляетъ большое и важное удобство для сообщеній Сибири съ океаномъ. Эта цѣль занятія Амура многимъ (съ кѣмъ мнѣ случалось объ этомъ говорить) кажется новою и странною, и это конечно оттого, что они несовсѣмъ знаютъ количество народонаселенія, ежегодно у насъ возрастающаго [1]) и которое, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, должно возрастать современемъ уже болѣе чѣмъ по полумилліону въ годъ; и при томъ имъ кажется, что у насъ въ Россіи, и особенно въ Сибири, еще премножество мѣстъ, которыя можно и должно населять.

Дѣйствительно, смотря на карту, напр., Сибири и зная число ея народонаселенія, нельзя не видѣть, что при такомъ необъятномъ пространствѣ оной, жителей въ ней чрезвычайно мало, и то почти только около дорогъ. Но отдѣлите изъ этого пространства всю сѣверную половину и сѣверовосточную часть, даже до Амура—какъ совершенно неудобныя къ большему населенію, по суровости климата, по гористой и каменистой почвѣ и по непроходимымъ болотамъ и тундрамъ. Если здѣсь, даже и въ самомъ глубокомъ сѣверѣ, и есть жители, то они существуютъ или звѣроловствомъ, или рыболовствомъ, или хлѣбомъ, доставляемымъ имъ съ величайшими усиліями. Но что это за существованіе? Сѣверовосточный же уголъ Сибири, т. е. отъ Камчатки къ сѣверу и сѣверозападу, только до тѣхъ поръ будетъ имѣть скитающихся по ледянистымъ тундрамъ оной жителей, пока у нихъ не истребятся олени, доставляющіе имъ и пищу, и одежду, и кровъ; а когда не будетъ тамъ оленей,—что весьма не невозможно, судя по Гижигинскимъ Тунгусамъ, имѣвшимъ нѣкогда безчисленныя стада оленей, а нынѣ не всѣ имѣютъ ихъ и для переѣзда,—то никакими (мѣсто не разобрано)

[1]) По отчетамъ г. оберъ прокурора Св. Сунода, съ 1838 года по 1856 годъ чистой прибыли значится мужеск. и женск., а обоего душъ. Слѣдовательно, на каждый годъ приходится по (Въ рукописи эти мѣста также съ пробѣлами).

не заселить этого края. Потомъ, съ другой стороны, отдѣлите киргизскую степь, Саянскій хребетъ, при-Байкальскія горы и за Байкалами такъ называемую Братскую степь, съ небольшими исключеніями, песчаныя мѣста около Кяхты и всѣ мѣста, лежащія отъ большой забайкальской дороги къ сѣверу, тоже съ небольшими исключеніями,—и вы увидите, что удобныхъ для заселенія въ Сибири мѣстъ остается не больше четвертой части; но и изъ этой части надобно отдѣлить еще мѣста гористыя, песчаныя, каменистыя, лѣсистыя и занятыя водою: и вы согласитесь, что Сибирь, кромѣ еще, быть можетъ, нѣсколькихъ мѣстъ въ Тобольской губерніи, почти уже вся заселена; а за Байкаломъ у раскольниковъ становится уже тѣсно, а ежели гдѣ и найдутся еще мѣста удобныя къ расчисткѣ и разработкѣ, то ихъ надобно оставлять для избытка народонаселенія самихъ Сибиряковъ. Слѣдовательно, поселять въ Сибирь людей изъ Россіи почти невозможно. Много ли и въ самой Россіи мѣстъ, удобныхъ для заселенія и еще не заселенныхъ, особенно такихъ, которые бы съ перваго раза представляли удобства для сообщенія,—удовлетворительно сказать не могу; но положимъ, что и много; но чрезъ 30—40 лѣтъ заселятся и тамъ, а потомъ куда дѣвать избытокъ? За 200 лѣтъ и даже менѣе, кто могъ думать, что изъ Германіи и Ирландіи должны будутъ переселяться люди въ Америку?—Слѣдовательно, занятіе Амура, т. е. заблаговременно приготовить мѣсто для будущихъ поселеній, отнюдь не лишне и не безразсудно; напротивъ того, надобно это сдѣлать какъ можно скорѣе, дабы кто нибудь изъ Европейцевъ не предупредилъ насъ; а тогда безъ ссоры и безъ войны нельзя уже будетъ занять Амура [1]).

б) **Ближайшая цѣль.** Изъ ближайшихъ цѣлей занятія Амура есть—снабженіе Камчатки и другихъ приморскихъ и заморскихъ нашихъ мѣстъ хлѣбомъ и другими сибирскими и отчасти русскими произведеніями,—снабженіе путемъ удобнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ, и дешевѣйшимъ, чѣмъ чрезъ Охотскъ на Аянъ, и даже чѣмъ вокругъ свѣта. Честь Россіи (о другихъ причинахъ не говорю) не дозволяетъ бросить Камчатку и прочія приморскія мѣста, хотя онѣ слишкомъ дорого стоятъ казнѣ и никогда не въ состояніи будутъ окупать не толь-

---

[1]) Записка сія составлена въ 1856 г., т. е. за 2 года до формальнаго присоединенія Амурскаго края, состоявшагося въ 1858 г.

Ив. Б.

ко всѣхъ издержекъ и пожертвованій казны, но даже и однихъ только пенсій, производимыхъ служившимъ тамъ, а между тѣмъ онѣ не въ состояніи прокормить даже своихъ жителей безъ подвоза изъ другихъ мѣстъ; ибо не говоря уже объ Охотскомъ и Гижинскомъ округахъ, въ которыхъ рѣшительно никогда не можетъ быть хлѣбопашества, по грубости климата и почвы и по близости моря [1]), но даже и въ самой Камчаткѣ (гдѣ, по рѣкѣ сего имени, точно есть нѣсколько мѣстъ, которыя при усиленной разработкѣ могутъ производить хлѣбъ), при всѣхъ усиліяхъ и пожертвованіяхъ со стороны правительства, хлѣбопашество не можетъ развиться въ удовлетворительномъ размѣрѣ, и главное потому, что жители оной всегда будутъ въ состояніи покупать не только хлѣбъ, но и чай и другія потребности, даже до роскоши, на свои соболи, которые, при нѣкоторой предосторожности, никогда не переведутся въ огромныхъ и пространныхъ хребтахъ, едва только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доступныхъ, и то однимъ промышленникамъ; и особливо когда хлѣбъ въ Камчаткѣ, доставляемый по Амуру, будетъ стоить втрое дешевле, а современемъ и еще дешевле. О другихъ цѣляхъ занятія Амура, тоже весьма не маловажныхъ, какъ-то: возможности сбыта произведеній Сибири,—на первый разъ хотя сырыя кожи,—возможности заведенія легкаго флота, т. е. который бы имѣлъ углубленія не болѣе 12—14 футовъ и проч.—не мое дѣло говорить. Скажу только, что занятіе Амура, даже при небольшомъ заселеніи береговъ онаго, скоро и сильно можетъ развить дѣятельность въ Забайкальскомъ краѣ. Вопросы. Когда обозначена цѣль занятія Амура, тогда сами собою раждаются многіе вопросы; напр. а) Удобенъ ли Амуръ для судоходства? б) Удобны ли берега его для заселеній? в) Гдѣ первоначально сдѣлать заселенія? г) Кѣмъ заселить и заселять, и какими способами? и проч. На послѣдній вопросъ отвѣчать могутъ только администраторы и знающіе политическую и отечественную экономію люди. а) Удобенъ-ли Амуръ для судоходства? Лучшимъ отвѣтомъ на это можетъ быть то, что уже три года по немъ сплавляли баржи съ большими грузами, сидящія отъ $2^1/_2$ до 4 футовъ въ водѣ, и наконецъ пароходъ «Надежда», сидящій од4 $^1/_2$ футовъ, поднялся вверхъ не только до начала Амура, но даже

[1]) Что близость моря не благопріятствуетъ хлѣбопашеству, это видно было въ нашемъ бывшемъ селеніи въ Калифорніи—Россъ, гдѣ едва въ 7 лѣтъ былъ удовлетворительный урожай, тогда какъ въ нѣсколькихъ верстахъ, за горами, былъ всегдашній самъ-сотый урожай.

по Шилкѣ до Срѣтенска, находящагося выше Шилкинскаго завода въ 70 верстахъ. Конечно, баржи и самый пароходъ сидѣли на мели; но это не отъ недостатка воды, а отъ незнанія фарватера. Грунтъ въ Амурѣ почти вездѣ или песчаненъ, или илистъ; теченіе въ немъ самое большое—не болѣе 8 верстъ въ часъ, а во многихъ мѣстахъ отъ 5 до 2 верстъ, въ такъ называемыхъ «щепахъ». Въ Хинганскомъ хребтѣ хотя теченіе самое быстрое и берега каменисты, но для плаванія совершенно безопасны; тутъ можно плыть во всякое время. Правда, берега не вездѣ удобны для пристанища. Но во избѣжаніе неудобствъ, могущихъ быть при этомъ и во многихъ случаяхъ, весьма хорошо имѣть якорья на всякой баржѣ. б) Удобны-ли (лѣвыя) берега Амура для заселенія? Всѣ свѣдѣнія, какія имѣются теперь объ этомъ, еще весьма поверхностны, не исключая даже и гг. ученыхъ, путешествовавшихъ на Уссури. Къ сожалѣнію, въ настоящее время я имѣю подъ рукою только записку одного изъ означенныхъ путешественниковъ, г. Максимовича. Всякій, кто только ни проплывалъ по Амуру, не можетъ не сказать, что на берегахъ Амура, начиная почти отъ Стрѣлки и до Лимана и далѣе, почти рѣшительно нѣтъ мѣста, гдѣ бы не могъ жить или хлѣбопашецъ, или скотоводъ, или огородникъ и даже садоводъ, или рыболовъ, или дровосѣкъ. А сколько такихъ мѣстъ, которыя съ перваго взгляда всякому представляютъ всѣ удобства для заселенія, со всѣми хозяйственными заведеніями!

Но при всемъ томъ, этотъ вопросъ, и прежде всѣхъ, требуетъ основательнаго и безпристрастнаго рѣшенія. Для этого необходимо послать особую экспедицію изъ людей спеціальныхъ, опытныхъ, въ числѣ коихъ должны быть, между прочимъ, и лучшіе и опытные хлѣбопашцы изъ крестьянъ и скотоводы изъ знающихъ это дѣло. Экспедиція эта должна, во первыхъ, осмотрѣть весь лѣвый берегъ вдоль, начиная отъ Албазина до послѣднихъ хребтовъ, предъ Кизи, а поперегъ—отъ береговъ материка Амура до хребтовъ, неудобныхъ къ заселенію; во вторыхъ, указать прямо на мѣста, гдѣ хлѣбопашество можетъ развиться быстро и гдѣ—современемъ, какъ это сдѣлалъ г. Максимовичъ въ своей запискѣ,—относя къ первымъ Уссурійскую долину, въ 30 верстахъ выше устья оной, а къ послѣднимъ нѣкоторыя мѣста на Амурѣ,—и тогда самъ собою рѣшится второй вопросъ, т. е. гдѣ прежде всего нужно и удобно сдѣлать заселенія. Прежде нежели я могу сказать

что либо отъ себя въ отвѣтъ на вышеозначенный вопросъ, я скажу, что оба берега Амура, выключая одного Китайскаго, или правильнѣе сказать, Манчжурскаго города Айгуна (сахалянъ улàхотонъ) съ нѣсколькими близъ его лежащими селеніями, можно сказать, не заселены и ждутъ переселенцевъ; ибо что значитъ нѣсколько десятковъ домиковъ и шалашей и, по предположенію г. Максимовича, 1500—2000 человѣкъ, разбросанныхъ по обѣимъ берегамъ отъ Айгуна и до послѣдняго хребта предъ Кизи? Отъ стрѣлки же до Айгуна привитающіе Минегры составляютъ самую ничтожную часть населенія, если только можно назвать населеніемъ нѣсколько берестяныхъ юртъ. Отъ Кизи до Устья и по лиману обитающіе Гиляки и Мангунцы своими небольшими селеніями могутъ еще показывать, что берега не пусты, и все это населеніе находится большею частію на правой, т. е. не на нашей сторонѣ Амура. Изъ 100 деревень Гольдовъ, обитающихъ на пространствѣ 700 верстъ, на лѣвомъ берегу только 29, по замѣчанію г. Максимовича.

Но и все это населеніе, взятое вмѣстѣ и съ городомъ, чтò значитъ на такомъ огромномъ пространствѣ, какое занимаетъ Амуръ отъ начала до конца своего? Оно только можетъ служить однимъ изъ первыхъ и важныхъ доказательствъ тому, что на Амурѣ климатъ и воздухъ не вреденъ для человѣка, и это такъ должно заключить и по запискѣ г. Максимовича, гдѣ онъ говоритъ, что хотя лѣвый берегъ Амура низкій, и на большое пространство; но это пространство изрыто рукавами рѣки и большею частію понимается водою, слѣдов. всѣ глухіе протоки и озера каждогодно освѣжаются свѣжею водою.

Здѣсь я считаю нужнымъ пересказать кое-что изъ того, что говоритъ въ этомъ отношеніи въ своей запискѣ г. Максимовичъ. Онъ, прежде всего, всѣ видѣнныя имъ мѣста, отъ устья Амура и даже до Сунгари, раздѣляетъ на три полосы: полосу хвойныхъ лѣсовъ, полосу листовыхъ и переходную. Къ первой онъ относитъ всѣ прибрежья Татарскаго пролива, лимана и части Амура отъ устья за мысъ Тыръ на около 120—150 верстъ; ко второй—мѣста отъ рѣки Хунгари вверхъ по Амуру, даже до Хинганскаго или Гинганскаго хребта, а пространство между рѣкою Хунгари и ниже, до Богородско-Михайловскаго хребта, онъ относитъ къ Средней переходной полосѣ. Очевидно, что таковое раздѣленіе не можетъ быть отнесено ко всему Амуру, хотя и довольно справедливо въ своемъ объемѣ. Весь Амуръ можетъ быть, по мнѣнію

кому, раздѣленъ на три главныя части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой: первую—отъ Стрѣлки почти до устья Зеи, вторую—отъ Зеи до послѣднихъ горъ предъ Кизе, и третью—отъ сихъ послѣднихъ горъ до лимана. Въ первой полосѣ г. Максимовичъ находитъ немного мѣстъ, годныхъ для поселенія (конечно, хлѣбопашцевъ). Говоря о полосѣ листовыхъ лѣсовъ, онъ рекомендуетъ преимущественно только правый берегъ, а объ лѣвомъ онъ говоритъ, что на всемъ пространствѣ, отъ Хунгари даже до Сунгари, берегъ представляетъ широкую низменность, изрѣзанную множествомъ маленькихъ и часто узкихъ рукавовъ съ песчанымъ или глинистымъ и илистымъ грунтомъ, покрытую лугами, тальниками и подверженную во многихъ мѣстахъ на большомъ пространствѣ наводненіямъ; и по всему этому берегу онъ не видалъ ни одного мѣста, годнаго для поселенія, выключая одного—около хребта Оджалъ.

Переходя же къ описанію средней полосы, онъ очень рекомендуетъ мѣсто для поселенія недалеко отъ Кизе, вверхъ, въ верстахъ 90 или 100, гдѣ найденъ имъ дикій виноградъ, который, по словамъ туземцевъ, всегда дозрѣваетъ. Говоря о сѣверной полосѣ, онъ говоритъ, что отъ устья до Михайловскаго, мѣстъ, удобныхъ для населенія въ ней, весьма мало. Выше Михайловскаго встрѣчается довольно пространства и ровныя мѣста, а далѣе луга встрѣчаются чаще, но травы на нихъ еще грубы.

Мнѣніе же мое, какое я въ проплавъ мой по Амуру могъ составить о томъ, вотъ какое. Амуръ въ вершинѣ своей хотя сжатъ горами такъ же, какъ и Шилка, но уже при самомъ началѣ своемъ, т. е. у самой Стрѣлки, представляетъ на лѣвой сторонѣ мѣсто для заселенія удобнѣе и пространнѣе, чѣмъ на самой Стрѣлкѣ, или въ Горбицѣ, и даже и выше по Шилкѣ, почти до Срѣтенска, таковыхъ мѣстъ немного [1]). Но чѣмъ ниже (по Амуру), тѣмъ болѣе и чаще попадаются мѣста для заселенія, сначала для двухъ, трехъ семействъ, а потомъ—для пяти, десяти и двадцати, какъ напр. по рѣкѣ Невиръ; а на мѣстѣ около бывшаго Албазина (не говоря уже о самой рѣкѣ Албазихѣ, текущей по

[1]) Хребты и горы, лежащіе между Шилкинскимъ заводомъ и Стрѣлкою, съ одной стороны примыкающіе къ становому хребту, а съ другой переходящіе чрезъ Аргунъ въ Китай составляютъ естественную границу между Забайкальскою областью и Амурскимъ краемъ, гдѣ сообщеніе можетъ быть зимою и лѣтомъ по однимъ только рѣкамъ Шилкѣ и Аргуни,—другаго пути, кажется, быть не можетъ.

обширнѣйшей долинѣ, простирающейся въ вершинѣ за горизонтъ) можетъ существовать уже не одно село. Горы здѣсь отдалились отъ берега на довольно большое разстояніе; а ниже Албазина чѣмъ далѣе, тѣмъ еще болѣе и чаще встрѣчаются удобныя для заселенія мѣста, однѣ другихъ обширнѣе и на взглядъ лучше. Только въ большихъ изгибахъ рѣки, около 2-го Китайскаго караула, мѣста потѣснѣе. Но и тутъ найдутся мѣста для небольшихъ селеній отъ изгибовъ. Горы невысокія и покрытыя кустарниками и березникомъ, и часто отходятъ отъ береговъ, оставляя обширныя низменности. Особенно прекрасное и лучшее изъ всѣхъ, по мнѣнію моему, для заселенія хлѣбопашцевъ мѣсто—предъ послѣдними горами, находящимися предъ устьемъ Зеи и подходящими къ берегу. Тутъ, по видимому, можетъ существовать нѣсколько большихъ селеній; ибо равнина, идущая по берегу верстъ на 60 или 70, внутрь простирается верстъ на 15 или 20 и верхними изгибами своими едва ли не доходитъ она и до самой Зеи; невысокія горы съ прилежащими или отдѣльными холмами, окружающія сію равнину, покрыты листовымъ лѣсомъ, а на холмахъ большею частію видѣнъ одинъ только березникъ; а тамъ, гдѣ березникъ, обыкновенно бываетъ чистый и лучшій черноземъ. Раннихъ морозовъ здѣсь вообще бояться, кажется, нечего; скорѣе хлѣбопашецъ можетъ терпѣть отъ засухи. Но травы, растущія по берегамъ, отчасти доказываютъ, что и засуха здѣсь не совсѣмъ вредитъ. Предъ устьемъ Зеи, на подошвѣ послѣднихъ горъ, лежащихъ отъ самаго устья верстахъ въ 10 или 12, прежде всѣхъ долженъ быть городъ и не менѣе какъ губернскій, который сверхъ значенія своего вблизи Айгуна и завѣдыванія мѣстами внизъ по Амуру, можетъ командовать верховьями Амура и Зеи, которая тоже, по всѣмъ вѣроятностямъ и по разсказамъ бывшихъ на ней миссіонеровъ, не на одну сотню верстъ вверхъ отъ устья способна къ заселенію и хлѣбопашеству, и которая, протекая большое пространство между отрогами становаго хребта и принимая въ себя съ лѣвой стороны значительную рѣку Селимджа, а съ правой идущую въ параллель съ Амуромъ безъимянную (р. Уръ), едва-ли не богаче всѣхъ строевыми сосновыми и лиственичными лѣсами. Слѣдовательно, городъ этотъ можетъ пользоваться произведеніями обѣихъ рѣкъ. Лугъ, лежащій на стрѣлкѣ между Зеею и Амуромъ и примыкающій къ вышеозначеннымъ послѣднимъ горамъ, представляетъ богатѣйшее и обширнѣйшее мѣсто для посѣва всякихъ

овощей и хлѣбовъ [1]) и даже для разведенія садовъ. Вышеозначенныя горы, названныя мною «послѣдними», въ самомъ дѣлѣ могутъ такъ называться, потому что отъ нихъ и до самаго Хинганскаго хребта на берегу Амура нѣтъ горъ; по крайней мѣрѣ, съ лодки не видать было, тогда какъ съ той же точки на правой сторонѣ видны горы почти на всемъ протяженіи, то отдаляющіяся, то приближающіяся къ Амуру; только съ лѣвой (а можетъ быть, и съ правой) стороны р. Буреи видны вдали невысокія горы, а близъ устья оной небольшое возвышеніе. Хинганскій хребетъ съ лѣвой стороны начинается горами сначала отдѣльными, невысокими и вдали отъ рѣки (и едва-ли онѣ не есть продолженіе Буритскихъ горъ); потомъ, чѣмъ ближе къ «щепамъ», тѣмъ горы становятся выше, круче и подходятъ ближе къ берегу, кое-гдѣ раздвигаясь и отходя отъ берегу, пока наконецъ не станутъ вдоль рѣки крутымъ и высокимъ хребтомъ, который впрочемъ весь покрытъ лѣсомъ всякаго рода, въ числѣ коего много кедра. И только изрѣдка онѣ раздѣляются круто берегами рѣчки. Пройдя такимъ образомъ около 60 верстъ, горы круто отворачиваются въ сторону и теряются изъ вида; и только предъ устьемъ и за устьемъ Сунгары онѣ подходятъ на видъ въ первомъ мѣстѣ—отдѣльными невысокими горами, а въ послѣднемъ—тоже невысокимъ и покатымъ мысомъ, и потомъ еще въ двухъ мѣстахъ я замѣтилъ невысокія возвышенности, тоже не близко берега, покрытыя лѣсомъ; впрочемъ послѣднее можно принять за тополевую рощу. Наконецъ, вблизи послѣдняго поворота рѣки на востокъ къ Кизе, является на лѣвомъ берегѣ Амура хребетъ горъ, вдругъ начинающійся у берега высокою горою, который, кажется, называется Аджаль; и потомъ горы продолжаются по обѣимъ берегамъ уже вплотъ до устья Амура, почти не прерываясь,—и то приближаясь къ берегу, то отходя иногда (особенно предъ Кизе и за нимъ и предъ мысомъ Тыръ) довольно на большое пространство, образуя тѣмъ обширныя луга и озера.

Берегъ отъ Кизе до устья по правой сторонѣ весь покрытъ горами, во многихъ мѣстахъ подходящими къ самой рѣкѣ, и замѣчательно, что почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отходятъ горы отъ берега, находятся озера, имѣющія сообщенія съ рѣкою, и представляютъ возможность

[1]) На мѣстѣ, гдѣ г. Хилковскій стоитъ лагеремъ, выше устья въ 5 верстахъ, почва самая черная и мягкая, какъ это видно было на огородѣ, гдѣ посаженъ картофель.

имѣть сообщеніе съ моремъ. Г. Максимовичъ въ своей запискѣ, какъ выше сказано, говоритъ, что онъ отъ хребта Аджаль до самой Уссури не видалъ мѣста годнаго для поселенія. Скажу и я то же, разумѣя собственно берега,—какъ объ этомъ пространствѣ, такъ и о пространствѣ отъ устья Зеи до горъ прилежащихъ къ Хинганскому хребту,—выключая мѣста около города и, быть можетъ, еще при устьѣ Буреи, если только находящаяся тутъ возвышенность тверда. Ибо здѣсь берега состоятъ или изъ глины, или илу, или песку.

Но это еще нисколько не доказываетъ, что на пространствахъ сихъ рѣшительно нѣтъ нигдѣ мѣстъ, для заселенія годныхъ. Если нѣтъ на самомъ берегу и подалѣе отъ берега, то быть не можетъ, чтобы на подошвахъ горъ, какъ онъ говоритъ, кое-гдѣ видимыхъ на горизонтѣ, а также и на подошвахъ горъ, находящихся около Буреи и выше, не нашлось мѣстъ, удобныхъ для хлѣбопашества въ такомъ климатѣ и при такой растительности, какая представляется на разстояніи отъ Айгуна до хребта Аджалъ. Быть можетъ, таковыя мѣста будучи отъ берега Амура въ 30—60 верстахъ, судя по картѣ, какая была у меня подъ рукою,—не болѣе 100 верстъ; но не всѣ же селенія и деревни Россіи стоятъ при большихъ рѣкахъ и не всѣмъ же хлѣбопашцамъ и другимъ жителямъ заниматься рыболовствомъ и торговлею съ проплывающими по рѣкѣ; за то они, судя по климату и растительности [1]), съ выгодою могутъ заниматься садоводствомъ, а можетъ быть, и пчеловодствомъ; да и притомъ, если, какъ говоритъ г. Максимовичъ, на указанномъ имъ пространствѣ, весь лѣвый берегъ изрытъ множествомъ протоковъ или рукавовъ, и если то же можно предположить и о лѣвомъ берегѣ отъ города до Хинганскаго хребта, то жители, которые поселятся на подошвахъ отдаленныхъ горъ будутъ имѣть довольно удобное сообщеніе съ Амуромъ. Но если предположить, что и въ самомъ дѣлѣ, и при подошвахъ горъ не найдется нигдѣ мѣстъ, удобныхъ для хлѣбопашества, чего быть не можетъ; то весь лѣвый берегъ представляетъ самыя лучшія, по сравненіи съ Якутскомъ, мѣста для скотоводства въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ. Луга, понимаемыя каждогодно водою, ручаются, что здѣсь никогда не можетъ быть неурожая травъ, какъ это слу-

---

[1]) 10-го іюня я видѣлъ вполнѣ налившуюся красную смородину и одну изъ ягодъ уже почти совсѣмъ покраснѣвшую.

чается въ Якутскѣ, когда Лена не затопляетъ низменностей; а что касается до хлѣба, то одни хлѣбопашцы, которые поселятся въ первой части Амура, т. е. съ вершины онаго до Зеи и по Зеѣ могутъ прокормить хлѣбомъ не одинъ милліонъ народонаселенія.

Сказавъ все, что я знаю и предполагаю о мѣстности верховья и средины Амура въ отношеніи перваго вопроса, надобно сказать что нибудь въ этомъ же отношеніи и о мѣстности послѣдней части Амура, т. е. отъ послѣдняго хребта горъ предъ Кизе до устья Амура. Г. Максимовичъ въ запискѣ своей говоритъ, что близъ устья мѣста для населенія весьма мало; выше Михайловскаго селенія (лежащаго по срединѣ между Николаевскомъ и Кизе) довольно пространныхъ и ровныхъ мѣстъ, и луга встрѣчаются чаще: о мѣстности же между Михайловскимъ и Кизе онъ, къ сожалѣнію, не говоритъ почти ничего, потому что, какъ онъ говоритъ, эту мѣстность онъ посѣщалъ поздно осенью и долженъ былъ спѣшить [1]), а между тѣмъ эта мѣстность въ настоящее время болѣе всѣхъ другихъ требуетъ изслѣдованія и описанія; потому что тутъ помѣщены два селенія: Богородское и Иркутское. Съ вышеозначеннымъ мнѣніемъ г. Максимовича я не совсѣмъ согласенъ. Около Николаевска, дѣйствительно, весьма мало мѣстъ для населенія, не говоря уже о хлѣбопашцахъ, для которыхъ, кажется, нѣтъ мѣста даже до самаго Михайловскаго, но даже и для скотоводовъ. Потому что ни около Николаевска, ни выше его верстъ на 40, можно сказать, рѣшительно нѣтъ мѣста для выгона необходимѣйшаго для города скота; только около селенія Личи, находящагося отъ Николаевска выше верстахъ въ 7, есть нѣсколько травянистыхъ мѣстъ, но онѣ едва достаточны и для самихъ поселянъ; и самый сѣнной покосъ (на Константиновскомъ островѣ) слишкомъ ограниченъ. Но чѣмъ выше отъ Николаевска, тѣмъ болѣе сѣнныхъ покосовъ и луговыхъ мѣстъ, а за 70 верстъ отъ Николаевска (въ Пальво, гдѣ зимовали суда) и далѣе около озеръ Оригъ и (въ подлинникѣ оставленъ пробѣлъ) столько травъ, что тамъ можно имѣть не одну тысячу головъ скота. То же можно сказать и о мѣстахъ, лежащихъ противъ новыхъ поселеній, на лѣвой сторонѣ рѣки и около ихъ.

---

[1]) Изъ словъ г. Максимовича здѣсь можно заключить, что онъ какъ будто уклоняется отъ того, чтобы откровенно высказать свое мнѣніе объ этой мѣстности.

Что же касается до мѣстъ удобныхъ для хлѣбопашества, то въ нижней части Амура, до поворота онаго на югъ, кажется, не найдется такихъ мѣстъ, а если бы и нашлись, то по близости къ морю хлѣбопашество если и можетъ удаваться, то очень рѣдко по близости устья; далѣе же, т. е. отъ поворота на югъ или мыса Тыръ до Кизе, нашлись мѣста для сего удобныя, какъ напр. въ Михайловскомъ и Богородскомъ селеніяхъ, въ которыхъ, особенно въ первомъ, посѣянныя хлѣба (какъ я видѣлъ 5 и 6 іюля) очень хороши и уже начинали бѣлѣть. Только не помѣшаетъ ли имъ также морской воздухъ, нерѣдко до нихъ доходящій. Въ селеніи Лича тоже посѣянъ разный хлѣбъ, и не поздно, т. е. въ послѣднихъ числахъ мая; но 19 іюля на немъ не видно было ни одного колоса, хотя зелень очень хорошая. Но если бы даже и каждогодно удавалось здѣсь хлѣбопашество, то разсчитывать на оное въ значительномъ количествѣ нельзя, да и нѣтъ надобности. Во первыхъ, потому что не вездѣ можно найти мѣстъ удобныхъ для хлѣбопашества, по причинѣ гористыхъ и каменистыхъ мѣстъ съ одной стороны, и низкихъ, иловатыхъ и болотистыхъ—съ другой; такъ напр. жители селенія Иркутскаго не могутъ найти клочка земли для того удобнаго даже на 20 верстъ вокругъ, да и въ Кизе тоже немного таковыхъ мѣстъ. Во вторыхъ, потому что хлѣба привезутъ сверху сколько угодно; и потому жителямъ здѣшнихъ поселеній, по мнѣнію моему, надобно обратить свои силы и труды преимущественно для разведенія скота, который здѣсь всегда будетъ нуженъ, и въ немаломъ количествѣ, какъ для жителей городовъ Николаевска и Кизе—постоянно, такъ и для проходящихъ судовъ—пока не переплавятъ скота сверху. Разведеніе скота вблизи Николаевска и Кизе, съ одной стороны, занимающимся сею частію хозяйства доставитъ огромныя выгоды и тѣмъ самымъ дастъ возможность къ воздѣлыванію и удобренію земли, а съ другой—жителямъ городовъ доставитъ возможность всегда имѣть одну изъ первыхъ потребностей жизни—свѣжее мясо и, со временемъ, не за дорогія цѣны.

Итакъ, послѣ всего вышесказаннаго, на первый вопросъ, т. е. удобны-ли при-Амурскія мѣста для заселеній?—я могу сказать, что не говоря уже о правомъ берегѣ, какъ не нашемъ (впрочемъ, я полагаю, только до предпослѣднихъ горъ предъ Кизе), «лѣвый берегъ почти весь, отъ вершины до лимана, удобенъ для заселенія,

сначала до устья Зеи—преимущественно хлѣбопашцами, оттуда до послѣдняго хребта предъ Кизе, если не хлѣбопашцами, то скотоводами, а навѣрное—тѣми и другими (то же можно сказать—до Кизе) и наконецъ—скотоводами, къ самому устья Амура. Климатъ и воздухъ, какъ видно на жителяхъ, вездѣ здоровъ.

О почвѣ земли и растительности береговъ, выключая только приморья, и говорить нечего. Въ проѣздъ мой изъ Николаевска въ Кизе я во многихъ мѣстахъ видѣлъ, что какъ бы лѣсъ ни былъ густъ, но между нимъ видна трава почти столь же высокая, какъ и растущая на открытомъ мѣстѣ; только тамъ, гдѣ преимущественно растетъ лиственница и ель вмѣстѣ, травы мало, ибо тутъ почва глинистая и тундристая. Сообщеніе рѣкою лѣтомъ, какъ показалъ уже трехгодичный опытъ, безопасно и будетъ весьма удобно и на баржахъ, и на пароходахъ мелко сидящихъ, когда будутъ лоцмана́ изъ самихъ жителей переселенцевъ [1]). Лѣса для построекъ найдутся вездѣ. Горы, сопровождающія Амуръ въ началѣ верстъ на 400, изобилуютъ хвойнымъ лѣсомъ. То же можно заключить и о берегахъ Зеи, въ вершинѣ и даже до половины и ниже. На Хинганскомъ хребтѣ, не говоря о лѣсахъ лиственныхъ, немало кедра; о послѣдней части Амура, т. е. отъ послѣднихъ горъ предъ Кизе и далѣе, и говорить нечего: горы всѣ (а ихъ премножество) покрыты хвойнымъ лѣсомъ. Правда, на большой части береговъ Амура, т. е. на равнинахъ и возвышенностяхъ отъ Зеи до Хинганскаго хребта и отъ него до послѣднихъ горъ предъ Кизе—строеваго лѣса не видать, выключая весьма немногихъ мѣстъ. Но быть не можетъ, чтобы хвойнаго лѣсу не было и на горахъ, къ которымъ примыкаются означенныя долины и возвышенности, если не на самыхъ подошвахъ ихъ, то по рѣчкамъ и на хребтахъ. Но за то дрòвянаго лѣсу, считая таковымъ тальникъ, ивнякъ и тополь, по всѣмъ берегамъ и островамъ весьма много. Что же касается до послѣдняго условія для селеній, т. е. воды для пищи, то не смотря на то, что въ Амуръ впадаетъ множество разныхъ и различныхъ рѣчекъ, вода въ немъ хотя и не прозрачна, но безвредна, какъ это доказываютъ новыя поселенія; а между тѣмъ у тѣхъ

---

[1]) Зимнее же сообщеніе, мнѣ кажется, можетъ быть изъ Николаевска прямо по рѣкѣ Амгуни до вершины оной; потомъ частію по Зеѣ и по долинѣ прямо на устье Зеи, чрезъ пригорныя селенія, если только возможно будетъ имѣть поселенія по рѣкѣ Амгуни.

селеній, кои расположатся при горахъ, почти вездѣ будутъ особые ключи, ручьи и рѣчки.

Мѣстъ для расположенія селеній, говоря вообще, при самомъ берегѣ—правда—не вездѣ, но и не мало. Сначала и до устья Зеи берега почти вездѣ для этого удобны, нѣсколько селеній могутъ быть по ту и другую сторону Хинганскаго хребта и отчасти между горами, въ первой половинѣ онаго. Также не мало найдется удобныхъ для этого мѣстъ по ту и другую сторону послѣднихъ горъ предъ Кизе и на протяженіи оныхъ; а быть можетъ, и на самыхъ равнинахъ найдутся мѣста для того удобныя, и не слишкомъ далеко отъ рѣки.

в) Гдѣ первоначально сдѣлать заселенія? Чтобы заселить Амуръ на всемъ его протяженіи только въ томъ размѣрѣ, чтобы можно было устроить по немъ обыкновенный почтовый проѣздъ, потребуется устроить болѣе сотни однѣхъ только почтовыхъ станцій; и слѣдовательно, потребуется отыскать и заселить болѣе сотни мѣстъ. Но не по всѣмъ мѣстамъ могутъ существовать однѣ только станціи; въ нѣкоторыхъ и даже во многихъ мѣстахъ нужны будутъ при нихъ цѣлыя селенія; иначе не найдется средства къ содержанію самыхъ станцій; а чтобы устроить все это въ два, три года, потребны сильныя мѣры и и огромныя средства. И потому, оставя до благопріятнаго времени учрежденіе настоящихъ почтовыхъ станцій и устройство многихъ селеній вдругъ, сначала, по мнѣнію моему, надобно заселить только тѣ мѣста, которыя впослѣдствіи (и прежде другихъ) могутъ и должны имѣть свое значеніе въ какомъ либо отношеніи, т. е. или административномъ, или хозяйственномъ, или торговомъ. Первое мѣсто, которое должно быть заселено и какъ можно скорѣе и прочнѣе, по мнѣнію моему, есть то, на которое я указывалъ выше, гдѣ и можетъ и долженъ быть городъ, т. е. предъ устьемъ Зеи; въ то же время необходимо сдѣлать заселенія предъ Хинганскимъ хребтомъ, или за онымъ и предъ послѣдними горами предъ Кизе, а затѣмъ при устьѣ Буреи, на Албазинѣ и около Камарскаго караула, а также вблизи рѣкъ Сунгури и Уссури. Въ первыхъ трехъ мѣстахъ, или по крайней мѣрѣ двухъ первыхъ, между прочимъ, можетъ современемъ сосредочиться управленіе частями Амура, и слѣд. могутъ быть города, а въ прочихъ мѣстахъ или около ихъ можетъ быть разводимо хлѣбопашество и скотоводство.

г) **Кѣмъ заселять Амуръ и какимъ способомъ?** Если главною цѣлію заселенія Амура будетъ та, которую я указалъ въ началѣ сей записки, т. е. приготовить нѣсколько мѣстъ для поселенія Русскихъ изъ Европы: то само собою разумѣется, что **самая большая часть переселенцевъ на Амурѣ должна быть изъ Европейской Россіи, а не изъ Сибири.**

А чтобы заселеніе Амура было прочно, было бы надежно и достигло возможнаго благоустройства, надобно, по мнѣнію моему, заселить его такъ же, какъ въ первыя времена заселена была Сибирь, въ которой самое прочное, лучшее и полезное населеніе, какъ извѣстно, составилось переселеніями въ Сибирь почти цѣлыхъ селеній въ зачетъ рекрутства и изгнаніемъ нѣскольких семействъ раскольническихъ за Байкалъ. Эти переселенцы, прійдя въ Сибирь, принесли съ собою всѣ свои, общіе всѣмъ, обычаи, свои познанія, свои порядки и свое трудолюбіе; для нихъ перемѣнилось почти одно только мѣсто,—а общество, т. е. ихъ сосѣди, тѣ же, что были и въ Россіи. Слѣдов., начать иной порядокъ, иной образъ жизни значило идти противъ общаго мнѣнія,—этого великаго двигателя обществъ, гражданствъ и царствъ. Если бы Сибирь заселялась такъ же, какъ она населяется въ послѣднее время, т. е. одними ссыльными и заѣзжими съ разныхъ концевъ Россіи граждан и чиновниковъ, между коими нѣтъ и не можетъ быть почти никакого единства, кромѣ полученія выгодъ; то какія бы мѣры ни принимало правительство для блага Сибири, Сибирь, безъ вышеозначенныхъ двухъ важныхъ въ гражданскомъ отношеніи элементовъ, никогда бы не могла достигнуть настоящаго благосостоянія [1]).

---

[1]) Которое впрочемъ, надобно сказать правду, пошло уже назадъ; причинъ тому очень много, изъ коихъ суть: преизбытокъ ссыльныхъ, т. е. безнравственныхъ и привыкшихъ къ праздности людей; излишекъ заѣзжихъ чиновниковъ, имѣющихъ въ виду однѣ только свои выгоды, чины и пенсіи и. за глазами начальства, дозволяющихъ себѣ все..... Много ли можно найти теперь, изъ чиновниковъ, имѣющихъ вліяніе на крестьянъ—этотъ главный элементъ народнаго быта—такихъ, которые бы во время пребыванія своего между ними подавали бы собою примѣръ благочестія, набожности, уваженія къ церкви и пастырямъ, которые бы строго соблюдали посты—эту главную узду своеволія простаго (да и не простаго) народа,—которые бы поощряли нерадивыхъ къ дѣятельности своею благоразумною дѣятельностію и проч. проч? Не напротивъ ли этого все дѣлается!.. Слѣдов., можно ли послѣ всего этого удивляться, что народъ дѣлается хуже, тогда какъ, при томъ, они видятъ и знаютъ, что нехристіанскія и недобрыя дѣйствія ихъ начальниковъ не только не преслѣдуются общественнымъ мнѣніемъ въ городахъ, но, напротивъ, заимствуются оттуда!.... Главная причина всѣхъ золъ, не только кре-

И потому если населять Амуръ хотя и не ссыльными (которыхъ, по мнѣнію моему, тамъ не должно быть рѣшительно ни одного: иначе, какъ разъ будутъ непріятности съ сосѣдями нашими), но семействами, набираемыми въ разныхъ губерніяхъ и селеніяхъ; то населеніе это плохо и не быстро пойдетъ къ своей цѣли,—по разномыслію, по различію нарѣчій, обычаевъ и проч., а главное—потому, что добрый честный и трудолюбивый крестьянинъ безъ особенно сильныхъ причинъ не скоро захочетъ перемѣнить мѣсто своей родины, оставить своихъ родныхъ и проч. Слѣдов., здѣсь безъ нѣкотораго насилія обойтись будетъ нельзя. Семейства, которыя были посланы въ Сибирь на поселеніе въ зачетъ рекрута, конечно, оставляя свою родину, плакали и были оплакиваемы; но эти слезы давнымъ-давно уже изсякли; въ пустыняхъ Сибири процвѣтаютъ селенія и за тѣмъ города. Но все это еще впереди, и быть можетъ, еще далеко,—а теперь надобно говорить о настоящемъ. До Албазина, на Албазинѣ и далѣе до Зеи, кажется, первоначально могутъ поселиться новые Забайкальскіе казаки, изъ бывшихъ подзаводскихъ крестьянъ; имъ это будетъ сдѣлать и удобнѣе, и скорѣе, по многимъ отношеніямъ. На прочія мѣста пока вызывать лучшихъ хлѣбопашцевъ изъ Сибири. Забайкальскимъ раскольникамъ, говорятъ, становится тѣсно: можно дать и имъ какое либо мѣсто или два, но такъ, чтобы они жили только одни. Что же касается до тѣхъ мѣстъ, гдѣ можетъ быть разведено преимущественно скотоводство, туда поселить одинъ улусъ Забайкальскихъ Бурятъ, или лучше—нѣсколько

стьянскихъ и гражданскихъ обществъ нашихъ, но и всей Россіи, есть преимущественно то, что люди потеряли страхъ Божій, а къ этому первою ступенью было нарушеніе постовъ. Такъ называемая нынѣ честь никогда не замѣнитъ страха Божія не только въ простомъ народѣ, но и въ тѣхъ обществахъ, гдѣ ею такъ дорожатъ... Есть еще причина, и очень немаловажная: это—отнятіе у приходскихъ священниковъ власти надъ своими прихожанами. Нынѣ никто уже, даже и дѣти, не боятся своихъ пастырей. Слѣдов. теперь для мужиковъ нѣтъ никакой узды, воздерживающей ихъ отъ пороковъ. Прежде было не такъ. Мой дѣдъ (а потомъ дядя) былъ строгъ къ своимъ прихожанамъ; не говоря уже о выговорахъ и угрозахъ, онъ своею властію полагалъ публичныя эпитиміи на начинающихъ развращаться, безъ всякихъ представленій по начальству: ибо это было общее у всѣхъ и, быть можетъ, это было одною изъ причинъ того, что въ кабакѣ, давно уже существующемъ въ селѣ нашемъ, вина въ цѣлый годъ выходило не болѣе бочки, и кабакъ всегда былъ пустъ (это я самъ знаю); но нынѣ тотъ же кабакъ процвѣтаетъ, посѣтителей въ немъ всегда довольно, даже и во время полевыхъ работъ, и расходъ вина возросъ почти въ 50 разъ болѣе прежняго. Такой власти нынѣшніе священники, и не только они, но и выше ихъ, не имѣютъ; ибо вышеозначенныя дѣйствія священниковъ не согласны съ духовнымъ регламентомъ.

наслеговъ (поселковъ) Якутовъ (которымъ тоже, современемъ, будетъ тѣсно). Вопросъ: какъ они переведутъ на Амуръ свой скотъ? можно рѣшить такъ. Скотъ свой они весь могутъ отдать и передать алекминскимъ золотопромышленникамъ, вмѣсто котораго тѣ должны будутъ купить имъ скотъ за Байкаломъ. Сами же они могутъ переѣхать или тѣмъ путемъ, которымъ Якуты-подторговцы ѣздятъ на Бурею, или чрезъ вершину Айдана перейти на Зею и по ней сплыть до мѣста имъ назначеннаго, или лучше, ими самими выбраннаго,—или наконецъ чрезъ Якутскъ, по открытой Ленѣ; только въ этомъ случаѣ они должны отправляться не изъ Якутска, а изъ Олекмы или еще выше,—иначе въ одно лѣто не попасть на Амуръ; и все это, конечно, не безъ пособій отъ правительства.

Высказавъ все, что я только могъ теперь сказать объ Амурскомъ краѣ, я считаю нужнымъ сказать нѣчто и въ частности о мѣстахъ, занятыхъ нами нынѣ на Амурѣ. Начну съ Николаевска.

Николаевскъ стоитъ не на мѣстѣ, не только въ отношеніи удобствъ жизни, но даже и въ главномъ значеніи своемъ. Не умѣю сказать, соотвѣтствуетъ ли онъ всѣмъ требованіямъ въ стратегическомъ отношеніи; морскіе же офицеры говорятъ, что находящіяся нынѣ батареи не имѣютъ между собою общей связи, а этому препятствуетъ мѣстность. Но мнѣ кажется, лучшаго мѣста для укрѣпленія Амура нѣтъ до самаго Михайловско-Богородскаго хребта горъ, т. е. на 150 верстъ отъ Николаевска. Въ морскомъ отношеніи, Николаевскъ почти нисколько не соотвѣтствуетъ всѣмъ главнымъ условіямъ, кромѣ возможности стоянки судовъ; но такихъ мѣстъ, какъ въ Николаевскѣ, т. е. посреди рѣки, премножество по всему Амуру и столько можно найти несравненно лучше даже нѣсколько повыше. Въ заливѣ же подлѣ города могутъ стоять только гребныя суда и баржи, не болѣе—и то не всегда спокойно отъ волненій; а главное неудобство—то, что ни подлѣ, ни вблизи Николаевска нѣтъ удобнаго мѣста не только для зимовки судовъ и постройки новыхъ, но даже и для починки. Чтобы вытащить шкуну «Востокъ» на берегъ для починки, надобно было отвести ее туда, гдѣ зимовали суда, т. е. въ Пальво, за 60 верстъ выше Николаевска. Относительно удобствъ жизни Николаевскъ не представляетъ почти никакихъ, кромѣ изобилія пока дровъ. Первая потребность для существованія человѣка—воздухъ долго не можетъ быть постоянно чистъ, до тѣхъ поръ,

пока окружающія его болота и тундры, на которыхъ онъ стоитъ, не изсохнутъ, а для этого надобно много времени и рукъ. Вторая потребность, вода, которою пользуются нынѣ жители Николаевска, берется изъ залива, не имѣющаго почти никакого теченія; тутъ берутъ воду на чай, тутъ же моютъ и бѣлье. Хотѣли помочь этому колодцемъ, но не удалось,—и конечно, не удастся: потому что возвышенность, на которой расположенъ городъ, во первыхъ, состоитъ изъ глины, а во вторыхъ, не примыкаетъ ни къ какой горѣ, и оттого въ ней не можетъ быть постоянныхъ подземныхъ ключей,—по крайней мѣрѣ, тутъ, гдѣ стоитъ городъ. Въ колодцѣ, правда, вода есть и, конечно, натечная сверху и даже очень прозрачна; но имѣетъ непріятный запахъ. Возвышенность, на которой стоитъ Николаевскъ, состоитъ, какъ я сказалъ выше, изъ (желтоватой) глины, сверху покрытой слоемъ другаго цвѣта—вязкою глиною и мохомъ, а чернозему на ней еще очень мало. И потому чрезвычайно трудно въ самомъ городѣ имѣть огородъ, тѣмъ болѣе, что вся площадь покрыта сплошными пнями, лиственничными и еловыми. Правда, чрезъ два—три года, хотя и съ большимъ трудомъ и усиліемъ (возможными, конечно, только для имѣющихъ средства и достатокъ), но, какъ показываетъ опытъ, можно будетъ завести огороды въ самомъ Николаевскѣ и которые время отъ времени будутъ дѣлаться лучше и лучше. Но вотъ самый важный недостатокъ Николаевска: около него вблизи нѣтъ выгона для скота, кромѣ небольшой покрытой лѣсомъ площадки; а скотъ, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ необходимыхъ потребностей для семейныхъ, да и для всѣхъ. Сдѣлать выгонъ невозможно никакими средствами и усиліями, по крайней мѣрѣ дотѣхъ поръ, пока около Николаевска не будетъ рости березникъ. Конечно, не всѣ города имѣютъ выгоны для скота и не всѣ городскіе жители имѣютъ свой скотъ; но всѣ они имѣютъ возможность и даже съ выгодою имѣть молоко изъ подгородныхъ селъ и деревень. Но Николаевскъ не можетъ имѣть этого удобства; потому что жители ближайшей къ нему деревни Личи, отстоящей въ 7 верстахъ, тоже не могутъ имѣть большаго скотоводства, по причинѣ небольшихъ выгоновъ. При такой почвѣ и мѣстности Николаевска, само собою разумѣется, что нѣтъ мѣста для прогулокъ; а это для городскихъ жителей, ведущихъ сидячую жизнь, такъ же необходимо, какъ вода или воздухъ.

Сверхъ всего этого, еще то—и главное—неудобство, что Николаевскъ,

во время нападенія непріятеля, не безопасенъ отъ выстрѣловъ даже обыкновенной артиллеріи.

Говоря такимъ образомъ о Николаевскѣ, я отнюдь не думаю винить основателей онаго. Потому что здѣсь виноваты не люди, а обстоятельства. Первый основатель искалъ мѣста только чтобы поставить зимовье (для наблюденія за входящими судами),—и это мѣсто представилось удобнымъ и не для одного этого; а при перенесеніи Петропавловска на Амуръ было не до того, чтобы разсматривать и избирать удобства. Но теперь, когда военная буря прекратилась и настаетъ необходимость устроить на Амурѣ портъ и городъ, надобно обратить на это все вниманіе. И притомъ, какъ Николаевскъ, по мѣстности своей, ни худъ, но онъ несравненно лучше Охотска, Аяна и даже Ситхи (не разобрано). Онъ можетъ уступить только Петропавловску; и потому переселившіеся изъ Камчатки на Амуръ не могутъ быть довольными Амуромъ.

Но гдѣ же поставить Николаевскъ или—все равно—гдѣ основать городъ и портъ? Вопросъ этотъ требуетъ основательнаго изслѣдованія и вѣрнаго взгляда и соображенія всѣхъ обстоятельствъ, настоящихъ и будущихъ, и во всѣхъ отношеніяхъ. Что теперь требуется для упроченія Амура? Требуется, во первыхъ, чтобы какъ можно ближе ко входу въ него съ моря была крѣпость, портъ и городъ,—если не всѣ вмѣстѣ, то одно отъ другаго не въ дальнемъ разстояніи. Ниже Николаевска, въ лиманѣ, говорятъ, рѣшительно нѣтъ мѣста удобнаго ни для укрѣпленія, ни для порта. Нынѣшній Николаевскій постъ въ стратегическомъ отношеніи представляетъ первое и, въ сравненіи съ близлежащими къ нему мѣстами, лучшее для укрѣпленія Амура мѣсто. Правда, есть для этого мѣсто еще лучшее, а именно—между Богородскимъ и Михайловскимъ селеніями, гдѣ Амуръ очень сжатъ гористыми берегами. Но это слишкомъ далеко отъ устья, т. е. за 150 верстъ выше Николаевска. И потому въ стратегическомъ отношеніи Николаевскъ, можно сказать, на лучшемъ мѣстѣ, но только въ этомъ; а если такъ, то въ немъ должны быть только укрѣпленія и казармы для необходимаго въ зимнее время караула, и болѣе ничего; а казармы для гарнизона могутъ быть выше, версты за четыре.

Гдѣ же долженъ быть портъ, т. е. верфь, гавань и мѣсто для зимовки судовъ? Протока Пальво, гдѣ зимовали суда, весьма удобна для перваго: глубина въ ней достаточна даже для кэ-

раблей, берегъ съ одной стороны почти отвѣсно крутъ, а съ другой отлогъ и твердъ; теченіе въ ней очень тихое; при проходѣ рѣки, какъ показалъ опытъ, ледъ нисколько не опасенъ для судовъ, а мѣстность представляетъ всѣ удобства для расположенія города. Правда, это мѣсто отъ Николаевска въ 60 верстахъ; но это неудобство при пароходахъ не такъ важно; но вотъ главное неудобство этого мѣста. Такъ какъ около этого мѣста строеваго лѣса очень немного, да и дровянаго не очень изобильно, да хотя бы было и не менѣе Николаевска, онъ скоро истребится; и потому надобно будетъ лѣсъ или привозить или приводить сверху или снизу Амура. Переводить лѣсъ можно только зимою, иначе будетъ дорого и не для всѣхъ возможно; приводить же водою съ той и другой стороны надобно противъ теченія и на разстояніе не менѣе 15 верстъ. Потому что протока Пальво есть вмѣстѣ истокъ изъ озера Орль, имѣющій нѣсколько устьевъ, и притомъ верхній рукавъ протоки чрезвычайно извилистъ и длиненъ. Быть можетъ, это неудобство можетъ быть отвращено или уменьшено прорытіемъ гдѣ либо канала; а иначе какъ суда, такъ и всѣ баржи къ городу и порту надобно будетъ вводить пароходами и не менѣе двѣнадцати верстъ.

Гдѣ основать городъ? Какъ, съ одной стороны, ни прекрасны климатъ и мѣста по Амуру выше Кизе и какъ, съ другой, ни дуренъ климатъ въ послѣдней части Амура, въ сравненіи съ первымъ и особенно близъ устья, но городъ долженъ быть не далеко отъ устья, и если можно, то при самомъ портѣ.

Мѣстность, на которой нынѣ расположенъ Николаевскъ, можно сказать, есть самая худшая изъ видѣнныхъ мною, даже на взглядъ. Такъ что даже около селенія Личи, отстоящаго отъ Николаевска только въ 7 верстахъ, и ближе онаго верстъ на 3, мѣстоположеніе и почва несравненно лучше и удобнѣе для расположенія города. Но это мѣсто, какъ говорили мнѣ, предполагается для поселенія отставныхъ матросовъ, а быть можетъ, и для казармъ Николаевскаго гарнизона. Слѣдов. тутъ городу не мѣсто.

Новое мѣсто для порта и города. Въ проѣздъ мой изъ Кизе въ Николаевскъ чрезъ протоку Пальво, мнѣ представилось одно мѣсто, по видимому соединяющее въ себѣ если не всѣ, то многія удобства для устроенія порта и города, и которое отъ Николаевска не болѣе 40 верстъ. Это предъ устьемъ той же протоки Пальво,—слѣдовательно

удобствами, представляемыми Пальво, можно пользоваться безъ большихъ затрудненій,—на лѣвомъ же берегу Амура, значитъ, къ солнцу, при довольно значительномъ заливѣ, имѣющемъ, какъ говорятъ, не менѣе 10 фут. глубины, слѣдов. удобномъ для стоянки мелкихъ и гребныхъ судовъ. Здѣсь находятся три невысокія горы, одна отъ другой отдѣленныя небольшими разлогами или падями, составляющія собою почти полукругъ, дугою по сѣверу; двѣ изъ нихъ въ основаніи своемъ, какъ казалось, почти круглыя, а третья, къ Николаевску, продолговатая съ двумя пониженіями. Всѣ эти горы окружены и защищены отъ W. N. NO. и O. полукруглымъ, мѣстами довольно высокимъ хребтомъ, оканчивающимся у береговъ рѣки мысами Сибахъ къ O. и Маго къ W. Разлоги между вышеозначенными тремя горами и третій между мысомъ Маго и первою горою, смотрятъ одинъ отъ NO, другой (средній) отъ N, а послѣдній отъ NW. Средній изъ нихъ, кажется, шире и длиннѣе и ближе подходитъ къ окружающему ихъ хребту. Предъ устьями ихъ, кажется, есть довольно большой лугъ; на горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, большею частію видѣнъ березникъ,—слѣдов. здѣсь грунтъ не худой, а горы довольно покаты.

Для порта одно неудобство, которое впрочемъ въ другомъ отношеніи составляетъ большое удобство: это то, что большая часть залива, обливающаго берега вышеозначенныхъ трехъ горъ, открыта въ рѣку и во всю почти длину материка ея вверхъ по теченію, и потому гребнымъ судамъ стоять въ заливѣ можетъ быть иногда безпокойно; но это, кажется, можно отвратить, заградивъ часть залива сваями. Для стоянки же судовъ въ рѣкѣ здѣсь, кажется, нисколько не хуже, чѣмъ въ Николаевскѣ, а быть можетъ, будетъ еще и удобнѣе, если протока, идущая изъ материка между имъ и устьемъ Пальво, имѣетъ достаточную глубину. Городъ можетъ быть расположенъ сначала въ одномъ изъ разлоговъ, т. е. среднемъ или восточномъ, а впослѣдствіи и въ западномъ и на склонахъ самыхъ горъ. Одно только нужно узнать прежде: есть ли въ этихъ разлогахъ особыя рѣчки или ключи, текущіе въ Амуръ. И мнѣ казалось, что въ среднемъ непремѣнно есть, а быть можетъ, и во всѣхъ; и если это такъ, то лучшаго мѣста для города вблизи устья Амура не найти. Почва лучше Николаевской (судя по листовымъ лѣсамъ); мѣстоположеніе покатое, слѣд. грязи скоро будутъ просыхать; выгонъ для скота есть и предъ городомъ, и въ падяхъ, и, вѣроятно, и

за горами. Сѣнныхъ покосовъ на противо-и окололежащихъ островахъ, кажется, очень изобильно, и особливо въ протокѣ Пальво, верстъ за 10 или 20. Баржи, а также и плоты съ лѣсомъ и дровами, сверху могутъ приплывать если не подъ самый городъ, то близко къ нему. Правда, судамъ, входящимъ съ моря въ Амуръ и имѣющимъ надобность быть у города, надобно будетъ проходить вверхъ по рѣкѣ лишнихъ почти 40 верстъ. Но если принять въ разсчетъ то, что купеческія и вообще парусныя суда пароходъ долженъ брать на буксиръ отъ того мѣста, отъ котораго идти далѣе въ Лиманъ лавировкою уже нельзя, т. е. отъ мыса Сущова, отстоящаго отъ Николаевска не менѣе 250 верстъ: то чтò значитъ при такомъ разстояніи лишнихъ 40 верстъ, и которое притомъ, при попутномъ вѣтрѣ, могутъ пройти и безъ парохода. Есть еще мѣсто, которое стоитъ осмотрѣть, а именно на правомъ берегу Амура, нѣсколько пониже вышеозначеннаго. Тутъ горы расходятся и представляютъ довольно широкую и длинную падь, которая лежитъ устьемъ къ NW, а вершиною уходитъ къ югу въ горы.

Теперь, по порядку, слѣдуетъ сказать о Кизе или Маріинскомъ постѣ, на мѣстѣ-ли онъ стоитъ. О Маріинскомъ постѣ. Но прежде нежели я буду говорить о Маріинскомъ постѣ, надобно рѣшить главный вопросъ: нуженъ ли онъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ можетъ только тотъ, кто знаетъ виды и намѣренія нашего правительства на этотъ край. Ибо если правительство захочетъ, то, такъ сказать, и самое невозможное сдѣлается возможнымъ; на что при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ потребуются десятки лѣтъ, то можетъ устроиться въ два, три года. А такъ какъ я не знаю таковыхъ видовъ и намѣреній правительства,—буду отвѣчать на него, смотря съ обыкновенной точки и принимая во вниманіе преимущественно мирный, грожданскій бытъ. Принимая во вниманіе торговлю, какая можетъ развиться на Амурѣ на первый разъ, можно сказать, что Маріинскъ въ настоящее время не нуженъ для торговли и даже до тѣхъ поръ, пока Амурская торговля наша не усилится и не разовьется до большихъ размѣровъ,—а это можетъ быть только тогда, когда Амуръ будетъ заселенъ или когда доставка заграничныхъ товаровъ по Амуру, по крайней мѣрѣ, во всю Сибирь и при обыкновенной очисткѣ пошлиною, будетъ стоить дешевле, чѣмъ доставка съ Нижегородской ярмарки. Тогда Маріинскъ, какъ ближайшая и гораздо удобнѣйшая

точка сообщенія рѣки Амура съ моремъ, будетъ необходима. И само собою разумѣется, когда въ то же время отъ Декастри даже до Маріинска [1]) будутъ устроены желѣзныя дороги; а иначе, т. е. если торговля наша на Амурѣ будетъ ограничиваться только сбытомъ Забайкальскихъ простыхъ произведеній, какъ-то: сырыми кожами, солониною, пшеницею, или мукою, пенькою, масломъ, саломъ, скотомъ и тому подобнымъ, и полученіемъ за то вещей и припасовъ, необходимыхъ только для при-Амурскихъ командъ и жителей и отчасти для за-Байкальскихъ,— тогда не только Маріинскъ, но и даже желѣзная дорога отъ него до Кастры не нужны, потому что и при самой крайней дешевизнѣ, за перевозъ по желѣзной дорогѣ, для торгующихъ будетъ гораздо выгоднѣе сплавлять вышеозначенныя произведенія свои къ устью Амура, тѣмъ болѣе, что при помощи пароходовъ есть возможность сплавлять грузы даже на тѣхъ же самыхъ баржахъ, на которыхъ они будутъ сплавлять сами до острововъ Хазимовъ, а до сихъ островов могутъ доходить суда всякой величины и стоять тамъ безопасно. И даже, если бы нужно было перегружать баржи въ другія, болѣе удобныя, то и тогда для купцовъ это будетъ выгоднѣе, чѣмъ перевозить ихъ по желѣзной дорогѣ. О перевозкѣ же товаровъ и припасовъ, которые будутъ привозиться изъ-за границы, и думать нечего, потому что всѣ эти вещи удобно могутъ быть доставлены на пароходахъ, идущихъ по пути: потому что количество ихъ пока ограничится только потребленіемъ живущихъ вблизи устья Амура, слѣдов. будетъ не слишкомъ значительно. И такъ, Маріинскъ и желѣзная отъ него до Кастры дорога для торговли еще долго не будутъ нужны.

Нуженъ ли Маріинскъ въ стратегическомъ отношеніи? Если правительство, по своимъ видамъ, захочетъ имѣть здѣсь тяжелый флотъ и съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, устроить гавань для его судовъ въ Декастри, какъ говорятъ, возведеніемъ мола между островами: тогда, конечно, Маріинскъ или какая либо другая ближайшая къ нему точка будутъ необходимы. Если же правительство ограничится только легкимъ флотомъ, т. е. судами, сидящими въ водѣ отъ 12 до 14 футовъ (которые, конечно, необходимы для обороненія Амура и который

[1]) Потому что заливъ или озеро Кизе, при малой водѣ въ Амурѣ, неудобенъ для плаванія даже небольшимъ гребнымъ судамъ, какъ это показалъ опытъ.

въ случаѣ войны, по мнѣнію моему, также можетъ быть страшенъ непріятелю и своею численностію, какъ и корабли своею громадностію и силою, и который между тѣмъ, при перевѣсѣ силы непріятельской, удобно можетъ скрыться за Амурскія крѣпости)—если, говорю, правительство ограничится пока такимъ флотомъ: то, мнѣ кажется, для него не нуженъ Маріинскъ, потому что тогда не предвидится надобности ни укрѣплять, ни устраивать и самое Декастри. Мнѣ скажутъ, что въ такомъ случаѣ непріятель можетъ занять Декастри и оттуда дѣйствовать на Амуръ.—Такъ. Но во первыхъ, непріятель можетъ занять Декастри только въ такомъ случаѣ, когда нашъ легкій флотъ будетъ или разбитъ, или принужденъ скрыться за батареи; слѣд. непріятель долженъ быть въ большихъ силахъ, а это для него не совсѣмъ легко; во вторыхъ, если непріятель и займетъ Декастри, то не можетъ удержаться долѣе зимы близъ сильныхъ укрѣпленій. Въ третьихъ, зимняго похода на Амуръ онъ пе предприметъ, а лѣтомъ грязи и непроходимыя топи [1]) представятъ ему чрезвычайныя затрудненія для перехода на Амуръ и для перевозки артиллеріи, когда въ то же время и съ нашей стороны будутъ предприняты всѣ мѣры противу его дѣйствій. Въ четвертыхъ, такихъ переходовъ или перешейковъ, какъ представляется изъ Декастри въ Маріинскъ, не одинъ,—ихъ насчитываютъ болѣе 4-хъ; и если это такъ, то укрѣпивъ Декастри, нельзя оставить безъ нѣкоторыхъ укрѣпленій и другихъ мѣстъ, удобныхъ къ переходу. Потому что если непріятель можетъ имѣть возможность овладѣть Декастри и высадить сильный дессантъ и послать его на Амуръ, то будетъ имѣть возможность занять и всѣ другія около ихъ лежащія мѣста для того, чтобы перейти чрезъ нихъ на рѣку съ сильнымъ дессантомъ. Я профанъ въ военномъ дѣлѣ, но думаю, что никто не рѣшится на это даже при огромныхъ силахъ и средствахъ. Берега здѣшніе не Севастопольскіе, гдѣ непріятель огромнымъ флотомъ своимъ могъ подкрѣплять свой дессантъ, такъ сказать, на каждомъ шагу его движеній, а чтобы обезопасить легкій флотъ, стóитъ только укрѣпить устье Амура; а его надобно укрѣпить и безъ того, если мы хотимъ владѣть Амуромъ, а чтобы обезопасить тяжелый флотъ, надобно устроить гавань въ Дека-

[1]) Такъ это показалъ опытъ нынѣшняго лѣта, когда мы сами, при всѣхъ нашихъ средствахъ и уже въ мирное время, не имѣли возможности достать припасовъ изъ Декастри въ Маріинскъ, при всѣхъ усиліяхъ.

стри, укрѣпить ее или занять и укрѣпить Императорскую гавань и провести къ ней желѣзную дорогу: значитъ, надобно владѣть рѣкою Уссури, а между тѣмъ, въ то же время, имѣть сильныя крѣпости и въ устьѣ Амура; а такія предпріятія потребуютъ страшныхъ, чрезвычайныхъ средствъ, потому что въ то же время надобно заселять Амуръ.

На вопросъ мой—для чего намъ тяжелый флотъ? мнѣ отвѣчаютъ моряки: для того, чтобы въ случаѣ войны съ Англіей, угрожать ея торговлѣ въ Тихомъ океанѣ; да тогда она даже не посмѣетъ предпринять съ нами войну. Положимъ такъ; но это значитъ употребить огромнѣйшія средства для того, чтобы быть страшнымъ одному непріятелю и, въ то же время, быть слабѣе противъ другаго,—или угрожать тому же непріятелю съ одной стороны и однимъ способомъ, весьма не легкимъ для насъ, и, въ то же время, имѣть менѣе возможности противопоставить ему сильнѣйшій отпоръ съ другой стороны. Потому что Англія явно можетъ готовить огромнѣйшій флотъ, съ тѣмъ чтобы напасть на насъ. Но мы не будемъ знать, съ которой стороны они нападутъ на насъ; значитъ, намъ надобно быть сильными вездѣ и, между прочимъ, и на Амурѣ, и въ Императорской гавани, до которой доступъ для насъ съ сухаго пути требуетъ огромныхъ средствъ и главное—населенія Амура.

Но объ этомъ довольно. Теперь спросимъ: на мѣстѣ ли стоитъ нынѣшній Маріинскій постъ? Отвѣчаю: нѣтъ; и говоря такъ, я опять скажу, что я тѣмъ не хочу винить тѣхъ, кто избралъ это мѣсто. Чтобы избрать лучшее мѣсто, надобно и время, и особенныя средства, а ихъ некогда было имѣть основателямъ Маріинска. Мѣстность Маріинска чрезвычайно мало представляетъ удобства для хозяйственныхъ заведеній. Площадь, на которой стоитъ Маріинскъ, болотистая и иловатая, и притомъ, какъ говорятъ Гиляки, въ нѣкоторые годы она понимается водою. Главное—ни въ Маріинскомъ, ни въ Кизи нѣтъ хорошей воды, особенно осенью, когда изъ озера выносится тина и грязь».

XXIV

1857-й годъ также почти весь былъ посвященъ преосвященнымъ Иннокентіемъ ревизіи дальнихъ предѣловъ своихъ епархій. Сперва онъ отправился на Вилюй, въ Олекму и по Якутскимъ церквамъ, а затѣмъ въ Америку; а наконецъ былъ вызванъ въ Петербургъ. Между тѣмъ, не смотря на частыя отсутствія преосвященнаго Иннокентія, переводы священныхъ и церковныхъ книгъ на Якутскій языкъ шли въ Якутскѣ своимъ порядкомъ, подъ наблюденіемъ протоіерея Димитрія Хитрова, такъ что часть оныхъ преосвященный Иннокентій могъ уже отправить въ Петербургъ, для разсмотрѣнія Св. Сѵнодомъ и для разрѣшенія печатать ихъ. По этому поводу, онъ пишетъ изъ Якутска слѣдующее письмо, отъ 10 января 1857 года, къ К. С. Сербиновичу (*изъ Архива кн. П. П. Вяземскаго*): «Наконецъ-то я, по милости и при помощи Господней, имѣю утѣшеніе представить къ вашему высокопревосходительству часть нашихъ переводовъ, давно-давно уже вами ожидаемыхъ. Будьте увѣрены, что не лѣность наша и не небреженіе были причиною столь долгаго вашего ожиданія, но обстоятельства, а болѣе—желаніе сдѣлать переводъ сколько возможно лучше. Быть можетъ, вашему высокопревосходительству покажется удивительнымъ, если я скажу, что первое Евангеліе пересматривалось нѣсколько разъ, и каждый разъ дѣлались поправки и перемѣны, и это—главное отъ того, что сами наши отцы члены комитета нашего, можно сказать, до того времени не знали языка Якутскаго какъ слѣдуетъ. Много говорящихъ по Якутски очень хорошо, и въ то же время

знающихъ Русскій языкъ какъ нельзя лучше; но когда пришлось переводить съ Русскаго на Якутскій, то какая иногда выходитъ гиль! и это частію отъ незнанія вполнѣ Русскаго текста, а главное—отъ неумѣнія передать по Якутски сообразно складу этого языка. Всѣ прежніе переводчики, не исключая и нашихъ отцовъ членовъ, при переводѣ держались русскаго склада и смысла; и оттого выходило, что слова, взятыя сами по себѣ, правильны во всѣхъ отношеніяхъ и стоятъ на мѣстахъ—и переводчику казалось, что переводъ его ясенъ какъ нельзя лучше; но для Якута онъ таковъ же, какъ наши церковные ирмосы: слова—наши, а понять нельзя скоро, потому что складъ не Русскій, а Греческій. Наконецъ, Господь вразумилъ и нашихъ отцовъ, какъ нужно передавать Якутамъ русскую рѣчь, и теперь дѣло пойдетъ скорѣе. Ходъ дѣла повѣрки переводовъ нашихъ изложенъ мною въ донесеніи Св. Сѵноду, а относительно матеріальной части, что было нужно, я имѣлъ честь сказать вашему высокопревосходительству въ моей оффиціальной бумагѣ; здѣсь считаю необходимымъ сказать еще нѣчто: а) я бы желалъ, чтобы всѣ книги, назначенныя для употребленія въ церквахъ, были напечатаны не на простой бумагѣ, а на проклеенной, иначе онѣ скоро изобьются и преждевременно, т. е. безъ надлежащаго исправленія, потребуютъ новаго изданія. б) Относительно переплета книгъ покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство приказать переплетать ихъ не по французски, т. е. гладко, а по нашему старинному, т. е. съ веревочками на корешкѣ. Иначе, намъ показываетъ опытъ, книги скоро разобьются; а здѣсь переплетчиковъ нѣтъ. А какія именно книги и въ какомъ должны быть переплетѣ, я предоставилъ посылаемому отъ насъ для корректуры протоіерею войти объ этомъ въ свое время къ вашему высокопревосходительству съ запиской. в) Мнѣ и многимъ желательно, чтобы Евангеліе отъ Матѳея было напечатано съ Русскимъ буквальнымъ переводомъ. Это для желающихъ учиться тому и другому языку весьма полезно. Не думаю, чтобы наборъ Русскаго текста стоилъ многаго. Я въ донесеніи моемъ Св. Сѵноду, между прочимъ, просилъ: во 1-хъ, имѣющуюся у насъ на предметъ изданія Якутскихъ книгъ сумму, простирающуюся до 2000 р., оставить у насъ безъ требованія оной, для восполненія издержекъ по сему дѣлу; во 2-хъ, дозволить намъ продавать книги Якутскія по умѣренной цѣнѣ и выручаемыя за нихъ деньги пріобщать къ той же суммѣ, для

того, дабы второе изданіе ихъ, которое должно быть непремѣнно, можно было сдѣлать уже своими способами, не прибѣгая къ пособію казны. Помогите этому, ваше превосходительство, потому что получить также легко пособіе отъ казны, какое она нынѣ предлагаетъ, впослѣдствіи, быть можетъ, будетъ затруднительнѣе. Впрочемъ, не мое дѣло разсчитывать, когда удобнѣе для казны употребить свои деньги на изданіе сихъ книгъ—нынѣ, или впослѣдствіи. Посылаемаго мною для корректуры протоіерея Димитрія Хитрова честь имѣю рекомендовать вашему высокопревосходительству, какъ хорошаго знатока Якутскаго языка и составителя грамматики Якутской и, съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ добраго, дѣятельнаго и усерднаго слугу церкви [1]); кромѣ того, онъ основательно знаетъ весь здѣшній край и быть, какъ неоднократно бывавшій даже въ Колымахъ. Немного, очень немного у меня такихъ помощниковъ, какъ онъ. Судя по тому, сколько вамъ желательно видѣть въ печати Якутскихъ переводовъ, одному ему держать корректуру будетъ не легко—по крайней мѣрѣ, дѣло это продлится надолго; и потому я далъ ему помощника—его причетника, также хорошо знающаго Якутскій языкъ, который въ случаѣ надобности можетъ замѣнить въ этомъ дѣлѣ протоіерея. Въ заключеніе сего (перваго по сему предмету) письма моего, позвольте сказать по совѣсти и по моему убѣжденію:

Вамъ, ваше высокопревосходительство, вамъ если не единственно, то большею частію и преимущественно, мы обязаны тѣмъ, что Св. Сѵнодъ такъ милостиво воззрѣлъ на это наше дѣло и начинаніе! ибо вамъ было представлено на разсмотрѣніе и соображеніе. Не смѣю изъяснить того, что̀ и сердце и духъ мой желаетъ вамъ за то! Но и безъ этого желанія моего, вы получите все отъ великаго Пастыреначальника. Довершите же это ваше величайшее для ввѣренной моему недостоинству паствы благодѣяніе...... Съ протоіереемъ я буду имѣть честь отвѣчать вашему высокопревосходительству на ваше весьма обязательное для меня письмо отъ 12 сентября».

Несмотря на многотрудное управленіе обширныхъ трехъ паствъ, Американской, Камчатской и Якутской, которыми былъ такъ тяжко

---

[1]) И благодушно несущаго крестъ, посланный ему отъ Господа: его подруга жизни подвержена припадкамъ сумасшествія; онъ беретъ ее съ собою и пока оставитъ у своихъ родныхъ въ Рязани, а потомъ хочетъ попытаться лечить ее.

обремененъ преосвященный Иннокентій, онъ съ тою же ревностію, не щадя ни силъ, ни трудовъ своихъ, продолжалъ слѣдить и за Амурскими дѣлами, хотя вполнѣ удовлетворить религіозныя потребности новой своей Амурской паствы,—такъ еще недавно бывшей пустыней, по которой тамъ и сямъ кочевали рѣдкіе, дикіе обитатели, еще погруженные въ глубокую тьму фетишизма,—положительно не могъ безъ помощника, т. е. безъ викарія. Амурскій край, представлявшій такое обширное поприще для его миссіонерской дѣятельности и требовавшій непосредственнаго его присутствія тамъ, былъ отдаленъ отъ его резиденціи пространствомъ на пять тысячъ верстъ. Вслѣдствіе такого неудобства, преосвященный Иннокентій и приступилъ къ составленію проэкта о перенесеніи каѳедры Камчатской епархіи на Амуръ и объ учрежденіи въ помощь ему викаріатства,—между прочимъ, и объ особой епархіи въ Якутскѣ, о чемъ сильно хлопоталъ предъ высшею властью; и почти увѣренный въ исполненіи своего проэкта, онъ сталъ подыскивать себѣ достойнаго помощника для управленія Якутскою областію.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ это время ближайшимъ помощникомъ преосвященнаго Иннокентія въ дѣлѣ проповѣдыванія Евангельскаго ученія на Амурѣ былъ, какъ мы уже сказали выше, сынъ его, отецъ Гавріилъ, который въ 1856 году за похвальное усердіе на миссіонерскомъ поприщѣ, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ, возведенъ былъ указомъ Св. Сѵнода, по представленію генералъ-губернатора Н. Н. Муравьева, въ санъ протоіерея и награжденъ набедренникомъ и притомъ опредѣленъ въ должность благочиннаго при Амурскихъ церквахъ и миссіи, съ утвержденіемъ въ обязанности проповѣдывать слово Божіе между туземцами, живущими вблизи новаго города Николаевска, по рѣкамъ Аргуни и Буреи и другимъ, съ наименованіемъ старшаго миссіонера въ при-Амурскомъ краѣ. Отецъ Гавріилъ достойно оправдалъ такое воззрѣніе на него своего начальства и, во время путешествія въ семъ 1857 году по миссіонерскимъ обязанностямъ, обратилъ изъ язычниковъ въ христіанство 154 Гольда.

Пятаго февраля 1857 года, преосвященный Иннокентій, по полученіи отъ Св. Сѵнода разрѣшенія печатать посланные переводы, отправилъ въ Петербургъ, для держанія по онымъ корректуры, протоіерея Димитрія Хитрова, какъ хорошаго знатока Якутскаго языка снабдивъ его

письмомъ (отъ 5 февраля 1857 г.) къ К. С. Сербиновичу [1]), въ которомъ пишетъ: «Только теперь собрался я отвѣчать вамъ на ваше письмо отъ 12 сентября, полученное мною вмѣстѣ съ знаками Высочайшей милости. Никогда я не воображалъ себѣ такой высокой чести. Мнѣ ли, не академику, не ученому, было мечтать объ Александрѣ, когда и о слѣдующемъ за Анною орденѣ мнѣ стало приходить изрѣдка въ голову только съ прошедшаго года? а между тѣмъ, вмѣсто того, удостоился получить то, о чемъ и на сердцѣ моемъ не было. Довольно замѣчательны дни, когда это происходило. Орденъ пожалованъ въ день моего рожденія. Первую вѣсть о пожалованіи мнѣ сего ордена я получилъ въ день, въ который меня произвели въ архимандриты; орденъ полученъ въ день, когда я въ первый разъ служилъ архіереемъ; возложилъ на себя—въ день, въ который меня произвели въ протоіереи—и все это совершенно безнамѣренно. Но извините за лишнее слово. Отъ всего сердца моего благодарю васъ за ваше расположеніе ко мнѣ. Ваше управленіе за оберъ-прокурора для нашей епархіи весьма достопамятно многими постановленіями для блага нашего духовенства. Преемники мои, если будутъ внимательно разсматривать всѣ дѣла мои, могутъ сказать: ужъ не родственникъ ли былъ ему Сербиновичъ? Да воздастъ вамъ Господь за все подобное, сдѣланное, конечно, и не для насъ однихъ! Письмо ваше застало меня уже въ Якутскѣ и нашло совершенно здоровымъ. Слава и благодареніе Господу, хранящему во всѣхъ путяхъ моихъ! Правда, въ нынѣшнюю поѣздку мою съ Амура со мною случилось нѣсколько непріятностей, и это, кажется, еще въ первый разъ съ самаго начала моихъ путешествій. Сначала пошли мы изъ Николаевска на маленькомъ ботѣ и чуть насъ не залило, и мы принуждены были воротиться; потомъ, по приходѣ уже въ Аянъ, въ самой гавани и въ тихую погоду, при свозкѣ вещей съ парохода, всѣ мои вещи и часть ризницы подмочили. Ѣдучи съ Аяна, зимою, въ повозочкѣ, неудачно опрокинулся и ушибъ себѣ бокъ; потомъ совсѣмъ съ повозкою опрокинулся въ полынью. Но слава Богу, все прошло! Платье давно уже высохло и носится; бокъ поболѣлъ около двухъ мѣсяцевъ и пересталъ, а изъ полыньи давно уже вытащили меня, а платье, бывшее на мнѣ, въ ту же ночь все было высушено,—значитъ, все прошло. Теперь опять

[1]) Изъ архива князя Павла Петровича Вяземскаго.

собираюсь въ дорогу: на Вилюй, въ Олекму и по Якутскимъ церквамъ. Къ Пасхѣ, даже къ 1-му апрѣля, буду, Богъ дастъ, дома; а потомъ располагаюсь идти въ Америку, и уже въ послѣдній разъ; а по Камчаткѣ уже не думаю ѣхать. Правда, я еще очень мало чувствую послѣдствій лѣтъ моихъ; но все же таки, кой-что чувствуется, а чрезъ два—три года и побольше почувствуется. Вы изволите говорить въ письмѣ вашемъ, что мнѣ нужны помощники. Это правда. Но гдѣ ихъ взять? Правда, на двухъ лицъ я обращалъ вниманіе, въ случаѣ, ежели спросятъ меня, не имѣю ли я кого въ виду, кто бы могъ быть викаріемъ;—но не вышло ничего. Оба больны—и для этого я теперь рѣшительно никого не имѣю въ виду. Но вы, вѣроятно, удивитесь, если я скажу вамъ вотъ что: обратите ваше вниманіе на подателя сего письма, протоіерея Д. Хитрова. Въ дѣйствіяхъ нашихъ съ нимъ весьма много сходства: онъ миссіонеръ, и я былъ тоже. Онъ трудился въ переводѣ св. книгъ на туземный языкъ, и я тоже. Онъ составилъ грамматику на языкѣ не имѣющемъ еще грамоты, и я тоже. Я пріѣхалъ въ Питеръ и Москву для напечатанія переводовъ, и онъ тоже.—Не есть ли это—указаніе, что и онъ долженъ выѣхать изъ Питера тѣмъ же, чѣмъ и я? Правда, у него есть важная причина, не допущающая его до того. У него жена жива;—но она помѣшана: а это почти все равно, что умерла. Давно уже онъ несетъ этотъ тяжелый крестъ и, благодареніе Богу, не изнемогаетъ и не совращается на распутія мірскихъ утѣшеній. Что же касается до его характера, сердца, знанія дѣла, ревности и усердія къ дѣлу и знанія мѣстныхъ обычаевъ и языка, то лучшаго для Якутской епархіи не надобно, да и не найти. Это я на дняхъ высказалъ въ письмѣ Андрею Николаевичу, и вотъ теперь говорю вамъ—и болѣе не скажу никому. [1]) Въ представленномъ нынѣ отчетѣ моемъ я то же говорю, что и прежде—что въ Якутской области должна быть своя каѳедра, и на это вотъ еще новое доказательство. Не знаю съ чего—вдругъ просьба за просьбою ко мнѣ, и всѣ по брачнымъ отношеніямъ. Оставлять эти дѣла нерѣшенными нельзя, а рѣшать формою суда опять нельзя. Якуты женятся не по нашему, а какъ именно—если угодно, вамъ разскажетъ податель сего письма. И такъ, довершите ваши благодѣянія къ намъ: клоните дѣло къ тому, чтобы въ Якутскѣ была

---

[1]) Разумѣется, кромѣ московскаго митрополита, отъ котораго я ничего не таю.

особая епархія. Жить архіерею есть гдѣ. Штаты собора и консисторіи можно сдѣлать самые умѣренные. И еще покорнѣйшая моя просьба: рѣшите, пожалуйста, скорѣе дѣло о положеніи прогоновъ и пособій ѣдущимъ—выѣзжающимъ и переѣзжающимъ. Эта статья чрезвычайно затрудняетъ меня, тѣмъ болѣе, что я не знаю, на чемъ основаться; напримѣръ,—позвольте сказать,—я вижу немалое противорѣчіе даже и въ распоряженіяхъ вашихъ, а именно: священникамъ Тверскимъ выдано на 8 лошадей, прочимъ на двѣ. Что священникамъ Тверскимъ на ихъ лица выдано на 4 лошади—я понимаю почему; но на какомъ основаніи выданы четверные прогоны ихъ женамъ? Ибо и ѣдущимъ въ Камчатку женатымъ священникамъ выдавали прежде только на двѣ лошади;—ибо ординарныя имъ слѣдуютъ только на одну лошадь. Сдѣлайте милость, разрѣшите скорѣе это недоумѣніе; я, право, боюсь теперь, какъ и требовать. Но боюсь я не того, что съ меня вычтутъ; но боюсь замѣчаній, и позвольте попросить васъ: я, при составленіи проэкта о положеніи прогоновъ и пособій, забылъ дьяконовъ, а это необходимо. Сдѣлайте милость, включите ихъ. Простите ради Бога, что я вамъ пишу такъ просто и безъ всякихъ оглядокъ. Причина этому самая простая. Я всѣмъ сердцемъ моимъ приверженъ къ вамъ. Александра Ивановича въ Св. Синодѣ не стало. Теперь изъ всѣхъ, бывшихъ при мнѣ въ Св. Синодѣ и при оберъ-прокурорѣ, знакомыхъ остались только вы, да изъ членовъ Св. Сѵнода знаютъ меня только двое. Грустно подумать: кому я стану писать такъ просто, если и васъ перемѣстятъ куда либо, и вообще—къ кому обратиться за совѣтомъ, за разрѣшеніемъ частнаго недоумѣнія, если Господь возьметъ и Московскаго митрополита, къ которому я обращаюсь всегда въ подобныхъ случаяхъ и который никогда не оставляетъ меня безъ отвѣта?.... Думаю, что не я одинъ, а многіе такъ скорбятъ и поскорбятъ; слѣдовательно не я одинъ, а многіе руководятся и будутъ руководиться крайнимъ своимъ разумѣніемъ.... Призываю благословеніе Божіе на васъ и вашего милаго сына».

Вскорѣ за симъ письмомъ былъ полученъ указъ Св. Сѵнода, которымъ требовались отъ всѣхъ преосвященныхъ историко-статистическія свѣдѣнія о епархіяхъ. Преосвященный Иннокентій, не имѣя положительно времени къ исполненію сего порученія, писалъ къ протоіерею П. В. Громову въ Иркутскъ, чтобы онъ взялъ на себя трудъ составить та-

ковыя свѣдѣнія о церквахъ Камчатскихъ. «Съ любовію занялся я», говоритъ протоіерей Громовъ (*Иркут. Епарх. Вѣд. № 31, 1879 г.*), «предложеннымъ дѣломъ и составилъ подробное Описаніе Камчатскихъ церквей, съ привнесеніемъ сюда и всѣхъ замѣчательныхъ событій въ Камчаткѣ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ церкви. Но придирчивый въ Петербургѣ цензоръ понадѣлалъ на рукописи пропасть замѣтокъ,—и тогда оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода обратилъ мою рукопись преосвященному Иннокентію съ тѣмъ, чтобъ я ее исправилъ по замѣткамъ цензора. Горе взяло меня, и я отозвался преосвященному, что какъ исправлять нечего, то я готовъ изорвать рукопись и бросить въ печь. «Угомони свое я», отвѣчалъ мнѣ преосвященный Иннокентій, «и доверши полезное дѣло». Я повиновался и, къ удивленію моему, трудъ мой на сей разъ понравился и былъ напечатанъ въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи».

По окончаніи войны, преосвященный Иннокентій былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, для присутствія въ Св. Сѵнодѣ, куда и выѣхалъ изъ Якутска чрезъ Красноярскъ и Иркутскъ, въ концѣ іюня 1857 года. Въ Красноярскѣ владыка остановился у каѳедральнаго протоіерея Вас. Дм. Касьянова, который въ разговорѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ о духовныхъ лицахъ восторженно похвалилъ отца протоіерея Петра Попова за его благочестіе, простоту, пастырскую дѣятельность и нищелюбіе. При этомъ у преосвященнаго вдругъ мелькнула мысль: а не будетъ ли отецъ Петръ пригоденъ въ викаріи ему (а отецъ Петръ былъ въ то время уже вдовъ)? и онъ пожелалъ видѣть его,—познакомиться съ нимъ. Отецъ Василій Касьяновъ немедленно пригласилъ отца Петра къ себѣ и представилъ его преосвященному. Что говорилъ съ отцомъ Петромъ преосвященный Иннокентій, пишетъ протоіерей А. Сулоцкій (*Иркут. Епарх. Вѣдом. 1878 г. № 25*), того отецъ Василій не слышалъ, потому что онъ, видя желаніе гостя говорить съ приглашеннымъ о чемъ-то серьезномъ, счелъ болѣе приличнымъ оставить ихъ наединѣ; а только изъ нѣкоторыхъ полушуточныхъ и полусерьезныхъ словъ самого владыки Иннокентія, сказанныхъ имъ послѣ, заключилъ, что имъ сдѣлано было отцу Петру какое-то значительное предложеніе (вѣроятно, о монашествѣ и, быть можетъ, даже объ архіерействѣ) и что послѣднимъ то предложеніе и принято, или, по крайней мѣрѣ, полупринято. Вотъ какъ послѣдовало первое знакомство отца Петра Попова съ преосвященнымъ

Иннокентіемъ. И съ этого раза, мысль владыки имѣть протоіерея Попова своимъ викаріемъ въ Якутскѣ не покидала, что и совершилось, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Изъ Красноярска въ Иркутскъ преосвященный Иннокентій прибылъ 7 іюля и оттуда уже отправился въ Москву, куда прибылъ въ августѣ и остановился въ Чудовомъ монастырѣ. О своемъ прибытіи въ Москву онъ сообщилъ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 25 августа 1857 года): «Честь имѣю извѣстить васъ, что я нахожусь теперь въ Москвѣ и послѣ завтра думаю выѣхать въ С.-Петербургъ, гдѣ пробуду немало времени и гдѣ надѣюсь лично увидѣться съ вами и засвидѣтельствовать вамъ мою искреннѣйшую благодарность. Позвольте попросить васъ, не найдете ли вы возможности, на возвратномъ пути вашемъ, взять съ собою и привести въ С.-Петербургъ, для свиданія со мною, мою Пашеньку—а нынѣ Поликсенію—на нѣкоторое время». Изъ Москвы въ Петербургъ преосвященный Иннокентій прибылъ въ концѣ августа; а 2-го сентября уже присутствовалъ въ Св. Сѵнодѣ. Съ опытнымъ благоразуміемъ засѣдалъ онъ слишкомъ четыре мѣсяца въ верховномъ правительственномъ соборѣ Русской церкви и многое испросилъ для благоустройства своей паствы. Проэктъ его о перенесеніи каѳедры изъ Якутска на Амуръ и объ учрежденіи викаріатствъ въ Ситхѣ и въ Якутскѣ былъ принятъ и одобренъ всѣми членами Св. Сѵнода, и ему было предоставлено самому избрать для себя викарія, сперва на островъ Ситху. Онъ указалъ на ректора Новоархангельской семинаріи, архимандрита Петра; но этому почему-то воспротивился архіепископъ Ярославскій Нилъ (присутствовавшій въ то время также въ Св. Сѵнодѣ), которому архимандритъ Петръ былъ извѣстенъ по службѣ въ Иркутской семинаріи на должности инспектора. Этотъ отказъ въ своемъ ходатайствѣ относительно архимандрита Петра очень огорчилъ преосвященнаго Иннокентія, и онъ положительно недоумѣвалъ, кого выбрать себѣ въ помощники чрезвычайно обширной по пространству эпархіи.

По поводу же разсматриваемыхъ и обсуждаемыхъ дѣлъ въ Св. Сѵнодѣ относительно переводовъ Св. Писанія на русское нарѣчіе и о викаріатствахъ, преосвященный Иннокентій получилъ изъ Москвы слѣдующее письмо отъ митрополита Московскаго Филарета, помѣченное «25 ноября 1857 года» *(Русск. Арх. 1881 г. II, стр. 25—28)*: «Простите, что я съ довѣріемъ принялъ невѣрный слухъ о вашемъ

мнѣніи относительно перевода Св. Писанія на русское нарѣчіе. Онъ пришелъ ко мнѣ такимъ путемъ, что я имѣлъ причину довѣрять ему. Изволите говорить, что меня спросятъ, какъ приняться за сіе дѣло? Но кажется, на что бы останавливать и длить дѣло симъ вопросомъ? На сей вопросъ владыки Кіевскаго я отвѣчалъ въ моемъ мнѣніи, что главныя правила и предосторожности въ опредѣленіи Св. Сѵнода изложены; когда сіе утвердится, тогда будетъ время подумать о подробностяхъ. И что̀ спрашивать меня, когда я одинъ, а васъ много? Спасеніе во мнозѣ совѣтѣ. По истинѣ, мнѣ часто трудно бываетъ по недостатку совѣта. Но положимъ, что я представлю вамъ проэктъ и назову лица, чрезъ которыя можно приняться за дѣло; пока вы о семъ разсуждаете и представляете на Высочайшее усмотрѣніе, кто-нибудь, назначенный мною, можетъ умереть, между тѣмъ, какъ его назначеніе Высочайше утверждено: вамъ надобно будетъ опять разсуждать и представлять ваше разсужденіе на Высочайшее утвержденіе. Сіе возвращаетъ меня къ моему мнѣнію, чтобы представить на Высочайшее усмотрѣніе составленное опредѣленіе, а подробности исполненія остались бы въ распоряженіи Св. Сѵнода. Впрочемъ, да будетъ воля Св. Сѵнода. Смотря на записки о викаріатствахъ и на замѣчанія преосвященнаго Нила, удивляюсь. Неожиданно для меня, что такимъ тономъ говоритъ преосвященный архіерей присутствующій въ Св. Сѵнодѣ преосвященному архіерею присутствующему въ Св. Сѵнодѣ. Мнѣніе, что въ первыя времена были епископы не болѣе значущіе какъ то, что̀ нынѣ значатъ священники,—не знаю, какъ докажетъ преосвященный исторіею и какъ согласитъ съ церковными правилами и съ православными понятіями о іерархіи. Вы правду говорите, что у насъ епископовъ мало; но что и понятіе о надзорѣ за паствою у насъ потеряно, это вы сказали не безъ обиды для Россійской іерархіи и дали преосвященному Нилу причину прогнѣваться.

Правда, что дѣйствованіе духовенства на раскольниковъ во многихъ мѣстахъ неудовлетворительно, частію по недостатку знанія и ревности; но это частію, а другою и большею частію—по причинамъ, противъ которыхъ и знаніе, и ревность ведутъ безплодную борьбу. Деньги, деньгами купленное покровительство, мірскія выгоды, господство богатыхъ раскольниковъ, вольность и ненаказанность преступленій—вотъ подпоры раскола. Въ одинъ приходъ, зараженный расколомъ, вмѣсто недѣятель-

наго, я опредѣлилъ усерднаго и дѣятельнаго священника, впрочемъ кроткаго и осторожнаго: чрезъ немногіе мѣсяцы уже и въ то село, изъ котораго онъ переведенъ, пришелъ слухъ, что его сожгутъ, и чрезъ недолгое время домъ его сожженъ, и виновнаго не открыто. Раскольники радуются и ободряются къ подобнымъ поступкамъ. Полюбопытствуйте прочитать въ Св. Сѵнодѣ извлеченіе изъ донесеній о расколѣ въ Нижегородской и Черниговской епархіи. Духовныя училища не Иркутскою ли мѣрою мѣряете вы всѣ? Можно смѣть сказать, что эта мѣра невѣрна. Правда, что должно желать духовнымъ училищамъ болѣе духовнаго возбужденія. Но какой комитетъ вдохнетъ во всѣ ихъ духъ жизни? Надобно, чтобы духовное возбужденіе отъ архіереевъ простиралось на начальниковъ и наставниковъ училищъ, а оттолѣ на учениковъ. Проповѣдуйте епископамъ, сообщайте имъ свою ревность и одушевленіе, предлагайте подобное дѣйствованіе Св. Сѵноду и сообразный съ симъ выборъ въ епископы. А если не такъ, то составьте какой угодно Комитетъ, выдумайте какой угодно уставъ: онъ будетъ мертвая буква, и новое будетъ слабѣе стараго, которое разорите. Одно для духовныхъ училищъ потребно и очевидно: устраните чуждые предметы ученія, насильно навязанные и безъ пользы обременяющіе.

Вы требуете на каждыя 150 или 200 церквей викарія: слѣдственно, требуете 150 викаріевъ. Думаете ли, что легко найти для сего требуемое число людей съ желаемыми качествами; что легко устроить для нихъ пребываніе, свиту, содержаніе, опредѣленный кругъ дѣйствованія? Вообразимъ викарія, епископа Богородицкаго и Бронницкаго, или епископа Верейскаго и Можайскаго: у нихъ не будетъ ни училищъ, ни духовнаго правленія. Викарій подлѣ мѣстнаго архіерея—единство; мѣстный архіерей и нѣсколько вакаріевъ по уѣзднымъ городамъ—раздѣленіе, которое не легко привести въ гармонію. Вы требуете, чтобы викарій, епископъ 200 церквей, непремѣнно въ каждой церкви хотя единожды совершалъ священнослуженіе въ теченіи одного или двухъ лѣтъ. Слѣдственно, вы требуете, чтобы онъ треть года, или болѣе, былъ въ походѣ, на квартирахъ, со свитою, хотя небольшою, для священнослуженія и дѣлъ. Очень ли это удобно? Пріѣдетъ онъ въ село въ непраздничный день; помѣщикъ или управляющій—Нѣмецъ, или Полякъ—или бурмистръ-раскольникъ пошлетъ крестьянъ на работу, а можетъ быть, и они сами пожалѣютъ потерять рабо-

чій день,—и архіерей будетъ молиться и поучать въ церкви почти пустой. Будетъ ли это полезно? Вы думаете поселить викаріевъ въ монастыряхъ. Но многіе города не имѣютъ монастырей. Викарій въ монастырѣ, въ лѣсу или въ деревнѣ, будетъ не очень у мѣста. Образъ путешествій преосвященнаго Камчатскаго по епархіи неудобопримѣнимъ въ Россіи. Чтобы нынѣшнее положеніе викаріевъ не соотвѣтствовало сану и власти епископа, сего признать не могу; а спорить о семъ не стану. Преосвященный, который назвалъ викарія только благочиннымъ, по моему мнѣнію, погрѣшилъ и забылъ, что епископы братья. Вы говорите, что крайне необходима инструкція викарію. Можетъ быть. Я же не довольно сіе знаю; потому что, имѣя нынѣ десятаго викарія, не слыхалъ ни отъ одного о сей крайности. У насъ, при вступленіи викарія, консисторія, на основаніи прежнихъ распоряженій, составляетъ опредѣленіе, какіе уѣзды особенно подчинены викарію, гдѣ и его имя должно быть возносимо, какія дѣла онъ рѣшаетъ окончательно, по какимъ требуется утвержденіе мѣстнаго архіерея. Эта инструкція, когда нужно, дополняется въ личныхъ свиданіяхъ викарія съ мѣстнымъ, безъ помощи пера и бумаги. Къ слову: представляю вамъ печатную инструкцію, которую я далъ отъ себя своему нынѣшнему викарію.

Можетъ быть, тамъ, гдѣ викаріатства новы, нужно наставленіе и мѣстному, и викарію. Но желательно, чтобы дѣла опирались на духѣ, а не на письмѣ, которое убиваетъ. Вы полагаете, что отношенія викарія къ мѣстному должны быть тѣ же, какъ въ древнія времена—отношенія между епархіальными епископами и окружными архіепископами и митрополитами. Нельзя съ нимъ согласиться. Въ семъ случаѣ было бы столько епархій, сколько викаріевъ, дѣйствованіе раздѣлилось бы, и мѣстный архіерей не могъ бы отвѣчать за свою епархію. Отношеніе св. Григорія Богослова, когда онъ, будучи епископомъ Сасимскимъ, но не могши быть въ Сасимахъ, исправлялъ должность викарія при отцѣ своемъ Григоріѣ, епископѣ Назіанскомъ, не было къ сему послѣднему такое же, какъ отношеніе св. Амфилохія, епископа Иконійскаго къ св. Василію Великому, архіепископу Кесарійскому. Усталъ я отъ состязанія съ вами и вамъ наскучилъ. Простите и благословите.

P. S. Не желалъ бы я, чтобы вы скоро оставили Петербургъ, прежде нежели дѣла, васъ озабочивающія, довольно созрѣютъ. Простите,

что неправильно изъяснился, говоря о моёмъ желаніи, когда думаю объ общеполезномъ. Но вотъ заключеніе. Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастіе нашего времени то, что количество погрѣшностей и неосторожностей, накопленное не однимъ уже вѣкомъ, едва ли не превышаетъ силы и средства исправленія. Посему необходимо возставать не вдругъ противу всѣхъ недостатковъ, но въ особенности противъ болѣе вредныхъ, и предлагать средства исправленія не вдругъ всепотребныя, но сперва преимущественно потребныя и возможныя. Записку возвращаю».

1-го декабря, въ день имянинъ митрополита Филарета, архіепископъ Иннокентій совершалъ литургію на Троицкомъ въ Петербургѣ подворьѣ. Митрополитъ Филаретъ, узнавши о семъ, благодаритъ его письмомъ изъ Москвы, отъ 7 декабря 1857 г. (*Русск. Арх. 1881 г. II, стр. 28*): «Узнавъ, что ваше высокопреосвященство въ первый день сего декабря посѣтили храмъ преподобнаго Сергія, на Троицкомъ въ Петербургѣ подворьѣ и, принявъ участіе въ церковныхъ молитвахъ, молитвенно вспомянули мое смиреніе, искренно благодарю за сіе, какъ за благодѣяніе, не мною заслуженное, а братолюбіемъ вашимъ мнѣ дарованное. Благодарю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе имѣю нужду въ подобной помощи. Господь да воздастъ любви вашей Своею блаженнотворною любовію. Вы даете мнѣ утѣшительную надежду, что не лишите меня молитвеннаго воспоминанія и тогда, когда, по слову Псалмопѣвца, отъиду и къ тому не буду». Живя въ сѣверной столицѣ, преосвященный Иннокентій не остался чуждъ возникшему тогда великому дѣлу воспитанія дѣвицъ духовнаго званія, на которое такъ много полагала заботъ въ Бозѣ почившая Императрица Марія Александровна. Архіепископъ Иннокентій пожертвовалъ на содержаніе одной дѣвицы въ Иркутскомъ Училищѣ дѣвицъ духовнаго званія двѣ тысячи рублей, за что и удостоенъ былъ благодарности отъ имени Государыни (*Русск. Современ. дѣятели. Т. II. Изд. Баумана, 1877 г. стр. 12*). Затѣмъ преосвященный Иннокентій сталъ ходатайствовать объ увольненіи его обратно въ свою епархію, вслѣдствіе накопившихся Амурскихъ дѣлъ, требующихъ его непосредственнаго присутствія тамъ, и заранѣе письмомъ къ митрополиту Филарету выразилъ желаніе помѣститься въ Чудовомъ монастырѣ. На это письмо митрополитъ Филаретъ отвѣтилъ ему изъ Москвы запискою, отъ 4 января

1858 года *(Русск. Арх. 1881 г. II. стр. 29)*: «Здравствуйте въ новое лѣто, и здравствуйте многолѣтно. Благодарю, что вы меня вспомнили въ праздникъ. Радуюсь, что предначертанія ваши утверждаются. Да принесутъ оныя церкви Божіей плодъ многъ. Благодарю, что располагаетесь остановиться въ Чудовѣ. Милости просимъ.»

11 января 1858 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи двухъ викаріатствъ, въ Якутскѣ и Новоархангельскѣ. Отъ того же числа преосвященный Иннокентій, послѣ свиданія съ дочерью монахинею Поликсеніею въ С.-Петербургѣ, отвѣчаетъ ей слѣдующее: «Радуюсь и благодарю Бога за то, что благополучно возвратилась въ свою мирную обитель. Дай Господи, чтобы ты всегда имѣла въ ней миръ. Но не забывай и ты, что въ Борисовкѣ нельзя жить безъ борьбы: борись, борись съ собою—и, съ помощію Божіею, поборешь себя. Трудно начало; а чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ легче. Я получилъ отъ тебя два письма изъ Москвы и изъ Борисовки, и отвѣчаю тебѣ на нихъ, только не такъ, какъ бы тебѣ хотѣлось: т. е. коротенько, потому что не имѣю времени. Собираюсь въ дорогу; около 15 января думаю выѣхать изъ Питера. Я, слава Богу, здоровъ. Куша родила дочь Анну, 1-го января. Я получилъ письмо съ Амура. Тамъ всѣ здоровы и тебѣ кланяются. Затѣмъ прощай, Господь съ тобою! Теперь скоро письма отъ меня не жди. Изъ Москвы написать я не успѣю. Матери игуменьѣ Макаріи мой искренній поклонъ. Я очень радъ, что познакомился съ нею. При свиданіи и владыкѣ вашему скажи отъ меня поклонъ. Письмо я его получилъ, и отвѣчать теперь не могу, —а напишу уже изъ Иркутска. Портрета моего никто не дождется». 21 января, преосвященный Иннокентій, какъ сказано въ послужномъ его спискѣ, «по собственной просьбѣ» былъ освобожденъ отъ присутствія въ Св. Сунодѣ и былъ отпущенъ.

«Оставивъ Петербургъ, пишетъ епископъ Харьковскій Савва [1]) *(Воспомин. о Леонидѣ, архіеп. Ярославск. и Ростовскомъ. 1877 г. стр. 64—66)*, «преосвященный Иннокентій прибылъ въ Москву, съ надеждою обрѣсти здѣсь благопотребнаго для себя мужа въ викарные; онъ вспомнилъ, что ректоръ Московской семинаріи, архимандритъ Леонидъ, самъ вызывался на миссіонерское служеніе въ восточной Сиби-

---

[1]) Нынѣ архіепископъ Тверской.

ри (1841 г.), когда былъ еще свѣтскимъ студентомъ Академіи, и потому обратился прежде всего къ нему съ предложеніемъ отправиться на островъ Ситху, съ саномъ епископа и съ званіемъ викарія Камчатской епархіи. Отецъ Леонидъ, пользуясь всеобщею любовію и уваженіемъ въ Москвѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не отличаясь прочнымъ здоровьемъ, отклонилъ отъ себя такое лестное предложеніе и предпочелъ остаться лучше архимандритомъ въ древле-престольномъ градѣ. Отъ ректора семинаріи обращенъ былъ взоръ Камчатскаго архипастыря на Сѵнодальнаго ризничаго. Высокопреосвященный Иннокентій, имѣвшій пребываніе свое въ Чудовомъ монастырѣ, подъ какой-то праздникъ,—кажется, это былъ праздникъ трехъ вселенскихъ святителей, 30 января,—прибылъ ко всенощной въ Сѵнодальную 12-ти Апостоловъ церковь, гдѣ я былъ настоятелемъ, и послѣ службы удостоилъ мою келью своимъ посѣщеніемъ. Я ничего не подозрѣвалъ особеннаго въ этомъ посѣщеніи; между тѣмъ мой высокій гость, среди чая, дѣлаетъ мнѣ предложеніе быть у него викаріемъ. Это неожиданное предложеніе Камчатскаго архипастыря сколько порадовало меня, столько же и смутило. Поблагодаривши за такую высокую для меня честь, я рѣшился спросить его высокопреосвященство: въ чемъ же будутъ заключаться мои обязанности по званію викарія? Онъ изволилъ сказать: «лѣтомъ вы будете плавать по Алеутскимъ островамъ, для наблюденія за дѣйствіями миссіонеровъ—священниковъ, а зиму проводить на островѣ Ситхѣ и заниматься ученостью». Я попросилъ у его высокопреосвященства времени для зрѣлаго обсужденія столь важнаго вопроса, и мнѣ назначенъ былъ срокъ полугодичный. На другой же день поспѣшилъ я къ своему Московскому владыкѣ за совѣтомъ; но онъ изволилъ мнѣ дать такой совѣтъ: «я не могу дать тебѣ никакого совѣта; ты не моей епархіи (я принадлежалъ къ вѣдомству Сѵнодальной конторы),—разсуждай, какъ самъ знаешь». Такой уклончивый и неутѣшительный для меня отвѣтъ мудраго архипастыря я понялъ въ такомъ смыслѣ: если, дескать, дать ему (т. е. мнѣ) совѣтъ принять предложеніе,—это значитъ лишиться человѣка, нужнаго со временемъ для моей епархіи; а если отклонить его отъ сдѣланнаго ему предложенія, значитъ сдѣлать непріятность преосвященному Камчатскому, котораго, скажу кстати, московскій владыка весьма уважалъ и всячески поддерживалъ его на многотрудномъ поприщѣ миссіонерскаго служенія какъ нравственными, такъ и мате-

ріальными средствами. Такимъ образомъ я возвратился съ Троицкаго подворья ни съ чѣмъ».

Что же касается до отказа ректора Московской семинаріи архимандрита Леонида отъ сдѣланнаго ему преосвященнымъ Иннокентіемъ предложенія быть у него викаріемъ на островѣ Ситхѣ, митрополитъ Филаретъ, какъ бы въ оправданіе архимандрита, выясняетъ преосвященному Иннокентію причину сего отказа въ слѣдующей запискѣ своей (отъ 31 января 1858 года): «Возвращаю вашему высокопреосвященству сообщенное мнѣ для прочтенія. Вамъ дано много дѣла, но и довольно свободы. Безъ вашего присутствія не могло такъ устроиться. По свидѣтельству графа Путятина, честь дѣятельности Римско-Католическихъ миссіонеровъ. Впрочемъ, достоинство успѣха должно быть опредѣлено достоинствомъ наставленія, а не числомъ наставляемыхъ. Въ прошедшее время тамошніе миссіонеры одни другихъ обвиняли въ смѣшеніи язычества съ христіанствомъ. Мнѣ еще нужно говорить съ вами о ректорѣ здѣшней семинаріи. Надобно разсудить о состояніи его здоровья. Онъ не можетъ спать на лѣвомъ боку, потому что такое положеніе сопряжено бываетъ съ болью. *(Русск. Арх. 1881 г. II. стр. 29).*

Вотъ въ какомъ положеніи находился преосвященный Иннокентій относительно выбора себѣ викарія. Никто не рѣшался ѣхать въ страну, сопредѣльную съ вѣчными льдами и мятелями, каждый находя какіе либо причины. Это обстоятельство болѣзненно безпокоило архіепископа Камчатскаго. Не находя себѣ помощника, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Москвы въ Иркутскъ, куда и прибылъ 12 марта, гдѣ, за болѣзнію ноги, оставался до 1 апрѣля, и, не излѣчившись окончательно отъ болѣзни, отправился на Амуръ въ Николаевскъ къ своему сыну отцу Гавріилу, пастырское служеніе котораго съ годами все болѣе зрѣло и расширялось.

XXV

26-го апрѣля 1858 года преосвященный Иннокентій былъ уже въ Срѣтенскѣ, гдѣ ожидалъ пріѣзда Н. Н. Муравьева, и дождавшись его, поплылъ вмѣстѣ, во время ледохода по рѣкѣ Амурѣ, на особыхъ баржахъ съ двумя вооруженными катерами, для переговоровъ о разграниченіи Амура. Не доходя устья рѣки Зеи, въ станицѣ Бибикова они были встрѣчены чиновникомъ изъ Айгуна, который просилъ Н. Н. Муравьева подождать нѣкоторое время пріѣзда Цицикорскаго главнокомандующаго (Дзянъ-Зюня), назначеннаго уполномоченнымъ при переговорахъ о разграниченіи. 5 мая генералъ Муравьевъ и преосвященный Иннокентій прибыли въ Усть-Зейскую станицу, гдѣ на другой день къ Н. Н. Муравьеву пріѣхалъ Айгунскій амбань (губернаторъ) Дзираминга и сообщилъ ему, что Цицикорскій главнокомандующій и уполномоченный уже прибылъ изъ Цицикора въ Айгунъ и проситъ его, хотя на нѣсколько дней, отсрочить свое дальнѣйшее плаваніе, чтобы имѣть возможность переговорить съ нимъ о разграниченіи, такъ какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство, и пограничные люди ихъ находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ занятій. При этомъ амбань намекнулъ Муравьеву, что онъ во всемъ успѣетъ и все сдѣлаетъ. Въ заключеніе, амбань просилъ назначить мѣстомъ для переговоровъ городъ Айгунь и звалъ туда Николая Николаевича къ себѣ обѣдать. Владыка же остался въ Усть-Зейской станицѣ, гдѣ 9-го мая заложенъ храмъ, во имя Благовѣщенія, а самая станица переименована въ городъ Благовѣщенскъ. (*Подвиги Русск. морск. офиц.*

на крайнемъ востокѣ Россіи, 1849—55 г. адм. Невельскаго. Спб. 1878 г. стр. 400—401). «Н. Н. Муравьевъ каждому новому заселенію на Амурѣ», пишетъ протоіерей Громовъ, *(Ирк. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 31. стр. 345)* «усвоялъ названіе, занимаемое или отъ своего и своей супруги имени (Николаевскъ,—Екатерино-Никольская станица) или отъ фамилій сподвижниковъ своихъ на Амурѣ (Михайло-Семеновская, Беклемишевка, Сврбеевка, Казакевичева и проч.), а главный городъ наименованъ «Благовѣщенскъ»—въ память того, что самый дѣятельный его споспѣшникъ, преосвященный архіепископъ Камчатскій Иннокентій, начально въ санѣ священника служилъ въ Иркутскѣ при Благовѣщенской церкви.» «Нынѣ», говоритъ далѣе протоіерей Громовъ, «появляется въ газетахъ оспариваніе этого факта, и наименованіе г. Благовѣщенска стараются произвести изъ другаго начала. Не трудитесь! я былъ очень близокъ, какъ духовникъ, къ графу Амурскому, и слышалъ изъ устъ его, что Благовѣщенскъ наименованъ въ честь архіепископа Иннокентія».

Наконецъ наступилъ достопамятный день 16 мая 1858 г., въ который былъ заключенъ знаменитый Айгунскій договоръ, передавшій въ наши руки весь Амурскій и Уссурійскій край. На другой день по окончаніи всего церемоніала по заключенію трактата, Н. Н. Муравьевъ оставилъ Дзянъ-Зюня, поцѣловавшись съ нимъ на прощанье, и отправился изъ Айгуна въ Благовѣщенскъ, куда прибылъ въ тотъ же день, т. е. 17 мая, ночью. 18 мая, въ воскресенье, было совершено преосвященнымъ Иннокентіемъ благодарственное Господу Богу молебствіе о радостномъ и великомъ событіи, и послѣ молебна владыка обратился къ Н. Н. Муравьеву съ слѣдующею рѣчью: «Наконецъ Господь помогъ вамъ совершить одно изъ вѣковыхъ дѣлъ. Благословенъ Господь Богъ нашъ, вложивый въ сердце монарха нашего такую мысль и избравшій тебя, Богоизбранный мужъ, въ орудіе такого великаго дѣла и укрѣплявшій и укрѣпляющій тебя Своею силою. Благословенъ Господь Богъ твой и благословенъ ты Богомъ вышнимъ, устроившимъ это дѣло такъ вожделѣнно, мирно, дружелюбно и безъ посредства оружія. Нѣтъ надобности говорить здѣсь о томъ, какія выгоды, какія блага могутъ произойти отъ этого дѣла и отъ этого края для Россіи. Это очевидно при самомъ простомъ взглядѣ. Скажемъ только, что это есть вмѣстѣ благо и счастіе для самыхъ сосѣдей нашихъ, ибо рано или поздно, они чрезъ насъ про-

свѣтятся свѣтомъ Христовымъ, а этого какое благо можетъ быть выше и прочнѣе? Не время также и не мѣсто, да и не по нашимъ силамъ, исчислять или оцѣнять всѣ твои заботы, усилія, труды, боренія,—твои подвиги, понесенные тобою къ достиженію этой одной изъ главнѣйшихъ твоихъ цѣлей. Ихъ вполнѣ можетъ оцѣнить только будущее населеніе сего края и исторія. Но если бы, паче чаянія, когда нибудь и забыло тебя потомство и даже тѣ самые, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ: то никогда, никогда не забудетъ тебя наша Православная Церковь, всегда вспоминающая даже создателей храмовъ; а ты, Богоизбранный мужъ, открылъ возможность, надежды и виды къ устроенію тысячи храмовъ въ семъ неизмѣримомъ бассейнѣ Амура. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ настоящее время, если и не вся Россія, то вся Сибирь и всѣ благомыслящіе Россіяне и всѣ твои сподвижники съ радостію, съ благодарностію и съ восторгомъ примутъ извѣстіе о совершенномъ тобою нынѣ дѣлѣ». Затѣмъ всѣ чины, бывшіе въ Благовѣщенскѣ, обѣдали у Николая Николаевича. Въ тотъ же день, на церковномъ парадѣ, генералъ-губернаторъ отдалъ слѣдующій лаконическій приказъ: «Товарищи! Поздравляю васъ. Не тщетно трудились мы! Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи! Святая православная церковь молитъ за васъ! Россія—благодаритъ. Да здравствуетъ Императоръ Александръ II и да процвѣтаетъ подъ кровомъ его вновь пріобрѣтенная страна! Ура!» За пріобрѣтеніе Амура въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ II, указомъ Правительствующему Сенату, возвелъ Н. Н. Муравьева съ нисходящимъ отъ него потомствомъ, въ графы Россійской имперіи, съ присовокупленіемъ къ его имени Амурскаго. Также были Высочайше награждены всѣ лица, принимавшія участіе въ Амурскомъ дѣлѣ, такъ: сынъ преосвященнаго Иннокентія, протоіерей Гавріилъ Ивановичъ, какъ сказано въ послужномъ его спискѣ: «за содѣйствіе своими трудами и усердіемъ въ возвращеніи Россіи Амурскихъ владѣній, сопричисленъ къ ордену Св. Владиміра 4 ст.».

О сихъ важныхъ событіяхъ происшедшихъ въ этихъ далекихъ, пустынныхъ окраинахъ Россіи въ періодъ времени 1842—1858 г., мы приводимъ здѣсь слѣдующія извлеченія изъ письма контръ-адмирала В. С. Завойко къ Е. И. Веніаминовой, отъ 15 января 1881 года: «...... такъ какъ исторія еще не выяснила», пишетъ г. Завойко, «всѣхъ дѣятелей сказаннаго періода времени, кто изъ нихъ былъ Колумбъ? кто первую мысль по-

далъ осмотрѣть Амуръ и ходатайствовать о заселеніи? и какъ я не исторію пишу, а только біографію, и мое дѣло занести въ біографію Иннокентія только факты его дѣяній, уже признанныхъ: то, прочитавши письма разныхъ лицъ-дѣятелей, я могу записать о трудахъ Иннокентія въ означенныхъ событіяхъ частно, что не погрѣшитъ тотъ изъ современныхъ дѣятелей, который засвидѣтельствуетъ для потомства и исторіи, что ни одно событіе изъ совершившихся въ тѣхъ краяхъ не обошлось безъ горячаго содѣйствія преосвященнаго Иннокентія живымъ его словомъ, сердечнымъ ободреніемъ къ дѣлу, его заступничествомъ за справедливость, что очень важно въ странѣ далекой и пустынной: «отъ Бога высоко, до царя далеко.» Онъ, Иннокентій, обсуждалъ всякое дѣло своею прозорливостію ума и практическимъ соображеніемъ дѣлалъ выводъ дѣла, и ясно разъяснялъ, и пособлялъ неутомимо, съ полною энергіею. И не гнушался личнымъ трудомъ рукъ своихъ: онъ, какъ отличный столяръ и плотникъ и обойщикъ, то въ случаяхъ постройки церкви, былъ уставщикомъ, собственноручно сдѣлалъ престолъ, иконостасъ, обилъ ихъ—и, кажется, изъ ничего, а разукрасилъ церковь. А дабы освободить для исполненія нужнаго, спѣшнаго дѣла требуемаго человѣка, онъ занималъ мѣсто кассира, бухгалтера, магазинера и относилъ эти обязанности мѣсяцъ и два, лишь бы успѣхъ дѣла подвигался. Миръ памяти его! былъ онъ человѣкъ ума и дѣла. За симъ желали бы вы имѣть самоличныя выраженія преосвященнаго Иннокентія въ словахъ его при обсужденіи дѣлъ въ рѣдкихъ случаяхъ; то удовлетворить васъ въ этомъ я не могу: письма его утоплены»[1]).

21 мая Н. Н. Муравьевъ, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ и своимъ штабомъ, отплылъ въ дальнѣйшій путь къ устью Амура и 8 іюня прибылъ въ Маріинскій постъ; посвятилъ этотъ день обзору казармъ, церкви и другихъ зданій, выстроенныхъ здѣсь въ теченіи двухъ лѣтъ, и 10 іюня прибылъ въ Николаевскъ, гдѣ 15 іюня, въ госпитальной церкви Николаевска, было совершено преосвященнымъ Иннокентіемъ благодарственное Господу Богу молебствіе о заключеніи договора; послѣ молебствія было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему царствующему дому, вѣчная память Императору

---

[1]) Письмо это хранится у Екатерины Ивановны Веніаминовой (невѣстки преосвященнаго Иннокентія) и подписано такъ: «Василій старый Завойко».

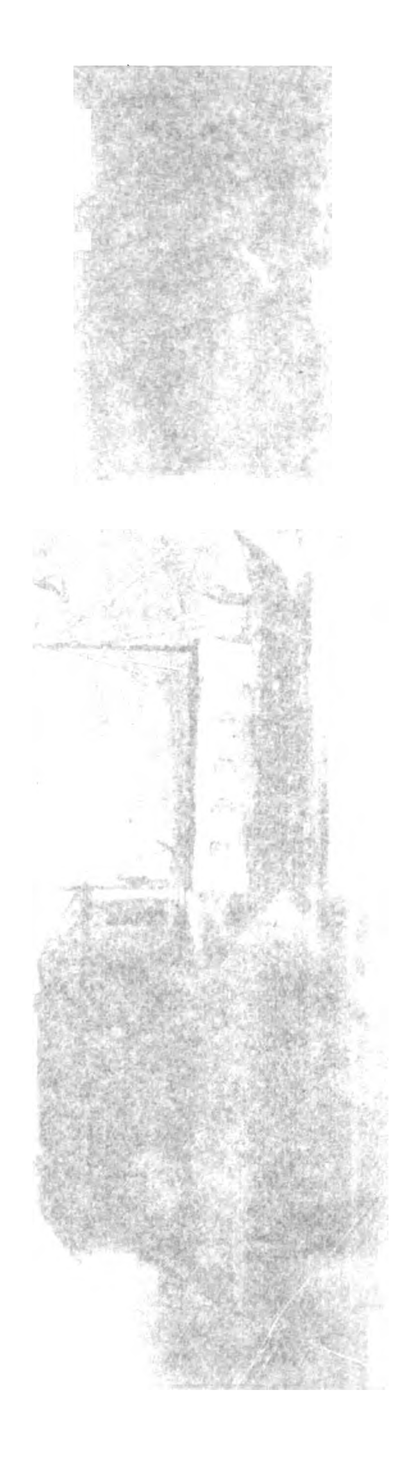
Николаю I, многолѣтіе генералъ-губернатору Николаю Николаевичу, вѣчная память всѣмъ положившимъ животъ свой въ при-Амурскомъ краѣ и многолѣтіе всѣмъ подвизавшимся и подвизающимся въ здѣшнемъ краѣ дѣятелямъ. 19 іюня Н. Н. Муравьевъ, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, отправились въ обратный путь вверхъ по Амуру и 21-го прибыли въ Маріинскій постъ, гдѣ на другой день по прибытіи, въ воскресенье 22-го іюня, въ присутствіи Н. Н. Муравьева, былъ освященъ преосвященнымъ Иннокентіемъ первый на берегахъ Амура православный храмъ. Остальныя церкви, строившіяся въ Николаевскѣ и въ селеніи Михайловскомъ, еще не были окончены. Выйдя 23-го числа изъ Маріинска, въ сопровожденіи парохода «Шилка», генералъ остановился у мыса Джай (въ 35 верстахъ выше Маріинска, на главномъ фарватерѣ рѣки, откуда этотъ фарватеръ отклоняется къ лѣвому берегу), гдѣ, въ присутствіи его, на избранномъ пунктѣ для поселенія, преосвященный Иннокентій заложилъ храмъ во имя Св. Софіи (премудрости Божіей) и тѣмъ положилъ основаніе будущему городу Софійску. Отсюда архіепископъ Иннокентій съ военнымъ губернаторомъ Козакевичемъ, на пароходѣ «Шилка», отправился обратно въ Николаевскъ. *(Подвиги Русскихъ морск. офиц. на крайнемъ востокѣ Россіи 1849—55 г. Адм. Невельскаго. Спб. 1878 г., стр. 413—414)*. По пути въ Николаевскъ, въ протокѣ Пальво преосвященный Иннокентій остановился, вышелъ на берегъ и, въ присутствіи находившихся здѣсь офицеровъ и команды паровой шкуны «Востокъ», подъ командою капитанъ-лейтенанта барона Шлиппенбаха, отслужилъ подъ открытымъ небомъ молебенъ [1]).

По прибытіи въ Николаевскъ, преосвященный Иннокентій остановился у своего сына, протоіерея Гавріила Ивановича, и прожилъ у него до 10-го августа; въ продолженіи этого времени освятилъ еще двѣ церкви, въ Николаевскѣ и въ Михайловскомъ селѣ; кромѣ того, продолжалъ и здѣсь неутомимо распространять свѣтъ Евангельскаго ученія между Гольдами, Нейдальцами и Самогирцами. 10 августа, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Николаевска на пароходѣ «Амери-

---

[1]) Остановку преосвященнаго Иннокентія въ протокѣ Пальво свидѣтельствуетъ прилагаемый при семъ снимокъ имѣющейся у насъ картины, писанной акварелью, съ слѣдующею на ней надписью сверху: «Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ». (Псал. 18 5).

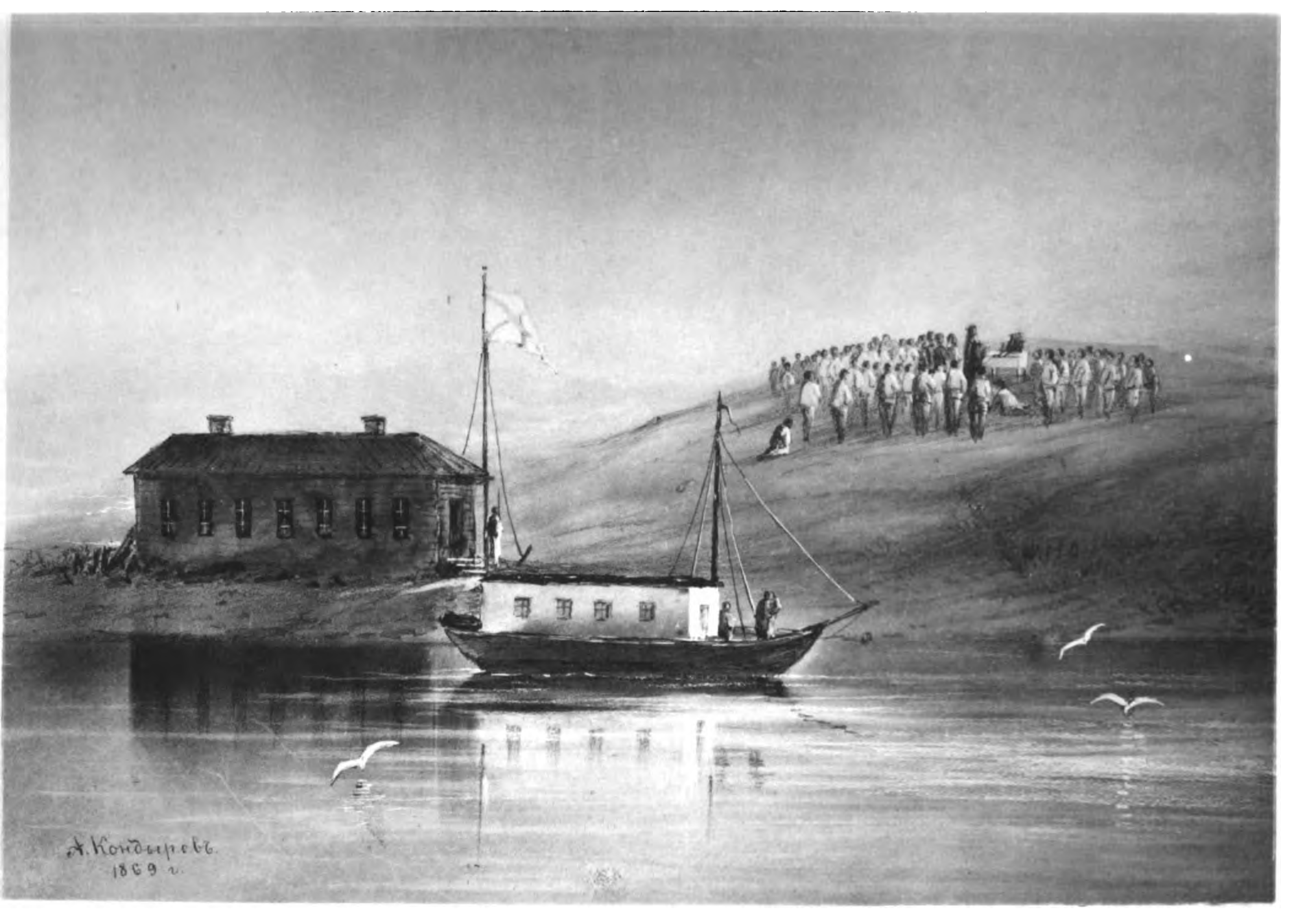

Фото-Гравюра, Шереръ Набгольцъ и К° Москва.

Пріятное Воспоминаніе о богослуженіи, совершенномъ Преосвященнымъ ИННОКЕНТІЕМЪ Архіепископомъ Камчатскимъ и Алеутскимъ въ протокѣ Палово (на рѣкѣ Амурѣ), въ Августѣ 1858 г. въ присутствіи Гг. Офицеровъ и команды паровой шхуны Востокъ, подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Барона Шлиппенбаха.

ка» въ Аянъ, куда и прибылъ 16 августа вечеромъ. Здѣсь онъ получилъ крайне непріятное для него письмо отъ Московскаго Сѵнодальнаго ризничнаго, архимандрита Саввы (нынѣ архіепископа Тверскаго) отъ 5 іюля 1858 года. «Прежде всего», пишетъ онъ, «долгомъ поставляю принести вашему высокопреосвященству мою глубочайшую, нижайшую благодарность за ту честь, какой вы изволили удостоить меня вашимъ приглашеніемъ на высшее служеніе, подъ непосредственнымъ руководствомъ вашимъ. Но при семъ не могу сокрыть предъ вами, милостивѣйшій архипастырь, и того затрудненія, въ какое поставленъ я столь милостивымъ приглашеніемъ вашимъ. Съ одной стороны, уклоненіе отъ предлагаемой мнѣ почести, безъ сомнѣнія, можетъ представиться дѣломъ неблаговиднымъ и неблагодарнымъ; но съ другой—послѣдовать призывному голосу вопреки собственнаго убѣжденія и безъ особеннаго внутренняго призванія къ чрезвычайному для меня служенію было бы, можетъ быть, еще болѣе съ моей стороны неосмотрительно и неблагоразумно. Вникая въ мои настоящія душевныя расположенія, имѣя въ виду мою настроенность къ извѣстнаго рода дѣятельности, мой образъ жизни, мои общественныя отношенія и соображая все это съ тѣмъ, что̀ мною дознано частію изъ устъ вашего высокопреосвященства, частію изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ, касательно занятій, относительно климата и другихъ условій жизни въ столь отдаленной странѣ, какова Ситха,—прихожу къ рѣшительному заключенію не въ пользу моего путешествія въ эту далекую и чуждую мнѣ страну. Высокопреосвященнѣйшій владыко! простите меня великодушно, если мой отвѣтъ не соотвѣтствуетъ вашему желанію и вашимъ, можетъ быть, ожиданіямъ». *(Воспомин. о Леонидѣ, архіеп. Ярославск. и Ростовск. Саввы, епископ. Харьковск. Харьковъ, 1877 г., стр. 68—69)*. Наконецъ, 19 го августа преосвященный Иннокентій, послѣ долгаго своего путешествія по Амуру, выѣхалъ изъ Аяна въ Якутскъ, куда и прибылъ 2 сентября 1858 года. О семъ путешествіи и о своей дѣятельности въ Якутскѣ преосвященный Иннокентій сообщаетъ своему сыну отцу Гавріилу и его супругѣ письмомъ (отъ 20 сентября 1858 года): «Не знаю когда это письмо дойдетъ до васъ, и когда я получу отъ васъ письмо, и въ особенности на это! Но все равно: будемъ живы—получимъ когда нибудь. Наконецъ я добрался до Якутска, только не 26 августа, какъ желалъ, а 2 сентября въ 10 часовъ утра,

и слава Богу здоровъ. Путешествіе наше съ Аяна до Якутска было очень хорошее. Такъ что я по Аянской дорогѣ ѣхалъ только 4 сутокъ (выѣхавъ 19 августа вечеромъ), съ устья Маи до перевозу на Ленѣ почти тоже 4 сутокъ. О плаваніи же нашемъ отъ васъ до Аяна вамъ уже извѣстно,—если только возвратился къ вамъ пароходъ благополучно. Мы еще не получили почты изъ Охотска и потому не знаемъ, былъ ли онъ въ Охотскѣ или нѣтъ и проч. Новостей никакихъ не могу сообщить вамъ, кромѣ весьма немногихъ. Паша или Поликсенія наша здорова, объ этомъ извѣщаетъ меня преосвящ. Иліодоръ. Зять нашъ Молчановъ, Кушеньки мужъ, священникомъ въ Петергофѣ при соборѣ: объ этомъ извѣщаетъ меня отецъ Д. Хитровъ. Печатаніе Якутскихъ книгъ скоро кончится. Съ этою почтою пишу въ Св. Сѵнодъ объ избраніи викарія въ Ситху. Семинарія переведена въ Якутскъ, а 18 началось уже ученіе; вчера, 19, заложилъ я себѣ кельи въ монастырѣ. Болѣе не знаю, чего писать.—Да! мы видимъ комету съ большимъ хвостомъ; видите ли вы? она съ каждымъ днемъ видимо приближается къ землѣ. Въ Якутскѣ лѣто было бездождливое, но сѣна премножество запасено и хлѣба урожай порядочный. Отецъ Кати вашей былъ у меня вчера и благодарилъ меня преусердно, что я хорошо сдѣлалъ въ отношеніи его дочери. Это передайте ей. И пусть она отложитъ попеченіе ѣхать въ Якутскъ вдовою. Пропадетъ ни за копейку. Пусть лучше ищетъ себѣ жениха. Затѣмъ прощайте, до свиданія! Господь съ вами всѣми; еще благодарю васъ за угощеніе и еще повторяю: умѣли вы родить и выкормить сына своего;—съумѣйте воспитать его въ христіанскомъ духѣ». Одновременно съ симъ письмомъ къ сыну, преосвященный Иннокентій написалъ къ К. С. Сербиновичу, въ которомъ проситъ его ходатайства о скорѣйшемъ назначеніи викарія въ Ситху: «Вмѣстѣ съ симъ», пишетъ онъ, «я пишу его сіятельству и прошу его (не оффиціально) предложить Св. Сѵноду о избраніи викарія въ Ситху. Я, съ своей стороны, 3-хъ кандидатовъ представляю, а четвертаго подставляю. Не удивитесь, ваше высокопревосходительство, что первымъ представляю отца Аввакума. Причина, которую вы изволили мнѣ представлять къ устраненію отъ кандидатства, можно сказать, уничтожилась; онъ во все путешествіе послѣднее, говорятъ, держалъ себя какъ слѣдуетъ. Если вашему высокопревосходительству угодно знать о немъ подробнѣе, объ немъ скажетъ все И. В. Хуругельмъ, назначаемый главнымъ пра-

вителемъ въ Колоніи и находящійся нынѣ въ С.-Петербургѣ. Онъ отца Аввакума знаетъ коротко.

Не удивитесь также, что я представляю въ кандидата священника или уже протоіерея; этотъ человѣкъ высоко уважаемъ всѣми и каждымъ за его характеръ, жизнь и добродѣтели. Впрочемъ, я повторю и здѣсь то же, что сказалъ я въ письмѣ его сіятельству: что для меня совершенно все равно, кого бы ни прислали мнѣ въ помощники. Я все предаю Господу. Но позвольте попросить ваше высокопревосходительство поспѣшить этимъ дѣломъ и въ особенности увѣдомленіемъ меня о томъ, какъ будетъ рѣшено, дабы я могъ благовременно сдѣлать по сему свои распоряженія. Инструкцію Новоархангельскому викарію я составилъ, но оставляю еще при себѣ, для внимательнаго обсужденія; но долго не задержу. Очень бы желалъ предварительно представить ее вашему высокопревосходительству и владыкѣ Московскому. Но къ сожалѣнію, время не позволитъ. Впрочемъ, я вполнѣ увѣренъ, что ваше высокопревосходительство исправите и дополните ее при составленіи о ней протокола. Отецъ протоіерей Хитровъ пишетъ мнѣ, что записка моя о воспитаніи юношества нашего ходитъ по Москвѣ и произвела многіе толки pro и contra, и академію нашу поставила противъ меня. Я нисколько не оскорбляюсь этимъ, напротивъ радуюсь. Пусть ихъ толкуютъ вкось и впрямь. Лишь бы только не замолчали: авось найдутся люди, которые поведутъ это дѣло далѣе и лучше меня. Ваше высокопревосходительство! Господа ради, положите дополнительные оклады причтамъ Якутской области. Крайне необходимо. Напримѣръ, въ Вилюйскомъ округѣ теперь жителей до шестидесяти тысячъ, а священниковъ только 9 и изъ нихъ кто старъ, кто слабъ. Я, слава Богу, здоровъ и живу въ городѣ на квартирѣ; въ монастырѣ жить негдѣ. 12 сентября прибыли въ Якутскъ ректоръ Новоархангельской семинаріи съ наставниками и учениками, а 17-го началось ученіе. Изъ Америки прислали мнѣ 120 рубл. сер. денегъ, пожертвованныхъ тамошнимъ духовенствомъ на военныя издержки. Что прикажете съ ними дѣлать? не обратить ли ихъ, напримѣръ, на Іерусалимскую миссію? *(Архивъ князя П. П. Вяземскаго)*. Затѣмъ, преосвященный Иннокентій отвѣчаетъ своей дочери, матери Поликсеніи, письмомъ отъ 18 октября 1853 года: «Давно я не писалъ тебѣ; но давно и отъ тебя не получалъ писемъ. Преосвященный Иліодоръ писалъ мнѣ, что ты здорова и живешь

въ своей келіи. Послѣднее обстоятельство меня безпокоитъ. Не огорчила ли ты своей доброй матери игуменьи? не выгнала ли она тебя? Или не капризъ ли твой выгналъ тебя изъ ея келій? И если такъ, то сожалѣю, но бранить не буду: потому что побѣдить страсти можно не скоро, а своими силами—никогда. Я сожалѣю о томъ, что ты, видно, худо молишься. Молись дружокъ мой, молись! Хоть лѣнь тебѣ, но вставай на молитву, и если не хочется и читать молитвы—стой, пока не прочитаешь; дремли, да стой. Я это говорю о келейной молитвѣ. Безъ келейной молитвы, не будетъ истинной молитвы и общественной. Борись, борись съ собою: вѣдь ты живешь въ Борисовкѣ! Я, слава Богу, здоровъ; въ Якутскъ пріѣхалъ только 2 сентября. Братья твои и сестры, ихъ дѣти, на Амурѣ всѣ здоровы и живутъ нехудо; всѣ съ большою заботливостію и любовію спрашивали о тебѣ и я всѣмъ имъ казалъ твой портретъ, подаренный мнѣ Татьяною Борисовной. Матери твоей и моей возлюбленной матери игуменьѣ мой искренній поклонъ и благословеніе.» Изъ слѣдующаго же отвѣтнаго письма преосвященнаго Иннокентія къ Н. Д. Свербееву, изъ Якутска отъ 11 декабря 1858 года, мы усматриваемъ, что разлука еще болѣе скрѣпила узы тѣсной тружбы между ними. Н. Д. Свербеевъ не лѣнился писать къ нему изъ-за границы и съ задушевностію сообщалъ подробности о своемъ путешествіи, о своихъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ. Письмо за письмомъ писалъ онъ къ преосвященному Иннокентію, не ожидая даже отвѣтовъ его. «Вотъ предо мною», пишетъ преосвященный Иннокентій, «вашихъ три письма и сильно упрекаютъ меня въ моемъ молчаніи. Не могу и не хочу оправдываться,—виноватъ! Впрочемъ, были нѣкія и вины или причины, по коимъ я откладывалъ писать вамъ. Первое письмо ваше, писанное изъ Парижа 23 марта, я получилъ на Амурѣ предъ самою моею отправкою на Аянъ. Второе, писанное вами изъ Бадена, отъ 1 августа, дошло до меня 13 октября, когда было много дѣла. А послѣднее, отъ 27 сентября, получилъ я 2 декабря,—и начинаю отвѣчать вамъ по порядку. Благодарю васъ за привѣтствіе съ праздникомъ Пасхи, который я провелъ въ Иркутскѣ. Сколько завидна матеріальная сторона Парижа, столько же не завидна духовная. Но все это для меня какъ будто не ново; хотя я самъ не видалъ ничего подобнаго. Но искренно радуюсь тому, что блескъ Парижа не прельщаетъ васъ, и что вы смотрите на все съ настоящей

точки. Слава Богу! Доброе перенимайте и вникайте въ себѣ глубже, подробнѣе, до самыхъ мелочей: авось пригодится это и вамъ лично, и намъ, Русскимъ. Вы желаете знать о нашемъ путешествіи по Амуру и о прочихъ Амурскихъ дѣлахъ,—объ этомъ особенно вы говорите во второмъ вашемъ письмѣ, и изъ словъ вашихъ видно, что это васъ крайне интересуетъ, даже болѣе, чѣмъ свѣдѣнія о Московскихъ событіяхъ,—и я понимаю, отчего это. Спросите вы меня объ этомъ лично и ранѣе, о, я бы разсказалъ вамъ все и со всѣми подробностями и съ увлеченіемъ. Но говорить теперь, когда вы уже все знаете до малѣйшей подробности, и даже болѣе чѣмъ я (потому что вы ранѣе и основательнѣе меня можете знать о всѣхъ распоряженіяхъ касательно Амура),—теперь говорить объ Амурѣ и о путешествіи по нему слишкомъ поздно и нисколько не интересно для васъ; и потому я скажу вамъ только то, что болѣе касается до меня.

Въ нынѣшнемъ Благовѣщенскѣ (на устьи Зеи) я располагаюсь поселиться и поставить тутъ и семинарію. Съ будущей осени будетъ приступлено къ построенію дома для меня, и церковь въ Благовѣщенскѣ, я полагаю, будетъ готова къ веснѣ наступающаго года. Графа Амурскаго мы съ Казакевичемъ проводили до мыса Джой, гдѣ освятили мѣсто для города Софійска. Но, судя по послѣднимъ свѣдѣніямъ о рѣкѣ Усури, едва ли этотъ Софійскъ осуществится. Потому что отъ вершины Усури до моря только 60 верстъ, и мѣста для дороги и поселенія хороши. Послѣ того мы воротились въ Николаевскъ, гдѣ я прожилъ до 10 августа. Во время пребыванія моего на Амурѣ мною совершено освященіе 4-хъ церквей: въ Маріинскомъ, въ Михайловскомъ селѣ, въ Николаевскѣ госпитальная и главная. 10 августа я отправился на пароходѣ «Америка» въ Аянъ, куда и прибыли 16-го вечеромъ. 19-го я выѣхалъ и 2-го сентября прибылъ въ Якутскъ, гдѣ и живу до нынѣ, на квартирѣ и гдѣ же думаете?—тамъ, гдѣ жилъ Константинъ Никифоровичъ. Причину этого вы, я думаю, не знаете: на 24 февраля кельи мои въ монастырѣ сгорѣли. Что вамъ сказать о самомъ Якутскѣ? Въ немъ замѣчательны теперь новыя зданія: соборъ и начинающаяся каменная колокольня въ монастырѣ. Соборъ у насъ вышелъ теперь, благодаря старостѣ К. А. Балкашину, великолѣпнѣйшій, обширнѣйшій (холодная церковь аркою соединена съ теплою). Затѣвается дѣтскій пріютъ, на пожертвованный капиталъ, всего до двадцати тысячъ. Торговля упадаетъ и

отъ Русскихъ переходитъ къ Якутамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Новгородовъ и другіе перестали ѣздить въ Удское, Якуты нѣкоторые разбогатѣли. Но улучшилось ли чрезъ это состояніе Тунгусовъ? Богъ знаетъ, а кажется—нѣтъ, а напротивъ, съ водвореніемъ въ Удскомъ исправника, Тунгусы бѣгутъ оттуда. Но я пустился уже не по своей дорогѣ..... Отъ 20-го сентября я представилъ Св. Сѵноду о назначеніи викарія въ Америку, и потому быть можетъ, что я нынѣшнею весною буду въ Иркутскѣ, для участія въ хиротоніи Епископа. Но во всякомъ случаѣ, если только буду живъ и здоровъ, въ исходѣ февраля 1860 года думаю оставить Якутскъ навсегда, и стану перебираться на Амуръ, въ Благовѣщенскъ. Перебравшись туда, примусь строить семинарію и разводить сады—и какъ бы я былъ восхищенъ, если бы имѣлъ утѣшеніе видѣть и принять васъ тамъ въ своемъ домѣ! А еще лучше, если бы не гостемъ только, а..... Но будущее, скажу съ вами,—въ волѣ Господа. Сынъ мой Гавріилъ съ своею подругою и сыномъ своимъ живутъ и поживаютъ въ Николаевскѣ и, слава Богу, здоровы и счастливы, и вамъ кланяются. Отецъ Гавріилъ въ поѣздку 1857 года окрестилъ 154 Нейдальцевъ и Самогирцевъ, а въ поѣздку нынѣшняго года взялъ отъ нихъ нѣсколько мальчиковъ для обученія, на что родители охотно согласились. Пароходъ «Амуръ» по рѣкѣ Амуру нынѣ сдѣлалъ три рейса отъ Николаевска до Благовѣщенска. На протяженіи береговъ Амура предполагается устроить на первый разъ до 8-ми церквей, кромѣ существующихъ нынѣ—и къ постройкѣ 5-ти приступимъ на будущее же лѣто. Вотъ вамъ все, что, по мнѣнію моему, можетъ для васъ быть любопытно. Теперь опять обращаюсь къ вашимъ письмамъ. Очень благодаренъ вамъ за обѣщаніе ваше прислать мнѣ брошюру сельскаго духовенства: это для меня очень интересно и авось какъ нибудь послужитъ къ дѣлу,—разумѣется, не самая книжка, которую я понимаю какъ нужно держать, а факты и мысли въ ней высказанные. Вы опасаетесь послать эту книгу преосвящ. Филарету. Напрасно. Пошлите, если можно. Пусть онъ увидитъ, что я правду ему говорилъ о нашемъ духовенствѣ, которую онъ едва ли отъ кого слышалъ. Завидно описаніе быта заграничныхъ вашихъ знакомыхъ и незнакомыхъ; и какъ оно рѣзко отличается отъ быта нашихъ Русскихъ, и Богъ знаетъ, будемъ ли мы когда нибудь такими же, какъ описываемые вами Нѣмцы! Я что-то отчаяваюсь, потому что у насъ упадаетъ дѣятель-

ность; люди дѣлаются лѣнивѣе и оттого равнодушнѣе. Въ заведеніяхъ во всѣхъ учатся только теоріямъ, и то кой-какъ, особенно въ нашихъ заведеніяхъ. И оттого чрезвычайно рѣдки люди истинно образованные. Все это видятъ. Но никто не принимается за реформу, даже не принимаютъ мнѣній о томъ!... Вотъ почему я отчаяваюсь. Вы просите моего совѣта: куда направить вамъ молодыя ваши силы? Пріѣзжайте въ Сибирь на службу. Вы здѣсь со многимъ ознакомились основательно, опытно. Слѣдовательно, вамъ легче будетъ служить. А между тѣмъ вы здѣсь будете полезнѣе и на виду; а въ Россіи много народу..... и все идутъ почти по одной дорогѣ. Тамъ нельзя не только идти противъ ихъ, но даже нѣтъ возможности и остановиться, иначе собьютъ съ ногъ и затопчутъ. А здѣсь, у насъ, просторнѣе по крайней мѣрѣ. Можно не только останавливаться, но даже и противъ идти; а дѣла не мало; а сколько еще непочатаго!.. Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ очень интересно то, что французское правительство собирается отправить въ Иркутскъ своего консула. Да! Рано, или поздно на Амурѣ разовьется торговля, только населеніе поскорѣе бы увеличилось. Я той вѣры, что дѣло объ освобожденіи крестьянъ во всякомъ случаѣ, какъ бы оно ни кончилось, дастъ на Амуръ народу. Затѣмъ призывая благословеніе Божіе на васъ, подругу вашу и двухъ птенцовъ вашихъ и на всѣ ваши намѣренія и предпріятія» ....

XXVI

Преосвященный Иннокентій, по своему обычаю, не переставалъ дѣлиться съ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ своими радостями относительно успѣшности миссіонерства въ основанныхъ имъ миссіяхъ. Такъ, въ началѣ 1859 года, онъ посылаетъ ему письменное донесеніе, полученное имъ отъ миссіонера съ Курильскихъ острововъ о его дѣйствіяхъ тамъ за 1858 годъ: «Въ 1858 году», доноситъ миссіонеръ, «по возложенному на меня послушанію, я вторично былъ посланъ къ Курильцамъ. Проживъ съ этими островитянами немалое время, я могъ довольно ознакомиться съ ихъ бытомъ житейскимъ и обычаями и видѣлъ у нихъ многое достойное христіанской похвалы, но другое—крайняго человѣческаго сожалѣнія. Лѣтній домашній бытъ Курильцевъ, въ переходныхъ палаткахъ и шатрахъ, подъ открытымъ небомъ, среди свѣжей зелени, вблизи моря, доставляющаго имъ пропитаніе, довольно безпеченъ; во многихъ прибрежныхъ мѣстахъ жить имъ привольно и хорошо, подъ заботою и убранствомъ доброй природы и при обильныхъ пособіяхъ роднаго моря. Но зимній бытъ ихъ совсѣмъ иной и достоинъ иногда всякаго сожалѣнія. Грязный безпорядокъ, затруднительная тѣснота, дурной запахъ и безпечная неопрятность—вотъ главныя и почти неразлучныя принадлежности ихъ зимняго быта, хотя они и могли бы наблюдать нѣкоторую чистоту и порядокъ во всѣхъ юртахъ, какъ это живущіе при мнѣ и дѣлали въ большіе праздники, когда я, по обычаю христіанскому, посѣщалъ юрты ихъ съ крестомъ Господнимъ. Немногіе ведутъ жизнь свою нѣсколько опрятно и въ своихъ юртахъ наб-

людаютъ сколько нибудь порядокъ и чистоту. Такіе люди и къ службѣ церковной усерднѣе и постояннѣе, и промыслами житейскими занимаются старательнѣе и успѣшнѣе. Вѣрно и то, что въ чистой и опрятной юртѣ и келейно скорѣе и удобнѣе можно помолиться Богу, и дѣломъ домашнимъ (плетеніемъ травяныхъ цереръ и искатовъ) заняться удобнѣе и охотнѣе, не предаваясь, какъ при небрежномъ безпорядкѣ, всегда вредной и унылой праздности. Еще достойна сожалѣнія въ кроткомъ характерѣ Курильцевъ черта всеобщая—скрытность предъ инородцами. Братской откровенности отъ нихъ, отъ стараго до малаго, трудно и едва ли возможно иноземцу дождаться; все же иностороннее, какъ волна морская, скоро разливается по всѣмъ юртамъ Курильскимъ, хотя бы то было сказано въ тайной и довѣренной бесѣдѣ. Зависитъ ли эта скрытность ихъ отъ природной робости и полудикой боязни, или происходитъ отъ хитрости и лукавства,—Богъ знаетъ; но мнѣ кажется, болѣе происходитъ отъ первой причины, потому что въ жизни своей всѣ Курильскіе островитяне самые кроткіе и послушные и вообще очень добрые люди. По этой наслѣдственной скрытности, они боятся или не хотятъ быть сердечно откровенными и предъ своимъ духовнымъ отцомъ на христіанской исповѣди. Отрадно сказать въ похвалу нѣкоторыхъ изъ этихъ островитянъ, что они къ службѣ церковной всегда были усердны, сколько можно было судить по наружности, а сердечное видитъ и вѣдаетъ Одинъ Всевѣдущій. Весьма рѣдко случалось, чтобы кто либо пропустилъ безъ особенной причины и одно церковное богослуженіе. Въ продолженіи службы они стояли смиренно и безъ малѣйшаго разговора, молились Богу очень низко, слагая на себѣ крестъ, какъ должно по христіански, а не торопясь и не махая рукою коекакъ; слово Божіе и христіанскія поученія слушали съ видимымъ вниманіемъ, хотя, быть могло, нѣкоторые и мало понимали, по ихъ плохому разумѣнію языка Русскаго. Но я всегда старался читать для нихъ рѣдко и вразумительно, и выбиралъ поученія изъ христіанскихъ книгъ самыя простыя и понятныя, и было иногда замѣтно по лицу нѣкоторыхъ, что иныя слова понимали они очень ясно. Въ великіе посты, во время говѣнія, для удобнаго положенія земныхъ поклоновъ, мужчины становились рядомъ впереди, а женщины особо назади; малые и великіе поклоны дѣлали всѣ косно и ровно, и всѣ изъ нихъ съ видимою готовностію исполняли непремѣнный христіанскій долгъ.

По наружному их усердію и постоянному хожденію къ службѣ Господней видно было, что они не скучали и не тяготились и продолжительнымъ церковнымъ богослуженіемъ, особенно во время Страстной недѣли, въ которой читаны были мною, по уставу церкви, всѣ четыре Евангелія. Въ первую и послѣднюю седмицу великихъ постовъ употребляли въ пищу изъ земныхъ растеній, безъ жира морскихъ звѣрей, хотя они столько же къ нему привыкли, какъ малыя дѣти къ грудному молоку, и безъ него во всякое другое время никакая пища у нихъ не бываетъ. Еще можно къ чести мужчинъ сказать, что они, когда отлучались изъ своего стана на дальній промыселъ, старались всегда принять на путь благословеніе. Кромѣ того, всѣ они имѣли доброе обыкновеніе въ лѣтнее время каждый день, по утру и вечеромъ, въ общемъ собраніи приходить на благословеніе. Многіе изъ нихъ знаютъ наизусть главныя христіанскія молитвы, но, къ сердечному сожалѣнію, очень многіе произносятъ ихъ весьма неправильно и едва ли что̀ въ оныхъ разумѣютъ, худо понимая языкъ Русскій. Особенно это должно сказать о лицахъ женскаго пола. Есть еще у нихъ общій похвальный обычай: при свиданіи между собою послѣ долгой разлуки и при разставаніи предъ отъѣздомъ на другія острова, всѣ подходятъ къ старшимъ со сложенными руками и цѣлуютъ съ почтеніемъ положенную въ ихъ руки руку; такъ поступаютъ не одни дѣти малолѣтныя, но и взрослые, которые уже сами отцы и матери дѣтей. Отрадно смотрѣть, когда мужчина, самъ уже убѣленный почтенными сѣдинами, и женщина, преклонная лѣтами, отправляясь въ опасный морской путь, со сложенными руками подходятъ ко всѣмъ ихъ еще старшимъ, смиренно цѣлуютъ поданныя имъ маститыя руки и потомъ уже братски цѣлуютъ въ уста. Вотъ, мнѣ кажется, добрый примѣръ христіанской любви, братскаго единенія и почтенія, а вмѣстѣ—живой и полезный урокъ для всѣхъ младшихъ! Послѣднюю зиму я провелъ на островѣ Парамуширѣ. Со мною на одномъ прибрежьѣ зимовалъ, съ нѣсколькими Курильскими семействами, Курильскій тоенъ, старецъ весьма почтенный и кроткій, знающій Русскую грамоту и очень усердный къ службѣ церковной. Во все время моего здѣсь пребыванія онъ не пропустилъ ни одной службы церковной. Во дни великихъ праздниковъ, когда не было холодно и не было бурныхъ мятелей, у насъ совершались литургіи въ полотняной церковной палаткѣ, которая

для защиты отъ вѣтра въ свое время устанавливаема была между нанесенными снѣговыми стѣнами, а снѣжный полъ въ церкви всегда устилался чистыми травяными цецерами, или зелеными кедровыми вѣтвями. Другія же церковныя службы, по непрестаннымъ затрудненіямъ отъ зимняго времени, постоянно происходили въ моей помѣстительной юртѣ. Но были и такіе дни, въ которые, отъ яростныхъ мятелей, другимъ не было возможности придти къ церковному богослуженію и въ мою юрту, отстоящую только на нѣсколько шаговъ отъ юртъ Курильскихъ. Въ первый день весны, бывшій въ недѣлю православія, и моимъ духовнымъ дѣтямъ, православнымъ, послѣ христіанскаго говѣнія и исповѣди, хотѣлось принять въ душевные свои домы Христа Спасителя нашего. Но Святѣйшій изъ Святыхъ не благоволилъ въ этотъ день внити въ домы нашихъ душъ, прокаженныхъ и грѣшныхъ; хотя и настала уже весна, но здѣшнее яростные вѣтры, не переставая каждодневно свирѣпствовать по зимнему, лишили всякой возможности отслужить въ свое время божественную литургію въ церковной полотняной палаткѣ. Даже не было никакой возможности укрѣпить оную отъ порывовъ вѣтра на нѣсколько минутъ; и мы, грѣшные и недостойные, послѣ простой церковной службы въ моей юртѣ, въ уповании на милость Божію, только утѣшили себя надеждою на будущія недѣли святаго поста, когда весна, съ своимъ благопріятнымъ временемъ, приблизится и къ нашему острову. Для меня было великою радостію и то, что я въ настоящее время, при исповѣди, нашелъ духовныхъ дѣтей своихъ гораздо болѣе откровенными. Свѣтлый праздникъ Христова Воскресенія и мы грѣшные встрѣтили съ христіанскою радостію, и всѣхъ насъ Господь Богъ удостоилъ въ сей торжественный день причаститься животворящаго Тѣла и Крови Христовой. Во всю Свѣтлую недѣлю Курильцы не были лишены и домашнихъ своихъ радостей; каждый день, послѣ службы церковной, они пиршествовали поочереди другъ у друга, въ полномъ своемъ собраніи; бесѣды ихъ, при радушномъ гостепріимствѣ хозяина, были всегда тихи и безшумны. Первое мѣсто въ Курильскомъ угощеніи, во всѣ часы дня, занимаетъ чай, до котораго всѣ они страстные охотники. Въ нужныхъ случаяхъ, когда у нихъ выйдетъ годовой запасъ чайный, они пьютъ настоенную, какъ чай Китайскій, нѣкоторую Курильскую траву, а зимою—голыя вѣтви шиповника; вмѣсто же сахара кладутъ въ свои

чашки немного поджаренной муки. Полное угощеніе, въ обильное для нихъ время, состоитъ изъ варенаго мяса морскихъ звѣрей и птицъ и изъ земныхъ кореньевъ, изжаренныхъ съ жиромъ, или сваренныхъ съ ягодами. Въ настоящее время многаго у нихъ не было, но и для нихъ, на ихъ пустынномъ, далекомъ островѣ, каждый свѣтлый день внятно слышалась всеобщая и единственная радость христіанская: Христосъ Воскресе!—и мы, слава воскресшему Господу, всѣ были довольны и радостны. Въ половинѣ мая, во исполненіе указа, мнѣ даннаго, я переѣхалъ въ Курильской байдарѣ на Шумшу. На этомъ островѣ ведутъ осѣдлую жизнь нѣсколько Курильскихъ семействъ, часа на два хода отъ гавани Компанейской, при которой живетъ постоянно отъ Россійско-Американской Компаніи управляющій и при немъ немного Ситхинскихъ Креоловъ и Кадьякскихъ Алеутовъ. Курильцы здѣшніе понимаютъ и говорятъ по Русски гораздо лучше всѣхъ своихъ единоземцевъ, но по образу жизни и характеру нимало ни отличаются отъ прочихъ туземцевъ, и многіе годы ихъ сношеній съ разными народами не могли измѣнить ихъ скрытнаго характера. Также и въ религіозномъ отношеніи и по нравственности христіанской они нисколько не превосходятъ многихъ полудикихъ своихъ собратій. Живутъ они въ постоянныхъ юртахъ, при обильной рыбою рѣчкѣ, и каждое почти лѣто имѣютъ сообщеніе съ своими сосѣдями—Камчадалами; отъ нихъ завелись они и домашнимъ рогатымъ скотомъ, и содержатъ для зимней ѣзды много пріученныхъ ѣздовыхъ собакъ». *(Русск. Арх. 1879 г. № 7, стр. 293—296.)*

Затѣмъ 20 января 1859 года преосвященнымъ Иннокентіемъ было получено письмо отъ Нушагакскаго миссіонера, которымъ онъ извѣщалъ его о случившемся несчастіи съ его келейникомъ и о явленіи ему Пречистой и Пресвятой Богородицы въ образѣ малолѣтной и въ свѣтломъ одѣяніи дѣвицы. Изъ письма этого сдѣланы были выписки и пересланы также митрополиту Филарету, съ слѣдующимъ заглавіемъ, собственноручно писаннымъ преосвященнымъ Иннокентіемъ: «Выписки изъ письма Нушагакскаго миссіонера, іеромонаха Ѳеофила, отъ 20 января 1859 г.», которыя и помѣщаемъ здѣсь: ......«Съ тѣмъ мальчикомъ», пишетъ миссіонеръ, «у меня живущимъ въ келейникахъ, который въ продолженіи 4-хъ лѣтъ обучалъ дѣтей и о которомъ я всепокорнѣйше просилъ ваше высокопреосвященство,

отъ января 1858 года, о причисленіи его къ духовному сословію, случилось такое событіе, которое заслуживаетъ подробнаго изложенія и донесенія вашему высокопреосвященству. Октября 3-го 1858 года онъ отпросился у меня пострѣлять гусей на островокъ, лежащій предъ самою нашею одиночкою, посреди рѣки Нушагака, и взявъ въ товарищи съ собою сверстника своего—одного Креола, съ двумя ружьями, часа въ 4 по полудни, отправились на двухлючной байдаркѣ, съ тѣмъ, чтобы въ тотъ же день къ вечеру возвратиться домой. Чрезъ полчаса послѣ отправленія, лишь только они достигли до преднамѣреннаго мѣста, одна женщина, ходившая на ключъ за водой, слышала выстрѣлъ и послѣ сего необыкновенный и продолжительный крикъ, но сказала только одной другой женщинѣ, и то чрезъ часъ послѣ того. Еще яснѣе былъ слышенъ продолжительный этотъ крикъ на другой сторонѣ рѣки, въ селеніи Кнагнакскомъ, но и оттуда никто не хотѣлъ узнать, хотя можно было догадаться по самому тону вопля утопающихъ и подать руку помощи. Ибо они, опрокинувшись въ байдаркѣ и вышедши изъ нея, болѣе получаса держались за нее руками, какъ послѣ оказалось, и просили помощи. Мы, живущіе въ одиночкѣ, хотя скоро и дошли до насъ эти слухи о ихъ крикѣ, въ продолженіи и слѣдующаго дня, когда они не возвращались, нимало не безпокоились объ нихъ, въ той мысли, что они отправились на другіе острова для промысла, и тѣмъ болѣе оставались спокойны, что живущій у меня этотъ мальчикъ, считающійся здѣсь первымъ стрѣльцемъ, слишкомъ ревностенъ, удалъ и плавать умѣетъ. Но когда и на слѣдующій день, т. е. 5 октября, они не являлись, мы стали сомнѣваться и послали туземцевъ искать ихъ по всѣмъ островкамъ, и когда посланные отъ насъ, переслѣдовавши всѣ тѣ мѣста, гдѣ обыкновенно садится птица и куда отправляются наши стрѣльцы, не нашедши никакихъ слѣдовъ, возвратились назадъ, мы поняли, что̀ значилъ этотъ ихъ крикъ, и погибель ихъ считали несомнѣнною. Въ какомъ состояніи находился я въ эти дни и ночи, съ 5 часовъ по полудни 5 октября и до 12 часовъ утра 7 октября, что перечувствовалъ, какъ томился и мучился,—передать и изложить это не достанетъ на то у меня искусства, а передать и изложить, какъ умѣю,—опасаюсь быть утомительнымъ для вашего высокопреосвященства. Скажу только, что я ни въ чемъ не могъ найти ни малой отрады и уменьшенія своей скорби, ни въ чтеніи книгъ вся-

каго содержанія, пи въ слезной молитвѣ предъ Богомъ, ни въ развлеченіи и разговорахъ съ людьми, не испытывалъ всю жизнь такой скорби и мученія,—и я самъ, и многіе видѣвшіе меня и приходившіе для утѣшенія опасались, что я отъ столь безразсудной, скажу такъ, и непомѣрной скорби самъ скоро лишусь жизни. Но тогда какъ все на свѣтѣ мнѣ опротивѣло и я желалъ или ожидалъ смерти, сверхъ всякой надежды и чаянія, по молитвамъ, можетъ быть, своихъ родителей или и ради моихъ слезъ и вопля предъ Богомъ, мнѣ сказываютъ, что Василій живъ и его тащутъ по трапу (лѣстницѣ). Я уже не вѣрилъ собственнымъ своимъ глазамъ,—хотя, выбѣжавши тотчасъ за ворота, видѣлъ, что его и не тащатъ, а онъ самъ, опираясь на мать, силится подняться по трапу—и дѣйствительно, почти безъ помощи другихъ, взошелъ въ мои комнаты. Во все продолженіе отъ 3 до 7 октября, не успѣвъ спасти и своего товарища и отпустивши изъ рукъ байдарку уже тогда, какъ сталъ упрашивать его о томъ погибающій, по неумѣнію плавать, хотя и недалеко отъ берега они опрокинулись,—спасшійся изъ воды укрывался въ одной изорванной рубашкѣ на сыромъ и топкомъ мѣстѣ въ ямѣ, какую онъ могъ себѣ пріуготовить, когда еще доставало у него силъ. Мимо его мѣстопребыванія проѣзжала байдара; онъ ее видѣлъ и кричалъ, слышалъ разговаривающихъ въ байдарѣ,—но его не слыхали. Посланныхъ нами туземцевъ искать ихъ, хотя уже мертвыхъ, онъ слышалъ разговаривающихъ между собою, но не имѣлъ силъ встать и выдти изъ ямы, чтобы они видѣли его: ибо это было уже на третьи почти сутки. До этого времени онъ ощущалъ и голодъ, и сильную жажду, и окружающій его холодъ,—ибо у насъ были тогда холодные утренники,—а 5 октября снѣгъ и мятель, и въ утоленіе голода онъ уже рѣшился и ѣлъ, съ позволенія сказать, свой пометъ, а въ утоленіе жажды пилъ свою мочу. Но на четвертыя сутки, когда уже онъ заснулъ съ такою мыслію, что вѣрно его никто не найдетъ и ему придется погибнуть на берегу голодною смертію, ночью явилась ему Пречистая и Пресвятая Богородица въ образѣ малолѣтной и въ свѣтломъ одѣяніи дѣвицы и сказала ему: «Ты не отчаявайся, съ тобою ничего худаго не случится, тебя найдутъ, ибо за тебя тамъ молятся и скорбятъ о тебѣ; только ты впредь исполняй всегда тѣ молитвы и поклоны, которые обѣщаешь Господу Богу. Послѣ этого, какъ скоро онъ пробудился, почувствовалъ какую-то необыкно-

венную отраду и успокоеніе, перестаалъ ощущать и голодъ и жажду, а къ полудню 7-го числа и нашелъ его одинъ изъ посланныхъ нами Аглегмютецъ, почти наткнувшись, такъ сказать, на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ. Когда привели его въ мою квартиру, обтерли летучею мазью и уксусомъ, дали церковнаго вина и онъ попросилъ ѣсть,—все еще я отъ излишней радости не вѣрилъ, что это вижу въ дѣйствительности, и по крайней мѣрѣ никакъ не могъ надѣяться, чтобы онъ выздоровѣлъ и остался жить на этомъ свѣтѣ; но къ удивленію всѣхъ, и даже крѣпкихъ и закаленныхъ въ морозахъ туземцевъ, онъ теперь живъ и здоровъ и не ощущаетъ почти никакихъ слѣдовъ столь долговременной простуды; только съ мѣсяцъ чувствовалъ въ оконечностяхъ ногъ ломоту, но теперь и эта болѣзнь совершенно прошла. Мнѣ сказывали послѣ, что Алегмютецъ, нашедшій его послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ, предъ отправленіемъ искать въ послѣдній разъ, долго молился Богу и говорилъ самъ съ собою: «если найду его живымъ, повѣрю, что Богъ есть, а если не найду, не буду вѣрить».

Вѣря отъ всей души, что подъ образомъ малолѣтной дѣвицы являлась ему Сама Пресвятая Богородица, защитница и заступница въ бѣдахъ и скорбяхъ всего рода христіанскаго, и что спасеніе его совершилось по милосердію къ намъ грѣшнымъ и въ особенности къ нему Небесной Царицы, я въ слѣдующее воскресеніе, отслуживши часы, говорилъ собравшемуся народу поученіе, въ которомъ объяснивши и разсказавши все какъ случилось и объяснивши предъ всѣми безчеловѣчное равнодушіе къ погибели ближняго какихъ-то, по справедливости и по достоинству можно сказать, дикарей, которые проѣзжая на двухъ байдаркахъ мимо того мѣста, на которомъ спасшійся отъ потопленія сидѣлъ, плакалъ, умолялъ о помощи, манилъ къ себѣ и все напрасно: они только остановились, посмотрѣли на него, поговорили что-то между собою и, посмѣявсь, удалились куда имъ надобно было плыть,—съ собравшимися тогда въ Церкви народомъ отслужилъ благодарный молебенъ Спасителю и Небесной Царицѣ, во время котораго, еще тогда больной, Василій на колѣняхъ читалъ каноны Спасителю и Божіей Матери, а по утонувшемъ товарищѣ его панихиду». *(Рукопись Моск. Епарх. Библ. Общ. любит. Духовн. просвѣщ.)*

Проживая въ Якутскѣ, въ ожиданіи отвѣта изъ Св. Сѵнода объ из-

браніи и утвержденіи архимандрита Петра на епископскую каѳедру на островѣ Ситхѣ, преосвященный Иннокентій писалъ оттуда къ своему сыну отцу Гавріилу и его супругѣ (отъ 18 февраля 1859 года): «Думаю ѣхать въ Иркутскъ 26 февраля, если только не будетъ прямаго отказа въ томъ изъ Сѵнода. Вотъ и февраль проходитъ, а отъ васъ все нѣтъ еще писемъ. Что это значитъ? а между тѣмъ до насъ достигли чрезъ Аянъ слухи, что будто бы у васъ въ Николаевскѣ былъ пожаръ и сгорѣло много домовъ. Это меня не безпокоитъ на счетъ васъ. Не потерпѣли-ли вы? (если слухи справедливы) и не отъ васъ-ли начался пожаръ? Имѣніе—Богъ съ нимъ, лишь бы вы всѣ были живы и здоровы. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ васъ писемъ—дотолѣ, пока не получу достовѣрнаго извѣстія о васъ и о вашихъ обстоятельствахъ. На Амуръ отправляются отъ насъ два іерея: отецъ Власій Верещагинъ и отецъ Петръ Сновидовъ—оба дѣлаютъ честь нашей семинаріи. Вообразите себѣ, что можетъ быть чрезъ два мѣсяца всѣ архіереи наши будутъ указывать на меня пальцами, а нѣкоторые—а можетъ быть, и многіе—находить во мнѣ недостатки всякаго рода. Причина тому та, что по ходатайству графа нашего (чрезъ оберъ-прокурора нашего) Государь Императоръ хочетъ удостоить якобы Владиміромъ 1-й степени,—дѣло едва ли бывалое, чтобы архіепископы имѣли сей орденъ. Правду сказать, это меня тяготитъ: я былъ бы доволенъ и крестикомъ на клобукъ. Но да будетъ воля Божія! Впрочемъ, имя мое въ Питерѣ и Москвѣ имѣетъ еще свое дѣйствіе. Это испыталъ протоіерей Хитровъ. Слава Богу! Что нашъ Ваня? Живъ-ли, здоровъ-ли? любитъ-ли молиться? говоритъ-ли? и проч. и проч. Затѣмъ болѣе писать ничего не имѣю. Прощайте, до свиданія! Господь съ вами и со всею вашею домашнею церковью». Наконецъ, вскорѣ послѣ этого письма, преосвященный Иннокентій получилъ изъ Св. Сѵнода утвержденіе на поданное имъ еще 20 сентября 1858 года представленіе о назначеніи ректора Новоархангельской семинаріи, архимандрита Петра, на епископскую каѳедру въ Ситху и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получилъ и разрѣшеніе отправиться въ Иркутскъ для рукоположенія его въ епископа. 26 февраля владыка отправился въ Иркутскъ, куда прибылъ 17 марта; 27 марта было нареченіе, а 29 марта и самое рукоположеніе архимандрита Петра во епископа на островъ Ситху. Рукоположеніе совершалъ архіепископъ Иннокентій совмѣстно съ архіепископомъ Евсевіемъ Ир-

кутскимъ, въ градской Иркутской Воскресенской церкви, и по совершеніи хиротоніи, преосвященный Иннокентій обратился къ новорукоположенному епископу Новоархангельскому съ слѣдующею рѣчью: «Преосвященный епископъ Петръ! Пріими жезлъ, да пасеши ввѣренную тебѣ паству Христову, яже есть въ предѣлахъ Россійской Америки, и послушающимъ убо буди жезлъ и укрѣпленіе, на непослушныхъ же и непокорящихся тогоже употребляй жезла. Но я долженъ сказать, къ духовному утѣшенію твоему и многихъ изъ слышащихъ сіе, паче же во славу Божію, что немногимъ изъ собратій нашихъ достается такой счастливый жребій служенія, какъ тебѣ; ибо немного нынѣ такихъ мѣстъ, гдѣ можно было бы найти столь послушныхъ, кроткихъ, простыхъ и внимательныхъ къ слову Божію чадъ церкви, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда идешь ты. По собственному опыту моему могу сказать, безъ всякаго преувеличенія, что скорѣе утомится самый неутомимый и ревностный проповѣдникъ слова Божія, чѣмъ утомится ревность и вниманіе ихъ всѣхъ, отъ мала до велика. А что они слушаютъ не напрасно и не изъ любопытства только,—яснымъ доказательствомъ можетъ служить то, что изъ вѣрующихъ туземцевъ никогда не бывало, можно сказать, ни одного нерадящаго о исполненіи долга очищенія совѣсти; и въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ сряду не бывало между ними не только ни малѣйшаго преступленія гражданскаго, но едва ли кто слыхалъ и о мелкой ссорѣ между ними. Это я говорю о туземцахъ и особенно островитянахъ, просвѣщенныхъ свѣтомъ Евангелія; но и сѣдящіе во тьмѣ язычества, обитатели глубокаго сѣвера Америки, какъ ты и самъ знаешь, охотно и внимательно слушаютъ Евангельскую проповѣдь. И очень многіе изъ нихъ готовы принять христіанство; и дѣло обращенія ихъ останавливается большею частію, кажется, только за средствами. И потому, по милости Божіей, вручаемый тебѣ жезлъ придется употреблять если не единственно, то преимущественно на утвержденіе, подкрѣпленіе и огражденіе послушныхъ и болѣе—на очищеніе и указаніе пути въ царствіе небесное ищущимъ его. Да и самые сосѣди Новоархангельска, при всемъ своемъ грубомъ, диковольномъ и упрямомъ характерѣ, начинаютъ преклонять свою жестокую выю подъ иго Христово; и можно надѣяться, что, при содѣйствіи благодати Божіей, постоянное пребываніе твое подлѣ

нихъ благотворно будетъ дѣйствовать и на всеобщее ихъ обращеніе. Да поможетъ тебѣ Господь, какъ въ этомъ подвигѣ, такъ и въ обращеніи и утвержденіи прочихъ жителей нашей Америки; да даруетъ тебѣ Всесильный крѣпость и силы къ прохожденію твоего немалотруднаго служенія, и да умудряетъ онъ тебя во всѣхъ намѣреніяхъ, начинаніяхъ и дѣлахъ твоихъ! Знаменіемъ сего да будетъ тебѣ жезлъ сей, взирая на верхъ коего, украшенный символомъ мудрости, дѣятельно помни слова, сказанныя посылаемымъ нѣкогда на служеніе, которому отчасти подобится и предстоящее тебѣ: будите мудри яко змія, и цѣли яко голубіе». *(Духовн. Бесѣда, т. VI. Спб. 1859 года, стр. 390—392)*.

Изъ Иркутска преосвященный Иннокентій писалъ къ К. С. Сербиновичу (отъ 8-го апрѣля 1859 года): «Скорбію и удивленіемъ пораженъ я былъ по прибытіи моемъ въ Иркутскъ, услышавъ, что вы оставили поприще служенія вашего по духовной части. Долго я не могъ этому вѣрить, ибо не могъ придумать причины, по которой бы вамъ нужно было оставить эту службу; тѣмъ болѣе, что я не могъ придумать, кто бы могъ васъ замѣнить, развѣ г. Соломоновъ. Но не мое дѣло входить въ разсужденіе объ этомъ, хотя мнѣ очень жаль, что вы оставили насъ. Но примите увѣреніе, ваше высокопревосходительство, что я никогда, никогда не забуду вашихъ благодѣяній ко мнѣ и въ особенности къ дѣлу Якутскихъ переводовъ. Я постараюсь, чтобы и тѣ, кои будутъ слышать сіи переводы, въ числѣ прочихъ, помнили и ваше имя. Я только что собирался писать вашему высокопревосходительству, по прибытіи моемъ въ Иркутскъ, и между прочимъ покорнѣйше просить васъ прислать мнѣ списокъ съ устава католическихъ семинарій во Франціи, который вы изволили мнѣ давать прочесть, и если можно, то позвольте попросить васъ объ этомъ. Позвольте спросить, ваше высокопревосходительство, о книжечкѣ, напечатанной за границею о сельскомъ духовенствѣ. Кто ее писалъ? и что объ ней думаютъ наши первоіерархи? и нѣтъ-ли какихъ либо перемѣнъ, кромѣ Главнаго священника вмѣсто Оберъ-священника? Позвольте спросить, ваше высокопревосходительство, еще объ одномъ: почему А. С. Норовъ и его товарищъ уволены? О послѣднемъ я догадываюсь, но о первомъ ничего не слыхалъ; но видно, что не даромъ что-то. О себѣ скажу, что я, слава Богу, здоровъ. Въ

Иркутскъ пріѣхалъ 17 марта; 27 было нареченіе, а 29 и самое рукоположеніе во епископа архимандрита Петра, который отправился отсюда на Амуръ и оттуда уже въ свое мѣсто; а я располагаюсь оставить Иркутскъ около 1-го мая и ѣхать опять въ Якутскъ, гдѣ проведу зиму и весною опять пріѣду въ Иркутскъ, съ тѣмъ чтобы ѣхать въ свой Благовѣщенскъ. Протоіерей Хитровъ возвратился въ Якутскъ; мы съ нимъ встрѣтились дорогою и потому я не успѣлъ у него выспросить всего. Впрочемъ, онъ не забылъ передать мнѣ поклоны, а между прочимъ, и отъ вашего высокопревосходительства, за который приношу мою благодарность. Преосвященный Евсевій получилъ отъ г. оберъ-прокурора бумагу (которой я не видалъ у него и самъ не получалъ), которою требуется мнѣніе его и ректора о томъ, что̀ бы они считали нужнымъ измѣнить относительно воспитанія нашего духовенства во всѣхъ отношеніяхъ; это меня очень порадовало. И я полагаю, что такой вопросъ сдѣланъ, вѣроятно, вслѣдствіе вышеупомянутой книжки о сельскомъ духовенствѣ; и если такъ, то нельзя не сказать спасибо отважному писателю. Позвольте, ваше высокопревосходительство, иногда написать вамъ. Призываю благословеніе Божіе на васъ и на вашего милаго сына...» (*Архивъ князя П. П. Вяземскаго*). Изъ Иркутска въ Якутскъ преосвященный Иннокентій возвратился 5 іюня, гдѣ въ его отсутствіе былъ присланъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ, при слѣдующемъ милостивомъ рескриптѣ Его Императорскаго Величества: «Посвятивъ съ самоотверженіемъ всю жизнь свою на трудный подвигъ благовѣствованія слова Божія племенамъ языческимъ, въ суровомъ климатѣ, на огромныхъ пространствахъ, вы не щадили силъ къ прочному учрежденію св. Вѣры въ юной паствѣ, установленіемъ по церквамъ непрерывныхъ поученій, преложеніемъ Богослужебныхъ книгъ на мѣстные языки и грамотнымъ образованіемъ дѣтей. Камчатской епархіи, которая, обязанная и учрежденіемъ своимъ вашей пастырской дѣятельности, нынѣ получаетъ заботливостію вашею новое устройство въ управленіи своемъ, недавно благословеніемъ Божіимъ распространенная въ предѣлахъ Китая, гдѣ также насаждаете ревностно вертоградъ Господень. Вполнѣ цѣня многополезное Церкви и Отечеству служеніе ваше, всемилостивѣйше жалую вамъ алмазный крестъ и проч».Въ этотъ пріѣздъ свой въ Якутскъ преосвященный Иннокентій усиленно занялся приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ недоконченныхъ

дѣлъ своихъ по Якутской паствѣ, чтобы весною будущаго года онъ могъ свободно оставить его и переселиться въ Благовѣщенскъ. Между этими дѣлами, онъ не переставалъ вести и переписку; такъ онъ пишетъ къ Н. Д. Свербееву (отъ 27 іюня 1859 года): «Три письма ваши предо мною: изъ Неаполя, изъ Albano и изъ Рима. Съ одной стороны, онѣ служатъ новымъ доказательствомъ вашего ко мнѣ искренняго расположенія; а съ другой—укоряютъ меня, что я давно уже не писалъ вамъ. Простите Бога ради! виноватъ. Я увѣренъ, что это письмо мое застанетъ васъ уже въ Москвѣ, а пожалуй даже въ Сибири, или, по крайней мѣрѣ, на пути туда. Потому что теперь при Николаѣ Николаевичѣ открылось не одно мѣсто по случаю несчастной дуэли, о которой вы уже, конечно, знаете. И если только ваши родители благословятъ васъ на служеніе въ Сибири, то за мѣстомъ дѣло не станетъ, а Николай Николаевичъ готовъ васъ принять, какъ онъ мнѣ говорилъ въ Иркутскѣ, только нѣтъ мѣста; но какъ-разъ оно открылось. И ежели все это сбудется, то я надѣюсь на будущій годъ видѣться съ вами, при перемѣщеніи моемъ изъ Якутска въ Благовѣщенскъ. Вы мнѣ въ вашихъ письмахъ столько интереснаго и любопытнаго сообщили о видѣнныхъ вами мѣстахъ и лицахъ, а я, напротивъ, почти ничего не могу вамъ сообщить такого. Скажу только, что съ 26 февраля по 5 іюня я путешествовалъ въ Иркутскъ для рукоположенія во епископа въ Новоархангельскъ архимандрита Петра, бывшаго инспекторомъ въ Иркутской семинаріи, а потомъ ректоромъ въ Новоархангельской. Николая Николаевича мы проводили за Байкалъ въ самый первый день Пасхи, а въ день отъѣзда моего изъ Иркутска, 3 мая, получено извѣстіе отъ него изъ Кяхты, что трактатъ подписанъ и Богдыханомъ. Въ Якутскѣ у насъ перемѣнъ нѣтъ никакихъ, идетъ все по старому; Юлій Ивановичъ уѣхалъ на Аянскій трактатъ. Травы и хлѣба мѣстами хороши, а мѣстами выгорѣли и вымерзли. Объ Иркутскихъ перемѣнахъ и новостяхъ я не пишу вамъ: вы уже знаете все, и даже болѣе. Николай Николаевичъ, при прощаніи, сказалъ мнѣ, что всего вѣроятнѣе, что онъ возвратится въ Иркутскъ чрезъ Аянъ. Цѣль же его путешествія вы, конечно, уже знаете: т. е., рѣшить дѣло о границахъ съ Японіею и о части границы съ Китаемъ отъ Усури до моря. Ему весьма желательно, чтобы островъ Сахалинъ весь былъ нашъ. Иначе, если южная часть будетъ Японская, то возможное дѣло, что

у нихъ выманятъ Англичане и сдѣлаютъ свои поселенія; тогда мы будемъ подъ карауломъ у нихъ. За тѣмъ прощайте, до свиданія! Да будетъ благословеніе Божіе на васъ, на чадѣхъ вашихъ и подругѣ вашей». Наконецъ, къ небольшому избранному кружку лицъ, пріобрѣтшихъ особенную любовь и довѣріе высокопреосвященнаго Иннокентія своимъ благочестивымъ усердіемъ и безкорыстнымъ служеніемъ ему въ миссіонерскомъ дѣлѣ, неоспоримо принадлежалъ и потомственный почетный гражданинъ, московскій первой гильдіи купецъ Гавріилъ Матвѣевичъ Корниловъ, умѣвшій платить ему уваженіемъ за уваженіе, преданностью за преданность, довѣріемъ за довѣріе.

Гавріилъ Матвѣевичъ былъ владѣлецъ извѣстнаго магазина золотыхъ, серебряныхъ и брилліантовыхъ вещей, и доселѣ процвѣтающаго въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, подъ фирмою «Торговаго дома Гавріила Корнилова наслѣдники». Этого-то Гавріила Матвѣевича удостоилъ высокопреосвященный Иннокентій избрать своимъ коммиссіонеромъ и довѣреннымъ по исполненію миссіонерскихъ порученій его по заказамъ и пересылкѣ иконъ, книгъ и прочей утвари для церквей Камчатки, Якутска и Амура. Знакомство между ними завязалось съ 1839 года, въ первый пріѣздъ преосвященнаго Иннокентія въ Москву, еще тогда въ званіи простаго священника, отца Іоанна Евсеевича Веніаминова; а въ 1841 году, уже въ званіи епископа Камчатскаго, Курильскаго и Алеутскаго, проѣздомъ чрезъ Москву на новое служеніе свое въ Америку, преосвященный Иннокентій, остановившись въ Чудовомъ монастырѣ, окончательно сблизился съ Г. М. Корниловымъ, который въ это время помогалъ ему въ укладкѣ и отправкѣ пожертвованныхъ ему въ Петербургѣ и Москвѣ разныхъ церковныхъ принадлежностей. Коммиссіонерская же переписка между ними установилась съ 1859 по 1868 годъ. Гавріилъ Матвѣевичъ вполнѣ оправдывалъ оказываемое ему маститымъ іерархомъ довѣріе добросовѣстнымъ, усерднымъ, скорымъ и точнымъ и, притомъ, безкорыстнымъ исполненіемъ всѣхъ порученій по церковнымъ заказамъ высокопреосвященнаго. Нерѣдко случалось, что Г. М. Корниловъ затрачивалъ свои значительныя суммы на своевременное и удовлетворительное исполненіе порученій, въ ожиданіи возвращенія затраченныхъ суммъ чрезъ полгода—годъ, а иногда и болѣе; и при всемъ томъ, не только не бралъ обычныхъ процентовъ за коммиссію и на затраченныя суммы, но еще пріобрѣталъ вещи, по возможности,

дешевле и лучше, и къ нимъ присоединялъ свои усердныя приношенія и подарки. «Присланныя вами различныя вещи», пишетъ владыка (изъ Благовѣщенска отъ 20 мая 1864 г.), «вообще и всѣ до единой очень хороши; и мы сравнивали ихъ съ цѣнами, означенными въ прейсъ-курантѣ г. Сытина: находимъ присланныя вами значительно дешевле». Впрочемъ и самъ владыка всегда торопилъ скорѣе раздѣлаться и не быть въ долгу у него.

Письма преосвященнаго Иннокентія къ Гавріилу Матвѣевичу Корнилову важны для насъ, какъ свидѣтельство архипастырской заботливости о возможно лучшемъ и дешевѣйшемъ способѣ удовлетворенія церковныхъ нуждъ обширнѣйшей паствы.

Подлинники сихъ писемъ бережно сохраняются у наслѣдника и сына Гавріила Матвѣевича, Александра Гавриловича Корнилова. Въ одномъ изъ этихъ писемъ (изъ Якутска отъ 7 іюля 1859 г.), мы читаемъ: «Долгомъ считаю изъявить вамъ мою искреннюю благодарность за ваше усердное исполненіе всѣхъ нашихъ коммиссій. Да воздастъ вамъ Господь за то Своею милостію! Благодарю васъ покорнѣйше и за подарокъ, или лучше сказать, приношеніе ваше нашей каѳедрѣ, посланный съ отцемъ протоіереемъ Хитровымъ. Позвольте къ вамъ обратиться съ моею собственною просьбою: вы, можетъ быть, знаете, что я удостоенъ Высочайшей награды крестомъ на клобукъ. Но этотъ крестъ, по его драгоцѣнности, нельзя носить всегда. И потому покорнѣйше прошу прислать стразовый простой крестъ, но сдѣланный прочно и, разумѣется, съ 4-мя по концамъ ушками, для прикрѣпленія къ клобуку. Крестъ долженъ быть точно такой же величины, какъ и подлинникъ, и съ 15-ю стразами крупными. При семъ прилагаю снимокъ съ пожалованнаго мнѣ креста. Покорнѣйше прошу прислать крестъ, какъ возможно поскорѣе и адресовать его въ Якутскъ на мое имя. О деньгахъ, какія будутъ слѣдовать за крестъ, пришлю тотчасъ по полученіи мною креста. Затѣмъ, призываю благословеніе Божіе на васъ и на всю вашу домашнюю церковь....

P. S. Позвольте попросить васъ, Гаврило Матвѣевичъ, потрудиться купить и прислать мнѣ крестиковъ, какіе обыкновенно носятъ наши православные, а именно: пять тысячъ мѣдныхъ или томпаковыхъ, или какой либо композиціи, но не дорогихъ цѣною,—впрочемъ, чтобы изображенія на нихъ были не худы; пять сотъ крестиковъ серебряныхъ небольшихъ; сто позолоченыхъ».

XXVII

15 іюля 1859 года, въ Якутскомъ Троицкомъ соборѣ было въ первый разъ совершено богослуженіе на Якутскомъ языкѣ. «Слово Божіе, благовѣствуемое въ обширныхъ предѣлахъ нашего отечества», пишетъ В. Райскій изъ Якутска отъ 19 іюля, «на разныхъ языкахъ, среди народовъ, принявшихъ истинное православіе, въ настоящее время проповѣдуется еще на одномъ новомъ нарѣчіи, среди племени, хотя и исповѣдующаго Православную вѣру. но не уразумѣвшаго ни истинъ ея, ни обрядовъ, ею предписываемыхъ. Племя это—Якуты, составляющіе самую многочисленную часть населенія Якутской области. Языкъ ихъ составляетъ смѣсь языковъ Татарскаго, Монгольскаго и даже Турецкаго. За 200 слишкомъ лѣтъ Якуты уже начали обращаться въ Православіе, а въ настоящее время всѣ они принадлежатъ къ одной Православной Церкви. Понятно, что не имѣя собственной грамоты и не владѣя Русскимъ языкомъ, они не могли бы ничего разумѣть о дѣйствіяхъ, къ которымъ ихъ обязывало присоединеніе къ Православію, если бы не способствовали къ тому словесныя наставленія священниковъ, знающихъ или изучившихъ ихъ языкъ. Но словесныя наставленія часто остаются безплодными и не на такой каменистой почвѣ, какъ Якутское племя. Преосвященный Иннокентій, архіепископъ Камчатскій, достойный насадитель вертограда Христова, опытомъ дозналъ всю пользу, которую можетъ принести туземцамъ переложеніе священныхъ книгъ на ихъ родной языкъ и введеніе между ними церковной службы на родномъ ихъ языкѣ. Съ этою

цѣлію избранныя имъ лица духовнаго званія и даже нѣкоторые изъ міряиъ, хорошо владѣющіе Русскимъ и Якутскимъ языками, занялись переводомъ Священнаго Писанія. Потомъ все это пересмотрѣно въ особомъ Комитетѣ, который былъ составленъ изъ опытныхъ знатоковъ Якутскаго языка. Такимъ образомъ, въ 1858 году переведены были слѣдующія книги: всѣ книги Новаго завѣта, исключая Апокалипсиса; изъ Ветхаго—двѣ: Бытія и Псалтирь; изъ богослужебныхъ—служебникъ съ требникомъ, канонникъ, часословъ, а для поученій—Указаніе пути въ Царствіе Небесное и нѣсколько поученій на разные случаи. Для правильности чтенія составлены азбука и грамматика. Всѣ сказанныя книги, по благословенію Св. Сѵнода, отпечатаны въ Московской Сѵнодальной типографіи подъ надзоромъ протоіерея Д. В. Хитрова. Текстъ напечатанъ обыкновенными славянскими буквами; немногіе звуки, не имѣющіе мѣста въ Русскомъ языкѣ, изображены особыми весьма понятными знаками. 19 день іюля назначенъ былъ его высокопреосвященствомъ для отправленія въ первый разъ Божественной литургіи на Якутскомъ языкѣ. Съ ранняго утра толпы народа спѣшили къ соборной церкви, которая едва ли вмѣщала столько молящихся, какъ въ тотъ день. Тутъ были и Якуты, были и Русскіе, большая часть которыхъ знаетъ Якутскій языкъ не хуже туземцевъ. Обѣднѣ предшествовалъ благодарственный Господу Богу молебенъ, отправленный его высокопреосвященствомъ архіепископомъ Иннокентіемъ, который самъ читалъ и Евангеліе на Якутскомъ языкѣ. Сія глагола Іисусъ и возведе очи свои на небо, и рече: Отче, пріиде часъ: прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя (Іоан. XVII, 1-24),—началъ преосвященный Иннокентій. По окончаніи молебна, владыка обратился съ краткою рѣчью къ инородцамъ. Затѣмъ служащіе приняли отъ архипастыря благословеніе и послѣдовала литургія. Первые звуки Якутскаго языка, на которомъ отправлялось рѣшительно все богослуженіе, казались удивительными для самихъ Якутовъ. Хотя служеніе происходило въ первый разъ, но оно шло чрезвычайно стройно, обычнымъ порядкомъ. Мы удостовѣрились, посредствомъ разспросовъ, что инородцевъ чрезвычайно занимало читанное на тотъ разъ Евангеліе (Іоан. XVII, 1—24) и читанное во время причастна Евангеліе Матѳея (V, 1—43). Якутовъ до того тронуло это событіе, что родоначальники ихъ, отъ лица всѣхъ своихъ собратій,

представили владыкѣ Иннокентію покорнѣйшую просьбу, чтобы девятнадцатое іюля навсегда было днемъ праздничнымъ, потому что въ этотъ день они въ первый разъ услышали Божественное слово въ храмѣ на своемъ родномъ языкѣ.»

«Какъ не порадоваться радостію православнаго христіанина», говоритъ г. В. Шевляковъ *(Домашн. Бесѣда 1859 г.)*, «читая такое трогательное извѣстіе! Какъ отъ души не возблагодарить высокопреосвященнаго Иннокентія съ достойными его сподвижниками, стяжавшихъ неограниченную любовь, дѣтскую преданность и нелицемѣрное уваженіе простодушныхъ Якутовъ! Фактъ чрезвычайно важный и незабвенный въ исторіи распространенія Православія!»

Со времени открытія богослуженія на Якутскомъ языкѣ (1859 г.) прошло слишкомъ семнадцать лѣтъ, пишетъ Кыллахскій священникъ С. Поповъ *(Прибавл. къ Иркут. Епарх. Вѣдом. 1876 года № 28, 29)*,—и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени ни одинъ органъ духовной журналистики ни съ какой стороны не удостоилъ это событіе своимъ вниманіемъ. А между тѣмъ для мѣстныхъ жителей событіе это, можно сказать, составляетъ эпоху новой жизни, жизни религіозно-нравственной, въ которой дышетъ любовь Божія, переданная св. Евангеліемъ, въ замѣнъ того безграничнаго и безсознательнаго страха къ существу только карающему, какимъ вообще представляло туземное населеніе Бога Творца, Промыслителя и Спасителя. И эта новая жизнь—въ познаніи Единаго Истиннаго Бога и Его же, изъ любви къ роду человѣческому, послалъ—Іисуса Христа (Іоан. 17, 3),—въ особенности обнаружилась въ тѣ блаженныя и отрадныя минуты, въ которыя туземный народъ услыхалъ въ первый разъ свой родной языкъ при общественномъ и торжественномъ Богослуженіи, на этотъ случай нарочито открытомъ великимъ миссіонеромъ высокопреосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, въ то время озарявшимъ нашъ отдаленный край своимъ святительскимъ управленіемъ. Въ эти минуты инородцы, наши братья по вѣрѣ и отечеству, увидали себя въ близкомъ общеніи съ нами, и наглядным образомъ убѣдились и почувствовали, что и они—дѣти великой Матери, св. Православной церкви нашей. Отрадны были эти святыя минуты и для служителей св. храма, а въ особенности для тѣхъ, которые немало потрудились для такой святой и богоугодной цѣли! Не менѣе отрадны были эти минуты и для всѣхъ,

бывшихъ участниками при этомъ высокоторжественномъ богослуженіи. въ которомъ всѣ молящіеся въ совокупности представляли истинную. живую Православную церковь. «Теперь,» продолжаетъ священникъ С. Поповъ, «постараемся обратить вниманіе на обстоятельства, которыя предшествовали сему событію, какъ со стороны предпринимаемаго перевода, такъ и со стороны того состоянія умственно-религіозной жизни, въ какомъ находилась большая часть инородческой массы тогдашняго времени. Инипіатива сего богоугоднаго предпріятія принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, великому миссіонеру—высокопреосвященному Иннокентію, въ то время управлявшему, въ санѣ архіепископа Камчатскаго, и нашею Якутскою епархіею. Но не одно, конечно, оффиціальное заявленіе объ исполненіи этой кропотливой работы побуждало трудившихся для сего святаго и богоугоднаго дѣла, не одно открытіе Комитета (1855 г.) для перевода богослужебныхъ книгъ на Якутскій языкъ споспѣшествовало трудившимся; но всего болѣе, всего дороже было одно это доброе, исполненное помазанія, слово любвеобильнаго и опытнаго руководителя и начинателя сего св. дѣла, высокопреосвященнаго владыки Иннокентія. Но какъ только было приступлено къ сему дѣлу, то оказалось, что оно не такъ-то легко и удобоисполнимо, какъ это казалось при первоначальной ревности тружениковъ. Сперва полагали, что переводная часть не есть оригинальное произведеніе, что переводить можетъ всякій, знакомый съ языкомъ; но опытъ показалъ противное: ибо подобное предположеніе могло осуществиться только въ такомъ случаѣ, еслибы Якутскій языкъ имѣлъ свою грамотность,—свою какую либо литературу. Но Якутскій языкъ ничего подобнаго тогда еще не имѣлъ. Поэтому-то въ дѣлѣ перевода на Якутскій языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ надобно было поступать нѣсколько иначе противъ общепринятыхъ правилъ: тутъ потребовалось въ одно и то же время и созидать, и писать планъ. Такъ и было поступлено. Послѣ перевода нѣкоторыхъ священныхъ книгъ изъ Новаго Завѣта,—для руководства, однообразія, правильности и ясности послѣдующихъ переводовъ, а равно и для руководства лицъ, поступающихъ изъ другихъ епархій, была составлена. по инипіативѣ того же архипастыря высокопреосвященнаго Иннокентія, Якутская грамматика протоіереемъ Димитріемъ Хитровымъ (нынѣ преосвященный Діонисій, епископъ Якутскій). И эта грамматика, какъ первый опытъ учебнаго руководства, вышла изъ

рукъ достопочтеннаго автора превышающею всякое наше ожиданіе. Такимъ образомъ появленіе Якутской грамматики было вызвано, большею частію, обстоятельствами перевода богослужебныхъ и священныхъ книгъ и послужило дальнѣйшему переводу немалымъ пособіемъ къ правильному и ясному выраженію понятій и оборотовъ Якутскаго нарѣчія.

Противъ какого состоянія религіозной жизни инородцевъ было направлено такое дѣятельное предпріятіе, или иначе сказать, въ какомъ состояніи христіанскихъ вѣрованій находилась до сего времени большая часть инородческой массы, со времени постепеннаго своего обращенія въ христіанство?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ мало представляетъ отраднаго и утѣшительнаго. Если считать началомъ миссіонерской дѣятельности время основанія въ Якутскомъ острогѣ Спасскаго монастыря, которое было положено въ 1664 году, то мы увидимъ, что проповѣдь о Христѣ Спасителѣ всѣхъ языковъ началась здѣсь слишкомъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Но и по прошествіи такого періода времени племя это, поставленное въ исключительное положеніе, по климатическимъ условіямъ страны и образу своей жизни, не легко и удобно поддавалось вліянію русской жизни, чрезъ присоединеніе ихъ къ христіанской вѣрѣ. Принимая св. крещеніе и, слѣдовательно, называясь христіанами, они въ то же время приносили жертву своимъ идоламъ, чрезъ посредство своихъ шамановъ—кудесниковъ. Къ принятію св. крещенія, хотя и вовсе не по убѣжденію, имъ служила приманка,—это подарки, которые правительство присуждало принявшимъ св. крещеніе. Лицамъ вліятельнымъ—князькамъ и проч.—дарились, кромѣ одежды русской фабрикаціи, даже и деньги. Кромѣ этого, за принятіе св. крещенія назначалась имъ трехлѣтняя льгота отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей. Мѣра эта впрочемъ, съ теченіемъ времени оказавшаяся неудобоприложимою, была отмѣнена, такъ какъ Якуты начали принимать христіанскую вѣру не для в ѣ р ы и п р а в д ы, но единственно для льготы. Такъ постепенно и распространялось между ними христіанство, или лучше сказать, постепенно принимали они св. крещеніе. Высшее духовенство чрезъ миссіонеровъ-священниковъ постоянно заботилось о проведеніи между новообращенными инородцами началъ христіанской жизни и вѣроученія изученіемъ заповѣдей и молитвъ, что, конечно, по неимѣнію грамотности инородцевъ, оставалось

только въ состояніи сѣянія, не обѣщая приносить когда либо плодовъ. Это обстоятельство вынуждало начальство приступить къ открытію школъ въ улусахъ; но эти школы существовали только номинально. Но вотъ въ 1852 г. послѣдовало отдѣленіе Якутской епархіи отъ Иркутской и присоединеніе къ Камчатской. Затѣмъ опытный миссіонеръ Камчатскихъ, Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ, высокопреосвященный Иннокентій, вмѣстѣ съ появленіемъ своимъ въ предѣлы Якутской области и устремилъ свои заботы на сознательное усвоеніе христіанскихъ истинъ въ средѣ инородцевъ Якутской области, чрезъ познаніе ими истинъ евангельскаго ученія на ихъ природномъ нарѣчіи. Плодомъ такого благотворнаго отношенія къ новой паствѣ высокопреосвященнаго Иннокентія были переведенныя на Якутскій языкъ богослужебныя книги, а за тѣмъ и открытіе богослуженія на Якутскомъ языкѣ».

Объ исполненіи сего важнаго и въ высшей степени полезнаго распоряженія преосвященнаго Иннокентія относительно употребленія въ дѣлѣ религіи понятнаго языка, ясно и убѣдительно говоритъ самъ Апостолъ языковъ такъ: «Аще убо снидется церковь вся вкупѣ, и вси языки глаголютъ, внидутъ же и неразумивіи или невѣрніи, не рекутъ ли, яко бѣснуется. Аще же вси пророчествуютъ, внидетъ же нѣкій невѣренъ или невѣжда, обличается всѣми, и истязуется отъ всѣхъ: и сице тайная сердца его явлена бываютъ: и тако падъ ницъ, поклонится Богови, возвѣщая, яко воистину Богъ съ вами есть (1 Коринѳ. 14, 23—25).

Затѣмъ возвратимся къ перепискѣ преосвященнаго Иннокентія. 23 іюля 1859 года, изъ Якутска онъ пишетъ къ своей дочери монахинѣ Поликсеніи: «Давно, давно я тебѣ не писалъ, и даже не отвѣчалъ и на послѣднее письмо твое, писанное тобою не знаю когда: мѣсяца и числа нѣтъ (на которомъ приписала мать игуменья). Не думай, что я оттого рѣдко пишу письма, что забываю тебя; нѣтъ, моя возлюбленная, нѣтъ! а потому что мнѣ или некогда, или меня дома не бываетъ, да и притомъ монахамъ и монахинямъ почти и не слѣдуетъ писать писемъ, дабы не развлекать ихъ. Весьма я утѣшился тѣмъ, что ты живешь у матушки твоей игуменьи подъ крылышкомъ. Дай, Господи, ей здоровья и спасенія души за ея къ тебѣ вниманіе

и терпѣніе. Спасибо и тебѣ за твое послушаніе и за то, что ты помнишь мои слова. Благо тебѣ, если ты отсѣкаешь свою волю и исполняешь волю матушки. Чѣмъ болѣе ты будешь послушна ей, и чѣмъ менѣе будешь исполнять свою волю, какова бы она ни была, тѣмъ ближе будешь ты ко спасенію. Матушкѣ игуменьѣ скажи отъ меня мой искренній поклонъ и благодарность за ея приписку на письмѣ твоемъ. Весною я нынѣ былъ въ Иркутскѣ, для рукоположенія архимандрита Петра во епископа Новоархангельскаго, которое и совершено 29 марта. Изъ Иркутска я опять возвратился въ Якутскъ, куда и прибылъ 5 іюля, гдѣ и живу теперь. Здоровье мое, слава Богу, не худо. Конечно, уже не по старому: начинаетъ иногда то тамъ, то сямъ побаливать по маленьку. Это такъ и должно быть, потому что я не молодѣю, а старѣю; не удаляюсь, а приближаюсь къ смерти. Съ Амура я давно уже не получалъ писемъ. Послѣднее письмо оттуда писали они отъ 16 января. Говорятъ, что будто бы почта отъ нихъ шедшая потонула, и этому можно вѣрить. Иначе, давно бы уже надобно получить письмо. Но слышно, что всѣ они здоровы. Болѣе писать не знаю что. Ты просишь меня научить тебя, какъ спастись. Эхъ, дитя мое! Я самъ готовъ просить тебя объ этомъ. Одно, что могу тебѣ сказать, и что я говорю другимъ и себѣ: молись, молись и молись—и Господь наставитъ на путь спасенія. Затѣмъ прощай, моя возлюбленная, до свиданія тамъ, въ обителяхъ Отца Небеснаго! Будемъ этого желать, искать и достигать». Отъ 8-го августа того же года, преосвященный Иннокентій пишетъ къ своему сыну, отцу Гавріилу:

«Почти сейчасъ получилъ я письма отъ васъ чрезъ Аянъ съ Стручковымъ. И прежде всего благодарю Бога отъ всего моего сердца, что вы здоровы всѣ. Сегодня отходитъ почта, и я, разсчитавъ, что отвѣтъ мой можетъ придти къ вамъ еще водянымъ путемъ чрезъ Иркутскъ, отвѣчаю на письмо твое. (Впрочемъ напишу еще и отъ 20 августа чрезъ Аянъ, на случай). Конечно, нельзя сказать, что я не сѣтовалъ на васъ за то, что вы не пишете; но получивъ отъ васъ извиненіе, прощаю вамъ все. Ну, каковъ будетъ теперь домъ вашъ? Тепелъ-ли? главное. И въ случаѣ, если бы мнѣ пришлось проводить у васъ зиму, найдется-ли для меня помѣщеніе? А я думаю на будущее лѣто переселиться на Амуръ. Но объ этомъ послѣ. Жаль, что вы не встрѣтили графа. Но любопытно знать: какъ онъ васъ и тебя

встрѣтилъ? Не менѣе тебя и я радуюсь и благодарю Господа за Ваню. Слава и благодареніе Ему, Всеблагому! О будущей его судьбѣ рано еще думать. Теперь заботьтесь только о лучшемъ воспитаніи его и неослабномъ надзорѣ, дабы онъ не видалъ и не слыхалъ худыхъ словъ и примѣровъ. Радуюсь искренно и благодарю Бога и трудящихся за катехизическія поученія. Жду отъ тебя оффиціальныхъ донесеній объ этомъ и обо всемъ. Если адмиралъ откажется отъ всякаго участія въ постройкѣ и отопленіи церквей, то примите это на счетъ церковныхъ суммъ и дѣлайте, что будетъ возможно и по мѣрѣ способовъ; въ случаѣ недостатка, ходите съ листами по прихожанамъ, пренебрегая насмѣшки и оскорбленія. Дѣлайте все, что можно,—но съ любовію. И тогда Господь будетъ съ вами, и все пойдетъ ладно сверхъ чаянія. Нечего удивляться, что адмиралу надоѣла постройка церквей. Это такъ и должно быть. Надобно удивляться тому, что онъ такъ долго несетъ эту обязанность на себѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя на него сердиться за это, а молить Бога, да воздастъ ему Господь за его старанія и заботы выше его усердія.

Отца Илью вмѣстѣ съ тобою помѣстить я и не думалъ и не думаю. Елизавета ваша еще не являлась ко мнѣ и не знаю, прибыла ли она въ Якутскъ или нѣтъ. Радуюсь о томъ, что Пувсинъ нашъ; дай Богъ, чтобы онъ былъ христіаниномъ не по имени только. Относительно полученія тобою жалованья Камчатскихъ причтовъ, Гижигинскаго и даже Удскаго, я не могу сдѣлать никакого распоряженія безъ разрѣшенія Св. Сѵнода. Напиши въ Камчатку и Гижигу, пусть они отъ себя пишутъ въ Казначейство о выдачѣ тебѣ денегъ, сколько надобно. Но забота о снабженіи церквей и причтовъ необходимыми припасами пока должна лежать на тебѣ. И неси эту тяготу, не смотря ни на какія непріятности. Что дѣлать! Иначе, тамъ останутся безъ всего, а это ляжетъ на нашей душѣ. Ссыльныхъ, подвергнутыхъ эпитиміи, вѣнчать можно. Болѣе писать ничего не имѣю, потому что почта еще не пришла, а здѣсь ничего нѣтъ стоющаго вниманія. Затѣмъ прощайте, до свиданія! Господь съ вами и со всѣми тебѣ ввѣренными!

Петру Васильевичу и г-ну Хитрово скажи отъ меня поклонъ. Писемъ отъ перваго я не получалъ. На слѣдующей почтѣ думаю писать о викаріи Якутскомъ. Отцамъ нашимъ и ихъ семействамъ мое благословеніе и искренній поклонъ занимающимся катехизическими поученіями».

И дѣйствительно, послѣ сего письма преосвященный Иннокентій сталъ хлопотать о назначеніи викарія въ Якутскъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о перенесеніи своей каѳедры въ г. Благовѣщенскъ. Относительно же викарія преосвященный, въ представленіи своемъ Св. Сѵноду, указалъ на того самаго Красноярскаго протоіерея Петра Попова, съ которымъ мы уже познакомили читателей. До разрѣшенія же по сему Св. Сѵнода, преосвященный Иннокентій неустанно предпринималъ свои апостольскія путешествія по Якутской области и также находилъ время для переписки. Такъ, пишетъ онъ къ Г. М. Корнилову *(отъ 7 ноября 1859 года)*: «Посланныя вами вещи, означенныя въ счетѣ вашемъ отъ 12 сентября, какъ-то: крестики серебряные и мѣдные, тесьму, ленты и два креста на клобукъ, мною получены въ Якутскѣ 3-го ноября въ цѣлости и сохранности. О чемъ васъ увѣдомляю и при семъ посылаю вамъ слѣдующія по означенному счету деньги, 181 р. 75 к., съ присовокупленіемъ къ нимъ 4 р. 25 к. отъ отца протоіерея Д. Хитрова, а всего—186 р. сер. За труды же ваши по коммиссіи моей свидѣтельствую вамъ искреннюю мою благодарность. Затѣмъ, призывая благословеніе Божіе на васъ и на всю вашу домашнюю церковь.....

P. S. Вамъ слѣдуютъ еще деньги 120 р. 83 к. за икону, отправленную въ Камчатку; объ уплатѣ ихъ я сдѣлалъ свое распоряженіе. Но ни отвѣта, ни денегъ еще не получалъ. Позвольте васъ попросить этотъ долгъ не считать лично за мною, и въ случаѣ смерти моей, прошу васъ требовать его не съ моихъ наслѣдниковъ, а отъ Камчатскаго Петропавловскаго собора, въ который поступила та икона». Письмомъ же къ Н. Д. Свербееву (отъ 24 ноября 1859 года) преосвященный Иннокентій настойчиво упрашиваетъ его опять пріѣхать въ Сибирь, какъ бы снова намекая, что имъ обоимъ жить и служить вкупѣ будетъ споро и утѣшительно. Помимо личной привязанности къ нему, владыкѣ былъ положительный разсчетъ имѣть близъ себя такого успѣшнаго пособника для своего миссіонерскаго дѣла; такъ какъ съ отъѣздомъ Н. Д. Свербеева изъ Сибири, миссіонерское дѣло на Амурѣ стало все болѣе и болѣе встрѣчать препонъ и охлажденія со стороны начальствующихъ лицъ, особенно флотскихъ. «На два письма ваши» (отъ 15 іюля и отъ 26 августа), пишетъ преосвященный Иннокентій, «отвѣчаю вамъ благодарностію, искреннею благодарностію за память вашу обо мнѣ. Послѣднее письмо вы писали мнѣ въ день моего рожде-

58

нія (не понимаю, какъ вы это узнали); а это письмо я пишу вамъ въ день тезоименитства вашей маменьки и вашей сестрицы. Примите мое сердечное поздравленіе съ имянинницами, и прошу имъ передать мое искреннее желаніе всякихъ благъ, а паче всего—спасенія души. Благодарю васъ и за поздравленіе меня съ царскою наградою, которою я очень доволенъ, ибо она и приличнѣе, и виднѣе, и красивѣе чѣмъ орденъ, а главное—выгоднѣе для кармана: вмѣсто того, чтобы заплатить 180 р., я получаю вещь, стоющую по кабинетной цѣнѣ 1409 р. Жду со дня на день извѣстія о томъ, куда вы поступаете на службу. Пріѣзжайте, пріѣзжайте пожалуста къ намъ въ Сибирь, туда или сюда. Ужели же вы будете все ждать графа нашего? а онъ пріѣдетъ къ вамъ, какъ онъ мнѣ пишетъ отъ 15 сентября, только на будущее лѣто, съ тѣмъ, чтобы ѣхать на минеральныя воды. Не помню, писалъ ли я вамъ, что въ наступающемъ лѣтѣ я думаю переселиться на Амуръ, въ свой Благовѣщенскъ; впрочемъ, пока еще только думаю,—ибо рѣшенія объ этомъ я еще не получилъ изъ Св. Сvнода. Съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ и рѣшеніе вопроса, когда и кому быть викаріемъ моимъ въ Якутскѣ. Дѣла Амурской компаніи начинаются что-то неудачно. Кругосвѣтные корабли ея пришли на Амуръ только въ сентябрѣ, а ждали ихъ въ іюнѣ, и первое изъ нихъ, «Иннокентій,» разбилось въ Декастри. Это было 8 сентября. Тутъ же стояли и другія суда. Но всѣ отстоялись. Моряки говорятъ, что оно разбилось потому, что стало не на мѣстѣ; но спрашивается: почему же помощникъ капитана надъ портомъ, бывшій въ декабрѣ, не предупредилъ капитана разбившагося судна, пришедшаго въ первый разъ, что онъ стоитъ не на мѣстѣ? Плохо наши моряки помогаютъ нашимъ купцамъ.....Кромѣ этого, у компаніи сгорѣла баржа съ грузомъ, плывя по Амуру, и главное: А. В. Бѣлоголовой отказывается служить въ Компаніи, по нелѣпости распоряженій главнаго ихъ правленія, а Геннадій Ивановичъ еще лучше сдѣлалъ: написалъ Н. В. Буссе, чтобы онъ надсматривалъ не только за прикащиками, но и за самимъ А. В. Бѣлоголовымъ. Послѣ этого кто же у нихъ будетъ служить? а жаль, очемь жаль особенно намъ, при—Амурцамъ, что такъ плохо начинаются дѣла нашей Компаніи. Все это доказываетъ, что мы, Русскіе, ничего еще не умѣемъ дѣлать,—намъ надобно начать съ азовъ, а между тѣмъ толчекъ, данный преобразователемъ Россіи, отуманилъ наши головы и мы думаемъ, что мы уже звѣз-

ды хватаемъ. Но довольно объ этомъ! Прощайте, Господь съ вами и со всею вашею домашнею церковію».

Затѣмъ, преосвященный Иннокентій пишетъ А. Г. Корнилову (отъ 23 декабря 1859 года) слѣдующее: «Не знаю, дополучили ли вы слѣдующія вамъ деньги за икону, посланную вами въ Камчатку (и которою, скажу мимоходомъ, пребывающіе въ Николаевскѣ на Амурѣ чиновники остались очень довольны)? Но чтобы скорѣе раздѣлаться съ вами по сему предмету и не быть у васъ въ долгу, при семъ препровождаю вамъ слѣдующія вамъ по счету вашему (14 янв. 1859 г.) деньги, 120 р. 83 коп., съ приложеніемъ искренней благодарности за труды и обожданіе денегъ. О полученіи денегъ прошу меня увѣдомить. Въ случаѣ же, если слѣдующія вамъ за икону деньги вами уже получены отъ кого либо помимо меня, частію или всѣ; то покорнѣйше прошу деньги сіи (всѣ или частію) отправить отъ имени своего прямо въ Камчатку, въ Петропавловскій портъ, на имя тамошняго благочиннаго, священника Георгія Ивановича Логинова, съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ, и не оставить и меня своимъ увѣдомленіемъ. Призываю на васъ благословеніе Божіе. P. S. Письмо на имя мое прошу адресовать въ Иркутскъ: купцу Николаю Егоровичу Черныхъ, для передачи мнѣ».

XXVIII

26 января 1860 года преосвященный Иннокентій представилъ Св. Сѵноду донесеніе о состояніи миссій въ Камчатской епархіи, изъ котораго мы и помѣщаемъ здѣсь слѣдующія извлеченія *(Церковн. Лѣт. Духовн. Бесѣды 1860 г., стр. 327—330, 365—370)*. «Въ 1859 году», доноситъ преосвященный Иннокентій, «въ Камчатской епархіи считалось до 11 миссій, а именно: три въ Америкѣ: Квихпакская, Нушагакская и Кенайская; восемь въ Азіи: Анадырская, Чаунская, Жоссейская, Устьзейская; двѣ на Амурѣ и двѣ въ Якутской области. Кромѣ того, занимались проповѣдію между язычниками священники: Гижигинскій, Ситхинскій и Удскій. Въ минувшемъ году Устьзейскую миссію можно считать закрытою, по случаю открытія Амурской области и въ ней—города Благовѣщенска. Ибо священникъ Сизой, одинъ изъ походныхъ Якутской области, поступилъ въ Благовѣщенскъ. По случаю смерти Гижигинскаго священника Льва Попова, случившейся въ октябрѣ 1858 года, остановилось дѣло проповѣди, порученное ему. Но въ 1860 году оно возобновится. Квихпакскій миссіонеръ, протоіерей Нецвѣтовъ, съ іюня по 20 августа 1857 года дѣлалъ свою обычную поѣздку въ Михайловскій редутъ, куда обыкновенно приходятъ суда съ продовольствіемъ для края. Здѣсь онъ имѣлъ случай, кромѣ исправленія обычныхъ требъ, окрестить Кускоквимца и Колоша; и этимъ, можно сказать, кончились его миссіонерскія дѣйствія въ 1857 году: зимою, по причинѣ жестокихъ морозовъ и своихъ немощей, онъ не дѣлалъ своей обычной поѣздки и въ Колмаковскій

редутъ, на рѣку Кусковвимъ. Послѣднее ему удалось исполнить уже въ апрѣлѣ 1858 года. 17 іюля онъ отправился въ Михайловскій редутъ. Плывя внизъ по рѣкѣ Квихпаку, онъ приставалъ ко всякому селенію. Такъ какъ въ это время всѣ жители разъѣхались но городамъ и лѣсамъ для пріисканія пищи, то онъ не могъ исправлять требъ. Впрочемъ, какъ было ни мало число жителей, онъ не оставлялъ ихъ безъ слова назиданія. Въ Михайловскомъ редутѣ, до прибытія судна, миссіонеръ Нецвѣтовъ успѣлъ только мѵропамазать 4 младенцевъ, крещеныхъ мірянами. На суднѣ прибылъ новый его помощникъ, іеромонахъ Ѳеоктистъ, который, за невозможностію отправиться вмѣстѣ съ миссіонеромъ, остался здѣсь на зиму. До наступленія зимы, онъ успѣлъ сдѣлать поѣздку по ближайшимъ селеніямъ, исправить всѣ требы и пріобрѣсти вновь 11 человѣкъ, какъ это можно видѣть изъ журнала его, доставленнаго имъ ко мнѣ въ минувшемъ году. Съ іюля 1857 года по январь 1859 года къ Квихпакской паствѣ присоединено язычниковъ 50 человѣкъ; въ томъ числѣ 25 человѣкъ крещены міряниномъ—управляющимъ Калмаковскимъ редутомъ, Лукинымъ. Это были горные жители, неоднократно слышавшіе отъ своихъ собратій проповѣдь Евангельскую. Они пришли въ редутъ въ чаяніи видѣть священника и отъ него принять крещеніе; но не нашли его, и много объ этомъ жалѣли. Чтобы не возвратиться даромъ, они стали просить управляющаго окрестить ихъ, и онъ, видя ихъ искреннее желаніе, рѣшился окрестить ихъ. О нравственномъ состояніи своей паствы (состоящей изъ 2.112 человѣкъ) миссіонеръ Нецвѣтовъ довольно хорошо говоритъ. Кенайскій миссіонеръ игуменъ Николай продолжаетъ дѣйствовать на поприщѣ своего немалотруднаго служенія (какъ это видно изъ писемъ) въ прежнемъ духѣ и съ прежнимъ усердіемъ и ревностію, не упуская случаевъ сказать что-либо въ назиданіе прихожанъ своихъ. Журнала же отъ него за 1858 годъ не получено. Въ послѣднемъ же своемъ журналѣ, заключающемъ дѣйствія его съ іюня 1856 по іюль 1857 года, онъ жалуется на физическія свои немощи, которыя увеличиваются въ немъ, конечно, еще болѣе отъ его ревности о чистотѣ христіанской жизни его прихожанъ. Его огорчаютъ до глубины сердца не только тяжкіе грѣхи его прихожанъ, но и самыя, такъ называемыя, обыкновенныя игры и пляски. Въ журналѣ своемъ онъ пишетъ, 26 декабря 1858 г., слѣдующее: «Еще утромъ рано услышалъ я, что управляю-

щій хочетъ сдѣлать вечеринку съ плясками и балалайками, для чего уже сдѣланы и всѣ приготовленія. По окончаніи церковной службы, я предложилъ поученіе своимъ прихожанамъ. Между прочимъ, я разъяснилъ, какъ должно проводить святые вечера и грозилъ Божіимъ гнѣвомъ тѣмъ, кои хотятъ нехристіански веселиться; а потому и убѣждалъ и словомъ своимъ, а паче словомъ Божіимъ, чтобы они не дерзали тѣшить сатану богопротивными плясками изъ угожденія неразумному человѣку и къ огорченію св. матери Церкви. Ужели вы, говорилъ я, столько неразумны, что не можете понять самаго прямаго выраженія: святки? Самое названіе показываетъ, что эти дни святы, что ихъ должно посвящать воплютившемуся для нашего спасенія Богочеловѣку, что проводить ихъ слѣдуетъ не въ плясках и пѣсняхъ, а въ спасительныхъ разговорахъ. Если не знаете значенія этого праздника, то спросите старшихъ, чтобы они растолковали вамъ. Если знаете,—разсказывайте дѣтямъ вашимъ, женѣ и всѣмъ домашнимъ. Если кто грамотный, тотъ читай Божественное писаніе. Кто такимъ образомъ проводитъ св. дни Рождества Христова, у того точно есть настоящіе святки, и тотъ своимъ поведеніемъ святитъ себя».—На слѣдующій день въ журналѣ своемъ онъ пишетъ: «Мои прихожане не оставили безъ должнаго вниманія пастырское мое внушеніе. Какъ званые на пиръ,—они ходили въ гости; но провели время безъ пѣсней и пляски и довольствовались обыкновеннымъ угощеніемъ. Я очень радъ, что Господь сподобилъ меня совершить это благое дѣло; и день и ночь славословлю Его святое имя, что Онъ дѣйствіемъ благодати въ немощѣхъ моихъ являетъ силу Свою». Въ томъ же журналѣ своемъ, 13 января 1859 г., онъ пишетъ, что онъ не переставалъ возносить молитвы свои о своемъ недоброжелателѣ Б...., который и самъ, и чрезъ другихъ, всячески старался вредить ему. И что же? «Б....у приснился сонъ. Ему представился благолѣпный старецъ и, подошедъ, сказалъ: пойдемъ въ церковь. Б....въ хотѣлъ войти въ нее; но старецъ удержалъ его, говоря: «тебѣ сюда не подобаетъ входить, потому что ты оскорбилъ духовника твоего, отца Николая. Поди поскорѣе, испроси у него прощеніе; а то ты скоро умрешь, тебѣ вѣдь немного остается жить». Отъ такого страха Б....въ проснулся и съ часъ времени провелъ въ тревожномъ размышленіи и страхѣ; но потомъ опять заснулъ, и видитъ себя лежащимъ во гробѣ и снова слышитъ голосъ: «поди

проси прощенія у батюшки: тебѣ вѣдь немного жить». Далѣе видитъ Б....въ, что будто онъ приходитъ ко мнѣ въ домъ и упалъ мнѣ въ ноги, прося прощенія; я будто съ неудовольствіемъ оттолкнулъ его рукою по лбу, а онъ еще сильнѣе сталъ просить о прощеніи и я будто простилъ и напутствовалъ его съ благословеніемъ. Успокоивши этимъ свою совѣсть, онъ будто легъ въ гробъ,—и вскорѣ проснулся. На 14 число тотъ же Б....въ видитъ во снѣ, что будто его рѣжутъ и бьютъ, приговоривая: «и еще упрямится и не проситъ прощенія.» Б....въ же увѣрялъ біющихъ его, что немедленно испроситъ прощенія у своего духовнаго отца, и съ тѣмъ проснулся. На другой день, уже не во снѣ, а на яву, Б....въ, не смотря на свою вражду, приходитъ къ миссіонеру, падаетъ въ ноги и со слезами проситъ прощенія. Миссіонеръ самъ поклонился ему до земли, простилъ и, вмѣстѣ съ прощеніемъ, напутствовалъ благословеніемъ своего недоброжелателя. Въ заключеніе Б...въ поклялся предъ нимъ, что онъ не только духовнаго отца или кого изъ причта, но даже и прислуги оскорблять не будетъ, и опять поклонился до земли. Гижигинскій миссіонеръ, священникъ Левъ Поповъ, ревностно и усердно подвизавшійся на своемъ поприщѣ, къ сожалѣнію моему и оглашенныхъ, волею Божіею скончался въ октябрѣ 1858 года; и потому въ минувшемъ году дѣло проповѣди тамъ останавливалось. Вмѣсто его, посланъ туда одинъ изъ походныхъ священниковъ, Іоаннъ Невскій, который долженъ прибыть на мѣсто свое не ранѣе послѣднихъ чиселъ декабря. По отбытіи изъ Ситхи протоіерея Петра Литвинцева (который во все время пребыванія своего въ Новоархангельскѣ занимался обращеніемъ Колошъ), дѣло это передано было тамошнему священнику Георгію Винокурову. Но онъ, до декабря 1858 года находясь одинъ и при церкви, и по прочимъ частямъ, не могъ заняться дѣлами миссій. Только съ прибытія къ нему въ помощь іеромонаха Мануила, онъ могъ удѣлять время для богослуженій въ Колошенской церкви и для собесѣдованія съ Колошами, слѣдствіемъ чего было обращеніе трехъ Колошъ. Быть можетъ, успѣха было бы и болѣе, если бы былъ при немъ лучшій переводчикъ. Но слышно, что нынѣ поступилъ къ нему переводчикомъ бывшій въ нашей семинаріи учитель Колошенскаго языка. И потому можно надѣяться, что обращеніе Колошъ, при постоянномъ тамъ пребываніи преосвященнаго викарія, пойдетъ постояннѣе и правильнѣе. Удскій священникъ Николай Логиновъ про-

должаетъ каждогодно посѣщать Тунгусовъ, собирающихся въ извѣстное время на Буруканъ, Бурею и Солимджу, и исправлять между ними всѣ требы. Здѣсь случается ему видѣть Нигидальцевъ или Неидальцевъ, жителей рѣки Амгуни, которыхъ онъ называлъ и понынѣ еще называетъ общимъ именемъ—Китайскими подданными. Въ послѣднюю свою поѣздку онъ окрестилъ изъ нихъ 4 человѣка. Тунгусы, кочующіе на вершинѣ Буреи и Амгуни, просили губернатора Приморской области, по трудности, встрѣчаемой ими при переѣздахъ для свиданія съ Удскимъ священникомъ, посылать имъ священника съ Амура и выстроить для нихъ особую часовню. Г. губернаторъ, увѣдомляя меня, что имъ сдѣлано распоряженіе о постройкѣ часовни и что она скоро будетъ готова, проситъ меня назначить туда священника. Вслѣдствіе сего мною предписано Приморскому благочинному назначить туда изъ священниковъ, кому будетъ удобнѣе. Іеромонахъ Ареѳа, посѣтившій всѣхъ Курильцевъ въ 1854 и 1855 годахъ, въ 1858 году посланъ былъ къ нимъ опять. По возвращеніи своемъ оттуда въ Якутскъ, онъ отъ 2-го августа 1859-го года доносилъ слѣдующее. Отправясь изъ Ситхи въ маѣ 1858 г., въ іюлѣ прибылъ онъ на островъ Шумшу, гдѣ находится заселеніе Россійско-Американской компаніи. Исправивъ здѣсь всѣ требы, какія было нужно, онъ въ августѣ отправился съ Курильцами въ ихъ байдаркахъ на дальніе острова, гдѣ намѣревался провести зиму,—какъ это было въ первую его поѣздку. Но сначала густые туманы и частые дожди, а потомъ сильные осенніе вѣтры воспрепятствовали имъ отправиться чрезъ 4-й Курильскій проливъ; и потому, какъ ни было имъ прискорбно и невыгодно, они принуждены были провести зиму на островѣ Парамуширѣ, въ небольшомъ селеніи Курильцевъ, имѣя надежду отправиться за проливъ весною; но сильные вѣтры, постоянно продолжавшіеся всю весну, не позволили имъ исполнить своего намѣренія. Миссіонеръ принужденъ былъ въ маѣ возвратиться опять на Шумшу. Онъ намѣревался отправиться въ Якутскъ. На прибывшемъ туда суднѣ въ іюлѣ онъ отправился съ острова Шумши и на пути былъ на островѣ Урупѣ, для исправленія требъ между живущими тамъ Русскими. Исправивъ тамъ все, что было необходимо, онъ на томъ же суднѣ 17-го іюля прибылъ въ Аянъ, а оттуда въ Якутскъ; и здѣсь, получивъ отъ меня увольненіе отъ служенія въ Америкѣ, отправился во-свояси—въ Троицко-Сергіеву лавру, от-

куда онъ поступилъ. Относительно нравственной стороны Курильцевъ онъ пишетъ такъ: «Отрадно сказать въ похвалу нѣкоторыхъ изъ этихъ островитянъ, что они были усердны и радивы къ службѣ церковной. Молились Богу очень низко, полагая на себѣ крестъ какъ должно, не торопясь. Слово Божіе и христіанскія поученія слушали со вниманіемъ, и съ видимою готовностію исполняли непремѣнный христіанскій долгъ. Къ радости моей, замѣтилъ я въ нихъ въ нынѣшнее время гораздо болѣе прежняго откровенности на исповѣди; прежде всѣ они, отъ стараго до малаго, признавали себя совершенно безгрѣшными, какъ будто за ними не было грѣха ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ, ни другимъ какимъ нибудь образомъ,—словомъ, они какъ бы не сознавали себя грѣшниками. За то нынѣ, слава и благодареніе Господу, всѣ исповѣдавшіеся сознавали себя грѣшными мытарями, впрочемъ еще безъ мытарева сокрушенія». Въ теченіи 1859-го года, съ разрѣшенія Святѣйшаго Сѵнода, въ верхней части Амура открыто четыре новыхъ прихода, кромѣ г. Благовѣщенска, и опредѣлены въ нихъ священники, съ однимъ при каждомъ приходѣ причетникомъ. Въ концѣ прошедшаго года одинъ изъ священниковъ, служащихъ въ г. Николаевскѣ, отправленъ былъ въ новое населеніе на устьѣ р. Усури, гдѣ находится и понынѣ, исправляя требы между поселенцами, живущими вверхъ отъ устья Усури. Въ 1860 году, безъ сомнѣнія, потребуется открыть еще три-четыре прихода, если не болѣе.

Якутскій Спасскій монастырь есть единственный во всей Камчатской епархіи и состоитъ подъ управленіемъ преосвященнаго. Число монашествующихъ въ 1860 году состоитъ изъ 5-ти лицъ, а именно: 1 архимандритъ (онъ же и намѣстникъ), 3 іеромонаха и 1 іеродіаконъ. Въ 1859-мъ году состояло іеромонаховъ 6; но одинъ изъ нихъ померъ, другой (лучшій по образу жизни и духу) лѣтомъ 1858 года отправленъ мною въ Ситху къ преосвященному викарію на случай занятія миссіонерской должности; третій, въ слѣдствіе указа Святѣйшаго Сѵнода отъ 28-го апрѣля 1859 года, переведенъ въ Киренскій монастырь Иркутской епархіи. Должности послушниковъ исправляютъ одинъ запрещенный священникъ, заштатный причетникъ и двое исключенцевъ изъ Новоархангельской духовной семинаріи. Для исправленія мірскихъ требъ по приходу, при монастырѣ находится вдовый священникъ. Послѣ бывшаго въ 1858-мъ году пожара, истребившаго настоятельскія ке-

ліи, осенью того же года заложены новыя двухъ-этажныя деревянныя, которыя можно считать уже конченными постройкою,—потому что можно уже и жить въ нихъ, только по причинѣ сырости переселеніе въ нихъ оставлено до времени; церковь же въ нихъ освящена 15 декабря. Весною 1859-го года, часть монастырской каменной ограды, угрожавшая паденіемъ, разобрана и сложена новая, тоже каменная. Начатая же въ 1856-мъ году строеніемъ новая каменная колокольня вмѣсто прежней, угрожавшей паденіемъ и разобранной, и въ 1858-мъ году доведенная до $^1/_3$ своей высоты, нынѣ остановилась постройкою, за неимѣніемъ денегъ, къ полученію которыхъ не предвидится средствъ кромѣ доходовъ. Средства къ содержанію монастыря въ послѣднія два года можно считать увеличившимися—пожертвованіемъ разными лицами до 3/т. рублей, на вѣчныя времена; но за то рыбныя ловли на озерѣ Байкалѣ, при слѣдующей отдачѣ оныхъ въ аренду, уменьшатся отъ 5 до 10 процентовъ.

Церквей въ Камчатской епархіи къ 1859-му году было 72, въ томъ числѣ каменныхъ только 6 (и всѣ въ г. Якутскѣ). Въ теченіи 1859 года дано дозволеніе на построеніе новыхъ церквей. Въ Верхнеколымскѣ образуется новый приходъ—отдѣленіемъ части отъ прихода Среднеколымскаго, разбросаннаго на большемъ пространствѣ; здѣсь давно уже жители желали имѣть церковь, но не имѣли средствъ; нынѣ же вызвался одинъ изъ Якутскихъ купцовъ, г. Максимовъ выстроить церковь и снабдить ее всѣмъ необходимымъ на свое иждивеніе и дѣятельно приступилъ къ исполненію своего обѣщанія. Въ при—Амурьѣ начато строеніемъ до 6 церквей, но о дальнѣйшихъ успѣхахъ свѣдѣній не получено. Въ 1859 году открыто въ при—Амурьѣ 5 новыхъ приходовъ, куда и отправлены священники съ причетниками и снабжены антиминсами. Часовень или молитвенныхъ домовъ въ Камчатской епархіи находится до 130, и большею частію въ Якутской области, гдѣ Якуты начали строить ихъ въ послѣднее время въ значительномъ количествѣ и всѣ собственнымъ своимъ иждивеніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть, въ случаѣ необходимости, обращены въ церкви, безъ всякой особенной постройки или передѣлки.

Состояніе просвѣщенія духовенства Камчатской епархіи въ послѣднее время становится удовлетворительнѣе, такъ что кончившіе курсъ въ семинаріяхъ составляютъ почти половину духовенства. Діаконы, кромѣ

двухъ, всѣ изъ недоучившихся въ семинаріи, а нѣкоторые обучались только въ училищахъ. Причетники, особенно прибывшіе изъ Россійскихъ епархій, оказываются и по поведенію и способностямъ благонадежными, и въ случаѣ могутъ быть, по времени, и священниками. Въ 1859 году рукоположено 13 священниковъ (одинъ монахъ) и 6 діаконовъ; изъ числа ихъ одинъ—изъ кончившихъ курсъ въ академіи и 6—въ семинаріи, 2 изъ недоучившихся, а 1 изъ кончившихъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ. Причетниковъ опредѣлено на праздное мѣсто 8. Одинъ изъ Вилюйскихъ священниковъ, благочинный Михаилъ Пономаревъ, произведенъ въ протоіерея на штатное мѣсто. Благочинные доносятъ мнѣ, что въ воскресные и праздничные дни по всѣмъ церквамъ неупустительно совершались богослуженія, а въ городскихъ церквахъ — со чтеніемъ приличныхъ поученій. Въ Градо-Якутскомъ же соборѣ въ праздничные и торжественные дни говорены были чередныя проповѣди. Въ Якутскихъ улусахъ до 1859 года немногими было проповѣдуемо слово Божіе, частію по недостаточному знанію Якутскаго языка самими священниками; а знающіе сей языкъ не всѣ имѣютъ столько умѣнья, чтобы въ живой рѣчи могли выражать безъ погрѣшностей истины христіанскія. Нынѣ же, когда на Якутскомъ языкѣ появились книги и съ ними грамотность, нѣкоторые священники при совершеніи таинствъ начинаютъ давать приличныя наставленія, образцы коихъ имѣются въ печатныхъ книгахъ; вмѣсто же обычныхъ поученій въ церкви и внѣ, читаютъ прихожанамъ слово Божіе на ихъ родномъ языкѣ, которое, конечно, выше и дѣйственнѣе всякихъ словъ и рѣчей человѣческихъ. Появленіе печатныхъ книгъ на Якутскомъ языкѣ возбудило въ нѣкоторыхъ священникахъ ревность къ дальнѣйшимъ трудамъ. Такъ, священникъ Димитріанъ Поповъ перевелъ на Якутскій языкъ службы святителямъ Николаю и Иннокентію; священникъ Петръ Поповъ перевелъ на тотъ же языкъ Краткую священную исторію въ вопросахъ и отвѣтахъ, которую и предполагается употреблять въ пособіе при обученіи дѣтей Якутовъ грамотѣ и закону Божію. Явился переводчикъ и изъ числа самихъ Якутовъ. Такъ слышно, что Якутъ Петръ Аѳанасьевъ перевелъ на свой родной языкъ Православный катихизисъ и нѣсколько статей изъ сочиненій преосвященнаго Тихона Воронежскаго. Уналашкинскій священникъ Иннокентій Шаятниковъ перевелъ на Алеутскій языкъ нѣсколько книгъ изъ Новаго Завѣта.

Занимавшійся переложеніемъ Евангелія отъ Матеея на Колошенскій языкъ, Иванъ Надеждинъ (кончившій курсъ въ Новоархангельской семинаріи), въ 1859 году кончилъ трудъ свой, и всѣ его переложенія отправлены къ преосвященному Новоархангельскому Петру для употребленія въ Колошенской церкви и для дальнѣйшаго усовершенствованія перевода.»

Послѣ сего донесенія, преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ полученъ изъ Св. Сѵнода указъ о посвященіи Красноярскаго протоіерея Петра Попова во епископа Якутскаго, викарія Камчатской епархіи. 10 февраля 1860 г. владыка выѣхалъ изъ Якутска въ Иркутскъ для посвященія протоіерея Петра Попова во епископа; тѣмъ и оканчивается его личное управленіе Якутскою областію.

О семилѣтнемъ пребываніи преосвященнаго Иннокентія въ Якутскѣ приводимъ слѣдующія воспоминанія протоіерея Аөанасія Виноградова: «Высокопреосвященный Иннокентій», пишетъ протоіерей Виноградовъ, «какъ миссіонеръ, какъ устроитель нѣсколькихъ новыхъ епархій и, наконецъ, какъ человѣкъ,—безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ іерарховъ Русской церкви. Потому съ большимъ смущеніемъ осмѣливаюсь приступить къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ объ этомъ приснопамятномъ святителѣ. Мнѣ желалось бы возстановить нравственный обликъ глубокочтимаго мною іерарха, оставлявшаго во всѣхъ, имѣвшихъ къ нему близкое отношеніе, самыя свѣтлыя воспоминанія, а въ подчиненныхъ—чувства самой искренней, сыновней любви. Льщу себя надеждой, что какъ ни незначительны и, по видимому, даже мелочны факты, о которыхъ я буду говорить, какъ ни блѣдны краски, рисующія этотъ въ высокой степени симпатичный характеръ,—всѣ чтущіе память святителя прочтутъ ихъ не безъ интереса, а можетъ быть, рѣшатся восполнить ихъ, на основаніи собственныхъ воспоминаній, а гдѣ я погрѣшилъ—исправить. Обѣщаю въ разсказахъ своихъ быть правдивымъ, насколько это возможно для современника, держась латинскаго присловья въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: de mortuis, bene aut justitia. Отличительною чертою въ характерѣ высокопреосвященнаго Иннокентія была его неустанная дѣятельность, доходившая, можно сказать, до страсти къ труду. Для него жить—значило трудиться. Трудъ умственный у него смѣнялся трудомъ физическимъ; отъ важныхъ административныхъ дѣлъ по управленію епархіей, онъ часто,

для наполненія остающагося у него празднаго времени, переходилъ къ собственноручному снятію копій съ разныхъ бумагъ. Такого рода копій мнѣ немало приходилось видѣть въ архивахъ въ Новоархангельскѣ, что на островѣ Ситхѣ, въ архивахъ тамошней духовной семинаріи и духовнаго правленія. Ни въ Ситхѣ, ни въ Якутскѣ онъ не имѣлъ при себѣ опредѣленнаго письмоводителя; обычныя обязанности письмоводителя онъ исполнялъ самъ лично; самъ вносилъ входящія и исходящія бумаги въ журналахъ, занумеровывалъ ихъ, запечатывалъ и разсылалъ по принадлежности. Только для переписыванія наиболѣе важныхъ бумагъ, особенно въ высшія правительственныя мѣста, онъ приглашалъ къ себѣ кого-либо изъ окружающихъ его лицъ, владѣвшаго хорошимъ почеркомъ. Жалованье же, положенное архіерейскому письмоводителю, онъ раздавалъ въ видѣ награды, кому вздумается. Однажды, явившись къ преосвященному по должности инспектора семинаріи съ субботнимъ донесеніемъ о благосостояніи семинаріи, я осмѣлился выразить свое изумленіе тому, что онъ самъ лично принимаетъ на себя обязанность простаго письмоводителя; владыка, съ обычной своей доброй улыбкой, отвѣчалъ: «Не удивляйтесь моимъ письмоводительскимъ обязанностямъ; вѣдь у меня письмоводителемъ-то числится человѣкъ, не умѣющій правильно росписаться въ полученіи жалованья, пишущій: получиль Гыврыло ч. Да и зачѣмъ онъ мнѣ, письмоводитель-то? Безъ него гораздо спокойнѣе; поступила бумага: положить на нее резолюцію, занесть въ журналъ—все это, по большей части, требуетъ нѣсколькихъ минутъ, и готово—бумагу сейчасъ же сдаешь. А то зови еще письмоводителя, да жди, когда его милости угодно будетъ все это кончить».

Высокопреосвященный былъ отличный столяръ; на островѣ Кадьякѣ, въ домѣ священника, вся мебель устроена была имъ собственноручно. Своихъ занятій столярничествомъ онъ не оставлялъ и по посвященіи въ епископы. Какъ въ Ситхѣ, такъ и въ Якутскѣ и въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ, у него была въ архіерейскомъ домѣ устроена небольшая столярная; въ ней ежедневно, послѣ обѣда, онъ что нибудь дѣлалъ: пилилъ или стругалъ, но больше, кажется, въ видѣ моціона, чѣмъ съ опредѣленною цѣлію.

Любилъ высокопреосвященный Иннокентій и умственный трудъ: доказательствомъ этого служатъ его печатные труды. Но его чисто

практическій умъ чуждался научныхъ отвлеченностей, а больше склонялся къ области прикладныхъ знаній; въ этой области онъ не упускалъ ни одного случая обогатить свой умъ свѣдѣніями; особенно любилъ бесѣдовать съ моряками, какъ людьми болѣе образованными, много видѣвшими и испытавшими. Опасаясь за свои глаза, онъ избѣгалъ чтенія вечеромъ, при свѣтѣ; день же весь посвященъ былъ занятіямъ епархіальными дѣлами. Потому читалъ онъ сравнительно немного, только выдающіяся явленія духовной или свѣтской литературы,—но за то съ глубокимъ вниманіемъ, а не для препровожденія празднаго времени; о содержаніи статьи или книги, особенно ему понравившейся, онъ любилъ бесѣдовать съ другими: это имъ дѣлалось, кажется, и для того, чтобы тверже усвоить ея содержаніе, уяснить то, что показалось ему въ ней темнымъ или сомнительнымъ. Во время своихъ путешествій по морю для обозрѣнія своей островной епархіи, онъ принималъ личное участіе въ обсерваціяхъ, слѣдилъ за вычисленіемъ штурмана за ходомъ корабля; безъ его участія не ставили и не убирали парусовъ, не перемѣняли направленія судна. Такимъ образомъ высокопреосвященный умѣлъ практически пріобрѣсть основательныя свѣдѣнія въ управленіи кораблемъ: дай ему въ управленіе судно, говорилъ мнѣ одинъ штурманъ въ Ситхѣ,—онъ былъ бы отличнымъ капитаномъ. Однажды ему даже удалось, по разсказамъ одного изъ его спутниковъ по морю, Н. Θ. Верещагина, бывшаго пѣвчаго архіерейскаго хора, не разъ сопровождавшаго преосвященнаго въ его водныхъ странствованіяхъ,—спасти судно отъ кораблекрушенія; судно вышло, кажется, изъ Гихнишиской гавани; нужно было проходить однимъ изъ Курильскихъ проливовъ; шли всю ночь; настало утро, былъ непроницаемый туманъ. Первымъ вопросомъ высокопреосвященнаго по пробужденіи отъ сна былъ вопросъ: какой ходъ судна и по какому направленію? Капитанъ отвѣчалъ.—Видны ли скалы, окружающія Курильскіе острова? вѣдь мы должны быть теперь около такого-то острова; здѣсь сильное морское теченіе; вы его не приняли во вниманіе.—Капитанъ сталъ было противорѣчить. Но высокопреосвященный поспѣшно одѣлся и вышелъ на палубу; оглядѣвшись, онъ попросилъ капитана повернуть судно на другой галсъ. Едва успѣли это сдѣлать, какъ туманъ сталъ понемногу разсѣеваться; вскорѣ вдали показались скалы, которыхъ высокопреосвященный боялся; оказалось, что судно несло прямо на эти скалы и непремѣнно раз-

било бы его въ дребезги, опоздай капитанъ на нѣсколько минутъ дать другое направленіе судну. При своемъ трудолюбіи и любознательности, высокопреосвященный отличался во всемъ крайнею аккуратностію, доходившею, по взгляду иныхъ, до мелочности. Получая бумаги и письма, онъ всегда распечатывалъ ихъ самъ лично, съ крайнею осторожностію, чтобы не испортить пакета. Пакеты не бросалъ, а клалъ ихъ на свой письменный столъ: если пакетъ хорошо сохранился, онъ осторожно выввертывалъ его на другую сторону и употреблялъ вмѣсто новаго при разсылкѣ своихъ бумагъ и писемъ; адресъ въ такомъ случаѣ писался на чистой сторонѣ пакета; если же пакетъ попортился, онъ употреблялъ его для написанія своихъ черновыхъ бумагъ; запечатывалъ письма всегда тоже самъ; а чтобы печать на почтѣ не попортилась, онъ сверху прикрывалъ ее всегда особовырѣзанной бумажкой. Еще замѣчательнѣе его обращеніе съ писчими перьями. Для предохраненія пера отъ ржавчины онъ, разумѣется, всегда тщательно вытиралъ его о сукно. Этого мало. Когда перо, вслѣдствіе долгаго употребленія, притуплялось, онъ не бросалъ его, а старался выправить на брускѣ, лежавшемъ съ этою цѣлію на чернильномъ приборѣ. Такимъ образомъ одно стальное перо служило у него по цѣлому мѣсяцу. Такая бережливость на письменные матеріалы у высокопреосвященнаго была вовсе не слѣдствіемъ скупости,—высокопреосвященнаго въ этомъ трудно было заподозрить,—а именно слѣдствіемъ аккуратности: зачѣмъ даромъ бросать хотя бы то и мелочную вещь, если она можетъ пригодиться?

Нечего и говорить, что и въ дѣлѣ управленія епархіей онъ проявлялъ ту же неутомимую дѣятельность, соединенную съ крайнею аккуратностію и предусмотрительностію. Для характеристики его въ этомъ отношеніи разскажу одинъ случай изъ своей служебной жизни. Въ 1859 году въ Якутскѣ былъ назначенъ новый ректоръ, несовсѣмъ опытный въ дѣлахъ семинарскихъ, особенно счетныхъ; инспекторомъ былъ человѣкъ молодой, вовсе незнакомый ни съ какими архивными дѣлами. Годъ прошелъ безъ особыхъ приключеній; насталъ 1860 годъ: составленъ былъ экономическій отчетъ и представленъ высокопреосвященному. Владыка, получивши отчетъ, объявилъ ректору, что онъ, зная неопытность членовъ правленія, рѣшился самъ предварительно повѣрить отчетъ; поэтому велѣлъ принести приходо-расходныя книги и

документы. Ошибокъ, неправильностей нашлось-таки довольно. И вотъ высокопреосвященный, желая научить ректора, какъ нужно вести счетную часть, велѣлъ ему ежедневно являться къ себѣ; при немъ лично сталъ провѣрять документы, книги и отчетъ, указывая на всѣ ошибки, съ требованіемъ ихъ исправленія; весь отчетъ подъ его руководствомъ былъ пересоставленъ вновь. Такой практическій курсъ бухгалтеріи продолжался цѣлый мѣсяцъ. Разумѣется, не легокъ пришелся онъ ректору; часто возвращался онъ отъ высокопреосвященнаго весь въ поту и блѣдный; владыка былъ, надо сказать, не совсѣмъ хладнокровный педагогъ; ректору пришлось выслушать довольно много разныхъ укоризнъ и замѣчаній. Но эти уроки не пропали даромъ: на слѣдующій годъ книги и отчеты оказались составленными безукоризненно,— высокопреосвященный не нашелъ въ нихъ ни малѣйшей погрѣшности. Возвращая ихъ ректору, онъ съ улыбкой замѣтилъ: «вѣдь вы, поди, немало сердились на меня въ прошломъ году за мои строгія замѣчанія; теперь сами видите, что онѣ были не безъ пользы для васъ. Не займись я повѣркой вашихъ отчетовъ, у васъ и въ нынѣшнемъ году были бы допущены тѣ же ошибки, тѣ же неправильности. Одинъ ревизіонный комитетъ надѣлалъ бы вамъ довольно хлопотъ своими запросами и замѣчаніями. Пожалуй подверглись бы и серьезной отвѣтственности».

Въ составленіи своихъ собственныхъ бумагъ важнаго содержанія высокопреосвященный держался особыхъ, довольно оригинальныхъ пріемовъ. Первоначально онъ набрасывалъ свои мысли карандашемъ на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги, на пакетахъ и т. п., безъ особеннаго плана и порядка; затѣмъ переносилъ эти, можно сказать, наброски мыслей на отдѣльный листъ перомъ, но все еще безъ строгой обработки; даже знаковъ препинанія почти не ставилъ. Окончательную редакцію онъ придавалъ своей бумагѣ, переписывая ее въ третій разъ; здѣсь уже являлись въ настоящихъ мѣстахъ и знаки препинанія. Иногда и эта третья редакція ему не нравилась; тогда онъ передѣлывалъ ее и переписывалъ въ четвертый разъ. Но троекратная редакція бумагъ была у него обычнымъ дѣломъ; вотъ почему всѣ бумаги высокопреосвященнаго Иннокентія, не отличаясь особыми красотами рѣчи, носятъ на себѣ печать строгой обдуманности въ каждомъ словѣ, можно сказать, въ каждомъ оборотѣ рѣчи.

Не разъ доводилось мнѣ удивляться мудрой предусмотрительности высокопреосвященнаго Иннокентія въ рѣшеніи дѣлъ; съ замѣчательною проницательностію онъ предусматривалъ самыя отдаленныя слѣдствія каждаго дѣла. Жалованье, напр., служащимъ онъ назначалъ небольшое, но за то любилъ выдавать единовременныя награды. Онъ разсуждалъ объ этомъ такимъ образомъ: «назначь и большее жалованье, большинство проживетъ его до копѣйки,—на черный день едва-ли отложитъ. Слѣдовательно, пользы будетъ мало отъ увеличенія жалованья. Временныя награды—совсѣмъ другое дѣло. Если кто въ теченіи двухъ, трехъ лѣтъ надѣлалъ долговъ, онъ ихъ уплатитъ; а если кто сумѣлъ прожить на одно свое жалованье, тотъ наградныя деньги приотложитъ на черный день». Обычнымъ днемъ для раздачи наградъ былъ обыкновенно день посвященія его въ епископы—15 ноября. Съ нетерпѣніемъ обыкновенно ждали этого дня служащіе въ семинаріи, не явится ли по утру пакетъ отъ высокопреосвященнаго съ назначеніемъ наградъ. Другой случай: въ 1842 г. отпущено было десять тысячъ руб. въ распоряженіе высокопреосвященнаго на постройку деревяннаго семинарскаго корпуса въ Новоархангельскѣ; высокопреосвященный обратился къ Россійско-Американской Компаніи съ предложеніемъ взять на себя постройку корпуса на слѣдующихъ условіяхъ: онъ выдастъ Компаніи четыре тысячи при самомъ заложеніи корпуса, а остальныя шесть тысячъ чрезъ годъ—по окончаніи постройки, когда будетъ произведено сколачиваніе и окраска половъ. Если же семинарія будетъ переведена въ какое либо другое мѣсто, то компанія обязана принять корпусъ по цѣнѣ, какая придется со скидкою 5% съ первоначальной цѣны за каждый годъ, со времени первой ремонтировки корпуса. Компанія согласилась; прошло 12 лѣтъ,—получается указъ о переводѣ семинаріи въ Якутскъ. Что же оказалось? А вотъ что. Деньги на Новоархангельскую семинарію вносились обыкновенно въ правленіе Россійско-Американской Компаніи въ С.-Петербургѣ и со дня взноса приносили по 5%, и при томъ проценты на проценты. Такимъ образомъ, пока тянулись переговоры о постройкѣ семинаріи, прошелъ годъ и 500 р. было уже въ барышѣ; да постройка семинаріи до окончательнаго разсчета тянулась три года; поэтому по окончательномъ разсчетѣ съ Компаніей за постройку семинарскаго корпуса оказалось въ барышѣ процентовъ со строительныхъ суммъ до 1500 р. Чрезъ 12 лѣтъ семинарію, по его

представленію, разрѣшено перевести въ Якутскъ. Согласно условію, Компанія заплатила за корпусъ 7000 р., да процентныхъ суммъ накопилось около 2800 р.: всего изъ Компаніи пришлось получить до 10000 р.; слѣдовательно семинарія прожила 12 лѣтъ въ корпусѣ даромъ. Будь другой начальникъ семинаріи, навѣрное, отъ строительныхъ суммъ или ничего бы не осталось, или осталось бы ничтожное количество денегъ. Вообще, высокопреосвященный умѣлъ добывать деньги на разныя потребности епархіи почти изъ ничего. Особенно его озабочивала судьба духовныхъ сиротъ. При поступленіи его на каѳедру Новоархангельскую, въ тамошнемъ попечительствѣ не было ни копѣйки запасныхъ денегъ. Что же сдѣлалъ владыка? Кромѣ обычныхъ сборовъ на попечительство, онъ прибѣгъ къ слѣдующему средству: за неимѣніемъ своей домовой церкви, онъ ходилъ ежедневно въ соборъ къ обѣднямъ и тщательно наблюдалъ, не забудетъ ли служащій священникъ служить царскій молебенъ, положенный въ извѣстный будничный день. Едва священникъ задергивалъ завѣсу, высокопреосвященный сейчасъ же вынималъ изъ своего кармана 5 р. асс., какъ штрафъ въ пользу попечительства съ себя, и налагалъ соотвѣтственный штрафъ въ пользу попечительства и на всѣхъ членовъ соборнаго причта. Этимъ и другими способами ему удалось вскорѣ, не смотря на скудость источниковъ, составить въ Новоархангельскомъ попечительствѣ капиталъ, значительно обезпечивающій участь сиротъ въ Камчатской епархіи. Еще лучше и скорѣе онъ сдѣлалъ это въ Якутскѣ. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ вошелъ съ ходатайствомъ о сборѣ денежной руги съ Якутовъ въ пользу духовенства. Пока дѣло объ этомъ тянулось, прошелъ годъ; собрано было руги съ Якутовъ до 20.000 р. Получивши окончательное разрѣшеніе на сборъ руги, высокопреосвященный собралъ духовенство и объявилъ имъ слѣдующее: «вѣдь вы, отцы, прожили прошлый годъ безъ особыхъ затрудненій; не хотите ли пожертвовать ругу за прошлый годъ въ пользу попечительства? Ваши же сироты скажутъ вамъ спасибо впослѣдствіи»! Духовенство согласилось, и такимъ образомъ составился довольно значительный основной капиталъ въ Якутскомъ попечительствѣ, распоряженіе которымъ высокопреосвященный предоставилъ самому духовенству чрезъ особыхъ выборныхъ, на основаніи особыхъ, составленныхъ имъ правилъ, утвержденныхъ Св. Сvнодомъ. Благодаря этому, въ Якутской епархіи тамошнія вдовы

и сироты получають доселѣ такія пособія, какихъ нѣтъ ни въ какой епархіи, и не только тѣ, которыя остались въ Якутской епархіи, но даже выѣхавшія изъ Якутска въ другія епархіи. Удивляясь предусмотрительности и изобрѣтательности въ денежныхъ дѣлахъ, я нерѣдко говаривалъ: вѣдь изъ него, навѣрное, при другихъ условіяхъ, вышелъ-бы отличный министръ финансовъ!

Отношенія высокопреосвященнаго къ подчиненному ему духовенству проникнуты были духомъ любви и отеческой снисходительности; въ нихъ часто даже сквозитъ своего рода юморъ, но юморъ не только безобидный, но даже сообщавшій особую прелесть его рѣчи. Для характеристики его въ этомъ отношеніи считаю достаточнымъ разсказать нѣсколько фактовъ изъ своей службы подъ его начальствомъ. Вскорѣ послѣ женитьбы и посвященія въ іерея я, какъ инспекторъ, явился къ нему съ субботнимъ донесеніемъ о благосостояніи семинаріи. Прочитавши донесеніе, высокопреосвященный обратился ко мнѣ съ обычною своею доброю улыбкой. «Ну, отецъ in-spector, вы, я слышалъ, поиздержались на свадьбу и вошли въ долги»? Да, ваше высокопреосвященство. «Такъ вотъ что: мнѣ хочется сдѣлать вамъ награду, но съ извѣстными условіями. Исполните-ли ихъ?» —Отчего же не исполнить, если онѣ удобоисполнимы?— «Не безпокойтесь: условія мои очень легки. Во первыхъ, у васъ волосы плохо лежатъ на головѣ: купите гребенку и помаду» .— Гребенка у меня есть,—вотъ она,—а помады, признаться, употреблять не люблю, волосы бываютъ жирны и марають одежду, особенно у священниковъ.— «Ну, такъ я васъ научу, что дѣлать: когда будете въ банѣ, вымойте голову и затѣмъ помажьте ее простымъ коровьимъ масломъ и полежите послѣ сего нѣсколько въ жару; масло испарится, запаху не будетъ, а за то волосы будутъ мягки, какъ шелкъ». —Обѣщаюсь исполнить вашъ совѣтъ.— «Второе условіе слѣдующее: вы близоруки; вамъ непремѣнно нужно носить очки, чтобы не потерять зрѣнія» .—Пробовалъ, ваше высокопреосвященство, еще въ Академіи, но бросилъ: оттого-ли, что очки были не по глазамъ, или по другой причинѣ, я, проносивши очки съ недѣлю, почувствовалъ ломоту въ глазахъ, чего со мной прежде никогда не было. Притомъ же мои глаза не настолько близоруки, чтобы затрудняться чтеніемъ книгъ. Вдаль, правда, я плохо вижу: но по моему мнѣнію, тѣмъ лучше,—меньше соблазну.— «Ну, нѣтъ; вы еще молоды. Что-то скажетъ старость? Берегите

глаза, да меньше читайте при огнѣ, а очки все-таки совѣтую купить». Слушаю; можно еще попробовать.—«Третье условіе состоитъ вотъ въ чемъ: у васъ во время служенія риза все валится на бокъ, неблагообразно».—Что дѣлать, ваше высокопреосвященство? Ризъ по мнѣ еще не сшито, вы видите мой ростъ и тѣлосложеніе.—«Ну, братецъ, вѣдь и я когда-то былъ сухъ и тонокъ, да риза у меня не валилась съ плечъ».—Вы забыли, ваше высокопреосвященство, объ одной мелочи—о плечахъ, навѣрное онѣ у васъ и въ молодости были пошире моихъ.—«Ну, такъ велите старостѣ сшить ризу по своему росту и дородству.—Слушаю.—Въ такомъ же отеческомъ тонѣ высокопреосвященный всегда велъ бесѣду съ подчиненными; любилъ шутку, любилъ посмѣяться отъ души надъ веселымъ разсказомъ или остроумнымъ отвѣтомъ. Въ письмахъ своихъ съ Амура къ одному изъ Якутскихъ протоіереевъ, съ которымъ аккуратно переписывался объ епархіальныхъ дѣлахъ, онъ всегда посылалъ поклонъ и благословеніе in-spector'у и «многоглаголивому». Такое странное, повидимому, правописаніе слова инспекторъ, онъ объяснялъ мнѣ слѣдующимъ образомъ. «Что значитъ инспекторъ? спросилъ онъ однажды. Я отвѣчалъ: смотритель, надзиратель. Нѣтъ, не правда, возразилъ со смѣхомъ преосвященный; dignus—достойный, indignus—недостойный; specto—смотрю, вижу; слѣдовательно in-spector—невидящій. Такимъ образомъ, филологическимъ объясненіемъ слова «инспекторъ» онъ желалъ пошутить, прежде всего, надъ моею близорукостію, а можетъ быть, и намекнулъ на нѣкоторые недосмотры мои по инспекціи. Отецъ Павелъ—«многоглаголивый»—былъ любимъ высокопреосвященнымъ за его умъ и кротость и другія добрыя качества, но онъ отличался крайнею молчаливостію: отсюда, въ шутку, высокопреосвященный называлъ его не иначе, какъ многоглаголивымъ; а доктора, служившаго при семинаріи въ Ситхѣ и отличавшагося неумолкаемою рѣчью въ обществѣ—молчальникомъ. Подобныя шутливыя названія, ни для кого необидныя, сообщали обращенію высокопреосвященнаго съ подчиненными особую прелесть. «Сколько у васъ дѣтей, г. оберъ-секретарь Дух. правленія?» спросилъ онъ разъ столоначальника Духовнаго правленія, отличавшагося многосемейностію. Столоначальникъ затруднился сразу сказать: ему ни разу не приходило на мысль считать своихъ дѣтей—да и зачѣмъ? онъ видитъ ихъ ежедневно и знаетъ поимянно. Чтобы не ошибиться въ счетѣ, онъ сталъ считать ихъ

по пальцамъ, заложивши руку за спину. Преосвященный это замѣтилъ и сталъ его торопить: «не считай по пальцамъ, а говори прямо и сейчасъ». Столоначальникъ отвѣчалъ: 8 человѣкъ. «Ну, навѣрное совралъ, считай теперь по пальцамъ». Стали считать: оказалось девять человѣкъ. «Ну, что? Не правда ли моя? Ха, ха!» Столоначальникъ покраснѣлъ, а преосвященный съ улыбкой сказалъ: «не краснѣй! Я знаю по опыту, что многосемейные отцы часто не знаютъ числа своихъ дѣтей; потому-то тебя и спросилъ: сколько у тебя дѣтей?» Однажды инспекторъ—это было, помнится, въ 1858 г.—былъ приглашенъ однимъ протоіереемъ, теперь уже покойнымъ, на вечеръ кушать строганину; протоіерей былъ хлѣбосолъ большой и умѣлъ находить отличную, самую вкусную рыбу для строганины. Инспекторъ далъ слово быть у протоіерея, заранѣе наслаждаясь удовольствіемъ покушать строгонины. Но въ два часа получаетъ приказаніе высокопреосвященнаго явиться къ нему вечеромъ, въ 6 часовъ, вмѣстѣ съ ректоромъ и членами Духовнаго правленія. Нечего дѣлать, надо идти; но не желая оставить строганины, инспекторъ заранѣе условился съ протоіереемъ—членомъ Духовнаго правленія, при первой возможности оставить высокопреосвященнаго и поспѣшить къ протоіерею, на строганину. Приходимъ къ владыкѣ; у него самоваръ на столѣ въ гостинной, проситъ садиться и велитъ подносить чай. Поговоривши за чаемъ о томъ, о семъ, высокопреосвященный велѣлъ убрать чай и затѣмъ вынесъ какую-то книгу. Вотъ, отцы, мнѣ хочется познакомить васъ съ содержаніемъ этой книги—она секретная—и узнать ваше мнѣніе; въ ней описываются дѣянія нашихъ злочинныхъ Духовныхъ правленій и консисторій. Слушайте.—Ну, пропала ни за что наша строганина! подумали мы. Началъ читать; чѣмъ больше читалъ, тѣмъ болѣе мы заинтересовывались и, наконецъ, увлеклись до такой степени, что забыли и о строганинѣ. Оказалось, что это была книга о бѣломъ и черномъ русскомъ духовенствѣ. Шли, само собою разумѣется, самыя разнообразныя сужденія по поводу фактовъ изъ жизни консисторской, съ улыбкой выслушивалъ владыка самыя противоположныя сужденія о содержаніи книги. Наконецъ, дошедши до характеристики архіерейскаго управленія, высокопреосвященный обратился къ намъ съ словами: «доселѣ господинъ сочинитель описывалъ ваши дѣянія, отцы; а теперь послушаемъ, что онъ говоритъ объ насъ. Ничего, онъ и насъ не щадитъ

и кажется, старается отдѣлать насъ съ большимъ наслажденіемъ, чѣмъ даже васъ. Ну, слушайте». Вниманіе наше, можно сказать, удвоилось; восклицаніямъ и удивленіямъ не было конца; ничего подобнаго у насъ не было. Высокопреосвященный торжествовалъ и добрая улыбка не сходила съ его лица во все время чтенія.

Чтеніе закончилось въ 12 часовъ ночи; мы было стали откланиваться, но высокопреосвященный пригласилъ насъ отужинать у него. За ужиномъ разговоръ не умолкалъ ни на минуту. Мы вышли отъ него веселые, забывши даже о строганинѣ. Мы радовались, что у насъ, въ Якутскѣ, сочинитель не много же нашелъ бы матеріалу для своей книги: тѣхъ административныхъ злоупотребленій и ненормальныхъ отношеній духовной власти къ подчиненному духовенству у насъ, во время управленія высокопреосвященнаго, не было; говорю по совѣсти, какъ человѣкъ, непричастный къ дѣламъ епархіальнымъ. Высокопреосвященный былъ не столько начальникъ, сколько отецъ, любящій своихъ дѣтей, принимающій живѣйшее участіе во всѣхъ ихъ дѣлахъ, даже семейныхъ. Особенно живое участіе онъ принималъ въ овдовѣвшихъ священникахъ: при первомъ извѣстіи о постигшемъ ихъ горѣ, онъ, какъ отецъ, спѣшилъ съ письменнымъ утѣшеніемъ къ несчастному священнику, особенно молодому. При полученіи свѣдѣній о поведеніи священника, противномъ его сану, онъ старался вразумить его сначала словесно, или письменно; если же это не помогало, тогда онъ прибѣгалъ къ административному наказанію; формальныхъ слѣдствій и суда не любилъ, не любилъ и доносовъ духовенства другъ на друга. При прежнемъ управленіи, Якутскъ слылъ мѣстомъ кляузъ; при высокопреосвященномъ объ нихъ было не слышно: благочиннымъ предписано было прекращать споры и вражду между духовенствомъ домашнимъ образомъ, не доводя до формальныхъ жалобъ. При всякомъ наказаніи, налагаемомъ на виновнаго, высокопреосвященный заботился главнымъ образомъ о вразумленіи, а не удовлетвореніи голой, сухой правды. Случалось, что всѣ мѣры исправленія оказывались недѣйствительными; тогда высокопреосвященный Иннокентій нерѣдко обращался къ слѣдующей мѣрѣ: значительное число священниковъ въ Якутской области было изъ Иркутской губерніи, посланныхъ въ Якутскъ въ видѣ наказанія Иркутскими преосвященными, еще въ то время, когда Якутская область принадлежала къ Иркутской епархіи. Высокопреосвящен-

ный обыкновенно призывалъ виновнаго священника къ себѣ и предлагалъ ему ѣхать въ Иркутскъ: «губить я тебя не хочу, говорилъ онъ при этомъ:—поѣзжай на родину, вотъ тебѣ и прогоны; можетъ быть, на родинѣ исправишься; а если не исправишься, пѣняй на себя; предупреждаю впрочемъ, что въ Иркутскѣ преосвященный строгій, безобразничать безнаказанно тебѣ не дозволитъ». Въ примѣръ снисходительности высокопреосвященнаго Иннокентія достаточно разсказать слѣдующій случай: одинъ священникъ, какъ служившій въ Охотскѣ, вдался въ слабость винопитія. Высокопреосвященный долго не вѣрилъ его виновности; онъ былъ ему близко знакомъ, какъ бывшій регентъ архіерейскаго хора; жена его была ему крестница. Наконецъ, убѣдившись въ его порокѣ, высокопреосвященный вызвалъ его въ Якутскъ и помѣстилъ подъ начало въ Якутскомъ монастырѣ, въ которомъ самъ имѣлъ мѣстопребываніе. Но и здѣсь этотъ священникъ не оставлялъ своей слабости; дошло до того, что однажды отъ неумѣреннаго винопитія священникъ сталъ горѣть; для спасенія потребовалось пригласить доктора; докторъ успѣлъ возвратить его къ жизни. «Ну, теперь, я думаю, замѣтилъ высокопреосвященный по этому поводу,—отецъ М. образумится; если же нѣтъ, тогда уже нужно оставить всякую надежду на его исправленіе. Не прошло недѣли, священникъ вновь напился. Жаль было высокопреосвященному его многочисленнаго семейства, жаль было и своей крестницы; поэтому, щадя его семейство, высокопреосвященный назначилъ его священникомъ въ одинъ изъ тѣхъ улусовъ, не близкихъ къ городу, гдѣ весьма трудно достать водки. Но житье въ этомъ улусѣ не понравилось священнику, привыкшему къ городской жизни, и онъ сталъ просить высокопреосвященнаго о переводѣ въ Иркутскъ; высокопреосвященный на первую его просьбу отвѣчалъ отказомъ: тогда этотъ священникъ послалъ въ городъ съ подобною просьбою свою жену, крестницу высокопреосвященнаго. «Ну, если и ты желаешь въ Иркутскъ, ступайте», сказалъ высокопреосвященный: «я не задерживаю; только помни, что не успѣете вы пріѣхать въ Иркутскъ, какъ съ твоего мужа снимутъ рясу». Такъ, дѣйствительно, и случилось. Все время своей службы въ Иркутской епархіи, до самой смерти священникъ этотъ находился подъ запрещеніемъ.

Чтобы прекратить обычныя злоупотребленія въ духовной администраціи, происходившія, по большой части, отъ крайне скудныхъ окладовъ

жалованья служащимъ въ Духовныхъ правленіяхъ и консисторіяхъ, высокопреосвященный Иннокентій съ перваго же раза, по вступленіи въ управленіе Якутскою епархіею, рѣшился улучшить ихъ положеніе на счетъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ. Онъ призвалъ къ себѣ столоначальника Якутскаго Духовнаго правленія и спросилъ его: «сколько онъ получаетъ жалованья?» Столоначальникъ отвѣчалъ: «по 5 р. въ мѣсяцъ». «А велико ли у васъ семейство?» — «Человѣкъ десять». — «И вы на 5 р. жалованья проживаете съ семействомъ?» — «Пробиваюсь кое-какъ, ваше преосвященство.—«Ну, нѣтъ; какъ ни дешево жить въ Якутскѣ, не вѣрю возможности прожить въ Якутскѣ на 5 р. съ вашимъ семействомъ; навѣрное, вы пользуетесь обычными приношеніями духовенства. Этого я не люблю, не дозволю. А чтобы избавить васъ отъ искушенія прибѣгать къ вымогательствамъ, я назначаю вамъ жалованья по 25 р. въ мѣсяцъ; только смотрите: старыя привычки оставьте. Согласны?» — «Согласенъ, ваше высокопреосвященство, и благодарю». Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при такой внимательности высокопреосвященнаго къ нуждамъ служащихъ, они не смѣли прибѣгать къ злоупотребленіямъ, обычнымъ въ другихъ епархіяхъ.

«Этимъ мы закончимъ», пишетъ протоіерей А. Виноградовъ, «свои воспоминанія о высокопреосвященномъ Иннокентіи; въ какой степени намъ удалось обрисовать его нравственный обликъ, предоставляемъ судить другимъ; нашимъ перомъ руководило единственно глубокое уваженіе къ памяти святителя, желаніе сообщить матеріалъ для его біографіи, особенно же желаніе вновь мысленно полюбоваться тѣми достолюбезными его свойствами, которыми нѣкогда восхищались. Quod potui, feci; faciant meliora potentes». *(Иркут. Епарх. Вѣд. 1879 г. № 39.)*

Этими-то воспоминаніями достопочтеннаго отца протоіерея Аѳанасія Виноградова, какъ дѣйствительно отлично характеризующими нравственный обликъ и дѣятельность высокопреосвященнаго Иннокентія, и мы заключаемъ его семилѣтнее пребываніе въ Якутскѣ *(1853—1860 г.)* и послѣдуемъ за нимъ въ край Амурскій, гдѣ по всему теченію исполинской рѣки Амура закипитъ, какъ мы увидимъ, его пастырская дѣятельность.

XXIX

Изъ Якутска въ Иркутскъ преосвященный Иннокентій прибылъ 29 февраля 1860 года для хиротоніи во епископа Якутскаго, протоіерея Петра Попова. 4 марта было нареченіе, при чемъ дано было ему имя Павелъ, а 6-го хиротонія во епископа; а 15 марта вновь посвященный епископъ Павелъ отправился уже къ мѣсту своего служенія въ Якутскъ. Преосвященный же Иннокентій остался въ Иркутскѣ, откуда, до окончательнаго своего водворенія на Амурѣ, предпринималъ свои апостольскія путешествія по Амуру и даже по Японіи; 26 марта онъ намѣревался отправиться въ Верхнеудинскъ и тамъ встрѣтить Пасху, но приключившаяся съ нимъ болѣзнь задержала его, и онъ прожилъ въ Иркутскѣ до 1-го апрѣля. О сей болѣзни онъ извѣщалъ сына своего, отца Гавріила, въ письмѣ *(отъ 31 марта 1860 г.)*: «Давно я отъ васъ не имѣю письма; но за то я имѣю живое письмо—слушаю разсказы Андрея Васильевича, прибывшаго сюда, кажется, 17-го вечеромъ, и который опять собирается къ вамъ. Здоровье его, слава Богу, очень въ хорошемъ состояніи.Онъ много разсказалъ мнѣ о васъ утѣшительнаго и пріятнаго. Слава Богу, и вамъ спасибо. О себѣ скажу, что я съ 21 марта по 29-е былъ нездоровъ, и очень серьёзно, и именно оттого, что я застудилъ ноги дорогою изъ Якутска и постоянно простужалъ ихъ, такъ что наконецъ, отъ этого сдѣлалась рожа на лицѣ моемъ, которая разсталась со мною только 30-го, и кромѣ того, постигла меня лихорадка. Но, слава Богу, все минуется, и надѣюсь въ первый день Пасхи участвовать въ церковномъ торжествѣ, только не тамъ, гдѣ я располагалъ,

т. е. не въ Верхнеудинскѣ, а въ Иркутскѣ. Въ Иркутскъ пріѣхалъ я наканунѣ 1 марта. 6 числа совершена хиротонія преосвященнаго епископа Павла, и я предполагалъ 26 марта отправиться изъ Иркутска и Пасху проводить въ Верхнеудинскѣ, но вышло иначе, и конечно все къ лучшему, а именно: во первыхъ, если бы простуда ногъ моихъ не разразилась вышеозначенными болѣзнями, то отправясь изъ Иркутска въ назначенное время, при переѣздѣ чрезъ Байкалъ опять бы дрожалъ, какъ это было въ оба раза. И тогда я могъ бы сильно поплатиться. И такъ, слава и благодареніе Богу за все! На вопросъ: когда я выѣду изъ Иркутска? я не могу отвѣтить рѣшительно. Хотѣлось бы выѣхать въ послѣдніе дни праздника; но во всякомъ случаѣ, постараюсь переѣхать Байкалъ еще по льду, который нынѣ очень толстъ. Не могу сказать и того, когда я поплыву по Амуру; быть можетъ, задержитъ меня катеръ, строющійся для меня въ Шилкинскомъ заводѣ. Скажу только, что я по ночамъ не поплыву и буду останавливаться въ каждой деревнѣ. Въ Благовѣщенскѣ, конечно, я побуду подольше, а когда буду къ вамъ, и гдѣ я проведу зиму—ничего не могу сказать: быть можетъ, въ Благовѣщенскѣ или у васъ, и быть можетъ, даже въ Камчаткѣ. Затѣмъ, призывая благословеніе Божіе на васъ и на чадъ вашихъ......»

Наконецъ, 10-го апрѣля преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Иркутска на Амуръ, а 14 іюля онъ прибылъ въ Николаевскъ, гдѣ и проживалъ въ ожиданіи случая отправиться въ Камчатку. Отсюда онъ письмомъ *(отъ 5 августа 1860 года)* дѣлаетъ слѣдующее порученіе Г. М. Корнилову: «препровождая при семъ трикирій съ дикиріями, панагію, Аннинскую звѣзду, крестъ и двѣ булавки съ ножницами, попокорнѣйше прошу васъ приказать исправить ихъ, какъ возможно получше и попрочнѣе; и по исправленіи возвратить ихъ ко мнѣ въ г. Благовѣщенскъ, что на Амурѣ. Слѣдующія же за исправленіе деньги покорнѣйше прошу получить отъ г-жи Лажечниковой, которой и передать прилагаемое при семъ письмо мое. Затѣмъ, призываю благословеніе Божіе на васъ.» Изъ Николаевска же преосвященный Иннокентій писалъ Н. Д. Свербееву *(отъ 23 августа 1860 года)*, въ отвѣтъ на его письма:» Много, даже вокругъ я виноватъ предъ вами, въ томъ что не отвѣчалъ на послѣднія ваши письма—отъ 1 января, 17 февраля и 21 марта. Первыя два получены мною въ Иркутскѣ, а послѣднее въ

Благовѣщенскѣ—новой моей резиденціи; а отвѣчать на нихъ пришлось изъ Николаевска, гдѣ я живу уже съ 14 іюля, въ ожиданіи случая отправиться въ Камчатку, съ тѣмъ, чтобы зимою проѣхаться по всей Камчаткѣ и чрезъ, Гижигу и Охотскъ, выѣхать въ Якутскъ. Искренно поздравляю васъ съ пріобрѣтеніемъ хорошаго имѣнія, со вступленіемъ въ службу и съ надеждою получить желаемое мѣсто; не могу не радоваться всему этому, но не могу и не посѣтовать, что вы не будете въ нашей Сибири. Но, съ другой стороны, и хорошо вы сдѣлали, что не поѣхали къ намъ. Въ Иркутскѣ теперь совсѣмъ не то, что̀ было при васъ [1])...... Одно мнѣ только очень и очень жаль, а именно: бѣдный Новогородовъ, торговавшій въ Удскомъ, по сію пору страдаетъ, дошелъ до нищеты и отъ меня остался боленъ. Дѣло его признаютъ напраснымъ, но не рѣшаютъ, кажется, потому, что не знаютъ съ кого взыскать прогоны, истраченные на кучу слѣдователей. И ужъ, конечно, онъ никогда не поправится, а по человѣчески судя, конечно, онъ не благословляетъ васъ; а вы были обмануты. Всему причиною подторговцы Якуты. Они настроили Тунгусовъ, имъ нужно было только удалить русскихъ торговцевъ изъ Удскаго, и они успѣли; и за то они теперь богачи. Такъ что Павловъ сдѣлалъ пожертвованій разныхъ болѣе пятнадцати тысячъ руб. сер., другой деньги отправлялъ въ банкъ. Словомъ сказать, Удская торговля теперь въ рукахъ Якутовъ, и они богатѣютъ, но лучше ли Тунгусамъ—Богъ вѣсть!

Отвѣчать подробно на ваши письма было бы очень долго. И потому скажу однимъ словомъ,—слава Богу за все то, что̀ у насъ въ Россіи и лично у васъ есть хорошаго! И избави Господи Россію, и въ частности васъ и все ваше доброе семейство, отъ всякихъ бѣдъ и золъ! Теперь скажу вамъ кое-что о себѣ и объ Амурѣ. Съ Якутскомъ я распростился 10 февраля, съ тѣмъ чтобы переселиться въ новое мое мѣсто—въ Благовѣщенскъ; 29 марта пріѣхалъ въ Иркутскъ, 6 марта былъ при хиротоніи бывшаго Красноярскаго протоіерея Петра Попова, а въ монашествѣ Павла, во епископа Якутскаго, викарія Камчатской епархіи, который съ 31 марта находится уже на своемъ мѣстѣ, и теперь Якутская область имѣетъ своего архіерея. И такъ у меня теперь два викарія: въ Ситхѣ Петръ, а въ Якутскѣ Павелъ. Съ 18 марта по 1

[1]) То же самое просилъ меня написать вамъ и докторъ Вейрихъ, который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

апрѣля я въ Иркутскѣ хворалъ: была рожа на лицѣ и на половинѣ головы, и хотя излѣчился, но признаки или слѣдствія этой болѣзни чувствую и нынѣ изрѣдка. 10 апрѣля я выѣхалъ изъ Иркутска, 5 мая прибылъ въ Срѣтенскъ, гдѣ и пробылъ до 11-го въ ожиданіи катера; жилъ я долго въ Верхнеудинскѣ (гдѣ, между прочимъ, видѣлся часто съ нашимъ общимъ добрѣйшимъ знакомымъ А. А. Третьяковымъ) и въ Нерчинскѣ. 24 мая прибылъ я въ свой Благовѣщенскъ, гдѣ прожилъ я до 16 іюня, а потомъ поплылъ внизъ и 14 іюля прибылъ въ Николаевскъ. Плывя по Амуру, я приставалъ ко всякому селенію или ко всякой станицѣ, въ томъ числѣ и Свербеевой (которую вы, безъ сомнѣнія, наградите иконою въ имѣющую строиться тамъ часовню. Если вы успѣете прислать икону ранѣе закладки часовни, то часовня будетъ называться Дмитріевскою, потому что вы конечно икону пришлете вашего Ангела)—и между прочимъ смотрѣлъ житье-бытье поселенцевъ. Живутъ мало-мальски. Всѣ говорятъ единогласно, что все, что они сѣяли прошлаго года, родилось очень хорошо. Но только сѣяли мало. Нынѣ же, говорятъ, посѣяли по 3 десятины на семью; и потому если будетъ урожай хотя средній, то верхніе поселенцы, и даже до Катерино-Никольской, будутъ сыты своими произведеніями. На почву, мѣстность и климатъ никто не жаловался. Жаловались на проѣзды курьеровъ; но нынѣ навѣрно не будутъ жаловаться, потому что число станицъ увеличено и лошадей подбавлено. Пароходовъ на Амурѣ много. Однихъ казенныхъ 6, кромѣ Шилки и Аргуни; четыре изъ нихъ, мелкосидящіе, привезены въ іюнѣ и уже всѣ готовы; два уже ушли на верхъ, частныхъ пароходовъ 2, третій на стапенѣ. Частные пароходы уже были вверху, и опять ушли. Сплавы идутъ плохо, впрочемъ сегодня пришло нѣсколько баржъ съ хлѣбомъ и ждутъ еще. Казакевичъ ѣдетъ въ Иркутскъ и въ Питеръ. Въ Благовѣщенскѣ для меня строится домъ, не малой—къ осени можно будетъ переходить въ него. Строится же онъ не въ самомъ Благовѣщенскѣ, но при рѣкѣ Зеѣ, въ разстояніи $4^1/_2$ верстъ, на мѣстѣ очень хорошемъ. Въ Николаевскѣ теперь до 350 домовъ, въ числѣ коихъ есть очень хорошіе; и въ Благовѣщенскѣ немало домовъ, но тамъ затрудняетъ лѣсъ и—страхованія военныя: такъ что неизвѣстно, почему Манчжурцы привели къ Айгуну Монголовъ, говорятъ, до двадцати тысячъ; боятся вторженія нашего въ Айгунъ, которыми ихъ наши стращаютъ при каждомъ случаѣ.

У сына моего Гавріила, который вамъ низко кланяется, теперь уже два сына; я его перевожу въ Благовѣщенскъ. Ну, кажется, обо всемъ я сказалъ вамъ; но конечно не все,—всего не пересказать. Затѣмъ призываю на васъ и на всѣхъ васъ близкихъ благословеніе Божіе.

Вашимъ роднымъ отъ меня искренній поклонъ. Выбросите, пожалуйста, изъ головы и памяти мысль о переводѣ меня въ Россію. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ,—не хочу и не буду.»

За симъ письмомъ преосвященный Иннокентій снова обращается къ Г. М. Корнилову письмомъ *(27 августа 1860 года)*: «Позвольте и еще утрудить васъ моею покорнѣйшею просьбою: закажите пожалуйста и пришлите въ Якутскъ, на имя тамошняго преосвященнаго Павла, епископа Якутскаго, для передачи мнѣ, нижеозначенныя вещи, на пріобрѣтеніе коихъ прилагаю при семъ сто рублей сер.,—остальныя же за тѣмъ деньги,какія причтутся, тотчасъ вышлю по полученіи отъ васъ увѣдомленія. При семъ нужнымъ считаю сказать, что я на зиму отправляюсь въ Камчатку и около 1-го марта намѣреваюсь прибыть въ Якутскъ, гдѣ проживу уже до лѣта. И потому если просимыя мною вещи не могутъ быть высланы въ Якутскъ къ половинѣ мая или, все равно, если онѣ не могутъ быть отправлены изъ Москвы ранѣе 15 марта,—то прошу васъ адресовать ихъ въ Иркутскъ, на имя тамошняго купца Николая Егоровича Черныхъ, для передачи мнѣ; а желательно было бы получить ихъ въ Якутскѣ, хотя половину. Затѣмъ призывая на васъ и на всю вашу домашнюю церковь благословеніе Божіе.....»

Реэстръ вещамъ, нужнымъ преосвященному Иннокентію.

Иконъ финифтяныхъ, овальной фигуры, съ изображеніемъ Спасителя или Божіей Матери:

25	въ серебряной оправѣ	съ сразами,	цѣною		отъ 2 р. 50 к.	до 3 р.	— сер.
25	—	—	—	безъ сразъ	— отъ 2 р. —	до 2 р. 50 к.	
50	—	—	—	—	— — отъ 1 р. —	до 2 р. —	

итого—100.

До 1000 крестиковъ серебряныхъ маленькихъ, грудныхъ, безъ позолоты, чистой работы.

О пребываніи преосвященнаго Иннокентія въ Иркутскѣ и о его путешествіяхъ по Амуру мы имѣемъ еще свѣдѣнія изъ имѣющихся у насъ собственноручныхъ его черновыхъ писемъ къ митрополиту Москов-

скому Филарету, которыя и приводимъ по порядку. «Не смотря на то, что я получилъ почту изъ Америки и проѣхался еще (въ 3-й разъ) по Амуру,» писалъ преосвященный Иннокентій *(отъ 30 августа 1860 года)*: «но весьма немного имѣю сообщить вашему высокопреосвященству такого, что бы достойно было вашего вниманія; и если я пріемлю смѣлость утруждать ваше высокопреосвященство моимъ симъ письмомъ, то только въ надеждѣ на ваше отеческое ко мнѣ благорасположеніе. Скажу прежде о себѣ: Якутскую паству я оставилъ 10 февраля и 29 былъ уже въ Иркутскѣ съ моею свитою, состоящею изъ діакона, 4-хъ пѣвчихъ и 2-хъ келейниковъ. 4-го марта было нареченіе, а 6-го хиротонія бывшаго протоіерея Красноярскаго Петра, а въ монашествѣ Павла, въ епископа Якутскаго, а 15-го онъ уже отправился къ мѣсту своего служенія въ Якутскъ, куда и прибылъ 31-го того же марта.

Изъ бумагъ, получаемыхъ мною изъ Якутска, видно, что онъ принялся за дѣло со всею ревностію, и въ особенности за введеніе богослуженія и требоисправленія на Якутскомъ языкѣ. Довольно имъ и свѣтское чиноначальство, какъ это видно изъ письма тамошняго губернатора ко мнѣ, гдѣ онъ пишетъ ко мнѣ со всею откровенностію о томъ, какъ онъ ведетъ жизнь свою; пишетъ мнѣ, что онъ ничего не пьетъ и весьма мало принимаетъ пищи, служитъ часто и проч. И такъ, на первый разъ—слава Господу, пославшему въ Якутскую паству такого пастыря, какого я желалъ! Проживая въ Иркутскѣ, я съ 20 марта и по 1 апрѣля хворалъ, и довольно серьезно. Нынѣшняя весна была очень холодна, и оттого я застудилъ ноги, а вслѣдствіе этого у меня была рожа на лицѣ и полуголовѣ; и хотя я лѣчился и излѣчился отъ нея, но признаки и слѣды ея показывались и въ дорогѣ, особенно въ первое время. Даже и нынѣ, когда стали наступать холода, я чувствую въ лицѣ щекотаніе, а на головѣ—боль въ черепѣ. По Амуру я плылъ не на пароходѣ, а въ особомъ катерѣ, и въ пути моемъ я приставалъ ко всякому селенію, между прочимъ и для того, чтобы видѣть бытъ новопоселенцевъ. Рѣшительно никто изъ нихъ по всему Амуру не жалуется на почву земли или неудобства мѣстности, кромѣ одного селенія—втораго отъ устья Стрѣлки, мѣстность котораго дѣйствительно тѣсна; здѣсь проходитъ хребетъ большой Хинганскій, такъ что надобно будетъ занимать имъ мѣста на противоположномъ берегу (китайскомъ). Всѣ до одного отзывались, что все, что они сѣя-

ли прошедшаго года, уродилось весьма хорошо. Особенно вездѣ отлично хорошо родился картофель. Но только сѣяли очень мало; нынѣ посѣяли вездѣ въ нѣсколько разъ болѣе, и всходы были очень хороши; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жаловались на засухи. Полагаютъ, что ежели будетъ и средній урожай, то всѣ селенія будутъ сыты своими произведеніями; а на будущій годъ могутъ и удѣлять другимъ.

Всѣхъ селеній по Амуру, отъ устья Стрѣлки до Хабаровки или устья Уссури, кромѣ Благовѣщенска, находится (пробѣлъ) и въ нихъ (пробѣлъ) домовъ;—и по рѣкѣ Уссури селеній нашихъ заводится до 25. Отъ Хабаровки же до Маріинска, на разстояніи 600 верстъ, селенія начинаютъ строиться только нынѣшнимъ лѣтомъ; а сколько въ нихъ жителей на всемъ протяженіи, точно опредѣлить нельзя, потому что безпрестанно прибываютъ переселенцы. Въ Благовѣщенскѣ много уже настроено домовъ; вскорѣ по прибытіи моемъ туда освящена была приходская церковь во имя св. Николая. Соборъ же еще строится. Жителей въ Благовѣщенскѣ всѣхъ около трехъ тысячъ. Архіерейскій домъ строится не въ самомъ городѣ, но въ разстояніи $4^1/_2$ верстъ и уже на берегу рѣки Зеи, на весьма хорошемъ мѣстѣ. Къ осени въ немъ можно будетъ уже и жить. Городъ Николаевскъ, гдѣ я теперь нахожусь, смотритъ уже настоящимъ городомъ: въ немъ до 350 домовъ; церковь, которая закладывалась въ 1856 году за городомъ въ лѣсу, теперь находится менѣе чѣмъ на половинѣ города. Изъ Николаевска я въ началѣ сентября намѣренъ отправиться въ Камчатку, гдѣ я не былъ уже 10 лѣтъ сряду, и зимою предполагаю проѣхать по всей Камчаткѣ; нужно проѣхать и чрезъ Гижигу и Охотскъ, прибыть въ Якутскъ (около 1-го марта), и здѣсь дождавшись уже лѣта, поѣду въ Благовѣщенскъ, и вѣроятно чрезъ Иркутскъ, ибо Аянская дорога не легка уже для меня. Преосвященный Петръ Новоархангельскій пишетъ мнѣ въ краткомъ своемъ письмѣ (пространное же письмо онъ, по словамъ его, послалъ ко мнѣ чрезъ Калифорнію, но я его еще не получилъ),— что во время пути его изъ Азіи въ Америку, прошедшей осени, все его имущество и архіерейская ризница потонули; облаченія изорваны въ мелкія тряпки, трикиріи и дикиріи изломаны, которые онъ хотѣлъ и, вѣроятно, послалъ въ Москву для исправленія. Хорошо, что въ Ситхѣ оставались различныя вещи и архіерейскія облаченія; только мантія оставалась самая плохая, по словамъ преосвященнаго, неопредѣлен-

наго цвѣта, а новую шить не изъ чего. Весьма жалѣю, что я не могу ему помочь нынѣ ничѣмъ, да притомъ и случая нѣтъ переслать. Но я увѣренъ, что главное правленіе Американской Компаніи доставитъ ему вокругъ свѣта все необходимое. Свѣдѣнія отъ миссіонеровъ Американскихъ должны поступать прежде къ преосвященному викарію, и потому я нынѣ не имѣю отъ нихъ почти никакихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, кромѣ краткихъ писемъ, изъ которыхъ видно, что всѣ они здоровы и дѣйствуютъ съ прежнимъ усердіемъ. Преосвященный Петръ мнѣ не послалъ отчета, вѣроятно, потому, что онъ нынѣшняго лѣта намѣренъ самъ обозрѣть миссіи. Около 7-го сентября я отправляюсь въ Камчатку. Сынъ мой Гавріилъ и его подруга живутъ по прежнему. Пароходство на Амурѣ развивается».

Свое путешествіе по Амуру преосвященный Иннокентій описываетъ въ письмѣ къ дѣтямъ своимъ (отъ 23 сентября 1860 года): «Не изъ Дуи, а изъ Кастри пишу вамъ письмо, гдѣ мы уже третій разъ, а именно: въ первый разъ пришли мы вечеромъ въ субботу; на завтра вышли и опять воротились, побоясь небольшаго вѣтра (а между тѣмъ послѣ оказалось, что въ Дуѣ была тишина). Въ понедѣльникъ въ 9 часовъ вышли, взявъ дровъ и сѣна; къ вечеру пришли въ Дую и тотчасъ же приступили къ работѣ, которая продолжалась всю ночь и утромъ до 10 часовъ; потомъ начавшійся вѣтеръ отъ S воспрепятствовалъ; ночью стихло и опять работали; но въ среду утромъ начался вѣтеръ съ берегу и дулъ довольно свѣжо,—впрочемъ съ перетишьями, во время которыхъ грузили уголь, и въ это же время капитанъ съ инженеромъ уѣхали на берегъ,—и лишь только они доѣхали до берега, а баржи съ углемъ пристали къ намъ, какъ заревѣлъ вѣтеръ съ берегу; къ вечеру отошелъ къ Зюйду, и если не съ большею, то съ тою же силою началъ дуть, и тѣмъ прекратилось всякое сообщеніе съ берегомъ; а между тѣмъ начало подниматься волненіе, такъ что было очень небезопасно стоять, и то съ помощію паровъ: но къ утру волненіе усилилось, вѣтеръ не стихалъ, и мы принуждены были баржи отрубить и пустить по вѣтру на волю Божію (принесетъ ихъ къ берегу—ладно; не принесетъ—прощай: и Дуя должна лишиться своихъ гребныхъ судовъ) и сами выпустить канатъ и идти въ море; и вотъ вчера цѣлый день ходили по пустякамъ, въ надеждѣ не стихнетъ ли вѣтръ— и онъ не стихъ и мы пришли сюда, въ Кастри, въ пятницу, въ 8 ча-

совъ утра. Здѣсь мы нашли шкуну «Востокъ», возвращающуюся съ описи, съ которою и посылаю это письмо.

Теперь скажу о себѣ: меня почти не укачивало даже и вчера, когда ужасно виляло судно, только въ воскресенье немного мутило, и вѣроятно вырвало бы, если бы мы не поворотили назадъ,—и тѣмъ и прошло. Вчера утромъ я долго лежалъ въ постели и №3: вчера не варили на суднѣ никому отъ сильной качки, и этому причиною не качка, а худое устройство котловъ, а отъ этого мой Гаврило проморилъ меня до 10 часовъ. И я принужденъ былъ выпросить у него закусить; и закусилъ сухарями съ рыбою. Потомъ, когда мы поворотили на другой галсъ, качка сдѣлалась менѣе, и начали варить; и Гаврило вызвался сварить мнѣ такъ называемую селянку изъ кислой капусты и рыбы, и я велѣлъ; и что же вышло? Онъ положилъ три или четыре премаленькихъ кусочка рыбы и ложки двѣ, небольше, капусты, а остальное наворотилъ соленыхъ огурцовъ;—и оттого, какъ ни хотѣлось мнѣ ѣсть, я не могъ ѣсть живую соль. Потомъ сказалъ онъ мнѣ, что сейчасъ подастъ чаю; и вотъ я ждать-пождать: нѣтъ ни Гаврила, ни чаю! а между тѣмъ, питье смертельно давитъ. Спасибо въ каютѣ компаніи пили чай, и я выпросилъ стаканъ и утолилъ немного свою жажду; а потомъ чрезъ часъ и Гаврило пріѣхалъ съ своимъ чаемъ.—Вечеромъ онъ сварилъ мнѣ супъ изъ картофля съ рыбой, а сегодня день начинается какъ слѣдуетъ. Здоровье мое, слава Богу, не худо; только щека, которую я закрываю, немножко будто горитъ; и то, кажется, болѣе отъ тренія самой покрышки или подушечки. Вчера, когда мы качались въ морѣ, на меня напало страшное уныніе: потому что вотъ мы уже цѣлую недѣлю плаваемъ, и почти ничего еще не сдѣлали; уголь, который успѣли взять, сожженъ при переходѣ изъ Дуи въ Кастри, а грузъ сдали на берегъ—не болѣе 500 пудовъ муки. Чтобы взять полный грузъ угля и сдать грузъ весь, намъ надобно не менѣе 3-хъ денъ тихихъ; а теперь ждать такихъ дней трудно. Правда, вѣтрà, можетъ быть, будутъ тихіе, но западные, и потому работать будетъ нельзя, ибо Дуя открыта западнымъ вѣтрамъ. Все это разбирая и разсуждая, я чуть было не рѣшился воротиться назадъ въ Николаевскъ; но по долгомъ бореніи, рѣшился остаться еще, и ежели мы еще разъ вернемся въ Кастри, и особенно около 1 октября; то едвали я не рѣшусь остаться тутъ. Но да будетъ воля Господня! Если бы Ему

было не угодно, чтобы я отправился въ Камчатку; то конечно, этого бы и не было. Конечно, придти въ Камчатку, мы придемъ; но, кажется, очень поздно.

Не знаю, говорилъ ли я вамъ или нѣтъ, но скажу теперь: когда я, еще въ 1838 году, выѣзжалъ изъ Ситхи въ Питеръ, братъ мой, находясь въ лѣсномъ селеніи, видѣлъ сонъ, въ которомъ ему святитель Иннокентій сказалъ, что онъ увидится со мною три раза; и мы точно видѣлись три раза: въ 1841, 1845 и 1850 годахъ. Вопросъ: увидимся ли въ четвертый разъ? а если нѣтъ: то одинъ изъ насъ долженъ помереть; или я не попаду въ Камчатку нынѣ—дѣло очень возможное! Судно наше качествъ очень нехорошихъ, вся надежда на машину, а машина стукаетъ сильно. Испортись машина—судно наше не въ состояніи лавировать: грота нѣтъ, и у прочихъ парусовъ нѣтъ буленей, а при такомъ положеніи намъ въ Петропавловскъ при N вѣтрахъ не войти, и мы, пожалуй, уйдемъ на Сандвичевы, какъ это было съ Б........ въ 1850 году. Но да будетъ воля Божія во всемъ! Надобно же когда нибудь умереть. Скажу еще одно: кажется, на воскресенье, я видѣлъ сонъ, въ которомъ между прочимъ ясно обозначилось число 69; что это значитъ? проживу-ли я до 1869 года? или до 69 года своего возраста? или мы въ морѣ пробудемъ 69 дней? а во всякомъ случаѣ, сонъ этотъ очень замѣчателенъ и знаменателенъ.—Вѣтеръ въ Кастри тихій; мы стоимъ, и долго ли простоимъ, не знаю; но кажется, не прежде уйдемъ, пока нарубимъ дровъ.

Но, чтобы не упустить случая отправить это письмо къ вамъ, я заканчиваю его пожеланіемъ всякихъ благъ вамъ и дѣтямъ вашимъ. Затѣмъ, прощайте, до свиданія. Господь съ вами!

Шкуна отошла къ маяку. Не знаю, возвратится ли она оттуда, а если нѣтъ, то письмо это вы получите уже послѣ ея».

Изъ Де-Кастри преосвященный Иннокентій снова возвратился въ Николаевскъ, куда и прибылъ 12 октября; здѣсь ожидало его письмо изъ Москвы отъ митрополита Филарета *(отъ 13 февраля 1860 года)*, адресованное въ г. Якутскъ, и уже оттуда пересланное въ Николаевскъ. «О священникѣ Эрумнозовѣ и причетникѣ при немъ», пишетъ митрополитъ Филаретъ, «скажетъ вашему высокопреосвященству оффиціальное отношеніе, которое онъ вмѣстѣ съ симъ представитъ. Здѣсь долженъ я дать вамъ отчетъ о причетникѣ Поповѣ. Я предложилъ ему

вашу волю; но онъ возразилъ, что пособія, какое дается причетнику, не довольно ему для совершенія переѣзда къ вамъ, и просилъ произвесть его въ діакона, чтобы онъ могъ получить больше этого. На сіе я не рѣшился, потому что отъ васъ не уполномоченъ. Потомъ онъ сдѣлался боленъ, и по выздоровленіи едва ли крѣпокъ для зимняго дальняго путешествія. И такъ, еслибы я и поспѣшилъ произвесть его въ діакона, сіе могло послужить не къ развязкѣ, а къ запутанности дѣла. Поповъ, какъ слышу, хочетъ проситься къ вамъ лѣтомъ. Сколько вижу, онъ доброе дитя; не знаю, по немъ ли будетъ вашъ климатъ. Студента, по вашему желанію, найдти здѣсь не легко: здѣсь очень господствуетъ пристрастіе къ Москвѣ и Московской епархіи. Впрочемъ, поищемъ.

За свѣдѣнія о миссіонерахъ благодаримъ. Господь да благословляетъ паче и паче ихъ апостольное служеніе. Я подписался для васъ на два здѣшнія новыя повременныя изданія: Душеполезное чтеніе и Православное обозрѣніе. Будьте читателемъ благосклоннымъ, а если разсудите—и сотрудникомъ.

Вчера былъ у меня графъ Амурскій и въ разговорѣ о васъ упомянулъ, что вы строите деревянный домъ трехъ-этажный. У меня это осталось въ мысляхъ, и мнѣ хочется предложить вамъ вопросы: удобно-ли? прочно-ли? безопасно-ли? не лучше-ли два этажа съ увеличеніемъ длины? Часто вижу, что двухъ-этажные деревянные домы теряли горизонтальную линію. Не хуже-ли будетъ, если сему подвергнется трехъэтажный? Впрочемъ, Господь да поможетъ вамъ создать твердо и благонадежно и домъ Божій, и домъ вашъ. Простите, что рѣдко и мало пишу. Изнемогаю. Прошу молитвъ вашихъ». *(Русск. Арх. 1881 года, стр. 29—30)*. «Приношу искреннюю благодарность вашему высокопреосвященству», отвѣчаетъ Иннокентій, «за письмо ваше отъ 13 февраля, посланное со священникомъ Эрумнозовымъ, которое до меня дошло 12 октября, и въ особенности за вашу заботливость о причетникѣ Поповѣ. Священникъ Эрумнозовъ пріѣхалъ на мѣсто служенія своего только что въ августѣ. Пропустивъ удобный зимній путь, какъ онъ пишетъ, за болѣзнію жены своей,—онъ ѣхалъ въ самую распутицу, и оттого онъ не только ничего не могъ сберечь изъ полученныхъ имъ прогонныхъ денегъ, но позаимствовался еще болѣе—300 р. Жаль его, но помочь нельзя, потому что и безъ того ему выдано прогонныхъ денегъ почти вдвойнѣ, такъ

что можно ожидать, что съ него потребуютъ обратно излишне взятыя, если только обратятъ на это вниманіе.

Не совсѣмъ справедливо сказалъ вашему высокопреосвященству графъ Амурскій, что я строю себѣ домъ трехъ-этажный. Я хотѣлъ имѣть домъ двухъ-этажный и во второмъ этажѣ, въ трехъ комнатахъ, сдѣлать верхнія комнаты, или что называютъ здѣсь антресолями. Но на дѣлѣ домъ вышелъ только одно-этажный, а вмѣсто втораго этажа предполагаемъ выстроить еще флигель.

Получая постоянно новые журналы: Душеполезное чтеніе и Православное обозрѣніе безъ моей подписки, я недоразумѣвалъ, что бы это значило, и хотѣлъ было отправить за нихъ деньги; но изъ письма вашего высокопреосвященства я увидѣлъ, что я вамъ обязанъ таковою посылкою—за что и приношу мою благодарность. Я въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вашему высокопреосвященству, между прочимъ, сказалъ, что я собираюсь въ Камчатку. И дѣйствительно, я собрался было совсѣмъ, такъ что уже и вышли въ море 16 сентября, на одномъ изъ казенныхъ паровыхъ судовъ. Но проплававъ ровно 17 дней по Татарскому заливу безъ всякаго успѣха (т. е. не могли получить угля, безъ котораго судну идти въ такое позднее время довольно рискованно), я рѣшился наконецъ отложить мое намѣреніе побывать нынѣ въ Камчаткѣ; и вотъ я опять, съ 12 октября, нахожусь въ Николаевскѣ, гдѣ по неволѣ долженъ и провести зиму и гдѣ, скажу откровенно, менѣе всего мнѣ бы хотѣлось зимовать и по климату, и по тѣсному помѣщенію и главное потому, что здѣсь народъ все новаго направленія, такъ что напр. не устыдились сдѣлать публичный балъ на день Пятидесятницы не смотря на просьбу благочиннаго..... то какъ, послѣ такихъ поступковъ, ожидать скораго и искренняго обращенія туземцевъ! Чѣмъ оправдывать своихъ и что̀ говорить чужимъ на вопросъ о подобныхъ дѣлахъ! Признаюсь, я начинаю малодушествовать, когда придетъ на мысль, что туземцы немного лучше увидятъ и между прочими нашими поселенцами на Амурѣ.

Со вскрытіемъ Амура предполагаю плыть вверхъ на первомъ пароходѣ до Благовѣщенска и на пути думаю зайти и на рѣку Уссури, гдѣ находится уже 26 станицъ или поселеній казачьихъ, какъ о томъ доноситъ мнѣ священникъ, котораго я посылалъ туда, и гдѣ я еще не бывалъ». Семнадцатаго февраля 1861 года, преосвященный Иннокентій,

проживая еще въ Николаевскѣ, писалъ слѣдующее письмо своей дочери монахинѣ Поликсеніи: «Письмо твое (отъ котораго числа, мѣсяца и года, и гдѣ писано—не видно) я получилъ, и по нему исполняю. Ты просила меня написать отцу намѣстнику Кіевской лавры и поблагодарить его за оказанныя имъ тебѣ милости; и вотъ я исполняю твою просьбу. Но такъ какъ изъ письма твоего нельзя понять, какъ зовутъ его: Іоаннъ или Іона; и потому я посылаю это письмо чрезъ тебя. Изволь сама написать адресъ. Я, слава Богу, здоровъ; съ іюля минувшаго года и по сіе время нахожусь въ г. Николаевскѣ на Амурѣ; думалъ было побывать въ Камчаткѣ, но Господь не велѣлъ. На весну отправлюсь въ свой городъ Благовѣщенскъ, вмѣстѣ съ братомъ твоимъ Гавріиломъ, котораго я перевожу изъ Николаевска на службу тоже въ Благовѣщенскъ. Онъ и подруга его тебѣ посылаютъ поклонъ. У нихъ два сына: Іоаннъ $4^1/_2$ лѣтъ и Евсевій 10 мѣсяцевъ, и всѣ они, слава Богу, здоровы. Сестра твоя Екатерина 5 февраля выдала вторую свою дочь Параскеву въ замужество за офицера Бутакова, да едва ли не вышла тоже замужъ и старшая дочь ея Александра, находящаяся въ Иркутскѣ (кончившая курсъ въ духовномъ училищѣ). Вотъ тебѣ и всѣ наши новости. Возлюбленной и почтеннѣйшей матушкѣ игуменьѣ поклонись отъ меня до земли и поблагодари ее за меня за всѣ ея оказанныя тебѣ милости и благодѣянія. Счастлива ты, что Богъ послалъ тебѣ такую мать. Да воздастъ ей Господь Богъ своими милостями! За тѣмъ, прощай, Господь съ тобою! Молись, молись и молись, и борись. Помни, что ты въ Борисовкѣ. Письма твоего, писаннаго въ Кіевѣ, я не получалъ».

По вскрытіи Амура, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ. О прибытіи преосвященнаго въ Благовѣщенскъ мы помѣщаемъ здѣсь слѣдующій разсказъ, нами записанный со словъ очевидца, священника-миссіонера Сѵмеона Казанскаго [1]), только что пріѣхавшаго въ то время изъ Москвы на службу къ преосвященному Иннокентію, въ качествѣ псаломщика: «Въ началѣ іюня 1861 года», разсказывалъ онъ, «въ Благовѣщенскѣ ждали владыку, и вотъ приходятъ къ намъ Манчжуры и сказываютъ: Огонь-лодка идетъ (это

[1]) Священникъ Симеонъ Казанскій (нынѣ умершій), проживъ нѣсколько лѣтъ на островѣ Сахалинѣ, по разстроенному здоровью, возвратился обратно въ Москву, гдѣ пребывалъ нѣкоторое время въ Покровскомъ монастырѣ.

значитъ пароходъ); мы бросились на колокольню: дѣйствительно, Огонь-лодка шла и везла преосвященнаго Иннокентія. Владыка показался мнѣ слишкомъ строгимъ, хотя и говорилъ со мною очень милостиво. По пріѣздѣ своемъ, онъ въ тотъ же день присутствовалъ за всенощной. Мнѣ пришлось читать пареміи; владыка очень хвалилъ мой голосъ благочинному, и когда я подошелъ къ благословенію, онъ сказалъ: «хорошо читаешь; а у васъ въ Москвѣ еще не вывѣтрило эту странность—кончать непремѣнно съ какимъ-то голкомъ!» Я ничего не отвѣтилъ и ушелъ. На утро литургію служилъ самъ владыка; надо набирать было ризницу. Съ нимъ служили: протоіерей Петръ Литвинцевъ, ѣдущій въ Николаевскъ (съ 2 сыновьями, одинъ изъ нихъ діаконъ, а другой просто семинарскій студентъ), и мѣстный благочинный Амурскихъ церквей и миссій протоіерей Александръ Сизой. Больше священниковъ нѣтъ и вызвать неоткуда. Разобравши ризницу, я гляжу: мой товарищъ дьячекъ Евгеній Сизой на стихарь накладываетъ орарь и опоясывается имъ какъ иподіаконъ. Это кто тебя посвятилъ въ иподіаконы? спросилъ я.—Здѣсь всѣ посвящены, отвѣтилъ мнѣ архіерейскій служка, дѣлая то же самое. Оказалось, что этотъ служка—и архіерейскій лакей, и экономъ, и ризничій. Но вотъ вошли дьяконы и священники и стали облачаться. Затѣмъ явился и самъ преосвященный Иннокентій, и начинается обыкновенное архіерейское служеніе. Владыка служилъ съ большимъ благоговѣніемъ, не торопился и не растягивалъ. Протодьяконъ оказался съ хорошимъ голосомъ, читалъ св. Евангеліе ровно и кончилъ его безъ голка. На слѣдующей службѣ владыка посвятилъ діакона Льва Коноровскаго въ священники въ вновь открывшійся приходъ—въ Покровскую Станицу.

На этотъ разъ преосвященный Иннокентій пробылъ нѣсколько дней въ Благовѣщенскѣ. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, онъ сталъ собираться обратно въ Николаевскъ, чтобы оттуда уже отправиться въ продолжительное путешествіе по Камчатской епархіи, и мнѣ приказалъ собираться ѣхать съ нимъ; но я заболѣлъ лихорадкою (въ этомъ краю лихорадка очень зла на новичковъ) и я остался. Владыка же, выѣзжая изъ Благовѣщенска, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы я по выздоровленіи нагонялъ его въ Хаборовкѣ; что я исполнилъ. Оправившись отъ болѣзни, я сталъ ожидать парохода; и вотъ проходитъ пароходъ «Зея.» Въ то время всѣ пароходы Амура были казенные и капитанами пароходовъ были морскіе офицеры. Они сильно

озарничали и на ихъ преступленія смотрѣли сквозь пальцы. Являюсь я на «Зею»; тамъ на палубѣ засталъ много нашихъ чиновниковъ и офицеровъ. Ну вотъ, пароходъ пришелъ.—Поѣзжайте, сказали они мнѣ. Поклонившись капитану, я подалъ ему изъ штаба бланку. Капитанъ посмотрѣлъ, вручилъ мнѣ ее назадъ и сказалъ: «я не могу васъ принять».—Отчего же, капитанъ? у меня клади нѣтъ, я васъ не стѣсню, а мнѣ необходимо быть въ Хаборовкѣ.—Тутъ всѣ захлопотали о мнѣ, говоря: кого угодно не берите, а его надо взять, ему къ архіерею надо ѣхать.— «Я пріѣхалъ сюда гулять», отвѣтилъ капитанъ. Ну и возьмите его хоть ради прогулки.—Ничто не помогло; виноватъ я собственно тѣмъ, зачѣмъ показалъ бланку. Воротясь домой, засталъ отца благочиннаго за письмомъ. «Ну что?» спросилъ онъ.—Не беретъ; говоритъ, что пріѣхалъ сюда гулять.— «Въ каждой станицѣ онъ гуляетъ», проговорилъ благочинный:— «ну, да другой пароходъ скоро придетъ». Чрезъ нѣсколько дней пришла «Лена» и я благополучно доплылъ на ней до Хаборовки. Здѣсь владыки еще не было: съ Уссури онъ не воротился; но за то я засталъ діакона Литвинцева, который имѣлъ намѣреніе просить преосвященнаго Иннокентія, чтобы онъ поставилъ его здѣсь священникомъ. Владыка пріѣхалъ, принялъ просьбу діакона и вмѣсто того, чтобы отвѣтить на его просьбу, сказалъ, чтобы онъ оставилъ здѣсь жену и собирался съ нимъ въ Николаевскъ. Тотъ какъ раскрылъ ротъ, такъ, съ открытомъ ртомъ, и пришелъ къ своей женѣ. Едва онъ могъ выговорить повелѣніе архипастыря, какъ раздался плачъ да съ воемъ: «будь проклятъ этотъ Амуръ! да я сама поѣду къ архіерею» и т. д. Вотъ какъ! подумалъ я. Дьяконица къ архіерею—и зачѣмъ? съ просьбой?—нѣтъ, а жаловаться на его же распоряженія! Не знаю, была ли она у архіерея или нѣтъ. Гдѣ же тутъ архіерейское притѣсненіе? Въ Хаборовкѣ владыка, кажется, отслужилъ одинъ разъ.» О пѣвчихъ, сопровождавшихъ владыку, отецъ Казанскій разсказывалъ слѣдующее: Собственно архіерейскихъ пѣвчихъ у владыки не было: трое исполатчиковъ и одинъ росколотый басъ, который исполнялъ должность секретаря, т. е. переписывалъ бумаги, въ которыхъ нѣтъ тайны и которыя можно разглашать по всѣмъ закоулкамъ Камчатской епархіи.

«Отчего, спросятъ, не быть бы у такого знаменитаго архіерея, какъ Иннокентій, хорошему хору пѣвчихъ?» спрашиваетъ отецъ Казанскій. «Оттого, во первыхъ, что владыка постоянно въ разъѣздѣ и для большой

ватаги нужно много припасовъ; а въ силу Амурскаго безлюдья, необходимо всѣмъ запасаться на весь путь, не только впередъ, а иногда и назадъ—такъ большой свиты имѣть съ собой нельзя; и во вторыхъ, надо понять, что̀ такое разъѣздъ по Камчатской епархіи: на всемъ протяженіи одного Амура, сколько приходовъ: Албазинъ, Кумара, Благовѣщенскъ, Подерково, Иннокентіево, Хабаровка, Михаило-Семеновское и Николаевскъ! и этого только протяженія будетъ слишкомъ 3000 верстъ».

Затѣмъ, священникъ Симеонъ Казанскій характеризуетъ преосвященнаго Иннокентія такъ: «Владыка былъ очень добръ, а главное—разсудителенъ; онъ рѣдко смѣялся, а еще рѣже на подчиненныхъ возвышалъ голосъ. Съ радости онъ не прыгалъ, а несчастія считалъ неизбѣжнымъ явленіемъ человѣческаго бытія. Трудолюбіе его равнялось глубокому его уму; почти не было мастерства, котораго бы онъ не зналъ основательно: въ наукахъ онъ хорошій математикъ, астрономъ, физикъ и химикъ и естествословъ;—такъ что по неволѣ удивляешься, когда онъ успѣлъ пріобрѣсти такое обширное и многостороннее познаніе и приложить его къ дѣлу». Такъ напримѣръ, на клиперѣ «Гайдамакъ» одинъ изъ офицеровъ привезъ съ собой фотографію; тогда была эта чрезвычайная рѣдкость: и вотъ, задумали озадачить владыку. Ничуть не бывало. Владыка какъ будто ничѣмъ болѣе и не занимался, какъ ею; указалъ нѣсколько химическихъ веществъ, входящихъ въ фотографію и, назвавъ двухъ или трехъ знаменитыхъ фотографовъ въ Европѣ, онъ прибавилъ, что свѣтопись должна давно быть извѣстна, и тутъ же объяснилъ начало свѣтописи. Въ домашней жизни владыка былъ простъ, носилъ одежду и обувь простую и прочную, исключая праздниковъ. Столъ его самый монашескій, ѣлъ немного, но достаточно; предъ обѣдомъ выпивалъ рюмку водки (рѣдко двѣ), имѣлъ здоровый организмъ, который могъ выносить громадныя трудности; а ихъ было достаточно, даже не перечтешь».

Пріѣхавши изъ Благовѣщенска обратно въ Николаевскъ, преосвященный писалъ слѣдующее письмо *(отъ 5-го августа 1861 года)* къ Г. М. Корнилову: «Покорнѣйше прошу васъ принять на себя трудъ заказать сдѣлать для нашихъ церквей шесть сосудовъ съ полными приборами, но чтобы все это стоило сколько возможно дешевле. Изъ серебра велите сдѣлать однѣ только чаши у сосудовъ и тарелочку у дискоса; а ручки у сосудовъ и поддоны, а также и поддоны у дискосовъ и звѣздицы, сдѣлать мѣдныя. Но чаши, ручки и поддоны у со-

судовъ, а также и звѣздицы позолотить; а поддонъ у дискосовъ высеребрить. Тарелочки и чашечки для теплоты сдѣлать изъ олова или какой либо композиціи. Лжицы должны быть серебряныя и на концѣ позолоченныя. Копьецы простыя. Сосуды величиною должны быть нѣсколько поменьше среднихъ и безъ всякихъ украшеній, только съ вырѣзкою обычныхъ иконъ на чашахъ, а также и на дискосахъ. Кромѣ того, пришлите 6 мѣдныхъ кадилъ посеребренныхъ и сколько возможно прочныхъ; 6 Евангелій 7 и 6 вершковыхъ, въ бархатѣ, съ мѣдными чеканными наугольниками посеребренными; 4 дароносицы мѣдныхъ; 20 служебниковъ въ 8 листа и 1 чиновникъ архіерейскій, новаго изданія, въ бархатной лучшей оправѣ и въ папкѣ. Всѣ сіи вещи пришлите въ г. Благовѣщенскъ на имя мое. На заготовленіе оныхъ посылаю вамъ теперь только сто пятьдесятъ рублей; а остальные прошу получить изъ Московской Конторы Россійско-Американской Компаніи, которая, безъ сомнѣнія, заплатитъ вамъ по вашему счету. Затѣмъ, призывая на васъ благословеніе Божіе....»

Послѣ сего письма преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Николаевска въ Камчатку, и на пути изъ Дуи въ Кастри случилось съ нимъ несчастіе. Судно, на которомъ ѣхалъ владыка, вслѣдствіе страшной бури, сѣло на мель и разбилось, и чуть всѣ ѣхавшіе не потонули. О семъ несчастіи вотъ что разсказывалъ отецъ Казанскій: «Этотъ случай совершился въ ночь на 29 августа. Сдѣлалась страшная буря; судно наше перебрасывало изъ стороны въ сторону, смятеніе было полное, всѣ ожидали смерти; одинъ преосвященный Иннокентій былъ въ полномъ спокойствіи. Во время этой сильной качки я случайно очутился противъ двери каюты, гдѣ былъ владыка; и вдругъ дверь эта сама собою отъ тряски и качки отворилась; я подумалъ, что владыка ее отворилъ, чтобы позвать кого либо, и я взошелъ къ нему и пораженъ былъ такою картиною: среди общаго смятенія, треска судна и стука волны, преосвященный Иннокентій покойно стоялъ передъ образомъ на колѣняхъ и горячо молился и читалъ себѣ отходную; но когда онъ увидалъ меня, сдѣлалъ такое выраженіе глазъ, что я невольно смутился и весь былъ потрясенъ, и тутъ же догадался, что я ему помѣшалъ, и опрометью вышелъ отъ него, затворивъ дверь. По окончаніи же молитвы владыка съ невозмутимымъ спокойствіемъ вышелъ на палубу и давалъ уже совѣты капитану судна. Наконецъ все

стихло и кончилось, благодареніе Господу, только разбитіемъ судна. Преосвященный Иннокентій, по выходѣ на берегъ, отслужилъ благодарственный Господу Богу молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ; но такъ какъ судно было разбито, то преосвященный намѣревался опять отложить свою поѣздку въ Камчатку и возвратиться обратно въ Николаевскъ; но начальникъ Русской эскадры, г. Лихачевъ, вскорѣ прибывшій къ выкинутому судну на пароходѣ, предложилъ преосвященному Иннокентію ѣхать съ нимъ въ Японію, гдѣ онъ обѣщался дать ему одно изъ находящихся въ его распоряженіи судовъ, чтобы уже изъ Японіи онъ могъ отправиться въ Камчатку. Преосвященный согласился и отправился вмѣстѣ съ г. Лихачевымъ въ Японію и, на пути изъ Дуи въ Кастри, отправилъ письмо *(отъ 2 сентября 1861 года)* своимъ дѣтямъ—отцу Гавріилу и его супругѣ, извѣщая о своемъ спасеніи: «Слава и благодареніе Господу, хранящему меня во всѣхъ путяхъ моихъ, какъ зеницу ока! Я живъ, здоровъ и сухъ вышелъ изъ воды—такъ сухъ, что ни одна капля, буквально ни одна, не пала на меня во все время бѣдствія корабля нашего. За день передъ тѣмъ я простудилъ горло, и потому 28 августа я совсѣмъ не выходилъ изъ каюты ни днемъ, ни во время бури, ни тогда, когда судно наше сѣло на мель. Только утромъ 29 (августа) вышелъ я, когда былъ вѣтеръ гораздо тише. Судно наше я нашелъ уже недалеко отъ берега, стоящимъ плотно и въ совершенной безопасности со стороны волны. Тотчасъ начали перебираться на берегъ: первые сошли пѣвчіе и больные судовые, затѣмъ докторъ съ аптекою, а за ними и я. Вошелъ я на судно съ параднаго трапу, а сошелъ по штормъ-трапу и то съ гальюка. Но за то сошелъ благополучно и не замочивъ ноги. Меня изъ катера вынесли. Во время бѣдствія я, по милости Божіей, былъ въ спокойномъ положеніи—особенно, когда судно наше стало совсѣмъ на мель. И если бы не стукъ волны, бившей въ корму, то я могъ бы и уснуть. Остальное все разскажетъ вамъ податель сего письма, бывшій во все время на верху. Что же касается до вещей нашихъ, то онѣ не всѣ вышли сухи. Митру и еще кое-что подмочило; но изъ собственныхъ моихъ вещей рѣшительно ничего не подмокло, кромѣ сахару и другихъ кой-какихъ запасовъ; но у бѣднаго отца Георгія весь чай подмочило и почти всѣ вещи. Долго я колебался (какъ теперь пароходъ нашъ, идущій подъ парами): идти ли мнѣ въ Камчатку, или нѣтъ. Но сего-

дня я рѣшился на первое. Да будетъ воля Божія! Если мнѣ суждено умереть въ Камчаткѣ, или въ морѣ, то никакъ не избѣжать. Впрочемъ, время еще не позднее. Изъ Кастри мы пойдемъ въ Ольгу и оттуда прямо въ Хакодате. Здѣсь я пересяду на какое нибудь казенное судно, которое пойдетъ прямо въ Камчатку.

Всѣ находящіеся со мною до одного живы и здоровы и я, слава Богу, не могу много жаловаться на нездоровье. Бокъ мой меня не безпокоитъ, только щека чуть-чуть напоминаетъ о себѣ, что ее надобно беречь отъ вѣтра и помазывать масломъ. Затѣмъ, прощайте, до свиданія! Господь съ вами! Петру Васильевичу и Павлу Алексѣевичу и прочимъ мой искренній поклонъ.

Поздравляю васъ съ имянинникомъ [1]); желаю ему здоровья и ума-разума.» Письмомъ отъ 13 сентября преосвященный Иннокентій извѣщаетъ сына своего, отца Гавріила, о прибытіи своемъ въ Хакодате: «Вотъ я и въ Японіи, куда мы прибыли 9 числа, утромъ рано; здѣсь мы нашли одно только наше судно—«Абрекъ», но и то сегодня ушло куда-то, говорятъ, дней на шесть или на 7. И потому, Богъ знаетъ, когда и на чемъ мы отправимся въ Камчатку; а когда уйдетъ «Америка», то мы рѣшительно не будемъ видѣть ни одного судна Русскаго. Но да будетъ воля Господня во всемъ! не по своей волѣ, а по Его указанію я предпринялъ путь изъ Кастри сюда. Я помѣстился въ домѣ консула, а свита моя привитаетъ у отца Николая, а ѣдимъ всѣ консульскую шею. Я позволилъ отцу Николаю изъ состоящаго на немъ долгу въ вашу церковь выдать 100 р. свитѣ моей на покупки нужныхъ имъ вещей, и потому вы получите отъ него матерій не на 500 р., а только на 400, а 100 р. онъ возвратитъ вамъ бумажками. Путь нашъ отъ Сахалина и до самаго Хакодате былъ самый спокойный и счастливый (только Гаврило потерпѣлъ убытокъ). Качки рѣшительно никакой не было. Погода стояла хорошая, и меня нисколько не укачало. У Гаврила сожгло вещей рублей на 70 кислотами, да на разбитіи пропало шампанское и вино. Конечно, не безъ убытку и я буду—и это неизбѣжно, ибо надобно трижды погрузить и столько же выгрузить.

Отецъ Николай хорошо живетъ, имѣетъ до 16 человѣкъ учениковъ

---

[1]) Внукъ его Иванъ Гавриловичъ Веніаминовъ.

Японцевъ. Столъ имѣетъ у консула, квартира очень хорошая и просторная. Я нигдѣ еще не былъ и ничего не видалъ; и потому ничего не могу вамъ сообщить новаго. Скажу только, что грусть начинаетъ нападать на меня оттого, что время идетъ и ведетъ къ осени глубокой, а мы еще и не знаемъ, когда и на чемъ пойдемъ, и когда и какъ придемъ.

Любопытно знать: какъ и что передали вамъ, жителямъ Николаевска, бывшіе на Сахалинѣ ваши плаватели о нашемъ разбитіи. И безъ сомнѣнія, не безъ преувеличенія или не безъ уменьшенія. Кто что ни говори, но я всегда скажу, что мы были очень въ опасномъ положеніи, потому что не имѣли никакого якоря въ водѣ и ничѣмъ не были привязаны къ берегу. И потому наше судно могло быть выкинуто на рифъ, находившійся отъ насъ въ нѣсколькихъ саженяхъ, или отнесено въ море—и тогда наша погибель была бы неизбѣжна. Я послѣдняго очень боялся во время разбитія нашего, а о первомъ я и не зналъ, потому что я не выходилъ изъ каюты. О капитанѣ нашемъ скажу только, что впередъ онъ подобнаго не сдѣлаетъ: но если бы даже и осудили его за это, то надобно пощадить его ради его рѣдкаго характера, чрезвычайно ровнаго и спокойнаго. Онъ и во время разбитія говорилъ и распоряжался тѣмъ же самымъ тономъ, какъ и во время лучшаго плаванія. Впрочемъ, по мнѣнію моему, судно не совсѣмъ пропало. Лишь бы только не снесло его осенними льдами. Зимою могутъ зачинить пробоины и весною привести въ Николаевскъ, а тамъ могутъ исправить его какъ слѣдуетъ. И такъ, ни на кого и ни на что нельзя надѣяться и разсчитывать на-вѣрняка. Казалось, что мы какъ разъ достигнемъ Камчатки: судно новое, прочное, удобное, лучшее изъ всего отряда судовъ здѣшнихъ, ходокъ и подъ парами, и подъ парусами; команды много, капитанъ—изъ лучшихъ—словомъ сказать, лучшей обстановки быть не можетъ: но дунулъ вѣтръ—и все разстроилось и рушилось! Пока довольно.

Свита наша, во время плаванія изъ Кастри до Японіи, пользовалась пищею судовою въ теченіи 8 или 9 дней на 5 порцій. И потому заплати въ казну, что потребуетъ, или что будетъ слѣдовать. Вчера я съ адмираломъ и консуломъ былъ въ гостяхъ у здѣшняго губернатора; насъ угощали супомъ, рыбою и наливкою. Гостинцевъ здѣшнихъ я вамъ ничего не посылаю—главное, потому что нѣтъ денегъ; пустяковъ

послать не стоитъ. Впрочемъ, я Гаврилѣ велѣлъ купить шелку, который здѣсь очень дешевъ. Затѣмъ, прощайте, до свиданія! Господь съ вами. Ваня, вѣрно, началъ уже учиться грамотѣ: скажите ему, чтобы онъ учился хорошенько, гостинцы привезу ему; а иначе не привезу. Учите пожалуста его молиться хорошенько и побольше.

P. S. Если отецъ Евлампій въ Николаевскѣ, то скажи ему отъ меня поклонъ и благословеніе и что я писалъ ему изъ Ольги съ отцомъ Филаретомъ, который изъявилъ желаніе и получилъ дозволеніе остаться во Владивостокѣ до окончанія храма, или до прибытія туда отца Евлампія. Я ему далъ и св. Антиминсъ для освященія храма. Отецъ Евлампій пусть отправляется во Владивостокъ при первомъ случаѣ; на случай, дай ему копію съ миссіонерской инструкціи и выпроси дозволеніе или видъ отъ губернатора путешествовать ему по Манчжуріи. Прилагаемый пакетъ отправь съ первою почтою.» Наконецъ преосвященному Иннокентію удалось выѣхать изъ Японіи въ Камчатку на казенномъ суднѣ; и тѣмъ грустное настроеніе его духа разсѣялось, такъ какъ онъ одиннадцать лѣтъ собирался туда и, по разнымъ случайностямъ, не могъ попасть. Въ Камчатку преосвященный прибылъ 5 октября 1861 года; съ 14 ноября онъ началъ путешествіе по епархіи, а 21 апрѣля 1862 года окончилъ прибытіемъ въ Якутскъ.

Объ апостольскихъ путешествіяхъ преосвященнаго Иннокентія мы имѣемъ еще слѣдующія любопытныя свѣдѣнія, извлеченныя изъ разсказа еврея Мовши Зильберберга: «Въ концѣ 1859 года или въ началѣ 1860 года, изъ Калифорніи, на фрегатѣ «Аврора», я прибылъ въ Ситху и здѣсь-то имѣлъ счастіе встрѣтиться съ великимъ проповѣдникомъ и просвѣтителемъ дикарей-идолопоклонниковъ, архіепископомъ Камчатскимъ Иннокентіемъ, который, узнавши, что я хорошо знакомъ съ языкомъ инородцевъ, предложилъ мнѣ быть его спутникомъ при объѣздѣ острововъ Алеутскихъ, съ платою по 35 рублей въ мѣсяцъ. Трудно высказать вполнѣ о тѣхъ подвигахъ, которые подъялъ на себя этотъ великій подвижникъ! Путешествіе на оленяхъ, недостатокъ иной разъ пищи, суровая природа, непогодь, враждебность дикарей и оскорбленія съ ихъ стороны—все это старецъ переносилъ терпѣливо и благодушно. Часто, на мои замѣчанія о столь непосильныхъ его трудахъ, онъ говорилъ мнѣ о терпѣніи и о тѣхъ наградахъ на небесахъ, какія ждутъ всѣхъ, дѣлающихъ добро для Бога и ближнихъ. Неутомимо,

въ теченіи 9 мѣсяцевъ, великій старецъ предъ сотнями дикарей проповѣдывалъ истиннаго Бога, съ одушевленіемъ, ревностію, часто со слезами на глазахъ, поучалъ ихъ истинамъ Евангелія, и труды его не остались безплодны: за это время крестилось дикарей обоего пола около 1800 душъ. [1]) Но для меня подобная жизнь, исполненная всякаго рода лишеній, была не подъ силу. Изнурившись отъ мучительнаго пути, скудной пищи и стосковавшись по родинѣ, я просилъ архіепископа Иннокентія освободить меня отъ обязанностей переводчика и уволить къ матери старухѣ. «Ступай, сказалъ онъ, утѣшь свиданіемъ мать свою; добрый путь тебѣ, сынъ мой; вѣрь, что за труды твои наградитъ тебя Богъ, а я увѣренъ, что Господь Іисусъ Христосъ призоветъ тебя въ число своихъ послѣдователей, и ты будешь истиннымъ христіаниномъ.» Поцѣловавъ со слезами руку почтеннаго старца, я на пароходѣ «Св. Николай» отплылъ до г. Николаевска, гдѣ радушно былъ принятъ сыномъ преосвященнаго о. Гавріиломъ, отъ котораго на другой день, на пароходѣ «Зея», отправился до Шилкинскаго завода, а тамъ на почтовыхъ ближе къ своей родинѣ. Такъ судьба столкнула меня съ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ и найти рѣдко, и, можетъ быть, 9-ти мѣсячное совмѣстное путешествіе и общеніе съ столь великимъ подвижникомъ заронило во мнѣ первую искру вѣры во Христа Спасителя.» *(Тобольск. Епарх. Вѣдом. № 20, 1882 года, стр. 416—417)*.

---

[1]) При преосвященномъ Иннокентіи, въ путешествіи, въ то время находились: іеромонахъ Венедиктъ и келейникъ Іоаннъ, крещенный изъ Бурятъ.

XXX

Изъ Якутска преосвященный Иннокентій выѣхалъ 22 іюня и 2 сентября 1862 года прибылъ въ г. Благовѣщенскъ уже на постоянное свое жительство.

Скажемъ здѣсь нѣсколько о помѣщеніи преосвященнаго Иннокентія въ г. Благовѣщенскѣ. Архіерейскій домъ, построенный по плану и подъ наблюденіемъ преосвященнаго Иннокентія, отстоялъ отъ Благовѣщенска въ четырехъ верстахъ и на такомъ же почти разстояніи отъ сліянія двухъ рѣкъ, Зеи и Амура. Мѣстность монастыря далеко красивѣе мѣстности города Благовѣщенска. Здѣсь до прихода Русскихъ была Манчжурская деревня, и при ней березовая и осиновая роща, съ дикимъ орѣшникомъ. Роща эта собственными руками преосвященнаго Иннокентія разработана; и много труда было приложено, чтобъ изъ дикаго дремучаго лѣсу образовать садъ съ аллеями и дорожками и, въ добавокъ, засадить эту рощу плодовыми деревьями. Монастырь занимаетъ мѣсто шириною около четверти версты, а длиною, вдоль рѣки Зеи, около версты. Земля подъ нимъ плодородная, въ особенности для огородничества. Пристань на рѣкѣ Зеѣ хорошая. Вся земля подъ монастыремъ обнесена деревяннымъ заплотомъ. Ширина рѣки Зеи будетъ около версты, а глубина до 4 сажень. Грунтъ рѣки песчаный и хрящеватый, изъ булыжнаго камня, и отъ этого вода свѣтлая и на вкусъ пріятная, лучше Амурской. Всѣхъ деревянныхъ въ монастырѣ зданій шесть, изъ коихъ первый, главный, корпусъ—не очень высокій—устроенъ для помѣщенія преосвященныхъ, ихъ келейниковъ, канце-

ляріи, ризницы, домовой церкви и для помѣщенія крестоваго іеромонаха; съ главнымъ корпусомъ въ связи стоятъ кладовыя, баня и кухня. Второй корпусъ построенъ собственно для крестовой братіи, довольно помѣстительный, на красивомъ мѣстѣ и съ особою кухнею; третій корпусъ для прислуги, въ срединѣ между главнымъ зданіемъ и домомъ братства. Четвертый стоитъ внѣ монастыря, при въѣздѣ, для помѣщенія женатой прислуги. Остальные два корпуса большіе стоятъ внутри двора, изъ коихъ одинъ для помѣщенія жизненныхъ припасовъ. Монастырь хотя не имѣетъ большихъ удобствъ относительно зданій, но если взять во вниманіе недавность края, то можно сказать, что построенными зданіями можно до времени довольствоваться. *(Иркут. Епарх. Вѣдом. 1869 г., стр. 238—239)*.

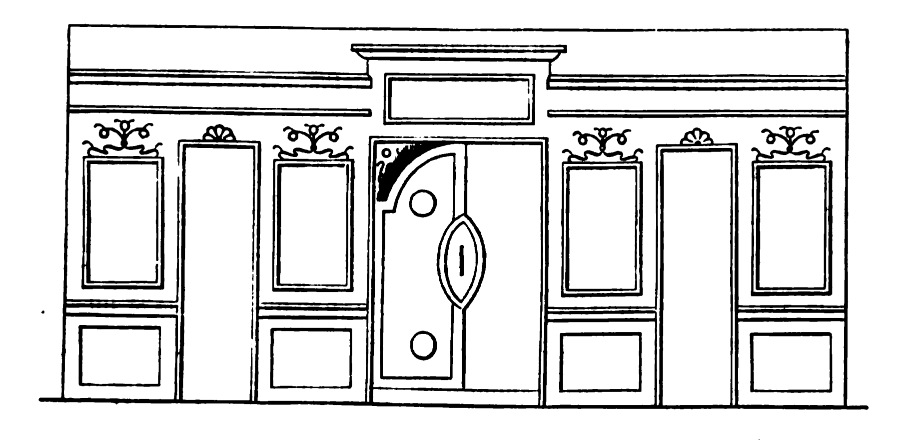
Вскорѣ послѣ окончательнаго водворенія своего въ городѣ Благовѣщенскѣ, преосвященный Иннокентій всемилостивѣйше пожалованъ былъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго, при слѣдующемъ Его Императорскаго Величества рескриптѣ, отъ 8 апрѣля 1862 года, въ коемъ изображено: «Съ пламенною ревностію о насажденіи церкви Христовой и съ примѣрнымъ самоотверженіемъ продолжаете вы подъятое вами апостольское служеніе. Вашимъ попеченіемъ богослуженіе у православныхъ инородцевъ нынѣ совершается на понятномъ для нихъ языкѣ; вашею заботливостію вновь устрояется викаріатство Якутское, каѳедра Камчатская переносится на берега Амура, и въ отдаленномъ краѣ отечества, пренебрегая опасностями, забывая о себѣ, вы являетесь неутомимымъ благовѣстникомъ слова Божія, на огромныхъ пространствахъ, среди разноплеменной вашей паствы. Въ ознаменованіе искренняго уваженія къ пастырскимъ подвигамъ вашимъ, Всемилостивѣйше жалую вамъ алмазные знаки ордена св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, съ искреннимъ желаніемъ, да не оскудѣваютъ силы ваши среди тяжкихъ трудовъ и да укрѣпляются онѣ благодатною помощію свыше. Поручаю себя молитвамъ вашимъ» и проч.

Въ этомъ же году преосвященный Иннокентій перевелъ изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ сына своего, протоіерея о. Гавріила, пастырское служеніе котораго съ годами все болѣе зрѣло и расширялось, почему онъ и назначенъ былъ ключаремъ Градо-Благовѣщенскаго каѳедральнаго собора, утвержденъ исправляющимъ должность протоіерея того же каѳедральнаго собора и опредѣленъ благочиннымъ Средне-Амурскихъ

церквей, а за усердную службу по военному и гражданскому вѣдомствамъ на Амурѣ награжденъ былъ наперснымъ крестомъ отъ Св. Сѵнода.

Поселившись въ своемъ архіерейскомъ домѣ, преосвященный Иннокентій первое время, кромѣ разведенія сада, усиленно занимался устройствомъ своей домовой церкви, что видно изъ слѣдующаго письма его *(отъ 17 сентября 1862 года)* къ Г. М. Корнилову съ приложеніемъ собственноручнаго чертежа иконостаса, предполагаемаго для его домовой архіерейской церкви: «Долгомъ считаю свидѣтельствовать вамъ мою искреннюю благодарность за исполненіе вами моей послѣдней коммисіи; вещи всѣ получены въ цѣлости и сохранности, и мы ими очень довольны. Но я опять къ вамъ съ новою моею покорнѣйшею просьбою. Свято-Троицкая Лавра обѣщаетъ мнѣ написать иконы для моей домовой церкви, и я нынѣ послалъ въ оную мѣру сихъ иконъ. Мнѣ желательно къ иконамъ сдѣлать рамы получше здѣшнихъ, а также карнизики или рамочки вокругъ всѣхъ дверей. И потому покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, принять на себя трудъ сдѣлать для четырехъ мѣстныхъ иконъ и для Тайной Вечери рамы простенькія и неширокія, потому что, какъ изволите видѣть изъ прилагаемаго при семъ очерка нашего иконостаса, мѣсто не позволитъ имѣть широкія рамы; и едва ли можно сдѣлать ихъ шире $1^1/_8$ или $1^1/_4$ вершка. Надъ рамами мѣстныхъ иконъ сдѣлать какія нибудь рѣзныя штучки, отдѣльныя, которыя бы можно было прикрѣпить къ иконостасу особо.

Очеркъ иконостаса, предполагаемаго для домовой архіерейской церкви въ г. Благовѣщенскѣ:

Церковь шириною $8^1/_2$ аршинъ.

64

Для иконы на горнее мѣсто раму можно сдѣлать въ 2 вершка, а также и для боковыхъ иконъ; для дверей же, я думаю, нужно будетъ не шире $^3/_4$ вершка. Всѣ рамы должны быть вызолочены по полименту. Прикажите также сдѣлать и Царскія двери изъ дерева—вышиною 2 арш. 12 вершковъ и шириною обѣ 1 арш. $14^1/_2$ вер., фигурою или формою С.-Петербургскаго Казанскаго собора, т. е. гладкія, съ вырѣзанными изрѣдка шестиугольными, небольшими, сквозными звѣздочками; иконы на нихъ круглыя, съ особыми накладными рамами; средняя икона разрѣзная. Для украшенія самого иконостаса пришлите намъ бѣлой, гладкой, если можно, серебристой бумаги для фона или для поля и нѣсколько штучекъ узенькихъ золоченыхъ по полименту карнизиковъ, длиною около 2 арш. каждый, разной фигуры, которые бы можно было положить на карнизы. Лучшее время для пересылки такихъ вещей есть зима, такъ, чтобы вещи были отъ васъ отправлены не позже перваго декабря; въ нынѣшнюю зиму этого сдѣлать будетъ невозможно; и потому предоставляю вамъ самимъ рѣшить, какъ и когда отправить. Деньги, какія потребуются, какъ на изготовленіе рамъ и проч., такъ и на отправку иконъ, которыя будутъ переданы вамъ, прошу получить отъ Россійско-Американской компаніи. Затѣмъ призывая на васъ благословеніе Божіе...» Въ письмѣ его къ митрополиту Филарету *(отъ 6 октября 1862 года)* мы читаемъ: «Давно, очень давно я не писалъ къ вашему высокопреосвященству, хотя и было что̀ писать. Винюсь и прошу прощенія. Впрочемъ, въ теченіи минувшихъ 15 мѣсяцевъ я прожилъ на мѣстѣ немного. Только въ Якутскѣ прожилъ сряду 2 мѣсяца и вотъ здѣсь прожилъ мѣсяцъ,—а то все проживалъ по-немногу. Нынѣшнее мое путешествіе по Камчаткѣ было—не скажу несчастливое; нѣтъ, слава и благодареніе Господу, я и всѣ со мною ничего не потерпѣли вреднаго для здоровья, а мое здоровье видимо поправилось, и возвратились на мѣсто благополучно; но оно было очень неудачно, такъ что напр. во второе путешествіе мое изъ Камчатки въ Гижигу въ 8 дней; а нынѣ по тому же самому пути почти 28 дней. Два раза случилось просидѣть безвыходно въ повозочкахъ по 42 часа сряду, даже безъ чаю; и все это по причинѣ сильныхъ вьюгъ. И это бы ничего; но главное затрудненіе встрѣтили мы при переѣздѣ изъ Гижиги въ Охотскъ, и это оттого, что предпрошедшее лѣто по всему Охотскому морю, да и на берегахъ Ледовитаго моря тоже, въ Камчат-

кѣ почти совсѣмъ не было періодическихъ рыбъ съ моря, слѣд. не могло быть и корма для собакъ—слѣдовательно, было то, что почти всѣ собаки переколѣли отъ голода, и если бы не усердіе нашихъ добрыхъ Тунгусовъ-христіанъ и Корякъ-нехристіанъ, то мы принуждены бы были дожидаться лѣта въ Гижигѣ, безъ дѣла и безъ удобствъ и пр. Быть можетъ, и до вашего высокопреосвященства доходили слухи о разбитіи судна, на которомъ я отправился изъ Николаевска въ Камчатку. Это было на 29 августа 1861 года. Да, конечно, это могло кончиться для всѣхъ насъ даже гибелью, если бы судно наше выкинуло на берегъ нѣсколькими саженями ниже по вѣтру. Но Господь помиловалъ, и мы выѣхали, и точно выѣхали подъ парусами—на берегъ весьма хорошій, такъ что всѣ даже больные выѣхали на берегъ, не замоча ногъ. Только часть вещей нашихъ была подмочена и испорчена окончательно, и это оттого, что команда, выгружавшая судно, слишкомъ утомилась и оттого не всякія вещи вытащили съ бережью. Такой случай въ жизни моей былъ еще первый; случалось быть въ опасностяхъ и немалыхъ, но разбитія судовъ я до сего времени не испытывалъ. По выходѣ на берегъ, гдѣ находилось наше Русское селеніе, я уже совсѣмъ было располагался воротиться назадъ въ Николаевскъ и опять отложить свою поѣздку въ Камчатку, хотя и крайне необходимо было быть тамъ послѣ 11 лѣтъ сряду. Но начальникъ Русской эскадры г. Лихачевъ, вскорѣ прибывшій къ выкинутому судну на пароходѣ, предложилъ мнѣ идти съ нимъ въ Японію, гдѣ онъ дастъ одно изъ находящихся подъ его распоряженіемъ судовъ, и я пошелъ съ нимъ. Это доставило мнѣ случай прожить въ Японіи, въ г. Хакодате, 18 дней и дважды совершить литургію въ церкви, находящейся при нашемъ консульствѣ, и видѣть городъ, мѣстность и жителей. Изъ Хакодате пошли мы въ Камчатку на казенномъ суднѣ, куда и прибыли 5 октября; съ 14 ноября началось наше путешествіе и 21 апрѣля кончилось прибытіемъ въ Якутскъ. Изъ Якутска выѣхали мы 22 іюня и 2 сентября прибыли въ Благовѣщенскъ. Да, теперь я вижу ясно, что какъ ни трудно и какъ ни убыточно для казны, но необходимо архіерею посѣщать свои епархіи, и если возможно, то и каждое мѣсто. Долго не было архіерея въ Америкѣ, и самые лучшіе люди ослабли и измѣнились; точно тоже и въ Камчаткѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ мѣстѣ не все не хорошо, только въ самомъ Петропавловскѣ; но слиш-

комъ худаго и вреднаго нѣтъ. Слава Богу! Камчадалы и Тунгусы повидимому нимало не ослабѣли и не измѣнились въ худую сторону по вѣрѣ и обязанностямъ христіанскимъ, и даже вѣроломные Коряки, какъ ихъ называлъ первый миссіонеръ Камчатскій, архимандритъ Хотунцевичъ, если еще и не вступили въ число христіанъ, но много перемѣнились къ лучшему и, Богъ дастъ, скоро и они будутъ чадами нашей церкви. Что же касается до Якутовъ, то нельзя не воздать благодареніе Господу, благоволившему даровать имъ книги на ихъ языкѣ. Много видно пользы отъ этого, и въ особенности отъ совершенія службъ на ихъ языкѣ въ городѣ Якутскѣ, при которомъ всегда присутствуетъ самъ преосвященный викарій и послѣ котораго самъ же, чрезъ толмача, поучаетъ ихъ. Не безъ утѣшенія могу сказать, что Якутская паства довольно хорошо устроена, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ, и если бы не нецвѣтущее состояніе нашихъ финансовъ и, главное, если бы не связывала меня семинарія, находящаяся нынѣ въ Якутскѣ и тоже, въ духовномъ отношеніи, въ состояніи очень хорошемъ—то я нынѣ же бы представилъ объ учрежденіи въ Якутскѣ самостоятельной архіерейской каѳедры. По крайней мѣрѣ, я это изложу въ отчетѣ моемъ, ибо мнѣ, какъ знающему тамошній край, еще можно какъ нибудь управлять; но незнакомому съ тѣмъ краемъ, и за 5000 верстъ, и хотя бы и за 3000 верстъ, управлять трудно и неудобно, да и Якутская область, по народонаселенію, не менѣе другихъ епархій: всего до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ. Въ Благовѣщенскѣ же у насъ еще, можно сказать, нѣтъ ничего, кромѣ моего дома, въ которомъ я живу и который совсѣмъ не трехъэтажный, какъ вашему высокопреосвященству сказали когда-то, а одноэтажный и въ которомъ помѣщаются со мною и пѣвчіе, и іеромонахи, и семинаристы, но, благодаря г. губернатору, устроенномъ довольно хорошо; и главное, въ немъ же есть и церковь, освященная 23 сентября. На дняхъ открыли мы и попечительство, и есть еще приходская церковь въ городѣ, и—только; но нѣтъ ни консисторіи, ни правленія, хотя я объ этомъ писалъ еще прошлаго года; нѣтъ ни штатныхъ служителей, ни денегъ для найма оныхъ, и если и есть іеромонахи, то они получаютъ оклады отъ праздныхъ штатныхъ священническихъ мѣстъ. А собственно штатъ архіерейскаго дома—тотъ самый, какъ и вездѣ; также и мои оклады, да и для соборнаго штата обыкновенный третьекласный, только протоіерею одному прибавлено 630 рублей. Я, конечно,

какъ нибудь пробьюсь, тѣмъ болѣе, что, кажется, мнѣ не долго жить; но преемнику моему будетъ не легко и не ловко, если по положенію нѣтъ приличныхъ штатовъ и для собора, и для архіерейскаго дома, и для консисторіи. Что же касается до всего при-Амурья; то слава Богу, годъ отъ году увеличивается и народонаселеніе, и церкви, и причты. Прошедшаго года считалось жителей на Амурѣ, кромѣ туземцевъ, до двадцати тысячъ. Причтовъ съ протоіереями положено 26. Церквей по настоящее время освященныхъ 19, готовыхъ къ освященію 2 и строится 4.—Рукавишниковъ пожертвовалъ сорокъ тысячъ. При семъ честь имѣю представить вашему высокопреосвященству полученныя мною отъ преосвященнаго Петра Новоархангельскаго выписки изъ миссіонерскихъ журналовъ, съ покорною просьбою поручить кому либо пересмотрѣть ихъ и, что окажется стоющимъ, напечатать въ какомъ либо духовномъ журналѣ. Сына своего Гавріила я перевелъ изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ, и онъ теперь находится съ семействомъ вблизи меня.»

Въ числѣ заказовъ преосвященнаго Иннокентія съ Амура, изъ Благовѣщенска, мы видимъ изъ слѣдующаго письма его къ Г. М. Корнилову *(отъ 20 ноября 1862 года)* заказъ для церкви на его родинѣ въ селѣ Ангинскомъ: «Я опять къ вамъ съ просьбою: закажите сдѣлать сосудъ серебряный, позолоченный, средней величины, украшенный стразами съ эмалевыми иконами, и при немъ звѣзду, дискосъ и лжицу серебряные и позолоченные (тарелочекъ не нужно). На поддонѣ сосуда прикажите вырѣзать слѣдующую надпись: «Отъ преосвященнаго Иннокентія, на поминъ души его и его родныхъ: Евсевія, Ѳеклы, Екатерины; іереевъ: Іоанна, Алексѣя, Георгія; іеромон. Іосафа, Давида и проч.» И чтобы все это, вмѣстѣ съ футляромъ, стоило сто пятьдесятъ рублей серебромъ. Всѣ сіи вещи отправить въ Иркутскій почтамтъ для передачи въ церковь, находящуюся въ Ангинскомъ селѣ близъ Качуга, въ 250 верстахъ отъ Иркутска. Деньги, слѣдующія за означенныя вещи, прошу получить изъ Московской конторы Россійско-Американской Компаніи и о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ. Желательно, чтобы къ сосуду приложены были воздухи, напримѣръ, бархатные простые. Не найдется ли кто изъ вашихъ знакомыхъ пожертвовать таковыя вещи? Призывая на васъ благословеніе Божіе....» Гавріилъ Матвѣевичъ Корниловъ не замедлилъ исполненіемъ заказа, и сосудъ съ пожертвованными отъ него воздухами полученъ въ Ангинскомъ селѣ къ самому престольному празднику.

Особая дѣятельность преосвященнаго Иннокентія по устройству новыхъ церквей на Амурѣ, относительно снабженія ихъ церковною утварью и книгами, видна изъ усиленной переписки его къ Г. М. Корнилову въ 1863 году; такъ въ письмѣ *(отъ 18 января 1863 г.)* съ приложеніемъ реэстра, онъ писалъ къ нему: «Я опять къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою: потрудитесь Бога ради закупить и прислать въ Благовѣщенскъ (на Амурѣ), на мое имя, вещи, означенныя въ прилагаемомъ при семъ реэстрѣ. Во избѣжаніе могущей быть подмочки въ пути, лучше отправлять вещи такъ, чтобы онѣ изъ Иркутска за Байкалъ пошли не лѣтомъ, а непремѣнно зимою. Деньги на покупку означенныхъ въ реэстрѣ вещей прошу васъ получить изъ Московской конторы Россійско-Американской компаніи, по прилагаемой при семъ бумагѣ, и въ то же время передать оный счетъ вамъ, и о всемъ послѣдующемъ не оставить меня вашимъ увѣдомленіемъ.

Призываю на васъ благословеніе Божіе».

Реэстръ разной церковной утвари и Богослужебныхъ книхъ, необходимыхъ для при-Амурскихъ церквей.

КНИГЪ:

6	Апостоловъ въ листъ.
9	Инструкцій благочиннаго.
3	Нотныхъ Ирмолога.
6	Ирмологовъ простыхъ.
10	Канониковъ.
6	Миней общихъ.
6	— — праздничныхъ.
6	Октоиховъ.
6	Тріодей постныхъ.
6	Пентекостаріоновъ.
9	Послѣдованій молебныхъ пѣній.
10	Послѣдованій на Св. Пасху, въ бумажкѣ.
6	Псалтирей слѣдованныхъ, въ листъ.
10	Реэстровъ панихидныхъ.
6	Типиконовъ или уставовъ.
6	Требниковъ малыхъ.
4	Требника большихъ.

40	Службы святителю Иннокентію Иркутскому, въ бумажкѣ.
6	Послѣдованій въ Св. Троицу.
6	Обиходовъ.

УТВАРИ:

10	Кадилъ мѣдныхъ посеребренныхъ, прочныхъ.
6	Чашъ водосвятныхъ мѣдныхъ.
1	Панекадило для собора, 3-хъ-ярусное мѣдное, о 15 или 18 свѣчахъ.
1	Подсвѣчникъ тройной, за престолъ, мѣдный.
6	Подсвѣчниковъ мѣдныхъ четырехъ-угольныхъ, 6 вершковъ въ діаметрѣ.
32	Подсвѣчника мѣдныхъ переносныхъ, въ діаметрѣ около $3^1/_2$ вершковъ.
12	Купелей (безъ поддоновъ), для крещенія младенцевъ.
10	Блюдъ сборныхъ мѣдныхъ.
8	Подсвѣчниковъ мѣдныхъ пасхальныхъ, употребляемыхъ при крестѣ во время кажденія.
7	Муромазницъ мѣдныхъ посеребренныхъ.
8	Паръ вѣнцовъ мѣдныхъ съ цвѣтами, для брачущихся.
7	Ковчеговъ или дарохранительницъ мѣдныхъ на престолъ, средней величины.
16	Крестовъ серебряныхъ напрестольныхъ № 3.
10	Кропилъ.
5	Евангелій въ малый листъ, съ серебряными позолоченными наугольниками.
1	Евангеліе въ 50 рублей.
8	Плащаницъ простыхъ.
8	Паръ хоругвей на суннѣ, съ приборами бѣломѣдными.
6	Лампадъ мѣдныхъ получше, 9 вершковъ въ діаметрѣ, для собора.
26	Лампадъ 6-вершковыхъ въ діаметрѣ.
16	Лампадъ 4-вершковыхъ.
8	Экземпляровъ Святцевъ на листахъ.
8	Паръ иконъ къ Царскимъ дверямъ, серебряныя и позолоченныя, около $4^1/_2$ вершковъ, а среднія 6 вершковъ въ діаметрѣ.
6	Хлѣбницъ мѣдныхъ для благословенія хлѣбовъ.

Кромѣ того, пробѣлыхъ книгъ въ переплетахъ разныхъ, въ листъ:
15 книгъ полудестовыхъ.
10 — — въ одну десть каждая.
5 — — въ $1^1/_2$ дести — —
5 — — въ 2 дести — — —
40 образцовъ къ Царскимъ дверямъ.
Два комплекта орлецовъ крашеныхъ, употребляемыхъ при архіерейскомъ служеніи. Орлецы прислать при первой возможности.

20-го января 1863 года, преосвященный Иннокентій, въ отвѣтъ на письмо своей дочери монахини Поликсеніи, писалъ ей: «Наконецъ-то я дождался отъ тебя письма. Слава Богу, что ты жива. Напрасно ты думаешь, что я забылъ тебя или сержусь на тебя. Нѣтъ, моя возлюбленная, я всегда тебя поминаю и нерѣдко вспоминаю. Но я не писалъ тебѣ потому, что былъ большею частію въ разъѣздахъ. Впрочемъ я и Кушѣ пишу рѣдко, и только отвѣчаю на ея письма, да и то не на каждое. Писать же тебѣ часто я не знаю что̀. Учить тебя монашескому житію я не умѣю, потому что я никогда не былъ рядовымъ монахомъ,—значитъ, не знаю опытомъ, что̀ значитъ быть подъ началомъ: подобнымъ вещамъ можетъ учить только опытный. Писать тебѣ о новостяхъ какихъ нибудь не сто̀итъ, да и не нужно. Какія новости монахинѣ или монахамъ! Зачѣмъ имъ знать, что̀ дѣлается въ мірѣ. О своихъ дѣтяхъ и твоихъ родныхъ скажу, что сестра твоя Катя здорова, обременена дѣтьми и двухъ дочерей отдала ужъ замужъ: одну за духовнаго, а другую за военнаго, и на рукахъ еще двѣ дочери. Братъ твой Гавріилъ теперь живетъ со мною въ Благовѣщенскѣ, здоровъ, а также и вся семья его; у него два сына и кто-то лѣтомъ еще родится, если Богъ благословитъ. Ну, вотъ для тебя и довольно. Я, слава Богу, на здоровье свое еще не могу жаловаться, хотя мнѣ вотъ уже $65^1/_2$ лѣтъ отъ роду. Дороги, особенно берегомъ, мнѣ очень полезны относительно здоровья. Прошедшаго года я былъ въ дорогѣ съ 20 августа 1861 и по 3 сентября 1862 г., и во все время не чувствовалъ никакихъ припадковъ, ни болей. А вотъ теперь то тутъ, то тамъ что нибудь кольнетъ или поноетъ. Ты жалуешься на свое здоровье; отчасти вѣрю, но не хандришь ли ты, т. е. не унываешь ли духомъ? а въ такомъ расположеніи души обыкновенно всякая боль кажется ужъ болѣзнію; а ежели и точно ты больна, то благодари Бога. Этимъ онъ тебя очи-

щаетъ и спасаетъ отъ многихъ помысловъ нечистыхъ. Матушкѣ игуменьѣ скажи отъ меня искренній поклонъ и благодарность за то, что она не перестаетъ любить тебя. Да воздастъ ей Господь Богъ за то! Какіе я дамъ совѣты? Читай Евангеліе и молись. Вотъ тебѣ и все. Прощай, моя возлюбленная! Прости, ежели я чѣмъ тебя изобидѣлъ. Господь Богъ да проститъ и помилуетъ всѣхъ насъ. Господь съ тобою на вѣки вѣковъ! Аминь.»

Письмомъ же *отъ 27 января*, преосвященный Иннокентій снова обращается къ Г. М. Корнилову: «Въ реэстрѣ, приложенномъ къ письму моему къ вамъ отъ 18 января текущаго года, между прочимъ, значится: 8 паръ иконъ къ царскимъ дверямъ, серебряныя подъ золотомъ, около $4^1/_2$ верховъ, а среднія около 6 верховъ. Покорнѣйше прошу васъ статью эту оставить безъ исполненія—и не заказывать и не присылать ни одной пары иконъ (прочія же вещи прислать). А вмѣсто того прислать 20 иконъ финифтяныхъ, овальныхъ, около $4^1/_4$ вершка вышины, въ серебряныхъ ободочкахъ съ ушками, съ изображеніемъ Спасителя, и столько же и такихъ же иконъ Божіей Матери. Призывая на васъ благословеніе Божіе.....

P. S. Пробѣлыя книги пришлите вмѣстѣ съ орлецами, при первой возможности». «Только-что я успѣлъ кончить это письмо къ вамъ», писалъ опять преосвященный Иннокентій къ Корнилову *(Отъ 31 января)*, «какъ получаю отъ васъ письмо отъ 28 ноября, о неполученіи отъ меня 262 р., посланныхъ мною вамъ отъ 14 іюля 1861 года и о которыхъ я уже писалъ вамъ отъ 17 января, съ приложеніемъ къ тому почтовой росписки. И я тотчасъ же написалъ объ этомъ оффиціально г. военному губернатору Приморской области, прося его сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе о доставленіи означенныхъ денегъ вамъ; а г. губернатору я написалъ объ этомъ потому, что здѣсь почтовая часть зависитъ отъ него, и управлявшій Хабаровскою конторою былъ опредѣленъ имъ. Какой получу отъ него отвѣтъ, не премину сообщить вамъ; а между тѣмъ открылись опять новыя нужды церковныя—и я съ новою просьбою къ вамъ,—сдѣлайте милость, не поскучьте исполнить ее. Для Амурскихъ церквей требуется книгъ церковныхъ:

2 экземпляра Миней мѣсячныхъ въ листъ.
2 — — Ирмологовъ простыхъ.

2 — — Акаѳистника.

10 — — Дѣяній и Посланій Апостольскихъ на русскомъ языкѣ, послѣдняго перевода, а если есть, то и вмѣстѣ съ славянскимъ.

3 — — Проповѣдей покойнаго преосвященнаго Иннокентія Херсонскаго.

У насъ почти во всемъ Благовѣщенскѣ нѣтъ хорошаго инструмента для дѣланія дирокъ на пробѣлыхъ книгахъ для шнура; сдѣлайте милость, пришлите двѣ такихъ трубочки или—какъ ихъ зовутъ, не знаю, одну побольше, а другую по меньше: т. е. одну для обыкновенныхъ шнуровъ, а другую для тоненькихъ снурковъ».

Среди сихъ заботъ объ устройствѣ церквей Амурскихъ, преосвященный Иннокентій находилъ время и для литературныхъ занятій. Вотъ что писалъ онъ изъ Благовѣщенска (отъ 20 марта 1863 г.) редактору «*Духовной Бесѣды*». «Никогда я не думалъ, да и не считалъ себя довольнымъ о чемъ бы то ни было, касающемся меня, говорить печатно. Но напечатанная въ издаваемомъ вами журналѣ статья, касающаяся моей біографіи, заставила меня, противъ воли и желанія моего, приняться за перо и сказать кое-что вслухъ читателей вашего журнала—и это потому, что въ ней есть нѣкоторыя неточности. И потому, покорнѣйше прошу васъ прилагаемую при семъ мою статейку напечатать въ вашемъ журналѣ и, если можно, то во одномъ изъ №№ нынѣшняго же года, дабы она, по времени, не отстала далеко отъ прежде напечатанной вами. Съ тѣмъ вмѣстѣ, позвольте утрудить васъ еще слѣдующими моими просьбами. 1) Пришлите мнѣ, пожалуйста, ваши письма къ извѣстному отступнику православія, если онѣ есть въ печати отдѣльно. Плательщикъ за нихъ. 2) Примите на себя трудъ припечатать въ вашемъ журналѣ для свѣдѣнія тѣмъ, кому нужно будетъ знать,—нижеслѣдующее: а) Каѳедра Камчатской епархіи считается уже окончательно перенесенною на Амуръ, въ городъ Благовѣщенскъ, гдѣ я имѣю постоянное пребываніе, со 2-го сентября минувшаго года, въ архіерейскомъ домѣ. б) По настоящее время я получилъ болѣе 250 прошеній отъ лицъ духовнаго званія, желающихъ служить въ Камчатской епархіи, и болѣе на Амурѣ. Но такъ какъ въ Благовѣщенскѣ пока нѣтъ еще ни Духовной консисторіи, ни Духовнаго правленія,

то я не имѣю никакой возможности отвѣчать всѣмъ и каждому изъ просителей, и притомъ отвѣчать о томъ, что я не могу принять почти никого, особенно изъ дальнихъ епархій. И потому пусть они знаютъ, что молчаніе мое на просьбу ихъ есть отказъ. Впрочемъ, если бы кто изъ благоговѣйныхъ, знающихъ свое дѣло и трудолюбивыхъ причетниковъ, хотя бы то и многосемейныхъ, явился ко мнѣ въ Благовѣщенскъ, въ теченіе двухъ лѣтъ: то я съ удовольствіемъ принялъ бы таковаго на службу (разумѣется, по нѣкоторомъ испытаніи, и если онъ, въ то же время, представитъ мнѣ доброе свидѣтельство отъ своего начальства) и съ выдачею всѣхъ пособій, какія положены отъ казны ѣдущимъ на службу въ Камчатскую епархію. Въ случаѣ же, если мы не сойдемся другъ съ другомъ, то пріѣзжій можетъ здѣсь, на Амурѣ, поселиться, гдѣ угодно. Здѣсь есть чѣмъ заняться, и есть гдѣ поселиться. Свѣдущіе въ пчеловодствѣ здѣсь могутъ найти дикихъ пчелъ на разстояніи почти 1000 верстъ; а въ южныхъ частяхъ приАмурья можно даже заняться и винодѣліемъ. Затѣмъ, поручая себя молитвамъ вашимъ»....

Къ сему письму, при помѣщеніи его въ журналѣ «Духовная Бесѣда» (1863 г.), г. редакторомъ было сдѣлано слѣдующее предисловіе: «Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, архіепископъ Камчатскій, удостоилъ меня собственноручнымъ письмомъ, которое мы и спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ, такъ какъ въ немъ есть не только любопытное, но и нужное для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Къ письму приложена небольшая статья, также писанная рукою высокопреосвященнаго. Думаемъ, что эта статья можетъ быть матеріаломъ не только для журнала, но и для исторіи Россійской церкви.

Вышеупомянутая статья преосвященнаго Иннокентія будетъ помѣщена нами въ слѣдующей главѣ нашей книги; а теперь обратимся къ перепискѣ преосвященнаго изъ Благовѣщенска: «Простите меня, владыка святый», писалъ преосвященный Иннокентій къ митрополиту Московскому Филарету *(отъ 6 сентября 1863 года)*— «что я, послѣ письма полученнаго мною 6 октября минувшаго года, только теперь собрался написать къ вашему высокопреосвященству. Господь видитъ, что это оттого, что я почти не находилъ ничего достойнаго сообщить вамъ. Изъ Америки не получалъ я бумагъ еще и по сіе время, а самъ я не

сдѣлалъ ничего особеннаго до нынѣшняго моего путешествія по Амуру и Уссури, которое продолжалось съ 2 іюня по 17 августа. Главная цѣль этого моего путешествія была та, чтобы познакомиться съ новыми нашими соотечественниками—Гольдами, обитающими на берегахъ Амура, и какихъ начисляютъ уже до 5000 на протяженіи почти 1000 верстъ, и поговорить съ ними. И я этого, при помощи Божіей, достигъ; я видѣлъ ихъ въ двухъ мѣстахъ, въ довольно большомъ количествѣ, и говорилъ съ ними, даже помолился. И благодареніе Господу, есть надежда, что они скоро могутъ быть нашими братіями и по вѣрѣ; они, какъ Тунгусы, народъ добрый, кроткій, тихій и честный и, можно сказать, безъ всякой вѣры. Невѣдѣніе ихъ о загробной жизни даже поразительно. Всѣ тѣ, которыхъ я видѣлъ, охотно слушаютъ мои слова и единогласно изъявили желаніе принять и слушать того, кого я изберу къ нимъ для проповѣди; а тѣ, которыхъ я видѣлъ послѣ, согласились и на то, чтобы у нихъ въ селеніи была выстроена церковь и жилъ священникъ. Словомъ сказать, если бы захотѣли, то можно бы было даже нынѣ же окрестить изъ нихъ не одну сотню. Теперь дѣло обращенія ихъ только за нами. Не столько затрудняютъ меня средства къ построенію церкви, сколько то, что я не имѣю человѣка или людей, способныхъ на это дѣло. Молодые, по неопытности и по неутвердившемуся характеру, могутъ повредить дѣлу въ самомъ началѣ, а надзоръ за ними далекъ; да и что за миссіонеры, за которыми надо глядѣть на всякомъ шагу? а пожилыхъ и опытныхъ у меня нѣтъ. Правда, прислали, прошедшаго лѣта, изъ Новоархангельской епархіи, старца даже 64-лѣтняго; но онъ ищетъ только денегъ, это явно—и притомъ очень неуживчивъ. Останавливаюсь на одномъ. Не согласится-ли игуменъ Николай, извѣстный Кенайскій миссіонеръ, долженствующій возвратиться изъ Америки на будущій годъ, принять на себя дѣло обращенія Гольдовъ? а если нѣтъ, то я и не знаю, что дѣлать. Безъ сомнѣнія, не нелюбопытно будетъ вашему высокопреосвященству знать, что прошедшее лѣто пріѣзжалъ въ Николаевскъ на Амурѣ какой-то миссіонеръ, нѣкто Франкель, и просилъ у нашего губернатора дозволенія проповѣдывать туземцамъ, живущимъ тамъ. Но ему конечно отказали, и это не первый изъ нихъ. Въ 1861 году тоже пріѣзжалъ туда какой-то миссіонеръ, подъ предлогомъ собрать свѣдѣнія о ихъ собратіяхъ, убитыхъ въ 1857—58 году вблизи Николаевска (что было дѣйствительно) и который тоже просилъ дозволенія

проповѣдывать, считая Амуръ принадлежащимъ къ какой-то ихъ епархіи.

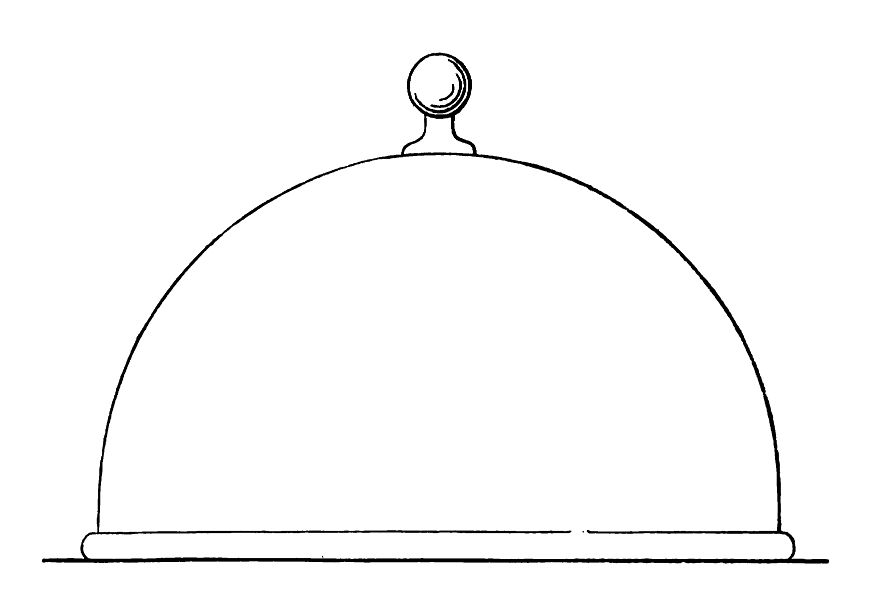
Послѣ сего, позвольте мнѣ представить вашему высокопреосвященству мое недоразумѣніе: правило устава Духовной консисторіи, требующее избирать духовенству одного общаго духовника и исповѣдываться каждый постъ, можетъ быть удобоисполнимо въ одномъ только городѣ Якутскѣ, гдѣ могутъ быть до 10-ти и болѣе священниковъ, во всѣхъ прочихъ же мѣстахъ совершенно неудобоисполнимо, и вообще способъ избирательный здѣсь совсѣмъ неприложимъ; и потому многіе священники не только не каждый постъ, но и не каждый годъ могутъ исповѣдываться, не имѣя возможности переѣзжать изъ прихода въ приходъ, раздѣленными сотнями верстъ. Послѣ одного обстоятельства я дозволилъ (но не оффиціально) затрудняющимся въ исповѣди обязательной, исповѣдываться письменно, т. е. писать на бумагу и посылать ее своему духовнику. Таковаго способа исповѣди предъ духовникомъ я бы со своей стороны не одобрилъ, какъ истинно—православный; но у насъ, при нашихъ обстоятельствахъ, онъ можетъ быть даже узаконенъ. Но такъ ли взглянетъ на это мой преемникъ, да и вѣрно ли въ самомъ дѣлѣ мое мнѣніе? Высокопреосвященнѣйшій владыко! Ваше слово рѣшитъ это, не совсѣмъ неоспоримое, мнѣніе. Позвольте и еще сказать одно. Фигуры, похожія на наши кресты, употребляемыя на священническихъ одеждахъ, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ и на многихъ;—такія особенно на коврахъ, и которыя часто рѣшительно ничѣмъ не различаются между крестомъ, такъ что по неволѣ раждается вопросъ: ежели на коврахъ изображаются кресты, то зачѣмъ же допускается такое дѣло? Ежели же они не кресты, то зачѣмъ же употребляютъ ихъ на священническихъ одеждахъ, какъ кресты? И это дѣло исправить совершенно стоитъ вашему высокопреосвященству также одного только слова. Всѣ кресты, для одеждъ нужные, дѣлаютъ точно въ Москвѣ; вашему высокопреосвященству стоитъ только сказать имъ, чтобы они не измѣняли фигуры нынѣшнихъ крестовъ, дѣлали бы въ срединѣ ихъ маленькіе крестики, и даже предпочтительно осмиконечные, самой прочной ткани шелковые и даже нитяные. Тогда всякому служащему фигура креста на коврахъ можетъ показать разность между тѣмъ и другимъ. Для фабрикантовъ, конечно, это ничего не будетъ стоить». И здѣсь, на Амурѣ, какъ видно изъ письма сего и слѣдующихъ писемъ къ Г. М. Корнилову, Иннокентій съ пламенною ревностію заботился о насажденіи цер-

кви Христовой и съ самоотверженіемъ продолжалъ апостольское служеніе свое. Исправнѣйшая же и особенно безкорыстная исполнительность Корнилова глубоко трогала преосвященнаго Иннокентія: «не знаю, какъ благодарить васъ», писалъ ему преосвященный (*отъ 5 октября 1863 года*) за исправленіе нашихъ хлопотливыхъ коммиссій! Господь Богъ воздастъ вамъ за то! И мы не забудемъ вашихъ одолженій. Посланныя вами по почтѣ вещи, какъ-то: Евангелія, кресты, книги пробѣлыя и проч., получены нами въ Благовѣщенскѣ исправно, въ августѣ; пишутъ мнѣ также, что и посланный вами сосудъ съ пожертвованными отъ васъ воздухами получены въ Ангѣ, и къ самому престольному празднику; а наконецъ, при письмѣ вашемъ отъ 2 іюля, получена мною фактура и счеты А. Н. Ферапонтова и вашъ. Примите мою искреннѣйшую благодарность за все это и за всѣ ваши заботы о насъ. Но позвольте спросить васъ: какъ же это, и отчего я, ни въ одномъ вашемъ счетѣ, не вижу никакихъ процентовъ за исправленіе вами нашихъ коммиссій, какъ это обыкновенно дѣлается? это меня безпокоитъ и даже заставляетъ перестать безпокоить васъ нашими коммиссіями, потому что никто не обязанъ ни на кого даромъ трудиться. Сдѣлайте милость, берите съ насъ за труды ваши, тѣмъ болѣе, что вы иногда затрачиваете и свой капиталъ; иначе нынѣшняя моя просьба къ вамъ будетъ послѣдняя. Просьба же моя къ вамъ о заготовленіи вещей разныхъ, означенныхъ въ прилагаемомъ при семъ реэстрѣ, изъ которыхъ первыя, т. е. одежды, потрудитесь прислать въ Благовѣщенскъ, если только можно, къ послѣдней недѣлѣ великаго поста, а послѣднія, т. е. образки и колпачки, если не поспѣютъ къ тому времени, то можно будетъ прислать и позже. Деньги же, какія будутъ слѣдовать за выписываемыя нынѣ мною вещи, покорнѣйше прошу получить отъ Московской Россійско-Американской компаніи конторы, предъявивъ ей о томъ заблаговременно, и просить оную, чтобы деньги сіи отнесли они на счетъ капитала Амурскихъ церквей, находящагося въ главномъ правленіи.

Затѣмъ, призывая благословеніе Божіе на васъ и на все семейство ваше.....» При семъ письмѣ былъ приложенъ слѣдующій реэстръ вещей, потребныхъ для Амурскихъ церквей и для преосвященнаго Иннокентія, съ собственноручнымъ рисункомъ его.

Число вещей.	НАЗВАНІЕ ИХЪ.
8	Стихарей, изъ недорогой, но прочной матеріи, голубаго или другаго менѣе линючаго цвѣта, для употребленія пѣвчимъ въ воскресные дни, съ обложкою изъ лентъ; два изъ нихъ на самый малый ростъ, два побольше, два еще побольше и два на средній ростъ мужчины.
8	Стихарей, для такого же употребленія, изъ какой нибудь бѣлой матеріи шелковой; половину стихаря съ обложкою изъ лентъ, а другую изъ серебрянаго позолоченаго, легонькаго газа.
6	Ризъ священническихъ, съ епитрахилями, поручами и поясами и
4	Стихаря діаконскихъ, съ орарями и поручами; тѣ и другіе изъ бѣлой насыпи, съ обложкою легонькимъ позолоченымъ серебрянымъ газомъ.
6	Подрясниковъ изъ какой либо бѣлой матеріи, съ обложкою изъ цвѣтныхъ лентъ.
6	Ризъ съ приборами } траурныхъ.
10	Стихарей съ орарями } траурныхъ.
	Тѣ и другіе изъ шелковой недорогой матеріи, на китайчатомъ подкладѣ; ризы и четыре стихаря съ обложкою изъ серебрянаго газа, а остальные лентами.
1	Саккосъ, съ однимъ большимъ омофоромъ и палицею, изъ бѣлаго глазета, съ обложкою изъ серебрянаго позолоченаго газа, не очень дорогаго.
2000	Крестиковъ серебряныхъ бѣлыхъ, для ношенія на шеѣ, разной величины.
25	Экземпляровъ «Новаго Завѣта», т. е. «Евангелій и Посланій», на славянскомъ и русскомъ языкахъ, послѣдняго изданія, въ кожаномъ переплетѣ.
1	Экземпляръ тоже въ самомъ прочномъ переплетѣ, съ прочнымъ футляромъ (собственно для преосвященнаго).

2 | Колпачка толстаго бѣлаго стекла, величиною по прилагаемой при семъ формочкѣ.

6 | Финифтяныхъ образковъ глухихъ, складныхъ, въ серебряной позолоченой оправѣ, по прилагаемой при семъ формочкѣ, для ношенія на шеѣ, съ изображеніемъ снаружи, на лицевой сторонѣ, чеканнаго креста, а внутри

На 1-мъ: на правой сторонѣ—Спасителя, на лѣвой священномученика Евсевія.

— 2 « — Спасителя, на лѣвой святителя Николая чудотворца.

— 3 « на правой сторонѣ—Божіей Матери, на лѣвой—великомученицы Екатерины.

— 4 « — Божіей Матери, на лѣвой—пророчицы Анны.

— 5 « — Божіей Матери, на лѣвой—св. Юліи.

— 6 « — Божіей Матери, на лѣвой—св. Маріи».

17 октября 1863 г. преосвященный Иннокентій снова писалъ къ Г. М. Корнилову: «Сдѣлайте милость, примите на себя трудъ купить и прислать ко мнѣ въ Благовѣщенскъ до 600 бумажныхъ иконъ хромолитографированныхъ, т. е. раскрашенныхъ, величиною въ большой листъ, которыя могли бы замѣнить мѣстныя иконы въ часовенныхъ иконостасахъ. Иконы эти можно будетъ спросить у художника Дмитрія Михайловича Струкова, въ Кремлѣ, въ Большомъ дворцѣ, въ Оружейной палатѣ, которому съ тѣмъ вмѣстѣ потрудитесь сказать отъ меня искреннюю благодарность за его предложеніе его услугъ, которыми я не премину воспользоваться при случаѣ. На иконахъ должны быть изображены: Спаситель, Божія Матерь, св. Николай, св. Митрофаній и св. Тихонъ. Первыхъ, т. е. съ изображеніемъ Спасителя, должно быть не менѣе 100, столько же и Божіей Матери; а прочихъ по-ровну. Если найдутся иконы съ изображеніемъ Св. Троицы, то купить и ихъ до 50-ти. Всѣ эти иконы должны быть большія. Кромѣ того, нужно Евангелистовъ и Благовѣщенія Пресв. Богородицы, для Царскихъ вратъ, по крайней мѣрѣ до 30. У насъ, на Амурѣ, въ селеніяхъ будутъ устраиваться часовни, въ которыхъ будутъ отправляться и литургіи, и потому будутъ устраиваться на подобіе церквей; слѣдовательно нужны иконостасики, а заводить настоящіе иконостасы намъ теперь и думать нечего, а между тѣмъ бумажныя иконы, если ихъ наклеить на доски, долго могутъ замѣнять иконы, писанныя на холстѣ или на дскахъ. Деньги, потребныя на покупку и пересылку, прошу взять въ той же Московской конторѣ Россійско-Американской Компаніи. Затѣмъ, призывая благословеніе Божіе на васъ и на всю вашу домашнюю церковь.....»

Въ припискѣ къ этому письму, читаемъ: «Сдѣлайте милость, потрудитесь передать какому либо оптику прилагаемое при семъ предметное стекло отъ зрительной трубы, для очищенія закравшейся въ средину пыли, и прислать оное при первомъ случаѣ; а также купите, пожалуйста, собственно для меня хорошій бинокль, т. е. двойную трубу зрительную или, лучше сказать, двѣ коротенькихъ зрительныхъ трубы для смотрѣнія обоими глазами. Прикажите купить и пришлите полдюжины хорошихъ термометровъ Реомюра, спиртовыхъ, съ мѣдными досчечками безъ футляровъ, на которыхъ можно бы было узнавать морозъ и болѣе 40° градусовъ, т. е. чтобы дѣленіе на досчечкѣ было

на верхъ не менѣе 50° и на низъ не менѣе 46°. Кстати купите и барометръ береговой (а не морской) лучшій, съ костянымъ напловочкомъ и съ подвижнымъ шкаломъ. Ртуть изъ него мастеръ пусть выльетъ и пришлетъ въ особомъ стеклянномъ пузырькѣ, съ прибавкою такой же дистиллированной ртути, по крайней мѣрѣ, на половину, и на случай, пусть приложитъ трубки двѣ для барометра».

XXXI

Здѣсь мы помѣщаемъ статью преосвященнаго Иннокентія, присланную имъ изъ Благовѣщенска, при письмѣ *(отъ 20 марта 1863 года)* редактору «Духовной Бесѣды», подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Поправки къ статьѣ: Черты для будущей біографіи.» Эта статья преосвященнаго будетъ служить намъ нѣкоторымъ образомъ поясненіемъ, подтверженіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дополненіемъ уже сказаннаго нами на первыхъ страницахъ нашей книги. «Видѣлъ я эту статью,—писалъ преосвященный Иннокентій,—и въ самомъ «Амурѣ» и видѣлъ, что въ ней есть ошибки (впрочемъ, главную изъ нихъ я относилъ къ недосмотру типографіи). Но я оставилъ это безъ всякихъ послѣдствій, полагая, что статья эта умретъ вмѣстѣ съ газетою. Но вышло не такъ. И потому теперь съ моей стороны было бы даже непростительно не указать на эти ошибки.

1) Въ метрическихъ книгахъ, хранящихся въ Иркутской духовной консисторіи, точно, написано, что я родился 11 сентября (1797 г.). Но мнѣ покойная мать моя сказывала, что я родился въ день Адріана и Наталіи, т. е. 26 августа; а этотъ день она очень хорошо помнила, по нѣкоторому достопримѣчательному въ то время въ нашемъ селѣ обстоятельству. Докозательствомъ тому можетъ быть и то, что день имянинъ моихъ былъ 2-го сентября, т. е. въ 8-й день по рожденіи. А въ старину многіе, держась буквы требника, такъ давали имена. Отецъ мой померъ не въ апрѣлѣ, а въ августѣ: это уже самъ помню, —по времени созрѣванія овощей. Но не на эти ошибки я хочу

указать. Для одного этого не стоило бы и пера въ руки брать. Кому, кромѣ моихъ родныхъ, какая надобность знать—въ тотъ или другой день я родился, въ томъ или другомъ мѣсяцѣ померъ отецъ мой? 2) Но далѣе говорится, что я, четырехъ лѣтъ на пятомъ, читалъ уже Апостолъ за литургіею. Это слишкомъ много сказано! Этого пропустить уже нельзя; иначе это можетъ подать инымъ поводъ думать обо мнѣ что нибудь необычайное, или приравнивать меня, Богъ знаетъ, къ кому! Нѣтъ. Это было далеко не такъ. Четырехъ лѣтъ на пятомъ я лишь началъ учиться грамотѣ, и не у кого либо другаго, а у своего отца, который, будучи долго боленъ, почти всегда лежалъ въ постелѣ. Апостолъ же я читалъ не въ Пасху, а въ Рождество Христово. Я это очень хорошо помню; и это было уже тогда, когда я учился у дяди своего, т. е. послѣ смерти отца моего (въ 1803 г.). Слѣдовательно, я читалъ Апостолъ, когда былъ шести лѣтъ на седьмомъ, если только не на восьмомъ.

Этимъ и можно было бы кончить эту статейку; потому что дальнѣйшія неточности очень не важны. Но быть можетъ, что мнѣ не удастся уже, или не будетъ случая сказать кое-что о себѣ [1]). И потому я пройду всю статью, напечатанную въ Духовной Бесѣдѣ, поправляя оную, гдѣ нужно, и дополню ее нѣкоторыми свѣдѣніями—въ славу Божію. Пусть мой примѣръ будетъ новымъ доказательствомъ той истины, что отъ Господа исправляются человѣку пути его, и что всѣ мы, служители церкви Его, ничто иное, какъ орудіе въ рукахъ Его. Ему угодно было назначить мнѣ поприще служенія въ Америкѣ—и это исполнилось, не смотря даже на противленіе воли моей.

3) Въ семинарію я поступилъ уже девяти съ половиною лѣтъ и послѣ нѣсколькихъ попытокъ матери моей опредѣлить меня на мѣсто отца моего пономаремъ. Попытки эти были напрасны, не смотря даже и на то, что мать моя оставалась въ безпомощномъ положеніи съ тремя дѣтьми, кромѣ меня. Попытка въ томъ же родѣ сдѣлана была еще чрезъ два или три года послѣ поступленія моего въ семинарію; но тоже напрасно. И это, конечно, потому, что мнѣ суждено служить не на мѣстѣ моей родины, а въ Америкѣ.

---

[1]) Была у меня давно еще написана статья о моемъ дѣтствѣ, воспитаніи и о путешествіи изъ Иркутска въ Америку; но она погибла въ пожарѣ въ 1858 году.

4) Самъ авторъ статьи (прот. Громовъ), по случаю которой я пишу это, скажетъ, что ему не съ кѣмъ другимъ, а со мною пришлось бы ѣхать въ академію, если бы я уже не былъ женатъ въ то время, когда пришло распоряженіе прислать изъ Иркутской семинаріи двухъ учениковъ; и тѣмъ болѣе, что самъ ректоръ нашъ имѣлъ меня въ виду на этотъ случай, какъ онъ это высказалъ мнѣ послѣ. А почему онъ не остановилъ моей женитьбы, то причиною этого былъ весьма рѣдкій и даже необыкновенный случай, а именно: рѣка Ангара, отдѣляющая семинарію отъ монастыря (гдѣ жилъ нашъ ректоръ, и оттуда онъ во всѣ учебные дни пріѣзжалъ въ семинарію на цѣлый день), въ тотъ годъ (1817), при вскрытіи своемъ, на многіе дни прекратила всякое сообщеніе монастыря съ городомъ. Ледъ на ней сначала прошелъ-было почти со всѣмъ, а потомъ опять остановился на нѣсколько дней, и такъ плотно, что извѣстный тогда въ Иркутскѣ монастырскій послушникъ Иванушко перешелъ чрезъ него съ одного берега на другой. А въ это время мнѣ пришла мысль жениться, и я успѣлъ подать просьбу, безъ позволенія отца ректора, получить видъ на женитьбу и даже начать сватовство. Не будь этого случая—тогда, конечно, ректоръ не позволилъ бы подавать мнѣ просьбы о женитьбѣ. И тогда мнѣ пришлось бы ѣхать въ академію, а не въ Америку.

5) Но виднѣе всего оказалась воля Божія о мнѣ при перемѣщеніи моемъ изъ Иркутска въ Уналашку, т. е. въ Америку. Во діакона я рукоположенъ 13 мая 1817 г., во священника—1821 г. къ той самой церкви, какъ говоритъ авторъ и гдѣ я служилъ до самой отправки моей въ Америку. И точно, тотъ выходецъ (изъ Уналашки), о которомъ онъ упоминаетъ, былъ видимою причиною того, что я уѣхалъ въ Америку. Но не расказы его мнѣ лично плѣнили меня. Это было иначе—или, пожалуй, такъ, да не такъ.

Выходецъ этотъ (нѣкто Иванъ Крюковъ, жившій съ Алеутами 40 лѣтъ), по пріѣздѣ своемъ въ Иркутскъ, остановился въ нашемъ приходѣ, гдѣ и проживалъ съ ноября почти до половины февраля. Я былъ духовнымъ отцомъ его и всего его семейства, и потому я былъ съ нимъ довольно коротко знакомъ. И точно, чего-чего не разсказывалъ онъ мнѣ и объ Америкѣ вообще, и объ Алеутахъ въ особенности, и чѣмъ-чѣмъ онъ не убѣждалъ меня ѣхать въ Уналашку; но я былъ глухъ ко всѣмъ его разсказамъ, и никакія убѣжденія его меня не тро-

гали. Да и въ самомъ дѣлѣ, могъ ли я, или былъ ли мнѣ какой разсчетъ, судя по человѣчески, ѣхать Богъ знаетъ, куда,—когда я былъ въ одномъ изъ лучшихъ приходовъ въ городѣ, въ почетѣ и даже любви у своихъ прихожанъ, въ виду и на счету у своего начальства, имѣлъ уже собственный свой домъ, получалъ доходу болѣе, чѣмъ тотъ окладъ, который назначался въ Уналашкѣ?

И потому, когда, по распоряженію покойнаго преосвященнаго Михаила, были спрошены всѣ священнослужители по всей епархіи: не пожелаетъ ли кто ѣхать въ Уналашку, и если не пожелаетъ, то почему именно?—въ числѣ прочихъ подписался и я, что не желаю занять это мѣсто, по причинѣ отдаленности. И это написалъ я со всею искренностію, имѣя въ виду, что ежели наши вдовы, живя и за десять верстъ отъ начальства, остаются безъ всего (тогда не было еще попечительства), то что же будетъ за десять тысячъ верстъ? Такъ я думалъ, такъ и говорилъ другимъ, своимъ собратіямъ.

Но когда этотъ же выходецъ—уже простившійся со мною совсѣмъ и на прощаніе еще убѣждавшій меня ѣхать въ Уналашку (это я живо помню)—въ тотъ же самый день, при прощаніи своемъ съ преосвященнымъ (у котораго мнѣ случилось быть въ то время, и даже въ гостинной, что было со мною въ первый разъ), сталъ разсказывать объ усердіи Алеутовъ къ молитвѣ и слышанію слова Божія (что, безъ сомнѣнія, я слышалъ отъ него и прежде и, можетъ быть, не однажды): то—да будетъ благословенно имя Господне!—я вдругъ и, можно сказать, весь загорѣлся желаніемъ ѣхать къ такимъ людямъ. Живо помню и теперь, какъ я мучился нетерпѣніемъ, ожидая минуты объявить мое желаніе преосвященному; и онъ, точно, удивился этому, но сказалъ только: «посмотримъ».

Могу ли же послѣ этого я, говоря по всей справедливости, вмѣнить себѣ въ заслугу, или считать за какой нибудь подвигъ то, что я поѣхалъ въ Америку?

Равнымъ образомъ, могу ли я присвоить собственно себѣ что либо изъ того, что при мнѣ или чрезъ меня сдѣлалось добраго и полезнаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я служилъ? Конечно, нѣтъ; покрайней мѣрѣ—не долженъ. Богъ видитъ, какъ тяжело мнѣ читать или слышать, когда меня за что либо хвалятъ, и особенно, когда сдѣланное другими или, по крайней мѣрѣ, не мною однимъ, приписываютъ мнѣ одному. Признаюсь, я желалъ бы, еслибы это было только возможно, чтобы и нигдѣ

не упоминалось мое имя, кромѣ обыкновенныхъ перечней и поминаньевъ или диптиховъ. Но какъ это желаніе мое неудобоисполнимо (какъ напримѣръ, при исчисленіи архіерейскихъ каѳедръ [1]), и самая краткая исторія Россійской церкви не можетъ не упомянуть обо мнѣ), то я искренно желалъ бы, чтобы въ подобныхъ случаяхъ сказано было обо мнѣ такъ же какъ, напримѣръ, въ предисловіи къ Евангелію, переведенному на Якутскій языкъ, т. е., что это сдѣлано при такомъ-то преосвященномъ: лучше, проще и справедливѣе этого, по моему, быть не можетъ. «А какъ же», спроситъ меня авторъ статьи, по случаю которой я пишу это,— «какъ же говорить или писать о вашихъ путешествіяхъ? Тутъ никакъ не приходится «при». Какъ? очень просто! Возили или перевезли—ну, много—переѣхалъ оттуда туда-то, и только: потому что, и въ самомъ дѣлѣ, всѣ мои путевые подвиги состоятъ именно только въ томъ, чтобы двинуться съ мѣста, т. е. рѣшиться сѣсть въ повозку или на судно; а тамъ—если бы и захотѣлъ воротиться, да ужъ нельзя; а ктожъ не захочетъ рѣшиться и въ комъ не достанетъ на то силы, когда того требуетъ дѣло или долгъ? 6) Послѣ объявленія мною желанія моего преосвященному, вскорѣ послѣдовала отъ него резолюція такого содержанія [2]): «Многіе изъ священнослужителей отказались отъ служенія въ столь важной и подобноапостольской миссіи по причинамъ совершенно неуважительнымъ, и потому консисторія имѣетъ дать жребій... *(такимъ-то)* діаконамъ (четыремъ, а не двумъ) и тотъ, кому падетъ жребій, долженъ отправиться непремѣнно». Насталъ и день жребодаянія, о чемъ мнѣ сказалъ предварительно самъ преосвященный, приглашая меня къ этому. Но меня не зовутъ,—это меня крайне огорчило, даже заставило отчаяваться.... Но не кому иному, а мнѣ Господь судилъ отправиться тогда въ Америку. Тотъ, кому палъ жребій (бывшій мой товарищъ по семинаріи, короткій пріятель) отказался, представляя разныя причины: и священныя обязанности къ престарѣлымъ родителямъ и проч..., а главное—нездоровье жены своей, которая, надобно сказать, пережила его и

---

[1]) Изъ коихъ Господь принялъ меня быть первымъ, по счету, на трехъ: въ Америкѣ, въ Якутскѣ и на Амурѣ въ Благовѣщенскѣ.

[2]) У меня было самое дѣло это, полученное изъ Иркутск. Дух. конс. въ числѣ прочихъ дѣлъ; но къ сожалѣнію, погибло въ пожарѣ.

едва ли не жива даже и теперь; а онъ померъ еще въ 1839 году въ Красноярскѣ—солдатомъ, горько раскаяваясь въ своемъ упрямствѣ! 7) Въ С.-Петербургъ изъ Америки я отправился не только но любознательности, какъ говоритъ авторъ, а болѣе и почти единственно за тѣмъ, чтобы напечатать Алеутскіе переводы св. книгъ подъ своимъ надзоромъ, куда и прибылъ 25-го іюня 1839 года. 8) Нѣтъ, не смерть жены моей открыла мнѣ путь къ архіерейству, потому что она померла ровно за годъ до того, и именно 24-го ноября 1839 года. До 6-го ноября 1840 года, т. е. до того времени, какъ я сталъ сбираться ѣхать въ Америку, ни рѣчи, ни мысли не было ни у кого объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Америкѣ... Но какъ и кому пришла первая мысль объ этомъ—можетъ, со временемъ, сказать нашъ трудолюбивый и благонамѣренный писатель А. Н. Муравьевъ, принимавшій въ этомъ самое живое участіе, а обо всемъ прочемъ, касающемся до меня, можетъ сказать мой преемникъ, по разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ и бумагъ моихъ».

XXXII

Преосвященный Иннокентій въ началѣ 1864 года, не взирая на свое старчество, безпрерывно совершалъ изъ Благовѣщенска плаванія по Амуру, проливая свѣтъ Евангельскаго ученія юной своей паствѣ. Мы не можемъ не удивляться его терпѣнію, съ какимъ совершалъ онъ это плаваніе по всему протяженію исполинской рѣки, поучая и крестя. При плаваніи внизъ отъ Благовѣщенска по Амуру, для проповѣдыванія слова Божія и совершенія богослуженія и требъ, по разсказамъ его дочери Екатерины Ивановны Пѣтелиной, онъ всегда отправлялся на особомъ, собственно для него устроенномъ катерѣ, а не на пароходахъ,—чтобы не стѣснять себя ни мѣстомъ, ни временемъ въ остановкахъ; на катерѣ онъ всегда, по своему усмотрѣнію, могъ остановиться въ любомъ мѣстѣ или селеніи и во всякое время, когда и гдѣ только найдетъ цѣлесообразнѣе своему миссіонерскому служенію, а равно и оставаться могъ тамъ сколько нужно для самаго дѣла;—между тѣмъ какъ на казенныхъ и компанейскихъ пароходахъ приходилось бы подчиняться установленнымъ часамъ въ остановкахъ и отправкахъ, и станціоннымъ стоянкамъ. Катеромъ всегда самъ правилъ преосвященный Иннокентій. При таковомъ свободномъ, апостольскомъ странствованіи своемъ по водамъ Амура, онъ не пропускалъ ни одного селенія и непремѣнно въ каждомъ совершалъ богослуженіе, сопровождаемое поученіями подъ открытомъ небомъ. При каждомъ поученіи онъ всегда училъ не только молиться, но и какъ нужно, живя въ міру, трудиться; для сего предлагалъ совѣты по землѣдѣлію, садоводству, пчеловодству, скоторазведенію

и проч. По окончаніи поученія, напутствовалъ каждаго образкомъ или крестикомъ. Впрочемъ, безъ пароходовъ онъ обходился только при плаваніи внизъ по Амуру, по теченію его до устья. Напротивъ, на возвратномъ пути съ устья, отъ Николаевска до Благовѣщенска, когда приходилось подыматься вверхъ противъ теченія, признавалъ нужнымъ буксировать свой катеръ пароходомъ, такъ какъ противъ теченія катеръ безъ парохода слишкомъ затруднительпо, тяжело и медленно идетъ, по быстротѣ встрѣчнаго теченія. За буксированіе катера, на протяженіи двухъ тысячъ верстъ, владыка платилъ 300 р. и, сверхъ того, команду и командировъ благословлялъ иконами, хотя имѣлъ разрѣшеніе пользоваться услугами пароходовъ даромъ и для себя, и для всей своей свиты. Теченіе Амура такъ излучисто, что удаленіе отъ мѣста, съ котораго начали плаваніе, слабо замѣтно для удаляющихся. По этой неправильности русла и открытости прибрежныхъ мѣстъ, тамъ долго не скрываются изъ глазъ оставшіяся назади мѣстности и также задолго до пріѣзда усматриваются и кажутся близкими впередъ селенія, обманывая такимъ образомъ путниковъ кажущеюся краткостію предстоящаго къ прохожденію пути. Оттого ѣдемъ, ѣдемъ, разсказывала Е. И. Пѣтелина,—а посмотримъ назадъ,—дымокъ старый виденъ, т. е. дымокъ оставленнаго селенія, изъ котораго отправились. Такъ удачно обрисовала этими словами Е. И. Пѣтелина излучистость рѣки и открытость береговъ ея.

Въ концѣ марта, преосвященный Иннокентій возвратился изъ сего плаванія по Амуру въ Благовѣщенскъ, гдѣ 1 апрѣля было получено имъ отъ Г. М. Корнилова письмо, на которое преосвященный отвѣчалъ: «Въ письмѣ вашемъ отъ 29 января, полученномъ мною 1 апрѣля, вы, между прочимъ, просите меня написать въ Московскій почтамтъ о выдачѣ вамъ слѣдующихъ вамъ денегъ 262 р., затерявшихся на почтѣ. Нужнымъ считаю увѣдомить васъ, милостивый государь, что почтовый департаментъ писалъ г. военному губернатору Приморской области отъ 26 ноября 1863 г., за № 16.226 и просилъ его сообщить въ департаментъ адресъ вашъ, т. е. гдѣ имѣетъ жительство Московскій купецъ Гаврило Корниловъ. Г. губернаторъ поручилъ мнѣ увѣдомить объ этомъ почтовый департаментъ и я, отъ 27 апрѣля, за № 1035, увѣдомилъ оный департаментъ, что вы живете въ Москвѣ, а въ которой части города—я не знаю, и что я вмѣсто сего пишу на

адресахъ: имѣющему магазинъ въ Серебряномъ ряду, подъ №№ 203, 208 и 85, и что если этого для департамента будетъ не удовлетворительно, то предложилъ спросить о мѣстѣ вашего жительства Московскій почтамтъ. Затѣмъ остаюсь въ полной надеждѣ, что вы непремѣнно получите деньги, слѣдующія вамъ. Признаюсь, никакъ я не полагалъ, что почтовый департаментъ такъ долго будетъ медлить выдачею денегъ. И меня крайне удивило то, что о мѣстѣ жительства вашего спрашиваютъ человѣка, живущаго за десять тысячъ верстъ?! При всемъ уваженіи начальствующихъ въ департаментѣ, по неволѣ придешь къ мысли, что это дѣлается едва ли не съ намѣреніемъ продлить дѣло изъ какихъ либо видовъ. Если же, паче чаянія всякаго, вы не получите денегъ еще и послѣ всей этой переписки, то поручаю вамъ отъ имени моего подать просьбу въ Московскій почтамтъ о выдачѣ вамъ денегъ, съ приложеніемъ къ тому письма сего, если будетъ нужно. О прочихъ же предметахъ, упомянутыхъ въ означенномъ письмѣ вашемъ отъ 29 января, я буду писать вамъ особо. Затѣмъ, призывая на васъ и на всю вашу домашнюю церковь благословеніе Божіе..... P. S. Вчера пришла почта и на ней полученныя ваши различныя вещи—всѣ въ цѣлости и сохранности. Слава Богу, и вамъ благодарность искренняя! Теперь я не имѣю времени писать много; напишу на слѣдующей почтѣ.» Въ числѣ упомянутыхъ въ семъ письмѣ полученныхъ вещей, были присланы Г. М. Корниловымъ термометры и барометры, надъ которыми, какъ мы увидимъ, нашъ маститый механикъ, умѣвшій самъ ихъ дѣлать и часы и органы строить, призадумался, какъ поступать съ ними, такъ какъ ему были высланы еще невиданные имъ термометры и барометръ. «Посланные вами барометръ, шесть термометровъ и бинокль мною получены въ исправности», писалъ преосвященный Иннокентій къ Г. М. Корнилову *(отъ 15 мая 1864 года)*; «бинокль очень хорошъ и объ немъ я ничего не могу сказать кромѣ похвалы и спасибо. Термометры не совсѣмъ для меня удовлетворительны (бывало, я и самъ дѣлалъ ихъ изъ готовыхъ трубочекъ). 1) Они въ комнатѣ, будучи повѣшены всѣ въ одномъ мѣстѣ, дѣлаютъ разницу между собою; и это оттого, что на нѣкоторыхъ не такъ аккуратно раздѣлены градусы сравнительно съ извѣстными черточками, дѣлаемыми на трубочкахъ стеклянныхъ на нулѣ и 20 градусахъ. 2) Одинъ изъ нихъ выставленъ былъ мною на воздухъ, и онъ отъ нуля и выше даже до

29° дѣйствовалъ какъ слѣдуетъ; но опускаясь ниже нуля, съ 3° до 5°, (ниже не было случая повѣрить) спиртъ въ немъ начиналъ дробиться кусочками, и это было замѣчено три раза—и это, вѣроятно, оттого, что трубка была или спиртъ не чисты. О другихъ термометрахъ не могу сказать ничего такого, потому что они еще не были выставлены на улицу. Но спиртъ въ нѣкоторыхъ очень нечистъ, и это неизбѣжно тамъ, гдѣ дѣлаются термометры сотнями и тысячами. 3) Для меня непонятно дѣленіе на термометрахъ: они названы Реомюровыми, а дѣленіе на Реомюровыхъ термометрахъ, такъ же, какъ и на всѣхъ, всегда бываетъ по одному масштабу или шкалу. Но на этихъ термометрахъ отъ 20° вверхъ масштабъ увеличивается постепенно, а внизъ отъ нуля уменьшается, чего, признаюсь, я еще никогда не видывалъ ни на ртутныхъ, ни на спиртовыхъ термометрахъ. Желательно знать: на какомъ это основаніи сдѣлано? По чьей теоріи: самого ли г. Кони, или кого другаго? И принято ли это дѣленіе учеными за норму? И если принято, то гдѣ объ этомъ напечатано? И главное: приняла ли это наша Академія наукъ? Безъ рѣшенія этихъ вопросовъ присланные мнѣ термометры будутъ не болѣе, какъ только трубочки, наполненныя спиртомъ, и притомъ нечистымъ, къ которымъ надлежитъ сдѣлать новыя досчечки и снова раздѣлить: иначе наблюденія по нимъ ни къ чему не поведутъ, потому что будутъ далеко несходны съ обыкновенными термометрами; такъ напр. въ Якутскѣ (гдѣ обыкновенно термометры большею частію спиртовые), при 40° на обыкновенныхъ термометрахъ, на термометрѣ г. Кони будетъ около 55°. Если таковое дѣленіе уже принято учеными за норму, то я и въ такомъ случаѣ желалъ бы имѣть 3 или 5 термометровъ, разумѣется, спиртовыхъ, съ двойнымъ дѣленіемъ на одной и той же дощечкѣ, т. е. на одной сторонѣ трубочки градусы по прежнему дѣленію, на другой—по теоріи г. Кони. Съ барометромъ мы не знаемъ, что̀ дѣлать. При раскупоркѣ онаго было поступлено по указанію г. Кони. Но онъ не дѣйствуетъ, и въ этомъ положеніи никакъ не можетъ дѣйствовать; потому что на грабли или на часть колеса, поварачивающаго стрѣлку, дѣйствуетъ только одинъ конецъ пружины,—другой конецъ не знаю, какъ прицѣпить. Тутъ какъ будто чего-то недостаетъ. Признаюсь, съ подобными термометрами я не знакомъ. Но я казалъ знающему (доктору), и онъ тоже ничего не могъ мнѣ сказать, что нужно сдѣлать, и потому барометръ остается

у меня теперь вмѣсто прекрасной игрушки. Но чтобы онъ могъ быть употребленъ въ дѣло, я рѣшаюсь и прошу васъ купить у г. Кони еще другой точно такой же барометръ, но съ тѣмъ, чтобы онъ укупоренъ и уложенъ былъ такъ, чтобы по раскупоркѣ онаго грабли стояли на балансѣ, т. е. чтобы на нее дѣйствовали оба конца пружины; а если этого нельзя сдѣлать, то пусть приложитъ рисунки, какъ должны быть грабли и пружины. Иначе, тотъ и другой барометръ я отошлю обратно г. Кони. Прощайте, Господь съ вами!» Письмомъ отъ 20 мая 1864 года, преосвященный снова дѣлаетъ порученіе Г. М. Корнилову: «Отъ 1 мая я имѣлъ удовольствіе увѣдомить васъ, между прочимъ, и о томъ, что всѣ присланныя вами по почтѣ вещи получены мною въ Благовѣщенскѣ исправно и въ цѣлости (посланныя же вами ранѣе чрезъ подрядчика Каменскаго еще не получены; ожидаемъ на дняхъ). Получены мною также и бумажныя иконы отъ г. художника Струкова, которому, при случаѣ, потрудитесь передать мою полную благодарность за его усердіе и одолженіе; писать же ему теперь мнѣ некогда. Присланныя вами различныя вещи вообще и всѣ до одной очень хорошія и мы, сравнивая ихъ съ цѣнами означенными въ прейскурантѣ г. Сытина, находимъ присланныя вами значительно дешевле. Какъ благодарить васъ за все это, и вообще за всѣ ваши труды и хлопоты для исполненія нашихъ докучливыхъ коммиссій подъемлемыхъ! Я рѣшительно сталъ въ тупикъ. Остается одна только молитва къ Господу: да воздастъ Онъ вамъ своими милостями и въ сей жизни, и въ будущей! Въ той же надеждѣ на ваше благочестивое усердіе, я снова принимаю смѣлость утруждать васъ новою коммиссіею—приготовить и прислать къ намъ въ Благовѣщенскъ вещи, означенныя въ прилагаемомъ при семъ реэстрѣ, а деньги, какія будутъ слѣдовать за нихъ, получите изъ той же Американской конторы, которая, безъ сомнѣнія, уплатитъ вамъ по одному этому письму моему, только вы потрудитесь предъявить объ этомъ заблаговременно. Призывая благословеніе Божіе на васъ и на всю вашу домашнюю церковь» .... Затѣмъ преосвященный Иннокентій писалъ уже Г. М. Корнилову изъ Николаевска (отъ 21 іюля 1864 года): «Только лишь теперь я отвѣчаю вамъ на письмо ваше отъ 26 декабря минувшаго года, и это потому, что оно до меня дошло только 2 іюня; затѣмъ чрезъ нѣсколько дней привезены были и церковныя вещи, посланныя вами въ минувшемъ году и

подмоченныя; а между тѣмъ мнѣ надобно было собираться въ дорогу. И вотъ, только сегодня собрался я отвѣчать вамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ увѣдомить васъ о состояніи вещей, въ какомъ онѣ дошли до насъ. Всеусердно благодарю васъ за исполненіе нашихъ порученій, и сдѣлайте милость, берите проценты за коммиссіи наши: даромъ никто не обязанъ работать. Вещи, заготовленныя и присланныя вами, вообще очень хороши и дошли почти всѣ въ цѣлости, и изъ всѣхъ металлическихъ вещей попортилось не много. Особенно я радъ былъ, что иконостасъ не пострадалъ отъ подмочки. Изъ прилагаемаго при семъ реэстра вы увидите, что̀ именно нами получено лишняго, чего недостаетъ и что̀ подмочено и испорчено. И по нашимъ разсчетамъ, намъ слѣдуетъ съ кого-то получить 98 р. 45 к. Но такъ ли мы считаемъ, ладно ли? Потрудитесь меня увѣдомить (и адресуйте въ Якутскъ, гдѣ я пробуду до іюня 1865 г.) Болѣе писать вамъ нечего, да и времени не имѣю. И затѣмъ, призываю благословеніе Божіе на васъ и на всю вашу домашнюю церковь. Пришлите мнѣ панагію съ изображеніемъ Благовѣщенія Богородицы на финифти, съ сразами, рублей около 75, но самой прочной работы; у меня почти всѣ повреждены».

Но и въ Благовѣщенскѣ, и въ плаваніяхъ по Амуру, преосвященный Иннокентій не забывалъ Якутскую область и заботливо думалъ о ней. Такъ, съ сентября онъ предпринялъ свое продолжительное путешествіе по этой области. По прибытіи своемъ въ Якутскъ, преосвященный Иннокентій получилъ 10 ноября слѣдующее письмо отъ митрополита Московскаго Филарета (*отъ 15 іюля 1864 года изъ Геѳсиманскаго скита, близъ Лавры*), въ отвѣтъ на письмо свое отъ 6 сентября 1863 года: «Повторяю ваши слова,» писалъ митрополитъ Филаретъ:— «не въ послѣдній ли уже разъ бесѣдую съ вами? И это, съ моей стороны, очень вѣроятно. Осенью прошедшаго года болѣлъ я довольно сильно и опять въ нынѣшнемъ, съ полудня перваго дня Пасхи и теперь, колеблюсь между болѣзнію и здоровьемъ. Слава Богу, что еще бесѣдую съ вами, хотя долго умедливъ и, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Но вамъ да продолжитъ Господь силу духовную бесѣдовать съ церковью еще на многія лѣта. Призвавшій васъ въ служеніе, сопряженное съ особенными трудностями, не оставитъ васъ безъ благодатныхъ указаній для исхода изъ затрудненій. Но если и мою мысль о исповѣди священниковъ, удаленныхъ отъ другихъ, знать желаете,—

представляю ее вамъ на судъ. Исповѣдь чрезъ письмо не признаю удобною. Письмо можетъ впасть въ чужія руки. Опасеніе сего дастъ причину открывать состояніе совѣсти неясно и, слѣдственно, невполнѣ искренно, чрезъ что и совѣсть можетъ остаться неудовлетворенною. А впаденіе письма въ постороннія руки можетъ иногда произвести гласность, умамъ непріятную, и соблазнъ. Что же дѣлать священнику, не имѣющему въ близости духовнаго отца? Въ каждый постъ пусть готовится къ исповѣди, какъ должно, и наконецъ, приступая къ священнослуженію, пусть совершитъ самъ надъ собою чинъ исповѣди, примѣняя къ себѣ молитвы, и послѣднее разрѣшеніе можетъ произнести такъ: «Господи Боже нашъ, Іисусе Христе! благодатію и щедротами Твоего человѣколюбія, прости ми вся согрѣшенія моя, и понеже не имамъ нынѣ служителя Твоего, пріемлющаго мое покаяніе, невидимая благодать Твоя да разрѣшитъ мя отъ всѣхъ грѣховъ моихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Это—по нуждѣ. Какъ же скоро можетъ онъ имѣть вблизи духовника, то долженъ воспользоваться удобностію и исповѣдываться у него, хотя бы это было не съ постомъ и безъ предварительнаго приготовленія, по неимѣнію времени. Такъ я думаю; а рѣшите вы, по данной вамъ власти въ вашей области. Чтобы избавиться отъ оскорбленія кресту, вы желаете, чтобы крестъ употребляемъ былъ только осмиконечный, а четвероконечный остался бы простою фигурою. Это невозможно. Сказать православнымъ: четвероконечный крестъ—не крестъ, значило бы преподавать раскольническое ученіе. На облаченіяхъ, отъ глубокой древности, постоянно крестъ четвероконечный. На древнѣйшихъ иконахъ, въ рукахъ мучениковъ кресты четвероконечные, а иногда шестиконечные,—а осмиконечные являются уже не въ древнія времена. Если попертъ четвероконечный крестъ, слѣдовало требовать, чтобы его не попирали подъ ноги, и можно представить Св. Сѵноду о запрещеніи. Умедливъ писать, не знаю теперь, гдѣ найдетъ васъ сіе письмо, и если могу узнать, укажу ему прямой путь. Прошу молитвъ вашихъ. Я, можетъ быть, доживу еще до вашего письма». *(Русскій Арх. 1881 года, кн. II, стр. 30—31).*

Въ отвѣтъ на это письмо, преосвященный Иннокентій писалъ *(отъ 19 ноября 1864 года)* слѣдующее: «10 ноября я имѣлъ счастіе получить письмо отъ вашего высокопреосвященства; я дѣйствительно считаю его послѣднимъ, но не потому, что я жду вашего преставленія,—о нѣтъ! да

продлить вамъ Господь жизнь вашу до крайнихъ предѣловъ,—но потому, что вижу и понимаю, что бесѣдовать вамъ письменно составляетъ уже трудъ. Господа ради и ради блага Св. Церкви, не тратьте ваши силы на подобныя писанія. Приказывайте другимъ отвѣчать мнѣ и подобнымъ мнѣ, и это уже много для насъ. Винюсь предъ вашимъ высокопреосвященствомъ, что я не такъ выразился о крестахъ, нашиваемыхъ на одеждахъ и изображаемыхъ на другихъ предметахъ, и тѣмъ подалъ поводъ вамъ думать обо мнѣ иначе. Сохрани меня Господь, чтобы я думалъ употреблять крестъ тоже осмиконечный. Моя мысль или мое желаніе вотъ какое: 1) четвероконечный и равноконечный крестъ есть такой знакъ, который служитъ основаніемъ многимъ фигурамъ въ рисункахъ, особенно на коврахъ. Запретить употреблять эту фигуру невозможно, а трактовать объ ней, особенно печатью, и думать нечего. 2) Онъ же есть, какъ крестъ, и знакъ умноженія. Мнѣ сказывали,—чему я вѣрю и не вѣрю,—что будто бы покойный преосвященный Григорій на свой протестъ, что дамы начали носить платье съ крестами, получилъ отвѣтъ, что это не кресты, а знаки умноженія. Отвѣтъ возможный, если же не прежде, то нынѣ и послѣ. 3) Кресты, дѣлаемые въ Москвѣ для облаченій, такъ называемые по картѣ, имѣютъ фигуру столь же необъяснимую и менѣе похожую на крестъ, чѣмъ на коврахъ и паркетахъ. Едва ли дѣйствительно будетъ запрещеніе даже и въ семъ случаѣ. Запретить дѣлать рисунки, похожіе на кресты, а также и дѣлать кресты на одеждахъ правильнѣе--неудобно и даже невозможно. И потому, во избѣжаніе всякихъ навѣтовъ, неудобствъ и недоразумѣній, я бы полагалъ на дѣлаемыхъ нынѣ въ Москвѣ, такъ называемыхъ, крестахъ для церковныхъ одеждъ, попросить фабрикантовъ дѣлать въ срединѣ оныхъ маленькій, но прочный крестикъ четвероконечный съ удлиненнымъ рогомъ внизу, или шестиконечный, или (какъ я выразился прежде) хотя бы то и осмиконечный. Это моя собственная мысль, которой я и теперь, смотря на свѣтъ изъ щелки, не оставляю. Письмо это я пишу изъ Якутска.»

О своемъ пребываніи въ Якутскѣ и своей дѣятельности, вотъ что писалъ преосвященный Иннокентій (отъ 22 апрѣля 1865 года) въ Благовѣщенскъ, своему сыну отцу протоіерею Гавріилу. «На послѣдней почтѣ изъ Иркутска не получено съ Амура ни лоскуточка, и слѣдовательно, и ваши письма отъ 7 марта до меня еще не дошли.

Впрочемъ, я этого и ожидалъ, и по причинѣ распутицы, и потому что изъ Иркутска въ Якутскъ всѣхъ почтъ приходитъ въ годъ 26, т. е. въ 2 недѣли 1 разъ, а изъ Благовѣщенска вь Иркутскъ только 24. Приближается время и отбытія моего изъ Якутска,—теперь уже можно считать недѣлями. Хотѣлось бы отправиться какъ можно поранѣе и, судя по теплу, можно полагать, что къ 1 іюня берега очистятся ото льда. Но во всякомъ случаѣ, между 8—10 іюня я отправлюсь, такъ чтобы въ первыхъ числахъ іюля быть уже въ Иркутскѣ, гдѣ я не намѣренъ жить долго, такъ чтобы къ первому августа быть мнѣ уже въ Срѣтенскѣ.—Это, конечно, самый ранній срокъ, а всего вѣроятнѣе, я буду тамъ около 10 августа. Значитъ, катеръ ко мнѣ на встрѣчу въ Покровское долженъ придти не ранѣе послѣднихъ чиселъ іюля, т. е. ранѣе 21 іюля отправлять оный нѣтъ резону, а 7 августа отправлять будетъ поздновато. Впрочемъ, все это еще далеко; можетъ быть и перемѣна. Слѣдовательно, все это пишется только на случай, если отъ меня не будетъ уже писано объ этомъ ничего. Изъ Якутскаго Духовнаго правленія въ консисторію посылаются деньги—235 р. 51$^1/_2$ коп.; 206 р. 85 к. изъ нихъ взяты въ замѣнъ слѣдующихъ по канцеляріи окладовъ за первую половину года, и потому уже дѣло консисторіи пополнять ихъ. Остальные же затѣмъ 28 р. 66$^1/_2$ коп. благоволите уплатить за меня въ консисторію немедленно, т. е. представить въ консисторію рапортъ, росписку и вышеозначенныя деньги. Здоровье мое не совсѣмъ-то хорошо. Нарывъ на щекѣ моей не кончился еще и теперь по временамъ идетъ матерія, и не мало. Но боли отъ него я не чувствую почти никакой; и потому можно считать этотъ нарывъ даже полезнымъ. Но правое стѣгно мое все еще меня безпокоитъ; покалыванье какъ бы иголками стало рѣже, но за то на немъ выступаютъ синія полосы и по временамъ чувствуется боль подъ кожею. Лѣвый же бокъ, грозящій мнѣ параличемъ, слава Богу, давно уже не напоминаетъ мнѣ о себѣ. Всю Пасху я сидѣлъ дома, только въ Ѳоминно воскресенье я выѣзжалъ; а въ среду утромъ я рѣшился отправиться за 80 верстъ для освѣщенія храма въ Нӑлщахъ. И слава Богу, съѣздилъ благополучно; въ четвертокъ совершено освященіе и Ю: народу было столько, что я болѣе двухъ часовъ благословлялъ ихъ, стоя на улицахъ; въ пятницу въ 9 часовъ утра пріѣхалъ я домой, въ воскресенье ѣздилъ я съ визитами, а въ субботу служилъ

въ соборѣ и пировали у исправляющаго должность губернатора. Погода здѣсь стоитъ отличная: ясно, тепло и ни малѣйшаго вѣтерка; снѣгу согнало очень много, не смотря на то, что онъ былъ вездѣ очень глубокъ. И все это есть видимая милость Божія. Простой морозъ долѣе (что̀ весьма возможно по времени года)—тогда бы много пало скота, потому что сѣна не было; но теперь, благодареніе Господу, говорятъ, что скотъ уже болѣе 5 дней ходитъ въ поле и кой-чѣмъ питается; и если бы такъ тепло простояло еще недѣльку, то навѣрное показалась бы въ полѣ и зелень; погода такъ тепла, что даже и ночью не мерзнетъ. Слава Богу!—Въ концѣ мая, 26—28, предполагаемъ отправиться за Лену, верстъ за 40, гдѣ соберутся Якуты изъ 3-хъ улусовъ для отправленія торжественнаго и колѣнопреклоннаго молебствія о ниспосланіи дождей и изобиліи плодовъ земныхъ; ранѣе неудобно, да и невозможно. Зарѣчные Якуты сильно голодаютъ,—говорятъ, ходятъ какъ тѣни, и не безъ урону.—Когда дойдетъ до васъ это письмо? Теперь самая распутица. Оно отправится отсюда 24 вечеромъ и дай Богъ, чтобы и 20 мая пришло въ Иркутскъ: слѣдовательно, къ вамъ придетъ не ранѣе половины 7 іюня, а въ это время я долженъ быть уже въ пути по Ленѣ, а у васъ должно быть уже поставлено не мало и сѣна. Дѣла у меня теперь почти нѣтъ никакого, и я живу здѣсь почти даромъ. Занимаюсь болѣе чтеніемъ и, слава Богу, могу долго читать; но нельзя не сказать, что зрѣніе мое тупѣетъ,—и это такъ и должно быть. Великая милость Божія и то, что я еще могу самъ читать, и долго. Я вполнѣ увѣреннымъ остаюсь, что Куши я въ Иркутскѣ уже не увижу,—иначе и на тебя посержусь.

Ванѣ, Есѣ и Катенькѣ мое благословеніе и поцѣлуй. Отцу Александру мой поклонъ. Онъ навѣрное сердится на меня за то, что вмѣсто 800 р. онъ въ Якутскомъ отдѣленіи отдалъ только 176 р.—виноватъ; болѣе не буду такъ оскорблять его. 3-го дня были у меня родители Ольги Ивановны съ визитомъ. И если буду совсѣмъ здоровъ, когда буду дѣлать прощальные визиты, то заѣду и къ нимъ—отконтровизитировать. Почта изъ Иркутска, по настоящему, должна придти 27 апрѣля, но дай Богъ, чтобы пришла и въ первыхъ числахъ мая; а затѣмъ до послѣднихъ мая нельзя будетъ уже ожидать никого изъ Иркутска.

Всѣмъ, кто спроситъ обо мнѣ, сказывайте поклонъ,—разумѣется, зна-

комымъ и почетнымъ. Затѣмъ, призывая благословеніе Божіе на васъ и на всю вашу домашнюю церковь....»

По возвращеніи своемъ изъ Якутска въ Благовѣщенскъ, преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ полученъ имянной Высочайшій указъ отъ 4 апрѣля 1865 года, данный Св. Сѵноду, въ коемъ Всемилостивѣйше повелѣно ему быть членомъ Св. Сѵнода.

1 сентября 1865 года владыка уволилъ сына своего, протоіерея Гавріила, въ Москву и Петербургъ, для сбора пожертвованій на устроеніе церквей въ при-Амурскомъ краѣ и послалъ съ нимъ слѣдующее письмо къ митрополиту Московскому Филарету: «Исполняя искреннее и доброе желаніе сына моего Гавріила, за 15 лѣтъ рукоположеннаго вашимъ высокопреосвященствомъ во іерея, а нынѣ уже протоіерея,—я уволилъ его въ отпускъ до сентября, давъ ему съ тѣмъ порученіе дѣлать сборъ на устроеніе церквей въ при-Амурскомъ краѣ, который, по милости Божіей, въ лучшихъ мѣстахъ болѣе и болѣе населяется переселенцами изъ южныхъ нашихъ губерній, въ числѣ коихъ, благодареніе Господу, большая часть православныхъ, которые потому усердно желали имѣть въ своихъ селеніяхъ храмы, а въ то же время не имѣютъ къ устроенію ихъ денежныхъ средствъ. Число церквей и приходовъ со вновь предполагаемыми селеніями будетъ простираться до 35. И нѣтъ сомнѣнія, что оно время отъ времени должно увеличиться еще; а средствъ къ тому представляется очень немного. И потому-то я принужденнымъ нашелся обратиться нынѣ ко всѣмъ преосвященнымъ, чрезъ епархіи которыхъ будетъ проѣзжать сынъ мой, также и къ вашему высокопреосвященству, съ моею просьбою—оказать нашимъ церквамъ пособіе если не деньгами, то священническими облаченіями и одеждами. Я не смѣю здѣсь повторять вашему высокопреосвященству моей просьбы: ибо вполнѣ увѣренъ, что все сдѣлаете для нашихъ церквей, что можно. Вѣрно, вашему высокопреосвященству уже извѣстно, что я прошлую зиму и весну жилъ въ Якутскѣ, куда я ѣздилъ главное для того, чтобы оттуда представить Святѣйшему Сѵноду объ учрежденіи тамъ особенной, самостоятельной епархіи, что и сдѣлалъ уже давно, но еще не получилъ никакихъ извѣстій о рѣшеніи этого дѣла; конечно, въ настоящее время слишкомъ большое затрудненіе можетъ встрѣтиться въ деньгахъ; но я требовалъ прибавленія очень немного. По возвращеніи моемъ изъ Якутска, я по-

лучилъ отъ вашего высокопреосвященства секретное отношеніе съ замѣчаніями на отвѣты одного архіерея на вопросы, предложенные Св. Сѵнодомъ касательно раскольниковъ. Не могу еще собраться отвѣтить на эти замѣтки. Но могу сказать теперь только то, что я противникъ этихъ отвѣтовъ, въ Св. Сѵнодѣ сказанныхъ оффиціально, что..... Слѣдовательно, я не имѣлъ и не могъ имѣть намѣреній доказать мои мнѣнія, тѣмъ менѣе настаивать на приведеніи въ исполненіе оныя. Я отвѣчалъ только потому, что мнѣ предложили вопросъ, на который, какъ я понялъ, желали имѣть отвѣтъ, какъ бы неопредѣленъ онъ ни былъ—благопріятный. Касательно положенія единовѣрцевъ и я сказалъ, что̀ считаю возможнымъ допустить къ допущенному уже. Но я отнюдь не имѣлъ въ виду, чтобы дали единовѣрческому архіерею независимость отъ высшей духовной власти; а я полагалъ дать ее—въ видѣ викарія—подъ зависимостью если не митрополита, то Св. Сѵнода; а если невозможно и это, то я готовъ обратно взять мое мнѣніе обратно, какъ не изъявившій, и приложить мой голосъ къ общему голосу. Здоровье мое, слава Господу, довольно еще крѣпко, не смотря на 69-й годъ; но зрѣніе начинаетъ видимо тускнѣть въ послѣднее время, и особенно лѣвымъ глазомъ,—не знаю, что будетъ,—и вмѣстѣ слабѣетъ тоже и память: чтобы помнить что-либо, мало уже прочесть одинъ разъ, какъ бывало то прежде, и даже мало двухъ разъ, и потому волею и неволею приходится отставать отъ другихъ. И потому, сказать по всей справедливости, если я еще могу служить, то только на этомъ моемъ мѣстѣ, да и то не безъ опущеній. На всякомъ другомъ мѣстѣ я рѣшительно не гожусь. И потому, возведеніе меня, на этихъ недѣляхъ, въ члена Св. Сѵнода, меня въ первое время очень встревожило, да и теперь я не совсѣмъ спокоенъ. Умоляю васъ, ваше святѣйшество, Господа ради, примите на себя трудъ увѣрить г. оберъ-прокурора, чтобъ онъ совершенно забылъ меня при назначеніи кандидатовъ на какую бы то ни было епархію. Я, пожалуй, не буду (и не могу) отрицать; но пользы отъ того на другомъ мѣстѣ рѣшительно никакой не будетъ; а вреда и убытку немало. Одного только я желаю, и принялъ бы какъ награду: чтобы открыли Якутскую епархію».

За четверть-вѣковое служеніе свое въ архіерейскомъ санѣ преосвященный Иннокентій, 15 декабря 1865 года, удостоился получить отъ благодарныхъ Якутовъ, въ знакъ признательности, драгоцѣнную икону, изобра-

жающую св. Иннокентія Иркутскаго, съ надписью внизу на финифти: «Высокопреосвященнѣйшему Иннокентію, архіепископу Камчатскому, въ честь 25-лѣтняго служенія его въ архіерейскомъ санѣ, приносится въ признательность отъ жителей и духовенства города Якутска. 15 декабря 1865 года».

Всячески стараясь выразить свою признательность Г. М. Корнилову за его послуги, преосвященный Иннокентій поздравляетъ его и съ Новымъ годомъ, и съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христова,— хотя письмо писано отъ 5 февраля 1866 года: «Имѣю честь поздравить васъ съ новымъ годомъ и съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христова; желаю вамъ всякихъ благъ, а паче всего—спасенія вѣчнаго. Я опять къ вамъ съ моими докуками: 1) Посылаю вамъ мои золотые часы для исправленія. Въ нихъ лопнула пружина и, при этомъ случаѣ, сильнымъ толчкомъ сломилась пятка у оси большаго колеса. Значитъ, поправка серьёзная, обыкновенному часовщику и отдавать нечего; а надобно отдать туда, гдѣ дѣлаютъ новые часы. Пусть возьмутъ дороже, но лишь бы всѣ камни остались на мѣстахъ и ось была сдѣлана какъ слѣдуетъ;—пусть приложитъ мастеръ запасную пружину (безъ малѣйшей ржавчины) и два стекла и ключикъ. 2) Посылаю барабанъ съ пружиною, для перемѣны на новую такую же пружину. 3) Крестикъ и солонку, для поправки. Кромѣ сего, потрудитесь заказать икону на дскѣ, вышиною $3^1/_2$, а шириною $2^3/_4$ аршина, съ изображеніемъ мученицы Софіи. Поле или фонъ иконы должно быть той же самой работы, чтò на иконахъ, присланныхъ мнѣ изъ лавры. Живопись должна быть лучшая, а также и отдѣлка поля. Икону прислать по почтѣ въ Благовѣщенскъ, на имя мое (это для губернатора), а плательщикъ—я, т. е. чрезъ меня, а не на мой счетъ.— Цѣну берите какую слѣдуетъ, но чтобы было хорошо. Пришлите мнѣ облачальное блюдо мѣдное—аплике, т. е. блюдо для поднесенія облаченій архіерею въ церкви, фигуры овальной или продолговатой и не менѣе $1^1/_8$ арш. въ длину, а ширина по пропорціи; работы получше простой. Деньги, какія потребуются на приготовленіе вышеозначенныхъ вещей, прошу получить въ конторѣ Россійско-Американской компаніи. Затѣмъ, призываю благословеніе Божіе на васъ и на все ваше семейство».

По прошествіи восьми мѣсяцевъ послѣ отъѣзда отца протоіерея Гавріила въ Москву и Петербургъ, для сбора пожертвованій на устройство церквей въ при-Амурскомъ краѣ, преосвященный Иннокентій получилъ отъ него слѣдующее письмо изъ Москвы *(отъ 5 мая 1866 г.)*: «Припадая къ стопамъ вашимъ, со слезами умоляю васъ о прощеніи меня за долговременное молчаніе. Сознаю и глубоко чувствую, что я сильно оскорбилъ васъ тѣмъ, что долго не писалъ вамъ; но если вы вникнете въ мое положеніе и узнаете качество квартиры, которую я занималъ въ Питерѣ, то я питаю себя надеждою получить отъ васъ всепрощеніе въ моей винѣ. Рисканіе по городу съ ранняго утра до поздней ночи утомляло меня до нельзя;—а до нестерпимости холодная квартира принуждала меня, по возвращеніи домой, немедленно укрываться подъ одѣяломъ. Многое и очень многое имѣю сообщить вамъ, но ей Богу, не въ состояніи. Всѣ мысли у меня сосредоточены на сборъ и чувствуется страшная усталость. Скажу обо всемъ кратко: дѣла мои, слава Богу, хороши. Въ Питерѣ собралъ до 3/т. р. и довольно вещей. Золотопріискатели просили министра внутреннихъ дѣлъ изъ капитала, пожертвованнаго ими на благотворительныя заведенія въ Енисейской губ. и простирающагося до 165/т., удѣлить 15 тысячъ на Амурскія церкви. Но министръ отказалъ въ этомъ на томъ основаніи, что въ поданномъ прошеніи подписались не жертвователи, и потому въ Красноярскѣ приходится мнѣ просить подписаться самихъ жертвователей. Это дастъ другой оборотъ дѣлу. Св. Сѵнодъ пожертвовалъ, по моей запискѣ, богослужебныя книги, о чемъ уже сообщено вамъ. Въ Москвѣ собралъ до 300 р. А графиня Варвара Алексѣевна Мусина-Пушкина и графиня Варвара Николаевна Гудовичъ своимъ стараніемъ наготовили весьма много разныхъ ризничныхъ отличныхъ вещей. По ходатайству Помпея Николаевича Батюшкова, купецъ Комиссаровъ пожертвовалъ весьма много вещей по моей запискѣ, въ которой я безъ всякаго преувеличенія изложилъ нужду каждой нашей церкви. Вещей этихъ я еще не видалъ. П. Н. Батюшковъ обѣщался обезпечить наши церкви и деньгами. Душеприкащики Куманина и Малютина обѣщаютъ пожертвовать на Амурскія церкви до 5/т. р. Въ настоящее время посылаютъ ко мнѣ изъ церквей ризницу. Вотъ въ какомъ положеніи мои дѣла. Слава Богу! Но укупорка и отправка вещей страшно утомляетъ меня. Очень трудно безъ

человѣка. Желающихъ на Амуръ не нашлось. 5 марта имѣлъ счастіе представляться Императрицѣ. Она много распрашивала о васъ и высказала сожалѣніе, что давно не видала васъ. Оберъ-прокуроръ былъ весьма внимателенъ ко мнѣ и поручилъ мнѣ передать вамъ искреннее почтеніе съ изъясненіемъ, что такихъ архіереевъ, какъ вы, мало въ Россіи. Нѣтъ у меня силъ благодарить за все благодѣтелей Шереметевыхъ,—особенно Елизавету Сергѣевну Дѣллеръ, которая принимаетъ меня какъ нѣжная мать. Впрочемъ, всѣ Шереметевы отлично расположены ко мнѣ. Спаси ихъ Богъ! Всѣ они усердно кланяются вамъ и просятъ вашего благословенія. Сестра Поликсенія пріѣхала въ Москву. Александра и Ольга Никитишны просятъ вашего благословенія. Изъ Москвы думаю выѣхать около 20-го мая,—ранѣе никакъ нельзя. Простите, что худо и мало пишу. Ей Богу, некогда, и притомъ пишу не дома, гдѣ столько вещей, что негдѣ повернуться. Любезнѣйшій папенька! Прошу вашихъ молитвъ и благословенія». За симъ письмомъ, ровно черезъ мѣсяцъ, преосвященный Иннокентій получилъ письмо отъ митрополита Московскаго Филарета *(отъ 5 іюня 1866 г.)*. «Съ радостію встрѣтилъ я», писалъ ему митрополитъ Филаретъ, «и письмо ваше, и отца протоіерея Гавріила. Радуюсь, что онъ является достойнымъ своего родителя и полезнымъ церкви. Онъ не имѣлъ нужды въ моемъ содѣйствіи. Я склонилъ дѣятельныхъ любителей церкви, и въ слѣдствіе ихъ усердія, онъ возвратится къ вамъ не тощъ. Отъ меня получилъ онъ маленькое бремя. Примите отъ меня мантію и воздухи къ вашему служенію. Къ Святѣйшему Синоду причтены вы въ уваженіе вашихъ заслугъ, такъ что, сколько мнѣ извѣстно, при семъ смотрятъ на прошедшее и настоящее, не простирая взора въ будущее. Ваше апостольское служеніе на вашемъ поприщѣ важнѣе для церкви, нежели служеніе другаго на другомъ. Записка о единовѣрцахъ сообщена вамъ единственно для того, чтобы имѣли вѣрное воззрѣніе, какъ они есть въ истинномъ своемъ положеніи, а не какъ нѣкоторые изъ нихъ, ближе къ вашимъ краямъ. Желаю, чтобы Господь продолжилъ вашу жизнь и служеніе такъ, чтобы вопросъ, гдѣ жилъ, не потребовалъ отвѣта. Состояніе зрѣнія затрудняетъ и меня. Но благодареніе Богу, что оно хотя слабымъ оказывалось еще въ младости и много было утомляемо, служитъ еще и теперь моему неизбѣжно личному чтенію и письму. Думаю, что не мало его поддерживало и поддерживаетъ одно водолѣче-

ніе,—частымъ умываніемъ холодною водою. Можетъ быть, это и для васъ не безполезно будетъ. Совѣтуютъ сберегать зрѣніе посредствомъ чтеца. Но указывая на сіе вамъ, я совѣта сего не исполняю. Миръ духови вашему, зоркость тѣлу, благопоспѣшеніе дѣятельности; прошу молитвъ вашихъ о мнѣ изнемогающемъ. Наипаче же молитесь о православной церкви, не столько воинствующей, сколько воинствуемой, и о православномъ народѣ, увлекаемомъ и попускаемомъ неудержимо увлекаться въ суеты и неистовства ложная.

Да взыдетъ отъ вашего сѣянія чистая пшеница, вмѣсто того, что у насъ умножаются плевелы среди ея».

Друзья высокопреосвященнаго Иннокентія не ограничивались, какъ мы уже видѣли, однимъ радушнымъ, русскимъ гостепріимствомъ къ нему и дѣтямъ его, или одними усердными заботами о воспитаніи и устройствѣ дѣтей его; но всегда готовы были помогать ревностному апостолу въ его миссіонерскомъ служеніи, чтобы и тамъ, въ странахъ дикихъ, суровыхъ и мрачныхъ, покрытыхъ снѣгами, туманами и тундрами, скорѣе возсіялъ просвѣщающій свѣтъ Христовъ. Въ подтвержденіе этого, приведемъ письмо Иннокентія изъ Благовѣщенска *(отъ 30 ноября 1866 года)*, къ баронессѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ Дёллеръ: «Не знаю, какъ благодарить васъ, возлюбленная моя о Господѣ Іисусѣ, Елизавета Сергѣевна, за вашу христіанскую любовь ко мнѣ и къ сыну моему! Смотря на множество вещей, полученныхъ отъ васъ сыномъ моимъ, и слушая его разсказы о васъ, нельзя не удивляться и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не благодарить Господа, что есть еще на землѣ такіе люди, которые умѣютъ любить чисто и безкорыстно! Да воздастъ же вамъ Господь Богъ Своею любовію за вашу искреннюю и постоянную любовь, которую вы оказываете другимъ! и вѣренъ Онъ, любвеобильный Отецъ нашъ и сый Любовь воздастъ вамъ! ей и аминь. Затѣмъ, долгомъ считаю засвидѣтельствовать мою благодарность, какъ архипастырь Амурскихъ церквей, за ваши приношенія въ пользу оныхъ и преподать вамъ благословеніе и моего недостоинства. Покорнѣйше прошу это же передать и ихъ сіятельствамъ—Дмитрію Николаевичу [1]), Варварѣ Алексѣевнѣ [2]) и Владиміру Ивановичу [3]), принимавшимъ жи-

[1]) Графъ Шереметевъ.

[2]) Графиня Мусина-Пушкина.

[3]) Графъ Мусинъ-Пушкинъ.

вое участіе въ устроеніи ризницы. Да воздастъ имъ и вамъ Господь Богъ за то своими милостями! А нашъ долгъ—возносить свои посильныя молитвы о всѣхъ благотворящихъ нашимъ церквамъ. Долгъ, который передастся и преемникамъ нашимъ.

Сынъ мой Гавріилъ давно уже воротился къ намъ здоровымъ и нашелъ свое семейство здоровымъ, а меня—хворавшимъ отъ простуды, отъ которой, благодаря Бога, я уже избавился по молитвамъ добрыхъ людей. И теперь здоровье мое, слава Богу, удовлетворительно; только зрѣніе мое видимо слабѣетъ (все кажется въ туманѣ, особенно въ ясные дни),—и это отъ природы, а не отъ какой либо болѣзни. Различныя вещи, отправленныя сыномъ моимъ изъ Москвы по почтѣ, получены нами здѣсь въ совершенной цѣлости и сохранности, благодаря тщательной укупоркѣ; а это весьма важно. Число строющихся у насъ церквей, благодаря Бога, увеличивается. Въ половинѣ ноября совершено мною освященіе двухъ церквей, находящихся въ 24 и 35 верстахъ отъ городовъ, въ селеніяхъ православныхъ крестьянъ, переселившихся изъ южныхъ губерній; третья церковь заложена и уже выведена до оконъ, тоже въ крестьянскомъ селеніи. Строится, наконецъ, первая церковь и въ селеніи туземцевъ при-Амурскихъ, начинающихъ принимать св. крещеніе. Урожаи около Благовѣщенска были довольно хороши; и вообще около Благовѣщенска урожаи бываютъ каждогодно хороши, только иногда мѣшаютъ дожди во время уборки хлѣба, такъ что иногда огромное количество пропадаетъ. Затѣмъ, призывая благословеніе Божіе на васъ и на всѣхъ близкихъ вашему сердцу....

P. S. Потрудитесь передать молодому графу Сергію Димитріевичу, что я высоко уважалъ покойную маменьку его; и уваженіе мое къ ней возродилось такъ: вхожу я однажды къ ней (въ С.-П.-бургѣ) довольно рано (она меня всегда принимала) и вижу: вдали она стоитъ предъ образомъ и молитъ, какъ говорятъ,—т. е. наклоняетъ и креститъ своего сына-малютку, плачущаго,—и это было довольно долго, не смотря на слезы его. И когда она вышла ко мнѣ, первымъ словомъ моимъ было сказать ей искреннѣйшее слово привѣта и благодарности.... «Да», отвѣчала она:— «шаркать онъ научится послѣ, а къ этому надобно пріучать какъ можно ранѣе; я это знаю по собственному опыту и благодарю всегда за то моихъ родителей». Видя и слыша это одно, можно ли было не уважать ея? Я искренно радуюсь, что сынъ ея на-

слѣдовалъ отъ нея духъ благочестія. Да сохранитъ его Господь въ этомъ духѣ! Не я одинъ этому радуюсь и слѣдовательно не одинъ желаю ему этого.....»

Въ отвѣтъ на письмо митрополита Филарета (отъ 5 іюня 1866 года), преосвященный Иннокентій писалъ (отъ 7-го декабря 1866 года) слѣдующее: «Отъ всего сердца моего приношу вашему высокопреосвященству мою глубочайшую благодарность за милости ваши, а паче за вашу отеческую любовь, оказанную сыну моему Гавріилу, а также и за дорогой даръ вашъ мнѣ (мантію и воздухи), которые я имѣлъ честь получить вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ отъ 5 іюня.

Сынъ мой возвратился уже давно здоровымъ и, благодареніе Господу, съ неожиданнымъ успѣхомъ для нашихъ новоустрояемыхъ церквей; такъ что если мы получимъ еще то, что обѣщали гг. душеприкащики Малютина и Куманина и отъ гг. золотопромышленниковъ, тогда нашъ общій капиталъ Амурскихъ церквей, и теперь простирающійся до 40 т., будетъ приносить весьма значительный доходъ. Не безъ успѣха у насъ и въ другомъ отношеніи. Въ первыхъ числахъ ноября я ѣздилъ въ ближайшія къ городу Благовѣщенску селенія крестьянъ—переселенцевъ изъ южныхъ губерній, для совершенія освященія двухъ новыхъ храмовъ, въ 15 верстахъ отстоящихъ одинъ отъ другаго. Нѣсколько ранѣе заложенъ еще третій, тоже въ крестьянскомъ селеніи и недалеко отъ Благовѣщенска. Не могу не сказать здѣсь, что одинъ изъ освященныхъ храмовъ устроенъ въ селеніи, основавшемся только въ октябрѣ 1864 года и удаленномъ отъ строеваго лѣса, и гдѣ потому жители привитаютъ почти въ полуземлянкахъ; но захотѣли прежде устроить храмъ и потомъ уже принялись за свои жилища. Рѣдкое усердіе! Слава Богу! Начинаютъ наконецъ принимать св. крещеніе и изъ туземцевъ при-Амурскихъ, считающихся подданными Китая,—Гольды, у которыхъ устрояется уже церковь и школа, по ихъ желанію. Думаю лѣтомъ побывать у нихъ опять, а также желательно бы видѣть новыхъ нашихъ собратій, христіанъ—Корейцевъ, въ значительномъ числѣ выселяющихся изъ своего отечества въ наши предѣлы и охотно принимающихъ св. крещеніе. Это—въ нашихъ южныхъ портахъ, вблизи границъ Кореи. Теперь, позвольте сказать нѣчто о себѣ: здоровье мое, благодареніе Господу, довольно удовлетворительно и я, можно сказать, еще не чувствую старческихъ припадковъ; но зрѣніе мое

слабѣетъ видимо, и это по природѣ нашей (у меня дѣдъ и старшая сестра въ моихъ лѣтахъ были слѣпы); мнѣ все кажется въ туманѣ, особенно въ ясный день, и судя по ходу ослабленія зрѣнія моего, оно, полагаю, не прослужитъ далѣе 1868 года. Теперь забота: куда мнѣ затѣмъ идти? гдѣ помѣститься и провести остатокъ дней моихъ? и съ тѣмъ, чтобы вблизи себя имѣть, кромѣ храма и доктора съ аптекою, и сына моего (разумѣется, на службѣ) съ дѣтьми, для воспитанія внуковъ и внучатъ моихъ. Здѣсь, у насъ, не говоря уже о Камчатской епархіи—и говорить нечего: въ ней одинъ только монастырь, и то въ Якутскѣ,—во всей восточной Сибири нѣтъ такого мѣста. Съ другимъ мѣстомъ я незнакомъ. Всего бы лучше и удобнѣе жить въ Москвѣ; но далеко, да и не высоко ли? и особенно для сына моего. Онъ и не академикъ. Впрочемъ, онъ былъ бы доволенъ и за глаза, если бы онъ могъ въ Москвѣ просить священническое мѣсто; а при этомъ и я бы почелъ себя весьма довольнымъ, если бы могъ получить гдѣ либо келью при храмѣ; тогда мнѣ болѣе ничего не нужно. Мнѣ было бы достаточно и одной пенсіи, по ордену св. Александра, которую я буду получать съ 1 мая сего года. Владыко святый! довершите милость вашу ко мнѣ: прикажите или поручите кому либо написать мнѣ,—васъ самихъ утруждать этимъ я не смѣю,—могу ли я питать себя надеждою на помѣщеніе въ Москвѣ—и не иначе, какъ вмѣстѣ съ сыномъ моимъ? Когда я былъ въ силахъ, я не хотѣлъ его имѣть вблизи себя. Но теперь мнѣ нужна помощь родныхъ. Наемники—всегда наемники, особенно у слѣпаго. Поручая себя и всю ввѣренную моему недостоинству паству мою святымъ молитвамъ вашимъ....»

Въ февралѣ 1867 года преосвященный Иннокентій очень часто переписывался съ Г. М. Корниловымъ, постоянно дѣлая ему изъ Благовѣщенска все новые и новые заказы. «Искренно благодарю васъ за письма ваши ко мнѣ», писалъ къ нему преосвященный Иннокентій отъ 7 февраля (1867 г.),—«изъ которыхъ послѣднее писано вами отъ 30 ноября, а до меня дошло 30 января. Еще новая до васъ просьба: пришлите мнѣ, при первой возможности, пять лампадокъ, четыре мѣдныя и посеребренныя, шириною въ діаметрѣ $3^1/_2$ вершка, а третію изъ польскаго серебра, шириною въ діаметрѣ не болѣе $2^1/_2$ вершковъ. При семъ считаю не излишнимъ увѣдомить васъ, что, къ сожалѣнію, стекло на кивотѣ для иконы св. Иннокентія дорогою разбилось, отъ

того что верхняя доска была тонка, да и ящикъ сдѣланъ плохо: если бы не кожа, то онъ развалился бы дорогой; и такъ пришлось шлифованное стекло замѣнить простымъ. Въ маѣ думаю отправиться въ Николаевскъ и, быть можетъ, ранѣе августа не ворочусь въ Благовѣщенскъ; а ранѣе этого лампадки не будутъ нужны. Затѣмъ, прощайте. Господь съ вами и со всею вашею домашнею церковью. P. S. Потрудитесь узнать у г. Кони, когда онъ пришлетъ мнѣ барометръ металлическій, который я купилъ у него прежде чрезъ васъ и который я ему отправилъ обратно, согласно письму его? а за барометръ, который онъ послалъ съ отцомъ Гавріиломъ (и за который онъ получилъ деньги особо), скажите ему мою благодарность. Онъ дѣйствуетъ исправно.» А письмомъ отъ 10 февраля, изъ Благовѣщенска же, преосвященный Иннокентій дѣлаетъ Г. М. Корнилову слѣдующій заказъ: «Можетъ быть, и до васъ дошелъ слухъ, что и жители Амурской области, и преимущественно города Благовѣщенска, такъ же какъ вы, москвичи, и прочіе,—изъявили желаніе увѣковѣчить память событія 4 апрѣля 1866 года, и именно сооруженіемъ иконы Спасителя, и привести въ исполненіе это они поручили мнѣ. И потому покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, принять на себя трудъ устроить означенную икону Спасителя примѣнительно къ прилагаемому при семъ рисунку, т. е. съ предстоящими по бокамъ въ бордюрѣ св. Александра Невскаго и преподобнаго Іосифа Пѣснописца, и съ подписью внизу: Въ память 4 апрѣля 1866 года, отъ жителей Амурской области; а въ открытомъ Евангеліи написать славянскими буквами: «и ни едина отъ нихъ падетъ на земли безъ воли Отца вашего. Вамъ же и власи главніи вси изочтени суть. Не убойтеся убо.» Живопись лица Спасителя должна быть сколько можно получше. Икона должна быть на дскѣ вышиною 18½ верховъ, а шириною 14¼; въ серебряной золоченой ризѣ лучшей работы. И такъ какъ эту икону назначается поставить за клиросъ, то къ ней нужно золоченую деревянную раму или въ родѣ кіота, съ рѣзьбой по угламъ и съ какою нибудь фигурою съ крестомъ на верху; а пьедестала не нужно. Кромѣ того, у насъ есть икона Божіей Матери съ Аѳона, вышиною 15 верховъ, а шириною.... Намъ хочется поставить ее за лѣвый клиросъ, въ симметрію съ вышеозначенною иконою Спасителя. И потому и для нея нужна точно такая же рама или кивотъ, какой будетъ у иконы Спасителя; а

такъ какъ икона Божіей Матери меньше иконы Спасителя, то раму не уменьшать, а въ ней сдѣлать изъ дерева поле и вызолотить подъ матъ. На все это назначено 700 р. сер.,—если много, то и съ пересылкой къ намъ. Срока для дѣланія всего этого мы не назначаемъ.

Покорнѣйше прошу отвѣтить мнѣ на это письмо съ первою почтою, и письмо адресовать на имя мое. А въ случаѣ отбытія моего, съ передачею въ Духовную Консисторію. И по полученіи письма вашего, немедленно будутъ отправлены къ вамъ и деньги, сколько вы назначите,—но никакъ не болѣе восьми сотъ пятидесяти рублей,—и съ пересылкою всего въ Благовѣщенскъ, т. е. иконы Спасителя и двухъ кіотовъ. Призывая на васъ благословеніе Божіе....»

16 февраля 1867 года преосвященный Иннокентій снова писалъ Г. М. Корнилову: «Отвѣчаю вамъ на письмо ваше отъ 25 декабря, при коемъ приложенъ счетъ на 969 р. 29 к. Покорно благодарю васъ за исполненіе нашихъ коммиссій. Маленькія иконы и рубашки получены нами въ сохранности. А образа св. Софіи еще не получено. Позвольте васъ попросить прислать намъ, вмѣсто означеннаго счета, два счета: одинъ на образъ Софіи—на 424 р., а другой на мелкія иконы и на сорочки—на 545 р. 29 к.; и если вы получили по счету деньги отъ Россійско-Американской Компаніи, то потрудитесь на счетахъ обоихъ подписать, что вы получили все сполна:—тотъ и другой счетъ нужны для приложенія къ разнымъ дѣламъ.

При семъ посылаю вамъ золотой наперсный крестъ, для обращенія онаго въ деньги такъ или иначе, т. е. продать или обратить въ слитокъ, и вырученныя за него деньги написать на счетъ мой, и что будетъ за него выручено, прошу меня увѣдомить. На одной изъ слѣдующихъ почтъ мы пришлемъ вамъ новый заказъ приготовленія вещей для церквей. Не найдете ли вы возможнымъ прислать копію съ полнаго счета моего съ вами съ самаго начала и по послѣднее время, со включеніемъ въ него и денегъ за крестъ, который нынѣ посылается. Я жду еще отъ васъ иконы Скорбящей Божіей Матери, о которой я просилъ васъ еще въ началѣ прошедшаго года и которая стоила бы не дороже 18 или 20 р. съ пересылкою; вѣроятно, вы забыли или не получили письма моего. Она величиною должна быть не болѣе 6 вершковъ. За тѣмъ, призывая благословеніе Божіе на васъ и на все ваше семейство....»

16 апрѣля 1867 года, преосвященный Иннокентій сопричисленъ былъ къ ордену св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени большаго креста, при слѣдующемъ Его Императорскаго Величества рескриптѣ, въ коемъ изображено: «Съ истинно апостольскою ревностію и высокимъ самоотверженіемъ продолжаете вы, не взирая на ослабѣвающія силы, великій подвигъ насажденія и утвержденія Христовой вѣры среди разноплеменной вашей паствы, и съ помощію Божіею видимо преуспѣваете въ семъ трудномъ служеніи. Племена, еще недавно пребывавшія въ язычествѣ, приводятся вами къ исповѣданію святой православной вѣры; другія, ранѣе сихъ вами просвѣщенныя, неизмѣнно остаются вѣрными чадами церкви, слушая въ созидаемыхъ повсюду вами храмахъ богослуженіе на понятномъ имъ языкѣ, совершаемое притомъ достойными служителями слова Божія, вами попечительно избираемыми и поставляемыми. Среди этой благословенной дѣятельности и непрестанныхъ путешествій, предпринимаемыхъ для личнаго наблюденія и духовнаго руководства, вы заботливо совершенствуете всѣ части епархіальнаго вашего управленія, препобѣждая всѣ представляющіяся трудности. Въ благодарномъ вниманіи къ незабвенному служенію вашему, желая изъявить особое наше монаршее благоволеніе, всемилостивѣйше сопричисляемъ васъ къ Императорскому ордену нашему св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени большаго креста. Святыя молитвы просвѣтителя Россіи да укрѣпятъ ваши силы и да сохранятъ васъ для дальнѣйшаго благотворнаго и вмѣстѣ многотруднаго служенія вашего».

Въ маѣ мѣсяцѣ преосвященный Иннокентій предпринялъ продолжительное путешествіе по Амуру, продолжавшееся до августа. Въ это путешествіе онъ посѣтилъ и дальніе порты пріобрѣтеннаго восточнаго поморья, и это было его послѣднее апостольское странствованіе. Результатомъ сего путешествія и проповѣднической дѣятельности архіепископа Иннокентія было то, что Монголы и Китайцы стали изъявлять склонность къ слову Христову;—а это давало надежду, что Даурія и Монголія скоро просвѣтятся вѣрой Христовой, которая достигнетъ до предѣловъ Кореи.

Пятаго августа, по возвращеніи изъ сего путешествія въ Благовѣщенскъ, преосвященный Иннокентій получилъ слѣдующее отношеніе изъ Главнаго Правленія Россійско-Американской Компаніи *(отъ 1 мая 1867*

года, подписанное М. Тебеньковымъ): Безъ сомнѣнія, вы обратили вниманіе на газетныя статьи объ уступкѣ колоній Соединеннымъ Штатамъ—и, къ сожалѣнію, это подтвердилось недавно полученнымъ въ Главномъ Правленіи увѣдомленіемъ господина министра финансовъ. Подробности условій трактата еще не объявлены, но положительно извѣстно, что Компанія прекращаетъ свои дѣйствія въ Америкѣ, а слѣдовательно и свое существованіе, и теперь вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ правительство вознаградитъ акціонеровъ за тѣ жертвы и потери, которыя они испытали для полученія новыхъ привиллегій. По газетной перепечаткѣ трактата, православнымъ церквамъ и духовенству въ колоніяхъ предоставлены всѣ права; но на чей счетъ онѣ будутъ содержимы, объ этомъ не упоминается. Для веденія ликвидаціоннаго дѣла общее собраніе гг. акціонеровъ уполномочило Главное Правленіе, въ составъ котораго, по новымъ выборамъ, вошли прежнія лица, вамъ извѣстныя, и только на мѣсто Владиміра Гавриловича избранъ Николай Николаевичъ Анцыферовъ. Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше преосвященство, по общему желанію Главнаго Правленія; а что за симъ послѣдуетъ, не премину сообщить въ свое время». Это извѣщеніе объ уступкѣ Россійскихъ владѣній въ Америкѣ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ не могло не произвести на преосвященнаго Иннокентія, какъ ревнителя Православія, нѣкотораго душевнаго потрясенія. Да не могъ же онъ безучастно отнестись къ тому, когда тамъ была юная Православная церковь, основанная и устроенная его апостольскими трудами, которая, по своей новости и по обстоятельствамъ края, имѣла еще малую силу и требовала еще усиленнаго дѣйствованія для ея утвержденія, охраненія и распространенія. Паства же ея была скудна для того, чтобы поддерживать духовенство безъ посторонней помощи; служеніе духовенства трудно и требуетъ великаго самоотверженія. Все это и возбуждало въ преосвященномъ опасеніе не только за благосостояніе, но и за существованіе сей церкви въ угрожающемъ ея положеніи. По этому поводу, преосвященный Иннокентій писалъ оберъ-прокурору графу Д. А. Толстому *(отъ 27 августа 1867 г.):* «Главное Правленіе Россійско-Американской Компаніи, отношеніемъ своимъ отъ 1 мая сего года, увѣдомляетъ меня, что наши Американскія колоніи уступлены Соединеннымъ Штатамъ, и что посему Компанія прекращаетъ свои дѣйствія въ Америкѣ, а слѣдовательно, и свое сущест-

вованіе, присовокупляя къ тому, что подробности условій трактата еще неизвѣстны, но по газетной перепечаткѣ трактата, православнымъ церквамъ и духовенству въ колоніяхъ предоставлены всѣ права; но на чей счетъ онѣ будутъ содержимы, объ этомъ не упоминается. Доводя о семъ до свѣдѣнія вашего сіятельства, я честь имѣю покорнѣйше просить сдѣлать зависящее отъ васъ распоряженіе о томъ, дабы Американское духовенство наше не осталось и не оставалось безъ окладовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ приказать кому слѣдуетъ сообщить мнѣ положенія, на которыхъ должны существовать наши православныя церкви и духовенство по передачѣ колоній нашихъ во владѣніе Соединеннымъ Штатамъ; ибо я, кромѣ вышепрописаннаго, никакихъ не имѣю свѣдѣній касательно сего предмета, ни оффиціальныхъ, ни газетныхъ, кромѣ того только, что въ Николаевскъ пріѣхалъ курьеръ съ распоряженіемъ правительства о передачѣ нашихъ колоній». Затѣмъ преосвященный Иннокентій писалъ къ Г. М. Корнилову *(отъ 22 сентября 1867 г.)*

«По возвращеніи моемъ изъ путешествія моего по Амуру, я получилъ отъ васъ три письма, отъ 16 и 26 апрѣля и отъ 20 мая, на которыя и отвѣчаю. Прежде всего искренно благодарю васъ за ваше доброе и постоянное ко мнѣ расположеніе и за ваши услуги, мнѣ оказанныя; да воздастъ вамъ Господь Богъ за то! Лампадки получены; получены также и счеты на икону св. Софіи и на иконы съ рубашками. Но скажите пожалуйста, отъ кого произошла ошибка въ томъ, что икона Софіи вышла такой большой мѣры? Отъ меня, или отъ вашего чтеца? Икона была нужна не дороже 60—70 р., а вышла чуть не въ десятеро; впрочемъ будьте спокойны, дѣло это уладилось и деньги получены за оную. Но мнѣ только хочется знать, кто виноватъ: я или кто другой?—Я просилъ васъ прислать икону Богоматери Скорбящей подъ стекломъ и которая стоила бы не дороже 20 рублей,—впрочемъ не лишняя будетъ и та, которую пришлете. Барометръ полученъ, но по причинѣ плохой укупорки стекло разбилось,—къ счастію не повредилась главная вещь и потому онъ, по исправленіи здѣсь, началъ дѣйствовать; но не знаю, сможемъ ли здѣсь сдѣлать стекло. Теперь позвольте обратиться къ вамъ съ новою просьбою. Пришлите мнѣ звѣзду Владиміра 1-й степени. Мнѣ кажется, можно ее передѣлать изъ одной изъ посылаемыхъ мною двухъ звѣздъ на продажу или на передѣлку.—Пришлите также и лентъ: Александровской $2^1/_4$ арш. и Владимірской, 1-й степени, $4^1/_2$

аршина. Пришлите также 1 крестъ Владиміра побольше величиною. Извините, что пишу такъ худо и мало: зрѣніе мое совсѣмъ отказывается служить мнѣ. Читать совсѣмъ не могу. Но здоровье мое хоть куда, не смотря на то, что 26 августа мнѣ стукнуло ровно 70 лѣтъ. Московская контора Россійско-Американской Компаніи увѣдомляетъ меня, отъ 8 мая за № 49, что она выдала вамъ 499 р. 55 коп. Потрудитесь увѣдомить меня, за какія именно вещи поступили эти деньги? Затѣмъ, призывая благословеніе Божіе на васъ и на все семейство ваше»....

Въ началѣ ноября 1867 года, преосвященный Иннокентій получилъ отъ митрополита Филарета слѣдующій отвѣтъ на письмо свое отъ 7 декабря 1866 года: «Вы желаете имѣть покой въ Москвѣ», отвѣчалъ ему митрополитъ Московскій Филаретъ, письмомъ изъ Троицко-Сергіевой Лавры, отъ 19 сентября 1867 года:—«паче всѣхъ насъ заслужили вы, чтобы вашъ покой, когда онъ вамъ будетъ нуженъ, устроенъ былъ согласно съ вашимъ желаніемъ. Найдется для васъ мѣсто пребыванія въ Московскихъ монастыряхъ. Не такъ легко устроить въ Москвѣ вашего сына. Приходскія церкви не могутъ долго ждать настоятеля. Мѣста при соборахъ скудны. Для почетныхъ мѣстъ есть здѣшніе заслуженные, которымъ надобно отдать справедливость. Надобно и то принять въ разсужденіе, что если я дамъ какое обѣщаніе, то исполнить оное, по всей вѣроятности, доведется моему преемнику. Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ я не имѣю довольно силы, чтобы совершить литургію. Какъ будетъ смотрѣть на мое обѣщаніе мой преемникъ, предполагать нельзя. Но есть соображенія важнѣе сихъ. Вы не то, что мы, которые зиждемъ на прежде положенномъ основаніи. Вы, по апостольски, полагали основаніе церквамъ. Вы дали бы имъ новое утвержденіе, если бы въ основаніи ихъ положили и ваши, отъ многоподвижнической дѣятельности, останки. Вашъ сынъ—драгоцѣнный служитель церкви тамъ, у васъ: много можетъ послужить спасенію душъ и многое обрѣсти воздаяніе. То же можетъ быть и въ Москвѣ; но въ такой ли степени—нельзя сказать, по инаковымъ здѣшнимъ обстоятельствамъ. Не думаю затворять отъ васъ Москву. Но, по нераздѣльной любви къ вамъ и къ церкви, желаю, чтобы ваша паства не потерпѣла лишенія. Опасайтесь оскудѣнія вашего зрѣнія! Господь свѣта да сохранитъ свѣтъ очей вашихъ; но и при оскудѣніи сего видимаго свѣта, Онъ можетъ свѣтить чрезъ васъ не менѣе, не

только словомъ назиданія, но и дѣломъ управленія. Вы имѣете сына, котораго очи могутъ дополнять оскудѣніе вашихъ очей, и который во всѣхъ отношеніяхъ можетъ достаточно споспѣшествовать вашему личному и спокойному пребыванію. Господь да скажетъ вамъ, чтò ему благоугодно и вамъ и церкви его полезно. Прошу молитвъ вашихъ».

Ровно черезъ два мѣсяца послѣ этого письма, «упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ.....Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію, не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь приумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ—въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное важное слово.......» Такъ оплакивалъ И. С. Аксаковъ кончину святителя Московскаго, митрополита Филарета.

Сіе скорбное извѣстіе долго не доходило до преосвященнаго Иннокентія, какъ видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ его уже къ почившему святителю. Въ письмѣ отъ 1 декабря 1867 г., онъ отписалъ: «Простите, владыко святый, меня въ томъ, что я такъ поздно исполняю мой долгъ и желаніе сердца моего, принося вамъ мое поздравленіе. Винюсь и сожалѣю, что это такъ случилось. Но это отнюдь не оттого, чтобы я не хотѣлъ этого сдѣлать, или хотѣлъ слабо. Нѣтъ! Напротивъ того, сердце мое горѣло и порывалось принести поздравленіе вашему высокопреосвященству; но не просто, не съ пустыми руками. Но я не имѣлъ ничего, кромѣ представляемой при семъ иконы—для меня драгоцѣнной, завѣтной, принесенной мнѣ Якутскими жителями и единственной въ этомъ родѣ (ибо отъ другихъ ни отъ кого я не получалъ подобнаго дара). Наконецъ, и именно на 1 число декабря, мнѣ пришла мысль, что можно разставаться и съ завѣтными вещами въ случаяхъ особенной важности. И лишь только я сообщилъ эту мысль моему сыну и его подругѣ, которымъ должна была поступить эта икона по завѣщанію,—они съ особенною радостію согласились на это. Не отриньте, владыко святый, нашего дара, съ искреннею радостію и любовію при-

носимаго вамъ, и наградите нась вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ.

Надпись на иконѣ, внизу, на финифти: «Высокопреосвященнѣйшему Иннокентію, архіепископу Камчатскому, въ честь 25-лѣтняго служенія его въ архіерейскомъ санѣ, приносится въ признательности отъ жителей и духовенства г. Якутска. 15 декабря 1865 года». На оборотѣ (тоже и внизу) моей рукою написано: А я, съ сердечною радостію и въ чувствахъ глубочайшаго уваженія и благодарности, имѣю честь принести высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту Московскому, при поздравленіи его со вступленіемъ во второе полстолѣтіе служенія его въ санѣ архіерейскомъ. Иннокентій, архіепископъ Камчатскій. Декабря 1 дня 1867 года, г. Благовѣщенскъ на Амурѣ». При другомъ письмѣ, также отъ 1 декабря, преосвященный Иннокентій уже не отъ дѣтей своихъ, а лично отъ себя шлетъ митрополиту Филарету другую икону св. Иннокентія Иркутскаго. Содержаніе же письма почти то же, что и первое: «Послѣ всѣхъ собратій моихъ и я, смиреннѣйшій изъ нихъ, пріемлю смѣлость принести вашему высокопреосвященству съ чистою радостію, отъ глубины сердца моего, искреннѣйшее поздравленіе со вступленіемъ во второе полстолѣтіе служенія вашего въ санѣ пастыреначальника, съ горячею молитвою къ Великому Архіерею, да сохранитъ онъ васъ еще надолго для блага Его святой церкви. И съ тѣмъ вмѣстѣ имѣю честь принести вашему высокопреосвященству, въ знакъ моего глубочайшаго уваженія и благодарности къ вамъ, икону святителя Иннокентія Иркутскаго. (Завѣтную для меня). Пріимите, высокопреосвященнѣйшій владыко, съ тою же благосклонностію и тою же любовію, какими вы всегда удостоивали меня.» И только лишь тогда, когда эти письма были отправлены въ Москву, преосвященный Иннокентій получилъ извѣстіе о кончинѣ митрополита Филарета. Это извѣстіе поразило и глубоко тронуло его, и онъ тотчасъ со слезами на глазахъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ, совершилъ въ своей домовой церкви панихиду по немъ.

«То, чего вы давно боялись», писалъ Иннокентію А. Н. Муравьевъ, «равно какъ и мы всѣ, но уповая на милость Божію доселѣ не испытывали,—теперь совершилось: мы лишились нашего отца и владыки,— и этотъ громовой ударъ долженъ былъ одинаково поразить васъ на берегахъ Амура, какъ и въ обѣихъ столицахъ. Я не былъ на юбилеѣ,

но былъ на погребеніи,—и это былъ тотъ же юбилей...... Владыко говорилъ мнѣ два года тому назадъ, что, подобно Платону, онъ бы желалъ, дабы его викарій послѣ него управлялъ епархіею, какъ архіепископъ Дмитровскій, и такъ почти было рѣшено здѣсь; но теперь все измѣнили и не знаемъ, кто будетъ. Я вамъ писалъ отвѣтъ изъ Кіева на ваше письмо; не знаю получили ли вы? Въ октябрѣ я оставилъ владыку въ полномъ здоровьѣ и говорилъ съ нимъ о вашемъ желаніи поселиться въ Москвѣ. Онъ отвѣчалъ, что совѣтовалъ вамъ пребывать до конца на своемъ подвигѣ. Тогда я спросилъ его: а еслибы, паче чаянія, случилось, что вы наслѣдовали бы его каѳедру?—Онъ весело отвѣчалъ: я былъ бы тому очень радъ, потому что люблю и уважаю преосвященнаго Иннокентія. И такъ, вотъ его завѣтное слово; желалъ бы я, чтобы оно сбылось для пользы церкви, ибо ваше слово было бы твердо въ Сѵнодѣ.

О подробностяхъ кончины, погребенія я не пишу, но вѣроятно, вы уже читали изъ Московскихъ Вѣдомостей. Любопытно видѣніе, какъ онъ видѣлъ отца, который велѣлъ ему беречь 19-ое число; и онъ служилъ въ этотъ день, принималъ и даже, стоя, писалъ за четверть часа до смерти; пошелъ умыться къ обѣду—и тутъ, въ уборной, застигъ его нервическій ударъ, гдѣ его нашли уже черезъ нѣсколько минутъ бездыханнымъ. Это невозвратимый ударъ для церкви, для меня же потеря отца. Мнѣ придется оставить подворье, гдѣ я жилъ 13 лѣтъ, а весною думаю совсѣмъ перебраться въ Кіевъ, ибо здѣсь мнѣ больше нечего дѣлать. Пишите мнѣ однако еще всю зиму сюда, на Троицкое подворье. Письмо это пишу вамъ черезъ г. Корсакова; отвѣчайте скорѣе. Я вамъ послалъ весной мой акаѳистъ Андрею Первозванному и Письма о православіи; не знаю, дошли ли до васъ? Слышали, какая бѣда случилась съ Т. Б. Потемкиной? Ее подымали на машинѣ во дворцѣ Великаго Князя Николая Николаевича и лопнула веревка; она оборвалась со втораго этажа, и тамъ доселѣ лежитъ,—ничего не сломала, но вся разбилась и сотрясеніе было ужасное. Вчера, воротясь изъ Москвы, я ее видѣлъ; доктора увѣряютъ, что выздоровѣетъ, а мнѣ кажется, что нѣтъ, ибо очень страдаетъ грудью и вскрикиваетъ. Помолитесь о ней.

Простите, поручаю себя вашимъ молитвамъ.....P. S. Кланяйтесь вашему сыну.»

Говорятъ, что послѣ смерти митрополита Филарета, Андрей Николае-

вичъ Муравьевъ предсталъ предъ Анастасіей Николаевной Мальцовой; ставъ предъ нею на колѣни, умолялъ ее поѣхать къ Государынѣ и просить ее доложить Государю Императору, что единственнымъ преемникомъ Филарета можетъ быть только, по смиренной и святой жизни, архіепископъ Камчатскій Иннокентій, и что А. Н. Мальцова, тронутая разсказами А. Н. Муравьева о жизни архіепископа Иннокентія, дѣйствительно ѣздила и просила о немъ въ Бозѣ почившую Императрицу.

XXXIII

«Кончина митрополита Филарета», пишетъ Д. Благово (*Русск. Вѣстн. 1882 г. Іюнь*), «произвела на Москву сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ значительныхъ лицъ, продолжительное вліяніе которыхъ до того сроднило всѣхъ съ мыслію, что это лица незамѣнимыя, необходимыя, что безъ нихъ, кажется, и существовать ничто не можетъ и что все, что держалось ими, послѣ нихъ должно рухнуть...... Кто же будетъ его преемникомъ? въ недоумѣніи спрашивали другъ друга пораженные и опечаленные приверженцы Филарета. Кто можетъ послѣ Филарета занять его мѣсто? Большинство высшаго общества и людей вліятельныхъ весьма сочувственно отзывались о преосвященномъ Леонидѣ, признавая, что онъ уже достаточно подготовленъ, подъ руководствомъ почившаго святителя, чтобы сдѣлаться его преемникомъ.

Временнымъ управляющимъ Московскою епархіей, до назначенія новаго митрополита, былъ назначенъ и Высочайше утвержденъ преосвященный Леонидъ, и это обстоятельство еще болѣе подавало поводъ всѣмъ его сторонникамъ надѣяться и ожидать, что впослѣдствіи онъ будетъ утвержденъ въ должности временно имъ исправляемой.» Затѣмъ ходили слухи, что Московскимъ митрополитомъ будетъ архіепископъ Ярославскій Нилъ. Наконецъ, 5 января 1868 года послѣдовало назначеніе новаго митрополита, что обмануло ожиданія многихъ: назначенъ былъ весьма достойный по жизни своей и по апостольскимъ трудамъ знаменитый миссіонеръ-архипастырь, просвѣтитель Сибирскихъ странъ,

маститый архіепископъ Камчатскій Иннокентій—и тѣмъ завѣтное слово приснопамятнаго святителя Московскаго Филарета, высказанное за мѣсяцъ до своей кончины Андрею Николаевичу Муравьеву, относительно наслѣдованія преосвященнымъ Иннокентіемъ его каѳедры, сбылось для блага церкви и для утѣшенія жителей первопрестольной столицы Москвы, какъ желаніе досточтимаго ими въ Бозѣ почившаго владыки, встрѣтить въ новомъ архипастырѣ «избранное по духу чадо».

Теперь приступимъ къ разсказу о семъ знаменательномъ, неожиданномъ для самого преосвященнаго Иннокентія поворотѣ въ его жизни, носящемъ на себѣ ясные слѣды дивнаго промысла Божія: 18 января 1868 года, въ Благовѣщенскѣ, преосвященный Иннокентій получилъ изъ С.-Петербурга эстафету отъ оберъ-прокурора графа Д. А. Толстаго, такого содержанія: «Государь Императоръ Всемилостивѣйше назначилъ ваше высокопреосвященство митрополитомъ Московскимъ; искренно поздравляю васъ и съ вами Московскую вашу паству; желательно было бы, если бы вы скорѣе прибыли въ Москву, если здоровье дозволитъ. Потрудитесь телеграфировать, кого бы полагали имѣть своимъ преемникомъ на Амурѣ. Предупреждаю, что здоровье преосвященнаго Гурія не дозволило бы ему туда ѣхать». Эту телеграмму преосвященный Иннокентій получилъ въ то время, когда онъ совершалъ литургію въ своей домовой церкви, и по возвращеніи своемъ изъ церкви, ему подали ее. Прочитавши депешу, по разсказамъ очевидцевъ, онъ былъ пораженъ, измѣнился въ лицѣ и нѣсколько минутъ былъ въ раздумьи, не замѣчая его окружающихъ, и какъ бы не вѣрилъ содержанію ея; перечитывалъ нѣсколько разъ, затѣмъ цѣлый день былъ въ задумчивости и въ возбужденномъ состояніи и никого не допускалъ къ себѣ, а вечеромъ, на ночь, болѣе обыкновеннаго молился, стоя долго на колѣняхъ. На другой день онъ составилъ отвѣтную депешу такъ: «Оберъ-Прокурору Сѵнодальному. Со всею преданностію Господу и благопокорностію Государю пріемлю новое назначеніе Его. Искренно благодарю ваше сіятельство за поздравленіе. Преемникомъ моимъ я полагалъ бы преосвященнаго Веніамина Селенгинскаго, какъ знакомаго съ краемъ, миссіонерствомъ, управленіемъ, привыкшаго и готоваго ко всякимъ путешествіямъ. Здоровье мое удовлетворительно, но зрѣніе слабѣетъ. Предстоящая распутица не дозволитъ мнѣ быть ранѣе конца мая». И вслѣдъ за сею депешею, въ тотъ же день, преосвященный Иннокентій писалъ

къ оберъ-прокурору же слѣдующее письмо *(отъ 19 января 1868 г.)*: «Съ изумленіемъ и трепетомъ вчера я получилъ и прочелъ телеграмму отъ вашего сіятельства, отъ 5 числа текущаго мѣсяца. Съ полною преданностію Царю небесному и благоговѣйнымъ послушаніемъ царю земному пріемлю новое Его назначеніе меня на служеніе церкви—безъ всякаго разсужденія о моихъ силахъ и трудностяхъ предстоящаго мнѣ поприща. Да будетъ воля Господня во всемъ и всегда! Приношу вашему сіятельству мою искреннѣйшую благодарность за поздравленіе меня съ новымъ назначеніемъ. Преемникомъ моимъ я желалъ бы имѣть преосвященнаго Веніамина, съ которымъ я знакомъ лично. Онъ, по искреннему моему мнѣнію, не только можетъ замѣнить меня въ этомъ краѣ, но при его опытности въ миссіонерствѣ и въ управленіи епархіальными дѣлами, при его отличномъ характерѣ, можетъ сдѣлать гораздо болѣе, а между тѣмъ онъ привыкъ къ путешествіямъ и сушею и моремъ.

Къ крайнему сожалѣнію моему, я не могу прибыть въ Москву ранѣе назначеннаго мною въ телеграммѣ срока. Правда, я могъ бы отправиться изъ Благовѣщенска даже въ послѣднихъ числахъ января и въ Иркутскъ прибыть около 20 февраля, и оттуда отправиться даже въ зимнемъ еще экипажѣ; но далѣе я долженъ встрѣтить препятствіе отъ Сибирскихъ рѣкъ и распутицъ, а между тѣмъ я съ своимъ преемникомъ долженъ видѣться весьма короткое время. И потому я рѣшился отправиться изъ Благовѣщенска въ концѣ февраля, къ которому времени я надѣюсь получить и оффиціальное назначеніе меня, и въ Иркутскъ прибыть къ 1-му апрѣлю. Между прочимъ изволите изъ сего, ваше сіятельство, видѣть, что хиротонія протоіерея Д. Хитрова во епископы должна совершиться въ Иркутскѣ, вмѣсто Благовѣщенска. Иначе я долженъ оставаться въ Благовѣщенскѣ до первыхъ мая; ибо ранѣе этого времени ни протоіерей Хитровъ, ни преосвященный Веніаминъ прибыть въ Благовѣщенскъ не могутъ. И потому, покорнѣйше прошу ваше сіятельство испросить у кого слѣдуетъ разрѣшеніе совершить хиротонію вмѣсто Благовѣщенска въ Иркутскѣ, и о томъ меня увѣдомить телеграммою въ Иркутскъ, на имя тамошняго преосвященнаго. Здоровье мое, слава Богу, удовлетворительно; но зрѣніе мое болѣе и болѣе слабѣетъ, такъ что уже съ большимъ трудомъ могу читать бумаги».

Между тѣмъ временемъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири М. С. Корсаковъ, по полученіи указа объ утвержденіи архіепископа Иннокентія митрополитомъ Московскимъ, сдѣлалъ распоряженіе о командированіи своего адъютанта, поручика князя Вяземскаго, къ преосвященному Иннокентію для его поздравленія и для сопутствованія въ предстоящемъ ему далекомъ путешествіи. О семъ распоряженіи генералъ-губернатора вотъ что писалъ К. Шелашниковъ изъ Иркутска преосвященному Иннокентію *(отъ 10 января 1868 года)*: «Сегодня получена мною по телеграфу депеша г. генералъ-губернатора Восточной Сибири, извѣстившая меня, что Высочайшимъ указомъ въ 5 день сего января, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ назначить ваше высокопреосвященство митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ. Сообщая о семъ, его высокопревосходительство Михаилъ Семеновичъ поручаетъ мнѣ немедленно командировать къ вамъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, одного изъ адъютантовъ, для принесенія вашему высокопреосвященству его поздравленія и для сопутствованія вамъ въ предстоящемъ дальнемъ и многотрудномъ путешествіи. Отправляя съ этою цѣлію адъютанта генералъ-губернатора Восточной Сибири, поручика князя Вяземскаго, спѣшу принести вашему высокопреосвященству мое искреннѣйшее и душевное поздравленіе, привѣтствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и вашу Московскую паству съ Всемилостивѣйшимъ выборомъ, которымъ Державная воля нашего Государя удостоила отмѣтить ваши, высокопреосвященнѣйшій владыко, заслуги на пользу церкви. Князь Вяземскій долженъ остаться въ распоряженіи вашего высокопреосвященства; онъ будетъ сопутствовать вамъ, и на его непосредственную обязанность возлагаются всѣ заботы о безостановочномъ, удобномъ и благополучномъ проѣздѣ Вашего высокопреосвященства. Поручая себя архипастырскимъ молитвамъ вашимъ...»

Это письмо было получено преосвященнымъ Иннокентіемъ 23 января; а въ концѣ февраля онъ уже предположилъ непремѣнно выѣхать изъ Благовѣщенска въ Иркутскъ и совершить тамъ хиротонію, во епископа Якутскаго, протоіерея Димитрія Хитрова, на мѣсто выбывшаго преосвященнаго Павла на Новоархангельскую каѳедру; но дѣла сложились иначе: преемникъ преосвященнаго Иннокентія, епископъ Селенгинскій, викарій Иркутской епархіи Веніаминъ, да и самъ протоіерей Димитрій Хитровъ, въ началѣ февраля неожиданно прибыли въ Благовѣщенскъ,

что и было причиною измѣненія предположенія преосвященнаго Иннокентія о выѣздѣ, и онъ нашелъ удобнымъ для себя совершить уже хиротонію въ Благовѣщенскѣ, а не въ Иркутскѣ. Вотъ что читаемъ о семъ въ статьѣ «Изъ Благовѣщенска на Амурѣ» *(Иркут. Епарх. Вѣдом. № 11, 1868 г.)*: «Мы, обитатели юнѣйшаго и отдаленнѣйшаго въ предѣлахъ Сибири града Благовѣщенска, имѣли случай видѣть во градѣ нашемъ событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленій,—хиротонію во епископа. Счастіемъ увидѣть это, еще небывалое здѣсь, событіе обязаны мы пребыванію во градѣ нашемъ маститаго архипастыря нашего, высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія. Бывшій ректоръ Якутской семинаріи, протоіерей Димитрій Васильевичъ Хитровъ, по представленію Св. Сунода, утвержденному Государемъ Императоромъ въ 3-е число іюля 1867 года, назначенный епископомъ въ Якутскъ, 7-го февраля 1868 года въ Благовѣщенскѣ постриженъ въ монашество, съ нареченіемъ Діонисіемъ. Хиротонія его во епископа прилучилась быть въ замѣчательный для православныхъ обитателей Сибири день, въ 9 число февраля, когда празднуется открытіе мощей святителя и чудотворца Иркутскаго Иннокентія, проповѣдника вѣры Христовой языкамъ Мангольскимъ. Хиротонію совершали въ Градо-Благовѣщенскомъ каѳедральномъ соборѣ высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, избранный нынѣ на каѳедру Московской митрополіи, и преосвященнѣйшій Веніаминъ, епископъ Селенгинскій, викарій Иркутской епархіи, начальникъ миссіи въ распространеніи свѣта евангельскаго ученія языкамъ Монгольскимъ. Молимъ Господа, чтобы событіе хиротоніи епископской въ Благовѣщенскѣ было знаменіемъ многоплоднаго распространенія свѣта евангельскаго ученія не только между неозаренными симъ свѣтомъ язычниками подвластными Россіи, но и между окрестными Манчжурами и Китайцами, коснящими въ глубокой тьмѣ язычества. Въ этомъ отношеніи, сказать можно, живемъ мы въ предѣлахъ Завулонихъ и Неѳѳалимлихъ: потому что вблизи насъ Галилея языческая.» Послѣ совершенія хиротоніи, преосвященный Иннокентій сталъ собираться къ окончательному выѣзду изъ Благовѣщенска, что всѣхъ жителей Благовѣщенска чрезвычайно тронуло: многіе, по разсказамъ очевидцевъ, плакали и напутствовали своего излюбленнаго архипастыря слѣдующимъ адресомъ отъ всѣхъ жителей г. Благовѣщенска: «Высокопреосвященнѣйшій владыка, милостивый отецъ и архипастырь! Принявъ мило-

ство поздравленія наши съ нареченіемъ васъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ вы съ христіанскимъ смиреніемъ изволили отозваться о предстоящей вамъ дѣятельности на Московской каѳедрѣ послѣ преосвященнѣйшаго Филарета. Но не совсѣмъ такъ, какъ вы, о васъ отзывается голосъ народный, а за нимъ отзовется и исторія. Правдивая исторія скажетъ, что жизненные пути ваши и предмѣстника вашего были совершенно различны. Приснопамятнаго, оплакиваемаго всею Россіей, великаго Московскаго іерарха Провидѣніе вело путемъ строгаго книжнаго ученія и аскетическаго созерцанія: васъ оно ввело въ семейный кругъ, съ его разнообразными, живыми и въ высочайшей степени христіанскими отношеніями и обязанностями; затѣмъ, вручивъ вамъ миссіонерскій жезлъ, водило васъ по тундрамъ и дебрямъ Сибири и Америки и, какъ знаменіе апостольскаго вашего призванія и угодности Провидѣнію апостольскихъ вашихъ трудовъ, оно даровало вамъ мощь и даръ апостольскіе создать письменный языкъ и въ томъ, созданномъ вами, языкѣ воплотить божественное слово для отчужденныхъ дотолѣ отъ Христа полудикихъ племенъ вашей епархіи, и наконецъ, Провидѣніе благословило васъ закрѣпить за Христомъ этотъ Амурскій край послѣднею несокрушимою печатью—созиданіемъ въ немъ паствы и церквей Христовыхъ. Исторія скажетъ, что эти столь различные жизненные пути, ровно однакожъ достойные вѣковѣчной памяти человѣчества и церкви, привели къ одинаковому достиженію: къ живому, всестороннему, на Евангеліи основанному пониманію отношеній человѣка къ Богу, ближнимъ и природѣ и къ несокрушимой крѣпости духа исполнить, строго къ себѣ и отечески-снисходительно къ другимъ, обязанности, истекающія изъ тѣхъ отношеній. Соединенныхъ въ этомъ достиженіи, исторія найдетъ васъ соединенными и въ почитаніи Московской паствы и Россіи такъ, какъ въ почитаніи Церкви вселенской соединены величайшій учитель народовъ, исчерпавшій до дна всю книжную мудрость языческаго міра, и немногоглаголивый, но многотруждавшійся рыбарь, величайшій ловецъ душъ человѣческихъ для паствы Христовой. Въ нашихъ мѣстныхъ лѣтописяхъ за вами остается единственное, ни съ кѣмъ недѣлимое мѣсто: великаго апостола слова Христова, созидателя паствы и церквей Христовыхъ въ оставляемой вами странѣ и незабвеннаго всѣмъ ея жителямъ духовнаго отца и наставника. А дабы въ нашемъ краѣ сохранилась навсегда живая, вѣчно

возобновляющаяся память имени вашего, апостольскихъ вашихъ подвиговъ и отечески благожелательныхъ отношеній, какія вамъ угодно было установить между собою и нами,—мы, постановивъ ходатайствовать объ учрежденіи учебной имени вашего стипендіи, испрашиваемъ на это ходатайство вашего архипастырскаго благословенія и указанія условій учрежденія предположенной стипендіи.

Испрашивая молитвъ вашихъ, мы, съ чувствами глубочайшаго высокопочитанія, преданности и скорби о вашемъ отъѣздѣ, имѣемъ честь быть вашего высокопреосвященства, милостиваго отца и архипастыря, покорнѣйшіе слуги......». (*Иркутск. Епарх. Вѣд. № 17, 1868 г.*)

15 февраля преосвященный Иннокентій, въ 10 часовъ утра, слушалъ въ домовой церкви путешественный молебенъ, послѣ коего произнесена была ему каѳедральнымъ протоіереемъ Павломъ Политовымъ слѣдующая рѣчь: «Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Вспоминая архипастырскую любовь вашу къ намъ и истинно отеческую близость въ обращеніи съ нами, искренно и глубоко благодаримъ васъ. Отъ всей души желаемъ, да не оставитъ васъ Господь Богъ Своею всесильною благодатію въ новомъ мѣстѣ служенія вашего, да укрѣпитъ силы ваши на новое дѣланіе во святой Своей Церкви. Вы оставляете нынѣ насъ, мы не будемъ больше имѣть счастія видѣть лице ваше. О, еслибы Господь Богъ привелъ всѣмъ намъ свидѣться съ вами тамъ, предъ Престоломъ славы небесной, гдѣ избранники Божіи жительствуютъ безъ разлуки, гдѣ связаны любовію безконечною, преизливающеюся отъ свѣта лица Божія! Это—верхъ желаній нашихъ при прощаніи съ вами. Въ сихъ желаніяхъ обращаемся къ вамъ съ моленіемъ: не забывайте насъ въ святительскихъ молитвахъ своихъ, да ходимъ всегда достойно своего званія и да не лишимся наслѣдія славы небесной. Послѣ всего, припадая къ стопамъ вашимъ, просимъ васъ: простите всѣхъ насъ, владыко святый,—простите и благословите въ послѣдній разъ!» При отправленіи путешественнаго молебствія никого изъ постороннихъ не было, кромѣ одного духовенства. А въ 11 часовъ утра того же дня преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Благовѣщенска. По общей расположенности ко владыкѣ, до селенія Верхнеблаговѣщенска, находящагося въ разстояніи отъ города въ 7 верстахъ, препровождала его вся здѣшняя аристократія и здѣсь распрощалась съ нимъ окончательно. (*Иркут. Епарх. Вѣдом. № 11,*

1868 года). По поводу возведенія преосвященнаго Иннокентія въ санъ митрополита, вотъ что писалъ изъ Петербурга Андрей Николаевичъ Муравьевъ (отъ 23 января 1868 года) патріарху Константинопольскому Григорію:

«Утѣшительно было для меня пастырское и отеческое писаніе вашей святыни по тому живому, искреннему участію, которое вы приняли въ общей тяжкой потерѣ нашей. Да! Мы лишились великаго свѣтильника и поборника православія, который, не будучи патріархомъ по сану, былъ для насъ какъ истинный патріархъ: ибо онъ рѣшалъ всѣ трудные вопросы церковные по данной ему свыше премудрости, и долго будетъ церковь русская чувствовать сіе лишеніе.

Мы благодаримъ Бога, что по крайней мѣрѣ избранъ достойный ему преемникъ, если не по генію,—ибо подобные геніи родятся вѣками,—то по апостольскому своему характеру. Это Иннокентій—архіепископъ Камчатскій, который подвизался около тридцати лѣтъ въ необъятной своей епархіи, простиравшейся по всему восточному поморью въ Сибири, на берегахъ Амура и даже по ту сторону океана, въ Америкѣ. Повсюду обращалъ онъ язычниковъ и распространялъ свѣтъ Христовъ, переводя для нихъ евангеліе на ихъ природные языки. Къ Пасхѣ его ожидаютъ въ Москву, и это будетъ по истинѣ свѣтлый праздникъ для древней столицы, вдовствующей безъ пастыря. Помолитесь же, какъ вселенскій архипастырь, о добромъ успѣхѣ его святительства на новомъ поприщѣ.» *(Московск. Епарх. Вѣдом. 1869 г. № 44)*.

25 февраля владыка Иннокентій прибылъ въ Нерчинскъ, жители котораго поднесли ему благодарственный адресъ, въ которомъ выразили, что ими составляется капиталъ для учрежденія въ Московскомъ университетѣ степендіи имени «Московскаго митрополита Иннокентія», «въ память того»; объясняетъ одинъ изъ участвующихъ въ поднесеніи адреса, Нерчинскій врачъ А. Михайловскій *(Моск. Вѣдом. 1868 г. №144 стр. 2)*,— «что высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, въ продолженіи нѣскольких десятковъ лѣтъ, много понесъ трудовъ и лишеній, много совершалъ апостольскихъ подвиговъ на пользу человѣчества при распространіи христіанскаго ученія въ отдаленнѣйшихъ странахъ нашего великаго отечества, что̀ намъ, жителямъ Восточной Сибири, извѣстно лучше другихъ; а потому и стипендія устраивается нами именно въ ознаменованіе любви и глубокаго сочувствія къ высокой апостольской

дѣятельности его высокопреосвященства». Разсказъ же о дальнѣйшемъ путешествіи преосвященнаго Иннокентія по направленію къ Москвѣ, нами будетъ помѣщенъ въ слѣдующей главѣ; а теперь, на прощаніи съ Благовѣщенскомъ, мы приведемъ слѣдующее извлеченіе изъ воспоминаній протоіерея Александра Сизого (*Иркут. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 34)* о шестилѣтнемъ пребываніи (1862—1868) Иннокентія въ этомъ городѣ: «Преосвященный Иннокентій оставилъ неизгладимую память для паствы Камчатской и каждаго, кто его гдѣ либо видѣлъ и зналъ, такъ что она будетъ всегда въ памяти народной. Нельзя допустить, чтобы были забыты его дѣянія, особенно сдѣланныя имъ въ прежде необитаемомъ Амурскомъ краѣ и положенныя прочно во главу угла Камчатской епархіи. Преосвященный Иннокентій былъ избранный мужъ, освященный Духомъ Святымъ для умноженія церкви Христовой за отдаленными краями Сибири, за предѣлами Монгольскими и какъ бы нарочито уготованный къ устроенію юной Амурской Церкви. Это былъ святитель дѣятельный и искренно преданный своему дѣлу. Въ разъѣздахъ своихъ по разбросанной на многія тысячи верстъ епархіи, оставилъ столько образцовъ во всѣхъ дѣлахъ, что трудно повѣрить, чтобы оныя могли быть исполнены однимъ лицомъ. За нѣсколько лѣтъ до отъѣзда своего на Московскую митрополію, преосвященный Иннокентій зимнее время проводилъ обыкновенно въ архіерейскомъ домѣ, построенномъ отъ города Благовѣщенска въ 5 верстахъ на рѣкѣ Зеѣ, занимаясь, кромѣ спеціальной службы, дѣлами многими, кои теперь лежатъ пока въ архивахъ нетронутыми. Какъ только начиналось лѣтнее время, почившій переселялся въ ладію со всею своею свитою и то спускался внизъ до Николаевска, то поднимался вверхъ до сліянія рѣкъ Шилки и Аргуни. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ устроены храмы, путешествовавшій архипастырь совершалъ обыкновенно литургію, а гдѣ не было храмовъ, тамъ совершалъ часы, обѣдницу или молебствіе для собравшагося народа на открытомъ полѣ, и всегда велъ потомъ оживленную устную бесѣду съ жителями, только что населившими новый край.

Искусный кормчій Камчатской церкви, преосвященный Иннокентій былъ искуснымъ кормчимъ и на водѣ: самъ лично распоряжался во время плаванія ходомъ своей ладіи, управлялъ рулемъ и парусомъ и слѣдилъ за фарватеромъ глубокаго и широкаго бассейна водъ Амурскихъ.

Свидѣтельствую объ этомъ какъ очевидецъ, которому многократно доводилось путешествовать съ архипастыремъ по водной стихіи. Много было во время нашихъ плаваній и опаснаго, и страшнаго, и курьезнаго; особенно когда кораблецъ влекло туда, куда не слѣдовало, и нашъ опытный кормчій, стоя на кормѣ, убѣленный сѣдиною, всѣ силы ума употреблялъ, чтобы не потонуть въ пучинахъ водныхъ, или кàкъ бы стащиться съ мели слабою силою своей свиты.

Преосвященный былъ замѣчательный учитель церкви. О высокихъ истинахъ вѣры говоритъ онъ если не краснорѣчиво, то всегда ясно и съ одушевленіемъ. Въ устахъ его всегда было готовое слово—и какое слово? въ высшей степени приложимое къ слушателямъ, общепонятное, но въ то же время назидательное и для высокообразованныхъ людей. Прочтя его «Указаніе пути въ Царство небесное,» всякій скажетъ, что каждое слово его дышетъ евангельскимъ духомъ и съ назиданіемъ можетъ быть читаемо въ хижинахъ и чертогахъ.

А денежныя его учрежденія епархіальныя, съ постояннымъ возрастаніемъ капиталовъ, такъ теперь оказываются многоплодны и благодѣтельны, что нѣтъ подобнаго, можно сказать, ни въ одной епархіи. Съ его благословенія многія Амурскія церкви и семейства безпомощныхъ сиротъ могутъ существовать многіе годы, если не вполнѣ безбѣдно, то гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ другихъ новооткрытыхъ епархіяхъ.

Смѣемъ сказать, что это былъ такой человѣкъ, въ которомъ совмѣщались и умъ свѣтлый, и воображеніе живое и творческое, и сердце любвеобильное, и воля могущественная. Это былъ рѣдкій смертный, надѣленный особенною силою изобрѣтательности, даже по музыкѣ и устройству разныхъ механическихъ сложныхъ вещей: это былъ зиждительный духъ. Со временемъ найдутся, конечно, достойные описатели его жизни, кои изобразятъ величіе духа его, дѣянія и заслуги его церкви и отечеству: такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ достопамятныхъ мужей русской земли, «иже оставиша имя еже повѣдати хвалы». Надѣемся, заключаетъ отецъ протоіерей Сизой, что Московская каѳедра не замедлитъ дать средства тѣмъ лицамъ, кои пожелаютъ самолично осмотрѣть архивы Новоархангельскій, Якутскій и Благовѣщенско-Амурскій, для оцѣнки трудовъ и служенія первосвятителя Камчатскаго, митрополита Московскаго Иннокентія.»

XXXIV

2 марта 1868 года высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, слѣдуя изъ Благовѣщенска, прибылъ въ Верхнеудинскъ (Забайкальской области), гдѣ, по русскому обыкновенію, встрѣченъ отъ граждан съ хлѣбомъ-солью. Остановился у А. А. Третьякова, и вмѣстѣ со своею свитою, которая впрочемъ была очень не велика и вся состояла лишь изъ двухъ лицъ, въ числѣ коихъ Благовѣщенскій протоіерей Гавріилъ Веніаминовъ (сынъ владыки) и одинъ воспитанникъ. Вечеромъ 2 марта, архипастырь посѣтилъ Верхнеудинскій Одигитріевскій соборъ и здѣсь изволилъ слушать всенощное бдѣніе. 3 марта въ томъ же соборѣ высокій гость изволилъ слушать Божественную литургію, которую совершалъ чредный священникъ А. Аргентовъ, при чемъ поученіе къ народу говорилъ священникъ М. Касаткинъ, въ присутствіи владыки. Здѣсь же, въ Верхнеудинскѣ, преосвященный Иннокентій получилъ изъ Москвы письмо отъ преосвященнаго Леонида, епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго, который, какъ получилъ извѣстіе о назначеніи преосвященнаго Иннокентія митрополитомъ Московскимъ, немедленно предписалъ, чтобы во всей епархіи, во время богослуженія, на ектеніяхъ возносились молитвы о благополучномъ путешествіи и прибытіи въ Москву нованареченнаго архипастыря; о чемъ онъ и извѣщалъ владыку письмомъ (отъ 25 января 1868 года): «Сегодня въ первопрестольномъ градѣ торжественно положено начало всецерковныхъ молитвъ о вашемъ высокопреосвященствѣ, яко архипастырѣ Московскомъ. Указъ изъ Св. Сѵнода о возведеніи васъ на митрополію Московскую только-что по-

лученъ консисторіею. Викаріямъ Московскимъ естественно было желать, чтобы никто прежде нихъ не начиналъ возносить при богослуженіи въ церквахъ епархіи имя новаго ея архипастыря. Посему нынѣ, въ домовой моей церкви, по прочтеніи указа, совершена мною божественная литургія и молебствіе благодарное Богу, даровавшему намъ въ архипастыря мужа, который—мы это вѣрно знаемъ—жилъ въ сердцѣ почившаго великаго архипастыря Москвы, и просительное о дарованіи вамъ благополучнаго путешествія съ береговъ Амура на берега Москвы-рѣки, изъ Благовѣщенска ко храму Благовѣщенія въ каѳедральномъ вашемъ Чудовѣ монастырѣ. Люди, вамъ преданные, колѣнопреклонно молились съ нами и многолѣтіемъ Государю Императору и Его Царственному Дому, Св. Сѵноду и новому архипастырю Московскому, съ богохранимою его паствою, заключено было богослуженіе. Богослуженіе, въ томъ же чинѣ, въ каѳедральномъ монастырѣ, при собраніи старшаго духовенства, и во всѣхъ церквахъ столицы, имѣетъ быть совершено въ слѣдующій день воскресный, а въ прочихъ въ воскресный или праздничный, ближайшій по полученіи указовъ. Духомъ, въ молитвѣ, да приближается паства къ пастырю, который близокъ къ ней сердцемъ, но еще далекъ лицомъ!

Позволяя себѣ дерзновеніе писать не оффиціально, а сыновнѣ, не удержу себя сказать, что назначеніе ваше въ Москвѣ и вездѣ, гдѣ есть церкви преданные люди, пріемлется весьма сочувственно. Не только достоинства и заслуги ваши, но и отношенія ваши къ почившему извѣстны многимъ, и всѣ убѣждены, что рука Помазанника боговдвижимо указала вамъ новое поприще для дѣятельности архіерейской. Поспѣшайте къ новымъ чадамъ вашимъ духовнымъ, и вы убѣдитесь въ истинѣ сказаннаго. Въ ожиданіи вашего пришествія, молитвами вашими, святый владыко, мы будемъ стараться, чтобы направленіе, сообщенное церковнымъ дѣламъ и церковной жизни мудростію и многолѣтною опытностію почившаго въ Бозѣ архипастыря, пребывало неуклонно. До настоящей минуты, благодареніе Господу, все благополучно. Просимъ благоснисхожденія къ тому, что въ дѣйствіяхъ нашихъ окажется грѣхомъ невѣдѣнія. Испрашивая вашихъ святительскихъ молитвъ и благословенія и на всю новую вашу паству, и на себя, да не превысить мои силы бремя, временно на меня возложенное....»

4 марта 1868 года преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Верх-

неудинска по тракту въ Иркутскъ и на другой день, т. е. 5 марта, достигъ Посольскаго монастыря, гдѣ рѣшился прожить до полученія указа изъ Св. Сѵнода о возведеніи его въ санъ митрополита Московскаго, и отсюда отвѣчалъ онъ преосвященному Леониду, епископу Дмитровскому (отъ 7 марта): «Письмо ваше отъ 25 января мною получено 2 марта въ Верхнеудинскѣ, т. е. уже на пути изъ Благовѣщенска въ Москву. Не умѣю разгадать причины, почему такъ долго медлили посылкою указа къ вамъ, тогда какъ я телеграмму отъ 5 января получилъ 18 января, не смотря на то, что она дошла до меня обыкновеннымъ почтовымъ путемъ изъ Верхнеудинска (болѣе 2-хъ тысячъ верстъ). Теперь я въ раздумьѣ: не поторопился ли я выѣхать изъ Благовѣщенска, не дождавшись указа Св. Сѵнода, котораго я не получилъ еще и теперь? А потому и рѣшился ожидать онаго въ Посольскомъ монастырѣ, куда прибылъ 5 марта, выѣхавъ изъ Благовѣщенска 15 февраля.—Здоровье мое удовлетворительно, но зрѣніе становится хуже и хуже. Это вы можете замѣтить изъ письма сего. Не знаю, что будетъ далѣе; читать рукописное, особенно мелкое, рѣшительно не могу, и потому принужденъ взять съ собой вѣрнаго мнѣ чтеца—сына моего, извѣстнаго вамъ. Предстоящая и уже начинающаяся распутица заставляетъ меня прожить въ Иркутскѣ до открытія лѣтняго пути, т. е. не менѣе, какъ до 12 или 15 апрѣля; и потому я никакъ не могу прибыть въ Москву ранѣе послѣднихъ дней мая.

Послѣ сего мнѣ слѣдовало бы поговорить что нибудь и о моемъ новомъ назначеніи, и даже болѣе; но, Богъ свидѣтель, не могу. Лишь только вспомню, куда я ѣду,—морозъ по кожѣ пробѣгаетъ и невольно содрогаюсь.....Не знаю, что будетъ со мною, когда я пріѣду къ вамъ? Скажу откровенно вашему преосвященству, что я боюсь даже размышлять много о предстоящемъ мнѣ служеніи. Но да будетъ воля Господня во мнѣ и со мною! я готовъ на все......Поручая себѣ молитвамъ вашимъ, имѣю честь быть съ искреннею о Господѣ братскою любовію.

Примите на себя трудъ, при случаѣ, благодарить за письма ко мнѣ Андрея Николаевича Муравьева и г. Свербееву. Писать имъ я не могу». *(Чт. въ Общ. Любит. Духовн. Просвѣщ. 1879 г.)* За симъ письмомъ преосвященный Иннокентій получилъ изъ Москвы донесеніе, отъ 5 февраля, подписанное обоими его викарными, преосвященнымъ Леонидомъ и преосвященнымъ Игнатіемъ, слѣдующаго содержанія: «Въ 28

день января, столичное духовенство, вмѣстѣ съ паствою, выслушало предъ литургіею указъ, возвѣщавшій о назначеніи вашего высокопреосвященства митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священно-архимандритомъ, а послѣ литургіи совершило молебствіе благодарственное о дарованномъ намъ архипастырѣ и о благополучномъ его путешествіи къ первопрестольному граду. Указами, изъ Консисторіи разосланными, предписывается то же самое совершить по всей епархіи. Съ того дня возносимъ мы въ церковныхъ молитвахъ имя новаго нашего архипастыря и къ другимъ прошеніямъ прилагаемъ и прошенія о его путешествіи. Духовенство проситъ насъ, вашихъ викаріевъ, донести вашему высокопреосвященству, что та же преданность, то же послушаніе гласу пастырскому, та же готовность на труды, какія находилъ въ нихъ вашъ предшественникъ, будутъ обрѣтены въ немъ и вами. Паства знакомится съ вами по вашей душеспасительной книгѣ и по печатнымъ извѣстіямъ и разсказамъ. Духовенство и паства усердно молятся о васъ, просятъ вашихъ святыхъ молитвъ, благословенія и радуются увѣренностію, что Богъ послалъ Москвѣ пастыря по сердцу приснопамятнаго въ Бозѣ почившаго іерарха.

Позволяемъ себѣ при семъ почтительнѣйше представить краткій обзоръ Московской епархіи вашему вниманію, а затѣмъ и самихъ себя вашему милостивому, отеческому благоснисхожденію».

Получивши сіе донесеніе, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Посольскаго монастыря въ Иркутскъ, не дождавшись, какъ желалъ, указа изъ Св. Сѵнода о своемъ назначеніи. «Въ среду, 13 марта 1868 года, въ самый полдень, при яркомъ сіяніи весенняго солнца, при тихой, благорастворенной погодѣ, въ одинъ моментъ раздался торжественный звонъ на всѣхъ 17 колокольняхъ города Иркутска........ Въ виду города, на дорогѣ, идущей отъ Восточнаго океана, показался экипажъ вожделѣннаго, нетерпѣливо ожидаемаго гостя, высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія, нареченнаго митрополита Московскаго. Еще минуты—и къ подъѣзду архіерейскаго дома несся Иркутскій полиціймейстеръ, за которымъ показались съ Тихвинской улицы желанныя колесницы. Площадь соборная была покрыта народомъ. У подъѣзда встрѣтили маститаго іерарха архипастырь Иркутскій, преосвященнѣйшій Парѳеній, съ почетнымъ духовенствомъ, и тутъ же въ архіерейскомъ домѣ ожидали его г. предсѣдательствующій въ совѣтѣ, гражданскій гу-

бернаторъ, прочій генералитетъ военный и гражданскій, всѣ въ полныхъ мундирахъ, градскій глава съ представителями отъ гражданства, также въ мундирахъ, и почетное купечество. Сію же минуту въ архіерейскій домъ прибылъ г. генералъ-губернаторъ Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ, и во взаимныхъ привѣтствіяхъ высокопреосвященнаго митрополита и начальника края сейчасъ видна была сердечная привязанность, ихъ соединяющая. При вступленіи въ гостиную архіерейскаго дома, высокому гостю поднесены отъ гражданства хлѣбъ-соль. На третій день, 15 марта, имѣло счастіе представляться его высокопреосвященству все градское духовенство, не исключая церковнослужителей, съ поднесеніемъ хлѣба-соли.

Съ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ прибылъ изъ-за Байкала епископъ Веніаминъ, въ послѣдній разъ посѣтившій Иркутскъ подъ наименованіями Селенгинскаго и Викарія. 19 марта получилъ онъ другое назначеніе и титулъ епископа Камчатскаго.

Вслѣдствіе распутицы, митрополитъ Иннокентій не могъ слѣдовать далѣе и долженъ былъ прогостить въ Иркутскѣ довольно долго.

Изъ Иркутска Иннокентій писалъ Леониду *(отъ 19 марта 1868 года)*: «Двѣ телеграммы, одна отъ вашего преосвященства и преосвященнаго Игнатія—отъ 28 января, а другая лично отъ васъ—отъ 3 марта, мною получены въ Иркутскѣ 13 марта. Искренно благодарю ваше преосвященство, преосвященнаго Игнатія и прочихъ за привѣтственное мнѣ слово и за благожеланія. Въ первомъ письмѣ моемъ къ вашему преосвященству я, между прочимъ, сказалъ, что я не получилъ указа о назначеніи меня на новое мѣсто. И теперь долженъ сказать то же;—а между тѣмъ указы изъ Св. Сѵнода шлются уже на имя Консисторіи. Значитъ, указъ ко мнѣ отправленъ. Здоровье мое, слава Богу, удовлетворительно; но зрѣніе по прежнему слабо,—слабѣе, чѣмъ было назадъ тому 5—6 мѣсяцевъ. Изъ Благовѣщенска я отправился 15 февраля; 13 марта прибылъ въ Иркутскъ, гдѣ и намѣренъ пробыть не долѣе 20 апрѣля. Поѣхалъ бы и ранѣе, но увѣряютъ, что я встрѣчу большія препятствія отъ распутицы. Генералъ-губернаторъ нашъ сказалъ мнѣ, что ваше преосвященство заботитесь о приготовленіи для меня помѣщенія въ Москвѣ. Искренно благодарю васъ за таковую заботливость; но сдѣлайте милость, оставьте все въ помѣщеніяхъ такъ, какъ было при покойномъ владыкѣ нашемъ. Помѣститься же на первый разъ я желалъ бы въ Троицкомъ подворьѣ, гдѣ скончался Владыка.

Я къ вамъ съ просьбою: слабость зрѣнія моего заставила меня взять съ собою въ Москву сына моего (вамъ извѣстнаго) какъ чтеца, вѣрнаго мнѣ. Но и кромѣ того, мнѣ желательно имѣть его при себѣ всегда. Теперь пока онъ находится при мнѣ, какъ уволенный отъ своего мѣста на время. Но если Богъ донесетъ насъ до Москвы, то ему нужно будетъ тамъ какое либо мѣсто, отъ котораго онъ могъ бы получать содержаніе; а между тѣмъ онъ какъ чтецъ, при мнѣ долженъ находиться если не безпрестанно, то очень часто. Не найдете ли, ваше преосвященство, или не придумаете ли какое либо мѣсто, на которомъ бы можно было согласить таковыя обстоятельства, но такъ, чтобы въ то же время не изобидѣть никого. Поручая себя молитвамъ вашего преосвященства.....»

Въ навечеріе субботы 15 марта, преосвященный Парѳеній совершалъ всенощное въ Каѳедральномъ соборѣ, а епископъ Веніаминъ въ Крестовой архіерейской церкви, въ которой присутствовалъ и высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Иннокентій. Въ воскресенье 17 марта митрополитъ Иннокентій слушалъ литургію въ Каѳедральномъ соборѣ.

Въ городѣ Иркутскѣ учрежденъ былъ Иркутскимъ купцомъ Іосифомъ Петровичемъ Катышевцовымъ пріютъ въ ознаменованіе 4 апрѣля 1866 года, въ которомъ на собственное его иждивеніе содержалось и давалось образованіе двѣнадцати круглымъ сиротамъ; но когда онъ получилъ извѣстіе о назначеніи преосвященнаго Иннокентія митрополитомъ Московскимъ, то онъ предположилъ въ семъ пріютѣ содержать еще одного пансіонера его имени; и по поводу этого вотъ что писалъ онъ владыкѣ Иннокентію *(отъ 23 марта)*: «Назначеніе на каѳедру Московской митрополіи вашего высокопреосвященства, пастырская дѣятельность котораго столь тѣсно связана съ Сибирью, представляется событіемъ столь важнымъ, что ни одинъ сибирякъ, любящій свою родину, не можетъ не относиться къ нему сочувственно. Въ сихъ видахъ, предположилъ я въ пріютѣ своемъ содержать на свой счетъ одного пансіонера имени вашего высокопреосвященства. Указаніе, изъ какой среды долженъ быть этотъ пансіонеръ, какимъ образомъ онъ долженъ быть избираемъ и какое должно быть дано ему назначеніе, будетъ вполнѣ зависѣть отъ усмотрѣнія вашего высокопреосвященства. Благоволите, высокопреосвященнѣйшій владыко, принять эту скромную лепту мою, какъ доказательство безграничнаго уваженія къ вашей особѣ и ано-

стольской вашей дѣятельности. Поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ....»

Наканунѣ праздника «Входа во Іерусалимъ Господа Іисуса Христа», всенощное въ Каѳедральномъ соборѣ совершалъ преосвященный Веніаминъ, а преосвященнѣйшій Парѳеній—въ своей домовой церкви, въ которой молился и Иннокентій. Въ самый же праздникъ, который есть храмовый въ Иркутской кладбищенской церкви, благолѣпно передъ этимъ временемъ обновленной, убранной, преукрашенной усердіемъ ея старосты, Иркутскаго купца Димитрія Димитріевича Демидова, литургію совершалъ митрополитъ Московскій (все еще въ черномъ клобукѣ съ бриллiантовымъ крестомъ), въ сослуженіи архіепископа Иркутскаго и епископа Камчатскаго. «Не только мы, живущіе», замѣчаетъ очевидецъ, «но и съ основанія Иркутска почившіе здѣсь отцы и праотцы наши подобнаго церковнаго торжества не зрѣли». Вечеромъ въ тотъ же день (24 марта), всенощное на праздникъ Благовѣщенія въ Каѳедральномъ соборѣ совершалъ самъ митрополитъ Иннокентій. Въ самый же праздникъ Благовѣщенія опять всѣ три іерарха совершали литургію въ сей Благовѣщенской церкви, при которой за 47 лѣтъ высокопреосвященнѣйшій Иннокентій началъ священническое служеніе подъ именемъ отца Іоанна Веніаминова. Послѣ литургіи архипастыри посѣтили здѣшняго старосту, Николая Семеновича Котельникова, котораго дѣдъ служилъ также церковнымъ старостою при сей Благовѣщенской церкви, когда высокопреосвященный Иннокентій былъ при ней священникомъ. Это одинъ изъ тѣхъ приходскихъ домовъ, который отецъ Іоаннъ Веніаминовъ въ свое время отличалъ особенною любовію и уваженіемъ за богобоязненность и за примѣрную расположенность къ приходскому клиру. Надобно было видѣть, съ какимъ умиленіемъ глубокая старушка, мать настоящаго старосты, смотрѣла теперь на посѣщеніе высокаго гостя, въ молодыхъ лѣтахъ знавшая его своимъ приходскимъ священникомъ и дожившая до счастія увидѣть его у себя въ домѣ—въ санѣ первостоятеля Московскаго!

Въ пятомъ часу по полудни, епископъ Веніаминъ отправился за Байкалъ, въ Посольскій монастырь, съ обѣщаніемъ и еще до отбытія на новое мѣсто служенія на Амуръ, побывать въ Иркутскѣ, распрощаться съ любившимъ и уважавшимъ его городомъ. А высокопреосвященнѣйшій митрополитъ уединился въ Вознесенскую обитель для молитвы и

поста при мощахъ соименнаго своего покровителя, тайнаго путевождя, первосвятителя Иркутскаго Иннокентія. Здѣсь, при мощахъ Угодника Божія, совершалъ онъ чинъ страстей Господнихъ.

31 марта, въ день Святыя Пасхи, утреню и литургію совершали въ Иркутскомъ Каѳедральномъ соборѣ оба іерарха: Московскій и Иркутскій. Евангеліе читано было на славянскомъ, греческомъ, еврейскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Вечерню въ Каѳедральномъ соборѣ служилъ митрополитъ Иннокентій, а преосвященный Парѳеній въ своей домовой церкви.

1 апрѣля, понедѣльникъ на Пасхѣ, оба іерарха служили литургію въ церкви при Иркутской семинаріи. Пасхальные часы и нѣкоторыя другія церковныя пѣсни въ началѣ литургіи и «Отче нашъ» пѣлись воспитанниками на греческомъ языкѣ, также возгласы на первыхъ эктеніяхъ говорились священниками на греческомъ же языкѣ; Апостолъ и Евангеліе прочитаны были по гречески.

2 апрѣля, вторникъ на Пасхѣ, оба іерарха служили литургію въ женскомъ Знаменскомъ монастырѣ. Послѣ литургіи посѣтили настоятельницу обители, игуменію Сусанну; за тѣмъ были, по сосѣдству, въ училищѣ дѣвицъ Духовнаго званія.

4 апрѣля, четвертокъ на Пасхѣ, литургію въ Каѳедральномъ Соборѣ служили оба іерарха, и по окончаніи оной совершенъ былъ крестный ходъ на площадь, для принесенія Господу Богу благодарственнаго молебствія за сохраненіе въ 1866 году драгоцѣннѣйшей жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ руки злодѣя. Не только улицы, даже нѣкоторыя кровли зданій покрыты были народомъ. За всѣмъ тѣмъ строгій порядокъ церемоніала не былъ нарушенъ ни на одну іоту.

5 апрѣля, пятокъ на Пасхѣ, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ совершалъ литургію въ Вознесенскомъ монастырѣ, при мощахъ Святителя Иннокентія, а архіепископъ Парѳеній въ своей домовой церкви. Въ субботу на Пасхѣ, высокопреосвященнѣйшій Иннокентій служилъ литургію и раздавалъ самъ, не смотря на огромное стеченіе богомольцевъ, артосъ въ Каѳедральномъ соборѣ.

Послѣ Пасхальной недѣли, митрополитъ побывалъ на своей родинѣ, въ Ангинскомъ селеніи, въ 250 верстахъ отъ Иркутска по Якутскому тракту, и въ послѣдній разъ поклонился гробамъ своихъ родите-

лей и, не смотря на распутицу, рѣшился съ 19-го числа апрѣля предпринять дальнѣйшій путь изъ Иркутска.

«Послѣднее пребываніе преосвященнаго Иннокентія въ Иркутскѣ», пишетъ протоіерей Громовъ (*Иркут. Епарх. Вѣдом. № 31, 1879 г.*), «ознаменовано служеніемъ его 17 апрѣля, въ день рожденія Государя Императора Александра Николаевича. Это было мое послѣднее съ нимъ служеніе. Излишне говорить, что его милостивыя, можно сказать, братственно—товарищескія отношенія ко мнѣ не только никогда не измѣнялись, но съ каждымъ новымъ свиданіемъ укрѣплялись болѣе и болѣе. Нерѣдко или я проводилъ у владыки вечера, или онъ во всей простотѣ бесѣдовалъ подъ моимъ кровомъ до поздней ночи, какъ бы отдыхая отъ тяготившихъ его условныхъ приличій, требуемыхъ его саномъ.»

За два дня до своего отъѣзда, т. е. 17 апрѣля, преосвященный Иннокентій посвятилъ на отвѣтныя письма: «Минувшаго февраля 4 дня я имѣлъ незаслуженную мною честь», писалъ онъ губернатору Амурской области, «получить подписанный вашимъ превосходительствомъ и почти всѣми почетными жителями города Благовѣщенска адресъ, между прочимъ, съ просьбою указать условія учрежденія учебной моего имени стипендіи, на память обо мнѣ. Съ чувствомъ глубокой благодарности пріемлю таковое предложеніе и не могу не выразить при семъ моей радости прежде о томъ, что чрезъ таковое учрежденіе имя мое долго-долго будетъ памятно въ городѣ Благовѣщенскѣ на тѣхъ воспитанникахъ, которые воспользуются таковымъ благодѣяніемъ, а въ особенности о томъ, что если не всѣ такіе воспитанники, то большая часть изъ нихъ и ихъ родныхъ долго-долго будутъ возсылать теплыя молитвы Господу за своихъ благодѣтелей, давшихъ имъ возможность къ образованію. Что же касается условій стипендіи, то я желалъ бы чтобы оною пользовались сироты разныхъ сословій (кромѣ духовнаго), желающіе посвятить себя на служеніе церкви, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, дѣти служащихъ въ Амурской области причетниковъ, не имѣющіе права пользоваться пособіемъ отъ казны. Выборъ же кандидатовъ, при равныхъ способностяхъ и качествахъ ихъ, въ томъ и другомъ случаѣ я полагалъ бы предоставить жребію. Затѣмъ, призывая благословеніе Божіе на васъ и на всѣхъ участвующихъ въ семъ дѣлѣ...»

Затѣмъ, на поднесенный ему адресъ отъ граждан города Нерчинска

онъ отвѣчалъ имъ такъ: «Въ адресѣ вашемъ ко мнѣ 25 минувшаго февраля, вы, милостивые государи, извѣщая меня о согласіи и постановленіи вашемъ, въ чувствахъ благорасположенія ко мнѣ, содержать въ Московскомъ университетѣ одного стипендіата-студента изъ уроженцевъ Сибири, изволите между прочимъ просить моего согласія на то, чтобъ этотъ студентъ носилъ названіе стипендіата Московскаго митрополита Иннокентія. Съ чувствомъ искренней благодарности изъявляю на то мое согласіе, и не могу не сказать, что меня всегда будетъ утѣшать то, что долго-долго будутъ возноситься молитвы о васъ, какъ благодѣтеляхъ, какъ тѣми, кто воспользуется симъ благодѣяніемъ вашимъ, такъ и ихъ родителями. А молитвы кому не нужны? Затѣмъ, призывая благословеніе Божіе на таковое ваше начинаніе, а также на васъ и семейства ваши...» И наконецъ, Иркутскому купцу Іосифу Петровичу Катышевцову преосвященный Иннокентій писалъ:

«Въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, отъ 23 марта текущаго года, вы, милостивый государь, по случаю возведенія меня, вашего согражданина, на Московскую каѳедру, изволите предполагать принять на свой счетъ еще одного пансіонера въ учрежденный вами, въ память 4 апрѣля, пріютъ для образованія 12 круглыхъ сиротъ. Съ искреннею и особенною моею благодарностію и съ духовнымъ утѣшеніемъ пріемлю предложеніе ваше, ибо вы, желая сдѣлать памятнымъ мое имя, съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаете новый подвигъ благотворительности и умножаете число молитвенниковъ за васъ, какъ благотворителя сиротъ. Что же касается того, изъ какой среды долженъ быть этотъ пансіонеръ, я имѣю честь предоставить личному усмотрѣнію вашему. За тѣмъ призываю благословеніе Божіе на васъ и на призираемыхъ вами сиротъ.» 19-го апрѣля 1868 года, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Иркутска, ночевалъ въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ 20 числа, при мощахъ святителя Иннокентія въ Успенской церкви, совершилъ литургію. Къ литургіи прибыли въ монастырь преосвященнѣйшіе Парѳеній и Веніаминъ, генералъ-губернаторъ и другіе многіе. По окончаніи литургіи, преосвященнѣйшій Парѳеній отслужилъ при мощахъ святителя молебное пѣніе за высокопреосвященнаго путешественника; за тѣмъ іерархи, генералитетъ и всѣ почетные посѣтители отправились изъ храма въ настоятельскіе покои тѣмъ медленнымъ шествіемъ, какое устанавливалось множествомъ народа въ церкви и въ монастырской

73

оградѣ, жаждавшаго принять благословеніе отъ отъѣзжающаго архипастыря.

Послѣ стола, когда подали чай, среди гостей предсталъ юноша [1]) и произнесъ высокопреосвященнѣйшему рѣчь, которую со вниманіемъ прослушали всѣ: «Высокопреосвященнѣйшій владыко! Позвольте въ послѣдній разъ выразить вамъ то глубокое уваженіе, которымъ наполнены мы всѣ, сибиряки. Позвольте въ послѣдній разъ выразить вамъ ту задушевную мысль, которая овладѣваетъ въ настоящую минуту тѣми, которые давно уже имѣютъ величайшее счастіе знать ваше высокопреосвященство и привыкли смотрѣть на васъ, какъ на великаго архипастыря еще такъ недавно открытаго края и какъ на великаго подвижника и проповѣдника среди тѣхъ людей, которымъ Провидѣніе назначило находиться до извѣстнаго времени въ младенческомъ состояніи. Велика была наша радость, когда мы всѣ узнали, что Провидѣніе призвало ваше высокопреосвященство принять пастырскій жезлъ въ свои руки столь славнаго въ Бозѣ почившаго святителя Филарета и когда, наконецъ, послѣ многихъ нетерпѣливыхъ ожиданій, мы увидѣли васъ въ предѣлахъ нашего края. Сердце наше преисполнилось особенною радостію, когда торжественный благовѣстъ возвѣстилъ, что мы тотчасъ увидимъ нашего столь многоуважаемаго преосвященнѣйшаго. И вдругъ, теперь наша радость обращается въ совершенно противуположное чувство. Въ настоящую минуту намъ приходится провожать и разставаться съ нашимъ архипастыремъ. Тяжело намъ это, а также и вамъ, ваше высокопреосвященство! Вы оставляете ту сторону, въ которой вы родились, воспитывались, учились, проходили разныя духовныя должности и служили столько времени въ санѣ архипастыря.

Дорогою цѣною достался вамъ санъ архипастыря; ибо не мало было опасностей, которыя могли стоить вамъ жизни. Трудно проповѣдываніе слова Божія между христіанами, озаренными уже свѣтомъ евангельскаго ученія, а каково между дикарями? Много нужно было самоотверженія, чтобы вывести изъ мрака непросвѣщенныхъ и преподать имъ свѣтъ евангельскаго ученія, хотя въ немногихъ словахъ. Вспом-

---

[1]) Окончившій курсъ въ Иркутской гимназіи, сынъ полковника Андрей Николаевичъ Медовиковъ.

ните, ваше высокопреосвященство, съ какими опасностями сопряжены были ваши путешествія къ отдаленнымъ берегамъ Охотскаго и Камчатскаго морей, къ берегамъ Америки. Промыслъ Божій хранилъ великаго сѣятеля слова Божія, которому предназначалъ въ то время принести пользу новому мѣсту. Черезъ нѣсколько времени вашему высокопреосвященству угодно было перенести свое мѣстопребываніе изъ Америки въ Аянъ, гдѣ вы осаждены были непріятелями, но нисколько ихъ не устрашались и продолжали смиренно исполнять предъ ними свое служеніе церкви. Провидѣніе и тутъ сохранило васъ; когда Англичане могли рѣшиться взять въ плѣнъ дорогаго Россіи епископа, оно внушило имъ какое-то къ нему особенное уваженіе, такъ что они съ любовію посѣтили мужественнаго архипастыря въ его кельѣ, присутствовали при его богослуженіи и не дерзнули коснуться его.

Такъ вездѣ охраняло васъ святое Провидѣніе! Оно, наконецъ, теперь указало вамъ высшее служеніе церкви и возвело васъ на каѳедру того великаго свѣтильника церкви, котораго было душевнымъ желаніемъ имѣть ваше высокопреосвященство своимъ преемникомъ. Провидѣнію угодно было, чтобы не одной отдаленной Сибири, но и Россіи принесъ пользу высокопреосвященнѣйшій, въ чемъ да убѣдимся; ибо Господь Богъ еще продолжитъ дни великаго подвижника,—послужившаго столько времени въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, Господь Богъ также удостоитъ долго послужить и въ первопрестольной древней столицѣ. Никогда не забудутъ васъ тѣ, которыхъ вы озарили свѣтомъ Евангельскаго ученія и память объ васъ будетъ переходить изъ поколѣнія къ поколѣнію. То, что посредствомъ вашихъ незамѣнимыхъ трудовъ удалось сдѣлать вашему высокопреосвященству, дѣлается вѣками. Чѣмъ больше мы начинаемъ вспоминать дѣянія вашего высокопреосвященства, тѣмъ намъ грустнѣе.

Теперь въ послѣдній разъ видитъ любимая и дорогая для васъ страна Сибирская въ своихъ предѣлахъ ваше высокопреосвященство. Въ послѣдній разъ вы находитесь въ стѣнахъ обители того Святителя, предстательство молитвъ котораго постоянно помогало вамъ во всѣхъ путяхъ жизни вашей и имя котораго вы носите. Въ послѣдній разъ видитъ васъ Сибирь потому, что уже вы не рѣшитесь когда либо предпринять столь трудный и дальній не только для преклонныхъ лѣтъ вашихъ, но и для каждаго человѣка путь. Въ послѣдній разъ вы посѣтили

завѣтное мѣстечко, которое ознаменовано вашимъ рожденіемъ и въ нѣдрахъ котораго покоятся прахи столь близкихъ сердцу родныхъ вашихъ. Тяжело было для вашего высокопреосвященства въ эти минуты, а также и вчера, когда вы находились на берегу величественной Ангары и съ такою любовію осѣняли знаменіемъ креста тѣ безчисленныя толпы, которыя провожали васъ и среди которыхъ раздавались нерѣдко вопли и стоны: ибо были такія личности, которыя находясь теперь въ преклонныхъ лѣтахъ, имѣли честь знать васъ и получать отъ вашего высокопреосвященства благословеніе, когда еще вы были въ санѣ пресвитера. Не трудно было замѣтить тотъ моментъ,—когда вы взошли на карбасъ и когда уже онъ началъ уносить васъ отъ берега, то ваши глаза наполнились слезами и овладѣла вами видимая грусть. Съ искреннимъ уваженіемъ и съ большою любовію взирали толпы съ обнаженными головами на своего любимаго архипастыря, который все дальше и дальше уносился изъ ихъ вида. Какого восторга исполнились тѣ, которые удостоились передъ самымъ уже отплытіемъ принять святое благословеніе уѣзжающаго архипастыря и проститься съ нимъ! Прошло нѣсколько времени—и они потеряли изъ вида столь любимаго высокопреосвященнѣйшаго и многіе изъ толпы возвращались домой, произнося со слезами слова: пошли Господи ему здравія и благополучнаго пути! Тяжело для вашего высокопреосвященства покидать ту страну, которая очень близка вашему сердцу; но что дѣлать? высшее служеніе церкви призываетъ васъ.

Обращаемся къ вамъ съ послѣдними словами, въ которыхъ выражается послѣднее «прости» всѣхъ насъ, сибиряковъ. Никто не можетъ знать изъ насъ, увидимъ-ли опять нашего столь много уважаемаго и любимаго архипастыря. Простите насъ, высокопреосвященнѣйшій, и благословите, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Всѣ мы да утѣшимся и да вознесемъ наши пламенныя молитвы къ Господу Богу и къ преподобному Сергію, который призываетъ къ себѣ избранника и вручаетъ ему управленіе основанной имъ древней и знаменитой обители, чтобы уготовали скорѣйшій благополучный путь вашему высокопреосвященству, о чемъ до того самаго времени, пока Господь Богъ не пренесетъ васъ на мѣсто служенія, будемъ возносить наши молитвы, а потомъ о здравіи и спасеніи вашемъ!

Теперь наконецъ, взываемъ къ тебѣ, о священный градъ Москва!

Возрадуйся: скоро увидишь въ своихъ стѣнахъ новаго своего митрополита! Возрадуйся, ибо на твоемъ горизонтѣ заблеститъ скоро новая звѣзда, взамѣнъ той, которая такъ еще недавно угасла.» Владыка Иннокентій поблагодарилъ 18-лѣтняго оратора, благословилъ его, поцѣловалъ въ голову и пожелалъ ему преспѣянія. За тѣмъ, въ три часа по полудни, высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, распростившись со всѣми, никого не обойдя своимъ отеческимъ цѣлованіемъ, подъ звуками оригинальнаго монастырскаго звона пошелъ изъ обители. У святыхъ воротъ ожидала его немалолюдная монастырская братія. Благословивъ каждаго инока и каждаго послушника порознь, маститый, убѣленный сѣдинами іерархъ, на возвышеніи помоста подъ Святыми вратами, обратился взоромъ ко храму, въ которомъ почиваютъ мощи угодника Божія Иннокентія, преклонился до земли, поникъ лицемъ на помостѣ и нѣсколько секундъ оставался въ этомъ молитвенномъ положеніи,—въ послѣднемъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу, безмолвномъ собесѣдованіи съ прославленнымъ первосвятителемъ Иркутской паствы, которому соименень. За воротами, еще разъ простившись со всѣми, владыка сѣлъ въ экипажъ и, оставляя свое благословеніе, не безъ видимаго душевнаго волненія потекъ въ путь, навсегда разлучающій его съ родиною.

До первой станціи провожали его настоятель монастыря и нѣсколько духовныхъ лицъ. Когда провожавшіе не утаили отъ него скромныхъ ожиданій, что родной сынъ Сибири не забудетъ предъ святымъ соборомъ и предъ лицомъ Монарха нуждъ отдаленной матери,—владыка отвѣчалъ: «сколько Господь поможетъ, и насколько для этого станетъ меня!» *(Иркут. Епарх. Вѣдом. 1868 года, № 17)*.

23 апрѣля, въ 10 часовъ вечера, преосвященный Иннокентій прибылъ въ г. Канскъ и остановился на ночлегъ въ домѣ мѣстнаго протоіерея Димитрія Евтихіева, встрѣтившаго владыку на срединѣ Ключинской станціи, за сто верстъ отъ г. Канска. Утромъ 24 апрѣля, въ 8 часовъ, преосвященный Иннокентій выѣхалъ изъ Канска въ городъ Красноярскъ. Высокій гость столь былъ великодушенъ и благосклоненъ къ хозяину дома, что при выходѣ изъ дома, благословляя хозяина и его семейство, облобызалъ всѣхъ съ отеческою любовію. На встрѣчу высокопреосвященному Иннокентію въ городъ Канскъ выѣзжалъ Красноярскій каѳедральный протоіерей Василій Димитріевичъ Касьяновъ. Давно поджидали въ Красноярскѣ новаго Московскаго владыку Иннокентія».

(Иркут. Епарх. Вѣдом. 1868 г., № 20).—«Наконецъ», пишутъ очевидцы, «25-го апрѣля наши единодушныя желанія сбылись и жители города Красноярска осчастливлены лицезрѣть высокопреосвященнаго владыку, который, въ сопровожденіи своего сына протоіерея Гавріила Веніаминова и своего восьмилѣтняго внучка Евсевія, изволилъ благополучно прибыть въ Красноярскъ и остановился въ архіерейскомъ домѣ.— Полученная въ Красноярскѣ телеграмма, что Московскій митрополитъ Иннокентій утромъ 24 числа апрѣля выѣхалъ уже изъ города Канска, мгновенно разнеслась по всему городу и всѣ наши городскіе жители, сами собою, безъ всякихъ предварительныхъ оповѣщеній, движимые только чувствомъ глубокаго высокопочитанія къ маститому, но еще совершенно бодрому старцу, Московскому іерарху,—поспѣшили всѣ къ нему на встрѣчу. Было предположеніе встрѣтить высокопреосвященнаго на переправѣ чрезъ рѣку Енисей, въ самомъ городѣ Красноярскѣ, и даже паромъ былъ превращенъ въ пловучую палатку, роскошно убранную разноцвѣтными коврами; но его высокопреосвященство изволилъ найдти болѣе удобнымъ переправиться чрезъ р. Енисей въ 20 верстахъ отъ г. Красноярска, въ селѣ Березовскомъ, а потому и въѣхалъ въ городъ съ кладбищенской горы, по большому почтовому Иркутскому тракту; а 25 апрѣля, въ четвергъ, въ 8 часовъ утра, дорожный экипажъ его былъ уже у подъѣзда архіерейскаго дома, гдѣ и былъ владыка восторженно встрѣченъ всѣмъ нашимъ православнымъ городскимъ населеніемъ; всякому хотѣлось и всѣ вмѣстѣ торопились непремѣнно получить благословеніе отъ достопочтеннаго архипастыря, въ которомъ онъ никому не отказывалъ.

Поѣздъ митрополита сопровождался церковнымъ звономъ со всѣхъ городскихъ церквей и густыми массами народа по всѣмъ улицамъ, чему много благопріятствовала тихая и солнечная погода, бывшая въ то утро. Нигдѣ въ городѣ не останавливаясь, митрополитъ изволилъ проѣхать прямо въ архіерейскій домъ, гдѣ и былъ усердно и съ подобающимъ искреннимъ радушіемъ встрѣченъ епископомъ Енисейскимъ и Красноярскимъ Никодимомъ, который по этому поводу писалъ въ Москву:

«Московскій владыка Иннокентій прибылъ къ намъ въ Красноярскъ 25 апрѣля утромъ, въ 8 часовъ. Погостилъ у меня и отдохнулъ. 27 числа апрѣля же, въ 2 часа по полудни, отправился въ дальнѣйшій путь. Ѣдетъ

быстро. Почта остается позади его. Къ половинѣ мая, конечно, будетъ у васъ въ Москвѣ, съ милостію Божіею. Я не писалъ на два ваши письма (за которыя благодарствую) потому, что ждалъ Московскаго владыку. Это мужъ прямой и правый. Апостольскіе подвиги его извѣстны всей Россіи. Увидитъ ихъ близко и Москва. Онъ не имѣетъ блестящаго академическаго образованія, но пусть не обманываются гордые академисты: и безъ академіи иногда много знаютъ. Съ нимъ ѣдетъ сынъ его, протоіерей Гавріилъ Ивановичъ Веніаминовъ; какое утѣшеніе родителю—святителю! И сынъ—протоіерей почтенный, разумный, осторожный, незабывающійся. Преосвященный Иннокентій—любимый ученикъ (по духу) митрополита Филарета. Онъ, безъ сомнѣнія, будетъ подражать ему въ чемъ и елико можно. Но вы увидите сами много, близко и лучше нашего. Въ Сибири нѣтъ непотизма, и владыка Иннокентій чуждъ его. Посему при немъ конечно не будутъ дочери умершаго священника задерживать за собою родительское мѣсто. Полагаю, что владыка будетъ доступенъ, потому что онъ простъ; и будетъ внимателенъ къ просящимъ, потому что любитъ правду паче и выше всего. Думаю, что владыка недоступенъ лести и льстецамъ: пусть остерегутся лицемѣры и двоедушные. Ему 71 годъ, но онъ бодръ и пользуется здравіемъ тѣлеснымъ. Теперь намъ доводится слушать, что̀ будетъ говорить Москва о владыкѣ. А времена—времена мудрыя!.... Да хранитъ васъ Господь». *(Чтен. въ Общ. Любит. Духовн. Просвѣщ. 1882 г. стр. 173)*.

Первая вѣсть о предстоящемъ пріѣздѣ его высокопреосвященства въ Екатеринбургъ пронеслась по городу еще около первыхъ чиселъ мая: послѣ долгаго ожиданія, наконецъ, полученною теллеграммой дано было знать, что по разсчету времени, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ долженъ прибыть 12-го числа, около вечера. Почему викарій Екатеринбургскій сдѣлалъ распоряженіе: для встрѣчи архипастыря собраться къ четыремъ часамъ по полудни всему городскому духовенству въ архіерейскомъ домѣ, и затѣмъ отдано было приказаніе мѣстному благочинному, отцу Матвѣю Попову отправиться на первую станцію. Молва объ ожидаемомъ прибытіи его высокопреосвященства мгновенно облетѣла Екатеринбургъ; въ самый день его пріѣзда, ранѣе означеннаго времени, народъ уже толпами отправлялся по пути, ведущему за Сибирскую заставу, равно какъ толпился и близъ дома Екатеринбургскаго викарія. Праздничный звонъ на всѣхъ церквахъ возвѣстилъ жителямъ прибытіе іерарха. Вы-

сокопреосвященный прибылъ 12-го мая, ровно въ 7 часовъ вечера, и остановился въ домѣ, занимаемомъ преосвященнымъ Вассіаномъ, коимъ былъ встрѣченъ и привѣтствованъ на лѣстницѣ. Несмѣтное множество народа положительно осаждало архіерейскій домъ; болѣе смѣлые направились даже въ самыя комнаты. Затѣмъ были представлены Екатеринбургскаго Ново-Тихвинскаго первокласснаго монастыря игуменія Магдалина и старосты отъ православныхъ церквей; вскорѣ прибылъ и главный начальникъ Уральскихъ заводовъ, Іосса. Массы народа, осаждавшія архіерейскій домъ, разбрелись по домамъ только тогда, когда въ домѣ не стало огней. На слѣдующій день, въ 8 часовъ, высокопреосвященнѣйшій отправился слушать Божественную литургію въ домовую церковь викарнаго, причемъ поминаемъ былъ на ектеніяхъ; по окончаніи обѣдни возвратился въ занимаемые имъ покои, гдѣ принялъ утренній чай. Послѣ этого представлялись ему: городской голова Рязановъ и попечитель единовѣрческой Троицкой церкви Казанцевъ, поднесшіе владыкѣ хлѣбъ-соль; затѣмъ явились нѣкоторые изъ городскихъ властей, и всѣ болѣе или менѣе удостоились ласковаго слова и благословенія. Въ 11 часовъ во всѣхъ церквахъ начался звонъ. Въ это время высокопреосвященнѣйшій отправился къ главному начальнику, генералу Іоссѣ, отъ него къ градскому головѣ Рязанову; посѣтилъ купца Казанцева и г. Нурова, осмотрѣлъ Троицко-единовѣрческую церковь, о благолѣпіи которой отозвался съ похвалой; отправился въ пріютъ, учрежденный при женскомъ монастырѣ, для бѣдныхъ дочерей лицъ духовнаго званія. Изъ пріюта владыка направилъ путь къ монастырю пѣшкомъ, и у святыхъ воротъ былъ встрѣченъ всѣмъ монастырскимъ духовенствомъ въ полномъ облаченіи и со крестомъ. Приложившись къ святынѣ, его высокопреосвященство благословилъ игуменію съ сестрами; отъ самыхъ святыхъ воротъ до келій настоятельницы, на разстояніи почти сорока саженъ, владыка продолжалъ шествіе не менѣе получаса, въ сопровожденіи преосвященнаго Вассіана, монастырскаго духовенства, игуменіи и прочихъ лицъ духовнаго званія, благословляя на пути во множествѣ собравшійся народъ, и за тѣмъ удостоилъ посѣщеніемъ настоятельницу Магдалину въ ея кельяхъ, и осмотрѣлъ сосѣдній съ кельями храмъ во имя преподобнаго Θеодосія Тотемскаго. Въ три часа, его высокопреосвященство, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Вассіаномъ, принялъ предложенную настоятельницей монастыря трапезу, по окончаніи которой

неутомимый архипастырь снова отправился обозрѣвать монастырскіе храмы и въ 5 часовъ по полудни, прямо изъ монастыря, направилъ дальнѣйшій путь по Московскому тракту на Пермь, опять напутствуемый жителями Екатеринбурга. Свиты у митрополита почти нѣтъ; его сопровождаютъ: отецъ протоіерей Гавріилъ, сынъ владыки, семилѣтній внукъ владыки и послушникъ. Поѣздъ ограничивается двумя незатѣйливыми троечными экипажами. Своею привѣтливостію и доступностію, при совершенной простотѣ обращенія, высокій гость нашъ заставитъ надолго хранить по немъ память и молить о его многолѣтнемъ здравіи. Сколько извѣстно, Екатеринбургъ, еще въ первый разъ съ основанія своего, удостоился посѣщенія духовной особы въ санѣ митрополита, да едва ли когда и повторится подобный случай; потому-то городъ нашъ и отмѣтитъ въ своей хроникѣ числа 12-е и 13-е мая 1868 года и будетъ крѣпко памятовать ихъ». (*Московск. Вѣдом. 1868 г. № 116*).

17-го мая 1868 года, въ три часа по полудни, преосвященный Иннокентій былъ уже въ Перми. «Почти все городское духовенство, равно какъ и жители города, предупрежденные о его пріѣздѣ, во множествѣ вышли на встрѣчу за городскую заставу; по всѣмъ улицамъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, и на площади предъ архіерейскимъ домомъ толпился народъ. Не смотря на поспѣшность, съ какою ѣхалъ владыка, онъ остался на нѣсколько дней въ Перми, по случаю приближенія Троицына дня, такъ какъ онъ не хотѣлъ провести этотъ день въ дорогѣ и желалъ пріобщиться св. Таинъ. Въ Троицынъ день совершалъ онъ въ каѳедральномъ соборѣ литургію, при громадномъ стеченіи народа, и въ понедѣльникъ 20 мая, въ 11 часовъ утра выѣхалъ изъ Перми. Пермскій градскій голова, купецъ Каменскій, предложилъ одинъ изъ своихъ пароходовъ въ полное его распоряженіе. Но владыка скромно отказался отъ этого предложенія и воспользовался только каютами 1-го класса, а во второмъ и третьемъ помѣстились посторонніе пассажиры.

Въ среду 22 мая, вечеромъ, преосвященный Иннокентій прибылъ въ Казань. *(Извѣст. по Казанск. епарх. 1868 г. № 13, стр. 347—350)*. «Лишь только раздался, около 8 часовъ вечера, колокольный звонъ на колокольнѣ каѳедральнаго собора, какъ весь городъ Казань словно воспрянулъ отъ обычнаго затишья обыденной жизни,

и волны народа нахлынули въ крѣпость къ собору, и храмъ соборный мигомъ наполнился людьми всякаго званія, пола и возраста. Что же это за необычайное событіе, вдругъ пробудившее нашъ городъ? Что за могущественная сила, которая такъ неотразимо влекла всѣхъ къ соборному храму въ столь необычное время?

Событіе это—посѣщеніе города Казани членомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, высокопреосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ; могущественная сила, привлекшая всѣхъ въ каѳедральный соборъ,—это славное, извѣстное Старому и Новому свѣту, имя великаго современнаго іерарха, жизнь котораго ознаменована истинно-апостольскими подвигами, который просвѣтилъ свѣтомъ вѣры Христовой не тысячи, а цѣлыя сотни тысячъ дикарей—Якутовъ, Бурятъ, Лопарей, Камчадаловъ, Алеутовъ и другихъ обитателей громадныхъ пространствъ восточной окраины Азіатской Россіи и сѣверной оконечности Америки,—который организовалъ или создалъ цѣлыя три епархіи и былъ въ нихъ первымъ епископомъ,—который былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей при пріобрѣтеніи Россіею огромной области въ Азіи—при-Амурскаго края, и который, наконецъ, избранный Божественнымъ промысломъ и волею Монарха на Московскую митрополію, теперь слѣдовалъ къ новому мѣсту своего святительскаго служенія.

Въ Казани, Иннокентій получилъ знаки митрополичьяго сана: бѣлый клобукъ съ брилліантовымъ крестомъ. Архіепископъ Казанскій Антоній желалъ торжественно встрѣтить и проводить новаго Московскаго митрополита; но высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, поспѣшая въ Москву, отклонилъ предложенную ему торжественную встрѣчу. Какъ только получено было по телеграфу извѣстіе, что пароходъ, отданный въ Перми братьями Каменскими въ распоряженіе его высокопреосвященства, будетъ у пристани въ Казани въ 8 часу вечера, благочинный здѣшнихъ монастырей Зилантовскій, архимандритъ Ювеналій, каѳедральный протоіерей В. П. Вишневскій, вмѣстѣ съ соборнымъ старостою С. Б. Музаевымъ и благочинный Казанскихъ градскихъ церквей священникъ С. И. Адоратскій, немедленно отправились на пристань и здѣсь первые имѣли счастіе привѣтствовать высокаго путешественника и поднесли его высокопреосвященству икону святителя Гурія. Вслѣдъ за симъ прибылъ на пароходъ, для свиданія съ святителемъ Московскимъ, вы-

сокопреосвященный Антоній, архіепископъ Казанскій. Не могли не поспѣшить на встрѣчу великому миссіонеру и наши Казанскіе неутомимые труженики миссіонерскаго дѣла—профессоръ Н. И. Ильминскій, баккалавръ Казанской духовной академіи Е. А. Маловъ и практикантъ по татарскому языку въ той же академіи В. Тимоѳеевъ. Явилось сюда довольно и другихъ лицъ, и въ числѣ ихъ командующій войсками Казанскаго военнаго округа Б. Г. Глинка-Mавринъ съ супругою. Въ каютѣ, занимаемой его высокопреосвященствомъ, представлены были святителю Московскому присланные ему въ Казань Высочайше пожалованные знаки митрополичьяго сана, вмѣстѣ съ Высочайшимъ рескриптомъ. Но узнавъ, что митрополичій клобукъ его былъ полагаемъ въ каѳедральномъ соборѣ на ракѣ св. Гурія, высокопреосвященный Иннокентій заблагоразсудилъ возложить на себя этотъ клобукъ въ соборѣ. И вотъ оба святителя, Московскій и Казанскій, при торжественномъ звонѣ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, мимо которыхъ они проѣзжали, прибыли въ каѳедральный соборъ и, встрѣченные почетнѣйшимъ духовенствомъ Казанскимъ, предстали предъ мощами первосвятителя Казанскаго Гурія. Началась обычная литія, совершаемая при входѣ архіерейскомъ въ храмы. Лишь только высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій приложился къ мѣстнымъ иконамъ и къ мощамъ перваго архіепископа Казанскаго, тотчасъ каѳедральный протоіерей съ амвона громко прочиталъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, данный отъ 16 апрѣля 1868 года на имя его высокопреосвященства: «Во вниманіи къ многолѣтному святительскому служенію вашему, ознаменованному неутомимыми трудами и апостольскою ревностію въ распространеніи и утвержденіи истинной вѣры въ отдаленныхъ предѣлахъ отечества и неусыпною заботливостію объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ вашей паствы, Я призналъ справедливымъ ввѣрить вамъ Московскую епархію, съ возведеніемъ въ санъ митрополита. Многоплодная ваша дѣятельность и всецѣлая преданность церкви подаютъ несомнѣнную надежду, что, по примѣру приснопамятнаго почившаго іерарха митрополита Филарета и его доблестныхъ предшественниковъ, вы будете проходить новыя возложенныя на васъ обязанности съ тѣмъ же самоотверженіемъ и пользою для церкви, коими отличалось прежнее служеніе ваше. Божественный Пастыреначальникъ да укрѣпитъ силы ваши въ сихъ, предстоящихъ вамъ, новыхъ священныхъ подвигахъ. Препровождая къ вамъ бѣлый клобукъ, съ крестомъ изъ драго-

цѣнныхъ камней, и поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ всегда благосклонный». Затѣмъ поднесенъ былъ его высокопреосвященству самый бѣлый клобукъ съ брилліантовымъ крестомъ. Перекрестясь, владыка Московскій поцѣловалъ этотъ крестъ и возложилъ бѣлый клобукъ на себя. Тогда протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Царствующему Дому, Святѣйшему Сѵноду и члену его, высокопреосвященному Иннокентію, митрополиту Московскому и Коломенскому, и торжественно и многократно пропѣтое архіерейскимъ хоромъ «Многая лѣта» заключило эту священную церемонію. Между тѣмъ, желавшихъ подойти подъ благословеніе къ новому святителю Московскому было такъ много и они тѣснили другъ друга такъ сильно, что весьма немногимъ удалось исполнить свое пламенное желаніе. Изъ собора, высокопреосвященный митрополитъ, въ сопровожденіи Казанскаго владыки, благоволилъ посѣтить архіерейскій домъ. Сюда прибыли: начальникъ Казанской губерніи Н. Я. Скарятинъ, командующій войсками казанскаго военнаго округа Б. Г. Глинка-Мавринъ, съ ихъ семействами, начальникъ штаба здѣшняго военнаго округа, герой Туркестана Д. И. Романовскій, профессоры здѣшнихъ академіи и семинаріи, мѣстные архимандриты, протоіереи, всѣ члены консисторіи и ея секретарь, множество военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, которые всѣ представлялись высокопреосвященному митрополиту и приняли отъ него святительское благословеніе. Изъ архіерейскаго дома высокій гость Казани изволилъ отправиться въ здѣшній женскій первоклассный Богородицкій монастырь; здѣсь приложился къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и нерукотворенному образу Спасителя, принялъ отъ настоятельницы монастыря снимокъ съ чудотворной иконы Божіей Матери, просфору и хлѣбъ и преподалъ въ келіяхъ игуменіи благословеніе сестрамъ обители. Затѣмъ посѣтилъ и начальника губерніи, а также и командующаго войсками здѣшняго военнаго округа. Наконецъ, снова пробывъ у высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа Казанскаго, около часу, святитель Московскій въ сопровожденіи архипастыря Казанскаго возвратился, въ половинѣ 12 часа, на ожидавшій его высокопреосвященство пароходъ. Здѣсь многочисленная и разнородная публика ожидала Московскаго владыку. Пристань была великолѣпно иллюминована. Дорога отъ самой кареты, въ которой подъѣхалъ высокій путешественникъ къ пристани, до парохода была устлана коврами. Въ небольшой каютѣ парохода оба

богоизбранные архипастыря въ послѣдній разъ обмѣнялись нѣсколькими задушевными бесѣдами и благожеланіями. Пароходъ долженъ былъ отойти ровно въ 12 часовъ. Немногіе избранные, и въ числѣ ихъ благочинный здѣшнихъ монастырей архимандритъ Ювеналій и каѳедральный протоіерей В. П. Вишневскій, удостоились быть свидѣтелями прощальной церемоніи двухъ святителей. И въ немногихъ словахъ, излившихся при прощаніи изъ сердца новаго Московскаго святителя довольно ясно высказался смыслъ всей его жизни. Когда зашла рѣчь о томъ, какими узами всего вѣрнѣе можно слить при-Амурскій край съ остальною Россіею, и когда ея превосходительство, супруга командующаго войсками здѣшняго военнаго округа замѣтила, что для этого требуются узы моральныя, бывшій архіепископъ въ при-Амурской области сказалъ: «Тутъ требуются узы болѣе крѣпкія, чѣмъ узы моральныя: требуются узы православія.»

Здѣсь, въ Казани, уже ожидало митрополита Иннокентія слѣдующее письмо отъ преосвященнаго Леонида, епископа Дмитровскаго *(отъ 12 мая 1868 г.)*: «Судя по бывшимъ въ печати извѣстіямъ, ваше высокопреосвященство уже не очень далеко отъ Москвы. Посему симъ письмомъ поспѣшаю на встрѣчу къ вамъ, въ Казань. По молитвамъ вашимъ, донынѣ по епархіи благополучно, и паства въ ожиданіи своего архипастыря. По разсужденіи съ старшимъ духовенствомъ, мы пришли къ рѣшенію, что необходимо вашему высокопреосвященству до прибытія въ Москву имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія, на основаніи коихъ вы уже изволили бы рѣшить то, что касается до первыхъ шаговъ вашихъ по землѣ вашей новой паствы. Для сего отправлены будутъ два члена консисторіи, Даниловскій архимандритъ Іаковъ и каѳедральный протоіерей въ Нижній Новгородъ. Они представятъ вамъ сіи свѣдѣнія, сообщатъ намъ ваши распоряженія и озаботятся уготовленіемъ того, что необходимо въ пути, дабы не было задержки. По сдѣланнымъ справкамъ необходимо, чтобы поѣздъ былъ экстренный, и онъ уже подготовленъ. Надобно только, чтобы за 24 часа было извѣщено начальство дороги телеграммою о часѣ отъѣзда изъ Нижняго. Во Владимірѣ остановка на четверть часа, или уже на 24 часа; въ Московской епархіи на Павловской станціи также. Прося благословенія и молитвъ вашихъ....» Въ Нижній-Новгородъ митрополитъ Иннокентій прибылъ 24 мая. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до города, пароходъ остановился противъ

Печерскаго монастыря, гдѣ живетъ на покоѣ бывшій преосвященный Нижегородскій, котораго желалъ посѣтить владыка. Подъѣхавъ къ берегу въ лодкѣ, маститый старецъ бодро взошелъ на крутую гору, на которой стоитъ монастырь. Пробывъ съ полчаса въ монастырѣ, онъ снова возвратился на пароходъ и подъѣхалъ къ Нижегородской пристани Каменскаго, гдѣ былъ встрѣченъ Нижегородскимъ викаріемъ, духовенствомъ и народомъ. Въ архіерейскомъ домѣ явились къ нему: члены Московской духовной консисторіи, архимандритъ Даниловскаго монастыря Іаковъ и каѳедральный протоіерей Покровскій, депутація отъ Московскаго городскаго общества и мѣстныя городскія власти, которыхъ онъ посѣтилъ въ свою очередь. Въ шестомъ часу владыка, провожаемый духовенствомъ и народомъ, прибылъ на станцію желѣзной дороги, гдѣ пробылъ около часу въ царскихъ покояхъ, ожидая отхода экстреннаго поѣзда, нарочно для него приготовленнаго. Поѣздъ тронулся изъ Нижняго въ 7 часовъ вечера, а въ $9^1/_2$ часовъ, 25-го мая 1868 года, прибылъ въ Москву. На Московской станціи, ожидая владыку, собрались Московскіе викаріи, епископъ Дмитровскій, преосвященный Леонидъ и епископъ Можайскій, преосвященный Игнатій, ректоры академіи и семинарій, члены консисторіи и духовнаго попечительства. При выходѣ изъ вагона, на платформѣ, преосвященный Леонидъ привѣтствовалъ владыку рѣчью и поднесъ ему отъ Московскаго духовенства и паствы икону Иверской Божіей Матери, а преосвященный Игнатій просфору. Тутъ же привѣтствовали митрополита городскія власти: Московскій генералъ-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ, коммендантъ, попечитель учебнаго округа, оберъ-полицеймейстеръ, начальствующій жандармскимъ округомъ и др. Городской голова съ десятью старшинами поднесъ хлѣбъ-соль. Въ залѣ представлялось духовенство. Послѣ этого владыка, при колокольномъ звонѣ, поѣхалъ по Земляному валу, Садовой, Мясницкой и Лубянской площади къ Иверской часовнѣ; а всѣ встрѣчавшіе его отправились на Троицкое подворье, дожидаться его прибытія. Приложившись иконѣ Иверской Божіей Матери, владыка поѣхалъ по Тверской и Садовой, на Троицкое подворье. Владыку сопровождалъ въ пути и прибылъ съ нимъ вмѣстѣ въ Москву сынъ его, протоіерей Гавріилъ, и семилѣтній внукъ владыки Евсевій [1]). При входѣ въ домъ Троицкаго подворья,

---

[1]) Евсевій Гавриловичъ Веніаминовъ, нынѣ прапорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

владыка облачился въ мантію и, выслушавъ въ домовой церкви краткое молитвословіе, вошелъ, при пѣніи Чудовскихъ пѣвчихъ тропаря преподобному Сергію, въ свои комнаты, гдѣ снялъ мантію и принялъ почетныхъ лицъ, встрѣтившихъ его на станціи желѣзной дороги и поздравленія отъ настоятелей и настоятельницъ монастырей, которые поднесли ему иконы, также и отъ благочинныхъ Москвы.

Живо помнится и намъ тотъ прекрасный майскій день, въ который Москва радостно, при колокольномъ звонѣ и большомъ стеченіи столичнаго духовенства и народа, встрѣчала своего маститаго митрополита и также помнится, какъ онъ въ первый пріѣздъ свой на Троицкое подворье очаровалъ всѣхъ своею привѣтливостію: онъ казался какъ бы маститымъ патріархомъ среди своей многочисленной семьи Московскихъ священнослужителей, начиная съ высшихъ и кончая низшими.

XXXV

26-го мая 1868 года высокопреосвященный Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, совершалъ свое вступленіе въ большой Успенскій соборъ. Торжественное шествіе началось изъ Казанскаго собора, при вступленіи въ который владыка митрополитъ былъ привѣтствованъ протоіереемъ собора Александромъ Невоструевымъ слѣдующею рѣчью: «Пустынный житель и въ тѣлеси ангелъ! Мы радуемся, что Господь поставилъ тебя ангеломъ нашей церкви, и нынѣ радостно срѣтаемъ тебя, какъ благовѣстника небеснаго, одушевляясь упованіемъ, что ты и нашу пустыню озаришь, согрѣешь и оплодотворишь небеснымъ свѣтомъ, благодатною теплотою и духоносною росою молитвъ твоихъ, что ты и словомъ и дѣломъ воззовешь и подвигнешь насъ къ божественной и христоподражательной жизни. Благословенъ грядый во имя Господне!» Затѣмъ вторую рѣчь произнесъ ректоръ Московской семинаріи архимандритъ Никодимъ такъ: «Въ мимошедшіе дни пятидесятницы святая церковь предлагала изъ Апостольскихъ Дѣяній чтеніе о томъ, какъ первоверховный апостолъ Павелъ, послѣ своихъ Богопроповѣдническихъ путешествій, исполненныхъ трудовъ, нуждъ и лишеній, совершалъ путь съ востока на западъ, въ столицу тогдашняго міра, уже просвѣщенную свѣтомъ Христовымъ. Во время сего пути апостолъ языковъ съ любовію былъ срѣтаемъ и провождаемъ вѣрующими въ Іисуса Христа, подавалъ имъ утвержденіе въ вѣрѣ, возносилъ съ ними молитвы и, когда приблизился къ Риму, съ радостію былъ встрѣченъ тамошними христіанами, которые вышли

къ нему за черту города. Увидѣвъ ихъ, апостолъ возблагодарилъ Бога и ободрился и началъ съ дерзновенiемъ проповѣдывать царствiе Божiе и въ столицѣ мiра находящимся тамъ мудрецамъ, какъ проповѣдывалъ варварамъ и невѣждамъ (Дѣян. 28, 31. Рим. 1, 14. 15.) Сiе священное сказанiе объ апостолѣ языковъ напоминало намъ и представляло нашимъ мыслямъ тебя и твои великiе равноапостольные подвиги, архипастырь и отецъ нашъ! Подобно апостолу языковъ, ты обтекъ съ евангельскою проповѣдью обширныя страны, возвѣщая истиннаго Бога, Творца неба и земли, и Спасителя человѣковъ, Iисуса Христа невѣдущимъ Его племенамъ; въ семъ апостольскомъ многолѣтнемъ служенiи перенесъ многообразные труды и нужды, и нынѣ, изволенiемъ Божiимъ и Помазанника Божiя, послѣ многочисленныхъ изъявленiй и свидѣтельствъ общаго почтенiя и любви къ тебѣ на всемъ долгомъ пути твоемъ, приходишь на святительское служенiе въ древнюю столицу Русскаго царства,—въ градъ сей, въ немже отъ лѣтъ древнихъ наречеся имя Христово,—и мы, всѣ чада твои, срѣтаемъ тебя и привѣтствуемъ съ такою же радостiю и любовiю, съ какою христiане Рима срѣтали великаго апостола. Вѣруемъ и уповаемъ и радуемся, что Господь Iисусъ Христосъ въ твоемъ пришествiи къ намъ, чрезъ твои молитвы и священнодѣйствiя, чрезъ твое святительское благословенiе, чрезъ твое слово, дѣйствiя и примѣръ, открываетъ новые токи своей благодати на паству Московскую, и что служенiемъ твоимъ въ семъ градѣ паче и паче прославится имя Христово. Да утѣшится и твое отеческое сердце вѣрою чадъ твоихъ, ожидающихъ твоего лицезрѣнiя и благословенiя.» По выслушанiи сихъ рѣчей, владыка облачился и, предшествуемый крестнымъ ходомъ, направился по Красной площади, чрезъ Спасскiя ворота въ Успенскiй соборъ, куда вступилъ западными вратами, гдѣ была ему торжественная встрѣча. Приложившись къ святымъ мощамъ и иконамъ, онъ взошелъ на амвонъ и, воспрiявъ посохъ, произнесъ: «Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Iисуса Христа! Такъ обыкновенно апостолы, по заповѣди Господней, привѣтствовали церкви, а по примѣру ихъ—пастыри церквей привѣтствовали свои паствы, вступая съ ними въ духовное общенiе. По тому же закону и я, недостойнѣйшiй преемникъ ихъ, дерзаю тѣмъ же словомъ привѣтствовать васъ, братiе, а отнынѣ возлюбленные о Господѣ братiе и чада, вступая въ общенiе съ вами. Благодать вамъ

и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа! Но кто я, дерзающій воспріять и слово, и власть моихъ предшественниковъ? Ученикъ отдаленнѣйшаго времени, отдаленнѣйшаго края и еще болѣе въ отдаленной странѣ проведшій болѣе половины своей жизни; не болѣе какъ смиренный дѣлатель малой нивы Христовой, учитель младенцевъ и младенствующихъ въ вѣрѣ. И такому ли, наименьшему изъ дѣлателей, быть дѣлателемъ вертограда Христова великаго, славнаго и древняго? И такому ли учителю поучать паству, изъ среды которой исходятъ во всѣ концы Россіи учители и наставники, и даже учители учителей? Правда, почти все это я могъ бы сказать на всякомъ другомъ мѣстѣ, куда бы я ни былъ переставленъ; но здѣсь та особенность: послѣ кого становлюсь я здѣсь? Кто мой предшественникъ, и кто я? Тутъ не можетъ быть никакого сравненія. Или всякое сравненіе будетъ далеко не въ мою пользу, а нѣкоторыя даже противъ меня. Я понималъ всю тяжесть и горечь такихъ сравненій,—сравненій совершенно естественныхъ, неизбѣжныхъ и справедливыхъ; это не то, что̀ пересуды. Я понималъ также всю высокость и трудность служенія здѣсь, и потому мнѣ надлежало бы—по крайней мѣрѣ, я могъ бы—уклониться отъ сего, имѣя при томъ и видимую къ тому причину. Но кто я, чтобы мнѣ противиться Богу—Царю Небесному, безъ воли Коего и власъ съ главы нашей не падаетъ? Кто я, чтобы мнѣ противурещи Царю земному, сердце коего въ руцѣ Божіей? Нѣтъ, сказалъ я себѣ: пусть будетъ со мною, что̀ угодно Господу; иду, куда повелѣно! И вотъ, я пришелъ. Итакъ, благослови, Господи, меня приняться за дѣло! Господи! Твой есмь азъ, Твой и хочу быть всегда и вездѣ; твори со мною, что Тебѣ угодно и въ сей жизни, и въ будущей; да буду я и здѣсь простое орудіе въ рукахъ Твоихъ!

Пресвятая Владычице Богородице, Споручница моя! не оставляй меня и здѣсь Твоей помощію, заступленіемъ, ходатайствомъ и молитвами Твоими! Святители Христовы—Петре, Алексіе, Іоно и Филиппе и вси, почіющіе здѣсь! воспріимите меня въ свои молитвы, недостойнѣйшаго вашего преемника. Братіе и отцы! Особенно вы, просвѣщенные наставники и отцы! Не таковъ вамъ подобаше архіерей, какъ я безкнижный. Но терпите мя любовію Христовою, воспріимите меня и въ ваши домашнія молитвы; паче же молитесь о томъ, дабы лжеученіе и плотское мудрованіе, пользуясь моимъ безкнижіемъ, не вкралось

въ среду Православія. Прошу васъ всѣхъ, братіе и чада, молитесь о мнѣ грѣшномъ.

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа!»

Затѣмъ митрополитъ Иннокентій приступилъ къ совершенію литургіи, за которою архипастырь повелѣлъ возгласить эктенію объ упокоеніи усопшаго святителя Филарета, своего предмѣстника. Народу была такая масса, что нельзя было перекреститься; но не взирая на это, никто не выходилъ изъ собора. Его благоговѣйное служеніе какъ бы приковало всѣхъ къ мѣсту; многіе плакали.

«Если бы кто нарисовалъ картину»,—говоритъ протоіерей Громовъ: «на одной сторонѣ изобразилъ іерарха, въ скромномъ облаченіи священнодѣйствующаго въ глухомъ уголкѣ на сѣверной оконечности Камчатки, въ смиренномъ деревянномъ храмѣ, не имѣющемъ никакихъ другихъ украшеній, кромѣ необходимыхъ мѣстныхъ иконъ на полотнѣ, священнодѣйствующаго въ сослуженіи двухъ священниковъ, одного діакона, при пѣніи четверыхъ мальчиковъ на клиросѣ,—а на другой сторонѣ представилъ бы этого же самаго іерарха, совершающаго служеніе въ большомъ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, при той великолѣпной обстановкѣ, гдѣ однихъ митръ не пересчитаешь на сослужащихъ, гдѣ отъ гласовъ поющихъ потрясаются своды храма, гдѣ вмѣсто обрюзглыхъ, въ оленьихъ куклянкахъ и въ торбазахъ, Камчадаловъ и Камчадалокъ, предстоятъ вельможи, сенаторы, министры въ блестящихъ золотомъ одѣяніяхъ и дщери первопрестольной столицы въ украшеніяхъ изъ дорогихъ камней, гдѣ наконецъ присутствуетъ по временамъ одинъ изъ величайшихъ монарховъ земли:—какую бы выбрать для такой картины надпись?—«Неисповѣдимы судьбы твои, Господи!» Приличнѣе не найти.»

По окончаніи литургіи, совершенной въ сослуженіи двухъ викаріевъ, шести архимандритовъ, ректора Московской академіи, протопресвитера Успенскаго собора, каѳедральнаго протоіерея и череднаго пресвитера, митрополитъ шествовалъ въ каѳедральный Архангельскій соборъ и каѳедральный Чудовъ монастырь, для поклоненія святынѣ, и затѣмъ вступилъ въ митрополичьи келіи, гдѣ протодіакономъ Успенскаго собора было возглашено высокопреосвященному многолѣтіе, а прибывшими принесены поздравленія, и тѣмъ торжество это окончилось,—владыко возвратился въ свое Троицкое подворье.

По поводу произнесенной митрополитомъ Иннокентіемъ рѣчи въ Успенскомъ соборѣ, вотъ что мы читали въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1868 г. № 117, стр. 3): «Трудно говорить о лицахъ высокопоставленныхъ, да еще и живыхъ. Не мудрено дать поводъ заподозрить пишущаго въ лести и искательствѣ, или въ неумѣстномъ и лихорадочномъ желаніи хвалить то, что выгодно хвалить, бранить то, что безопасно бранить. Просимъ читателей вѣрить, что нижеслѣдующія мысли вызваны намѣреніемъ говорить не о лицѣ, а о дѣлѣ, не столько о событіи, сколько по поводу событія. 26-го мая, владыка-митрополитъ Московскій вступилъ въ древній царственный храмъ Успенія и обратился къ паствѣ съ словомъ своимъ. Это слово напоминаетъ безъискусственную красоту и правду древнихъ пастырскихъ рѣчей въ первыя столѣтія христіанства. При чтеніи его выясняется образъ древлехристіанскаго учителя, который могъ назидать и силой, и немощью слова, и духомъ созидалъ дѣло молитвы и вѣры въ общемъ христіанскомъ собраніи. Владыка говорилъ о своемъ недостоинствѣ. Онъ сравнивалъ себя съ почившимъ святителемъ и единственно волей Бога и Его Помазанника желалъ объяснить свое вступленіе на каѳедру Московскихъ святитилей. Если для духа архипастыря нужно было такое смиренное сознаніе: да будетъ такъ. Безъ сомнѣнія, служеніе его великаго предшественника было чрезвычайно и въ учительномъ словѣ, и въ жизни, и въ силѣ пастырскаго помазанія. Тѣмъ не менѣе народъ Московской церкви встрѣтилъ новаго пастыря своего, по изображенію святаго Тайнозрителя, какъ ангела церкви. Въ его отдаленнѣйшемъ (какъ онъ самъ говоритъ), или, лучше сказать, чуждомъ міра подвигѣ евангельской проповѣди, народъ непосредственнымъ чувствомъ понялъ все великое право его на каѳедру Платона и Филарета. Только лицемѣры, по слову св. Евангелія, умѣя различать лицо неба и земли, не умѣютъ судить по самимъ себѣ, чему быть должно (Лук. 12, 56 и 57). Въ народѣ нѣтъ лицемѣрія, и вотъ онъ судитъ, что въ самой глубинѣ смиренно-вѣрующаго духа владыка имѣетъ силу, чтобы просить у Бога, какъ Елисей у Иліи, сугубаго духа своего предшественника (4 Царст. гл. 2). Да ожесточитъ онъ просити, чтобы побѣдно возвѣщать церкви благодать и миръ!

Въ этомъ же словѣ къ паствѣ владыка упомянулъ о лжеученіи, прося общей молитвы на борьбу съ антихристіанскимъ духомъ, хотя,

по дѣйствію всеблагаго Промысла, самый ходъ человѣческой жизни заключаетъ въ себѣ начала, отрезвляющія суемудрую мысль, и печальная крайность заблужденія сама высказывается своими горькими плодами: тѣмъ не меньше было бы преступленіемъ воображать, что намъ можно быть когда-либо свободными отъ борьбы съ лестчимъ духомъ, отъ борьбы всегдашней и многообразной. Но тотъ, о которомъ теперь слово, несравненно больше чѣмъ всѣ мы, по особенному опыту, знаетъ и всю неизъяснимую силу слова Божія надъ умами и сердцами. Эта сила одинакова и для дикаря, и для послѣдняго представителя цивилизаціи. Чѣмъ больше помышляешь о вѣрѣ, тѣмъ больше удостовѣряешься, что она состоитъ въ твердомъ и спокойномъ убѣжденіи и что она соединена съ лицомъ и характеромъ, а не съ умословіемъ. Апостольское свидѣтельство было явленіемъ духа и силы (1 Кор. 2, 4). Какъ улыбка характеризуетъ лицо, какъ мысль наполняетъ слово, такъ и вѣра проникаетъ по всѣмъ ея направленіямъ. Должно въ совѣсти носить идею божества и быть вѣрнымъ вмалѣ, чтобы отъ скудости своей положить все свое и положить больше всѣхъ (Марк. 12, 44). Что касается до лжеученія вообще, то иногда кажется, что его можно сравнить съ человѣкомъ, который, не имѣя капитала, начинаетъ строить планы обогащенія. Въ его умѣ проходитъ цѣлый рядъ коммерческихъ операцій: планъ развивается больше и больше, въ мысли исчезаютъ препятствія, вѣроятность понемногу заступаетъ мѣсто дѣйствительныхъ условій. Не спорьте съ нимъ, когда его разсчеты дошли до сотенъ тысячъ: онъ посмотритъ на васъ съ сожалѣніемъ. Такъ точно безъ Бога человѣкъ строитъ свой міръ—и, не вдумываясь въ существо закона, выводитъ рядъ законовъ, которыхъ и цѣль, и смыслъ, и сила, и единство, и гармонія понятны только при дѣйствіи всеобщаго духовнаго начала. Говорите ему, что явленіе—не начало, мечтатель (назовемъ его на этотъ разъ мечтателемъ) не захочетъ васъ понять: такъ пріятно ворочать въ мысли громаднымъ капиталомъ. Cogito, ergo... сказалъ отецъ нашей новой философіи. Мнѣ кажется, это слово должно бы намъ быть памятно. Но, къ удивленію, философскіе корни, равно какъ и первыя понятія здраваго смысла, равно скучны для мечтателя. Немного нужно силы ума, чтобы понять, что cogito старше, чѣмъ ergo и чѣмъ все, что за ergo слѣдуетъ. Не въ метаморфозѣ природы, а въ умѣ и духѣ слѣдуетъ искать руководства къ истинѣ....

Благодать и миръ—святые дары Божіи уму и волѣ человѣка! Пусть приметъ ихъ душа съ радостію, какъ народъ и соборъ священства съ радостію приняли первое благословеніе своего архипастыря. Эта благоговѣйная радость сама по себѣ есть великая нравственная сила, которой, по слову св. Евангелія, никто же возьметъ отъ насъ (Іоан. 16, 22)».

31-го мая, митрополитъ Иннокентій на экстренномъ поѣздѣ желѣзной дороги выѣхалъ въ Троицкую Сергіеву лавру, куда прибылъ въ исходѣ 7 часа. Все лаврское братство, съ крестнымъ ходомъ изъ Троицкаго собора, вышло къ святымъ вратамъ, дабы встрѣтить здѣсь своего давно-ожидаемаго священно-архимандрита. Множество народа изъ мѣстныхъ жителей и богомольцевъ, въ большомъ количествѣ наполняющаго теперь лавру, еще задолго до пріѣзда владыки густыми толпами размѣстилось по всему протяженію аллеи, ведущей отъ святыхъ воротъ къ лаврскому собору, на площадкѣ вокругъ собора и на большой площади предъ святыми вратами. Выйдя изъ экипажа, высокопреосвященный митрополитъ облачился въ мантію и, приложившись къ святому кресту, впервые вступилъ въ ограду обители преподобнаго Сергія въ званіи преемника его по настоятельству; за симъ, при пѣніи ликовъ и звонѣ колоколовъ, направилъ путь свой къ тому храму, гдѣ почиваютъ нетлѣнные останки преподобнаго основателя и перваго игумена лавры, осѣняя толпами стремившійся къ нему народъ. Въ Троицкомъ соборѣ владыка выслушалъ, стоя на своемъ настоятельскомъ мѣстѣ, молебное пѣніе Животворящей Троицѣ и преподобному Сергію. По окончаніи молебствія, приложившись къ мѣстной иконѣ и мощамъ преподобнаго, прежде нежели преподать благословеніе присутствовавшимъ въ храмѣ, владыка сказалъ братіи краткое привѣтствіе, проникнутое тѣмъ же духомъ глубокаго смиренія, которымъ преисполнено его первое слово къ Московской паствѣ. Здѣсь владыка выразилъ, между прочимъ, ту мысль, что хотя болѣе четверти вѣка носитъ званіе инока, но готовъ учиться иночеству у послѣдняго изъ братій, и тѣмъ менѣе считаетъ себя достойнымъ преподавать наставленія о жизни иноческой въ обители преподобнаго Сергія; что она имѣетъ такихъ руководителей и наставниковъ иночества, какъ самъ великій основатель лавры, неотступно пребывающій духомъ въ своей обители и недавно почившій архипастырь, такъ долго назидавшій иноковъ и словомъ, и

жизнію. Потомъ, обратясь къ ракѣ Сергія преподобнаго, сказалъ: «Прости меня, преподобный отче Сергіе, что я дерзнулъ сказать здѣсь слово (и при этомъ низко поклонился угоднику);—простите и вы меня, братіе, малокнижнаго». Затѣмъ благословилъ монашествующихъ и предстоявшихъ богомольцевъ, которые поклонились ему въ землю.

Изъ Троицкаго собора, на пути въ свои настоятельскія келіи, высокопреосвященный Иннокентій посѣтилъ церковь преподобнаго Никона и часовню явленія Божіей Матери преподобному Сергію, чтобы поклониться гробамъ почивающихъ здѣсь Радонежскихъ угодниковъ. Въ настоятельскихъ келіяхъ владыку ожидали общества духовной академіи, приходскаго духовенства и посадскаго купечества. Здѣсь намѣстникъ лавры вручилъ ему святую икону въ благословеніе отъ обители преподобнаго Сергія и представилъ старшихъ изъ монастырской братіи. Затѣмъ, ректоръ академіи, протоіерей А. В. Горскій, представляя свое академическое братство новому начальнику и покровителю академіи, произнесъ ему привѣтственную рѣчь, которую заключилъ слѣдующими словами: «Преподобный Сергій соединилъ въ своей обители два духовныя училища: училище истины Христовой и училище жизни, стремящейся къ высшему совершенству христіанскому: и мы вѣримъ— по его ходатайству, Господь ввѣрилъ оба сіи училища твоему руководству, просвѣтитель восточныхъ странъ отечества нашего и доблестный пастыреначальникъ по духу Христову! Какъ благословилъ ты трудящихся въ училищѣ духовныхъ подвиговъ, такъ благослови и дѣятелей въ училищѣ истины Христовой; пріими его въ свое благоволеніе и покровительство съ тою же любовію, какую оно видѣло отъ самаго начала своего въ почившемъ архипастырѣ». Съ глубокимъ вниманіемъ выслушавъ это, сказанное отъ сердца привѣтствіе, владыка преподалъ благословеніе каждому изъ представленныхъ отцомъ ректоромъ наставниковъ и прочихъ служащихъ въ академіи лицъ.

1 іюня, рано утромъ, по окончаніи литургіи въ домовой церкви, высокопреосвященный митрополитъ, въ сослуженіи соборной лаврской братіи, совершилъ панихиду на гробѣ своего приснопамятнаго и благоговѣйно-чтимаго имъ предшественника, въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета. Служеніе панихиды продолжалось не менѣе часа. Намѣстникъ, архимандритъ Антоній, самъ читалъ дрожащимъ отъ волненія и нерѣдко прерываемымъ отъ слезъ голосомъ заупокойный, съ

молитвами о почившемъ, канонъ. Безъ чувствъ умиленія невозможно было слушать это церковное служеніе надъ гробомъ почившаго архипастыря, совершаемое другимъ архипастыремъ, изъ такихъ отдаленныхъ странъ прибывшимъ принять жребій его служенія. Особенно трогательна была та минута, когда, при пѣніи стиха: Со святыми упокой, старецъ-митрополитъ повергся на землю и, преклонивъ убѣленную сѣдинами главу, стоя на колѣнахъ, выслушалъ всю эту глубоко-умилительную церковную пѣснь... Послѣ панихиды, владыка осмотрѣлъ воздвигнутую надъ гробомъ Филаретовскую церковь, совершенно готовую и прекрасно отдѣланную.

Въ 10 часовъ утра владыка прибылъ въ академію. Встрѣченный ректоромъ у входа въ академическій садъ, онъ прошелъ сначала залу конференціи и потомъ, чрезъ ректорскія комнаты, въ экзаменическую залу, гдѣ собраны были всѣ наставники и студенты академіи, по доброму старому обычаю, встрѣтившіе своего архипастыря пѣніемъ молитвы *Царю небесный*. Преподавъ благословеніе учащимъ и учащимся, высокопреосвященный митрополитъ продолжалъ обзоръ академіи: посѣтилъ библіотеку, больницу, жилыя студентскія комнаты, гдѣ каждый изъ студентовъ принялъ отъ него благословеніе. При выходѣ изъ академическихъ зданій владыку ожидали толпы народа, стремившагося къ нему подъ благословеніе. Въ 2 часа по полудни высокопреосвященный митрополитъ отправился въ Геѳсиманскій скитъ и Виѳанію, откуда возвратился въ четыре часа. Всенощную слушалъ въ своей домовой церкви; службу отправляли, по заведенному покойнымъ владыкой обычаю, академическіе студенты.

Въ воскресенье 2 іюня, митрополитъ Иннокентій совершилъ первую литургію при мощахъ преподобнаго Сергія, въ сослуженіи намѣстника лавры, ректора академіи, ректора Виѳанской семинаріи, начальника Алтайской миссіи архимандрита Владиміра (прибывшаго въ лавру вмѣстѣ съ владыкой-митрополитомъ) и при огромномъ стеченіи народа. Толпы богомольцевъ, не имѣвшихъ возможности проникнуть въ церковь, наполняли все пространство вокругъ собора и терпѣливо ожидали окончанія службы, чтобы по крайней мѣрѣ увидать возвращавшагося въ свои покои архипастыря *(Московск. Вѣдом. 1868 г. №119 стр 2)*. По возвращеніи изъ Троицкой лавры въ Москву, высокопреосвященный Иннокентій въ одинъ изъ ближайшихъ воскресныхъ дней совершалъ

литургію въ своей домовой церкви на Троицкомъ подворьѣ, и мы были свидѣтелями, стоя въ алтарѣ, этого благовѣйнаго служенія его, которое производило на всѣхъ молящихся какое-то невыразимо-трогательное впечатлѣніе. Во время же пѣнія: «Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимтися, Боже нашъ», когда владыка опустился на колѣни и со слезами на глазахъ сталъ въ тайной молитвѣ призывать Святаго Духа какъ на людей, такъ и на Дары, то глядя на него въ эту минуту, не было возможности и самому удержаться отъ слезъ. Молящихъ была такая масса, что многимъ отъ духоты дѣлалось дурно. По окончаніи же литургіи, вся эта масса молящихся бросилась подъ благословеніе владыки; а иные цѣловали его мантію и ею обтирали свои лица. Это благословеніе продолжалось не менѣе часа, и владыка, нисколько не утомляясь, благословилъ каждаго своимъ большимъ, полнымъ крестомъ, произнося громко и внятно: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Въ этихъ звукахъ слышалась и чувствовалась какая то особенная благодать!.......

21 іюня владыка посѣтилъ въ первый разъ Московскую духовную семинарію. Не назначивъ опредѣленнаго часа для своего пріѣзда, притомъ бывъ еще задержанъ разными дѣлами, онъ прибылъ въ семинарію лишь только въ половинѣ перваго часа, когда очередныя испытанія воспитанниковъ приближались уже къ концу. Встрѣченный у подъѣзда начальствомъ, наставниками семинаріи и епархіальными членами семинарскаго правленія, архипастырь былъ проведенъ прямо въ церковь, гдѣ, давъ ему приложиться къ Животворящему Кресту и окропить себя святою водой, старѣйшій изъ наставниковъ, отецъ протоіерей Е. М. Алексинскій, сказалъ ему краткое привѣтствіе, въ которомъ просилъ архипастырскаго благословенія и покровительства разсаднику духовнаго просвѣщенія. Изъ церкви владыка пошелъ по классамъ; въ этотъ день назначенъ былъ экзаменъ изъ слѣдующихъ предметовъ: богословія догматическаго и сравнительнаго (въ высш. отд.), русской гражданской исторіи (въ сред. отд.) и Священнаго Писанія (въ низш. отд.). По нѣскольку человѣкъ онъ выслушивалъ въ каждомъ отдѣленіи, и ученики, не смотря на то, что видѣли архипастыря въ первый разъ, отвѣчали смѣло и бойко. Это зависѣло отъ его чрезвычайно простаго обращенія со всѣми, кроткой и привѣтливой улыбки, сопровождавшей самыя замѣчанія на какой-нибудь не вполнѣ удовлетво-

рительный отвѣтъ. Владыка осмотрѣлъ также семинарскую библіотеку, больницу, столовую и спальни воспитанниковъ, въ которыя нужно было подняться по значительной для его лѣтъ лѣстницѣ. «Но вся простота обращенія», замѣчаетъ корреспондентъ Современныхъ Извѣстій, «все благодушіе и привѣтливость нашего новаго митрополита высказались и выказались, когда онъ вступилъ въ покои отца ректора. Всѣ наставники и служащіе въ семинаріи, и внѣшнія лица, кто стоя, кто сидя, окружили владыку, впиваясь глазами въ запечатлѣнныя трудовою жизнью черты его лица, стараясь не проронить ни одного слова изъ его просто-задушевной, можно сказать, дружеской и вмѣстѣ практически-поучительной бесѣды».

30 іюня назначено было митрополитомъ Иннокентіемъ освященіе церкви во имя праведнаго Филарета, въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета. Торжество это началось наканунѣ, 29 числа, въ 4 часа пополудни, соборнымъ служеніемъ молебна праведному Филарету въ приготовленномъ къ освященію храмѣ. Потомъ здѣсь же, намѣстникомъ Лавры съ старшею братіей, отправлено всенощное бдѣніе, продолжавшееся съ 6 часовъ вечера до половины 10-го. Литія совершена была на открытомъ воздухѣ, среди многочисленнаго народа, что придало ей особенную торжественность. Въ половинѣ 7-го часа, по третьему поѣзду желѣзной дороги, прибылъ владыка-митрополитъ съ обоими викаріями. Всенощную митрополитъ слушалъ въ своей домовой церкви. Утромъ 30-го числа, въ половинѣ 9-го, начался благовѣстъ къ водосвятію и ровно въ 9 часовъ митрополитъ Иннокентій прибылъ въ церковь и приступилъ къ дѣйствіямъ освященія въ сослуженіи намѣстника лавры, ректора академіи, протоіерея Гавріила (сынъ митрополита) и старшихъ лаврскихъ іеромонаховъ. Въ то же время, въ Успенскомъ соборѣ преосвященный Игнатій, епископъ Можайскій, по прочтеніи часовъ, началъ панихиду по императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и митрополитѣ Филаретѣ. Въ началѣ 11-го совершенъ крестный ходъ вокругъ новоосвященнаго храма, при огромномъ стеченіи народа, занявшаго всѣ мѣста около церквей и соборовъ Лавры, чтобы видѣть это торжественное шествіе; затѣмъ, по возглашеніи многолѣтія Царствующему Дому, вселенскимъ патріархамъ, митрополиту, храмосоздателю и всѣмъ православнымъ христіанамъ, также вѣчной памяти преставльшемуся митрополиту Филарету,—началось

служеніе первой литургіи въ новоосвященномъ храмѣ. Тогда же и въ Троицкомъ соборѣ началъ литургію преосвященный Леонидъ, епископъ Дмитровскій. Все церковное торжество было окончено въ половинѣ 1-го часа пополудни, и митрополитъ, непосредственно по выходѣ изъ церкви, благословилъ трапезу для странниковъ, которые заблаговременно размѣстились за длинными столами, разставленными въ шесть рядовъ на площади предъ самымъ алтаремъ Филаретовской церкви. Это была одна изъ самыхъ умилительныхъ минутъ настоящаго праздника: ничего не могло быть приличнѣе для памяти праведнаго Филарета, прозваннаго церковію милостивымъ, какъ это обильное питаніе алчущей братіи Христовой; это дѣло милосердія должно было послужить новымъ утѣшеніемъ и для души въ Бозѣ почившаго архипастыря. На другой день, 1-го іюля, предъ началомъ литургіи, высокопреосвященный митрополитъ, въ сослуженіи съ обоими епископами и прочимъ духовенствомъ, совершилъ въ новоосвященномъ храмѣ соборную панихиду подъ гробомъ почивающаго здѣсь архипастыря. Заупокойную литургію служилъ преосвященный Леонидъ *(Московск. Вѣдом. 1868 г. № 142, стр. 3.)*

Въ это же пребываніе владыки въ Троицкомъ Сергіевскомъ посадѣ, 2 іюля происходило торжественное открытіе работъ по продолженію линіи Московско-Ярославской желѣзной дороги отъ посада до Ярославля. Въ половинѣ 12 часа изъ лавры, при колокольномъ звонѣ, направился крестный ходъ къ мѣсту начатія работъ, гдѣ ожидалъ его высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій. По совершеніи водосвятія и молебна Живоначальной Троицѣ и преподобному Сергію, митрополитъ окропилъ святою водой рабочихъ и принадлежности работъ. Затѣмъ на станціи желѣзной дороги учредителями предложенъ былъ почетнымъ гостямъ роскошный обѣдъ, который почтилъ своимъ присутствіемъ и высокопреосвященный митрополитъ. Послѣ сего возвратился въ Москву. 14 іюля праздновался пятидесятилѣтній юбилей епископскаго служенія Сѵнодальнаго члена, управляющаго ставропигіальнымъ Донскимъ монастыремъ, архіепископа Евгенія; празднество началось совершеніемъ литургіи въ Донскомъ монастырѣ, которую служилъ митрополитъ Иннокентій съ архіепископомъ Евгеніемъ и членомъ Сѵнодальной конторы, епископомъ Петромъ, въ сослуженіи нѣсколькихъ архимандритовъ и протоіереевъ и депутатовъ отъ епархій: Курской, Рязанской и Ярославской, которы-

ми преемственно управлялъ юбиляръ. Послѣ литургіи совершено было благодарственное молебствіе. Еще предъ литургіей доставлены были высокопреосвященному Евгенію знаки ордена Св. Владиміра первой степени, къ которому онъ всемилостивѣйше сопричисленъ по случаю дня его юбилея. Послѣ молебствія, по прибытіи юбиляра въ настоятельскія келіи, митрополитъ Иннокентій прочиталъ грамоту, присланную юбиляру отъ Св. Сѵнода. По прочтеніи грамоты, митрополитъ привѣтствовалъ отъ себя пятьдесятъ лѣтъ святительствующаго девяностолѣтняго старца.

Изъ загородныхъ обителей, митрополитъ Иннокентій посѣтилъ прежде всѣхъ Николо-Перервинскую, въ $7^1/_2$ верстахъ отъ Москвы, а оттуда прибылъ 17 іюля, въ 5 часовъ пополудни, на Угрѣшу. О прибытіи митрополита Иннокентія на Угрѣшу приводимъ слѣдующія извлеченія изъ біографическаго очерка Д. Б. «Архимандритъ Пименъ, настоятель Николо-Угрѣшскаго монастыря» *(Русск. Вѣстн. 1882 г. іюнь, стр. 525—528)*: «У святыхъ воротъ новому архипастырю была торжественная встрѣча: архимандритъ Пименъ и всѣ іеромонахи въ облаченіяхъ и также іеродіаконы съ кадилами ожидали его выхода изъ кареты; архимандритъ поднесъ ему на блюдѣ Животворящій Крестъ; приложившись и возвративъ оный, онъ облекся въ мантію и, съ посохомъ въ рукѣ, предшествуемый всѣми и крестнымъ ходомъ, при колокольномъ звонѣ направился къ Николаевскому собору. Приложившись ко святымъ иконамъ, владыка вошелъ въ алтарь и, послѣ краткой литіи и возглашенія многолѣтія, онъ благословлялъ всю братію и множество народа, собравшагося посмотрѣть на того просвѣтителя Сибири, имя котораго уже гремѣло, и чтобы получить его благословеніе. Изъ собора онъ прошелъ въ настоятельскія келіи; всенощное бдѣніе слушалъ въ Успенской церкви, находясь въ алтарѣ. На слѣдующій день, то есть 18 числа, было соборное служеніе; со владыкой литургію совершали: архимандритъ Пименъ, строитель Старо-Голутвинскій, отецъ Сергій, протоіерей Гавріилъ Веніаминовъ (сынъ владыки) и три іеромонаха. Владыка осматривалъ весь монастырь; подробно обо всемъ разспрашивалъ; входилъ въ келіи, посѣтилъ скитъ, церковь и также пожелалъ видѣть одну изъ братскихъ келій; потомъ кушалъ въ настоятельскихъ покояхъ въ монастырѣ, пригласивъ къ трапезѣ отца архимандрита Пимена, отца строителя Сергія и протоіерея Гавріила. Осталь-

ную часть дня провелъ въ назидательной бесѣдѣ, много разсказывая о своихъ путешествіяхъ по Сибири и о разныхъ случаяхъ во время своего тамъ пребыванія.

Владыка, между прочими разговорами, высказалъ свое особенное сочувствіе къ обителямъ общежительнымъ и разсказывалъ, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ на него Иркутскій Вознесенскій монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи первосвятителя Сибирскаго Иннокентія. Монастырь этотъ штатный; тамъ не было ни чина, ни порядка, братства мало, и то не было прилично одѣто. Въ такомъ положеніи онъ былъ въ концѣ 1850 г. Когда же владыка ѣхалъ въ Москву, въ 1868 году, то монастырь былъ совершенно въ иномъ порядкѣ: 70 человѣкъ братіи, всѣ въ одинакой одеждѣ, чинъ, порядокъ, благолѣпіе—монастырь былъ неузнаваемъ. «Я изумился,» говорилъ владыка Иннокентій, «и когда сталъ спрашивать преосвященнаго Парѳенія о такой перемѣнѣ въ столь короткое время, онъ отвѣтилъ, что монастырь во всей этой перемѣнѣ обязанъ учрежденію общежитія.»

Владыкѣ было далеко за семьдесятъ лѣтъ, когда онъ прибылъ въ Москву; ростомъ онъ былъ высокъ, довольно полный, но вслѣдствіе долгой привычки къ жизни дѣятельной, живой и легкій въ своихъ движеніяхъ. Лицо его, нося отпечатокъ жителей сѣвера, было пріятное, благообразное, спокойно-величественное. Какъ всѣ движенія, такъ и разговоръ его отличались безъискуственною, совершенно первобытною простотой, привѣтливостью и добродушіемъ, и онъ смѣялся весьма громко и искренно, нисколько никѣмъ не стѣсняясь, и вообще про него можно сказать, что онъ остался до конца своей жизни такимъ, каковымъ былъ прежде, каковымъ привыкъ быть, нимало не ставя себя въ зависимость отъ своего новаго высокаго положенія и не стараясь казаться важнѣе, сдержаннѣе и суровѣе; можетъ быть, въ этомъ-то и выразилось сознаніе и чувство собственнаго своего достоинства. «Хорошъ ли я, дуренъ ли,—каковъ бы я ни былъ, но измѣняться и перевоспитывать себя я не намѣренъ: чѣмъ былъ прежде, тѣмъ останусь и теперь.» Москва, съ самаго пріѣзда новаго владыки, пораженная его неподдѣльною патріархальною простотой, приняла его съ соотвѣтственнымъ простосердечіемъ и искреннимъ сочувствіемъ, и эти чувства взаимной любви и довѣрія, съ каждымъ годомъ, упрочивались болѣе и болѣе.

Угрѣшскій настоятель, извѣстный отецъ Пименъ, съ перваго раза

обратилъ на себя вниманіе новаго владыки. Простота обращенія митрополита, не стѣснявшая отца Пимена, дававшая ему возможность вполнѣ высказываться безъ принужденія, безъ натяжки и безъ постояннаго и тяжелаго напряженія, которое ощущается когда приходится взвѣшивать каждое слово, изъ опасенія сказать что нибудь излишнее или невпопадъ,—все это давало отцу Пимену возможность предстать владыкѣ тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ, и между ними установились самыя искреннія отношенія. По возвращеніи владыки изъ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря въ Москву, былъ полученъ указъ, вызывающій его въ С.-Петербургъ къ декабрю, для присутствованія въ засѣданіяхъ Св. Сѵнода. Затѣмъ, пробывъ нѣкоторое время въ Москвѣ, владыки снова отправился въ Троицкую Сергіеву лавру. О семъ пребываніи его въ Лаврѣ, вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ епископъ Герасимъ [1]) (*Астрах. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 19, стр. 294*): «Пообѣдавъ въ Чудовѣ, мы тотчасъ же отправились съ сыномъ къ преосвященному митрополиту, бывшему тогда въ Троицкой Лаврѣ. Приложившись, по пріѣздѣ, къ нетлѣннымъ мощамъ преподобнаго Сергія и къ чудотворной иконѣ Царицы Небесной, мы зашли въ храмъ, устроенный на могилѣ преосвященнаго митрополита Филарета, коему, какъ живому, поклонились. Затѣмъ явился я къ преосвященному митрополиту Иннокентію, который принялъ и обнялъ меня братски. И просидѣли мы съ нимъ часовъ до 10-ти почти вечера, говоря то о томъ, то о другомъ, не стѣсняясь этикетомъ,—какъ теперь, такъ и 20, 21, 22 и 23 августа по утрамъ, послѣ ранней, за обѣдомъ и вечерами съ 5 часовъ и до 10 иногда. Между прочимъ, жаловался онъ на зрѣніе; однимъ глазомъ онъ совершенно, якобы, не видитъ уже, да плохо видитъ и другимъ, застилающимся бѣльмомъ.... Окулисты находятъ не невозможнымъ свести бѣльма съ обоихъ глазъ, но не прежде, какъ онѣ созрѣютъ вполнѣ. Въ случаѣ совершенной слѣпоты, онъ подумываетъ водвориться на покой въ Виѳаніи, гдѣ къ дому митрополита Платона придѣланъ каменный въ два свѣта благолѣпный храмъ отцомъ намѣстникомъ Троицо-Сергіевой Лавры. Говоря о зятѣ, отцѣ Ильѣ Пѣтелинѣ, бывшемъ до апрѣля 1841 года дьячкомъ при одной со мною церкви—Преображенія Господня—въ Иркутскѣ,

---

[1]) Племянникъ митрополита Иннокентія.

преосвященный митрополитъ отозвался такъ, что отецъ Илья нерѣдко бываетъ задумчивъ, хандритъ и до того забывается, что уходитъ надолго куда ни попало, такъ что жена его, дочь преосвященнаго митрополита, Екатерина Ивановна, отыскиваетъ иногда его по цѣлымъ суткамъ и приводитъ домой. Хвалилъ жену сына своего, отца протоіерея Гавріила, какъ женщину умную, воспитывающую дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ. Отецъ Гавріилъ безотлучно находится при немъ и читаетъ ему всѣ бумаги, равно какъ и отвѣты заготовляетъ, согласно его мысли. Лавру я оставилъ за два дня до 26 августа, чтобы съѣздить въ Новый Іерусалимъ; но долженъ былъ по обстоятельствамъ остаться въ Чудовѣ. 26 августа былъ день рожденія преосвященнаго митрополита и онъ пригласилъ меня, еще въ Лаврѣ, служить съ нимъ въ Успенскомъ соборѣ».

«Вотъ уже три мѣсяца прошло, какъ вступилъ новый архипастырь на каѳедру Платона и Филарета», писалъ преосвященный Леонидъ (24 августа) епископу Полоцкому Саввѣ [1]): «и почти три мѣсяца, какъ я пользуюсь полуотдыхомъ послѣ полугодовыхъ «Севастопольскихъ подвиговъ». Владыка далъ къ тому удобство, начавъ принимать доклады отъ Дмитровскаго по вторникамъ, отъ Можайскаго по пятницамъ. Конечно, доклады продолжительнѣе: но думаю, что не только для удобства викаріевъ, но и для дѣла это лучше. Владыка получилъ указъ, вызывающій его въ Петербургъ къ декабрю... Впрочемъ, только бы помогъ Господь Богъ, а стóитъ послужить архипастырю такъ, чтобы въ отсутствіи онъ могъ быть покоенъ за епархію и безъ развлеченія предаться дѣламъ, которыя онъ задумалъ. Да подастъ ему Господь силы духа и тѣла! Теперь онъ въ Лаврѣ и скоро поѣдетъ по епархіи......» *(Воспомин. о Леонидѣ, архіеп. Ярославск. и Ростовск., Саввы, еписк. Харьковск. Харьковъ 1877 г., стр. 195)*.

Изъ Троицкой Сергіевой лавры митрополитъ прибылъ въ Москву 25 августа; а 26 августа въ день своего рожденія, служилъ въ Успенскомъ соборѣ. «Послѣ служенія», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ епископъ Герасимъ Астраханскій (стр. 297), «мы закусили съ владыкою въ Чудовѣ и отправились съ нимъ на Троицкое подворье. Садясь въ карету и усадивъ меня подлѣ себя, преосвященный

---

[1]) Нынѣ Тверской.

полусерьезно, полушутя повторилъ: «вези, Москва, Сибиряковъ, вези, Москва, Сибиряковъ! Полно ужъ тебѣ на насъ ѣздить!!!» Видно, припомнились владыкѣ первые изъ начальниковъ Иркутской семинаріи, при коихъ служилъ онъ въ Иркутскомъ училищѣ учителемъ и кои не отличались благоразуміемъ..... На отзывъ мой о боязни смерти, какъ грѣховнаго оброка, преосвященный митрополитъ довольно рѣшительно и съ какою-то полнотою вѣры сказалъ, что онъ, напротивъ, нисколько не боится смерти. «Я увѣренъ, присовокупилъ онъ,—что смерть меня (да, можетъ, и каждаго) постигнетъ въ самыя лучшія минуты жизни». Недоволенъ преосвященный митрополитъ новыми уставами семинарскимъ и училищнымъ и, если еще не болѣе, повидимому,—составителями его. Сильно занимаетъ преосвященнаго митрополита мысль о созваніи вселенскаго собора въ Россіи. Ему думается и вѣрится, что осуществись эта мысль, пришедшая ему въ голову на Амурѣ и рѣшившая его принять жезлъ Московскаго архипастырства,—легко падетъ расколъ, исчезнутъ всѣ ереси, какъ тѣни ночныя, при восходѣ солнца, да и самое вольнодумство прикуситъ языкъ...... Судя, впрочемъ, по тому, что онъ или не возражалъ на мои неблагопріятствовавшіе этой мысли отзывы, или возражалъ слабо,—видно, что мысль его еще не вполнѣ выяснилась, созрѣла.... Онъ, впрочемъ, и самъ первѣе хочетъ ее представить, въ видѣ попытки, на благоусмотрѣніе Государя и непрочь разстаться съ нею, буде она не найдетъ сочувствія должнаго въ Помазанникѣ Божіемъ».

31 августа митрополитъ Иннокентій былъ избранъ въ почетные члены Императорскаго Московскаго университета и, въ отвѣтъ на сіе избраніе, владыка обратился къ ректору университета С. И. Баршеву съ слѣдующимъ письмомъ: «Благосклонное, совѣтомъ Императорскаго Московскаго университета, избраніе меня въ свои почетные члены, съ доставленіемъ чрезъ ваше превосходительство и диплома на это званіе, обязываетъ меня покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, передать совѣту Московскаго университета мою глубокую благодарность за оказанную мнѣ честь. Благодарю и за снисходительное воспоминаніе о моихъ посильныхъ трудахъ на пользу просвѣщенія. Я всегда питалъ особенное уваженіе къ Московскому университету, какъ старѣйшему изъ всѣхъ разсадниковъ просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, но и себя не почитаю ему чуждымъ съ тѣхъ поръ, какъ Господу угодно было

призвать меня на каѳедру Московской митрополіи. По лѣтамъ моимъ и многосложнымъ обязанностямъ, на мнѣ лежащимъ, не могу надѣяться оказать какія либо особенныя услуги университету, но почитаю долгомъ моимъ возносить ко Господу молитвы о почтенныхъ наставникахъ и питомцахъ университета, да преуспѣваютъ они на пути истиннаго просвѣщенія, во славу Божію и для счастія нашего отечества».

Для ознакомленія съ своею паствою, владыка 4 сентября выѣхалъ изъ Москвы въ Верею, откуда проѣхалъ по другимъ уѣздамъ Московской губерніи и ѣхалъ уже не на собакахъ или пѣшкомъ, какъ въ Камчаткѣ, а въ каретѣ шестерикомъ. Разъ какъ-то, при собесѣдованіи нашемъ со владыкою, по поводу сего путешествія и о удобности въ этомъ случаѣ кареты, онъ громко разсмѣялся и сказалъ: «Правда ваша, что въ каретѣ очень покойно; но вотъ бѣда: къ этому-то покою я никакъ не могу привыкнуть; чувствуешь себя какъ будто бы разслабленнымъ и связаннымъ; то ли дѣло какъ, бывало, въ Камчаткѣ пройдешь нѣсколько верстъ пѣшкомъ, да еще въ пургу,—то съ какимъ удовольствіемъ сядешь себѣ потомъ въ нарту и полетишь на собакахъ! Я какъ-то здоровѣе себя чувствовалъ. Воздухъ—великое дѣло». При обозрѣніи своей епархіи, владыка всюду производилъ на присутствующихъ при его встрѣчѣ доброе впечатлѣніе своею непринужденною ласковостію и обходительностію. Въ каждомъ городѣ владыка совершалъ богослуженіе и всѣхъ присутствующихъ при семъ умилялъ своимъ благоговѣйнымъ служеніемъ. О сей поѣздкѣ митрополита по епархіи вотъ что писалъ 7 октября преосвященный Леонидъ къ епископу Саввѣ. «Новости наши: владыка пользуется краткимъ временемъ, ему остающимся, для обозрѣнія епархіи: былъ въ Вереѣ, въ Можайскѣ, въ Бородинѣ, въ Рузѣ, въ Волоколамскѣ, въ Воскресенскомъ, въ Саввинѣ и Звенигородѣ, въ Аносинѣ, въ Давыдовой, въ Серпуховѣ. Мнѣ, въ виду трудностей приходящаго зимняго времени, даетъ нѣкоторую свободу къ выѣздамъ. Владыка слушаетъ мой докладъ по вторникамъ, преосвященнаго Можайскаго—по пятницамъ, и говоритъ много, откровенно и мудро. Смотря на монашество, какъ на существенное свойство православія, владыка говоритъ: «да, правда, что нужно его исправить и укрѣпить: оно ослабѣло, но потому что христіанство въ обществѣ ослабѣло. Кто скажетъ мнѣ, что ослабѣвшее монашество уничтожить должно, тому я скажу: не нужно ли, по вашему, и ослабѣвшее христіанство уничтожить?» О соборахъ рѣчь

его на устахъ постоянно. Что-то Богъ дастъ, а время отбытія не далеко. Нужна общая молитва». *(Воспомин. о Леонидѣ, архіеп. Ярославск. и Ростовск., Саввы, Епископа Харьковскаго. Харьковъ. 1877 г., стр. 196—198)*. 22 октября, митрополитъ Иннокентій совершалъ торжественное служеніе въ Казанскомъ соборѣ, по случаю храмоваго праздника, и по окончаніи литургіи былъ поднесенъ ему адресъ отъ причта и старосты Казанскаго собора, по слѣдующему обстоятельству: при Московскомъ Казанскомъ соборѣ находится, принадлежащее ему и извѣстное подъ именемъ палатки, небольшое каменное зданіе, въ которомъ устроены квартиры для причетниковъ собора, сторожей и для посторонних жильцевъ, а также лавка, отдаваемая въ содержаніе, какъ и послѣднія квартиры, по найму. Въ верхнемъ этажѣ этого зданія отдѣлена одна небольшая, но чистая и снабженная приличною мебелью, комната для причта соборнаго, ежедневно, по совершеніи литургіи, остающагося для отправленія молебновъ, по желаніямъ приходящихъ богомольцевъ, предъ чудотворною Казанскою иконою Божіей Матери, до 1-го часа по полудни и долѣе. Она же служитъ иногда гостепріимнымъ пріютомъ для иногородныхъ священнослужителей. Сюда также, во время храмовыхъ праздниковъ собора, приглашаются на чай большая часть совершающихъ священнослуженіе и нѣкоторые изъ постороннихъ посѣтителей. Сію-то комнату, 22 октября сего 1868 года, въ день храмоваго праздника собора и вмѣстѣ гражданскаго торжества въ память изгнанія поляковъ изъ Москвы (1612 г.), по просьбѣ старосты соборнаго, почетнаго гражданина С. Г. Котова, благоволилъ посѣтить высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, митрополитъ Московскій, послѣ совершенной имъ, въ присутствіи градоначальника, князя В. А. Долгорукова, торжественной литургіи въ соборѣ. По этому случаю, отъ причта Казанскаго собора, съ церковнымъ старостою, поднесенъ былъ владыкѣ слѣдующій адресъ, и получено отъ него испрашиваемое въ немъ благословеніе на поставленіе въ означенной комнатѣ портрета его высокопреосвященства, въ память милостиваго посѣщенія ея первосвятителемъ Московскимъ: «Ваше высокопреосвященство, милостивѣйшій отецъ и архипастырь! Въ минувшій праздникъ Казанскаго собора, ваше высокопреосвященство произвели глубокое умилительное впечатлѣніе въ сердцахъ нашихъ, соизволивъ смиренномудро снизойти на наше дерзновенное прошеніе и взойти, по окончаніи Богослуженія, въ

находящуюся при соборѣ малую горницу, а тѣмъ преподавъ намъ и прочимъ зрителямъ высокій урокъ смиренномудрія. Съ этой поры горница сія, удостоенная святительскаго посѣщенія вашего, стала въ глазахъ нашихъ священною. Мы не выражаемъ здѣсь чувствъ благодарности за ваше отечески-милостивое къ намъ снисхожденіе, потому что онѣ невыразимы и должны быть засвидѣтельствованы не словами, но дѣлами; а только въ чувствахъ умиленія, испрашиваемъ вашего архипастырскаго благословенія, въ память этого событія, украсить горницу портретомъ вашимъ: пусть онъ будетъ безмолвнымъ, но тѣмъ не менѣе внушительнымъ и понятнымъ, а притомъ всегдашнимъ, для насъ и для всѣхъ входящихъ туда, провозвѣстникомъ того начала, на которомъ основывается и зиждется дѣятельное христіанство: Христова и Христо-подражательнаго смиренія,—пусть міръ, не мирный по высокомѣрію, но могущій найти умиреніе въ смиреніи, наглядно поучается въ нашей смиренной кущѣ тому, что служитъ къ его смиренію и миру (Лук. 19, 42)!..Бываютъ случаи, предметы, лица, которые, по древнему изреченію, громко вѣщаютъ въ самомъ своемъ безмолвіи (а): таковы въ особенности портреты достопамятныхъ мужей и преимущественно поставленные на мѣстѣ ихъ подвиговъ...Мы могли бы сдѣлать то, о чемъ теперь говоримъ, и безъ вѣдома вашего, архипастырь милостивѣйшій, и думаемъ, что нашъ поступокъ никому не показался бы предосудительнымъ. Скажемъ болѣе, постигая настоящій смыслъ совершившагося предъ глазами нашими: если тайну цареву надобно хранить въ молчаніи, то дѣла Божія нужно возвѣщать во всеуслышаніе, или передавать во всеобщее извѣстіе (Тов. 12, 7); а въ вашемъ смиренномудромъ подвигѣ мы видимъ именно дѣло Божіе, спасительное для насъ и для многихъ другихъ. Если бы мы умолчали о немъ, то самое каменіе того малаго зданія, подъ кровъ котораго вы благоволили войти, возопило бы вмѣсто насъ, и даже противъ насъ!

«Владыко святый! Въ Казанскомъ соборѣ положено начало духовноплодотворной силы вашей (Втор. 21, 17, по евр. тек.) относительно Московской церкви; здѣсь, предъ взорами ея представителей, открылось начало путей вашихъ, или лучше, Господнихъ (притч., 8, 22), въ лицѣ вашемъ, по ея вертограду: здѣсь же по судьбамъ Божіимъ, надлежало

[1]) Cum tacent, clamant—когда молчатъ, кричатъ!

обнаружиться въ васъ, съ особенною ясностью и очевидностью для всѣхъ, имѣющихъ очи видѣти (Iез. 12, 2), и тому отличительному свойству вашему, которое преимущественно угодно Богу и любезно человѣкамъ,—возносящему или высокотворному смиренію, какъ оно называется на языкѣ церковномъ (см. мая 24 Ник. к. 1 п. 1 тр. 3; сен. 18 п. 1 тр. 2), въ духѣ евангельскомъ (Лук. 18, 14). И мы, внимательные къ путямъ промысла Божія о насъ и о всей церкви Московской, не можемъ не указать міру на преподанный высокій урокъ, наиболѣе нужный для насъ и для него.

«По всему этому полагаемъ, что мы имѣемъ не только право, но и долгъ увѣковѣчить, по возможности, память о вашемъ высоконазидательномъ подвигѣ поставленіемъ вашего портрета на мѣстѣ самаго подвига; и въ настоящемъ случаѣ, обращаясь къ вамъ, желаемъ лишь, чтобы этотъ портретъ получилъ вящшую благодатную силу и дѣйственность для благой цѣли отъ святительскаго благословенія вашего. Къ успокоенію же вашего смиренномудрія, которое можетъ смутиться такимъ предпріятіемъ, осмѣливаемся, съ сыновнимъ дерзновеніемъ, плодомъ вашей отеческой благости, присовокупить, что сіе предпріятіе, по намѣренію нашему, клонится собственно не къ вашей личной чести, а къ славѣ Христа Спасителя, котораго живой примѣръ усматриваемъ въ вашемъ подвигѣ, вѣруя, что Христосъ есть дѣйствуяй въ васъ, для нашей пользы, по Своему благоволенію и что безъ него не можете сдѣлать ничего достопамятнаго и достоподражательнаго; а притомъ ищемъ подкрѣпленія слабой вѣры видимыми и къ намъ близкими посредствами, проявляющими силу Божію, взывая: «Вѣруемъ, Господи! помози нашему невѣрію». *(Душеполезн. Чтен. 1868 г. декабрь, стр. 166.)*

Относительно церковнаго управленія мы имѣемъ сказать, что высокопреосвященный Иннокентій, на первыхъ же порахъ своего вступленія въ управленіе Московскою епархіею, по возможности неуклонно старался держаться заповѣди апостольской: «елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна» (къ Филипп. гл. IV, 8). Онъ являлся всюду, гдѣ можно и полезно быть, и принималъ личное участіе во всемъ, въ чемъ можно и нужно принимать участіе пастырю церкви. Всякій, имѣвшій въ немъ нужду, безбоязненно приходилъ къ нему, въ полной увѣренности встрѣтить у

него добрый, радушный пріемъ, сочувствіе къ горю, и полную готовность оказать возможную помощь и словомъ, и дѣломъ. И никто не отходилъ отъ него тощъ и чуждъ вспомоществованія. Прежде всего онъ принялъ къ сердцу и старался облегчить нужды мѣстнаго духовенства и бѣдныхъ этого сословія. Много содѣйствовалъ рѣшенію труднаго вопроса о пріобрѣтеніи домовъ духовенства въ собственность церквей, также много заботился благоустройствомъ духовно-учебныхъ заведеній своей епархіи. Его архипастырская рука никогда не оскудѣвала давать изъ каѳедральныхъ средствъ на все истинно-нужное, полезное, доброе. Такъ одно изъ первыхъ его распоряженій было сдѣлано по Московскому Николаевскому-Перервинскому монастырю, какъ непосредственно отъ него зависящему, о сложеніи со счетовъ отпущенныхъ этимъ монастыремъ въ разное время заимообразно, па нужды духовно-учебныхъ заведеній Московской епархіи, 44.523 р. 15 коп. Кромѣ того, онъ давалъ пособія къ пріобрѣтенію суммы на постройку домовъ при монастыряхъ и даже понуждалъ строиться. Такъ разъ, въ сентябрѣ, къ владыкѣ явился по дѣлу настоятель Златоустинскаго монастыря, архимандритъ Григорій. [1]) Митрополитъ Иннокентій обратился къ нему съ вопросомъ: «Что вы не строитесь? Вѣдь въ прежнее время жертвовали въ монастыри, а теперь потребуютъ съ монастырей, и вамъ стыдно будетъ, когда не будетъ у васъ, что пожертвовать»! Настоятель сослался на скудость средствъ; на что владыка возразилъ: «Я дамъ денегъ, только стройтесь!»—Когда же, нѣсколько времени спустя, архимандритъ Григорій представилъ планъ на постройку дома, владыка благосклонно принялъ его, разсмотрѣлъ и съ радостію сдѣлалъ распоряженіе—выдать ему заимообразно сумму изъ Перервинскаго монастыря и сказалъ: «вотъ это хорошо!» и затѣмъ зорко слѣдилъ за постройкою. *(Сообщилъ іеромонахъ Высоко-Петровскаго монастыря Даніилъ.)* Затѣмъ, въ исходѣ октября, было подано высокопреосвященному Иннокентію прошеніе отъ настоятеля Николаевской, на новомъ Ваганьковѣ, церкви и церковнаго старосты оной съ прихожанами, объ открытіи при сей церкви попечительнаго совѣта о приходскихъ бѣдныхъ, по примѣру уже существующихъ подобныхъ учрежденій при нѣкоторыхъ другихъ церквахъ, какъ при Казанской

---

[1]) Нынѣ настоятель Спасо-Андроніева монастыря.

у Калужскихъ воротъ, настоятелемъ которой былъ въ то время извѣстный проповѣдникъ, досточтимый отецъ протоіерей Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ; [1]) владыка-митрополитъ принялъ прошеніе съ живѣйшимъ участіемъ, много говорилъ о пользѣ подобныхъ учрежденій и высказалъ желаніе открыть приходскія попечительства при всѣхъ Московскихъ церквахъ, такъ чтобы во всей Москвѣ не было болѣе бродячаго нищенства, чтобы, по возможности, всѣ проживающіе въ Москвѣ бѣдные правильнымъ образомъ получали пособія чрезъ приходскія попечительства, и чтобы всѣ не только частные благотворители, но и общественныя благотворительныя учрежденія съ полнымъ довѣріемъ могли относиться къ этимъ, какъ-бы начальнымъ, благотворительнымъ учрежденіямъ, для разузнанія о нуждахъ бѣдныхъ и оказанія имъ пособій. [2])

Вотъ какъ характеризуетъ преосвященный Никодимъ, епископъ Енисейскій и Красноярскій, митрополита Иннокентія въ дѣлѣ епархіальнаго управленія въ своемъ письмѣ (отъ 7 декабря 1868 г.) родственнику, Московскому священнику *(Чтен. въ Общ. Любит. Духовн. Просвѣщ., стр. 175. 1682 г.)*: «...... Теперь о митрополитѣ Иннокентіи. И его я порядочно знаю, и давненько. Въ нынѣшнемъ году, въ проѣздъ въ Москву, онъ погостилъ у меня двое сутокъ, 25—27 апрѣля. Человѣкъ правдивый, прямой, истинно-благочестивый, истинно-благожелающій. Дай Богъ ему всего добраго, и да утѣшается Москва апостольскою простотою сего своего святителя. О Филаретѣ, относительно епархіальнаго управленія, я мало знаю: то благость и вниманіе. То, что владыка Иннокентій истребляетъ преемство и наслѣдіе въ духовенствѣ,—я весьма не одобряю и весьма жалѣю.—Согласенъ, были ошибки въ этомъ пунктѣ даже и у великаго Филарета: но я служилъ въ одной епархіи, гдѣ преосвященный истреблялъ непотизмъ. Чтоже? путаница и несправедливости—безъ конца...»

Въ свободные часы отъ своихъ занятій владыка Иннокентій находилъ время посѣщать и своихъ знакомыхъ: бывалъ у Шереметевыхъ, Свер-

---

[1]) Нынѣ Амвросій, епископъ Харьковскій и Ахтырскій.

[2]) Это церковно-общественное дѣло христіанскаго благотворенія при Николаевской, на Новомъ-Ваганьковѣ, церкви, съ благословенія митрополита Иннокентія, открылось 22 декабря 1868 г. и донынѣ все болѣе и болѣе развивается стараніемъ и энергичностію достоуважаемаго настоятеля оной церкви, священника Евгенія Петровича Успенскаго.

беевыхъ и даже не забывалъ своимъ посѣщеніемъ своего почтеннаго коммиссіонера Гавріила Матвѣевича Корнилова, и принималъ его у себя, радушно бесѣдовалъ съ нимъ какъ о дѣлахъ Сибири, такъ и о семейныхъ. (*Сообщилъ А. Г. Корниловъ.*)

15-го ноября преосвященный митрополитъ Иннокентій, ко дню памяти преподобнаго Никона, Радонежскаго чудотворца, прибылъ въ Троицкую-Сергіеву Лавру. 18-го числа сюда же прибылъ преосвященный Алексій, архіепископъ Рязанскій. А ко дню годичнаго поминовенія въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета—и въ самый тотъ день—собралось значительное число Московскаго духовенства, сановниковъ и именитыхъ гражданъ Москвы, въ томъ числѣ Московскій военный генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, князь Трубецкой, градскій глава князь Щербатовъ и др.

Заупокойная всенощная наканунѣ 19-го числа совершена была въ церкви праведнаго Филарета намѣстникомъ Лавры съ монастырскою братіей; а студенты академіи отправили всенощное бдѣніе въ домовой митропольчьей церкви.

Литургію 19-го числа въ церкви праведнаго Филарета служилъ самъ митрополитъ съ намѣстникомъ Лавры, ректоромъ академіи протоіереемъ А. В. Горскимъ, архимандритомъ Московскаго Данилова монастыря и ректоромъ Виѳанской семинаріи. Слово произносилъ профессоръ академіи В. Д. Кудрявцевъ. Въ то же время совершалась литургія и въ Троицкомъ соборѣ: служили преосвященный Алексій, архіепископъ Рязанскій, и преосвященный Викторинъ, викарій Казанской архіепископіи. По окончаніи литургіи, которую пѣли академическіе пѣвчіе, оба преосвященные, въ полномъ облаченіи, перешли въ Филаретовскую церковь, и здѣсь высокопреосвященный митрополитъ, вмѣстѣ съ ними и съ великимъ соборомъ духовенства, совершилъ панихиду при гробѣ въ Бозѣ почившаго архипастыря. Обѣ церкви, и Филаретовская и смежная съ нею Рождественская, были до тѣсноты наполнены усерднымъ народомъ.

20 ноября митрополитъ Иннокентій возвратился въ Москву; а 21 ноября, въ день Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, совершалъ литургію въ Чудовѣ монастырѣ съ обоими викаріями и нѣкоторыми лицами изъ старшаго духовенства. 24-го онъ служилъ во храмѣ Московской семинаріи, обновленномъ усердіемъ старосты П. Н. Ильина;

а 26-го, въ день тезоименнаго ему св. Иннокентія Иркутскаго,—въ Перервинскомъ монастырѣ. «.... Сегодня отпраздновали мы свѣтло въ первый разъ святителю Иннокентію, Иркутскому чудотворцу, между тѣмъ какъ именинникъ уединенно празднуетъ на Перервѣ, куда путь очень дуренъ; ибо у насъ, послѣ трехъ недѣль добраго начала зимняго, настала оттепель»,—такъ писалъ преосвященный Леонидъ къ епископу Саввѣ. *(Воспомин. о Леонидѣ архіеп. Ярославск. и Ростовск. Саввы, епископа Харковскаго, стр. 198.)*

И наконецъ 27 ноября, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, митрополитъ принималъ на Троицкомъ подворьѣ обоихъ викаріевъ и духовенство, во множествѣ притекшее принять благословеніе отъ своего архипастыря. При этомъ, преосвященный Леонидъ, епископъ Дмитровскій, сказалъ: «Высокопреосвященнѣйшій владыко! Вчера во всѣхъ церквахъ Московской епархіи принесена о васъ Господу Богу молитва вмѣстѣ и благодарственная, и просительная. Молитва благодарственная, ибо въ протекшіе шесть мѣсяцевъ паства Московская видѣла въ васъ архипастыря, пришедшаго къ ней съ любовію, съ многоопытною мудростію, съ отеческою заботливостію, съ просвѣщеннымъ вниманіемъ къ нуждамъ временнымъ и вѣчнымъ пасущихъ и пасомыхъ. Молитва просительная—да благоуправитъ Господь путь вашъ ко граду св. Петра, гдѣ не спокойствіе и отдохновеніе, а трудъ и подвигъ васъ ожидаютъ; да сохранитъ всѣ ваши силы право править слово на пользу не Московской только, но и Всероссійской церкви. Нынѣ духовенство приноситъ вашему высокопреосвященству поздравленіе со днемъ тезоименитства вашего и проситъ вашихъ молитвъ и благословенія, да ими даруетъ намъ Богъ и въ отсутствіи вашемъ ходить какъ бы предъ лицемъ вашимъ ходили мы, вѣрно исполняя порученное дѣло, къ вашему утѣшенію и благоугожденію Пастыреначальнику Христу.» Владыка милостиво принялъ и благодарилъ духовенство, говорилъ, что такое сочувствіе облегчаетъ ему трудъ служенія, призывалъ на всѣхъ благословеніе Божіе и, прощаясь, преклонившемуся предъ нимъ до земли духовенству, поклонился также до земли.

За недѣлю же до своего отъѣзда въ Петербургъ, митрополитъ Иннокентій получилъ слѣдующее отношеніе отъ оберъ-прокурора Св. Сунода графа Д. А. Толстаго (отъ 22 наября 1868 года): «По Высочайше утвержденному, 27 сентября сего года, положенію комитета гг. министровъ о

разсчетахъ съ Россійско-Американскою компаніею, по случаю уступки Русскихъ владѣній въ Америкѣ Соединеннымъ Штатамъ, между прочимъ, назначено: долгъ, лежащій на компаніи духовному вѣдомству, удержать изъ даруемаго компаніи вознагражденія. Вслѣдствіе сего означенный долгъ, включая проценты по 27 минувшаго октября, всего въ количествѣ 233.640 р. 46 коп., удержанъ у Россійско-Американской компаніи. Увѣдомляя объ этомъ, министръ финансовъ проситъ сообщить о распоряженіи, какое будетъ сдѣлано къ возврату помянутыхъ денегъ по принадлежности.

Имѣя въ виду, что въ означенной выше суммѣ, какъ видно изъ отзыва вашего высокопреосвященства отъ 20 октября 1867 года, между прочимъ заключаются: 13.408 р. 68 коп. принадлежащіе бѣднымъ Американскаго духовенства, составившіеся изъ пожертвованій и накопившихся на нихъ процентовъ, предназначенные на выдачу въ пособіе сиротамъ и вдовамъ служащаго и служившаго въ Америкѣ духовенства; около 1000 р. экономическихъ Новоархангельскаго духовнаго правленія, до 20/т. р. принадлежащихъ разнымъ церквамъ, находящимся въ Америкѣ и, наконецъ, до 60/т. р., составляющіе общій капиталъ Американскихъ церквей и миссій, составившійся въ 1841 году изъ 30/т. рубл. ассигнаціями, отдѣленныхъ изъ капиталовъ Американскихъ церквей, а за тѣмъ изъ процентовъ, разныхъ пожертвованій и прибылей отъ продажи церковныхъ вещей и свѣчъ; этотъ общій капиталъ, какъ видно изъ упомянутаго отзыва вашего высокопреосвященства, употреблялся преимущественно на воспособленіе церквамъ въ случаѣ недостаточности ихъ собственнаго капитала и частію на оклады жалованья причтамъ вновь устрояемыхъ церквей и миссій,—долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше высокопреосвященство сообщить ваше заключеніе: изволите-ли признать полезнымъ тѣ изъ капиталовъ, которые имѣютъ назначеніемъ пособія и не нуждаются въ скорой реализаціи, обратить въ свидѣтельства Государственнаго Банка на непрерывный доходъ по выкупу, приносящія 5 $^1/_2$ %, и стоющія нынѣ 81 и $^1/_4$ по курсу, что составитъ до 7 % съ капитала.» На это отношеніе митрополитъ Иннокентій отвѣчалъ такъ: «Хотя означенныя въ ономъ отношеніи суммы не подлежатъ уже моему распоряженію, но принимая въ соображеніе: 1-е, что оныя составились въ мое управленіе Камчатскою епархіею и 2-е, преосвященный Ситхинскій можетъ затрудниться

въ распредѣленіи оныхъ, не имѣя подробныхъ о нихъ свѣдѣній, я полагалъ бы полезнымъ сдѣлать слѣдующее: изъ 13.408 р. 68 коп., принадлежащихъ бѣднымъ Американскаго духовенства, 10/т. употребить на пріобрѣтеніе свидѣтельствъ Государственнаго Банка непрерывнаго дохода по выкупу съ надписью бѣднымъ Американскаго духовенства; а 3.408 р. 68 коп. перевести наличными въ попечительство Камчатской епархіи на предметъ выдачи пособій служившимъ въ Америкѣ духовнымъ лицамъ, выѣхавшимъ и имѣющимъ выѣхать изъ оной. На остальныя же 81/т. пріобрѣсти тѣхъ же свидѣтельствъ, но съ такимъ подраздѣленіемъ, чтобы на 75/т. были свидѣтельства съ надписью: Американскимъ церквамъ, а на 6/т.—безъ надписи.». 28 ноября 1868 г. митрополитъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ. Его сопровождали до станціи викаріи и нѣкоторыя изъ начальственныхъ духовныхъ лицъ; на станціи, въ царскихъ комнатахъ, онъ еще разъ простился съ членами консисторіи и попечительства, а съ викаріями онъ простился въ вагонѣ. Изъ свѣтскихъ начальственныхъ лицъ, прибыли проводить его: генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, генералъ-адъютантъ А. И. Гильденштуббе, московскій комендантъ П. П. Корниловъ, оберъ-полицеймейстеръ Н. У. Араповъ, также нѣкоторые члены думы, И. И. Четвериковъ П. П. Боткинъ и нѣкоторыя городскія семейства. Тотчасъ по отбытіи поѣзда, оба викарія и старшее духовенство поѣхали въ Чудовъ монастырь. гдѣ совершено ими молебствіе о благополучномъ путешествіи архипастыря.

XXXVI

29 ноября 1868 года, въ 9 часовъ утра, высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій прибылъ въ С.-Петербургъ. На станціи желѣзной дороги онъ встрѣченъ былъ духовенствомъ, многочисленною публикой и депутаціей Сибиряковъ, причемъ депутація, въ открытыхъ для принятія владыки Императорскихъ покояхъ, чрезъ одного изъ среды своей (сибирскаго землевладѣльца, потомственнаго дворянина К. И. Баженова), поднесла хлѣбъ-соль, и привѣтствовала такъ: «Высокопреосвященнѣйшій владыко! Мы, уроженцы Сибири и, частію, лица, близко знакомыя съ этою страною, гдѣ да пребудутъ незабвенны ваши апостольскіе подвиги,—имѣемъ счастіе поздравить ваше высокопреосвященство съ благополучнымъ прибытіемъ въ градъ св. Петра. Не откажите намъ въ чести принятія хлѣба-соли и удостойте насъ своимъ архипастырскимъ благословеніемъ». Его высокопреосвященство, принявъ хлѣбъ-соль, выразилъ благодарность своимъ землякамъ и затѣмъ, посѣтивъ Александро-Невскую лавру, изволилъ прибыть на Московско-Троицкое подворье. Здѣсь, при новомъ стеченіи народа, повторилась встрѣча архипастыря, который, выслушавъ краткое молебствіе въ церкви св. Сергія, занялъ приготовленныя для него сопредѣльныя съ церковью комнаты подворья. «Утѣшайтесь новымъ владыкою вашимъ», писалъ въ Москву преосвященный Никодимъ, «и берегите его. Онъ уже въ глубокихъ лѣтахъ. Будучи феноменомъ въ Москвѣ, владыка Иннокентій еще болѣе такой въ Петербургѣ и Сѵнодѣ. Его простые, здравые, своеобразные взгляды на самые крупные предметы

жизни, нравственности, религіи, общежитія и даже политики заставятъ призадуматься многихъ такихъ, которые чуть не между звѣздами ставили троны своимъ умамъ, мудрости, даже благочестію. Однако, достойны ли мы сами такихъ попечителей о благѣ нашемъ»! *(Чтен. въ Общ. любит. Духовн. Просвѣщ. 1882 года, стр. 176)*.

Въ Москвѣ же, по полученіи телеграммы о благополучномъ прибытіи митрополита Иннокентія въ С.-Петербургъ, оба викарія Московскіе отправили ему слѣдующую телеграмму: «Духовенство, паства, усерднѣйше поздравляютъ ваше высокопреосвященство съ благополучнымъ прибытіемъ; просятъ молитвъ и благословенія». На сію телеграмму отъ митрополита Иннокентія полученъ слѣдующій телеграфическій же отвѣтъ: «Преосвященному Леониду. Искренно благодарю ваше преосвященство, духовенство и паству. Молюсь и призываю на всѣхъ благословеніе Божіе».—Одновременно съ симъ, митрополитомъ Иннокентіемъ было получено слѣдующее письмо отъ настоятеля Русской консульской церкви въ Японіи, іеромонаха Николая [1]), изъ Хакодате еще отъ 23 октября 1868 года: «Въ бытность вашу въ Хакодате, семь лѣтъ тому назадъ, вы, увидѣвъ меня за французскою книгою, изволили выразиться: «бросить бы теперь всѣ эти книги, мало полезныя здѣсь, и приняться тщательно за изученіе Японскаго языка». Вашъ совѣтъ я свято хранилъ въ памяти и старался слѣдовать ему, тѣмъ болѣе, что сознательно и обдуманно пріѣхалъ въ Японію съ миссіонерскою цѣлію. Въ первые годы много времени потрачено мною на испытываніе разныхъ методъ изученія Японскаго языка, такъ какъ этотъ языкъ, положительно труднѣйшій въ свѣтѣ, долго стоитъ непонятною загадкою предъ каждымъ, начинающимъ изучать его. Но терпѣніе все одолѣваетъ. Раскрылись, хоть на половину передо мной Японскія книги; свободно течетъ, хотя и съ ошибками, Японская рѣчь. Сколько возможно было, я старался преслѣдовать и мою главную цѣль; успѣхомъ похвалиться не могу, но кое-что сдѣлано; переведены на Японскій съ Китайскаго: 4 Евангелія, Дѣянія, Соборныя посланія, нѣсколько посланій Апостола Павла, краткая Св. Исторія, Православное исповѣданіе св. Димитрія Ростовскаго, Катихизисъ для

---

[1]) Нынѣ епископъ Ревельскій, викарій Рижской епархіи. Откомандированъ въ Японію для управленія тамошними православными церквами.

оглашенныхъ, утреннія и вечернія молитвы; съ Славянскаго: Обрядъ присоединенія иновѣрныхъ и крещенія. 18-го мая текущаго года крещены три Японца, послѣ долгаго обученія ихъ вѣрѣ. Этихъ Японцевъ я готовилъ въ проповѣдники, но увы! пришелъ къ окончательному убѣжденію, что на Японскихъ проповѣдниковъ плохая надежда. Чтобы учить другихъ, здѣсь нужно отчетливое и обширное знаніе христіанской вѣры. Здѣсь сплошь и рядомъ приходится имѣть дѣло съ атеистами—мнимыми, какъ всѣ атеисты на свѣтѣ, но тѣмъ не менѣе упорно и съ діалектическими тонкостями защищающими то какой нибудь самоизобрѣтенный жизненный духъ, то Конфуціево безличное небо, то мужское и женское начало. Если же такой атеистъ отрѣшается, наконецъ, отъ своихъ убѣжденій, то онъ хочетъ знать христіанство во всевозможныхъ подробностяхъ. Возможно ли приготовить Японца такъ, чтобы онъ способенъ былъ отвѣтить на все,—Японца съ отсутствіемъ всякаго фундаментальнаго образованія и, главное, навыка къ систематическому усвоенію чего нибудь? На нынѣшнее поколѣніе, быть можетъ, за счастливыми исключеніями, которыхъ мнѣ еще не приходилось встрѣчать,—рѣшительно нельзя разсчитывать. Все, чего можно ожидать отъ новопросвѣщенныхъ Японцевъ, это—катихизаторства, преимущественно въ средѣ простаго народа и подъ непосредственнымъ надзоромъ миссіонера. А миссіонеромъ здѣсь пока я одинъ, и то частнымъ образомъ. Католичество давно уже выставило здѣсь фаланги своихъ миссіонеровъ; протестантство не отстаетъ отъ него. А православіе? Или мы боимся стать на ряду съ ними? Но не кстати православному бояться паписта, обожающаго своего папу чуть не въ виду четвертаго лица Св. Троицы, или протестанта, готоваго раздвоиться въ религіозныхъ убѣжденіяхъ чуть не съ самимъ собою. У насъ денегъ нѣтъ и людей нѣтъ! Да когда же эта, раскинувшаяся на полсвѣта, семидесяти-милліонная Россія найдетъ у себя нѣсколько тысячъ рублей и нѣсколько десятковъ людей для того, чтобы исполнить одну изъ самыхъ существенныхъ заповѣдей Спасителя? Католичество и протестантство облетѣли міръ. Вотъ почти единственный уголокъ земли, гдѣ и православіе могло бы принести свою чистую, безпорочную лепту. Ужели и здѣсь православіе ничего не сдѣлаетъ? Нѣтъ, не можетъ быть; дастъ Богъ! Съ этимъ «дастъ Богъ» я поѣхалъ въ Японію; съ нимъ ежедневно ложусь спать и просыпаюсь; оно всосалось мнѣ въ плоть и кровь; для него я семь

лѣтъ бился надъ Японскимъ языкомъ, чуть не ежедневно вздыхая о томъ, что сутки состоятъ не изъ ста часовъ и что нельзя всѣ эти сто часовъ употребить на изученіе языка. Много разъ сомнѣніе о томъ, будетъ ли какая-нибудь польза изъ моихъ трудовъ, закрадывалось мнѣ въ душу, и—Боже! не было ничего тяжелѣе этихъ сомнѣній! Много разъ также меня манила на свое поле наука; Японская исторія и вся Японская литература—совершенно непочатыя сокровища, стоитъ лишь черпать цѣлыми пригоршнями: все будетъ ново, интересно въ Европѣ, и трудъ не пропадетъ даромъ. Но наука и безъ меня найдетъ себѣ много сыновъ; пусть другіе несутъ ей въ даръ свои силы; мои всецѣло посвящены надеждамъ миссіонерскимъ. Я лишь съ отчаянія рѣшился бы сдѣлаться пасынкомъ науки; но объ отчаяніи еще не можетъ быть и рѣчи. Въ іюлѣ текущаго года я подалъ прошеніе объ отпускѣ, съ тѣмъ чтобы отправиться лично ходатайствовать предъ Св. Сѵнодомъ о назначеніи сюда человѣкъ трехъ миссіонеровъ и о переименованіи меня также въ это званіе. Но, по пріѣздѣ въ Россію, я прежде всего осмѣлюсь обратиться къ вашему высокопреосвященству. Вы сами посвятили дѣлу миссіонерства лучшіе и многіе годы вашей жизни. На чье же, какъ не ваше, участіе могутъ надѣяться хотящіе идти въ слѣдъ вамъ! Востокъ Россіи былъ широкимъ полемъ вашей многоплодной миссіонерской дѣятельности. Оттуда вы имѣли случай заглянуть и сюда и преподать архипастырское благословеніе этой странѣ; не лишите же ея и теперь вашего благословенія. Ради ея, удостойте меня вашими совѣтами и содѣйствіемъ: въ нихъ я пріобрѣту вѣрное ручательство за успѣхъ предпріятія».

О пріѣздѣ митрополита Иннокентія въ С.-Петербургъ, вотъ что писалъ преосвященный Леонидъ (отъ 6 декабря 1868 г.) къ настоятелю Николо-Угрѣшскаго монастыря архимандриту Пимену: «Владыка въ Петербургѣ удивилъ всѣхъ быстротою и «апостольскимъ» видомъ и обращеніемъ. Дай-то Богъ!» *(Письмо преосвящ. Леонида къ архимандр. Пимену. Москва. 1877 г. стр., 40.)*

8 января 1869 года, въ годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго общества, митрополитъ Иннокентій былъ избранъ почетнымъ членомъ онаго.

Не смотря на свою старость (ему уже минуло 71 годъ жизни) и на болѣзнь глазъ своихъ, Иннокентій былъ тѣмъ же труженикомъ

въ Петербургѣ, какъ и въ Сибири, и не оставлялъ пера. Послѣ шестимѣсячнаго своего пребыванія въ Москвѣ, по объѣздѣ всей своей епархіи и по осмотрѣніи монастырей и духовно-учебныхъ заведеній, владыка, при своей наблюдательности, опытности и преданности къ служенію, не могъ не замѣтить нѣкоторые недостатки. Напримѣръ, онъ былъ недоволенъ новыми уставами семинарскимъ и училищнымъ. Какъ человѣкъ старинной школы и иныхъ воззрѣній на дѣло воспитанія, онъ, естественно, многому въ новой современной системѣ не могъ сочувствовать, «но при этомъ», замѣчаетъ протоіерей Н. В. Благоразумовъ, «онъ высказывалъ такія сужденія, съ которыми можно не соглашаться, но къ которымъ нельзя относиться иначе, какъ съ уваженіемъ, такъ напр. неоднократно приходилось слышать отъ него и мнѣ, что такихъ семинарій каковы нынѣшнія, т. е. съ такимъ продолжительнымъ курсомъ и широкими программами, слѣдовало бы оставить лишь нѣсколько, для приготовленія студентовъ духовнымъ академіямъ и кандидатовъ священства городскимъ приходамъ; а затѣмъ большинство нашихъ семинарій можно бы устроить гораздо проще и короче по курсу ученія, безъ классическихъ языковъ и т. п.,—какъ онъ выражался—«семинарій деревенскихъ»,—именно для приготовленія священно—церковнослужителей въ сельскія церкви или приходы.» Понимая, что будущее нравственное направленіе человѣка и дальнѣйшее развитіе его, какъ христіанина, семьянина и гражданина, опредѣляется наиболѣе первоначальнымъ воспитаніемъ, Иннокентій прежде всего хотѣлъ познакомиться съ этимъ предметомъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая собственноручная Записка его, писанная въ Петербургѣ:

«13 февраля 1869 г.»

Небрежность, неумѣлость, шаткость и ошибочность въ воспитаніи дѣтей, и даже вредное направленіе въ дѣтскомъ образованіи, побудили митрополита Иннокентія къ составленію этой записки съ изложеніемъ своего взгляда, какъ приняться за это святое дѣло и вести его. Имъ указанъ легкій, дешевой и прямой способъ ознакомить дѣтей съ обязанностями человѣка къ Богу, къ ближнимъ и самому себѣ. Способъ этотъ доступенъ не для однихъ ученыхъ педагоговъ и не для дѣтей только достаточныхъ родителей, но и для такихъ воспитателей и воспитательницъ, которые знали бы только грамотѣ и были бы достаточно толковы, даже и для самыхъ бѣднѣйшихъ дѣтей, удаленныхъ отъ учи-

лицъ и не имѣющихъ учебниковъ, въ глухихъ захолустьяхъ нашихъ. Особенно будутъ благодарны за эти указанія наши сельскіе священники и сельскіе причты, принимающіе участіе въ обученіи дѣтей своихъ прихожанъ.

Всякіе Фребелевскіе сады, съ ихъ иноземными дорогими затѣями, должны уступить предлагаемому способу первенство по сродству, дешевизнѣ, разумности, пріятности и затѣмъ благотворности прочнаго подготовленія дѣтей къ жизни и служенію общественному. Ясный и простой языкъ Записки можетъ служить образцомъ для учителей, какъ имъ слѣдовало бы бесѣдовать съ своими питомцами, чтобы дѣти не бѣгали отъ ученія:

«Нѣтъ надобности говорить, что всякій православный обязанъ учиться Закону Божію или знанію своихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу, ближнему и самому себѣ; но мы хотимъ обратить вниманіе во первыхъ на то, на комъ именно лежитъ обязанность учить народъ? Обязанность эта лежитъ, во первыхъ, на родителяхъ, потомъ на воспріемникахъ и, наконецъ, на пастыряхъ Церкви.

Какъ нынѣ идетъ это дѣло вообще? Изъ родителей очень, очень немногіе исполняютъ эту обязанность; и напротивъ, очень, очень многіе плохо или совсѣмъ не исполняютъ. О воспріемникахъ и говорить нечего: всѣмъ извѣстно, какъ они учатъ своихъ крестниковъ. Итакъ, обязанность обучать народъ закону Божію въ настоящее время лежитъ почти на однихъ только пастыряхъ. А какъ это дѣло исполняется ими? слава Богу, хотя и очень мало, но есть пастыри, которые исполняютъ это, какъ только можно желать. Но, говоря вообще, исполненіе этой обязанности со стороны пастырей мы видимъ въ преподаваніи ими закона Божія въ училищахъ, въ произношеніи или чтеніи съ амвона проповѣдей, которыя притомъ и печатаются въ книгахъ, и кромѣ того, съ 1841 года во многихъ церквахъ заведены такъ называемыя катихизическія поученія (которыя, впрочемъ, народъ не отличаетъ отъ обыкновенныхъ проповѣдей),—и если къ сему присовокупить еще частныя поученія священниковъ, говоримыя при исповѣди и другихъ случаяхъ, то можно сказать, что со стороны пастырей, хотя и не вездѣ, но дѣлается все возможное, и остается только желать, чтобы это дѣлалось повсюду.

Но все это, т. е. преподаваніе въ школахъ, проповѣди и поученія, достигаетъ ли своей цѣли? (О первомъ предметѣ скажемъ ниже.)

Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе или менѣе проповѣди и поученія приносятъ свою пользу. Но кому онѣ приносятъ или могутъ приносить пользу? Только тѣмъ, кто умѣетъ понимать читаемое и слышимое.

А если это такъ,—а оно дѣйствительно такъ,—то значитъ, остальная часть, и самая большая часть народа, за малыми исключеніями, остается не только безъ назиданія, но даже въ невѣдѣніи (и въ какомъ невѣдѣніи!) самыхъ необходимыхъ предметовъ вѣры. И это отнюдь не оттого, чтобы народъ нашъ не хотѣлъ понимать. или отвращался отъ слышанія поученій. Нѣтъ! простолюдины наши (разумѣется, неиспорченные) желаютъ, ищутъ, жаждутъ «слышать отъ божественнаго». И они особенно любятъ слушать Житія святыхъ; и это, между прочимъ, потому, что они болѣе или менѣе понимаютъ ихъ при самомъ чтеніи, что же касается до проповѣдей и поученій, читаемыхъ въ церквахъ кѣмъ бы то ни было, то онѣ если и приносятъ пользу простолюдинамъ, то очень малую: а это—главное потому, что они не понимаютъ ихъ; а не понимаютъ потому, что ихъ понятія не простираются выше и далѣе обыденныхъ въ кругу ихъ предметовъ. И поэтому они, хотя бы и имѣли усердное желаніе, не въ состояніи, не привыкли, не пріучены понимать ни словъ, ни мыслей, ни предметовъ, сколько нибудь отвлеченныхъ, безъ особенныхъ разъясненій или толкованій, и то не иначе, какъ съ многократнымъ повтореніемъ одного и того же разными способами. А дѣлать это и не заведено, да и неудобно при службахъ.

А если это такъ (а оно дѣйствительно такъ), то что̀ же дѣлать для того, чтобы народъ нашъ понималъ и зналъ то, что̀ необходимо ему знать?

Заводить училища, распространять грамотность—слышится отовсюду. Противъ этого никто спорить не станетъ и объ этомъ давно уже заботится и правительство, и земство, и даже многія частныя лица. Но при семъ вотъ что представляется:

1) Нынѣшнія училища, не исключая и самыхъ высшихъ, просвѣщаютъ и образуютъ только умъ, а не умъ и сердце вмѣстѣ, какъ это извѣстно и всѣмъ. Послѣднему, повидимому, противорѣчитъ то, что есть немало личностей, кончившихъ курсъ въ училищахъ, которыя, по

своимъ нравственно-христіанскимъ качествамъ, составляютъ наше украшеніе, нашу надежду, нашу славу. Но вопросъ: въ училищахъ ли онѣ пріобрѣли таковыя качества? Конечно, нельзя утверждать, чтобы совсѣмъ не было личностей, которыя получили образованіе ума и сердца именно въ училищахъ; но если разсмотрѣть внимательнѣе, то окажется, что самая большая часть изъ таковыхъ личностей, если не всецѣлое, то начало образованія сердца своего получили въ дѣтствѣ отъ своихъ родителей, или кого-либо своихъ родныхъ и близкихъ.

Слѣдовательно, надежда на исправленіе нашего народа въ нравственномъ отношеніи посредствомъ училищъ очень слаба.

Въ училищахъ вообще учатъ только знать, а исполненіе...... предоставляется всякому на его волю. Прибавимъ еще: въ училищахъ Законъ Божій преподается не одинъ исключительно, но въ числѣ и наряду съ другими предметами; и оттого въ понятіяхъ учениковъ уроки по закону Божію и уроки по другимъ предметамъ ставятся въ одинъ уровень (а иногда, пожалуй, и ниже), и понятія эти въ большей части учениковъ, къ сожалѣнію, остаются съ ними на всю жизнь ихъ. И оттого нерѣдко можно видѣть, что иной, не учившійся Закону Божію въ училищахъ, исполняетъ его лучше и вѣрнѣе, чѣмъ учившійся; а если онъ и не исполняетъ, то сознаетъ или готовъ сознать себя преступникомъ воли Божіей (а это очень много значитъ въ отношеніи къ будущей жизни), а иной учившійся, напротивъ, старается оправдывать себя разными умствованіями, которыя, къ сожалѣпію, сообщаются отъ нихъ другимъ—на соблазнъ.

2) Положимъ, что преподаваніе Закона Божія въ училищахъ (современемъ) будетъ достигать своей цѣли; но много—много лѣтъ пройдетъ до того, когда въ нашемъ отечествѣ училища (разумно устроенныя) будутъ существовать повсюду, и въ нихъ будутъ обучаться всѣ дѣти всѣхъ сословій, безъ исключенія. Но когда это будетъ? А между тѣмъ порча нравовъ протачивается во всѣ слои народа, и пагубныя умствованія цивилизаторами разносятся далѣе и далѣе.... И потому, если мы не хотимъ, такъ-сказать, сознательно, чтобы народъ нашъ дошелъ до крайняго растлѣнія, то что нибудь да надобно дѣлать, если не для исправленія, то по крайней мѣрѣ для удержанія его въ настоящемъ, еще очень не безотрадномъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, положеніи.

3) И наконецъ, надобно вспомнить, что въ училища могутъ по-

ступать дѣти не моложе 7—6 лѣтъ. Слѣдовательно, и при существованіи повсюду училищъ и при самомъ лучшемъ ихъ устройствѣ, еще очень много дѣтей могутъ оставаться безъ всякаго образованія. Что же дѣлать съ дѣтьми меньшаго возраста? Ужели онѣ, до поступленія въ школу, должны оставаться въ томъ же положеніи, какъ онѣ находились и находятся нынѣ (мы разумѣемъ дѣтей простаго народа), т. е. безъ всякаго ученія и образованія, тогда какъ этотъ-то возрастъ и есть самое золотое время для сѣянія и укорененія въ нихъ всего добраго, а также и всего худаго? Само собою разумѣется, что сердце человѣка, какъ и поле, не можетъ оставаться навсегда безъ растеній. Если въ немъ не будутъ сѣять добрыхъ растеній, въ немъ непремѣнно выростутъ худыя......

Говорятъ: забота объ этомъ есть дѣло собственно родителей (а о воспріемникахъ уже и не поминаютъ). Общество тутъ ничего не можетъ сдѣлать.

Да! Общество не можетъ, а родители не хотятъ или тоже не могутъ. Но можетъ Церковь,—эта любвеобильнѣйшая мать, пріемлющая на свои руки всѣхъ дѣтей отъ самаго рожденія. Церковь и можетъ, и должна заботиться объ этомъ.

Прежде нежели мы будемъ говорить о томъ: кто долженъ учить, чему, когда, гдѣ и проч.,—мы скажемъ, вопервыхъ, что дѣло это, т. е. дѣло обученія малыхъ дѣтей знанію ихъ обязанностей (или, будемъ называть проще) Закону Божію,—совсѣмъ не такъ трудно, какъ можетъ представляться иному съ перваго взгляда. Оно такъ просто, что за него можетъ приняться даже всякій сколько нибудь разсудительный служитель церкви; ибо онъ будетъ имѣть дѣло не съ учеными или съ мудрыми и разумными, а буквально съ младенцами, слѣдовательно предметы ученія должны быть самые простѣйшіе, доступные понятіямъ ихъ; рѣчь и слова должны быть также простыя, безъискусственныя. Словомъ сказать, это должна быть бесѣда отца съ дѣтьми и, можно сказать, наединѣ. Вовторыхъ, заведеніе таковыхъ (назовемъ) бесѣдъ съ дѣтьми, говоря вообще, не потребуетъ никакихъ издержекъ ни съ чьей стороны и ни на какіе предметы; и притомъ таковыя бесѣды могутъ быть открыты тотчасъ же и повсюду, гдѣ только есть церкви и священники и, можно сказать, безъ отвлеченія послѣднихъ отъ исполненія другихъ ихъ обязанностей.

Кто долженъ учить дѣтей?

Изъ предыдущаго уже можно видѣть, что это есть прямое дѣло приходскихъ священниковъ; ибо учить прихожанъ есть одна изъ трехъ главныхъ ихъ обязанностей, пріемлемыхъ ими на себя при самомъ рукоположеніи, подъ страхомъ суда Божія. Но всякій ли изъ нынѣшнихъ священниковъ можетъ приняться за это дѣло и вести его какъ слѣдуетъ? Вести какъ слѣдуетъ дѣла сколько нибудь важныя могутъ очень немногіе изъ принявшихся за нихъ и даже спеціально приготовлявшихся къ тому. Но изъ этого не слѣдуетъ, что и не надлежитъ предпринимать такихъ дѣлъ. При начатіи новаго дѣла и самый умный можетъ встрѣтить недоумѣнія; такъ будетъ и здѣсь. Но это будетъ именно только при началѣ дѣла и для тѣхъ, кои никогда не занимались дѣтьми. Опытъ, примѣры, совѣты и руководство старшихъ скоро направятъ дѣло.

Кого или какихъ дѣтей учить?

Если на это дѣло смотрѣть какъ слѣдуетъ, то ни одно христіанское дитя не можетъ быть увольняемо отъ обязанности слушать наставника духовнаго, даже не смотря на то, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ обучались въ училищахъ или дома; но принимая во вниманіе, что таковые уже учатся закону Божію, ихъ можно увольнять. А затѣмъ всѣ безъ исключенія дѣти, начиная отъ 4 или 5-лѣтняго возраста и выше, обязаны посѣщать дѣтскія бесѣды.

На вопросъ: не рано-ли заставлять четырехлѣтнихъ дѣтей посѣщать дѣтскія бесѣды?—Не рано. Примѣромъ тому можетъ служить благочестивая разумная мать. У нея дитя трехъ и даже менѣе лѣтъ умѣетъ изобразить на себѣ крестъ, различить икону отъ простой картины, читать краткія молитвы и даже болѣе. Чѣмъ ранѣе внушаются дѣтямъ понятія о Божественномъ, тѣмъ тверже укореняются въ нихъ таковыя понятія и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе можно ожидать отъ нихъ добрыхъ плодовъ. Особенно, если это дѣлается съ вѣрою и въ вѣрѣ въ благодать Божію, вразумляющую младенцевъ.

Чему и какъ учить?

Такой вопросъ для отца, христіански желающаго своимъ дѣтямъ временныхъ и вѣчныхъ благъ, совершенно лишній. Его любящее сердце

всегда скажетъ ему, чему и какъ надлежитъ учить дѣтей своихъ. То же слѣдуетъ сказать и о пастырѣ Церкви, вполнѣ понимающемъ свое призваніе. Но такъ какъ такихъ пастырей не вездѣ можно встрѣтить, то скажемъ нѣчто и о семъ предметѣ.

Начинать ученіе надлежитъ именно съ того, чѣмъ начинаетъ добрая мать: наприм., какъ сказано выше, съ того, какъ изображать на себѣ крестное знаменіе, [1]) какъ стоять на молитвѣ, какъ входить въ церковь, какъ въ ней стоять, какъ класть поклоны и проч.,—наблюдая постепенность и не упуская никакихъ предметовъ, относящихся къ христіанскимъ обязанностямъ, не смотря на то, какъ бы онѣ ни казались малы. Ибо и самыя огромнѣйшія зданія состоятъ изъ песчинокъ.

Можно почаще занимать дѣтей чтеніемъ или разсказами о житіи святыхъ, или изъ священной исторіи, съ объясненіями и нравоученіями.

Конечно, какъ ни просто это дѣло, печатныя руководства были бы не лишни для простыхъ священниковъ; и можно надѣяться, что онѣ будутъ составлены, если только дѣтскія бесѣды войдутъ въ число непремѣнныхъ пастырскихъ обязанностей. Но кажется, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ни требовать, ни давать какихъ-либо программъ ученія. Пусть наставники говорятъ, что̀ Господь положитъ имъ на сердце.

Такъ какъ ученики, если не всѣ, то самая большая часть, будутъ безграмотны: то само собою разумѣется, что, дабы они могли запомнить пропадаваемое, надобно будетъ одно и то же повторять имъ по нѣскольку разъ, и кромѣ того, каждую бесѣду начинать повтореніемъ послѣдняго урока.

Время бесѣдъ должно быть непродолжительно: иначе дѣти будутъ утомляться и затѣмъ скучать.

Пособіемъ къ наученію дѣтей въ извѣстныхъ случаяхъ, вмѣсто книгъ, могутъ служить иконы и священныя изображенія, которыя, какъ извѣстно, съ этою преимущественно цѣлію и были введены въ наши храмы, и которыхъ болѣе или менѣе, но всегда можно найти въ каждой церкви.

№3. Надобно наблюдать крайнюю осторожность въ послѣднемъ случаѣ,

---

[1]) Дѣтей, пріученныхъ къ двуперстному сложенію, нѣтъ надобности переучивать. Иначе нѣкоторые изъ родителей не дозволятъ дѣтямъ своимъ посѣщать дѣтскія бесѣды.

т. е. съ иконами отнюдь не слѣдуетъ обходиться безразлично, такъ, какъ можно дѣлать съ картинами и особенно—съ простыми картинками, если гдѣ таковыя найдутся. И картинки, на которыхъ изображенъ Іисусъ Христосъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ другими священными картинами: иначе дѣти какъ разъ получатъ понятіе объ иконахъ такое же, какое имѣютъ о нихъ протестанты.

Надобно не забывать, что дѣти малаго возраста понятливѣе, чѣмъ мы думаемъ. Иногда изъ одного движенія руки онѣ понимаютъ, о чемъ идетъ рѣчь.

Дѣти средняго возраста умѣютъ различать слова, серьезно сказанныя, отъ шуточныхъ. Но дѣти малаго возраста, т. е. младенцы, всякое слово, сказанное священникомъ, принимаютъ за серіозное; а изъ этого очевидно, какъ долженъ быть священникъ при дѣтяхъ остороженъ въ словахъ.

Къ сему можно прибавить еще многое; но все, что бы ни сказали въ этомъ родѣ, мы не сказали бы болѣе того, что̀ сказано въ проектахъ и руководствахъ обыкновенныхъ училищъ. Мы скажемъ здѣсь нѣчто особенное и съ тѣмъ вмѣстѣ весьма важное.

1) Священники, какъ пастыри церкви, въ полномъ значеніи сего слова, имѣютъ не только обязанность, но и право и власть не только наставлять и поучать имъ ввѣренныхъ чадъ церкви, но и настоять и потому наблюдать, чтобы дѣти старались исполнять то, чему онъ ихъ учитъ. Такъ напримѣръ, если замѣтитъ, что кто-либо изъ учениковъ его, напр., неправильно изображаетъ на себѣ крестное знаменіе, или небрежно стоитъ въ церкви, или насмѣхается надъ нищими, или не слушается родителей, или тому подобное: то отнюдь не долженъ оставлять таковаго безъ вразумленія и исправленія, но исправлять со всѣмъ долготерпѣніемъ, кротостію и любовію и со всею осторожностію, дабы дитя не потеряло стыда; дитя, потерявшее стыдъ, безнадежно къ исправленію и даже хуже.

2) Если гдѣ и когда, то въ особенности предъ своими учениками, священникъ-наставникъ долженъ показывать примѣръ въ исполненіи того, чему онъ учитъ. Какъ бы священникъ ни убѣждалъ, напр., изображать на себѣ крестъ правильно, но если онъ самъ будетъ изображать его на себѣ неистово, какъ выражаются старообрядцы, то ученіе его и даже вразумленія немного принесутъ пользы.

Гдѣ и когда учить?

Мѣстомъ для бесѣдъ съ дѣтьми должна быть непремѣнно церковь. Внимательные знаютъ, какая разность между слышаніемъ слова Божія въ церкви и между слышаніемъ въ домахъ. Мы вѣримъ, что въ церкви, какъ мѣстѣ освященномъ, благодать Божія пребываетъ выну. Слѣдовательно, бóльшихъ успѣховъ и бóльшихъ плодовъ мы можемъ ожидать отъ ученія христіански—нравственнаго, преподаваемаго подъ непрерывнымъ осѣненіемъ благодати Божіей, чѣмъ въ какомъ бы то ни было домѣ.

Время преподаванія должно быть не иначе, какъ прежде или послѣ богослуженія, и отнюдь не среди онаго. И кажется, самое лучшее и удобное время для этого есть время предъ позднею литургіею. Впрочемъ это должно быть предоставлено на усмотрѣніе каждаго преподавателя или настоятеля церкви.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священники лично не занимаются хозяйствомъ или полевыми работами, бесѣды эти могутъ быть въ каждый воскресный день. Относительно же сельскихъ священниковъ можно считать достаточнымъ, если они будутъ заниматься съ дѣтьми хотя бы то и не болѣе 30 разъ въ годъ. И въ такомъ случаѣ, въ теченіе 5—6 лѣтъ дѣти многое узнаютъ.

На основаніи вышесказаннаго прилично будетъ таковыя бесѣды именовать: воскресныя бесѣды съ дѣтьми.

Не встрѣтится ли какихъ-либо неудобствъ или препятствій къ заведенію воскресныхъ бесѣдъ съ дѣтьми?

Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ всѣ прихожане живутъ подлѣ или вблизи своей церкви, едва ли можетъ встрѣтиться что-либо подобное, кромѣ несочувствія нѣкоторыхъ родителей, не умѣющихъ понять пользы такихъ бесѣдъ; имъ можетъ показаться это нововведеніемъ или затѣями священника, безъ которыхъ и отцы, и дѣды ихъ, и они сами обходились до того. Но это будетъ не надолго: болѣе разсудительные и благочестивые изъ нихъ скоро поймутъ въ чемъ дѣло; а понявши, будутъ содѣйствовать священнику. А когда дѣвочки, слушавшія бесѣды, будутъ матерями, тогда это дѣло можетъ идти какъ нельзя лучше.

Но вотъ самое важное и едва преодолимое къ тому препятствіе: какъ собирать малыхъ дѣтей въ церковь въ тѣхъ приходахъ, кото-

рые состоятъ изъ нѣсколькихъ деревень, отстоящихъ отъ церкви въ 3—20 верстахъ и болѣе, особенно въ рабочее или зимнее время?

Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ есть часовни, священникъ еще можетъ пріѣзжать и собирать дѣтей хотя на нѣсколько времени; но какъ это дѣлать въ обыкновенныхъ деревняхъ? Трудно сказать на это, особенно со стороны; да и не слѣдуетъ. Обоюдное усердіе и ревность священника и прихожанъ могутъ сдѣлать многое и даже болѣе, чѣмъ можно предполагать.

Есть еще неудобство, которое впрочемъ вскорѣ, такъ или иначе, можетъ быть устранено, а именно: во многихъ сельскихъ приходахъ заведено крестить дѣтей и исправлять другія требы именно въ то время, когда предполагается бесѣдовать съ дѣтьми.

Въ заключеніе скажемъ, что послѣ всего сказаннаго выше, кажется, не можетъ быть вопроса о возможности заведенія воскресныхъ бесѣдъ съ дѣтьми, если не по всѣмъ мѣстамъ, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть церкви, и если не во всѣ воскресные дни, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые изъ нихъ. Но скажемъ нѣчто на нижеслѣдующіе вопросы:

1) Нужно-ли заводить воскресныя бесѣды тамъ, гдѣ уже есть училища?—Нужно; вопервыхъ, потому что, какъ мы сказали выше, далеко не всѣ дѣти могутъ поступать въ училище; а вовторыхъ потому, что и въ самыхъ низшихъ изъ нихъ объ обязанностяхъ христіанина начинають преподавать не сначала, а, такъ сказать, съ средины; слѣдовательно весьма нелишне будетъ приходить на воскресныя бесѣды и дѣтямъ, учащимся въ школахъ.

2) Принесуть-ли воскресныя бесѣды всю ту пользу, какой отъ нихъ можно ожидать?—Наше дѣло только насаждать и поливать, а возращать—дѣло Божіе. И быть не можетъ, чтобы онѣ не принесли никакой пользы, если только учащіе и учащіеся будутъ начинать съ благословенія Божія. Можно быть увѣреннымъ, что къ слушанію воскресныхъ бесѣдъ будутъ приходить и взрослые, какъ этому и бывали примѣры; и кромѣ того, заведеніе воскресныхъ бесѣдъ не только не можетъ помѣшать сельскимъ школамъ ни въ какомъ отношеніи, но напротивъ того, это будетъ немалымъ подготовленіемъ дѣтей къ поступленію въ училище, и именно тѣмъ, что дѣти, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ слушая поученія, толкованія и разсказы, этимъ самымъ болѣе или

менѣе разовьются въ умственномъ отношеніи; по крайней мѣрѣ, онѣ скорѣе и легче будутъ понимать уроки въ школахъ, чѣмъ дѣти, равныя имъ по лѣтамъ, но не посѣщавшія воскресныхъ бесѣдъ.

Наконецъ, скажемъ, что заведеніе воскресныхъ бесѣдъ если и не скоро и не въ значительной мѣрѣ, но непремѣнно послужитъ однимъ изъ способовъ къ улучшенію быта духовенства. Прихожанинъ, кто бы онъ ни былъ, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ нуждамъ своего священника, отъ котораго (не говоря уже объ обыкновенныхъ требоисправленіяхъ) онъ научился знанію своихъ обязанностей, который съ дѣтства его вразумлялъ и поддерживалъ его совѣтами и увѣщаніями и проч. А когда въ приходѣ такого священника бо̀льшая часть будетъ состоять изъ слушавшихъ его бесѣды, то какъ бы ни былъ бѣденъ приходъ, онъ не будетъ терпѣть недостатка въ необходимомъ для его жизни. *(Русск. Арх. 1881 г. II, стр. 411—420.)*

По поводу сей записки вотъ что читаемъ мы въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» *(1882 года №30, стр. 411—413)*: «Первымъ дѣломъ митрополита Иннокентія по вступленіи на Московскую каѳедру было ознакомленіе съ ходомъ религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго православнаго юношества, а плодомъ этого знакомства—его собственноручная записка о воспитаніи, написанная имъ въ февралѣ 1869 г. и до прошедшаго года почему-то все еще остававшаяся въ рукописи. Лишь въ прошедшемъ она появилась въ печати на страницахъ журнала «Русскій Архивъ» (II, 2), благодаря обязательности г. Ивана Барсукова, приступившаго къ составленію жизнеописанія покойнаго святителя и потому собирающаго матеріалъ для него. Въ качествѣ такого-то матеріала, невѣсткой покойнаго, въ числѣ другихъ бумагъ его, была передана г. Барсукову и записка Иннокентія о воспитаніи.

Тринадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написана была эта записка, но и въ настоящую минуту она не только не потеряла характера современности, а напротивъ, она далеко оставляетъ за собою все, что въ это время сказано было объ этомъ предметѣ. Въ недавнее время газеты говорили о воскресныхъ бесѣдахъ, практикуемыхъ барономъ Корфомъ, какъ легчайшемъ и простѣйшемъ способѣ ознакомленія дѣтей съ Закономъ Божіимъ. Это—послѣднее, такъ сказать, слово педагогической науки о законѣ Божіемъ. Между тѣмъ это слово сказано было

приснопамятнымъ Иннокентіемъ уже давно, и нашъ знаменитый педагогъ долженъ уступить святителю пальму первенства, и не только первенства по времени, а и по качествамъ. Способъ, предлагаемый Иннокентіемъ, по своей простотѣ и дешевизнѣ доступенъ не только для дѣтей достаточныхъ родителей, и не для ученыхъ только педагоговъ, а и для мало—мальски грамотныхъ и толковыхъ родителей, живущихъ въ захолустьяхъ, далекихъ отъ всякихъ училищъ. Въ то же время способъ этотъ отличается разумностію, пріятностію и благотворностію подготовленія по нему дѣтей къ жизни. Поэтому-то онъ особенно пригоденъ для сельскихъ священно-и церковнослужителей, принимающихъ участіе въ народномъ образованіи.»

Кромѣ этой записки, владыка написалъ еще записку «Объ общежитіи монастырей», что также составляло одну изъ главныхъ заботъ его. Имѣющійся у насъ собственноручный подлинникъ сей записки, которую здѣсь и приводимъ, помѣченъ «5 января 1869 г.»

«Чѣмъ далѣе, тѣмъ, кажется, болѣе и болѣе слышатся разнаго рода нареканія на наши монастыри и монашествующихъ» писалъ митрополитъ Иннокентій,— «а нѣкоторые изъ образованныхъ и особенно изъ такъ называемыхъ передовыхъ людей готовы, такъ сказать, своими руками уничтожить монастыры и разогнать монашествующихъ.

Конечно, многія изъ нареканій видимо напрасны, а совершенное уничтоженіе монастырей (сокращеніе числа ихъ—дѣло иное) въ нашемъ православномъ отечествѣ, пока оно православно, есть совершенная невозможность; ибо если не будетъ видно монастырей открытыхъ, то они будутъ или въ тайныхъ клѣтяхъ, или въ горницахъ и въ лѣсахъ, или въ пещерахъ.

Но при всемъ томъ, сколько для уменьшенія таковыхъ нареканій, столько же и для того, чтобы монашествующіе имѣли менѣе средствъ и случаевъ подавать поводы къ справедливымъ нареканіямъ, представляется одинъ способъ дѣйствительный и, кажется, не неудобоисполнимый, а именно: всѣ мужскіе монастыри, выключая архіерейскихъ домовъ, сдѣлать общежительными, но съ нѣкоторыми подраздѣленіями.

Одни изъ монастырей небольшихъ, управляемыхъ игуменами или строителями,—а быть можетъ, нѣкоторые и изъ большихъ, если они имѣютъ достаточныя средства къ своему существованію,—обратить въ общежительные безъ всякихъ исключеній.

Въ другихъ, правиламъ общежитія подвергнуть только простую братію, а настоятелямъ и казначеямъ предоставить пользоваться отъ монастыря всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они пользуются нынѣ, но безъ всякаго увеличенія тѣхъ или другихъ средствъ и съ прекращеніемъ права завѣщавать свое имѣніе кому бы то ни было, какъ это дѣлается нынѣ.

А въ тѣхъ монастыряхъ, кои управляются или будутъ управляемы преосвященными, поступившими на покой, предоставить настоятелямъ пользоваться всѣми правами и тою же частію доходовъ и угодій, какими они пользовались до нынѣ, а равно и намѣстникамъ ихъ и другимъ монастырскимъ властямъ; прочую же братію содержать по правиламъ общежитія.

И если будетъ признано возможнымъ сдѣлать монастыри общежительными, то сдѣлать это надлежитъ вдругъ повсюду, дабы недовольныхъ новою реформою лишить повода и возможности переходить изъ монастыря въ монастырь, а иначе нѣкоторые монастыри могутъ быть поставлены въ большое затрудненіе.

Нѣкоторые говорятъ, что чрезъ установленіе общежитія во всѣхъ монастыряхъ, со временемъ, монашествующихъ не будетъ совсѣмъ. Напротивъ того опыты показываютъ, что монастыри изъ штатныхъ сдѣлавшіеся общежительными процвѣли во всѣхъ отношеніяхъ и число братіи увеличилось въ нѣсколько разъ болѣе прежняго, напр. Иркутскій Вознесенскій и Московскій Угрѣшскій. А если гдѣ число братіи чрезъ то и уменьшится, за то оставшіеся или вновь поступающіе будутъ ближе къ идеалу монашества.

Съ обращеніемъ всѣхъ монастырей въ общежительные если не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ средства ихъ будутъ достаточнѣе, даже до изобилія; а чрезъ то прекратятся, или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшатся сборщики на монастыри, а въ иныхъ монастыряхъ откроется возможность къ заведенію училищъ, или больницъ, или богадѣленъ.

Не менѣе полезно было бы обратить въ общежительные и женскіе монастыри, какъ это видно на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но это можно сдѣлать только тамъ, гдѣ есть особыя средства къ устроенію и содержанію общей трапезы (что̀ весьма рѣдко). А такъ какъ вообще сестры большей части монастырей пропитываются только своимъ рукодѣліемъ и милостынею, то съ запрещеніемъ выхода имъ изъ монастыря (что̀

необходимо слѣдуетъ съ учрежденіемъ общежитія) онѣ лишатся средствъ къ своему существованію».

Воспитавшись въ школѣ апостольства, Иннокентій не покидалъ своей любимой и задушевной мысли о ходѣ дѣла проповѣданія слова Божія невѣдущимъ Христа и о помощи проповѣдникамъ сего слова: онъ усиленно занимался составленіемъ новаго устава Православнаго Миссіонерскаго Общества и желалъ, чтобы это общество непремѣнно открыто было въ Москвѣ, какъ въ центрѣ Россіи.

О своей дѣятельности въ Петербургѣ, вотъ что писалъ самъ владыка къ преосвященному Леониду *(отъ 17 января 1869 года)*: «Съ новымъ годомъ имѣю честь поздравить ваше преосвященство и пожелать вамъ всякихъ благъ, здравія и терпѣнія. Докторъ Юнгъ смотрѣлъ мои глаза, и сказалъ то же, что̀ говорили въ Москвѣ; но онъ далъ мнѣ примочку, расширяющую зрачекъ—и я съ помощію оной мало-мало вижу и могу писать, только на короткое время; впрочемъ, это лѣкарство мнѣ давалъ и Лажечниковъ, но я не умѣлъ имъ воспользоваться; да и, признаться, сомнѣвался. Иное дѣло, если бы онъ былъ нѣмецъ—а то русскій, и не знатный.

Я, можно сказать, сдѣлалъ все, что хотѣлъ и чего вы отъ меня ожидали, и въ то же время еще не сдѣлалъ ничего. Я Государю высказалъ все, что̀ у меня лежало на сердцѣ, т. е. и о бѣдности Московскаго духовенства, и объ уставѣ семинарскомъ, и о Соборѣ; на послѣднее онъ сказалъ: «дѣло это очень серьезно, дайте Мнѣ подумать». Оберъ-прокурору я передалъ весь разговоръ мой съ Государемъ, и онъ, сверхъ моего чаянія, мысли о Соборѣ раздѣляетъ со мною вполнѣ. Недостатки устава онъ (оберъ-прокуроръ) сознаетъ и самъ, и обѣщаетъ кое-что исправить административнымъ путемъ. Посмотримъ. Но на всякій случай, позвольте васъ попросить поручить кому нибудь изъ отцовъ-ректоровъ или другихъ лицъ—написать или подробно разобрать всѣ недостатки устава, сколько можно яснѣе: на случай, если оберъ-прокуроръ не представитъ самъ Государю о пересмотрѣ устава, о чемъ я намѣренъ просить его убѣдительнѣйше, то я подамъ записку Государю.

Теперь начинаютъ говорить обо мнѣ, что я послѣ свиданія съ Государемъ замолчалъ. И правда; ибо я считаю теперь неприличнымъ говорить особенно о Соборѣ. Иначе можетъ быть растолковано, что я

какъ бы жалуюсь или протестую. Подожду до Пасхи, а потомъ, если не будетъ ничего, то подамъ Ему записку обо всемъ; а тамъ—что Богъ дастъ.

Подробности кой-какія сообщитъ вамъ отецъ Гавріилъ, котораго я скоро отпущу въ Москву на время [1])».

[1]) Сообщеніемъ какъ этого письма, такъ и послѣдующихъ за симъ писемъ митрополита Иннокентія къ преосвященному Леониду, мы обязаны достопочтеннѣйшей Татьянѣ Васильевнѣ Краснопѣвковой (сестрѣ въ Бозѣ почившаго архіепископа Леонида), которой и приносимъ свою глубочайшую и душевную признательность.

XXXVII

Въ концѣ 1868 года и въ началѣ 1869 произошли нѣкоторыя передвиженія въ іерархіи, которыя отозвались и въ Москвѣ, а именно: въ числѣ представленныхъ къ перемѣщенію былъ и преосвященный Леонидъ, на Нижегородскую каѳедру. Это извѣстіе сильно встревожило преосвященнаго Леонида;—но такъ какъ ему предоставлено было право принять и отказаться, онъ пожелалъ не разставаться съ Москвой и по этому поводу писалъ къ митрополиту Иннокентію въ С.-Петербургъ нѣсколько писемъ. Вотъ что писалъ онъ въ письмѣ *(отъ 25 января)*: «Представляю вашему высокопреосвященству въ копіи письмо ко мнѣ г. сѵнодальнаго оберъ-прокурора и мой отвѣтъ; какъ изъ письма его видно, что съ вашей стороны препятствій къ увольненію меня не встрѣчается: то сыновне прошу васъ, владыко святый, отечески благословить меня на исполненіе давняго желанія удалиться на продолжительный отдыхъ въ монастырь и милостиво содѣйствовать къ тому, чтобы оставленъ былъ за мною Саввинъ монастырь. Не мало примѣровъ, что епископы и даже архимандриты—ректоры, удаляясь отъ дѣлъ, получали монастыри; я же не новаго монастыря прошу, а желаю остаться въ томъ, въ которомъ настоятельствую почти 10 лѣтъ. Съ нимъ каѳедра епископа—викарія не связана: нѣкогда жили викаріи въ Богоявленскомъ, которому и нынѣ, какъ вы сами изволите знать, приличнѣе быть архіерейскимъ домомъ, нежели монастыремъ. И мѣстность, и средства указываютъ на сіе назначеніе,—по крайней мѣрѣ, въ случаѣ подобномъ нынѣшнему. Впрочемъ, и почившаго архипастыря, благодѣтеля моего,

и вашимъ примѣромъ, и своею вѣрою убѣждаюсь преклониться подъ крѣпкую руку Божію». *(Воспомин о Леонидѣ архіеп. Ярославск. и Ростовск. Саввы, епископа Харьковск.. стр. 206).*

«Считаю нужнымъ отвѣчать вамъ на послѣднее письмо ваше съ двумя приложеніями», отвѣчалъ митрополитъ Иннокентій преосвященному Леониду отъ 30 января 1869 года. «Два раза одинъ изъ членовъ Св. Сѵнода предлагалъ дать вамъ епархію; и въ оба раза я отговаривалъ. Но 22-го оберъ-прокуроръ сказалъ мнѣ слѣдующее: я вчера былъ у Государя, и онъ мнѣ сказалъ: «до Меня дошло чрезъ жандармовъ, что въ Нижегородской епархіи усиливается расколъ. Туда надобно послать надежнаго архіерея. Я думаю, что самое лучшее было бы послать туда преосвященнаго Леонида» и проч. и проч.—Послѣ такихъ словъ я считалъ неумѣстнымъ говорить что̀ либо вопреки. Не знаю послѣдствій вашего отзыва оберъ-прокурору,—онъ вчера не былъ въ Св. Сѵнодѣ; что̀ узнаю, напишу.

При семъ не могу не поблагодарить ваше преосвященство, что вы не сейчасъ же хотите на покой, но откладываете на нѣкоторое время. Слава Богу! и паки благодарю васъ.

Вчера былъ судъ въ 1-мъ департаментѣ Сената надъ Аксаковымъ, по жалобѣ министра внутреннихъ дѣлъ за его статью въ газетѣ «Москва». Чѣмъ кончился судъ—неизвѣстно. Говорятъ, что если послѣдуетъ разногласіе, то переносится дѣло въ общее собраніе Сената, а если не уладится, то въ Государственный совѣтъ. Аксаковъ ничего не потеряетъ. Но не потерпѣлъ бы отъ этого Сенатъ....На какія именно статьи жаловался министръ—не знаю. А что, если на статью противъ оберъ-прокурора нашего........Тогда всѣ, даже и не исключая гимназистовъ, выучатъ ихъ наизусть,—а теперь онѣ уже почти и забыли совсѣмъ.

Читать я, по старому, не могу; но писать пока могу, хотя тоже съ перерывками: долго не могу. Сегодня я жду изъ Москвы своего отца Гавріила. Затѣмъ поручая себя молитвамъ вашимъ.....

P. S. Вчера была рѣчь о томъ, какъ праздновать, и праздновать ли, 14 февраля. Митрополитъ Новгородскій сказалъ: я велю викарію отслужить литургію и молебенъ; разумѣется, будетъ бдѣніе.—Полагаю и я также быть; и потому примите на себя трудъ велѣть въ Чудовомъ монастырѣ отправить бдѣніе св. Кириллу,—а завтра потрудитесь отправить литургію и молебенъ съ кѣмъ заблагоразсудите.

По всѣмъ же церквамъ отправлять такую службу, я полагаю, будетъ излишне. А кто гдѣ захочетъ, пусть ихъ отправляютъ; только распоряженія дѣлать, кажется, нѣтъ надобности».

Послѣдствіемъ этой переписки, добавимъ мы, было то, что преосвященный Леонидъ оставленъ былъ на своей Дмитровской каѳедрѣ, по настоянію владыки.

Затѣмъ, митрополитъ Иннокентій писалъ къ преосвященному Леониду *(отъ 10 февраля 1869 года)* слѣдующее: «Потрудитесь сказать благочиннымъ монастырей и церквей, чтобы они объявили отцамъ настоятелямъ, что я со своей стороны согласенъ дать позволеніе имъ— удѣлить изъ церковныхъ вещей или иконъ, по ихъ усмотрѣнію и усердію, въ пользу Остзейскихъ православныхъ церквей, о коихъ такъ ревностно заботится графъ Комаровскій, который чрезъ 2 дня явится къ вамъ; упредите его симъ объявленіемъ».

О дѣлахъ церковныхъ, относительно сужденій въ Св. Сѵнодѣ по вопросамъ, какіе имѣлъ въ виду предложить митрополитъ Иннокентій, вотъ что писалъ преосвященный Леонидъ къ епископу Полоцкому Саввѣ *(отъ 4 марта)*: «Владыка пишетъ, что всѣмъ кому должно, все что должно, сказалъ и ждетъ послѣдствій. Вотъ вопросы очередные: о соборахъ и округахъ, о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, о бытѣ и сословности духовенства, о миссіонерствѣ, о расколѣ, объ общежитіяхъ въ монастыряхъ, о монашествующихъ сестрахъ милосердія, о движеніяхъ въ англійской церкви, объ епархіи въ Калифорніи: но нынѣшнею зимою, по великому множеству текущихъ дѣлъ, ни однимъ серьезно не занимались. А. В. Горскій въ Петербургѣ былъ долго для засѣданій по академическому уставу: результатовъ никакихъ до нынѣ не достигнуто. Владыка нашъ желаніемъ желаетъ возвратиться къ Пасхѣ». *(Воспомин. о Леонидѣ архіеп. Ярославск. и Ростовск. Саввы, епископа Харьковскаго)*.

«Мнѣ кажется, по 1-му пункту можно уступить протестующимъ», писалъ митрополитъ Иннокентій къ преосвященному Леониду *(отъ 10 марта)*:—«на томъ основаніи, что цѣль ихъ расширенія богадѣльни есть та, чтобы давать пріютъ только священнослужителямъ исключительно,—чего, конечно, и нельзя оспаривать. Можно также и не настаивать на томъ, чтобы въ числѣ братства были непремѣнными членами: настоятель и староста съ помощникомъ. Потому что Братство не

попечительство. Нельзя также отказать братчикамъ и въ томъ, чтобы они имѣли собранія въ церкви: потому что цѣль ихъ есть—дѣлать пособія въ приходѣ церкви и даже заботиться объ украшеніи оной. Но никакъ нельзя согласиться на то, чтобы они имѣли попеченіе о соблюденіи порядка и благочестія церковнаго. Потому что ревность нѣкоторыхъ братчиковъ можетъ простирать свое дѣйствіе даже и въ алтарь, и тогда соблюденіемъ порядка можно произвести такой безпорядокъ, какого и не бывало еще. Если будутъ настаивать, то необходимо потребовать отъ нихъ самаго подробнѣйшаго объясненія; и тогда посмотримъ.

О печати спорить нечего. Это дѣло высшей власти. Но я не понимаю, для чего хоругви? не у нихъ только, но и въ другихъ братствахъ? Потрудитесь сообщить мнѣ ваши мнѣнія по вышеизложенному». За симъ письмомъ, владыка писалъ преосвященному Леониду объ отчетахъ, въ письмѣ отъ 16 марта: «Изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ мною отъ васъ, отвѣчаю на одно: прошу васъ покорнѣйше проектъ отчета, какъ вы его именуете, обратить въ настоящій отчетъ: т. е. дополните пробѣлы и сдѣлайте заключеніе, какое заблагоразсудите. И я давно былъ убѣжденъ, а нынѣ еще тверже убѣждаюсь, что всѣ замѣчанія или предположенія, излагаемыя въ отчетахъ, совершенно напрасны. И самыя представленія архіереевъ только тогда идутъ въ ходъ, когда захочетъ того сила; а если не захочетъ эта сила, то намъ и песчинки не передвинуть съ мѣста на мѣсто.

Съ самаго прибытія моего я сталъ хлопотать объ открытіи Якутской епархіи и о перенесеніи семинаріи, которая остается только при трехъ наставникахъ—и только на дняхъ явился протоколъ о послѣдней, и то еще не окончательный; а между тѣмъ обѣщаютъ или кормятъ завтраками. Что̀ тутъ дѣлать! Сегодня хочу съѣздить къ директору и попросить его о вышеозначенномъ,—не будетъ ли какого движенія.

Касательно обозрѣнія епархіи достаточно сказать, гдѣ я былъ,—и что я нигдѣ не слыхалъ жалобъ на духовенство; ни въ одной церкви не замѣтилъ безпорядковъ, въ каждомъ городѣ и монастырѣ служилъ, и народу всегда было много,—и при служеніяхъ вездѣ я говорилъ краткое поученіе: и этого достаточно. Если захотите—пожалуй, прибавьте, что духовенство Московской епархіи, не получая жалованья отъ казны и лишенное руги отъ помѣщиковъ, шибко нуждается. №3. О дѣтскихъ

воскресныхъ бесѣдахъ, которыя предлагалъ духовенству сельскихъ церквей, не упоминайте, если никто объ этомъ не доноситъ оффиціально.

Какъ дитя, я каждый день считаю, сколько остается мнѣ еще дней пробыть въ Питерѣ—и жду, не дождусь. Но довольно пока.....»

Наконецъ въ письмѣ отъ 20 марта, владыка Иннокентій писалъ къ преосвященному Леониду изъ Петербурга слѣдующее: «Только сегодня удосужился отвѣчать вамъ на письмо ваше изъ Угрѣши. Полученныя вами книги на просмотръ могутъ лежать у васъ дотолѣ, пока вы удосужитесь. Польза отъ появленія въ свѣтъ такой скучной книги весьма сомнительна, а ищущіе спасенія спасутся и безъ нея; а вредъ для вашего здоровья отъ усиленнаго труда и сидѣлки надъ нею несомнителенъ. Отъ поздняго появленія оной въ свѣтъ болѣе всего,—а можетъ быть, и единственно пострадаетъ только самолюбіе автора. Но это еще не велика бѣда.

О просфорахъ я еще не говорилъ съ сѵнодалами. Мнѣніе ваше о братствѣ я раздѣляю. О цѣли онаго говорить нечего, она добра зѣло. Но мы лѣнивы есмы—не съ начала дѣла, а впослѣдствіи. Сначала, куда какъ мы ретивы: другъ друга перебиваемъ какъ дѣти. Но потомъ, тоже какъ дѣти, мало по малу охладѣваемъ и, наконецъ, выходитъ конецъ очень не вѣнчающій дѣло.... но объ этомъ поговоримъ при свиданіи.—Очень благодаренъ вамъ за заботливость вашу о снабженіи Остзейскихъ церквей.

Касательно отчета о состояніи епархіи я уже имѣлъ честь писать вамъ. Сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь ничѣмъ: пишите въ немъ чтò вы заблагоразсудите и какъ заблагоразсудите; чтò и какъ ни напишете—участь одна: въ архивъ на храненіе,—развѣ потомки наши, если поумнѣютъ духовно, взглянутъ на епархіальные отчеты; а для современниковъ нужны только цифры и кой какія блестки.—Если владыка покойный писалъ о лаврѣ, то нужно написать и нынѣ что нибудь въ томъ смыслѣ.—Если у васъ найдется писецъ, то прикажите и переписать на-бѣло. У насъ много письма было, и еще прибыло: дѣло Миссіонерскаго общества перешло ко мнѣ, и впредь до утвержденія новаго устава будетъ производиться отъ моего имени. Уставъ у насъ уже готовъ и читается членами Св. Сѵнода; сегодня надѣюсь получить отъ остальныхъ (четверо уже возвратили)—и самыя дѣльныя замѣчанія сдѣлалъ И. В. Рождественскій—и мы ими уже воспользовались. По

исправлении устава, пришлемъ къ вамъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, тоже для прочтенія, кому вы заблагоразсудите раздать, съ просьбою сдѣлать замѣчанія, кто какія можетъ.

Владыка Смоленскій скончался отъ удара; упокой его Господи! Но отъ какого удара? еще неизвѣстно; авось узнаемъ сегодня въ Сѵнодѣ. Жаль его, какъ человѣка умнаго. Его Императрица называла грознымъ; и страшный грозный Царь, и грозный іерархъ скончались въ одинъ день и оба отъ удара.—P. S. А. Н. Муравьевъ сердится на насъ за то, что ни я, ни вы не отвѣчаемъ ему на вопросъ или на просьбу его о деньгахъ, потребныхъ ему на изданіе писемъ покойнаго владыки. Что тутъ дѣлать? дать надобно; но изъ какихъ суммъ? потому что возврата оной ожидать трудно. Предоставляю вамъ рѣшить это дѣло...»

21 марта, настоятель Николо-Угрѣшскаго монастыря, архимандритъ Пименъ, откомандированъ былъ преосвященнымъ Леонидомъ въ С.-Петербургъ, вслѣдствіе накопившихся нѣкоторыхъ монастырскихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ митрополита Иннокентія: «22 марта», пишетъ архимандритъ Пименъ,—«прибывъ въ Петербургъ, я немедленно, прямо съ желѣзной дороги, отправился на Троицкое подворье ко владыкѣ. Онъ обошелся со мною, по обычной своей привѣтливости, весьма милостиво и ласково. Я передалъ ему письмо, которое имѣлъ къ нему отъ преосвященнаго Леонида, объяснилъ ему о причинахъ моего пріѣзда и просилъ его благословенія хлопотать о монастырскихъ дѣлахъ. Онъ благословилъ меня и обѣщалъ со своей стороны содѣйствовать во всемъ, что̀ отъ него будетъ зависѣть и сказалъ:—«А я вѣдь хлопочу объ общежитіи монастырей и хочу вмѣстѣ съ запиской подать въ Св. Сѵнодъ свое объ этомъ мнѣніе; частно говорилъ со многими.» Просидѣвъ у владыки болѣе часа, я отправился искать себѣ помѣщенія. Вечеръ я окончилъ на Троицкомъ подворьѣ, досидѣвъ до девяти часовъ у секретаря владыки, съ которымъ имѣлъ нужду повидаться. Отъ него я узналъ, что владыка уже сдалъ ему бумаги, представленныя мною по утру (о покупкѣ дома и объ исходатайствованіи лѣсной дачи) съ резолюціей, согласною съ преосвященнымъ Леонидомъ. 24 марта я отправился къ товарищу министра народнаго просвѣщенія, Ивану Давыдовичу Делянову [1]), живущему на

---

[1]) Нынѣ министръ народнаго просвѣщенія.

Невскомъ проспектѣ въ домѣ Армянской церкви. Онъ женатъ на двоюродной внучкѣ извѣстнаго основателя Московскаго Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Ивана Лазаревича Лазарева (род. 1734†1801). Я остался весьма доволенъ его пріемомъ: безъ всякой напыщенности и мелочной спѣси, которою иногда вѣетъ отъ важныхъ сановниковъ, онъ обошелся со мною привѣтливо, любезно и уважительно,—не ко мнѣ конечно, но къ духовному моему сану, не смотря на то, что онъ даже и не нашего исповѣданія. Онъ обѣщался содѣйствовать намъ при исходатайствованіи лѣсной дачи для училища. Въ этотъ день я былъ у вечерни на Троицкомъ подворьѣ и послѣ того у владыки Иннокентія, который продержалъ меня довольно долго и много говорилъ со мною объ общежитіяхъ, и сказалъ мнѣ, что ту записку, которую онъ требовалъ отъ меня объ учрежденіи вездѣ общежитій, онъ показывалъ графу Толстому, оберъ-прокурору, и что она будетъ доложена. Владыка весьма подробно говорилъ о Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, что̀ сдѣлать, а такъ какъ настоятель онаго и ветхъ и хилъ, то разсуждалъ: совсѣмъ ли его смѣнить или дать ему помощника? и сказалъ мнѣ, что въ случаѣ преобразованія этого монастыря потребуются люди, и чтобы тогда я въ этомъ содѣйствовалъ и далъ бы отъ себя опытнаго человѣка, который могъ бы руководствовать при этомъ немаловажномъ преобразованіи. Владыка пригласилъ меня съ нимъ завтра служить на подворьѣ. Марта 25-го служилъ со владыкой на подворьѣ; послѣ того онъ пригласилъ зайти къ нему напиться чаю, но оставался я у него недолго, такъ какъ онъ спѣшилъ куда-то ѣхать.» *(Русск. Вѣстн. 1882г., Біографическій очеркъ Д. Б.)*.

По возвращеніи изъ Петербурга, Пименъ получилъ письмо отъ преосвященнаго Леонида *(3 апрѣля 1869 г.)*: «Волоколамское дѣло пришло и сегодня сдается мною. Да спасетъ Господь владыку Иннокентія за ревность о монашествѣ и да устроится обитель преподобнаго Іосифа.» [1])

---

[1]) Письма преосвящ. Леонида къ архимандр. Пимену, настоят. Николаевск. монастыря, что на Угрѣшѣ. Москва 1877 года. Стр. 44.

XXXVIII

Не смотря на множество занятій въ Петербургѣ, митрополитъ Иннокентій все таки не забывалъ своихъ Алеутовъ, Колошъ и другихъ юныхъ чадъ церкви Христовой, среди которыхъ онъ въ лучшую пору своей жизни такъ долго, съ такою любовію и такъ плодотворно подвизался. Въ особенности теперь, когда наши владѣнія въ Америкѣ перешли Соединеннымъ Штатамъ, судьба этихъ новообращенныхъ дикарей еще болѣе безпокоила его. Вѣсти получались оттуда далеко не утѣшительныя.

«Наши Американскія колоніи», пишетъ г. Стекль [1]), «до сихъ поръ были мало извѣстны, даже въ Россіи. Единственныя свѣдѣнія о нихъ почерпались изъ документовъ, печатавшихся по временамъ отъ Россійско-Американской компаніи, выгоды которой требовали, чтобы она представляла положеніе тамошняго края въ удовлетворительномъ видѣ. Поэтому, трактатъ объ уступкѣ колоній, по видимому, далъ поводъ русскимъ журналамъ къ толкамъ болѣе или менѣе ошибочнымъ.

Открытіе Америки создало новую эру въ мірѣ. Всѣ европейскія державы, большія и малыя, набросились на новый материкъ, чтобъ воспользоваться огромными богатствами, въ немъ заключавшимися. Туземцы были изгнаны, или скорѣе, истреблены. Основались новыя государства, но государства эти исчезли и не оставили по себѣ державамъ, ихъ основавшимъ, никакой пользы.

Англія представляла, можетъ быть, единственное исключеніе. Колоніи послужили для нея средствомъ къ расширенію ея мануфактурнаго про-

[1]) Русскій посланникъ въ Вашингтонѣ. Записка г. Стекля найдена нами въ бумагахъ митрополита Иннокентія.

изводства и къ огромному развитію ея мореходства—этихъ двухъ элементовъ ея богатства и ея могущества.

Стремленіе колоній всегда было къ пріобрѣтенію независимости. Тринадцать Британскихъ провинцій, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалась республика Соединенныхъ Штатовъ, первыя низвергли иго метрополіи. Англія истощала неслыханныя усилія, чтобъ привести ихъ въ покорность, но безуспѣшно.—Война за независимость привела къ тому, что только раздражила завистливое соперничество, уже существовавшее между колоніями и метрополіей, и раздула между обѣими націямп враждебныя чувства, которыхъ цѣлое столѣтіе еще не изгладило.

Испаніи достались въ удѣлъ самыя прекрасныя страны этого материка: Кастильское знамя развѣвалось отъ Мехики до рѣки Амазонки и по всему протяженію береговъ Тихаго океана. Къ чему послужили Испаніи всѣ богатства этой обширной территоріи, которою она владѣла около трехъ вѣковъ? Съ утратой своихъ Американскихъ владѣній, правительство Испанское оказалось болѣе слабымъ, нація болѣе бѣдною, нежели въ тотъ день, когда Христофоръ Колумбъ открылъ Новый свѣтъ.

Франція также пыталась заводить колоніи. Это вовлекло ее въ продолжительныя и разорительныя войны. Англія отняла у нея Нижнюю Канаду. Позднѣе, она нашлась вынужденною продать Луизіану, которой сосѣдство Соединенныхъ Штатовъ угрожало постоянной опасностію. Жертва съ ея стороны была огромная, потому что съ Луизіаной она лишилась долины Миссисипи, нынѣ самой плодоносной части Союза, и оставляла отъ 50 до 60 тысячъ французовъ, населявшихъ эту территорію.

Португалія поступила благоразумнѣе. Видя, что не можетъ удержать за собой Бразиліи, она отдѣлилась отъ нея добровольно, и дружественныя отношенія упрочились между обоими государствами. Бразилія достигнула независимости безъ революціи. Она сохранила учрежденія монархическія и избѣжала такимъ образомъ анархіи, свирѣпствующей во всѣхъ Американскихъ республикахъ латинской расы.

Россія была послѣднею изъ европейскихъ державъ, увлекшихся новымъ материкомъ. Только въ царствованіе Императрицы Анны снаряжена была экспедиція, назначенная для развѣдокъ въ Тихомъ океанѣ. Но кажется, что еще Петръ Великій возъимѣлъ первый эту мысль; этотъ Государь, геній котораго какъ будто прозиралъ въ будущее, предви-

дѣлъ, что берегамъ сѣверной Азіи суждено было современемъ войдти въ составъ его обширной имперіи, и экспедиція ,очевидно, имѣла цѣлію—изслѣдованіе этихъ береговъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, заявляемо было русскими судами подъ командою Беринга. Открытіе Сѣверо-Американскаго материка, повидимому, было только дѣломъ случая: одно изъ судовъ, подъ командою капитана Чирикова, разлучившись съ экспедиціей, направилось къ востоку и открыло Алеутскіе острова. Позднѣе, другія русскія суда посѣщали берега Америки до 54 сѣвер. шир.; эта территорія сдѣлалась собственностію Россіи по праву открытія.

Множество промышленниковъ посѣщали Алеутскіе острова для вымѣна мѣховъ, но никакого постояннаго учрежденія не было основано ни на островахъ, ни на материкѣ. Въ 1799 г. составилась, въ царствованіе императора Павла, Россійско-Американская компанія, существовавшая до послѣдняго времени.

Даровавъ этой Компаніи чрезвычайныя привиллегіи, довѣривъ ей управленіе и безусловный надзоръ надъ нашими Американскими владѣніями, правительство конечно не имѣло цѣлію обращать эту территорію въ вѣчный удѣлъ нѣсколькихъ сотенъ акціонеровъ. Императорское правительство должно было надѣяться, что Компанія, хотя и заботясь преимущественно о своихъ выгодахъ, все-таки постарается улучшить положеніе края такимъ образомъ, чтобы со временемъ, принявъ его въ свое собственное распоряженіе, центральное правительство могло бы сдѣлать изъ него отдаленную провинцію, полезную для всего государства.

Цѣль эта не была достигнута. Очевидно, изъ донесенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Костливцева и капитанъ-лейтенанта Головина, на которыхъ возложено было въ 1861 г. особое по этому предмету порученіе,—что состояніе нашихъ колоній было отнюдь не удовлетворительно. Положеніе Индѣйцевъ на островахъ, подчиненныхъ нашему владычеству, не было улучшено ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи, а племена на материкѣ продолжали оставаться такими же дикими и враждебными намъ, какими были въ эпоху открытія. Бѣлое населеніе простиралось едва до 500 человѣкъ, все служившее на жалованьѣ Компаніи, и до 1200 Креоловъ. Ничего не было до сихъ поръ предпринято для изслѣдованія страны и для извлеченія тѣхъ выгодъ, какія она могла представлять. Напротивъ того, Компанія старалась затрачивать свои капиталы на предпріятія, не имѣвшія ничего

общаго съ нашими колоніями, какъ-то: на чайную торговлю съ Китаемъ, ловлю китовъ въ Охотскомъ морѣ и т. п.

Я нисколько не имѣю намѣренія придираться къ Компаніи. Я просто заявляю факты. Но если справедливо, что при нѣсколько бо̀льшемъ умѣньѣ и энергіи она могла бы сдѣлать больше, то съ другой стороны, надо принять въ разсчетъ тѣ препятствія, съ которыми ей приходилось бороться.

Къ истеченію срока привиллегій Компаніи, возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли нашимъ колоніямъ поступить въ вѣдѣніе Императорскаго правительства, или вновь быть отданными въ руки Компаніи?

Въ первомъ случаѣ, Императорскому правительству предстояло бы посылать на мѣсто губернатора и цѣлую ватагу чиновниковъ, заманивать туда переселенцевъ, заботиться о разведеніи хлѣбныхъ растеній и скотоводства, хотя и затруднительномъ въ этихъ странахъ, но не невозможномъ; устраивать правильныя сообщенія—словомъ, все создавать. Безполезно пояснять, сколько трудностей представляло бы такое предпріятіе. Во всякомъ случаѣ, оно обѣщало бы успѣхъ развѣ только современемъ, и то только цѣною неисчислимыхъ денежныхъ пожертвованій.

Возобновить привиллегіи Компаніи—значило бы продолжить существующее положеніе вещей; и подлежало даже сомнѣнію, могла ли бы Компанія, при ея настоящемъ положеніи, продолжать свое существованіе.

Въ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя, и въ которомъ Его Величеству угодно было дозволить мнѣ присутствовать, г. министръ финансовъ представилъ подробныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи Компаніи и о пожертвованіяхъ, которыя требовались отъ правительства для поддержанія ея кредита. Ясное и точное изложеніе г. Рейтерна избавляетъ меня отъ необходимости распространяться объ этомъ предметѣ.

Независимо отъ этихъ затрудненій, мы встрѣтили бы серіозныя преграды со стороны нашихъ сосѣдей Сѣверо-Американцевъ.

Въ моихъ донесеніяхъ я неоднократно высказывалъ, въ какое положеніе ставили насъ наши колоніи въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ. Въ трактатѣ нашемъ отъ 5—17 апрѣля 1824 г. сказано, что «граждане Америки не будутъ приставать ни къ какому мѣсту, гдѣ есть какое-либо Русское заведеніе, безъ позволенія губернатора или коменданта, и что взаимно и русскіе подданные не могутъ приставать

безъ позволенія ни къ какому заведенію Соединенныхъ Штатовъ на сѣверо-западномъ берегу Америки.»

Въ 1824 году, въ то время, когда подписывался этотъ трактатъ, Соединенные Штаты не имѣли никакихъ владѣній на берегахъ Тихаго Океана. Съ тѣхъ поръ они завоевали Калифорнію и основали тамъ нѣсколько портовъ. Американцы принимали наши суда въ Санъ-Франсиско какъ въ Нью-Йоркѣ, т. е. безъ всякаго стѣсненія; но они требовали такихъ же привиллегій въ портахъ нашихъ владѣній.

Послѣ неоднократныхъ настояній, Компанія кончила тѣмъ, что открыла для судовъ Соединенныхъ Штатовъ Ситхинскій портъ; но торговая монополія, которою пользовалась Компанія, обращала эту уступку въ мнимую, потому что Американцы не могли ни привозить и продавать своихъ товаровъ, ни покупать колоніальныхъ произведеній.

По мѣрѣ того, какъ народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ увеличивалось на берегахъ Тихаго Океана, эти домогательства все чаще и чаще повторялись. Американцы говорили намъ: «мы не хотимъ пользоваться стѣснительными условіями трактата; суда ваши входятъ къ намъ свободно; Компанія ваша присылаетъ къ намъ своихъ агентовъ, заводитъ у насъ свои конторы и производитъ свободную торговлю. Мы требуемъ только одного—позволенія пользоваться такими же правами у васъ.»

На всѣ эти домогательства я отвѣчалъ, согласно съ инструкціями, дававшимися мнѣ въ разныя времена, что по истеченіи срока компанейскихъ привиллегій, Императорское правительство приметъ мѣры для улаженія этого вопроса. Я не въ состояніи былъ сдѣлать ничего болѣе: ибо въ сущности Американцы требовали только строгой взаимности, главной основы всякихъ торговыхъ сношеній между государствами.

Мы имѣли, безъ всякаго сомнѣнія, право держаться условій трактата и отстаивать систему исключенія въ нашихъ колоніяхъ. Американцы никогда этого не оспаривали; но они говорили намъ: «трактатъ даетъ и намъ такое же право, и мы можемъ закрыть наши порты и наши заведенія для русскихъ подданныхъ и русскихъ судовъ»; и я долженъ здѣсь замѣтить, что трактатъ говоритъ не объ однихъ только агентахъ и судахъ компанейскихъ, но вообще о русскихъ подданныхъ и русскихъ судахъ, такъ что отъ сохраненія въ силѣ условій конвенціи 1824 года страдали бы не одни компанейскія суда, но всѣ безъ

различія суда подъ русскимъ флагомъ.—Это значило бы жертвовать національнымъ мореходствомъ выгодамъ Компаніи.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ нерѣдко поддерживало эти домогательства, но не настаивало. Оно никогда не принимало въ дурную сторону отказы, которыми неразъ должны мы были отвѣчать на его требованія, и я увѣренъ, что оно всегда, съ величайшей охотой, готово было бы уладить этотъ вопросъ миролюбиво.

Но еще другаго рода опасность угрожала нашимъ владѣніямъ. Я говорю объ Американскихъ флибустьерахъ, которыми кишитъ Тихій Океанъ.

Какъ ни обширны предѣлы конфедераціи Соединенныхъ Штатовъ, они все еще кажутся тѣсными для лихорадочной дѣятельности и духа предпріимчивости Американцевъ.

На ихъ глаза этотъ материкъ есть ихъ достояніе. Ихъ удѣлъ (our manifest destiny, какъ они это называютъ) безконечно расширяется—и въ этомъ расширеніи, къ которому ихъ нація стремилась столько же настойчиво, сколько и успѣшно, ихъ вольница во многихъ случаяхъ играла роль застрѣльщиковъ. Они первые мало по малу захватывали Техасъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи однимъ изъ штатовъ Союза. Новая Мехика и нѣкоторыя другія части юга пріобрѣтены такимъ же путемъ.

Можно было надѣяться, что незначительность богатства нашихъ колоній спасетъ ихъ отъ хищничества флибустьеровъ; но случилось иначе. Рыбная ловля, пушной промыселъ и нѣкоторыя другія произведенія, сравнительно малоцѣнныя, нашихъ владѣній, конечно не стоятъ роскошныхъ равнинъ Мисиссипи и Ріо-Грандэ, ни золотоносныхъ розсыпей Калифорніи, а все же онѣ не ускользнули отъ алчности Американцевъ.

Не стану исчислять здѣсь всѣхъ жалобъ, возникавшихъ вслѣдствіе ихъ насильствъ по нашимъ берегамъ. На всѣ наши представленія по этому поводу, федеральное правительство всегда отвѣчало намъ: «мы не можемъ возбранять нашимъ гражданамъ выходъ за границу; если затѣмъ они производятъ безпорядки на вашей территоріи, такъ это ужъ ваше дѣло ее защищать.» Было бы одно только средство положить конецъ такому порядку вещей, а именно—содержать въ тѣхъ водахъ многочисленную эскадру.

Не смотря на довольно значительныя силы, которыми располагаетъ Великобританія въ Тихомъ Океанѣ, ея владѣнія были не болѣе нашихъ

въ безопасности отъ насильственныхъ дѣйствій флибустьеровъ. Три года тому назадъ разнесся слухъ, что стали находить золото на рѣкѣ Фрезеръ (Fraser) въ Британской Колумбіи. Менѣе чѣмъ въ несколько недѣль отъ 4 до 5 тысячъ Американцевъ находились уже на мѣстахъ и производили развѣдки.—Англійскій губернаторъ, не въ состояніи будучи ихъ выслать, или не отваживаясь на такую мѣру, позволилъ имъ оставаться въ краѣ съ тѣмъ, чтобъ они подчинялись колоніальнымъ законамъ; Американцы отказались,—объявили, что не признаютъ иной власти, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ и образовали у себя временное правительство. Англія махнула рукой. Къ счастію для нея, золото оказалось не въ такомъ изобиліи, какъ предполагали. Вскорѣ оно истощилось и Американцы разбрелись,—не то Колумбія была бы теперь во владѣніи Соединенныхъ Штатовъ.

Изо всѣхъ колоній, составлявшихъ нѣкогда Новый Свѣтъ, оставались въ послѣднее время, за исключеніемъ острововъ, только Британскія провинціи въ Канадѣ и наши владѣнія. У Англіи въ настоящее время одна цѣль—избавиться отъ Канады, для удержанія которой за собой она несетъ огромныя жертвы и издержки, не соотвѣтствующія извлекаемымъ изъ нея выгодамъ. Болѣе же всего ей желательно не находиться долѣе въ соприкосновеніи съ соперничествующей націей, всегда готовой бросить ей вызовъ.

Англійскій парламентъ недавно издалъ законъ, по которому разныя провинціи Канады соединяются въ одну конфедерацію, подъ управленіемъ вице-короля. Цѣлію, имѣвшеюся у Англіи въ виду, было сплотить свои Сѣверо—Американскія колоніи въ одно государство, на столько сильное и сомкнутое, чтобы оно могло сдѣлаться независимымъ. Такъ и было бы, если бы Канадцы того хотѣли; но они предпочитаютъ пока оставаться подъ защитою и покровительствомъ Англіи. Тѣмъ не менѣе, отдѣленіе совершится, такимъ путемъ или инымъ, въ весьма близкой будущности.

Мы оставались бы тогда единственною европейскою державою, владѣющей колоніями на томъ материкѣ. Но если Испанія, Францiя, Португалія и даже Англія должны были потерять или уступить свои колоніи, не извлекши изъ нихъ никакой выгоды: то можно-ли намъ было надѣяться, что мы будемъ счастливѣе? Можно ли намъ было ожидать лучшей будущности отъ этой территоріи, которая втеченіи почти

цѣлаго столѣтія не приносила Россіи ничего, кромѣ затрудненій и денежныхъ затратъ? Выгодно-ли было бы для насъ, ради удержанія за собою этихъ негостепріимныхъ береговъ, губить наши добрыя отношенія и даже накликать на себя серіозныя столкновенія съ великой націей, предъ которою преклоняются Англія и Франція, эти двѣ великія морскія державы? Предоставляю печати, нападающей на трактатъ объ уступкѣ, отвѣчать на эти вопросы.

Ничего не прибавляя къ нашему политическому значенію, обширная территорія, которою мы владѣли въ тѣхъ моряхъ, составляла только нашу слабую сторону. Наши прибережья начинались отъ Японіи, простирались по всей сѣверной Азіи до Берингова пролива и переходили оттуда по Американскому материку до 54° сѣв. шир., раскинувшись такимъ образомъ на многія тысячи миль въ длину. Возможно ли было охранять берега на такомъ огромномъ протяженіи и, въ особенности, такъ далеко лежащіе отъ центра Имперіи?

Иное—дѣло наша при-Амурская область и въ особенности ея южныя части. Вотъ гдѣ слѣдуетъ намъ сосредоточить наши средства и нашу дѣятельность. Край этотъ плодоносенъ и легко привлечетъ переселенцевъ. Въ немъ есть великолѣпные порты и сосѣдство Японіи и Китая обѣщаетъ ему выгодную торговлю. Вотъ гдѣ должно основаться наше могущество на Тихомъ океанѣ.

Будучи смежными съ Имперіей, эти области чрезъ то самое представляются болѣе удобными для защиты. Во время Крымской войны, союзники не безпокоили нашихъ Азіатскихъ береговъ и нападеніе, произведенное ими на Камчатку, было отбито адмираломъ Завойко, такъ что отняло у нихъ охоту на новую попытку, между тѣмъ какъ наши колоніи были беззащитны отъ непріятеля. Онѣ уцѣлѣли только по особенно счастливому случаю. Англія объявила ихъ нейтральной территоріей изъ опасенія, чтобы мы не уступили ихъ Соединеннымъ Штатамъ.

Въ числѣ обязанностей поста, который я имѣлъ честь такъ долго занимать, одною изъ важнѣйшихъ было блюсти интересы нашихъ Американскихъ владѣній. Я посвятилъ на это все мое вниманіе. Нельзя мнѣ было не видѣть, что усилія Компаніи были тщетны, что будущность того края была безплодна и что, угрожаемыя сосѣдствомъ Американцевъ, наши владѣнія должны будутъ вовлечь насъ въ серьозныя столкновенія съ федеральнымъ правительствомъ и кончатъ тѣмъ, что

сдѣлаются добычею Американцевъ. Отдавая отчетъ Императорскому правительству о состоянiи нашихъ колонiй, я всегда добросовѣстно излагалъ истину. Если чрезъ это я содѣйствовалъ уступкѣ колонiй, то я готовъ принять на себя мою долю отвѣтственности, въ полномъ убѣжденiи, что я исполнялъ долгъ вѣрноподданнаго нашего Августѣйшаго Монарха и поступалъ согласно истиннымъ интересамъ моего отечества».

XXXIX.

«Новый уставъ Миссіонерскаго Общества готовъ», писалъ митрополитъ Иннокентій изъ Петербурга къ преосвященному Леониду (отъ 4 апрѣля 1869 года), «и уже представленъ Ея Величеству для разсмотрѣнія. Но было бы съ моей стороны непростительно и крайне неучтиво представить оный на утвержденіе, не предложивъ для прочтенія Москвичамъ, гдѣ предполагается центръ для дѣйствія общества. И потому, препровождая при семъ къ вашему преосвященству 150 экземпляровъ устава, покорнѣйше прошу разослать оные, по вашему усмотрѣнію, кому вы заблагоразсудите: овому для почета, овому для прочтенія, овому для замѣчаній, овому, быть можетъ, только для воззрѣнія......Дѣло только въ томъ, чтобы не обойти никого такого, кто можетъ быть полезенъ обществу своимъ вліяніемъ или своимъ изліяніемъ изъ кармана. Время возвращенія я думаю назначить 26 апрѣля, а пожалуй, и нѣсколько поранѣе; для большаго почету я полагалъ бы на каждомъ экземплярѣ надписывать имя, кому передается проектъ устава.

Ковенскіе раскольники Ново-Александровскаго города, желающіе присоединиться къ церкви, просятъ прислать къ нимъ іеромонаха Павла; я съ своей стороны не нахожу къ тому препятствій. И потому благоволите сдѣлать распоряженіе о скорѣйшей отправкѣ отца Павла изъ Москвы, снабдивъ его чѣмъ слѣдуетъ. Просители усердно просятъ, чтобы отецъ Павелъ былъ отправленъ къ нимъ немедленно. Дѣлать нечего! Надобно удовлетворить ихъ просьбу—уговорите отца Павла».

11-го же апрѣля, въ пятницу на шестой недѣлѣ великаго поста, митрополитъ Иннокентій прибылъ въ Москву и провелъ всю Страстную и Свѣтлую седмицы среди своей паствы, безпрерывно совершая бого-

служенія въ Кремлевскихъ соборахъ или въ своей домовой церкви. Всю Страстную недѣлю владыка былъ крайне воздерженъ въ пищѣ и велъ жизнь совершенно аскетическую и долго стоялъ на молитвѣ. Во время же отдыха заставлялъ своихъ внучатъ читать себѣ Евангеліе или Житія Святыхъ; затѣмъ щедро раздавалъ милостыню бѣднымъ. Такимъ личнымъ примѣромъ митрополитъ Иннокентій внушалъ къ себѣ всеобщее уваженіе и располагалъ каждаго къ ревностному исполненію христіанскихъ обязанностей.

На Святой недѣлѣ владыка ѣздилъ въ Сергіеву Лавру; а на Ѳоминой снова отправился въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Сѵнодѣ. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, владыка не замедлилъ отправить слѣдующее благодарственное письмо преосвященному Леониду *(отъ 4 мая 1869 года)*: «Имѣю честь свидѣтельствовать вашему преосвященству, а въ лицѣ вашемъ и всѣмъ Москвичамъ, мою искреннѣйшую благодарность за то радушіе, за ту любовь ко мнѣ недостойному, которою я утѣшался во время краткаго моего пребыванія въ Москвѣ; слава и благодареніе Господу за все!—При семъ препровождаю мою записку, о которой я вамъ говорилъ. Посмотрите на нее хорошенько, и если главная въ ней мысль вами будетъ одобрена, то изложите ее такъ или иначе и пустите въ народъ; но не печатно. Трудно согласиться, чтобы священники всѣ и благочинные отнеслись къ ней сочувственно. И потому мысль эту можно передать и инымъ лицамъ,—не горожанамъ. Прикажите снять копіи съ моей записки, а подлинную возвратить ко мнѣ.—Мысль эту я передавалъ отцу намѣстнику Лавры, и онъ полагаетъ, что на такихъ условіяхъ скорѣе согласятся сельскіе обыватели на приписку своихъ церквей.

Графъ Орловъ-Давыдовъ и его супруга просили опредѣлить въ ихъ село Отраду хорошаго священника вмѣсто старшаго умершаго, у котораго осталось множество дѣтей и въ числѣ ихъ одна дочь, не достигшая 3—4 мѣсяцевъ до совершеннолѣтія, которую имъ желательно пристроить за новаго священника. Прошу васъ, примите въ этомъ участіе. О другомъ, младшемъ священникѣ графъ отзывается, что онъ началъ сильно пить.

Вечеромъ 6 числа назначено засѣданіе Св. Сѵнода въ келіяхъ митрополита, по какому-то Высочайшему повелѣнію.—Не по моей ли запискѣ объ уставѣ Семинарскомъ?

Сегодня очень плохо вижу глазкомъ своимъ; здоровье же, слава Богу, поправилось».

Въ отсутствіи митрополита Иннокентія, Москва была свидѣтельницею церковнаго торжества. 19 мая исполнилось ровно 200 лѣтъ, какъ точный списокъ чудотворной Иверской иконы Божіей Матери полученъ въ Москвѣ съ Аѳона и поставленъ надъ Воскресенскими воротами: и по случаю этого торжества, во время священнодѣйствія, получена была изъ Петербурга отъ архипастыря Москвы, на имя преосвященнаго Леонида, телеграмма, въ которой онъ, поздравляя Московскую паству съ духовнымъ торжествомъ, призывалъ на нее благословеніе Божіе и матернія щедроты Царицы небесной.

О дѣлахъ въ Св. Сѵнодѣ вотъ что сообщалъ митрополитъ Иннокентій преосвященному Леониду въ письмѣ своемъ *(отъ 20 мая)*: «спрашивалъ я первѣйшихъ, си-есть, оберъ-прокурора и митрополита Исидора: во 1-хъ, о томъ, можно ли раздѣлять оклады, положенные на 4-хъ членовъ консисторіи, на восьмерыхъ, по 500 р.—Отвѣчали: невозможно, т. е. только четверо должны получать оклады по 1000 р., а прочіе должны служить изъ чести и чаянія поступить на мѣсто получающаго. Въ 2-хъ, на письмоводителей викаріямъ оклады производить изъ консисторіи по усмотрѣнію, т. е. можно командировать одного изъ чиновниковъ, даже изъ столоначальниковъ, а другаго изъ наемныхъ. Слѣдовательно этотъ вопросъ предоставляютъ рѣшенію нашему и, кажется, удоборѣшимъ.—Но какъ рѣшить первый вопросъ въ настоящее время: кому изъ 8-ми назначить оклады? Я недоумѣваю; вы лучше меня знаете консисторіаловъ. Какъ же вы полагаете? Если оставить въ Консисторіи только четверыхъ, а прочихъ уволить, то четверымъ не управиться, а въ случаѣ болѣзни одного, будетъ еще труднѣе и потому необходимо имѣть въ нашей Консисторіи не менѣе 8, т. е. у каждаго члена, завѣдывающаго своимъ столомъ, долженъ быть помощникъ. Вновь опредѣленному помощнику и подобаетъ быть безъ жалованья, какъ еще неопытному. Но какъ быть помощнику старому безъ жалованья?

Академическій уставъ разсматриваніемъ конченъ 18 числа вечеромъ. Ректоръ назначаемъ Св. Сѵнодомъ, права его увеличены, также и архіереевъ. Совѣтъ будетъ состоять не болѣе какъ изъ 11 членовъ—ректоръ, инспекторъ, 3 помощника; или ректоръ и 6 изъ профессоровъ, по выбору на 2 года.—Докторовъ на философію уничтожено по насто-

янію преосвященнаго Макарія; все же прочее, означенное выше, по настоянію оберъ-прокурора. Споемъ ему! Вотъ вамъ новости. Объ остальномъ разскажу при свиданіи. P. S. О 25 числѣ спрошу завтра, и кажется, здѣсь въ Питерѣ крестнаго хода на площади не будетъ, потому что не было и 4-го апрѣля. Отмѣнено. Только митрополитъ Исидоръ отправлялъ молебенъ у сада въ часовнѣ; а мы всѣ въ Исакіевскомъ соборѣ».

Въ концѣ мая митрополитъ Иннокентій сталъ уже понемногу собираться въ Москву, и о своемъ возвращеніи изъ Петербурга онъ извѣщалъ преосвященнаго Леонида письмомъ *(отъ 2 іюня)* такъ: «Государь изволитъ нынѣ быть въ Москвѣ и мнѣ приказалъ отправиться во свояси, что и будетъ исполнено мною не позже четверга.—Мнѣ нужно будетъ встрѣтить Его, и какъ это будетъ въ первый и, можетъ быть, и послѣдній разъ въ моей жизни: то мнѣ желательно встрѣтить Его рѣчью. Но я не мастеръ сочинять ихъ; какъ умѣлъ, написалъ—и посылаю вамъ для исправленія: сдѣлайте милость, примите на себя трудъ этотъ, а если моя рѣчь не годится, то составьте новую къ моему пріѣзду. Умоляю васъ не выѣзжать ко мнѣ на встрѣчу на желѣзную дорогу.—Это будетъ уже слишкомъ много труда для васъ и для меня—чести; будетъ довольно и за глаза, если я увижу васъ въ своемъ домѣ по моемъ пріѣздѣ.

Думаю такъ: если я въ пятницу буду въ 10 часовъ въ Москвѣ, то въ тотъ же день и отправиться въ Лавру, дабы тамъ собраться съ силами для празднованія двухдневнаго праздника и въ понедѣльникъ Св. Духа возвратиться, дабы успѣть оправиться до пріѣзда Государя, который, думаютъ, будетъ не ранѣе 11-го числа.—Государыня Императрица, говорятъ, выѣдетъ 13-го и обѣщалась побывать въ Лаврѣ, о чемъ я уже писалъ отцу намѣстнику.

Преосвященный Нектарій уволенъ совсѣмъ и на мѣсто его вызывается Рязанскій Алексій».

5 іюня владыка прибылъ въ Москву и въ тотъ же день, какъ писалъ въ письмѣ къ преосвященному Леониду, отправился въ Сергіеву Лавру и, пробывъ тамъ два дня, возвратился въ Москву; а 12 іюня, по случаю пріѣзда въ Москву въ Бозѣ почившаго Государя Императора, привѣтствовалъ Его Величество въ Успенскомъ соборѣ рѣчью, которую мы и помѣщаемъ здѣсь по имѣющемуся у насъ собственноручному чер-

новому его подлиннику, безъ постороннихъ поправокъ: «Благочестивѣйшій Государь! Царелюбивая Москва, всегда съ искреннею радостью срѣтающая Царей своихъ, и особенно Тебя,—здѣсь впервые узрѣвшаго свѣтъ Божій, и естественный, и благодатный,—нынѣ срѣтаетъ Тебя съ новою радостью, ясно видя на Тебѣ новыя благословенія Царя Небеснаго, въ рожденіи Царственныхъ внуковъ, сыновъ сына и наслѣдника твоего. Она молитъ и не перестанетъ молить Его, да выну пребываетъ благословеніе Его на Тебѣ, вѣнценосной Супругѣ твоей и твоемъ Царственномъ потомствѣ во вѣки, на радость Православныя Церкви, на славу и благоденствіе Россіи».—Въ послѣдующіе за тѣмъ дни мирно текла жизнь маститаго іерарха: очень часто случалось, что онъ въ недѣлю совершалъ по 4 службы, въ своей же домовой церкви онъ ежедневно слушалъ обѣдню и безъ его благословенія никогда не начинали службы; также не пропускалъ ни одной всенощной, а подъ праздникъ благоговѣйно—величественно выходилъ на величаніе; кромѣ того, онъ ежедневно до обѣдни молился въ своей молельнѣ по часу, и затѣмъ на сонъ грядущій также часъ. Ложился аккуратно въ 10 часовъ вечера, а вставалъ въ 4 часа утра. Посѣтителей принималъ всѣхъ званій и сословій, бѣдныхъ и богатыхъ безъ исключенія, съ 9 часовъ утра до 3 ч. пополудни и потомъ съ 6 часовъ до 10 вечера и никогда не роптал на это. Въ теченіи недѣли бѣдныхъ приходило до 300 человѣкъ, на которыхъ въ продолженіи года выходило изъ его собственныхъ средствъ до 10 тысячъ рублей. По вечерамъ, владыкѣ читали разныя газеты или его внучата, или его сынъ протоіерей Гавріилъ Ивановичъ. Когда же приходилъ къ его внучатамъ репетиторъ, то владыка присутствовалъ при урокѣ, удивлялъ учителя своимъ обширнымъ знаніемъ математическихъ наукъ, въ особенности астрономіи. Владыка любилъ общество и оживленную бесѣду.

Отношенія владыки къ подчиненному ему духовенству проникнуты были отеческой снисходительностію; такъ напримѣръ, къ нему явился одинъ молодой человѣкъ, богословъ, окончившій курсъ въ семинаріи, для справки относительно резолюціи на поданное имъ прошеніе его высокопреосвященству и очень развязно себя держалъ и даже не застегнулъ сюртука и игралъ цѣпью. Владыка Иннокентій долго молча смотрѣлъ на него и наконецъ сказалъ: «я твое прошеніе съ моею резолюціею отправилъ преосвященному Леониду, отъ котораго и узнаешь;

предварительно же я долженъ предупредить тебя, что намъ съ тобою считаться нечего, такъ какъ я богословъ и ты богословъ, слѣдовательно мы съ тобою равны; но не забудь, теперь за резолюціей ты долженъ явиться уже не къ богослову, а къ академику, да еще магистру: то совѣтую тебѣ явиться къ нему уже въ застегнутомъ сюртукѣ» (*сообщилъ іеромонахъ Высоко-Петровскаго монастыря Даніилъ*). Вотъ другой случай: одинъ заштатный сельскій священникъ подалъ владыкѣ на своего зятя, также священника, жалобу, которая состояла въ томъ, что зять—молодой священникъ, поступивши на мѣсто тестя съ обязательствомъ взять въ замужество дочь своего предмѣстника и дать послѣднему у себя въ домѣ пріютъ, сдѣлался къ тестю непочтителенъ, чрезъ что произошли несогласія между молодымъ священникомъ и его женою, которая не пожелала жить совмѣстно съ мужемъ, а перешла жить на половину отца. На такую серьезную жалобу владыка обратилъ вниманіе и приказалъ мѣстному благочинному произвести строгое дознаніе. По слѣдствію оказалось, что виновенъ во всемъ не зять, а самъ тесть и его дочь, ибо отецъ вооружилъ свою дочь противъ мужа. Владыка потребовалъ лично къ себѣ всѣхъ троихъ ссорящихся и, сдѣлавъ строгое внушеніе тестю, приказалъ ему удалиться изъ дому зятя; а женѣ священника, сдѣлавъ отечески-душевное назиданіе, приказалъ просить у мужа прощеніе во всемъ и поклониться ему въ ноги; заставилъ ихъ при себѣ поцѣловаться трижды, и затѣмъ, благословилъ на согласное сожитіе: такимъ семейнымъ образомъ окончилъ Владыка это дѣло. (*Сообщилъ священникъ Тихвинской на бережкахъ церкви Алексѣй Ивановичъ Андреевскій, бывшій иподіаконъ митрополита Иннокентія*). Лѣто митрополитъ Иннокентій провелъ въ Москвѣ, такъ какъ въ избранномъ имъ мѣстѣ для лѣтняго пребыванія своего въ селѣ Черкизовѣ перестраивался, по ветхости, архіерейскій домъ.

Въ этотъ же пріѣздъ свой, митрополитъ Иннокентій сдѣлалъ преобразованіе въ благочиніи монастырей Московской епархіи. Прежде были четыре благочинные, между которыми были распредѣлены всѣ мѣста, именно: 1) Богоявленскій архимандритъ, отецъ Никодимъ; 2) Лаврскій намѣстникъ, отецъ Антоній; 3) Даниловскій архимандритъ, отецъ Іаковъ; 4) Іосифо-Волоколамскій архимандритъ Гедеонъ.

Отца Іакова потребовали къ Петербургъ для присутствія въ конси-

сторіи, отецъ намѣстникъ Антоній отказывался отъ должности благочиннаго по слабости своего здоровья, а отецъ Гедеонъ по преклонности лѣтъ и по слабости; оставался, слѣдовательно, одинъ только Богоявленскій архимандритъ Никодимъ. Это подало владыкѣ мысль сдѣлать перемѣну, и весьма основательную, раздѣливъ всѣ монастыри только между двумя благочинными: одному подчинивъ монастыри городскіе и всѣ штатные, другому—всѣ общежительные. Отецъ архимандритъ Никодимъ остался благочиннымъ штатныхъ монастырей, а для общежительныхъ нуженъ былъ и благочинный изъ монастыря общежительнаго; и такъ какъ отецъ Пименъ былъ одинъ изъ старшихъ настоятелей, самый заслуженный и опытный, то на немъ и остановился выборъ владыки, какъ нельзя болѣе удачный. Въ вѣдѣніи Лаврскаго намѣстника остались монастыри, по близости отъ Лавры находящіеся и отъ нея зависящіе и, кромѣ того, Спасо-Виѳанскій, Хотьковскій и Махрищскій; а у отца Гедеона только его собственный монастырь Іосифо-Волоколамскій. *(Русск. Вѣстн. 1882 г. Іюнь, стр. 566)*.

5 іюля, день обрѣтенія мощей преподобнаго Сергія, Лавра отпраздновала съ обычною торжественностію. Высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій прибылъ изъ Москвы за день до праздника, съ послѣднимъ поѣздомъ желѣзной дороги. Наканунѣ праздника совершено было митрополитомъ, въ сослуженіи всей лаврской братіи, молебное пѣніе преподобному Сергію и затѣмъ, въ шесть часовъ вечера, началось всенощное бдѣніе, продолжавшееся до одиннадцати. Въ самый день праздника, по окончаніи литургіи въ Троицкомъ соборѣ, отслуженъ былъ, по старопечатной минеѣ, молебенъ преподобному Сергію настоятелемъ Макаріева единовѣрческаго монастыря (Могилевской губ.) архимандритомъ Гедеономъ, настоятелемъ Московскаго Николаевскаго монастыря священно-инокомъ Павломъ и духовенствомъ отъ всѣхъ Московскихъ единовѣрческихъ церквей. Это сдѣлано было единовѣрцами во исполненіе обѣщанія—ежегодно пріѣзжать въ Лавру на праздникъ Преподобнаго для молебствія при святыхъ мощахъ его,—обѣщанія, которое они выразили Лаврскому намѣстнику архимандриту Антонію въ тотъ достопамятный для насъ день (13 мая), когда они совершали торжественное поминовеніе по учредителѣ единовѣрія митрополитѣ Платонѣ, въ Виѳанской церкви праведнаго Лазаря, при гробѣ почивающаго здѣсь архипастыря. По предложенію высокопреосвященнаго мит-

рополита Иннокентія и по собственному искреннему желанію, архимандритъ Гедеонъ и священно-инокъ Павелъ въ тотъ же день участвовали съ архипастыремъ и прочимъ православнымъ духовенствомъ въ совершеніи божественной литургіи. Доселѣ было, такъ сказать, не принято, было не въ обычаѣ, чтобъ единовѣрческое духовенство участвовало въ служеніяхъ и священнодѣйствіяхъ, совершаемыхъ въ общеправославныхъ храмахъ православнымъ духовенствомъ, хотя послѣднее, и именно православные епископы съ ихъ протодіаконами и иподіаконами, въ единовѣрческихъ храмахъ по старопечатнымъ книгамъ священнодѣйствуютъ. Да послужитъ это новымъ средствомъ къ разъясненію правильныхъ понятій о единовѣріи тѣмъ изъ единовѣрцевъ, которые помышляютъ о какомъ-то обособленіи отъ Православной Церкви, и тѣмъ, будемъ надѣяться, немногимъ изъ православныхъ, которые утверждаютъ, якобы единовѣріе отличается отъ православія въ самомъ «исповѣданіи христіанской истины». (*Московск. Епарх. Вѣдом. № 29, 1869 года, стр. 12*).

Второе посѣщеніе Угрѣши митрополитомъ Иннокентіемъ совершилось 9 августа 1869 года. «Намѣреніе владыки было посѣтить нашъ монастырь», писалъ архимандритъ Пименъ, «въ день празднованія явленія иконы Святителя. Но въ этотъ день приходился сороковой день по кончинѣ Татіаны Борисовны Потемкиной, которую владыка очень уважалъ и желалъ совершить по ней поминовеніе, что неудобно было бы въ день праздника—смѣшивать службу праздничную съ заупокойною; и потому, находясь въ Екатерининской пустыни (за Каширскою дорогою, въ 12 верстахъ отъ Угрѣши), прислалъ извѣстить, что будетъ 9 числа, къ вечеру. Въ 3-мъ часу по полудни, съ высокой монастырской колокольни завидѣвши издали приближеніе владыки, ударили въ большой колоколъ и стали благовѣстить на всѣхъ монастырскихъ колокольняхъ; при приближеніи владыки, начали звонить во всѣ колокола. Я, соборнѣ, въ облаченіяхъ, съ крестнымъ ходомъ, сопровождаемый всею братіею, встрѣтилъ владыку у Святыхъ воротъ и поднесъ ему крестъ; приложившись ко кресту и возвративъ его мнѣ, владыка облекся въ поданную ему мантію и съ посохомъ въ рукѣ, предшествуемый мною, братіею, крестнымъ ходомъ, діаконами съ кадилами и свѣщеносцемъ, направился къ соборному храму, гдѣ прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ и къ иконѣ Святителя. По окончаніи литіи и возглашеніи много-

лѣтія, благословилъ всю братію и великое множество народа, наполнявшаго храмъ и путь до настоятельскихъ келій, по которому ему надлежало итти. День былъ субботній. Въ 7 часовъ ударили ко всенощному бдѣнію: я служилъ въ соборѣ, а владыка слушалъ всенощную въ Успенской церкви (безъ звона), стоя въ алтарѣ. Наутріе въ Недѣлю, владыка совершилъ литургію соборнѣ въ Николаевскомъ соборѣ; въ служеніи съ нимъ были: намѣстникъ Чудова монастыря, архимандритъ Веніаминъ, отецъ протоіерей Гавріилъ (Веніаминовъ, сынъ владыки) и случайно пріѣхавшій намѣстникъ Саввинскій-Сторожевскій, игуменъ Галактіонъ. Владыка пожелалъ почтить своимъ присутствіемъ братскую трапезу; и послѣ краткаго отдыха въ настоятельскихъ келіяхъ, онъ и всѣ прочіе возвратились въ соборъ, откуда, въ предношеніи Панагіи (или Пречистой) и святой иконы, при колокольномъ звонѣ, пошли въ новую трапезную палату; по окончаніи трапезы, возвращеніе было тѣмъ же порядкомъ».

Владыка въ то время могъ еще довольно хорошо видѣть; хотя его зрѣніе, утомленное яркими снѣгами Сибири, и начинало уже примѣтнымъ образомъ отуманиваться, но однако онъ не только читалъ и писалъ свободно, онъ и вдали различалъ предметы довольно явственно.

Въ послѣобѣденное время онъ вышелъ, въ это второе свое прибываніе на Угрѣшѣ, на площадку, окружающую бесѣдку, которая примыкаетъ къ настоятельскимъ кельямъ и оттуда, простирая свои взоры вдаль на окрестность, сталъ разспрашивать отца архимандрита, какія это села и селенія видны за Москвой-рѣкой. Отецъ Пименъ называлъ ихъ владыкѣ и, упомянувъ о селѣ Островѣ, сталъ ему разсказывать объ этомъ селѣ все, чтò ему было о немъ извѣстно и въ заключеніе своего разсказа сказалъ ему: вотъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, въ селѣ Островѣ много прекрасныхъ каменныхъ зданій, строенныхъ при министрѣ Киселевѣ, кромѣ тѣхъ, которыя остались отъ графскихъ усадебныхъ построекъ; онѣ пустыя теперь и тàкъ пропадаютъ, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ветшаютъ; а ужъ какъ хорошо было бы воспользоваться ими для какого-нибудь казеннаго заведенія: строены прочно и большихъ стоили онѣ денегъ. «А кто же теперь завѣдуетъ ими?» спросилъ митрополитъ.—Онѣ въ вѣдѣніи Московской палаты Государственныхъ Имуществъ, отвѣчалъ отецъ Пименъ.— «Худое ли бы дѣло воспользоваться ими,» продолжалъ владыка, «да

вѣдь, пожалуй, не дадутъ; а я бы не прочь употребить ихъ на пользу ближняго..... Мнѣ давно приходило въ мысль: какъ хорошо было бы устроить богадѣльню для вдовъ и сиротъ духовнаго званія..... Чего же лучше, ежели бы можно было выпросить эти готовыя постройки и приспособить ихъ для помѣщенія тамъ призрѣваемыхъ!» —Можно разузнать, владыко святый,—и это мнѣ весьма легко будетъ сдѣлать: я знакомъ съ совѣтникомъ палаты.....—«Да можно ли надѣяться что-нибудь сдѣлать?» спросилъ митрополитъ.—Попытка не штука, спросъ не бѣда, владыко святый; благословите разузнать,—я разузнаю и вамъ въ точности донесу.— «Почему же не узнать? можете справиться, Богъ благословитъ......» Этотъ случайный разговоръ рѣшилъ судьбу Острова и былъ первымъ шагомъ къ учрежденію вполнѣ благотворительнаго заведенія, задуманнаго Московскимъ митрополитомъ Иннокентіемъ и приведеннаго въ исполненіе и устроеннаго, какъ мы увидимъ далѣе.

Въ этотъ же день (10 августа) вечеромъ, владыкѣ угодно было осмотрѣть строившуюся при монастырской богадѣльнѣ Казанскую церковь и архіерейскій домъ, вчернѣ уже совсѣмъ готовый, такъ что можно уже было судить о внутреннемъ его расположеніи. Владыка похвалилъ планъ дома и очень одобрилъ устроеніе крытой широкой галлереи, окружающей весь домъ въ верхнемъ этажѣ. Такъ было сдѣлано въ Островѣ, когда тамъ еще находился этотъ домъ, строенный при графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Орловѣ-Чесменскомъ. Вышедши изъ архіерейскаго дома, владыка вошелъ въ деревянную часовню напротивъ дома, на новомъ братскомъ кладбищѣ.

На слѣдующій день, послѣ ранней литургіи, онъ посѣтилъ скитъ; входилъ въ одну изъ братскихъ келій и, въ 1-мъ часу, откушавъ у настоятеля, пришелъ въ соборъ, гдѣ вся братія ожидала его, чтобъ предъ отъѣздомъ принять его благословеніе. Владыка прикладывался къ св. иконамъ и благословилъ всѣхъ; уѣзжая, митрополитъ неоднократно выражалъ отцу Пимену свою признательность за цвѣтущее состояніе обители, за радушное гостепріимство, повторяя нѣсколько разъ: «Обитель ваша—вторая лавра въ Московской епархіи; я монастыри теперь всѣ знаю, лучше вашего не видалъ.» — Владыку проводили за колокольню; онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ при колокольномъ звонѣ.

Нѣсколько дней спустя по отъѣздѣ владыки, отецъ Пименъ отправился въ Москву благодарить за посѣщеніе, какъ это всегда водится;

но прежде чѣмъ являться къ нему, онъ вздумалъ сперва побывать въ палатѣ и понавѣдаться насчетъ Острова и узнать, есть ли возможность надѣяться на пріобрѣтеніе его или на дозволеніе воспользоваться существующими тамъ зданіями; и получивъ тамъ благопріятный отвѣтъ по этому дѣлу, онъ съ этимъ извѣстіемъ отправился на Троицкое подворье и обрадовалъ владыку, который счелъ таковое начало за доброе предзнаменованіе успѣшности задуманнаго дѣла и какъ признакъ видимаго благословенія Божія. Но дѣло это тянулось долго: явились соперники, желавшіе оттягать въ земство Островскія зданія; дѣло обсуждалось въ общемъ собраніи министровъ, доходило до Государственнаго Совѣта и Высочайше рѣшено, какъ мы увидимъ далѣе, согласно съ желаніемъ митрополита Иннокентія, въ маѣ мѣсяцѣ 1870 года. Вся бывшая усадебная господская земля села Острова, въ количествѣ 32 десятинъ, со всѣми находящимися на оной строеніями, была Всемилостивѣйше безвозмездно пожалована духовному вѣдомству Московской епархіи». *(Русск. Вѣстн. 1882 г. Іюнь. стр. 576—580)*.

Въ это время въ Москвѣ вышло въ свѣтъ седьмое изданіе вѣчнаго календаря, и по поводу сего выхода вотъ что писалъ составитель онаго, П. Хавскій (*Московск. Епарх. Вѣдом. 1869 г. № 37, стр. 11)*: «Двѣ знаменитыя духовныя особы: покойный Московскій митрополитъ Филаретъ въ 1867 году, іюня 30 дня за № 272-мъ, изъ Сергіевской лавры, и архіепископъ Камчатскій Иннокентій прежде сего. отъ 26 февраля 1864 г. за № 1018, изъ города Благовѣщенска, указали мнѣ порядокъ слѣдованія годовъ и цифры ихъ съ марта, сентября и января. По сему руководству и составленъ вѣчный календарь.»

17-го сентября, въ залѣ Московской Епархіальной библіотеки было торжественное годичное собраніе членовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Не задолго до сего дня, по прошенію членовъ общества, благоволилъ принять на себя званіе попечителя онаго высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Иннокентій и удостоилъ почтить своимъ присутствіемъ день годовщины открытія общества. Торжество началось молебнымъ пѣніемъ ко Пресвятой Троицѣ, которое совершилъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ соборнѣ. Затѣмъ читаны были: секретаремъ общества, священникомъ В. П. Рождественскимъ, годичный отчетъ, а дѣйствительнымъ членомъ, Сѵнодальнымъ ризничимъ, соборнымъ

іеромонахомъ отцемъ Іосифомъ [1]) историческая статья о Московскомъ Чудовѣ монастырѣ. По отбытіи митрополита и преосвященнаго Игнатія, епископа Можайскаго, были выданы почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ общества дипломы, а 25-го сентября митрополитъ Иннокентій отправился въ Сергіеву лавру, гдѣ 25 сентября при мощахъ преподобнаго Сергія Радонежскаго совершалъ соборнѣ литургію. Здѣсь, узнавъ, что въ пещерной церкви Геѳсиманскаго скита 1-го сентября сего года совершилось чудесное исцѣленіе женщины, урожденки Калужской губерніи, по имени Ѳеклы, 9 лѣтъ не владѣвшей ногами, [2]) владыка Иннокентій по утру 26 сентября пріѣхалъ въ Геѳсиманскій скитъ и въ пещерномъ храмѣ по сему случаю приказалъ отслужить передъ чудотворною иконою Богоматери молебенъ, который выслушалъ съ великимъ благоговѣніемъ, и затѣмъ пожелалъ лично видѣть Ѳеклу Адріанову и бесѣдовалъ съ нею. Объ исцѣлѣвшей Ѳеклѣ, владыка Иннокентій зналъ еще ранѣе, изъ письма своей дочери монахини Поликсеніи. «Въ августѣ 1866 года, въ одну ночь предъ заутреней, во время сна», писала мать Поликсенія своему родителю митрополиту Иннокентію,— «вдругъ услышала я въ келліи голосъ, говорившій мнѣ: «приготовься нынѣ принять къ себѣ Ѳеклу». Я встала въ изумленіи: вижу въ келліи никого нѣтъ; стала думать о названномъ мнѣ имени и не нашла никого съ именемъ Ѳеклы, кто бы могъ придти ко мнѣ. Въ раздумьи и смущенная сходила я къ заутренѣ. Когда же я пошла къ ранней обѣднѣ, вижу—близъ церкви на носилкахъ лежитъ женщина, и при ней никого нѣтъ. Я спросила: почемужъ не идетъ она въ церковь? она мнѣ отвѣчала, что не можетъ ходить, и что женщины, которыя ее принесли, пошли въ церковь для пріисканія мѣста, гдѣ бы удобнѣе было ее помѣстить на время службы. Я пришла въ церковь; спустя четверть часа, внесли въ церковь женщину, которую я видѣла, и положили ее на полъ. Тогда подумала я: ахъ, какъ согрѣшила я! что́ бы мнѣ принять

---

[1]) Нынѣ настоятель Высоко-Петровскаго монастыря.

[2]) Эта женщина въ августѣ 1869 года была привезена, по ея желанію, изъ Воронежскаго Покровскаго монастыря въ лавру преподобнаго Сергія. Послѣ литургіи, въ пещерной церкви Геѳсиманскаго скита больная пожелала приложиться къ Черниговской иконѣ Божіей Матери, что въ храмѣ Архистратига Михаила; и когда ее поднесли къ иконѣ, она стала съ благоговѣйнымъ трепетомъ и со слезами прикладываться—и тутъ-же, къ общему изумленію, больная внезапно стала на ноги и уже сама, безъ посторонней помощи, падаетъ ницъ предъ иконою Богоматери, утопая въ слезахъ умиленія и изливая предъ иконою чувство благодарности.

участіе въ этой больной женщинѣ и велѣть бы послушницамъ внести ее раньше и избавить ее отъ холода? Въ этихъ мысляхъ сожалѣнія о больной женщинѣ, подозвала я одну послушницу, велѣла ей сходить купить просфору и, спросивъ больную женщину объ имени, вынуть просфору за ея здоровье и отдать ей. Я видѣла, какъ послушница исполнила мое приказаніе, и когда пришли ко мнѣ доложить объ исполненіи, я спросила: какъ зовутъ больную? Она отвѣчала: Ѳекла. Тогда я пришла въ великое изумленіе и едва могла достоять литургію, и потомъ по благословенію игуменьи Макаріи, въ келіяхъ которой я жила, пригласила къ себѣ эту малодвижимую больную, лежащую на носилкахъ, женщину, о которой предвозвѣщено мнѣ было во снѣ. Изъ состраданія къ ней, я напоила ее чаемъ и узнала отъ нея исторію ея страданія. Она пробыла у меня въ келіи часа три, послѣ того ее понесли въ гостинницу на носилкахъ; игуменья послала къ ней туда обѣдъ. Пробывши на гостинницѣ двое сутокъ, Ѳекла Адріанова, съ другими прислуживавшими ей больной, отправилась на лошади въ Кіевъ на богомолье.»

27 сентября, по случаю празднованія пятидесятилѣтія Кіевской Духовной академіи, митрополитомъ Иннокентіемъ было послано привѣтственное письмо съ препровожденіемъ, на благословеніе Академіи, образа преподобныхъ Сергія и Никона, Радонежскихъ чудотворцевъ. [1]) И вслѣдъ за симъ привѣтствіемъ, владыка былъ избранъ почетнымъ ея членомъ. Кстати скажемъ, что въ церковно-археологическомъ Кіевскомъ музеѣ при Академіи хранится кресло, принадлежащее прежде А. Н. Муравьеву,—изъ ясеневаго дерева, на пружинахъ, обитое темнымъ бархатомъ, съ рѣшетчатой спинкой изъ китоваго уса, съ мѣдной дощечкой и надписью на ней: «сооружено руками архіепископа Камчатскаго Иннокентія 1830 года». *(Кіевск. Епарх Вѣдом. 1879 г. № 16, стр. 8—9)*.

Во все это пребываніе митрополита Иннокентія въ Москвѣ, имъ безпрерывно получались изъ Св. Сѵнода разныя бумаги, касательно устройства церковныхъ дѣлъ въ бывшихъ колоніяхъ нашихъ въ Америкѣ: «Препровождая къ вашему высокопреосвященству, писалъ графъ Д. А.

[1]) На этомъ торжествѣ присутствовалъ воспитанникъ Академіи епископъ Саратовскій, Іоанникій, что нынѣ митрополитъ Московскій.

Толстой, отъ 24 октября 1869 г.,—отношеніе управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, отъ 15 сего октября, объ упраздненіи временной должности Императорскаго консульства въ Новоархангельскѣ, если къ тому не настоитъ препятствія со стороны вѣдомства православнаго духовенства, имѣю честь покорнѣйше просить почтить меня по сему предмету вашимъ, милостивый государь и архипастырь, заключеніемъ, съ возвращеніемъ приложенія.» Владыка Иннокентій отвѣчалъ *(отъ 31 октября)* такъ: «На отношеніе вашего сіятельства ко мнѣ имѣю честь отвѣтствовать, что я съ своей стороны не вижу необходимости имѣть въ Новоархангельскѣ особаго Русскаго консула, если нашъ консулъ находящійся въ С.-Франциско, въ случаѣ надобности, можетъ имѣть такое же вліяніе на бывшія Русскія колоніи, какое онъ имѣлъ на мѣстѣ резиденціи своей. Впрочемъ, болѣе положительный отвѣтъ по сему предмету можетъ дать находящійся въ Новоархангельскѣ преосвященный Павелъ».

2-го ноября митрополитъ Иннокентій почтилъ своимъ присутствіемъ торжество Московской Духовной семинаріи, которой въ настоящемъ году исполнилось 55 лѣтъ существованія и ровно 25 лѣтъ, какъ она была переведена изъ зданія въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, на Никольской, въ нынѣ занимаемыя ею зданія въ Каретномъ ряду. Это было въ 1844 году; купленный для помѣщенія Московской семинаріи домъ, съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ, принадлежалъ прежде графу Остерману. Вмѣстѣ съ симъ духовнымъ торжествомъ, съ разрѣшенія владыки, соединенъ былъ на этотъ разъ и годичный актъ. Въ 10 часовъ начата была владыкою Божественная литургія, въ сослуженіи съ отцами архимандритами: Никодимомъ и Сѵмеономъ, ректоромъ семинаріи протоіереемъ Н. В. Благоразумовымъ и профессорами священниками: С. С. Владимірскимъ, Н. Г. Малиновскимъ и В. Т. Покровскимъ. Въ 11 часовъ, по окончаніи литургіи, митрополитъ Иннокентій, въ сопровожденіи отца ректора, наставниковъ семинаріи и прочихъ посѣтителей, изволилъ обозрѣвать воскресную школу. Посѣтители были встрѣчены пѣніемъ молитвы: «Царю небесный!...» Послѣ предложенныхъ высокопреосвященнѣйшимъ владыкою нѣсколькихъ вопросовъ одному изъ учениковъ воскресной школы, какъ самъ онъ, такъ и посѣтители отправились въ семинарскую церковь. Иконостасъ былъ закрытъ широкою занавѣсью. По обѣимъ сторонамъ въ два ряда были разставлены стулья, а около двери возвышалась ка-

ѳедра; ученики стояли за рѣшеткою; на хорахъ помѣщались пѣвчіе. Актъ открылся чтеніемъ краткаго извлеченія изъ журнала правленія объ утвержденномъ его высокопреосвященствомъ порядкѣ празднованія дня открытія семинаріи. Послѣ сего отцомъ ректоромъ семинаріи было прочитано извлеченіе изъ отчета по учебной и нравственной части въ семинаріи за прошедшій 1868—69 годъ. Часть отчета была посвящена довольно подробному описанію при семинаріи воскресной школы. По окончаніи чтенія отчета, всѣ встали и пѣвчими на хорахъ стройно и тихо былъ пропѣтъ гимнъ: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ...... Послѣ сего, секретаремъ былъ прочитанъ статистическій отчетъ о состояніи семинаріи въ административно-служебномъ и хозяйственномъ отношеніи за минувшій годъ. Актъ во 2-мъ часу пополудни заключился раздачею высокопреосвященнѣйшимъ владыкою наградныхъ книгъ лучшимъ ученикамъ семинаріи, и пѣніемъ славословія: Тебе Бога хвалимъ. *(Московск. Епарх. Вѣдом. № 45, стр. 7—8. 1869 г.)*.

Владыка Иннокентій и въ Москвѣ не забывалъ своей дочери—монахини Поликсеніи, сознавая, конечно, какъ добрый и опытный пастырь и отецъ, какое тяжелое бремя несетъ она, молодая дѣвушка, на раменахъ своихъ, сидя вѣчно взаперти въ монастырской кельѣ своей. Натура Поликсеніи взяла свое. Молитва, постъ, терпѣніе и послушаніе не успокоили волненій души ея, не заглушили въ ней воспоминаній о прелестяхъ житейскихъ. Она стала искать развлеченій въ роскоши житейской, и деньгами сорила и кельи свои отдѣлала лучше настоятельскихъ, что видно изъ слѣдующаго письма къ ней владыки *(отъ 4 ноября 1869 г.)*: «Миръ и благословеніе тебѣ отъ Господа нашего Іисуса Христа! Я чуть-было не разсердился на тебя за твое извѣстное тебѣ письмо къ брату твоему. Но теперь, когда я узналъ, что ты по любви къ твоей второй матери сдѣлала это, я совершенно примирился съ тобою. Хвалю и благодарю тебя за такую твою нѣжную любовь и благодарность къ твоей благодѣтельницѣ. Тебѣ больно слышать худые отзывы о ней; ты готова пожертвовать всѣмъ для уничтоженія худыхъ отзывовъ о ней,—это весьма похвально и вселюбезно. Но знай: чѣмъ болѣе ты стала бы жертвовать деньгами, тѣмъ сильнѣе стали бы распространять подобные о ней отзывы. И мало того, и тебя самое причли бы соучастницею съ

нею. Нѣтъ! этимъ способомъ не утолить злорѣчія. Терпѣніе и молитва, и молитва о самыхъ злорѣчащихъ—вотъ лучшее и надежнѣйшее средство. Но объ этомъ довольно.—Говорятъ, твои кельи лучше келій игуменьи. Если можешь, перемѣнись съ нею. Это съ твоей стороны будетъ великая жертва и истинный подвигъ монашескій, да притомъ и дровъ потребуется менѣе. Вдругъ на это не рѣшайся, дабы послѣ не раскаяваться и не роптать. Я не принуждаю, но только показую тебѣ добрѣйшій путь смиренія. Прощай, Господь съ тобою»!

14 ноября митрополитъ Иннокентій получилъ указъ, вызывающій его въ С.-Петербургъ для присутствія въ Св. Сѵнодѣ. «Владыку особенно заботитъ», писалъ преосвященный Леонидъ къ архіепископу Полоцкому Саввѣ,—«устроеніе церковныхъ дѣлъ въ Америкѣ» [1]).

15 ноября, т. е. за нѣсколько дней до своего отъѣзда, митрополитъ Иннокентій отправился въ Сергіеву лавру, гдѣ 16 ноября въ Филаретовской церкви онъ совершилъ заупокойную литургію и панихиду по въ Бозѣ почившемъ архипастырѣ Филаретѣ; 17-го, по отправленіи праздничнаго служенія въ память преподобнаго Никона, онъ возвратился въ Москву. На другой день своего пріѣзда, 18 ноября, освящалъ церковь въ приходѣ Новопименовскомъ, а 19-го, въ день кончины покойнаго митрополита Московскаго Филарета, въ 6 часовъ утра, на Троицкомъ подворьѣ, въ Крестовой церкви, совершилъ заупокойную литургію по почившемъ, и въ тотъ же день въ пять часовъ вечера, съ обыкновеннымъ поѣздомъ желѣзной дороги владыка отправился въ Петербургъ. Въ царскихъ комнатахъ станціи онъ простился со старшимъ духовенствомъ, а въ вагонѣ съ викаріями и оберъ-полицеймейстеромъ Н. У. Араповымъ, пріѣхавшими проводить его.

По отбытіи поѣзда, оба викарія поѣхали прямо въ Чудовъ монастырь, гдѣ немедленно и отслуженъ соборнѣ молебенъ о путешествующемъ архипастырѣ.

20 ноября митрополитъ Иннокентій прибылъ въ Петербургъ, откуда на другой же день своего пріѣзда извѣстилъ преосвященнаго Леонида слѣдующимъ письмомъ *(отъ 21 ноября 1869 г.)*: «Сейчасъ получилъ я телеграмму вашу съ поздравленіемъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ въ С.-Петербургъ, и тотчасъ же я выслушалъ статью объ от-

---

[1]) Воспомин. о высокопреосвящ. Леонидѣ, архіеп. Ярославск. и Ростовск., стр. 212.

бытіи моемъ изъ Москвы, гдѣ между прочимъ сказано, что вы, проводивши меня, изволили отправиться въ Чудовъ и тамъ отправили молебенъ и пр. Премного и искренно благодарю васъ за все это. Путешествіе мое, молитвами вашими, совершилось благополучно, и скорѣе, чѣмъ я думалъ. Задержки были главное за переносомъ багажа; а переходъ нашъ чрезъ рѣку Мсту [1]) совершился ровно въ 20 минутъ, т. е. отъ выхода изъ вагона, въ которомъ мы пріѣхали изъ Москвы, и до того времени, когда мы сѣли въ вагонъ слѣдующій въ С.-Петербургъ. Люди молодые перешли гораздо скорѣе. Касательно здоровья моего скажу, что къ легкому насморку, приставшему ко мнѣ за нѣсколько дней до отправки, присоединился кашель, пока легкій, приставшій ко мнѣ въ пути во время ночи, проведенной въ вагонѣ—но за то круженіе головы пока не чувствую. Извините, что такъ много говорю о себѣ. Прощайте, до свиданія».

Наканунѣ своихъ имянинъ 25-го ноября, митрополитъ, по разсказамъ очевидцевъ, всю всенощную стоялъ въ своей домовой церкви въ мантіи, выходилъ на литію и величаніе и своимъ необыкновенно пріятнымъ голосомъ пѣлъ громко тропарь св. Иннокентію Иркутскому: «Свѣтильниче церкве пресвѣтлый, озаривый лучами добротъ твоихъ страну (Иркутскую), и исцѣленіями многими притекающихъ къ ракѣ твоей съ вѣрою Бога прославивый, молимъ тя святителю отче Иннокентіе, ограждай молитвами твоими градъ сей, отъ всѣхъ бѣдъ и печали». «26 ноября», пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» архимандритъ Пименъ, «я служилъ съ владыкою на Троицкомъ подворьѣ ранѣе обыкновеннаго часа, потому что въ этотъ день память и св. Великомученика Георгія, и кавалерскій праздникъ, въ который свершали столѣтній юбилей со времени учрежденія (въ 1769 году) Георгіевскаго ордена; то всѣмъ тремъ владыкамъ, Новгородскому, Кіевскому и Московскому, назначенъ былъ сборъ во Дворецъ, для совершенія торжественнаго молебствія». Одновременно съ симъ, Московская паства также чествовала сей день: въ соборныхъ, монастырскихъ и приходскихъ церквахъ молилась о здравіи и долгоденствіи своего высокоуважаемаго Архипастыря. Предъ литургіею отъ преосвященныхъ викаріевъ была послана владыкѣ въ Петербургъ поздравительная телеграмма. Съ особымъ же торжествомъ этотъ день праздновался въ

---

[1]) По случаю стройки новаго моста.

Московскомъ Златоустовомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ есть единственный въ Москвѣ придѣлъ въ честь св. Иннокентія Иркутскаго, устроенный въ 1821 году усердіемъ купца Д П. Шапошникова, исцѣленнаго въ Иркутскѣ отъ тяжкой болѣзни Святителемъ Христовымъ. Придѣлъ этотъ, послѣ возобновленія, освященъ 3 августа 1869 года, самимъ Иннокентіемъ. «Престольный праздникъ 26-го ноября отличался у насъ торжествомъ», писалъ настоятель монастыря архимандритъ Григорій [1]). Наканунѣ, послѣ малой вечерни, и въ самый день свѣтлаго празднества, послѣ литургіи, отслуженъ былъ соборнѣ молебенъ Святителю Иннокентію, съ возглашеніемъ многолѣтія тезоименитому архипастырю, тѣломъ отсутствующему, но духомъ присутствующему съ Московской паствой [2]) *(Моск. Епарх. Вѣдом. 1869 г.)*. По поводу такого чествованія въ Москвѣ своихъ имянинъ, митрополитъ Иннокентій послалъ благодарственное письмо преосвященному Леониду *(отъ 30 ноября 1869 г.)*: «Не знаю, какъ благодарить васъ за честь и чествованіе меня вашимъ преосвященствомъ въ 26-е ноября. Вчера я получилъ письмо отъ отца намѣстника Чудова монастыря, гдѣ онъ описалъ все происходившее въ тотъ день. Да воздастъ вамъ Господь Богъ за любовь вашу ко мнѣ недостойному. Примите на себя трудъ поблагодарить отъ меня преосвященнѣйшаго Игнатія и прочихъ участвовавшихъ въ молебнѣ. Препровождаю вамъ для прочтенія кляузы, сочиненныя, какъ видно, нѣкіимъ изъ знакомыхъ Покровскому монастырю. Позвольте попросить васъ поторопить.......дѣломъ объ открытіи Братства Св. Митрополита Петра противъ раскольниковъ. Было бы прилично, чтобы дѣло это кончилось къ 21 декабрю.

Дурнаго вліянія здѣшняго климата я пока не чувствую. Слава Богу! Впрочемъ, сегодня погода лучше. По Св. Сѵноду особеннаго нѣтъ ничего; я еще ни съ кѣмъ не имѣлъ случая говорить о вещахъ серьезныхъ. Только преосвященному Макарію сказалъ о нашемъ ректорѣ Московской Семинаріи и онъ удивляется». Въ С.-Петербургѣ Владыка нашъ усиленно занимался въ Св. Сѵнодѣ устроеніемъ церковныхъ

---

[1]) Нынѣ настоятель Спасо-Андроніева монастыря.

[2]) Въ 1867 году, ноября 26-го, въ день памяти Святителя Иннокентія, Москва проводила въ Троицкую Лавру и на вѣки разсталась со священными останками въ Бозѣ почившаго іерарха Филарета. Не замѣчательно ли, что преемникомъ ему назначенъ тезоименитый св. Иннокентію архипастырь! Примѣч. архимандр. Григорія.

дѣлъ въ Америкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ не забывалъ и свою Московскую паству, которую сердечно любилъ; съ его благословенія и желанія, «въ концѣ года образовался при Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія первый, по времени, Отдѣлъ иконовѣдѣнія. Задачею себѣ Отдѣлъ поставилъ собрать книги, имѣющія предметомъ иконописаніе и руководства для иконописанія, копіи съ чудотворныхъ иконъ, находящихся какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ православныхъ странахъ и копіи съ древнѣйшихъ изображеній иконописанія находящихся на дскахъ, стѣнописи и въ рукописяхъ. Такъ какъ иконы пишутся нерѣдко безъ знанія догматическаго и историческаго и потому не вполнѣ отвѣчаютъ характеру православной иконы, пишутся съ такъ называемыхъ подлинниковъ, которые служа образцами, сами страдаютъ неправильностію и притомъ весьма разнообразны и противорѣчивы,—то Отдѣлъ предположилъ себѣ заняться разсмотрѣніемъ подлинниковъ, составленіемъ, на основаніи догматики и церковной исторіи, и изданіемъ руководства для иконописцевъ. Тогда попечителемъ Общества, высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ ненужныя иконы въ монастыряхъ и церквахъ были доставляемы въ Чудовъ монастырь, гдѣ членами Отдѣла иконовѣдѣнія должны быть отобраны достойныя храненія въ музеѣ иконовѣдѣнія, а прочіе отдаваемы были въ нуждающіяся церкви. Св. Сѵнодъ, по ходатайству же митрополита Иннокентія, дозволилъ отобрать изъ хранившихся въ Библіотекѣ Сѵнода старыхъ книгъ нужныя для отдѣла иконовѣдѣнія». *(Московск. Епарх. Вѣдом. 1869 г.)*.

«Отвѣчаю вамъ на два послѣднія ваши письма», писалъ митрополитъ Иннокентій къ преосвященному Леониду *(отъ 8 декабря 1869 г.)*: «отецъ архимандритъ Никодимъ останется. На чреду назначенъ Тверской и Харьковскій. Успокойте его.—При случаѣ, скажите или напишите отцу архимандриту Леониду Воскресенскому, что я ни въ Св. Сѵнодѣ, ни въ Сѵнодальной Конторѣ не слыхалъ и не видалъ, что будто на его мѣсто хотятъ опредѣлить Симоновскаго Евстафія; это выдумки его келейника, и если бы это было предложено, я постараюсь отклонить.

Если письмо отца архимандрита Веніамина съ проектомъ о братствѣ по содержанію своему можетъ быть внесено въ Консисторный, то передайте съ приказаніемъ дать ходъ дѣлу, или прикажите ему написать прошеніе по формѣ. При чемъ препровождаю къ

вамъ проектъ заключенія имущаго быти моего донесенія въ Св. Сѵнодѣ касательно учрежденія общежитія въ монастыряхъ. Разсмотрите оный съ преосвященнымъ и, что найдете, нужнымъ поправьте и дополните.—Мѣста означенныя №3 надлежитъ изложить особо и ранѣе при соображеніи представляющихся мѣръ и причинъ, представленныхъ настоятелями. Дѣло объ общежитіи монастырей, по моему, не слѣдуетъ передавать на разсмотрѣніе и заключеніе консисторіи, развѣ какія либо частички. Говорятъ, уставъ Миссіонерскаго Общества утвержденъ; но я еще не видалъ его. Послалъ отца Гавріила за нимъ, и когда увижу, буду писать и вашему преосвященству. Теперь довольно! Скажу только: отъ сегодняшняго понедѣльника въ Св. Сѵнодѣ засѣданій по понедѣльникамъ не будетъ. Опять открылся комитетъ по переводу Св. Писанія». Написавши это письмо, митрополитъ Иннокентій былъ душевно обрадованъ тѣмъ, что его новый уставъ Православнаго Миссіонерскаго Общества Высочайше утвержденъ былъ еще 21 ноября, что въ силу сего устава, Совѣтъ общества имѣетъ быть въ Москвѣ и что на него, какъ на одного изъ самыхъ свѣтлыхъ и глубоко чтимыхъ дѣятелей на поприщѣ Сибирскихъ миссій, возлагается обязанность предсѣдателя Общества. По поводу сего радостнаго событія, вотъ что писалъ владыко преосвященному Леониду *(отъ 11 декабря 1869 года)*: «Выслушалъ я утвержденный уставъ Миссіонерскаго Общества. На первомъ взглядѣ въ немъ все оставлено, что было въ проектѣ, даже и пересылка по почтѣ бумагъ по казенному. Слава Богу! И такъ, рано—поздно, долго—скоро, надобно будетъ приступить прежде всего къ открытію Общества; но какъ, когда и гдѣ? На всѣ эти вопросы я ничего не могу сказать основательно. Думаю, что не лишне бы было быть и мнѣ при открытіи, и если бы дѣло рѣшилось ранѣе, то прибыть къ празднику Рождества Христова; но дѣло дѣлается тихо. Не получивши указа съ уставомъ, я не могу ничего дѣлать, да и получивши, я долженъ буду входить въ Св. Сѵнодъ съ особымъ представленіемъ, какъ учинила Канцелярія,—и когда все это будетъ? А между тѣмъ до праздника остается только три присутствія, не считая понедѣльниковъ. Уставомъ полагается 12 членовъ Совѣта, 4 изъ нихъ предоставляются избранію предсѣдателя. Кого же избрать? Напрашиваются и я соглашаюсь принять двухъ: отца протоіерея Ключарева и г. Хрущова (не знаю его имени), директора или попечителя Черкасской Богадѣльни близъ Петров-

скаго дворца; а двоихъ предоставляю избрать вашему преосвященству.......Или не помѣшкать ли избраніемъ ихъ даже до открытія?—Прежде оффиціальнаго открытія Общества не слѣдуетъ ли пригласить тѣхъ лицъ, кои изъявили желаніе быть членами взносомъ денегъ не менѣе 100 р., какъ учредителей Общества, для того чтобы рѣшить и установить какъ время открытія, такъ и все, что нужно до сего, при семъ и даже послѣ сего? А кто именно внесетъ таковую сумму, я пришлю реэстръ.—Мѣсто собранія Совѣта извѣстно, т. е. въ келіяхъ митрополита, а въ отсутствіи его—какъ угодно будетъ его помощнику.—Но гдѣ мѣсто общихъ собраній? Наградные списки уже представлены въ Св. Сνнодъ. Что дѣлать съ прилагаемымъ при семъ письмомъ? Не умудритъ ли Господь васъ—какъ нибудь отдѣлаться отъ писавшей безъ большаго оскорбленія ея?»

Получивши указъ объ утвержденіи устава Православнаго Миссіонерскаго Общества и объ его открытіи, митрополитъ Иннокентій обратился къ Московской своей паствѣ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «21-го ноября сего (1869) года, Высочайше утвержденъ новый уставъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны. По силѣ сего устава, Совѣтъ Общества имѣетъ быть въ Москвѣ, и на меня возлагаются обязанности предсѣдателя общества. Господу угодно, чтобъ и здѣсь, въ центрѣ Россіи, въ лѣтахъ преклонныхъ, я не оставался чуждымъ миссіонерской дѣятельности, которой, по волѣ промысла Божія, на отдаленныхъ окраинахъ отечества посвящена была почти вся жизнь моя съ ранней молодости.

Миссіонерское Общество имѣетъ цѣлію содѣйствовать Православнымъ миссіямъ въ дѣлѣ обращенія въ Православную вѣру не-христіанъ, обитающихъ въ предѣлахъ нашего отечества, и утвержденія обращенныхъ какъ въ истинахъ св. вѣры, такъ и въ правилахъ христіанской жизни. Таковыхъ согражданъ нашихъ, не просвѣщенныхъ свѣтомъ истинной вѣры или не утвержденныхъ въ ней, насчитываются многіе милліоны. Сравнительно съ числомъ ихъ, мы имѣемъ миссій очень мало, и тѣ, которыя уже устроены, нуждаются въ средствахъ для упроченія и расширенія своей дѣятельности.

Святость сего дѣла, великая важность его для Православной Церкви

и Государства, сами собою очевидны. Прямымъ источникомъ средствъ для развитія его должно быть сочувствіе къ нему и усердіе всѣхъ православныхъ христіанъ. Миссіонерское Общество открываетъ для всѣхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, удобства служить этому великому дѣлу, кто чѣмъ желаетъ и чѣмъ можетъ.

По долгу пастыря и по обязанности предсѣдателя Общества, прошу и молю Христолюбивую Москву, Московскую паству и духовенство не оставить меня въ семъ святомъ дѣлѣ своимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ. Въ непродолжительномъ времени, если Богу угодно будетъ, предполагаю прибыть къ своей возлюбленной паствѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею вознести Господу молитвы о благословеніи Православнаго Миссіонерскаго Общества на новую дѣятельность и открыть въ Москвѣ первое общее его собраніе».

Съ какимъ чувствомъ радости, довольства и надежды, помнится намъ, прочитано было въ Москвѣ это воззваніе! Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда владыки въ Москву. И такимъ образомъ Москва дѣлается средоточіемъ Совѣта Миссіонерскаго Общества. При этомъ невольно вспоминаются намъ слова достопочтеннѣйшаго профессора Московскаго Университета Н. А. Сергіевскаго [1]), такъ ярко характеризующія въ этомъ событіи личность владыки: «митрополитъ Иннокентій»,—сказалъ онъ,—«величіемъ святой простоты, по истинѣ мужъ Апостольскій, апостольствомъ для Московской церкви приготовленный и самую подвигшій и учредившій на дѣло Апостольства».

Много мѣшало владыкѣ въ его дѣятельности, плохое зрѣніе, которое у него годъ отъ году дѣлалось все хуже и хуже. Мысль потерять зрѣніе сильно тревожило его. Доктора ему положительно запрещали заниматься какъ письменною работою, такъ и чтеніемъ; въ противномъ же случаѣ грозили ему даже слѣпотою. Такое печальное обстоятельство, т. е. возможность потерять зрѣніе, побудило митрополита Иннокентія, до отъѣзда въ Москву, заблаговременно приступить къ составленію духовнаго завѣщанія, которое и помѣщаемъ здѣсь по имѣющемуся у насъ подлиннику, собственноручно имъ писанному и помѣченному «14-го декабря 1869 года» [2]). «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.—Хотя

---

[1]) Слово въ день отпѣванія митрополита Макарія. Московск. Вѣдом. 1882 г. № 171.

[2]) Сіе завѣщаніе засвидѣтельствовано такъ: «Свидѣтельствую въ томъ, что писанное сіе завѣщаніе собственною рукою его высокопреосвященствомъ митрополитомъ Иннокентіемъ Троиц-

состояніе здоровья моего весьма удовлетворительно при моихъ лѣтахъ; но зрѣніе мое мало по малу ослабѣваетъ и грозитъ слѣпотою, и потому я, пока еще могу видѣть что̀ пишу, разсудилъ изложить на бумагѣ мое послѣднее завѣщаніе, которое, конечно, должно имѣть свою силу не прежде моей смерти.

Прежде всего воздаю благодареніе Господу Богу моему, выну благодѣющему мнѣ и хранившему меня во всѣхъ путяхъ моихъ!

1. Затѣмъ прошу и умоляю всѣхъ и каждаго, кого я оскорбилъ, или огорчилъ, или изобидѣлъ словомъ или дѣломъ, простить меня всецѣло и навсегда ради Спасителя нашего, а также и я о Немъ же прощаю всецѣло и навсегда всѣхъ и каждаго, кто когда нибудь огорчилъ или оскорбилъ или изобидѣлъ словомъ или дѣломъ, а также прощаю и долги тѣмъ, кто не въ состояніи, безъ обремененія себя, заплатить ихъ.

2. Грѣшное тѣло мое похоронить въ Сергіевой Лаврѣ на общемъ братскомъ въ оградѣ кладбищѣ, разумѣется, если я помру числясь настоятелемъ оной; иначе—похоронить, гдѣ будетъ угодно властямъ.

3. Прошу и умоляю не говорить никакихъ рѣчей ни прежде, ни во время, ни послѣ погребенія моего. Если и при тускломъ свѣтѣ Истины, коимъ я водился въ жизни моей, мнѣ тяжело было слышать похвальныя рѣчи и привѣтствія; то какъ я долженъ буду мучиться тамъ, гдѣ Сама Истина, слыша похвалы не заслуженныя. Но если кому будетъ угодно сказать слово въ общее назиданіе, то прошу таковаго сказать слово изъ текста: «От Господа исправляются человѣку пути его», съ указаніемъ на меня, кто и гдѣ я былъ—кѣмъ и гдѣ я скончался,—во славу Богу, но безъ всякихъ мнѣ похвалъ.

4. Надъ тѣломъ моимъ не воздвигать никакихъ памятниковъ, кромѣ простой чугунной плиты съ самой простою и краткою надписью.

5. Все имущество, какое отъ меня останется и въ чемъ бы оно ни состояло, передать единственному наслѣднику и сыну моему, протоіерею Гавріилу Веніаминову. И ни одна изъ дочерей моихъ или ихъ дѣтей не имѣютъ права требовать отъ него что̀ либо изъ имѣнія моего.

каго подворья экономъ Соборный іеромонахъ Евѳимій. Свидѣтельствую въ томъ же духовникъ іеромонахъ Наѳанъ. Свидѣтельствую въ томъ же іеромонахъ Исаія.

6. Изъ панагій, какія останутся, одну—Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, на камнѣ—передать въ каѳедральный Соборъ Благовѣщенскій, что въ городѣ Благовѣщенскѣ, на Амурѣ; другую—Знаменія Пресвятой Богородицы, на такомъ же камнѣ—въ каѳедральный соборъ въ бывшихъ Русскихъ колоніяхъ въ Америкѣ.

7. Настольные часы завѣщаю внуку моему Іоанну, а золотые карманные—Евсевію Веніаминовымъ [1]). Изъ наличныхъ денегъ, какія останутся, до пятисотъ рублей раздать дѣтямъ сестеръ моихъ и роднымъ моей матери, по усмотрѣнію наслѣдника моего.»

Какъ ни рвалось сердце митрополита Иннокентія въ Москву, какъ ни стремился онъ скорѣе приступить къ открытію Православнаго Миссіонерскаго Общества,—онъ долженъ былъ, въ слѣдствіе сильной своей простуды, уступить сему желанію и остаться въ Петербургѣ впредь до выздоровленія. Болѣзнь же владыки очень туго поддавалась лѣченію и даже приняла острый характеръ, что окончательно лишило его надежды скоро поправиться. Это обстоятельство побудило его съ душевнымъ прискорбіемъ просить преосвященнаго Леонида приступить къ открытію Общества, не дожидаясь его. «Имѣю честь поздравить васъ съ новымъ годомъ», писалъ митрополитъ Иннокентій къ преосвященЛеониду *(отъ 6 января 1870 г.)*, «и пожелать вамъ всякихъ благъ въ теченіи онаго.—Нерадостную вѣсть хочу сообщить вамъ. Болѣзнь моя,—кашель, начавшійся съ 23 числа, съ жаромъ и съ обильнымъ потомъ,—такъ меня истощили, что я никакъ не могу быть въ Москвѣ къ 11-му января, если бы и предположить, что кашель меня завтра же оставитъ. Съ 26 числа я не съѣлъ ломтя хлѣба, ни куска рыбы; пью только молоко и чай, и нѣсколько ухи. Судя по ходу болѣзни, я не могу дать вѣрнаго слова быть въ Москвѣ даже къ 18-му. Ибо для совершенія такого пути нужны силы тѣлесныя, иначе я могу ослабнуть и подвергнуться простудѣ; а между тѣмъ время идетъ и не ждетъ. И такъ, какъ мнѣ ни жаль, что я не могу самъ быть при открытіи, но дѣлать нечего, видно такъ Господу угодно;—покорнѣйше прошу ваше преосвященство принять на себя трудъ открыть Общество. Рѣчь, которую я намѣревался сказать при открытіи, я, исправивъ нѣсколько,

[1]) Оба внука митрополита Иннокентія нынѣ состоятъ офицерами въ лейбъ гвардіи Семеновскомъ полку.

пришлю къ вамъ на ваше на благоусмотрѣніе: если найдете ее подходящею, произнесите, а нѣтъ—скажите свою.

Отъ меня, кажется, не нужно никакихъ оффиціальныхъ бумагъ, кромѣ одной, въ которой я долженъ заявить представителямъ Общества, что быть помощникомъ моимъ по обществу, въ слѣдствіе болѣзни моей, изъявляю согласіе преосвященному викарію Леониду, которому я и поручаю отнынѣ, во время отсутствія моего изъ Москвы, исправлять мою должность въ Совѣтѣ. И такъ, если ваше преосвященство согласны, чтобы такая или подобная бумага была дана, то прикажите составить и пришлите мнѣ къ подписанію». За симъ письмомъ слѣдуютъ еще три письма митрополита Иннокентія къ преосвященному Леониду, извѣщающія его о ходѣ болѣзни. Такъ, владыка писалъ (*отъ 8-го января*): «Здоровье мое то же; вчера утромъ жаръ почти утихъ, но съ полдня опять поднялся. И теперь также; кашель еще не оставляетъ, но будто по рѣже. И потому я никакъ не могу разсчитывать на то, чтобы я могъ отправиться отсюда 14 или 15 числа. Силы очень слабы, аппетиту нѣтъ, питаюсь, можно сказать, только молочнымъ.—При семъ посылаю вамъ рѣчь, которую я предполагалъ сказать. Я со своей стороны совѣтовалъ бы не останавливаться приступить къ открытію въ предположенный день. Что же дѣлать я стану! Сегодня впрочемъ или завтра докторъ мой пригласитъ ко мнѣ г. Боткина. Сколько уже денъ (кажется, съ 29) остаюсь я безъ слушанія св. литургіи, потому что не откуда слушать. Правда, помѣщеніе здѣсь и въ старыхъ комнатахъ владыки весьма неудобно,—по полу сильно дуетъ. Примите на себя трудъ принести мою глубочайшую благодарность его сіятельству за такое участіе въ Миссіонерскомъ Обществѣ, которое останется на вѣкъ въ исторіи онаго какъ перло». [1]) Письмомъ же (*отъ 13 января*) извѣщалось слѣдующее: «Благодареніе Господу, болѣзнь моя, за молитвы ваши и Москвы, прошла и я чувствую себя совершенно здоровымъ, только очень слабъ силами; и неудивительно: болѣе трехъ недѣль питанія малою пищею почти совсѣмъ безъ хлѣба.—Отъ васъ, кромѣ телеграммы, я ничего не имѣю касательно открытія Миссіонерскаго Общества. Если бы не переходъ чрезъ Мстинскій мостъ, то я рѣшился бы отправиться къ вамъ послѣ завтра, т. е. 15 числа.

---

[1]) Князь В. А. Долгоруковъ.

Впрочемъ, посовѣтуюсь съ докторомъ и начальствующими надъ дорогами. Нельзя ли будетъ устроить такъ, чтобы мнѣ изъ вагона въ вагонъ переѣхать; вѣдь возятъ же кладь. И если будетъ можно: то едвали не рѣшусь пуститься послѣ завтра вечеромъ. Конечно, и ваше преосвященство читали статью Гилярова о деньгахъ церковныхъ что на Пупышахъ. Мнѣ кажется, не стоитъ ни возражать, ни оправдываться,—дѣло разъяснится само собою. Но если вы найдете нужнымъ сказать что либо противу брани, то я полагалъ бы приказать благочинному составить изъ церковныхъ актовъ и книгъ выписку, безъ всякихъ укоризнъ бранливцу, начавъ съ того, что такой-то купецъ сдѣлалъ такое-то завѣщаніе, и въ слѣдствіе или во исполненіе котораго, такого-то числа душеприкащиками было внесено чрезъ Консисторію 8000 рублей, полученными изъ оной причтомъ при указѣ такого-то содержанія; потомъ получено чрезъ ту же Консисторію 15 т., при указѣ такого-то содержанія (здѣсь прописать все). Тѣ и другія деньги записаны на приходъ по церковной книгѣ тогда-то, подъ такими-то №№. Староста церковный отрѣшеннымъ не былъ, а только просилъ уволиться, и будучи упрошенъ прихожанами, остался опять. Священникъ не отрѣшался, а по собственному прошенію переведенъ къ другой церкви—и только. Напечатать это въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Въ прочемъ, остальномъ предоставляется усмотрѣнію вашему; но до суда не доводить никакимъ образомъ. Этимъ могутъ воспользоваться къ униженію архіерейской власти и силы. Богъ съ ними! пусть бранятся, лишь бы только не по дѣламъ! Такая брань, какъ Гилярова—для меня честь и заслуга—только. Отецъ архимандрить Іаковъ [1]) уже исключенъ. Я бы полагалъ на мѣсто его опредѣлить исправляющимъ должность настоятеля—разумѣется, съ полученіемъ всѣхъ окладовъ и доходовъ—отца Амфилохія, не болѣе какъ за годъ, именно для того, чтобы онъ бѣдняга могъ уплатить лежащій на немъ долгъ. Что скажете на это?» Наконецъ въ письмѣ *(отъ 15 января)* владыки Иннокентія, къ преосвященному Лео-Леониду, мы читаемъ слѣдующее: «Письмо ваше отъ 12 числа меня съ одной стороны порадовало, именно тѣмъ, что вы отложили открытіе Общества не на 18-е число, а далѣе. Потому что хотя я и могъ бы прибыть къ вамъ 16 числа, но все таки я трусилъ, чтобы не про-

---

[1]) Настоятель Даниловскаго монастыря.

студиться во время пути; ибо силы мои хотя, по милости Божіей, крѣпнутъ, но далеко еще въ ненормальномъ состояніи. Но съ другой стороны, письмо ваше смутило меня тѣмъ, что вы положили отложить открытіе до 12 февраля. Это, по моимъ соображеніямъ и по разнымъ причинамъ, слишкомъ далеко. Прежніе враги наши не дремлютъ, они распускаютъ слухи весьма неблагопріятные, толкуя по своему отложеніе открытія на 11 число. Между тѣмъ, поступаютъ бумаги въ Совѣтъ Общества, котораго еще нѣтъ; меня спрашивали, едва ли не отъ Государыни: когда будетъ открытіе? И притомъ, не утомится ли ожиданіе и самыхъ Москвичей, и не воспользуются ли этимъ наши недоброжелатели? И потому прошу васъ и умоляю сократите время ожиданіямъ. Нельзя ли опредѣлить окончательно—быть открытымъ 25 числа текущаго мѣсяца? Къ этому времени я надѣюсь совершенно поправиться силами (болѣзнь моя слава Богу миновалась). Отъ 11-го до 25-го двѣ недѣли, и отъ 25 до 12 почти тоже двѣ недѣли: значитъ, срокъ будетъ на половинѣ. И такъ, паки прошу васъ и умоляю: опредѣлите быть открытію на 25 число. Не смотря ни на что, хотя бы даже я опять заболѣлъ, Общество должно быть открыто 25 числа. Вы много утѣшите меня этимъ и успокоите и даже одолжите. Я не думаю, чтобы что̀ нибудь могло помѣшать открытію его 25 числа; времени еще очень достаточно—положить хотя бы то и отъ 17 числа. И такъ—съ Богомъ! Да будетъ 25 число днемъ открытія Общества во всякомъ случаѣ! Если здоровье мое не испортится, то̀ я намѣренъ отправиться отсюда въ среду вечеромъ: слѣдовательно, въ четвергъ вечеромъ могу быть въ Москвѣ. Двухъ дней (пятницы и субботы) достаточно будетъ на окончательное приготовленіе. А какъ долго пробуду въ Москвѣ—теперь не могу сказать».

XL

23 января 1870 года митрополитъ Иннокентій прибылъ изъ С.-Петербурга въ Москву, для открытія Православнаго Миссіонерскаго Общества. По поводу сего событія, вотъ что читаемъ мы *(въ Сборникѣ свѣдѣній о Православныхъ миссіяхъ, Книга 1-ая, стр. 5—13)*: «Въ минувшее воскресенье, 25 января, мы были свидѣтелями знаменательнаго и утѣшительнаго событія, которому, по всѣмъ признакамъ, суждено стать событіемъ историческимъ. Совершилось открытіе въ Москвѣ Православнаго Миссіонерскаго Общества. Мы помнили обѣщаніе предсѣдателя Общества, высокопреосвященнѣйшаго митрополита Иннокентія, данное имъ въ концѣ прошедшаго декабря, въ пастырскомъ воззваніи къ Московской паствѣ: прибыть въ непродолжительномъ времени изъ Петербурга въ Москву для открытія Общества,—и съ нетерпѣніемъ его ожидали. Владыка прибылъ 23 января. Въ тотъ же день разосланы были отъ его имени приглашенія къ извѣстнѣйшимъ лицамъ города всѣхъ сословій, со смиренною просьбой: не отказать въ своемъ сочувствіи святой цѣли Общества и содѣйствіи его успѣхамъ чрезъ вступленіе въ число его членовъ». Въ этихъ же приглашеніяхъ было объявлено, что 25-го литургія и молебствіе о ниспосланіи благословенія Божія на новооткрываемое Общество будутъ совершены въ Успенскомъ соборѣ, а собраніе членовъ имѣетъ быть въ домѣ Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова. То же извѣстіе сообщено было 24-го и въ газетахъ.

Литургія въ назначенный день совершена была его высокопреосвященствомъ, при сослуженіи обоихъ преосвященныхъ, викаріевъ московскихъ, ректора Московской Духовной Академіи протоіерея А. В. Горскаго, начальника Алтайской духовной миссіи архимандрита Владиміра и др., съ обычною торжественностію; протоіереемъ А. О. Ключаревымъ [1]) въ установленное время произнесено было слово; въ молебствіи участвовало старѣйшее духовенство столицы. Соборъ былъ полонъ народа; впереди былъ начальникъ столицы и знатнѣйшіе жители Москвы. Торжество было новое, необычное, не имѣвшее никакого офиціальнаго характера, съ цѣлію духовно-благотворительною, и въ немъ соединились единодушно и единомысленно съ духовенствомъ свѣтскія власти и знаменитости столицы. Это произвело на всѣхъ внимательныхъ наблюдателей глубокое и отрадное впечатлѣніе. Слава Богу, думали мы: давно пора нашему свѣтскому обществу, служащему и неслужащему, соединиться дружественно съ церковною властію въ общихъ трудахъ на пользу православной вѣры и церкви. Пора въ дѣлахъ этого рода оставить чуждыя намъ понятія и стать на православную точку зрѣнія, то-есть не одно только духовенство почитать церковію, а видѣть ее и въ самомъ православномъ народѣ, въ духовенствѣ же только ея служителей, и потому дѣла вѣры и церкви почитать дѣлами равно важными, равно обязательными для міряңъ и для духовенства. Въ этомъ единодушіи и заключается истинная сила православной церкви и основаніе надеждъ на успѣхъ во всѣхъ предпріятіяхъ для ея блага и чести.

Въ часъ пополудни собрались члены Православнаго Миссіонерскаго Общества въ обширной залѣ генералъ-губернаторскаго дома. Заранѣе приготовленныя мѣста заняли военныя и гражданскія власти, сенаторы, городской голова со старшинами всѣхъ сословій и членами думы, представители судебныхъ учрежденій, университета и другихъ вѣдомствъ столицы. Высокопреосвященный митрополитъ открылъ собраніе молитвою. Онъ самъ возгласилъ: *Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ*, и прочиталъ *трисвятое*; духовенствомъ, безъ участія пѣвчихъ, пропѣты были: *«Царю небесный»*, *«Отче нашъ»*, *«Благословенъ еси Христе Боже нашъ»* и *«Днесь благодать Святаго Духа насъ собра»*. Отправившись къ предсѣдательскому мѣсту, устроенному за особымъ сто-

[1]) Нынѣ епископъ Харьковскій и Ахтырскій.

ломъ, и пригласивъ сѣсть вмѣстѣ съ собою преосвященныхъ викаріевъ и князя Владиміра Андреевича (который желалъ остаться незамѣченнымъ, какъ простой членъ Общества), владыка приказалъ одному изъ предназначенныхъ имъ въ члены Совѣта Общества прочитать Высочайше утвержденный 21 ноября 1869 года уставъ Православнаго Миссіонерскаго Общества.

«Для тѣхъ изъ читателей, которые не знакомы еще съ этимъ превосходно составленнымъ уставомъ мы сообщимъ основныя его положенія. Православное Миссіонерское Общество имѣетъ цѣлію содѣйствовать дѣлу обращенія въ Православную вѣру и утвержденія въ ней не-христіанъ, обитающихъ въ предѣлахъ нашего отечества, развитіемъ существующихъ и устройствомъ новыхъ миссій, учрежденіемъ при миссіяхъ школъ, больницъ, общинъ и другихъ полезныхъ для ново-обращенныхъ учрежденій. Предсѣдатель Общества и его совѣта, учреждаемаго въ Москвѣ, есть митрополитъ Московскій. Онъ имѣетъ въ совѣтѣ двухъ помощниковъ себѣ и 12 членовъ. Одинъ помощникъ, изъ Московскихъ викаріевъ—назначается предсѣдателемъ, другой—изъ свѣтскихъ лицъ—общимъ собраніемъ членовъ Общества. Четыре члена совѣта избираются предсѣдателемъ, восемь—общимъ собраніемъ. По всѣмъ епархіямъ образуются особыя отдѣленія Общества, имѣющія свое управленіе подъ именемъ комитетовъ, устрояемыхъ по образцу Московскаго совѣта, свои общія собранія, выборы, свою кассу и отчетность. Хотя центромъ управленія дѣлами Общества предназначается Московскій совѣтъ, но губернскіе комитеты поставлены отъ него въ зависимость, только такую, какая требуется крайнею необходимостію въ единствѣ и стройномъ управленіи. При всей мягкости отношеній предсѣдателя и совѣта Общества къ комитетамъ и миссіямъ, они обладаютъ однако значительными полномочіями для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ миссіяхъ, для защиты и охраненія ихъ отъ стѣсненій и затрудненій, для ходатайства объ ихъ нуждахъ предъ правительствомъ и особенно предъ Августѣйшею Покровительницей Общества, Государынею Императрицей. Такимъ образомъ, Миссіонерское Общество, котораго необходимость давно у насъ чувствовалась, обниметъ всю Россію, найдетъ себѣ членовъ въ самой глубинѣ народныхъ массъ (особенно, если духовенство потрудится отъ души), будетъ имѣть возможность слѣдить за дѣятельностію какъ своею такъ и миссій, всѣ серіозныя мѣры будетъ принимать гласно и едино-

душно, и всегда будетъ ограждено Высочайшимъ покровительствомъ. Доступъ въ члены очень легокъ (ежегодный взносъ отъ 3 р. сер.), а параграфъ устава о капитализаціи взносовъ весьма облегчаетъ составленіе неприкосновеннаго капитала Общества съ большимъ утѣшеніемъ для членовъ. Не утѣшительно ли въ самомъ дѣлѣ думать, что, обезпечивъ свой трехрублевый взносъ соотвѣтствующимъ ему капиталомъ, я буду членомъ Миссіонерскаго Общества на вѣчныя времена? И кости мои истлѣютъ въ могилѣ, а имя мое будетъ въ спискахъ достопочтеннаго Общества, и три рубля процентовъ пойдутъ либо на обезпеченіе содержанія миссіонера, либо на первоначальныя нужды новокрещеннаго.........»

По прочтеніи устава, владыка всталъ и произнесъ къ обществу рѣчь, простую, добрую, задушевную:

«Вы слышали, братія, что цѣль Общества нашего есть содѣйствіе къ обращенію невѣрныхъ ко Христу Спасителю нашему: то есть, мы принимаемъ на себя, каждый по своимъ силамъ и по своему усердію, оказывать содѣйствіе обращенію къ свѣту Православной вѣры и истины блуждающихъ во мракѣ невѣрія соотечественниковъ нашихъ. Дѣло, которому мы хотимъ содѣйствовать, какъ видите, великое, святое, апостольское.

Для желаемаго успѣха въ обыкновенныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, независимо отъ средствъ, необходимы умъ, знаніе, опытность, способность, дѣятельность и энергія; и когда къ тому благопріятствуютъ обстоятельства, надежда на успѣхъ обезпечена.

Но въ дѣлѣ, которому мы хотимъ содѣйствовать, многое не такъ. Правда, и здѣсь нужны также, кромѣ средствъ, и умъ, и знаніе, и опытность, и способности, и проч.; но мы не можемъ и не должны разсчитывать на всѣ сіи условія, какъ на вѣрныя средства къ достиженію нашей цѣли, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Почему? Потому что обращеніе человѣка на путь вѣры и истины всецѣло зависитъ отъ Бога. Никто же пріидетъ ко Мнѣ, сказалъ Спаситель, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его; и потому, если Господу, по неисповѣдимымъ судьбамъ Его, не угодно, чтобы какой либо человѣкъ или народъ обратился къ Іисусу Христу, то и самые способнѣйшіе, даровитѣйшіе и усерднѣйшіе дѣятели нимало не успѣютъ въ своемъ дѣлѣ. Мы не будемъ приводить здѣсь въ примѣръ

людей и даже Апостоловъ,—укажемъ только на Самого Іисуса Христа. Кто могъ и можетъ лучше возвѣщать истину и убѣждать ко принятію оной, какъ Онъ, сый Слово и сама Любовь; но сколько изъ слышавшихъ и слушавшихъ Его остались необращенными!

И такъ, что же намъ дѣлать и какъ поступить, когда въ отечествѣ нашемъ, говоря словами Евангелія, жатва многа—многа, то-есть много необращенныхъ къ Іисусу Христу? Молитесь Господину жатвы, научаетъ Онъ Самъ. И такъ, первѣе всего и болѣе всего мы должны молиться. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ если и прибѣгаютъ къ молитвѣ, то въ началѣ—для испрошенія благословенія Божія, а въ продолженіи—для обновленія и подкрѣпленія силъ и дѣятелей: здѣсь молитва есть не болѣе, какъ помощь, а въ дѣлѣ обращенія она есть самое средство, и средство дѣйствительнѣйшее. Безъ молитвы нельзя ожидать успѣха при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. И такъ, не только миссіонеры наши, но и мы, братія, желающіе содѣйствовать имъ, должны оказывать содѣйствіе свое молитвою. О чемъ же мы должны молиться? Во первыхъ о томъ, да изведетъ Господинъ жатвы дѣлателей своихъ на жатву свою; во вторыхъ о томъ, да отверзетъ Онъ сердца слушающихъ слово Евангелія; въ третьихъ о томъ, да увеличивается число членовъ нашего Общества болѣе и болѣе, и наконецъ о томъ, да укрѣпитъ и утвердитъ Онъ въ насъ нынѣшнее желаніе наше содѣйствовать достиженію цѣли нашей. Затѣмъ будемъ содѣйствовать также благимъ желаніемъ, добрымъ словомъ и нашими посильными приношеніями, которыя, скажемъ мимоходомъ, какъ бы ни были малы, будутъ приняты Тѣмъ, Кто сказалъ: *Аминь, глаголю вамъ, аще кто напоитъ чашею студены воды во имя ученика Моего, не погубитъ мзды своея.* А здѣсь подъ именемъ ученика можно разумѣть именно нынѣшнихъ миссіонеровъ.»

Тотчасъ по окончаніи рѣчи пропѣты были духовенствомъ пѣснопѣнія: «*Достойно есть яко воистинну*» и «*Спаси Господи люди Твоя*». За тѣмъ владыка съ глубокимъ поклономъ обратился къ князю Владиміру Андреевичу и сказалъ: «Приношу вашему сіятельству отъ себя и *отъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ миссіонеровъ* глубочайшую благодарность за ваше христіанское вниманіе къ миссіонерскому дѣлу и содѣйствіе открытію Общества.» Князь, видимо тронутый словами владыки, принялъ его святительское благословеніе. Глу-

бокое чувство слышалось въ словахъ владыки и его устами говорила многолѣтняя миссіонерская опытность. Онъ извѣдалъ на своихъ и видѣлъ на чужихъ опытахъ, какъ легко и пріятно дѣйствовать миссіонерамъ при искреннемъ содѣйствіи свѣтской власти и сколько причиняютъ имъ затрудненій и скорбей недовѣрчивыя и немиролюбивыя ея отношенія къ проповѣдникамъ вѣры. Послѣ сего владыка сказалъ всѣмъ присутствовавшимъ: «Православное Миссіонерское Общество открыто. Благодарю васъ, братія, за сочувствіе цѣли Общества и ваше желаніе вступить въ число его членовъ. Такъ какъ всякое учрежденіе должно имѣть какое-либо управленіе для необходимаго веденія дѣлъ, то по данному мнѣ праву я *пока избираю*, кромѣ преосвященнаго Леонида, епископа Дмитровскаго, который по уставу есть помощникъ предсѣдателя, двухъ членовъ новоучреждаемаго совѣта: одного для наблюденія за письменною частію, протоіерея А. О. Ключарева, другаго для пріема и храненія суммъ, ст. сов. И. И. Четверикова. Въ непродолжительномъ времени, не позднѣе 2-го февраля, праздника Срѣтенія Господня, члены Общества получатъ приглашеніе въ общее собраніе для избранія втораго помощника предсѣдателя и восьми членовъ совѣта».

Послѣ сихъ словъ высокопреосвященный вышелъ изъ залы, благословляя присутствовавшихъ при пѣніи духовенствомъ: *«Ис полла эти деспота»*.

Не можемъ не пожелать, чтобы преосвященные всѣхъ епархій, при открытіи отдѣленій Миссіонерскаго Общества въ губерніяхъ, встрѣтили въ мѣстныхъ свѣтскихъ властяхъ такую же предупредительность и дѣятельную помощь, какая оказана была въ Москвѣ предсѣдателю Общества Московскимъ генералъ-губернаторомъ, и чтобы съ помощію Божіею вездѣ встрѣчено было открытіе Общества съ такимъ же живымъ сочувствіемъ, какъ въ Москвѣ.

Въ собраніи было 150 членовъ. Намъ извѣстно, что ко дню собранія ихъ было по крайней мѣрѣ вдвое больше. Что немного было въ первомъ собраніи членовъ изъ простыхъ гражданъ, это объясняется весьма просто. Вопервыхъ, мы еще не привыкли въ лицахъ облеченныхъ властію различать сановниковъ и людей имѣющихъ самыя разнообразныя отношенія къ обществу. Не всегда же они являются представителями власти, но, судя по обстоятельствамъ, и служителями

человѣколюбія, и добрыми сосѣдями, гостепріимными хозяевами и т. п. Вовторыхъ, мы не цѣнимъ своихъ правъ, которыя даетъ намъ законъ и которыя въ извѣстныхъ случаяхъ упрочиваютъ простому гражданину мѣсто рядомъ съ сановникомъ; такъ, въ обществѣ ученомъ или сельско-хозяйственномъ, сановникъ является, какъ ученый, какъ сельскій хозяинъ, наравнѣ съ простымъ учителемъ и земледѣльцемъ. Такъ и въ собраніяхъ Миссіонерскаго Общества, внесшій узаконенную сумму простой, небогатый гражданинъ есть полноправный членъ съ голосомъ, какъ и богатый и знатный. Мы надѣемся, что Миссіонерское Общество будетъ однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ учрежденій къ сближенію всѣхъ сословій нашего народа для дружнаго и единодушнаго служенія пользамъ Церкви, Престола и Отечества.

При открытіи Православнаго Миссіонерскаго Общества митрополитъ Иннокентій, между прочимъ, объявилъ свое намѣреніе пригласить членовъ въ первое общее собраніе, не позднѣе 2-го февраля. Именно на этотъ день разосланы были приглашенія, и въ 2 часа по полудни члены Миссіонерскаго Общества собрались въ залѣ Благороднаго Собранія въ такомъ числѣ, какое рѣдко приходится видѣть въ собраніяхъ нашихъ частныхъ обществъ всѣхъ родовъ: всего было 470. Это ясный знакъ, что Миссіонерское Общество пріобрѣтаетъ въ Москвѣ большое сочувствіе.

Собраніе началось чтеніемъ Молитвы Господней и пѣніемъ, которое, какъ при открытіи Общества, исполнено было духовенствомъ, безъ участія пѣвчихъ. По окончаніи пѣнія, когда члены заняли мѣста, митрополитъ Иннокентій объявилъ собраніе открытымъ.

Прежде всего прочитанъ былъ актъ открытія Православнаго Миссіонерскаго Общества, состоявшагося 25-го января. Потомъ начались выборы. Они происходили посредствомъ подачи записокъ. Владыкѣ не угодно было, чтобы предварительно составлены были кандидатскіе списки, именно потому, чтобы въ выборѣ лицъ не обнаружилось какой либо предвзятой мысли или особаго намѣренія, но чтобы члены общества сами отъ себя назначили каждый кого пожелаетъ. Для этого каждому члену даны были три билетика, и на первомъ изъ нихъ было напечатано: «второй помощникъ предсѣдателя», на другомъ— «казначей», на третьемъ— «члены Совѣта». Члены имѣли время еще до открытія засѣданія вписать на эти билетики имена избираемыхъ ими лицъ. Когда было объявлено отъ имени владыки: «предлагается

собранію избрать втораго помощника предсѣдателя, который долженъ быть по уставу изъ свѣтскихъ лицъ, а не изъ духовныхъ», тогда соотвѣтственные билетики были поданы. Такъ произошли выборы и казначея, и членовъ Совѣта. Для счета и повѣрки голосовъ приглашены были лица изъ самихъ членовъ Общества. На должность втораго помощника предсѣдателя избранъ былъ П. Н. Батюшковъ. На должность казначея избранъ извѣстнѣйшій ревнитель православія и благотворитель, потомственный почетный гражданинъ Василій Дмитріевичъ Аксеновъ.

По окончаніи выборовъ пропѣто было: Достойно есть яко воистину, и владыка обратился къ собранію со слѣдующими словами: «Позвольте мнѣ, милостивые государи, выразить вамъ мою задушевную благодарность за ваше единодушное, радушное и примѣрное сочувствіе святому дѣлу. Да воздастъ вамъ Господь всею своею милостію».

Послѣ открытія Православнаго Миссіонерскаго Общества, митрополитъ Иннокентій, 4-го февраля въ 5 часовъ пополудни, выѣхалъ обратно въ С.-Петербургъ, для присутствія въ Св. Сѵнодѣ. «Благодареніе Богу, путешествіе наше было тихо, мирно, благополучно и своевременно», извѣщалъ владыка преосвященнаго Леонида письмомъ *(отъ 7 февраля 1870 г.)*. Вчера я видѣлся со всѣми членами Св. Сѵнода у С.-Петербургскаго владыки; съ графомъ еще не видался. При семъ препровождаю къ вашему преосвященству бумагу если не для распоряженій кой-какихъ, то для прочтенія и сообщенія кой-кому. Тутъ много правды; но что намъ дѣлать! P. S. А кого прибрали въ епископы въ Америку?....»

Въ бумагахъ митрополита Иннокентія по дѣлу объ устройствѣ архіерейской каѳедры въ С.-Франциско, нами найдено слѣдующее разсужденіе, въ копіи съ письма миссіонера—священника Николая Коврыгина къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода графу Д. А. Толстому, которое и помѣщаемъ здѣсь: «Частныя письма изъ Россіи сообщаютъ слухи, будто бы разсужденія правительства Русскаго о перенесеніи епископіи Ситхинской падаютъ на два пункта: Нью-Іоркъ и Санъ-Франциско. Если правительство разсчитываетъ образовать изъ епископіи миссіонерскій постъ, то Нью-Іоркъ имѣетъ болѣе шансовъ, какъ главный городъ Америки, гдѣ при многочисленномъ и высшемъ средоточіи разныхъ религіозныхъ представителей, наше миссіонерское учрежденіе будетъ имѣть болѣе вліянія и вѣсу. Но если правительство предполагаетъ имѣть въ

епископіи только центральное духовное управленіе въ Аляскѣ, то Санъ-Франциско вполнѣ удовлетворитъ этимъ цѣлямъ. Ибо централизація Аляскинской торговли вся въ здѣшнемъ городѣ, пароходы и суда постоянно отправляются отсюда и сообщеніе идетъ самое правильное. Впрочемъ, съ устройствомъ желѣзной дороги, соединяющей Атлантическій океанъ съ Тихимъ, эта нужда устраняется легко, ибо путь отъ отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско совершается теперь въ шесть дней, съ окончательнымъ же улучшеніемъ дороги, срокъ этотъ сократится на болѣе короткое время.»

Митрополита Иннокентія очень безпокоилъ выборъ достойнаго человѣка на епископскую каѳедру въ Калифорніи, по поводу чего онъ велъ переписку съ преосвященнымъ Леонидомъ, который на это вотъ что отвѣчалъ владыкѣ *(отъ 24 февраля 1870 г.)*: «Совѣщался я съ преосвященнымъ Можайскимъ относительно избранія человѣка, способнаго занять епископскую каѳедру въ Калифорніи. При этомъ отецъ намѣстникъ Чудова указалъ на двухъ лицъ, ему извѣстныхъ—Иркутскихъ: ректора Модеста и инспектора Іакова. Мнѣ пришла мысль, что ректора Вятскаго можно бы употребить на сіе: о немъ полная рекомендація дана отцомъ архимандритомъ Владиміромъ вашему высокопреосвященству. Очень опасаюсь я простираться за свои предѣлы, и потому говорю конфиденціально. Если высокопреосвященнѣйшій Исидоръ не почитаетъ для лавры необходимымъ своего намѣстника и если ему нѣтъ какого либо предназначенія; то могъ бы онъ быть хорошо употребленъ для Калифорніи. Только обидно ему будетъ, что не прямо къ нему отнеслись, а послѣ многихъ исканій; но это легко поправить. Отецъ архимандритъ Ювеналій (Полоцовъ) конечно имѣетъ много залоговъ доброй представительности: человѣкъ хорошей фамиліи, образованный, просвѣщенный, съ связями въ высшемъ обществѣ; но что несравненно важнѣе—монахъ, ученикъ отца Макарія Оптинскаго, миссіонеръ въ Палестинѣ; имѣетъ характеръ, убѣжденія и, думаю, умѣнье жить съ людьми. Если бы его нашли дѣйствительно для сего способнымъ, то можно было бы для такого представителя православія вмѣсто 10 дать 20 тысячъ на содержаніе, и Св. Сѵнодъ не остался бы въ невыгодѣ и не сожалѣло бы государство о деньгахъ.

Къ сему осмѣлюсь я присовокупить три замѣчанія: 1. Когда изъ протоіереевъ назначается такой протоіерей, какъ преосвященнѣйшій Якутскій—дѣло благословенное. Стезю монашескую хорошо замѣняла

для него стезя миссіонерская. Вдовый миссіонеръ можетъ представить въ себѣ кандидата на архіерейство; но архіерей, да еще въ Калифорніи, прямо изъ городскаго священника, Московскаго или Петербургскаго—что это такое, сами изволите усмотрѣть.—2. По знакомству моему съ Сѣверо-Американскими епископами Иллинойскимъ и Флоридскимъ, я думаю, что представитель долженъ быть, особенно въ первый разъ, очень разборчиво назначенъ, и что на первый разъ лично на его особу и его управленіе не надобно пощадить средствъ. 3. Это лицо долженъ быть или изъ неновоуковъ въ монашествѣ, или изъ миссіонеровъ. Каѳедра въ Калифорніи—не викаріатство въ Ситхѣ. Или не нужно представительство, или нужно очень достойное и благолѣпное. Примѣръ Іерусалима долженъ дать осторожность. Тамъ будетъ, можетъ быть, потруднѣе. Тутъ было дѣло съ интригою папистовъ, какъ говорятъ; а тамъ—съ разными исповѣданіями и съ цѣлымъ свободнымъ и сочувственнымъ, но строго критикующимъ насъ, народомъ.» Въ перепискѣ митрополита по Американскимъ дѣламъ съ оберъ-прокуроромъ графомъ Д. А. Толстымъ, читаемъ: «При семъ честь имѣю препроводить къ вашему сіятельству», писалъ владыка *(отъ 24 февраля)*,—«выписку изъ письма ко мнѣ преосвященнаго Павла, находящагося въ Ситхѣ, изъ коего между прочимъ ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что пребываніе его съ духовенствомъ въ Ситхѣ становится время отъ времени болѣе и болѣе затруднительнымъ, между тѣмъ какъ Русскихъ въ Ситхѣ, по словамъ прибывшаго оттуда нынѣ миссіонера, остается не болѣе 150 душъ обоего пола, да и тѣ, если бы только открылась возможность, готовы выѣхать въ Россію. Но если бы они остались тамъ, то для нихъ достаточно одного священника съ причетникомъ.

И потому, по мнѣнію моему, необходимо или поспѣшить дѣломъ водворенія преосвященнаго въ С.-Франциско и скорѣе освободить преосвященнаго, съ прочими ненужными тамъ лицами духовнаго званія, отъ пребыванія въ Ситхѣ, или дать достаточныя средства къ безбѣдному и безопасному имъ тамъ пребыванію, или, наконецъ, вывезти его, со свитою и прочими Русскими, кто пожелаетъ выѣхать изъ Ситхи на Амуръ (на одномъ изъ Русскихъ судовъ находящихся на Амурѣ), назначивъ его и прочихъ на приличныя мѣста, а Американскую архіерейскую каѳедру считать пока праздною. Духовное же правленіе находящееся въ Ситхѣ, съ дѣлами и со всѣмъ имуществомъ церковнымъ, перевести пока

въ С.-Франциско, поручивъ это дѣло протоіерею Кедроливанскому, придавъ ему въ помощь кого либо изъ духовныхъ лицъ, по благоусмотрѣнію, съ назначеніемъ на издержки по сему предмету особой суммы.»

По поводу же прибывшаго въ С.-Петербургъ изъ Ситхи миссіонера Иларіона, митрополитъ Иннокентій писалъ къ оберъ-прокурору (*отъ 27 февраля)* слѣдующее: «18-го сего февраля прибывшій сюда изъ Ситхи бывшій Квихпакскій миссіонеръ іеромонахъ Иларіонъ подалъ мнѣ докладную записку, съ просьбою выдать ему прогонныя деньги, употребленныя имъ на переѣздъ его изъ Ситхи до С.-Петербурга и слѣдующія на проѣздъ его отсюда до Глинской пустыни, гдѣ онъ служилъ прежде и куда желаетъ опять поступить. Препровождая къ вашему сіятельству упомянутую записку, съ приложеніемъ къ ней послужнаго его списка и копіи съ журнала Новоархангельскаго духовнаго правленія касательно его,—честь имѣю покорнѣйше просить ваше сіятельство обратить ваше милостивое вниманіе на него, съ самоотверженіемъ и пользою подвизавшагося на поприщѣ миссіонерства въ самой отдаленной и обширной изъ сѣверныхъ бывшихъ нашихъ въ Америкѣ миссій.

Изъ докладной его записки, между прочимъ, можно видѣть разстояніе отъ Ситхи и отъ С.-Франциско до С.-Петербурга и сдѣлать довольно вѣрное заключеніе—въ какой именно мѣрѣ должны быть выдаваемы пособія ѣдущимъ въ Америку на служеніе духовнымъ лицамъ.»

XLI

«За молитвы архипастыря, Москва православная благочестно вступила въ подвигъ поста»,—такъ извѣщалъ митрополита Иннокентія преосвященный Леонидъ о Московскихъ дѣлахъ, письмомъ (*отъ 20 марта 1870 г.*),—и храмы были полны, причастниковъ много. Съ преосвященнымъ Игнатіемъ мы размежевались полюбовно. Оба мѣсяца я дурно себя чувствовалъ; эта недѣля исправила силы и дѣламъ ходъ дала. Теперь можно скоро приступить къ отчету по епархіи, съ благословенія вашего; но прежде слѣдуетъ быть тремъ собраніямъ: училищному, миссіонерскому и благочинническому, для сужденія о обществѣ по расколу.

О селѣ Батюшковѣ во мнѣніи я оговорилъ такъ: «тогда имѣть сужденіе, къ какому приходу причислить приходъ сей»: ибо я слышу—чему отчасти и вѣрю—что здѣсь не безъ своекорыстія и не безъ стачки. Инниціатива не отъ Батюшкинскаго іерея.

Не случалось ли вашему высокопреосвященству съ преосвященными членами Сѵнода рѣшить вопросъ: можно ли просфоры вынимать за нѣсколько дней или за день до литургіи, на которой эти части, особо хранимыя, употребляются? Напримѣръ, на первой недѣлѣ въ четвергъ, просфору вынули и въ тотъ же день она снѣдена, а частица, чрезъ которую она получаетъ освященіе, вложится въ св. потиръ въ субботу—освященную просфору вкушали вѣрующіе, или не освященную? Это дѣлается въ монастыряхъ и, будтобы, переходитъ въ приходскія

церкви. Многихъ это соблазняетъ: Литургія вся принадлежитъ одному дню, одному престолу, одному священнику: единство всемірныя жертвы здѣ.

Придется трудный вопросъ рѣшать: о крестномъ ходѣ 11 мая. Помолитесь, святый владыка, чтобы рѣшеніе было правильно, церковно.

При изысканіи епископа въ Калифорнію надобно бы знать, что такое Калифорнія, ея епархія, цѣль учрежденія оной, средства, т. е. люди и деньги, права епископа, срокъ пребыванія, судьба его и членовъ миссіи въ Россіи. Эти вопросы изъ практики иныхъ миссій и миссіонеровъ вытекаютъ и должны быть рѣшены основательно, если желательно, чтобы основательные люди пошли: епископъ Калифорніи отчасти, въ особомъ смыслѣ слова, episcopus in partibus infidelium, хотя и съ каѳедрою.»

29-й день марта былъ знаменателенъ для митрополита Иннокентія: въ этотъ день происходило торжественное открытіе Якутской епархіи, чего онъ такъ давно желалъ, еще бывши архіепископомъ Камчатскимъ, и первый ходатайствовалъ объ отдѣленіи Якутской области отъ Камчатской епархіи. Понятно, что владыка не могъ не сочувствовать сему торжеству и заранѣе еще, чрезъ намѣстника Чудова монастыря, архимандрита Веніамина, послалъ икону Святыя Живоначальныя Троицы на кипарисной докѣ, и въ особомъ серебряномъ сосудѣ, врѣзанномъ въ той же иконѣ, вложена была частица древа отъ животворящаго Креста Господня, съ надписью: «Благословеніе граду Якутску и ново-учрежденной епархіи Якутской.» Спустя нѣкоторое время появилось въ печати описаніе сего торжества, которое по разсказамъ очевидцевъ произвело на владыку отрадное впечатлѣніе. Для знакомства читателей съ описаніемъ сего торжества мы позволяемъ здѣсь сдѣлать нѣкоторое извлеченіе изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Якутскѣ, касающееся митрополита Иннокентія: «По отслуженіи божественной литургіи протодіаконъ прочиталъ указъ Св. Сѵнода, послѣдовавшаго на имя нынѣшняго преосвященнаго Діонисія, объ отдѣленіи Якутской епархіи отъ Камчатской; послѣ прочтенія коего преосвященнѣйшій Діонисій произнесъ рѣчь, въ которой упомянулъ, что и высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій Иннокентій, желая участвовать съ нами въ семъ радостномъ торжествѣ, прислалъ въ благословеніе икону св. Живоначальной Троицы,—въ благословеніе граду Якутску и новоучрежденной

епархіи Якутской.» По произнесеніи этой рѣчи, исправляющій должность ректора семинаріи священникъ Аѳанасій Виноградовъ сказалъ привѣтствіе отъ лица всего духовенства своему новому архипастырю, приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: «Событіе это давно уже и нетерпѣливо нами ожидалось. Оно составляло существенную потребность здѣшняго края. Говорить-ли почему? Какъ бы ревностенъ и заботливъ ни былъ Камчатскій архипастырь, подъ управленіемъ котораго въ послѣднее время состояла здѣшняя паства, но находясь вдали за нѣсколько тысячъ верстъ отсюда, онъ, конечно, не могъ безъ затрудненія своевременно удовлетворять религіознымъ нуждамъ здѣшняго края.—Это ближе всего сознавалъ высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, мудрый архипастырь Московскій. Онъ ли не зналъ здѣшняго края и его духовныхъ нуждъ, онъ ли не былъ неутомимо заботливъ объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей своей паствы? однако онъ первый, безъ всякаго внѣшняго побужденія, началъ ходатайствовать объ отдѣленіи Якутской области отъ Камчатской епархіи и образованіи здѣсь самостоятельной каѳедры. Значитъ, и онъ, при всей своей опытности, сознавалъ все неудобство управленія здѣшнимъ краемъ издали, за тысячи верстъ...... Мы питаемъ искреннюю надежду, что ваше самостоятельное управленіе Якутскою паствою будетъ столь же благодѣтельно, сколько благодѣтельно было управленіе высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія.» По обмѣнѣ рѣчей, тотчасъ началось благодарственное Господу Богу молебствіе, и по окончаніи его, произнесено было многолѣтіе Государю Императору, Св. Сvноду и митрополиту Московскому и Коломенскому, преосвященному Веніамину, епископу Камчатскому, и новому архипастырю Діонисію, епископу Якутскому и Вилюйскому.»

По поводу же приближающагося другаго торжества,—это юбилея Войска Донскаго,—вотъ что писалъ митрополитъ Иннокентій къ преосвященному Леониду *(отъ 26 апрѣля 1870 года):* «..... Я полагаю послать Войску Донскому на благословеніе икону Спасителя или Божіей Матери, вышиною отъ 10 до 12 вершковъ, въ серебро-позлащенной ризѣ, съ вырѣзкою на ризѣ внизу: «Побѣдоносному или храброму Донскому Войску, въ день юбилея 6 мая 1870 года, на благословеніе отъ митрополита и духовенства Московскаго», или въ родѣ этого, по вашему усмотрѣнію,—но только не отъ одного меня. Таковую икону, я думаю, можно найдти готовую гдѣ нибудь въ магазинѣ, или взять у кого либо

заимообразно (въ случаѣ ненахожденія оной нигдѣ, прикажите отцу намѣстнику Чудова монастыря посмотрѣть у меня въ домѣ, и если найдется подходящею, то пусть возьметъ заимообразно). Цѣною икона должна быть отъ 150 до 300 р. не дороже. Ибо дѣло не въ цѣнности, а въ предназначенной памяти. Нуженъ ли при иконѣ адресъ? И кѣмъ онъ долженъ быть подписанъ? Если признаете нужнымъ, напишите коротенькой и простой, а если нужна и моя подпись, пришлите ко мнѣ. Если нужна подпись моя, то конечно, нужна и подпись всего Московскаго духовенства. Но это будетъ ли удобно? Мнѣ кажется, довольно подписи одной вашей—какъ довѣреннаго или представителя отъ меня и духовенства. Впрочемъ, этимъ моимъ мнѣніемъ не стѣсняйтесь; дѣлайте, какъ прилично. Какъ и съ кѣмъ или кому отправить икону,—предоставляю рѣшить вамъ; только желательно, чтобы икона была доставлена, и ко времени.»

«Владыку Иннокентія ожидать надобно къ 11 мая», писалъ преосвященный Леонидъ къ преосвященному Саввѣ [1]):—дождемся ли, не знаю. Я нахожусь въ самыхъ живыхъ съ нимъ сношеніяхъ; но пишу съ полнымъ дерзновеніемъ подчиненнаго нелицемѣрствующаго.»

Еще дѣло, которое также не мало озабочивало владыку въ Петербургѣ,—это устроеніе богадѣльни въ селѣ Островѣ. Вотъ что, между прочимъ, сообщается о семъ дѣлѣ въ письмѣ митрополита къ преосвященному Леониду *(отъ 28 априля 1870 года):*

«Сегодня будетъ прѣніе въ комитетѣ министровъ объ Островскомъ селѣ. Графъ спрашивалъ меня—отстаивать ли оное для духовенства, ибо министръ внутреннихъ дѣлъ подалъ мнѣніе передать оное земству.—Я, разумѣется, отвѣчалъ: отстаивать, если не все, то хотя землю съ небольшими строеніями; а корпусъ отдать земству, и наконецъ, если нельзя и того, то я сказалъ, что мы за землю согласимся заплатить до 5/т. рублей. Что-то будетъ!... Телеграфировать вамъ объ этомъ было уже поздно. И такъ я, посовѣтовавшись съ Иваномъ Николаевичемъ (протоіереемъ Рождественскимъ), рѣшился на вышесказанное. Мы съ Кіевскимъ (Арсеніемъ) получили увольненіе отправиться въ епархіи съ 18 мая. Я предполагаю отправиться въ тотъ же день, на вечернемъ поѣздѣ; но какъ Богъ велитъ?.. Отвѣтъ нуженъ какъ

---

[1]) Воспомин., стр. 217.

можно скорѣе.» Затѣмъ въ отвѣтъ на письмо преосвященнаго Леонида, митрополитъ Иннокентій писалъ ему (*отъ 7 мая 1870 года*) слѣдующее: «Спѣшу поскорѣе отвѣтить вамъ на письмо ваше касательно проживанія на дачѣ г. министра государственныхъ имуществъ. Сдѣлайте милость, хотя тотчасъ же по полученіи сего писанія, извольте отправляться туда; здоровье ваше и для меня дорого, ибо я полагаю, что зрѣнія моего, самаго плохаго, хватитъ не далѣе осени; а тамъ все бремя управленія должно пасть на ваши плеча. Да, зрѣніе мое съ Пасхи видимо стало темнѣть болѣе и болѣе; а между тѣмъ операцію, по словамъ доктора Юнга, еще рано, да и лѣтнее время онъ считаетъ для этого самымъ неудобнымъ. Представленіе Св. Сѵноду о миссіонерскомъ монастырѣ получено мною вчера и будетъ подано безъ малѣйшихъ поправокъ. Препятствіе, которое можетъ встрѣтиться въ занятіи Покровскаго монастыря, вотъ какое: вопервыхъ, нельзя отрицать, чтобы не явилось какого либо неудовольствія, или покрайпей мѣрѣ, недовольства братіи монастыря, а быть можетъ, и настоятеля, когда свобода ихъ, или лучше ихъ—своеволіе, будетъ подъ большимъ контролемъ. Но это еще не такъ важно. Но не явится ли какого либо неудовольствія со стороны родственниковъ погребенныхъ въ монастырѣ? И особенно, не отклонитъ ли другихъ—погребать родныхъ своихъ на иномъ монастырѣ? Тогда послѣдствія видны.» На другой день послѣ сего письма митрополитъ узналъ, что хлопоты его относительно села Острова увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Мая 8, соотвѣтственно благимъ желаніямъ владыки, Высочайше было утверждено, что вся усадебная, бывшая графская, земля села Острова, въ количествѣ 32 десятинъ, со всѣми находящимися на оной постройками, пожалована была безвозмездно для устроенія тамъ, по желанію высокопреосвященнѣйшаго митрополита Иннокентія, богадѣльни для духовенства. Вслѣдъ за симъ утвержденіемъ, владыка предписалъ въ Москву: учредить комитетъ по устройству Островской Владычной богадѣльни, и предсѣдателемъ онаго и распорядителемъ по постройкамъ назначилъ Угрѣшскаго настоятеля, архимандрита Пимена.

Относительно же выбора достойныхъ лицъ къ занятію архіерейской каѳедры въ С.-Франциско, владыкѣ Иннокентію также удалось и по этому поводу; вотъ что писалъ онъ оберъ-прокурору графу Толстому (*отъ 10 мая 1870 г.*): «Слава Богу! Наконецъ вопросъ о занятіи

архіерейской каѳедры въ С.-Франциско можетъ быть рѣшенъ нынѣ же. Изъ 6 лицъ, спрошенныхъ мною чрезъ посредство людей благонадежнѣйшихъ, трое изъявили согласіе: 1) Архимандритъ Сѵмеонъ, бывшій инспекторъ Московской, а нынѣ ректоръ Пензенской семинаріи, магистръ, 34 лѣтъ. 2) Архимандритъ Іоаннъ, помощникъ инспектора Московской Духовной Академіи, магистръ, 34 лѣтъ. 3) Соборный іеромонахъ Никифоръ, смотритель Духовнаго Донскаго училища, студентъ, 35 лѣтъ.— Послѣдній безусловно предаетъ себя волѣ начальства. Второй тоже; но съ условіемъ, если онъ будетъ имѣть возможность оказывать пособіе своей матери и племянникамъ. И первый не отказывается; но прибавляетъ: «не знаетъ языковъ и не можетъ надѣяться съ пользою тамъ служить» (такой отвѣтъ можно приписать и смиренію христіанскому). О второмъ (арх. Іоаннѣ) отецъ ректоръ Московской Академіи отзывается такъ: Англійскаго языка онъ не знаетъ, но нѣмецкій знаетъ довольно хорошо, хотя и не говоритъ на немъ; знаетъ также и французскій. По нравственнымъ своимъ качествамъ, онъ заслуживаетъ полное уваженіе; онъ искренно благочестивъ, скроменъ, добръ и благожелателенъ ко всѣмъ; но въ житейскомъ отношеніи не многоопытенъ. Здоровьемъ онъ не такъ крѣпокъ, имѣя расположеніе къ цынготнымъ болѣзнямъ. Іеромонахъ Никифоръ гораздо опытнѣе архимандрита Іоанна (да и архимандрита Сѵмеона), и его очень одобряетъ преосвященный Леонидъ, коротко его знающій.

Кого изъ нихъ назначить? Не берусь отвѣчать на это. Но я полагалъ бы перваго освободить, между прочимъ, и потому, что его труднѣе замѣнить въ настоящей его должности, чѣмъ двухъ послѣднихъ. Для предварительнаго ознакомленія съ вышеуказанными лицами, при семъ прилагаю послужные ихъ списки. Съ тѣмъ вмѣстѣ, честь имѣю представить вашему сіятельству составленную мною записку о предметахъ, касающихся сего дѣла, на ваше благоусмотрѣніе. И осмѣливаюсь заключить сіе мое письмо всепокорнѣйшею просьбою: ваше сіятельство! примите на себя трудъ покончить это дѣло нынѣ же: иначе оно можетъ затянуться надолго». Просьба владыки была уважена, и вскорѣ за симъ письмомъ послѣдовало Высочайшее утвержденіе объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Сѣверной Америкѣ, съ наименованіемъ ея Алеутскою и Аляскинскою, и о назначеніи на эту каѳедру одного изъ трехъ лицъ представленныхъ владыкою, а именно—исправляющаго должность

88

инспектора Московской Духовной Академіи, архимандрита Іоанна, съ возведеніемъ его въ санъ епископа. Устроивши такимъ образомъ дѣла Калифорнскія, митрополитъ Иннокентій, по случаю ваканціоннаго времени, возвратился въ Москву.

Въ этотъ пріѣздъ владыки въ Москву ему представлялись нѣсколько человѣкъ Алеутъ, нарочно прибывшіе съ острова Уналашки, единственно затѣмъ, чтобы полюбоваться на своего просвѣтителя и принести поклонъ и признательность отъ своихъ собратій. Такое привѣтствіе, полученное отъ излюбленныхъ своихъ Алеутъ, тронуло митрополита до слезъ, онъ каждаго поцѣловалъ и благословилъ; затѣмъ, собственно для нихъ, торжественно совершалъ на своемъ подворьѣ и въ кремлевскихъ соборахъ нѣсколько разъ богослуженіе.— «Невозможно выразить словами», расказывала очевидица сего, Софія Ивановна Ишутина [1],— «съ какимъ благоговеніемъ и смиреніемъ стояли эти Алеуты въ церкви, не спуская своихъ взоровъ съ своего перваго просвѣтителя ихъ свѣтомъ евангельскаго ученія».

Лѣтнее помѣщеніе на этотъ разъ владыка имѣлъ уже въ селѣ Черкизовѣ, гдѣ архіерейскій домъ былъ совсѣмъ отстроенъ, по его желанію, заново. Село это, находящееся за Преображенскою заставой, принадлежало нѣкогда св. Алексію митрополиту, который завѣщалъ его Чудову монастырю. Когда, въ 1764 году, отобраны были отъ монастырей вотчины, тогда и село Черкизово поступило въ вѣдомство Государственныхъ имуществъ. Церковь въ этомъ селѣ посвящена св. Пророку Иліи; при ней придѣлъ во имя св. Алексія Митрополита и св. Иннокентія Иркутскаго, устроенный митрополитомъ Иннокентіемъ, во время передѣлки дома. Предъ церковью лежитъ довольно большой прудъ, и въ вѣковой, липовой и березовой, рощѣ построенъ въ русскомъ стилѣ архіерейской домъ. Убранство этого дома отличалось патріархальною простотой и носило печать монашеской, простой и безъискуственной жизни ея обитателя. Пологая лѣстница ведетъ въ широкія сѣни. Изъ сѣней направо дверь въ Крестовую церковь, прямо—въ пріемный залъ митрополита. Далѣе идетъ гостинная, съ выходомъ на большую стеклянную галлерею, ведущую въ тѣнистый садъ и въ маленькую

---

[1]) Содержательница приготовительной дѣтской школы, извѣстной по направленію, строго-нравственному.

комнатку со стеклянными дверьми, служащими боковымъ входомъ въ алтарь Крестовой церкви. Здѣсь владыка уже подлинно молился. Въ комнатахъ простой сосновый паркетъ; печи изъ старинныхъ израсцовъ, и голыя, ничѣмъ не украшенныя, бревенчатыя стѣны. Живя въ Черкизовѣ, владыка почти безпрерывно пріѣзжалъ въ Москву для совершенія богослуженій. Этой подвижности и неутомимости его нельзя было не удивляться. Такъ напр. 19 мая, на другой день своего пріѣзда, наканунѣ дня святителя Алексія, совершалъ молебенъ и 20-го же, въ день праздника, литургію въ Чудовѣ монастырѣ. 21, въ праздникъ Вознесенія Господня и Владимірской Божіей Матери, освящалъ придѣльный храмъ въ церкви Смоленской Божіей Матери, что на Смоленскомъ рынкѣ. 24, въ недѣлю Св. Отецъ, въ Вознесенскомъ монастырѣ. Затѣмъ отправился въ Троицко-Сергіеву лавру, гдѣ 31 мая, въ праздникъ Св. Троицы, совершалъ литургію въ Троицкомъ соборѣ, а 1-го іюня, въ день Сошествія Св. Духа, въ Духосошественской церкви и возвратился въ Москву на свое Троицкое подворье, гдѣ съ 9 часовъ утра принималъ посѣтителей. Въ это время въ числѣ посѣтительницъ была Варвара Ильинишна Головина, которая явилась къ владыкѣ съ просьбою, чтобы онъ благословилъ ее на устройство временной домовой церкви въ своемъ имѣніи, въ сельцѣ Головинѣ, Московскаго уѣзда, въ 2-хъ верстахъ отъ Петровско-Разумовской Земледѣльческой Академіи. При испрашиваніи благословенія, В. И. Головина разсказала ему о побужденіи своемъ относительно устройства этой церкви, слѣдующее: «9-го декабря 1869 года явился въ мое имѣніе нѣкій скиталецъ старецъ, схимонахъ Николай, и привелъ съ собою нѣсколько дѣвицъ; сперва пришли: Марья Стрѣльникова и Екатерина Муравлева; а затѣмъ прибыли еще нѣсколько дѣвицъ. Схимонахъ же Николай, приведшій сихъ сестеръ, не смотря на то, что въ моемъ сельцѣ церкви не было, строго обязалъ ихъ не отлучаться отъ сего мѣста и предсказывалъ имъ, что рано или поздно, будетъ здѣсь монастырь.—На сомнѣніе же пришедшихъ съ нимъ сестеръ относительно средствъ и мѣстности, такъ какъ все принадлежитъ мнѣ, схимонахъ Николай отвѣчалъ: «терпите и терпите; повторяю, что здѣсь будетъ монастырь и устроять его будетъ Московскій купецъ»; но на личность не указалъ. Пришедшія же дѣвицы, дѣйствительно, безропотно переносили все, занимаясь работою и рукодѣльемъ, и отличались строгою нравственностію. Между тѣмъ

схимонахъ съ неотступною просьбою умолялъ меня, пока на время, устроить въ моемъ домѣ временную домовую церковь; на что я, покоряясь судьбѣ Божіей, и соглашаюсь; то благословите и разрѣшите, владыка святый!» заключила свой разсказъ В. И. Головина.—Владыка слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, и послѣ сего разсказа долго бесѣдовалъ съ В. И. Головиной относительно сего дѣла, и какъ самъ имѣвшій особенное расположеніе души къ впечатлѣніямъ таинственнаго, сказалъ: «благословляю васъ и разрѣшаю приступить къ сему святому и великому дѣлу».—Тогда В. И. Головина стала просить владыку дать ей какое либо формальное письменное разрѣшеніе. Владыка отвѣчалъ: «добрыя дѣла не требуютъ никакихъ формальностей». Послѣ сего, В. И.Головина приступила къ устройству хозяйственнымъ образомъ церкви, уступивши верхъ флигеля, находящагося между надворными строеніями, и еще нѣчто изъ утвари. Старецъ же схимонахъ Николай украсилъ и снабдилъ ее недостающею утварью достаточно, жертвами доброхотныхъ дателей. Церковь была освящена 17 февраля 1882 г. *(Сообщила Начальн. Казанской женской общины Марія Стрѣльникова)* [1]).

3 іюня владыка возвратился въ Черкизово, откуда продолжалъ посѣщать Москву для совершенія богослуженій.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ совершилось на Угрѣшѣ освященіе двухъ храмовъ: 1) Казанскаго, при богадѣльнѣ и 2) Крестоваго, во имя преподобнаго Сергія, въ архіерейскихъ палатахъ. Первый былъ освященъ

---

[1]) Замѣчательно: прошло много лѣтъ,—предсказаніе старца схимонаха Николая исполнилось: Московскій купецъ, о которомъ онъ говорилъ дѣвицамъ, послѣ смерти В. И. Головиной, купилъ сельцо Головино и построилъ, съ разрѣшенія митрополита Макарія, церковь во имя Казанской иконы Божіей Матери и, дѣйствительно, устроилъ при ней Общину и пожертвовалъ ей все имѣніе, купленное имъ у г-жи Головиной. Церковь Казанской общины была освящена 19 октября 1882 года, митрополитомъ Московскимъ Іоанникіемъ. Такимъ образомъ, зажженный свѣтильникъ не былъ оставленъ подъ спудомъ; и на свѣщницѣ свѣтъ этотъ, съ начальнаго благословенія маститаго архипастыря Московскаго митрополита Иннокентія, возсіялъ надъ юной обителью. Мы были свидѣтелями сего благолѣпно-церковнаго торжества. Имени Московскаго купца, жертвователя и строителя сей Казанской Общины, мы не называемъ, по нежеланію его самого, который скрываетъ его изъ христіанскаго смиренія; но мы не можемъ умолчать того, что сей ревнитель православія, въ нашъ вѣкъ эгоизма и матеріалистическихъ убѣжденій, представляетъ собою рѣдкій примѣръ и что онъ, потому, по истинѣ, принадлежитъ мужамъ милостивымъ, ихже правды не забвены быша; тѣлеса ихъ въ мирѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ и будутъ жить въ роды

Иннокентіемъ сентября 6-го. Владыка прибылъ сентября 3, предъ вечеромъ, прямо къ архіерейскому дому, сказавъ заранѣе, чтобъ ему большой встрѣчи не дѣлали, но что братія можетъ принять отъ него благословеніе въ архіерейскомъ домѣ,—и поэтому при пріѣздѣ онъ былъ встрѣченъ настоятелемъ и всею братіей у западныхъ вратъ. Вошедши въ домъ и благословивъ всѣхъ, онъ пошелъ вверхъ; осматривалъ церковь, весь домъ обошелъ кругомъ по галлереѣ, и всѣмъ остался весьма доволенъ, и въ особенности опять хвалилъ галлерею. Въ слѣдующіе дни, 4-го и 5-го числа, владыка ходилъ въ 7 часовъ утра, черезъ Скитскій садъ, въ Скитскую церковь къ литургіи и ходилъ по монастырю. Послѣ обѣда 5 числа онъ пожелалъ посѣтить село Островъ (уже Высочайше пожалованное духовному вѣдомству Московской епархіи), и туда ѣздилъ съ отцомъ Пименомъ. Въ Островѣ владыкѣ была сдѣлана у церкви встрѣча со звономъ и со крестомъ. Архимандритъ водилъ его и показывалъ зданія и объяснилъ свои предположенія. Возвратившись въ монастырь, владыка слушалъ всенощное бдѣніе у себя въ Крестовой церкви. Погода, съ вечера начавшая мѣняться, къ утру превратилась въ осеннее ненастье, и владыка изъ архіерейскаго дома ѣхалъ въ новоосвященный Казанскій храмъ въ каретѣ; за святыми мощами былъ крестный ходъ въ Николаевскій соборъ. Въ сослуженіи со владыкой участвовали: архимандритъ Пименъ, Перервинскій игуменъ Никодимъ и друг. Послѣ освященія, владыка возвратился въ архіерейскія палаты, потомъ ѣздилъ въ трапезу, по окончаніи которой благословилъ всю братію и въ исходѣ третьяго часа отправился въ обратный путь въ Москву». *(Воспомин. архимандр. Пимена, стр. 198)*.—8 Сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, по случаю празднованія пятисотлѣтія Сѵмоновской обители, митрополитъ Иннокентій въ Рождественской церкви на старомъ Сѵмоновѣ совершалъ богослуженіе. На Божественной литургіи, во время малаго выхода, поднесена была митрополиту на серебряномъ блюдѣ скуфья, высочайше пожалованная къ этому дню іерею Рождественской церкви Іоанну Введенскому; маститый архипастырь торжественно возложилъ, при пѣніи клира «аксіосъ», скуфью на главу священника, видимо тронутаго и милостью монарха, и краткою рѣчью, сказанною при этомъ митрополитомъ. Въ то же утро митрополитъ возложилъ на старосту помянутой церкви, крестьянина Ивана Ленькова, пожалованную Государемъ

Императоромъ серебряную медаль съ надписью «за усердіе», для ношенія на груди на Станиславской лентѣ. А 20 сентября, въ воскресенье, митрополитъ Иннокентій совершалъ освященіе храма и литургію въ Серпуховскомъ Владычномъ женскомъ монастырѣ, въ одной верстѣ отъ уѣзднаго города Серпухова, по приглашенію настоятельницы монастыря игуменьи Митрофаніи [1]).

Основаніе Владычнаго монастыря положено было въ 1360 году св. Алексіемъ митрополитомъ Московскимъ. О построеніи этой обители въ монастырской лѣтописи сохранилось слѣдующее сказаніе. Однажды, когда святитель Алексій митрополитъ совершалъ свое молитвенное правило и когда прочитанъ былъ акаѳистъ Божіей Матери, то вдругъ необыкновенный, чудный свѣтъ озарилъ его келію, при чемъ былъ слышенъ голосъ отъ иконы, говорящій: «Алексіе! подобаетъ тебѣ поставить монастырь имени Моему». Когда святитель продолжалъ свое молитвенное правило, тотъ же голосъ повторился снова, и святитель спросилъ: гдѣ устроить обитель? «Въ предѣлахъ града Серпухова, было отвѣтомъ:—тамо бо возлюбихъ мѣсто на спасеніе многимъ душамъ человѣческимъ». *(Путевод. къ святынѣ архимандрита Іосифа. настоят. Высоко-Петровскаго монастыря)*.

«24-го сентября въ Троицко Сергіевой Лаврѣ», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ архіепископъ Тверской Савва, тогда еще бывшій епископомъ Полоцкимъ,—«при гробѣ почившаго іерарха Филарета совершена была мною соборнѣ паннихида, въ присутствіи преемника его, высокопреосвященнаго митрополита Иннокентія, который вмѣстѣ со мною наканунѣ этого дня прибылъ въ Лавру къ празднику преподобнаго Сергія, 25-го числа, и который удостоилъ меня сослуженія съ собою въ день праздника *(стр. 220)*.

4 октября мы видимъ митрополита Иннокентія уже въ селѣ Капотнѣ, Московскаго уѣзда, освящающаго храмъ; а въ день же своихъ имянинъ, 26 ноября, владыка совершалъ литургію въ Николаевскомъ Пе-

[1]) Владыка Иннокентій глубоко уважалъ игуменью Митрофанію за ея обширный умъ и за ея задуманную святую идею относительно устройства въ Москвѣ Покровской общины сестеръ милосердія, и по своей необычайной добротѣ, вполнѣ довѣрялъ ей во всемъ и даже давалъ ей ради сего святаго дѣла изъ собственныхъ своихъ средствъ большія денежныя субсидіи. Но игуменья Митрофанія, къ несчастію, вслѣдствіе разныхъ причинъ не могла оправдать то довѣріе, которое питалъ владыка къ ней, что очень огорчило его.

рервинскомъ монастырѣ и въ тотъ же день въ 6-мъ часу вечера возвратился въ Москву. И наконецъ 4-го декабря, въ день своего отъѣзда въ Петербургъ, митрополитъ Иннокентій совершалъ литургію въ своемъ Троицкомъ подворьѣ, потомъ ѣздилъ въ Иверскую часовню молиться предъ иконою Пресвятыя Богородицы, и въ два часа по-полудни съ почтовымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, для присутствованія въ Св. Сvнодѣ.

Въ день отъѣзда владыки, утромъ предоставлялось ему старшее духовенство, начальники духовно-учебныхъ заведеній и благочинные. На станціи желѣзной дороги онъ простился съ оберъ-полицеймейстеромъ и членами консисторіи, а въ вагонѣ съ преосвященными викаріями, которые, по отбытіи архипастыря, отправились въ каѳедральный Чудовъ монастырь и тамъ, при мощахъ святителя и чудотворца Алексія, совершили соборнѣ молебствіе о благополучномъ путешествіи владыки.

Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, владыка получилъ изъ Вашингтона, отъ посланника Константина Катакази, слѣдующее письмо, извѣщающее о дѣлахъ въ Америкѣ (отъ $\frac{\text{ноября 24}}{\text{декабря 6}}$ 1870 г.): «На возвратномъ пути въ Россію, его преосвященство Павелъ, епископъ Енисейскій и Красноярскій, остановился на нѣсколько дней въ Нью-Іоркѣ. Имѣя въ то время надобность отправить съ довѣреннымъ лицомъ депеши для передачи его сіятельству государственному канцлеру, я просилъ епископа Павла взять на себя трудъ отвезти ихъ въ С.-Петербургъ.—Увѣдомляя ваше высокопреосвященство о семъ, я льщу себя надеждою, что вы изволите оправдать его преосвященство за то, что онъ, по моей просьбѣ, въ виду пользы служебной, согласился ѣхать въ С.-Петербургъ, вопреки приказанію полученному отъ васъ.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ заявить предъ вашимъ высокопреосвященствомъ, что, съ помощію Божіею, я продолжаю споспѣшествовать распространенію православія въ Америкѣ. Благодаря распоряженіямъ Св. Сvнода, устроена временная, домовая православная церковь въ Нью-Іоркѣ, которая уже успѣваетъ привлекать прихожанъ, ищущихъ ознакомиться съ вѣчными истинами православной вѣры. Кромѣ сего радостнаго явленія, есть другое, еще болѣе свѣтлое и знаменательное, обѣщающее принести много добрыхъ плодовъ: съ каждымъ днемъ епископальная церковь сильнѣе стремится сблизиться съ православною. Въ рядахъ ея духовенства много ревностныхъ поборниковъ

сближенія; на соборѣ ихъ, предстоящемъ въ будущемъ году, будетъ обсуждаться сей важный вопросъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ на предшествовавшихъ. Присутствіе въ семъ синклитѣ Русскаго духовнаго лица, знающаго Англійскій языкъ, могло бы принести немаловажную пользу.

Поручивъ епископу Павлу повергнуть къ стопамъ вашимъ всенижайшій мой поклонъ, я просилъ его также передать вашему высокопреосвященству содержаніе моего разговора съ нимъ въ Нью-Іоркѣ, касательно положенія въ настоящемъ и надеждъ въ будущемъ православія въ Америкѣ. Припадая къ стопамъ вашимъ и испрашивая вашего благословенія.........»

15 декабря исполнилось ровно тридцать лѣтъ, какъ митрополитъ Иннокентій былъ посвященъ въ санъ епископа; по сему случаю имъ получены были изъ Москвы поздравительныя письма отъ своихъ викарныхъ и отъ всего духовенства, а изъ Сибири телеграмма. «Искренно благодарю васъ и преосвященнаго Игнатія», писалъ владыка къ преосвященному Леониду *(отъ 17 декабря 1870)*,—«за поздравленіе ваше меня съ тридцатилѣтіемъ. Дѣло объ опредѣленіи на мѣсто усопшаго отца протоіерея Ипполита уже кончено, и согласно съ желаніемъ вашимъ и многихъ. Теперь вопросъ: кого сдѣлать благочиннымъ? Я полагаю—протоіерея В. опредѣлить пока исправляющимъ должность. И если вы согласны со мною, то потрудитесь представить мнѣ о томъ ваше мнѣніе.—На награжденіе игумена Давыдовскаго палицею я согласенъ».—«Намѣстникъ Чудова монастыря», писалъ снова владыка преосвященному Леониду *(отъ 19 декабря)*,—«подробно описалъ мнѣ все, что происходило въ 15 день сего мѣсяца въ Чудовѣ и въ домѣ вашего преосвященства. Свидѣтельствую вамъ мою искреннѣйшую благодарность за вашу любовь ко мнѣ. Да воздастъ вамъ Господь за то, а я не въ силахъ. Прошу покорнѣйше, при случаѣ, объявить мою благодарность и благословеніе сослужившимъ вамъ въ Чудовѣ монастырѣ. Дѣло по доносу Попова нѣтъ надобности сдавать въ Консисторію; я предоставилъ мое по сему мнѣніе; выскажите и ваше, не стѣсняясь моимъ. Имѣю честь поздравить васъ и всю Москву съ наступающимъ праздникомъ, да сохранитъ Господь васъ и всѣхъ въ здравіи и благоденствіи на многія лѣта». И наконецъ, письмомъ *(отъ 25 декабря)* владыка шлетъ преосвященному Леониду благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ

поздравляетъ его съ новымъ годомъ: «Всеискренно и премного благодарю васъ за поздравительное письмо ваше ко мнѣ съ наступившимъ праздникомъ и за ваши благожеланія мнѣ. Это поздравленіе ваше и ваши благожеланія для меня тѣмъ пріятнѣе и цѣннѣе, что онѣ изъявлены вами на одной хартіи...... Слава Богу за все! миръ между вами есть высшее мое утѣшеніе. Теперь, въ свою чреду, и я имѣю честь поздравить васъ съ прошедшимъ праздникомъ и съ наступающимъ новымъ годомъ и пожелать вамъ здравія, благоденствія и долгоденствія».

XLII

Съ наступленіемъ новаго 1871 года, митрополитъ Иннокентій, не смотря на свое потухающее зрѣніе, все еще продолжалъ вести собственноручную служебную переписку съ преосвященнымъ Леонидомъ.— «Да будетъ такъ», писалъ владыка *(9 января)* изъ Петербурга, «какъ вы предлагаете: Страстновскую игуменью перевесть въ Алексѣевскій монастырь, а на мѣсто ея опредѣлить Валерію; но чтобы въ Св. Сѵнодъ не представлять въ игуменію рясофорную, поспѣшите распорядиться постричь ее. Замѣтьте: объ опредѣленіи игуменій не одинъ разъ слушали мы представленія преосвященныхъ, слѣдовательно лучше представлять и намъ Св. Сѵноду о переводѣ одной и объ опредѣленіи другой; для сего, когда будетъ пострижена Валерія, прикажите представить мнѣ послужные ихъ списки съ проэктомъ представленія.—Я жду отвѣта совѣта Миссіонерскаго Общества по отношенію г. оберъ-прокурора о кружечномъ сборѣ; мнѣ уже напоминаютъ здѣсь. NB На статьи неподлежащія Миссіонерскому Обществу и расходу, не соглашаюсь, и я это уже заявилъ.

Я полагаю, будетъ не излишне помѣстить въ отчетѣ о состояніи епархіи за минувшій годъ кое-что о преніяхъ съ раскольниками отца Пафнутія, и потому прикажите ему представить вамъ отчетъ краткій; а также и отцу игумену Павлу, если онъ имѣетъ что сказать.

Мнѣ кажется, не лишнее будетъ поручить отцу благочинному дознать зачинщицъ просьбы Алексѣевскихъ монахинь и сдѣлать приличное внушеніе всѣмъ, въ нѣкоторый примѣръ и страхъ прочимъ».—Въ письмѣ

же *(отъ 23 января)* митрополитъ Иннокентій писалъ преосвященному Леониду слѣдующее: «Я очень благодаренъ вамъ за доставленіе моихъ справокъ объ опредѣленіи настоятельницъ; въ минувшую среду я предлагалъ членамъ Св. Сунода выписку изъ указа 1814 года и всѣ единогласно признали и г. управляющій Сунодальною Канцеляріею подтвердилъ, что опредѣленіе и увольненіе настоятельницъ вполнѣ зависитъ отъ преосвященныхъ, но настоятелей, даже и строителей (какъ этого желаетъ преосвященный Исидоръ)—присвоено Св. Суноду. И такъ, медлить переводомъ Страстной игуменіи въ Алексѣевскій нечего; потрудитесь представить ваше мнѣніе.

Что же касается до назначаемой на мѣсто Страстновской монахини, или еще—полумонахини, то я не понялъ отзывъ о ней игуменьи Митрофаніи—что̀ она хочетъ сказать изъявленіемъ своего удовольствія: желаетъ ли она помѣстить въ Покровскую общину, или уступаетъ ее намъ для Страстнаго монастыря? Но я бы желалъ, чтобы она поступила на послѣднюю вакансію; а въ Псковъ игуменья Митрофанія найдетъ другую.

И такъ, если вы не находите никакихъ препятствій, то постригите въ въ монашество Валерію, если она не пострижена; и мы опредѣлимъ ее пока управляющею Страстнымъ монастыремъ.

Если діаконское мѣсто при Лазаревскомъ кладбищѣ упразднилось, я полагаю, на оное надобно будетъ опредѣлить учителя Протопопова, служащаго болѣе 12 лѣтъ; а если необходимость заставитъ перевести туда кого либо изъ столичныхъ діаконовъ, то учителя помѣстить на переведенное.

Удѣлите время обратить ваше вниманіе на кассы, эмеритальную и сберегательную—или Сергіевскаго и Капустина,—и скажите мнѣ ваше мнѣніе о нихъ: т. е. о цѣли и пользѣ той и другой; а я пока не скажу, которую изъ нихъ я предпочитаю. № При случаяхъ неизлишне будетъ напомнить или предписать уѣзднымъ благочиннымъ, чтобы они высказывались по сему предмету откровенно чрезъ Епархіальныя вѣдомости.

Отецъ архимандритъ Пименъ желаетъ, чтобы мѣсто священника Островскаго села было занято другимъ, болѣе способнымъ, для службы богадѣльни. Я согласенъ съ нимъ, что на этомъ мѣстѣ надобно имѣть человѣка другаго, помоложе и поспособнѣе; но старикъ со слезами

умоляетъ не трогать его. И такъ, не найдете ли возможности отцу архимандриту Пимену на первый разъ замѣниться кѣмъ либо другимъ, пожалуй даже и изъ его подчиненныхъ.

Газетчики другой разъ увольняютъ меня отъ управленія епархіею; только теперь они назначаютъ не Нила Ярославскаго, а преосвященнаго Макарія. Послѣднее вѣроятнѣе, и пожалуй, скоро и сбудется».

1871 годъ, какъ мы увидимъ, благопріятствовалъ митрополиту Иннокентію: сочувствіе Москвичей къ учрежденному имъ въ Москвѣ Православному Миссіонерскому Обществу и дѣятельность Общества дали возможность открыть 13 епархіальныхъ комитетовъ. Затѣмъ многіе архипастыри отечественной церкви не переставали въ письмахъ къ митрополиту Иннокентію и въ отношеніяхъ къ Совѣту выражать живѣйшую радость по случаю учрежденія Общества, называя его событіемъ знаменательнымъ въ исторіи нашей церкви и возлагая на него самыя свѣтлыя надежды. При письмахъ такого рода многими изъ нихъ были присылаемы весьма значительныя пожертвованія. Точно также настоятели монастырей и другія лица изъ монашествующаго духовенства, при письмахъ съ выраженіемъ своего сочувствія, прилагали также пожертвованія. Наконецъ, изъ свѣтскихъ лицъ нашлось много сочувствующихъ сему святому дѣлу; такъ, Марья Михайловна Киселева писала изъ Пензы къ митрополиту Иннокентію: «Мы всѣ, истинные христіане, радуемся, что вы теперь во главѣ духовной миссіи на Алтаѣ, и я читала въ газетахъ ваше воззваніе къ Москвѣ. Сдѣлайте его во всей Россіи: она вамъ откликнется на вашъ призывъ. Вы нашъ сѣверный впостолъ, васъ мы знаемъ». Дальнѣйшее содержаніе письма показываетъ, что эти прекрасныя слова вылились изъ сердца. Г-жа Киселева пожертвовала на вѣчное время въ пользу Алтайской миссіи 10.000 р. съ тѣмъ, чтобы эти деньги переведены были въ процентныя бумаги и проценты съ нихъ, какъ она выразилась въ письмѣ къ митрополиту, «послѣ смерти моей и вашей не могли никуда быть употреблены, кромѣ Алтайской миссіи». *(Сборн. свѣд. о Православн. мис. стр. 26)*.

Ободренный такимъ сочувствіемъ къ содѣйствію служенія святому дѣлу евангельской проповѣди, великій старецъ митрополитъ Иннокентій шлетъ изъ Петербурга слѣдующую глубочайшую, прочувствованую благодарность къ Московской паствѣ *(отъ 12 февраля)*: «Въ прошедшемъ году, по Высочайшей волѣ, принимая на себя обязанности предсѣдателя

Православнаго Миссіонерскаго Общества, я обращался къ моей возлюбленной паствѣ съ просьбой—не оставить меня сочувствіемъ и содѣйствіемъ въ служеніи святому дѣлу евангельской проповѣди. Выше мѣры я награжденъ былъ этимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ не только отъ Богоспасаемой Московской паствы, но и отъ другихъ весьма многихъ православныхъ соотечественниковъ. Всѣмъ свидѣтельствую мою глубочайшую благодарность, на всѣхъ призываю благословеніе Божіе.

Благодареніе Господу, Православное Миссіонерское Общество укрѣпляется, расширяется и благоуспѣшно развиваетъ свою дѣятельность. Начальники православныхъ миссій Иркутской, Забайкальской и Алтайской ободрены и утѣшены его попеченіями и пособіями, другіе взираютъ на него съ добрыми надеждами; въ разныхъ концахъ Россіи, не только въ бѣломъ и монашествующемъ духовенствѣ, но и въ благочестивыхъ мірянахъ пробуждается духъ ревности къ дѣлу евангельской проповѣди; являются на призывъ Общества новыя лица, желающія посвятить себя миссіонерскимъ трудамъ; матеріальныя средства Общества увеличиваются: все это добрые и утѣшительные признаки.

Но такія дѣла, какъ обращеніе милліоновъ невѣрующихъ ко Христу Спасителю, не совершаются однократными усиліями, а постоянными пожертвованіями и трудами не только въ теченіи десятилѣтій, но и столѣтій. Принося благодареніе Богу за доброе начало, я снова прошу и молю мою возлюбленную паству и всѣхъ сочувствующихъ Православному Миссіонерскому Обществу—не ослабѣвать въ добромъ дѣлѣ, чтобы съ теченіемъ времени привыкнуть богоугодныя жертвы на распространеніе вѣры Христовой почитать нашею неотложною христіанскою обязанностію. Только при этомъ условіи наше святое дѣло будетъ упрочено и успѣхъ его, при благословеніи Божіемъ, будетъ обезпеченъ».

Затѣмъ владыка писалъ къ преосвященному Леониду (*отъ 5 марта 1871 года*) слѣдующее: «дѣло объ опредѣленіи настоятельницы въ Вознесенскій монастырь можно считать уже рѣшеннымъ. Но при опредѣленіи настоятельницы въ Бородинскій монастырь не такъ легко: это монастырь общежительный, а въ таковые монастыри прямо опредѣлять своею властію мы не можемъ. Тутъ нуженъ прежде выборъ самихъ сестеръ, который мы отклонить никакъ не можемъ,—можемъ не согласиться на выбранную и проч.; и потому не благоугодно ли будетъ вамъ представить мнѣ ваше мнѣніе о назначеніи въ Вознесенскій мона-

стырь игумении Сергии; а о избрании на мѣсто ея сдѣлать надлежащее распоряженіе чрезъ Консисторію надлежащимъ порядкомъ». 8 марта митрополитъ Иннокентій снова писалъ къ преосвященному Леониду: «Я, со своей стороны, отправилъ отцу намѣстнику икону; при письмѣ, а прежде того я представилъ Св. Сѵноду, и онъ единогласно опредѣлилъ преподать ему благословеніе, съ выдачею грамоты, и протоколъ объ этомъ подписалъ еще въ минувшій вторникъ; но грамоты я еще не получилъ. Вчера вечеромъ я получилъ увѣдомленіе оффиціально отъ графа, что Государь увольняетъ меня въ Москву къ наступающему празднику, и предполагаю 18 числа вечеромъ отправиться, и потому отвѣчать на нѣкоторые пункты писемъ вашихъ, а также и на бумаги, я предполагаю уже лично, если Богъ велитъ мнѣ видѣть Москву. Здѣсь холера, и лютая, такъ что сына Ольденбургскаго она сокрушила въ нѣсколько часовъ; слѣдовательно дѣло возможное, что это письмо мое будетъ и послѣднее». Наконецъ, письмомъ отъ 12 марта, владыка извѣщаетъ преосвященнаго Леонида о своемъ выѣздѣ изъ Петербурга: «Считаю нужнымъ препроводить къ вашему преосвященству письмо княгини Четвертинской о діаконѣ, для соображенія при назначеніи кандидатомъ на открывшееся священническое мѣсто.

Отправиться въ Москву предполагаю 18-го числа, въ четвертокъ, на послѣднемъ поѣздѣ».

И въ эту бытность свою въ Петербургѣ, владыка не переставалъ получать свѣдѣнія изъ Америки: «получивъ изъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ пакетѣ за открытою печатью», писалъ къ Иннокентію *(отъ 17 марта 1871 г.)* оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода графъ Д. А. Толстой,—«письмо посланника нашего въ Вашингтонѣ, на имя вашего высокопреосвященства, съ запискою о религіозно-нравственномъ положеніи жителей на островахъ Тихаго океана, я считаю для себя особеннымъ удовольствіемъ препроводить къ вамъ эти бумаги, свидѣтельствующія о благотворныхъ плодахъ апостольскихъ трудовъ вашихъ въ той странѣ. Испрашивая святыхъ молитвъ вашихъ........»

Вотъ что писалъ въ семъ письмѣ посланникъ нашъ въ Вашингтонѣ, Константинъ Катакази, митрополиту Иннокентію *(отъ $\frac{\text{февраля 20}}{\text{марта 5}}$ 1871 года):* «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ узнавъ, что федеральное министерство финансовъ намѣревалось отправить съ оффиціальнымъ порученіемъ на острова Уналашку, Св. Павла и Св. Георгія Русскаго

подданнаго Степана Буйницкаго, находящагося на службѣ Американскаго правительства, я просилъ его частнымъ образомъ освѣдомиться о положеніи православныхъ жителей того края и сообщить мнѣ все, что онъ увидитъ и узнаетъ на мѣстѣ.

По возвращеніи изъ Тихаго океана, Буйницкій доставилъ мнѣ прилагаемую къ сему записку.

Повергая ее къ стопамъ вашего высокопреосвященства, я смѣю думать, что содержаніе ея удовлетворитъ душевнымъ потребностямъ пастырскаго вашего сердца.—Какъ православный и какъ Русскій, я душевно радуюсь свидѣтельству очевидца о томъ, что «православное религіозное образованіе имѣло самое лучшее вліяніе на нравственное развитіе жителей сихъ острововъ и сдѣлало ихъ истинными христіанами—людьми кроткими, добродушными и милосердыми».—Таковое мнѣніе подтверждено было еще на дняхъ въ Американскомъ конгрессѣ при преніяхъ объ административномъ преобразованіи Аляскинской территоріи. Нѣсколько депутатовъ укоряли весьма основательно Вашингтонское правительство въ томъ, что оно ничего еще не сдѣлало для нравственнаго и матеріальнаго блага сего края.

«Не такъ поступало»,—сказалъ одинъ изъ депутатовъ,—«Русское правительство и Русское духовенство: изъ дикарей они дѣлали христіанъ, изъ невѣждъ—образованныхъ; они строили церкви, основывали школы и до сихъ поръ еще лучи христіанскаго свѣта доходятъ до Аляски не изъ Вашингтона, а, къ стыду нашему, изъ С.-Петербурга и изъ Москвы».

Не очевидно ли, высокопреосвященнѣйшій владыка, что таковыми заявленіями Божественное милосердіе хотѣло утѣшить и наградить того, о которомъ посторонній и безпристрастный свидѣтель говоритъ, что «воспоминаніе о его добродѣтеляхъ и понынѣ служитъ для Алеутовъ поясненіемъ истинъ, изложенныхъ въ Катехизисѣ».

Выше этой награды на семъ свѣтѣ трудно заслужить. Надѣюсь, что ваше высокопреосвященство снисходительно пойметъ, что я не могъ отказаться отъ счастія донести вамъ таковую благодатную вѣсть.

Долгомъ считаю присовокупить, что я приложу всевозможное стараніе къ прекращенію бѣдственнаго положенія православныхъ Алеутовъ. До сихъ поръ епископъ Іоаннъ не могъ, за неимѣніемъ способовъ сообщенія, обозрѣть сію отдаленную часть ввѣренной ему епархіи. Его

преосвященство обратилось ко мнѣ съ изъявленіемъ желанія объ исходатайствованіи отъ Американскихъ властей проѣзда для него въ Аляску на одномъ изъ федеральныхъ военныхъ судовъ.

Хотя, по моему мнѣнію, приличнѣе было бы, чтобы православный епископъ объѣзжалъ свою епархію подъ покровомъ Императорскаго, а не иностраннаго флага, но не зная, возможно ли будетъ одному изъ нашихъ военныхъ судовъ, крейсирующихъ въ Тихомъ океанѣ, перевезти его преосвященство изъ Санъ-Франциско въ Аляску и обратно, я уже обратился частнымъ образомъ съ просьбою по этому предмету къ Американскимъ властямъ. Они обѣщались мнѣ устроить, въ случаѣ надобности, дѣло, но не ранѣе будущей весны, такъ какъ до тѣхъ поръ не имѣется въ виду отправленіе военныхъ судовъ въ Аляску».—Въ запискѣ же С. Н. Буйницкаго, приложенной при семъ письмѣ и помѣченной «12/24 февраля 1871 года», читаемъ мы слѣдующее: «По порученію секретаря казначейства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, я посѣтилъ, лѣтомъ прошлаго года, острова: Уналашку, св. Павла и св. Георгія. Природное населеніе этихъ острововъ состоитъ изъ 600 душъ на островѣ Уналашкѣ, 240 на островѣ Св. Павла и 125 на островѣ Св. Георгія. Всѣ взрослые, какъ Креолы, такъ и Алеуты, хорошо говорятъ по Русски, многіе читаютъ церковную грамоту весьма удовлетворительно, а нѣкоторые свѣдущи также и въ гражданской грамотѣ. По свидѣтельству Уналашкинскаго священника (изъ Алеутовъ) отца Иннокентія Шаишникова, къ приходу котораго принадлежатъ и жители острововъ Св. Павла и Св. Георгія, прихожане его искренно привязаны къ православію и усердно посѣщаютъ храмъ Божій. Въ справедливости сего я имѣлъ случай убѣдиться личнымъ наблюденіемъ на островѣ Св. Георгія, гдѣ я пробылъ, по обязанностямъ службы, слишкомъ три мѣсяца. Каждое воскресенье и каждый праздникъ, все населеніе отъ мала до велика отправляется въ церковь, гдѣ, за неимѣніемъ священника, пономарь, съ участіемъ весьма изряднаго клира изъ Алеутовъ и Креоловъ, одаренныхъ пріятнымъ голосомъ и вѣрнымъ слухомъ, исполняетъ всѣ тѣ отдѣлы литургіи, исполненіе которыхъ не предоставлено исключительно іерею. Во всякой бараборѣ (избѣ) находятся св. иконы и ни одинъ Алеутъ, по входѣ, не сядетъ, не совершивъ предварительно крестнаго знаменія и поклоненія иконамъ. Въ ежедневныхъ моихъ сношеніяхъ съ жителями Св. Георгія, я вполнѣ

убѣдился, что православное религіозное образованіе имѣло самое лучшее вліяніе на ихъ нравственное развитіе и сдѣлало ихъ истинными христіанами—людьми кроткими, добродушными и милосердыми. Православіе—такой слѣдъ Русской цивилизаціи на Алеутскомъ архипелагѣ, которымъ справедливо можетъ гордиться Русская національность. Сѣмяна христіанскаго ученія, посѣянныя апостоломъ Алеутовъ, преподобнымъ Іоанномъ Веніаминовымъ (нынѣ высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій), не остались безплодными, потому что онъ кромѣ слова употребилъ самое могущественное въ дѣлѣ народнаго образованія орудіе—примѣръ жизни, вполнѣ согласной съ преподаваемымъ ученіемъ. Воспоминаніе о его добродѣтеляхъ и понынѣ служитъ для Алеутовъ поясненіемъ истинъ, изложенныхъ въ катехизисѣ.

Послѣ вышесказаннаго понятно, что меня болѣзненно поразили наружное безобразіе и внутренняя скудость православныхъ храмовъ на островахъ Уналашкѣ, Св. Павла и Св. Георгія. На первыхъ двухъ требуются значительныя починки, а на третьемъ необходимо новое зданіе. Мнѣ сказывали, что, при сдачѣ дѣлъ Россійско-Американской Компаніи, значилось въ кредитѣ колоніальныхъ церквей слишкомъ 200.000 рублей, изъ денегъ жертвованныхъ на церковь преимущественно Алеутами. Ежели это справедливо, то вѣроятно, помянутая сумма поступила въ вѣдѣніе Св. Правительствующаго Сѵнода, который конечно, въ такомъ случаѣ, признаетъ справедливымъ обратить эти деньги на украшеніе, построеніе и содержаніе храмовъ для пожертвователей. О достовѣрности этого слуха я, конечно, не могу судить. Но даже и на тотъ случай, когда бы въ распоряженіи нашего правительства не оказалось таковыхъ спеціально предназначенныхъ суммъ, я не считаю излишнимъ заявить о видѣнныхъ мною фактахъ».

Успокоенный такими лестными отзывами какъ о своей прошлой миссіонерской дѣятельности, такъ и о религіозно-нравственномъ положеніи жителей острововъ Тихаго океана, митрополитъ Иннокентій отправился въ Москву для встрѣчи Св. Пасхи въ средѣ своей паствы. 19 марта, въ пятницу шестой недѣли великаго поста, владыка былъ уже въ Москвѣ, гдѣ, по заведенному имъ обычаю, ежедневно совершалъ богослуженіе или въ Кремлевскихъ соборахъ, или въ своемъ Троицкомъ подворьѣ. Въ самый же день Св. Пасхи, 29-го марта, литургію онъ совершалъ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, совмѣстно съ Кирилломъ митрополитомъ

Пальмирскимъ. Евангеліе читано было на греческомъ и славянскомъ языкахъ.—Послѣ же Св. Пасхи владыка, по совѣту врачей, не могъ уже ѣхать въ С.-Петербургъ для присутствія въ Св. Сгнодѣ, вслѣдствіе болѣзни глазъ, и долженъ былъ волею и неволею остаться въ Москвѣ, что чрезвычайно безпокоило его.

У владыки былъ катарактъ на правомъ глазѣ и его приготовляли къ операціи. «Рѣшено завтра приступить къ операціи», писалъ онъ къ преосвященному Леониду *(9 апрѣля 1871 года):* — «и потому не угодно ли будетъ сегодня пожаловать ко мнѣ.» О состояніи здоровья владыки почти ежедневно сообщалъ протоіерей Гавріилъ Ивановичъ баронессѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ Дѣлеръ. Эти сообщенія мы и помѣщаемъ здѣсь по порядку: «10 апрѣля. Благодареніе Господу! Операція совершилась благополучно. Теперь все зависитъ отъ заживленія ранки. Операція была въ 10 часу и продолжалась всего четверть часа. Владыка былъ спокоенъ и теперь чувствуетъ себя хорошо. Благодарю васъ за молитву и за неоставленіе дѣтей. 13 апрѣля. Владыка провелъ ночь весьма хорошо. Спалъ довольно. Болей не чувствовалъ нигдѣ. Нагноеніе и теченіе слезъ почти прекратилось. Состояніе глаза въ одинаковомъ положеніи какъ вчера, что, по словамъ докторовъ, болѣе худо, чѣмъ хорошо. Вся надежда на Господа Бога. Искренно благодаримъ за дѣтей, которыхъ просимъ поцѣловать за насъ. 14 апрѣля. Искренно благодарю васъ за неусыпное слѣдованіе за болѣзнію владыки. Утѣшительнаго ничего не могу сообщить вамъ. Положеніе глаза ухудшилось. Общее состояніе здоровья владыки очень хорошо. Ночью спалъ довольно. Боли въ глазу нѣтъ, но продолжающееся воспаленіе отнимаетъ у докторовъ надежду на то, что владыка будетъ видѣть тѣмъ глазомъ, съ котораго снятъ катарактъ. 17 апрѣля. Извините, что задержалъ вашего человѣка. Мнѣ хотѣлось сообщить вамъ пообстоятельнѣе о здоровьѣ владыки, чего я не могъ сдѣлать, не дождавшись докторовъ, которые, осмотрѣвши владыку, сказали: «общее состояніе больнаго хорошо. Глазъ безъ перемѣны къ лучшему». Послѣднее сказано въ томъ смыслѣ, что нѣтъ надежды на возстановленіе зрѣнія. Въ самомъ-же дѣлѣ глазъ гораздо лучше противъ прежнихъ дней. Воспаленіе уменьшается, опухоль упадаетъ. Чувствуется только боль въ кости, около глаза; но это вѣроятно отъ ревматизма, который при этой погодѣ гуляетъ рѣшительно по всему корпусу и сильно тревожитъ папеньку.

Это и причина, что папенька худо спалъ сегодня. Очень тяжело, грустно, даже убійственно, что папенька не будетъ видѣть тѣмъ глазомъ, съ котораго снятъ катарактъ..... Впрочемъ, это только человѣческое убѣжденіе, а Господь можетъ удивить милость Свою на владыкѣ. Прибѣгнемъ же къ Господу отъ всей души и отъ всего сердца. На докторовъ уже нѣтъ надежды. Отъ души благодарю васъ за неоставленіе дѣтей. 19 апрѣля. Покорнѣйше прошу васъ усугубить молитву за владыку. Состояніе глаза очень ухудшилось вчера къ вечеру,—и въ этомъ положеніи остается и до сего времени. Опасность близка,—чтобы лишиться глаза. Да сохранитъ отъ этого Господь. Все въ Его святой волѣ. За дѣтей благодаримъ. 23 апрѣля. Ничего не могу сообщить вамъ, Елизавета Сергѣевна, отраднаго. Владыка сильно страдаетъ головною болью. Это причина безсонныхъ ночей и сильной слабости. Глазу лучше. Боли въ головѣ происходятъ, конечно, отъ ревматизма и бывшей рожи.» Къ этимъ свѣдѣніямъ о состояніи здоровья владыки мы добавимъ, что операція хотя совершилась и удачно, но владыка, по своей энергической натурѣ и нерасположенію лечиться, не совершенно точно исполнялъ предписанія докторовъ. Такъ, по совершеніи операціи, ему предписано пролежать нѣсколько дней на спинѣ, въ полномъ спокойствіи; но владыка, по словамъ келейника, не выдержалъ положенное число дней, вставалъ и молился Богу, чрезъ что воспаленіе увеличилось, и вслѣдствіе этого владыка почти окончательно лишился зрѣнія. Лѣвымъ же глазомъ онъ давно уже не видалъ ничего. Въ первое время по лишеніи зрѣнія, владыка очень грустилъ и при посѣщеніи нашемъ его, онъ не разъ говаривалъ: «Теперь пѣснь моя спѣта: пора, давно пора на покой»,—и вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ желаніе поселиться въ Геѳсиманскомъ скиту. На вопросъ же нашъ: почему же, ваше высокопреосвященство,—развѣ вы совсѣмъ потеряли зрѣніе? «Да, почти совсѣмъ. Выпадаютъ иногда для меня радостные дни, когда я могу кой-что видѣть; но это недолго продолжается и большую часть я вижу все какъ-бы въ туманѣ», отвѣтилъ онъ намъ, грустнымъ тономъ и съ грустнымъ выраженіемъ лица. Затѣмъ, какъ привыкшій во всю свою жизнь покоряться неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія, владыка сталъ мириться съ своимъ положеніемъ. Оправившись отъ болѣзни, онъ съ тѣмъ же благоговѣніемъ и съ тою же энергіею продолжалъ безпрерывно совершать

богослуженія и, имѣя превосходную память, читалъ онъ евангеліе и все, что касалось до литургіи, наизусть, никогда не сбиваясь, такъ что постороннему нельзя было догадаться, что онъ былъ почти слѣпъ. На видъ же, онъ былъ совершенно свѣжъ, не смотря на свои преклонныя лѣта: ему было уже 74 года. Письма писалъ онъ на память; конечно, онъ уже не могъ писать прямо; но все таки можно было, хотя и съ трудомъ, читать написанное имъ.

18 мая исполнилось митрополиту Иннокентію ровно 50 лѣтъ съ того дня, въ который онъ возведенъ былъ въ санъ пресвитера. По случаю сего пятидесятилѣтія священства, владыкѣ были представлены поздравительные адресы отъ московскаго духовенства, отъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, отъ Московской духовной академіи, семинарій, и друг. Братство же св. Равноапостольной Маріи, котораго онъ былъ попечителемъ, опредѣлило учредить степендію его имени.

23 мая, Православное Миссіонерское Общество праздновало свою годовщину. Торжество началось литургіей въ Успенскомъ соборѣ, которую совершалъ преосвященный Леонидъ. Владыка же Иннокентій прибылъ прямо въ собраніе, происходившее въ Муроварной палатѣ. Членовъ Общества собралось до 250 человѣкъ. Предъ открытіемъ засѣданія, Сѵнодальными пѣвчими пропѣто было: Днесь благодать Святаго Духа насъ собра. Высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій открылъ засѣданіе слѣдующими словами, обращенными къ членамъ Общества: «Благочестивые ревнители святой православной вѣры! —Позвольте такъ называть васъ.—Прежде всего воздадимъ благодареніе Господу Богу, соединившему насъ для такаго святаго дѣла. Затѣмъ почитаю моимъ долгомъ изъявить вамъ мою искреннюю благодарность за вашъ благосклонный отзывъ на воззванія моего смиренія и дѣятельное ваше участіе къ нашему дѣлу. Въ настоящее время мы пригласили васъ, согласно съ уставомъ нашего Общества, для выслушанія отчета о дѣйствіяхъ Совѣта за первый истекшій годъ и для рѣшенія другихъ дѣлъ. Но мы должны сказать вамъ предварительно, что мы не только не могли думать о какомъ-либо распространеніи нашей дѣятельности на все пространство нашего отечества, населенное нехристіанами, но не можемъ представить даже и въ настоящее время достаточныхъ свѣдѣній, гдѣ и въ какомъ видѣ могла быть потребна наша дѣятельность. Потому мы должны были, между прочимъ, и по самымъ средствамъ нашимъ, ограничить

нашу дѣятельность почти только попеченіемъ объ извѣстныхъ нашихъ миссіяхъ, и то не въ полной мѣрѣ, какъ изволите услышать изъ отчета, который сейчасъ будетъ предложенъ вашему вниманію».—Вслѣдъ за симъ членомъ Совѣта, извѣстнымъ ревнителемъ православія Иваномъ Ивановичемъ Четвериковымъ, былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества за прошедшій годъ. По прочтеніи отчета, на основаніи устава, предложена была на утвержденіе общаго собранія и утверждена смѣта расходовъ на 1871 годъ. За утвержденіемъ смѣты слѣдовало избраніе четырехъ членовъ Общества въ повѣрочную коммиссію, для ревизіи отчета въ финансовомъ отношеніи. Наконецъ, строго слѣдуя порядку устава, высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій дошелъ до послѣдняго пункта, опредѣляющаго право общаго собранія избирать почетныхъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества. Онъ возгласилъ: «Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества положилъ: просить Государя Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благословенно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА) удостоить Общество принять званіе почетнаго его члена. Сообщаю общему собранію это положеніе Совѣта». Отвѣтомъ было общее выраженіе живѣйшаго сочувствія и громкое «ура». Журнальнымъ постановленіемъ опредѣлено: довести до свѣдѣнія Государя Наслѣдника Цесаревича почтительнѣйшую просьбу всего Православнаго Миссіонерскаго Общества, чтобы Его Высочество удостоилъ принять званіе почетнаго члена онаго. За симъ пѣвчіе пропѣли: «Боже Царя храни.» Послѣ сего митрополитъ Иннокентій отъ лица Совѣта благодарилъ собраніе за благосклонное вниманіе ко всему, что было предложено, и удовлетворительное рѣшеніе предложеній Совѣта. Въ заключеніе пропѣто: «Достойно есть яко воистинну». *(Сборникъ свѣдѣн. о православн. миссіяхъ. Стр. 2—7).*

На пользу миссіонерскому дѣлу, митрополитъ Иннокентій сдѣлалъ еще одно весьма важное пріобрѣтеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что для успѣха миссіонерства матеріальныя средства имѣютъ большое значеніе; но еще болѣе того— пріобрѣтеніе людей, способныхъ къ миссіонерскому служенію. Начальники же миссій и преосвященные, въ епархіяхъ которыхъ состоятъ миссіи, жаловались, что миссіонеры, принимаемые безъ предварительнаго испытанія и приготовленія, нерѣдко оказываются неспособными и неблагонадежными. Но доселѣ не было мѣста, куда бы можно

было собирать ихъ для испытанія и предварительнаго, хотя бы легкаго, ознакомленія съ предстоящимъ имъ служеніемъ. И вотъ, по ходатайству владыки Иннокентія, Св. Сунодъ разрѣшилъ приспособить къ миссіонерскому дѣлу Московскій Покровскій заштатный монастырь, находящійся у Покровской заставы, близъ станціи Нижегородской желѣзной дороги. Приспособленіе этого монастыря къ миссіонерскому дѣлу опредѣлено Святѣйшимъ Сунодомъ на слѣдующихъ основаніяхъ. По общему управленію во всѣхъ частяхъ, относящихся къ внутреннему и внѣшнему благоустройству, монастырь остается въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства, наравнѣ со всѣми другими монастырями Московской епархіи. Всѣ капиталы и недвижимыя имущества монастыря остаются его неотъемлемою собственностію, и всѣ получаемые съ нихъ доходы употребляются на монастырскія потребности, подъ наблюденіемъ епархіальнаго начальства, на общемъ основаніи. Монастырь долженъ имѣть достаточное число братіи, необходимое для благолѣпія богослуженія и исправленія всѣхъ монастырскихъ послушаній. Настоятель, въ случаѣ смерти или перемѣщенія нынѣшняго, избирается изъ заслуженныхъ миссіонеровъ. Братія монастыря, при уменьшеніи съ теченіемъ времени настоящей, вновь выбирается преимущественно изъ такихъ лицъ, которыя, кромѣ монастырскихъ послушаній, могли бы быть или направляемы къ миссіонерской дѣятельности, или назначаемы въ должности наставниковъ миссіонерскаго института, или употребляемы на труды въ пользу миссій. Миссіонеры, пріѣзжающіе изъ миссій и остающіеся въ монастырѣ на продолжительное время, могутъ исправлять чреду монастырскаго служенія, или только заниматься своими дѣлами, по усмотрѣнію настоятеля. Содержаніе въ монастырѣ они получаютъ или изъ монастырскихъ кружечныхъ доходовъ— если исправляютъ чреду служенія, или отъ избытковъ монастыря, или, наконецъ, изъ суммъ Миссіонерскаго Общества. Миссіонерское Общество, съ разрѣшенія преосвященнаго митрополита, имѣетъ право возводить на монастырской землѣ зданія для своихъ нуждъ, или для увеличенія своихъ доходовъ. Кромѣ главнаго назначенія, Покровскій монастырь имѣетъ оказывать миссіонерскому дѣлу и другія важныя услуги. Въ немъ: а) могутъ находить покой и пріютъ миссіонеры, потерявшіе на службѣ здоровье и силы, и пристанище—пріѣзжающія изъ миссій лица по дѣламъ службы, или по собственнымъ надобностямъ; въ немъ б) могутъ находить готовое

помѣщеніе и содержаніе ученые люди, принимающіе на себя для миссіи какія-либо сочиненія, переводы или наблюденіе за изданіемъ книгъ; въ немъ в) могутъ быть помѣщены архивъ миссіонерскихъ дѣлъ и библіотека.

Прекраснымъ памятникомъ о маститомъ Иннокентіи въ Московской епархіи останется также и Островская богадѣльня.

Объ открытіи этого столь благотворительнаго учрежденія мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія изъ воспоминаній архимандрита Пимена: «Декабря 11-го 1871 года владыка нашъ, митрополитъ Иннокентій, посѣтилъ нашу обитель въ четвертый разъ, такъ какъ на слѣдующій день назначено было освященіе церкви во имя первосвятителя Московскаго Петра митрополита и святителя Иннокентія, перваго епископа Иркутскаго, въ зданіи вновь устроенной богадѣльни въ селѣ Островѣ. Сперва предположено было освятить храмъ въ самый день памяти святителя Иркутскаго, вмѣстѣ и день тезоименитства нашего владыки,—но, по необычному разлитію Москвы-рѣки въ столь позднее время года, освященіе пришлось отложить, пока не установится зимній путь. Владыка прибылъ къ намъ около полудня; проѣхалъ прямо къ архіерейскому дому, гдѣ мы всѣ его встрѣтили. На всѣхъ колокольняхъ былъ звонъ; за холодомъ же, торжественной встрѣчи не дѣлали. Въ одно время со владыкою прибылъ и преосвященный Игнатій, а къ вечеру преосвященный Леонидъ, и остановился въ скиту. Всенощное бдѣніе владыка слушалъ въ Крестовой церкви. Къ вечеру съѣхались еще нѣкоторые настоятели и многіе изъ Московскихъ протоіереевъ и члены Островскаго комитета, приглашенные владыкою. На слѣдующее утро преосвященные и мы всѣ отправились въ Островъ, въ 8 часовъ утра, а къ 9 часамъ прибылъ туда и митрополитъ Иннокентій. Въ служеніи съ нимъ участвовали оба преосвященные, я и протоіерей І. Н. Рождественскій, отъ Черниговскихъ Чудотворцевъ, что въ Москвѣ на Пятницкой, и еще два протоіерея. Во время причастнаго стиха, проповѣдь говорилъ протоіерей Капустинъ, отъ Никиты мученика, въ Басманной; пѣли наши, Угрѣшская братія, и весьма изрядно. Послѣ литургіи владыка и мы всѣ, въ слѣдъ за нимъ, пришли въ трапезную палату, гдѣ поднесли владыкѣ хлѣбъ-соль, какъ хозяину, и подали чай; затѣмъ послѣдовалъ актъ открытія; священникъ Антушевъ читалъ отчетъ и объ издержкахъ на построеніе, и о средствахъ заведенія.

Ежегодный доходъ Островской богадѣльни простирается до пятнадцати тысячъ рублей; двѣ трети этой суммы взносятся ежегодно разными монастырями, а третья часть получается съ капитальной суммы во сто тысячъ, взятой изъ Перервинскихъ суммъ и положенной въ банкъ; митрополитомъ Иннокентіемъ пожертвовано, изъ собственныхъ его денегъ, пять тысячъ рублей. Судя по доходу, Островская богадѣльня обезпечивается, слѣдовательно, суммой въ триста тысячъ рублей. По прочтеніи отчета, владыка пожелалъ обойти все заведеніе и все осмотрѣть въ подробностяхъ, такъ какъ въ то время его зрѣніе дозволяло ему еще кой-что видѣть и различать предметы; онъ остался всѣмъ чрезвычайно доволенъ и благодарилъ меня за устройство богадѣльни. Послѣ сего владыка и всѣ мы поѣхали въ монастырь, прямо къ новой трапезной палатѣ. Въ продолженіи трапезы одинъ изъ братіи читалъ толкованіе на Евангеліе въ недѣлю Праотецъ; на колокольнѣ во все время былъ красный звонъ и протодіаконъ провозглашалъ многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, Св. Сvноду и члену онаго, высокопреосвященнѣйшему владыкѣ нашему, оберъ-прокурору графу Толстому, министру Государственныхъ имуществъ Зеленому, преосвященнымъ и прочимъ, и пили за ихъ здравіе. Протоіерей Іоаннъ Николаевичъ Рождественскій, сидѣвшій за первымъ столомъ, напротивъ владыки, вставалъ при каждомъ провозглашеніи и произносилъ краткія рѣчи, а подъ конецъ и самъ владыка сказалъ довольно краткое и прекрасное слово, которымъ онъ благодарилъ всѣхъ, содѣйствовавшихъ ему при устроеніи Островской богадѣльни, и заключилъ словами, которыя глубоко врѣзались въ моей памяти: «Напрасно приписываете вы мнѣ болѣе, нежели сколько я сдѣлалъ. Вы говорите, что я устроилъ, что я учредилъ: это не совсѣмъ вѣрно; мнѣ принадлежитъ начинаніе, но что бы могъ я сдѣлать, ежели бы не имѣлъ дѣятелей, не имѣлъ сотрудниковъ, которые бы мнѣ споспѣшествовали? И такъ, не говорите, что я устроилъ богадѣльню, что я открылъ ее; а скажите лучше, что она открыта при мнѣ, что было это сдѣлано въ мое время,—и это будетъ вѣрнѣе. Итакъ, благодарю еще всѣхъ содѣйствовавшихъ мнѣ, и всѣхъ принимавшихъ ѵчастіе въ этомъ дѣлѣ».—Послѣ трапезы всѣ принимали благословеніе владыки, и онъ поѣхалъ въ архіерейскій домъ, а отдохнувъ тамъ, отправился въ обратный путь, въ Москву. «Этотъ день», заключаетъ

архимандритъ Пименъ, «останется приснопамятнымъ для обители нашей. Будетъ ли еще когда нибудь подобное сему благотворительное учрежденіе—намъ неизвѣстно; но мы не обинуясь скажемъ, что еще не было по сіе время. Учредивъ это тихое пристанище и прибѣжище нищеты и убожества, благосердный владыка нашъ митрополитъ Иннокентій воздвигъ себѣ несокрушимый памятникъ, который увѣковѣчитъ его память въ отдаленнѣйшихъ поколѣніяхъ.» *(Стр. 202—206).*

На другой день послѣ открытія Островской богадѣльни, т. е. 13 декабря, митрополитъ въ 2 часа по полудни отправился въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сѵнодѣ.

XLIII

«Поздравляю васъ съ наступившимъ постомъ», писалъ митрополитъ Иннокентій изъ Петербурга къ преосвященному Леониду *(отъ 12 февраля 1872 года)*, «и желаю вамъ проводить оный въ здравіи. Преосвященный Софоній нуждается въ нѣкоторыхъ вещахъ; я писалъ отцу намѣстнику дать ему два архіерейскихъ облаченія.—Нужно будетъ еще дать ему три, четыре облаченія священническихъ. Потрудитесь предложить чередному благочинному найдти таковыя.—Теперь время вамъ нужно для составленія отчета. Прикажите секретарямъ текущія дѣла представлять преосвященному Игнатію». По составленіи же преосвященнымъ Леонидомъ отчета, владыка шлетъ ему благодарность въ письмѣ отъ 27 марта: «Премного благодарю васъ, возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель, за трудъ по составленію епархіальнаго отчета; завтра думаю представить». Затѣмъ, письмомъ отъ 4 апрѣля, владыка извѣщаетъ преосвященнаго Леонида о своемъ выѣздѣ изъ Петербурга: «Слава Богу! Я послѣ завтра отправляюсь изъ вожделѣннаго Питера въ Москву; я предполагаю прибыть около половины пятаго часа по полудни. По выходѣ изъ вагона, поѣду прямо къ Иверской и, быть можетъ, и въ Чудовъ, если будетъ не поздно. Прошу васъ покорнѣйше и убѣдительнѣйше—не выѣзжать ко мнѣ на встрѣчу въ вокзалъ, и не велите никому изъ старшаго духовенства ѣздить туда; а кому желательно видѣть меня тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, пусть пожалуютъ на подворье и тамъ меня дожидаютъ. Въ вокзалѣ же встрѣтитъ меня экономъ и кто либо изъ архимандритовъ.

Вчера я получилъ просьбу Клинскаго протоіерея о переведеніи его въ Москву, къ Казанскому собору. Значитъ, отецъ протоіерей Новоструевъ померъ. Если это правда, то кого же на мѣсто его? Ужъ конечно не изъ Клинскихъ; полагаю, предложить это мѣсто нужно прежде протоіереямъ Московскимъ, начиная отъ ветхихъ. Впрочемъ я не совсѣмъ знаю, или лучше сказать, совсѣмъ не знаю, какъ опредѣлялись протоіереи въ Казанскій соборъ. Здоровье мое, слава Богу, удовлетворительно».

Замѣтимъ здѣсь кстати: Владыка нашъ не любилъ Петербурга и всегда говаривалъ: «Петербургъ—не что иное, какъ кузница, гдѣ или обожжешься, или выпачкаешься».

7-го апрѣля, въ пятницу на шестой недѣлѣ великаго поста, владыка прибылъ въ Москву, гдѣ, не смотря на свою просьбу не дѣлать ему встрѣчи, былъ встрѣченъ на станціи Николаевской желѣзной дороги преосвященными епископами Леонидомъ и Игнатіемъ со старшимъ духовенствомъ. Прямо съ желѣзной дороги, какъ писалъ, поспѣшилъ онъ въ Иверскую часовню принести моленія Заступницѣ и Покровительницѣ царствующаго града.

«Владыка возвратился, писалъ Леонидъ Саввѣ:—зрѣніе, слава Богу, не только не хуже, даже получше. Писалъ изъ Петербурга, и съ подворья пишетъ неутомимо. Въ недѣлю Ваій служилъ въ Чудовѣ, а въ Успенскомъ совершалъ умовеніе ногъ. Ничего не желаю, какъ того, чтобы надолго стало его зрѣнія, а съ тѣмъ надолго продолжалось и на престолѣ Московскомъ сидѣніе, съ условіемъ—терпѣть теперешняго Дмитровскаго на его епископскомъ, для немногихъ развѣ завидномъ, сѣдалищѣ. За дѣла почти не принимались, по случаю страстныхъ дней; да надобно сказать, что, благодареніе Богу, ихъ довольно приготовлено было и отправлено въ Петербургъ, пока тамъ былъ владыка.......... Меня радуетъ нѣкоторый успѣхъ въ развитіи общежительства. Иноки изъ раскольниковъ дѣйствуютъ неутомимо на своемъ поприщѣ. Въ больницахъ не только монахини, но и монахи служатъ, хотя не въ большомъ числѣ, но съ большимъ усердіемъ. Открытіе Островскаго дома призрѣнія—истинное благодѣяніе для сельскаго духовенства..... Миссіонерское дѣло—могъ бы дѣйствовать въ немъ съ истинною пользою только владыка нашъ. Люблю дѣло, но не общество. Люди хороши, да способъ занятій несносный, по крайней мѣрѣ, для меня, давно извѣрившагося во всякую коллегіальность».......

Въ самый день св. Пасхи, 16 апрѣля, митрополитъ Иннокентій послѣ четырехлѣтней службы на каѳедрѣ Московской былъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго, при слѣдующемъ рескриптѣ: «Послѣ полувѣковаго апостольскаго служенія въ отдаленномъ краѣ отечества, бывъ призваны на святительскую каѳедру первопрестольной Москвы, вы явили себя достойнымъ сего высокаго призванія, продолжая и здѣсь знаменовать архипастырское поприще ваше неутомимою ревностію о благѣ святой Церкви. Съ неусыпными попеченіями о духовной пользѣ ввѣренной вамъ паствы вы соединяете отеческую заботливость о внѣшнихъ нуждахъ духовенства, расширяя способы призрѣнія бѣдныхъ и сирыхъ въ средѣ его, и среди трудовъ по управленію обширною епархіею, въ то же время, по званію предсѣдателя Совѣта Миссіонерскаго Общества, не перестаете благотворно служить святому дѣлу насажденія и распространенія вѣры Христовой между неозаренными свѣтомъ ученія евангельскаго инородческими племенами Имперіи, опытнымъ руководствомъ вашимъ направляя дѣятельность Общества къ наилучшему достиженію благихъ его цѣлей».

Празднованіе свв. Кирилла и Меѳодія и второе общее собраніе членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ семъ году совершилось въ воскресенье, 14 мая. Литургію въ этотъ день совершалъ самъ митрополитъ въ Успенскомъ соборѣ. Стеченіе народа было многочисленное. Послѣ литургіи владыка совершилъ молебное пѣніе свв. Кириллу и Меѳодію, въ сослуженіи преосвященныхъ викаріевъ и членовъ Общества изъ духовенства.

Собраніе членовъ Общества было послѣ богослуженія, по примѣру прошедшаго года, въ Мѵроварной Палатѣ. Предъ началомъ засѣданія Синодальные пѣвчіе пропѣли «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра». Высокопреосвященный открылъ засѣданіе слѣдующими, обращенными къ членамъ Общества, словами: «Благочестивые ревнители святой православной вѣры! Слава и благодареніе Господу Богу, видимо благословляющему наше дѣло! Прошло только два года съ того времени, какъ Господь соединилъ насъ здѣсь для служенія святому дѣлу евангельской проповѣди,—и вотъ уже въ девятнадцати епархіяхъ образовались отдѣленія нашего Общества, присоединившія къ намъ новыхъ членовъ и тѣмъ доставившія намъ новыя средства, такъ что мы въ прошедшемъ году могли назначить въ пособіе миссіямъ только 11

тысячъ рублей, а въ нынѣшнемъ нашли возможность назначить болѣе 24 тысячъ, не ослабляя основныхъ нашихъ средствъ. Впрочемъ должно сказать по справедливости, что главнѣйшимъ источникомъ нашихъ средствъ, какъ въ первомъ году, такъ и въ минувшемъ, была Москва. Въ прошлогоднемъ общемъ собраніи я сказалъ вамъ, что Совѣтъ Общества не могъ представить вамъ даже достаточныхъ свѣдѣній, гдѣ и въ какомъ видѣ могла быть потребна его дѣятельность; нынѣ мы имѣемъ достаточныя свѣдѣнія о всѣхъ миссіяхъ въ Сибири и въ приАмурскомъ краѣ, и свѣдѣнія эти подтверждаютъ одно: что нужды ихъ весьма велики и многи, какъ это вы узнаете впослѣдствіи изъ приложеній къ нашему печатному отчету. Въ облегченіе этихъ нуждъ Совѣтъ сдѣлалъ что могъ, какъ это вы услышите изъ отчета, который сейчасъ будетъ предложенъ вашему вниманію». Свѣдѣнія, сообщенныя Обществу его Совѣтомъ въ этомъ отчетѣ, были весьма утѣшительны. По окончаніи засѣданія, присутствовавшими членами изъ духовенства пропѣто «Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме». Подъ вліяніемъ добрыхъ впечатлѣній, полученныхъ въ собраніи, это пѣснопѣніе невольно пробуждало въ сердцѣ молитву о расширеніи, утвержденіи и благосостояніи святой Православной Церкви *(Прибавл. къ Московск. Епарх. Вѣдом. 1872 г. № 17)*.

Въ этомъ же году послѣдовало открытіе Пермскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества. Предъ открытіемъ сего отдѣленія, вотъ что писалъ митрополитъ Иннокентій къ архіепископу Пермскому Антонію: «Въ отношеніи къ г. оберъ-прокурору Св. Сѵнода, отъ 22 января 1871 года за № 28, мною изъяснено было слѣдующее: миссіонерское дѣло въ нашемъ отечествѣ тогда только можетъ получить болѣе удовлетворительное развитіе, когда сдѣлается предметомъ вниманія не избраннаго только круга ревнителей, а всего православнаго народа. Изъ цѣлаго народа естественно ожидать большаго числа жертвователей и дѣятелей на поприщѣ евангельской проповѣди, нежели изъ однихъ, такъ называемыхъ, образованныхъ сословій. Въ семъ случаѣ главное условіе успѣха состоитъ въ томъ, чтобы во всемъ православномъ народѣ распространить свѣдѣнія о миссіонерскомъ дѣлѣ и возбудить къ сему дѣлу его сочувствіе и усердіе. Этого нельзя достигнуть никакимъ инымъ способомъ, кромѣ церковной проповѣди, такъ какъ свѣдѣнія, распространяемыя посредствомъ печати, мало проникаютъ

въ простой народъ, между тѣмъ какъ все, что объявляется въ церквахъ, весьма быстро распространяется въ народѣ.

Посему для развитія миссіонерскаго дѣла было бы весьма полезно, если бы хотя разъ въ году, въ одинъ изъ церковныхъ праздниковъ, во всѣхъ церквахъ нашего отечества, въ одно время были предлагаемы духовенствомъ народу поученія объ обязанности каждаго христіанина участвовать всѣми доступными для него средствами въ распространеніи святой вѣры между милліонами нашихъ согражданъ, невѣдущихъ Христа Спасителя. Въ сихъ поученіяхъ могли бы быть сообщаемы свѣдѣнія о ходѣ миссіонерскаго дѣла въ Россіи и предлагаемы приглашенія какъ къ личному участію въ трудахъ для распространенія вѣры, такъ и къ матеріальнымъ пожертвованіямъ.

Наиболѣе удобнымъ для сего праздникомъ представляется недѣля Православія, или первое воскресенье великаго поста. Въ этотъ день совершается торжество Православія, имѣющее весьма близкое отношеніе къ мысли о распространеніи вѣры; народъ собирается въ церквахъ въ большомъ количествѣ, по случаю говѣнія, совершеннаго уже, или предстоящаго, располагается къ принятію всякихъ добрыхъ внушеній и впечатлѣній. Приглашенія къ участію въ дѣлѣ распространенія вѣры въ это время будутъ имъ, безъ сомнѣнія, хорошо принимаемы, и ежегодное приношеніе на это дѣло пожертвованій легко можетъ обратиться въ обычай. Впрочемъ это не обязательно тамъ, гдѣ будетъ признанъ другой день, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, болѣе для сего удобнымъ. Только желательно, чтобы это было дѣлаемо въ одинъ и тотъ-же день, какъ въ первый годъ, такъ и въ послѣдующіе.

Посему я просилъ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода исходатайствовать у Святѣйшаго Сѵнода, чтобы дозволено было епархіальнымъ преосвященнымъ сдѣлать во ввѣренныхъ имъ паствахъ распоряженіе, дабы въ извѣстный день въ селахъ и уѣздныхъ городахъ предлагаемы были народу бесѣды вышеозначеннаго содержанія; а что касается губернскихъ городовъ и столицъ, то распоряженіе о семъ предоставить благоусмотрѣнію самихъ преосвященныхъ, такъ какъ жители сихъ городовъ болѣе или менѣе знакомы съ состояніемъ миссіонерскаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. При семъ я высказалъ предположеніе, что поученія такого рода могутъ быть составляемы самими настоятелями церквей; а для тѣхъ, которые не въ состояніи сего сдѣ-

лать, могутъ быть изготовляемы людьми способными, по порученію преосвященныхъ. Совѣтъ же Православнаго Миссіонерскаго Общества, съ своей стороны, почтетъ своимъ долгомъ заблаговременно, въ видѣ матеріала для такихъ бесѣдъ, сообщать преосвященнымъ новыя свѣдѣнія, какъ о движеніи миссіонерскаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, такъ и объ особенно поучительныхъ случаяхъ, какіе могутъ представляться при обращеніи невѣрующихъ къ вѣрѣ Христовой.

Сіи предположенія мои г. оберъ-прокуроромъ предложены были, 27 января 1871 года за № 258, Святѣйшему Сѵноду, и указомъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 7 мая 1871 года за № 932, дано мнѣ знать, что Святѣйшій Сѵнодъ, разсмотрѣвъ предположенія мои о распространеніи въ народѣ путемъ церковной проповѣди свѣдѣній о миссіонерскомъ дѣлѣ съ цѣлію возбужденія его сочувствія и усердія къ нему, находитъ осуществленіе такого предположенія полезнымъ; но при этомъ признаетъ нужнымъ, чтобы Миссіонерское Общество предварительно озаботилось составленіемъ, чрезъ кого либо изъ своихъ членовъ, образцовыхъ поученій соотвѣтственно предположенной цѣли, съ тѣмъ, чтобы таковыя поученія представлены были на разсмотрѣніе въ Святѣйшій Сѵнодъ, поставивъ при этомъ въ извѣстность, что предполагаемыя къ составленію образцовыя поученія не должны быть примѣняемы къ какому либо особому церковному празднику, такъ какъ настоящія поученія, равно и тѣ, которыя проповѣдниками составляемы будутъ по ихъ образцу, могутъ быть произносимы во всякое, благопріятное по мѣстнымъ обстоятельствамъ, время.

Вслѣдствіе сего, представлены были мною Святѣйшему Сѵноду 20 января 1872 года (№ 14) четыре образцовыя поученія, составленныя, по порученію моему, членами Миссіонерскаго Общества, священниками города Москвы: Николотолмачевской церкви Василіемъ Нечаевымъ, Успенской на Вражкѣ церкви Василіемъ Сперанскимъ, Александринской въ 3-мъ военномъ училищѣ церкви Александромъ Иванцовымъ-Платоновымъ и Покровской въ Левшинѣ церкви Константиномъ Озеровымъ. По разсмотрѣніи представленныхъ мною четырехъ образцовыхъ поученій, составленныхъ означенными членами Общества, Святѣйшій Сѵнодъ нашелъ ихъ цѣли своей соотвѣтствующими и возвратилъ мнѣ оныя при указѣ, отъ 30 марта 1872 года за № 481-мъ, для напечатанія на счетъ суммъ Миссіонерскаго Общества и употребленія ихъ согласно

назначенію. Наконецъ, циркулярнымъ указомъ и по всему духовному вѣдомству, отъ 10 апрѣля сего 1872 года № 20, Святѣйшимъ Сѵнодомъ дано знать, что мѣра, изложенная мною въ выше приведенномъ представленіи моемъ, касательно распространенія въ народѣ свѣдѣній о миссіонерскомъ дѣлѣ, признана полезною и что вышеозначенныя образцовыя поученія предназначены для повсемѣстнаго церковнаго употребленія при удобныхъ случаяхъ и для руководства при составленіи подобныхъ поученій самими проповѣдниками.

Препровождая при семъ къ вашему высокопреосвященству 5 экземпляровъ [1]) одобренныхъ Св. Сѵнодомъ поученій, покорнѣйше прошу васъ, не благоугодно ли будетъ вамъ сдѣлать по ввѣренной вамъ епархіи распоряженіе, чтобы произносимы были сіи, или составляемыя по ихъ образцу самими проповѣдниками, поученія въ недѣлю Православія или въ какой либо другой день въ году, какой признаете по мѣстнымъ обстоятельствамъ болѣе удобнымъ для распространенія въ народѣ свѣдѣній о миссіонерскомъ дѣлѣ и возбужденія участія къ нему, какъ сказано выше, и почтить меня увѣдомленіемъ какъ о полученіи образцовыхъ поученій, такъ и объ избранномъ вами днѣ для произнесенія сихъ, или по ихъ образцу составляемыхъ поученій. О днѣ, какой угодно будетъ вашему высокопреосвященству избрать для сего, я долженъ сообщить Совѣту Православнаго Миссіонерскаго Общества для того, чтобы онъ могъ, въ видѣ матеріала для составляемыхъ проповѣдниками поученій, сообщить къ избранному вами дню новыя свѣдѣнія, какъ о движеніи миссіонерскаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, такъ и объ особенно поучительныхъ случаяхъ, какіе могутъ представиться при обращеніи невѣрующихъ къ вѣрѣ Христовой.»

---

[1]) И 450 экземпляровъ, слѣдующихъ съ тяжелою почтою.

XLIV

Въ день преподобнаго Исаакія Далматскаго, 1872 года, исполнилось ровно два вѣка со дня рожденія великаго Царя Преобразователя Россіи, и посему древняя первопрестольная столица, въ Кремлѣ которой родился Петръ I, свѣтло праздновала двухсолѣтній его юбилей. Къ этому торжеству приготовлена была еще Политехническая выставка. Скажемъ нѣчто о семъ торжествѣ. Наканунѣ 30-го мая, въ Архангельскомъ соборѣ, въ 10 часовъ утра, преосвященный Алексій (жившій въ Донскомъ монастырѣ) совершалъ литургію. По окончаніи оной началась соборнымъ архіерейскимъ служеніемъ торжественная панихида объ упокоеніи въ Бозѣ почившаго Императора Петра Перваго. Ее совершали митрополиты: Иннокентій, Кириллъ Пальмирскій и епископы: Алексій бывшій Екатеринославскій, Леонидъ Дмитровскій и Игнатій Можайскій съ старшимъ духовенствомъ столицы. Въ самый же праздникъ Исаакія Далматскаго, въ Успенскомъ соборѣ литургію совершалъ преосвященный Игнатій, въ сослуженіи съ двумя архимандритами и двумя соборными пресвитерами. Въ концѣ литургіи, въ 10 часовъ, въ соборъ прибыли митрополиты Иннокентій и Кириллъ, которые послѣ литургіи, съ обоими викаріями и старшимъ духовенствомъ столицы, въ бѣломъ глазетовымъ облаченіи, вышли на средину храма и положили начало молебному пѣнію. За тѣмъ, при колокольномъ звонѣ, изъ собора двинулся крестный ходъ по направленію къ Троицкимъ воротамъ, гдѣ на старомъ каменномъ мосту, перекинутомъ черезъ садъ,

былъ устроенъ павильонъ. По прибытіи къ означенному мѣсту, было продолжено молебствіе и совершено водоосвященіе, съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Императорскому дому, вѣчной памяти Императору Петру I, и благоденствія всему Государству Россійскому. По окончаніи молебствія, духовенство раздѣлилось на три отдѣла для окропленія святою водою зданій Политехнической выставки, расположенныхъ въ Александровскомъ саду и кругомъ Кремля. Великій Князь Константинъ Николаевичъ уѣхалъ тотчасъ послѣ молебствія на встрѣчу дѣдушки русскаго флота—ботика Императора Петра Великаго. Туда же, по направленію къ морскому отдѣлу, чрезъ второй и третій Александровскій садъ, направилась и третья часть духовенства, имѣя во главѣ митрополита Иннокентія съ старшимъ духовенствомъ. Вся Софійская набережная, оба берега Москвы-рѣки, Москворѣцкій и Каменный мосты, убранные національными флагами, были залиты народомъ. Въ половинѣ 12-го часа громкое ура! привѣтствовало приближеніе ботика къ пристани, на которой стояло духовенство. Впереди ботика, на небольшомъ паровомъ вельботѣ, стоялъ Великій Князь; за нимъ на буксирѣ слѣдовалъ самый ботикъ. На ботикѣ никого не было; только на кормѣ, на малиновой бархатной подушкѣ, горѣла облитая солнечными лучами золотая икона (складень) съ изображеніемъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. По поднятіи и установленіи ботика на приготовленномъ для него мѣстѣ, въ морскомъ отдѣлѣ, митрополитъ Иннокентій сталъ предъ св. иконою, а протодіаконъ провозгласилъ краткую эктенію, многолѣтіе Государю Императору и Царствующему дому, вѣчную память Императору Петру I и благоденствіе и миръ морскому и всему Россійскому воинству. Іюня 6, прибылъ въ Москву Императоръ Александръ II; а на другой день митрополитъ Иннокентій привѣтствовалъ Императора у вратъ Успенскаго собора.

Вскорѣ за симъ готовилось еще новое торжество: это—освященіе храма при Покровской Общинѣ и открытіе самой Общины сестеръ милосердія; и тутъ митрополитъ Иннокентій, не смотря на свое нездоровье и на свое плохое зрѣніе, долженъ былъ быть обязательно, такъ какъ того желала Императрица Марія Александровна. Торжество началось освященіемъ храма Общины, 25 іюня, самимъ митрополитомъ въ сослуженіи преосвященнаго Игнатія. При богослуженіи присутствовали: оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода графъ Д. А. Толстой, прибыв-

шій изъ Петербурга по непосредственному приказанію Покровительницы Общины Государыни Императрицы, князь В. А. Долгоруковъ и множество приглашенныхъ лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Во время чтенія часовъ, митрополитъ Иннокентій возложилъ на учредительницу и начальницу Общины, игуменью Митрофанію, и на помощницу ея, монахиню Зинаиду, бронзовые кресты съ изображеніемъ съ одной стороны распятаго Христа, а съ другой—евангельскаго изреченія: «Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть». По окончаніи богослуженія, владыкою была отправлена Государынѣ въ Ливадію слѣдующая телеграмма: «Сейчасъ послѣдовало освященіе храма во имя Воскресенія Христова при Московской Владычне—Покровской Общинѣ сестеръ милосердія; всѣ усердно молились о здравіи и долгоденствіи Вашего Императорскаго Величества. Подписали: митрополитъ Иннокентій, князь Долгоруковъ, графъ Толстой, игуменья Митрофанія.» Въ тотъ-же день полученъ отвѣтъ на имя митрополита: «Радуюсь совершившемуся освященію благоучрежденія, искренно благодарю васъ за извѣщеніе, поручаю Себя молитвамъ вашимъ и прошу передать Мою признательность лицамъ подписавшимъ вмѣстѣ съ вами извѣстительную телеграмму. Марія.»

Но въ недалекомъ будущемъ эта Община чуть не разрушилась, вслѣдствіе извѣстнаго несчастнаго дѣла игуменьи Митрофаніи, которая волею судебъ должна была навсегда покинуть это учрежденіе.

Потухающее зрѣніе митрополита Иннокентія заставило его обратиться къ Императору съ просьбою объ увольненіи его на покой; но Императоръ, высоко цѣнившій его полувѣковое апостольское служеніе въ отдаленной сторонѣ и отлично знавшій, что потерять такого крѣпкаго подвижника вѣры легко, но найдти подобнаго ему, готоваго съ крестомъ въ рукахъ, умереть за интересы Православной Церкви и отечества, трудно, отклонилъ его просьбу и при этомъ выразилъ свою волю, чтобы митрополитъ Иннокентій оставался на Московской каѳедрѣ до конца своей жизни.— «Владыка нашъ», писалъ Леонидъ Саввѣ[1]), «чрезъ оберъ-прокурора спрашивалъ Государя Императора, не надобно ли ему оставить каѳедру по причинѣ потухающаго зрѣнія. Государь изволилъ сказать: «нѣтъ надобности: дѣла не стоятъ, а по епархіи, для обозрѣнія,

[1]) Воспомин. о Леонидѣ, стр. 233.

могутъ ѣздить викаріи».—Въ силу этихъ словъ и совершаются нами объѣзды».

8-го января 1873 года, по ходатайству владыки Иннокентія, Высочайше былъ утвержденъ уставъ и разрѣшено учрежденіе Московскаго Епархіальнаго училища иконописанія. Цѣль этого учрежденія была та, чтобы дать возможность бѣднымъ дѣтямъ, неспособнымъ къ занятію учебными предметами, заниматься иконною живописью и тѣмъ обезпечить ихъ будущность. Для такого благаго учрежденія Д. И. Хлудовъ пожертвовалъ домъ, находящійся на Большой Ордынкѣ, близъ Скорбященской церкви, и кромѣ того, изъявилъ желаніе учредить въ иконописной школѣ десять стипендій. Такое пожертвованіе Д. И. Хлудова вызвало митрополита Иннокентія написать ему изъ Петербурга слѣдующее письмо *(отъ 19 марта 1873 г.)*: «Января 8 дня сего года, Высочайше утвержденъ уставъ и разрѣшено учрежденіе Московскаго епархіальнаго училища иконописанія, и мною уже сдѣлано распоряженіе о приготовленіи училища къ открытію, которое имѣетъ быть въ августѣ мѣсяцѣ, при наступленіи новаго учебнаго года. Вы первые положили начало этому заведенію пожертвованіемъ для него дома и заявленіемъ десяти стипендій для будущихъ его воспитанниковъ. Можно надѣяться, что новоустрояемое училище, съ Божіею помощію, послужитъ средствомъ не только къ обезпеченію участи многихъ бѣдныхъ сиротъ духовенства Московской епархіи, но и къ распространенію и усовершенствованію самаго искусства иконописанія, столь важнаго для православной церкви. Приношу вамъ глубочайшую благодарность за щедрое пожертвованіе ваше и призываю на васъ благословеніе Божіе».

Въ этомъ-же году была окончена перестройка дома Петербургскаго Троицкаго подворья на Фонтанкѣ. На сей домъ, по желанію владыки, былъ наложенъ третій этажъ и при немъ устроена другая церковь, во имя Св. Троицы, съ придѣломъ на хорахъ, на западной сторонѣ, во имя святителя Иннокентія, который освященъ имъ былъ 12 февраля. Этотъ придѣлъ былъ устроенъ преимущественно для Алеутовъ, которые время отъ времени не забывали посѣщать митрополита Иннокентія; кромѣ того, въ этомъ новоустроенномъ придѣлѣ владыка, когда бывалъ въ Петербургѣ, всегда совершалъ 26 ноября (день его имянинъ) литургію, а наканунѣ всенощную. Придѣлъ этотъ былъ упраздненъ преемникомъ Иннокентія митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ.

«Говорятъ», писалъ митрополитъ изъ Петербурга преосвященному Леониду *(отъ 13 марта 1873 г.)*, «что Государыня Императрица отправляется въ Москву завтра, если опять не отложитъ; а Государь Императоръ чрезъ три дня послѣ отъѣзда Ея. Вѣроятно, не будетъ никакой встрѣчи и для Его Величества; но молебны должны быть тѣмъ-же порядкомъ, какъ бывали въ прежнее время. И потому прошу васъ покорнѣйше, по усмотрѣнію вашему и по требованію обстоятельствъ, распорядиться относительно молебновъ при проѣздахъ Ихъ Величествъ, по прежнимъ примѣрамъ». Затѣмъ, письмомъ *отъ 1 мая*, владыка шлетъ преосвященному Леониду такое распоряженіе: «Изъ прилагаемаго при семъ списка вы увидите, что я ранѣе 10-го числа прибыть въ Москву не могу; и потому не ждите меня для присутствованія въ Совѣтѣ Миссіонерскаго Общества, долженствующаго быть предъ общимъ собраніемъ. Дѣлайте что̀ слѣдуетъ, не дожидаясь меня; а я успѣю узнать и въ одинъ день, что̀ вы положите на Совѣтѣ, и спорить не буду.—Вотъ вамъ новость: отца архимандрита Никодима отъ насъ отнимаютъ въ намѣстники въ С.-Петербургскую Лавру; ни спорить, ни отстаивать нельзя. Кто же у насъ займетъ его мѣсто и въ Консисторіи, и въ монастырѣ, и по благочинію?—а если, къ тому, возьмутъ на череду еще и отца Модеста, то кого мы посадимъ въ Консисторію? Вы, конечно, знаете мою мысль—Богоявленскій монастырь сдѣлать обиталищемъ втораго викарія, и потому не потрудитесь ли вы если не составить, то заготовить матеріалъ къ составленію представленія Св. Сvноду о таковомъ перемѣщеніи. Медлить нельзя этимъ дѣломъ—пожалуй, какъ разъ назначатъ кого нибудь чужаго; мотивы для этого вамъ извѣстны: плохое помѣщеніе въ Покровскомъ, близость Богоявленскаго къ Консисторіи, къ соборамъ и Сvнодальной Конторѣ, удобное и приличное для викарія помѣщеніе и проч.—Чѣмъ вы будете продовольствоваться въ наступившемъ маѣ? а отъ Перервы уже не ждите».

Не смотря на свою старость и недуги, митрополитъ Иннокентій, не забывалъ своихъ старыхъ знакомыхъ Сибиряковъ; такъ, по случаю исполнившагося, 31 мая, 50-лѣтняго служенія въ санѣ священника его товарища по Семинаріи, извѣстнаго уже читателямъ протоіерея П. В. Громова, владыка почтилъ его своимъ поздравленіемъ, и вотъ что о семъ пишетъ самъ юбиляръ *(Иркутск. Епарх. Вѣдом. 1879 г. № 31)* «....На этомъ торжествѣ Иркутскимъ гражданиномъ Н. Е. Черныхъ

вносится благолѣпная, въ серебряной позолоченой ризѣ, икона Божіей Матери Владимірская (я имѣлъ домъ въ приходѣ Владимірскомъ), съ собственноручною на задней сторонѣ доски подписью: Иннокентій митрополитъ Московскій, и съ приложеніемъ на глубоко вырѣзанномъ мѣстечкѣ его сургучной печати. При этомъ было мнѣ вручено и письмо, писанное его высокопреосвященствомъ собственноручно (это слово, помѣщенное въ письмѣ самимъ высокопреосвященнымъ, подчеркнуто). Упомянувъ о нашемъ дѣтствѣ, о школьной жизни, когда была слишкомъ темна наша будущность,—владыка прославляетъ милость Божію, подавшую ему и мнѣ силу и крѣпость полвѣка послужить церкви Божіей и дававшему намъ власть низводить на другихъ небесное благословеніе. Поздравляя меня съ сею неоставляющею по днесь милостію, онъ посылаетъ привѣтъ и полувѣковой спутницѣ моей жизни, замѣчая, что такая продолжительная супружеская жизнь въ наши времена почти рѣдкость. Наконецъ, заключая посланіе своимъ архипастырскимъ благословеніемъ, молитъ Господа, чтобъ намъ быть неразлучными и въ немерцающемъ свѣтѣ небеснаго царствія. Какъ много, подумалъ я и замѣтили мои гости,—какъ много любви ко мнѣ отъ сердца маститаго архипастыря! При крайней темнотѣ его зрѣнія, написать цѣлую четвертку собственноручно,—это былъ для него, какъ видно изъ почерка письма, гдѣ по мѣстамъ одна буква стояла надъ другою или уходила въ сторону,—трудъ, только особеннымъ его расположеніемъ вызванный. Я предполагалъ помѣстить здѣсь это замѣчательное посланіе дословно, и даже приложить fac-simile, и только что собирался отнести въ литографію, какъ пожаръ, истребившій мой домъ со всѣмъ моимъ достояніемъ, не пощадилъ и этого драгоцѣннаго для меня памятника, и всей переписки. Но присланная на благословеніе икона уцѣлѣла. Упомянутое юбилейное посланіе отъ высокопреосвященнаго митрополита Иннокентія было ко мнѣ послѣднее. Впрочемъ не было ни одного выходца изъ Иркутска, или слѣдующаго въ Иркутскъ лица, принимавшаго въ Москвѣ его благословеніе, съ которымъ бы онъ не поговорилъ обо мнѣ, и не послалъ бы мнѣ привѣта. Въ одинъ годъ даже почтилъ меня въ телеграммѣ поздравленіемъ со днемъ имянинъ моихъ: среди необъятныхъ трудовъ и дѣлъ государственныхъ припомнилъ ничтожнаго товарища въ глубинѣ Сибири!» Также точно и митрополита Иннокентія не забывали въ Иркутскѣ,

что свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо священника Благовѣщенской церкви въ городѣ Иркутскѣ С. У. Струкова къ ректору Тульской семинаріи, протоіерею А. И. Романову: «Наша церковь, гдѣ я служу, хороша и всѣмъ обильна, но главная ея особенность та, что въ ней служилъ священникомъ преосвященнѣйшій митрополитъ Московскій Иннокентій. Проѣздомъ въ Москву съ Амура, онъ черезъ меня передалъ въ нашу церковь хорошее евангеліе, съ надписью о томъ, что онъ даритъ оное въ Благовѣщенскую церковь въ благодарное воспоминаніе того, что онъ въ семъ храмѣ началъ свое священнослуженіе въ санѣ діакона, съ мая 1817 года, и въ санѣ священника—съ 1819 года, и добавилъ, что подпись его, какъ митрополита, сдѣлана въ первый разъ на этомъ евангеліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ высокопреосвященный благоволилъ сообщить мнѣ, что ящикъ столярной работы, оклейной, для храненія пасхальнаго свѣщника, имѣющійся въ нашей церкви, его собственной работы, и что престолы едвали не всѣхъ, освященныхъ въ его время, церквей въ его бывшей епархіи также его работы; для сего, къ освященію храма, гдѣ такое предполагалось, онъ пріѣзжалъ на мѣсто за сутки ранѣе назначеннаго для сего торжества дня и проводилъ день съ топоромъ въ рукахъ и другими инструментами, необходимыми для сего дѣла, и потомъ уже освящалъ церковь. Будучи хорошимъ столяромъ, преосвященный былъ и самородный механикъ. Есть въ нашемъ приходѣ, въ одномъ купеческомъ домѣ, органъ его работы; были и другіе, но не сохранились; онъ былъ также лучшимъ въ Иркутскѣ мастеромъ по устройству стѣнныхъ часовъ, когда былъ здѣсь діакономъ и вообще въ молодыхъ лѣтахъ. Будучи діакономъ въ Благовѣщенской церкви, преосвященный любилъ особенно одинъ изъ стихарей, по матеріи и по покрою, и проѣзжая чрезъ Иркутскъ въ санѣ архіерея, сперва Американскаго, потомъ Якутскаго и Амурскаго и затѣмъ митрополита Московскаго,—онъ всякій разъ служилъ въ Благовѣщенской церкви и первому изъ служащихъ съ нимъ діаконовъ, или протодіакону, приказывалъ облачаться въ помянутый стихарь, хотя бы прочіе стихари были лучше онаго и болѣе подходили къ прочимъ облаченіямъ. Въ послѣдній проѣздъ преосвященнаго чрезъ Иркутскъ, старица купчиха, мужъ которой, въ бытность преосвященнаго Благовѣщенскимъ священникомъ, былъ при этой церкви старостой, спросила у владыки, не угодно ли ему изъ сего стихаря имѣть саккосъ для своего погребе-

нія?—Владыка одобрилъ эту мысль, и перешитый нами стихарь отосланъ въ Москву». *(Тульск. Епарх. Вѣдом. № 15, 1879 г.)*.

Въ Москвѣ же когда владыкѣ уже тяжело было посѣщать друзей своихъ, онъ все-таки не забывалъ ихъ письменно; такъ, въ особенности онъ не забывалъ чтить богобоязненную баронессу Е. С. Дёлеръ своими доброжеланіями и молитвами: «Благословеніе Божіе на васъ, возлюбленная моя о Господѣ Елисавета Сергѣевна! Отъ искренняго сердца моего имѣю честь поздравить васъ со днемъ ангела вашего, и желаю вамъ благоденствія, долгоденствія и здравія тѣлеснаго и душевнаго».

XLV

30 сентября 1873 г. происходило открытіе Московскаго епархіальнаго училища иконописанія въ домѣ, пожертвованномъ Д. И. Хлудовымъ. Торжество началось молебствіемъ, которое совершилъ соборнѣ митрополитъ Иннокентій. Послѣ молебствія инспекторъ заведенія прочиталъ документы, относящіеся къ утвержденію и открытію училища. По прочтеніи всѣхъ документовъ, предсѣдатель Совѣта училища, отецъ протоіерей А. О. Ключаревъ (нынѣ епископъ Харьковскій и Ахтырскій), въ живой и одушевленной рѣчи указалъ историческій ходъ дѣла устройства училища, значеніе его для духовенства и рельефно представилъ, чѣмъ обязано въ этомъ дѣлѣ духовенство своему архипастырю митрополиту Иннокентію, который далъ и иниціативу этому дѣлу, и направлялъ ходъ его, и далъ средства къ приведенію его въ исполненіе. Въ рѣчи своей онъ сказалъ о томъ, что мысль объ училищѣ собственно иконописанія возникла, развилась и выроботалась въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія. Владыка желалъ устройства ремесленнаго училища для дѣтей духовенства; а въ Обществѣ въ то же время возникла мысль объ училищѣ иконописанія, также для дѣтей духовенства: въ настоящемъ учрежденіи, сказалъ отецъ А. О. Ключаревъ, обѣ эти мысли соединились и получили свое осуществленіе.

10 декабря того же года, митрополитъ Иннокентій отправился въ С.-Петербургъ, а 3-го мая 1874 года вернулся въ Москву. 12-же мая присутствовалъ въ общемъ годичномъ собраніи Православнаго Миссіонерскаго Общества, которое праздновало четвертую свою годовщину. Праздн-

нество началось литургіею въ Успенскомъ соборѣ, которую совершалъ митрополитъ Иннокентій, въ сослуженіи преосвященнаго Леонида. По окончаніи литургіи, члены Общества собрались въ Мѵроварной Палатѣ, куда прибыли также владыка Иннокентій и преосвященный Леонидъ. Послѣ тропаря «Благословенъ еси Христе Боже нашъ, Иже премудры ловцы явлей», пропѣтаго Сѵнодальными пѣвчими, митрополитъ Иннокентій открылъ собраніе слѣдующею рѣчью: «Поздравляю васъ, братіе, со вступленіемъ въ пятое лѣто существованія нашего Общества. Первѣе всего воздадимъ благодареніе Господу Богу, видимо благословляющему наше дѣло отъ самаго его начала и понынѣ. Сочувствіе православныхъ соотечественниковъ къ нашему дѣлу возрастаетъ, средства наши увеличиваются и, что особенно озабочивало насъ, является довольно людей, желающихъ послужить въ миссіяхъ, а вслѣдствіе этого начинаютъ умножаться и самыя миссіи. Затѣмъ долгомъ почитаю принести мою благодарность членамъ Совѣта, всѣмъ достопочтеннымъ членамъ Общества и особенно духовенству за искреннее усердіе къ нашему дѣлу. Да воздастъ Господь всѣмъ вамъ Своею милостію и ниспошлетъ на васъ Свое благословеніе за безкорыстные труды ваши».

Немало заботило митрополита Иннокентія распространеніе полезныхъ книгъ въ народѣ, съ цѣлью доставить ему возможность добраго и дѣйствительно полезнаго чтенія; также и относительно воспитанія дѣтей. Разъ какъ-то собрались у него на подворьѣ отцы протоіереи, и онъ ихъ умолялъ заняться этимъ добрымъ дѣломъ и просилъ составить для дѣтей книжки самымъ простымъ, доступнымъ языкомъ и даже давалъ темы для сочиненій, состоящія изъ пяти слѣдующихъ словесъ:

Богъ все видитъ,
Богъ все слышитъ,
Богъ все знаетъ,
Богъ любитъ правду,
Богъ не любитъ грѣха [1]).

[1]) Этими пятью словесами воспользов лся досточ тимый отецъ протоіерей Іоаннъ Николаевичъ Рождественскій, предсѣдатель Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, и на эту тему произнесъ блистательную рѣчь въ годичномъ Собраніи Общества, 24 ноября 1876 года.

Владыка Иннокентій вообще внимательно слѣдилъ за ходомъ воспитанія и строго преслѣдовалъ свою мысль, чтобы во всѣхъ училищахъ, не исключая и самыхъ высшихъ, не ограничивались просвѣщеніемъ только ума, но заботились и о образованіи сердца вмѣстѣ. Затѣмъ владыка, «какъ объѣхавшій вокругъ земнаго шара и не по книгамъ только, но по опыту знакомый съ разнообразными явленіями природы и дѣйствіями ихъ, хорошо понимавшій значеніе ихъ для души человѣка, ясно видѣлъ, сколько важно ученіе о природѣ для цѣлей богословскаго образованія. Ему обязана Московская Духовная Академія осуществленіемъ мысли объ учрежденіи класса естественныхъ наукъ, направленнаго къ апологетической цѣли, то есть къ защитѣ отъ нападенія невѣрія и къ разъясненію истинъ христіанства. И много другихъ благодѣяній видѣла Академія отъ архипастыря.» *(Душеполезн. Чтен. 1880 г. Памяти Моск. митроп. Иннокентія. Димитрія Голубинскаго.)*

22 іюля происходило годичное собраніе Братства св. Равноапостольной Маріи Магдалины, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно праздновало свое трехлѣтіе. Попечителемъ братства былъ митрополитъ Иннокентій. Въ этотъ день владыка получилъ отъ секретаря Государыни Морица слѣдующую телеграмму: «Государыня Императрица, удостоивъ вспомнить, что Братство св. Маріи празднуетъ завтра трехлѣтіе со дня своего основанія, изволила повелѣть мнѣ выразить вашему высокопреосвященству искреннюю Ея Величества признательность за архипастырскія ваши попеченія о братскихъ училищахъ». Но владыка, по своему нездоровью, не былъ на семъ праздникѣ и даже не могъ встрѣтить 21 августа Государя, пріѣхавшаго въ Москву. Государь, тотчасъ же по вступленіи въ Чудовъ монастырь, замѣтилъ отсутствіе митрополита и спросилъ: «здоровъ ли митрополитъ?» Ему отвѣтили, что владыка боленъ, и онъ изъявилъ свое сожалѣніе. Владыка, узнавши о столь милостивомъ вниманіи къ нему Государя, въ тотъ же день преподнесъ Ему слѣдующее письменное заявленіе *(отъ 21 августа 1874 г.)*: «Благочестивѣйшій Государь! Усердно вознесены мною съ духовенствомъ столицы и всей Московской епархіи благодарственныя ко Господу молитвы о новомъ для Родительскаго сердца Вашего Императорскаго Величества радостномъ событіи въ Августѣйшемъ Домѣ Вашемъ; и не престанемъ мы изъ глубины души возносить ихъ, да пріумножаетъ Господь Ваши радости всесторонними успѣхами въ дѣлахъ царствен-

ныхъ и благоденственнымъ житіемъ въ лонѣ семейственномъ; да даруетъ Онъ Вамъ, Государь, узрѣть всѣхъ Августѣйшихъ Дѣтей Вашихъ и во свѣтѣ вѣнца супружескаго и тихаго семейнаго счастія, и въ лучахъ доблестей и заслугъ, къ коимъ Ихъ призываетъ Царственное Ихъ происхожденіе. Воспящаемый недугомъ отъ счастія лично предстать предъ Ваше Императорское Величество, дерзаю предстать въ семъ письмени.» На это письмо на другой же день послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ: «Преосвященный митрополитъ Иннокентій! Душевно скорбя, что недуги ваши лишили Меня удовольствія быть встрѣченнымъ вами при нынѣшнемъ посѣщеніи Моемъ Москвы и ея Святыни, молю Бога о ниспосланіи вамъ облегченія въ вашихъ страданіяхъ и возстановленія силъ вашихъ. Искренно благодарю васъ за выраженныя вами въ письмѣ ко Мнѣ чувства и поздравленіе по случаю бракосочетанія Сына Моего, Великаго Князя Владиміра Александровича. Поручая Себя и все Мое Семейство молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ искренно доброжелательнымъ».

13 декабря владыка, по выздоровленіи своемъ, отправился въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сѵнодѣ. Въ 1875 году, по окончаніи засѣданій своихъ въ Св. Сѵнодѣ, митрополитъ возвратился въ Москву 5 апрѣля, въ $9^1/_2$ ч. утра. На станціи Николаевской желѣзной дороги, при выходѣ изъ вагона, онъ былъ встрѣченъ преосвященными викаріями и старшимъ духовенствомъ, и затѣмъ проѣхалъ къ Иверской часовнѣ для поклоненія чудотворной иконѣ, а оттуда въ Чудовъ монастырь, гдѣ слушалъ литургію и благодарственный по случаю возвращенія своего молебенъ, совершенный преосвященнымъ Леонидомъ съ нѣсколькими архимандритами и протоіереями. Въ настоятельскихъ келліяхъ высокопреосвященный Иннокентій принималъ викаріевъ, старшее духовенство, настоятельницъ Московскихъ монастырей и двухъ протоіереевъ изъ бывшихъ греко-уніатовъ Холмской епархіи. Затѣмъ его высокопреосвященство посѣтилъ Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова.

И въ этомъ году владыка не забылъ поздравить баронессу Елизавету Сергѣевну Дѣлеръ, урожденную Шереметеву, со днемъ ея Ангела и послалъ ей слѣдующую записку *(отъ 5 сентября)*: «Господь съ тобою, возлюбленная о Господѣ Елисавета Сергѣевна! Отъ искренняго сердца привѣтствую васъ со днемъ Ангела вашего и молю Господа, да даруетъ онъ вамъ здравіе, благоденствіе и долгоденствіе и миръ душев-

ный, а паче да сподобитъ васъ небеснаго Своего царствія. Благодарю васъ за поздравленіе меня съ днемъ рожденія. Прошу передать мою благодарность за то же и графу Сергію Дмитріевичу съ его супругою, да хранитъ ихъ Господь Богъ съ ихъ семействомъ на многія лѣта. До свиданія. Вашъ усердный богомолецъ Иннокентій митрополитъ Московскій.»

Частое и благоговѣйное служеніе митрополита Иннокентія въ своемъ Троицкомъ подворьѣ и строгое наблюденіе за исполненіемъ стройнаго богослуженія, и въ отсутствіи владыки, экономомъ его соборнымъ іеромонахомъ Арсеніемъ [1]), привлекало множество молящихся, такъ что церковь во имя преподобнаго Сергія не могла уже вмѣщать въ себѣ посѣщавшихъ ее, что возбудило усердіе одного изъ постоянныхъ посѣтителей подворья, Андрея Васильевича Васильева, пристроить къ этой церкви новый придѣлъ во имя чудотворной иконы Иверской Божіей Матери (такъ желалъ владыка), который и былъ богато отдѣланъ и освященъ владыкою 17 сентября сего года. Намъ не удалось быть при освященіи сего придѣла, хотя и имѣли честь получить слѣдующее приглашеніе отъ храмосоздателя, по указанію владыки: «По благословенію его высокопреосвященства митрополита Московскаго, честь имѣемъ почтительнѣйше просить васъ сего сентября 17 дня пожаловать на освященіе вновь устроеннаго храма въ честь иконы Иверской Божіей Матери, при домѣ его высокопреосвященства, что на Троицкомъ подворьѣ. Литургія въ 9 часовъ утра. Всенощная въ 9 часовъ вечера наканунѣ. По окончаніи Богослуженія просимъ откушать хлѣбъ-соль въ покояхъ владыки».

Въ октябрѣ 1875 года въ Москвѣ происходило великое духовное торжество: въ день 5 октября, по представленію митрополита Иннокентія, учреждено ежегодное торжественное празднованіе памяти святителей: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа [2]). И вотъ какъ праздновался этотъ день: наканунѣ, передъ вечернею, при колокольномъ звонѣ, была принесена изъ Чудовской обители въ Успенскій соборъ икона Святителя Алексія, съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ участвовало до 60 хоругвей кремлевскихъ соборовъ и монастырей съ братіею Чудова монастыря. Шествіе сопро-

---

[1]) За таковое усердіе къ службѣ, іеромонахъ Арсеній былъ Высочайше награжденъ, по представленію владыки, орденомъ Св. Анны 3 степени. Нынѣ онъ также успѣшно подвизается на занимаемомъ имъ мѣстѣ эконома Троицкой Сергіевой Лавры.

[2]) До сего времени, начиная съ 1596 года, 5 октября совершалось празднованіе только трем ъ святителямъ Московскимъ: Петру, Алексію и Іонѣ.

вождали два архимандрита и преосвященный Леонидъ. Въ соборѣ крестный ходъ былъ встрѣченъ Иннокентіемъ и соборнымъ духовенствомъ; при семъ принесенная икона Святителя Алексія была постановлена чудовскими іеромонахами у праваго клироса. Послѣ малой вечерни, отправленной череднымъ пресвитеромъ, слѣдовалъ торжественный молебенъ четыремъ святителямъ, совершенный митрополитомъ, съ преосвященными Леонидомъ и Игнатіемъ. Въ 6 часовъ вечера въ Успенскомъ соборѣ отправлена была всенощная [1]). Въ самый же день праздника, литургію совершали въ Успенскомъ соборѣ митрополитъ Иннокентій съ преосвященнымъ Леонидомъ. Послѣ малаго входа, при обычномъ кажденіи, владыка шествовалъ по собору для кажденія предъ мощами святителей Петра, Іоны и Филиппа и предъ иконою святителя Алексія, при пѣніи общаго четыремъ святителямъ тропаря. Служба была воскресная въ соединеніи со святительскою. Богослуженіе закончилось торжественнымъ молебствіемъ святителямъ.

Хотя народъ узналъ о новомъ торжествѣ только по необычному благовѣсту предъ малою вечерней 4 числа, однако успѣлъ собраться къ перенесенію иконы изъ Чудова монастыря, сопровождалъ ее и наполнилъ Успенскій соборъ. Послѣ общаго молебна начались и не скоро окончились молебствія по желанію усердствовавшихъ. Молебны и на другой день совершались и предъ литургіей, и послѣ нея. На литургіи стеченіе народа было необычайное; соборъ былъ переполненъ молящимися.

Наконецъ предъ отъѣздомъ владыки въ Петербургъ совершилось, 1 декабря, открытіе епархіальнаго Филаретовскаго женскаго училища. Торжество началось литургіею, которую совершалъ преосвященный Игнатій. Къ служенію молебна прибылъ митрополитъ и служилъ оный вмѣстѣ съ преосвященнымъ Игнатіемъ. Въ концѣ молебна, послѣ многолѣтій Государю Императору, Св. Сѵноду и митрополиту Иннокентію, была произнесена вѣчная память покойному основателю дома воспитанія, митрополиту Филарету. Послѣ литургіи и молебна митрополитъ Иннокентій, съ другими посѣтителями, вошелъ въ залъ училища, гдѣ предсѣдатель Совѣта училищнаго протоіерей Кастальскій прочиталъ записку объ открытіи епархіальнаго училища. Въ пользу этого училища митрополитъ Инно-

---

[1]) До сего времени въ этотъ день въ Успенскомъ соборѣ отправлялась утреня, какъ и во всѣ прочіе дни отъ 15 сентября до недѣли Св. Ѳомы.

кентій пожертвовалъ отъ себя 18 тысячъ. Съ своей же стороны, духовенство собрало капиталъ на учрежденіе въ этомъ училищѣ стипендіи имени митрополита Иннокентія, для содержанія и обученія одной или двухъ бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія. И затѣмъ, когда капиталъ былъ собранъ, духовенство просило владыку принять сію жертву, какъ знакъ истинной признательности за его милости «къ епархіальному женскому училищу». Владыка трогательно благодарилъ духовенство за эту добрую жертву.

XLVI

Въ 1876 году послѣдовало разрѣшеніе театральныхъ зрѣлищъ въ великій постъ. Многимъ москвичамъ это разрѣшеніе не понравилось, о чемъ, конечно, сообщено было преосвященнымъ Леонидомъ митрополиту Иннокентію; и вотъ что, по этому поводу, отвѣчалъ владыка изъ Петербурга (*отъ 4 января 1876 г.*):... «Благодарю васъ за письмо. Но не напрасно ли вы скорбите о монастырскихъ послушникахъ? Я ничего и ни отъ кого не слыхалъ объ уменьшеніи или уничтоженіи оныхъ. А о театрахъ въ постныя недѣли и говорить нечего. Этого требуетъ уже логика: худшія давно уже дозволены, слѣдовательно лучшія, или менѣе вредныя, представленія уже необходимы.» —Письмомъ же отъ 7-го января, владыка сообщалъ преосвященному Леониду о слѣдующемъ: «4 числа я имѣлъ случай говорить съ оберъ-прокуроромъ о томъ, докуда мы будемъ выдавать деньги на содержаніе Владычне-Покровской общины? Онъ отвѣчалъ, что это будетъ зависѣть отъ отвѣта Московской Городской Думы, какой она дастъ на мой вопросъ: возьметъ ли она эту общину на свое попеченіе? И потому покорнѣйше прошу ваше преосвященство принять на себя трудъ попросить управляющаго Думою (кажется, г. Ладыженскаго), чтобы они какъ можно поскорѣе дали рѣшительный отвѣтъ на предложеніе г. генералъ-губернатора: да или нѣтъ, т. е. возьметъ ли Градская Дума на себя все попеченіе о Покровской Общинѣ, или нѣкоторую часть, или ничего не возьметъ; и ежели будетъ нужно, сдѣ-

лайте милость попросите объ этомъ генералъ-губернатора: не найдетъ ли онъ возможнымъ и нужнымъ повторить свое предложеніе Думѣ».

Въ это пребываніе свое въ Петербургѣ, владыка получилъ изъ Санъ-Карлоса (въ Калифорніи), отъ Альфонса Пинартъ письмо *(отъ $\frac{1}{12}$ марта)* такого содержанія: «три года тому назадъ имѣлъ я высочайшую честь посѣтить ваше высокопреосвященство въ С.-Петербургѣ и говорить съ вашимъ высокопреосвященствомъ о моемъ намѣреніи напечатать документы, собранные мною въ продолженіи моихъ двухлѣтнихъ путешествій въ бывшей Русской Америкѣ, на Алеутскихъ островахъ и другихъ частяхъ этой страны.—Нынѣ же милостивѣйше прошу позволить мнѣ посвятить вашему высокопреосвященству—Апостолу и обращателю Алеутовъ и другихъ дикихъ племенъ Аляски—эту часть моихъ путешествій, которая касается до обращенія, обычаевъ и особенно до языка Алеутовъ и другихъ племенъ бывшей Русской Америки» [1]).

6 мая, владыка выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Москву, куда прибылъ на другой день, въ 10 часовъ утра. На платформѣ онъ былъ встрѣченъ преосвященными викаріями, настоятелями монастырей и нѣкоторыми благочинными. Со станціи желѣзной дороги митрополитъ Иннокентій поѣхалъ прямо въ Иверскую часовню и, приложившись къ иконѣ Божіей Матери, отправился на Троицкое подворье.

9 мая, въ часъ по полудни, въ зданіи храма Христа Спасителя происходило торжество закладки алтаря храма, въ присутствіи Московскаго генералъ-губернатора и многихъ почетныхъ лицъ столицы. Торжество началось молебствіемъ, которое совершилъ митрополитъ Иннокентій въ сослуженіи преосвященнаго Леонида и многочисленнаго духовенства. Для молебствія принесены были святыни Московскія: иконы Нерукотвореннаго Спаса, Иверскія Божіей Матери, Покрова Пресвятыя Богородицы, Ржевскія, Похвалы Богородицы, Святителя Николая, Пророка Иліи и другія, съ хоругвями отъ четырехъ приходовъ, а также Крестъ съ мощами и древомъ животворящаго Креста, Гвоздь Господень, четыре древнія соборныя хоругви и двѣ хоругви 1812 года, бывшія въ Отечественную войну знаменами Московскаго ополченія. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, вѣчной памяти Императорамъ Александру 1-му и Николаю 1-му, какъ

---

[1]) Къ крайнему нашему сожалѣнію, съ книгою Альфонса Пинарта мы незнакомы.

основателямъ храма Спасителя, было совершено окропленіе святой водою мѣста для престола и положены плиты подъ основаніе престола и подъ цоколь иконостасныхъ стѣнъ. А 15 мая митрополитъ Иннокентій, по случаю празднованія шестой годовщины Православнаго Миссіонерскаго Общества, совершалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. По окончаніи же литургіи, какъ и въ прежніе годы, происходило годичное собраніе Общества въ Мѵроварной Палатѣ, подъ предсѣдательствомъ владыки, при значительномъ стеченіи духовенства и свѣтскихъ членовъ Общества. Собраніе открылось пѣніемъ присутствующими церковной пѣсни: «Днесь благодать св. Духа насъ собра». За симъ, послѣ привѣтственнаго обращенія, сказаннаго собранію митрополитомъ Иннокентіемъ, началось чтеніе годичнаго отчета о дѣятельности Общества за минувшій годъ.—Миссіонерское Общество, какъ можно заключать изъ отчета, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе расширяетъ свою благотворную дѣятельность на просвѣщеніе свѣтомъ евангельской истины многихъ тысячъ язычниковъ, блуждающихъ во тьмѣ невѣрія по отдаленнымъ предѣламъ нашего обширнаго отечества, и во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ собою явленіе въ высшей степени отрадное.

О заботливости владыки по управленію епархіею скажемъ, что къ множеству благодѣяній, оказанныхъ благостнѣйшимъ отцемъ и архипастыремъ духовенству Московской епархіи, присоединяется новое. Это— основаніе имъ капитала для пособія бѣднымъ духовнаго званія и происхожденія, и преимущественно не имѣющимъ права на пособія ни отъ казны, ни отъ попечительства. Оказавши щедрыя пособія духовенству въ воспитаніи его дѣтей мужскаго и женскаго пола, успокоивши старыхъ, больныхъ и немощныхъ, призрѣвши вдовъ и сиротъ, открывши духовенству возможность освободиться отъ тяготившихъ его домовъ, построенныхъ на церковныхъ земляхъ, любвеобильный архипастырь съ отеческою заботливостію взыскалъ и тѣхъ, которые по чему либо не могутъ воспользоваться уже имѣющимися и открытыми источниками помощи.

Объ основаніи сего капитала въ предложеніи владыки Иннокентія Московской Духовной Консисторіи изъяснено: «изъ накопившихся въ минувшіе годы остатковъ отъ кружечнаго раздѣла доходовъ братіи Перервинскаго монастыря составилась нѣкоторая сумма, которая положена въ основаніе капитала. Къ сему капиталу будетъ присовокупляться

каждогодно пятая часть процентовъ, получаемыхъ на ссудный капиталъ (200 тысячъ рублей), выдаваемый на покупку домовъ въ церкви».

Правила для полученія пособія изъ сего капитала на первый разъ владыкою начерчены слѣдующія:

1) На полученіе пособій изъ сего капитала не имѣетъ права никто а) изъ получающихъ откуда бы то ни было пенсіи, б) изъ получающихъ пособія отъ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и в) изъ имѣющихъ готовое помѣщеніе въ какой либо богадѣльнѣ или въ домахъ призрѣнія, выключая чрезвычайныхъ случаевъ, какъ-то: выдачи дочерей въ замужество, или погребенія родныхъ и т. п. 2) Прошенія о выдачѣ пособій пишутся на имя митрополита (ясно и безъ многословія), а подаются по предъявленіи мѣстнымъ благочиннымъ или другимъ начальствующимъ и почетнымъ въ духовенствѣ лицамъ, которымъ состояніе просителей болѣе или менѣе извѣстно. 3) Благочинные, или вышеозначенныя лица, обязаны на самыхъ прошеніяхъ удостовѣрить, что просители дѣйствительно нуждаются и самый размѣръ помощи обозначать словами: меньшій, средній и высшій. 4) Никто не можетъ просить о пособіи въ одинъ и тотъ же годъ дважды, и прошенія не засвидѣтельствованныя въ 3 пунктѣ означенными лицами принимаемы не будутъ. 5) Прошенія просителя могутъ подавать преосвященному или самолично, или чрезъ своихъ довѣренныхъ. 6) Просители или ихъ довѣренные въ полученіи назначенныхъ пособій должны расписываться на самыхъ прошеніяхъ».

Резолюція по сему дѣлу владыки:

«Духовная Консисторія имѣетъ о семъ объявить чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и копію съ сего послать Николо-Перервинскому архимандриту въ свѣдѣнію».

20 мая 1876 года, преосвященный Леонидъ, по волѣ Государя Императора, возведенъ былъ на каѳедру Ростовскую и Ярославскую, а на его мѣсто въ Москву перемѣщенъ былъ Никодимъ епископъ Старорусскій, викарій Новгородскій. По водвореніи преосвященнаго Леонида въ Ярославлѣ, митрополитъ Иннокентій привѣтствовалъ его письмомъ изъ Москвы (*отъ 1 сентября 1876 г.*): «Имѣю честь принести вамъ мое искреннее поздравленіе со вступленіемъ на святительскій престолъ знаменитыхъ архіереевъ Божіихъ, святителей Ярославскихъ и Ростовскихъ. Да сохранитъ васъ Господь на многія лѣта въ

здравіи и благополучіи! Простите, что поздно пишу. Труднѣе и труднѣе становится для меня письменная работа. При семъ прилагаю вамъ для свѣдѣнія о сдѣланномъ мною распоряженіи. Это сдѣлано по волѣ Государя.—Премного благодаренъ вашему высокопреосвященству за ваши ко мнѣ письма, изъ коихъ, между прочимъ, заключаю, что рано или поздно мы можемъ еще свидѣться по случаю сооруженія храма Спасителя. Радуюсь этому».

28 октября Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благословенно царствующаго Государя Императора) съ Супругою и Августѣйшими дѣтьми, также Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей, изволили прибыть въ Москву. На другой день, въ первомъ часу по полудни, Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденія Ихъ Высочествъ, вступили въ Большой Успенскій Соборъ южными вратами, гдѣ близъ мощей святителя и чудотворца Филиппа встрѣчены были митрополитомъ Иннокентіемъ съ обоими преосвященными викаріями и старшимъ духовенствомъ. По выслушаніи краткаго молебствія, митрополитъ благословилъ Государя Императора древнею иконой Спасителя, Государыню Императрицу—древнею иконою Богоматери, Наслѣдника Цесаревича—иконою Владимірскія Пресвятыя Богородицы, Государыню Цесаревну—иконою Московскихъ святителей и чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа. За тѣмъ Государь Императоръ и Государыня Императрица съ прочими членами Императорской Фамиліи, въ предшествіи митрополита, прикладывались къ св. иконамъ и мощамъ святителей, почивающихъ въ соборѣ.

Зрѣніе владыки въ это время все болѣе и болѣе потухало. Недоброжелатели его стали насмѣхаться надъ его слѣпотою и надъ тѣмъ, что онъ еще не на покоѣ. Митрополитъ Иннокентій зналъ все это, но переносилъ спокойно, такъ какъ ему, при живой его природѣ и дѣятельномъ умѣ, слово *покой* равносильно было слову *смерть*. Разъ, помышляя удалиться въ Гееиманскій скитъ, онъ высказалъ преосвященному Амвросію: «тамъ, по крайней мѣрѣ, продолжительная служба; я меньше буду празденъ.» —Наконецъ убѣдившись, что слѣпота его много мѣшаетъ его дѣятельности, онъ вознамѣрился въ сей пріѣздъ Государя *вторично* проситься у него на покой и тѣмъ удовлетворить своихъ недоброжелателей. Государь Императоръ очень милостиво принялъ его

и, также какъ и въ первый разъ, отклонилъ его просьбу, выразивъ желаніе, чтобы онъ не безпокоился своею слѣпотою, и оставался бы до послѣднихъ дней своей жизни на Московской каѳедрѣ, и берегъ бы свое здоровье. Такой милостивый отвѣтъ Государя Императора глубоко тронулъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоилъ и ободрилъ. Владыка, по свидѣтельству современниковъ, чрезвычайно былъ веселъ въ этотъ день. —Вскорѣ послѣ сего мы имѣли счастіе посѣтить владыку на Троицкомъ его подворьѣ. Онъ сидѣлъ въ своей стеклянной галлереѣ на диванѣ, опершись на руку, съ грустнымъ выраженіемъ лица; замѣтя это, мы, посидѣвъ нѣсколько минутъ, стали прощаться, прося благословенія и извиняясь, что, быть можетъ, обезпокоили его нашимъ посѣщеніемъ. Владыка остановилъ насъ и сказалъ: «Вы почему же думаете, что помѣшали мнѣ? развѣ потому, что я сижу такимъ хмурымъ? да что прикажете дѣлать—и желалъ бы казаться веселымъ, да не могу: слѣпота тяготитъ меня до нельзя, не привыкъ я съ дѣтства сидѣть сложа руки!» При этомъ онъ коснулся насмѣшекъ надъ его слѣпотою. «Всѣмъ извѣстно», говорилъ онъ, «что я не искалъ этого мѣста, не интриговалъ. На то была воля царя. Также всѣмъ извѣстно, что я дважды просился на покой, и тутъ не угодно было Государю Императору,—слѣдовательно да будетъ во всемъ воля Господня, и я терпѣливо переношу, увѣряю васъ, эти насмѣшки, безъ всякой злобы; ибо твердо убѣжденъ, что въ руцѣ Господни власть земли и потребнаго воздвигнетъ во время на ней. Всѣ насмѣшки надо мною, быть можетъ, и справедливы. Богъ имъ судья. А вы пожалуйста не стѣсняйтесь моей хмуростью, заходите ко мнѣ, я вѣдь не дикарь какой; а напротивъ, я всегда любилъ и доселѣ люблю общество и бесѣды».—И когда мы стали прощаться съ нимъ, онъ благословилъ насъ и, вынувъ изъ-за пазухи образокъ св. Сергія, сказалъ: «вотъ вамъ на память отъ 79-ти лѣтняго старца. Молитесь сему великому угоднику Божію».

Не смотря на свою слѣпоту, митрополитъ Иннокентій не переставалъ переписываться съ преосвященнымъ Леонидомъ и тогда, когда онъ былъ переведенъ въ Ярославль. Такъ въ письмѣ отъ 16 ноября 1876 г. онъ писалъ къ нему: «Милости просимъ пожаловать въ Москву по предстоящей вамъ нуждѣ. Для пребыванія вашего въ столицѣ будутъ готовы архіерейскіе покои въ Чудовѣ монастырѣ.

О времени же прибытія вашего сюда ожидаемъ отъ васъ извѣстія, чтобы благовременно было можно послать вамъ экипажъ на вокзалъ».

19 ноября, митрополитъ Иннокентій совершалъ освященіе верхняго храма Богоявленія Господня въ Богоявленскомъ монастырѣ; а 23 ноября отправился въ С.-Петербургъ на зимніе мѣсяцы для присутствованія въ Св. Сѵнодѣ. Старшее духовенство и преосвященные собрались на Троицкомъ подворьѣ и потомъ на станціи Николаевской желѣзной дороги для провожанія владыки. Кромѣ мѣстныхъ преосвященныхъ, при провожаніи былъ высокопреосвященный Леонидъ, архіепископъ Ярославскій, прибывшій въ тотъ же день въ Москву, а также и князь В. А. Долгоруковъ.

День своихъ имянинъ, 26-го ноября, владыка праздновалъ уже въ Петербургѣ. Какъ строго было вниманіе владыки при богослуженіи, мы приводимъ слѣдующій разсказъ священника А. И. Андреевскаго, въ то время бывшаго ѵподіакона митрополита Иннокентія: «Божественную литургію въ день своихъ имянинъ митрополитъ совершалъ на своемъ Троицкомъ подворьѣ; по окончаніи литургіи, вся братія и пѣвчіе пришли къ нему, въ его покои, принести поздравленіе съ днемъ его Ангела и получить благословеніе. Экономъ представлялъ ему каждаго изъ братіи; но когда стали подходить пѣвчіе, въ числѣ коихъ, послѣ всѣхъ, подошелъ большой пѣвчій Викторъ Соколовъ (нынѣ умершій), басъ, любимый владыкою, тогда митрополитъ, во всеуслышаніе всѣмъ, сказалъ эконому: «отецъ экономъ, большимъ пѣвчимъ, басамъ, сегодня не давай хлѣба, такъ какъ они въ церкви во время пѣнія Отче нашъ не сказали хлѣбъ нашъ насущный, и у Бога не просили». И дѣйствительно, пѣвчіе пѣли «Отче нашъ» сочиненія Дегтярева, гдѣ слова: хлѣбъ нашъ насущный, поютъ одни мальчики, а у басовъ пауза». Кстати скажемъ, что митрополитъ Иннокентій очень любилъ хорошее пѣніе, и преимущественно старинный напѣвъ. При немъ въ домовой его церкви, на Троицкомъ подворьѣ, никогда не было менѣе 18 человѣкъ Чудовскихъ пѣвчихъ. Порядокъ этотъ, установленный владыкою, не измѣнялся и тогда, когда онъ отсутствовалъ. Это относили къ заботливости владыки къ посѣщающимъ его церковь; и дѣйствительно», не разъ приходилось намъ слышать отъ него: «А вѣдь сегодня недурно пѣли».—За исполненіемъ такого порядка строго слѣдилъ его экономъ, знатокъ церковной службы и любитель, соборный іеромонахъ Арсеній.—

Церковь всегда была полна молящихся. Замѣчательно еще то, что въ церкви никогда не ходили со сборомъ: владыка не любилъ этого.— Чудовскимъ хоромъ въ то время управлялъ ученикъ знаменитаго Багрецова, Мечевъ.

Вниманіе владыки къ пѣнію объясняется тѣмъ, что онъ, когда еще былъ діакономъ (1817 г.), самъ давалъ уроки церковнаго пѣнія въ Иркутской семинаріи. Въ то время былъ крайній недостатокъ въ учебникахъ и діаконъ Іоаннъ Веніаминовъ (митрополитъ Иннокентій), желая облегчить учениковъ отъ переписки, прибѣгалъ къ довольно оригинальному способу преподаванія: за недостаткомъ нотныхъ книгъ, чертилъ нотныя линейки на стѣнахъ классной комнаты углемъ и на нихъ ставилъ такты, полтакты и чвартки *(Астраханскія Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 27, стр. 425—426).*

Возстаніе, возникшее въ іюлѣ 1875 года въ Сербскихъ областяхъ Турціи: Старой Сербіи, Герцеговинѣ и Босніи, тогда еще не прекратилось. И вотъ, по сему случаю, главнокомандующій Боснійскою арміею и управитель народа, полковникъ М. Деспотовичъ, обратился къ митрополиту Иннокентію съ просьбою о пожертвованіи въ пользу бѣдствующихъ Боснійскихъ христіанъ, выраженной въ слѣдующемъ письмѣ *(отъ 15 декабря 1876 г.)*: «Высокопреосвященнѣйшій владыко! Будучи увѣренъ дасу нужде и велики страданія славянскогъ народа въ Турціи, вашему высокопреосвященству харашо извѣстни потому, что ежедневно со всѣхъ странъ публикуются въ разныхъ газетахъ, за то я и не буд васъ утруждатъ этимъ, только узимамъ смѣлость доложить вамъ, что народонаселеніе Босніи терпитъ страданія, которыя описать невозможно, до 200 тысячъ пребѣгли въ Аустрію, столько же находится по горамъ и лѣсамъ, лишеніе всякихъ средствъ къ существованію; чрезъ это появились разнія болѣзни, ежедневно тысячи умираютъ, такъ что некому хоронитъ умершихъ, и я принужденъ посылатъ цѣліе отряды для этого. Хотя нѣкоторіе изъ пребѣглихъ въ Аустрію и получаютъ спомоществованіе, но оно до того ничтожно и неправильно дается, что почти никакой пользы не приноситъ. До сѣхъ поръ пожертвованія изъ Россіи, собственно для Босніи, были незначительни, въ сравненіе съ народонаселеніемъ, такъ что не могли принести большой пользи, тѣмъ болѣе, что здѣшня страна, даже и въ Аустріи, не хлѣбородна, пока бѣднякъ отъищетъ купить нѣсколько

фунтъ брашна, онъ измучится и израсходуетъ пожертвовану суму; потому я нашелъ необходимымъ раздаватъ бѣднымъ не деньгами, а кукурузомъ, и уже сдѣлалъ условія съ подрядчикомъ на подставку ис-тогъ ежемѣсячно отъ 3 до 6 тысячъ пудовъ, на тѣ деньги, которыя недавно получилъ отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Комитета, но та одна помощь не надолго. Боснія удалена отъ дружественныхъ странъ, Сербія и Черногорія не въ состояніи въ настоящее время оказать значительной помощи Босніи и народонаселеніе ея еву, своію судьбу возлагаютъ на Бога и брате свое Русскихъ, по этому я и обращаюсь къ вашему высокопреосвященству съ моею всепокорнѣйшею просьбою, не откажите своими щедротами оказатъ помощь Боснянскому народона-селенію, за что оно вѣчно будетъ возноситъ теплія молитви къ Всевыш-нему, а дающая рука никогда не оскудѣетъ». По поводу сего письма владыка пожертвовалъ изъ собственныхъ своихъ средствъ 1000 р. и сдѣлалъ воззваніе къ Московской паствѣ о пожертвованіи.

Св. Пасху 1877 года владыка праздновалъ въ Петербургѣ, такъ какъ занятія по Св. Сѵноду не дозволили ему прибыть въ Москву ранѣе 15 апрѣля; а Пасха была 27 марта. Въ числѣ дѣлъ въ Св. Синодѣ было ходатайство митрополита Иннокентія о наименованіи храма Христа Спаси-теля Каѳедральнымъ соборомъ, съ тѣмъ, чтобъ нынѣшній Ар-хангельскій каѳедральный соборъ въ Кремлѣ былъ отчисленъ изъ епархіальнаго вѣдомства и, какъ усыпальница великихъ князей и царей, былъ присоединенъ къ Духовному Придворному вѣдомству, а причтъ его переведенъ въ новый соборъ во имя Христа Спасителя, съ дополненіемъ его, согласно штату Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ [1]). — «По случаю такого долгаго пребыванія владыки въ Петербургѣ», разсказывалъ ѵподіаконъ его А. И. Андреевскій, «мнѣ нужно было съѣздить въ Москву по своей надобности, и я просилъ, чрезъ эконома, пособія на проѣздъ до Москвы, на что владыка сказалъ: «онъ вѣдь ѣдетъ но своимъ дѣламъ, такъ пусть и тратитъ свои деньги». Эко-номъ отвѣчалъ: ѵподіаконъ имѣетъ также порученіе—доставить конвертъ преосвященному. Владыка громко разсмѣялся на слова эконома и от-вѣтилъ: «Письмо отправить стоитъ только 7 коп.; а ты просишь 10

---

[1]) Ходатайство митрополита Иннокентія увѣнчалось успѣхомъ. 13 декабря 1880 г. опредѣ-леніемъ Св Сѵнода присвоено было храму Христа Спасителя наименованіе Каѳедраль-наго собора.

руб.—«Ну, дѣлать нечего, выдай ему, если ужь онъ такъ нуждается, 10 р., но съ тѣмъ, чтобы онъ явился въ воскресенье къ службѣ».

Въ это пребываніе владыки въ Петербургѣ былъ объявленъ, 13 апрѣля, Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціею, подписанный въ Кишиневѣ 12 апрѣля, въ бытность тамъ Государя Императора. По сему случаю совершенъ былъ митрополитомъ Иннокентіемъ на Троицкомъ подворьѣ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ о дарованіи побѣды. Затѣмъ, 15 апрѣля владыка былъ уже въ Москвѣ, куда 22 апрѣля прибылъ изъ арміи Государь Императоръ, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владиміра Александровича; прибыли также въ Москву изъ Петербурга Государыня Императрица съ Государыней Цесаревной. Высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ послѣдовалъ 23 апрѣля, по случаю чего московскій Кремль съ ранняго утра переполненъ былъ народомъ. При дверяхъ Успенскаго собора митрополитъ Иннокентій встрѣтилъ Его Величество слѣдующею рѣчью: «Благочестивѣйшій Государь! Наконецъ, по волѣ Всемогущаго Царя вселенной, Ты, по многомъ терпѣніи и долготерпѣніи, принялъ на себя великое и святое дѣло освобожденія единоплеменныхъ и единовѣрныхъ нашихъ братій, страждущихъ подъ невыносимо-тяжкимъ игомъ. Москва, осчастливленная Твоимъ милостивымъ словомъ за ея посильныя пожертвованія, срѣтаетъ Тебя съ сугубою любовію и восторгомъ, но восторгомъ притрепетнымъ и любовію не чуждою скорби: ибо Твоя святая скорбь о жертвахъ, необходимыхъ для сего великаго дѣла, можетъ ли быть чужда нашему сердцу? Москва, вмѣстѣ со всею Россіей, молитъ и будетъ молить Побѣдителя ада и смерти, да укрѣпитъ Онъ Твою десницу и Твое Христолюбивое воинство, да даруетъ Тебѣ силу и премудрость совершить начатое во славу Божію, во славу Твою и Твоего народа, да сподобитъ и насъ въ свое время срѣтить Тебя какъ Побѣдителя и Совершителя великаго дѣла съ радостію полною и восторгомъ ничѣмъ не смущаемымъ».

24 апрѣля, въ 12 часовъ дня, Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Государыней Цесаревной и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, въ сопровожденіи Московскаго генералъ-губернатора и свиты, отправились въ Троице-Сергіеву лавру. Здѣсь Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами были встрѣчены при входѣ въ Троицкій соборъ ми-

трополитомъ Иннокентіемъ—священно-архимандритомъ лавры. Владыка привѣтствовалъ Его Величество такъ: «Благочестивѣйшій Государь! За пять вѣковъ предъ симъ, Твой благочестивый предокъ, великій князь Димитрій Донской, приходилъ въ обитель преподобнаго Сергія просить его молитвъ и благословенія на борьбу съ невѣрными. Та же сила вѣры въ молитвы Преподобнаго привлекала въ сію обитель и потомковъ Димитрія, державныхъ Твоихъ предшественниковъ. Тою же вѣрою движимый, и Ты, благочестивѣйшій Государь, пришелъ въ сію обитель. Благословенно желаніе сердца Твоего! благословенно вхожденіе Твое! Молитвы и благословеніе преподобнаго Сергія да сопутствуютъ Тебѣ во всѣхъ входѣхъ и исходѣхъ Твоихъ отнынѣ и до вѣка!» Въ соборѣ совершено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. У мощей Радонежскаго чудотворца митрополитъ благословилъ Государя древнею иконой видѣнія Богоматери преподобному Сергію. Государь Императоръ молитвенно принялъ святую икону, многократно сопровождавшую Русское воинство въ побѣдоносныхъ битвахъ. Скажемъ нѣчто о сей иконѣ. Икона эта, въ формѣ складня, написана на верхней дскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія. Она была дана въ благословеніе отъ обители Сергіевой царю Алексѣю Михайловичу въ 1654 году, и находилась съ нимъ въ походѣ во время Польской войны. При Петрѣ Великомъ, въ 1703 году, по случаю войны съ Карломъ XII, образъ сей снова посланъ былъ въ станъ Русскій къ графу Борису Петровичу Шереметеву и находился при немъ во всѣхъ походахъ сей знаменитой войны. Въ отечественную войну 1812 года Императоръ Александръ I вручилъ ее Московскому ополченію. Наконецъ, въ 1855 году, по вступленіи въ Бозѣ почившаго Государя Императора на престолъ, посѣтивъ Троицкую лавру, Онъ принялъ эту икону изъ рукъ митрополита Филарета и препроводилъ ее въ Крымъ, въ дѣйствующую армію, откуда она была возвращена въ лавру послѣ окончанія войны.

По окончаніи богослуженія Ихъ Величества и Ихъ Высочества посѣтили келлію митрополита Иннокентія, гдѣ удостоили принять завтракъ. Приведемъ здѣсь свидѣтельство очевидца о пребываніи Государя въ лаврѣ Преподобнаго Сергія: «Вчера ѣздили въ Троицкую лавру; опять, къ сожалѣнію, была дурная дождливая погода; но и здѣсь восторгъ превзошелъ мои ожиданія. Молебенъ продолжался около получаса. Служилъ митрополитъ; съ нимъ рядомъ стоялъ викарій Игнатій.

Прекрасно прочелъ Иннокентій Евангеліе, конечно наизусть; молитву же прочелъ Игнатій. Но вотъ кончился молебенъ. Государь приложился ко кресту и направился къ мощамъ Преподобнаго Сергія. Въ это время, въ открытыхъ южныхъ дверяхъ, у самой раки, показался еле живой, но въ полномъ облаченіи намѣстникъ лавры Антоній. Два діакона съ трудомъ его поддерживали. Онъ весь согнулся и казался необыкновенно малаго роста; онъ плакалъ; ротъ полуоткрытый придавалъ ему видъ мертвеца. Кто помнилъ Антонія прежняго, тому больно было смотрѣть на настоящаго. Кажется, Императрица была поражена; а Государь и Наслѣдникъ не скрывали волненія. Еле двинулась рука Антонія, когда онъ хотѣлъ дать благословеніе. Митрополитъ Иннокентій слѣпой, поддерживаемый двумя діаконами, подошелъ тихо къ ракѣ, и когда Государь и Государыня приложились къ мощамъ, онъ благословилъ ихъ древнимъ складнемъ. Это опять была минута знаменательная. Послѣ того мы направились за Государемъ въ келію Преподобнаго Сергія, затѣмъ къ Никону и на могилу Филарета. Митрополитъ Иннокентій, съ крестомъ, шелъ все время впереди и поразилъ меня своею величавостію совершенно святительскою первыхъ временъ христіанства». *(Изъ Архива Николая Барсукова).*

Вскорѣ послѣ этого событія, лавра Преподобнаго Сергія проводила въ «путь всея земли» своего намѣстника, архимандрита Антонія: онъ скончался 17 мая 1877 года; митрополитъ почтилъ память его служеніемъ надъ нимъ панихиды.

Въ этомъ же году въ Лондонѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ: «Innocent of Moscow the Apostle of Kamchatka and Alaska» [1]), сочиненіе священника Карла Хейля, бывшаго секретаря Англо-Континентальнаго общества. Эта книжка была переслана авторомъ изъ Балтимора въ Москву къ митрополиту Иннокентію при слѣдующемъ письмѣ (отъ $\frac{\text{іюля 30}}{\text{августа 11}}$ 1877 г.): «Епископъ Кентукки Смитъ поручилъ мнѣ препроводить къ вашему высокопреосвященству письмо и его фотографическій портретъ [2]), которые я считаю за особое счастіе при семъ къ вамъ препроводить.

---

[1]) Брошюра эта для насъ Русскихъ не представляетъ ничего новаго; но намъ интересенъ взглядъ Англичанина на миссіонерскую дѣятельность Православной Церкви вообще, и въ частности одного изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Православнаго миссіонерства, митрополита Иннокентія.

[2]) Этотъ портретъ епископа Кентукки Смита имѣется у насъ съ его автографомъ.

Благоволите также принять и отъ меня мою статью, которую я писалъ для нашего Церковнаго обозрѣнія, для ознакомленія Американцевъ съ дѣятельностію вашего высокопреосвященства. Благодарю Бога, съ помощью Котораго вы, ваше высокопреосвященство, въ теченіи восьмидесяти лѣтъ вашей жизни прославляли своими трудами имя Господне. Молю Его, да продлитъ Онъ дни вашей жизни на многіе годы, для блага Своей святой Церкви. Прошу молитвъ и благословенія вашего высокопреосвященства».—Приложенное же при семъ письмо епископа Кентукки Веніамина Босворта Смидта къ митрополиту Иннокентію изъ Нью-Іорка *(отъ 28 іюля 1877 г.)*, было такаго содержанія: «Другъ мой, почтенный Карлъ Р. Хейль, извѣстилъ меня нѣсколько времени тому назадъ о вашемъ великомъ и добромъ для распространенія Царства нашего благословеннаго Господа дѣланіи, которому такъ много посвящено вашей продолжительной жизни. Сію минуту я только что прочиталъ брошюру объ этомъ предметѣ, которую онъ мнѣ прислалъ. Я пораженъ былъ особеннымъ совпаденіемъ дѣятельности нашей съ дѣлами Господа нашего. Исключая епископа Римскаго и епископа Миссиссипи, мы, кажется, единственные епископы Христіанской Церкви, которые родились въ прошедшемъ столѣтіи: вы въ 1797, а я въ 1794 году. Въ епископы для отдаленной миссіонерской области я былъ посвященъ только за восемь лѣтъ до того времени, когда вы, въ санѣ епископа, были посланы для миссіонерства въ страну, несравненно еще дальнѣйшую. Съ 28 декабря 1867—9 января 1868 г. я занялъ мѣсто, которое въ прежнее время и въ Старомъ свѣтѣ можно было бы назвать митрополіею. Это было тогда, когда васъ произвели въ митрополита. Мы оба—предсѣдатели нашихъ національныхъ миссіонерскихъ обществъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вы несравненно больше, чѣмъ я, благоговѣете предъ снисхожденіемъ нашего благословеннаго Господа, избравшаго насъ для такого дѣла. Благодарю Его за это, потому что это весьма глубоко подѣйствовало на мое понятіе о великой цѣнности душъ и возвысило мое глубокомысленное убѣжденіе, что Евангеліе Христово есть единственная благая вѣсть, которая приноситъ спасеніе. Мы естественно простираемъ наши руки и предаемъ наши сердца всѣмъ тѣмъ, которые призваны вмѣстѣ съ нами возвѣщать спасеніе во имя Его. Мы соединяемся гораздо ближе съ тѣми, которые, подобно намъ, чтутъ св. Писаніе, два древнихъ Сѵмвола вѣры и опредѣленія пер-

выхъ вселенскихъ соборовъ, какъ образцы нашей вѣры. Сколько бы мы ни различествовали въ мелочахъ, но вотъ моя надежда и мое убѣжденіе: что многочисленные проповѣдники Креста, оживотворяемые любовію къ нему, путешествуя туда и сюда и увеличивая свои познанія, будутъ стремиться къ тому, чтобы разныя вѣтви исторической Церкви ближе соединялись одна съ другою, пока настанетъ заря того дня, который ожидается всѣми Святыми». А по случаю наступающаго дня рожденія (26 августа) митрополита Иннокентія, имъ получено было поздравительное письмо изъ Буффало отъ епископа А. Клевеланда *(отъ 14 августа 1877 г.)* слѣдующаго содержанія: «Мнѣ часто приходитъ на мысль, что когда мы оставимъ земную жизнь и, по милости нашего Искупителя, переселимся въ рай, намъ пріятно будетъ встрѣтить тамъ въ мирномъ упокоеніи тѣхъ, которыхъ добрые примѣры поддерживали насъ на землѣ, и воздать имъ должную благодарность за ихъ поддержку. Почему же такъ не поступаемъ мы здѣсь, въ общеніи съ воинствующими святыми? Когда я узналъ, что миссіонерскій епископъ Камчатки сдѣлался преемникомъ благочестиваго и милостиваго Филарета, я необыкновенно обрадовался этому, такъ какъ мнѣ было извѣстно нѣчто изъ его трудовъ на Сѣверѣ и я считаю его за благодѣтеля Америки. Въ настоящее время, побуждаемый священникомъ Др. Хейлемъ, я пишу вамъ, поздравляя васъ съ наступающимъ днемъ вашего рожденія и вознося о васъ молитвы, чтобъ остальные годы ваши были исполнены благодати Божіей и того преображенія отъ славы въ славу, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ 2. III. 18. Въ томъ мѣстѣ покоя, къ которому мы стремимся, мы можемъ быстро узнать, что Церковь на землѣ нѣкогда очищена будетъ отъ раздоровъ и ересей и составитъ единое стадо, подъ управленіемъ единаго пастыря». [1])

14 октября скончался, послѣ продолжительной болѣзни, преосвященный Никодимъ епископъ Дмитровскій, викарій Московскій, котораго во время болѣзни владыка не разъ посѣщалъ. Кратковременно было служеніе усопшаго святителя, но память его останется съ похвалами въ средѣ близко знавшихъ его. За полчаса до своей кончины, по выслушаніи молебна Божіей Матери, онъ приложился къ Черниговской

---

[1]) Приведенныя нами письма были написаны на Англійскомъ языкѣ.

иконѣ Ея и сказалъ архимандриту Григорію: [1]) «**Благодарю митрополита Иннокентія, благодѣтеля моего великаго.**»—Счастливъ пастырь, встрѣчаемый благодарностію и привѣтомъ отъ ближнихъ своихъ въ ту великую минуту, когда отпадаетъ все земное и остается яркимъ пламенемъ пылающее сердце *(Домашн. Бесѣда 1877 г.)*. Первая паннихида по въ Бозѣ почившемъ преосвященномъ совершена была соборнѣ преосвященнымъ Игнатіемъ, вторая, спустя два часа, самимъ митрополитомъ; и отпѣваніе было совершено соборнѣ имъ же.

На мѣсто умершаго преосвященнаго Никодима былъ переведенъ преосвященный Игнатій; а на мѣсто преосвященнаго Игнатія владыка желалъ помѣстить протоіерея Казанской церкви А. О. Ключарева (изъ магистровъ Московской Духовной Академіи), и сталъ ходатайствовать о назначеніи его своимъ вторымъ помощникомъ. Это ходатайство, какъ мы увидимъ, увѣнчалось успѣхомъ, къ утѣшенію владыки, который очень любилъ и уважалъ протоіерея Алексѣя Осиповича за его дарованія. 7-го ноября совершено было постриженіе его въ монашество преосвященнымъ Игнатіемъ въ Богоявленскомъ монастырѣ,—постриженный наименованъ Амвросіемъ; а 8 ноября, въ праздникъ св. Архистратига Михаила, іеромонахъ Амвросій посвященъ былъ въ архимандрита въ храмѣ святителя Николая Чудотворца при Московской Духовной Семинаріи.

Въ этомъ году владыка день своихъ имянинъ, 26 ноября, праздновалъ въ Москвѣ; литургія имъ была совершена въ Троицкомъ подворьѣ; а на другой день было совершено имъ освященіе храма Преображенія Господня, что въ Наливкахъ.

---

[1]) Нынѣ настоятель Спасо-Андроніева монастыря.

XLVII

5 января 1878 года исполнилось десять лѣтъ съ того времени, какъ высокопреосвященный Иннокентій, архіепископъ Камчатскій, Высочайшею волею назначенъ былъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ. По сему случаю все духовенство Московское собралось къ нему на Троицкое подворье для поздравленія его съ десятилѣтіемъ и поднесло ему богато украшенную икону Иверской Божіей Матери. При семъ поздравленіи Николоявленскимъ протоіереемъ Стефаномъ Ивановичемъ Зерновымъ была сказана рѣчь, которая подтверждаетъ все сказанное нами о дѣятельности митрополита Иннокентія по управленію Московскою епархіею: «Высокопреосвященнѣйшій владыко! Святая церковь, будучи всегда единою, издревле заповѣдала клиру и епископамъ пребывать въ живомъ духовномъ единеніи. Ты, мудрый и добрый архипастырь, всегда былъ желателемъ, рачителемъ и строителемъ этого единенія на всемъ пути твоей многотрудной и многопоучительной жизни—и въ санѣ скромнаго служителя алтаря, и на высотѣ церковнаго предстоятельства. Потому и всѣ члены твоего клира и твоей паствы, кому открылась эта стихія твоей души и кому любезно вѣяніе этого святаго первобытно-церковнаго духа, приближаясь къ тебѣ, взаимно проникаются духомъ общенія и единенія съ тобою и почерпаютъ въ немъ разнообразную, по свойству потребности, помощь. Дай Богъ, чтобы образъ сихъ здравыхъ и благотворныхъ отношеній всегда хранился въ Церкви Русской, и какъ въ клирѣ, такъ и въ іерархіи имѣлъ сколь можно болѣе рачителей. Глубоко соотвѣтствуя этой всегда от-

крытой и неизмѣнной готовности твоей къ единенію, мы отмѣчаемъ въ душѣ своей живымъ сочувствіемъ и молитвою дни знаменательные въ твоей жизни, и между ними тотъ особенный день ея, которому суждено было сдѣлаться знаменательнымъ и въ жизни Московской Церкви. Вчера минуло десять лѣтъ, какъ Господь внушилъ Помазаннику Своему избрать тебя на каѳедру древлепрестольной столицы. Болѣзни и труды, которыми ты потрудился въ благовѣстіи Христовѣ,—о которыхъ мы только по грамотѣ имѣемъ понятіе, но которыхъ никто изъ насъ не извѣдалъ и самой малой доли,—эти подобно—апостольскіе труды сдѣлали имя твое славнымъ не только въ отечественной Церкви, но и за ея предѣлами, и пріобрѣли тебѣ Царское высокое избраніе, на которое, можно сказать, вся Русская Церковь отозвалась сочувственно. Тѣмъ паче Московскій клиръ и паства радостно готовились встрѣтить въ новомъ митрополитѣ давно знаменитаго просвѣтителя языческихъ племенъ. У многихъ изъ насъ еще въ свѣжей памяти твое, владыко, прибытіе въ Москву, всеобщее одушевленіе, съ которымъ тебя принимала паства твоя и твои первыя слова къ ней въ Успенскомъ соборѣ. Все это оживаетъ теперь въ умѣ нашемъ какъ недавно совершившееся событіе!

И вотъ, пришелъ ты къ намъ изъ далекой, почти полярной страны, какъ запечатлѣнникъ неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ—и принесъ намъ свое теплое, жаждущее общенія и единенія съ нами сердце, крѣпкій духъ, горящій вѣрою, мудрый пастырскій опытъ, дѣятельность неутомимую и—глубокое смиреніе, свойственное выученикамъ не школы и теоріи, а жизни дѣятельной, труда, борьбы, благодати. Вѣрный Богу и православію непоколебимо, при великихъ заслугахъ чуждый малѣйшаго превозношенія, богатый зрѣлымъ разсужденіемъ и духовнымъ опытомъ, доступный всегда и всѣмъ, простой въ образѣ жизни, подобно древнимъ Отцамъ Церкви, ты многоцѣнными, живыми и дѣятельными чертами своего духовнаго существа поучаешь насъ истинно пастырскому Богословію и всю паству—нелицемѣрному благочестію. И еще среди неутомимыхъ трудовъ многосложнаго епархіальнаго управленія, не прерываешь и древняго своего апостольскаго подвига—въ качествѣ вождя и руководителя миссіонерской дѣятельности въ Русской Церкви. Здѣсь твое служеніе имѣетъ общецерковное значеніе. Сообщеннымъ тобою устройствомъ эта область церковно-русской жизни

упрочена, можно сказать, навсегда. Добрые и твердые памятники соорудилъ ты себѣ и въ Московскомъ клирѣ. При многихъ церквахъ въ Москвѣ теперь члены причта обезпечены помѣщеніемъ и улучшеніемъ быта на средства, которыя ты даровалъ намъ для этого именно назначенія, такъ что благотворное дѣйствіе ихъ будетъ продолжаться и послѣ съ благословеннымъ именемъ Иннокентія,—и вообще устройство помѣщенія причтовъ даже по селамъ, бывшее всегда источникомъ нескончаемыхъ и тягостныхъ затрудненій, мудрыми твоими распоряженіями значительно облегчено. Для нашихъ дѣвицъ ты совершенно преобразовалъ училище имени твоего великаго предмѣстника, который успѣлъ только положить начало его бытію,—и, благодаря данному отъ тебя устройству и обезпеченію, оно уже и теперь можетъ равняться съ лучшими женскими учебными учрежденіями. Ты устроилъ обширный Островскій домъ для призрѣнія бѣдныхъ духовныхъ семействъ и одинокихъ безпомощныхъ лицъ и далъ имъ здѣсь пристанище и содержаніе, обезпечивъ его существованіе благонадежными вкладами и приношеніями. Даже на тѣхъ нашихъ сыновей, которые, бывъ лишены способности къ ученію, въ теперешнее особенно время составляли бы тяжкое бремя для отцевъ, ты простеръ свою отеческую заботу, устроивъ для нихъ училище иконописанія и другихъ искусствъ, познаніе которыхъ не только дѣлало бы ихъ полезными членами общества, но и послужило бы къ лучшему украшенію храмовъ Божіихъ. Внимательность твоя къ нуждамъ нашихъ собратовъ такъ предусмотрительна, что ты изъ особыхъ сбереженій устроилъ еще такую кассу, изъ которой бы бѣдный и застигнутый внезапной нуждой служитель церкви тотчасъ могъ получить отъ тебя готовую, необходимую на первый разъ, помощь. Вотъ твои благіе памятники среди насъ; вотъ твои права на нашу искреннюю, горячую признательность! Эта-то признательность и привела насъ къ тебѣ, милостивѣйшій отецъ нашъ! Пріими съ любовію изъявленіе нашего чувствованія, и вѣрь, отецъ нашъ, что освященный причтъ твоей паствы, какъ и всѣ достойные члены ея, глубоко чтутъ твои святительскіе труды и твои разнообразныя заслуги на пользу отечественной Церкви и ввѣренной твоему управленію церкви Московской. Искренно молимъ Господа, чтобы долго еще продолжалось твое мудрое и благотворное святительство; молимъ Пречистую Матерь Его, чтобы Она отъ сея честныя иконы Своея про-

стирала надъ тобою свой державный покровъ. Прiими, святитель Божiй, сiю святыню, какъ печать и знакъ нелицемѣрныхъ нашихъ чувствованiй къ тебѣ и нашей молитвы о тебѣ, несомнѣнно раздѣляемой всѣми добрыми членами клира твоего и паствы твоея!"

Митрополитъ Иннокентiй дѣйствительно, какъ выразился въ своей рѣчи протоiерей С. И. Зерновъ, былъ всегда желателемъ, рачителемъ и строителемъ духовнаго общенiя и единенiя своей паствы; каждый священнослужитель, въ какомъ бы онъ санѣ ни былъ, равно былъ принимаемъ имъ, каждый свободно приходилъ къ нему за совѣтомъ или просто раздѣлить съ нимъ свое горе. Владыка былъ особенно внимателенъ къ сельскому духовенству, живущему въ глухихъ захолустьяхъ нашихъ, какъ наиболѣе нуждающемуся въ поддержкѣ и защитѣ отъ нападенiй и многихъ другихъ невзгодъ. Мы уже говорили, какъ митрополитъ заботился о народномъ образованiи, и для успѣшности сего дѣла онъ предлагалъ сельскимъ священникамъ устроять при церквахъ, въ которыхъ они состояли настоятелями, приходскiя школы и указалъ имъ легкiй, дешевый и прямой способъ—какъ учить дѣтей. Такому благому совѣту маститаго iерарха послѣдовали многiе священники и устраивали приходскiя церковныя школы; но при всей заботливости владыки относительно процвѣтанiя сихъ школъ, онъ постоянно недоумѣвалъ, почему же число ихъ не увеличивается? и почему народное образованiе постоянно ускользало изъ рукъ духовенства? Въ «Гражданинѣ». *(1883 г. № 19, стр. 14. 17)* былъ напечатанъ разсказъ г. Несмѣлова объ одномъ священникѣ, потерпѣвшемъ непрiятности по устроенной имъ школѣ. Мы воспользуемся этимъ разсказомъ, для характеристики митрополита, къ которому этотъ священникъ обратился за утѣшенiемъ. «Нѣсколько особенный человѣкъ былъ этотъ владыка, отличаясь невиданною еще въ этой епархiи простотою обращенiя съ духовенствомъ; онъ имѣлъ свойство прямо и открыто относиться ко всякому вопросу. Онъ говорилъ и дѣлалъ только то, что ему подсказывалъ его ясный умъ и доброе сердце,—безъ всякаго отношенiя къ какимъ либо стороннимъ соображенiямъ и предвзятымъ мыслямъ. А умъ его богатъ былъ наблюденiями и практическими выводами. Не въ тиши ученаго кабинета или монашеской кельи провелъ свою жизнь владыка. Сначала бѣдный священникъ, съ высокими идеалами и добрыми влеченiями, а потомъ, въ монашествѣ, насадитель Божественнаго свѣта и любви къ

среди языческой темноты и заблужденій,—онъ много понесъ трудовъ, много видѣлъ, испыталъ, со многими сталкивался въ жизни, въ которой такъ много неправды, лукавства, прикрытаго эгоизма, шлифованной пустоты. Это богатство личнаго опыта научило владыку, по возможности, избѣгать формализма и бюрократизма въ управленіи епархіей. Изъ своей многоопытной жизни онъ часто видѣлъ, какимъ надежнымъ прикрытіемъ злу служатъ эти аттрибуты управленія и какъ скоро и легко мертвятъ и убиваютъ они проявленія жизни и свѣта въ духовенствѣ. «Не люблю я этой бумажной волокиты,»—говорилъ онъ обыкновенно тяжущимся и провинившимся;— «давайте, при Божьей помощи, сейчасъ-же обсудимъ это дѣло здѣсь».—И хитрости и обману трудно было тутъ прикрыться. Хорошо зналъ человѣческую природу и дѣйствительную жизнь престарѣлый владыка. Сейчасъ все выведетъ на свѣжую воду. Тяжущіеся по большей части выходили примиренными, провинившійся раскаявался и со слезами внимательно слушалъ мудрое жизненное нравоученіе іерарха. Одно только было худо: слабъ глазами былъ нашъ владыка, съ большимъ трудомъ онъ разбиралъ писанное... Это послѣднее обстоятельство имѣлъ, между прочимъ, въ виду о. Алексѣй, предпринимая поѣздку для личнаго свиданія съ Преосвященнымъ.

Вотъ замѣчательныя слова владыки, сказанныя имъ пришедшему къ нему священнику:

«Что-жъ тебѣ смущаться,—началъ владыка, выходя изъ задумчивости.—Совѣсть твоя спокойна: ты все дѣлалъ, что отъ тебя зависѣло. А что оттерли тебя отъ школы, такъ это знаменіе времени. И насъ вотъ, архіереевъ, лишили прямаго отношенія къ народнымъ школамъ. Что ужь подѣлаешь!.. И, право, не знаю, чѣмъ могу помочь тебѣ?...То-то изъ вѣдомостей благочинныхъ и видно, что церковно-приходскія школы стали уменьшаться. Это непонятно. Всячески препятствуютъ ихъ развитію, и даже вотъ обращаютъ ихъ въ земскія. Можетъ быть, вотъ отъ этого и духовенство охладѣло къ нимъ. Но повѣрь, что опять за нихъ возьмутся; безъ нихъ ничего не подѣлаютъ. Я-то не доживу, а ты, вѣроятно, доживешь до этого времени».

Просто и ласково поговорилъ владыка съ о. Алексѣемъ; перенесъ разговоръ на дѣла приходскія, разспрашивалъ о семьѣ, давалъ наставленія,—и все это такъ задушевно, отечески.

«А ты насчетъ школы не безпокойся,—сказалъ владыка въ заключеніе.—Слѣди только, чтобы чего нехорошаго не сѣяли въ ней. Конечно, не ввязывайся полицейски, не поднимай ссоры,—помни: взявшіе мечъ отъ меча погибнутъ,—а употребляй достойное пастыря оружіе—наставленіе, нравоученіе. По дѣлу пришелъ къ прихожанину—говори; требу справлять—говори; пользуйся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы наставить и научить. Устрой по воскреснымъ днямъ собесѣдованія, и чтобы все это было тихо, безъ всякихъ лишнихъ словъ. Собирай большихъ, и малыхъ не забывай. Особенно учениковъ школы склоняй, чтобы они ходили къ тебѣ на собесѣдованія. Не говори искусственныхъ поученій на этихъ собесѣдованіяхъ, а возьми Евангеліе, прочитай имъ его по-славянски, по-русски, растолкуй, поговори еще что по поводу прочитаннаго, но поговори просто, понятно, по душѣ,—и Господь Богъ поможетъ тебѣ. Главное дѣло, отъ такихъ непріятностей не опускай рукъ и не хладѣй! У хорошаго пастыря много этихъ непріятностей должно быть въ настоящее время!.. Ну, Господь благословитъ тебя! сказалъ владыка, осѣняя о. Алексѣя».

8 января 1878 г., въ 9 часовъ вечера, митрополитъ Иннокентій съ курьерскимъ поѣздомъ отправился въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сѵнодѣ. Эта поѣздка владыки въ Петербургъ была уже послѣднею.

13 января, владыка участвовалъ въ общемъ присутствіи Св. Сѵнода при нареченіи во епископа архимандрита Амвросія (бывшаго протоіерея А. О. Ключарева), который принялъ монашество только лишь по настоятельнымъ просьбамъ и совѣтамъ митрополита Иннокентія, и потому въ рѣчи Амвросія при нареченіи особенно патетически вышло его обращеніе къ митрополиту Иннокентію. Слушатели были сильно взволнованы, а ораторъ едва сдерживалъ душившія его слезы. Онъ закончилъ рѣчь свою такъ: «Да позволено будетъ мнѣ въ эту торжественную для меня минуту обратиться особо къ моему отцу по духу, архипастырю Московскому. Ты, человѣкъ Промысла, трудившійся для церкви Божіей по примѣру св. Апостоловъ, въ нуждѣ, лишеніяхъ и злостраданіяхъ, силою своего духа и вѣры, овладѣлъ моею душей, и въ одиннадцатый часъ моей жизни увлекъ меня на предстоящее дѣланіе въ вертоградѣ Христовомъ. Помолись же, да не лишенъ буду отъ господина вертограда динарія, даруемаго и позднимъ дѣлателямъ (Матѳ. 20, 9), да по мѣрѣ

моихъ грѣховъ и недостоинства преизбыточествуетъ во мнѣ благодать Христова (Римл. 5, 20) и по мѣрѣ трудностей меня ужасающихъ да будетъ духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ (4 Цар. 2, 9)». 15-го января совершена была хиротонія Амвросія во епископа Можайскаго, викарія Московскаго, въ Исаакіевскомъ соборѣ, при которой, между другими митрополитами, участвовалъ и Иннокентій.

Въ семъ году, по волѣ Государя Императора, преосвященный Игнатій, епископъ Дмитровскій, старшій викарій Московскій, назначенъ былъ на каѳедру епископа Костромскаго и Галичскаго. На мѣсто его былъ назначенъ преосвященный Амвросій; на мѣсто же втораго викарнаго былъ назначенъ, опять таки по желанію владыки, великій законовѣдъ церковный Александръ Ѳедоровичъ Лавровъ, который и посвященъ былъ 17 марта въ архимандрита и наименованъ Алексіемъ. Хиротонія же его въ епископа Можайскаго происходила въ Исаакіевскомъ соборѣ 30 апрѣля. На хиритоніи митрополитъ Московскій не присутствовалъ: онъ находился въ Москвѣ, куда прибылъ къ св. Пасхѣ и, не смотря на свое уже надломившееся здоровье, продолжалъ безпрерывно совершать богослуженія.

Празднованіе восьмой годовщины Миссіонерскаго Общества было отправлено 14 мая. Митрополитъ Иннокентій, по болѣзни своей, уже не могъ присутствовать въ общемъ собраніи и препоручилъ, въ посланномъ имъ письмѣ, предсѣдательствовать вмѣсто себя своему помощнику, преосвященному Амвросію. Съ друзьями же своими владыка, не смотря на свое болѣзненное состояніе, не переставалъ переписываться, хотя писалъ и съ трудомъ, на память. Такъ, за семь мѣсяцевъ до своей кончины, онъ не забылъ поздравить со днемъ Ангела баронессу Елизавету Сергѣевну Дѣлеръ, письмомъ *(отъ 5 сентября 1878 г.)*:

«Миръ и благословеніе тебѣ, возлюбленная о Господѣ Елисавета Сергѣевна! Отъ искренняго сердца моего имѣю честь поздравить васъ съ днемъ Ангела вашего, и молю Господа, да даруетъ Онъ вамъ еще много лѣтъ жить въ здравіи и благоденствіи, и наконецъ да сподобитъ васъ христіанской кончины въ глубокой старости. Господь съ вами! Прошу васъ объявить мое искреннее почтеніе семейству графа (С. Д. Шереметева); да хранитъ ихъ Господь!»

Въ октябрѣ 1878, владыка почувствовалъ себя такъ хорошо, что рѣшился 8 октября участвовать въ крестномъ ходѣ вокругъ историческихъ

стѣнъ Кремля, установленномъ въ память освобожденія Москвы въ 1812 г. отъ нашествія французовъ. При владыкѣ были оба викарные—преосвященный Амвросій и преосвященный Алексій. Погода была великолѣпная; стеченіе народа было громадное. Въ ноябрѣ же вознамѣрился ѣхать въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Сѵнодѣ; но вдругъ снова почувствовавши свое безсиліе, отложилъ поѣздку до декабря; но здоровье его все таки не улучшилось и къ сему сроку, такъ что онъ принужденъ былъ отложить свой выѣздъ до будущаго года. Наступилъ наконецъ и январь 1879 года, а здоровье владыки все болѣе и болѣе разстроивалось, что понудило его окончательно объявить, что онъ въ семъ году не поѣдетъ въ С.-Петербургъ, и какъ-бы предчувствуя близость своей кончины, сдѣлалъ распоряженіе о пожертвованіи въ церковь своей родины, въ село Ангинское, 6.500 р., проценты съ которыхъ должны идти на ремонтъ храма и на вспоможеніе причту (*Иркутскія Епарх. Вѣдом. № 26, 1879 г*).

Наступилъ и послѣдній мѣсяцъ его жизни, мартъ. Митрополитъ сталъ чувствовать себя день ото дня все хуже и хуже; но съ храмомъ Божіимъ все таки не разставался и посѣщалъ его каждодневно; а въ воскресные дни хотя и не служилъ, но пріобщался Св. Таинъ, подходя по обычаю въ мантіи, что и исполнялъ до Страстной седмицы. Также не оставлялъ владыка слѣдить и за текущими дѣлами по епархіи: къ нему по прежнему, въ обычное время, съ докладами пріѣзжали викарные. Такъ разъ, выслушавъ докладъ отъ преосвященнаго Амвросія, владыка сказалъ ему: «меня дѣла отвлекаютъ отъ мысли о болѣзни.» — За тѣмъ, при послѣдующихъ за симъ посѣщеніяхъ преосвященнаго Амвросія, владыка уже не могъ вставать съ креселъ, такъ какъ постоянно чувствовалъ круженіе головы и слабость въ ногахъ; за четыре дня до смерти, при появленіи преосвященнаго Амвросія владыка спросилъ: «нѣтъ ли новыхъ дѣлъ?» —Не думайте, ваше высокопреосвященство, о дѣлахъ, успокойтесь, отвѣчалъ ему преосвященный Амвросій.—Владыка вмѣсто отвѣта, съ грустью склонивъ голову, промолвилъ: «скучно»!

На Страстной седмицѣ, въ понедѣльникъ, 26 марта, была принесена, по желанію владыки, въ его покои Иверская икона Божіей Матери, и когда внесли икону, митрополитъ Иннокентій просилъ опустить его на колѣни, и молился съ большимъ благоговѣніемъ, и со слезами на глазахъ приложился къ иконѣ; послѣ сего онъ сдѣлался какъ-бы покой-

нѣе. Къ вечеру того же дня, владыка пригласилъ къ себѣ своего духовника, іеромонаха Чудова монастыря Савву; а иподіакону своему приказалъ принести къ себѣ требникъ и епитрахиль, для прочтенія канона на исходъ души.

27 марта, во вторникъ на Страстной недѣлѣ, владыка изъявилъ желаніе освятиться св. елеемъ, и поэтому назначено было въ 6 часовъ вечера собраться всѣмъ приглашеннымъ. Въ совершеніи таинства участвовали: преосвященный Амвросій, епископъ Дмитровскій, преосвященный Алексій, епископъ Можайскій, членъ Консисторіи протоіерей І. Н. Рождественскій, Чудова монастыря намѣстникъ архимандритъ Веніаминъ, Николоявленскій протоіерей С. И. Зерновъ, экономъ подворья соборный іеромонахъ Арсеній и 6 человѣкъ большихъ пѣвчихъ. Кромѣ того, дозволенъ былъ входъ и постороннимъ лицамъ. По совершеніи таинства какъ всѣ участвовавшіе, такъ и стороннія лица приносили владыкѣ поздравленіе. Владыка, сидя въ креслѣ, благословилъ всѣхъ и просилъ умиленно у каждаго прощенія. Стороннихъ присутствовавшихъ было до 30 человѣкъ.

Въ среду вечеромъ, 28 числа, владыка отдалъ своему эконому Арсенію приказаніе, чтобы въ четвергъ, 29 числа, была отслужена обѣдня по-рану. Митрополитъ пожелалъ послѣ обѣдни пріобщиться Св. Таинъ, и поэтому назначилъ начало обѣдни въ 2 часа утра. А такъ какъ въ этотъ великій день, по уставу, обѣдня слишкомъ продолжительна, то и рѣшились нѣсколько отступить отъ устава и служили обѣдню поскору, о здравіи болящаго митрополита Иннокентія. Въ 3 часа утра пошли ко владыкѣ со Св. Дарами, при приближеніи коихъ, болящій съ радостію всталъ безъ помощи другихъ съ кресла. Его облачили въ малое облаченіе, т. е. подали ему мантію, епитрахиль, поручи и малый омофоръ. Владыка самъ громко, съ большимъ благоговѣніемъ и внятно, прочиталъ молитву: «Вѣрую Господи и исповѣдую, яко Ты еси во истинну Христосъ, Сынъ Бога живаго» и проч. По прочтеніи молитвы, Владыка приказалъ эконому іеромонаху Арсенію взять на лжицу часть Тѣла и Крови Христовой и преподать ему. Съ какимъ умиленіемъ и съ какимъ глубокимъ чувствомъ онъ возблагодарилъ Господа, по принятіи Св. Таинъ! «Слава Тебѣ Боже, Слава Тебѣ Боже, Слава Тебѣ Боже»! сказалъ онъ и прибавилъ: «теперь никто не скажетъ, что меня мертваго пріобщи-

ли».... Что это была за мысль у владыки—для всѣхъ присутствующихъ осталось тайною.

30 марта, въ Великій Пятокъ, во время вечерни, именно при чтеніи канона «Плачь Богородицы»,—владыка вдругъ потребовалъ эконома іеромонаха Арсенія къ себѣ, для чтенія канона на исходъ души.

Въ этотъ же день, въ 7 часовъ вечера, владыка потребовалъ діакона для вторичнаго прочтенія канона на исходъ души; но пріѣздъ преосвященнаго Алексія, епископа Можайскаго [1]), задержалъ чтеніе, такъ какъ преосвященный Алексій изъявилъ желаніе лично прочитать канонъ, что чрезвычайно утѣшило умирающаго владыку. По прочтеніи канона, митрополитъ Иннокентій приказалъ діакону прочитать утреннія молитвы и затѣмъ пожелалъ собороваться. Послѣ всего этого владыка призвалъ всѣхъ своихъ служащихъ, которые немедленно явились. Трогательно было видѣть, когда онъ сталъ съ каждымъ изъ нихъ прощаться и каждаго благословлять!

31 марта, въ Великую Субботу, въ 2 часа 45 минутъ по полуночи, уже не стало крѣпкаго столпа Православія.... Въ 11 часовъ утра, Иванъ Великій возвѣстилъ Москвичамъ о кончинѣ святителя Иннокентія.

Мы тотчасъ же поспѣшили на Троицкое подворье помолиться о упокоеніи души глубоко чтимаго нами архипастыря и пришли къ тому времени, когда тѣло его, въ бѣломъ архіерейскомъ облаченіи, уже было возложено на столѣ въ пріемной залѣ и діаконъ провозглашалъ: «Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи успшему рабу твоему преосвященнѣйшему митрополиту Иннокентію, и сотвори ему вѣчную память!» Тяжко было слышать намъ печальное это возглашенія. Панихиду совершалъ преосвященный Амвросій. Глядя на спокойный ликъ почившаго владыки, невольно припоминались намъ смиренныя слова его, сказанныя преосвященному Амвросію: «дайте знать, чтобы при погребеніи моемъ рѣчей не было; въ нихъ много похвалъ. А проповѣдь по мнѣ скажите: она можетъ имѣть назиданіе; и вотъ вамъ текстъ для нея: «Отъ Господа стопы человѣку исправляются».

5 апрѣля 1879 года, тѣло въ Бозѣ почившаго митрополита Иннокентія было предано землѣ въ обители преподобнаго Сергія, въ церкви

[1]) Нынѣ Дмитровскаго.

святаго Филарета Милостиваго, рядомъ съ могилою митрополита Филарета. Посѣщающіе обитель преподобнаго Сергія богомольцы съ благоговѣніемъ прикладываются къ Распятію, положенному на дскѣ гробницы въ Бозѣ почивающаго святителя Иннокентія, и съ умиленіемъ читаютъ на ней слѣдующія двѣ надписи: поверхъ Распятія—«Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ воцарствіи Своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ», и подъ Распятіемъ—«Молитвами святителя Иннокентія, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ.

Аминь».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Переписка преосвященнаго Иннокентія, епископа Камчатскаго, Курильскаго и Алеутскаго, съ Авраамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ [1]).

1.

Ваше Превосходительство!

Честь имѣю поздравить васъ съ дорогою имянинницею, со всею искренностію моею желаю ей и вамъ и малюткѣ вашему всякаго блага.

Вашъ покорнѣйшій слуга и всегдашній богомолецъ,
архимандритъ Иннокентій.

Декабря 4 дня
1840.

Вы, вѣроятно, недоумѣваете, кто такой архимандритъ Иннокентій?—Прежде бывшій протоіерей Веніаминовъ (Американецъ), который 29 ноября постриженъ въ монашество, а 30-го произведенъ въ архимандрита, и если Господь благоволитъ, то 15-го сего декабря будетъ произведенъ во епископа Камчатскаго, въ Казанскомъ соборѣ. Высочайшая воля на сіе послѣдовала 1-го декабря.

Иннокентій архимандритъ.

2.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

Далеко, далеко я теперь отъ васъ,—но сердце мое съ вами. Нѣтъ дня, въ который бы я васъ не поминалъ: и да прильпнетъ языкъ мой

---

[1]) Письма эти сообщены намъ достопочтеннымъ отцомъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры архимандритомъ Леонидомъ.

къ гортани моей, если я не буду поминать васъ, и вашу супругу и чадъ вашихъ. Я въ полной надеждѣ, что Господь наградилъ уже потерю вашу въ незабвенномъ Сережѣ другимъ чадомъ; около мѣсяца уже поминаю чадъ вашихъ. О, да утѣшитъ васъ Господь Богъ въ чадахъ вашихъ, за то утѣшеніе, которымъ я теперь утѣшаюсь о дочеряхъ моихъ! [1]) И да сохранитъ васъ Господь Богъ для утѣшенія многихъ!

Я уже въ Охотскѣ съ 15 іюля, и болѣе двухъ недѣль сижу у моря и жду погоды: противные вѣтры не пускаютъ выйти въ море.

Благодарю Бога моего: я и всѣ сущіе со мною здоровы; разнообразное и, по истинѣ, многотрудное путешествіе наше по землѣ кончилось счастливо и благополучно; Охотская дорога, гдѣ въ дождливое время почти на каждомъ шагу можно встрѣтить трудности и опасности, для насъ была шоссе и аллеи, и если мы можемъ жаловаться, то не на дожди, грязи и опасности, но на пыль, безводіе и утомительность. Многіе изъ спутниковъ моихъ подаютъ добрыя о себѣ надежды. Словомъ, все хорошо и благополучно, и все это я пріемлю, какъ новый знакъ благоволенія Божія на дѣло, которое мнѣ предлежитъ. О, Бога ради помолитесь и молитесь обо мнѣ, да не всуе, да не вотще будетъ мое и путешествіе, и пришествіе, и пребываніе въ Америкѣ, но во славу Бога и великаго нашего Отца отечества!

Завтрашній день надѣемся выйти въ море, и если Господу будетъ угодно, то въ исходѣ сентября или въ первыхъ октября будемъ на мѣстѣ.

Долго, очень долго еще не буду имѣть я удовольствія и утѣшенія получить отъ васъ письма, т. е. не ранѣе сентября будущаго 1842 года; точно такъ и вы теперь не получите отъ меня ранѣе того же времени.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа да будетъ съ вами и со всею домашнею вашею церковію!

Сего искренно желаетъ и о семъ по силѣ молитъ

Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя,
покорнѣйшій слуга Иннокентій Е. Камчатскій.

Августа 17 дня
1841.
Охотскъ.

---

[1]) Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ принималъ самое теплое и настоятельное участіе въ опредѣленіи двухъ дочерей преосвященнаго Иннокентія въ институтъ. Это я слышалъ, и неоднократно, отъ самого С. Норова. Примѣчаніе П. И. Савваитова.

3.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Абрамъ Сергѣевичъ!

Письмо это я пишу вамъ изъ Америки первое; но я увѣренъ, что вы получите его вторымъ. Старый знакомый вашъ и мой искренній пріятель, А. Г. Ротчевъ, выѣзжаетъ нынѣ изъ Америки, и я не могъ не написать вамъ хотя что нибудь. Искреннѣйшую свидѣтельствую вамъ мою благодарность за ваше вниманіе и расположеніе ко мнѣ. Никогда не забуду васъ и вашей почтеннѣйшей супруги.

Я, слава Богу, здоровъ. 9-го апрѣля возвратился я изъ похода и на дняхъ опять собираюсь въ походъ въ Камчатку.

Если будете писать въ Москву, прошу написать и отъ меня искреннѣйшій поклонъ.

Желаю вамъ всякаго благополучія и спасенія души.

Вашъ покорнѣйшій слуга Иннокентій, епископъ Камчатскій.

26 апрѣля
1842 года.

4.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Абрамъ Сергѣевичъ!

Наконецъ, слава Богу, я въ Америкѣ, и уже седьмой мѣсяцъ. Путешествіе мое, начавшееся 10 января 1841, кончилось 26 сентября. 124 дня продолжался путь нашъ, исключая остановокъ на мѣстѣ. Но какъ ни продолжителенъ и ни труденъ былъ путь мой, я и всѣ сущіе со мною во все время были здоровы. Господь видимо хранилъ насъ: не случилось съ нами никакаго не только несчастія, но даже, можно сказать, мы не видѣли никакой непріятности.

О новостяхъ здѣшнихъ такихъ, которыя бы интересовали васъ, я ничего не могу написать, во первыхъ потому, что еще и нѣтъ ничего, а если что есть, то скажетъ вамъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ.

Утѣшились ли вы, или лучше сказать, утѣшилъ ли васъ Господь о потерѣ вашего Сережи? О, да утѣшитъ и утѣшаетъ васъ Господь Богъ, ибо вы многихъ утѣшили, утѣшаете и готовы утѣшать вашими совѣтами, дѣлами и любовію.

Почтеннѣйшей супругѣ вашей (имя ея я никогда не забуду, пока я живъ, ибо я помню и поминаю и долженъ поминать имена ваши; но за отечество не ручаюсь)—мое искреннѣйшее почтеніе и благодарность за то вниманіе, какое она оказывала мнѣ.

При случаѣ, прошу васъ написать отъ меня искреннѣйшій, истинный привѣтъ князю Николаю и всему ихъ любезнѣйшему семейству. О, никогда, никогда не забуду я ихъ любовь ко мнѣ!

Извините Бога ради, не имѣю времени писать вамъ много: чрезъ два дня собираюсь въ путешествіе по епархіи, которое продолжится до 16 мѣсяцевъ, а ранѣе писать не могъ, потому что былъ въ путешествіи на Кадьякъ.

Свидѣтельствую мою благодарность отъ полнаго сердца за любовь вашу ко мнѣ. Честь имѣю быть

Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя,
покорнѣйшимъ слугою Иннокентій Е. Камчатскій.

Апрѣля 29 дня
1842.
Новоархангельскъ.

5.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь и другъ!

Такъ назвали вы меня въ письмѣ вашемъ потому, какъ вы говорите,—сердце ваше сдружилось съ моимъ; такъ позвольте мнѣ отнынѣ именовать и васъ, тѣмъ болѣе, что я много, очень много имѣю доказательствъ вашего дружескаго расположенія.

Горестно было мнѣ читать письмо ваше о потерѣ дѣтей вашихъ. Но что же? вмѣсто всякихъ изъявленій участія печальнаго, я думаю лучше поздравить васъ съ этимъ. Если поздравляютъ съ милостями Царя земнаго, то, конечно, въ тысячу, въ милліоны разъ болѣе надобно поздравлять съ милостями Царя Небеснаго. Васъ посѣтилъ Гос-

подъ скорбями и печалями, такъ тяжелыми, что только при помощи отъ Святаго можно перенести ихъ; а это есть вѣрнѣйшій знакъ, что Господь любитъ васъ, и любитъ паче благоденствующихъ. Да дастъ вамъ Господь силы переносить горести ваши! Но я твердо надѣюсь и вѣрю, и увѣряю васъ, что Господь утѣшитъ васъ еще чадами.

Желаніе ваше отслужить обѣдню въ память трехъ вашихъ ангеловъ: Сергія, Георгія и Татіаны, если только Господь допуститъ, будетъ исполнено въ 25 сентября и 12 января. И будьте увѣрены, что я всегда буду помнить, вспоминать и поминать васъ и любезныхъ вамъ.

Я увѣренъ, что вы порадуетесь тому, что Господь касается сердецъ сосѣдей нашихъ, Колошъ, своею благодатію; и вотъ уже 102 человѣка окрещены изъ нихъ мужчинъ взрослыхъ, которые теперь готовятъ ко крещенію женъ и дѣтей своихъ.

Начинаютъ оказывать расположеніе къ принятію крещенія и Чукчи, изъ коихъ окрещено 8 семей. Изъ дикихъ Американцевъ—Пенайцевъ и Чугачъ окрещено болѣе 300. Слава и благодареніе Просвѣтителю душъ нашихъ, тѣмъ болѣе, что Колоши и Американцы крестятся безъ всякихъ подарковъ и условій: кромѣ мѣдныхъ крестиковъ, имъ не дается ничего, развѣ бѣднымъ.

Я почти все еще путешествую: на мѣстѣ, въ Ситхѣ, я прожилъ постоянно только $4^1/_2$ мѣсяца, а остальное время съ 19 февраля 1842 все путешествую; былъ на островахъ Алеутскихъ, посѣтилъ прежнихъ своихъ прихожанъ Алеутовъ, порадовался и утѣшился ими, а они мною; проѣхалъ по всей Камчаткѣ и по Охотской области и вотъ, съ 3-го апрѣля, сижу въ Охотскѣ у моря и жду погоды.

Много видѣлъ я разныхъ происшествій и примѣровъ; объ одномъ изъ нихъ нельзя не разсказать вамъ. Первый Тунгусъ, съ которымъ я увидѣлся въ Гижигѣ, удивилъ меня,—нѣтъ, этого мало: удивилъ, изумилъ и утѣшилъ меня своею преданностію и вѣрою. Послѣ разсказа его о ихъ житьѣ-бытьѣ полубѣдственномъ, до котораго довели их (сказать между нами, начальствующіе въ Гижигѣ исправники и проч. и христолюбивое воинство—казаки), когда я сказалъ ему: за то тамъ вамъ будетъ хорошо, если вы будете вѣровать Богу и молиться Ему; тогда онъ съ сильнымъ чувствомъ, которое даже выразилось на его загорѣломъ лицѣ, сказалъ мнѣ: «Тунгусъ всегда молится; Тунгусъ знаетъ, что все Богъ даетъ; убью ли я хоть куропатку? это Богъ

мнѣ далъ, и я молюсь Богу и благодарю Его; не убью? значитъ, Богъ мнѣ не далъ; значитъ, я худой... я молюсь Ему». Не могу ни вспомнить, ни сказать сихъ словъ безъ сердечнаго умиленія, тѣмъ болѣе, что ихъ сказалъ человѣкъ, котораго наши новые философы едва удостоиваютъ имени человѣка.

Еще одна новость, довольно интересная, но не очень славная для Русскихъ, если только правда. Г. Транковскій, капитанъ-лейтенантъ, бывшій нынѣ на рѣкѣ Анадырь, сказываетъ, что какіе-то иностранцы заселились на устьѣ рѣки Анадырь, въ числѣ 13 или 14 человѣкъ, построили крѣпостцу и производятъ торговлю съ Чукчами; къ нимъ каждогодно приходитъ судно со снабженіемъ и проч. Какъ вамъ кажется? если (повторяю) это только правда,—а г. Транковскій убѣжденъ,—иностранцы поселились на землѣ Русской безъ вѣдома Русскаго правительства и производятъ торговлю!!!—отъ этого немного чести и пользы Русскимъ. А между тѣмъ, здѣсь тысяча чиновниковъ, получающихъ страшныя тысячи рублей, и часть Русскаго военнаго флота; что это заселеніе и судно не Американской компаніи, въ томъ нѣтъ нималѣйшаго сомнѣнія. Желательно, чтобы это была ложь.

Прощайте. Господь да будетъ съ вами, да утѣшаетъ васъ въ скорбяхъ вашихъ!

Свидѣтельствую вамъ и супругѣ вашей мое искреннее почтеніе.

Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга
Иннокентій Е. Камчатскій.

Охотскъ,
іюля 8 дня
1843.

P. S. Если будете писать въ Москву къ вашимъ, потрудитесь написать отъ меня искренній поклонъ, и здоровы ли они? Я къ нимъ писалъ изъ Ситхи, но отвѣта не получилъ, а теперь писать не имѣю времени.

II. Слово, при погребеніи высокопреосвященнаго Иннокентія митрополита Московскаго и Коломенскаго, произнесенное преосвященнымъ Амвросіемъ епископомъ Дмитровскимъ [1]), 5 апрѣля 1879 года, въ Московскомъ Каѳедральномъ Чудовѣ монастырѣ.

Ѿ Гд҃а стопы̀ человѣ́кꙋ исправлѧ́ютсѧ.
Ѱал. л҃ѕ, к҃г.

Въ Бозѣ почившій архипастырь, однажды отъѣзжая въ Петербургъ, для присутствованія въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, сказалъ мнѣ при прощаніи, со свойственною ему оригинальностью выраженія, слѣдующее: «Я уѣзжаю. Можетъ быть, назадъ пріѣду; а можетъ быть, меня и привезутъ. Въ послѣднемъ случаѣ, дайте знать, чтобы при погребеніи моемъ рѣчей не было; въ нихъ много похвалъ. А проповѣдь по мнѣ скажите; она можетъ имѣть назиданіе; и вотъ вамъ текстъ для нея: «*Отъ Господа стопы человѣку исправляются*». То же подтвердилъ онъ мнѣ за нѣсколько дней до своей кончины.

Такимъ образомъ, волей и завѣщаніемъ самого почившаго намъ указаны предметъ настоящаго слова и цѣль его. Предметъ—раскрытіе явленныхъ въ его протекшей многолѣтней жизни особенныхъ путей Промышленія о немъ Божія; цѣль—научиться изъ его примѣра вѣрѣ въ ту великую истину христіанской жизни, что Господь направляетъ пути человѣка, и безпрекословной покорности святой Его волѣ во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

Митрополитъ Иннокентій родился въ 1797 году отъ бѣднѣйшаго сельскаго причетника Иркутской епархіи и назывался Іоаннъ Веніаминовъ. Образованіе онъ получилъ въ Иркутской семинаріи. «Учился я хорошо», говорилъ онъ, «но чистаго ржанаго хлѣба (безъ мякины) до выхода изъ семинаріи не пробовалъ». По окончаніи курса въ 1817 году онъ былъ рукоположенъ во діакона и затѣмъ вскорѣ (1821 года) во священника къ Благовѣщенской церкви въ Иркутскѣ. Здѣсь черезъ три года совершилось его призваніе на миссіонерское служеніе. Разскажемъ это важнѣйшее событіе въ жизни почившаго его собственными словами: «Слыхалъ я, говорилъ онъ, о миссіонерахъ, о дальнихъ ихъ путешествіяхъ для просвѣщенія язычниковъ, но никогда

[1]) Нынѣ епископъ Харьковскій и Ахтырскій.

на это дѣло не обращалъ особеннаго вниманія. Но вотъ получаю я, вмѣстѣ съ другими, отъ епархіальнаго начальства письменное приглашеніе на миссіонерское служеніе на Алеутскіе острова. Только прочиталъ я его, какъ будто-бы что̀ поворотилось въ моей груди—и я тутъ же объявляю своимъ домашнимъ: я ѣду. Ни слезы родныхъ, ни совѣты знакомыхъ, ни опасенія трудностей дальняго пути и ожидающихъ меня лишеній, ничто не доходило до моего сердца; какъ будто огонь горѣлъ въ моей душѣ, и я легко разстался съ родиной, и не чувствовалъ трудностей утомительнѣйшаго путешествія».

Чрезъ шестнадцать лѣтъ трудовъ на избранномъ поприщѣ, священникъ Веніаминовъ является въ Петербургъ для напечатанія сдѣланныхъ имъ переводовъ Св. книгъ на Алеутскій языкъ, и здѣсь получаетъ приглашеніе поступить въ монашество и затѣмъ—рукоположеніе во епископа Камчатскаго и Алеутскаго. Слыша голосъ Божій въ событіяхъ, онъ пошелъ туда, куда Господь стопы его направилъ.

Миссіонерскіе труды почившаго извѣстны всему свѣту. Онъ проѣзжалъ громадныя пространства по снѣгамъ, тундрамъ и горамъ на собакахъ и верхомъ, терпя холодъ, голодъ и жажду; выносилъ морскія бури и опасности потопленія. Онъ созидалъ церкви, учреждалъ миссіи и училища, переводилъ на инородческіе языки священныя книги, былъ другомъ и совѣтникомъ правителей нашихъ владѣній въ Америкѣ, нынѣ уступленныхъ Соединеннымъ Штатамъ, и въ Восточной Сибири, участвовалъ въ устройствѣ края, въ созиданіи городовъ. Вѣчнымъ памятникомъ на берегахъ Восточнаго Океана остались ему не только учрежденія церковнаго характера, но и названія его именемъ—Иннокентіевскими—нѣкоторыхъ мѣстностей и урочищъ, данныя въ честь его свѣтскими властями. Въ этихъ трудахъ и подвигахъ въ санѣ епископа проведено имъ еще двадцать восемь лѣтъ.

Третій знаменательный поворотъ въ его жизни было возведеніе его въ санъ митрополита Московскаго, неожиданное для всѣхъ насъ и еще болѣе для него самого. Насколько это было выше помышленій человѣческихъ, докажетъ слѣдующее обстоятельство. Не задолго до кончины блаженныя памяти митрополита Филарета архіепископъ Иннокентій писалъ ему изъ Благовѣщенска на Амурѣ, прося его дать ему пріютъ на старость въ одномъ изъ Московскихъ монастырей, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы провести послѣдніе годы жизни на покоѣ, въ кругу обра-

зованнаго общества и ученыхъ людей. Филаретъ отклонилъ эту просьбу подъ тѣмъ предлогомъ, что Иннокентію, какъ основателю новыхъ церквей, надобно на поприщѣ его дѣятельности и положить свои кости. И вотъ, немного лѣтъ спустя, Иннокентій является въ Москву не на покой, а преемникомъ Филарета. Это воспоминаніе не обидно будетъ для великой памяти митрополита Филарета, если мы вспомнимъ слова Господа: *якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ и помышленія ваша отъ мысли Моея* (Ис. 55, 9).

Какую же однако можно видѣть связь прежней миссіонерской его дѣятельности со служеніемъ его на Московской каѳедрѣ? Вспомните учрежденіе въ Москвѣ, вскорѣ по прибытіи его сюда, Православнаго Миссіонерскаго Общества. Это Общество по тому развитію, какое оно получило въ теченіи девяти лѣтъ подъ предсѣдательствомъ великаго миссіонера, выходитъ совершенно изъ ряда учрежденій, носящихъ подобное имя. Вотъ чѣмъ ознаменовалось его существованіе: Православный Русскій народъ узналъ, что такое миссіи, и гдѣ онѣ у насъ, и для чего онѣ, въ какомъ онѣ положеніи, чѣмъ стѣсняется ихъ дѣятельность и чѣмъ можетъ быть оживлена.

Миссіонерскіе станы умножены, миссіонеры обезпечены; инородцы, кромѣ постоянныхъ крещеній свыше двухъ тысячъ ежегодно, крестятся по три тысячи за одинъ разъ; отмѣчены сила и пути магометанской пропаганды; на дѣло миссіонерское употребляются такія суммы, какихъ прежде и представить невозможно было; а главное, народъ привыкаетъ почитать своею святою обязанностію вспомоществованіе дѣлу распространенія и утвержденія Православной Вѣры. Такимъ образомъ, митрополитъ Иннокентій, руководимый Промысломъ Божіимъ, отсюда сдѣлалъ для миссіонерскаго дѣла то, о чемъ онъ самъ на мѣстѣ своей прежней дѣятельности и помыслить не могъ, и чего никто другой сдѣлать былъ не въ состояніи. Этимъ дѣломъ, котораго истинную цѣну мы сами теперь не довольно еще понимаемъ, достойно увѣнчалась его миссіонерская дѣятельность.

Но въ богатой природѣ митрополита Иннокентія нашлись силы и для дѣятельности на каѳедрѣ, не имѣющей исключительно миссіонерскаго характера. Прежде всего, онъ принялъ къ сердцу и старался облегчить нужды мѣстнаго духовенства и бѣдныхъ этого сословія. Онъ озаботился благоустройствомъ духовно-учебныхъ заведеній своей епархіи, много со-

дѣйствовалъ рѣшенію труднаго вопроса о пріобрѣтеніи домовъ духовенства въ собственность церквей, устроилъ новую обширную, такъ называемую Островскую, богадѣльню, обезпечилъ благотворительныя учрежденія Сергіевой лавры, спасъ отъ крушенія Покровскую общину, собиралъ всевозможныя крохи для пособій заштатнымъ духовнымъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Онъ привлекъ къ себѣ любовь не только духовенства, но и паствы своею добротой, доступностію, простотой обращенія. Онъ явилъ въ себѣ образъ любвеобильнаго отца-пастыря и своимъ примѣромъ разрушилъ искусственныя преграды, установившіяся преданіемъ между епископами и паствами, и приблизилъ первыхъ къ послѣднимъ, являясь всюду, гдѣ можно и полезно быть, и принимая личное участіе во всемъ, въ чемъ можно и нужно принимать участіе пастырю церкви, обязанному въ христіанскихъ отношеніяхъ быть душою своей паствы. Этотъ достолюбезный его образъ такъ глубоко напечатлѣлся у всѣхъ насъ въ воображеніи, что мы, при воспоминаніи о немъ, невольно представляемъ его себѣ не иначе какъ отцомъ, встрѣчающимъ всѣхъ насъ какъ дѣтей, съ любовію, привѣтливостію и лаской.

Но труды и заслуги митрополита Иннокентія принадлежатъ исторіи; ихъ нельзя съ достаточною полнотой описать въ краткомъ словѣ.

Держась указаннаго намъ имъ самимъ направленія, мы перейдемъ ко внутреней сторонѣ его жизни, съ цѣлію уяснить себѣ—какъ сложился его духовный образъ на тѣхъ путяхъ и въ тѣхъ трудахъ, которые указуемы были ему Промысломъ Божіимъ.

Почившій архипастырь былъ богато одаренъ отъ природы. Онъ имѣлъ умъ ясный, проницательный, гибкій, хотя воспитаніе и не дало ему той особой склонности и способности къ отвлеченному мышленію и системѣ, какую сообщаетъ высшее научное образованіе, и которая, кстати скажемъ, часто дѣлаетъ умы и безплодными, а иногда и вредными въ дѣйствительной жизни. Подъ вліяніемъ указанной ему дѣятельности, его умъ получилъ характеръ практическій, съ особымъ оттѣнкомъ практическаго творчества или зиждительности. Понять потребность времени и обстоятельствъ, пріискать средства необходимыя для ея удовлетворенія, исполнить задуманное съ рѣшительностью и быстротой, разрѣшить затрудненія, примирить противорѣчія, сблизить крайности—все это составляло рѣдкую способность и особенность его ума. Она и выразилась въ созданныхъ имъ учрежденіяхъ въ Сибири и здѣсь.

При такомъ направленіи ума, особеннымъ образомъ сложился и его взглядъ на церковь и ея нужды. Осмѣлимся сказать, что это былъ взглядъ апостольскій. Онъ зналъ, чтѐ нужно со стороны пастыря народу христіанскому, какъ подойти къ нуждающемуся въ духовномъ просвѣщеніи, въ помощи и утѣшеніи, какъ направить жизнь христіанскую по канонамъ церковнымъ—въ воспитаніи, быту семейномъ и общественномъ, въ духовныхъ упражненіяхъ, указанныхъ церковью для нравственнаго преуспѣянія; но имъ всегда овладѣвалъ страхъ за благо церкви при видѣнныхъ имъ попыткахъ привести въ такъ называемый систематическій порядокъ жизнь церковную. Онъ глубоко понималъ, что человѣческая система, развивающая съ неумолимою послѣдовательностью предвзятыя начала управленія церковнаго, всегда грозитъ погасить въ христіанскихъ обществахъ свободныя проявленія духа человѣческаго и затруднить доступъ къ душамъ вѣрующихъ духа благодати, который *идѣже хощетъ дышетъ* (Іоан. 3, 8).

Отсюда объясняется и та простота въ обращеніи, которая такъ поражала насъ, особенно сначала, въ почившемъ архипастырѣ. Это не была простота недалекаго человѣка, который не можетъ вамъ дать больше того, чтѐ вы находите въ немъ съ перваго раза. При живости ума, рѣчь митрополита Иннокентія отличалась остроуміемъ и игривостію, по той простой причинѣ, что природная способность сама выбивается наружу; а сдерживать себя съ цѣлію обратить рѣчь въ методически строгую, при которой человѣкъ самъ себя слушаетъ и слѣдитъ за собою, онъ не находилъ нужнымъ, да и не привыкъ на томъ просторѣ, гдѣ протекла большая и лучшая часть его жизни. Оттого его рѣчь дышала искренностію и тотчасъ приближала васъ къ нему, давала вамъ смѣлость, пріобрѣтала ваше довѣріе. Но нужно было только коснуться предмета, имѣющаго особенную важность, преимущественно относительно церкви,—какъ лицо архипастыря, его рѣчь, всѣ пріемы его обращенія мгновенно измѣнялись. Въ немъ сейчасъ являлся пастырь съ сильнымъ духомъ ревности, сужденія его поражали васъ силою духовнаго опыта, слово его становилось *властнымъ*. Духовная личность митрополита Иннокентія сложилась внѣ условій и искусственной обстановки нашей общественной жизни: сердце его было чисто, намѣренія онъ имѣлъ всегда добрыя, имъ не руководило ни самолюбіе, ни тщеславіе; искать у людей ему было нечего, рисоваться предъ другими онъ не имѣлъ ни при-

чины, ни цѣли; онъ являлся наружно тѣмъ, чѣмъ былъ внутренно: прямымъ, честнымъ, искреннимъ, любвеобильнымъ и благожелательнымъ пастыремъ.

По нравственному характеру, онъ былъ человѣкъ дѣла и труда, на подвигъ, на лишенія и на терпѣніе всегда готовый, къ себѣ неумолимо строгій, неустанно дѣятельный. Многіе задавали себѣ вопросъ: по какимъ побужденіямъ онъ оставался на дѣйствительной службѣ при слабости, а подъ конецъ и совершенной потерѣ зрѣнія, и не удалялся на покой? Потому что, при его живой природѣ и дѣятельномъ умѣ, для него слово *покой* равносильно было слову *смерть*. Въ одно время, помышляя удалиться въ Геѳиманскій скитъ, онъ говорилъ: «Тамъ, по крайней мѣрѣ, продолжительная служба; я меньше буду празденъ». Во время болѣзни, слушая доклады по дѣламъ, онъ говорилъ: «меня дѣла отвлекаютъ отъ мысли о болѣзни»; и когда, уже приближаясь къ смерти, онъ не могъ встать съ кресла, и на вопросъ свой: нѣтъ ли новыхъ дѣлъ, получилъ въ отвѣтъ: «Владыко, не думайте о дѣлахъ, успокойтесь»,—онъ съ грустью, склонивъ голову, сказалъ: «скучно»!

Прости, архипастырь и отецъ нашъ, добрый, кроткій, любвеобильный! Благодаримъ Господа за Его милости и благопромышленіе, явленныя въ твоей жизни, чего ты и желалъ, конечно, завѣщавая намъ возвѣстить во всеуслышаніе, какъ обрѣлъ тебя Господь въ глубинѣ безвѣстности и бѣдности, какими одарилъ тебя дарованіями, какими трудами укрѣплялъ и возвышалъ твою душу, какія великія дѣла благословилъ совершить тебѣ и какими неисповѣдимыми путями привелъ тебя изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ отечества на престолъ Московскихъ святителей. Память твою почтитъ Церковь, заслуги твои не забудетъ отечество; а Верховный Мздовоздатель, какъ пастырю подвигомъ добрымъ подвизавшемуся, *да воздастъ тебѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. 4, 8). Мы молимъ Господа о упокоеніи твоей души; моли и ты Его, аще обрящеши дерзновеніе, да утверждаетъ и расширяетъ Церковь Православную, которой ты такъ ревностно служилъ; да хранитъ отъ бѣдъ наше отечество, которое ты такъ горячо любилъ, и да умножаетъ въ странѣ нашей пастырей и гражданъ, подобныхъ тебѣ. Аминь.

III. Снимки съ почерка Высокопреосвяще

а) Письмо къ дѣтям

Любезные, милые, дорог

Таня

Давно я от Вас не имѣл
Я имѣю живое письмо —
Васильевича привезшего сюда
И которой опять собирает
ся, слава Богу, очень в
Очень много рассказывает
мило и приятно. Слава
О себе скажу, что я
был нездоров и очень серьез
тель, что я
и постоянно простужаюсь
конец от этого
которая
что постигла меня
в Иркутске и надеюсь
участвовать в Церк
там, где я располагаю
сь, а в Иркутске.

В Иркутске прибыл
6-е Совершил Преосвященн
Павла. и я предполагаю 26
из Иркутска и Писарь готов
на вечно

марта 31
1860
Иркутск

[illegible]: вопервыхъ: если ли простуды или [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] у Иркутска [illegible] [illegible] [illegible] опять въ [illegible] [illegible] въ [illegible]. И тогда я [illegible] [illegible] [illegible]. И такъ [illegible] и [illegible] [illegible] вопросъ: когда я буду у Иркутска [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] по [illegible], которой [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] и [illegible], когда [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] меня [illegible], [illegible] меня въ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible], что [illegible] не [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Въ [illegible], [illegible], а [illegible] [illegible]. А [illegible] [illegible] къ Вамъ, и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible]. [illegible] въ [illegible], или у [illegible] и [illegible] и въ [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] Васъ [illegible] [illegible] и всѣхъ [illegible] [illegible] Васъ.

Отецъ Вашъ

[illegible] А. [illegible]

б) Письмо къ баронессѣ Елизаветѣ (рожденной Шереметевой) за семь Высокопреосвященнаго:

Миръ и благословеніе

Возлюбленная о Господѣ Елиса[вета]

Я отъ искренняго сердца моего

Васъ съ днемъ Ангела Вашего;

желаю отъ Вышняго здравія и

благополучія, и наконецъ дожить до

маститой старости.

Господь съ Вами! Пре-

искреннепочтенному семейству

[illegible]

Иннокентій М.

Сентября 5 дня

1878.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
63	4 снизу	Еврейскую	Греческую
125	12 сверху	архимандритомъ	архіепископомъ
444	18 сверху	Соломоновъ	Саломонъ
615	7 снизу	Рождественская	Сошественская
700	16 сверху	1882 г.	1871 г.
4 (въ Прилож.)	1 снизу	С. Норова	А. С. Норова.

